

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова и К°, Екатерининскій каналъ, № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири	1
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (<i>продолженіе</i>)	46
Л. В. Рутковский. Общій характеръ англійской философіи	108
В. Андреевъ. Русскія полныя придаточныя предложенія	129

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Цвѣтаевъ. <i>В. Аммиротъ</i> . Великіе греческіе ваятели IV-го вѣка до Р. Хр. I. Пракситель. Москва. 1893.	150
Всев. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпуски XV, XVI и XVII. Тифлисъ. 1894.	185
Н. В. Волковъ. Къ исторіи русскаго языка.	208
Н. В. Ястребовъ. Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. С-Петербургъ. 1898	228
А. И. Соболевскій. Къ литературной исторіи древне-русскаго сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса. 1893	233
И. Безгинъ. По поводу рецензій о Наказѣ императрицы Екатерины II.	238
— Книжныя новости	240
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОПИСЬ.

И. П. Филевичъ. Девятый археологическій съѣздъ въ г. Вильнѣ.	1
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (<i>продолженіе</i>)	39
Л. Н. Майковъ. Николай Саввичъ Тихонравовъ (<i>некрологъ</i>).	79

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. С. Дестунисъ. Замѣтки по исправленію текстовъ въ обнѣхъ хѣтописяхъ Франдвія	1
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (<i>продолженіе</i>)	12
М. И. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпей	45

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1881 годъ	1
--	---

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашьева и К°, Наб. Еякатеринин. кан., № 80.

1894.

PSlav 318.10

~~Slav 80.6~~

~~P Slav 318.10~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Екатерининскій кан., № 80.
3090.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го октября 1893 года). *О назначеніи предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ въ женскихъ городскихъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.*

Согласно Высочайшему повелѣнію 14-го октября 1891 года, въ женскія училища Рижскаго учебнаго округа, содержащими на городскія средства и имѣющія не менѣе четырехъ классовъ, назначаются особые предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ изъ директоровъ или инспекторовъ мѣстныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ возложеніемъ на нихъ обязанности наблюдать за правильнымъ ходомъ обученія въ названныхъ училищахъ.

Въ послѣднее время подобныя женскія училища начали возникать въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

Посему попечитель Рижскаго учебнаго округа ходатайствовалъ о разрѣшеніи назначать въ эти училища предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ вообще изъ лицъ, состоящихъ на службѣ по учебной части.

Признавая изложенное ходатайство заслуживающимъ уваженія, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на приведеніе онаго въ исполненіе.

Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (1-го ноября 1893 года). *О производствѣ третнаго, не въ зачетъ, жалованья лицамъ, опредѣляемымъ на учительскія должности въ учебныя заведенія, содержимыя на счетъ земствъ, городовъ, обществъ и частныхъ лицъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта по вопросу о производствѣ третнаго, не въ зачетъ, жалованья лицамъ, опредѣляемымъ на учительскія должности въ учебныя заведенія, содержимыя на счетъ земствъ, городовъ, обществъ и частныхъ лицъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе перваго общаго собранія правительствующаго сената по законодательному вопросу о томъ, изъ какихъ источниковъ должно быть производимо третное, не въ зачетъ, жалованье лицамъ, опредѣляемымъ на учительскія должности въ учебныя заведенія, содержимыя на счетъ земствъ, городовъ, обществъ и частныхъ лицъ, и соглашавсь съ заключеніемъ правительствующаго сената, *мнѣніемъ положилъ:*

Статью 248 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III изд. 1876 года) изложить слѣдующимъ образомъ: „Лица, опредѣляемыя на учительскія мѣста въ учебныя заведенія, содержимыя какъ на счетъ казны, такъ и на средства земствъ, городовъ, обществъ и частныхъ лицъ, и пользующіяся при томъ равными съ правительственными учебными заведеніями правами, получаютъ, при первоначальномъ опредѣленіи на учебную службу, третное, не въ зачетъ, жалованье изъ государственнаго казначейства“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го ноября 1893 года). *Утверждены* на три года: главный командиръ Кронштадтскаго порта и военный губернаторъ города Кронштадта, вице-адмиралъ *Казнаковъ*, отставной подпоручикъ *Дыздеревъ* и отставной корнетъ гвардіи *Трещенко* — почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Кронштадтскаго, второй—Кременчугскаго Александровскаго и послѣдній—Кіевскаго.

Назначены: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ *Майковъ* — вице-президентомъ сей академіи, съ увольненіемъ отъ должности помощника директора Императорской Публичной библиотеки и правителя дѣлъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія (Выс. пов. 2-го ноября 1893 года); помощникъ ректора Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Некрасовъ* — ректоромъ сего университета (Выс. пов. 2-го ноября 1893 года); учитель Витебской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Карагодинъ* — окружнымъ инспекторомъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью кандидату Императорскаго университета св. Владімира *Покровскому* — по 1-е іюля 1894 года.

Командированы за границу съ ученою цѣлью: оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Бартольдъ*—по 15-е ноября 1894 года, съ зачетомъ въ командировку времени пребыванія его съ тою же цѣлью за границею съ 1-го мая 1893 года; прозекторъ при кафедрѣ судебной медицины Императорскаго университета св. Владімира, докторъ медицины *Иматовскій*—съ 1-го января по 1-е сентября 1894 года; стипендіатъ того же университета *Латинскій*—на одинъ годъ.

Уволены въ отпускъ за границу: почетный попечитель Кіевской второй гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Трещенко*—на шесть мѣсяцевъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Мухинъ*—съ 1-го января по 1-е августа 1894 года.

Уволенъ, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Болятновъ* — отъ должности ректора сего университета (Выс. пов. 2-го ноября 1893 года).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (6-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи при Ревельской женской гимназии въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года.*

(Утверждено управившимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1889 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ триста рублей, пожертвованнаго служащими Ревельской женской гимназии, учреждается при означенной гимназии одна стипендія въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка на сумму 300 руб. по нарицательной цѣнѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Ревельскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Ревельской женской гимназии.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются ежегодно стипендіатеѣ, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназии, семнадцатаго октября, въ видѣ пособія для уплаты за ученіе.

§ 4. Стипендіатка избирается ежегодно педагогическимъ совѣтомъ гимназии изъ числа достойнѣйшихъ ученицъ трехъ старшихъ классовъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами, православнаго исповѣданія.

§ 5. Могущіе образоваться, по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ, остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Mosaïque Française ou lectures littéraires et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle. Французская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ преимущественно изъ французскихъ писателей XIX вѣка). Составилъ П. Г. *Мижусевъ*, преподаватель 6-й и 9-й С.-Петербургскихъ гимназій. Изданіе Ф. В. *Щепанскаго*. С.-Пб. 1894. Стр. 216+68+VIII“—одобрить какъ учебное пособие во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Руководство по исторіи русской церкви. Составилъ А. *Добрюклонскій*, преподаватель Московской духовной семинаріи и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета. Выпускъ первый и второй. Изданіе 2-е. Рязань. 1889. Стр. 379+XLI. Цѣна 1 р. 75 коп. Выпускъ третій (Патріаршій періодъ 1589—1700). Москва, 1889. Стр. IV+305. Цѣна 1 р. 25 коп. Выпускъ четвертый (Синодальный періодъ 1700—1890). Москва. 1893. Стр. III+441. Цѣна 1 р. 75 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткія свѣдѣнія о праздникахъ православной церкви и сказанія о житіи особенно чтимыхъ святыхъ (*жизни* Елены Сергѣевны *Горчаковой*). Москва. 1892. Стр. 200. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „П. *Смирновскій*. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894. Стр. IV+111. Цѣна 15 коп.“—допустить въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ Е. Ѳ. *Карскій*. Изданіе 4-е, безъ перемѣнъ. Вильна. 1893. Стр. IV+III. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „Полное собраніе сочиненій А. Н. *Майкова*. Въ

трехъ томахъ. Изданіе 6-е, дополненное авторомъ. С.-Пб. 1893. Стр. 600+560+506. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для награды учащимся въ мужскихъ заведеніяхъ не ранѣе перехода въ VII классъ, а въ женскихъ при выпускѣ или при переходѣ въ педагогическій (VIII) классъ.

— Книгу: „*П. Барминиковъ. Жизнь Алексѣя Васильевича Кольцова, (въ память пятидесятилѣтія его смерти),* Изданіе книжнаго магазина „Начальная школа“ Тихомировой. Москва. 1893. Стр. 128. Цѣна 25 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ философіи до настоящаго времени. *Н. Страхова.* Харьковъ. 1893. Стр. 166.—2) „Ученіе о Богѣ по началамъ разума (въ общедоступномъ изложеніи). *Н. Страхова.* Москва. 1893. Стр. 76. Цѣна 40 коп.“—допустить для пріобрѣтенія въ ученическія библиотеки для старшихъ классовъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ латинской этимологіи, съ хрестоматією, вокабуларіємъ и словаремъ. Курсъ 1-го класса гимназій. Составилъ сообразно съ программю 1890 г. *М. В. С.-Пб.* 1893. Стр. 182. Цѣна 65 коп.“—одобрить какъ учебное руководство при начальномъ преподаваніи латинскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „Избранныя оды Горація, объясненныя *В. Модестовымъ.* Изданіе 2-е. С.-Пб. 1893“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій.

— Книгу: „Софокль. Царь Эдипъ. Переводъ съ греческаго *Ольги Вейсъ* съ предисловіемъ *В. А. Гришмута.* Изданіе женской классической гимназіи. Москва. 1893. Стр. 105“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Филиппики Демосоена. Объяснилъ *П. Юпатовъ,* преподаватель Перновской гимназіи. Томъ I. Олинескія рѣчи и первая рѣчь противъ Филиппа. Лейпцигъ. 1893. Стр. 83. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ министерства.

— Книги: 1) „Сборникъ ариметическихъ задачъ съ изложеніемъ всѣхъ главныхъ опредѣленій и правилъ и съ объясненіемъ образцовыхъ способовъ рѣшенія задачъ. Составили *Н. А. Шапошиковъ,*

профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища и *Н. К. Вальцовъ*, преподаватель Коломенской гимназіи. Часть I: цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Москва. 1893. Стр. VI+152. Цѣна 40 коп.—Часть II: теорія дробей и общія правила. Стр. IV+204. М. 1893. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ весьма полезное учебное пособие при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.—2) „*Н. А. Шапошниковъ*. Руководство ариметики. Въ двухъ частяхъ: Часть I: цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Стр. IV+112. Часть II: теорія дробей и общія правила. Москва. 1893. Стр. 192. Цѣна 1 руб. Второе изданіе, вновь пересмотрѣнное и нѣсколько сокращенное“—допустить какъ руководство при повтореніи ариметики въ старшихъ классахъ.—3) „Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I, для классовъ третьяго и четвертаго. Изданіе 4-е. Стр. VIII+216. Часть II, для классовъ V, VII и VIII гимназій. Изданіе 3-е. Стр. IV+90. Составили *Н. А. Шапошниковъ* и *Н. К. Вальцовъ*. Москва. 1893. Цѣна каждой части по 80 коп.“—одобрить какъ весьма полезное учебное пособие при прохоженіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.—4) „Учебникъ алгебры, приспособленный къ новымъ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, переработанное. Часть I, курсы III и IV классовъ гимназій. Часть II, курсы старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. М. 1892. Стр. 170+150. Цѣна 70 коп.“ и 5) „Курсъ прямолинейной тригонометрии и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ *Н. А. Шапошниковъ*. Изданіе 4-е. М. 1893. Стр. II+140. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Брошюра: „Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій (примѣнительно къ правиламъ испытанія учениковъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 г.). Составилъ *Н. Сорокинъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное. Кіевъ. 1893. Стр. VI+48. Цѣна 50 коп.“—одобрить какъ пособие для VII и VIII классовъ гимназій.

— Книги подъ общимъ заглавіемъ „Собраніе французскихъ авторовъ. Изданіе *А. А. Алексѣева*. 1) Выпускъ девятый. *Le passage de la Bérézina, par le général comte de Ségur*, или XI книга изъ сочиненія графа Сегюра: *Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812*, съ введеніемъ, историческими и грамматическими примѣчаніями, алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ, картою

и словаремъ, составилъ *Александръ Алексѣевъ*, преподаватель Царинской Александровской гимназіи. С.-Пб. 1893 г. Стр. 188 въ 12-ю д. л. Цѣна 45 коп. — 2) Выпускъ десятый. *Biographies d' hommes célèbres de l' antiquité, par Charles Rollin.* (Сократъ.—Крезъ.—Мильтиадъ.—Демосоенъ.—Порсенна.—Югурта). Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ *Фридрихъ Крейсбергъ*, преподаватель 3-й Тифлисской гимназіи. С.-Пб. Стр. 136, въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп. — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по французскому языку въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Грамматика нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составили *А. Бреме, Э. Фризель, Ф. Мазинъ*. Второе совершенно переправленное изданіе. Составилъ *Ф. Мазинъ*. С.-Пб.“ — одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Нѣмецкая хрестоматія для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Часть I. Составили *П. Литкевичъ и Н. Тибельъ*. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина Эггерсъ и К°. 1893. Стр. X + 229. Словарь отдѣльно, стр. 78“ — одобрить для нѣмецкихъ школъ; одобрение же оной для русскихъ учебныхъ заведеній отложить до исправленія приложеннаго къ нимъ словаря согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для кадетскихъ корпусовъ — III часть, курсъ VI и VII классовъ. Составилъ *Е. Вейнелинъ*. Стр. 6 + 337. С.-Пб. 1893. Цѣна 1 руб. 20 коп.“ — допустить какъ хрестоматію при изученіи нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Д-ръ В. В. Гориневскій*. Заразы и заразные болѣзни, въ общедоступномъ изложеніи. С.-Пб. 1893. Стр. VIII + 301. Съ 27-ю рисунками и 3 портретами въ текстѣ“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Гигіена нервныхъ людей, *Левиллена* (*Hygiène des gens nerveux*). Переводъ подъ редакціею съ примѣчаніями и дополненіями д-ра мед. *Л. О. Фалкенштейна*. С.-Пб. 1893. Стр. 191. Цѣна 1 р.“ — 2) „Діета при болѣзняхъ желудка и кишекъ, д-ра *Г. Боаса*. Переводъ подъ редакціею съ примѣчаніями и дополненіями д-ра мед. *Л. О. Фалкенштейна*. С.-Пб. 1893. Стр. 91. Цѣна 60 коп.“ — по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ могутъ быть приобрѣтаемы для фундаментальныхъ библиотекъ — первая для мужскихъ, а вторая какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Методическое руководство къ обученію танцамъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ приложеніемъ руководства для дирижеровъ съ 157-ю фигурами для кадрили, мазурки, вальса, полки и котильона. Составилъ артистъ Императорскихъ театровъ *А. Д. Чистяковъ*. С.-Пб. 1893. Стр. 189. Цѣна 1 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Ө. Ө. Пуциковичъ*. Краткій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и частныхъ приготовительныхъ училищъ, для 1-го и 2-го класса городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, Правила и письменныя грамматическія упражненія. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 125 стр. Цѣна 35 коп.“—допустить къ употребленію въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ училищахъ и сельскихъ двухклассныхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга эта была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Арифметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Составилъ *А. Ф. Комаровъ*. Изд. 2-е. Воронежъ. 1893. Въ 8-ку, 156 стр. Цѣна 30 коп.“—одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „*П. Полевой*. Иллюстрированные разказы изъ отечественной исторіи, съ портретами и картинами въ текстѣ, для начальныхъ училищъ. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 47 стр. Цѣна 20 коп.“ и 2) „Любимый богатырь русскаго народа. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 28 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

— Брошюру: „Св. Стефанъ Пермскій. Историческій разказъ *Н. Н. Филиппова*. С.-Пб. 1893. Въ 12-ю долю листа, 15 стр. Цѣна 3 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Славное севастопольское сидѣнье. Чтеніе для войскъ и народа. Составилъ *А. В. Арсенъевъ*. С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л., 51 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Сказки Андерсена, въ переводѣ *С. Майковой* (С.-Пб. 1893, въ 12-ю д. л.): 1) „Сидень. Стр. 21. Цѣна 10 коп.“, 2) „Садовникъ и его господинъ. Стр. 14. Цѣна 8 коп.“, 3) „Золотой кладъ. Стр. 19. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Сказку Андерсена, въ переводѣ *С. Майковой*: „Камень мудрости. С.-Пб. 1893. Въ 12-ю д. л., 28 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го сентября сего года въ Бирскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, открыты пять инородческихъ для черемисъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Кіебаковское, вмѣсто закрытаго въ д. Бикмурзиной, Индыгановское, Ишимовское, Арзаматовское и Камашебсишевское. Учащихся въ день открытія явилось въ первыя три училища по 40 человекъ и въ послѣднія два по 35 человекъ.

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХЪ ВЪ ПОКОРЕНИИ СИБИРИ.

(Новый пересмотръ Сибирскаго вопроса).

Въ глубокой древности угорскія поселенія, безъ сомнѣнія, простирались на югъ нынѣшней Сибири дальше, нежели гдѣ застаесть ихъ исторія, но постепенно были оттѣсняемы на негостепримный сѣверо-западъ Азіи народами монголо-татарской расы. Первое водвореніе ихъ на бывшихъ угорскихъ земляхъ связано съ исторіей завоеваній знаменитаго Темуджина, прозваннаго Чингизъ-ханомъ, то-есть, великимъ ханомъ, и его преемниковъ Чингизидовъ. Припомнимъ, что основатель этой династіи Чингизъ-ханъ, жившій между 1160—1227 годами, имѣлъ четырехъ сыновей, чрезъ старшаго изъ коихъ, именемъ Джучи, родъ Темуджина продолжался потомъ нѣсколько столѣтій. Умершій раньше отца Джучи († около 1226 г.) оставилъ въ свою очередь сыновей Батыя, Беркея (или Берке) и Шибана. Та линія династіи Чингизидовъ, которая пошла отъ Джучи, получила особое, частное наименованіе Джучидовъ, а потомство Шибана стало называться въ свою очередь Шейбанидами. Ханъ Батый, столь памятный намъ по разгрому Руси, послѣдовавшему въ 1237—1240 годахъ, какъ извѣстно, утвердился въ южной части Россіи, основавъ въ бывшихъ дотолѣ владѣніяхъ турецкаго народа кипчаковъ, или кумановъ (половцевъ нашихъ лѣтописей), „Золотую“ или „Кипчакскую“ орду, подъ гегемоніей жившаго въ средней Азіи великаго хана Огодая, третьяго сына Темуджина. Эта орда по первому завоевателю Кипчака получила еще названіе „улуса Джучіева“. Батый царствовалъ здѣсь до самой смерти, постигшей его въ 1253 г., передавъ престолъ своему брату Берке. Послѣдній около 1261 года ввелъ въ

улусть магометанство вмѣсто прежняго идолопоклонства. Но онъ правилъ недолго (умеръ въ 1266 г. въ Грузіи). Склонность къ раздорамъ еще при его жизни обнаружилась среди Чингизидовъ и имѣла послѣдствіемъ отпаденіе западной части улуса между Дономъ и Днѣпромъ отъ зависимости кипчакскихъ хановъ и образованіе въ тѣхъ мѣстахъ особой „Ногайской“ орды, получившей имя отъ своего основателя, золотоордынскаго царевича Ногая (во второй половинѣ XIII вѣка).

Одновременно съ основаніемъ улуса Джучіева на западѣ возникаетъ улусъ Шибанскій на востокѣ, въ предѣлахъ Туркестана и, кажется, Бухаріи и Хивы. Здѣсь воцарилась младшая вѣтвь рода Джучидовъ въ лицѣ младшаго сына Джучи, Шейбана, также подъ гегемоніей великихъ хановъ общей династіи Чингизидовъ. Послѣ Огодая († 1241 г.) великими ханами были: сынъ его Гаюкъ († 1247 г.) и два племянника, сыновья его брата Тулуя,—Менгу († 1257 г.) и Кубилай. И Шибанская орда еще при ея основателѣ Шейбаниханѣ приняла магометанство, но и она не избѣжала внутреннихъ раздоровъ, изъ-за которыхъ такъ рано началось распаденіе родственной ей Кипчакской орды Джучидовъ. Уже въ XIV вѣкѣ часть подданныхъ Шейбанидовъ покидаетъ берега Аму-Дарьи, удаляется на сѣверъ и утверждается на рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша. Это было дѣломъ нѣкоего Она, или Онсома, который будто бы состоялъ въ родствѣ съ ханами ногайскими, почему послѣдствіи сибирскіе татары также стали называться ногайскими. Есть извѣстіе, что этотъ ханъ подчинилъ себѣ часть вогуловъ и остяковъ, жившихъ по Турѣ, Тоболу и нижнему Иртышу ¹⁾. Дѣло его продолжалъ сынъ Тайбуга, переселившійся съ Ишима на рѣку Туру и основавшій тамъ свою столицу Чинги-Тура (впослѣдствіи Тюмень) ²⁾. Относительно этой рѣки Миллеръ справедливо замѣчаетъ: „Татаре имя рѣки Туры выговариваютъ Туре, а вогуличи, которые чайтельно еще до татаръ въ сихъ мѣстахъ жили, оную рѣку Тере или Тере-я называютъ, такъ что татарское названіе можетъ быть взято отъ вогуличей“ ³⁾.

¹⁾ Миллеръ, Описаніе Сибирск. царства, 1750 г., стр. 37—38.

²⁾ По другому же извѣстію, Тайбуга былъ родомъ киргизъ-кайсакъ, сынъ Мамыкъ-хана. Тамъ же, стр. 41.

³⁾ Миллеръ, Опис. Сибирск. царства, 1750 г., стр. 45.

Такимъ образомъ „въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но также, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, то-есть, беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало потомству Чингизову, то-есть, Шейбанидамъ“ ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ и его сынъ Тайбуга не были людьми Чингизидовой крови, и извѣстіе о ихъ ногайскомъ происхожденіи является весьма вѣроятнымъ, если особенно имѣть въ виду, что источники XVI вѣка весьма часто называютъ татаръ Сибири ногайцами. Въ возможности дѣйствительныхъ сношеній сибирскихъ татаръ съ ногайскими нѣтъ основаній сомнѣваться, какъ сейчасъ увидимъ.

Примѣръ Онсома и Тайбуги оказался заманчивымъ при томъ просторѣ, какой представляла Сибирь для полудикихъ хищниковъ. По примѣру ихъ, одинъ изъ Шейбанидовъ, Ивакъ, главный ханъ Шибанской орды, уже владѣвшій въ средней Азій Туркестаномъ, утвердился на той же рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша, а отчасти на этомъ послѣднемъ, принудивъ болѣе раннихъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ Тайбугина рода ограничиться рѣкой Турой. Мало того, властолюбивый Ивакъ, шибанскій ханъ, скоро изгналъ ихъ и съ береговъ Туры, заставивъ нѣкоторое время скитаться гдѣ-то на Оби или верхнемъ Иртышѣ. Онъ самъ засѣлъ въ городѣ Чинги-Турѣ, переименованномъ русскими въ Тюмень, и отсюда вошелъ въ непосредственныя сношенія съ ханами Ногайской орды. Онъ женился на какой-то ногайской царевнѣ, братьевъ которой звали Муса-мырза и Ямгурчей-мырза ²⁾, и съ помощью Ногайской орды задумалъ погубить послѣдняго хана Золотой орды, извѣстнаго противника Іоанна III, Ахмата, что ему и удалось въ 1481 г. Убивъ Ахмата, „шибаны съ ногаи начаша Ахматову орду грабити межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стоялъ царь Ивакъ 5 дней на

¹⁾ Д. И. Иловайскій, *Исторія Россіи*. Т. III: Московско-царскій періодъ, первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890 г., стр. 886—887. Въ примѣчаніяхъ 68—73 указана обширная литература по вопросу о завоеваніи Сибири. Въ I томѣ того же труда, въ части 2-й: Владимірскій періодъ, Москва, 1880 г., въ примѣч. 48, 53 и 54, указаны источники и пособія по вопросу о монголо-тарахъ.

²⁾ Н. М. Карамзинъ, *Истор. Госуд. Россійскаго*, VI, примѣч. 240.

Ахматаѣ ордіѣ и войде прочь; а Ордобазарь съ собою поведе въ Тюмень, не грабя, а добра и скота и волоня литовскаго безчисленно коймалъ и за Волгу перевелъ. Тогожъ лѣта царь Ивакъ послалъ Чюнгуря князя съ великому князю Ивану Васильевичу и въ смьну его съ радостію, что суюстата твоего есни убилъ царя Ахмата; и великій князь посла Ивакова чествовалъ и дарилъ“.... Этотъ же Чюнгуръ былъ въ Москвѣ еще два раза—въ 1489 и 1494 годахъ ¹⁾. Эти посольства были, однако, не болѣе какъ знаками любви между двумя сосѣдними владѣтелями.

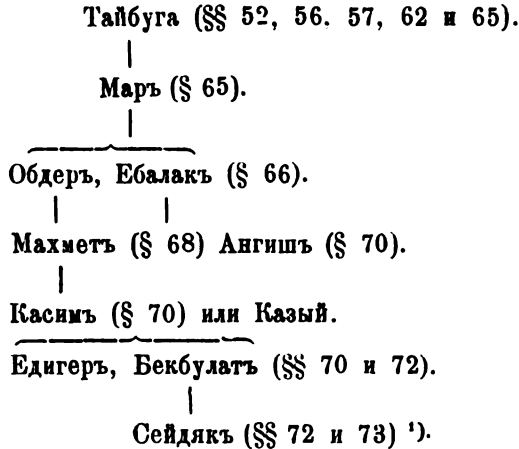
Вѣроломный и честолюбивый Ивакъ самъ, однако, нигдѣ участь несчастнаго Ахмата, навшаго отъ его руки. Обиженный нигъ Тайбугинъ потомокъ Махметъ, также родственникъ ногайскъ, собрался съ силами, напалъ на Ивака и убилъ его въ собственной землѣ ²⁾. Послѣ того сынъ Ивака, Кулукъ-Салтанъ, нитался утвердиться въ сосѣдней Перми Великой, но безуспѣшно, такъ какъ эта страна съ 1472 г. уже была въ рукахъ Москвы. Лѣтопись подъ 1505 годомъ говорить: „Въ вонедѣльникъ на страстной рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Пермь. Кулукъ-Салтанъ, Ивака царевъ сынъ, да съ братьею и съ дѣтьми, города (Чердыни) не взяли, а землю Нижнюю завоевали, въ Усолѣ на Камѣ (то-есть, въ Соликамскѣ) русаковъ вывели и высѣкли; и князь Василей Коверъ (первый государевъ намѣстникъ въ Перми Великой) на полѣ водѣ (то-есть, на полой водѣ) въ погоню послалъ русаковъ въ судѣхъ, и догнали ихъ въ Смылѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили“ ³⁾. Этой неудачной попыткой сдѣлаться независимыми владѣтелями на Уралѣ не кончившя, какъ ниже увидимъ, предпріятія потомковъ Ивака, одно время столь сильнаго и предпримчиваго дѣятеля въ родѣ Шейбанидовъ. На берегахъ же Туры и далѣе къ востоку снова стали править князья, или беки, изъ рода Тайбуги. Миллеръ въ первой

¹⁾ Карамзинъ (VI, примѣч. 240) разказываетъ это на основаніи Архангельскаго лѣтописца и Ногайскихъ дѣлъ, начинающихся съ 1489 года.

²⁾ *Иловайскій*, Исторія Россіи, томъ III, стр. 386 и 657.

³⁾ См. дополнительныя выписки изъ лѣтописей въ VI томѣ „Исторіи“ Карамзина (последняя выписка въ примѣчаніяхъ). Ср. мою „Перискую Старину“, выи. I, стр. 163 и 184. Изъ тѣхъ же выписокъ видно, что въ 1504 г. городъ Чердынь сгорѣлъ, „и князь Матвѣй Михайловичъ Великопермскій поставилъ городъ на Покчѣ (то-есть, Покчѣ) новой“. Послѣ этого не совѣтъ понятно, какъ пощадилъ его Кулукъ-Салтанъ, разорившій Нижній станъ Чердынскаго уѣзда.

части своего „Описанія Сибирскаго царства“ указываетъ слѣдующую ихъ родословную:

Въ общемъ эта родословная Тайбугиныхъ потомковъ согласуется съ болѣе или менѣе позднѣйшими выводами ориенталистовъ. Миллеръ, строго критически установляя преемственность ихъ владѣнія на берегахъ Туры, Тобола, Ишима и Иртыша какъ по русскимъ, такъ по татарскимъ и другимъ источникамъ восточнаго происхожденія, указываетъ еще на двухъ отдѣльныхъ правителей на берегахъ Иртыша—Севбахту, сына Махмета, и Саускана, „котораго сродство и наслѣдіе не описаны“ (см. § 70). Но эти два послѣдніе бека были второстепенными владѣтелями. Главное же татарское княжество со времени Махмета, убишаго Изака, утвердилось на р. Иртышѣ при впаденіи въ него р. Тобола. Столица этого княжества Сибирь, или Искерь, находилась на правомъ берегу Иртыша, на высокомъ мысу, въ 16 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска ²⁾. Этотъ древній городъ упоми-

¹⁾ *Карамзинъ* (т. IX, стр. 373) приводитъ ту же родословную; только сыномъ Тайбуги считаетъ Ходжу, а внукомъ—Мара.

²⁾ По *Миллеру*, основателемъ Искера былъ Махметъ, но это не вѣрно. Въ 1750 г. еще видны были остатки этого города (Опис. Сиб. царства, стр. 42—43). Считаемо нужнымъ указать здѣсь на специальную „Замѣтку о происхожденіи слова Сибирь“, *В. М. Флоринскаго*, въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета*, кн. 1-я, Томскъ, 1889 г., отд. II, стр. 1—14. Авторъ ея вѣдается, однако, въ слишкомъ сильныя предположенія. *Искерь* по-татарски значитъ *старое городище*. Предположеніе *И. А. Словоцова*, будто Сибирскій юртъ Едигера находился между рѣкъ Исети и Міаса, при озерахъ Иртышъ и двухъ Нанягахъ, мы рассмотримъ дальше. См. его „Историч. обзор. Сибири“, С.-Пб., 1886 г., ч. I, стр. XV—XVI.

нается уже на картѣ Пицигани 1367 года ¹⁾. Въ началѣ XVI вѣка это княжество имѣло довольно обширные размѣры, простиралось отъ Иртыша по Тоболу и нижней Тавдѣ до р. Туры, гдѣ, какъ мы видѣли, еще едва ли не раньше возникъ городъ Чинги-Тура. Выше этого города въ томъ же вѣкѣ находился г. Епанча, впоследствии переименованный русскими въ Туринскъ. Къ сѣверу отъ этого „Сибирскаго“ княжества лежала область угровъ-вогуловъ и остяковъ, а какъ далеко простирались его границы къ югу, опредѣленно сказать нельзя.

Махметъ и сынъ его Касимъ или Казый, преемники убитаго Ивака по владѣнію указанными землями, въ отношеніи Москвы держались, однако, его политики: они поддерживали дружественныя связи съ московскими государями, зная ихъ силу и отношенія къ угорскимъ князьямъ, жившимъ къ сѣверу отъ ихъ татарскаго княжества. Это видно изъ грамоты царя Феодора Иоанновича Кучуму 1597 г., въ которой говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Махметъ платили дань великому князю московскому Ивану III Васильевичу ²⁾. Тѣмъ болѣе долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія къ Москвѣ сынъ Казыя, Едигеръ, при которомъ Шейбаниды снова заявили свои права на Сибирское княжество потомковъ Тайбуги. При Едигерѣ вновь появляется въ фамилии Шейбанидовъ могущественный ханъ. Это былъ извѣстный Кучумъ, сынъ Муртазы, внукъ умерщвленнаго Махметомъ Ивака. Опасаясь его могущества и вражды къ роду Тайбуги, Едигеръ, какъ представитель этого рода, долженъ былъ волею-неволею искать покровительства въ сильномъ московскомъ царѣ. И вотъ въ 1555 г. пришли къ Иоанну послы отъ сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской поздравили царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и били челомъ, чтобы и Сибирскую землю онъ взялъ подъ свою защиту и дань свою наложилъ и прислалъ бы въ Сибирь для ея сбора человѣка. Иоаннъ пожаловалъ челобитчиковъ, взялъ подъ свою руку князя Едигера и его Сибирскую землю, наложилъ на нее дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ въ Сибирь посла своего Дмитрія Непейцына, которому велѣлъ привести къ при-

¹⁾ См. „Пермскую Старину“, II, 3.

²⁾ Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. II, М., 1819 г., стр. 132, № 66: „А послѣ дѣда твоего, Ибака-царя, сказано здѣсь, были на Сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, Махметъ-Куль, а посль Казый князь, а посль Казыя Едигеръ князь, и тѣ ест князи дѣду нашему.... государю царю и великому князю Ивану Васильевичу съ Сибирскія земли дань давали“.

сягѣ жителей Сибирской земли и переписать „черныхъ“ ся людей. По донесенію посланныхъ, таковыхъ людей оказалось 30.700 чел.¹⁾ Такъ совершилось первое добровольное подчиненіе Тайбугиной династїи власти московскихъ государей. Въ сохранившихся свидѣтельствахъ Едигерь дѣйствительно представляется такимъ же данникомъ Москвы, какъ, напримѣръ, югорскіе князья Певгѣй и Лугуй или извѣстный Игичей Алачевъ, князь Коды. Для Едигера Іоаннъ IV уже считалъ дань обязательною, почему нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ государь въ грамотѣ польскому королю Сигизмунду отъ 20-го іюля 1563 г. назвалъ себя: „... и Удорскій, Кондинскій и всея Сибири“ (Миллеръ, стр. 70). Въ Степенныхъ книгахъ того времени и въ лѣтописяхъ, коими пользовался Миллеръ, сохранились подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Едигера къ Іоанну IV. Изъ нихъ видно, что въ 1556 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ возвратился въ Москву изъ Сибири посолъ Іоанновъ Дмитрій Куровъ и съ нимъ прїѣхалъ отъ Едигера посолъ Боида съ данью 700 соболей и съ грамотою отъ Едигера, въ которой сибирскій князь извѣщалъ московскаго царя, что, за приходомъ на него, Едигера, шибанскаго царевича и причиненнымъ отъ него разореніемъ, онъ, сибирскій князь, не можетъ прислать дани больше. Русскій же посолъ Куровъ увѣрялъ, что „имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ Едигерь“. „И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу наложилъ,... а въ Сибирь послалъ служиваго татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ, государемъ, исправилъ“²⁾. Дальнѣйшій образъ дѣйствій Іоанна по отношенію къ Едигеру становится все болѣе властнымъ. Въ сентябрѣ 1557 г. посланные татары возвратились въ Москву³⁾. Одна лѣтопись въ библиотекѣ Академіи Наукъ (№ 11) повѣствуетъ объ этомъ такъ: „прїѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служивые татарова Девлетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигера, князя сибирскаго, посланники Истемиръ съ товарищи и привезли дань Сибирскія земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, да грамоту шертную при везли со княжіею (то-есть, Едигеровой) печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положилъ впрѣдъ ежегодъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, 410; Павловскій, Исторія Россіи т. III, 387.

²⁾ Изъ лѣтописца игумена Силверста Никольскаго. Въ Степенныхъ книгахъ то же событіе изложено не такъ подробно. Выдержки см. у Миллера, стр. 73.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 410.

безпереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустилъ, ...а съ нимъ послалъ служивыхъ татаръ по дань въ передней годъ“ ¹⁾). Ясно, что данническія отношенія теперь уже приняли обязательный характеръ, какой едва ли былъ желателенъ всѣмъ подданнымъ Едигера, да, кажется, и самому ему.

По этому поводу справедливо говорить С. М. Соловьевъ: „Такая зависимость сибирскаго юрта отъ Москвы была не прочна: Едигеръ поддался съ цѣлью имѣть помощь отъ русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣлились безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь.... Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга (Махметъ—Ивака, внукъ послѣдняго Кучумъ—внуковъ Махметовыхъ Едигера и Бекбулата и т. д.). Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани“ ²⁾). Отсюда самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же состояло покровительство Москвы, столь дорого оплачиваемое сибирскими владѣтелями? Да и не въ одной Сибири было такъ; то же было въ Башкиріи къ западу отъ Урала. Доказательствомъ служить черемисскій бунтъ на Камѣ 1572 г. ³⁾). Вотъ почему подданство Едигера Иоанну считается только номинальнымъ. До полнаго покоренія Сибири было еще далеко. За это время и отношенія многихъ угорскихъ князей къ Москвѣ отличались не болѣею прочностью.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось за то же время во враждебномъ Едигеру лагерѣ Кучума. Мы сказали, что по происхожденію онъ былъ Шейбанидъ, сынъ Муртазы, внукъ извѣстнаго Ивака, почему въ источникахъ и называется „шибанскимъ царевичемъ“, а потомъ и „царемъ“. Какъ представитель династіи Чингизидовъ, онъ и называется во всѣхъ источникахъ царемъ-ханомъ или султаномъ, тогда какъ Едигеръ и его предки Тайбугиной династіи вездѣ именуется только князьями-

¹⁾ *Миллеръ*, Описаніе Сибирскаго царства, стр. 73.

²⁾ *Исторія Россіи*, VI, 410—411.

³⁾ О немъ см. грамоту Строгановымъ, приведенную у *Миллера* на стр. 85—86. Грамота дана 6-го августа 1572 г.

беками. Лучше всего генеалогія этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу династій разработана въ прекрасномъ трудѣ нашего ориенталиста Вл. Вл. Вельяминова-Зернова: „Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (С.-Пб., 1864 г.)¹⁾, къ которому и отсылаемъ читателя за подробностями. Мы же остановимся на политическихъ отношеніяхъ Кучума къ Едигеру и затѣмъ къ Іоанну IV.

Кучумъ жестоко отомстилъ Едигеру за смерть своего дѣда Ивака, павшаго отъ руки Махмета. Внуки рассчитались за честь своихъ дѣдовъ. Отъ Москвы Едигерь не получилъ никакой помощи и около 1563 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Бекбулатомъ трагически погибъ отъ руки безпощаднаго врага. Въ Искерѣ, на высокомъ берегу Иртыша, взвилось знамя Шейбанидовъ. Только сынъ Бекбулата, Сейдякъ, спасся отъ смерти, да нѣкоторые подручные Едигеру мурзы крѣпко засѣли въ своихъ городахъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ нихъ укрѣпился въ Тюмени (Чинги-Турѣ), другой въ Туринскѣ (Епапчѣ). Они сохранили свою независимость даже при Кучумѣ. Разные вогульскіе и остяцкіе князья въ первое время также оказали сопротивленіе Кучуму. Таковы особенно были князья Пелымскіе. Но силы Кучума, подкрѣпленные киргизъ-кайсаками или ногаями, сломили упорство отдѣльныхъ противниковъ, не связанныхъ болѣе единствомъ власти и не поддержанныхъ своевременно Москвою. Въ началѣ 1570 годовъ Кучумъ уже прочно утвердился въ Сибири и ввелъ среди татаръ магометанскую вѣру, которая скоро сплотила ихъ въ одинъ политическій союзъ, одушевленный фанатизмомъ. Въ этомъ объединеніи сибирскихъ татаръ ему много содѣйствовалъ родственникъ Магметкуль²⁾.

Въ отношеніи же къ Москвѣ Кучумъ первое время держался политики своихъ предшественниковъ Тайбугина рода, а также своихъ дѣда—Ивака-хана и отца—Муртазы. Съ Москвою онъ жилъ сначала мирно, именно по примѣру своего дѣда и отца. Въ первой своей грамотѣ къ Іоанну отъ 1570 г. Кучумъ писалъ, между прочимъ: „Съ нашимъ отцомъ (Муртазоу) твой отецъ (Василій III) гораздо поми-

¹⁾ Особенно см. II томъ, стр. 386—399 объ отношеніяхъ Тайбуги къ Шейбанидаму, стр. 238—240 объ Ивакѣ, 394—о Муртазѣ и ин. др. Нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ, *Миллеръ*, стр. 50) едва ли правильно считаютъ Кучума киргизъ-кайсакомъ.

²⁾ По однимъ извѣстіямъ, это былъ братъ Кучума, по другимъ—сынъ, по третьимъ—племянникъ. Последнее считается наиболѣе вѣроятнымъ. См. *Иловай-скаго*, *Исторія Россіи*, т. III, стр. 658; у *Корамзина* см. примѣч. 660 къ IX тому.

рился, и гости на обѣ стороны ходили.... Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ же быти пригоже¹⁾. Обѣ отношеніи его дѣда Ивака, убійцы хана Ахмата, къ Іоанну III мы уже сказали выше: ихъ отношеніи также были дружественныя. Однако воинственныя склонности Кучума сказываются въ другихъ словахъ той же грамоты: „А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не присылалъ есми потому, что не съ которымъ (то-есть, съ нѣкоторымъ человекомъ) намъ война была, и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощу миру, и мы помиримся, а похощу воеватися—и мы воюемся“. Такой ханъ лишь до поры до времени могъ терпѣть обычное требованіе московской дани: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для этого. Тѣмъ не менѣе о миролюбивыхъ сначала намѣреніяхъ новаго сибирскаго хана говорятъ и рѣчи пермскаго намѣстника Никиты Ивановича Ромодановскаго, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. Онъ свидѣтельствуетъ, что нѣкто Ивашка Поздѣвъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя московскаго, къ которому хочетъ послать ее, но что этому пока препятствуетъ война его съ казацкимъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ) ханомъ²⁾. „Теперь собираю дань,—говорилъ будто бы Кучумъ русскому человеку,—къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ казацкимъ царемъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь казацкій, съедетъ на Сибирь, но и онъ господарю дань станетъ же давать“³⁾. Дѣйствительно, въ 1571 г. отъ Кучума явились въ Москву посолъ Таймасъ и гонецъ Анса, которые привезли полную дань, согласно съ прежними условіями, заключенными Москвою еще съ Едигеромъ, то-есть, тысячу соболей. Отъ имени сибирскаго царя они снова договариваются о ежегодной дани московскому царю по 1000 соболей и по столько же бѣлокъ⁴⁾. Но дружба Кучума съ Іоанномъ оказалась непродолжительна и объясняется главнымъ образомъ войнами его съ прежними сибирскими владѣтелями и какимъ-то киргизъ-кайсацкимъ ханомъ. Какъ только эти войны кончились въ пользу

¹⁾ Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, II, стр. 52, № 42.

²⁾ Акты Историческіе, т. I, № 179.

³⁾ Тамъ же и у Соловьева въ Исторіи Россіи VI, 411.

⁴⁾ Собран. госуд. грам. и догов., II, № 45. Съ хронологическими соображеніями П. А. Словоцова едва ли можно согласиться. См. „Историч. обзоръѣне Сибиріи“, С.-Пб., 1886 г., стр. XVI.

Кучума, онъ сбросилъ съ себя маску и, вопреки заключеннаго съ Москвою договора, самъ сталъ дѣйствовать вызывающимъ на войну образомъ. Уже съ слѣдующаго 1572 г. онъ начинаетъ беспокоить сосѣднюю московскую область—Пермь Великую, въ юго-восточномъ углу которой лежали вотчины Строгановыхъ, а по сосѣдству съ ними, къ югу отъ Чусовой, по верховьямъ этой рѣки и въ бассейнѣ ея притока Сылвы, жило много башкиръ, татаръ, остяковъ и вогуловъ. Последніе ограничивали Пермь Великую съ востока и юго-востока въ ближайшемъ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Все это были сподручные для Кучума элементы населенія, питавшіе непріязнь къ московской власти и, слѣдовательно, склонные къ измѣнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ими-то и воспользовался Кучумъ для своей интриги противъ Москвы. Едва ли не безъ его участія въ 1572 г. вспыхнулъ извѣстный черемисскій бунтъ. По крайней мѣрѣ, его можно считать подстрекателемъ черемисъ, владѣнія коихъ были на Чусовой и Камѣ. Въ одной грамотѣ Строгановымъ отъ мая 30-го 1574 г. мы читаемъ: „а къ нашимъ де измѣнникамъ, къ черемисѣ, какъ намъ была черемиса измѣнила, посылалъ сибирской черезъ тахчей и перевелъ тахчей къ себѣ“ (*Миллеръ*, стр. 87). Далѣе мы увидимъ, что вогульская область Тахчей лежала на верхней Тавдѣ, на старой сибирской дорогѣ изъ-за Урала на р. Каму. Потому въ сообщеніи грамоты нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ черемисы взбунтовались на Камѣ, у Кучума отношенія съ Москвою тогда еще не были прерваны и посылать своихъ людей черезъ Тахчей онъ имѣлъ возможность. Другой дороги къ р. Камѣ онъ и не зналъ, судя по тому, что въ 1573 году, по словамъ той же грамоты 1574 года, Магисткулъ приходилъ на Чусовую, „собрался съ ратью дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь“.

Черемисскій бунтъ на Камѣ прежде всего угрожалъ Строгановымъ, вотчины которыхъ лежали по берегамъ этой рѣки и могли подвергнуться разоренію. Поэтому въ іюлѣ 1572 г. тогдашній великопермскій воевода князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ послалъ въ Москву съ своимъ человѣкомъ Иваномъ Борисовымъ челобитную, въ которой доносилъ царю „о вѣстяхъ про черемисской приходѣ на торговыхъ людей суды на Камѣ“, и о томъ, что отъ 15-го іюня онъ получилъ письмо съ устья Камы отъ Строгановскаго человѣка Третьячка, въ которомъ говорилось: „приходили де измѣнники черемиса на Каму 40 человѣкъ, да съ ними де остяки и башкирцы и буинцы войною, и побили де на Камѣ пермичъ торговыхъ людей и вотациковъ 87 че-

ловѣкъ¹⁾. Въ виду важности донесенія воеводы Булгакова, царь немедленно отправилъ въ Пермь, въ Орель-городокъ („въ слободку на Каму“) грамоту отъ 6-го августа 1572 года на имя Якова и Григорія Аникіевичей Строгановыхъ, въ которой повелѣвалъ имъ: „жить съ великимъ береженьемъ, избравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, съ ручницами и съ сайдаки; да и остяковъ и вогуличъ, которые намъ прямятъ, съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... А какъ голову выберете, да и охочихъ людей стрѣльцовъ и казаковъ велѣли написать въ списокъ; а сколько остяковъ и вогуличъ охочихъ людей соберется, и вы-бъ то велѣли жъ написать на списокъ же, по имянномъ написать.... да оставя у себя противень, а съ того имянного списка списавъ, прислать за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву въ приказъ Казанскаго дворца къ дьякамъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирею Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо“. Всѣ подчеркнутыя слова грамоты очень важно имѣтъ въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ объясненіяхъ событій. Далѣе царь писалъ Строгановымъ: „Да тѣ бы есте головы съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ остяки, и съ вогуличи посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—на черемису, и остяковъ, и на вотяковъ, и на нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились“. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предупрежденіе, чтобы охочіе люди тѣхъ измѣнниковъ одиночно не воевали, но вмѣстѣ съ выборнымъ головой и людьми Строгановыхъ, а чтобы жены и дѣти оставались въ острогѣ. Наконецъ, въ грамотѣ замѣчено: „А которые (измѣнники) будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, и вы-бъ имъ велѣли говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы имъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ,... а котораго повоюють, и тому того животь, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу“ (Миллеръ, стр. 86).

Заручившись такою грамотой, благодаря великопермскому воеводѣ

¹⁾ Изъ грамоты Строгановымъ отъ 6-го августа 1572 года, напечатанной у Миллера въ Опис. Сиб. царства, 1750 г., стр. 85. Въ Строгановской лѣтописи допущена путаница фактовъ: тамъ сказано, что 15-го іюля 1572 г. черемисы будто бы были уже въ Перми, гдѣ около Кланкора и Кергедана побили русскихъ 87 человекъ. Въ дѣйствительности этого не было.

Булгакову, Строгановы поступили во всемъ согласно волѣ царя. Черемисскій бунтъ былъ прекращенъ безъ особеннаго ущерба для Перми Великой. Но въ грамотѣ 1572 г. Строгановы нашли себѣ урокъ для будущихъ дѣйствій: она впервые поселила въ нихъ мысль о призывѣ казаковъ въ случаѣ надобности на будущее время. Обѣщая отъ имени царя полное прощенье всѣмъ измѣнникамъ его, въ случаѣ раскаянія и готовности загладить свои прежнія вины вѣрной службой царю, грамота 1572 г. впоследствии навела Строгановыхъ на мысль тайно пригласить къ себѣ охочихъ казаковъ для завоеванія Сибири, а Ермаку и его товарищамъ подала мысль бить челомъ Юанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, чтобы заслужить себѣ прощенье. Нѣтъ сомнѣнія, что, призывая съ Волги казаковъ, Строгановы показали имъ эту грамоту, чего не могло бы быть, еслибы казаки самовольно вторгнулись въ ихъ вотчины на Камѣ. Но подробнѣе скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ сибирскимъ дѣламъ Кучума и Строгановыхъ, какъ они слѣдовали по порядку времени.

Мы видѣли, какое пестрое населеніе жило вокругъ и частію въ самой Перми Великой. Всѣ эти элементы населенія легко было привлечь на сторону магметашъ, тѣмъ болѣе, что и раньше они не питали особенной привязанности къ русской власти. Самъ Кучумъ, занятый внутренними дѣлами своей пестрой орды, большею частью жилъ въ Искерѣ, а вылазки противъ Перми Великой предоставлялъ Магметкулу. Дѣйствія этого Магметкула и отношенія его къ сосѣднимъ съ Пермью инородцамъ подробно обрисовываются въ жалованной Якову и Григорію Анкиевымъ Строгановымъ грамотѣ отъ 30-го мая 1574 г. ¹⁾ Грамота эта дана была Строгановымъ вслѣдствіе ихъ челобитной, въ которой они, жалуясь на безпокойныхъ сибирскихъ людей, просили у царя дозволенія „на Тахчей и на Тоболѣ рѣкѣ и кои въ Тоболѣ рѣку озера падуть, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити крѣпости дѣлати, и сторожей наймовати, и вогнянной нарядъ держати собою, и желѣзо дѣлати, и пашни пахати и угодыя владѣти. А кои остяки отъ Сибирсково (хана) отступятъ и (царю) дань давати учнутъ, и тѣхъ бы остяковъ отъ Сибирсково обороняти“. Въ началѣ же челобитной Строгановы заявляли, что въ государевой „отчинѣ за Югорскимъ каменемъ, въ Сибирской украинѣ, межъ Сибири и Нагай Тахчей и Тоболѣ рѣка съ рѣками и съ озерами и до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди сибирсково салтана

¹⁾ Напечатана у Миллера въ Описаніи Сибирск. царства, стр. 87—90.

да ходять ратью. А въ восемьдесятъ де первомъ году (1573) о Ильинѣ дни съ Тоболя де приходилъ Сибирскова салтана братъ Маметкулъ, собрався съ ратью дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь, да многихъ де (нашихъ¹⁾) данныхъ остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, а посланника (нашего) Третьяка Чебукова и служилыхъ татаръ, кои шли въ Казацкую орду, Сибирской же побилъ, а до ихъ острогу, гдѣ за ними (наше) жалованье промыслы ихъ (вѣроятно, Нижній Чусовской городокъ), Сибирской не доходилъ за пять верстъ². Далѣе челобитчики-Строгановы писали царю: „Да и прежде того (то-есть, до 1573 г.) Сибирской же салтанъ ратью (нашихъ) данныхъ остяковъ Чагиря съ товарищи побилъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ Яковлевъ да Григорьевъ промыслъ. А иныхъ данщиковъ (нашихъ) Сибирской имаеть, а иныхъ и убиваеть, а не велить (нашимъ) остякамъ и вогуличамъ и югричамъ (наше) дани въ (нашу) казну давати, да и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати югричь тѣхъ же, остяковъ и вогуличъ, а къ (нашимъ де) измѣнникомъ къ черемисѣ, какъ намъ была черемисы измѣнила, посылалъ Сибирской черезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего тахчевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ въ Нагай; а которые живутъ остяки кругъ тахчей, и тѣ остяки приказываютъ, чтобъ имъ (наша) дань давати, какъ иные наши остяки дань даютъ, а Сибирскому-бъ дани и ясаковъ не давати, и отъ Сибирсково-бъ ся имъ оборонити за одно“ (Миллеръ, стр. 87).

Челобитная братьевъ Строгановыхъ такимъ образомъ довольно ясно указываетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сибири. Кажется, и само московское правительство кое-что впервые узнало только изъ этой челобитной. Въ виду важности дѣла, Іоаннъ IV, прежде дарованія Строгановымъ грамоты на просимыя въ Сибири мѣста, послалъ имъ въ Пермь Великую указъ отъ 12-го марта 1574 г., коимъ повелѣвалось братьямъ Строгановымъ немедленно явиться въ Александровскую слободу для личныхъ объясненій съ царемъ, для чего дана была имъ и особая подорожная на 2 лошади³). Старшій братъ Яковъ Аникиевичъ Строгановъ († 1579 г.) жилъ тогда въ Чусовскомъ городкѣ,

¹⁾ Въ челобитной Строгановыхъ вмѣсто слова *наши* (поставленнаго въ грамотѣ) *вездѣ*, конечно, стояло слово *исударствъ*, почему мы *вездѣ* и заключаемъ его въ скобки.

²⁾ Изъ имѣющихся у меня рукописныхъ замѣтокъ О. А. Вологова.

а другой братъ Григорій († 1578 г.). — въ Орлѣ. городкѣ на Камѣ Іоаннъ. видимо, удовлетворился личными объясненіями братьевъ Строгановыхъ и 30-го мая того же 1574 г. далъ имъ весьма важную грамоту на земли за Ураломъ. Въ виду исторической важности заключающихся въ грамотѣ условій пожалованія, мы опять позволимъ себѣ подробно указать ихъ. Царь пожаловалъ Строгановымъ слѣдующія прала въ дополненіе прежнихъ своихъ грамотъ, данныхъ имъ на земли въ Перми Великой въ 1558 и 1568 гг. ¹⁾: 1) „на Тахчейхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати, и снаряжь вогненной и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ сибирскихъ и отъ ногайскихъ людей держати, и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны Тобола рѣки и по рѣкамъ (то-есть, притокамъ Тобола) и по озерамъ и до вершинъ двory ставити, и лѣсъ сѣтчи, и пашни пахати, и угоди владѣти: а людей называти не письменныхъ и не тяглыхъ“. 2) „А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти и никакихъ воровъ не держати, и отъ всякаго лиха беретчи“. 3) „А гдѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ найдуть руду желѣзную, и имъ руда дѣлати, а мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдуть, и тѣ руды на испытъ дѣлати“, при чемъ дозволялось искать руды и другимъ желающимъ взяться за такое дѣло и, въ случаѣ успѣха, платить за то оброкъ по указу. 4) „А льготы на Тахчой и на Тоболѣ рѣку съ рѣками и съ озерами и до вершинъ на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 (1574) до Троицына дни лѣта 7102 (1594) году на 20 лѣтъ“. 5) „И въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ моя царя и великаго князя дань, ни ямскіе, ни ямчужные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстахъ до урочныхъ лѣтъ“. 6) „А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тягль и во всякихъ наннихъ податѣхъ“ ²⁾. 7) Въ другихъ же городахъ Строгановымъ и ихъ людямъ со всякихъ

¹⁾ Обѣ этихъ первыхъ пожалованій см. мою „Пермскую Старину“, вып. I, стр. 101—102. Грамота отъ 4-го апрѣля 1558 г. вполне напечатана мною въ IV выпускѣ того же изданія.

²⁾ Въ грамотѣ 1558 г. на земля по р. Камѣ было поставлено такое же условіе, но Строгановы его безнаказанно нарушали. См. „Пермскую Старину“, I, 98—99; IV, 109.

товаровъ „пошлины давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей, по нашимъ указамъ“. 8) „А кон остяки и вогуличи и югричи отъ Сибирсково отстануть и почнуть намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ“, а если этого нельзя, то присылать дань съ довѣреннымъ Строгановыхъ и такихъ „остяковъ и вогуличъ и югричъ и съ жены ихъ и съ дѣти отъ сибирцовъ отъ ратныхъ приходу беретчи Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на Сибирсково Якову и Григорью собирая охочихъ людей и остяковъ и вогуличъ и югричъ и самоедъ съ своими наемными казаки и съ нарядомъ своимъ посылати воевати и въ полонъ сибирцовъ имати, и въ дань за насъ приводити“. 9) Заѣзжимъ торговымъ людямъ бухарцамъ и изъ „Казацкіе орды“, то-есть, Киргизъ-Кайсацкой, „и изъ иныхъ земель“ дозволялось торговать въ Строгановскихъ родахъ беспошлинно. 10) „И наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить ни въ чемъ, ... а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ“. 11) По дѣламъ уголовнымъ „на Якова да на Григорья имати управныя грамоты у бояръ и у дяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ—ищемъ и отвѣтникомъ безприставно ставиться на Москвѣ предъ нами на тотъ же срокъ на Троицынъ день“. 12) „А какъ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову да Григорью наши всѣ подати велѣти возити въ Москву въ нашу казну на срокъ на Троицынъ день по книгамъ, чѣмъ ихъ наши писцы обложить“. 13) „Коли они (Яковъ да Григорій), или ихъ люди, или ихъ слободы крестьяне поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу, или изъ слободы къ Вычегодской Соли, и наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны и доводчики и всѣ приказные люди въ Пермь (то-есть, въ Чердыни) Якова и Григорья и ихъ людей... не судятъ ни въ какихъ дѣлахъ“. 14) При проѣздѣ царскихъ пословъ съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую орду чрезъ крѣпость Строгановыхъ и обратно, Яковъ и Григорій не должны имъ давати подводъ и кормоваго довольствія въ теченіе 20 льготныхъ лѣтъ. 15) „На Иртышѣ и на Обѣ и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится для береженья, и охочимъ на опочивъ крѣпости дѣлати, и сторожей съ вогненнымъ нарядомъ держати, и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безобратно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ“.

Эта замѣчательная грамота была дана Строгановымъ въ Александровской слободѣ, близъ Москвы, 30-го мая 1574 года за подписью дьяка Петра Григорьева. Царь далъ братьямъ Строгановымъ

даже больше, чѣмъ они просили. За исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ опредѣляются ихъ отношенія къ царю сибирскому, грамота 30-го мая 1574 г. есть почти дословное повтореніе первой грамоты Іоанна отъ 4-го апрѣля 1558 г. на земли по Камѣ, ниже Чердыни. Она опять давала Строгановымъ широкое право занять огромное пространство въ Сибири, а именно весь бассейнъ р. Тобола, съ устьевъ и до вершинъ его, включая всѣ его притоки и не стѣняясь, въ случаѣ надобности, расширеніемъ своихъ владѣній по берегамъ Иртыша и Оби. Короче сказать, она отдавала въ руки Строгановыхъ почти все тогдашнее царство Кучума. Безъ всякихъ съ своей стороны затратъ правительство думало не только уничтожить враждебное ему Сибирское царство, но и колонизировать обширный край русскими людьми, оживить его промышленной и торговой дѣятельностью, чтобы со временемъ извлечь изъ этого края свои выгоды. Въ 1558 г. тѣ же самыя права и на тѣхъ же условіяхъ предоставлены были Строгановымъ на Прикамскія земли въ Пермь Великой. Въ другомъ мѣстѣ мы видѣли ¹⁾, какъ широко воспользовались Строгановы подобными правами въ Пермскомъ краѣ, который они, сравнительно къ очень короткое время, дѣйствительно оживили и сдѣлали источникомъ крупныхъ доходовъ для русской казны. Далекое не съ тѣмъ успѣхомъ воспользовались Строгановы такими же правами въ Сибири, чему причиною послужили политическія обстоятельства того времени въ „Сибирской крайнѣ“, а главное самовольный призывъ Ермака Строгановыми, о которомъ мы уже подробно говорили ²⁾, который былъ нарушеніемъ втораго пункта грамоты 1574 г. и вызвалъ со стороны Іоанна IV справедливое негодованіе на Строгановыхъ. Вглядимся поближе во всѣ подробности этого дѣла, имѣвшаго чрезвычайно важныя послѣдствія для нашего государства на его восточныхъ окраинахъ.

Мы знаемъ, что съ Печоры за Уралъ въ XV вѣкѣ и позже шло три пути въ земли самоѣдовъ, югры, вогуличей и остяковъ,—шло по правымъ притокамъ Печоры—Усѣ, Щугору и Илычу. Но въ Сибирь въ XVI вѣкѣ шла съ бассейна Камы единственная, признанная нашимъ правительствомъ „государева“ дорога; другія если и были, то считались тогда запретными, по отсутствію на нихъ таможенъ для взиманія торговыхъ пошлинъ въ пользу казны. Эта единственная дорога

¹⁾ „Пермская Старина“, вып. I и II.

²⁾ „Пермская Старина“, вып. IV, 29—63.

до 1597 года шла окольно отъ Соликамска мимо Чердыни водою по р. Вишерѣ вверхъ, чрезъ Уралъ, на рѣки Лозьву, далѣе на Тавду до Тобола и вверхъ Тоболомъ до Туры, по которой достигали Тюмени (татарскаго Чинги-Тура)¹⁾. Въ грамотѣ отъ 6-го января 1617 года соликамскому воеводѣ Богдану Лупандину объ этой старой дорогѣ сказано: „А прежде того въ Сибирь была дорога окольная отъ Соли Камской мимо Чердынъ водянымъ путемъ Вишерою рѣкою вверхъ, да черезъ Камень въ Лозву рѣку, да Лозвою внизъ въ Тавду рѣку, да Тавдою рѣкою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверхъ до усть Туры рѣки, а Турою вверхъ до Тюменскаго города. И тою де дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлѣбныя запасы, по смѣтѣ съ двѣ тысячи верстъ“²⁾. Зимомъ этотъ путь нѣсколько сокращался: съ Тавды ѣздили прямо тюменскимъ волокомъ далѣе на сѣверо-западъ „въ Вогуличи и въ Сылву“ (притокъ Чусовой). Объ этомъ волокѣ и дальнѣйшемъ пути въ Сылву упоминается въ древнѣйшей великопермской уставной грамотѣ начала XVI вѣка³⁾. Этимъ направлениемъ старой сибирской дороги и объясняется выборъ мѣста для русскаго города Лозьвы, основаннаго на рѣкѣ того же имени около 1590 года. Этотъ путь по своей отдаленности и трудности перехода черезъ Уралъ былъ весьма неудобенъ, почему вскорѣ по построеніи города Лозьвы явилась мысль построить новый русскій городъ на мѣстѣ вогульскаго городка Неромкарра на р. Турѣ, каковой въ 1598 г. и возникъ дѣйствительно подъ именемъ Верхотурья. Но еще до постройки послѣдняго, въ 1595 г., послѣдовалъ указъ царя Феодора Иоанновича, коимъ повелѣвалось охочимъ людямъ „привѣдывать прямую дорогу на р. Туру“. Соликамскій крестьянинъ Артемій Сафоновъ Бабиновъ вскорѣ же указалъ другую, ближайшую дорогу прямо отъ Соликамска чрезъ Уралъ къ р. Турѣ; онъ получилъ за это вотчину на р. Яйвѣ и царскую жалованную грамоту, слова изъ коей мы и привели выше. По новой дорогѣ было „отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья 263 версты“⁴⁾. Съ постро-

) Объ этомъ пути см. „Пермск. Стар.“, I, 42.

²⁾ *Миллеръ*, Опис. Сиб. царства, стр. 332.

³⁾ Напечатана въ приложенияхъ къ I вып. „Пермск. Стар.“, гдѣ см. стр. 192. На Сылву ѣздили, вѣроятно, и прямо изъ Чердыни чрезъ вотчины Строгановыхъ.

⁴⁾ Подробное описаніе *новой* сибирской дороги см. въ грамотѣ отъ 22-го апрѣля 1599 г. „въ новой городъ на Верхотурья Василью Петровичу Головину“ (*Миллеръ*, стр. 330—331).

еніемъ Верхотурья, городъ Лозьва былъ упраздненъ, просуществовавъ только 8 лѣтъ.

Братья Строгановы получили царскую грамоту на земли за Ураломъ въ 1574 г., слѣдовательно, при существованіи еще старой сибирской дороги. По направленію этого-то стараго пути они и начали колонизировать вновь пожалованныя за Ураломъ земли, начиная съ Лозьвы, южной Сосьвы и ихъ притоковъ. Какъ было и на Камѣ, они въ этомъ случаѣ пользовались правомъ занимать земли по рѣкамъ съ ихъ устьевъ и до вершинъ, а рр. Тавда, Лозьва, южная Сосьва, Тура и др. принадлежали къ системѣ Тобола, на который они получили право владѣнія. Словомъ, Строгановы начали дѣйствовать за Ураломъ точно также, какъ раньше дѣйствовали на р. Камѣ, въ Пермь Великой ¹⁾. Еслибы и здѣсь имъ суждено было столь же широко распространить свою колонизаторскую дѣятельность, то этому не помѣшали бы прежнія поселенія, кои имѣли встрѣтиться имъ на пути: на притокахъ Камы они сумѣли же постепенно захватить въ свои руки многія старинныя поселенія чердынцевъ и усольцевъ, вопреки грамотѣ 1558 г. и при поддержкѣ подкупныхъ великопермскихъ воеводъ. Въ Сибири они тѣмъ болѣе не постѣснились бы прибѣгнуть къ такимъ способамъ „самоводворенія“. Въ 1574 г. тамъ еще не было ни одного русскаго воеводы; вновь пожалованныя земли считались въ вѣдѣніи тѣхъ же великопермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, которые и за 80 верстъ отъ своей резиденціи дозволяли Строгановымъ безнаказанно чинить всякія самоуправства ²⁾. Словомъ, въ Сибири Строгановыхъ ожидало полное приволье, полный просторъ для ихъ колонизаторской дѣятельности.

Строгановы начали колонизацію вновь пожалованныхъ за Ураломъ земель по направленію старой сибирской дороги съ самаго выхода ея изъ ущельевъ Уральскихъ горъ. Прежде всего они утвердились на верхней Лозьвѣ и ея притокахъ Ивделѣ и Большой Вольѣ ³⁾, откуда перешли на верховья южной Сосьвы, самаго значительнаго праваго притока Лозьвы. На одномъ изъ самыхъ верхнихъ притоковъ Сосьвы Вагранѣ и при озерѣ того же имени, переименованномъ рус-

¹⁾ См. мою „Пермск. Стар.“, вып. I, стр. 98—103.

²⁾ О злоупотребленіяхъ воеводъ, тиуновъ и доводчиковъ въ Пермь Вел. см. тамъ же, стр. 173—181.

³⁾ Внослѣдствіи здѣсь возникла такъ называемая Заозерская дача гг. Всеволожскихъ, о которой см. у Чулима „Географич. и стат. словрь Пермской губ.“ стр. 496 и слѣд.

скими въ Крылышково озеро, Строгановы нашли серебряную руду, что доказывается наименованіемъ одной изъ береговыхъ возвышенностей по р. Ваграну „Серебрянымъ“ камнемъ или рудникомъ ¹⁾. Съ рѣки Сосьвы они перешагнули на верховья р. Туры, гдѣ ихъ ожидали богатые желѣзные рудники ²⁾. Вѣроятно, на всѣхъ указанныхъ рѣкахъ по мѣстамъ возникли русскіе починки, но названія ихъ намъ неизвѣстны. Коренными же обитателями тѣхъ мѣстъ искони были вогулы; на верхнихъ притокахъ Лозьвы попадались настоящіе югричи, къ востоку отъ нихъ остяки, а на самыхъ горахъ Уральскихъ кое-гдѣ бродили и самоѣды. Потому-то грамота 1574 г. объ этихъ народахъ и дѣлаетъ неоднократную оговорку, ставя рядомъ остяковъ, вогуличей и югричъ. Подвигаясь далѣе на юго-востокъ по старой сибирской дорогѣ, обезпечивая себѣ тылъ устройствомъ маленькихъ поселковъ, Строгановы должны были вступить въ Тахтанскую волость, или вогульскій улусъ, расположенный тогда на нижней Лозьвѣ и верхней Тавдѣ, при слияніи Лозьвы съ южной Сосьвой, откуда Лозьва и перемѣняетъ свое названіе на Тавду. Этотъ важный гидрографическій пунктъ особенно желали занять Строгановы, и эту-то вогульско-остяцкую Тахтанскую волость или улусъ и слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Тахчей грамоты 1574 года. На эту мысль наводятъ и этнографическія названія остяковъ, вогуличей, собственно югричей и даже самоѣдовъ, приурочиваемыя въ грамотѣ къ топографическому названію Тахчей ³⁾. Сознавая особенно выгодное географическое положеніе улуса на мѣстѣ соединенія двухъ судоходныхъ рѣкъ, Строгановы сильно добивались правъ на занятіе этой мѣстности и просили у царя дозволенія прежде всего поставить свои крѣпости—одну здѣсь, на Тахчаяхъ, и другую на р. Тоболѣ. Тахчей должны были служить для нихъ ключемъ для завладѣнія всей долиной р. Тавды до самаго Тобола. Въ жалованной грамотѣ 30-го мая 1574 г. на Тахчаяхъ и Тоболѣ рѣкъ упоминается желѣзный промыселъ, который служилъ

¹⁾ Тутъ образовалась Вагранская дача, о коей см. тамъ же, стр. 242 и др. Въ книгѣ Устрялова „Именитые люди Строгановы“, С.-Пб., 1842 г., есть карта владѣній Строгановыхъ, гдѣ показаны обѣ эти дачи.

²⁾ На Верхней Турѣ образовалась *Туринская дача*, также показанная на упомянутой картѣ Устрялова.

³⁾ Г. Флоринскій въ своей „Замѣткѣ о происхожденіи слова Сибирь“, не принимая ничего этого въ соображеніе, совершенно безосновательно видитъ въ Тахчаяхъ рѣку Течу, притокъ Исети (стр. 8), гдѣ мы встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ совсѣмъ другой составъ населенія. Въ историческихъ разсужденіяхъ этого ученаго мы вообще встрѣчаемъ очень много странностей.

для Строгановыхъ сильною приманкою. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Трифона Вятскаго упоминается „сѣкира такчанскаго желѣза“¹⁾. которою было срублено священное дерево остяковъ на Камѣ¹⁾. Очень возможно, что тутъ говорится о желѣзѣ съ Тахчей, и что это слово не есть испорченное слово „италианскій“. Кромѣ торгово-промышленныхъ соображеній, Строгановы имѣли въ виду и стратегическія, наставляя предъ царемъ на отдачу имъ Тахчей. Но и Кучумъ, который въ 1573 г. „провѣдывалъ“ чрезъ Маметкула, „куда идти ратью въ Пермь“, хорошо понималъ всѣ выгоды положенія этого мѣста на главной дорогѣ въ Русь, а потому „и перевелъ Тахчей къ себѣ“, какъ заявляли Строгановы въ челобитной Іоанну, но жившіе „кругъ Тахчей“ остяки тянули къ Москвѣ, съ которой знакомы были раньше. Въ той же челобитной говорится, что Тахчей давали прежде ясакъ въ Нагаи, изъ чего заключить должно, что тотъ улусъ въ началѣ XVI вѣка уже состоялъ въ зависимости отъ туринскихъ татаръ, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Тюмень и стоявшій выше его по Турѣ городъ Епанча (Туринскъ русскихъ). Словомъ, всѣ данныя заставляютъ видѣть въ Тахчеляхъ не иное что, какъ Тахтанскій улусъ, упоминаемый въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ Сибири, напримѣръ, въ отпискѣ тобольскаго воеводы князя Катырева-Ростовскаго къ воеводѣ тюменскому Матвѣю Годунову 1612 г.²⁾ Но названія Тахчей, кромѣ грамоты 1574 г., мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ старинномъ документѣ.

Какъ ни добивались Строгановы обладанія Тахчелями и Тоболомъ, но не успѣли осуществить своего замысла даже съ царскою грамотою въ рукахъ. Политическія обстоятельства того времени круто повернули не въ ихъ пользу, противъ ихъ ожиданія. Имъ пришлось волей-неволей отказаться отъ всѣхъ видовъ своихъ на обширныя земли въ Сибири и со-временемъ потерять даже тотъ клочекъ земли, который они успѣли занять на сѣверъ нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда. Перейдемъ теперь къ изложенію дальнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Кучума.

Мы видѣли, что въ 1573 г. Маметкулъ подступалъ къ Чусовскому городку Якова Строганова, побилъ многихъ остяковъ, платив-

¹⁾ Объ этомъ подробно говорится въ моей статьѣ о св. Трифонѣ во II вып. *Трудовъ Пермск. Ученой Архивной Коммиссіи*, стр. 30 и др.

²⁾ См. ее въ „Русской Историч. Библіотекѣ“, т. II, ст. 287. О Тахтанской волости упоминаетъ *Новицкій* въ „Описаніи о народѣ остяковъ“, стр. 89. См. о ней также въ сочиненіи *Луцинскаго*: „Заселеніе Сибири“, Харьковъ, 1889 г., стр. 9.

шихъ дань московскому царю, и умертвилъ отправленнаго къ киргизъ-кайсакамъ отъ Іоанна IV посланника его Третьяка Чебукова. Такой образъ дѣйствій былъ прямымъ (вызовомъ къ войнѣ со стороны Кучума, не смотря на его прежнія миролюбивыя заявленія. Полнаго разрыва съ Москвой на этотъ разъ, однако, не послѣдовало, при отдаленности Москвы отъ Сибири и отсутствія въ Перми значительнаго войска на случай войны, какъ подъ руками великопермскаго воеводы, такъ и у Строгановыхъ, у коихъ въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова, все мужское тяглое населеніе вотчинъ было около 400 человекъ ¹⁾). Съ своей стороны Кучумъ, какъ видно, не могъ еще вполнѣ полагаться на вѣрность ему всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, какъ убѣждаетъ въ томъ образъ дѣйствій остяковъ, жившихъ вокругъ Тахчей и не порывавшихъ своихъ связей съ Москвой. Кучумъ зналъ о мирныхъ отношеніяхъ между Москвой и ногаями, почему и самъ позаботился стать въ близкія отношенія къ ногаямъ, женивъ сына своего Алея на дочери ногайскаго князя Тинъ-Ахмата въ 1577 г. ²⁾). На случай войны съ Москвою родственныя отношенія сибирскаго князя къ ногаямъ были, конечно, въ интересахъ перваго, и женитьба Алея на ногайской княжнѣ, вѣроятно, устроена была изъ политическихъ соображеній. Только указанные обстоятельства въ царствѣ Кучума и съ другой стороны отдаленность Москвы отъ Сибири, неподготовленность ея къ войнѣ на востокъ и осложнившіяся отношенія ея къ Ливоніи на западѣ, дошедшія тамъ до войны, неудачной для русскаго оружія, могли кое-какъ продлить номинально-мирныя отношенія Москвы къ Кучуму до начала 1580-хъ годовъ.

Между тѣмъ Строгановы сильно озабочены были выполненіемъ добровольно взятой на себя трудной задачи—колонизировать Сибирь въ столь тревожное время, сдѣлать это безъ матеріальной поддержки правительства, одними собственными средствами. Нужно было имѣть много рѣшительности, чтобы при небольшомъ числѣ людей, которыми они могли располагать, вызваться на такую миссію. Или они имѣли въ виду свой удачный опытъ подобной колонизаціи на Камѣ и Чусовой при поддержкѣ великопермскихъ намѣстниковъ? Но въ Перми Великой имъ легко было справиться съ иньвенскими пермяками, народомъ мирнымъ, исключая крайне рѣдкихъ случаевъ, не проявляв-

¹⁾ „Перм. Старина“, вып. I, 116, и вып. IV, 61.

²⁾ *Карамзинъ*, т. IX, 378, и примѣч. къ нему 658, гдѣ есть ссылка на дѣла ногайскія.

шимъ воинственныхъ наклонностей¹⁾. Не то было за Ураломъ, среди угровъ и татаръ, отличавшихся прямо противоположнымъ характеромъ. Тутъ Строгановы скоро убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ людьми иныхъ понятий, привычекъ и традицій, очень устойчивыхъ, какъ дики ни были какіе нибудь вогуличи и татары въ долинахъ Лозьвы и Тавды. Къ тому же нельзя было забывать и грозной силы, стоявшей за ними на берегахъ Иртыша и Тобола подъ знаменемъ Кучума. Какъ ни желали Строгановы занять Тахчей, но предупредившій ихъ Кучумъ сталъ твердою ногою на Тавдѣ и лишилъ ихъ возможности подвигаться далѣе, въ глубь Сибири, по направленію старой Сибирской дороги изъ Руси. Силы его и Строгановыхъ были слишкомъ неравны, и послѣднимъ необходимо было прибѣгать къ наемной силѣ, если они не желали отступаться отъ праяъ, дарованныхъ имъ царскою грамотою 1574 года. Но такой отказъ съ ихъ стороны также былъ бы неудобенъ, такъ какъ Строгановы сами просили царя о пожалованіи землями въ Сибири, да и самолюбіе ихъ едва ли бы позволило сдѣлать столь малодушный шагъ назадъ. Такимъ образомъ Строгановы оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, выходъ изъ котораго они должны были найдти во всякомъ случаѣ безъ матеріальной поддержки правительства, такъ какъ при ней потеряли бы смыслъ предоставленныя имъ царскою грамотою широкія льготы по владѣнію обширными землями въ Сибири. Строгановы по примѣру 1572 года могли, положимъ, просить царя опять дозволить имъ набрать охочихъ казаковъ, которые отъ царя не отложились, то-есть, не вольныхъ, а домовыхъ, но, впервыхъ, много людей, на примѣръ, до 500 человекъ, царь не позволялъ бы имъ набирать изъ опасенія какихъ либо замѣшательствъ на востокѣ, гдѣ отношенія съ Кучумомъ и безъ того были непрочны; а, ввторыхъ, по условіямъ 1572 г., все захваченное казаками имущество (животы) побѣжденныхъ поступало въ пользу самихъ казаковъ, а отъ этого не было бы особенной выгоды Строгановымъ. Тогда они стали искать другаго исхода. Окончаніе этого дѣла выпало на долю преемниковъ Якова и Григорія Строгановыхъ, скончавшихся — первый въ 1579, а второй въ 1578 г.²⁾ Преемниками ихъ по владѣнію землями въ Пермь Великой были: младшій ихъ братъ Семенъ Анкиевичъ, получившій лѣвый берегъ Чусовой и

¹⁾ Только въ общемъ возстаніи 1581 г. они были вовлечены въ смуту другими пнородцами.

²⁾ См. родословную ихъ во II вып. „Пермск. Стар.“, стр. 70. По другимъ свѣдѣніямъ, оба брата умерли въ 1578 г. См. въ томъ же изданіи, вып. IV, стр. 67.

Сылу, и сыновья ихъ, племянники Семена, Максимъ Яковлевичъ, получившій правый берегъ Чусовой, и Никита Григорьевичъ, наследникъ Орловскаго округа на р. Камѣ ¹⁾). Впрочемъ, Семень и Максимъ Строгановы въ первое время владѣли землями, повидимому, сообща ²⁾).

Чтобы выйдти изъ труднаго положенія, Строгановы рѣшились на смѣлый шагъ: вопреки грамоты 1574 г., воспрещавшей имъ призывать и держать у себя „воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ, и татей, и разбойниковъ“, они рѣшились призвать съ Волги вольныхъ казаковъ. Съ большимъ рискомъ для себя они соблазнились опытомъ 1572 г. съ отступленіемъ отъ прежнихъ условій найма людей. При томъ же, какъ видно, они надѣялись, что, при благосклонномъ отношеніи къ нимъ великопермскихъ воеводъ, свѣдѣніе о самовольномъ призывѣ казаковъ не дойдетъ до царя, какъ осталось неизвѣстнымъ ему въ 1558 г. ложное показаніе царю пермяка Кодаула о полной незаселенности, будто бы, прикамскихъ земель, лежавшихъ южнѣ Чердыни и потому-то отданныхъ тогда во владѣніе Григорью Строганову ³⁾. 6-го апрѣля 1579 г., по свидѣтельству Строгановской лѣтописи, новые владѣтели обширныхъ вотчинъ написали казакамъ на Волгу призывную „грамоту“, приглашая ихъ явиться въ Пермь и принять участіе въ борьбѣ съ Кучумомъ за Ураломъ. Они обѣщали имъ оружіе, продовольствіе и своихъ воинскихъ людей на поддержку въ предстоявшемъ походѣ, а отъ имени царя — полное прощенье за ихъ вѣрную службу. Что могло быть заманчивѣе этого предложенія для удалаго казака? На призывъ Строгановыхъ немедленно откликнулась храбрая дружина Ермака Тимофеевича, сына „Поволжскаго“, и съ этого момента начались дѣятельныя приготовленія къ знаменитому походу за Уралъ на царя Кучума ⁴⁾).

Есть возможность опредѣлить съ большею или меньшею вѣроятностью и то мѣсто, гдѣ укрывались на Волгѣ до призыва Строгановыми Ермакъ и его боевой товарищъ Иванъ Кольцо. Самымъ удобнымъ притономъ и наблюдательнымъ пунктомъ за плывшими по Волгѣ

¹⁾ См. ту же родословную во II вып. моей „Пермской Старины“.

²⁾ „Пермск. Стар.“, I, 115—116, и IV, 75.

³⁾ О первомъ „пожалованіи“ земель на Камѣ см. подробности въ I вып. „Пермск. Стар.“, стр. 96—103.

⁴⁾ Вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми весьма подробно изслѣдованъ нами по источникамъ въ IV вып. „Пермск. Стар.“, Пермь, 1892 г. О призывѣ Ермака см. у *Карамзина*, т. IX, стр. 380 (изданіе бр. Слѣпниныхъ); у *Соловьева*, VI, 424.

судами служила въ тѣ времена Самарская лука, при которой еще не было тогда города Самары (основана одновременно съ Уфою весною 1656 г. ¹⁾). По ней расположены довольно высокія и утесистыя горы, „подошвы которыхъ изрыты естественными пещерами, а самыя горы въ прежнее время были покрыты непроходимыми лѣсами; въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, отчасти ими самими вырытыхъ, казаки находили для себя надежный и безопасный пріютъ... Между прочимъ, въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признають мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ и его сподвижникъ Иванъ Кольцо“ ²⁾). Это мѣстное преданіе намъ представляется весьма правдоподобнымъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Извѣстно, что въ юговосточный поворотъ Самарской луки впадаетъ съ правой стороны рѣчка Уса, которая при самомъ впаденіи въ Волгу принимаетъ въ себя ничтожную по величинѣ, но замѣчательную по содержанію соли рѣчку Усолку. „Говорять, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ пожалованы были гостю Надѣю Свѣтешникову, и его сыну Семену“ ³⁾). Это тотъ самый гость Надѣя Свѣтешниковъ или Дѣй Андреевичъ Свистейщиковъ, который около 1640 г. разработывалъ своимъ коштомъ Кушгурскій желѣзный рудникъ въ вотчинахъ Строгановыхъ на р. Яйвѣ, притокѣ Камы, и поставлялъ эту руду на Пыскорскій заводъ, первый горный заводъ въ Пермѣ Великой, существовавшій возлѣ извѣстнаго монастыря того же имени ⁴⁾). Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVII вѣка между Самарскимъ Усолецемъ и Пермскими вотчинами Строгановыхъ несомнѣнно существовали промышленныя связи. Но, вѣроятно, предприимчивые пермскіе солевары, построившіе на Камѣ Новое Усолецъ и на рѣчкѣ Усолкѣ, притокѣ Чусовой, Верхній Чусовской городокъ, также съ солеварнями, которыхъ они много имѣли и у Соли Вычегодской съ начала XVI вѣка, — вѣроятно, они еще въ томъ же XVI вѣкѣ провѣдывали соленыя залежи и на Самарской Усолкѣ и, можно думать, были знакомы съ

¹⁾ Карамзинъ, т. X, примѣч. 40.

²⁾ Перетятковичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, Москва, 1877 г. стр. 312—313.

³⁾ Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка, Одесса, 1882 г., стр. 225. О богатыхъ соляныхъ залежахъ на этой Усолкѣ говоритъ Лепетинъ въ своихъ „Запискахъ путешествія“, часть I, С.-Пб., 1771 г., стр. 320.

⁴⁾ Пермская Старина, I, 49, и II, 104.

этой мѣстностью. Если это предположеніе вѣрно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что люди Строгановыхъ еще до призыва казаковъ могли или лично знать Ермака Тимоѣевича и Ивана Кольцо, или, по крайней мѣрѣ, слышать о нихъ. А когда, по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, явилась надобность въ наемной силѣ, то Строгановы и обратились за помощью къ атаману Ермаку и его товарищамъ, какъ къ людямъ, отчасти уже извѣстнымъ имъ. Такъ какъ въ то время казаковъ на Волгѣ стало сильно преслѣдовать правительство, то Ермакъ принялъ охотно предложеніе Строгановыхъ отъ 6-го апрѣля 1579 г., конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ. Этимъ, кажется, нужно объяснить и то, что на пути въ Пермь по Камѣ дружина Ермака въ 540 человекъ вела себя довольно сдержанно; по крайней мѣрѣ, нѣтъ извѣстій о какихъ либо крупныхъ разбояхъ ея на Камѣ до прибытія на Чусовую, и только здѣсь казаки уже начали враждовать съ сосѣдними инородцами въ ожиданіи дальнѣйшаго похода въ Сибирь. Загадочныя связи Ермака со Строгановыми, существовавшія еще до призыва его на Каму и Чусовую, находятъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующемъ преданіи, занесенномъ въ „Сказаніе Сибирской земли“, впервые печатаемое нами въ приложеніяхъ къ V выпуску „Пермской Старины“¹⁾: „О себѣ же Ермакъ извѣстіе написалъ, откуда рожденіе его. Дѣдъ его былъ суздалецъ посадской человекъ, жилъ въ лишеніи, отъ хлѣбной скудости сошелъ въ Володимерь; именовъ его звали Аеонасей Григорьевичъ сынъ Аленинъ; и тутъ воспитанъ двухъ сыновъ Родіона да Тимоѣея; и кормился извозомъ и былъ въ найму въ подводахъ у разбойниковъ, на Муромскомъ лѣсу пойманъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а оттуда бѣже съ женою и съ дѣтьми въ Юрьевецъ Поволской, умре, а дѣти его Родіонъ и Тимоѣея отъ скудости сошли на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановы; ему породилъ дѣтей: у Родіона два сына — Дмитрей да Лука, у Тимоѣея дѣти Гаврило, да Фролъ, да Васплей. И оной Васплей былъ силенъ и велерѣчивъ, и остръ, ходилъ у Строгановыхъ на стругахъ въ работѣ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ и отъ той работы принялъ смѣлость и, прибравъ себѣ дружину малую, пошелъ отъ работы на разбой и отъ нихъ звашася атаманомъ, прозванъ Ермакомъ, сказуются

¹⁾ „Сказаніе Сибирской земли“, открытое мною въ Соликамскомъ уѣздѣ въ 1890 г., во время моей службы тамъ, есть не что иное, какъ неизвѣстная доселѣ „нѣкоторая исторія“, на которую ссылается сибирскій лѣтописецъ Илья Черепановъ.

дорожной артельной таганъ, а по волскимъ—жерновой мельнецъ рушпной. А какъ службу показалъ, о томъ показано въ сей исторіи выше сего“.

Приведенное свидѣтельство „Сказанія“ очень важно, вопервыхъ, тѣмъ, что указываетъ о состояніи Ермака на службѣ у Строгановыхъ еще до вступленія его въ казачество и дѣлаетъ легко объяснимымъ фактъ, почему въ 1579 г. Строгановы призвали къ себѣ на помощь именно этого атамана, а не какого либо другаго; вовторыхъ, оно указываетъ на происхожденіе прозванія Ермакъ, каковое необходимо было имѣть бѣглому человѣку, какъ нѣкоторую гарантію на случай поимки (такія прозвища среди вольныхъ казаковъ, вѣроятно, были дѣломъ обычнымъ); втретьихъ, оно объясняетъ другое названіе Ермака Поволскимъ отъ имени Юрьевца Поволжскаго; вчетвертыхъ, свидѣтельство „Сказанія“ основано на разказахъ самого Ермака.

Во всемъ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Отецъ Ермака вмѣстѣ съ сыномъ могъ прийти къ Строгановымъ въ первый же годъ пожалованія имъ земель въ Пермь Великой въ 1558 г., когда Ермакъ могъ быть въ юношескомъ возрастѣ и вмѣстѣ съ отцомъ служить у Строгановыхъ, отъ которыхъ ушелъ потомъ добровольно, какъ человѣкъ пришлый, вольный. Онъ ушелъ на Волгу, гдѣ поселился на Самарской лукѣ. Объ этомъ мѣстопребываніи его, повидимому, знали люди Строгановыхъ. Когда послѣдніе встрѣтили нужду въ наемной силѣ, они вспомнили о бывшемъ своемъ слугѣ и 6-го апрѣля 1579 г. написали ему письмо съ приглашеніемъ идти воевать Кучума. Для вольнаго казака это было очень заманчивое предложеніе, и онъ охотно согласился идти на помощь къ знакомымъ ему богатымъ пермскимъ людямъ.

Изъ „Сказанія“ приведенное извѣстіе было включено впоследствии въ извѣстный сибирскій лѣтописный сборникъ Ильи Черепанова, который Н. М. Карамзинъ называетъ „Новой сибирской лѣтописью“, а П. А. Словцовъ—„Тобольскимъ сборникомъ“ ¹⁾. По поводу извѣстія о происхожденіи Ермака, сообщаемого Черепановымъ на основаніи „Сказанія Сибирской земли“, Карамзинъ замѣтилъ: „Это

¹⁾ *Карамзинъ*, Исторія, IX, гдѣ въ примѣч. 664 см. указанную выписку о происхожденіи Ермака въ подполненной, сравнительно со „Сказаніемъ“, формѣ. *Словцовъ*, Историч. обзор. Сибири, С.-Пб., 1886 г., XVIII—XIX. *Л. Н. Майковъ*, „О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова“ въ VII вып. *Лѣтописи зачатій Археографической Комиссіи*. Въ „Пермской Старинѣ“ о ней см. вып. IV, 33—34.

сказка, думаю". Но, вопервыхъ, и великимъ людямъ свойственно ошибаться въ своихъ заключеніяхъ, а, вовторыхъ, всѣ мѣстные изысканія даютъ основаніе видѣть въ приведенномъ извѣстіи, основанномъ на показаніяхъ самого Ермака, значительную долю вѣроятности. Въ послѣднее время Д. И. Иловайскій не безъ основанія высказался въ пользу этого извѣстія въ III томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 388).

Въ изложеніи самаго похода, уже столько разъ описаннаго по сибирскимъ лѣтописямъ, обратимъ главное вниманіе на разные спорные вопросы, связанные съ нимъ, считая вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми съ нашей стороны рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предоставляемъ другимъ отвергнуть то, къ чему мы пришли какъ въ IV выпускѣ нашей „Пермской Старинѣ“, такъ и здѣсь, на основаніи пересмотра всѣхъ письменныхъ источниковъ, сюда относящихся, критическая оцѣнка которыхъ нами приведена въ томъ же IV выпускѣ упомянутаго изданія и значительно дополняется здѣсь.

Первый спорный вопросъ касается года прибытія Ермаковой дружины въ Пермь, къ Строгановымъ. Въ Строгановской лѣтописи, куда занесенъ фактъ послыки къ казакамъ приглашенія отъ Строгановыхъ при письмѣ ихъ отъ 6-го апрѣля 1579 г., прибытіе казаковъ въ Пермь относится къ 28-му іюня того же года, а по сентябрьскому счисленію едва ли не къ концу 1578 г., послѣ чего казаки, будто бы, оставались въ вотчинахъ Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца ¹⁾, то-есть, до 1-го сентября 1581 г. По тому же извѣстію, казаковъ пришло съ Ермакомъ 540 человекъ; пришли они въ Чусовскіе городки, гдѣ Семень, Максимъ и Никита Строгановы „пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху“. Въ Есиповской лѣтописи, въ началѣ 8-й главы, эти подробности опущены, и замѣчено только: „въ лѣто 7089 (1580) году при державѣ... придоша сіи воини съ Волги въ Сибирь“... ²⁾. Такимъ образомъ показанія этихъ двухъ лѣтописцевъ не сходятся въ опредѣленіи начала похода изъ Перми въ 1581 г.; не согласны они и въ показаніи времени и обстоятельствъ прибытія казаковъ въ Пермь, что и создало среди ученыхъ два прямо противоположныхъ воззрѣнія на роль Строгановыхъ въ этомъ походѣ. Въ Ремезовской лѣтописи, вообще страдающей ошибками въ годовыхъ датахъ, къ 1579 г. отнесено начало самаго похода, почему ея показаніе безусловно слѣдуетъ счи-

¹⁾ См. выписку изъ Строгановской лѣтописи въ „Пермской Старинѣ“, IV, 46—47.

²⁾ См. выписку изъ Есиповской лѣтописи въ „Пермской Старинѣ“, IV, стр. 41.

тать ошибочнымъ въ соображеніи со всѣми фактами того времени ¹⁾. Строгановская лѣтопись убѣждаетъ, что 1579 годъ былъ годомъ прибытія Ермака въ Пермь, а не выступления его изъ Перми въ Сибирь, которое и Есиповскою лѣтописью относится къ 1580 году. Это признаетъ даже сторонникъ Ремезовской лѣтописи Д. И. Иловайскій, какъ можно видѣть изъ его словъ: „Казацкіе атаманы пробыли два года въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ“ ²⁾.

Посмотримъ теперь, какія же безпокойства испытывала Пермь Великая, пока казаки готовились къ сибирскому походу. Со времени Черемисскаго бунта 1572 г. и нашествія Маметкула на Чусовую, въ южную часть Перми Великой, въ 1573 г.,—въ этой странѣ и около нея не было волненій среди инородцевъ. Семь слишкомъ лѣтъ прошли въ относительномъ спокойствіи. Но со времени появленія дружины Ермака въ вотчинахъ Строгановыхъ начинаются набѣги вогулячей на Пермь Великую. Очевидно, казаки не могли спокойно сидѣть въ вотчинахъ Строгановыхъ—сидѣть, сложа руки, безъ дѣла. Это было не въ ихъ привычкахъ и характерѣ. И въ достовѣрной Строгановской лѣтописи о пребываніи казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ въ 1579—1581 г. дѣйствительно сказано: „Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкахъ ³⁾, и бѣхуся съ безбожными агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ (Строгановыхъ) два лѣта и мѣсяцы два“ ⁴⁾. Эти слова, сопоставленные съ приведеннымъ выше соображеніями, служатъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ достовѣрности извѣстій Строгановской лѣтописи.

Дѣятельный, подвижной характеръ казаковъ вызывалъ неизбѣжныя „задиранія“ ихъ противъ инородцевъ, жившихъ къ югу отъ Чу-

¹⁾ Л. Н. Майковъ, „Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири“, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1881 г., № 9, и оттискъ, стр. 8.

²⁾ „Исторія Россіи“, т. III, стр. 389.

³⁾ Чусовской Нижній городокъ основанъ въ 1568 г., Сыльвенскій острожекъ, что нынѣ село Троицкое, Пермскаго уѣзда, въ 1570 г., по указанію грамотъ и Строгановской лѣтописи.

⁴⁾ См. „Пермская Старина“, IV, 47. То же сказано въ нѣкоторомъ у меня рукописномъ спискѣ Строгановской лѣтописи начала нашего вѣка или конца прошлаго.

совой и въ бассейнѣ ея притока Сылвы. Тамъ жило много татаръ и остяковъ, которые на предгорьяхъ Урала смѣшивались съ вогулячами. Все это были народы, враждебные Перми Великой и уже не разъ беспокоившіе ее набѣгами своими. Притихнувшіе на нѣсколько лѣтъ, они снова были выведены изъ терпѣнія дебоширствами казаковъ. Прежнія же ихъ возстанія вызывались преимущественно вымогательствами сборщиковъ дани, о коихъ можно догадываться изъ Великопермской уставной грамоты начала XVI вѣка ¹⁾.

Въ 1580 году іюля 22 послѣдовало нашествіе на Чусовую мурзы Бегбелія, которое Строгановская лѣтопись неправильно относитъ къ слѣдующему году. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ на Пермь Великую бросился князь Кихекъ, что произошло 1-го сентября 1581 года, какъ достоверно извѣстно. (Слѣдуетъ помнить, что новый годъ тогда считался съ 1 сентября, почему набѣгъ Бегбелія и былъ несомнѣнно еще въ концѣ 1580 года). По словамъ Строгановской лѣтописи, вогульскій мурза Бегбелій Ахтаковъ (повидимому, изъ отатарившихся вогуль) со скопичемъ въ 680 человекъ вогуль и остяковъ „безвѣстно и украдомъ“ пришелъ подъ Чусовскіе городки, пожегъ много русскихъ деревень и увелъ въ плѣнъ не мало людей обоюго пола, но вскорѣ самъ попалъ въ руки русскихъ, повинился предъ ними, возвратилъ „полонъ“ и обiazался платить исправно дань русскому царю. Впослѣдствіи Бегбелій измѣнилъ клятвѣ ²⁾). Поимка Бегбелія, вѣроятно, была дѣломъ казаковъ, которые своимъ буйствомъ вызвали и самый набѣгъ вогуловъ. Объ этомъ буйствѣ казаковъ, кромѣ Строгановской лѣтописи, говоритъ и Ремезовская. Изъ послѣдней видно, что въ теченіе двухъ лѣтъ Ермакъ съ своей шайкой бродилъ по рѣкѣ Сылвѣ, притоку Чусовой, гдѣ кончались вотчины Строгановыхъ и начинались поселяя остяковъ и татаръ. Есть извѣстіе, что казаки еще до похода разузнавали дороги въ Сибирь, о чемъ подробно мы скажемъ далѣе. У Ремезова читаемъ: въ 1578 году Ермакъ „плылъ Камою, Чусовою и, не зная пути, вошелъ 26 сентября въ рѣку Сылву; плылъ далѣе и далѣе, увидѣлъ наконецъ, что это не дорога въ Сибирь, и остановился зимовать въ томъ мѣстѣ, которое

¹⁾ Напечатана въ приложеніи къ I-му выпуску „Пермской Старины“, 187—195: „Да ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылають по Пермской землѣ своихъ людей, тиуповъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, и намѣстничіе де люди *приписываютъ* у нихъ многіе луки лишніе“ и т. д.

²⁾ Рукописная Строгановская лѣтопись; у Карамзина, т. IX, 381, и примѣч. 666. Въ грамотѣ отъ 6 ноября 1581 года надо разумѣть того же мурзу Бегбелія.

и теперь называется „Ермаковымъ городищемъ“; отсюда 300 казаковъ ходили въ землю вогуличей и пришли назадъ съ добычею¹⁾. Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева Красноуфимскаго уѣзда, на устьѣ рѣчки Шатлыка донинѣ есть деревня „Хуторы Ермаковы“²⁾.

Для рѣшенія вопроса о приходѣ Ермака въ Пермь Великую не-маловажное значеніе должно имѣть упомянутое уже, вновь открытое нами въ 1890 году „Сказаніе Сибирской земли“ неизвѣстнаго составителя³⁾. Оно представляетъ дѣло такимъ образомъ.

Когда на Волгѣ казаковъ стало сильно преслѣдовать правитель-ство (по Ремезову въ 1576 году противъ нихъ былъ высланъ стольникъ Ивалъ Мурашкинъ), то „оный разбойникъ (Ермакъ), убояся того, съ товарищи пять сотъ человекъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строгановы и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число (?) въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ вольно изъ вогуличъ Пелымской князь во многомъ собраніи. И воевода (?) Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобы онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противъ вогуль и побѣ ихъ безъ остатку, и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ“.

Въ приведенномъ извѣстїи несомнѣнно говорится о набѣгѣ пелымскаго, то-есть, вогульскаго князя Бегбелія, сдѣланномъ на Чусовской городокъ Семена и Максыма Строгановыхъ 12 іюля 1580 года. Строгановская лѣтопись свидѣтельствуетъ, какъ видимъ, о томъ же событіи, но съ большими подробностями, какъ мѣстная великопермская лѣтопись. Обѣ лѣтописи согласно также свидѣтельствуютъ о ласковомъ обращеніи Строгановыхъ съ казаками. Еслибы при этомъ Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Максима Строганова, то послѣдній не сталъ бы такъ обращаться съ нимъ, постарался бы не допустить его къ себѣ и, при недостаткѣ собственныхъ силъ для этого, обратился бы за содѣйствіемъ къ государеву намѣстнику князю

¹⁾ Карамзинъ, т. IX, примѣчаніе 670. Выдержка приводится въ редакціи Карамзина.

²⁾ Чулкинъ, Географическій словарь Пермской губерніи, Пермь, 1873 года стр. 482.

³⁾ Впервые печатается въ приложеніи къ V выпуску моей „Пермской Старинны“.

Елецкому, чего, однако, не было. При томъ о Бегбелѣ „Сказаніе“ дѣлаетъ оговорку, что онъ пришелъ вольно, а объ Ермакѣ этого не замѣчено. Все это доказываетъ, что Ермакъ пришелъ въ вотчины Строгановыхъ по приглашенію самихъ владѣльцевъ вотчинъ. И мѣстная великопермская Строгановская лѣтопись, составителю которой ближе были извѣстны всѣ эти обстоятельства, именно такъ объясняетъ дѣло, вводя и здѣсь больше подробностей сравнительно со „Сказаніемъ“¹⁾.

Далѣе „Сказаніе“ приписываетъ Ермаку мысль о походѣ въ Сибирь, которую Строгановы приняли будто бы очень охотно. Но разъ они сами пригласили Ермака, то съ такимъ лѣтописнымъ толкованіемъ инициативы похода уже нельзя согласиться. Безъ сомнѣнія, Строгановы призвали Ермака именно для задуманнаго ими еще въ 1579 или 1578 году сибирскаго похода противъ Кучума. Въ этомъ случаѣ больше можно вѣрить царской грамотѣ отъ 16-го ноября 1582 года, прямо заявляющей о призваніи Ермака Строгановыми, нежели сбивчивымъ и неполнымъ извѣстіямъ лѣтописи. Изъ сибирскихъ же лѣтописей въ данномъ вопросѣ, конечно, заслуживаетъ наибольшаго довѣрія Строгановская, какъ мѣстная великопермская, составитель которой гораздо ближе могъ знать участіе Строгановыхъ въ призваніи Ермака, чѣмъ далекіе отъ Перми тобольскіе лѣтописцы.

Важно еще отмѣтить замѣчаніе „Сказанія“, что Ермакъ набралъ въ вотчинахъ Строгановыхъ, съ позволенія владѣльцевъ, 154 человекъ „тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—всего собралъ себѣ 654 человекъ и назвался казаками“. Не мудрено послѣ этого, что въ Сибири говорили и знали только о казакахъ и ничего—о людяхъ Строгановскихъ. Думаю, что Строгановы сдѣлали это изъ предосторожности и желанія скрыть всякое участіе свое въ дѣлѣ, предпринятомъ хотя и въ личныхъ выгодахъ, но безъ царскаго указа.

Наконецъ, мы должны обратить здѣсь вниманіе на одинъ вещественный памятникъ, современный Ермаку. Въ богатомъ собраніи древностей, хранящихся въ старинномъ наследственномъ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ, что на Невскомъ проспектѣ, сохранился старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литерами: „Въ градѣ Кергеданѣ на рѣцѣ Камѣ“

¹⁾ Великопермское происхожденіе Строгановской лѣтописи доказала недавно С. А. Адриановъ въ статьѣ: „Къ вопросу о покореніи Сибири“, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., апрѣль. Нельзя не выразить автору признательности за это важное открытіе, хотя самъ авторъ и есть крайній сторонникъ Есипова.

дарю я, Максимъ Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090¹⁾. Эта хронологическая дата вполне согласна съ показаніемъ Строгановской лѣтописи относительно выступления казаковъ въ сибирскій походъ 1-го сентября 1581 года. Хотя Максимъ Яковлевичъ жилъ въ Чусовскомъ Нижнемъ городкѣ, но онъ владѣлъ, кромѣ праваго берега рѣки Чусовой, и землями по рѣкѣ Камѣ, ниже Орловскаго округа, принадлежавшаго его двоюродному брату Пикитѣ Григорьевичу (отъ Карышева острова до устья Чусовой и ниже его)²⁾. вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ участіе въ зауральскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ 30 мая 1574 г., и, слѣдовательно, особенно былъ заинтересованъ въ поддержкѣ Ермака. Максимъ Яковлевичъ былъ главнымъ активнымъ участникомъ изъ всѣхъ Строгановыхъ въ подготовленіи сибирскаго похода, какъ видно изъ лѣтописи Ремезова и „Сказанія Сибирской земли“. Разумѣется, онъ часто бывалъ и въ Орлѣ на Камѣ (Кергеданъ то же), у своего двоюроднаго брата, хотя самъ жилъ обыкновенно на Чусовой. Бывалъ тамъ, очевидно, и атаманъ Ермакъ, который тамъ-то и получилъ подарокъ отъ Максима Яковлевича. Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени. Пусть такъ, но за всѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связяхъ Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ? Мы думаемъ, что въ виду всего сказаннаго ихъ упорный скептицизмъ долженъ рано или поздно до нѣкоторой степени поколебаться.

Наконецъ, 1-го сентября 1581 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія у Строгановыхъ, Ермакъ со своею дружиною отправился на судахъ вверхъ по р. Чусовой въ сибирскій походъ. Предъ выступленіемъ казаки отслужили въ Чусовскомъ городкѣ молебенъ, запаслись, по словамъ Строгановской лѣтописи, „оружіемъ огненнымъ, пушечками скорострѣльными семипядными, запасами многими“ и въ сообществѣ мѣстныхъ „охочихъ людей“, двинулись въ путь. Позднее выступленіе въ

¹⁾ Сообщено мнѣ покойнымъ *В. В. Голубцовымъ* (генеалогомъ), который лично видѣлъ этотъ интересный и въ данномъ случаѣ весьма важный памятникъ древности.

²⁾ „Пермская Старина“, I, 114.

походъ и объясняется бывшимъ передъ тѣмъ нашествіемъ Бегбелія ¹⁾ на Чусовской городокъ и его окрестности въ исходѣ іюли и началѣ августа 1580 г., по тогдашнему счисленію времени. Жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ инородцы, хорошо знавшіе о всемъ происходившемъ въ Перми Великой, только и ждали этого желаннаго момента. Они навѣрное знали, что съ уходомъ казаковъ страна осталась беззащитна, знали это отъ перебѣжчиковъ. Отъ тѣхъ же перебѣжчиковъ непріятель узналъ заранѣе и день выступленія казаковъ въ походъ 1-го сентября; это важное извѣстіе черезъ 3—4 дня возможно было передать чрезъ гонца на противоположный конецъ Перми Великой, гдѣ на вершинахъ Вишеры или Лозьвы уже стоялъ наготовѣ Пелымскій князь, а чрезъ недѣлю можно было со всей силой броситься на Чердынь. Я увѣренъ, что такъ это и было, какъ говорятъ доселѣ народныя преданія, и что предварительный набѣгъ подручнаго Кихеку Бегбелія на Чусовую и сдѣланъ былъ въ расчетъ задержать казаковъ подольше въ Перми, чтобы дать возможность Кихеку собраться съ силами на Пелымѣ и сдѣлать переходъ оттуда до Вишеры. Лишь только Ермакъ очистилъ путь къ Чусовскому городку, какъ скопища вогуловъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городкомъ, по предварительному условію съ пелымскимъ княземъ Кихекомъ, отрѣзали возвращеніе казакамъ въ городокъ, обложивъ его съ южной стороны, а самъ Кихекъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, вторгнулся въ Пермь Великую съ сѣвера и того же 1-го сентября 1581 г. приступилъ къ городу Чердыни. Очевидно, пелымскій князь съ своими сибирскими людьми и вогулами проникъ сюда со стороны Тахчей, по старой сибирской дорогѣ, шедшей съ Тавды и Лозьвы на рр. Вишеру и Колву. Все это было сдѣлано врасплохъ, совершенно неожиданно какъ для жившихъ въ Чердыни государева великопермскаго намѣстника, князя Ивана Михайловича Елецкаго и его соправителя Василия Пелопелицына, такъ и для Строгановыхъ. И такъ какъ послѣднихъ отъ перваго отдѣляло довольно значительное разстояніе, около 400 верстъ, то навѣрное Семень и Максимъ Строгановы, жившіе на Чусовой, не подозрѣвали той страшной опасности, какая одновременно грозила Никитѣ Строганову, жившему на р. Камѣ, въ Орлѣ-городкѣ, и уже наступила для Чердыни. Этимъ-то неожиданнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и объясняется то недоразумѣніе, какое произошло въ

¹⁾ *Небольсимъ* въ книгѣ „Покореніе Сибири“ (С.-Пб., 1849 г.) забываетъ это извѣстное ему обстоятельство.

самый критическій моментъ между Семеномъ и Максимомъ Строгановыми съ одной стороны и Никитою Строгановымъ, княземъ Елецкимъ и Василиемъ Пеленелицынымъ съ другой. Время и обстоятельства были таковы, что не позволяли медлить ни одного дня въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ самозащиты, а значительныя разстоянія дѣлали невозможнымъ на столько быстрый обмѣвъ „вѣстями“. на сколько требовалось это совершенно исключительными обстоятельствами того времени. При такихъ условіяхъ для насъ становятся вполне понятными царскія грамоты на имя Никиты Строганова отъ 6-го ноября 1581 г. и на имя того же Никиты и брата его Максима Строгановыхъ отъ 16-го ноября 1582 г. ¹⁾). Первая изъ нихъ была послѣдствіемъ жалобы царю на Никиту дяди и двоюроднаго брата перваго за неоказаніе имъ своевременной помощи въ виду явной опасности отъ стоявшихъ за Чусовой вогуличей; а грамота 1582 г. была отвѣтомъ на донесеніе царю Пеленелицына о двоюродныхъ братьяхъ Строгановыхъ относительно несвоевременной отсылки ими дружины Ермака въ Сибирь въ моментъ страшной опасности для главнаго города Перми Великой. Ни Семень и Максимъ Строгановы, ни тѣмъ болѣе Пеленелицынъ не дѣйствовали въ данномъ случаѣ иначе, какъ искренно, въ виду дѣйствительной, общей для всѣхъ нихъ, опасности въ то время. Строгановы грѣшны были предъ царемъ только въ томъ, что скрыли отъ него призваніе казаковъ, а Пеленелицынъ, съ увеличеніемъ князя Еленкаго въ декабрѣ 1581 г. оставшійся главнымъ ответственнымъ лицомъ за сподобивше всего Пермскаго края, уже не смѣлъ думать объ удачѣ Ермака, и долженъ былъ сказать, открыть передъ царемъ всю правду, довести и о самовольномъ призывѣ Ермака Строгановыми, и о посылкѣ казаковъ въ Сибирь въ самое трудное для Перми время.

Таковы были исключительныя обстоятельства, въ которыхъ очутилась Пермь Великая съ момента оставленія ея дружиною Ермака 1-го сентября 1581 г. Образъ дѣйствій нелымскаго князя Кихека въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ въ немъ значительную дальновидность и способности хорошаго стратега, близко знавшаго всѣ мѣстныя условія для успѣшнаго веденія войны. И тогдашній перм-

¹⁾ Грамота Никитѣ Григорьевичу Строганову отъ 6-го ноября 1581 г. напечатана у *Миллера* въ Опис. Сиб. царства, на стр. 144, а знаменитая *инъская* грамота Максиму Як. и Никитѣ Григ. отъ 16-го ноября 1582 г. — тамъ же, стр. 145—147. Вторично онѣ напечатаны въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ“, томъ I, стр. 183—185.

скій намѣстникъ князь Елецкій, и Строгановы оказались ниже его въ этомъ отношеніи. Изъ грамоты 1582 г. мы увидимъ однако, что во всемъ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Кучумъ, которому подчиненъ былъ Кихекъ, но самъ Кучумъ едва ли могъ близко знать мѣстныхъ условій войны. Пользуясь чрезвычайно благоприятнымъ моментомъ, князь пелымскій съ войскомъ въ 700 человекъ разгромилъ всю Пермь Великую отъ Чердыни и Кайгорода до береговъ Чусовой, при чемъ на этомъ пути его подкрѣпили всѣ старые недоброжелатели русскихъ: татары, башкиры, остяки, вогуличи, вотяки, обитавшіе по рѣкамъ Иньвѣ, Обвѣ, Косьвѣ (притокамъ Камы) и южнѣе — по Сылвѣ, Шаквѣ и Ирени (бассейнъ Чусовой) ¹⁾. Такого страшнаго погрома Пермь Великая не испытывала никогда въ теченіе всей ея исторіи. Начавъ съ Чердыни, которой, однако, не взялъ, Кихекъ пошелъ на Кай-городокъ, опустошая все на своемъ пути, оттуда на Соликамскъ, который разграбилъ и предалъ пламени, далѣе прошелъ по прикамской вотчинѣ Никиты Строганова—мимо Канкора (Пыскора тожъ) и Кергедана (то-есть, Орла), по вотчинѣ Семена Аппиківича, мимо Мйвенскаго острожка и наконецъ вторгнулся въ самую южную часть Перми Великой, въ вотчину Максима Строганова, гдѣ его полчища и соединились со стоявшими на Чусовой инородцами, предавъ всю эту мѣстность полному разграбленію, при чемъ однако же Чусовской городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ гарнизонами устояли противъ враговъ. Отсюда пелымскій князь направился во-своихъ по слѣдамъ казаковъ, которые между тѣмъ были уже на вершинахъ Урала. Пелымъ не оставался, вѣроятно, безъ всякой защиты; Кихекъ отлично зналъ всѣ ближайшіе къ нему пути и, видимо, рассчитывалъ возвратиться туда до прихода казаковъ.

Теперь подробно остановимся на упомянутыхъ выше челобитныхъ и грамотахъ отъ 6-го ноября 1581 г. и отъ 16-го ноября слѣдующаго года. Мы показали, при какихъ условіяхъ возникла эта переписка съ царемъ: она вызвана была совершенно исключительными обстоятельствами и крайней опасностью, которой подвергалась осенью 1581 г. вся Пермь Великая. Только этимъ можно объяснить слишкомъ необычную жалобу самому царю Семена и Максима Строгановыхъ на своего

¹⁾ Строгановская лѣтопись годъ 1581 г.; *Карамзинъ*, IX, примѣч. 671. Подробности этого разгрома указаны и въ мѣстныхъ Соликамскихъ лѣтописяхъ, заданныхъ мною въ *Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1883 и 1884 гг. и отдѣльно, и *Вергомъ* въ книгѣ: „Путешествіе въ гг. Чердынь и Соликамскъ“, С.-Пб., 1821 г.

же ближайшаго родственника и ближайшаго участника въ сибирскомъ предпріятіи. Но имъ нечего было бояться выдачи ихъ головою царю, потому что Никита Строгановъ былъ такой же виновникъ призванія казаковъ вопреки царской грамоты 1574 г., какъ Семень и Максимъ: выдавъ ихъ, онъ выдалъ бы и себя. Не то было по отношенію къ Пеленелицыну, который, по увольненіи кн. Елецкаго отъ намѣстничества въ декабрѣ 1581 г., остался одинъ правителемъ Перми: въ расчетѣ на его молчаніе Строгановы сильно ошиблись, полагаясь, вѣроятно, на прежде обычную благосклонность къ нимъ намѣстниковъ и не предвидя всего случившагося. Погромъ Перми въ 1581 г. былъ столь ужасенъ, что замалчивать правду предъ царемъ для Пеленелицына было бы равносильно добровольному обреченію себя на смерть въ то грозное время Иоаннова царствованія, и онъ открылъ царю всю правду, что для Строгановыхъ было сильнымъ нравственнымъ ударомъ. Теперь спрашиваемъ: есть ли сколько нибудь прочное основаніе подозрѣвать Пеленелицына въ умыленномъ извѣтѣ на Строгановыхъ, какъ это дѣлаетъ г. Адриановъ въ послѣдней своей статьѣ по вопросу о покореніи Сибири? ¹⁾ Задавшись цѣлью доказать, что „Ермакъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ и совершенно независимо отъ Строгановыхъ“ (стр. 548), и опираясь въ своихъ доказательствахъ только на сибирскія лѣтописи, г. Адриановъ возвелъ напросланну на ни въ чемъ неповиннаго Пеленелицына, надъ головой котораго висѣлъ мечъ,—будто онъ, „желая навлечь царскую опалу на Строгановыхъ (?), обвинялъ ихъ въ призваніи воровъ казаковъ и въ задираніи Сибирскаго салтана“ (стр. 549); сдѣлалъ же онъ такой извѣтъ потому будто бы, что „отъ Строгановскихъ привилегій кормленіе чердынскаго воеводы сильно страдало“ (548). Все это придумано г. Адриановымъ для того, чтобы убѣдить читателя, что я вызванная челобитною Пеленелицына грамота 16 ноября 1582 г. такъ же неправа насчетъ Строгановыхъ, какъ и сибирская лѣтопись, носящая ихъ названіе, а затѣмъ и послѣдующія царскія грамоты, жалованныя Строгановымъ въ XVII вѣкѣ. Такой пріемъ историческихъ „доказательствъ“, признаемъ, намъ напомнилъ г. Повокрещенныхъ, на котораго г. Адриановъ съ удовольствіемъ ссылается, и о своеобразныхъ критическихъ пріемахъ котораго мы уже говорили въ

¹⁾ „Къ вопросу о покореніи Сибири“ въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.* 1893 г., апрѣль, стр. 548—549. Статья эта представляетъ возраженія на наши выводы по тому же вопросу, изложенные въ IV вып. „Пермской Старинѣ“.

IV-мъ выпускѣ нашего изданія (стр. XI—XIV). Кроме того исключительнаго положенія, въ кото́ромъ на мѣстѣ Пеленелицына въ 1581—1582 гг. поступилъ бы не иначе всякій, кому дорога собственная жизнь, укажемъ г. Адрианову и его единомышленникамъ, что Строгановскія привилегіи ничуть не мѣшали воеводамъ обогащаться на счетъ Строгановыхъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ вся исторія колонизаціи ими прикамскихъ земель, при несомнѣнномъ содѣйствіи великопермскихъ намѣстниковъ ¹⁾. При отсутствіи легальныхъ доходовъ съ вотчинъ Строгановыхъ, намѣстники не гнушались добровольными даяніями отъ ихъ щедротъ въ видѣ „благодарностей“ за услуги, и, какъ бывало у насъ сплошь и рядомъ, на бумагѣ было одно, а на дѣлѣ другое.

Итакъ, отдавая справедливость г. Адрианову за старательное изученіе состава сибирскихъ лѣтописей, анализъ содержанія которыхъ показалъ намъ ихъ взаимное соотношеніе и пермское происхожденіе Строгановской лѣтописи, мы не можемъ согласиться съ его основнымъ взглядомъ на Строгановыхъ и Пеленелицына, а равно и на значеніе царскихъ грамотъ, данныхъ на имя Строгановыхъ, на которыя г. Адриановъ смотритъ слишкомъ поверхностно и безъ достаточнаго основанія вѣрить имъ гораздо менѣе, чѣмъ „Осиповской“ и Ремезовской лѣтописямъ. Допустимъ, что Строгановская лѣтопись была составлена позже „Осиповской“, что составитель первой компилировалъ съ помощью второй, что онъ былъ для Строгановыхъ „свой человѣкъ“, а потому, не въ примѣръ всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, воспользовался и ихъ фамиліальными грамотами, такъ какъ ясно видѣлъ крупныя пробѣлы въ изложеніи фактовъ другими лѣтописцами. Но гдѣ все-таки основаніе подозрѣвать его въ вымышленіи всѣхъ событій касательно Строгановыхъ, которыхъ другіе лѣтописцы, жившіе преимущественно въ Тобольскѣ, по отдаленности отъ Перми Великой и не могли знать? Гдѣ основаніе подозрѣвать его въ извѣтѣ на Пеленелицына, когда именно этому лѣтописцу выгоднѣе было умолчать о такихъ отношеніяхъ воеводы къ Строгановымъ ²⁾, равно какъ и о призывѣ казаковъ съ Волги, что было явнымъ злоупотребленіемъ со стороны Строгано-

¹⁾ „Пермская Старина“, I, 95—105; II, 97—98 и 154—189; III, 108—110; IV, 83—87.

²⁾ Именно *Строгановская* лѣтопись не проронила слова о томъ, что Пеленелицынъ *по злобѣ* сдѣлалъ донесеніе царю о дѣйствіяхъ Строгановыхъ; онъ долженъ былъ донести царю по своему *служебному положенію*.

выхъ довѣремъ къ нимъ цари, ихъ щедрого благодѣтеля? Гдѣ, наконецъ, основаніе считать самого Полелелицына лжецомъ предъ грознымъ царемъ, когда факты того времени говорятъ о полной искренности всѣхъ его дѣйствій—такіе исключительные факты, которые заставили даже дядю бить челомъ на племянника и брата на брата? Нѣтъ, мы должны снять съ этой личности, столь памятной всему Пермскому краю, незаслуженный ею упрекъ, очистить се отъ несправедливыхъ укоровъ потомства и отвести ей наиболѣе почетное мѣсто въ длинномъ ряду другихъ великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ. Личность этого воеводы въ ряду другихъ представляется наиболѣе свѣтлою и во всякомъ случаѣ болѣе безупречною по сравненію съ современными ему Строгановыми. Достопамятнымъ царскимъ грамотамъ Строгановыхъ 1581 и 1582 г. мы должны вѣрить ничуть не менѣе лѣтописей. если желаемъ быть безпристрастными въ своихъ сужденіяхъ.

Во всей грамотѣ отъ 6-го ноябля 1581 года на имя Никиты Строганова нѣтъ и намека на вольныхъ казаковъ, потому что не могло быть его въ челобитной Семена и Максима Строгановыхъ, послѣдствіемъ которой явилась эта грамота; нѣтъ его и въ грамотѣ, посланной въ одинъ день пермскому намѣстнику, князю Елецкому. Строгановы призвали казаковъ вопреки грамотѣ 1574 г., отправили ихъ въ Сибирь также безъ царскаго указа, а потому естественно не могли ни словомъ упомянуть объ ихъ недавнемъ присутствіи въ своихъ вотчинахъ. Вѣроятно, они отправили свою челобитную къ царю въ самомъ началѣ сентября, когда вогуличи вслѣдъ за уходомъ казаковъ обложили ихъ Чусовскую вотчину съ южной стороны, по предварительному уговору съ великимъ княземъ Кихкомъ (6-го ноябля уже дана была грамота). Самъ же князь стоялъ въ это время на противоположномъ концѣ Перми Великой, подъ стѣнами Чердыни, а не на Чусовой, какъ неправильно толкуютъ многіе: это доказывается всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ его рати съ сѣвера на югъ, съ береговъ Колвы на р. Чусовую, потому что и пришелъ онъ изъ-за Урала съ Лозьвы на Вишеру по старой сибирской дорогѣ. Движеніе рати подробно указано въ Строгановской лѣтописи. Но еслибы Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Строгановыхъ и, надѣлавъ въ нихъ дебошрствъ, самовольно двинулся въ Сибирь, ~~бы~~ вынужденной поддержкой ихъ, какъ заявляетъ Ремезовъ, то Строгановы, какъ сторона пострадавшая, непременно упомянули бы о томъ въ челобитной къ царю въ собственныхъ интересахъ. Но этого мы изъ грамоты Никиты не видимъ. „Были намъ челомъ,—гласитъ грамота,—Семень да Максимъ

Строгановы, а сказали: приходитъ де войною Пелымской князь съ вогуличи на ихъ слободы (разумеются Чусовская и Сылвенская слободы), и деревни многіе выжгли и крестьянъ въ полошь емлютъ, и нынѣ де Пелымской князь съ вогуличи стоитъ (не самъ князь, а одинъ изъ его „мурзь“) около Чусовского острогу; и намъ бы пожаловати велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перми съ Великія, а ты де (Никита) съ ними противъ вогуличъ не стойши и людей на помощь не даешь“¹⁾. Тутъ челобитная Семена и Максима Строгановыхъ кончается, и далѣе начинается самая грамота, то-есть, резолюція царя на челобитную. По смыслу этой послѣдней, Семень и Максимъ жаловались только на Никиту, о князѣ Елецкомъ и Пелепелицынѣ не упоминали ничего и только просили у царя распоряженія прислать войска изъ Чердыни, такъ какъ не знали, что тамъ, подъ самымъ городомъ, уже стоитъ самъ Кихекъ. Пелепелицынъ зналъ, конечно, о казакахъ въ вотчинахъ Строгановыхъ и, не предвидя послѣдствій ихъ пребыванія въ вотчинахъ, не доносилъ о призвѣ ихъ преждевременно, не желая сдѣлаться допосчникомъ. Можетъ быть, главный намѣстникъ края, князь Елецкій, не желалъ того. Но когда обстоятельства круто измѣнились, и Пелепелицынъ убѣдился, что вся напасть на Великую Пермь обрушилась по винѣ казаковъ, когда вслѣдъ за тѣмъ въ декабрѣ 1581 г. былъ отозванъ отъ должности князь Елецкій, который, повидимому, сильно благоволилъ Строгановымъ, то оставшійся единоличнымъ правителемъ края Пелепелицынъ уже не могъ болѣе скрывать отъ царя дѣйствительное положеніе дѣлъ и, по долгу совѣсти и службы, допесъ о всемъ царю такъ, какъ было въ дѣйствительности, открылъ всю правду.

На челобитную Семена и Максима царь отвѣчалъ Никитѣ Строганову въ слѣдующихъ словахъ: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми на вогуличъ посылалъ людей своихъ сколько пригоже, и стояли бѣ твои люди съ Семеновыми и Максимовыми людьми за одинъ и себя оберегали сопча; а съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помощь собравъ посылати велѣли жъ есымя, смотря по людямъ, сколько коли вогуличъ вонскихъ людей придетъ, и велѣли имъ стояти съ Семеновыми и Максимовыми людьми противъ Пелымскаго князя сопча за

¹⁾ *Миллеръ*, стр. 144. Мы полагаемъ, что здѣсь надо разумѣть одного изъ подручныхъ пелымскому князю мурзь, едва ли не того же Бегбелія, снова измѣнишаго русскимъ, по освобожденіи изъ ихъ плѣна.

одинъ, а ты-бъ таково-жъ велѣлъ своимъ людямъ съ Пермскими людьми и съ Семеновыми и съ Максимовыми вмѣстѣ стояти противъ Пелымскаго князя, и воевать имъ (вогуличамъ) не давати, чтобъ вамъ все мѣ отъ войны уберетчися“ (*Миллеръ*, 144). Мы видѣли, что, вслѣдствіе заранѣе составленнаго Кихекомъ широкаго плана военныхъ дѣйствій, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что ни воеводы, ни Строгановы, застигнутые врасплохъ, не успѣли принять никакихъ мѣръ къ самозащитѣ общими силами и должны были обороняться каждый отдѣльно. Понятно также, что если на противоположныхъ концахъ Перми Великой русскіе не знали о совершающихся событіяхъ, то тѣмъ болѣе ничего не знали о нихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе ничего не могли тамъ подозрѣвать о роли казаковъ, какъ главныхъ виновниковъ всей этой смуты. Грамота Никитѣ Строганову служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Посылая грамоту Никитѣ Строганову, Іоаннъ въ то же время посылалъ пермскому намѣстнику, князю Елецкому, стоять сообща со Строгановыми противъ общаго врага—вогуличей, собравшихся въ большомъ числѣ подъ знаменемъ пелымскаго князя ¹⁾. „А съ Перми все мскимъ старостамъ людей въ помощь собравъ посылати велѣли жъ есьмя“, писалъ Іоаннъ Никитѣ Строганову. Но намѣстникъ великопермскій не исполнилъ воли царя и допустилъ грознаго врага въ предѣлы вѣрннаго его попеченію края. Мало того, этотъ врагъ явившійся сюда по замысламъ Кучума столь неожиданно, на всемъ пути своего опустошительнаго слѣдованія отъ Чердыни и Кайгорода до Чусовой не встрѣтилъ нигдѣ сколько нибудь серьезнаго отпора и, уничтожая все огнемъ и мечемъ, побѣдоносно прошелъ страну изъ конца въ конецъ на протяженіи по крайней мѣрѣ 400 верстъ. Все это совершилось такъ быстро и неожиданно, что царскіе гонцы, привезшіе въ Пермь упомянутыя грамоты князю Елецкому и Никитѣ Строганову, встрѣтили здѣсь, къ своему ужасу, только груды развалинъ и пепелища и услышали вопль оставшихся въ живыхъ жителей этой страны. На сколько ужасенъ былъ этотъ погромъ Перми Великой, на сколько врѣзался онъ въ память мѣстныхъ жителей, можно судить по тому, что въ г. Соликамскѣ, пострадавшемъ въ 1581 г. больше всехъ другихъ городовъ этой страны, доселѣ существуетъ

¹⁾ Грамота князю Ивану Михайловичу Елецкому дана почти въ той же формѣ и отъ того же 6-го ноября 1581 г. Она сохранилась въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ С.-Петербургѣ и напечатана въ „Пермской лѣтописи“ *Шихонко*, т. I, стр. 96.

въ память этого нашествія торжественный крестный ходъ въ девятую пятницу по пасхѣ, къ которому стекается ежегодно въ этотъ городъ множество людей со всѣхъ концовъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ ¹⁾). Убитые при нашествіи Гихека были похоронены на песчаномъ холмѣ, возвышающемся съ южной стороны города. Множество человѣческихъ костей, обнажаемыхъ изъ-подъ песка вѣтромъ, доселѣ свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь побойщѣ; на общей могилѣ встарину стоялъ большой крестъ, а нынѣ стоитъ небольшая деревянная часовня. Народъ доселѣ усердно и свято чтитъ память этихъ „убіенныхъ“ ²⁾).

Полное умиротвореніе Перми Великой послѣ такого опустошенія, конечно, совершилось не вдругъ, тѣмъ болѣе, что внутри страны оказались недовольные элементы. Мы видѣли, что къ ильемскому князю пристали инородцы, жившіе на Обвѣ и Иньвѣ. Вѣроятно, это были обвинскіе остяки, а подъ вотяками скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть иньвенскихъ пермяковъ, увлеченныхъ въ общій потокъ инородческаго возстанія противъ русскихъ. Земли по Иньвѣ и Обвѣ инородцы считали своею исконною собственностью, но со времени появленія Строгановыхъ въ Перми Великой онѣ постепенно стали переходить въ ихъ руки, не смотря на оговорку грамоты 1558 г. о неприкосновенности владѣній прежнихъ обитателей края. Теперь даже пермяки рѣшились подняться противъ своихъ притѣснителей сообща съ другими инородцами. Ближайшимъ же поводомъ къ возстанію сылвенскихъ и иренскихъ татаръ и остяковъ, безъ сомнѣнія, послужили „задиранія“ казаковъ, такъ какъ эти инородцы жили за предѣлами Перми Великой. Итакъ, умиротвореніе Пермской страны

¹⁾ Протоіерей *А. М. Луканинъ*, Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска, Пермь, 1882 г., изданіе 2-е, стр. 88. Авторъ, тщательно изучившій богатые церковные архивы г. Соликамска, приводитъ въ подлинникѣ нѣсколько челобитныхъ къ епископамъ вятскимъ и великопермскимъ и ихъ указовъ, изъ коихъ видно, что празднованіе девятой пятницы въ Соликамскѣ установлено еще при епископахъ вологодскихъ и пермскихъ, рядъ которыхъ начинается съ 1584 года. Крестный ходъ въ поминутый день установленъ „по обычаю и челобитію прежнихъ мѣрскихъ людей ради варварскаго нашествія“ (челобитная вятскому епископу Діонисію отъ 5-го февраля 1711 г., въ книгѣ стр. 83—85). Въ другой челобитной епископу Алексію отъ 1719 г. сказано: „Съ прошлыхъ лѣтъ, и стары отъ нахожденія войски Царейскихъ соулчицъ на городъ Сол Камскую и убійства... установлено празднество“ (стр. 85).

²⁾ На этомъ историческомъ холмѣ и лично бывалъ неоднократно и слышалъ преданія о битвѣ русскихъ съ вогуличами и другими „шеверскими“.

потребовало, по крайней мѣрѣ, съ полгода времени, а, вѣроятно, и болѣе, и лишь послѣ того великопермскія власти могли донести царю о всемъ происшедшемъ. Судя по тому, что крестный ходъ въ Соликамскѣ, установленный вскорѣ же послѣ погрома Кихека, приуроченъ къ июню мѣсяцу, мы думаемъ, что полное избавленіе отъ враговъ послѣдовало только къ этому времени. Во всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1581 г. Пермь Великая еще не была спокойна. Это доказываетъ второй и третій челобитными Семена и Максима Строгановыхъ, отвѣтомъ на которыя были царскія грамоты—одна отъ 20-го декабря 1581 г. въ Пермь Великую и въ Усолье Камское старостамъ и цѣловальникамъ о дозволеніи Строгановымъ брать охочихъ казаковъ и пойти войной на вогуличей, а другая грамота отъ 30-го декабря того же года въ Пермь Великую Василию Пелепелицыну о возвращеніи убѣжавшихъ изъ слободъ ихъ въ Пермь Великую людей ихъ ¹⁾. Эти двѣ грамоты доселѣ хранятся въ подлинникахъ въ архивѣ главнаго управленія Пермскими имѣніями Строгановыхъ, въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Мы должны остановить на нихъ вниманіе читателя, какъ на документахъ, повидному, никому не извѣстныхъ. Какъ сохраняемыя въ Пермскомъ краѣ, а не въ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ, онѣ извѣстны были О. А. Волегову, но ихъ не зналъ проф. Устряловъ.

Грамота отъ 20-го декабря 1581 г. очень напоминаетъ грамоту отъ 6-го августа 1572 г., данную Строгановымъ по поводу Черемисскаго бунта. Семень и Максимъ Строгановы, чувствуя крайнюю нужду въ людяхъ съ уходомъ Ермака и опасаясь въ то же время вогуличей, просили государя, по примѣру 1572 г., дозволить на тѣхъ же условіяхъ набирать „охочихъ казаковъ“, которые не измѣнили царю, чтобы съ ихъ помощью восвать вогуличей. При тогдашнемъ положеніи имъ дѣйствительно нельзя было придумать ничего лучшаго. Имъ приходилось думать уже не о личныхъ выгодахъ отъ этого предпріятія, которыя всѣ должны были поступить въ руки казаковъ („животы“ побѣжденныхъ), а только о личной и имущественной безопасности отъ вышнихъ враговъ. Шикита Строгановъ въ этой челобитной опять не участвовалъ, потому что, живя на Камѣ, не чувствовалъ болѣе по отдаленію опасности отъ вогуличей. Семену и Максиму дозволено было, согласно просьбѣ ихъ, набрать охочихъ казаковъ, сколько нужно (пригоже), составивъ имъ именной списокъ и т. д.,—словомъ на тѣхъ же

¹⁾ Эти грамоты нигдѣ изда ны не были.

условіяхъ, какъ было дозволено то же самое въ 1572 году: доказательство, что царь ничего еще не зналъ о посылкѣ тѣми же Строгановыми въ Сибирь вольныхъ казаковъ.

Другая грамота отъ 30-го декабря 1581 г., не представляя интереса по своему содержанию, важна для насъ тѣмъ, что писана на имя одного Василя Пелепелицына. Значить, въ декабрѣ этого года князь Елецкій уже не былъ намѣстникомъ Перми Великой¹⁾, и его имени мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ документѣ. Пелепелицынъ нѣкоторое время оставался на Пермскомъ воеводствѣ безъ соправителя, который былъ присланъ въ Чердынъ лишь въ ноябрѣ 1582 г. въ лицѣ Воина Оничкова. Съ послѣднимъ былъ посланъ въ Пермь Великую еще Иванъ Глуховъ въ качествѣ военачальника, тотъ самый, который въ 1583 г. назначенъ былъ въ товарищи къ первому сибирскому воеводѣ, князю Семену Дмитріевичу Болховскому.

Итакъ, съ января до ноября 1582 г. Пелепелицынъ оставался одинъ на Чердынскомъ воеводствѣ. Нѣкоторые сторонники Есиповской лѣтописи думаютъ, что этимъ-то временемъ и воспользовался онъ, чтобы написать доносъ на Строгановыхъ и обвинить ихъ въ мнимомъ будто бы призваніи Ермака. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы предлагаемъ всѣмъ сторонникамъ Есиповской и Ремезовской лѣтописей и противникамъ Строгановской разрѣшить намъ на основаніи существующихъ источниковъ три дилеммы: 1) Если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они призвали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 г., повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ,—то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задиранія ихъ съ сосѣдними инопорядцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета, съ одной стороны, и благодарность за нее съ другой—немыслимы. 2) Если Пелепелицынъ завѣдомо по

¹⁾ Въ I выпускѣ „Пермской Старины“, на стр. 170, въ спискѣ великопермскихъ воеводъ мы поставили неправильно князя Елецкаго подъ 1582 г., полагавшись на протоіерей Луканина; слѣдуетъ вставить 1581 годъ; а предъ воеводою Вулгикомъ, на второмъ мѣстѣ послѣ князя Ковра, подъ 1570 г. въ спискѣ нужно поставить намѣстника Никиту Ивановича Ромодановскаго. Пелепелицынъ въ 1581 г. сидѣлъ на воеводствѣ совместно съ княземъ Елецкимъ, а въ 1582 г.—съ Юриемъ Оничковымъ.

злѣбъ сказать царю ложь про Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго, какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго, только что вернушагося изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощеніе, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя—не совмѣстимы. 3) Если весь сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову) и даже съ уцербомъ для нихъ (по Ремезову), то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предпримчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, конхъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ ногами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія предоставляла имъ грамота 1574 г., почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 г.) и Чусовой (1568 г.): бить самого себя человѣку не свойственно ¹⁾.

Если сторонники Есиповской и Ремезовской лѣтописей въ состояніи удовлетворительно рѣшить эти три основныя дилеммы въ вопросѣ о покореніи Сибири,—рѣшить безъ натяжекъ, на основаніи всей совокупности источниковъ, то мы перейдемъ на ихъ сторону, сознавъ свою ошибку; а теперь, не смотря на послѣднія увѣренія г. Адрианова, намъ остается повторить тѣ главныя десять положеній въ „сибирскомъ вопросѣ“, которыя имѣютъ для насъ силу твердаго убѣжденія и приведены въ IV-мъ выпускѣ „Пермской Старины“, на страницахъ 61—63. Мы недоумѣваемъ, на какомъ основаніи г. Адриановъ считаетъ всѣ наши доказательства участія Строгановыхъ въ покореніи Сибири „простымъ пересказомъ мнѣній другихъ ученыхъ“. тогда какъ въ рѣшеніи этого вопроса мы вездѣ впереди всего ставили свидѣтельства источниковъ и на основаніи ихъ-то впервые установили три группы мнѣній ученыхъ, принятая затѣмъ Иловайскимъ, а чрезъ него и самимъ г. Адриановымъ. Д. И. Иловайскій въ третьемъ томѣ своей „Исторіи“ воспользовался нашей статьей 1884 года, которая и перепечатана въ 1892 г. въ IV выпускѣ „Пермской Старины“.

А. Дмитріевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Весьма основательныя соображенія по этимъ вопросамъ находятся въ историческомъ обзорѣннн Тобольской губерніи, заключающемся во введеніи къ списку ея населенныхъ мѣстъ, С.-Ииб., 1871 г., стр. LXXI—LXXIV.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

VII.

Волинская земля вошла въ составъ Литовско-Русскаго государства еще при Гедиминѣ, и при томъ, какъ замѣчено раньше, не по праву завоеванія, а на такомъ же точно основаніи, на какомъ при томъ же Гедиминѣ Витебская земля поступила въ управленіе его сына Ольгерда (въ значеніи вѣна его жены). Главнымъ актомъ, съ котораго начала обозначаться связь Волинской земли съ Литовско-Русскимъ государствомъ, считается „соглашеніе“ о бракѣ Любарта-Дмитрія Гедиминовича съ единственной наслѣдницей — дочерью послѣдняго владимірскаго князя рода Даниловичей. Фактъ приобрѣтенія Любартомъ права на княженіе въ Волинской землѣ именно въ силу означеннаго брачнаго акта можно считать безспорно установленнымъ въ наукѣ. Но затѣмъ, при ближайшемъ опредѣленіи деталей этого факта, начинается между учеными рядъ рѣзкихъ разногласій рѣшительно по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Таковы вопросы о личности послѣдняго владимірскаго князя, послѣ котораго Волинь перешла въ литовскія руки, объ условіяхъ брачнаго соглашенія и о времени заключенія брака Любарта съ наслѣдницей волинскаго князя, о времени вступленія Любарта въ управленіе Волинью, объ объемѣ принадлежавшихъ ему территоріальныхъ владѣній, объ отношеніи Любарта къ Галицкому княженію и пр. Всѣ эти вопросы стали разъясняться лишь въ сравнительно недавнее время,

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 годъ.

благодаря изслѣдованіямъ чешскаго ученаго Ржежабека ¹⁾ и русскаго профессора И. П. Филевича ²⁾. Этимъ ученымъ удалось сдѣлать „значительный и важный шагъ впередъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ“ ³⁾ касательно судебъ Галицко-Волинской земли въ пору борьбы изъ-за обладанія ею между Польшей и Литвой-Русью ⁴⁾.

¹⁾ *Řežabek, Jiri II, poslední kníže věškeré Malé Rusi (Časop. Mus. Kral. Česk., 1883)*. Критическая обработка изслѣдованія Ржежабека принадлежитъ А. В. Лонгинову, въ его монографіи: Грамоты малорусскаго князя Юрія II (*Чтен. съ Общ. Ист. и Древн., 1887, II*).

²⁾ См. не разъ цитированную нами его диссертацию „Борьба Польши и Литвы-Руси“ и его замѣтку „Къ вопросу о борьбѣ“ и пр. (см. выше).

³⁾ Такое совершенно вѣрное замѣчаніе сдѣлано однимъ изъ польскихъ критиковъ, именно С. Лисевичемъ (*Przewodnik liter. i nauk., 1891, I и II*) собственно объ изслѣдованіи Филевича, но то же замѣчаніе въ равной мѣрѣ относится и къ монографіи Ржежабека.

⁴⁾ Нельзя не обратить вниманія на знаменательный фактъ плохой прививки новыхъ научныхъ выводовъ въ трудахъ русскихъ изслѣдователей до самаго послѣдняго времени. Для примѣра уважемъ на большое изслѣдованіе молодого ученаго М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута (*Чтен. съ Общ. Ист. и Древн., 1892 — 1893*). По занимающему насъ вопросу г. Любавскій усвоилъ лишь одинъ изъ выводовъ новыхъ изслѣдователей польскихъ и русскихъ, именно касательно личности послѣдняго волинскаго князя (Андрѣя Юрьевича), послѣ котораго Волянь перешла къ Любарту (Области. дѣленіе, 36). Что же касается другихъ вопросовъ, то, какъ видно по всему, г. Любавскій мало знакомъ съ послѣдними научными выводами по этимъ вопросамъ и повторяетъ, что называется, зады, которые пора бы, кажется, оставить, какъ не нужные „переживания“ отъ старыхъ научныхъ воззрѣній и выводовъ. О трудахъ по нашему вопросу новыхъ ученыхъ западныхъ и русскихъ—Ржежабека, Смольки, Вольфа и другихъ, нигдѣ нѣтъ и намёка у г. Любавскаго. Ссылка на диссертацию Филевича встрѣчается лишь всего одинъ разъ (въ приведенномъ выше мѣстѣ монографіи Любавскаго); весьма важныя разъясненія по галицко-волинскому вопросу, вызванныя диссертацией Филевича въ нашей и польской литературѣ за 1891 г. (критич. замѣчанія г. Лисевича, Чучинскаго и Линиченка и отвѣтъ на ихъ замѣчанія со стороны проф. Филевича) также нисколько не приняты во вниманіе г. Любавскимъ. У него находимъ, кромѣ того, новыя воззрѣнія, но съ ними едва ли можно согласиться. Таково положеніе о томъ, что будто бы Любарть первоначально держалъ только нѣсколько волостей „въ кормленіи“ и занялъ Волинскую землю лишь около 1336 г. по смерти галицко-волинскаго князя Юрія II. Г. Любавскій ссылается при этомъ на изслѣдованіе Андріяшева (Очеркъ ист. Волинской земли, 208, прим. 4); но тамъ говорится о томъ, что Любарть въ данное время „внѣжилъ“ въ Луцкой землѣ, а не держалъ ее „въ кормленіи“, какъ утверждаетъ г. Любавскій. Выраженіе: въ кормленіи, поставленное въ кавычкахъ у г. Любавскаго, показываетъ, что выраженіе это какъ будто откуда-то имъ взято,

Документальнымъ основаніемъ положеній, высказанныхъ разными учеными русскими и польскими касательно перваго литовскаго князя въ Волинской землѣ, служить слѣдующее лѣтописное сообщеніе: „а Любарта принялъ володимерскій князь к дотце (у Быховца—„за зятя“) во Володимеръ и въ Луцескъ и во всю землю Волинскую“¹⁾. Въ этомъ извѣстіи точно опредѣляется только личность Любарта и владѣнія князя волинскаго; остальные детали—неизвѣстныя величины, которыя предстояло изслѣдователямъ отыскать путемъ анализа всѣхъ сколько нибудь подходящихъ къ искомому вопросу данныхъ. Нѣтъ надобности приводить результаты трудовъ разныхъ ученыхъ (Стад

но откуда—онъ не указываетъ. Кромеъ и Длугошъ, на которыхъ есть ссылки у Андришева и которыхъ, повидимому, имѣлъ въ виду и г. Любавскій, не говорятъ ни о какомъ кормленіи Любарта, а лишь указываютъ на то, что Любартъ, сдѣлавшись волинскимъ княземъ (но при какихъ условіяхъ, не сказано), выгналъ оттуда или подчинилъ себѣ старыхъ русскихъ князей (см. *Андришевъ*, Очеркъ, 208, прим. 4). Замѣтимъ кстати, по поводу общаго направленія изслѣдованія г. Любавскаго, что этотъ, повидимому, только-что начинающій ученый принадлежитъ къ изслѣдователямъ самой послѣдней формациі, поставившимъ для себя главной задачей „архивныя открытія“. Изслѣдованія и открытія въ такихъ архивныхъ сокровищницахъ, какъ, наиримѣръ, Литовская Метрика, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣло въ высокой степени важное и серьезное: всякій, кто интересуется русской стариной, долженъ быть благодаренъ тѣмъ, кто выводитъ на свѣтъ Божій архивныя данныя. Объ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого спора. Но дѣло въ томъ, что сами-то научныя изслѣдованія, обоснованныя на архивныхъ открытіяхъ, могутъ быть полезными для изслѣдователей и самой науки лишь подъ однимъ условіемъ, когда изслѣдователь основательно ознакомится какъ съ личнымъ документальнымъ матеріаломъ, обнародованнымъ въ печати, такъ и съ тѣмъ, что сдѣлано уже въ наукѣ на основаніи такого матеріала прежними изслѣдователями. Разъ такихъ условій нѣтъ въ наличности, изслѣдователю непременно грозитъ опасность произвольныхъ и одностороннихъ выводовъ, или, по меньшей мѣрѣ, лишній трудъ пошлаго открытія Америки, во всякомъ же случаѣ—построеніе „историческихъ миражей“, въ немаломъ количествѣ накопившихся въ послѣднее время въ изслѣдованіяхъ по исторіи южной Россіи не только польскихъ, но и русскихъ ученыхъ (не малая вина въ построеніи такихъ „миражей“ падаетъ на долю, между прочимъ, ученыхъ Киевской „школы“). Къ такимъ же „миражамъ“ относится и рядъ, на нашъ взглядъ, совершенно произвольныхъ положеній г. Любавскаго. „Миражи“, какими изобилуетъ его изслѣдованіе, какъ намъ кажется, являются естественнымъ результатомъ ненадлежащаго знакомства автора съ документальными данными, извѣстными уже въ печати, а также съ научной разработкой избранныхъ имъ вопросовъ.

¹⁾ Лѣт. *Даниловича*, 27; *Быховецъ*, 15. Въ Воскр. лѣт. (П. С. Р. Л., VII, 256): „А седьмой сынъ Гедиминовъ Любартъ, а взялъ его волинскій князь къ дочкѣ на свое мѣсто на княженіе“.

ницкаго, Антоновича, Андріяшева и др.), старавшихся такъ или иначе разрѣшить занимающій насъ вопросъ. Для нашей цѣли будетъ достаточно намѣтить такія стороны вопроса, которыя можно считать наиболѣе выясненными въ наукѣ.

Таковъ вопросъ о личности владимѣрскаго князя, который, по лѣтописному извѣстію, призналъ своимъ наследникомъ Любарта Гедиминовича. Лѣтопись имѣетъ въ виду не Льва Юрьевича (какъ полагаютъ Стадницкій, Антоновичъ, Андріяшевъ и др.), но его брата— Андрея Юрьевича, дѣйствительно владѣвшаго Владиміро-Луцкой землей въ то время, какъ Левъ сидѣлъ въ Галичинѣ¹⁾.

Касательно брака Любарта съ дочерью владимѣрскаго князя, единственною наследницей принадлежавшаго ему княжества, съ несомнѣнностію можно полагать, что при жизни владимѣрскаго князя могло состояться лишь одно соглашеніе о будущемъ бракѣ его дочери съ Любартомъ, какъ и относительно будущаго наследства въ Галицко-Владимѣрскомъ княжествѣ, которое должно было перейти къ Любарту²⁾. Дѣло въ томъ, что при жизни владимѣрскаго князя, Андрея Юрьевича (ум. 1321 г.), бракъ между указанными лицами былъ рѣшительно невозможенъ по каноническимъ правиламъ, именно въ виду полнаго несовершеннолѣтія, если не самого Любарта³⁾, то во всякомъ случаѣ его будущей жены, бывшей полною малолѣткой при

¹⁾ *K. Stadnicki*, Syn., II, 25. *Wolff*, Ród Gedym., 74. *Антоновичъ*, Моногр., I, 50—51. *Андріяшевъ*, Очеркъ, 207. *Rejzabek* (*Casop.*, 211). *Филевичъ*, Борьба, 42—43. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 38. По показанію Стадницкаго (однако, безъ точнаго указанія на источники), первою женою Любарта была дочь Льва Юрьевича, луцкаго князя (Syn., II, 25). Антоновичъ открылъ даже ее имя—Буша, по опять безъ указанія на источникъ (Моногр., I, 51). По болѣе достоверному показанію русскихъ источниковъ, въ данномъ случаѣ рѣчь могла идти только о бракѣ Любарта съ Анной, дочерью владимѣрскаго князя Андрея Юрьевича (*Хмыровъ*, Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей, стр. 33, № 352. Ср. *Wolff*, Ród Gedym., 74).

²⁾ Въ смыслѣ такого соглашенія и нужно понимать приведенное выше лѣтописное извѣстіе о назначеніи Любарта зятемъ волынскаго князя. См. *Ржежабекъ*, *Сѣзор.*, 211, и *Филевичъ*, Борьба, 43.

³⁾ У *Нарбута* (*Dzieje staroż. narodu Lit.*, I, 156 и слѣд.) есть извѣстіе о томъ, что отъ послѣдней (3-й) жены Евы (Евы) Гедиминъ имѣлъ 3-хъ сыновей: Любарта, родивш. 1299 г., Евнута—1301 и Коріата—1306 г. (См. *Wolff*, Ród, 9). Какъ извѣстно, Любартъ былъ самымъ младшимъ сыномъ Гедимина; если положимъ, что Любартъ родился въ началѣ XIV столѣтія, то выйдетъ, что въ годъ смерти нареченнаго тестя (1321) Любартъ имѣлъ всего 16—17, много 20 лѣтъ.

жизни своего отца ¹⁾. Существуетъ весьма правдоподобное предположеніе (Ржежабека), что бракъ Любарта состоялся лишь въ началѣ 30-хъ годовъ XIV столѣтія, когда его невѣста достигла надлежащаго брачнаго возраста ²⁾.

Сопоставимъ теперь занимающій насъ фактъ брачнаго соглашенія по волинскому наслѣдству съ извѣстнымъ уже намъ фактомъ брака другого сына Гедимина, Ольгерда, съ дочерью витебскаго князя, Ярослава Васильевича. Въ обоихъ случаяхъ положеніе дѣлъ одно и то же: въ Витебскѣ и на Волини предстояло въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ прекращеніе мужскаго поколѣнія княжескихъ домовъ, — въ наличности оставались единственныя ихъ представительницы — дочери послѣднихъ владѣтелей обоихъ княжествъ. Затѣмъ, оба факта совпадаютъ и во времени. Бракъ Ольгерда состоялся въ 1318 г., по предварительному соглашенію Гедимина съ витебскимъ княземъ о правѣ наслѣдованія послѣ него Витебскимъ княжествомъ въ пользу Ольгерда, въ значеніи вѣна его жены, — право это и было затѣмъ осуществлено въ 1320 г. по смерти витебскаго князя ³⁾ Судя по всѣмъ даннымъ, относящимся къ вопросу о Волинскомъ и Витебскомъ наслѣдіяхъ, соглашеніе о нихъ могло быть одновременнымъ дѣломъ инициативы и авторитетнаго воздѣйствія, главнымъ образомъ, со стороны Гедимина, руководившагося въ данномъ случаѣ династическими видами и общими интересами слагавшагося государства. Владимірскій князь умеръ въ 1321 г.; значить, соглашеніе о наслѣдствѣ послѣ него въ пользу Любарта могло состояться почти около того же времени, какъ и соглашеніе по Витебскому наслѣдству.

Затѣмъ, какъ ясно видно изъ приведеннаго выше лѣтописнаго сообщенія о волинскомъ наслѣдіи, послѣднее касалось „всей Волинской земли“, подъ которой въ то время разумѣлась, какъ мы уже знаемъ, не одна Владиміро-Луцкая земля, но и вся Галичина ⁴⁾.

¹⁾ О малолѣтствѣ дочери владимірскаго князя см. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 326.

²⁾ *Сбор. Мн. Сѣк.*, 211, пр. 81. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 326. По показанію русскихъ лѣтописей (П. С. Р. Л., VII, 215), въ 1349 г. Любартъ женился во второй разъ на дочери князя ростовскаго и имѣлъ отъ этого брака сыновей: Федора, Лазаря и Семена (*Wolff*, 74).

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 46; *Wolff*, 26. *Stalnicki*, *Bracia*, 10.

⁴⁾ Противъ мысли о правѣ Любарта на „всю Волинскую землю“ высказываются Стадницкій, Андришевъ и др. Стадницкій полагалъ, что за Любартомъ было признано лишь одно Луцкое княжество; позже не разъ мѣнялись границы

Если жъ это такъ, то понятно само собою, что въ вопросѣ о соглашеніи по волинскому наслѣдію былъ не меньше другихъ заинтересованъ также наличный владѣтель Галичины — Левъ Андреевичъ, подобно брату, не имѣвшій прямого мужскаго потомства. Онъ, естественно, долженъ былъ принимать непосредственное участіе въ соглашеніи по волинскому наслѣдію.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и другаго дѣятеля, безъ содѣйствія котораго едва ли бы могло мирно и успѣшно состояться соглашеніе о волинскомъ наслѣдіи. Въ данномъ случаѣ рѣчь вѣдь шла о судьбѣ одного изъ татарскихъ улусовъ, — вопросъ, къ которому ордынское правительство никоимъ образомъ не могло безучастно относиться: рѣшеніе вопроса о волинскомъ наслѣдіи въ пользу Любарта непременно предполагаетъ согласіе на него со стороны та-

любартовскихъ владѣній, — лишь одинъ Луцкъ составлялъ удѣлъ Любарта до самой его смерти (Synowie Gedym., II, 25). Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ противорѣчіе съ своимъ же положеніемъ, Стадницкій утверждаетъ, что, по смерти послѣдняго галицко-волинскаго князя Юрія II (мнимаго сына Андрея Юрьевича) въ 1338 г., Русь Червоная перешла „ро kądzieli“, то-есть, по дочери Андрея и сестрѣ Юрія, Маріи, къ Болеславу Малонецкому, Гедиминъ же и Любартъ „*тѣмъ самымъ правомъ, что и Болеславъ, Русь Червоную*“ (то-есть, ро kądzieli — браку Любарта) забрали всю Волинскую землю (ibid., 26). По словамъ Андрияшена, „лѣтописецъ ошибся (утверждая, что Любарта принялъ владимірскій князь „во всей землѣ Волинской“); позже дѣйствительно онъ (Любартъ) овладѣлъ и Владимірской землей; это случилось свѣчасъ же послѣ смерти Болеслава Тройд. (на слѣд. 208 стр. утверждается, что это случилось еще при жизни Болеслава, въ 1339 г.). Но женѣ же Любартъ получилъ только Луцкъ“. Въ подтвержденіе послѣдняго своего положенія г. Андрияшевъ ничего не могъ привести, кромѣ ссылки на налѣстный уже намъ договоръ литовскихъ князей съ Казимиромъ 1366 г. (Skarbice, № 432), гдѣ дѣйствительно Любартовскія владѣнія ограничиваются Луцкимъ княжесствомъ (Андрияшевъ, Очеркъ, 207, прим. 4). По вѣдъ договоръ 1366 г. явился 30—40 лѣтъ позже того времени, о которомъ трактуется г. Андрияшевъ; затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, до этого договора Любартъ *все время* владѣлъ въ одинаковой мѣрѣ и безъ перерыва Луцкомъ и Владиміромъ, — послѣдній въ 1366 г. захваченъ Казимиромъ, но затѣмъ вскорѣ (въ 1370 г.) снова возвращенъ Любарту (см. объ этомъ выше). Категорическія указанія на права, приобретенныя Любартомъ по женѣ, не только на Владиміро-Луцкую землю, но и на Галичину, находимъ въ польскихъ источникахъ. Въ родословной таблицѣ литовскихъ князей, помѣщенной у Писторія (Corp. hist. Pol., III, 166), говорится: „Lubardus a patre nihil acceperat, sed ex uxore dux erat Leopoliensis et Vuladimiriensis. Uxor filia et heres ducis Leopoliensis et Vuladimiriensis“. То же самое подтверждаетъ Длуготъ (X, 404): „Lubardus matrimonium filiae unice ducis Wladimiriensis, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Wladimiriensis obveniebant“. Ср. также Яна (Hist., II, 629) и Кромера (L. XII, p. 309).

тарской власти. Прямыхъ указаній на это въ источникахъ не имѣется; но нѣтъ также указаній и на протестъ со стороны татаръ противъ вступленія Любарта въ права владиміро-луцкаго князя по смерти его нареченнаго тести—Андрея Юрьевича. Есть, затѣмъ, косвенное указаніе на то, что ордынское правительство было солидарно съ русскими и литовскими князьями въ рѣшеніи вопроса о любартовскомъ наслѣдїи. Когда по смерти галицкаго князя Льва Юрьевича (въ 1322 г.) открылся вопросъ о наслѣдїи Галицкаго стола (изъ-за чего завязалась борьба между различными претендентами), ордынское правительство спѣшить посылкой въ Галичь своихъ намѣстниковъ (конечно, съ достаточною военной силой), по всему видно, ради береженья не однихъ своихъ улусныхъ правъ (они слишкомъ твердо стояли въ данномъ случаѣ), но и чьихъ-то иныхъ правъ на галицкое наслѣдіе. Такими правами, охранявшимися въ данное время Ордой, могли быть только права Любарта; быть можетъ, и самая посылка въ Галичину татарскихъ намѣстниковъ состоялась по рѣшенію, заранѣе принятому при общемъ соглашеніи по галицко-волынскому наслѣдію.

При такихъ условіяхъ и обстоятельствеахъ состоялось еще при жизни послѣдняго волынскаго князя изъ рода Даниловичей рѣшеніе вопроса о галицко-волынскомъ наслѣдїи въ пользу Любарта-Дмитрія Гедиминовича. Въ 1321 году умираетъ волынскій князь, Андрей Юрьевичъ ¹⁾. Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Любартъ немедленно же является въ роли полноправнаго князя, не только луцкаго, но и владимірскаго. Въ фундаментальномъ привилей Любарта, данномъ 18-го декабря 1322 года въ Луцкѣ основанной имъ же мѣстной соборной церкви Іоанна Богослова и епископу луцкому и острожскому на пожалованныя имъ села и разные доходы (съ подтвержденіемъ неприкосновенности церковнаго суда владыки), Любартъ титулуется: „Милостию Божею.. Луцкій и *Володимерскій* князь“ ²⁾. Нѣтъ никакихъ основаній считать этотъ привилей подложнымъ, какъ это полагаютъ изслѣдователи, считающіе Любарта только луцкимъ княземъ. Привилей Любарта имѣетъ свою исторію, доказывающую вполне его подлинность. Онъ былъ подтвержденъ въ 1497 году великимъ княземъ Александромъ, а въ 1629 году—королемъ Сигизмундомъ III. Въ описи соборной луцкой церкви, составленной 16-го декабря 1585 года по случаю передачи ея въ вѣдѣніе епископа Кирилла Тер-

¹⁾ *Описанча*, Борьба, 42.

²⁾ Арх. Ю.-В. Р., ч. I, т. VI, № 1.

лецаго, въ числѣ актовъ, данныхъ князьями и частными лицами въ разное время на принадлежащія этой церкви имѣнія, стоитъ на первомъ планѣ „привилей головный (главный) *всликаго князя* Любарта на церковь соборную святаго Иоана Богослова, который тую церковь соборную фундовалъ, гдежь и гробъ его, въ той церкви. и теперь есть“ ¹⁾. Въ 1738 году грамота Любарта, какъ „головной привилей“ церкви, была внесена въ луцкую городскую книгу въ точномъ польскомъ переводѣ ²⁾. На Любарта, какъ князя всей Волыни, указываетъ также другой современный актъ-привилей, данный (нѣсколько позже привилей луцкой церкви) Кейстутомъ (княземъ Подляшскимъ) и Любартомъ Торунскимъ кунцамъ на проѣздъ чрезъ Подляхію и Владимірскую землю до Луцка ³⁾. Во всѣхъ послѣдующихъ актахъ, гдѣ только упоминается территоріальный титулъ Любарта, онъ всегда именуется княземъ „Володимерскимъ“ ⁴⁾. Историки, не признающіе за Любартомъ права наслѣдія (по женѣ) на Владимірскую землю, полагаютъ, что онъ „завладѣлъ“ ею позже (въ концѣ 30-хъ годовъ XIV столѣтія) ⁵⁾. Дѣло въ томъ, что ни въ моментъ открытія Владимірскаго наслѣдія (въ 1321 году, по смерти Андрея Юрьевича),

¹⁾ Ibid., № 46, стр. 206—207.

²⁾ Въ такомъ видѣ привилей Любарта помѣщенъ въ томъ же Архивѣ Юго-Зап. Россіи, въ прибавленіи къ описи луцкой церкви 1585 г. (ч. I, т. VI, № 46, стр. 206).

³⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси, 327.

⁴⁾ Такова грамота византийскаго царя 1347 г. на имя Любарта, князя Владимірскаго, гдѣ царь заявляетъ его о подчиненіи Русь кіевскому митрополиту (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1847, т. 54, стр. 131 и 139). Въ грамотѣ Любарта 1379 г. на учрежденіе товарныхъ складовъ иностранными гостями въ Владимірѣ и Луцкѣ онъ титулуется великимъ княземъ Володимерскимъ и Луцкимъ (*Akta grodz. i ziemskie*, III, 30) и пр.

⁵⁾ По словамъ Андрияшева, по смерти Андрея и Льва (въ 1324 г.) Юрію II (мнимому сыну Андрея) досталась западная Волынь съ Владиміромъ и Галиціей, восточная же съ Луцкомъ перешла къ Любарту; затѣмъ же, по смерти Юрія II (1339 г.) Любартъ „завладѣлъ“ Владимірскою землею (Очеркъ, 202—203, 208). Сходное же положеніе высказалъ и г. Линиченко въ своемъ спорѣ съ Филевичемъ по вопросу о Галицко-Волынскомъ наслѣдіи (*Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ и пр. 329). Ближе къ истинѣ рѣшается данный вопросъ Стадницкимъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи Литовской Руси: говоря, что Русь Червоная перешла къ Болеславу Тройденевичу „*po kądzieli*“ (какъ вѣно жены). Стадницкій затѣмъ прибавляетъ; что Гедимины и Любартъ „*tem razem prawem* (то-есть, *po kądzieli*) со *Boleslaw Rus czerw., zabrali całą ziemię Wolyńską*“ (Syn. Gedyrn., II, 26). Антоновичъ также полагаетъ, что Волынь (не одна Луцкая земля) „перешла во власть Любарта Гедиминовича по наслѣдству, безъ завоеванія“ (Моногр., I, 50).

ни позже не было въ наличности полноправнаго „Владимірскаго“ князя, у котораго приходилось бы Любарту „завоевывать“ Владимірскую землю: законнымъ владѣтелемъ ея являлся одинъ Любарть, вступившій полностью въ права своего тестя, бывшаго владѣтеля всей Волинской земли. Въ подтвержденіе мысли о „завоеваніи“ Любартомъ Владимірской земли обыкновенно ссылаются на сообщенія Кромера и Длугоша о томъ, что, занявъ Волинскую землю, Любарть изгналъ или подчинилъ себѣ природныхъ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ на Волини въ качествѣ мелкихъ удѣльныхъ князей¹⁾. „Борьба“ съ этими князьями, однако, не имѣетъ ничего общаго съ „завоеваніемъ“ страны: борьба эта есть не больше, какъ продолженіе такой же точно борьбы старыхъ волинскихъ князей Романовичей съ зависѣвшими отъ нихъ мелкими удѣльными князьями. И при Романовичахъ, и при Любартѣ, дѣло шло вовсе не о завоеваніи той или другой волинской области, а лишь исключительно о „покорѣ“ и „послушаніи“ сидѣвшихъ въ нихъ удѣльныхъ владѣтелей „великому князю“ всей Волинской земли. Вступивъ по праву наслѣдованія во всѣ права старыхъ волинскихъ князей Даниловичей, Любарть, естественно, былъ въ правѣ требовать „покоры“ себѣ отъ мѣстныхъ князей, какъ и вообще отъ всего населенія подчиненной ему земли. Разъ удѣльный князь отказывался отъ послушанія своему „господарю“ великому князю, послѣдній, по стародавнему обычаю, равно практиковавшемуся въ юго-западной Руси до и послѣ присоединенія къ литовско-русскому государству, могъ, на совершенно законномъ основаніи (не по праву завоевателя), удалять непослушныхъ князей изъ ихъ удѣльныхъ владѣній. По справедливому замѣчанію профессора Филевича, „овладѣвать Волинію Любарту не было никакой надобности, потому что это владѣніе составляло его законное право; къ мысли объ этомъ давно должно было привыкнуть и населеніе, и, между прочимъ, боярство, представителей котораго мы дѣйствительно увидимъ потомъ на сторонѣ Любарта. Только потому, что это законное право Любарта не могло быть, по обстоятельствамъ, осуществлено въ полномъ объемѣ, онъ и добивался его осуществленія всю свою жизнь“²⁾.

¹⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 208, пр. 4: „Lubardus Gedimini. filius, cum Vladimiriensium ducis filiam uxorem duxisset omni eo tractu Russiae, qui Litwanis finitimus est, Russiae ducibus, vel in ditionem acceptis, potitus est“ (*Кроммеръ*, I. IX, p. 308). „Lubardus... ejectis (изъ Волини) antiquis Russiae principibus, cum nonnullis aliis pertinenciis accubabat“ (*Длугъ*, I. IX, p. 1087).

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 329.

О правах Любарта собственно на галицкое наследіе мы говорили выше; теперь изложим лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Вопросъ о галицкомъ наследіи возникаетъ въ 1322 году, когда умеръ Левъ Юрьевичъ, послѣдній галицкій князь изъ рода Даниловичей ¹⁾. Въ теченіе трехлѣтней борьбы, завязавшейся между различными претендентами, охрана спорнаго наследства ведется прислапными изъ орды ханскими намѣстниками (1322—1324 года) ²⁾. Главными претендентами на галицкое наследіе являются: Любартъ (по женѣ) и Юрій II Болеславъ (по отцу, мазовецкому князю Локетку-Казимиру II, какъ полагаютъ, имѣвшему своей женою дочь Юрія Львовича, то-есть, сестру умершихъ князей галицко-волинскихъ, Андрея и Льва) ³⁾. Вопросъ о галицкомъ наследіи улаженъ былъ лишь чрезъ три года, и опять таки, какъ видно по всему, не безъ воздѣйствія со стороны Гедимина, старавшагося дать борьбѣ изъ-за сказаннаго наследія направленіе, возможно выгодное для династическихъ интересовъ литовскихъ князей. Намъ думается, что успѣшный исходъ кандидатуры Юрія II стоитъ въ весьма тѣсной связи съ бракомъ его съ дочерью Гедимина, Офкой-Маріей ⁴⁾. По всемъ видимостямъ, соглашеніе объ этомъ бракѣ между Гедиминомъ и Юріемъ-

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 42. Большинство изслѣдователей (Стадницкій, Андрияшевъ и др.) полагаютъ, что послѣднимъ галицкимъ княземъ изъ Даниловичей былъ Юрій II—явный сынъ Андрея Юрьевича, что только по его смерти въ 30-хъ годахъ XIV столѣтія Галицкое наследіе переходитъ къ Болеславу Тройденновичу. (*Stadn.*, Сун., II, 25. *Андрияшевъ*, 202, 207—208 и пр.). Еще Нарушевичъ догадывался, что Болеславъ и Юрій II одно и то же лицо, какъ и Антоновичъ считаетъ не лишнимъ правдоподобныхъ основаній мнѣнію о тождествѣ Юрія II и Болеслава (Моногр., I, 51). Ржежабекъ неопровержимо доказалъ, что Левъ Юрьевичъ былъ послѣднимъ княземъ Галицкимъ изъ рода Даниловичей, преемникъ же его Юрій II одно и то же лицо, что и Болеславъ (*Réžabek*, Jiri II, *Cávor. Mus. Cèsk.* 1883. Ср. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 319—320).

²⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 324.

³⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 206. *Филевичъ*, Борьба, 43.

⁴⁾ *Dlug.*, III, 146, 183; IX, 155. Ср. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 8. По Стадницкому, женою Болеслава Мазовецкаго, утвердившагося въ Галичинѣ, была дочь Андрея и сестра Юрія II (Сун. Ged., II, 26). Вѣроятно, руководясь такимъ показаніемъ Стадницкаго, Любавскій и пришелъ къ тому заключенію, что Андрей Юрьевичъ, признаваемый имъ, согласно съ новыми изслѣдованіями, Владимірскій князь, имѣлъ двухъ зятьевъ: Любарта и Болеслава Тройденновича, утвердившихся, по словамъ Любавскаго, около 1336 г. первый—во всей Волинской землѣ, второй—въ Галичинѣ (см. Областное дѣленіе, 38—39). Такъ механически комбинируются у новыхъ изслѣдователей разнорѣчимыя показанія источниковъ, какъ видно, безъ внимательной, критической оцѣнки ихъ исторической достовѣрности.

Болеславомъ состоялось одновременно съ улаженіемъ вопроса о галицкомъ наслѣдїи. Последнее и могло быть признано съ литовской стороны за Болеславомъ лишь подъ условіемъ брака галицкаго наслѣдника съ дочерью Гедимина ¹⁾. Безъ такого условія Гедиминъ и Любарть едва ли бы легко согласились уступить, хотя бы временно, притязаніямъ польскаго претендента на галицкое наслѣдіе. Трудно, конечно, опредѣлить со всею точностью, какое именно положеніе занималъ во всемъ этомъ дѣлѣ законный наслѣдникъ галицкаго стола—Любарть Гедиминовичъ. Во всякомъ случаѣ онъ не вонсе отказывался отъ своихъ правъ на галицкое наслѣдіе, что доказывается послѣдующими дѣйствіями Любарта и его сторонниковъ среди мѣстнаго боярства. Своимъ согласіемъ на занятіе Юрьемъ галицкаго стола, по всему видно, лишь въ значеніи „доживотья“, Гедиминъ и Любарть не отбѣняли правъ послѣдняго на тотъ же столъ, но лишь отерочивали ихъ осуществленіе, пока будетъ длиться „доживотье“ Юрія-Болеслава ²⁾. Наконецъ, какъ извѣстно изъ лѣтописныхъ сообщеній, признаніе галицкаго стола за Юріемъ-Болеславомъ (какъ раньше занятіе стола владиміро-луцкаго Любартомъ) не обошлось безъ согласія хана ³⁾.

При такихъ условіяхъ Юрій-Болеславъ утвердился въ 1325 году на галицкомъ столѣ совершенно мирнымъ путемъ, вмѣстѣ со смѣной сидѣвшихъ съ 1322 года въ Галичѣ татарскихъ наместниковъ ⁴⁾. Любартовское наслѣдіе находилось въ рукахъ Юрія-Болеслава въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1340 году умираетъ (какъ полагаютъ, отъ отравы) этотъ несомнѣнно ревностный проводникъ польско-католическихъ интересовъ въ Галичинѣ, до значительной степени расчистившій и подготовившій почву для дальнѣйшихъ территоріальныхъ захватовъ

¹⁾ Бракъ Болеслава съ дочерью Гедимина, вѣроятно, въ виду неполнаго совершеннолѣтія послѣдней, былъ заключенъ лишь чрезъ 6 лѣтъ (въ 1331 г.) послѣ того, какъ Болеславъ занялъ Галицкій столъ (*Дугонь*, IX, 155. *Wolff, Ród*, 8. *Филевичъ*, Борьба, 43; Къ вопросу о борьбѣ, 325).

²⁾ Юрій-Болеслава едва ли можно назвать „блюстителемъ Любартова наслѣдія“. Юрій являлся представителемъ и блюстителемъ прежде всего своихъ родныхъ, польскихъ интересовъ; для него были безразличны права Любарта и представительственныя имъ литовско-русскіе интересы. Настоящими блюстителями Любартова наслѣдія, при Юрьѣ и послѣ него, являлись представители страны (извѣстный Детко), поддерживали и воляницы (князь Острожскій). См. *Филевичъ*, Борьба, 84; Къ вопросу о борьбѣ, 328.

³⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 324.

⁴⁾ *Филевичъ*, Борьба, 43; Къ вопросу о борьбѣ, 324—325.

Польши въ Галицко-Волинской землѣ. Послѣдовавшее вслѣдъ за смертью Юрія осуществленіе правъ Любарта на галицкое наслѣдіе вполнѣ доказывается, какъ прямыми указаніями на то польскихъ источниковъ ¹⁾, такъ и всѣмъ ходомъ возгорѣвшейся на галицкой почвѣ борьбы между Казимиромъ и представителями Любарта ²⁾. Борьба изъ-за галицко-волинскаго наслѣдія, какъ мы уже знаемъ, привела въ 1349 году къ безповоротному присоединенію къ Польшѣ всей Галицкой Руси, а впослѣдствіи и Белзско-Холмской земли. Территоріальныя владѣнія Любарта и его преемниковъ ограничились съ тѣхъ поръ лишь рубежами Владиміро-Луцкой земли.

Остается еще выяснитъ вопросъ о владѣтельныхъ правахъ Любарта, на сколько это вообще необходимо для опредѣленія главнаго нашего предмета—большей или меньшей территоріальной самостоятельности принадлежавшихъ Любарту владѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Любартъ вступилъ въ права волинскаго князя, подчинившаяся ему область стала считаться составной частью литовско-русскаго государства. Борьба съ Казимиромъ изъ-за волинскаго наслѣдія велась не однимъ Любартомъ, но и другими представителями государства; отъ имени князей литовскихъ заключались и договоры объ этомъ наслѣдіи. Въ 1352 году литовскіе князья, въ докончаніи съ Казимиромъ, порѣшили: „королеви держати Львовскую землю исполна, а намъ (литовскимъ князьямъ) держати Володимѣрьскую, Луцкую, Белзскую, Холмскую, Берестинскую исполна жъ“ ³⁾, хотя на дѣлѣ всѣ эти земли составляли владѣнія только двухъ князей—Кейстута (Берестье) и Любарта. Послѣдній не считался вполнѣ самостоятельнымъ волинскимъ „господаремъ“, который бы относился къ литовскому великому князю, какъ „равный къ равному“. Любартъ, какъ и другіе литовскіе князья, долженъ былъ признавать надъ собой власть общаго ихъ господаря—великаго князя литовскаго.

Съ другой стороны, нельзя отрицать также нѣкоторой весьма замѣтной разницы въ положеніи Любарта сравнительно съ другими

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 47, прим. 5: „Boleslao... per toxicum interempto Lubardus filius Gedimini... eundem ducatum Russiae possidebat (Mon. Polon. Hist., II, 629). Прибавилъ также указаніе Кромера: „Illo (Boleslaw) interempto Lubartus cum ducatum possidebat“ (L. XII, p. 309). Указанія Длугоша (X, 404) и родословной литовскихъ князей (Pistorii Corp., III, 166) пришедены выше.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 55—88.

³⁾ А. З. Р., I, № 1.

литовскими князьями, за исключеніемъ развѣ одного Кейстута (при Ольгердѣ ¹⁾). Литовскіе удѣльные князья получали свои владѣнія изъ рукъ великаго князя до „воли“, въ „доживотье“ или „отчину“; территоріальными правами на нихъ, какъ великаго, такъ и удѣльныхъ князей, опредѣлялись взаимныя отношенія ихъ между собой. Въ иномъ положеніи былъ Любарть; онъ ничего не получилъ отъ отца и лишь по женѣ пріобрѣлъ владѣтельныя права на отчину старыхъ волынскихъ князей Даниловичей. Отношенія Любарта къ великому князю литовскому опредѣлялись, поэтому, не территоріальными правами послѣдняго на удѣлъ Любарта, но лишь одной личной обязанностью Любарта, какъ „литовскаго“ князя, состоять въ „послушаніи и „покорѣ““ верховному вождю государства. Территоріальныя права на Волынскую землю пріобрѣлъ великій князь Литовскій Гедиминъ не самъ по себѣ, а лишь черезъ Любарта и его жену—прямыхъ наслѣдниковъ Волынскихъ князей. По договору 1366 г. Кременецкая, Белзская, Холмская и другія русскія земли уступлены Казимиру великимъ княземъ Ольгердомъ, вмѣстѣ съ братомъ его Любартомъ ²⁾; нѣтъ сомнѣній въ томъ, что по вопросу о владѣніи Галицко-Волынскимъ наслѣдіемъ на первомъ планѣ стояли права Любарта ³⁾, а затѣмъ уже слѣдовали права Ольгерда.

Точно также во внѣшнихъ сношеніяхъ Любарть, подобно Кейстуту ⁴⁾, несомнѣнно трактовался самостоятельнымъ владѣтельнымъ лицомъ. Это видно, напримѣръ, изъ грамоты византійскаго императора (1347 г.) ⁵⁾: съ вопросомъ о подчиненіи всей Руси ⁶⁾ митрополиту кievскому императоръ обращается прямо къ владимірскому князю Дмитрію-Любарту, а не къ литовскому господарю Ольгерду, какъ слѣдовало бы въ виду важнаго общегосударственнаго значенія такого вопроса, какъ церковно-іерархическое положеніе и права Русской земли. Затѣмъ, на относительно самостоятельное положеніе

¹⁾ См. *S. Smolka*, *Kiejstut i Jagejlo*, стр. 5 и слѣд.

²⁾ *Scarbiec*, № 432.

³⁾ Территоріальныя владѣнія Любарта ограничились лишь съ договора 1366 г., когда все почти Владимірское княжество отошло къ Польшѣ и по пожалованію Казимира было отдано подольскому князю Александру Коріатовичу. Господство послѣдняго надъ Владиміромъ продолжалось до 1370 г., когда все Владимірское княженіе снова отошло къ Любарту (*Молчаноскій*, *Очеркъ извѣст. о Подольск. землѣ*, 214—215. *Smolka*, *Kiejstut*, 10).

⁴⁾ *Smolka*, *Kiejstut*, 5.

⁵⁾ *Журн. Мин. Нр. Нр.*, 1847, т. 54, стр. 131, 139. Ср. *Wolff*, *Röd*, 73.

⁶⁾ Въ это время Любарть владѣлъ не только Волынію, но и всей Галичиной.

Любарта во внѣшнихъ сношеніяхъ указываетъ ясно сепаратный трактатъ Любарта съ королемъ польскимъ Казимиромъ ¹⁾), заключенный, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ извѣстнаго трактата (1366 г.) литовскихъ князей съ тѣмъ же королемъ. Въ своемъ „докончаньи“ Любартъ опредѣляетъ (доканчиваетъ) отношенія свои къ Казимиру, какъ равный къ равному,—обѣ стороны одинаково обязываются другъ другу „помогати на всякого непріятели, безо всякоѣ хитрости и лести“ ²⁾). Подобный оборонительный союзъ (съ условіями касательно разграниченія владѣній, взиманія торговыхъ пошлинъ и веденія свободной гостыбы по старинѣ) могъ заключать, во всякомъ случаѣ, не простой удѣльный князь, а лишь государь самостоятельной земли. Въ этомъ отношеніи положеніе Любарта представляетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ верховскихъ князей Сѣверщины, пользовавшихся, какъ мы знаемъ, также полными территоріальными правами на свои дѣльницы и состоявшихъ въ союзѣ „послушанья“ и „службы“, не только съ великимъ княземъ литовскимъ, но и съ сосѣдними князьями московскимъ, переславскимъ и пронскимъ. Подобно верховскимъ князьямъ, „зависимость“ Любарта отъ литовскаго государя, по всему видно, подходила скорѣе подъ старый типъ между княжескихъ отношеній древней Руси (когда все опредѣлялось лишь свободнымъ рядомъ независимыхъ князей), чѣмъ подъ позднѣйшій типъ „подданства“ и „службы“ удѣльныхъ князей, ставшихъ устанавливаться въ равной мѣрѣ въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ ³⁾).

¹⁾ Arch. Sang., I, № 1.

²⁾ Любавскій замѣчаетъ по поводу докончанья Любарта, что „король часть Владимірской земли возвратилъ Любарту, но за то Любартъ обязался королю службою, помогати на всякаго непріятели“ и пр. (Областн. дѣленіе, 39). намекая, очевидно, на зависимость Любарта отъ короля, будто бы установившуюся на основаніи заключеннаго между ними докончанья. Но, какъ ясно видно изъ этого докончанья, „служба“ въ данномъ случаѣ имѣла обоюдный характеръ: король съ своей стороны, обязался также помогати Любарту на всякаго непріятели. Такая же обоюдная „служба“ короля и литовскихъ князей опредѣляется и предшествующимъ договоромъ 1366 г. (Skarb., № 432).

³⁾ Политическая дѣятельность Любарта, дающая право приравнивать его къ двумъ другимъ Гедиминовичамъ—Ольгерду и Кейстуту, какъ равносильнымъ борцамъ за литовско-русскіе интересы, очень мѣтко очерчена въ слѣдующей правдивой замѣткѣ проф. П. П. Филевича: „Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей: Кейстутъ является по преимуществу борцемъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедимина мы видимъ по его смерти трехъ его сы-

Находясь на особомъ положеніи въ отношеніи къ великому князю литовскому, Любарть, въ свою очередь, являлся „милостию Божіею великимъ княземъ“ ¹⁾ въ отношеніи къ подчиненной ему русской землѣ. О подчиненіи Любарту удѣльныхъ князей Волыни говорятъ польскіе историки (Кромеръ, Длугошъ) ²⁾. По свидѣтельству грамоты Владислава-Ягеллы 1386 г., князь Ѳеодоръ Острожскій отправлялъ въ отношеніи къ владимірскому князю Любарту такія же точно служебности (*servicia*), какія затѣмъ принялъ на себя въ отношеніи къ королю Владиславу ³⁾. Въ той же самой зависимости отъ Любарта, несомнѣнно, находились и другіе удѣльные князья, сидѣвшіе при Любартѣ въ разныхъ волостяхъ Волынской земли ⁴⁾. Сохранилось извѣстіе о томъ, что мѣстные удѣльные князья (Острожскій, да, вѣроятно, и другіе) получали не отъ литовскаго господари, а непосредственно отъ Любарта, удѣлы и другія пожалованія (на-

новой, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляеть рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ, не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, неполная, ибо въ ней не достаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца (Любарть жила въ то время въ Подляхін, владѣніяхъ Кейстута), онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, непрерывная опасности со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участие въ другихъ литовскихъ дѣлахъ, — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки“ (*Филевичъ* Борьба, 113).

¹⁾ „Dux magnus“ по грамотѣ Владислава-Ягеллы 1386 г. См. Arch. Sang., I, № I и VI. Akta Grodz. i Ziemskie z arch. Bernard., III, № 30. Suplem. ad hiat. Rus. monum., 128. Arch. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 46, стр. 206; т. VI, № 1 Ср. *Копецкы*, I, р. 10.

²⁾ *Кромеръ*, L. IX, р. 308. *Длугошъ*, L. IX, р. 1087.

³⁾ Arch., Sang., I, № V.

⁴⁾ Изъ современныхъ источниковъ видно, что при Любартѣ былъ на Волыни цѣлый рядъ зависѣвшихъ отъ него, удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей. Таковы князья: Острожскіе (*Stadnicki*, Syn. Ged., II, 163; *Андрияшевъ*, 61, 77; *Яблоновскій*, *Źródła dziejowe*, VI, стр. LXVI, LXXII), Рагненскіе, Степанскіе и Дубровицкіе (*Prochajka*, Cod., № 35, 109; *Skarb.*, № 695; *Андрияшевъ*, 29; *Stadnicki*, Syn., II, 127; *Bracia*, 33), Четвертинскіе (Arch. Sang., I, стр. 11; *Яблоновскій*, *Źródła*, VI, стр. LXVIII; *Андрияшевъ*, 79), Песвижскіе (*Stadn.*, Syn., II, 81; *Wolff*, 156), Холмско-Вельскіе (Юрій Нарим. еще до 1352 г., *Smolka*, 10; *Филевичъ*, Борьба, 93; *Андрияшевъ*, 84, 230; *Wolff*, 15; *Stadn.*, Syn., II, Dodat. III) и др. См. ниже объ удѣльныхъ Волынскихъ князьяхъ.

примѣръ, право на сборъ мыта и пр.)¹⁾; непосредственная зависимость Волинскихъ князей отъ литовскаго господара началась только послѣ Любарта, когда вообще измѣнилось положеніе Волыни въ Литовскомъ государствѣ. Въ радѣ Любарта мѣстные князья являлись первыми его совѣтниками²⁾.

Что касается, наконецъ, общихъ отношеній Любарта къ своимъ владѣніямъ, то онъ называетъ ихъ въ своихъ грамотахъ „нашей“ областію, ея населеніе „нашими“ боярами, землянами и пр.³⁾ Въ фундушевой грамотѣ Луцкой соборной церкви, данной Любартомъ въ первый же годъ его княженія (1322 г.), находимъ весьма важныя опредѣленія о церковныхъ имѣніяхъ, владычномъ судѣ и нарядѣ,—опредѣленія, развитыя рѣшительно въ духѣ древне-русскихъ церковныхъ уставовъ⁴⁾. Изъ источниковъ, наконецъ, видно, что при

¹⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 163. Arch. Sang., I, № V и VI.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1.

⁴⁾ Этотъ актъ не простая фундушевая записъ, а церковный уставъ епископа Луцкой. Приведемъ вторую, болѣе важную для насъ, половину этого любопытнаго акта, служившаго позже для мѣстной церковной власти главной охраной ея автономіи противъ притязаній овладѣвшихъ краемъ представителей католицизма. „Тые вси села, отъ насъ къ церкви Божой приданые, маеть держати господарь богомолецъ нашъ Климентій, владыко Луцкій и Острозскій, и вси наступники его вѣчно и непорушно, а за насъ и чада наша Господа Бога молити и добромъ посполитомъ, вкупе зе *смыклитомъ* (церковнымъ соборомъ)? напомнимъ, во первыхъ яко пастырь и отецъ нашъ, при насъ и при *соимцахъ* князевъ и бояръ нашихъ, радити и совѣтовати, а вси я церкви и ихъ свещенныками, нищихъ обителями, болницами, странноприемницами радити, благихъ милувати, а злыхъ казнити, яко сама отъ Христа Спаса власть господарь отецъ владыка маеть; архимандриты благословити, игумены наставляти, поны и дьяконы совершати, какъ въ нашей области, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и въ Остроже, и въ селахъ до нихъ прислухающихъ, такожде и бояръ и землянъ нашихъ; а соблазны творящихъ изверзати, церкви освещати, англимсы благословити, еретиковъ и непослушныхъ кляти, никакоже паче благословенія его церкви созидати, или самовласте разорити, или свещенниконъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отгнати, или дидаскалю основати, мети ставронию и во всемъ ему, яко настоятелю повинуватись и все со благословеніемъ его творити. А по семъ ненадобе вступоватись ни детею молитъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка, ни въ люди церковныя, ни во вся суды ихъ,—то все даль еси церкви Божой. К тому и куницы отъ поповъ по всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестіане, и споминъ *тывуномъ* приказуемъ судовъ церковныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божья доступоватись въ тые рады. Аще ли хто подъ областію нашу въ епархіей Луцкой и Острозской сиа прелянпя отческа и поведенія княженія нашего переступитъ

Любартъ Волинская земля управлялась при посредствѣ состоявшаго при великомъ князѣ совѣта (gady) изъ князей и бояръ, а по городамъ и волостямъ чрезъ княжескихъ воеводъ или старостъ (capitanei), тивуновъ и другихъ органовъ, отправлявшихъ на мѣстѣ земскій рядъ и судъ, подъ общимъ вѣдѣніемъ великаго князя цѣлой страны¹⁾.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Волыни до самой смерти Любарта, когда, по всеѣмъ видимостямъ, сразу произошла коренная перемѣна въ отношеніяхъ литовскаго господаря къ мѣстнымъ князьямъ, какъ и ко всей землѣ, ставшей подходить подъ общій уровень съ другими областями литовско-русскаго государства. Въ современныхъ актахъ нѣтъ больше рѣчи о старомъ великомъ князѣ Волини, какъ мѣстномъ „господарѣ“, объединявшемъ въ своемъ лицѣ все составныя части зависѣвшей отъ него непосредственно Волинской земли. Господаремъ послѣдней является послѣ Любарта не его преемникъ, но великій князь литовскій, непосредственно распоряжающійся на Волини всеми дѣлами на такомъ же точно основаніи, какъ и въ другихъ областяхъ своего государства. Правда, преемникъ Любарта, сынъ Ѳеодоръ, еще носитъ титулъ „великаго князя“²⁾, но это лишь одно имя безъ стараго реального значенія: этотъ великій князь не имѣетъ больше никакого отношенія къ Волинской землѣ въ полномъ

дѣлеть, десять тысячей рублей на насъ и на епископа да казнится и отъ Бога проклятъ-будетъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1).

¹⁾ О „совѣтѣ“ и о тивунахъ упоминаетъ приведенная только что фидуцiевая грамота Любарта. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ его договоръ съ Казимиромъ (ок. 1366 г.), былъ Иванъ, воевода Луцкій (Arch. Sang., I. № 1). На особомъ положеніи въ Галицкой землѣ находился Дмитрій Дѣтко, Любартовъ намѣстникъ-блюститель, воевода или староста, называвшійся „provisor seu capitaneus terrae Russiae“. Исключительный характеръ обстоятельство, при какихъ дѣйствоваль въ Галичинѣ этотъ представитель Любарта, вызначалъ, естественно, необходимость въ предоставленіи ему весьма широкихъ полномочій по управленію и защитѣ страны отъ польскихъ притязаній на обладаніе ею. Занятое имъ въ Галичинѣ, повидимому, чуть не княжеское положеніе, сходное съ положеніемъ въ Подоліи Сынтьва Мельштынскаго въ концѣ того же вѣка, доказывается грамотой Дѣтка, данной торунскимъ купцамъ на право свободнаго прїѣзда въ Львовъ ради торговли, какъ и для постоянного жительства (съ признаніемъ за колонистами права приобрѣтенія имѣній,—hereditatem liberam и пр. Skarb., № 366. Ср. Monum. Pol. Hist., II, стр. 621), а также грамотой венгерскаго короля Людовика (1344 г.), обращенной лично къ Дѣтку по дѣламъ кошницкихъ купцовъ. См. *Описаніе*, Борьба, 63. О личности Дѣтка, блюстителя власти Любарта въ Галичинѣ, см. тамъ же, 68—69, 76, 80—81, 138—139; Къ вопросу о борьбѣ, 337—338.

²⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., № 8.

ея составѣ и къ сидѣвшимъ въ ней удѣльнымъ князьямъ. Оедоръ Любартовичъ, владѣвшій лишь частію Волынскаго княжества (въ концѣ концовъ только Владимірскимъ округомъ), ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ князей, сидѣвшихъ на Волыни,—наравнѣ съ ними находится въ полной зависимости отъ великаго князя литовскаго. Мало того: вскорѣ послѣ Любарта снова выступаетъ на сцену вопросъ о Волынскомъ „наслѣдіи“, съ старинными притязаніями на него со стороны Польши. Указанная перемѣна въ отношеніяхъ Волыни и ея князей къ литовскому господарю, какъ и возобновленіе старыхъ споровъ между Литвой и Польшей по вопросу о наслѣдіи, оставшемся послѣ галицко-волынскихъ князей, несомнѣнно стоятъ въ тѣсной связи со смертью Любарта. Такъ оно и было на дѣлѣ: послѣ него рѣзко обозначился поворотный пунктъ въ исторіи политической самобытности Волыни, начался процессъ превращенія ея въ простую провинцію сперва литовскую, а затѣмъ польскую (съ Люблинской униі), съ утратой всякихъ признаковъ былой ея территориально-политической самостоятельности.

Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что указанная перемѣна въ положеніи дѣлъ на Волыни была результатомъ властной воли Владислава-Ягеллы, произвольно лишившаго преемника Любарта принадлежавшихъ ему правъ на Волынское наслѣдіе¹⁾. Любартъ, несомнѣнно,

¹⁾ Отношенія Ягеллы къ Оедору Любартовичу, сдѣланномуся по смерти отца Волынскимъ княземъ, обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что, въ силу униі Литвы съ Польшей при Ягелѣ, Волынь стала считаться присоединенной къ Польшѣ: Любартовичъ далъ *homagium* коронѣ Польской, а чрезъ это самое Волынь была уже „*applicata*“,—Любартовичъ сдѣлался записнымъ ленникомъ польскаго короля и короны. Но дѣло въ томъ, что отсюда еще было далеко до ограниченія удѣльныхъ правъ Любартовича и до лишенія его лучшей части отцовскаго удѣла (Луцка). И другіе литовскіе князья сложили *homagium* польскому королю и коронѣ, но они не лишались своихъ удѣловъ, не подверглись никакимъ существеннымъ ограниченіямъ въ удѣльныхъ правахъ. Недавно однимъ изъ польскихъ ученыхъ (*Komisyja „Jagiello i Witold“*, въ *Przewodnik nauk. i liter.*, 1892, scz. XIII, p. 682 и слѣд.) сдѣлана попытка выяснитъ иными причинами и обстоятельствами фактъ лишенія Оедора Любартовича Луцкаго княжества и вообще ограниченія его удѣльныхъ правъ. Для объясненія этого факта указываютъ на то обстоятельство, что преемникомъ Оедора Любартовича на Волынское княжество еще съ 1384 г. былъ намѣстечъ Ягеллой Витовтъ: Ягелло не только не желалъ назначить Витовта великимъ княземъ литовскимъ, но и имѣлъ въ виду поставить его въ качествѣ Волынскаго князя въ вполне зависимое отъ себя положеніе. Подготовительной мѣрой для этого и послужило ограниченіе удѣльныхъ правъ наличнаго Волынскаго князя, Оедора Любартовича, котораго долженъ былъ смѣнить Ви-

оставилъ въ страпѣ добрую память о себѣ; произвольный актъ Владислава едва ли могъ остаться безъ рѣзкаго протеста со стороны населенія въ защиту поправныхъ правъ Любартовича; тѣмъ болѣе, что и сама страна была, понятно, не менѣе заинтересована въ сохраненіи стараго своего положенія. Затѣмъ, вопросъ о наслѣдіи Любартовича разрѣшался какъ разъ въ разгаръ общегосударственныхъ вопросовъ о бракѣ Ягеллы съ Ядвигой и о принятіи первымъ польской короны, а съ ней и о первой уніи Литвы съ Польшей: въ такую пору едва ли было своевременно и въ интересахъ Ягеллы предпринимать не безопасный шагъ—произвольное лишеніе законныхъ правъ преемника такого борца за литовско-русскіе интересы, какъ Любартъ. Вопросъ о Волинскомъ наслѣдіи и разрѣшеніе его въ данномъ направленіи вызваны были, какъ видно, силой самихъ обстоятельствъ, а не властной волей Владислава. И при томъ, въ современныхъ актахъ и лѣтописныхъ показаніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, какъ на произвольный характеръ дѣйствій Владислава въ отношеніи къ Любартовскому наслѣдію, такъ и на какой либо серьезный протестъ со стороны сына Любарта или мѣстнаго населенія. По всему видно, что Владиславъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по волинскому вопросу, что называется, на совершенно законномъ основаніи. Къ сожалѣнію, современныя источники не разъясняютъ категорически-точно, въ чемъ именно заключалось это законное основаніе. Волинскій вопросъ разрѣшался, какъ замѣчено, въ разгаръ такихъ обще-государственныхъ дѣлъ, какъ брачная связь представителей двухъ сосѣднихъ государствъ: вопросы эти поглощали общее вниманіе, совершенно засло-

товтъ; отбирая отъ Любартовича Луцкъ въ свое полное распоряженіе, Ягелло будто бы рассчитывалъ послѣ дать этотъ удѣлъ Витовту отъ себя на условіяхъ, согласовавшихся вообще съ политикой Ягеллы въ отношеніи къ Витовту (*Przewodnik*, 1892, в. VIII, р. 684). Быть можетъ, ближайшей подкладкой всего этого дѣла и была дѣйствительно такая именно политика Ягеллы. Но намъ кажется, что не будь въ наличности какихъ-то другихъ обстоятельствъ, Ягелло въ-за одного антагонизма и противодѣйствія Витовту едва ли бы рѣшился на такой смѣлый шагъ, какъ лишеніе Волинскаго князя лучшей части его отчовскаго удѣла: подобный шагъ былъ бы весьма рискованнымъ для Ягеллы, съ его новымъ положеніемъ польскаго короля, еще далеко не упрочившимся въ Литвѣ и Литовской Руси, въ пору еще не исполнѣ закончившихся общегосударственныхъ вопросовъ (объ уніи и пр.), вызванныхъ принятіемъ Ягеллой польской короны. Обстоятельства, давшія Ягеллѣ возможность осуществить свои планы касательно Волинскаго наслѣдія и дѣйствовать при этомъ, что называется, на совершенно законномъ основаніи, остаются, сколько намъ извѣстно, мало выясненными въ наукѣ.

няли собой вопросы мѣстные, въ томъ числѣ и Волинскій. Въ современныхъ лѣтописяхъ находимъ первый упоминаніи о немъ лишь позже, когда онъ былъ уже совершившимся фактомъ. Не сохранились также акты, которые бы разъясняли весь ходъ развитія Волинскаго вопроса.

Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя приблизительныя показанія, по крайней мѣрѣ, касательно общихъ основаній разрѣшенія Волинскаго вопроса въ данномъ направленіи. Показанія эти заставляютъ, какъ намъ кажется, предполагать съ полной вѣроятностью, что, во первыхъ, послѣ смерти Любарта, или правильнѣе—его первой жены, Волинское наслѣдіе сдѣлалось „выморочнымъ“ и, во вторыхъ. Ѳеодоръ Любартовичъ не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній считаться наслѣдникомъ владѣній, оставшихся послѣ смерти его отца. Дѣло въ томъ, что настоящая и единственная наслѣдница Волинскаго княженія—первая жена Любарта (Анна, дочь Андрея Юрьевича, послѣдняго волинскаго князя изъ рода Даниловичей), умерла бездѣтной; въ 1349 г. Любартъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью Константина Борисовича, князя ростовскаго, племянницей Семсона Ивановича, великаго князя московскаго ¹⁾). Отъ этой-то второй жены Любартъ и имѣлъ 3-хъ сыновей: Ѳедора, Лазаря и Семена (о послѣднихъ двухъ ничего неизвѣстно), изъ коихъ первый былъ послѣ преемникомъ отца по Волинскому княженію ²⁾). Въ силу обычныхъ началъ наслѣдованія, въ одинаковой мѣрѣ примѣнявшихся по древнему литовско-русскому праву въ сферѣ частноправныхъ и публичныхъ отношеній, наслѣдственная выморочность выступала, какъ общее правовое начало, разъ послѣдній представитель (по мужской или женской линіи—безразлично) даннаго рода отчичей умиралъ безъ потомства; выморочная отчина отходила въ распоряженіе той общественной власти, съ какой она, по своимъ специфическимъ свойствамъ, находилась въ ближайшихъ бытовыхъ связяхъ. Нужно полагать, что тѣ же самыя начала регулировали и вопросъ о Волинскомъ наслѣдіи. Дѣйствительно, послѣ бездѣтной смерти первой жены, Любартъ могъ оставаться владѣтелемъ выморочнаго вѣла жены

¹⁾ П. С. Р. Л., VII, 215; X, 221. Русскіе источники даютъ второй женѣ Любарта имя Агаіи (*Хмыровъ*, Алфавитно-справочный перечень удѣльн. князей, стр. 7, № 207). Изъ актовъ мѣстныхъ видно, что жена Любарта называлась Ольгой (*Arch. Sang.*, I, № 8).

²⁾ *Wolff*, *Röd Gedym.*, 94. *Rulikowski i Radziwiñsk.*, *Kniazowie i szlachta*, стр. 25.

никоимъ образомъ не въ качествѣ отчины, а лишь простаго „доживотья“; къ послѣднему не могли имѣть никакого отношенія дѣти Любарта отъ втораго брака. Волинская земля, по праву выморочности, должна была послѣ Любарта отойти въ полное распоряженіе верховнаго представителя того государства, къ составу котораго эта земля стала принадлежать еще съ тѣхъ поръ, какъ умеръ послѣдній волинскій князь рода Даниловичей. Литовскій господарь могъ затѣмъ, уже „отъ себя“, въ видѣ обычнаго пожалованія, предоставить Волинское княжество въ удѣлъ сыну Любарта. Какъ видно по всему, пожалованіе это дано было не на положеніи вотчины, даже не доживотья, а лишь „до воли“. Любартовичъ, при такомъ положеніи дѣла, естественно, долженъ былъ сразу снизойти подъ общій уровень удѣльныхъ князей, служившихъ великому князю литовскому въ силу его территоріальныхъ правъ на пожалованныя имъ удѣльныя владѣнія.

Такъ нужно ставить, если не ошибаемся, вопросъ о Волинскомъ наслѣдіи по смерти Любарта. Время его кончины съ точностью неизвѣстно, какъ и неизвѣстны всѣ условія и обстоятельства, при какихъ Ѳеодоръ Любартовичъ сдѣлался преемникомъ своего отца. Сохранились только заключительные акты, какими закончилось преемство Любартовичемъ отцовскихъ владѣній¹⁾. Можно сказать одно: смерть Любарта и послѣдовавшее затѣмъ принятіе его сыномъ Волинскаго княженія слѣдуетъ относить къ концу 1385 г. или началу слѣдующаго года, то-есть, времени, непосредственно предшествовавшему окончательному рѣшенію вопроса о принятіи Владиславомъ-Ягеллой польской короны. Въ февралѣ 1386 г. Любартовичъ уже вступилъ, по договору съ Ягеллой, въ заурядное положеніе удѣльнаго князя, далъ присягу вѣрности королю и вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ въ общей порукѣ литовскихъ князей по вопросу объ исполненіи королемъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ въ отношеніи къ коронѣ польской²⁾. Февральскій договоръ Ягеллы съ Ѳеодоромъ

¹⁾ Однимъ изъ такихъ актовъ можно считать, напр., отказъ Ѳеодора Любарта съ семьей отъ „отчины“ князей Острожскихъ и всего ихъ „служебнаго“, то-есть, старой службы (покоры, послушанія), какой они обязывались къ Любарту (Arch. Sang., I, № 8). Таковъ же привилей кор. Владислава 4 ноября 1386 г. о подтвержденіи за княземъ Острожскимъ его отчины, съ непосредственнымъ подчиненіемъ его королю, какъ литовскому господарю (ib., № 5).

²⁾ *Stadnicki, Synow., II, 122, 161—162. Ср. Arch. Sang., I, стр. 2 и 154. Cromer, De orig. et rebus Polon., ed. 1555, p. 364.*

Любартовичемъ можно считать главнымъ актомъ, съ котораго началась дѣятельность послѣдняго въ качествѣ удѣльнаго князя¹⁾.

Какъ замѣчено выше, волинское наслѣдіе по смерти Любарта должно было, по праву выморочности, отойти въ полное распоряженіе литовскаго господаря и уже отъ него поступить въ управленіе Федора Любартовича и то, какъ видно по всему, лишь „до воли“ господарской. Такая именно постановка вопроса о Любартовскомъ наслѣдіи вполнѣ подтверждается всѣми дѣйствіями Владислава-Ягеллы и послѣдующихъ литовскихъ господарей по волинскому вопросу. Первоначально Любартовичъ, несомнѣнно, владѣлъ не только Владимірской, но и Луцкой землей²⁾. Въ грамотѣ 22-го мая 1386 г. онъ еще титулуется: „Dei gracia dux luciensis“³⁾. Вскорѣ затѣмъ Луцкъ отходитъ въ непосредственное распоряженіе короля Владислава-Ягеллы и отдается имъ князю острожскому Федору Даниловичу въ значеніи намѣстничества⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ (4-го ноября 1386 г.) появляется распоряженіе короля касательно удѣльныхъ владѣній того же князя Острожскаго; за нимъ подтверждается Острожскій удѣлъ его отца, съ подчиненіемъ самого князя непосредственной зависимости отъ короля⁵⁾. Одновременно съ этимъ король и Витовтъ опредѣляютъ подробно составъ владѣній и правъ Острожскаго князя, какъ удѣльнаго, въ Луцкой землѣ⁶⁾. Не имѣется точныхъ указаній, при какихъ именно обстоятельствахъ Луцкая земля занята была королемъ. Известно только, что послѣ этого во владѣніи Любартовича оставался одинъ Владиміръ съ его округомъ, которымъ онъ владѣлъ до всту-

¹⁾ Отсюда же, какъ кажется, можно заключать, что Любартъ умеръ предъ заключеніемъ упомянутаго договора, то-есть, въ концѣ 1385 или въ самомъ началѣ слѣдующаго года. 22-го мая 1386 г. Любартовичъ далъ запись королю въ званіи Луцкаго князя (Arch. Sang., I, № 3). Въ грамотѣ Владислава 4 ноября того же года говорится о Любартѣ, какъ о покойникѣ (ibid., № 5). По свидѣтельству Длугоша, Любартъ пережилъ венгерскаго короля Людовика, умеръ въ 1382 г. (L. III, 888). Вольфъ полагаетъ, что Любартъ умеръ около 1384 г., Филевичъ—до 1386 г. (Röd Gedim., 73. Борьба, 117).

²⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedy., II, 25. *Wolff*, Röd Ged., 74.

³⁾ Arch. Sang., I, № 3. *Skarbiec*, № 526.

⁴⁾ Грамота на Луцкое намѣстничество князя Острожскаго не имѣетъ даты (см. Arch. Sang., I, № 7): она была дана несомнѣнно вскорѣ послѣ упомянутой выше грамоты Федора Любарта. 22 мая 1386 г. (ibid., № 3).

⁵⁾ Здѣсь разумѣется зависимость отъ Ягеллы, какъ „supremus princeps Lithuaniae“ (Arch. Sang., I, № 5).

⁶⁾ Arch. Sang., I, № 6.

пленія Витовта (въ 1392 г.) на великокняжескій столъ ¹⁾. Удаленный Витовтомъ изъ Волини ²⁾, Ѳедоръ Любартовичъ перешелъ сначала въ удѣлъ, данный ему въ Сѣверщинѣ, а затѣмъ сидѣлъ до смерти Витовта въ небольшомъ гор. Жидачевѣ ³⁾. Длугошъ сообщаетъ, что, послѣ смерти Витовта, король возвратилъ въ 1431 г. князю „Ѳедюшку“ (Любартовичу) старый его удѣлъ—Владимиръ съ его округомъ, но не надолго: въ томъ же году Любартовичъ умеръ безпотомно, записавъ королю Владиславу всѣ свои клейноты, скарбъ и вообще все имущество движимое и недвижимое ⁴⁾.

Луцкая земля, какъ мы знаемъ, чуть ли еще не въ первый годъ княженія Ѳедора Любартовича поступила въ непосредственное владѣніе короля Владислава-Ягеллы. Въ исходѣ 1387 г. король отдалъ

¹⁾ Это видно, напримѣръ, изъ поручной записки (1387 г.) Витовта и другихъ литовскихъ князей, изъ томъ числа и Ѳедора Любарт., предъ королемъ Владиславомъ за галицкаго воеводу Бенедикта. Въ этой грамотѣ Любартовичъ титулуется: „Fedarius de Ladomi(ri)a“, княземъ Владимирскимъ (*Prochaska, Cod. epist., № 35*) Такой же титулъ Любартовича (Dei gracia dux Wladimiriensis) находимъ въ его присяжной грамотѣ 1393 г., данной королю Владиславу на вѣрность при пожалованіи ему удѣла въ Сѣверщинѣ (*Arch. Sang., I, № 14*).

²⁾ *Stadnicki, Syn., II, 166*. Лишившись въ 1392 г. Владимирскаго удѣла, Ѳедоръ Любартовичъ еще носилъ титулъ „dux Wladimiriensis“, но волости не имѣлъ вовсе и, наконецъ, удовлетворился въ 1393 г. тѣмъ, что ему предложили,—частью Сѣверской земли. Въ присяжной грамотѣ (1393) по поводу этого пожалованія, Любартовичъ послѣдній разъ титулуется: „Dei gracia dux Wladimiriensis“ (*Arch. Sang., I, № 14*. Ср. *Андришевъ, 230—231*).

³⁾ На восточномъ рубежѣ Львовской земли (*Baliński i Lipiński, Staroż. polska, 2-е изд., II, 758*). Неизвѣстно съ точностью время, когда Любартовичъ перешелъ въ Жидачевъ; Стадницкій относитъ этотъ переходъ къ 1413 (*Syn. Ged., II, 170*), *Вольфъ*—къ 1411 (*Röd, 75*), *Андришевъ*—къ 1403 г. (Очеркъ, 231). Сохранилось нѣсколько правыхъ грамотъ (1421—1430) Ѳедора Любартовича по дѣлу Жидачевскихъ отчичей Балицкаго и Дѣдушицкаго (*А. З. Р., I, № 30*). О Сѣверскомъ удѣлѣ Любартовича см. *Arch. Sang., I, №№ 14 и 15*.

⁴⁾ *Długosz, IV, 413, 420. Wolff, Röd, 76*. Съ смертью Ѳедора Любартовича прекратился родъ Любартовичей. По словамъ *Вольфа*, извѣстія о потомствѣ Ѳедора Любартовича появились не раньше второй половины XVI столѣтія, когда стали составляться родословныя латовскихъ князей (напримѣръ, *П. С. Р. Л., VII, 256*), также компиляціи тогдашнихъ геральдиковъ Пауроцкаго (*Herbu, wyd. Tyrowskiego, 828*) и др. Извѣстія о потомкахъ Любартовича имѣютъ совершенно вымышленный характеръ или же относятся къ Ѳедору Ольгердовичу (*Wolff, 76*). Стадницкій признаетъ существованіе потомства Любартовича на основаніи одного тараго синодика (*Syn. Ged., II, 171, 260*); но здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ *Вольфъ* (стр. 76), перечисляются не дѣти Любартовича съ ихъ потомками, а вообще умершіе его предки и родные.

Луцкую и Владимірскую земли въ удѣлѣ Витовту, въ вознагражденіе за великое княженіе, предоставленное Скиргайлу Ольгердовичу ¹⁾. Въ 1390 г. Луцкій удѣлъ былъ отобранъ у Витовта, перешедшаго на сторону пѣмцакаго ордена ²⁾; впрочемъ, сдѣлавшись черезъ два года великимъ княземъ литовскимъ, Витовтъ завладѣлъ, какъ сказано выше, не только Луцкимъ удѣломъ, но и всей Волинью. До самой смерти Витовта Волинь считалась его личнымъ удѣломъ; при немъ Луцкъ былъ южной столицей государства, гдѣ зачастую проживалъ Витовтъ ³⁾.

Послѣднимъ волиньскимъ княземъ считается Свидригайло-Боеславъ Ольгердовичъ. Выѣстъ съ занятіемъ великокняжескаго стола по смерти Витовта. Свидригайло вступилъ въ права послѣдняго и по владѣнію Волиньскимъ удѣломъ, который оставался въ его рукахъ и послѣ лишенія званія великаго князя литовскаго (въ 1432 г.). Послѣ примиренія Свидригайла съ королемъ (1437 г.), послѣдній оставилъ за нимъ Волинь, гдѣ Свидригайло жилъ до своей смерти ⁴⁾. Еще въ бытность его великимъ княземъ литовскимъ возобновились

¹⁾ Лѣтопись, изданная Даниловичемъ, стр. 39, 44. *Лыховенъ*, 81. Script. rer. Pruss., IV, 713. *Prochaska*, Cod. epist., № 63. Ср. *Stadnicki*, Syn., II, 164—165. *Konecny*, *Przewodn.* 1892, IX, 771. Еще въ 1384 г., вмѣстѣ съ предоставленіемъ Витовту Подляхій и Гродненскаго княжества (въ Черной Руси), Ягелло призналъ Витовта также волиньскимъ княземъ, но только въ 1387 г. Витовтъ вступилъ въ управленіе Волиньскимъ удѣломъ (*Konecny*, *ibid.*, II, 107; IX, 771 и сл.).

²⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 164.

³⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 165—166. Стадницкій полагаетъ, что Витовтъ не былъ самостоятельнымъ владѣтелемъ Волини, а получилъ ее отъ короля лишь въ значеніи польскаго „feudum“ (Syn., II, 172—175). Свое положеніе Стадницкій основываетъ на сообщеніи Длугоса и Кромера о томъ, что въ 1387 г. (то-есть, въ то время, когда Витовтъ будто бы уже былъ луцкимъ княземъ) король посадилъ въ замкѣ Луцкомъ, съ его округомъ, для управленія имъ отъ имени короля, Креслава Курозвенскаго, каштеляна Сандомирскаго (*Kromer*, стр. 247). Но дѣло въ томъ, что Витовту уступленъ былъ Луцкъ лишь въ слѣдующемъ году; да и самый фактъ назначенія польскаго старосты въ Луцкъ оспаривается позднѣйшими польскими историками. *Нарбутъ*, напримѣръ (*Hist. Litwy*, V, 410), относитъ назначеніе упомянутаго польскаго старосты не къ Луцку, а Холму. Затѣмъ, Стадницкій полагаетъ, что Витовтъ владѣлъ Волинью не пожалованію короля въ значеніи „feudum“, именно потому, что этотъ край считался польскимъ „завоеваніемъ“, — возрѣніе, которое мало оправдывается фактами. Витовтъ владѣлъ Волинью въ зависимости отъ короля на такихъ же основаніяхъ, какъ и всей Литвой, — основаніяхъ, формулированныхъ Городельской уніей 1413 г.

⁴⁾ Выѣстъ съ Волинью Свидригайло получили также Кіевъ (*Wolff*, *Röd Ged.*, 166. Ср. *Skarb.*, №№ 744, 746).

польскія притязанія на волынское наслѣдіе. Преемникъ Свидригайла по великому княженію, Сигизмундъ Кейстutowичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ полякамъ, формально уступилъ было Польшѣ всю Волынскую землю, долженствовавшую по его смерти перейти всецѣло къ коронѣ польской ¹⁾; но до этого не допустилъ сидѣвшій въ то время на Волини Свидригайло. Впрочемъ, и самъ Свидригайло, при формальномъ признаніи за нимъ въ 1437 г. Волынскаго удѣла, вынужденъ былъ войти въ такое же соглашеніе съ королемъ Владиславомъ III: признавъ свою зависимость отъ короля, Свидригайло, вмѣстѣ съ своею радой, обязался вѣрно служить коронѣ польской, при чемъ рада, съ согласія своего князя, обязалась, по его смерти, не признавать никого своимъ господаремъ, кромѣ польскаго короля ²⁾. Договоръ этотъ, впрочемъ, былъ нарушенъ воынскимъ княземъ вслѣдъ за вступленіемъ на великокняжескій столъ Казимира-Ягеллона. Получивъ отъ послѣдняго подтвержденіе пожизненнаго владѣнія Луцкомъ и всею Воынскою землей ³⁾, Свидригайло отрекся отъ подчиненія польскому королю и цѣловалъ крестъ на вѣрность повому великому князю литовскому. На сеймахъ долго, затѣмъ, велись ожесточенные споры между польскими и литовскими панамъ изъ-за Воынскаго наслѣдія. Литовцы требовали возвращенія занятыхъ поляками въ разное время воынскихъ замковъ, какъ исконныхъ русскихъ земель, принадлежавшихъ литовскимъ господамъ. Поляки, въ свою очередь, заявляли притязанія на полное присоединеніе къ Польшѣ всей Волины, ссылаясь на то, что ея владѣли прежніе короли польскіе (Людовикъ и др.), а также на Городельскую унію и другіе акты, въ особенности на сравнительно недавній договоръ Сигизмунда Кейстutowича о формальномъ подчиненіи этого края Польшѣ и пр. Споры эти, однако, не привели ни къ чему: каждая сторона оставалась при своихъ фактическихъ владѣніяхъ ⁴⁾. Въ виду польскихъ притязаній Свидригайло на смертномъ одрѣ ⁵⁾ обязалъ воын-

¹⁾ Skarbiec, № 1630.

²⁾ *Długosz, Hist.*, X, 696. *Stadnicki, Bracia Jagielly*, 362.

³⁾ *Stadnicki, Bracia*, 364.

⁴⁾ *Любаскій, Областное дѣленіе*, 41.

⁵⁾ Свидригайло умеръ въ концѣ 1451 г. Послѣдняя его грамота принадлежитъ 24 сентября 1451 г. (*Arch., Sang.*, I, № 47). 3-го января слѣдующаго года король Казимиръ уже распоряжается удѣломъ Свидригайла: дать жалованную грамоту пану Мышкову на мѣстѣ въ Владимірскомъ и Перемышльскомъ повѣтахъ (*ibid.*, № 50). Очевидно, Свидригайло умеръ въ промежутокъ времени между датою обѣихъ грамотъ.

ских князей и панов не отдавать послѣ него Волинь никому, кромѣ великаго князя литовскаго. Предсмертная воля послѣдняго волинскаго князя была исполнена: волинскіе замки были заняты послѣ его смерти литовскими гарнизонами, и вся страна поступила въ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ ¹⁾). Какъ видно изъ грамотъ Свидригайла, сохранившихся въ значительномъ числѣ отъ времени княженія его на Волини, онъ управлялъ ею на общемъ положеніи удѣльнаго князя. Въ грамотахъ Свидригайло обыкновенно титулуется: „милостию Божею великій князь“. Грамоты, дававшіяся на имѣнія и по другимъ случаямъ, составлялись отъ имени князя, всегда „порадився (досмотрѣвъ) з нашими князи и паны, з нашею вѣрною радою“. Рада эта, состоявшая обыкновенно изъ мѣстнаго владыки, князей и пановъ, является главнымъ органомъ управленія княжествомъ. Въ числѣ радныхъ пановъ упоминаются всѣ главные волинскіе урядники временъ Свидригайла, составлявшіе его дворъ или управлявшіе отдѣльными городами и волостями княжества. Таковы: маршалки дворные и земскіе, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, ключники, крайчіе, воеводы, старосты и др. ²⁾).

Послѣ Свидригайла не было больше великихъ князей волинскихъ. Съ этихъ поръ Волинь утрачиваетъ удѣльный характеръ, окончательно отходитъ къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ. Къ составу Литовско-Русскаго государства Волинская земля принадлежала до Люблинской уніи 1569 г., когда она, вмѣстѣ съ Подолей, Кіевской землей и частію Подляхін, отошла къ числу

¹⁾ *Длугошъ* (Hist., V, 95) сообщаетъ, что, узнавъ о близкой кончинѣ Свидригайла, король послалъ въ Луцкъ Николая Панховскаго для опредѣленія положенія дѣлъ на мѣстѣ и (въ случаѣ смерти князя) для принятія присяги на вѣрность королю со стороны жены умершаго князя, старосты и бояръ луцкихъ (А. В. Р., I, № 53. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 177 и слѣд. *Wolff*, Ród Ged., 166. *Tatlownowski*, *Żródła*, VI, стр. LVIII). Жена Свидригайла не осталась въ Волини но получила отъ короля въ „доживотье“ Здытовъ, Городокъ и Дворцы въ Пинскомъ Полясьи (Ревизія пуць, 330, 334 и др. *Wolff*, 166).

²⁾ Arch. Sang., I, № 35, 36, 38 и др. А. Ю.-З. Р., I, № 19—21, 24, 25, 30. *Антоновичъ*, Грамоты великихъ князей литовскихъ, стр. 18. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 20. Археогр. сборн., VII, стр. 2. Ревизія пуць, стр. 327. *Вольфъ* приводитъ изъ Литовской Метрики двѣ грамоты Свидригайла, 1446 и 1451 г. (Ród, 98), Кстати замѣтимъ, что въ актахъ, относящихся къ исторіи юго-западной Россіи, и другихъ сборникахъ даты нѣкоторыхъ грамотъ не вѣрно обозначены; поправки дать находимъ у *Вольфа* (стр. 98).

непосредственныхъ польскихъ провинцій. Въ составѣ Польши Волянь числилась отдѣльнымъ воеводствомъ ¹⁾).

Кромѣ „великихъ князей“ (въ особенности Любарта, Витовта и Свидригайла), стоявшихъ въ главѣ всей Волинской земли и въ своемъ лицѣ объединявшихъ ее въ цѣльную, относительно самостоятельную область, на Воляни существовали, въ литовскую эпоху, другіе удѣльные князья — Белзско-Холмскіе, Ратненскіе (Сангушки), Острожскіе и др. Одни изъ нихъ принадлежали несомнѣнно къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей, каковы: князья Острожскіе (съ ихъ отраслью — кн. Заславскими), Друцкіе, Четвертенскіе — Святополки и др. Объ этихъ потомкахъ старыхъ русскихъ князей Длугошъ и Кромеръ сообщаютъ, что одни изъ нихъ подчинились Любарту, первому великому князю на Воляни въ литовскую эпоху, другіе были имъ удалены изъ ихъ удѣловъ, очевидно, за отказъ въ „покорѣ“ ²⁾). Большинство удѣльныхъ князей на Воляни принадлежало къ Гедиминовичамъ. Таковы князья Ратненскіе—Сангушки, Степанскіе, Корецкіе и др. ³⁾. Нѣкоторые волинскіе князья происходятъ отъ другихъ родовъ старыхъ литовскихъ князей, не-Гедиминовичей, какъ, напримѣръ, князья Дубровицкіе, принадлежавшіе, какъ мы уже знаемъ, вѣстѣ съ князьями Гольшанскими къ одному роду литовскихъ князей—Ольгимунтовичей ⁴⁾. Опись волинскихъ замковъ, 1545 г., раздѣляетъ мѣстныхъ князей на „головныхъ“, „меньшихъ“ и князей—„повѣтниковъ“, числившихся въ ряду простыхъ землянъ. Къ главнымъ князьямъ относились лишь крупныя магнаты-землевладѣльцы, напримѣръ, князья Острожскіе, Сангушки, Вишневецкіе и др. Неизвѣстно, въ чемъ заключалось различіе между князьями главными и меньшими ⁵⁾. Въ актахъ XV и XVI столѣтія упоминается цѣлый рядъ мелкихъ князей, владѣнія которыхъ располагались въ особенности въ Луцкой

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II. Dodatki, стр. XV. *Baliński*, Staroż. Polaka, 2-e издание. III, 4 и слѣд.

²⁾ *Długosz*, Hist., IX, p. 1087. *Kromer*, L., IX, p. 308.

³⁾ Въ источникахъ упоминаются въ числѣ волинскихъ князей нѣкоторые Гедиминовичи, удѣлы которыхъ неизвѣстны; таковы: Дмитрій, Левъ и Василій Коріатовичи, Патрикій Паримунтовичъ, о которыхъ упоминаетъ Воскресенскій хѣтописъ (И. С. Р. Л., VIII, 34), безъ указанія на ихъ удѣлы (*Wolff*, *Röd*, 71. *Smolka*, *Kiejstut*, 10). Въ той же хѣтописи упоминается князь Дмитрій Михайловичъ Волинскій, который, по предположенію Смольки, могъ быть сыномъ Коріата по крещенію получившимъ имя Михаила (*Smolka*, *Kiejst.*, 27).

⁴⁾ См. выше о княжествѣ Гольшанскомъ въ собственной Литвѣ.

⁵⁾ Памятн. Кіевск. комм., IV, отд. 2, стр. 41.

земля; князья эти, большею частью, лишь упоминаются въ актахъ, безъ точнаго указанія на ихъ владѣнія, обозначающіяся только по мѣстнымъ фамиліямъ князей. Въ XVI столѣтіи всѣ такіе мелкіе князья получили значеніе высшаго класса мѣстной шляхты—служилыхъ князей, сохранявшихъ съ княжескимъ титуломъ свои микрокняжескіе удѣлы-вотчины, безъ великаго участія въ политическихъ дѣлахъ страны ¹⁾.

На западной окраинѣ Волинской земли (по сосѣдству съ Червонной Русью и Люблинской землей) располагались двѣ русскія области, тянувшія изстари къ Волини,—земли *Белзская* и *Холмская*. Территориальное положеніе ихъ на окраинѣ юго-западной Руси, подъ бокомъ и на виду у сильнаго сосѣда (Польши), должно было отражаться на ихъ историческихъ судьбахъ; чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ присоединенія къ Литовско-Русскому государству Холмско-Белзская земля подчинилась западному своему сосѣду, подобно Червонной Руси вовсе вышла изъ состава волинскихъ областей. При первомъ же литовскомъ князѣ на Волини—Любарть Гедиминовичѣ, Белзь и Холмъ съ ихъ волостями отошли къ Польнѣ, сперва по договору литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ въ 1366 году ²⁾, затѣмъ окончательно по договору 1377 года ³⁾. Послѣ присоединенія къ Польнѣ Белзская земля составила отдѣльное воеводство, Холмская же Русь была причислена къ воеводству Русскому, составившемуся изъ бывшей Червонной или Галицкой Руси ⁴⁾. Во второй половинѣ

¹⁾ Такимъ образомъ, въ ревизіи законовъ волинскихъ 1545 г. упоминается цѣлый рядъ мелкихъ князей въ особенности Луцкой земли: Острожецкіе (изъ Острожска), Велицкіе (изъ Велички), Замлицкіе (изъ Замлицъ), Козники и др. Сюда же причисляются выходцы литовскіе и сѣверскіе: Масальскіе (изъ Тарговицы), Сѣнскіе и др. (*Tablunowski, Źródła dziejowe, t. VI, стр. XXXI, XXXIV, LXX. Ср. Arch. Sang., I, 102, 132; III, 67, 188, 256, 323, 325; IV, 114, 162, 354*). Въ актахъ XV столѣтія упоминаются въ числѣ волинскихъ князей Пугаты, имѣвшіе владѣнія, кромѣ Волини, также въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства (*Arch. Sang., I, стр. 33, 50, 61, 70, 85, 86, 138. А. Ю.-З. Р., I, № 19 А. З. Р., № 107. Skarbiec, №№ 1359, 1562, 1603*).

²⁾ Skarbiec, № 432.

³⁾ Какъ замѣчено раньше, по смерти Казимира (въ 1370 г.) Белзь и Холмъ отошли было къ Любарту съ другими волинскими городами, занятыми Польшей, и лишь послѣ новаго завоеванія Польшей западной окраины Волини въ 1377 г. Белзско-Холмская земля была окончательно присоединена къ польскимъ владѣніямъ (см. *Филевичъ, Борьба, 110—112*).

⁴⁾ *Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 911; III, 332. Sulimierski, Słown. georg., I, 129, 553 и др.*

XIV столѣтія Белзская земля составляла удѣльное владѣніе князя Юрія (какъ полагають новѣйшіе изслѣдователи, сына Наримонта Гедиминовича)¹⁾, наравнѣ съ другими литовскими князьями бывшаго въ зависимости отъ великаго князя волынскаго Любарта Гедиминовича. Когда именно Юрій Наримунтовичъ получилъ Белзскій удѣлъ, неизвѣстно²⁾; извѣстно только, что Юрій былъ всегда ближайшимъ сподвижникомъ Любарта въ борьбѣ съ польскимъ королемъ Казимиромъ за самостоятельность Волынской земли и до 1366 г. владѣлъ Белзомъ на общемъ удѣльномъ положеніи³⁾. Въ 1366 году, когда по договору съ Казимиромъ, Белзъ и Холмъ отошли къ Польшѣ, Юрій Наримунтовичъ удержалъ за собой оба удѣла, по пожалованію Казимира (*jure feudali*), въ качествѣ вассальнаго польскаго владѣтеля⁴⁾. Послѣ окончательнаго присоединенія Холмско-Белзской земли къ Польшѣ въ 1377 году, Юрій Наримунтовичъ, вмѣсто утраченнаго имъ стараго его удѣла, получилъ во владѣніе Любачевъ⁵⁾; Белзскій удѣлъ отданъ королемъ Семовиту, мазовецкому князю, Холмская же земля была присоединена къ королевскимъ владѣніямъ⁶⁾. Въ позднѣйшее время бывшіе князья белзскіе, Юрій Наримунтовичъ и его сынъ Иващъ, упоминаются въ источникахъ до конца XV столѣтія въ числѣ литовскихъ князей, но безъ точнаго указанія ихъ владѣній⁷⁾.

¹⁾ По словамъ Андрияшева, „князь Юрій—лицо въ высшей степени загадочное; трудно даже опредѣлить, славянинъ ли этотъ князь, или онъ литовскаго происхожденія; одни изслѣдователи считаютъ его сыномъ Наримонта Гедиминовича, другіе склонны видѣть въ немъ внука извѣстнаго волынскаго князя Мстислава Даниловича и отцомъ его считаютъ Данила Мстиславича, о жизни котораго неизвѣстно ровно ничего“ (*Андрияшевъ*, Очеркъ, 84—85). Стадницкій, напротивъ, различаетъ Юрія Нарим. отъ жившаго будто бы одновременно съ нимъ Юрія Даниловича, князя русскаго—белзскаго и холмскаго, что Вольфъ считаетъ рѣшительно невѣрнымъ: по мнѣнію послѣдняго, белзскимъ княземъ былъ Юрій Наримунтовичъ (*Ród Gedym.*, 15).

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 93.

³⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 85.

⁴⁾ *Нарушевичъ*, *Hist.*, VII, 117—118. *Skarbiec*, № 432. *Stadnicki*, *Syn.*, II, *Dodat.* III. *Smolka*, *Kiejstut*, 10.

⁵⁾ Съ частью соляныхъ доходовъ въ Бохнін. См. *Филевичъ*, Борьба, 112.

⁶⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 85, 230. *Stadnicki*, *Syn.*, II, *Dodat.* IV.

⁷⁾ Такъ, князь Белзскій упоминается въ числѣ литовскихъ князей, ручавшихся въ 1387 г. за воеводу галицкаго Бенедикта (*Prochaska*, *Cod. epist.*, № 35). Тотъ же князь участвовалъ въ предпріятіи Витовта въ 1388 г. на сосѣднія польскія провинціи, а въ 90-хъ годахъ жилъ вообще при Витовтѣ (*Wolf*, 16). Юрій Наримунтовичъ умеръ въ концѣ XIV столѣтія; его сынъ Иващъ перечисляется въ

На территоріи собственно *Владимірской земли* существовали въ литовскую эпоху удѣльные владѣнія Гедиминовичей—князей *Сангушекъ* ¹⁾, подраздѣлявшихся позже на нѣсколько отдѣльных линій. Главныя владѣнія князей Сангушекъ сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу Владимірской земли (къ сѣверу отъ Владимира), по рѣкѣ Турин и Припяти, въ теперешнемъ Ковельскомъ уѣздѣ. Древнѣйшимъ владѣніемъ князей Сангушекъ считаются города Ратно, Любомля и Ветлы. Какъ видно изъ договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ 1366 года, города эти съ ихъ округами тянули къ Владимиру, то-есть, принадлежали къ владѣніямъ Любарта Гедиминовича. Въ 1366 году они, вмѣстѣ съ Владимиромъ, отошли было къ польскимъ владѣніямъ ²⁾ и лишь по смерти Казимира (въ 1370 г.) возвращены были въ составъ Владимірской земли. Образование особаго Ратно-Любомльскаго удѣла князей Сангушекъ принадлежитъ промежутку времени между 1370 и 1375 г., когда въ актахъ впервые упоминается князь Ратненскій ³⁾. По литовской лѣтописи, удѣлъ перваго князя Сангушки (Оедора Ольгердовича) состоялъ, кромѣ Ратно, также изъ Любомля ⁴⁾. Къ старой же отчинѣ Сангушекъ принадлежитъ замокъ Ветлы. За участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ Свидригайла, Сангушки лишились было въ 30-хъ годахъ XV столѣтія своего стараго удѣла; но затѣмъ, при великомъ князѣ Казимирѣ, Сангушки получили, вмѣсто отобраннаго удѣла, сначала владѣнія въ Каменецкомъ и Берестейскомъ повѣтахъ, а потомъ, въ 1443 году, имъ возвращена была старая ихъ отчина—Ратно, Любомля и Ветлы ⁵⁾. Эти города еще въ XVI столѣтіи составляли владѣніе князей Сангушекъ ⁶⁾. Кромѣ указанныхъ городовъ, въ составъ

ряду литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ въ 1399 году (И. С. Р. Л., IV, 104, 142. *Wolff*, 15—16).

¹⁾ Кромѣ имени Сангушекъ и Сангушковичей, въ старыхъ актахъ зачастую встрѣчаемъ наименованіе князей Сангушкоть также *Сендюшко*, *Сендюшковичи* (см., напримѣръ, Археогр. Сборн., I, стр. 76, 81).

²⁾ *Skarbiec*, № 482.

³⁾ *Prochaska*, Cod. epistol. Vit., стр. 13, 35. *Skarb.*, № 1677. *Bonieski*, 292.

⁴⁾ *Быжовицъ*, стр. 22: „Оедоръ Сангушко (сынъ Ольгерда)—удѣлъ его Любомль“.

⁵⁾ *Wolff*, *Röd Ged.*, 121. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, II, 66. *Skarbiec*, № 1791. *Arch. Sang.*, I, стр. 36, 38.

⁶⁾ Въ описи границъ литовскихъ и польскихъ 1546 г. говорится: „Ратень и Любомль были князей нашихъ Сендюшковичовъ“ (Археогр. Сборн., I, стр. 84). Послѣ присоединенія Волыни къ Польшѣ Ратно и Любомль вошли въ составъ Холмскаго повѣта Русскаго воеводства (*Balsinski*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 925—927).

удѣла князя Ратненскаго, Ѳеодора-Сангушки Ольгердовича, входилъ также Жидачевъ ¹⁾, перешедшій, какъ мы знаемъ, въ началѣ XV столѣтія (1400 г.) во владѣніе Свидригайла. Означенныя владѣнія ²⁾ составляли до позднѣйшаго времени удѣлъ потомковъ князя Сангушки Ѳеодоровича, одного изъ сыновей князя Ратненскаго, Ѳеодора Ольгердовича, основателя рода князей Сангушковичей ³⁾. Другой его сынъ, Романъ, какъ мы уже знаемъ, получилъ въ удѣлъ Кобринское княжество. Третій сынъ, князь Гурко, владѣлъ особымъ удѣломъ — Красничинымъ (между Красноставомъ и Грубешовомъ); по смерти князя Гурко принадлежавшій ему удѣлъ былъ пожалованъ (около 1433 г.) князю Сангушку Ѳеодоровичу, въ добавокъ къ Ратненской волости ⁴⁾. Въ XV столѣтіи удѣльныя владѣнія князей Сангушекъ увеличиваются новыми приобрѣтеніями. Изъ раздѣльнаго акта (1502 г.) князей Сангушекъ видно, что въ это время главной ихъ „отчиной и дѣдиной“ считалась Кошерская волость (также повѣтъ), располагавшаяся по сосѣдству съ Ратно и Любомлей и состоявшая изъ дворовъ Кошора (Кошера или Каменя Кошерскаго), Несухоѣже, Божковича, Холопеча и цѣлаго ряда тинувшихъ къ каждому изъ этихъ дворовъ, сельскихъ поселеній ⁵⁾. Несухоѣже и Милановичи, какъ мы знаемъ, составляли первоначально удѣльное владѣніе князей Кобринскихъ, затѣмъ позже перешли къ Сангушкамъ ⁶⁾. Въ началѣ 40-хъ годовъ XV столѣтія Кошерскій повѣтъ (*districtus Cosseriensis*) составлялъ,

¹⁾ „Князь Ѳеодоръ Ольгидевичъ, королевъ братъ“ подтверждаетъ въ особомъ актѣ (безъ даты), писанномъ въ Жидачовѣ, разграниченіе сельъ Тужилова и Сваричова, принадлежавшихъ къ Жидаченскому округу (*Przeгляд Archeologiczny*, I, стр. 77. *Wolff*, 116—117. *Stadnicki*, *Syn.*, II, 170).

²⁾ Кроме Ратно и Либомля, отошедшихъ въ Польшу при королѣ Казимирѣ, какъ это видно изъ описи границъ великаго княжества Литовскаго и Польскаго королевства, составленной въ 1545 г. (*Археогр. Сборн.*, I, стр. 61, 75, 81).

³⁾ *Wolff*, *Kniaz. Kobryncu*, p. 5. *Bonicki*, 292—300.

⁴⁾ Неизвѣстны причины лишенія сыновей Гурко отцовскаго удѣла. Князь Гурко (по Вольфу, отъ имени Гурій, какъ Сангушко—отъ имени Семень), вмѣстѣ съ братомъ Романомъ Кобринскимъ, жилъ въ 1412—1416 г. при дворѣ Владислава-Ягелла; въ 1416 г. подписался на королевск. привилей церкви въ Страдцѣ (*Akta grod. i ziem.*, III, 169). Умеръ до 1433 г., когда его удѣлъ отошелъ къ Сангушкамъ. После Гурко осталась вдова съ сыновьями, ихъ насильно вынудили изъ владѣній мужа. Вольфъ полагаетъ, что лишеніе наследниковъ Гурка отцовскаго стола стояло въ связи съ участіемъ кн. Гурки въ дѣлѣ Свидригайла (*Wolff*, 120, 126—128. *Arch. Sang.*, I, стр. 32. *Supplementa ad hist. Russ. monum.*, 518).

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 147—148.

⁶⁾ *Wolff*, 125.

вмѣстѣ съ сосѣдней Ратненской волостью, основное владѣніе князей Сангушекъ, какъ это видно изъ грамоты короля Владислава (1441 г.) объ отобраниіи отъ Сангушекъ (за измѣну) всего Кошерскаго повѣта; отчина ихъ возвращена лишь чрезъ три года Казимиромъ¹⁾. Къ старымъ же владѣніямъ князей Сангушекъ принадлежать гор. Ковель (на рѣкѣ Туріи) съ его округомъ и Локачи (въ Владимірскомъ повѣтѣ)²⁾. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія къ владѣніямъ Сангушекъ присоединяются новыя пожалованія (Казимира и Александра) въ Владимірскомъ повѣтѣ: Хвалимичи, Заечичи, Шишковичи и Звиничь³⁾. Въ началѣ XVI столѣтія князь Андрей Сангушко получилъ „заставнымъ правомъ“ замокъ Владиміръ съ его волостями (Литовижомъ и друг.) чуть ли не на такомъ же *jus ducale*, на какомъ раньше владѣлъ Снитко Мельштынскій цѣлымъ рядомъ подольскихъ замковъ съ ихъ волостями⁴⁾. Вскорѣ затѣмъ (въ 1517 г.) князь Романъ Андреевичъ Сангушко получилъ отъ Сигизмунда I „до живота“ замки Браславскій, Вишницкій и Звенигородскій⁵⁾. Кромя старыхъ „отчинъ“ и пожалованій господарскихъ, князья Сангушки пріобрѣтали „имѣнія“ частнымъ путемъ (купли-продажи); таковы, напримѣръ, волости въ Владимірскомъ и Кременецкомъ повѣтахъ: Цецевцы, Бай-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 36, 38. Skarb., № 1791. *Stadnicki*, Syn., II, 66. *Wolff*, 121.

²⁾ О Ковелѣ см. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 69. *Wolff*, 125. О Васильѣ Михайлов. Сангушкоичѣ, князѣ *Ковельскомъ*, упоминаютъ акты 1519, 1539 и др. годовъ (А. Ю.-З. Р., II, № 116. Arch. Sang., III, стр. 188. О Локачахъ см. *Baliński*, II, 65. Arch. Sang., III, 182, 350). Въ 1518 г. Сигизмундъ I дозволилъ князю Василію Мих. Сангушкѣ—*villa sua haereditaria*“ Ковель преобразовать въ городъ (*oppidum*) на правѣ Магдебургскомъ. Съ этихъ поръ появляются князья Ковельскіе (Arch. Sang., III, стр. 182—184). Волость Локачи составляла въ 1529 г. выслугу князей Четвертенскихъ (*ibid.*, III, 350. Ср. *Bonieski*, 294).

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 91, 119. *Skarbiec*, № 624.

⁴⁾ Въ 1508 г. Сигизмундъ I отдалъ „въ заставу“ князю Андрею Сангушкѣ замокъ Владимірскій съ мѣстечкомъ Литовижомъ и другими волостями, тянувшими къ замку „со всеми правомъ и панствомъ и со всею властностію, жадного куска не вымюючи, ани жаднымъ обычаемъ отдаляючи. А въ томъ замку маеться онъ радити и справовати, какъ самъ наленей разумеючи, а мы не маемъ иже боляши тос голости и села кому отдавати отъ того замку, ани платовъ местскихъ, ани даней жадныхъ отъ него отнимати, ани ихъ кому отпущати. Нехай онъ то все мощно держитъ“. По его смерти тѣ же права переходятъ къ его наслѣдникамъ, пока замокъ не будетъ выкупленъ (Arch. Sang., III, 56—57).

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 104. Изъ одного акта 1569 г. видно, что въ это время князь Романъ Сангушко состоялъ „воеводой“ браславскимъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 13).

маковцы, Дубиша и друг. ¹⁾). Наконецъ, вмѣстѣ съ удѣльными владѣніями на Волини, князья Сангушки получали въ разное время (съ XV столѣтія) пожалованія въ сосѣднихъ русскихъ и польскихъ областяхъ. Къ такимъ владѣніямъ князей Сангушекъ относятся: въ Каменецкомъ повѣтѣ—Тростяницы; въ Подляхиі—Сошно (въ Берестейскомъ повѣтѣ, въ замѣнъ Тростяницъ) и Лосиче (въ Мельницкомъ повѣтѣ); въ Минскомъ повѣтѣ—Деречинъ и Лошица; позже въ Люблинскомъ воеводствѣ—Левартовъ (позднѣйшій Любартовъ) и пр. ²⁾).

Въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія Ковель, составлявшій центральную часть владѣній князей Сангушекъ, отошелъ къ королеви Бонѣ, давшей князю ковельскому, Василю Михайловичу Сангушковичу (съ его согласія), взаменъ Ковеля, принадлежавшія ей владѣнія въ Минскомъ повѣтѣ—Смоляны, Обольце и Горволь (ими владѣла Сангушки еще въ XVII столѣтіи). Кромѣ Ковеля, королева Бона одновременно приобрѣла (какимъ путемъ—неизвѣстно) сосѣднія волости съ гор. Милановичи и Вызвой. Волинскія владѣнія Боны управлялись особымъ старостой ковельскимъ, милановицкимъ и вызвовскимъ. Волинскія владѣнія числились за королевой Боной до отъѣзда ея въ Италію (въ 1556 г.), когда Ковель съ волостями отошелъ къ великокняжескимъ владѣніямъ. Въ 1564 году Сигизмундъ-Августъ далъ Ковель въ „доживотье“ московскому выходцу—князю Андрею Курбскому; послѣ него Ковель съ волостями вошелъ въ составъ волинскихъ староствъ ³⁾).

Что касается происхожденія князей Сангушковъ, то этотъ во-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 63, 119.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 43, 91, 121. Skurhies, № 624. *Stadnicki*, Syn., II, 266. *Wolff*, 121, 124. Въ половинѣ XVI столѣтія, какъ видно изъ описанія границъ вел. кн. Литов. и Польши (1545 г.) и люстраціи замковъ Владимирскаго, Луцкаго и Кременецкаго (1546 г.), имѣнія князей Сангушекъ были разбросаны на всемъ пространствѣ Владимирскаго и Луцкаго повѣтовъ. Главныя владѣнія сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу Владимирскаго повѣта: замки Камень (в. Каменецкій), Песухонжи, Турейскъ и болѣе 20-ти волостей, отдѣльныхъ имѣній и дворовъ въ разныхъ мѣстахъ Владим. повѣта (Археогр. Сборн., I, стр. 72, 75, 77, 80, 83, 84, 102. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. II, стр. 141, 177, 178, 181—185). Въ Луцкомъ повѣтѣ князьямъ Сангушкамъ принадлежало до 15 имѣній, составлявшихъ иногда обширныя волости: Голятинъ, Завѣсичи, Губинъ, Зиничее, Гороховъ, Поремьль и друг. (Памяти., IV, отд. 2, стр. 75, 107—109, 111—112, 114, 117, 118, 140, 142, 180, 181). О владѣніяхъ Сангушекъ см. *Boniński*, *Poczet rodów*, 292—300.

³⁾ Arch. Sang., I, № 136. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 69, 70, 78. *Boniński*, 294. *Люблинскій*, 124, 250.

прось сталъ разъясниться лишь въ сравнительно недавнее время. Старые польскіе геральдики и историки причисляли князей Сангушковъ къ роду Любартовичей, считали ихъ потомками Любарта Гедиминовича, перваго „великаго князя“ Волинской земли въ литовскую эпоху ¹⁾).

Существуетъ также ничѣмъ не мотивированное предположеніе о томъ, что первый князь Сангушко (Оедоръ) былъ сынъ поггородъ-сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута ²⁾. Старый знатокъ исторіи литовскихъ князей. Стадницкій, весьма обстоятельно доказалъ неосновательность предположенія о принадлежности Сангушковъ къ роду Любарта Гедиминовича; но затѣмъ и самъ пришелъ къ ничѣмъ недоказанной мысли о томъ, что Сангушковъ слѣдуетъ считать потомками не Гедиминовичей, а старыхъ русскихъ князей ³⁾. Лишь въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ (въ особенности Вольфа) установилось строго обоснованное на документальныхъ данныхъ воззрѣніе о при-

¹⁾ Основаніемъ такого воззрѣнія по вопросу о происхожденіи князей Сангушковъ служили: родословная князей литовскихъ, составленная въ XVI столѣтіи (П. С. Р. Л., VII, 256), и частная родословная рода Сангушковъ, составленная въ 1640 г. Геронимомъ, княземъ Сангушкомъ, бывшимъ смоленскимъ епископомъ (*Stadnicki, Syn. Ged.*, II, 262). Тамъ и здѣсь родоначальникомъ Сангушковъ считается Любартъ Гедиминовичъ. Это воззрѣніе принято старыми польскими геральдиками—*Напроцкимъ* (Herbu, изд. *Туровскаю*, 828), *Окольскимъ* (Herbarz, I, 542), *Несецкимъ* (Корона Pol., IV, sub voce „Sanguszky“) и др. Въ новомъ изданіи Herbarz'a *Несецкаю* (VIII, 236) ближе опредѣляется происхожденіе главныхъ линій рода Сангушковъ. По мнѣнію Несецкаго, князя Сангушки-Несухожскіе происходятъ отъ Александра Дмитріевича, сына Любарта Гедиминовича; другія линіи рода Сангушекъ — князья Ковельскіе, Кошерскіе и Михноловичи имѣли своимъ ближайшимъ родоначальникомъ Михалла, другаго сына Дмитрія Любартовича. Воззрѣніи о происхожденіи Сангушковъ отъ Любарта Гедиминовича держатся и нѣкоторые изъ новыхъ польскихъ историковъ (см., напримѣръ, *Dzieła Jul. Bartoszewicza*, III, 371).

²⁾ Предположеніе это высказано не такъ давно польскимъ ученымъ Соколовскимъ. въ предисловіи къ изданнымъ имъ „*Listam kn. Zbarażskich*“ (*Pisarze dziejów Pol.*, V, стр. 3). Известно, что Оедоръ Корыбутъ, съ которымъ отождествляется Оедоръ Сангушко, умеръ безпотомно (*Wolff, Rüd Ged.*, 155).

³⁾ *Stadnicki, Wacis Jagiellu*, 33, 241, 262—269. Изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ того же мнѣнія о русскомъ происхожденіи Сангушковъ держится Яблоновскій. По его словамъ, сами Сангушки, русскіе князья по своему происхожденію, стали позже выдавать себя за потомковъ Гедиминовичей (именно Любарта), считая для себя болѣе выгоднымъ происхожденіе отъ Гедиминовичей, владѣвшихъ въ Литвѣ и Польшѣ верховной властью (*Zródła dziejowe*, t. VI, стр. LXVIII—LXIX).

надлежности князей Сангушковъ къ роду Ольгердовичей ¹⁾). Древнѣйшія преданія о происхожденіи князей Сангушковъ, вполне подтверждающіяся позднѣйшими документальными данными, сохранились въ русскихъ и литовскихъ лѣтописяхъ. По литовской лѣтописи (изданной Нарбутомъ), шестымъ сыномъ отъ первой жены Ольгерда считается „Федоръ-Сангушко—удѣль его Любомль“ ²⁾). На основаніи этого показанія Стрыйковскій выводитъ родъ князей Сангушковъ отъ „шестого сына Ольгерда—Федора“ ³⁾). Тѣ же самыя показанія находимъ въ цѣломъ рядѣ русскихъ лѣтописей: 1-й Новгородской, Софійскомъ временникѣ, Воскресенской лѣтописи и друг. ⁴⁾). Въ синодикахъ Кіево-Печерской лавры записанъ, вѣстѣ съ родомъ князей Кобринскихъ, также родъ князей Ольгердовичей Сангушковъ ⁵⁾). Что касается, затѣмъ, показаній актовъ, относящихся къ князьямъ Сангушкамъ, то до XVI столѣтія они не имѣютъ никакихъ приточныхъ фамилій. Въ актахъ XIV и XV столѣтій князья Сангушки, по большей части, именуются по ихъ главному удѣлу ⁶⁾), или обозначаются просто родовымъ наименованіемъ Сангушковъ и Сангуш-

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, впервые указалъ на такое происхожденіе рода Сангушковъ проф. В. Антоновичъ. Еще въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ высказалъ положеніе о томъ, что „изъ сѣверныхъ частяхъ Волыни, около Ковеля, получилъ удѣль Федоръ Ольгердовичъ, родоначальникъ князей Сангушковъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. XIX); положеніе это, однако, не было мотивировано никакими документальными данными и потому осталось безъ вліянія на дальнѣйшее разъясненіе спорнаго вопроса. Изъ польскихъ изслѣдователей ту же самую мысль высказалъ впервые Радзивиловскій, въ своей монографіи о князьяхъ Кобринскихъ (Rozprawy i sprawozd. z posied. wykladu hist.-filosof. Ak. Umiejętn., XVII, 6—7. 18). Собственно же Вольфу принадлежитъ заслуга строго-научнаго изслѣдованія вопроса о происхожденіи Сангушковъ именно отъ Ольгердовичей (см. *Röd Ge, dim.*, 116 - 126). Мы укажемъ на главныя документальныя данныя, говоряція въ пользу мысли о происхожденіи Сангушковъ отъ Ольгердовичей.

²⁾ *Вызовецъ*, стр. 22.

³⁾ *Kronika*, изд. 1846, т. II, стр. 57.

⁴⁾ И. С. Р. Л., IV, 72; V, 236; VIII, 25; XV, 436.

⁵⁾ *Wolff*, 119, 126.

⁶⁾ Первый князь Сангушко именуется въ актахъ XIV столѣтія по имени своего удѣла *Fedorius de Rathin* или *Rathnensis* (*Prochaska*, *Cod. epist.*, стр. 13, 35 и др.). Въ актѣ 1394 г., помѣщенномъ въ „*Inventarium arch. król. Pol.*“, изд. въ Варшавѣ *Рыкачевскимъ*, говорится о *Theodorius Rohatynensis*, тогда какъ въ этомъ актѣ, упоминающемся въ „*Scarbic*“ Даниловича (№ 647), рѣчь идетъ несомнѣнно о Федорѣ Ратненскомъ. То же ошибочное наименованіе Ратненскаго князя находимъ въ другомъ актѣ 1387 г. (*Golebiowski*, *Hist. Wlad.-Jag.*, I, прим. 132. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, II, 127).

ковичей (Сендюшскъ, Сендюшковичей). Въ значеніи потомковъ Ольгердовичей князья Сангушки обозначаются въ актахъ XVI и начала XVII столѣтія. Такъ, надгробная надпись, сохранившаяся въ Яромірѣ (въ Чехіи) на памятникѣ князя Дмитрія Сангушки, именуеть его Ольгердовичемъ. Въ актахъ городскихъ Владимірскихъ сохранилось завѣщаніе 1602 г. „князя Григорія Ольгердовича Сангушко Львовича Кошерскаго“. Такимъ же образомъ, въ люстраціи Подолія 1628 года упоминается Александръ-Адамъ Ольгердовичъ, князь Сангушко-Кошерскій, воевода Подольскій ¹⁾. Объ общемъ происхожденіи Ягеллоновъ ²⁾ и князей Сангушковъ вспоминаеть князь Михаилъ Воротынский, въ своемъ письмѣ Сигизмунду-Августу 1567 года ³⁾.

¹⁾ Źródła dziejowe, V, 151.

²⁾ Ягелло-Владиславъ и Феодоръ Сангушко были сыновья Ольгерда.

³⁾ Skarbiec, № 2375. Всѣ изложенныя данныя приведены у *Вольфа* (Ród, 125—126). Впервые Сангушки стали называться Любартовичами въ актахъ съ конца 30-хъ годовъ XVII столѣтія, очевидно, подъ вліяніемъ династическихъ тенденцій того времени, а также показаній гербовниковъ, составлявшихся современными польскими изслѣдователями—Папроцкимъ и др. (*Stadnicki. Syn. Gedyt.* II, 267. *Wolff*, 126). Въ недавно изданной монографіи: „Князь Феодоръ-Любартъ Ольгердовичъ и его потомки князья Сангушки“ (см. Труды Вилен. отдѣленія Моск. предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археол. съѣзда, 1893, стр. 276 и слѣд.) А. Лонгиновъ высказалъ мысль о томъ, что хотя Сангушки дѣйствительно (согласно съ мнѣніемъ Вольфа) были потомками Феодора Ольгердовича, но тѣмъ не менѣе они „съ полнымъ правомъ могли называться и Любартовичами“. По мнѣнію г. Лонгинова оказывается, что родоначальникомъ Сангушекъ нужно считать *Феодора—Любарта*, сына Ольгерда Гедиминовича. Главнымъ основаніемъ для г. Лонгинова служатъ извлеченія изъ Холмскаго поминника, сдѣланныя епископомъ Я. Сушею, гдѣ различаются два Любарта: Гедиминовичъ и Ольгердовичъ,—последній, по догадкѣ г. Лонгинова, и быть родоначальникомъ Сангушекъ. Свою догадку г. Лонгиновъ, затѣмъ, подтверждаетъ поминникомъ Киено-Печерской лавры, гдѣ находятся свѣдѣнія о родѣ Сангушковъ: „родъ княз Сенкушковъ Федоровичъ“; „князь Феодора Олкирдовичъ княгиню его Олгу“. Сопоставляя эти указанія поминниковъ съ грамотой 1386 г. Феодора-Любарта Луцкаго князя (*Arch. Sangusz. I, № 3*, — см. выше) и затѣмъ съ грамотой того же года „великаго князя“ Феодота съ братьями Лазаремъ и Семеновъ и матерью ихъ Ольгою объ отказѣ ихъ отъ права на „отчизну“ князя Острожскаго (*ibid.* № 8), г. Лонгиновъ приходитъ къ тому заключенію, что въ первой грамотѣ рѣчь идетъ о Феодорѣ—Любартѣ Ольгердовичѣ (будто бы получившемъ въ удѣлъ Луцкъ отъ Владислава—Ягеллы), а во второй грамотѣ—о его жещѣ Ольгѣ и трехъ ихъ сыновьяхъ,—вопреки мнѣнію Вольфа и Радзивиискаго, полагающихъ, что въ обѣихъ грамотахъ говорится о „великомъ князѣ“ Феодорѣ Любартовичѣ и его братьяхъ съ матерью (см. Труды, стр. 277—278, 280—282). Свою догадку г. Лонгиновъ изложилъ въ рефератѣ, доложенномъ на бышемъ

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Сангушки, по общему обычаю старыхъ литовскихъ князей, владѣли своими удѣльными отчинами по „дѣльницамъ“ ¹⁾, откуда въ теченіе XV столѣтія образовалось нѣсколько отдѣльныхъ линій рода Сангушковъ. Таковы князья *Ковельскіе* (до новѣйшаго времени сохранившійся родъ Сангушковъ), *Кошерскіе* (Коширскіе), *Несухожскіе-Локацкіе* и *Михноловичи* ²⁾. Дѣльници

Виленскомъ сѣздѣ и вызываемъ рядъ возраженій со стороны г. Радзимиискаго. Последній не только не соглашается съ догадкой г. Лонгинова о происхожденіи Сангушковъ отъ Федора-Любарта, но и совершенно отрицаетъ его существованіе. Проф. П. П. Филевичъ въ отчетѣ о IX Археологическомъ сѣздѣ въ г. Вильнѣ (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1894 г., январь, стр. 11), инопіт соглашается съ мнѣніемъ г. Радзимиискаго. Дѣйствительно, проф. Филевичъ, какъ намъ кажется, съ полной основательностію утверждаетъ, что „великій князь“ Федотъ грамоты, помѣщенной въ Arch. Sangusz., I, № 8, могъ быть только Федоръ Любартовичъ: только онъ могъ называться „великимъ княземъ“, какъ сынъ великаго князя Любарта Гедиминовича,—только онъ могъ быть инопіуждаемъ Ягеллой къ признанію независимости отъ себя князя Острожскаго. Затѣмъ, послѣдній получилъ грамоту, по догадкѣ Лонгинова, отъ жены и сыновей Федора—Любарта, а не отъ него самого,—обстоятельство, совершенно не выясненное г. Лонгиновымъ. По словамъ г. Лонгинова, названіе Сангушковъ далъ предполагаемый третій сынъ Федора—Любарта, Семень, упоминающійся въ грамотѣ 1386 г. (Arch. Sang., I, № 8). Между тѣмъ, изъ литовской хроники, изд. Нарбутомъ (*Pomniki do dziejów.* 22), видно, что „Сангушкой“ назывался Федоръ Ольгердовичъ: шестой сынъ Ольгерда—„Федоръ Сангушко, удѣлъ его Любомль“. Федоръ-Любартъ упоминается въ одномъ холмскомъ помянникѣ; между тѣмъ, извѣстно, что помянники не представляютъ собой точныхъ родословій,—ихъ показанія могутъ имѣть значеніе лишь въ такомъ случаѣ, когда они подтверждаются другими документальными данными, чего въ данномъ случаѣ вовсе не имѣется. Въ виду изложеннаго слѣдуетъ полагать, что рефератъ г. Лонгинова нисколько не измѣняетъ вопроса, разъясненнаго Вольфомъ касательно личности родоначальника Сангушковъ, какъ и касательно данныхъ, заключающихся въ упомянутыхъ выше двухъ грамотахъ 1386 года.

¹⁾ Въ старое время кн. Сангушки, подобно другимъ мѣстнымъ князьямъ, пользовались обычными правами удѣльныхъ князей, управляли дѣльницами чрезъ своихъ урядниковъ, имѣли своихъ бояръ и пр. Изъ люстраціи Волинскихъ замковъ 1546 г. видно, что еще въ это время князья Сангушки имѣли своихъ бояръ. Въ описаніи „городенъ“ замка Луцкаго упоминается городня Корнячова, боярина, князя Коширскаго; эту городню исправляли крестьяне принадлежавшаго Корнячову имѣнія Подгаецъ (Памяти, Киевск. Комм., IV, отд. II, стр. 117).

²⁾ *Wolff*, 125. *Baliński*, III, 69. *Niesiecki*, Herb., VIII, 234, 236. *Bonicki*, *Rozzet*, 295 и слѣд. Ср. также Arch. Sang., I, предисл., стр. VI. Родъ князей Несухожскихъ превратился въ концѣ XVI столѣтія, Кошерскихъ — въ половинѣ слѣдующаго вѣка (*Wolff*, 125). Въ «описи» Волинскихъ земель 1528 г. упоминаются только князья Ковельскіе; Михноловичи и Несухожскіе въ то время,

Сангушковъ, какъ видно по всему, уже во второй четверти XVI столѣтія имѣли значеніе не самостоятельныхъ удѣльныхъ владѣній, но простыхъ служебныхъ „отчинъ“; съ ихъ владѣніемъ связывалась для отчиней обычная земская служба, обязательная вообще для всѣхъ классовъ литовско-русской шляхты. Князья Сангушки въ это время числились въ ряду мѣстныхъ служилыхъ князей, утратили старое значеніе независимыхъ удѣльныхъ владѣтелей ¹⁾.

На территоріи Владимірской земли, повидимому, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ владѣніями князей Ковельскихъ и Коширскихъ, находились владѣнія князей *Ружинскихъ* (Рожинскихъ) ²⁾. Главныя владѣнія князей Ружинскихъ находились въ Владимірскомъ повѣтѣ: Ружинь, Горовъ и Твориничъ ³⁾; другая часть владѣній, г. Роговичи, принадлежала къ Луцкому повѣту ⁴⁾. Роговичи составляли особую дѣльницу князей Ружинскихъ, называвшихся по имени этой дѣльницы также князьями *Роговицкими* ⁵⁾. Князья Ружинскіе, какъ полагаютъ, сдѣлались удѣльными князьями еще при Ольгердѣ; въ мѣстныхъ актахъ они впервые упоминаются лишь во второй половинѣ XV столѣтія ⁶⁾. Князья Ружинскіе-Роговицкіе удерживали зна-

очевидно, уже вышли изъ состава Волинскихъ земель (Arch. Sang., III, стр. 323) Волость Локачи, составлявшая вмѣстѣ съ Несухожимъ удѣлъ князей Локацкихъ-Несухожскихъ, принадлежала въ 1529 г. князьямъ Четвертынскимъ въ значеніи «выслуги» (Arch. Sang., III, 350).

¹⁾ Это видно, между прочимъ, изъ упомянутой „пописи“ Волинскихъ земель (1528 г.), къ которымъ на общемъ основаніи относились князья Сангушки, наравнѣ съ другими потомками старыхъ удѣльныхъ князей Волинской земли (Arch. Sang., III, 323 и сл.).

²⁾ Происхожденіе князей Ружинскихъ до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью. Ихъ производятъ отъ сыновей Гедимиша—Коріата или Наримунта, также отъ сына Ольгерда, Дмитрія-Корыбута (*Paprocki*, Herb., 835. *Okolski*, Orbis Polon., II, 649. *Нарбутъ*, Kron., VII, Dodatki, 105. *Sulimierski*, Stow. geogr., VII, 917; X, 48. *Stadnicki*, Syn., II, 10—12. *Wolff*, 14—15. Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, предисл. XIX). О przydomku Ружинскихъ „*Наримунтовичи*“ см. *Boniecki*, 287.

³⁾ *Zródła dziejowe*, VI, стр. 11.

⁴⁾ *Ibid.*, 52.

⁵⁾ *Ibid.*, 20—21, 52. *Boniecki*, 283, 286, 293.

⁶⁾ Князь Иванъ Ружинскій упоминается въ 1486 г., князь Михаилъ въ 1487—1488 г. (*Wolff*, 14, изъ Лит. Метрики). Въ 1510 г. князь Михаилъ Роговицкій помѣнялся было имѣніями съ князьями Сангушками—далъ имъ Ружинь и получилъ вмѣсто него Заечичи и Волковичи; но эта сдѣлка не состоялась (*Boniecki*, 286). Въ 1522 г. упоминается, повидимому, тотъ же князь, но уже подъ именемъ князя Ружинскаго. Въ ревизіи замковъ Владимірскаго и Луцкаго, 1546 г.,

ченіе удѣльныхъ владѣтелей, повидимому, еще въ началѣ XVI столѣтія ¹⁾.

Между Ковельскимъ и Владимірскимъ повѣтами располагались владѣнія князей *Дольскихъ* ²⁾. Центральнымъ пунктомъ ихъ владѣній былъ Старый Дольскъ, съ прилегавшей къ нему обширной волостью (Угриниче, Червище, Горскій и пр.). Къ владѣніямъ Дольскихъ князей принадлежалъ, кромѣ того, на южной окраинѣ Пинскаго Полѣсья (ниже Пинска) г. Новый Дольскъ (Любяшевѣ) съ пригородомъ Зарѣчьемъ. Князья Дольскіе упоминаются еще въ первой половинѣ XVI столѣтія. Позже ихъ владѣнія перешли къ князьямъ Вишневецкимъ ³⁾.

Къ старымъ волынскимъ князьямъ относятся князья *Козеки* (Козики, Козѣки, Козечины, Козечицы). Ихъ отчина слагалась изъ нѣсколькихъ волостей въ разныхъ мѣстахъ Владимірскаго повѣта — Зимно (на р. Лугѣ, близъ Владиміра), Бискупичи, Росновъ, Хворостовъ и др. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія князьямъ Козекамъ принадлежали господарскія „выслуги“ — Мокрець и рядъ дворовъ (Великовское, Ходоровское, Кошелевское, Дектеровское, Минховское и др.) въ Владимірскомъ повѣтѣ. Позже упоминаются другія волости князей Козекъ: Нерожинъ, Ружчаловичи, Осьмиковичи и др. ⁴⁾. Князья Козеки впервые упоминаются въ первой половинѣ XV столѣтія, при волынскомъ князѣ Свидригайлѣ. Изъ одной грамоты этого князя (1445 г.) видно, что князь Федоръ Козека входилъ въ составъ волынской рады ⁵⁾. Со второй четверти XVI столѣтія князья Козеки упоминаются въ актахъ въ значеніи господарскихъ „дворянъ“ и волынскихъ „землянь-повѣтчиковъ“ ⁶⁾. Происхожденіе князей Козекъ

упоминаются князья Роговицкіе Иванъ, Василій и Федоръ, а также князь Стефанъ Ружинскій (Źródła dziejowe, VI, 20—21, 52). О раздѣлѣ владѣній князей Ружинскихъ въ 1606 г. см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 313—337. См. *Wolff*, 14—15.

¹⁾ *Sulimierski*, Słown. geogr., VII, 917; IX, 874; X, 48. Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, предисл., XIX; ч. VI, т. I, 313—337, 454 и др. Памяти. Кіевск. Комм., IV, 23. Arch. Sang., I, 72; III, 72, 199, 278, 325. IV, 104, 146, 149. *Wolff*, Ród Ged., 14—15. *Boniecki*, Poczet rodów, 286—289.

²⁾ Происхожденіе ихъ вовсе невѣдомо.

³⁾ Arch. Sang., III, 325; IV, 183, 191. Słown. geogr., II, 103; *Baliński*, III, 68. *Niesiecki*, Herb., III, 361. *Boniecki*, 45.

⁴⁾ О владѣніяхъ Козекъ см. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 15, 24, 26, 27, 41, 146—148, 185. *Boniecki*, 151. *Baliński*, III, 61.

⁵⁾ *Boniecki*, Poczet, 151.

⁶⁾ Arch. Sangusz., III, 325, 462. Памяти., IV, отд. 2, стр. 15, 24 и др.

неизвѣстно. Во второй половинѣ XVI столѣтія упоминаются Козеки (Козики) въ ряду простыхъ волинскихъ земель, безъ княжескаго титула; это, очевидно, захудалая отрасль стараго владѣтельнаго рода Козекъ ¹⁾).

На территоріи Владимірской земли располагались владѣнія мѣстныхъ князей *Полубинскихъ*. Старой ихъ отчиной считается Полуница съ рядомъ тинувшихъ къ ней селъ (Мсинское и др.), находившихся близъ западной границы Владимірской земли съ польскими областями ²⁾). Великій князь Александръ далъ князю Василю Андреевичу Полубенскому въ „держанье“ замокъ Владимірскій съ волостями, что было подтверждено королемъ Сигизмундомъ въ 1507 г. ³⁾). Въ XV и XVI столѣтіяхъ упоминаются „выслуги“ и „купленыны“ князей Полубенскихъ въ повѣтахъ: Кіевскомъ (Варевицы, Бершовъ, Коготовъ), Мстисховскомъ (Деречинъ близъ Слонима), Мстиславскомъ (Лиханичи), Витебскомъ (дворецъ Микитино на р. Дрюти) и Полоцкомъ ⁴⁾). Въ источникахъ князья Полубенскіе упоминаются до начала XVII столѣтія. Особую отрасль князей Полубенскихъ составляли князья *Дуды*; родоначальникомъ ихъ считается князь Ивапъ Ѳедоровичъ Полубенскій, жившій въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія ⁵⁾).

Въ источникахъ первой половины XVI столѣтія упоминаются, наконецъ, владимірскія отчины и выслуги князей *Головни* или *Головничихъ* (Фальчевское, Рожанецъ, Соломени Градъ, Дубко. — всѣ на границѣ съ Польшей) ⁶⁾, *Курцевичей* (Туричинъ — пограничное имѣніе, на польской границѣ), *Путятъ* (пол. Мозоръ) и какой-то княгини *Мниховой* ⁷⁾).

На территоріи *Луцкаго* княжества располагался также цѣлый рядъ княжескихъ владѣній, тянувшихъ къ Луцку.

¹⁾ *Boniński*, 151—152. *Baliński*, Star. Pol., III, 61.

²⁾ Археогр. Сборн., I, 50—53.

³⁾ *Boniński*, 253.

⁴⁾ Arch. Sangusz., III, стр. 23, 178, 266. Археогр. Сборн., I, стр. 50—53. *Boniński*, 253—255.

⁵⁾ О князьяхъ Полубенскихъ см. Arch. Sang., III, 74, 263, 335, 410 и др. Археогр. Сборн., II, № 11. О князьяхъ Дудахъ-Полубенскихъ см. *Boniński*, 253, 255.

⁶⁾ Археогр. Сборн., I, 56—57. Памятн., IV, отд. 2, стр. 16. *Boniński*, 88. О князьяхъ Головнихъ см. ниже—о владѣніяхъ Луцкихъ удѣльныхъ князей.

⁷⁾ Объ имѣніяхъ Курцевичей въ Владимірскомъ повѣтѣ см. Памятн., IV, отд. 2, стр. 41, и Археогр. Сборн., I, 83—85; Путять—Памятн., IV, 185; княгини Мниховой—*ibid.*, 146. О князьяхъ Курцевичахъ см. ниже о Луцкихъ удѣльныхъ князьяхъ, о князьяхъ Путятахъ—см. выше о Витебскихъ удѣльныхъ князьяхъ.

Къ сѣверу отъ Луцка располагались удѣльные владѣнія князей *Чарторыскихъ* (Чарторыжскихъ, Чорторыскихъ). Стольный центръ ихъ удѣла, Чарторыйскъ (Чарторыскъ) на Стыри, притокѣ Припети, по лѣтописному преданію, уже въ XII столѣтіи входилъ въ составъ волостей кievскаго князя Давида Игоревича ¹⁾; позже имъ владѣли князья галицко-волинскіе. Въ литовскую эпоху Чарторыскъ составлялъ „главное вотчинное имѣніе“ волинскихъ удѣльныхъ князей — Чарторыскихъ ²⁾. Въ половинѣ XV столѣтія (около 1459 г.) къ владѣніямъ князей Чарторыскихъ присоединяется, по пожалованію Казимира, обширная волость (къ востоку отъ Луцка) Клеванъ (на р. Стубель, притокѣ Горыни) съ цѣлымъ рядомъ пригородовъ и другихъ

¹⁾ Ипат. лѣт., 180.

²⁾ Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. II, стр. 63. Ср. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 45. По позднѣйшимъ лѣтописнымъ показаніямъ, родовымъ владѣніемъ князей Чарторыскихъ былъ также Черниховъ—поселеніе на Волини же къ югу отъ Кременца, на р. Стрышѣ, притокѣ Днѣстра. По имени этого владѣнія литовская лѣтопись называетъ Чарторыскихъ также князьями Черниховскими (Лѣтоп., изд. Нарбутомъ, Выховець стр. 22). Какъ увидимъ ниже, показаніе Выховца о Константинѣ Ольгердовичѣ, какъ князѣ Чарторыскомъ и Черниховскомъ, лишено всякой исторической достовѣрности; нужно поэтому считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ и показаніе о принадлежности въ какое бы то ни было время Чернихова князьямъ Чарторыскимъ. Дѣло въ томъ, что указаніе на Черниховскій удѣлъ Чарторыскихъ находимъ только у одного Выховца. Въ половинѣ XV столѣтія, при жизни первыхъ же, исторически достовѣрныхъ, князей Чарторыскихъ, какъ видно изъ раздѣльнаго акта (1468 г.) владѣній князей Збаражскихъ, «дѣдиной» и «отчины» послѣднихъ считался Черниховъ (Черниховъ, Черниховъ), безъ малѣйшаго намека на пріобрѣтеніе его отъ Чарторыскихъ. „Дѣдиной“ едва ли могло называться данное владѣніе, разъ оно назадъ тому 3—4 десятилітія (Константинъ Ольгердъ упоминаетъ въ 80-хъ годахъ XIV столѣтія, — собственно князья Чарторыскіе—съ начала 30 или 40-хъ годовъ XV столѣтія) принадлежало князьямъ Чарторыскимъ и затѣмъ позже перешло въ Збаражскимъ (Arch. Sang., I, стр. 54, 184). О положеніи волинскаго Чернихова см. карту древней Польши 1772 г., изд. Оргельбрандтомъ въ приложеніи къ сочин. *Валинскиаю*: *Staroż. Polska* (2-е изд., т. IV). При составленіи въ 1545 г. описи замковъ Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, съ цѣлью точнаго опредѣленія замковой „службы“ (постройки и исправленія замковъ и пр.) мѣстныхъ „землякъ“, кн. Чарторыскіе заявляли королевской комиссіи, что «главное вотчинное имѣніе наше, Чарторыйскъ, находится не въ Волинскомъ, а въ Литовскомъ повѣтѣ» (Памяти. Киевск. Комм., т. IV, отд. II, стр. 63), и потому не считали себя обязанными отиранлять замковую службу въ отношеніи къ Владиміру или Луцку. Въ заявленіи кн. Чарторыскихъ, очевидно, дается указаніе не на другое ихъ владѣніе того же имени, находившееся въ Литвѣ, а лишь на то, что Чарторыйскъ въ дѣлѣ замковой службы тинулъ въ данное время къ сосѣдней Литовской области, — нужно полагать къ Пинскому или Брестскому повѣту.

последней (Пересопница, Жуковъ, Житанъ, Бубновъ и пр.). Позже Клеванъ становится главнымъ пунктомъ удѣла князей Чарторыскихъ, ставшихъ называться съ XVI столѣтія князьями „на Клеваю“ ¹⁾. Почти въ одно время (около 1446 г.) съ Клеваномъ князья Чарторыскіе получили отъ Казимира волость Хлоны, на р. Случи, притокъ Горыни (къ сѣверо-востоку отъ Клевана) ²⁾. Въ половинѣ XV столѣтія князь Михаилъ Вас. Чарторыскій получилъ, по завѣщанію брата его жены, Войны Немировича, въ Владимірской землѣ гор. Литивождъ съ волостями: Кречовъ, Горки и Олеско ³⁾. Кромѣ владѣній волынскихъ, князья Чарторыскіе получали съ половины XV столѣтія, по пожалованіямъ великихъ князей литовскихъ, владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Въ 1446 г. князю Михаилу Чарторыскому данъ привилей на часть Клещеля съ волостью, въ Подляхін, на р. Нурцѣ (между Бѣльскомъ и Дрогичиномъ) ⁴⁾. Послѣ возвращенія изъ Москвы (1460 г.) ⁵⁾, князь Александръ Васильевичъ Чарторыскій получилъ привилей на обширную волость въ Бѣлорусіи (въ Минской землѣ)—Логойскъ, Осташинъ, Споровъ и Каменецъ (Литовскій) ⁶⁾. Около 1463 г. одинъ изъ Чарторыскихъ является владѣльцемъ Брацлавскаго староства. Самымъ позднимъ приобрѣтениемъ Чарторыскихъ считаются подольскіе замки—Грановъ и Кубя съ тянувшими къ нимъ волостями ⁷⁾. Замки эти достались Чарторыскимъ отъ князей Четвертынскихъ въ XVI столѣтіи. По общему обычаю, практиковавшемуся во всѣхъ княженіяхъ Литовско-Русскаго государства, князья Чарторыскіе владѣли своей отчиной по „дѣламъ“ или „отдѣламъ“. Какъ видно изъ актовъ XV столѣтія, первые же

¹⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielły, 381. *Źródła*, VI, стр. LXIX. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 49—52. *Niesiecki*, Herbarz, III, 222. *Boniecki*, 82—86. Пересопница (не далеко отъ Клевана) уже въ XII вѣкѣ составляла удѣльное владѣніе сначала Туровскихъ, а затѣмъ Кіевскихъ князей. Послѣ присоединенія Волыни къ Литовскому государству Пересопница принадлежала къ господарскимъ волостямъ; при Казимирѣ была пожалована въ значеніи отчины князьямъ Чарторыскимъ (*Baliński*, III, 61).

²⁾ *Wolff*, *Ród Gedym.*, 99.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 7, 12, 81.

⁴⁾ *Wolff*, 99. *Baliński*, *Staroż. Polska*, III, 442.

⁵⁾ Въ Москву бѣжалъ Алекс. Чарторыскій еще въ 1440 г., послѣ совершеннаго имъ убійства великаго князя литовскаго Сигизмунда Кейстutowича (*Długosz*, I. XII, 723; XIII, 318).

⁶⁾ *Wolff*, 97. *Boniecki*, 23.

⁷⁾ *Sulimierski*, *Stown. Geogr.*, II, 465, 796; IV, 10. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 467, 482.

князья Чарторыскіе, упоминающіеся въ источникахъ (братья Александръ, Иванъ и Михайлъ), имѣли свои особыя „отдѣлы“, остававшіеся во владѣніи ихъ нисходящихъ, какъ видно, до начала XVI столѣтія, когда за пресѣченіемъ потомства старшихъ братьевъ-родоначальниковъ, вся отчина Чарторыскихъ перешла въ родъ младшей линіи—къ потомкамъ Михаила Васильевича ¹⁾.

Происхождение рода князей Чарторыскихъ принадлежитъ къ числу не рѣшенныхъ вопросовъ по исторіи юго-западной Руси. Историки польскіе, по преимуществу интересовавшіеся нашимъ вопросомъ, не пришли до настоящаго времени ни къ какому безспорному рѣшенію. Геральдики конца XVI столѣтія (Папроцкій, а за нимъ Окольскій и др.) выводятъ родъ князей Чарторыскихъ отъ Любарта Гедиминовича, не приводя никакихъ прочныхъ основаній подобной родословной Чарторыскихъ ²⁾. Несецкій, польскій геральдикъ XVIII столѣтія ³⁾, утверждаетъ, что князья (Иванъ и Александръ), упоминающіеся въ источникахъ впервые подъ именемъ князей Чарторыскихъ еще при Скиргайлѣ и Витовтѣ, были сыновья Корыгайла, одного изъ сыновей Ольгерда Гедиминовича ⁴⁾. Предположеніе Несецкаго, однако, вовсе не подтверждается позднѣйшими изслѣдованіями по исто-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 31, 35. О владѣніяхъ князей Чарторыскихъ см. *Boniecki*, *Rozzet ródow*, 32-36. По описи границъ великаго Литовскаго княжества (1545) и люстраціи Волынскихъ замковъ (1546), князья Чарторыскіе владѣли въ половинѣ XVI столѣтія въ Луцкой землѣ замками: Чарторыскомъ, Клеванемъ, Бѣленымъ и цѣлымъ рядомъ волостей (Пересопница, Грибово, Мако-терги, Дядковичи, Земно, Шепель, Колпачичи, Осмычичи, Выкорычъ, Шпраховъ). Кромѣ того, имъ же принадлежали въ Владимірскомъ повѣтѣ замокъ Литовожъ (Литовижъ) и отдѣльныя волости и имѣнія (Сельце, Горки, Заболотье, Смиловичи, Молиново, Жучаровъ). См. Арх. Сборн., I, стр. 70, 71, 92—94. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд., II, стр. 19, 80, 84, 91, 105, 106, 109, 129, 133, 139, 141, 177, 188.

²⁾ *Boniecki*, 32. *Paprocki*, *GniazdoCnoty* (1578) и *Herby rycerstwa Pol.* (1584), 328. *Okolski*, *Orbis Poloniae* (1641), II, 205. Въ доказательство происхожденія Чарторыскихъ отъ Любарта Гедиминовича Папроцкій, а за нимъ и послѣдующіе польскіе геральдики приводятъ извѣстный принципъ, данный князьямъ Чарторыскимъ въ 1492 г. Владиславомъ Варненчикомъ, королемъ венгерскимъ и польскимъ, съ признаніемъ Чарторыскихъ своими родственниками „*krewnymi*“ (*consanguinei*) и съ дозволеніемъ имъ пользоваться литовскимъ гербомъ. Но дѣло въ томъ, что въ упомянутомъ привилеѣ нѣтъ ни слова о Любартѣ (*Stadnicki*, 1743 г. *Bracia*, 388—391; *Syn. Ged.*, II, 261).

³⁾ Первое изданіе сочиненія Несецкаго: „*Korona Pol.*“ относится къ 1728—1743 г. Его „*Herbarz*“ изд. *Бродовичемъ* въ 1839—1845 г.

⁴⁾ *Niesiecki*, *Herb*, III, 222. *Boniecki*, 32.

ри рода Гедиминовичей: Корягайло-Казимиръ Ольгердовичъ умеръ въ 1390 г. бездѣтнымъ, и, слѣдовательно, Чарторыскихъ нельзя никакимъ образомъ считать его потомками ¹⁾).

Въ настоящее время существуютъ по нашему вопросу двѣ гипотезы, имѣющія за собой извѣстныя историческія данныя. По одной гипотезѣ (Вольфа и Смольки) родоначальникомъ князей Чарторыскихъ нужно считать Константина Ольгердовича (1383—1386) ²⁾, по другой (Стадницкаго, Бартошевича, Яблоновскаго) Чарторыскіе — потомки не Гедиминовичей, но русскихъ удѣльныхъ князей, подобно Острожскимъ, Четвертынскимъ и др., удерживавшихъ въ литовскую эпоху старыя свои отчины или получавшихъ отъ литовскихъ государей на Волиши новыя удѣльныя владѣнія ³⁾).

Гипотеза принадлежности Чарторыскихъ къ роду Гедиминовичей возникла не раньше XVI столѣтія, и при томъ, какъ видно изъ источниковъ, по инициативѣ и при прямомъ содѣйствіи самихъ князей Чарторыскихъ. Какъ извѣстно, князья Чарторыскіе впервые упоминаются въ достовѣрныхъ источникахъ не раньше 1440 г., какъ участники въ заговорѣ противъ великаго князя литовскаго Сигизмунда Кейстутовича и въ послѣдовавшемъ затѣмъ его убійствѣ ⁴⁾).

¹⁾ *Stadnicki*, Bracia, 389—391. *Dziela Jul. Bartoszewicza*, III, 375. *Wolff*, Ród Gedim., 162. Происхожденіе въ XVIII вѣкѣ гипотезы о принадлежности Чарторыскихъ къ роду Корягайловичей Бартошевичъ объясняетъ современными политическими обстоятельствами, именно рожденіемъ Станислава-Августа отъ княжны Чарторыской, по показаніямъ тогдашнихъ геральдиковъ принадлежавшей къ роду Гедиминовичей; показанія эти ближе опредѣлены Песецимъ въ смыслѣ принятой имъ гипотезы происхожденія Чарторыскихъ отъ Корягайла (*Dziela Bartoszewicza*, III, 373).

²⁾ *Wolff*, Ród Gedim., 87, 95—96. *Smolka*, Kiejstut, 9. *Bonieski*, 92.

³⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 382 и слѣд. *Dziela Jul. Bartoszewicza*, III, 374—377. *Jablonowski*, Zródła dziejowe, t. VI, стр. LXVI, LXVIII.

⁴⁾ Лѣтописи подъ упомянутымъ годомъ говорятъ о трехъ братьяхъ—Иванѣ, Александрѣ и Михаилѣ Васильевичахъ князьяхъ Чарторыскихъ (*Bonieski*, *Rozset*, 32—33). Въ убійствѣ Сигизмунда участвовали старшіе два брата—Иванъ и Александръ. Заговоръ противъ Сигизмунда, по всему видно, былъ дѣломъ Свидригайла, котораго Сигизмундъ, при помощи поляковъ, смѣстилъ съ велико-княжескаго стола и который послѣ того, какъ замѣчено раньше, сидѣлъ на Волиши въ качествѣ великаго князя. Орудіемъ мести Свидригайла явились его сторонники—братья Чарторыскіе. Изъ нихъ Александръ, послѣ убійства Сигизмунда, ушелъ въ Москву и въ 1443 г. былъ посаженъ московскимъ намѣстникомъ въ Псковѣ; въ Литву возвратился лишь въ 1460 г. Другіе участники въ заговорѣ, Иванъ Чарторыскій и младшій его братъ Михаилъ, ушли послѣ убійства Сигизмунда

Въ послѣдующихъ актахъ Чарторыскіе упоминаются лишь подъ собственнымъ именемъ, безъ всякаго намека на ихъ принадлежность къ Гедиминовичамъ. Послѣдній вопросъ официально возбуждается на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., когда бывший въ то время волинскимъ воеводой Александръ Чарторыскій, во время присяги волинскихъ пановъ на вѣрность коронѣ польской, заявилъ королю публично, на сеймѣ же, свою просьбу считать „домъ“ Чарторыскихъ дѣйствительною отраслюю рода князей литовскихъ, въ удостовѣреніе чего представленъ имъ на сеймѣ привилей, данный въ 1442 г. въ Будѣ королемъ венгерскимъ и польскимъ Владиславомъ Варненчикомъ князьямъ Чарторыскимъ, какъ его братьямъ, кровнымъ (*fratres, consanguineos*), съ дозволеніемъ имъ пользоваться ихъ фамильнымъ гербомъ. Привилей 1442 г. утвержденъ Сигизмундомъ-Августомъ на томъ же сеймѣ 1569 г. Заявленіе на сеймѣ о родствѣ съ Ягеллонами, по словамъ самого князя, сдѣлано имъ съ тою цѣлью, чтобы „домъ его всегда имѣлъ мѣсто въ господарской радѣ въ силу его княжескаго достоинства“¹⁾.

Привилей 1442 г., бывший извѣстнымъ въ Литвѣ, очевидно, еще раньше Люблинскаго сейма, вмѣстѣ съ официальнымъ признаніемъ на этомъ сеймѣ родства Чарторыскихъ съ Ягеллонами, послужилъ затѣмъ твердой основой для построения различныхъ гипотезъ касательно ближайшаго родоначальника Чарторыскихъ,—гипотезъ, какія стали появляться въ составлявшихся приблизительно около того времени родословныхъ литовскихъ князей, особенно же въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и компиляціяхъ польско-литовскихъ геральдиковъ XVI—XVIII столѣтій. Первое по времени указаніе на ближайшаго родоначальника Чарторыскихъ принадлежитъ родословной литовскихъ князей, составленной въ XVI столѣтіи²⁾. Чарторыскіе князья: Иванъ, Александръ и Михайлъ, по этой родословной, счи-

подъ защиту Сымдригайла и оставались при немъ въ Трокахъ до полученія отъ Казимира охраннаго листа; съ 1446 г. они стали уже получать отъ литовскаго господара земельныя пожалованія (*Długosz*, L. XII, 723; XIII, 318. *Выходецъ*, 49. П. С. Р. Л., III, 113; IV, 211; V, 29; VIII, 107. *Studzicki*, Brasia, 381. *Bartolossowicz*, Dzieła, III, 376—377).

¹⁾ Дневникъ Любл. сейма 1569, изд. *Колловичемъ*, стр. 385.

²⁾ Родословная эта, подъ заглавіемъ: „Начало государей литовскихъ“, открыта въ Воскресенской лѣтописи и отпечатана въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“, т. VII, стр. 253—256. Родословная князей Чарторыскихъ приводится на стр. 255.

таются сыновьями князя Василия и внуками Константина Ольгердовича, который в родословной называется князем Чарторыским¹⁾. Та же гипотеза происхождения Чарторыских принята в летописном своде, известном под именем хроники Быховца и принадлежащем той же эпохе, что и упомянутая родословная²⁾, а затѣмъ усвоена послѣдующимъ литовскимъ бытописателемъ—Стрыйковским³⁾. Что гипотеза происхождения Чарторыскихъ отъ Константина Ольгердовича, предложенная въ XVI столѣтїи составителями родословныхъ и летописныхъ сводовъ, не считалась уже въ то время удовлетворительной, видно изъ показанїй цѣлаго ряда современныхъ бытописателей и геральдиковъ—Кояловича, Папроцкаго и другихъ, по собственнымъ домысламъ выводившихъ родъ Чарторыскихъ, какъ замѣчено раньше, не отъ Константина, а отъ другихъ сыновей Ольгерда: Любарта или Корягайла⁴⁾.

Изъ изложеннаго ясно видно, что единственной основой всѣхъ комбинацій и гипотезъ по вопросу о происхожденїи Чарторыскихъ отъ Гедиминовичей служилъ упомянутый выше привилей 1442 г. Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнїю этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго акта, замѣтимъ прежде всего, что въ исторїи Литовской Руси XVI вѣкъ, особенно время съ Люблинской униї, прекращенїя династїи Ягеллоновъ и установленїя избирательной системы преемства господарской власти, было знаменательнымъ временемъ, когда чуть ли не все выдающееся магнатство юго-западной Руси и Литвы проникалось, въ большей или меньшей степени, династическими тенденціями, всячески старалось обезпечить за собой прочное положенїе въ господарской радѣ и вообще въ вновь возникавшемъ политическомъ

¹⁾ *Стадницкій*, известный знатокъ литовско-русской исторїи, считаетъ родословную Воскресенской летописи не первоначальной, а позднѣйшей, переработанной копїей, съ примѣсью многихъ измѣненныхъ фактовъ (*Stadnicki, Brasia, 386—388, 394*).

²⁾ См. Летопись *Быховца* въ изданїи *Нарбута*, стр. 22.

³⁾ *Strzykowski*, *Kronika* (впервые издана 1594 г.), изд. 1846, т. II, 57 и 89.

⁴⁾ О Папроцкомъ, Окольскомъ и Несецкомъ сказано выше; что касается Кояловича, то въ своей исторїи Литвы (*Hist Lith.*, изд. 1650, т. I, 359), а также въ замѣткѣ въ эту тему о Чарторыскихъ въ *Herbarz'ѣ* Несецкаго Кояловичъ слѣдуетъ мнѣнїю Папроцкаго о Любартѣ, какъ родоначальникѣ Чарторыскихъ; но затѣмъ къ своему (рукописномъ) гербовникѣ Кояловичъ указываетъ, кромѣ Любарта, еще на Андрея Ольгердовича (бывшаго полоцкимъ княземъ), который также могъ быть, по его мнѣнїю, родоначальникомъ Чарторыскихъ (см. *Stadnicki, Brasia Jagellu, 389*).

строѣ, закончившемся извѣстной Люблинской уніей Литвы съ Польшей. Изъ-за такихъ тенденцій шла дѣятельная фабрикація родословныхъ и привилеевъ на княжескіе титулы и гербы, подъ прикрытіемъ которыхъ мѣстные магнатскіе роды сопричислялись въ XVI столѣтіи къ Гедиминовичамъ и кандидатамъ на господарскій тронъ. Одновременно съ князьями Чарторыскими и въ одинаковомъ съ ними направленіи дѣйствовали, какъ извѣстно, представители такихъ магнатскихъ родовъ въ Литвѣ и на Руси, предки которыхъ никогда не пользовались княжескими правами. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія приобрѣтенія княжескихъ правъ родомъ Сапѣговъ, предки которыхъ до XVI столѣтія считались простыми „панамъ“, безъ всякихъ притязаній на княжеское достоинство. Сфабрикованный Сапѣгами въ XVI столѣтіи привилей на это достоинство во многомъ напоминаетъ извѣстный привилей Чарторыскихъ. Въ родовомъ актѣ на княжество Сапѣговъ король Владиславъ Варненчикъ выводитъ ихъ родъ отъ Наримонта Гедиминовича; Сигизмундъ Старый подтверждаетъ въ 1512 г. ихъ родословную; а Сигизмундъ-Августъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. даетъ сеймовую санкцію княжескому диплому, данному Сапѣгамъ въ Будѣ, какъ и Чарторыйскимъ ¹⁾. По словамъ польскихъ историковъ, въ то время, какъ одни магнатскіе роды добивались въ XVI столѣтіи выдающагося положенія въ государствѣ безъ шума, незамѣтно, другіе (какъ Чарторыскіе и Сапѣги) брали первыя мѣста въ радѣ господарской и на урядахъ „szturmem, krzykliwe“, путемъ сеймовой санкціи подѣльныхъ актовъ и дипломовъ на княжеское достоинство и на родство съ Ягеллонами, заправлявшими тронами литовскимъ и польскимъ ²⁾.

¹⁾ *Dziela Bartoszewicza*, III, 378.

²⁾ „Rodzina Czartoryskich występowała na wielką skalę z przywłaszczeniem, fałszowała historję, narzucała się królowi i potomności. Było to niezmierne zachwalstwo. Inni kniaziowie pocichu podrabiając akta, rodowody, wpierali się do panującej rodziny, nie ze zgiełkiem, nie krzykliwie występowali, jak gdyby dlatego żeby nie rosbudzać czujności, żeby ukradkiem dostać się niespostrzeżonym od nieprzyjacielskiego obozu. Dumni i ambitni kniaziowie szli do twierdzy szturmem. Publicznie na sejmie rodowód swój wywodzili, samemu królowi nie wahali się mówić, że są jego krewnymi“ (*Dziela J. Bartoszewicza*, III, 376). По замѣчанію Яблоновскаго, для Чарторыскихъ „widocznie dostojnięj było pochodzić ze krwi litewskiej, posiadającęj władzę zwierzchniczą w kraju i panującęj na tronie polskim: dostojnięj i praktycznięj może—w widokach wywyższenia się po nad tłumy pospolitego, spowzedniałego kniaziowstwa.... Woleli przecie uchodzić za krew Ol-

Критическій разбор привилей 1442 года ¹⁾, принадлежащей таким знатокамъ истории Литвы и юго-западной Россіи, какъ Стадницкій и Бартошевичъ, приводитъ къ несомнѣнному заключенію о томъ, что привилей Чарторыскихъ принадлежитъ къ практиковавшимся въ XVI столѣтіи поддѣлкамъ привилеевъ на княжеское достоинство различныхъ магнатскихъ родовъ въ литовскихъ и русскихъ областяхъ. Дѣйствительно, внимательное изученіе упомянутого привилея возбуждаетъ цѣлый рядъ сомнительныхъ вопросовъ, не дающихъ никакой возможности признать его подлинность. Ни по своей формѣ и содержанію, ни въ особенности въ виду современныхъ обстоятельствъ, при какихъ появился этотъ памятникъ, онъ не пред-

gierdową, za krew „Iagiellońską“, by się tém łatwiej dostać do dziedzicznej rady hospodarskiej, na równi z innymi książęty krwi, jak Słuccy Olekowie lub Jawnutowicze Mćcisławscy“ (Źródła dziejowe, VI, p. LXVIII).

¹⁾ Привилей этотъ впервые обнародованъ Папроцкимъ въ „Gniazdo snoty“ и въ послѣдующемъ изданіи Herbarz'a. Часть привилея приводится въ сочиненіи Стадницкаго—Врасіа Jagiełły, 392. Памятникъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Въ первой приводится латинскій текстъ привилея. Онъ былъ данъ 14 июня 1442 г. князьямъ Чарторыскимъ въ Будѣ (въ Венгріи) Владиславомъ-Варненникомъ, королемъ польскимъ и венгерскимъ, за подписью короля и сановниковъ венгерскихъ. Содержаніе привилея слѣдующее: „Желая вознаградить (Quomodo cupientes... honori intendere) братьевъ нашихъ (fratrum nostrorum): Пвана, Александра и Михаила, князей Чарторыскихъ (duces de Czartorisko), оказавшихъ особое расположеніе и вѣрность (singulari affectione et fidelitate) къ нашему величеству и Польскому королевству, а также ради защиты (утвержденія, упроченія) впредь ихъ княжескаго положенія и достоинства, по радѣ съ нашими прелатами и панами (baronibus) венгерскими и польскими, мы желаемъ и дозволяемъ упомянутымъ князьямъ, нашимъ кровнымъ (duces consanguineos nostros), пользоваться княжеской ихъ печатью (sigillo eorum ducali), какую они имѣли обыкновеніе употреблять отъ дѣда и отца (ex avo et patre uti consueverunt), то-есть, лошадь съ сѣдокомъ, имѣющимъ въ рукахъ обнаженный мечъ“. Вторая часть акта заключаетъ собственно резолюцію короля Сигизмунда-Августа, данную имъ на сеймѣ 1569 г. вслѣдствіе просьбы Чарторыскаго объ утвержденіи представленнаго имъ привилея 1442 г. Подтверждая этотъ привилей, Сигизмундъ-Августъ заявляетъ, что „его предокъ милостиво дозволилъ тому дому (Чарторыскимъ) пользоваться княжескимъ гербомъ „Вздохъ“ (insigni ducali Pogonia, — въ привилей 1442 г. говорится только о фамильной печати). Привилей утверждаетъ королемъ „не только въ виду заслугъ и ради защиты того дома, но и потому, что дѣло относится къ весьма давнему времени, и тотъ домъ по крови соединенъ съ фамиліей Ягеллоновъ, отъ которой мы происходимъ по отцамъ“ (nam et antiquissima est et cum incluta Jagellonum familia ex qua nos paternum genus sanguinis vinculo conjuncta). См. *Стадницкій*, Врасіа, 392, 396. *Дзела Бартошевича*, III, 376—377.

ставляетъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности ¹⁾).

¹⁾ Мы приведемъ вкратцѣ главнѣйшіе доводы Стадницкаго и Бартошевича противъ „autenticzności“ привилея 1442 г. Форма изложенія этого памятника, его „frazeologia“, по замѣчанію Стадницкаго, указываетъ скорѣе на XVI вѣкъ, чѣмъ на первую половину XV. Сомнѣніе наводятъ время и мѣсто (Венгрія) изданія этого акта, а въ особенности указаніе его на „особое расположеніе и вѣрность оказанныя Чарторыскими королю и коронѣ Польской“, что рѣшительно противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла. Чарторыскіе были „подданные“ Литвы, съ Польшей не имѣли ничего общаго, не служили ей. Мало того: за два года до предполагаемаго изданія привилея, Чарторыскіе убиваютъ дядю короля, великаго князя Сигизмунда, бывшаго ревностнымъ сторонникомъ польской политики въ Литвѣ. По вѣнчѣ Чарторыскихъ власть Владислава-Варненчика ограничивается одною Польшей,—братъ его Казимиръ правитъ Литвою совершенно самостоятельно. Затѣмъ, послѣ кровавой расправы съ Сигизмундомъ, главный виновникъ его смерти, Александръ Чарторыскій, надолго уходитъ въ Москву; остальные братья его скрываются у иного врага той же Польши—Смудригайла и лишь по истеченіи значительнаго времени получаютъ отъ великаго князя Казимира охранительный листъ, а затѣмъ яступаютъ къ нему въ милость и пр. Все это такіе исключительныя обстоятельства, при которыхъ Чарторыскіе никоимъ образомъ не могли оказывать какихъ либо дѣйствительныхъ услугъ и „вѣрности“ Польшѣ ни тѣмъ менѣе прійдти къ мысли объ искодайствованіи льготнаго привилея въ Венгрии у чуждаго для нихъ короля помимо своего ближайшаго законнаго „господаря“ великаго князя Литовскаго (Казимира). Вопиющѣ сомнительнымъ представляется также главный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь въ привилеѣ 1442 г.,—дозволеніе Чарторыскимъ пользоваться ихъ княжескимъ гербомъ. Разъ послѣдній былъ обычной, стародавней принадлежностью рода Чарторыскихъ, которой они по праву пользовались „отъ дѣда и отца“, не могло быть никакой надобности въ особомъ привилеѣ на пользованіе тѣмъ, что составляло общее „фамиліное“ достояніе цѣлаго рода Чарторыскихъ. Въ XIV—XV столѣтіи Литовскіе князья пользовались разнообразными фамиліными гербами,—признаніе герба „Rogonia“ (ѣздока) исключительной принадлежностью князей Гедиминовичей и вообще литовскихъ „господарей“ принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ старое время, какъ удѣльные князья русскаго происхожденія принимали гербъ „Rogonia“, такъ и Гедиминовичи (Владиславъ-Ягелло, въ одномъ изъ актовъ 1389 г., потомки Явнуга Гедиминовича и другіе) пользовались русскимъ и другими гербами (гербъ Кеістуга—воишь съ мечемъ, сына Сигизмунда—рыцарь въ панцирѣ и пр.); усвоеніе такихъ или иныхъ фамиліныхъ гербовъ было личнымъ дѣломъ самихъ князей, не требовалось согласія или разрѣшенія господаря на пользование старымъ или вновь принятымъ гербомъ. Самыя названія Чарторыскихъ „братьями“ и „кровными“ короля, по объясненію Стадницкаго, могли означать родство „pro mieczu“ „pro kądzieli“ (мужской и женской линіи), какъ и вообще отдаленное родство; затѣмъ, по старому обычаю, практиковавшемуся на западѣ, титулы: „fratres, consanguinei, vetter, Cousins“ и пр., употреблялись государями въ письмахъ членамъ княжескихъ родовъ, хотя бы они были ихъ подданными и не состояли съ ними въ кровномъ

Остается, затѣмъ, гипотеза Стадницкаго и другихъ польскихъ ученыхъ, признающихъ Чарторьскихъ князьями *русскаго* происхожденія, — гипотеза, которая, на нашъ взглядъ, имѣетъ на своей сторонѣ всѣ шансы на признаніе за ней полной исторической достовѣрности. Русское происхожденіе Чарторьскихъ изслѣдователи основываютъ на показаніяхъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, предшествовавшихъ появленію родословной литовскихъ князей. Лѣтописныхъ сводовъ и компиляцій геральдиковъ XVI столѣтія, съ ихъ произвольной гипотезой принадлежности Чарторьскихъ къ роду Гедиминовичей. Къ источникамъ, дающимъ показанія о русскомъ происхожденіи Чарторьскихъ, относятся записки такихъ польскихъ историковъ, какъ Длугошъ, Мѣховита и Март. Бѣльскій, жившіе еще въ то время, когда зσεцѣло могла сохраняться память о Чарторьскихъ, виновникахъ смерти Сигизмунда. Въ своей „Исторіи Польши“ Длугошъ называетъ Ивана Васильевича Чарторьскаго, одного изъ участниковъ въ заговорѣ противъ Сигизмунда, „dux Iwan Czartoryski ritus et generis ruthenici“. Русиномъ называетъ тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ и Миханла, младшаго брата Чарторьскихъ ¹⁾. То же самое происхожденіе приписывается Чарторьскимъ и въ хроникѣ Мѣховита; здѣсь приводится, между прочимъ, показаніе старой народной пѣсни объ убійствѣ великаго князя Сигизмунда „смѣлыми русскими князьями“ ²⁾. О русскомъ же происхожденіи Чарторьскихъ свидѣтельствуетъ Март. Бѣльскій ³⁾. Показаніе о русскомъ происхожденіи Чарторьскихъ встрѣчаемъ, наконецъ, въ одной изъ псковскихъ лѣтописей, подъ 1443 г., въ извѣстіи о прибытіи въ Псковъ Александра Чарторьскаго, одного изъ *русскихъ* князей, посланнаго великимъ княземъ московскимъ (Василіемъ Вас.) въ Псковъ въ ка-

родствѣ. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Бартошевича, разъ Чарторьскіе были кровные родичи Гедиминовичей, убійство ими Сигизмунда Кейстутвича навлекло бы на нихъ вину въ посягательствѣ на жизнь близкаго, „кровнаго“, о чемъ мѣстными лѣтописи не могли бы не упомянуть, тѣмъ болѣе, что лѣтописцы могли бы воспользоваться указаннымъ обстоятельствомъ, какъ однимъ изъ доказательствъ притѣсеній, какія въ отношеніи къ князьямъ дозволялъ Сигизмундъ, возбудившій противъ себя общее неудовольствіе своей приверженностью польской политикѣ (*Stadnicki, Bracia Jagielly, 393—396. Dzieła Bartoszewicza, III, 376—377.*

¹⁾ *Dlugosz, Hist. Polon. L. IV, 574; V, 608—9; XII, 723.*

²⁾ *Math. de-Michovia, Chronica Polon., IV, 309.*

³⁾ *Mart.-Bielski, Kronika Swiata, 329.*

честь княжескаго намѣстника ¹⁾). Исторически достовѣрные князья Чарторьскіе (Иванъ, Александръ и Михайлъ), участвовавшіе въ заговорѣ противъ Сигизмунда, подчинялись господарю литовскому. по въ то же время, несомнѣнно, считались также подручниками Свидригайла. въ бытность его великимъ княземъ волинскимъ ²⁾). Изъ грамоты послѣдняго видно, что въ составъ его волинской рады входили, кромѣ мѣстныхъ пановъ или бояръ, также волинскіе удѣльные князья, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли князья Чарторьскіе (выше Сангушковъ, Четвертынскихъ и др) ³⁾). Въ 1445 г. Михайлъ Васильевичъ Чарторьскій занималъ урядъ дворнаго маршалка при Свидригайлѣ на Волини ⁴⁾). Въ свою очередь, подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ, Чарторьскіе давали отъ себя грамоты ⁵⁾, имѣли своихъ пановъ-бояръ ⁶⁾ и пр. Вообще этотъ родъ удѣльныхъ князей Волини удерживалъ старое владѣтельное значеніе и послѣ того, какъ Волинь потеряла великихъ князей и вошла въ составъ непосредственныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ. Лишь въ началѣ второй четверти XVI столѣтія Чарторьскіе, наравнѣ съ другими волинскими князьями, окончательно становятся служилыми князьями, входятъ въ общій составъ мѣстныхъ „землянъ“ ⁷⁾.

¹⁾ 1-я Псковская лѣтопись, 222.

²⁾ Несецкій упоминаетъ о князьяхъ *Козерскихъ*, какъ объ особой отрасли рода Чарторьскихъ. О Козерскихъ, впрочемъ, имѣемъ весьма мало достовѣрныхъ свидѣній (*Niesiecki*, Herbarz, III, 222).

³⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang. I, стр. 44—45, 47.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 45. Skarbiec, № 1803.

⁵⁾ Князю Михаилу Васильевичу Чарторьскому принадлежитъ, напримѣръ, правая грамота (А. Ю. З. Р. II, № 125). Какъ видно изъ другихъ актовъ, этотъ князь жилъ въ половинѣ XV столѣтія (Arch. Sang. I, стр. 45, 47, 50); въ виду этого правую грамоту Михаила Чарторьскаго слѣдуетъ относить къ XV, а не къ XVI столѣтію, какъ это обозначено въ датѣ грамоты въ „Актахъ, относящ. къ исторіи западной Россіи“ (II, № 125).

⁶⁾ Въ одномъ актѣ 1458 г. упоминается „пан Стецко Лисович, бояринъ князя Михаила Чарторьскаго“ (Arch. Sang. I, стр. 52).

⁷⁾ См. Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I—Предисл., стр. XXIII и слѣд. Въ сей мовой „пописи“ земля Волинской земля (1528 г.) на первомъ мѣстѣ стоятъ князь Ѳеодоръ Михайловичъ Чарторьскій, староста Луцкій (Arch. Sang. III, № 340). Въ описи замковъ Волинскихъ 1545 г. князья Чарторьскіе отнесены къ числу „головныхъ“ князей, въ отличіе отъ князей меньшихъ и князей „повѣтничковъ“, простыхъ землянъ (Памяти. Кіев. Комм., IV 2-е отд., стр. 41). Въ XV столѣтіи Чарторьскіе занимали высокія мѣста къ господарной радѣ, въ качествѣ воеводъ, старостъ и пр. Главнѣйшіе акты касательно Чарторьскихъ см. А. З. Р. I, № 30

Сѣверо-восточный уголъ Волинской земли, до присоединенія ея къ Литовско-Русскому государству, занимали три отдѣльные княженія: Городецкое, Дубровицкое и Степанское, образовавшіяся изъ княжествъ бывшей Погорины — Пересопницкаго и Дорогобужскаго ¹⁾. О Городецкомъ княжествѣ, отошедшемъ въ литовскую эпоху къ Пинскому Полѣсью, сказано выше. Теперь мы остановимся на княжествахъ Дубровицкомъ и Степанскомъ.

Дубровицкое княжество, съ главнымъ городомъ Дубровицей (на рѣкѣ Горыни, южномъ притокѣ Припети) ²⁾, располагалось выше Чар орыска, между Городецкимъ и Степанскимъ княженіями. Дубровица становится извѣстной уже во второй половинѣ XII столѣтія, какъ удѣльное владѣніе князей Юрія Ярославича и его сына Глѣба Дубровицкаго (ум. 1195 г.) ³⁾. Съ присоединеніемъ Волини къ Литовско-Русскому государству, Дубровицкая волость входила первоначально въ составъ Луцкой земли, затѣмъ позже принадлежала, вмѣстѣ съ Городненской волостью, къ Пинскому Полѣсью ⁴⁾. Литовскіе князья, владѣвшіе Дубровицей, упоминаются со второй половины XIV столѣтія. Какъ раньше замѣчено ⁵⁾, князья Дубровицкіе происходят не отъ Гедиминовичей, но имѣютъ вмѣстѣ съ князьями Гольшанскими общаго родоначальника,

45, 212. А. Ю. З. Р., I, № 18, 41, 56; II, 69, 112, 125. *Антоновича* Грамоты стр. 18. Археографическій Сборникъ VII, 2. Ревизія пущъ, стр. 327. Skarbiec, № 1803 и др. Арх. Ю. З. Р. ч. II, т. I, № 1, 3, 11, 15, 19 и др.; ч. VII, т. I, № III. Памятн. Кіев. Комм. I, отд. 2, стр. 48—65; IV, отд. 2, стр. 18, 32, 40 и др. Arch. Sang. I, 44, 50, 52; III, 50, 75, 122, 148, 175, 205, 262, 340; IV, 78, 81 и др.

¹⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 38, 50.

²⁾ Кромѣ Дубровицы Погорины, въ Владимірскомъ повѣтѣ существовало другое поселеніе того же имени, принадлежавшее къ удѣлу Владимірскихъ князей. Въ 1450 г. Волинскій великій князь Свидригайло далъ своему слугѣ Мыткови привилей на Бутятичи, Тимковичи, *Дубровицу*, Лѣшную и Стяги въ Владимірскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. I, стр. 45, 47. Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. I, стр. 8—9).

³⁾ Юрій Ярославичъ получалъ Дубровицу за женой, въ качествѣ ея приданаго, отъ ея отца—князя Всеволодка Городненскаго. Сынъ Юрія, Глѣбъ, владѣлъ Дубровицей, какъ особымъ удѣломъ, и назывался княземъ Дубровицкимъ (*Андріашевъ*, 80).

⁴⁾ *Balinski*, *Staroż Polska*, 2 изд., IV, 655. Въ составѣ же Пинскаго Полѣся Дубровица и Городенъ показаны на польской картѣ 1772 г., изданной въ 1887 г. Оргельбрандомъ въ приложеніи ко второму изданію *Staroż. Polski* Балинскаго и Линискаго (IV, 720).

⁵⁾ См. выше—о Гольшанскомъ княжествѣ въ Литвѣ и Глуской волости въ Минской землѣ.

именно въ лицѣ одного изъ представителей стараго литовскаго рода— князя Ольгимунта, владѣвшаго особымъ удѣломъ въ Литвѣ (Гольшанами) въ первой половинѣ XIV столѣтія ¹⁾). Кромѣ Дубровицкой волости въ Волинской Погоринѣ, князьямъ Дубровицкимъ принадлежала также одна изъ Минскихъ волостей, именно Глускъ Дубровицкій, на Птичѣ, сѣверномъ притокѣ Припечи ²⁾). Князья Дубровицкіе упоминаются до второй половины XVI столѣтія ³⁾, когда, съ прекращеніемъ ихъ рода, принадлежавшія имъ владѣнія отошли по праву „близкости“ къ князьямъ Гольшанскимъ ⁴⁾). Князья Дубровицкіе пользовались такими же владѣтельными правами, какъ и князья Гольшанскіе ⁵⁾).

Степанъ (на Горыни, ниже Дубровицы) упоминается впервые въ концѣ XIII столѣтія. Въ 1292 г. умеръ Иванъ Глѣбовичъ, князь Степанскій, „и нача княжити в него вмѣсто сынъ его Володимиръ“ ⁶⁾). Происхожденіе этихъ князей неизвѣстно ⁷⁾). Значеніе особой удѣльной волости Степанъ удерживалъ за собой и послѣ присоединенія Волини къ Литовско-Русскому государству. О Степанскомъ княжествѣ на Волини вообще сохранилось мало свѣдѣній. Въ источникахъ упоминаются изъ рода первыхъ князей Степанскихъ литовской эпохи только два князя „на Степаню“: въ послѣдней четверти XIV и началѣ XV столѣтія—князь Семень (по нѣкоторымъ актамъ Сем. Ивановичъ) ⁸⁾ и въ половинѣ XV столѣтія—князь Иванъ. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 1396 г. князь Семень Степанскій участвовалъ, вмѣстѣ съ Витовтомъ и другими литовскими князьями, въ осадѣ

¹⁾ *Wolff*, *Röd Gedum.*, 49.

²⁾ *Balinski*, *Staroż. Polska*, 2 изд., IV, 693. См. выше—о Глуской волости въ Минской землѣ.

³⁾ Напримѣръ, въ одномъ актѣ 1542 г., упоминается Янушъ Юрьевичъ, князь Дубровицкій, бывший въ то время Кіевскимъ воеводой (*Arch. Sang.* I, стр. 97. Ср. *Wolff*, 30). Во время описи замковъ Волинскихъ, въ 1545 г., Дубровица еще находилась во владѣніи князей Дубровицкихъ (*Źródła dziejowe*, VI, стр. 115).

⁴⁾ *Balinski*, IV, 693.

⁵⁾ *Wolff*, 30, 39, 57. *Boniecki*, 51. Ср. *Вартошевича Dzieła*, III, 371. *Яблоновскаго*, *Źródła dziejowe*, VI, стр. LXIX, 105. *Stadnicki*, *Bracia*, 95. *Sulimierski Słown. geogr.* I, 931. *Niesiecki*, *Herb.* III, 432. *Андріашевъ*, *Очеркъ*, 38, 50, 80. *Петрова*, *Вѣлоруссія*, 17. *Мальшевскаго*, *Очеркъ исторіи Турова*, стр. XLIII. *Arch. Sang.* I, 97; III, 47, 84, 193, 214, 237, 378. IV, 14, 75, 83, 153, 304. А. Ю. З. Р. I, № III. *Памят. Кіев. Ком.* IV, отд. 2, стр. 41, 225.

⁶⁾ П. С. Л. II, 226. *Ипат. лѣт.* (нов. изд.), 616.

⁷⁾ *Андріашевъ*. *Очеркъ*, 80. *Wolff*, 21.

⁸⁾ *Prochaska Cod. epist. Vit.*, 268. Ср. *Arch. Sang.* I, стр. 11.

Идвигой Галича, бывшего во власти венгерскаго короля ¹⁾. Въ слѣдующемъ году тотъ же князь Степанскій помогаль Витовту въ борьбѣ съ поляками ²⁾. Упомянутое о Семенѣ Степанскомъ находимъ также въ актахъ 1375, 1387 и 1403 годовъ ³⁾. Что касается князя Ивана Степанскаго, то извѣстіе о немъ находится въ открытой Вольфомъ въ литовской метричѣ грамотѣ (1450 г.) короля Казимира — о подтвержденіи правъ князя Ивана Степанскаго на его „отчину“ — Черясель ⁴⁾. Оба князя Степанскіе, какъ видно изъ источниковъ, подчинялись непосредственно литовскому господарю, наравнѣ со всѣми удѣльными князьями того времени ⁵⁾. Происхожденіе князей Степанскихъ литовской эпохи съ точностью не извѣстно ⁶⁾. Въ одной изъ грамотъ Витовта находимъ, впрочемъ, довольно темное указаніе на принадлежность Семена Степанскаго къ князьямъ литовскаго происхожденія, хотя указаніе это еще не даетъ достаточныхъ основаній для безспорнаго рѣшенія вопроса о родословной князей Степанскихъ ⁷⁾.

¹⁾ *Андрияшевъ*, 228.

²⁾ *Stadnicki*, Syn. II, 127. *Gołębiowski* Hist. Wład. Jagielly, I, прим. 152.

³⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., № 35, 39, 268. По всей вѣроятности, тотъ же князь Степанскій упоминается педь именемъ: Семена Ивановича, въ поручной записи литовскихъ князей за Олехно (*Arch Sang*, I, № 11). Въ актѣ 1403 г. говорится о Семенѣ Ивановичѣ, князѣ Степанскомъ (*Prochaska*, 268).

⁴⁾ *Wolff*, *Röd Gedum.*, 22.

⁵⁾ Стадницкій полагаетъ, что князья Степанскіе вообще подчинялись Волынскимъ князьямъ (*Syn Ged.* II, 24). Положеніе это можетъ быть принято лишь въ отношеніи къ Свидригайлу. Федоръ Любартовичъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ значеніе простаго удѣльнаго князя, ничѣмъ не пользовавшагося надъ другими удѣльными князьями Волыни (см. выше).

⁶⁾ По этому вопросу въ литературѣ существуютъ лишь предположенія, не основанныя на точныхъ документальныхъ данныхъ. Такъ, Стадницкій относитъ Семена Степанскаго вообще къ братьямъ Ягеллы и Витовта (*Syn. Gedim.* I, 21; *Wład. Jagielly*, 33). По мнѣнію Вольфа, Семенъ Степанскій могъ быть братомъ князя Василія Михайловича Пинскаго (Михаилъ—сынъ Паримонта Гедиминовича),—положеніе, обоснованное лишь на близкомъ соудѣствѣ Степана съ Пинскомъ (*Röd Gedum.*, 21—22). Бартошевичъ и Яблоновскій считаютъ Степанскихъ князей потомками старыхъ *русскихъ* князей, но опять-таки не приводятъ никакихъ основаній въ пользу своего положенія (*Dziela Bartoszewicza*, 369. *Jablonowski*, *Źródła dziejowe* VI, стр. LXVI).

⁷⁾ „Nos Alexander alias Vitoldus dei gracia dux Brestensis et Haradiensis etc. una cum *fratribus nostris dilectis eadem gracia ducibus videlicet Georgio alias Debek (?), Fedario de Rathin, Vassilio de Pinsko, Fedario de Ladomi(ria), Gregorio Stuczsko et Symeone Stepany* etc. (*Prochaska*, Cod. epist. Vitoldi, № 35). Выраженіе „*fratres*“ могло быть употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ „родныхъ“ по крови; хотя при этомъ нужно также имѣть въ виду приведенное выше замѣ-

Дальнѣйшая судьба Степанскаго княжества извѣстна только въ общихъ чертахъ. Есть несомнѣнныя указанія, что во второй половинѣ XV столѣтія прекратился родъ князей Степанскихъ и ихъ отчина отошла къ господарскимъ волостямъ. Изъ привилеевъ великихъ князей Александра и Сигизмунда (конца XV и начала XVI столѣтія) видно, что еще при Казимирѣ замокъ Степанъ съ его волостями, очевидно, по праву выморочности, сдѣлался господарскимъ владѣніемъ, которое было пожаловано „до воли“ князьямъ Юрьевичамъ (нѣкоторое время называвшимся князьями Дубровицкими). Въ 1511 г. король Сигизмундъ, въ силу принадлежавшаго ему права на Дубровицкую волость, пожаловалъ ее вѣчно, на потомственномъ вотчинномъ правѣ, князю Константину Острожскому, въ родѣ котораго Степанъ оставался до его прекращенія ¹⁾.

чаніе о томъ, что въ средневѣковыхъ памятникахъ такія выраженія, какъ „frater, vetter, cousins“ употреблялись въ сношеніяхъ между собой владѣтельными лицъ въ общемъ смыслѣ лицъ равнаго, „княжескаго“ достоинства, а не „родныхъ по крови“. Словомъ, вопросъ о родословной князей Степанскихъ нужно считать совершенно открытымъ.

¹⁾ Великій князь Александръ привилеемъ 1499 г., дозволилъ старостѣ Луцкому, князю Семену Юрьевичу, учредить въ „его“ мѣстѣ Степанъ, ярмарку, что было въ 1510 г. подтверждено привилеемъ на имя жены упомянутаго князя. Въ слѣдующемъ году замокъ Степанъ съ его волостями взятъ былъ королемъ Сигизмундомъ къ своей „рукѣ“ и пожалованъ князю Острожскому въ вѣчное владѣніе привилеемъ того же года: „Тое имѣніе далъ былъ отецъ нашъ (Казимиръ) князю Юрію Семеновичу до своей воли, а што колье отецъ кому далъ до его милости воли, то-есть въ нашей воли. Мы взевши его къ нашей руке зъ особливы ласки нашею дали есмо и вѣчно даровали и записали симъ нашимъ привилеемъ князю Константину (Острожскому) и его княгини и ихъ дѣтемъ и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ замокъ Степанъ зъ мѣстомъ, и зъ ихъ бояры и зъ слугами путными и зъ мѣщаны, и зъ данники, людми тиглыми, зъ селы боярскими... зо всѣмъ правомъ и панствомъ и властностію, ничего на насъ и на наши наслѣдки не оставляючи“ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2 изд., III 519—620). Изъ ревизіи замковъ Волинскихъ 1545 г., видно, что въ Луцкомъ замкѣ Степанская городня (ея устройство и ремонтъ составляли повинность жителей Степанской волости) отнесена не къ Острожскимъ, а къ *королевѣмъ Волямъ* и что въ пользу послѣдней возникли сборы съ жителей Степани (Памят. Киев. Ком. IV, отд. 2, стр. 109, 225. *Źródła dziejowe*, VI, стр. 52, 105). Очевидно, въ это время Степанская волость составляла владѣніе королевы Воли, вѣроятно, въ силу временной уступки ей князьями Острожскими. Позже Степанъ составлялъ опять волость Острожскихъ. Есть извѣстіе, наиримѣръ, о томъ, что въ началѣ XVII столѣтія, Игуменъ Острожскій, ревностный сторонникъ католической пропаганды на Волини устроилъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ цѣлый рядъ католическихъ монастырей и костеловъ, въ томъ числѣ: въ Степани—въ 1614 г. (*Исторія Волинь*, 123).

По сосѣдству съ кievской землей располагался удѣлъ князей *Корецкихъ* ¹⁾. Корець (древній Корческъ), на рѣкѣ Корць (Корчикѣ), при впаденіи ея въ Случь, между Ровно и Новградъ-Волинскомъ (др. Звягелемъ), впервые упоминается въ лѣтописяхъ въ половинѣ XII столѣтія, какъ окраинный, укрѣпленный пунктъ Погорины, составлявшей волость князя Мстислава Изяславича ²⁾. Послѣ присоединенія Волыни къ Литовско-Русскому гесударству, Корець принадлежалъ первоначально къ числу пригородовъ Острожскаго княжества. Въ такомъ значеніи Корець упоминается въ подтвердительномъ привилеѣ Владислава-Игеллы и Витовта, данномъ въ 1386 году князьямъ Острожскимъ на владѣніе ихъ вотчиной ³⁾. Позже (въ концѣ XIV столѣтія), на основаніи привилеевъ Витовта и послѣдующихъ литовскихъ господарей, а также, какъ нужно полагать, вслѣдствіе уступки князей Острожскихъ, Корець, бывшій пригородъ послѣднихъ, выдѣляется въ самостоятельную удѣльную волость князей *Корецкихъ*, во владѣніи которыхъ оно остается затѣмъ до прекращенія рода этихъ князей въ половинѣ XVII столѣтія ⁴⁾, когда ихъ владѣнія, по праву „близкости“, отошли къ князьямъ Чарторыскимъ ⁵⁾. Къ позднѣйшимъ владѣніямъ, приобретеннымъ князьями *Корецкими* по пожалованіямъ великихъ князей литовскихъ, относятся волости: Торговица въ Луцкомъ же повѣтѣ ⁶⁾ и Сущаны въ повѣтѣ *Кievскомъ* ⁷⁾. Изъ

¹⁾ По словамъ Стецкаго, Корець съ его волостями по рѣкѣ Случи представлялъ не микроскопическій удѣлъ, какихъ не мало было въ старой Волыни, но „ogromne dobra książąt Koreckich od wsi Smolderowa aż do Mokwina sięgające“; лишь позже, съ половины XVII ст., съ раздѣленіемъ бывшаго удѣла *Корецкихъ* между нѣсколькими владѣльцами (сначала Чарторыскими, потомъ Яблоновскими, Млодецкими и короной), *Корецкая* волость стала „smutnoi; ponuro wyglądcé, jak i sam Korzec, niegdysъ główna rezidencya XX. Koreckich“ (*Stecki, Wolyń, I, 279*)

²⁾ *Андріашева* Очеркъ, 79.

³⁾ Arch. Sang. I, стр. 6.

⁴⁾ Памят., I, отд. 3, стр. 314, 356. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 391, 397, 398.

⁵⁾ *Wolff, Ród. Gedym. 18. Baliński, Staroż. Polska, 2-e wyd., III, 42. Boniecki, 141—144.*

⁶⁾ На картѣ 1772 г., изданной Оргельбрандомъ, въ приложеніи ко второму изданію *Балинскаго: Staroż. Polska (IV, 720)*, Торговица обозначена на р. Стыри, между Луцкомъ и Дубно съ одной стороны, Гороховымъ и Муравицею съ другой. Въ 1446 году Свидригайло пожаловалъ Торговицу (Торговицкое село) съ другими сосѣдними поселеніями слугѣ своему Олиферу (Arch. Sang. I; стр. 42, 193). Позже Торговица принадлежала Немру Резановичу (*Baliński, III, 514*). Изъ ревизіи замковъ Волинскихъ, 1645 г., видно, что въ это время Торговица (дворъ съ приселками) составляла жалованное имѣніе князей *Корецкихъ* (Памят. *Кiev. комм. IV, отд. 2-е, стр. 90, 181*).

⁷⁾ Привилеемъ 1508 г. король Сигизмундъ пожаловалъ Федору Ивановичу,

люстрацій Брацлавскаго замка 1552 года видно, что Брацлавъ въ это время находился во владѣніи одного изъ князей Корецкихъ въ значеніи староства¹⁾. Есть также извѣстіе о томъ, что въ половинѣ XVI столѣтія одинъ изъ представителей князей Корецкихъ (Богданъ Оедоровичъ) владѣлъ староствомъ Житомирскимъ²⁾.

Происхожденіе князей Корецкихъ различно объясняется въ источникахъ по исторіи Волыни. Со временъ Длугоша утвердилась гипотеза происхожденія этихъ князей отъ Бутавы, сына Ольгерда Гедиминовича³⁾; въ настоящее время можно считать вполне доказаннымъ положеніе о томъ, что въ числѣ сыновей Ольгерда не было никакого Бутавы⁴⁾. Показаніе лѣтописнаго свода XVI столѣтія, извѣстнаго подъ именемъ хроники Быховца⁵⁾, легло въ основу второй гипотезы, по которой родоначальникомъ князей Корецкихъ считается другой сынъ Ольгерда, Дмитрій старшій, бывшій Брянскій князь⁶⁾. Вольфъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ литовско-русской старины, считаетъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію принятое имъ положеніе о происхожденіи князей Корецкихъ отъ Наримонтовичей, именно отъ бывшаго Стародубскаго князя, Александра, сына Патрікія Наримонтовича (Наримонтъ—сынъ Гедимины),—положеніе, обоснованное на показаніяхъ русскихъ и литовскихъ источниковъ—родословныхъ удѣльныхъ князей, старыхъ синодиковъ Кіево-Печерской лавры и пр.⁷⁾. Изъ другихъ современныхъ историковъ Бартошевичъ

князю Корецкому, имѣніе Суцаны въ Олевской волости Кіевского повѣта, конфискованное у князей Глинскихъ послѣ ихъ измѣны и ухода въ Москву (ДЗР II, № 37).

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 19—20.

²⁾ *Jabłonowski, Źródła dziejowe*, VI, LXIX.

³⁾ *Długosz, Dziej. Pol.* III, 379; X, 61. Его гипотеза затѣмъ принята польскими геральдиками *Папроухимъ* (Herbu, 764), *Околевскимъ* (Orbis Polon. I, 546), *Несецкимъ* (Herbarz, V, 228). Изъ новыхъ историковъ ту же гипотезу разделяетъ *Балинскій* (Staroż. Polska, 2-е изд. III, 41). §

⁴⁾ Извѣстенъ Бутаво-Генрикъ, въ числѣ сыновей Кейстула; но онъ еще въ 1369 г. ушелъ къ нѣмцамъ. То же самое сдѣлалъ въ 1381 г. единственный сынъ Бутавы—Вайдутъ. Ни тотъ, ни другой не возвращались больше въ Литву. *Stadnicki Syn. Ged.* (1881) I, 42. *Его же* Olgerd i Kiejstut, 75—82. Wolff, стр. 55, 79—87.

⁵⁾ *T. Narbutt, Pomniki do dziejów Lit.*, стр. 22.

⁶⁾ Показаніямъ Быховца слѣдуютъ Коляновичъ (*Hist. Lith.* I, 354) и Стрыковский (*Kronika*, изд. 1846, II, стр. 57—58), а изъ новыхъ изслѣдователей—Нарбутъ (*Dzieje staroż. państwa Lit.*), производящій родъ Корецкихъ отъ сына Ольгерда—Дмитрія Корецкаго, родивш. 1859 г., ум. 1399 г.

⁷⁾ *Wolff*, стр. 18—19.

признаетъ лишь вообще литовское происхожденіе (отъ Гедиминовичей) князей Корецкихъ, безъ точнаго указанія не только на ихъ ближайшаго родоначальника, но и вообще на родъ Гедиминовичей, къ которому могли принадлежать князья Корецкіе¹⁾. К. Стадницкій вообще не соглашается съ гипотезой принадлежности князей Корецкихъ къ роду Гедиминовичей, но не высказываетъ съ своей стороны никакого категорическаго положенія о томъ, принадлежали-ль эти князья къ другимъ литовскимъ родамъ не-Гедиминовичей (какъ князья Гольшанскіе-Дубровицкіе), или же ихъ нужно считать потомками старыхъ русскихъ князей—Рюриковичей²⁾. Мысль о русскомъ происхожденіи Корецкихъ недавно высказана Яблоновскимъ³⁾. но безъ всякихъ указаній на какія либо документальныя основанія, что, понятнo, лишаетъ высказанную мысль научнаго значенія, особенно же въ виду другихъ положеній по тому же вопросу, обоснованныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, на исторически вѣрныхъ показаніяхъ.

На нашъ взглядъ, заслуживаютъ одинаковаго вниманія гипотезы о происхожденіи князей Корецкихъ, какъ отъ Ольгердовичей, такъ и Наримонтовичей, именно потому, что въ основѣ такихъ гипотезъ лежатъ нѣкоторыя данныя съ несомнѣнными признаками исторической достовѣрности.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о принадлежности Корецкихъ къ роду *Ольгердовичей*. Если указанія на Бутаву или Димитрія Ольгердовичей, какъ на ближайшихъ родоначальниковъ князей Корецкихъ, нужно считать не больше, какъ произвольными домыслами Длугоша или Быховца, принятыми на вѣру послѣдующими польскими бытописателями и составителями гербовниковъ, то тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, нѣтъ основанія совершенно отрицать достовѣрность нѣкоторыхъ данныхъ, указывающихъ на Корецкихъ, какъ Ольгердовичей. Таково показаніе о томъ, что нѣкоторые изъ князей Корецкихъ въ позднѣйшее время въ своихъ подписяхъ называли себя Ольгердовичами. Таково же сохранившееся свѣдѣніе о надписи на надгробномъ памятникѣ Самуила Корецкаго, умершаго въ 1622 году:

¹⁾ По словамъ Бартошевича „*obok pierwotnych kniazdów (Рюриковичей) pokazują się (на Волини) obcy napływowi. Są Czartoryscy, Sanguszkowie, Coreccy itd. Nowe to nazwiska. Podanie opowiada, że to wszystko są potomkowie panujących książąt litewskich rodziny Giedymina i Olgierda*“ (Dziela J. Bartoszewicza, III, 371).

²⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, стр. 371—377 Ср. *Wolff*, стр. VI.

³⁾ *Jablonowski*, Zrodła dziejowe t. VI, p. LXIX.

„Clara ducum soboles, *Olgerdi sanguine cretus*, Princeps milita, gloria gentis Lechlacae, terror Tartariae“ etc¹⁾). Надпись эта не была произвольнымъ домысломъ ея составителей, но несомнѣнно имѣла въ своей основѣ существовавшее въ то время преданіе о происхожденіи Корецкихъ отъ Ольгердовичей. Изъ того же преданія, по всему видно, почерпали бытописатели, если не общую гипотезу о личности родоначальника Корецкихъ, то во всякомъ случаѣ, обстоятельныя въ подробностяхъ свѣдѣнія о дѣятельности князей Ольгердовичей, владѣвшихъ Корецкой волостью²⁾).

Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній отвергать также историческую достовѣрность показаній источниковъ о принадлежности князей Корецкихъ къ роду *Наримонтовичей*. Такіе достовѣрные источники, какъ родословная литовскихъ и русскихъ князей³⁾, синодики Кіево-Печерской лавры⁴⁾ и др. единогласно говорятъ о Наримонтѣ Гедиминовичѣ, какъ о родоначальникѣ князей Корецкихъ⁵⁾.

Согласить противорѣчащія другъ другу показанія о князьяхъ Корецкихъ, какъ объ Ольгердовичахъ и въ то же время Наримонтовичахъ, представляется, какъ намъ думается, вполне возможнымъ, разъ допустимъ предположеніе о томъ, что князья того и другаго рода Гедиминовичей владѣли Корецкимъ княжествомъ въ *различное время*, и что въ позднѣйшихъ преданіяхъ оба рода князей сливались въ общемъ представленіи о нихъ—то какъ объ Ольгердовичахъ, то Наримонтовичахъ. Преданіе въ первомъ смыслѣ, по всему видно, держалось до позднѣйшаго времени въ литовской Руси, тогда какъ московское преданіе (съ начала XV столѣтія въ Москвѣ были также князья Корецкіе, выходцы изъ Литвы) указывало на происхожденіе Корецкихъ отъ Наримонтовичей. Въ литовской Руси преданіе о князьяхъ Корецкихъ-Ольгердовичахъ могло быть усвоено самими князьями, особенно въ XVI и XVII вѣкахъ, когда, какъ мы уже

¹⁾ *Baliński*, *Star. Polska*, 2-е изд., III. 42.

²⁾ *Strykowski*, *Kronika*, II, 57—58. *Baliński*, III, 48 и др.

³⁾ Древн. Росс. Виліюшня, XVII, стр. 193 (родословная князей Корецкихъ); Родословная книга князей и дворянъ, которая извѣстна подъ названіемъ „Бархатной книги“ и пр. (1787), I, 42—43. II. С. Л. VII, 253.

⁴⁾ См. *Wolff*, 19.

⁵⁾ Въ синодикахъ Кіево-Печерской Лавры, хранящихся нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Румянцевскаго музея, такъ опредѣляется родословная Корецкихъ: „князи Габъ (это имя принялъ по крещеніи Наримонтъ Гедим.), Патрикій, Іосифъ, Василій, Михаилъ, Александръ, Левъ, Іоаннъ и пр. (*Wolff*, 19).

знаемъ, въ средѣ литовско-русскаго магнатства господствовали династическія тенденціи, стремленіе такъ или иначе примкнуть къ разнымъ родамъ Гедиминовичей. Для Корецкихъ было выгодно считаться потомками Ольгерда, бывшаго „господаря“ литовско-русскаго государства, чѣмъ числится въ родѣ менѣе выдающихся удѣльныхъ князей-Наримонтовичей.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше показаній Длугоша, Стрыйковского и др., а также изъ показаній современныхъ актовъ, Корець, бывший пригородъ Острожскаго княжества, выдѣляется въ значеніи самостоятельнаго удѣла Ольгердовичей. въ промежутокъ времени между 1386 г., когда былъ изданъ подтвердительный привилей Владислава-Ягеллы Острожскимъ на владѣніе ихъ отчиной, въ томъ числѣ и Корцемъ ¹⁾, и приблизительно около 20—30-хъ годовъ XV столѣтія — времени перехода Корца во владѣніе бывшаго Стародубскаго князя, Александра Патрикѣевича ²⁾. Время перехода Корца отъ Острожскихъ къ князьямъ Корецкимъ-Ольгердовичамъ съ точностью неизвѣстно. У Стрыйковского и другихъ современныхъ бытописателей сохранилось лишь общее преданіе о томъ, что предполагаемый первый князь Ольгердовичъ (Бутава-Константинь), получившій во второй четверти XIV столѣтія на Волыни въ удѣлъ Корецкую волость „zbudował zamek na miejscu wzgorzystym na skale nad rzeczką Korzec“ и т. д. ³⁾. Во владѣніи Ольгердовичей Корецкая волость могла находиться, какъ уже замѣчено, до 20—30-хъ годовъ XV столѣтія, когда она сдѣлалась удѣломъ Наримонтовичей. Изъ исторіи Стародуба Сѣверскаго намъ извѣстно, что въ 1406 г. мѣстный князь, Александръ Патрикѣевичъ (внукъ Наримонта Гедиминовича), за попытку къ измѣнѣ во время войны Витовта съ великимъ княземъ Московскимъ, былъ лишенъ свободы и удѣла и лишь по истеченіи значительнаго времени получилъ вмѣсто утраченнаго Сѣверскаго удѣла Корецкую волость ⁴⁾. Одинъ изъ сыновей Александра Патрикѣевича, Семень, ушелъ въ Москву уже послѣ полученія отцомъ Корецкаго княжества, почему за Московскимъ выходцемъ и его потомствомъ удержался до позднѣйшаго времени родовой титулъ князей Корецкихъ. Московскій родъ этихъ князей прекратился уже въ третьемъ поколѣніи, какъ это видно изъ родословной книги русскихъ князей

¹⁾ Arch. Sang. I, стр. 6.

²⁾ См. ниже.

³⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 42.

⁴⁾ *Wolff*, 18.

и дворянъ, гдѣ, по случаю безпотомной смерти послѣдняго князя Корецкаго (Ивана Богдановича), сообщается, между прочимъ, о существованіи князей того же рода „въ Польшѣ“¹⁾. Къ такимъ князьямъ относились потомки другаго сына Александра Патрикѣевича—Василія Корецкаго. Съ точностью не извѣстно время полученія Александромъ Патрикѣевичемъ Корецкаго удѣла. Изъ привилей короля Казимира, даннаго князьямъ Корецкимъ, въ подтвержденіе старыхъ привилеевъ Витовта и Свидригайла на владѣніе Корецкой волостью²⁾, видно, что волость эта могла быть пожалована Александру Патрикѣвичу еще при Витовтѣ (именно до 1430 г.—времени его кончины). Около 1443 г., очевидно, по смерти Александра Патрикѣевича, его удѣлъ перешелъ къ сыну его—Василію Александровичу. Сохранилось извѣстіе о грамотѣ Волинскаго великаго князя Свидригайла, 1443 г., въ которой онъ обязываетъ бояръ и землянъ Корецкой волости „служить князю Василію, какъ служили его отцу, князю Александру“³⁾. Тотъ же Корецкій князь, Василій Александровичъ, получилъ отъ Казимира⁴⁾ подтвержденіе старыхъ привилеевъ, данныхъ Витовтомъ, Свидригайломъ и самимъ Казиміромъ князьямъ Корецкимъ на владѣніе ихъ удѣломъ. Такой же точно привилей данъ былъ въ 1493 г. великимъ княземъ Александромъ сыну Василія—Ивану Корецкому⁵⁾. Князья Корецкіе удерживали за собой отчинныя владѣнія до прекращенія ихъ рода въ половинѣ XVII столѣтія. Послѣднимъ Корецкимъ княземъ считается Самуиль Карлъ Корецкій, староста Робчинскій, умершій бездѣтно въ 1651 г. Послѣ его смерти Корецкая волость, по праву „близкости“, перешла къ князьямъ Чарторыскимъ⁶⁾.

¹⁾ „Родъ Корецкихъ князей на Москвѣ извелся, а нынѣ того роду князи въ Польшѣ, а кто—того не вѣдомо“ (Родословная книга князей и дворянъ, I, 43; Wolff, 19).

²⁾ Wolff, 18

³⁾ Luccorine 9 Novemb. indictione 7 (1443) privilegium Swidrigelonis in boiarios et curiae feruos circa Korce statuta tenentes: „Vasilio duci omnem exhibete obedientiam prout parenti ipsius Alexandri exhibuistis“. О грамотѣ Свидригайла сообщаются свѣдѣнія у Окольскаго (*Okolski, Orbis Polon., I, 547. Ср. Wolff, 18*).

⁴⁾ Очевидно, послѣ 1452 г., когда умеръ Волинскій великій князь Свидригайло и Волинь перешла въ непосредственное распоряженіе великаго князя литовскаго Казимира (*Dlugosz, V, 95. Okolski, I, 547. Wolff, 18, 166*).

⁵⁾ Wolff, 19.

⁶⁾ *Baliński, Star. Polska, 2-е изд., III, 41—42. Sulimierski. Słown. geogr. IV, 432. Niesiecki, Herbarz, V, 228.*

Что касается, наконецъ, общаго положенія князей Корецкихъ, какъ удѣльныхъ владѣтелей, то, по всему видно, до начала XVI ст. они пользовались такими же правами, какъ и другіе удѣльные князья на Волини. Изъ актовъ второй половины XV вѣка видно, что, подобно князьямъ Острожскимъ, Чарторыскимъ и др., Корецкіе имѣли своихъ маршалковъ и бояръ-пановъ, стоявшихъ отдѣльно отъ „королевскихъ бояръ“¹⁾. Есть указанія въ источникахъ, что князья Корецкіе не совсѣмъ утратили старыя владѣтельныя права еще въ первой четверти XVI ст.²⁾ Изъ сеймовой „пописи“ Волинскихъ земель (1528 г.) и другихъ актовъ видно, что въ это время князья Корецкіе состояли на общемъ положеніи „земель“ и „господарскихъ“ дворянъ³⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ актѣ 1465 г. княгини Кобринской упоминается Елюкимъ, бояринъ князя Корецкаго (Wolff, 129. См. также Вольфа „Kniaziowie Kobruńscy“, стр. 12, прим. 39. Ав. Вил. Комм., III, стр. 4). Въ томъ же актѣ, помѣщенномъ въ „Arch. Sang.“ (I, стр. 58), князь Корецкій замѣненъ „княземъ Юрьемъ“. Въ текстѣ Вольфа цитата грамоты 1465 г. читается такъ: „Елюкимъ, князя Корецкаго бояринъ“; въ Архивѣ Санг.: „Елюкимъ, князя Юрья бояринъ“; въ Актахъ Вилен. Ком.: „Елюкимъ, князь Корецкій, бояринъ“; Бенецкій (стр. 141) считаетъ послѣднее чтеніе болѣе правильнымъ и потому говоритъ объ Елюкимѣ, какъ первомъ Корецкимъ князѣ, упоминающемся въ источникахъ; но при такомъ чтеніи выходило бы, что князь Корецкій былъ „королевымъ бояриномъ“, что едва ли можно допустить. Вотъ текстъ конца грамоты 1465 г. по Актамъ, гдѣ говорится о свидѣтеляхъ, бывшихъ при ея составленіи: „А при томъ были добрые люди *королевые бояре*: Олександро Ходковичъ, Тышко братъ его, Елювниъ, князь Корецкій, бояринъ; а къ тому *бояре наши* (княгини Кобринской) Кобринскіе и Грушевскіе: Іосифъ Верещака, Данило“ и т. д. По спискамъ Вольфа и Архива светками были исключительно *бояре* короля, князя Корецкаго и княгини Кобринской, что болѣе согласно съ положеніемъ дѣла. Въ другихъ актахъ того же времени упоминается о маршалкѣ и боярахъ-панахъ князя Юрія. Въ актѣ 1458 г. упоминается: „князь Юревыхъ бояре: пан Патрикѣй Краевскій и пан Гаврило *маршалко* его: а пан Ивашко *дядко* дѣтей князя Юрьены“ (Arch. Sang. I, стр. 50). Акты 1466 г.: „пан Патрикѣй князя Юрьевъ бояринъ“ (ib., 61, 62).

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, стр. 23 и слѣд. Słown. geogr. IV, 432.

³⁾ Arch. Sang. III, № 125, 340; IV, 220. Ср. Арх. Ю. З. Р. ч. II, т. I, № 1. 3. 12.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ АНГЛІЙСКОЙ ФИЛОСОФІИ ¹⁾.

Въ историческомъ развитіи новой европейской философіи можно отмѣтить два самостоятельныхъ теченія: одно имѣетъ своими главными представителями преимущественно нѣмецкихъ философовъ и потому можетъ быть обозначено общимъ именемъ нѣмецкой философіи, а другое представляется по преимуществу мыслителями англійской національности и составляетъ, такъ называемую, англійскую философію. Намѣреваясь въ своей дѣятельности университетскаго преподавателя заняться англійскою философіею, я полагаю вполне уместнымъ мою сегодняшнюю, такъ называемую вступительную лекцію посвятить общей и, конечно, соотвѣтственно имѣющемуся въ моемъ распоряженіи времени, весьма краткой характеристикѣ этого философскаго направленія.

Самобытное развитіе англійской философіи начинается съ первыхъ десятилѣтій XVII вѣка философскими изслѣдованіями Бакона Веруламскаго и все дальнѣйшее ея теченіе представляетъ собою осуществленіе и улучшеніе широко начертанной этимъ мыслителемъ философской программы. Англійская философія, за малыми исключеніями, всегда была и теперь остается тою же, какою намѣтилъ ее Баконъ,—эмпирическою и положительною.

Новѣйшая наука признаетъ себя положительною, между прочимъ, на томъ основаніи, что она исключаетъ изъ круга своихъ изслѣдованій вопросы теологіи и метафизики. На этомъ основаніи англійская философія имѣетъ полное право на имя положительной, такъ какъ она всегда принципиально исключала изъ своей области теологическіе и метафизическіе вопросы.

¹⁾ Вступительная лекція въ С.-Петербургскомъ университетѣ 2-го октября 1898 года.

Уже основатель англійской философіи, Баконъ, настаивалъ на исключеніи теологіи изъ области научныхъ изслѣдованій. Основаніемъ къ этому исключенію онъ выставлялъ то соображеніе, что истины откровенной религіи суть непостижимыя для ума тайны, а поэтому и не могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія и доказательства, но должны быть принимаемы на вѣру. Того же взгляда держался и непосредственный преемникъ Бакона въ новой философіи, Гоббсезъ, который утверждалъ, что человѣческій разумъ не въ силахъ составить себѣ никакихъ положительныхъ понятій о Божествѣ; по его убѣжденію, существо Божіе непостижимо для разума, и атрибуты, приписываемыя Божеству, не имѣютъ никакого отношенія къ Его природѣ, а выражаютъ лишь наше почтеніе къ Нему. Такой взглядъ на непознаваемость Божества вытекалъ уже изъ самаго опредѣленія философіи, даннаго Гоббсомъ. Философія, по этому опредѣленію, есть знаніе слѣдствій по ихъ причинамъ и причинъ по ихъ слѣдствіямъ; философствовать — значитъ правильно мыслить, а мыслить — значитъ присоединять одно понятіе къ другому, или отдѣлять одно отъ другаго, то-есть, прибавлять или вычитать, слѣдовательно—вообще считать, вычислять; правильно мыслить — значитъ, слѣдовательно, соединить то, что должно быть соединено, раздѣлять то, что должно быть раздѣлено. Отсюда слѣдуетъ, что философія не можетъ имѣть никакого объекта, кромѣ того, что можетъ быть соединяемо и раздѣляемо, то-есть, кромѣ тѣлъ; чистые духи, ангелы, души умершихъ, Богъ,—все это не можетъ быть мыслимо; это объектъ вѣры, область теологіи, а не объектъ науки, не область философіи. Изъ этого опредѣленія философіи видно, что, по воззрѣнію Гоббса, вся философія превращается въ естествознаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы мы могли предвидѣть дѣйствія и такимъ образомъ распоряжаться ими въ жизни. Изложенное здѣсь понятіе философіи прочно укоренилось въ Англии, и потому во всю послѣдующую исторію англійской философіи изъ области этой послѣдней исключается все то, что выходитъ за предѣлы положительнаго знанія.

Такое же отрицательное отношеніе, какъ къ теологіи, мы видимъ въ англійской философіи и по отношенію къ метафизикѣ.

Отличительная черта метафизическаго приѣма объясненія природы, метафизическая манера смотрѣть на вещи состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что причинами явленій признаются абстрактныя понятія, которыя какъ бы олицетворяются, разсматриваются, какъ нѣкоторыя

реальныя существа, сокрытыя за явленіями и имѣющія способность производить ихъ. Таковы, напримѣръ: субстанція, сущности, сокровенныя качества въ тѣлахъ, жизненная сила и т. п. Понятія о психическихъ способностяхъ, о силахъ, обнаруживающихся въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ природы, становятся метафизическими принципами, какъ скоро признаются реальными агентами, существующими въ предметахъ, причинами тѣхъ или другихъ ихъ свойствъ и совершающихся въ нихъ измѣненій. Каждая изъ метафизическихъ системъ имѣетъ иногда одинъ, иногда нѣсколько такихъ принциповъ, посредствомъ которыхъ она думала дать болѣе глубокое объясненіе дѣйствительности, чѣмъ то, которое могло бы быть получено посредствомъ индуктивнаго изслѣдованія предметовъ, какъ они даны намъ въ опытѣ. Въмѣсто того, чтобы изучать природу изъ нея самой, открывать однообразія или законы, по которымъ происходятъ ея явленія, подмѣчать и сводить къ общимъ выраженіямъ отношенія между ними, — метафизика всегда находила нужнымъ принимать сверхъ-опытныя причины феноменовъ, и отношенія между ними, открываемыя будто бы особымъ методомъ, недоступнымъ для опытныхъ наукъ, выдавать, какъ основаніе, причину и философское объясненіе отношеній, наблюдаемыхъ въ опытѣ или открываемыхъ индуктивнымъ методомъ. Такой способъ научнаго мышленія, очевидно, долженъ быть совершенно чуждъ англійской философіи, основнымъ положеніемъ которой всегда былъ установленный ея основателемъ принципъ, что мы знаемъ только то, что восприняли въ опытѣ. Уже Баконъ старался провести строгую границу между физической и метафизической точками зрѣнія. Къ метафизикѣ онъ отнесъ ученіе о цѣляхъ или конечныхъ причинахъ природы и сдѣлалъ это въ интересахъ естествознанія, такъ какъ понятіе о цѣляхъ, по мнѣнію его, портило въ конецъ прежнюю науку, вытѣсняя изъ нея изслѣдованіе физическихъ причинъ. На эту метафизику Баконъ не обращаетъ почти никакого вниманія и, назвавъ ее спеціальной наукой о конечныхъ причинахъ, уподобленныхъ имъ безплоднымъ дѣвямъ, повидимому, только иронизируетъ надъ нею. Изъ приведеннаго выше опредѣленія философіи Гоббсомъ видно, что и по мнѣнію этого мыслителя метафизикѣ нѣтъ мѣста въ истинно научной философіи. Дѣйствительно, Гоббесъ, какъ послѣдователь Баконовскаго или опытнаго направленія философіи, былъ рѣшительнымъ борцомъ противъ ложныхъ тенденцій метафизики. Въ то время, когда Декартъ думалъ найти отвѣтъ на всѣ глубокія метафизическія проблемы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ посред-

ствомъ апіорнаго метода, — Гоббсезъ, въ духѣ идей своего предшественника, указывалъ философіи болѣе скромную роль, ограничивалъ ее кругомъ предметовъ, доступныхъ для наблюденія и опыта, и такимъ образомъ закладывалъ основаніе эмпирической философіи и философской критики, ниспровергшей въ послѣдствіи блестящее, но эфемерное зданіе метафизическихъ системъ XVII и первой половины XVIII столѣтія. Для Юма метафизика — это мнимая наука о сущности вещей, наука пустая, на половину состоящая изъ суенѣрій и на половину изъ условныхъ фразъ, которая, наполняя своимъ туманомъ поверхностные умы, принимаетъ важный и философскій видъ. Представитель новѣйшей англійской философіи Дж. Ст. Милль слѣдующимъ образомъ высказывается, въ своей критикѣ философіи Гамильтона, о метафизическомъ способѣ научнаго мышленія: „черезъ Спинозу, сообщившаго своей системѣ настоящія формулы и весь духъ геометріи, черезъ математика Лейбница, который безпредѣльно царилъ надъ германскимъ умомъ болѣе чѣмъ на цѣлое поколѣніе, съ его духомъ, временно видоизмѣненнымъ могучею индивидуальностью Канта и обратившимся назадъ къ своимъ несправимымъ тенденціямъ, — геометрический духъ подвигался впередъ отъ плохаго къ худшему, пока у Шеллинга и Гегеля даже законы физической природы не были выведены съ помощью умозаключенія изъ субъективныхъ откровеній духа. Все германское философское умозрѣніе вступило въ эту ложную колею и, только недавно узнавъ объ этомъ фактѣ, теперь дѣлаетъ конвульсивныя усилія, чтобы сойдти съ нея. Всѣ эти ошибки и вся эта печальная растрата времени и интеллектуальной силы нѣкоторыми изъ самыхъ образованныхъ суть слѣдствія слишкомъ неограниченнаго преобладанія умственныхъ привычекъ, порожденныхъ элементарною математикою“. Изъ этихъ словъ Милля видно, что для него метафизическій способъ мышленія представляется ложною колеєю, ошибкою и печальною растратою времени и умственныхъ силъ. Метафизика никогда не процвѣтала въ Англій; и если встрѣчаются и здѣсь нѣкоторыя попытки метафизическихъ построеній изъ чистыхъ идей разума, то онѣ имѣли мало оригинальнаго и были скорѣе заимствованіями изъ иноземныхъ источниковъ, чѣмъ результатомъ собственной производительности англійской мысли; во всякомъ случаѣ, метафизическое направленіе не имѣло въ Англій слишкомъ видныхъ представителей и не проявлялось въ такихъ грандіозныхъ системахъ философіи, какъ на континентѣ. Чисто умозрительный методъ рѣшенія научныхъ вопросовъ изъ самоочевидныхъ

принциповъ разума находился въ противорѣчїи съ практическимъ характеромъ англичанъ, съ ихъ стремленіемъ всегда и во всемъ видѣть прежде всего практическія выгоды и невыгоды и направлять свои дѣйствія сообразно съ этимъ расчетомъ ихъ послѣдствій. Поэтому уже при самомъ зарожденіи самобытной англійской философіи мы видимъ признаніе необходимости освобожденія отъ традиціонной метафизики съ ея непробѣренными предположеніями, туманными принципами и ненаучными приѣмами.

Такимъ образомъ, принципиальное исключеніе изъ области научно-философскаго изслѣдованія вопросовъ теологическихъ и метафизическихъ составляетъ характеристичную черту англійской философіи отъ самаго ея возникновенія до настоящаго времени, — черту, дающую ей право на названіе положительной.

Но, называя англійскую философію положительною, необходимо указать ея существенное отличіе отъ французскаго позитивизма, который обыкновенно прежде всего приходитъ на мысль, когда говорятъ о положительной философіи. Терминъ „позитивизмъ“ часто употребляется, какъ общее обозначеніе, обнимающее собою и англійскую философскую школу. Но если позитивистами называть, какъ это тоже не рѣдко бываетъ, исключительно Огюста Кюпта и его послѣдователей, то представители англійской философіи съ полнымъ правомъ могутъ сложить съ себя этотъ титулъ. Общею почвой, на которой сходятся англійская философія съ французскимъ позитивизмомъ, служитъ экспериментальное изслѣдованіе и его результаты; общее обимъ направленіемъ лежитъ, слѣдовательно, въ источникѣ, изъ котораго черпаютъ оба. Противоположность же между французскимъ позитивизмомъ и англійскою философскою школою заключается въ томъ, что позитивизмъ идетъ отъ спеціальныхъ наукъ къ философіи, а англійская школа, наоборотъ, идетъ отъ философіи къ частнымъ наукамъ. Французскій позитивизмъ не знаетъ собственно никакой иной проблемы, кромѣ частно-научной; онъ собираетъ принципы и результаты отдѣльныхъ наукъ въ классифицированную энциклопедію и вполне довольствуется этимъ. Только тѣмъ, что свою главную проблему — проблему развитія человѣчества и въ частности человѣческаго общества, то-есть, короче, соціологическую проблему, — онъ ставитъ на вершинѣ своей іерархической лѣстницы наукъ, обнаруживаетъ онъ свою основную тенденцію. Но онъ пропускаетъ логическія и психологическія изслѣдованія, которыя единственно могутъ служить фундаментомъ для философіи и которыя и для разработки

этой главной проблемы позитивизма являются безусловно необходимыми. Во всякомъ случаѣ, онъ не признаетъ самостоятельности психологін, но всецѣло включаетъ ее въ физиологію. Англійская философія, напротивъ того, исходитъ изъ психологін и логики и отсюда находитъ путь къ частнымъ научнымъ проблемамъ.

Этимъ объясняется то постоянное вниманіе, которымъ пользуются въ англійской философіи психологія и логика.

Съ самаго возникновенія своей философіи Англія сдѣлалась странною, болѣе всѣхъ другихъ поработавшею для научной психологін. Преобладающею психологическою школою въ ней всегда была опытная, естественно-научная школа. Этой школѣ англійской психологін принадлежитъ первое мѣсто по извѣстности именъ ея представителей, но ея согласію съ общими стремленіями вѣка и съ новѣйшими открытіями естественныхъ наукъ, по своеобразности и плодотворности ея изслѣдованій и результатовъ. Правда, существуетъ въ Англіи и другое психологическое направленіе — метафизическаго пошиба, но представители его сравнительно не многочисленны, составляютъ какъ бы исключеніе среди англійскихъ психологовъ и по своему значенію въ психологической наукѣ занимаютъ не болѣе какъ второстепенное мѣсто. Извѣстный нѣмецкій историкъ матеріализма, Ланге, говоритъ по поводу метафизическаго направленія въ психологін: „У насъ, въ Германіи, есть еще и въ настоящее время такъ называемые философы, которые, въ нѣкоторомъ родѣ метафизическаго одуренія, нищутъ большія разсужденія объ образованіи представлений, — да при томъ еще съ претензіями „на точное наблюденіе посредствомъ внутренняго чувства“, — ни разу не подумавъ о томъ, что, можетъ быть, въ ихъ собственномъ домѣ есть дѣтскія, гдѣ можно своими глазами и ушами наблюдать, по крайней мѣрѣ, симптомы образованія представлений. Подобныхъ плевеловъ не родилось въ Англіи“. Дѣйствительно, по общему признанію, ни одинъ народъ не сдѣлалъ такъ много для психологін, взятой независимо отъ всякой метафизики, какъ англичане, у которыхъ всегда преобладало эмпирическое изученіе явленій сознанія.

Всѣ три первенствующіе представителя англійской философіи XVII вѣка — Баконъ, Гоббесъ и Локкъ — удѣлили не мало вниманія психологін; первый указалъ на необходимость естественно-научнаго изслѣдованія психическихъ явленій и начерталъ планъ такого изслѣдованія; второй сдѣлалъ первыя попытки къ осуществленію этого плана, послужившія основаніемъ къ по-истинѣ гениальному психоло-

гическому трактату послѣдняго, положившему начало новой эпохѣ въ исторіи психологін, послужившему точкою отправленія послѣдующему англійскому эмпиризму и вмѣстѣ съ тѣмъ оказавшему преобразовательное вліяніе на психологическія понятія континентальной Европы. Въ XVIII столѣтіи мы также имѣемъ цѣлый рядъ выдающихся англійскихъ мыслителей, сосредоточивающихъ свое вниманіе на психологическихъ проблемахъ. Геніальный Юмъ, врачъ-философъ Гертли и психологи шотландской школы Томасъ Ридъ и Дюгалдь Стюартъ—вотъ тѣ дѣятели этого вѣка, трудами которыхъ психологія прочно поставлена на степень самостоятельной естественвѣдной науки. Въ нашемъ столѣтіи въ этомъ направленіи работаютъ: Томасъ Броунъ. Джемсъ Милль, сынъ его знаменитый Дж. Ст. Милль и современный наиболѣе извѣстный психологъ Бэнъ. Этотъ послѣдній можетъ быть признанъ завершителемъ трудовъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ англійской психологін; послѣ него за ними остается лишь историческое значеніе. Вотъ какъ отзывался о психологическихъ трудахъ Бэна наиболѣе оригинальный и независимый изъ современныхъ англійскихъ мыслителей и психологовъ Гербертъ Спенсеръ: „Это лучшая естественная исторія человѣческой души, появившаяся до сихъ поръ; это самое драгоцѣнное собраніе хорошо обработанныхъ матеріаловъ. Можетъ быть, мы лучше всего выразимъ наше мнѣніе насчетъ его значенія, если скажемъ, что произведеніе Бэна будетъ необходимо тѣмъ, кто дастъ позже психологін совершенно научную организацію“. Изъ новѣйшихъ англійскихъ психологовъ назову Джемса Сюлли, главнѣйшая заслуга котораго предъ англійскою психологіею состоитъ въ томъ, что онъ первый познакомилъ ее съ нѣмецкими работами по экспериментальной психологін, главнымъ центромъ которыхъ служитъ лейпцигская психологическая лабораторія Вундта. Наконецъ, вѣнцомъ психологическихъ изслѣдованій заканчивающагося XIX столѣтія слѣдуетъ признать появившійся три года тому назадъ капитальный трудъ Вилліама Джемса: „Основанія психологін“; этотъ трудъ составляетъ самое крупное событіе въ развитіи психологін и даетъ безспорное право своему автору, профессору Гавардскаго университета, занять почетное мѣсто въ ряду наиболѣе великихъ психологовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, отъ самаго зарожденія самостоятельной англійской философін до настоящаго времени, англійскіе мыслители непрерывно трудятся надъ научною разработкой психологін, составляя одну психологическую школу, на знамени которой

написано: наблюденіе и анализъ, вѣрность духу и методамъ естествознанія.

Вниманіе къ психологическимъ изслѣдованіямъ въ англійской философіи было привлечено, съ одной стороны, борьбой ея противъ теологіи и метафизики, а съ другой—стремленіемъ привлечь вниманіе философовъ на дѣйствительный міръ. Главный оплотъ метафизики и рациональной теологіи того времени, когда зарождалась самобытная англійская философія, составляла господствовавшая тогда теорія врожденныхъ идей. Противъ этой-то теоріи и были направлены первыя психологическія изслѣдованія англійскихъ мыслителей. Уже Гоббесъ не только проводилъ основное положеніе эмпиризма, что въ разумѣ нѣтъ ничего, что первоначально не было бы дано въ ощущеніи; но онъ отождествлялъ разумъ и всю умственную активность съ ощущеніями и ихъ комбинаціями. Эмпирическая теорія знанія характеризуется прежде всего отрицаніемъ возможности какихъ бы то ни было истинъ, не зависящихъ отъ опыта; она признаетъ опыты источникомъ всѣхъ нашихъ понятій, убѣжденій, самихъ законовъ или формъ нашей познавательной дѣятельности, и опытъ же считаетъ единственнымъ критеріемъ достовѣрности какихъ бы то ни было истинъ, какъ бы онѣ ни представлялись намъ самоочевидными съ перваго взгляда. Очевидно, что такое сенсуалистическое воззрѣніе на знаніе не могло мириться съ теоріей врожденныхъ идей, по которой душа является на свѣтъ съ готовымъ запасомъ понятій или идей, которыя сначала находятся, правда, въ скрытомъ состояніи, но оживаютъ потомъ подъ вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній. Но спеціальное опроверженіе существованія такихъ врожденныхъ идей и доказательство, что все наше знаніе происходитъ изъ опыта, было блистательно выполнено Локкомъ, которому принадлежитъ также честь установленія различія между идеею или перцепціею предмета, какъ она есть въ насъ, и предметами, каковы они сами по себѣ. Это различіе составляетъ, какъ извѣстно, основную идею критической философіи, получившей свое имя отъ Канта. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, откуда слѣдуетъ вести дѣйствительное начало этой критической философіи. У нѣмецкихъ историковъ философіи долго было господствующимъ мнѣніе, что основателемъ философскаго критицизма слѣдуетъ считать Канта. Съ этой точки зрѣнія вся до-Кантовская философія, не выключая даже опытной школы Локка, относится къ догматическому періоду новой философіи. Но это воззрѣніе, при лучшемъ знакомствѣ съ великими мыслителями XVII и XVIII

вѣковъ и при болѣе непристрастной оцѣнкѣ ихъ историческаго значенія, оказывается невѣрнымъ. Собственно говоря, философская критика, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ рефлективное отношеніе человѣческаго духа къ результатамъ своей собственной дѣятельности, какъ анализъ и оцѣнка первоначально безсознательнаго синтеза, не есть какое нибудь позднее явленіе въ исторіи философской мысли, но возникла вмѣстѣ съ самою философіей и составляетъ ея существенный характеръ. Въ этомъ смыслѣ философія съ самаго своего разсвѣта въ древней Греціи, была уже критикой человѣческихъ понятій и вѣрованій. Но критическая проблема о знаніи, о его происхожденіи, его достовѣрности и предѣлахъ его приложимости сдѣлалась предметомъ серьезныхъ изслѣдованій только въ новой философіи. Философскій критицизмъ, въ этомъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, усвоенномъ ему въ нѣмецкой философіи, ведетъ свое начало собственно съ Локка и былъ вызванъ крайностями картезіанскаго догматизма. Приписывать же одному Канту честь основанія критицизма — заблужденіе, разсѣять которое все болѣе и болѣе склонно изученіе англійской философіи.

При такомъ вниманіи къ вопросамъ о познаніи англійская философія, очевидно, не могла не заняться вопросами о методахъ познанія. Отсюда понятно и то вниманіе, которое англійская философія удѣляла логикѣ, почти отождествлявшейся ею съ теоріей научнаго метода. Построеніе этой теоріи, указаніе способа открытія новыхъ научныхъ истинъ и законовъ природы составляло главный предметъ философскихъ изслѣдованій родоначальника англійскихъ мыслителей — Бакона. Предстоявшая ему въ этомъ отношеніи задача, съ одной стороны, заключалась въ критикѣ схоластическихъ понятій о методѣ и тѣхъ предположеній, на которыхъ эти понятія опирались. Эта задача была исполнена Бакономъ, для того времени, блистательно. Онъ доказалъ бессиліе силлогистическаго метода, оторваннаго отъ индукціи, какъ своей основы, въ дѣлѣ открытія научныхъ истинъ. Онъ объяснилъ, что „все превосходныя разсужденія и соображенія и все тонкости силлогизаціи не въ силахъ похитить у природы хотя одну изъ ея тайнъ“. Необходимо, стало быть, иной методъ, который велъ бы къ раскрытію тайнъ природы, и такимъ методомъ должна служить индукція. Въ выясненіи существа и условій научной индукціи и состояла другая — положительная задача философскихъ изслѣдованій Бакона. При выполненіи этой послѣдней задачи Бакономъ допущена весьма существенная односторонность. Коренной

недостатокъ его методологiи состоитъ въ томъ, что онъ ограничилъ научный методъ одною лишь индукціею, какъ заключеніемъ отъ частнаго къ общему, упустивъ совершенно изъ виду дедуктивный моментъ научнаго метода, какъ обратное заключеніе отъ общаго къ частному. Въ дѣйствительности же и индукція, какъ заключеніе отъ частныхъ фактовъ къ управляющимъ ими законамъ, и дедукція, какъ выводъ частныхъ фактовъ и частныхъ ихъ единообразій изъ общихъ законовъ, постоянно сопутствуютъ одна другой, взаимно подкрѣпляютъ и дополняютъ одна другую. Исторія наукъ показываетъ, что наблюденіе и собраніе фактовъ только тогда получаютъ значеніе, когда наблюдатель или экспериментаторъ уже имѣетъ нѣкоторую теорію или нѣкоторое предположеніе относительно изучаемаго имъ предмета; въ противномъ случаѣ, среди громаднаго разнообразія явленій природы, онъ не будетъ знать, что наблюдать и какъ наблюдать. Эту руководительную нить даютъ ему уже установленныя истины или счастливыя догадки, составляющія нерѣдко зародышъ будущей, болѣе точной научной теоріи. Роль этихъ счастливыхъ, талантливыхъ догадокъ, или того, что мы называемъ научною гипотезою, и была упущена изъ виду Бакономъ, и вслѣдствіе этого начертанный имъ методъ научнаго изслѣдованія не вполне соответствовалъ тому, который въ дѣйствительности практиковался учеными изслѣдователями. Устраненіе этого недостатка Баконовской методологiи принадлежитъ его преемнику Гоббзу. Какъ мы уже знаемъ, философія, по опредѣленію Гоббза, есть познаніе дѣйствій или явленій изъ ихъ предполагаемыхъ причинъ и, наоборотъ, познаніе возможныхъ причинъ изъ извѣстныхъ уже дѣйствій. Методъ, которымъ достигается вторая изъ указанныхъ задачъ философіи, то-есть, заключеніе отъ дѣйствій, какъ они даны въ опытѣ, къ неизвѣстнымъ ихъ причинамъ есть индукція, какъ ее понималъ Баконъ; достиженіе первой задачи, то-есть, заключеніе отъ предполагаемыхъ причинъ къ ихъ дѣйствіямъ совершается по упущенному Бакономъ изъ виду методу гипотезы и дедукціи. Какъ истинный и вѣрный послѣдователь Бакона, Гоббесъ вполне признаетъ научную роль и значеніе того приема, который соответствуетъ Баконовой индукціи, то-есть, заключенія отъ единичныхъ явленій къ ихъ общимъ причинамъ и законамъ; но онъ уже дополняетъ индуктивную теорію Бакона указаніемъ на важное значеніе обратнаго приема заключенія отъ общаго къ частному, отъ предполагаемыхъ причинъ къ ихъ дѣйствіямъ. Этотъ методическій приемъ, который можно назвать гипотетически-

дедуктивнымъ, — хотя по своему *per se probandi* онъ принадлежитъ къ индукціи и долженъ трактоваться въ индуктивной логикѣ, — состоитъ въ установленіи нѣкоторой теоріи въ видѣ попытки, въ объясненіи ею соответствующей группы или области явленій и въ провѣркѣ ея на опытѣ. Указаніе на значеніе этого момента въ научномъ методѣ сдѣлано Гоббзомъ подѣ вѣроятнымъ вліяніемъ Декарта, признававшего образцомъ всѣхъ наукъ, въ отношеніи метода, геометрію, въ которой изъ опредѣленій, съ помощью незначительнаго числа аксіомъ, выводятся законы пространственныхъ отношеній. Слѣдуетъ замѣтить, что Декартъ признавалъ безусловную достовѣрность основныхъ принциповъ математики, или математическихъ аксіомъ, и надѣялся открыть такія же самоочевидныя истины и въ философіи, какъ основаніе метафизическихъ дедукцій. Въ силу такого родства съ геометрическимъ методомъ гипотетически-дедуктивный методъ называется также геометрическимъ или математическимъ. Отличіе этого послѣдняго отъ метода собственно геометрическаго состоитъ въ томъ, что онъ всю силу доказательства полагаетъ не въ самоочевидныхъ истинахъ, а въ опытной провѣркѣ предположеній и абстрактныхъ теорій. Въ такомъ смыслѣ и понималъ его Гоббесъ, державшійся основныхъ принциповъ эмпирической теоріи знанія и разсматривавшій всѣ понятія, не исключая и математическихъ, какъ представленія или воспроизведенія конкретныхъ предметовъ чувственного опыта. Гоббесъ обратилъ вниманіе, что истины, получаемыя посредствомъ прямого заключенія отъ частнаго къ общему, большею частью, не имѣютъ значенія законовъ природы. Эмпирическія обобщенія не объясняютъ, почему явленія непременно должны происходить такъ, а не иначе; они не даютъ права утверждать, что явленія вездѣ и всегда будутъ происходить такъ, какъ это наблюдалось до сихъ поръ. Эти обобщенія могутъ получить характеръ дѣйствительныхъ законовъ природы только тогда, когда они будутъ объяснены, или выведены изъ другихъ, болѣе общихъ научныхъ истинъ. Ученію Гоббза о необходимости какъ индуктивнаго, такъ и дедуктивнаго метода слѣдуетъ признать болѣе согласнымъ съ дѣйствительными приемами научнаго изслѣдованія, чѣмъ воззрѣнія Бакона и Декарта, изъ которыхъ одинъ упустилъ изъ виду значеніе дедукціи, а другой оставилъ безъ надлежащаго вниманія индуктивное ея основаніе. Поэтому Гоббесъ имѣетъ право на признаніе его первымъ установителемъ главныхъ основныхъ элементовъ истинно научнаго метода.

Научное значеніе сочетанія этихъ двухъ пріемовъ—индуктивнаго и дедуктивнаго — и соответствіе его дѣйствительному научному методу было санкціонировано гениальнымъ представителемъ положительной науки, Ньютономъ, соотечественникомъ Бакона и Гоббза. Въ своихъ замѣткахъ о научномъ методѣ, весьма краткихъ и разбросанныхъ въ его научныхъ трактатахъ, Ньютонъ не даетъ, въ существѣ дѣла, ничего новаго по сравненію со своими предшественниками; эти замѣтки важны лишь, какъ признаніе со стороны первокласснаго ученаго-экспериментатора, что экспериментальная наука пользуется не однимъ только индуктивнымъ методомъ и не однимъ только гипотетически-дедуктивнымъ пріемомъ, но что истинный ея методъ состоитъ въ правильномъ сочетаніи обоихъ этихъ пріемовъ. При такомъ взглядѣ Ньютона на дѣйствительный методъ экспериментальной науки становится попятнымъ, что въ его методологическихъ замѣткахъ упоминается какъ объ экспериментахъ и индукціи, столь подробно разсмотрѣнныхъ Бакономъ, такъ и объ анализѣ и синтезѣ, составляющихъ главное содержаніе методологическихъ разсужденій Гоббза.

Дальнѣйшій, по сравненію съ Бакономъ и Гоббзомъ, прогрессъ въ ученіи о научномъ методѣ находимъ у нѣскольکو старшаго современника Ньютона, Локка, философія котораго стоитъ во главѣ умственнаго движенія XVIII вѣка. Раздѣляя въ существѣ дѣла методологическія воззрѣнія Бакона и Гоббза и признавая, какъ и Ньютонъ, истинный научный методъ въ сочетаніи индукціи съ гипотетически-дедуктивнымъ пріемомъ, Локкъ дополняетъ ученіе своихъ предшественниковъ о методѣ указаніемъ на роль и значеніе аналогіи. Наши мнѣнія, — говоритъ Локкъ, — утверждаются: а) на собственномъ наблюденіи и опытѣ, б) на свидѣтельствѣ другихъ и в) на аналогіи. Такъ какъ свидѣтельство другихъ должно основываться также на опытѣ и наблюденіи, то всѣ три основанія сводятся только къ двумъ: къ опыту (въ широкомъ смыслѣ) и заключенію по аналогіи. Изъ этого видно, что по мысли Локка аналогія въ весьма многихъ случаяхъ служитъ единственнымъ основаніемъ нашихъ мнѣній и убѣжденій, самостоятельно стоящимъ на ряду съ опытомъ. Существуютъ случаи, когда предметы, о которыхъ мы составляемъ свое мнѣніе, недоступны воспріятію внѣшнихъ чувствъ и не могутъ быть засвидѣтельствованы другими. Въ этихъ случаяхъ помогаетъ намъ только одна аналогія и только на ней мы создаемъ всѣ основанія вѣроятности. Заключеніе по аналогіи, будучи лучшимъ руко-

водителемъ въ рациональныхъ экспериментахъ и составленіи гипотезъ, приноситъ свою пользу и имѣетъ вліяніе. Осмотрительное заключеніе по аналогіи часто приводитъ насъ къ открытію истинъ, которыя иначе оставались бы неизвѣстными.

Бакономъ, Гоббзомъ и Локкомъ отмѣчены почти всѣ основныя и существенныя черты научнаго метода. Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ этомъ методѣ не перестаетъ интересовать англійскихъ философовъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ англійской философіи не найдется ни одного сколько нибудь значительнаго мыслителя, который бы такъ или иначе, съ большей или меньшей обстоятельностью, не касался вопроса о методѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ ученія о методѣ, въ сущности, признавались методологическія воззрѣнія названныхъ выше мыслителей; разногласія между отдѣльными авторами сказывались лишь въ томъ, что одни выдвигали на первый планъ чисто индуктивный моментъ научнаго метода, тогда какъ другіе склонялись преимущественно на сторону гипотетически-дедуктивнаго момента. Можно сказать, что вся исторія ученія о методѣ въ Англии представляетъ постоянное стремленіе сохранить равновѣсіе между обоими моментами истинно-научнаго метода. Какъ только начинается проявляться крайность въ пристрастіи къ одному моменту, тотчасъ же начинается реакція въ пользу другаго, и эта реакція, впадая, въ свою очередь, въ односторонность, даетъ толчекъ къ новому уклоненію въ сторону противоположнаго методическаго приѣма. У Бакона, какъ мы видѣли, царитъ исключительно индукція; Гоббзъ, не отрицающій послѣдней и дополняющій ее гипотетически-дедуктивнымъ приѣмомъ, можетъ рассматриваться, какъ представитель равновѣсія этихъ двухъ приѣмовъ; Локкъ, поставивъ на ряду съ приѣмами Бакона и Гоббза аналогію, тѣмъ самымъ далъ нѣкоторый перевѣсъ гипотетически-дедуктивному приѣму, такъ какъ аналогія, собственно говоря, есть приѣмъ, содѣйствующій постановкѣ гипотезъ. Непосредственный преемникъ Локка какъ въ философіи вообще, такъ и въ теоріи метода въ частности. Гертли уже значительно склоняется на сторону гипотетически-дедуктивнаго приѣма, который и становится затѣмъ преобладающимъ методомъ XVIII столѣтія. Методологическіе приѣмы, указываемые Гертли, заимствованы имъ изъ математики. Основной научный методъ, по взгляду Гертли, соответствуетъ правилу о ложномъ положеніи въ ариметикѣ. Математикъ предполагаетъ, что извѣстное число есть то, которое онъ ищетъ, и, находя въ заключеніи

недостатокъ или излишекъ, исправляетъ ошибку этого перваго положенія чрезъ пропорціональное прибавленіе или отнятіе и такимъ образомъ рѣшаетъ проблему. „Полезно, — говоритъ Гертли, — пробовать въ изслѣдованіяхъ всякаго рода всѣ предположенія, какія только представляются сколько нибудь вѣроятными, и выводить изъ нихъ дѣйствительныя явленія. Если они будутъ недостаточно удовлетворительны, то отбрасывать ихъ всѣ; если же они подходящи, то прибавлять, вычеркивать, исправлять и улучшать ихъ до тѣхъ поръ, пока гипотезы не будутъ соответствовать, на сколько возможно, самой природѣ“. Стремленіе свести научный методъ къ методу математическому, дабы сообщить первому точность и очевидность втораго, развилось столь сильно въ срединѣ XVIII вѣка, что явилась необходимость противодѣйствовать разившейся склонности всюду прибѣгать къ математическимъ вычисленіямъ въ ущербъ опыту и наблюденію. Отсюда во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Англіи начинается поворотъ къ индуктивному методу Бакона, и является стремленіе къ обособленію его отъ математическаго метода. Изъ англійскихъ философовъ XVIII вѣка уже Юмъ высказался противъ такого увлеченія. „Только количество и число составляютъ предметъ абстрактныхъ наукъ и доказательства, — говоритъ онъ, — всѣ усилія распространить этотъ болѣе совершенный видъ знанія на предѣлы другихъ знаній суть софистика и иллюзія“. Но болѣе энергичный призывъ къ индуктивному методу находимъ мы у Дюгальда Стюарта, который является пропагандистомъ индуктивнаго метода Бакона, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что признаетъ употребленіе гипотезъ, не пользовавшееся расположеніемъ Бакона, вполнѣ совместимымъ съ его индуктивнымъ методомъ. Тяготѣніе къ индукціи, какъ основному приему научнаго метода, сказавшееся у Дюгальда Стюарта, было принято Гершелемъ, а затѣмъ и Дж. Ст. Миллемъ, главнѣйшимъ представителемъ новѣйшей индуктивной логики. Въ позднѣйшее время, въ англійской логикѣ идетъ снова реакція противъ предпочтенія индуктивнаго метода, и современный представитель этой реакціи Джемсонъ явно склоняется въ пользу того метода, который мы назвали гипотетически-дедуктивнымъ. „Значеніе метода Бакона, — говоритъ онъ, — можно опредѣлить исторически тѣмъ фактомъ, что ему не слѣдовалъ ни одинъ изъ великихъ людей науки. Какъ Галилей, предшественникъ Бакона, такъ Джилбертъ, его современникъ, такъ, наконецъ, Ньютонъ и Декартъ, Лейбницъ и Гюй-

генсъ, жившіе послѣ него, сдѣлали свои открытія при помощи метода противоположнаго тому, какой рекомендовалъ Баконъ. Вездѣ въ сочиненіяхъ Ньютона вполнѣ преобладаетъ дедуктивное умозаключеніе, и эксперименты употребляются, какъ это и слѣдуетъ быть, только для того, чтобы подтверждать или опровергать напередъ составленные взгляды на природу. Другіе великіе физики того же времени также расположены были скорѣе употреблять гипотезы, чѣмъ неосмысленное накопленіе фактовъ въ Баконскомъ смыслѣ. Горроксъ, который болѣе чѣмъ кто нибудь былъ проникнутъ научнымъ духомъ, рассказываетъ намъ, какъ онъ пробовалъ теорію за теоріей, чтобы найти такую, которая была бы согласна съ движеніями Марса. Гюйгенсъ, обладавшій однимъ изъ совершенныхъ философскихъ умовъ, слѣдовалъ дедуктивному методу въ связи съ постояннымъ обращеніемъ къ опыту и при этомъ обнаруживалъ искусство, почти равнявшееся искусству Ньютона. Въ теченіе всего XVIII вѣка держалось предположеніе, будто бы наука шла впередъ, благодаря тому, что она приняла методъ Бакона, но на дѣлѣ главнымъ орудіемъ прогресса было гипотетическое изслѣдованіе. Только въ нынѣшнемъ вѣкѣ физики начали признавать эту истину⁴. Реакція противъ предпочтительнаго признанія индуктивнаго метода привела въ Англіи къ образованію особаго логическаго направленія — такъ называемой математической логикѣ, которая получила свое начало сорокъ лѣтъ тому назадъ въ трудахъ Були. Задачу логики Буль видѣлъ въ выводѣ всѣхъ отношеній между данными понятіями, имѣющихъ мѣсто, коль скоро дава известная связь этихъ понятій. Рѣшить эту задачу онъ пытался, трактуя логику, какъ часть математики. Изъ современныхъ представителей этого логическаго направленія, кромѣ названнаго уже Девонса, можно назвать еще Венна, автора нѣсколькихъ чрезвычайно цѣнныхъ логическихъ сочиненій.

Изъ этого обзора развитія логики въ Англіи мы видимъ, что теоретическая разработка научнаго метода составляла одну изъ постоянныхъ и не малыхъ заботъ англійскихъ философовъ.

Какъ на дальнѣйшую черту англійской философіи, слѣдуетъ указать на ея постоянную и тѣсную связь съ естествознаніемъ. Ко времени возникновенія самобытной англійской философіи уже существовала, ставшая потомъ, въ теченіе XVII вѣка, господствующей, идея единства міровыхъ явленій, единства космоса и соотносительное понятіе о единствѣ науки. Эта идея единства міра и науки о немъ

послужила Бакону основаніемъ для принципиальнаго признанія необходимости и важности связи между естествознаніемъ и философіей. Баконъ называлъ естествознаніе великой матерью всѣхъ наукъ, корнемъ, чрезъ который онѣ получаютъ свои жизненные соки. Отсюда, по его мнѣнію, всѣ науки должны заимствовать свои основные принципы и законы изъ естественныхъ наукъ. должны разрабатываться, какъ отдѣльныя вѣтви естествознанія, или, говоря другими словами, должны быть сведены къ ученію о природѣ. Въ противномъ случаѣ, эти науки не будутъ имѣть глубины, но должны будутъ, по выраженію Бакона, „услажаться поверхностью и разнообразіемъ вещей“, то-есть, находиться въ положеніи простаго эмпиризма. Въ связи съ этимъ стояло выставленное Баконъ же требованіе также и единства метода изслѣдованія всѣхъ явленій какого бы то ни было рода. Баконъ, первый въ новое время, высказалъ отчетливо ту мысль, что по индуктивному методу должны обрабатываться не только науки о предметахъ и явленіяхъ природы, но также и науки о человѣкѣ со стороны психической его природы. „Быть можетъ, кто нибудь усомнится,—говоритъ Баконъ,—распространяется ли наше требованіе индуктивнаго метода единственно на естествознаніе, или и на прочія науки: логику, этику, политику?“ На этотъ вопросъ Баконъ отвѣчалъ утвердительно. „Какъ обыкновенная логика, оперирующая силлогизмомъ, имѣетъ отношеніе не только къ естественнымъ, но и ко всѣмъ наукамъ. такъ и наша, употребляющая индукцію, обнимаетъ все. Ибо и о гнѣвѣ, страхѣ, уваженіи и тому подобномъ, и о примѣрахъ, относящихся къ общественнымъ предметамъ, и объ умственныхъ движеніяхъ памяти, способности соединенія и раздѣленія, о сужденіи и проч. мы создаемъ исторію и методическія таблицы такъ же, какъ о теплѣ и холодѣ, о свѣтѣ, растительности и тому подобныхъ предметахъ“. Отсюда видно, что Баконъ думалъ, что явленія психической жизни, равно какъ и факты жизни общественной, могутъ быть располагаемы по таблицамъ и т. д., такъ же, какъ и явленія вѣдшей природы. Самъ Баконъ оставилъ намъ образчикъ изслѣдованія по индуктивному методу предметовъ умственныхъ и нравственныхъ въ своемъ небольшомъ рассужденіи „о вспомогательныхъ средствахъ къ усовершенствованію умственныхъ способностей“. Символы Бакона къ естественно-научному міровоззрѣнію сказываются, между прочимъ, въ его отзывѣ объ атомистической философской системѣ Демокрита, которую онъ ставилъ выше всѣхъ остальныхъ фи-

лософскихъ системъ. По его мнѣнію, школа Демокрита глубже, чѣмъ какая нибудь другая, проникла въ сущность природы. Разсматриваніе матеріи въ ея разнообразныхъ измѣненіяхъ ведетъ дальше, чѣмъ абстракція. Безъ признанія атомовъ природу трудно объяснить. Господствуютъ ли въ природѣ цѣли, трудно опредѣленно сказать; во всякомъ случаѣ изслѣдователь долженъ придерживаться только дѣйствующихъ причинъ. Отсюда можно заключить, что Баконъ держался атомистическаго міровоззрѣнія. Равнымъ образомъ и Гоббзу наиболѣе согласною съ новыми научными идеями представлялась философія греческихъ атомистовъ. Но, не смотря на сходство въ общихъ принципахъ съ матеріализмомъ и сенсуализмомъ Эпикура и Лукреція, философія Гоббза представляетъ оригинальный продуктъ философской мысли XVII вѣка. Этотъ вѣкъ, по всей справедливости, можетъ быть названъ классическимъ вѣкомъ естествознанія; въ это время закладывались прочныя основанія важнѣйшихъ наукъ о природѣ, и выработывались строгіе методы научнаго объясненія ея явленій. Гоббзъ былъ современникъ Декарта, который былъ не только философъ, но и великій математикъ и естествоиспытатель, находился съ нимъ въ умственномъ общеніи и до извѣстной степени не могъ не подчиниться влиянію его могучаго генія. Онъ усвоилъ у Декарта механической принципъ объясненія природы, или ту идею, что всѣ феномены должны быть объясняемы, какъ движенія частицъ матеріи, подлежащія измѣренію и вычисленію. Принципы картезианской физики, распространенные самимъ Декартомъ на феномены психической жизни, у Гоббза распространяются еще далѣе — на явленія жизни соціальной. Слава Гоббза по преимуществу приобрѣтена имъ, какъ реформаторомъ науки о человѣческомъ обществѣ; такъ и самъ онъ смотрѣлъ на себя. Онъ былъ, дѣйствительно, первымъ осуществителемъ великой идеи Бакона о положительномъ направленіи въ нравственныхъ наукахъ; онъ первый сдѣлалъ попытку преобразовать нравственныя науки посредствомъ строгаго методическаго изслѣдованія относящихся къ нимъ явленій. Въ основаніе своего морально-соціального ученія Гоббезъ положилъ гипотезу, что явленія соціальной жизни до извѣстной степени также слагаются изъ соответствующихъ элементовъ, какъ явленія матеріальной природы слагаются изъ атомовъ. По словамъ Гоббза, при изслѣдованіи механизма государственной жизни слѣдуетъ если не актуально, то умственно разложить его на составныя элементы, которыми въ этомъ

случаѣ будутъ люди, соединенные вмѣстѣ единствомъ верховной власти. Такимъ образомъ, единичныя личности и есть атомы соціального тѣла. Другое понятіе, которое было перенесено Гоббзомъ изъ естествознанія въ ученіе о нравственности, было понятіе причинности. Начиная съ Гоббза, идея зависимости нашихъ поступковъ отъ ихъ причинъ и ближайшимъ образомъ отъ мотивовъ постепенно получила право гражданства въ философской этикѣ. Идея детерминизма человѣческихъ дѣйствій, подчиненія ихъ общему закону причинности, составляющая теперь необходимое предположеніе всѣхъ научныхъ изслѣдованій о человѣкѣ, составляетъ одну изъ замѣчательныхъ идей философіи Гоббза, одинъ изъ жизненныхъ элементовъ ея, и идея эта перенесена имъ въ область нравственныхъ наукъ изъ области естествознанія.

Было бы слишкомъ долго приводить примѣры тѣсной связи философіи съ естествознаніемъ, представляемые всею послѣдующею исторіею англійской философіи. Укажу только, что въ новѣйшее время самый выдающійся представитель англійской философіи, Гербертъ Спенсеръ, строитъ свою поразительно стройную философскую систему на принципѣ развитія, перенесенномъ имъ изъ области фізіологіи на всѣ явленія, какія только доступны научному изслѣдованію. Фізіологи прочно установили, что въ отдѣльныхъ организмахъ прогрессъ состоитъ въ переходѣ однороднаго строенія къ строенію разнородному. Всякій зародышъ въ началѣ есть однообразная субстанція, въ отношеніи ткани и химическаго состава. Черезъ послѣдовательныя и почти безконечныя дифференцірованія происходитъ сложная комбинація тканей и органовъ, образующихъ животное или растеніе. Въ этомъ—исторія всякаго организма. Гербертъ Спенсеръ задается тѣмъ, чтобы доказать, что этотъ законъ органическаго прогресса есть законъ всякаго прогресса, что развитіе земли, жизни на ея поверхности, общества, правительства, промышленности, торговли, языка, литературы, науки и искусства предполагаетъ тотъ же ходъ отъ простаго къ сложному черезъ послѣдовательныя дифференціаціи.

Вся исторія англійской философіи свидѣтельствуетъ, что англійскіе философы уже со временъ Бакона почти безъ исключенія употребляютъ методъ, который весьма легко согласуется съ естественнонаучнымъ образомъ мышленія, и рассматриваютъ міръ явленій по тѣмъ же принципамъ, какъ и собственно натуралисты. Поэтому въ

Англіи никогда не знали столкновения между философией и естественными науками, которое почти постоянно, особенно въ повѣйшее время, имѣеть мѣсто въ Германіи, гдѣ не рѣдко можно слышать мнѣніе, что философія и естествознаніе двѣ отдѣльныя области и что всякое соприкосновеніе съ философией можетъ быть лишь пагубно для изслѣдованія природы. Взглядъ на философію, какъ на естествознаніе въ широкомъ смыслѣ слова, установленный Баконъ и Гоббсомъ, такъ укоренился въ Англіи, что значеніе англійскаго слова *philosophy* совсѣмъ нельзя болѣе передавать соответствующимъ нѣмецкимъ словомъ, и истинный *natural philosopher*, по англійской терминологіи, есть не кто другой, какъ экспериментаторъ-физикъ.

Англійская философія постоянно отличалась утилитарнымъ характеромъ. Уже философія Бакона проникнута духомъ благороднаго утилитаризма, глубокимъ сознаніемъ человѣческихъ бѣдствій и стремленіемъ направить дѣятельность человѣческаго разума къ ихъ облегченію. На науку Баконъ смотрѣлъ, какъ на средство къ улучшенію нашего состоянія въ этомъ мірѣ, къ пріобрѣтенію власти надъ естественнымъ теченіемъ природы и къ усовершенствованію собственныхъ силъ и способностей, физическихъ и духовныхъ. Цѣль человѣческаго знанія, по ученію Бакона, обогатить человѣчество открытіями, дать ему власть надъ природой и такимъ образомъ способствовать уменьшенію бѣдствій и умноженію счастья. Эта мысль Бакона о тѣсной связи между наукой и жизнью, его глубокое убѣжденіе, что вся человѣческая практика должна руководствоваться свѣтомъ истиннаго знанія, — проходитъ черезъ всю исторію англійской философіи и въ настоящее время составляетъ почти ходячую истину.

Этому утилитарному характеру англійской философіи, присущему ей уже при самомъ ея зарожденіи, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что въ англійской философіи весьма рано сдѣлались предметомъ серьезнаго научнаго вниманія вопросы, касающіеся человѣческой практики. Начало нравственно-философскихъ изслѣдованій въ Англіи совпадаетъ съ началомъ новой англійской философіи вообще. Первые идеи относительно реформы этики и другихъ наукъ о чловѣкѣ съ духовной его стороны, которыя можно отмѣтить названіемъ наукъ моральныхъ, были высказаны первымъ великимъ мыслителемъ новаго времени, Баконъ, преемникъ котораго, Гоббсъ, подъ влияніемъ реформаторскихъ идей Бакона и отчасти въ духѣ его предпо-

ложеній, сдѣлавъ первую попытку построенія полной системы практической философіи. Основная идея этой системы чисто утилитарная: польза опредѣляетъ всюду дѣйствія людей. Англійская этика во все послѣдующее время отличается этимъ утилитарнымъ характеромъ. Въ принципѣ, всѣ англійскіе моралисты, по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающіеся, раздѣляютъ утилитарный взглядъ на нравственность. Различіе между ними сводится къ тому, что одни на первый планъ выставляютъ личную пользу отдѣльныхъ индивидуумовъ—такъ называемый эгоистическій утилитаризмъ, тогда какъ другіе, и такихъ большинство, отдають предпочтеніе благу обществу предъ личнымъ благомъ—альтруистическій утилитаризмъ.

При предшествовавшемъ изложеніи характерныхъ чертъ англійской философіи, вѣроятно, не осталось незамѣченнымъ, что каждая изъ указанныхъ чертъ ведетъ свое начало отъ родоначальника англійской философіи, Бакона. Дѣйствительно, по общему признанію историковъ англійской философіи, эта послѣдняя отличается именно тѣмъ самымъ характеромъ, какимъ отмѣтилъ ее при самомъ возникновеніи ея официальный родоначальникъ. Этимъ единствомъ характера философскихъ изслѣдованій въ Англии обуславливается отличительная черта историческаго развитія англійской философіи. Въ то время, какъ на континентѣ Европы исторія философіи являетъ намъ рядъ смѣняющихся обособленныхъ системъ, философія англійская представляетъ картину связнаго непрерывнаго развитія. Одинъ мыслитель начинается тамъ, гдѣ кончилъ другой, и при согласіи въ общемъ направленіи и основныхъ принципахъ является такимъ образомъ возможность коллективной работы въ прогрессѣ философской науки. Эту особенность историческаго развитія англійской философіи несомнѣнно почувствуетъ всякій, кто попытается раздѣлить англійскую философію на историческіе періоды. Непрерывность въ развитіи обуславливаетъ отсутствіе рѣзкихъ демаркаціонныхъ чертъ между отдѣльными философскими ученіями англійскихъ мыслителей и тѣмъ дѣлаетъ затруднительнымъ и неудобнымъ дѣленіе ихъ на періоды. Философское движеніе въ Англии представляетъ въ своемъ главномъ руслѣ одно непрерывное развитіе, и потому трудно отдѣлять, на примѣръ, философію Гоббса отъ философіи Локка, или эту послѣднюю отъ философіи Юма. Эта непрерывность въ развитіи — черта весьма важная. Дурной признакъ для науки, если чуть не каждая дѣять лѣтъ она претерпѣваетъ глубокія революціи во взглядахъ и въ

своей системѣ. Это значить, что наука еще не установилась, и что на ея слово нельзя совершенно полагаться. Научное созиданіе всего лучше достигается постепеннымъ ростомъ науки, постояннымъ развитіемъ и обогащеніемъ ея подробностей и т. п. Англійская философія всегда шла этимъ, такъ сказать, консервативнымъ путемъ, и въ этомъ причина ея быстрыхъ и крупныхъ успѣховъ въ прошедшемъ, въ этомъ же вѣрный залогъ ея дальнѣйшаго преуспѣянія въ будущемъ.

Леонидъ Рутковскій.

РУССКІЯ ПОЛНЫЯ ПРИДАТОЧНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Школьная грамматика, какъ извѣстно, признаетъ слѣдующія полныя придаточныя предложенія: опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя; послѣднія подраздѣляетъ на предложенія — мѣста, времени, образа дѣйствія, причины и цѣли. Всѣ названныя предложенія обыкновенно различаются въ практикѣ тѣми вопросами, на которые отвѣчаютъ придаточныя предложенія. Такъ, если придаточное предложеніе отвѣчаетъ на вопросъ: *какой?*—то его относятъ къ области опредѣлительныхъ предложеній; если оно отвѣчаетъ на вопросы косвенныхъ падежей, то къ дополнительнымъ, и т. д. Такой способъ узнаванія, или—точнѣе—угадыванія, характера придаточныхъ предложеній настолько несовершененъ, что порождаетъ многіе неразрѣшимые вопросы. Такъ, грамматическій разборъ показываетъ, что есть такія предложенія, которыя ни подъ одинъ изъ упомянутыхъ видовъ придаточныхъ предложеній не подходятъ. Куда отнести ихъ? Тогда многіе учебники вводятъ въ сферу придаточныхъ предложеній еще: а) придаточныя подлежащія и сказуемыя, б) придаточныя условныя и уступительныя. Такимъ образомъ, категорій придаточныхъ предложеній насчитывается всего одиннадцать. Практика показываетъ, что есть еще и такія придаточныя предложенія, которыя ни подъ одинъ изъ одиннадцати видовъ не подходятъ, наиримѣръ, придаточныя, отвѣчающія на вопросъ: *сколько?* Къ какой категоріи отнести ихъ? Нѣкоторые педагоги, въ виду этого, внесли въ грамматику еще одинъ, двѣнадцатый, видъ придаточныхъ предложеній, назвавъ его придаточнымъ „мѣры и счета“; другіе, видя, что видовъ придаточныхъ предложеній и безъ того много, предпочли область придаточныхъ образа дѣйствія подраздѣлить на три вида: собственно образныя, сравнительныя и изяснительныя. По мнѣнію этихъ послѣднихъ педагоговъ,

остается quasi одиннадцать видовъ придаточныхъ предложеній; въ дѣйствительности же ихъ является тринадцать видовъ. Скажутъ, что теперь уже упомянуты и подсчитаны всѣ виды придаточныхъ предложеній? Если мы обратимъ вниманіе на то, что многіе учебники особымъ видомъ дополнительныхъ считаютъ такъ называемыя вносныя предложенія, а иные вводятъ предложенія „соотносительныя“, „ограничительныя“ и т. д., то область придаточныхъ предложеній еще болѣе расширится. Спрашивается, гдѣ конецъ и какова истинная природа придаточныхъ предложеній.

Выше мы говорили, что придаточныя предложенія обыкновенно различаются по тѣмъ вопросамъ, на которые они отвѣчаютъ. Рассмотримъ природу этихъ вопросовъ. Отъ мѣстоименнаго вопросительнаго корня „к“ происходятъ слѣдующія вопросительныя слова: а) мѣстоименія—кто (къто), что (что), какой, чей, который, б) нарѣчія: гдѣ (къде), куда, какъ, когда. Это такія вопросительныя слова, которыя происходятъ отъ корня „к“ съ присоединеніемъ къ нему суффикса. Помимо упомянутыхъ, есть такія вопросительныя слова, которыя, исходя отъ корня „к“, имѣютъ впереди себя какойнибудь предлогъ, или 1) слитно пишущійся съ словомъ корня „к“: с-колько, на-с-колько, по-чему, от-чего, за-чѣмъ, или 2) отдѣльно: отъ кого, для чего и проч. Мы видимъ, что всѣ вопросительныя слова имѣютъ общее происхожденіе, именно, всѣ они имѣютъ корнемъ букву „к“. Это въ высшей степени знаменательно. Не возможно подыскать ни одного такого вопросительнаго слова, которое, останавливаясь на себѣ силу вопроса, было бы совершенно инаго происхожденія ¹⁾. Единство и общность происхожденія вопросовъ служатъ лучшимъ доказательствомъ единства тѣхъ придаточныхъ предложеній, которыя отвѣчаютъ на эти вопросы.

Вопросительныя слова, именно вопросительныя мѣстоименія и вопросительныя нарѣчія, находясь въ придаточныхъ предложеніяхъ, дѣлаются относительными. Такъ называемыя придаточныя опредѣлительныя предложенія начинаются слѣдующими относительными мѣстоименіями: „какой“, „чей“, „который“, дополнительныя: „кого“, „чего“, „кому“, „чему“ и проч.; обстоятельственныя — а) времени: „когда“, б) мѣста: „гдѣ“, „куда“, в) образа дѣйствія: „какъ“. Придаточныя обстоятельственныя причины должны бы начинаться со

¹⁾ Вопросительныя частицы: „ли“, „разнѣ“, „ужели“, сосредоточиваютъ силу вопроса не на себѣ, а на томъ словѣ, къ которому они присоединяются.

словъ: „почему“, „отчего“, какъ происходящихъ отъ корня „к“, но они начинаются двойными союзами: „потому что“, „оттого что“, „такъ какъ“. Въ этихъ двойныхъ союзахъ первыя слова происходятъ отъ корня „т“ („т“ есть указательный мѣстоименный корень), а вторыя отъ корня „к“. Подобнымъ образомъ, придаточныя цѣли должны бы начинаться со словъ: „зачѣмъ“, „для чего“, но они начинаются двойнымъ союзомъ: „затѣмъ что“, въ которомъ первое слово имѣетъ корень „т“, а второе—„к“.

Перейдемъ теперь къ дѣленіямъ придаточныхъ предложеній на виды. Школьная практика, какъ мы выше высказали, различаетъ придаточныя предложенія по тѣмъ вопросамъ, на которые они отвѣчаютъ. Но мы сказали, что такое различіе неосновательно, ибо всѣ вопросы имѣютъ одно происхожденіе, и потому всѣ придаточныя предложенія должны имѣть единство своего значенія. Нѣсколько отличный взглядъ отъ общепринятаго высказалъ профессоръ Будиловичъ въ „Начертаніи церковно-славянскаго грамматики“. Онъ говоритъ: „Этимологическая форма связокъ подчинительнаго строя можетъ служить въ некоторомъ указаніемъ на то, которому изъ распространительныхъ терминовъ простаго предложенія соответствуетъ и на почвѣ котораго развивалось то или другое придаточное предложеніе. Точкою отправленія должны служить при этомъ связки главнаго предложенія, такъ какъ въ придаточномъ онѣ видоизмѣняются, особенно въ надежѣ, отъ дѣйствія его собственныхъ центровъ управленія. При этомъ возможны три случая: а) связкой главнаго предложенія является мѣстоименіе указательное въ именительномъ надежѣ; б) мѣстоименіе въ косвенномъ надежѣ и в) нарѣчіе. Придаточныя предложенія перваго типа, представляющія развитіе опредѣленія при подлежащемъ или предикативномъ имени, могутъ быть названы опредѣлительными; придаточныя предложенія втораго рода, развивающія далѣе содержаніе объекта.—дополнительными; предложенія же, членившіяся на адвербіальныя связки главнаго предложенія,—обстоятельствеными“.

Здѣсь мы видимъ отличіе отъ общепринятаго взгляда на придаточныя предложенія только въ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ предложеніяхъ. Обстоятельственыя предложенія у проф. Будиловича различаются почти сходно съ школьной грамматикой. Правда, въ послѣдней вся суть заключается въ вопросахъ; но такъ какъ въ обстоятельственыхъ предложеніяхъ внутреннее значеніе адвербіальныхъ связокъ сходно съ значеніемъ вопросовъ, на которые отвѣчаютъ обстоятельственыя предложенія, то способъ узнаванія придаточныхъ

обстоятельствѣнныхъ предложеній въ томъ и другомъ случаѣ почти одинаковъ. Различіе, слѣдовательно, остается во взглядѣ на придаточныя опредѣлительныя и дополнительныя предложенія. Г. Будиловичъ, говори, что „точкою отправленія должны служить связки главнаго предложенія“, указываетъ при этомъ слѣдующую причину: „такъ какъ въ придаточномъ онѣ (sc. связки) видоизмѣняются, особенно въ падежѣ, отъ дѣйствія его собственныхъ центровъ управленія“. Изъ этихъ словъ мы заключаемъ, что связки главнаго предложенія какъ будто не зависятъ отъ собственныхъ центровъ управленія. Но мыслимо ли это отсутствіе зависимости? Если же немыслимо, то къ чему такія условія? Далѣе г. Будиловичъ говоритъ, хотя и нерѣшительно, что именительный падежъ мѣстоименія „тотъ“ сообщаетъ слѣдующему за нимъ придаточному предложению характеръ опредѣлительнаго, а косвенный падежъ этого мѣстоименія—дополнительнаго. Спрашивается: почему это? Правда, въ именительномъ падежѣ можетъ стоять подлежащее или опредѣленіе, поэтому и цѣлое предложеніе, относящееся къ какому нибудь изъ этихъ членовъ, естественноѣ назвать опредѣлительнымъ, чѣмъ дополнительнымъ; правда и то, что въ косвенномъ падежѣ (конечно, не окончательномъ) бываетъ дополненіе, а потому и цѣлое предложеніе, относящееся къ дополненію, какъ будто естественноѣ назвать дополнительнымъ, чѣмъ опредѣлительнымъ. Но г. Будиловичъ на четырехъ строкахъ одного и того же правила самъ себѣ противорѣчитъ слѣдующимъ образомъ: онъ говоритъ, что придаточныя опредѣлительныя „представляютъ развитіе опредѣленія при подлежащемъ или предикативномъ имени“; но онъ не говоритъ, что придаточныя опредѣлительныя развиваютъ содержаніе самаго подлежащаго, между тѣмъ какъ, по его же словамъ, придаточныя дополнительныя „развиваютъ далѣе содержаніе объекта“, а не представляютъ развитіе опредѣленія при его объектѣ. Что нибудь одно изъ двухъ: или придаточныя предложенія развиваютъ опредѣленія, стоящія или подразумевающіяся при подлежащемъ или дополненіи, или же развиваютъ самое содержаніе подлежащаго или дополненія; между тѣмъ какъ у г. Будиловича въ одномъ предложеніи является одно, а въ другомъ—другое. Далѣе, въ косвенномъ падежѣ, помимо дополненія, бываетъ и опредѣленіе, относящееся къ дополненію. Если же придаточное предложеніе будетъ развивать содержаніе опредѣленія, стоящаго въ косвенномъ падежѣ, то съ какой стати оно будетъ называться дополнительнымъ, а не опредѣлительнымъ предложеніемъ?

Изъ предыдущаго видно, что вопросъ объ отличіи придаточнаго опредѣлительнаго отъ придаточнаго дополнительнаго приводитъ къ другому вопросу: какова природа означенныхъ придаточныхъ предложений, и что они развиваютъ и поясняютъ въ ипотактическомъ или подчинительномъ строѣ предложений: а) подлежащія и дополненія, или же б) стоящія при нихъ (а иногда подразумевающіяся) опредѣленія? Рѣшеніе этого вопроса существенно важно: отъ него зависитъ правильный или неправильный взглядъ на цѣлую область придаточныхъ предложений не только опредѣлительныхъ и дополнительныхъ, но и обстоятельственныхъ.

Въ предложеніяхъ атрибуты, согласуемые посредствомъ флексій, могутъ стоять при подлежащемъ и дополненіи (умныя дѣти, умныхъ дѣтей), рѣдко при другомъ атрибутѣ (такія умныя дѣти). Атрибуты при имени, однако, стоятъ далеко не всегда, именно тогда, когда въ извѣстной субстанціи или понятіи выдвигается тотъ изъ признаковъ, на который въ данный моментъ обращается преимущественное вниманіе. Между атрибутами особеннаго вниманія заслуживаютъ указательныя мѣстоименія: „тотъ, та, то“ и „такой, такая, такое“. Внешнее свойство этихъ атрибутовъ таково, что они или стоятъ при имени на лицо, или же непременно подразумеваются, если только далѣе слѣдуетъ предложеніе съ слова—„какой“ или „который“, или вообще съ слова, имѣющаго корнемъ букву „к“. Внутреннее же свойство ихъ таково, что они, будучи атрибутами къ стоящимъ позади ихъ именамъ, сами себѣ требуютъ опредѣленія или поясненія. Въ сложно-составномъ предложеніи: „Тотъ человѣкъ счастливъ, который доволенъ своею судьбою“, мы видимъ, что слово „тотъ“ стоитъ опредѣленіемъ, но такимъ, что оно само нуждается въ поясненіи или опредѣленіи; именно цѣлое предложеніе: „который доволенъ своею судьбою“, поясняетъ въ первомъ предложеніи слово „тотъ“.

Возьмемъ предложеніе: „Куда дѣвались тѣ птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ?“. Мы уже высказали, что опредѣленіемъ или поясненіемъ слова „тотъ“ служить цѣлое придаточное предложеніе. Въ данномъ сложно-составномъ предложеніи, слѣдовательно, придаточное опредѣлительное: „которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ“, служитъ поясненіемъ слова „тѣ“. Общепринятый взглядъ на придаточныя опредѣлительныя—тотъ, что они относятся къ имени главнаго предложенія, а не къ атрибуту „тотъ“, стоящему при имени. Именно, грамматическія объясненія обыкновенно бывають таковы: придаточное опредѣлительное: „которыя такъ рѣзво

порхали и пѣли при солнышкѣ“, ближе опредѣляетъ слово „птицы“. Мы же, какъ и выше, утверждаемъ, что упомянутое придаточное служитъ опредѣленіемъ слова „тѣ“, стоящаго опредѣленіемъ при субъектѣ „птицы“. Вотъ доказательство истинности такого взгляда.

Въ придаточномъ опредѣлительномъ: „которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ“, субъектомъ служитъ слово „которыя“; слѣдовательно, при этомъ мѣстоименіи мы не подразумѣваемъ слова „птицы“; въ противномъ случаѣ слово „которыя“ было бы атрибутомъ подразумѣваемаго имени „птицы“, а субъектомъ было бы не слово „которыя“, а слово „птицы“. Слѣдовательно, здѣсь въ придаточномъ предложеніи слово „которыя“ вполнѣ самостоятельно. А если такъ, то слово „которыя“ отнюдь не служитъ опредѣленіемъ слова „птицы“, стоящаго субъектомъ въ главномъ предложеніи. Мы убѣждены, что иначе не думаетъ никто.

Далѣе, есть такія предложенія, въ которыхъ при мѣстоименіяхъ: „тотъ“ или „такой“, не только не бываетъ имени существительнаго, но и не подразумѣвается. Въ этомъ случаѣ становится еще болѣе ясно, что мѣстоименіе: „какой“, „кто“, „что“ или какое нибудь иное, а также союзъ „что“ совершенно не относится къ имени существительному. Въ сложно-составномъ предложеніи: „Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою въ предѣлахъ Азіи и Европы“, придаточное: „что Россія величественно возвысила главу свою“... служитъ поясненіемъ или опредѣленіемъ слова „то“, но отнюдь не какого нибудь существительнаго. Лицамъ, которыя несогласны съ высказаннымъ, мы предлагаемъ слѣдующій вопросъ: если слово „что“, а также все придаточное предложеніе, начинающееся съ этого слова, служитъ опредѣленіемъ имени существительнаго, то пусть скажутъ: какое это существительное? Въ приведенномъ, а также во всѣхъ ему подобныхъ предложеніяхъ, можно лишь выдумать имя существительное, какое кому заблагоразсудится, но оно отнюдь не обязательно, между тѣмъ какъ подразумѣваемое имя обыкновенно можетъ стоять и на лицо.

Въ такъ называемыхъ обстоятельственныхъ предложеніяхъ еще яснѣе видно это отсутствіе имени существительнаго. Въ сложно-составномъ предложеніи: „тамъ хорошо, гдѣ насъ итѣтъ“, при словѣ „тамъ“ не только не стоитъ имени существительнаго, но и нельзя подразумѣвать его. Здѣсь явно, что слово „гдѣ“ опредѣляетъ слово „тамъ“, и все придаточное предложеніе служитъ опредѣленіемъ этого слова. То же замѣчаемъ и въ другихъ обстоятельственныхъ предложеніяхъ,

напримѣръ, въ предложеніяхъ времени. Въ сложно-составномъ предложеніи: „Самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея большая половина“, придаточное: „когда уже пролетѣла ея большая половина“, служитъ опредѣленіемъ слова „тогда“, стоящаго на лицо въ главномъ предложеніи.

Предыдущія разсужденія имѣли цѣлью показать, что въ сложно-составныхъ предложеніяхъ замѣчается слѣдующее единство: придаточныя предложенія, начинающіяся съ слова, имѣющаго корнемъ букву „к“ (всѣ такія слова суть—мѣстоименія относительныя, нарѣчія относительныя и союзы), служатъ всюду опредѣленіемъ не къ имени главнаго предложенія, а къ атрибуту „тотъ“ или „такой“ или же къ словамъ: „тамъ“, „туда“, „тогда“ и проч., относимымъ къ обстоятельственнымъ словамъ по отсутствію въ нихъ флексивнаго согласованія, съ одной стороны, и по неспособности ихъ стоять рядомъ съ именами для опредѣленія ихъ, съ другой.

Внутреннее значеніе, съ одной стороны, относительныхъ связокъ придаточныхъ предложеній, съ другой стороны, мѣстоименій: „тотъ“, „такой“, и нарѣчій: „туда“, „тогда“, „потому“ и проч., стоящихъ въ главныхъ предложеніяхъ, показываетъ, что истинная природа всѣхъ придаточныхъ предложеній—служить опредѣленіями къ вышеупомянутымъ мѣстоименіямъ указательнымъ, нарѣчіямъ указательнымъ и союзамъ. Въ сложно-составномъ предложеніи: „лучшія и прочѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ“, придаточное: „которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ“, отвѣчая на вопросъ: „какія“?—опредѣляетъ слово „тѣ“. Въ главномъ предложеніи можно послѣ слова „тѣ“ поставить, безъ измѣненія его смысла, какое нибудь слово, явно доказывающее, что придаточное служитъ опредѣленіемъ, или—точнѣе—приложеніемъ, къ слову „тѣ“; такovy: „именно“, „то-есть“, „какъ-то“ и проч. Въ такомъ случаѣ все сложно-составное предложеніе приметъ слѣдующій видъ: „лучшія измѣненія суть тѣ (именно?), которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ“. Буквально то же замѣчается и въ такъ называемыхъ придаточныхъ дополнительныхъ и обстоятельственныхъ предложеніяхъ. Лучше всего это видѣть на примѣрахъ. „Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслью о томъ (именно?), какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями“; „и получилъ наше письмо послѣ того (именно?), какъ все было кончено“; „ездѣ (именно?), куда только прощикалъ глазъ, видѣлись слѣды заботливости и порядка“. Профессоръ Буслаевъ совершенно основательно говоритъ (Ист. Грамм., § 132), что „въ основаніи сложнаго предложенія, состав-

вленнаго помощью относительныхъ частицъ, замѣчается начало разговорное“, другими словами, въ такихъ предложеніяхъ отвѣтъ съ вопросомъ соединяются такъ, что мѣстоименіе или нарѣчіе относительное служить опредѣленіемъ мѣстоименія или нарѣчія указательнаго. „Гдѣ хорошо?—Тамъ.—Гдѣ именно тамъ?—Гдѣ насъ нѣтъ“.

Мы уже сказали, что всѣ придаточныя предложенія служатъ опредѣленіями къ указательнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ, стоящимъ на лицо или подразумевающимся въ главномъ предложеніи. Точнѣе эти придаточныя предложенія называютъ приложеніями или аппозитивными предложеніями, ибо они гораздо ближе опредѣляютъ стоящее въ главномъ предложеніи мѣстоименіе или нарѣчіе указательное, чѣмъ простое опредѣленіе. Мы сближаемъ придаточныя предложенія разнаго рода съ такими приложеніями, которыя выражены именемъ существительнымъ или прилагательнымъ. Въ предложеніяхъ: а) „моя теща, то-есть, мать моей жены, тоже ничего не видитъ“; б) „теперь уже всѣ хотѣли въ походъ—и старые и молодые“; приложеніями служатъ слова: а) „мать“, б) „и старые и молодые“. Эти слова гораздо ближе опредѣляютъ имена въ главномъ предложеніи, чѣмъ простыя опредѣленія. Наибольшая ихъ близость часто выражается союзами: „именно“, „какъ-то“, „то-есть“, и другими. Подобнымъ образомъ, цѣлыя придаточныя предложенія, связанныя съ главными посредствомъ относительныхъ мѣстоименій и нарѣчій, на столько тѣсно примыкаютъ къ опредѣляемымъ ими словамъ въ главномъ предложеніи, что ихъ точнѣе называютъ приложеніями, чѣмъ опредѣлительными предложеніями. Но мы будемъ все-таки пользоваться въ данномъ случаѣ терминомъ „опредѣлительное предложеніе“, какъ болѣе широкимъ, чѣмъ терминъ „приложеніе“.

Вопросъ объ отношеніи придаточнаго предложенія къ тому или другому слову главнаго, какъ видно, сильно занималъ проф. Буслаева. Въ своей „Исторической Грамматикѣ“ (М. 1858) онъ говоритъ въ § 131 синтаксиса слѣдующее: „Въ предложеніи: „истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія“, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому „есть тотъ“ и не глаголу „есть“, а стоящему при немъ опредѣлительному слову „тотъ“. Казалось бы, что можетъ быть яснѣе этого замѣчанія? Если, дѣйствительно, означенное придаточное предложеніе служитъ опредѣленіемъ или поясненіемъ слова „тотъ“, то, нѣтъ сомнѣнія, оно опредѣлительное въ обширномъ смыслѣ слова, или—точнѣе—приложеніе къ слову „тотъ“. По нашему мнѣнію, этотъ

взглядъ г. Буслаева на придаточныя предложенія есть вполнѣ истинный. Къ несчастію, нужно сказать, что г. Буслаевъ вѣрнѣ самому себѣ не остался: онъ отказался отъ этого взгляда въ пользу другаго. Въ 4-мъ изданіи „Ист. Грамм.“ (Москва, 1875) онъ говоритъ въ § 131 синтаксиса слѣдующее: „Въ предложеніи: „истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія“, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому „есть тотъ“ и не глаголу „есть“, а подразумѣваемому слову „человѣкъ“, при опредѣлительномъ „тотъ“, то-есть, тотъ человѣкъ, который и т. д.“. Итакъ, теперь то же придаточное предложеніе служитъ опредѣленіемъ не слова „тотъ“, какъ сказано раньше, а подразумѣваемаго слова „человѣкъ“. Г. Буслаевъ ни однимъ словомъ не мотивируетъ такого измѣненія въ своемъ взглядѣ; поэтому мы въ правѣ думать, что онъ въ первомъ изданіи считалъ неяснымъ, даже сбивчивымъ свое поясненіе. Въ дѣйствительности же сбивчивостьъ отзывается второй взглядъ, по которому придаточное служитъ опредѣленіемъ подразумѣвающагося слова „человѣкъ“. Что при словѣ „тотъ“ подразумѣвается слово „человѣкъ“, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но зачѣмъ во второй редакціи стоять слова: „при опредѣлительномъ тотъ“? Если придаточное предложеніе служитъ опредѣленіемъ подразумѣвающагося слова „человѣкъ“, то означенныя слова совершенно излишни. Что слово „тотъ“ служитъ опредѣленіемъ къ слову „человѣкъ“, а не подлежащимъ или дополненіемъ, въ этомъ никто и не сомнѣвается. Далѣе, такъ какъ 1) при подразумѣваемомъ словѣ „человѣкъ“ слово „тотъ“ служитъ опредѣленіемъ, 2) придаточное: „который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія“, служитъ также опредѣленіемъ, то получается, что одно слово имѣетъ два опредѣленія, изъ коихъ одно—пространное, то-есть, выраженное цѣлымъ придаточнымъ предложеніемъ. Живая рѣчь показываетъ, что имя существительное, дѣйствительно, можетъ имѣть при себѣ два опредѣленія, но непрѣнно такія, которыя бы съ разныхъ сторонъ опредѣляли его, напримѣръ: „многочисленное стройное войско“, „первый русскій императоръ“, „холодный зимній день“ и проч. То ли же мы видимъ въ вышеупомянутомъ сложномъ предложеніи? Нѣтъ, въ немъ при словѣ „человѣкъ“ опредѣленіемъ служитъ лишь слово „тотъ“, а придаточное предложеніе ближе опредѣляетъ не слово „человѣкъ“, какъ думаетъ проф. Буслаевъ, а стоящее при немъ опредѣлительное „тотъ“. Еслибы придаточное предложеніе, наравнѣ съ словомъ „тотъ“, служило опредѣленіемъ къ слову „человѣкъ“, то оно, какъ уже мы ска-

зали, непремѣнно съ иной стороны опредѣляло бы его, чѣмъ атрибутъ „тоть“.

Проф. Буслаевъ, относя придаточное опредѣлительное къ имени существительному главнаго предложенія, а не къ его атрибуту „тоть“, совсѣмъ не упоминаетъ о такихъ случаяхъ, гдѣ не только не находится имени существительнаго, но и нельзя его подразумевать. Въ выше приведенномъ предложеніи: „слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою въ предѣлахъ Азіи и Европы“, придаточное: „что Россія величественно возвысила главу свою...“, какъ уже мы сказали, относится къ мѣстоименію „то“, при которомъ не подразумевается имени существительнаго. Далѣе, въ придаточныхъ такъ называемыхъ обстоятельственныхъ: „гдѣ огонь, тамъ и дымъ“, мы совсѣмъ не видимъ существительныхъ именъ, къ которымъ бы относились нарѣчія относительныя, а вмѣстѣ съ ними и все придаточное предложеніе. Въ высшей степени любопытно было бы знать, къ какимъ словамъ въ главныхъ предложеніяхъ относятся по Буслаеву въ только что приведенныхъ двухъ сложно-составныхъ предложеніяхъ 1) союзъ „что“, а вмѣстѣ съ нимъ и все придаточное предложеніе („что Россія величественно возвысила.....“), и 2) нарѣчіе „гдѣ“ („гдѣ огонь“)?

Въ школьной грамматикѣ вопросъ объ отношеніи придаточныхъ предложеній къ тому или другому слову главнаго предложенія находится въ крайне неопредѣленномъ положеніи. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ этотъ вопросъ совсѣмъ обходится, прикрываясь общими разсужденіями. Такъ, въ одной школьной грамматикѣ, послѣ нѣсколькихъ примѣровъ на придаточныя опредѣлительныя предложенія слѣдуютъ таковыя слова: „во всѣхъ этихъ примѣрахъ придаточныя предложенія служатъ опредѣленіями къ разнымъ частямъ главныхъ предложеній...“. Въ другихъ учебникахъ мы видимъ, что придаточныя предложенія то относятся къ именамъ главныхъ предложеній, то къ глаголамъ, словомъ, путаница непроходимая. Отсюда понятію, что если функціи и отношеніе придаточныхъ предложеній еще не опредѣлены строго въ учебникахъ, то искать основательныхъ знаній въ этой области у учащихся совершенно неразумительно.

Такъ называемыя придаточныя дополнительныя предложенія нѣкоторыми относятся къ глаголу. Такъ, въ сложно-составномъ предложеніи: „поднимаясь отъ гупна на гору, я увидѣлъ, что всѣ допочки весело зеленѣли сочной травой“, придаточное: „что всѣ допочки весело зеленѣли....“ иныя относятъ не къ подразумеваемому слову „то“

при глаголь „увидѣль“. а къ самому этому глаголу. по вопросу; „что увидѣтъ?“. Это крайне неосновательно, ибо какъ, въ такомъ случаѣ, поступить съ такъ называемыми придаточными опредѣлительными и обстоятельственными предложениями? Если къ глаголу главнаго предложения относить такъ называемыя придаточныя дополнительные предложения, то ради послѣдовательности такъ же должно поступать и съ другими придаточными предложениями, то-есть, и ихъ должно относить не къ имени или его атрибуту, а къ глаголу главнаго предложения. Въ такомъ случаѣ въ сложно-составномъ предложеніи: „а все-жь чудень и мость, по коемъ мы пойдёмъ“, придаточное предложение и его относительное мѣстоименіе будутъ относиться и пояснять не слово „мость“ и не подразумѣвающееся при немъ мѣстоименіе „тотъ“, а глаголь „есть“. Мыслимо ли это? Нѣтъ. мѣстоименіе „(по) коемъ“ ближе опредѣляетъ подразумѣвающееся мѣстоименіе „тотъ“; слѣдовательно, глаголь „есть“ здѣсь отнюдь не вліяетъ на отношеніе придаточнаго предложения къ главному. То же самое должно быть и въ предыдущемъ примѣрѣ.

Мы уже говорили, что придаточныя предложения служатъ опредѣленіемъ, или—точнѣе—аппозиціей. мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ указательнымъ, стоящимъ на лицо или подразумѣвающимся въ главныхъ предложенияхъ. Вопросы, связывающіе придаточное предложение съ главнымъ, какъ мы уже видѣли, имѣютъ единство происхожденія, именно всѣ они происходятъ отъ мѣстоименнаго вопросительнаго корня „к“. Вопросительныя мѣстоименія и вопросительныя нарѣчія. тѣсно присоединяясь къ главному предложенію, становятся относительными, а въ пѣкоторыхъ случаяхъ переходятъ даже въ союзы; таковъ, на примѣръ, союзъ „что“. Единство происхожденія имѣютъ и указательныя мѣстоименія и нарѣчія, происходя отъ указательнаго мѣстоименнаго корня „т“. Таковыя мѣстоименія и нарѣчія суть: мѣстоименія — „тотъ“, „этотъ“, „столько“, нарѣчія — „тогда“, „туда“, „тамъ“, „такъ“, „потому“, „оттого“, „затѣмъ“. Изъ категоріи указанныхъ словъ принадлежитъ и союзъ „то“, также происходящій отъ мѣстоименнаго указательнаго корня „т“.

Проф. Буслаевъ, а за нимъ и школьная грамматика, говорятъ, что указательныя мѣстоименія и нарѣчія отвѣчаютъ или соотвѣтствуютъ относительнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ. Слово „отвѣчаютъ“ показываетъ, что разсматриваемый родъ сложно-составныхъ предложеній образовался на почвѣ вопроса и отвѣта, то-есть, слово „отвѣчаютъ“ означаетъ историческое происхожденіе сложно-состав-

выхъ предложеній. Но что означаютъ слова: „соотвѣтствуютъ“, „соотвѣтствіе“? Въ живой рѣчи можно видѣть, что они показываютъ понятіе равенства, сходства, подобія. Соотвѣтственными углами, какъ извѣстно, называются такіе равные углы, которые находятся или лежатъ по одну и ту же сторону пересѣченныхъ параллельныхъ линій; за преступленія бываютъ соотвѣтственныя наказанія, то-есть, такія, которыя по своей силѣ и характеру равны совершеннымъ преступленіямъ, или, иначе говоря, сходны съ ними по внутренней силѣ. Если такое значеніе имѣютъ слова: „соотвѣтствуютъ“, „соотвѣтствіе“, „соотвѣтственный“, то еще болѣе становится убѣдительнымъ, что придаточныя предложенія съ мѣстоименіями и нарѣчіями относительными служатъ опредѣленіями или аппозиціей къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ указательнымъ, стоящимъ на лицо или подразумевающимся въ главномъ предложеніи. Никакого инаго смысла не содержится въ понятіи „соотвѣтствовать“.

Соотвѣтствіе мѣстоименій и нарѣчіи относительныхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ указательнымъ въ главныхъ предложеніяхъ слѣдуетъ въ такомъ видѣ:

Слова корня „к“.	Слова корня „т“.
Мѣстоименія:	
а) который, какой, чей	тотъ, такой, этотъ
б) кто—что, кого—чего и т. д.	тотъ, такой
в) сколько	столько
Нарѣчія:	
а) куда, гдѣ, откуда	туда, тамъ, оттуда
б) когда	тогда
в) какъ	такъ
Союзы:	
а) „потому что“, „оттого что“. Эти союзы, какъ уже мы выше выяснили, ставится вмѣсто нарѣчіи: „почему“, „отчего“, которымъ въ соотвѣтствіе должны бы стоять нарѣчія: „потому“, „оттого“.	
б) „затѣмъ что“. Этотъ сложный союзъ, подобно двумъ предыдущимъ, ставится вмѣсто нарѣчія „зачѣмъ“, которому въ соотвѣтствіе должно бы стоять нарѣчіе „затѣмъ“.	
в) „что“	„то“.

Изъ этого перечня мы видимъ, что соотвѣтственныя слова мѣстоименныхъ корней „к“ и „т“ относятся къ тремъ частямъ рѣчи: мѣстоименіямъ, нарѣчіямъ и союзамъ.

Соотвѣтствіе словъ съ корнями „к“ и „т“ далеко не всегда бываетъ такое, какое мы только что привели. Разнообразныя придаточ-

ныя предложенія показываютъ, что часто вмѣсто мѣстоименія „который“ стоятъ нарѣчія: а) куда, гдѣ, б) когда, в) какъ, то-есть, получаются сочетанія: а) тотъ—куда, гдѣ, б) тотъ—когда, в) тотъ—какъ, вмѣсто ожидаемыхъ: „тотъ—который“ или „что“. Вотъ примѣры этихъ сочетаній словъ съ упомянутыми мѣстоименными корнями: I. „Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ, куда намъ путь лежитъ?“. „Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали!“. „Деревня, гдѣ скучаль Онѣгнъ, была прелестный уголокъ“. II. „Наступило время, когда, послѣ долгой зимы, поселянинъ выѣзжаетъ въ поле“. „Ужъ пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта, когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта“. III. „Силы наши теперь не таковы, какъ были прежде“. „Нѣтъ такого дружка, какъ родимая матушка“. Изъ этихъ, а также изъ выше приведенныхъ примѣровъ, кромѣ того, видно, что указательное мѣстоименіе и нарѣчіе часто опускается въ главномъ предложеніи, но непременно подразумѣвается. Упомянутые три случая отступленія отъ соответствія въ употребленіи мѣстоименій и нарѣчій показываютъ: 1) что нарѣчія относительныя обладаютъ особенною гибкостью въ употребленіи, замѣняя собою мѣстоименіе — „который“; 2) мѣстоименіе „тотъ“ часто не стоитъ на-лицо, но лишь подразумѣвается. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, не смотря на несоотвѣтствія въ употребленіи мѣстоименій и нарѣчій, придаточныя предложенія служатъ опредѣленіями къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ указательнымъ или—точнѣе—аппозиціоннымъ къ нимъ.

Въ указанныхъ трехъ случаяхъ отступленія отъ соответствія въ употребленіи мѣстоименій и нарѣчій мы замѣтили частую замѣну мѣстоименія относительнаго нарѣчіями относительными. Надлежитъ обратить вниманіе еще на случай отступленія отъ соответствія въ употребленіи нарѣчія относительнаго—„какъ“. Между всѣми нарѣчіями относительными особенною употребительностью отличается слово „какъ“: оно, какъ это мы увидимъ изъ примѣровъ, способно замѣнять собою другія нарѣчія и даже мѣстоименія относительныя. „Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ, какъ (въ которые) подъ каждымъ ей листкомъ былъ готовъ и столъ и домъ“. „Бѣдная мать! Она, какъ (когда) увидѣла сыновей, и слова не могла промолвить“. „И какъ (такъ какъ, потому что) уголокъ ихъ былъ непроѣзжий, то и неоткуда было имъ почернать новѣйшихъ свѣдѣній“. Слово „какъ“ весьма часто употребляется въ соединеніи съ другими словами. именно: „межъ тѣмъ“, „послѣ того“ и друг. Такимъ образомъ получается сложный союзъ: „межъ тѣмъ какъ“, „послѣ того какъ“, „съ тѣхъ поръ какъ“.

„такъ какъ“, „по мѣрѣ того какъ“, „въ то время какъ“. „какъ только“ и проч. Во всѣхъ этихъ сложныхъ союзахъ слову „какъ“ соотвѣтствуютъ рядомъ стоящія и слившіяся съ ними въ одно понятіе мѣстоименія и нарѣчія относительныя. Здѣсь мы видимъ буквально то же, что и въ сложномъ союзѣ „потому что“, въ которомъ съ союзомъ „что“ стоитъ рядомъ и слилось въ одно понятіе слово „потому“. Но, подобно тому какъ въ союзѣ „потому что“ часто наблюдается раздѣленіе двухъ словъ запятой, то-есть, слово „потому“ относится тогда къ главному, а слово „что“ къ придаточному предложенію, такъ въ вышеупомянутыхъ сложныхъ союзахъ можетъ быть раздѣленіе словъ на двѣ части, изъ коихъ одна, въ такомъ случаѣ, будетъ относиться къ главному предложенію, а другая—къ придаточному. Вотъ примѣры на вышеупомянутые сложные союзы, во главѣ которыхъ стоитъ союзъ „какъ“: „Межъ тѣмъ какъ съ бережку лица ридить, судить, кумъ рыбку удить“. „Какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки тотчасъ же принялись за дѣло“. „Въ то время какъ товарищъ мой остановился, предъ моими глазами мелькнула большая бабочка“. „По мѣрѣ того какъ ячейки строятся, матка начинаетъ нести свои яички“. „Такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ, то самъ я областью не правиль“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ придаточныя предложенія суть также опредѣлительныя. Въ предложеніяхъ съ сложнымъ союзомъ степень опредѣлительности становится меньшею, чѣмъ въ томъ случаѣ, если сложный союзъ расчленяется на двѣ половины. Въ предложеніи: „онъ не пришелъ потому, что былъ боленъ“, придаточное имѣетъ болѣе атрибутивной силы, чѣмъ предложеніе: „потому что былъ боленъ“, то-есть, если мы въ этомъ сложно-составномъ предложеніи поставимъ запятую послѣ слова „пришелъ“. Подобнымъ образомъ въ сложно-составномъ предложеніи: „въ то время, какъ всѣ заснули, случился пожаръ“, придаточное: „какъ всѣ заснули“, болѣе атрибутивно, чѣмъ слѣдующее придаточное предложеніе: „въ то время какъ всѣ заснули“, то-есть, если мы запятой соедемъ не поставимъ послѣ слова „время“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ придаточныя предложенія, ослабляясь въ степени атрибутивности, тѣмъ не менѣе остаются опредѣлительными, а не переходятъ въ какія нибудь другія.

Мы разсмотрѣли только одинъ видъ придаточныхъ предложеній, именно такія, которыя начинаются мѣстоименіями и нарѣчіями относительными. Есть другой родъ придаточныхъ предложеній, именно такія, которыя 1) не начинаются, подобно предыдущимъ, мѣстоиме-

ніями и нарѣчіями относительными, 2) песьма слабо или почти не отвѣчаютъ на вопросы, которые бы тѣсно соединяли ихъ съ главными предложеніями. Отсутствие только что упомянутыхъ двухъ свойствъ въ новой категоріи придаточныхъ предложеній заставляетъ думать, что они прежде были главными и лишь впоследствии, благодаря дѣйствию закона аналогіи, стали придаточными предложеніями. Впрочемъ, и между этими придаточными предложеніями можно различать разныя степени близости ихъ отношеній къ предложеніямъ главнымъ, именно можно видѣть, что одни изъ нихъ окончательно перешли въ придаточныя предложенія, другія еще стоятъ на рубежѣ между главными и придаточными, а нѣкоторымъ еще въ будущемъ предстоитъ тѣсно слиться съ главными предложеніями, то-есть, есть и такія предложенія, которыя для чувства языка являются почти главными. Всѣ эти предложенія по союзамъ, которыми они начинаются, мы раздѣляемъ на три категоріи: къ первой изъ нихъ относимъ предложенія, начинающіяся союзами „если“, „хотя“, „прежде нежели“, „ибо“; ко второй—предложенія съ союзами: „ли“, „да“, „будто“, „една“; къ третьей—предложенія, начинающіяся словами: „еще уже“, „пусть“, „правда что“, „положимъ что“ и друг. Предложенія первой категоріи мы считаемъ окончательно перешедшими въ придаточныя, второй—стоящими на переходѣ ихъ въ придаточныя предложенія; предложенія же третьей категоріи, по нашему мнѣнію, таковы, что ихъ слѣдуетъ пока считать главными. Вотъ примѣры на всѣ эти виды придаточныхъ предложеній: I. „Если озеро тихо, то высокіе пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ“. „Хотя мы чувствовали себя крайне утомленными, однако не рѣшились остановиться даже для небольшого отдыха“. „Прежде нежели въ сѣдло садиться, онъ долгомъ счелъ къ кошу съ сей рѣчью обратиться“. „Онъ не пришелъ вчера къ намъ, ибо былъ боленъ“. II. „Будешь съ берега уныло ты смотрѣть, въ пустой дали не блѣзеть ли вѣтрило, не плывутъ ли корабли“. „Желаемъ, да никогда не измѣнится твердое основаніе нашего величія“. „Шла молва, будто идетъ безчисленное татарское войско“. „Едва увидѣлъ я сей свѣтъ, уже зубами смерть скрежещетъ“. III. „Хозяева въ него (въ домъ) еще не вобрались, а ужъ сверчки даню въ немъ завелись“. „Пусть такъ, но все признаться должно, что огурецъ не грѣхъ за дно счесть, въ которомъ двумъ усѣться можно“. „Правда, что онъ говорилъ не свое, но вниманіе всѣхъ было сосредоточено на его словахъ“. „Положимъ, что онъ зналъ причину происшедшаго, но онъ рѣшился молчать до конца“.

Относительно первой изъ только что названныхъ трехъ категорій придаточныхъ предложеній надлежитъ сказать слѣдующее. Союзы („если“, „хотя“, „прежде нежели“, „ибо“), подчиняющіе эти придаточныя предложенія главнымъ, таковы, что они могутъ быть замѣнены часто нарѣчіями относительными, именно вмѣсто слова „если“ можно ставить слово „когда“, вмѣсто „ибо“ — „такъ какъ“, вмѣсто „прежде нежели“ весьма часто употребляется „прежде чѣмъ“. то-есть, такой сложный союзъ, въ которомъ второе слово есть застывшій творительный падежъ относительнаго мѣстоименія „что“. На союзъ же „хотя“ повліялъ законъ аналогіи, то-есть, подобно другимъ подчиняющимъ союзамъ и онъ сталъ употребляться для подчиненія придаточныхъ предложеній. А такъ какъ придаточныя предложенія, начинающіяся съ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ, суть опредѣлительныя въ обширномъ смыслѣ, точнѣе—приложенія къ указательнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ главныхъ предложеній, то мы и указанные придаточныя предложенія относимъ къ той же категоріи придаточныхъ предложеній.

Подчиняющими союзами второй категоріи придаточныхъ предложеній мы назвали: „ли“, „да“, „будто“, „едва“. Эти союзы менѣе тѣсно соединяютъ придаточныя предложенія съ главными, чѣмъ придаточныя первой категоріи. Это ясно для чувства языка. Кроме того, названные союзы, въ противоположность союзамъ первой категоріи, почти нельзя замѣнить нарѣчіями и мѣстоименіями относительными. Эти свойства разсматриваемыхъ придаточныхъ предложеній показываютъ, что полной интенсивности подчиняющихъ союзовъ союзы: „ли“, „да“, „будто“, „едва“, еще не достигли. Но такъ какъ по внутреннему своему значенію предложенія съ названными союзами, подобно придаточнымъ первой категоріи, могутъ быть сближаемы съ предложеніями, подчиняющимися посредствомъ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ, то и разсматриваемыя предложенія мы относимъ къ области опредѣлительныхъ, при чемъ степень ихъ опредѣлительности считаемъ меньшею изъ всѣхъ придаточныхъ предложеній.

Мы уже сказали, что предложенія третьей категоріи начинаются словами: „еще уже“, „пусть“, „правда что“, „допустимъ, что“ и другіе. Нѣкоторыми признаются предложенія этого рода придаточными. По нашему же мнѣнію, разсматриваемыя предложенія суть пока главныя, ибо они соединяются съ главными, подобно другимъ сочиненнымъ предложеніямъ, преимущественно внутреннимъ смысломъ, а названные союзы, какъ это чувствуется языкомъ, пока сохраняютъ значеніе со-

чиняющихъ, а не подчиняющихъ союзовъ. Считая предложенія этого рода главными, а не придаточными, мы находимъ, что реченія: „правда, что“, „положимъ, что“, „допустимъ, что“, должны предъ союзомъ „что“ имѣть въ себѣ занятую, которая и будетъ показывать, что означенныя реченія пока не есть еще сложные союзы, а образуютъ собою два предложенія, изъ которыхъ первыми будутъ: а) правда (есть), б) положимъ, в) допустимъ и т. д., а второе, начинающееся съ союза „что“,—придаточное опредѣлительное къ подразумеваемому въ главномъ предложеніи мѣстоименію „то“.

Намъ остается рассмотретьъ еще одинъ рядъ предложеній, именно такія, въ которыхъ не стоятъ на-лицо подчиняющіе союзы, но могутъ, повидимому, подразумеваться. Мы имѣемъ въ виду слѣдующія предложенія: „Ты знаешь, я всякому радъ“. „Извѣстно, она не смолчала“. „Быть можетъ, и они придутъ къ намъ“. Въ этихъ примѣрахъ весьма легко поставить союзъ „что“ послѣ словъ: „ты знаешь“, „извѣстно“, „быть можетъ“. Но слѣдуетъ ли подразумевать здѣсь этотъ союзъ „что“? Мы знаемъ, что въ предложеніяхъ обыкновенно подразумевающимися словами бывають главные и второстепенные члены. По такъ какъ союзъ „что“ (какъ и великій другой союзъ) никакого члена въ предложеніи не составляетъ, то и не должно допускать его подразумеванія. Какъ же объяснить означенныя предложенія? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вводными предложеніями, которыя могутъ стоять не только въ срединѣ другаго предложенія, но и впереди его. Первый примѣръ можно видоизмѣнять слѣдующимъ образомъ: 1) ты знаешь, я всякому радъ. 2) я, ты знаешь, всякому радъ, 3) я всякому радъ, ты это знаешь. Изъ этого видно, что вводныя предложенія могутъ стоять даже послѣ тѣхъ предложеній, къ которымъ они относятся.

Выше мы говорили, что предложенія, подчиняющіяся главнымъ посредствомъ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ, суть придаточныя опредѣлительныя. Однако, есть такія предложенія, которыя, не смотря на присутствіе въ нихъ упомянутыхъ мѣстоименій и нарѣчій, къ области придаточныхъ предложеній отнесены быть не могутъ. Предложеніе: „Ольга, какъ разказываетъ лѣтописецъ, отомстила древлянамъ“, содержитъ внутри себя слова: „какъ разказываетъ лѣтописецъ“. Эти слова не могутъ назваться придаточнымъ предложеніемъ, ибо въ нихъ слово „какъ“ стоитъ не въ смыслѣ опредѣленія или приложенія къ слову „такъ“, которое должно бы въ главномъ предложеніи стоять на-лицо или подразумеваться, а для большей связи

этихъ словъ съ словами того предложенія, въ которомъ они находятся. Такъ какъ предложеніе: „Ольга отомстила древлянамъ“, не имѣетъ въ себѣ слова „такъ“, и его нельзя подразумѣвать въ этомъ предложеніи, то и слова: „какъ разказываетъ лѣтописецъ“, нельзя признать придаточнымъ предложеніемъ. Какъ же объяснить это предложеніе? Несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со вводнымъ предложеніемъ. Грамматика характеризуетъ вводное предложеніе обыкновенно двумя признаками: 1) что оно не связано видимою грамматическою связью съ другимъ предложеніемъ, 2) можетъ быть выпущено безъ нарушенія смысла. Если подъ внѣшнею грамматическою связью разумѣть только согласованіе и управленіе, то справедливо, что вышеупомянутыя слова: „какъ разказываетъ лѣтописецъ“, подойдутъ подъ категорію вводнаго предложенія, какъ его понимаетъ школьная грамматика. Но такъ какъ ко внѣшней грамматической связи относится также и употребленіе союзовъ („что“, „если“...), то мы первый изъ выставленныхъ признаковъ вводнаго предложенія существеннымъ не признаемъ. По второму признаку вводное предложеніе можетъ быть выпущено безъ нарушенія смысла. Конечно, смыслъ не нарушится, если вводное предложеніе будетъ выпущено; но дѣло въ томъ, что оттѣнокъ, который сообщается предложенію вводными словами или цѣлымъ вводнымъ предложеніемъ, показываетъ, что смыслъ видоизмѣнится, если вводныя слова опустить въ предложеніи. По нашему мнѣнію, вводное предложеніе съ внѣшней стороны можетъ быть— а) или совсѣмъ безъ грамматической связи съ другимъ предложеніемъ: „я, ты знаешь, этому радъ“, б) или съ такою грамматической связью, которой въ другомъ предложеніи ничто не соответствуетъ: „я, какъ (что) ты знаешь, этому радъ“. Въ приведенномъ примѣрѣ союзамъ: „какъ“, „что“, не соответствуютъ слова: „такъ“, „то“; поэтому и предложеніе: „какъ (что) ты знаешь“, есть вводное, а не придаточное. Съ внутренней стороны вводное предложеніе отличается отъ придаточнаго тѣмъ, что оно (sc. вводное предложеніе) есть подобно главному предложенію и указываетъ такой независимый актъ мысли, который является въ видѣ замѣчанія, тогда какъ придаточное предложеніе выясняетъ, точнѣе опредѣляетъ содержаніе главнаго, сообщая ему надлежащую полноту и законченность.

Во времена Востокова еще не раздѣляли придаточныхъ предложеній на опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя. Тогда, очевидно, сознавали, что придаточныя всюду однородны, и что ихъ поэтому не слѣдуетъ подраздѣлять на виды. Такой взглядъ—

воплѣ истинный, ибо, какъ мы выше видѣли, придаточныя предложенія суть всегда опредѣлительныя, или—точнѣе—анпозитивныя къ указательнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ, стоящимъ въ главныхъ предложеніяхъ. Нынѣшняя грамматика явно уклонилась отъ столь простаго и при томъ истиннаго воззрѣнія на придаточныя предложенія; она, раздѣляя на виды придаточныя предложенія, приводитъ основаніемъ къ этому дѣленію самыя темныя и самыя шаткія доказательства. Въ всякаго сомнѣнія, что учащееся юношество, если бы не существовало современныхъ видовъ придаточныхъ предложеній, гораздо лучше могло бы усвоить область придаточныхъ предложеній.

В. Андреевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Аппельротъ. Великіе греческіе ваятели IV-го вѣка до Р. Хр. I. Пракситель. Москва. 1893.

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant umeri. Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.

Horatius.

I.

Избраніе темы о Праксителѣ свидѣлствуетъ о душѣ автора живой и отзывчивой на впечатлѣнія прекраснаго. Пракситель съ его образами молодыхъ боговъ—Аполлона, Артемиды, Гермеса и Діониса, съ его Эротами, по преданіямъ, чудной красоты, съ его препрославленной Афродитой Книда, съ его граціозными Сатирами, съ портретными статуями красавицы Фрины и многими другими сюжетами уже съ давнихъ поръ привлекаетъ вниманіе и ученыхъ и художниковъ. Его замыслы не столь недосыгаемо возвышенны, какъ полеты мысли и паренія фантазіи Фидія и, съ другой стороны, его средства изображенія совершенно чужды тѣхъ чрезмѣрныхъ преувеличеній, которыя невольно поражаютъ глазъ въ произведеніяхъ античной пластики позднѣйшихъ столѣтій. Неизмѣнная грація и чувство мѣры отличаютъ художественный характеръ Праксителя и вызываютъ къ нему всеобщія симпатіи.

Обаяніе, производимое этимъ именемъ, и слава многочисленныхъ созданий этого ваятеля, идущая къ намъ изъ греческой и римской древности, должны были увлечь и дѣйствительно увлекли собою и нашего молодого автора.

Извѣстіе о томъ, что В. Г. Апфельротъ избралъ вопросъ о Праксительѣ для своего сочиненія, мы получили въ Римѣ въ 1889 г. и очень порадовались и за него, и за избранную имъ тему. Тамъ, вдали, на свободѣ намъ ясно припоминался его образъ, запечатлѣвшійся у насъ съ его университетскихъ лѣтъ.—образъ студента-филолога, исполненнаго выдающейся энергіи, любознательнаго, хорошо подготовленнаго въ древнихъ языкахъ, живаго и надѣленнаго отъ природы поэтическимъ даромъ.

При такихъ свойствахъ—думалось намъ—онъ овладѣетъ избраннѣйшимъ предметомъ и *послѣ* заграничнаго путешествія, *послѣ* старательныхъ работъ въ западно-европейскихъ музеяхъ и особенно въ Греціи и Италиі. въ Парижѣ и Лондонѣ, *послѣ* личною ознакомленія съ методами преподаванія исторіи античнаго искусства въ нѣмецкихъ университетахъ и со строгостью научныхъ приѣмовъ, проводимой въ тамошнихъ археологическихъ семинаріяхъ, В. Г. Апфельротъ представитъ такую обработку *одной изъ сторонъ этого обширнаго вопроса*, которая будетъ вполнѣ соответствовать важности темы и своимъ содержаніемъ, и своею вѣншей отдѣлкой, своимъ изложеніемъ.

Заграничное путешествіе и историко-художественныя изученія тамошнихъ музеевъ мы считали какъ *conditio sine qua non* успѣха предпринятаго имъ дѣла. Съ путешествій и работъ въ музеяхъ начинали всѣ русскіе археологи, посвящавшіе себя изученію искусства классическихъ и средневѣковыхъ народовъ или даже только по временамъ интересовавшіеся имъ среди другихъ своихъ специальныхъ занятій—въ прежнее время профессора Ф. И. Буслаевъ, П. М. Леонтьевъ, Н. М. Благовѣщенскій, В. П. Юргевичъ, К. К. Гѣрцъ, въ болѣе близкіе къ намъ годы профессора Н. П. Кондаковъ, А. В. Праховъ, В. К. Мальбергъ, молодые ученые Айдаловъ, Рѣдинъ, Смирновъ и др. И такое начало въ особенности для археолога-классика—единственно правильно, единственно возможно, при необычайной скудости Россіи памятниками античнаго искусства и при отсутствіи у насъ полно обставленныхъ и хорошо организованныхъ музеевъ гипсовыхъ слѣпковъ съ произведеній греческой и римской пластики и архитектуры.

Вполнѣ справедливо сознавая невозможность эстетическаго образованія и историко-художественныхъ изученій *внѣ личнаго* знакомства съ памятниками, завѣщанными намъ древностью, русскіе ученые всегда стремились и стремятся всѣми силами въ эти храмы искусства, которые воздвигли для себя и для другихъ правительства и народы Западной Европы.

Этимъ же, всѣмъ намъ общимъ и всѣмъ намъ одинаково дорогимъ, путемъ безконечно чудныхъ блужданій по музеямъ и усиленныхъ работъ въ бібліотекахъ—думали мы—пойдетъ и нашъ начинающій ученый, прежде чѣмъ рѣшится печатать свой трудъ о Праксигелѣ.

Лишь разработку *какой либо доли* вопроса о Праксигелѣ считали мы возможной для начинающаго автора—въ виду несомнѣнной и чрезвычайной обширности этой сложной и трудной темы. Ни одинъ западно-европейскій археологъ не избралъ бы, *на первыхъ своихъ шагахъ*, этой задачи въ такомъ обширномъ объемѣ, который представляетъ она въ настоящее время, и не принялъ бы на себя столь большой ответственности передъ читателемъ. А тамъ и памятники искусствъ, и богатые музеи гипсовыхъ слѣпковъ, и обширныя бібліотеки, и личное руководство вождей нашей науки, и давнія, на прочныхъ устояхъ покоящіяся учено-литературныя традиціи.

Тѣмъ неожиданнѣе поэтому было для насъ рѣшеніе г. Апеллерота работать надъ темою о Праксигелѣ въ Москвѣ. Цѣлесообразность такого намѣренія намъ представлялась загадочною, когда было извѣстно, что Московскій университетъ можетъ служить здѣсь всего на всего одной—двумя гипсовыми статуями. А г. Апеллероту, ради пользы дѣла, необходимо былъ длинный рядъ скульптурныхъ изображеній, разсѣянныхъ по всей Европѣ. Неоспоримъ былъ также фактъ, что московскія бібліотеки очень бѣдны литературою по исторіи античнаго искусства. Не подлежала сомнѣнію и скудость Императорскаго Эрмитажа памятниками круга, избраннаго г. Апеллеротомъ.

Рѣшеніе начинающаго ученаго работать надъ вопросомъ о Праксигелѣ, ограничившись одною кратковременной поѣздкою въ Петербургъ, представлялось непонятнымъ, особенно при видѣ того, какъ не только филологи-классики всѣхъ университетовъ, но и наши же московскіе историки и словесники всё чаще и чаще начинаютъ самостоятельно работать въ заграничныхъ музеяхъ, архивахъ и бібліотекахъ *раньше* представленія ими магистерскихъ диссертаций и нерѣдко привозятъ съ собою домой совершенно новые или дотолѣ мало из-

вѣстные научные матеріалы. И университеты, и министерство народного просвѣщенія обыкновенно приходятъ имъ на помощь. Это содѣйствіе, и нравственное и матеріальное, оказано было бы, конечно, и нашему археологу, стоявшему всегда на отличномъ счету всего историко-филологическаго факультета.

Но г. Анпельротъ предпочелъ идти здѣсь *своею* дорогой и рѣшилъ писать сочиненіе о Праксителѣ — *безъ личнаго* знакомства съ памятниками древняго искусства, *вдали* отъ музеевъ и спеціальныхъ библіотекъ и независимо отъ непосредственнаго вліянія западно-европейскихъ учителей.

Три года провелъ онъ въ упорномъ трудѣ по собиранію литературы предмета и въ стараніяхъ обработать множество частныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ темою о Праксителѣ. Не смотря на скудость московскихъ библіотекъ, онъ собралъ и утилизировалъ огромную западно-европейскую литературу. Далекъ болѣе 200 заглавій большихъ изданій, книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ не только спеціально-ученыхъ органовъ, но даже литературныхъ журналовъ и газетъ указываются имъ въ числѣ его источниковъ и пособій. Чтобы сдѣлаться обладателемъ всего этого, онъ долженъ былъ вести дѣятельныя сношенія съ книгопродавцами и приобретать дорого стоящія археологическія изданія и книги на скудные учительскія средства; а чтобы въ соотвѣтственной степени увеличивать послѣднія, онъ вынужденъ былъ давать уроковъ болѣе того, чѣмъ вынесли его физическія силы.... Это — несомнѣнная заслуга г. Анпельрота и не признать ее было бы большою несправедливостью. Онъ перечиталъ и пересмотрѣлъ столько печатнаго матеріала по Праксителю, что въ этомъ отношеніи едва ли кто нибудь изъ насъ — русскихъ можетъ сравниться съ нимъ.

Особенно много времени и вниманія должна была отнять у него новѣйшая *полемическая* литература, излагать которую г. Анпельротъ старается съ выдающеюся полнотою. Въ эту сторону безконечныхъ и, къ сожалѣнію, часто совершенно безнадежныхъ контроверсъ западно-европейскихъ ученыхъ онъ устремилъ свое главное вниманіе; а это должно было невыгодно отразиться на другихъ, болѣе существенныхъ сторонахъ его книги.

Но прежде чѣмъ перейти къ сообщеніямъ нашего автора, вызывающимъ тѣ или другія недоумѣнія въ читателѣ, укажемъ, хотя и въ краткихъ словахъ, на содержаніе занимающаго насъ сочиненія.

II.

Книга г. Аппельрота представляет собою томъ въ 326 страницъ большого формата, съ 4-мя фототипическими таблицами приложений, и заключаетъ въ себѣ обзоръ жизни и всей художественной дѣятельности Праксителя.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что это—лишь первая часть обширнаго сочиненія, предпринятаго авторомъ съ цѣлью изображенія судьбъ греческой скульптуры съ IV вѣка до нашей эры. За томомъ о Праксителѣ должны послѣдовать II-й томъ—о Скопасѣ и III-й томъ о Лисиппѣ; но и эти три книги, по предположеніямъ автора, въ своей чередѣ послужатъ только основаніемъ для новаго „болѣе широкаго труда“; въ первомъ же своемъ изданіи онѣ должны имѣть характеръ лишь „подготовительныхъ работъ“.

Книга о Праксителѣ раздѣлена авторомъ на 36 главъ; изъ нихъ первая посвящена сопоставленію и разбору біографическихъ и хронологическихъ данныхъ объ этомъ ваятелѣ, а двѣ послѣднія главы (XXXV и XXXVI) имѣютъ своимъ содержаніемъ изображеніе эпохъ въ дѣятельности Праксителя и выясненіе существеннаго характера его художественныхъ созданій. Въ остальныхъ 33-хъ главахъ г. Аппельротъ старается представить главнѣйшія ученія о произведеніяхъ этого художника и истолковать ихъ внѣшній видъ и ихъ внутренній, идейный смыслъ, на сколько они извѣстны намъ или въ подлинникѣ, или въ копіяхъ и подражаніяхъ изъ мрамора и бронзы, или въ изображеніяхъ на монетахъ и на другихъ предметахъ, или по указаніямъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей, а также по свидѣтельствамъ греческихъ и частью латинскихъ писателей.

Первое мѣсто въ числѣ памятниковъ въ обзорѣ г. Аппельрота отведено наиболѣе извѣстному изъ нихъ—Гермесу съ младенцемъ Діонисомъ на рукахъ (стр. 31—69), потомъ Афродитѣ Книда (стр. 69—97) и Афродитѣ Косской (стр. 97—104). Далѣе слѣдуютъ пестрой чередой его Эроты, — Эротъ Оесній и обзоръ другихъ работъ Праксителя, находившихся въ этомъ городѣ Беотіи (стр. 104—116), Эротъ Паріона въ Пропонтидѣ и Эротъ, описываемый Каллистратомъ (стр. 116—130), — Сатиры (стр. 130—151), Аполлонъ Савроктонъ (стр. 151—161), Діадумень (стр. 161—165), изваянія Діониса (стр. 165—175), работы Праксителя въ Мантишеѣ — Гера, Лоина и Геба, Лето, Аполлонъ и Артемида (стр. 175—183),

Лето и Хлорида Аргоса (стр. 183—186), Трофоній въ Лебадеѣ (стр. 186—190), фронтоныя группы въ Оивахъ (стр. 190—194), изваянія Праксителя въ Мегарѣ—статуи 12 боговъ, статуи Убѣжденія, Утѣшенія и Судьбы. Лето. Аполлошь и Артемида (стр. 194—202). произведенія Праксителя въ Аоннахъ—Артемида Бравронія. Димитра. Персефона и Іакхъ, надгробный памятникъ воину, произведенія на Керамикѣ, вопросъ о группѣ Тираноубійцъ (стр. 202—214), изваянія Праксителя, увезенныя въ Римъ—Флора, Триптолемъ и Церера, Bonus Eventus и Bona Fortuna, Менады, Оіады, Кариатиды и Силены. Аполлошь и Посейдошь (стр. 214—224). произведенія Праксителя, мѣстонахожденіе коихъ неизвѣстно—Похищеніе Персефоны и Катагуса (Пряха), Stephanusa, psellumene, canephora, плачущая матрона и ликующая гетера. Панъ, нимфы и Даная, возничій въ квадригѣ Каламида (стр. 224—235); Артемида въ Антикирѣ (стр. 235—240); статуя Фрины въ Дельфахъ (стр. 240—243); работы Праксителя въ Греціи—Афродита въ Александріи Карійской, рельефы на жертвенникѣ въ храмѣ Артемиды Эфесской, вопросъ объ участіи Праксителя въ Мавсолеѣ, Димитра Книдская (стр. 243—246); работы Праксителя въ Платеяхъ (стр. 246—249); спорная—группа Ніобы (стр. 249—252), такъ называемый Эвбулей (стр. 252—266).

Подъ этими многочисленными рубриками г. Апелльротомъ собрана огромная масса библиографическаго и художественнаго матеріала, котораго, при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу и при болѣе научномъ методѣ изслѣдованія, достаточно было бы на нѣсколько выпусковъ сочиненія. Матеріалъ этотъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ по своему характеру и чтобы разобраться въ этомъ лабиринтѣ вопросовъ нужны были и силы, болѣе испытанныя въ ученой работѣ, и болѣе продолжительное, и болѣе свободное время, чѣмъ то, какимъ могъ располагать обремененный службою гимназическій преподаватель въ теченіе трехлѣтняго, хотя бы и чрезмѣрно напряженнаго труда.

Тяжелое бремя, принятое на себя нашимъ молодымъ ученымъ, со всѣмъ увлеченіемъ свойственнымъ только его возрасту, къ глубокому сожалѣнію, задавило автора, притупивъ его вниманіе въ тѣхъ сторонахъ его работы, гдѣ оно было всего болѣе необходимо. Есть что-то грустное, тяжелое, и какъ бы трагическое въ этой постоянной борьбѣ его съ ношей, которая, въ концѣ концовъ, должна была осилить, утомить и сразить автора въ этомъ неравномъ боѣ.

Потому-то этотъ первый ученыи опытъ г. Апелльрота возбуждаетъ въ насъ невольное чувство сожалѣнія и сильной внутренней боли,

при видѣ того, какъ многочисленныя недостатки этой книги своею чрезмѣрною рѣзкостью заслоняютъ ея достоинства и спискиваютъ начинающему ученому въ глазахъ читателей скорѣе невыгодное впечатлѣніе....

III.

При чтеніи занимающаго насъ сочиненія, прежде всего выступаетъ на видѣ *недостовѣрность и недостаточность показаній* г. Апелльрота *относительно многихъ памятниковъ древняго искусства*, о которыхъ онъ говоритъ. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Указываемые случаи не исчерпываютъ здѣсь, равно какъ и ниже, подъ другими рубриками, *всего матеріала, подлежащаго истребленію* при новой переработкѣ книги, и имѣютъ силу лишь опредѣленія того, въ какія стороны должно быть направлено вниманіе автора, при слѣдующемъ изданіи его труда, столь интереснаго по своей темѣ.

Стр. 60. Напрасно авторъ приписываетъ „крылья на ногахъ“ Гермесу-Крѳофору небольшого жертвенника или, по другому толкованію, постаменту статуи, принадлежащаго Национальному музею въ Афинахъ: *о крыльяхъ на ногахъ* этого рельефнаго изображенія уже потому не можетъ быть *никакой рѣчи, что ногъ этой памятника не было, при самомъ открытіи его*. Этотъ рельефъ извѣстенъ наукѣ только въ его фрагментальномъ видѣ. Такимъ онъ былъ 24 года тому назадъ, когда его опубликовалъ фонъ-Лютцовъ въ *Annali dell' Istituto di Corrispondenza Archeologica* (1869, tav. d'agg. I. K.; ср. стр. 253 и слѣд.) ¹⁾; такимъ мы изучали его въ Афинахъ въ 1889 г.; такимъ онъ остается и доселѣ. Ср. *Καββαδίας, Κατάλογος τοῦ Κεντρικοῦ Αρχαιολογικοῦ Μουσείου* 1886 и слѣд. № 54; *Friederichs-Wolters, Gipsabgüsse antiker Bildwerke etc. Berlin* 1885, стр. 164 и слѣд., № 418).

Стр. 59—60. Разсужденіе г. Апелльрота по поводу вопроса о Гермесѣ-Крѳофорѣ, сдѣланномъ Каламидомъ, извѣстнымъ афинскимъ ваятелемъ, для города Танагры въ Беотіи: „Что касается найденнаго на Афинскомъ Акрополѣ, *Гермеса съ теленкомъ на плечахъ* ²⁾, то онъ, несомнѣнно, гораздо болѣе архаиченъ, чѣмъ это можно думать

¹⁾ Ср. *Conze, Annali* 1858, стр. 347 и слѣд.

²⁾ Курсивъ *выраженій автора* какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этого этюда, принадлежитъ намъ.

о Каламисѣ, и скорѣе напоминаетъ извѣстный типъ Аполлона Тенейскаго, такъ что считать его Крiофоромъ Каламиса мы не можемъ“— это разсужденіе представляется какимъ-то сплошнымъ недоразумѣніемъ. Рѣчь идетъ о произведеніи Каламида, скульптора V вѣка до Р. Хр., ближайшаго предшественника Фидіа, а г. Анпельротъ разсматриваетъ здѣсь памятникъ поры еще грубаго архаизма VI ст. до Р. Хр.; по контексту рѣчи онъ долженъ былъ говорить о танагрской статуѣ, а на дѣлѣ онъ пишетъ объ изваяніи, найденномъ въ Афинахъ, на Акрополѣ. Но, что всего важнѣе, онъ это изображеніе мужчины съ тельцомъ на плечахъ не признаетъ Гермесомъ-Крiофоромъ Каламида только по стилистическимъ соображеніямъ, не замѣчая, что прежде всего это изваяніе не идетъ сюда ни въ какое сравненіе по природѣ животнаго: здѣсь на плечахъ тельнокъ, а Гермесь-Крiофоръ имѣлъ своимъ атрибутомъ барана. Не говоримъ уже о томъ, что названіе афинской статуи „Гермесомъ съ тельцомъ“, проскользнувшее было въ археологической литературѣ на первыхъ порахъ¹⁾, уже оставлено и что исключительно вѣрнымъ теперь считается наименованіе этого посвященнаго изваяніа изображеніемъ грека (Комба или, по другой догадкѣ, Ромба), приносящаго тельца для жертвеннаго закланія. См. лучшее изображеніе у *Brunn-Bruckmann*, *Denkmäler griechischer und römischer Sculptur*, № 6; объясненія, кромѣ вышеуказанной статьи Винтера, см. у *Friederichs-Wollers*, *Die Gipsabgüsse etc.* Berlin 1885, стр. 61, *Overbeck Plastik I* стр. 187 и слѣд. по 4 изд., *Collignon*, *Histoire de la sculpture Grecque I*, стр. 215 и слѣд.

Стр. 61. Неопредѣленная ссылка г. Анпельрота на *Гермеса* фриза Пароенона „въ широкополомъ петасѣ и въ сандаляхъ“. Голова этого

¹⁾ См. небольшое для настоящаго времени изображеніе памятника у *Conze*, *Archaeol Zeitung* 1864, стр. 169, Taf. 187, и отсюда у *Baumeister*, *Denkm. d. klass. Altert.* I, стр. 341. Въ новѣйшее время Гермесомъ называется его Адольфъ Бѣттихеръ, да и то предположительно и съ знакомъ вопроса (*Die Akropolis von Athen*, Berlin 1888, стр. 84); по робкое мнѣніе этого спеціалиста по древней архитектурѣ здѣсь не имѣетъ авторитета. Не называетъ Гермесомъ даже и Л. фонъ Зибель, выдающій здѣсь какого-то бога (*Weltgeschichte der alten Kunst*, Freiburg 1888, стр. 114); но и онъ, вѣроятно, измѣнилъ бы свое мнѣніе, еслибы ему могла быть извѣстна найденная въ 1887 г. и опубликованная въ 1888 г. база этой статуи съ архаической, идущей справа влѣво надписью, Κ]όρυς ἀνεθεκεν ὁ Πάλο[υ. См. *Winter*, *Athen. Mittheilungen XIII*, стр. 113 и слѣд. Въ нѣмецкой археологической и художественной литературѣ теперь называютъ эту статую общимъ именемъ ein Calbträger.

Гермеса остается непокрытой, также какъ и всѣхъ другихъ боговъ, сидящихъ въ этомъ мѣстѣ. Широкополый петасъ, по которому узнается этотъ богъ среди другихъ мужскихъ изображеній этой сцены фриза, лежитъ у него на колѣняхъ. Вѣрна поэтому только характеристика, даваемая г. Аппельротомъ ниже, на стр. 64, гдѣ, впрочемъ, безъ оговорки прежняго описанія, „сапдалии“ замѣнены уже предположеніемъ „высокихъ сапоговъ“. См. лучшее изображеніе у *Brunn-Bruckmann*, *Denkmäler griechischer und römischer Sculptur* № 106; *Michaelis*, *Der Parthenon*. Leipzig 1871, Taf. 14, № 24.

Стр. 231. Напрасна ссылка на фризъ Пареенона и въ другомъ случаѣ, по поводу *канефоръ*. Подъ этимъ „именемъ (Canephora, Κανηφόρα), говорить г. Аппельротъ, разумѣется дѣвушка, поддерживающая обѣими руками на головѣ корзину и въ такомъ видѣ участвовавшая въ торжественной процессіи во время Панаонней. Изящные образы этихъ дѣвушекъ, въ невозмутимомъ спокойствіи, съ полнымъ сознаниемъ всей важности своего положенія идущихъ на праздникъ въ честь великой богини Аѳины, часто привлекали художниковъ: *ихъ мы видимъ на фризѣ Пареенона*“. Последнее указаніе сдѣлано нашимъ авторомъ, очевидно, безъ надлежащей справки съ лучшимъ изданіемъ памятника, потому что на извѣстныхъ доселѣ плитахъ фриза Пареенона *нѣтъ ни одной канефоры*,—и откуда почерпнулъ г. Аппельротъ это свѣдѣніе, трудно понять.

Стр. 80. Не отличаются точностью и слѣдующія слова нашего автора:„кажется, единогласно признана лучшю копіей съ Книдской статуи Афродита Ватиканскаго музея, долгое время *стоявшая* въ уродующей ее одеждѣ изъ жести, прикрывавшей нижнюю часть ея тѣла: *нѣтъ же*, безъ этого панцыря, она оказалась *прекраснѣйшей соперницей знаменитой богини Книда* (??), наиболѣе сохранившей въ себѣ основную идею Праксителя“. На основаніи этого читатель въ правѣ предположить, что знаменитая въ исторіи возстановленія Книдской Афродиты Праксителя Ватиканская статуя залы in forma della Croce Греса освобождена въ настоящее время отъ жестяныхъ покрововъ, издавна палоченныхъ на нее, по распоряженію одного изъ панъ. А въ дѣйствительности эта статуя остается одѣтой и доселѣ, какъ и прежде: и ни одинъ посѣтитель Ватикана и теперь не видитъ ея закрытыхъ частей, какъ и въ прежнее время. Авторъ внацѣ здѣсь въ ошибку, не ознакомившись въ должной степени съ исторіей появленія въ продажѣ *фотографій* занимающей насъ статуи *безъ этихъ жестяныхъ покрововъ*. Эти фотографіи имѣютъ своимъ оригиналомъ не

мраморную статую Ватикана, а гипсовый слѣпокъ, счастливо добытый англичанами для своего Южно-Кенсингтонскаго музея (South-Kensington Museum) въ Лондонѣ ¹⁾. Англичане, приобретаая этотъ слѣпокъ, обязались не дѣлать и не распространять копій этой статуи и сдержали свое слово. Новыхъ гипсовъ они не дѣлали и не дѣлаютъ; но такъ какъ съ нихъ никто не требовалъ обязательства не пускать въ продажу фотографій съ этого гипса, бывшаго единственнымъ въ мірѣ, то появились фотографическія изображенія этой копии сначала въ научной литературѣ, а потомъ и въ продажѣ. Интересная статуя въ этомъ видѣ широко и быстро распространилась въ художественныхъ и археологическихъ кругахъ. По этой или по иной причинѣ, въ послѣднее время стало уже возможнымъ приобретеніе отъ формовщика Ватикана (Filippo Mercatelli formatore) и гипсоваго слѣпка за 400 франковъ, безъ упаковки и пересылки, и такой гипсъ уже заказанъ для музея Московскаго университета. См. изображеніе у *Michaelis*, The Journal of hellenic studies, VIII, pl. LXXX, стр. 324 и слѣд.

Еслибы г. Аппельротъ ознакомился съ превосходнымъ изданіемъ памятника въ этомъ англійскомъ археологическомъ журналѣ, гдѣ эта статуя представлена съ двухъ сторонъ, en face и en profile, то, конечно, не сдѣлалъ бы и этого туманнаго заключенія: „нынѣ же, безъ этого панциря, она оказалась *прекраснѣйшей соперницей* знаменитой богини Книды, наиболѣе сохранившей въ себѣ основную идею Праксителя“. Названіе копии *соперницей* оригинала, давно погибшаго и никому ни въ средніе вѣка, ни въ новое время неизвѣстнаго, не можетъ быть принято въ ученое сочиненіе. Но и помимо этой полноты выраженія, опредѣленіе г. Аппельрота не выражаетъ сущности дѣла. Ватиканская копія дѣлава была *для какой нибудь ниши* (какъ стоитъ она и въ Ватиканѣ) и *разсчитана только на переднюю сторону*, ту, съ какой можетъ быть разсматриваема всякая статуя, поставленная въ нишѣ. Оттого это изваяніе теряетъ чрезвычайно много, если мы станемъ разсматривать гипсъ съ бока, въ профиль. Торсъ статуй тогда получаетъ видъ какъ бы *толстой доски* и все очарованіе этого памятника искусства исчезаетъ, не оставляя никакого слѣда. Уже по одному этому нельзя назвать Ватиканскую статую „прекраснѣйшей соперницей“ Книдской Афродиты, поражающей древнихъ необычайной красотой *всего своего организма*, что и

¹⁾ Ср. *W. C. Perry*, A Descriptive Catalogue of the collection of casts from the antique in the South-Kensington Museum. 2 ed. London 1887, стр. 63.

заставило кидянъ воздвигнуть ей святилище особой конструкціи, которая позволяла разсматривать это изваяніе *со всѣхъ сторонъ*: *Aedicula eius tota aperitur*,—говоритъ Плиніи (N.H. XX XVI, 21)—*ut conspici possit undique effigies dea favente ipsa, ut creditur, facta. Nec minor ex quacumque parte admiratio est.*

Стр. 81+82+93. Здѣсь нашъ авторъ неоднократно говоритъ о *золотѣ* Ватиканской статуи Афродиты, ея наклонѣ, ея выраженіи и пр., сравниваетъ степень ея наклоненія съ позою головы Мюнхенской Афродиты (*Brunt, Glyptothek, № 131 по 5 изд.*)¹⁾ и съ головою, найденной въ Олимпіи во время послѣднихъ раскопокъ (*Ausgrabungen in Olympia, V. Taf. 25 Fig. A*). Но, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ г. Апеллероту главное обстоятельство, что эта голова сдѣлана изъ *другаго* мрамора и что она этой статуѣ не принадлежитъ, а наставлена сюда новѣйшимъ реставраторомъ (*Helbig, Führer durch die öffentlichen Museen I, стр. 239*).

Стр. 81. Разъ зашла рѣчь о лучшихъ репликахъ Афродиты Кидской, невольно напрашивается сожалѣніе, что нашъ авторъ не ознакомился съ превосходной головой того же типа, принадлежащей собранію проф. фонъ-Кауфмана въ Берлигѣ. Мѣстомъ первоначальнаго находенія этой статуи (найдены были также части руки и торса) были, какъ полагаютъ, Траллы въ Малой Азіи—городъ нѣкогда очевидно богатый сокровищами скульптуры. Здѣсь же была найдена мраморная головка Вѣнскаго музея, весьма живо напоминающая Венеру Милоскую. См. *Ed. Fr. von Sacken, Die antiken Sculpturen des K. K. Münz- und Antiken Cabinets in Wien. 1873, Taf. XXXIII, ср. стр. 58*. Что касается головы собранія фонъ-Кауфмана, то она съ удивительнымъ блескомъ издана проф. Конце въ *Antike Denkmäler Нѣмецкаго Археологическаго Института (I Taf. 41 и на стр. 30)*.

Тамъ же. „Что Афродита Кидская (по своему мотиву) не была *Αναδορέντη*, какъ на картинѣ Апеллеса, на которую указываетъ скорѣе всего *Медичейская* и родственныя ей статуи, это, кажется, можно считать несомнѣннымъ фактомъ *въ виду гладко причесанныхъ волосъ*, тогда какъ Анадоиенѣ болѣе приличны *длинные распущенныя волосы*. Простая же прическа Кидской статуи съ волосами, собранными *сзади въ пучекъ*“ и т. д. При этомъ описаніи, не указывающемъ здѣсь *никакихъ другихъ атрибутовъ* Венеры Медичейской,

¹⁾ Гипсовый слѣпокъ съ этой превосходной статуи недавно приобрѣтенъ для Московскаго университетскаго музея.

сопоставленіе ея съ Анадіомсною Апеллеса является загадочнымъ. Если атрибутомъ послѣдней были „длинные, распущенные волосы“, то при чемъ же здѣсь Венера Медичейская, у которой также „волосы собраны сзади въ нучекъ“ и никоимъ образомъ не распущены? При желаніи провести параллель между этими художественными со-зданіями, г. Анпельротъ долженъ былъ обосновать свою мысль гораздо яснѣе и непременно обратить вниманіе на значеніе *delphinis*. этого отличительнаго атрибута ея среди другихъ статуй Афродиты. Въ настоящемъ же своемъ видѣ это мѣсто возбуждаетъ лишь одни недоумѣнія въ читателѣ.

Стр. 147. Слишкомъ слабое знакомство съ памятникомъ и какъ бы скользящее по поверхности отношеніе къ нему обнаруживаетъ нашъ авторъ въ своемъ замѣчаніи о мраморномъ торсѣ Отдыхающаго Сатира Луврскаго музея, приведемъ Гейнриха Брунна къ заключенію о принадлежности этого мрамора рѣзцу самого Праксителя. Г. Анпельротъ не счелъ нужнымъ ознакомиться съ роскошнымъ изданіемъ его *Brunn-Bruckmann*'омъ (*Denkmäler griech. u. rom. Sculptur* №№ 126, 127), а ограничился лишь незначительнымъ рисункомъ Баумейстера (*Denkmäler des klassischen Altertums* III, стр. 1399). На памятникѣ, возбудившемъ столь сильное вниманіе ученыхъ, ему слѣдовало остановиться подробнѣе, особенно въ виду того, что въ весьма многихъ случаяхъ нашъ авторъ пространно рассуждаетъ по вопросамъ рѣшительно безнадежнымъ, говоря о памятникахъ искусства, исчезнувшихъ безъ слѣда и извѣстныхъ только по имени.

Стр. 153. Недостаточны указанія г. Анпельрота и относительно Анолона Савроктона. Описаніе копій этого произведенія Праксителя, принадлежащихъ Ватикану, Лувру и Виллѣ Альбани въ Римѣ, страдаетъ погрѣшностями и неполнотою: такъ. предположеніе его, что ящерица Ватиканской копіи не принадлежитъ древнему мастеру, не могло бы имѣть мѣста въ настоящей своей формѣ, еслибы онъ полагался при этомъ на болѣе самостоятельныя и болѣе научныя пособія. чѣмъ „*Cisegone*“ Буркгардта, назначенное для путешественниковъ, для „большой“, образованной публики, посѣщающей музеи и художественныя коллекціи, но не для археологовъ по профессіи, не для ученыхъ, пишущихъ сочиненія на высшія академическія степени.

Стр. 163. „...Это цвѣтущій юноша. *стлывающій волосы свои по вязкой передъ тѣмъ, какъ пуститься въ танецъ*: это *Диадуменъ*, статуя котораго, принадлежащая Поликлету, названа у Плинія *molliter iuvenis* (34, 55)“, такъ г. Анпельротъ опредѣляетъ, по аналогіи съ

Діадуменомъ Поликлета, статью Праксителя, о которой очень подробно и съ обычнымъ риторическимъ пафосомъ говорить Каллистратъ (Ἐκφράσεις XI = *Overbeck*, Die antiken Schriftquellen zur Gesch. der bildend. Künste bei den Griechen. Leipz. 1868, № 1268). Заслуга раскрытія этого смысла въ словахъ греческаго ритора принадлежитъ Штарку, ранѣе котораго видѣли здѣсь обыкновенно Эрота (Über die Erosbildungen des Praxiteles въ *Berichte üb. die Verhandlungen d. K. Sächsisch. Gesellsch. der Wissensch.* 1866, стр. 169 и слѣд.). Не противъ этого авторитета, которому слѣдуетъ въ пониманіи указаннаго мѣста нашъ авторъ, желаемъ мы говорить въ данномъ случаѣ, а противъ той категоричности, съ которою г. Апфельротъ опредѣляетъ смыслъ Діадумена Поликлета, совершенно игнорируя понимание, общепринятое въ наукѣ исторіи греческой пластики. Ни о какомъ приготвленіи къ танцу не знаютъ обычные толкователи этого общезвѣстнаго памятника и историки греческой скульптуры, но трудамъ которыхъ учился и учится этому предмету весь образованный и ученый міръ. Если они единогласно видятъ въ Діадуменѣ атлета, надевающего себѣ на голову *побѣдную повязку* послѣ одержаннаго верха въ состязаніи, то нашъ авторъ, касаясь этого произведенія Поликлета, долженъ былъ считаться съ этимъ общепризнаннымъ толкованіемъ и никоимъ образомъ не обходить его полнымъ молчаніемъ.

Другія стороны книги г. Апфельрота вынуждаютъ насъ прекратить этотъ перечень мѣстъ, относящихся къ памятникамъ древняго искусства, ихъ описанію и толкованію.

IV

Выше отмѣченный недостатокъ точности въ показаніяхъ нашего автора находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о тѣхъ научныхъ пособіяхъ, которыми онъ пользовался при описаніи и объясненіи художественныхъ памятниковъ классической древности. Здѣсь мы встречаемся съ грустнымъ фактомъ *упущенія изъ вида* г. Апфельротомъ *многихъ первостепенныхъ и для всякаго археолога и историка классическаго искусства обязательныхъ изданій*.

Нашъ авторъ не воспользовался для своей книги: 1) Monumenti inediti dell' Instituto di Corrispondenza Archeologica; 2) ни таблицами къ Annali того-же Института; 3) ни въ должной степени таблицами *Archäologische Zeitung* и *The Journal of hellenic studies*; 4) ни достаточнымъ образомъ *Antike Denkmäler* Пфемцакаго археологическаго

Института; 5) ни классическимъ изданіемъ Brunn-Bruckmann, Denkmäler griechischer und römischer Sculptur.

Первый, второй и третій изъ указанныхъ здѣсь органовъ не нашли въ трудѣ г. Анпельрота даже простаго упоминанія. Улучшеніе изъ вида такихъ пособій привело къ тому, что многія библиографическія ссылки нашего автора становятся и малоавторитетными и устарѣлыми, при самомъ появленіи его книги. Не такъ поступаютъ западные ученые, съ которыхъ въ нашемъ дѣлѣ мы должны брать себѣ образцы. Годомъ раньше разбираемой теперь книги появилась, напримѣръ, *Histoire de la Sculpture Grecque Vol. I (Paris 1892)* адъюнктъ-профессора Сорбонны г. Коллиньона (Maxime Collignon) ¹⁾ съ отличными гелиографюрами, фототипіями и множествомъ рисунковъ въ текстѣ: и между тѣмъ при каждомъ памятникѣ здѣсь указана его главнѣйшая литература и сдѣланы соотвѣтственные ссылки и на Брунна-Брукманна, и на *Antike Denkmäler*, и на другія академическія изданія.

Г-нъ же Анпельротъ не разобрался достаточно въ чрезвычайно обширной литературѣ избраннаго вопроса и упустилъ изъ вида главное, ограничившись, въ большинствѣ случаевъ, легкодоступнымъ сборникомъ Баумейстера, мало-авторитетной въ отдѣлѣ рисунковъ „Исторіей греческой пластики“ Овербека и устарѣвшимъ атласомъ Мюллера-Визелера. Особенно сильно вліяніе Баумейстера на нашего автора: имъ онъ пользуется неограниченно и въ отдѣлѣ иллюстрацій, и въ толкованіяхъ; этотъ сборникъ замѣняетъ для него даже цѣлыя области археологическаго и историко-художественнаго вѣдѣнія: такъ, на стр. 150 и 264 г. Анпельротъ не могъ указать, кромѣ Баумейстера, ничего по исторіи вазовой живописи грековъ ²⁾.

Это игнорированіе ученыхъ и художественныхъ изданій, справедливо занимающихъ первое мѣсто въ археологической литературѣ, и узкое ограниченіе общедоступной книгой въ сочиненіи академическаго характера никоимъ образомъ не можетъ быть оправдано.

¹⁾ См. нашъ отчетъ объ этомъ превосходномъ трудѣ въ *Русскомъ Обзорникѣ* 1893, кн. IV и V.

²⁾ Этотъ сборникъ назначенъ не для ученыхъ изслѣдователей, а для большой филологической публики, особенно для студентовъ и учителей. Нельзя ищущему ученое сочиненіе пользоваться имъ въ такой мѣрѣ, въ какой въ прежнее время пользовались атласомъ Мюллера-Визелера, имѣвшимъ свое специальное назначеніе и по множеству изображеній, и по своему тексту. Книга Баумейстера должна занимать лишь подобающее ей мѣсто посля классическихъ изданій памятниковъ.

Съ нихъ обязанъ былъ нашъ ученый начинать, отъ нихъ отправляться въ своихъ изысканіяхъ, по нимъ учиться и ихъ рекомендовать вниманію отечественныхъ читателей прежде всего. Отъ кого же требовать близкаго знакомства съ этими руководящими изданіями, какъ не отъ автора, издающаго сочиненіе для полученія высшей академической, ученой степени? Мы не оспариваемъ того, что пользованіе большими трудами, составляющими достояніе лишь университетскихъ библиотекъ, имѣетъ свои неудобства; но эти послѣднія уже не столь велики, чтобы освободить себя и читателей отъ знакомства съ перво-степеннымъ научнымъ матеріаломъ.

Примѣры широкаго пользованія сборникомъ Баумейстера щедро разбѣяны по всей книгѣ г. Анпельрота и потому было бы совершенно излишне приводить здѣсь доказательства того, гдѣ эти цитаты должны были уступить руководящее значеніе тому или другому изъ выше-означенныхъ большихъ изданій. Мы считаемъ необходимымъ только указать на этотъ коренной, *методологическій* недостатокъ сочиненія нашего автора, въ полной увѣренности, что, при доброй волѣ, ему легко будетъ избѣгать его въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ.

Случайность въ подборѣ ученаго матеріала и ограниченіе не наиболѣе важнымъ, а тѣмъ, что удается достать автору, замѣчается во многихъ мѣстахъ книги.

Выше мы видѣли, что онъ довольствуется книгою Сисегоне Буркгардта, особеннаго научнаго авторитета не имѣющей. Онъ не изучаетъ описательныхъ трудовъ Висконти, не пользуется книгами Гельбига, предназначенными специально для молодыхъ археологовъ. Гельбигъ—старожилъ Рима и знаетъ памятники античнаго искусства, здѣсь собранные, какъ немногіе на свѣтѣ. Съ голосомъ его г. Анпельроту слѣдовало бы считаться гораздо болѣе, чѣмъ со многими журнальными и газетными статьями и замѣтками текущей нѣмецкой и французской литературы. Онъ не указываетъ на роскошное изданіе, говоря о Гермесѣ Праксителя (стр. 33), *La Restauration d'Olympie* (Paris 1889) Лалу и Монсо, гдѣ превосходное изображеніе этого изваянія помѣщено на особомъ, большомъ листѣ, и тутъ же, между прочими пособіями, отсылаетъ къ первому изданію *A History of greek sculpture* Мѣррея, рисунки котораго вообще *необычайно плохи*, а этотъ Гермесъ его снискалъ себѣ прямо значеніе *образца* того, какъ *нельзя* издавать художественныхъ произведеній. Наиболѣе блестящее изданіе изображенія Гермеса Праксителя выпущено Романдесомъ въ Афинахъ (*Olympie. L'Hermes de Praxitèle. Athènes 1892*), но его нашъ авторъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками.

Тѣмъ досаднѣе пробѣлы этого рода, что всѣ эти изданія, за исклю- ченіемъ одного, существуютъ въ библіотекахъ Московскаго универ- ситета, университетскаго кабинета изящныхъ искусствъ и Румян- цевскаго музея. Но намъ пора перейти къ указанію другихъ особен- ностей книги г. Аппельрота, возбуждающихъ недоумѣнія читателя.

V.

Нашъ авторъ снабдилъ свое сочиненіе четырьмя фототипическими таблицами, на которыхъ онъ представилъ изображеніе греческихъ монетъ и одного черепка изъ Карнунта (близъ Вѣны), имѣющихъ по своимъ изображеніямъ отношеніе къ Праксителю, одной бронзовой статуэтки Діониса изъ собранія г. Самбона въ Парижѣ и мрамор- ную голову такъ называемаго „Эвбулея“, найденную въ Элевсинѣ.

Это изданіе (именно табл. I, II, III), къ сожалѣнію, какъ нельзя болѣе доказываетъ, что г. Аппельротъ еще не воспиталъ въ себѣ, въ должной мѣрѣ, сознанія важности трудовъ подобнаго рода и не выработалъ надлежащей строгости къ себѣ въ дѣлѣ изображенія памятниковъ древности. Въ немъ, очевидно, еще не созданъ тотъ, какъ бы религиозный, культъ къ изучаемой старинѣ, который всегда отличаетъ истиннаго археолога.

Нашъ авторъ отнесся къ своему первому опыту *необычайно легко*, наполнивши таблицы или полтипажами изъ не имѣющей въ данномъ случаѣ *никакаго авторитета* „Исторія греческой пластики“ Овербека (Табл. I, № 1 а. б. с.), или весьма неудовлетворительными рисунками изъ книги *F. Imhoof Blumer and P. Gardner, A. Numismatic commen- tary on Pausanias*, составляющей перепечатку изъ *The Journal of hell. studies* за 1885—1887 годы. (табл. I, №№ 2, 3, 5), или заим- ствованіемъ изъ *Langl, Götter und Heldengestalten nach antiken Bild- werken gezeichnet und erläutert* (Wien 1887=табл. I, № 4), для дан- наго примѣра нисколько не авторитетнаго изданія. Другіе образцы заимствованы нашимъ авторомъ изъ *The Journal of hellenic studies* (IV, стр. 270=таб. II всѣ 8 №№), и рисунокъ Діониса изъ *Gazette des Beaux Arts* (1891, стр. 271=таб. III).

Ни одинъ изъ этихъ источниковъ не заслуживалъ того довѣрія, какимъ ихъ почтять г. Аппельротъ, воспроизводя эти дешевые и весьма посредственные рисунки фототипіей.

При желаніи снабдить книгу точными изображеніями монетъ и скульптуръ, нашъ авторъ долженъ былъ употребить всѣ возможныя

старанія для того, чтобы получить гипсовые слѣпки съ монетъ и за пасться хорошими фотографіями съ занимающихъ его изваяній. Судя по собственному опыту, мы увѣрены, что исканія его въ данномъ направленіи увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ: онъ получилъ бы и слѣпки и фотографіи, даже безъ потери времени. Администраторы западно-европейскихъ музеевъ, которымъ принадлежатъ монеты, имѣющія отношеніе къ Праксителю, исполняютъ научныя просьбы иностранцевъ съ аккуратностью, достойною полнаго уваженія. Несомнѣнно, онъ получилъ бы и фотографію статуэтки коллекціи г. Самбона.

Въ настоящемъ же своемъ видѣ мутныя и темныя изображенія монетъ въ книгѣ г. Аппельбота являются почти бесполезными, особенно при отсутствіи описанія этихъ рисунковъ со стороны автора, который не только не снабдилъ подробнымъ объясненіемъ каждое напечатанное имъ изображеніе, но даже и не поставилъ эти таблицы въ органическую связь съ своею книгой. На монеты своихъ таблицъ г. Аппельботъ, за двумя исключеніями, не дѣлаеть даже простыхъ ссылокъ въ соответственныхъ мѣстахъ текста.

VI.

Авторъ устремлялъ свое главное вниманіе не на художественный, не на археологическій матеріалъ, съ котораго ему слѣдовало начинать, а на матеріалъ *печатный*—на *древнихъ авторовъ, надписи*, на новѣйшую *ученую* литературу. Какъ же онъ *всѣмъ этимъ воспользовался*? Можно ли и въ этой, специально избранной имъ области, полагаться на него, какъ на руководителя надежнаго?

Къ сожалѣнію, и здѣсь очень многое возбуждаетъ досадныя сомнѣнія относительно *правильности* его *ученаго метода*. Иное тутъ бросается въ глаза своею нецѣлесообразностью, иное представляется какъ бы недостаточно продуманнымъ, иное бездоказательно, иное не имѣетъ за собою никакого авторитета источниковъ да и имѣть таковыхъ не можетъ, иное совершенно излишне, многое свидѣтельствуеть о необычайной спѣшности, препятствовавшей автору видѣть собственныя противорѣчія.

Стр. V—XVII. Недостаткомъ цѣлесообразности отличается прежде всего библиографическій перечень, занимающій 12 страницъ. Желая „представить, насколько это было возможно, полный сводъ литературы по избранному вопросу и тѣмъ облегчить дѣло послѣдующихъ историковъ“ (стр. III), г. Аппельботъ помѣстилъ здѣсь свыше 190

заглавій произведеній ученой литературы Германіи, Франціи, Италии, Греціи. Англии и Россіи, не считая здѣсь 34 изданій древнихъ писателей греческихъ и римскихъ.

Заботясь о полнотѣ этого каталога, г. Аппельротъ включилъ сюда даже нѣсколько названій сочиненій и статей, оставшихся ему неизвѣстными. Но если онъ имѣлъ въ виду такую полноту своихъ библиографическихъ указаній, то почему не нашли себѣ здѣсь даже простаго упоминанія тѣ классическія изданія памятниковъ искусства, о которыхъ мы говорили выше, въ IV главѣ этого этюда? Почему упущены изъ вида теоріи нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, съ мнѣніями которыхъ автору необходимо было считаться, разъ полнота библиографическая составляла предметъ его особыхъ попеченій? Гдѣ въ этомъ перечнѣ пособій, напримѣръ, указанія на критику реставраціи Праксителейскаго Гермеса проф. Треемъ, представленную покойнымъ Гейдеманомъ (*Dionysos Geburt und Kindheit. Halle 1885*)? Знакомство и разборъ ея были бы необходимы для г. Аппельрота, признающаго реставрацію Трея единственно вѣрною среди всѣхъ другихъ попытокъ этого рода. Выше мы указали на незнакомство его съ капитальною по своимъ результатамъ статьею Винтера объ афинской статуѣ Мосхофора; точно также нѣтъ у него упоминанія ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи о теоріи Винтера и относительно такъ наз. *Venus Genetrix*==*Venus* изъ Frejus Луврскаго музея (*Pröhner, Notice de la Sculpture antique № 135*), оригиналь которой нашъ авторъ склоненъ отнести къ Праксителю (см. стр. 102 и слѣд.). Разбирая различныя мнѣнія касательно происхожденія этого типа Афродиты, г. Аппельротъ, безъ объясненія причинъ, умалчиваетъ о только что названномъ ученомъ, выставившемъ здѣсь теорію принадлежности этой статуи еще Каламиду или Каламмаху, жившимъ на сто лѣтъ раньше Праксителя (*Winter, 50-es Programm zum Winckelmannfeste. Berlin 1890, стр. 118 и слѣд.*). Почему, рекомендуя читателю записаться всѣми *девятнадцатью* — томами исторіи Греціи Грота во французскомъ переводѣ этого труда (*G. Grote, Histoire de la Grèce, trad. par A. L. de Sados. Tomes I—XIX. Paris 1865—1867*), нашъ авторъ упустилъ изъ вида *Histoire des Grecs* Дюрюа, во второмъ своемъ изданіи обильно и роскошно украшенную изображеніями памятниковъ искусства (2-me éd. Paris 1887—1889), въ томъ числѣ и многихъ памятниковъ эпохи Праксителя?

Продолжая изысканія далѣе въ этомъ направленіи, можно будетъ представить новыя и новыя примѣры неполноты библиографическаго

указателя г. Аппельрота. Но не на это мы желали бы обратить вниманіе автора, не на краткость и недостаточность сообщеній этого рода, а напротивъ на *чрезмѣрное излишество* многихъ изъ нихъ. Сочиненіе его предназначено исключительно для специалистовъ и „для послѣдующихъ историковъ“ греческой скульптуры. Другихъ читателей не будетъ у г. Аппельрота, при настоящей обработкѣ книги, по которой щедрой рукой разсыпаны тексты греческіе, латинскіе, нѣмецкіе, англійскіе, итальянскіе, французскіе и въ которой нашли себѣ подробное обсужденіе часто самыя мелкіе, наиболѣе детальныя вопросы, интереса къ которымъ можно ожидать только отъ записныхъ археологовъ. Въ теперешнемъ видѣ это сочиненіе едва ли прочтутъ отъ начала до конца даже студентъ-филологъ и гимназическій учитель исторіи и древнихъ языковъ.

А если такъ, то значительное число заглавій этого библиографическаго указателя должно быть совершенно *исключено* отсюда. Нашъ авторъ помѣстивъ здѣсь даже названія *общихъ* руководствъ по исторіи искусства *всѣхъ временъ и народовъ* (какъ *Lübke, Grundriss der Kunstgeschichte* 9-го изд. Stuttgart 1881), гдѣ и неспециалистъ не найдетъ для себя особаго поученія о Праксителѣ¹⁾. Сюда въ хронологическомъ порядкѣ опъ внесъ наименованія *общихъ* обзорннхъ исторіи *древняго искусства* (*Winckelmann, Reber, Sybel*); но что найдетъ для себя интереснаго по Праксителю специалистъ въ очеркѣ *Kunstgeschichte des Alterthums* втораго изъ названныхъ ученыхъ, никогда не имѣвшаго въ виду читателей—специалистовъ? Неужели, далѣе, читателямъ книги г. Аппельрота нужна рекомендація даже и по гимназіямъ давно распространеннаго словаря—*Rich. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, также почему-то цитуемаго (стр. XII) во французскомъ изданіи?

Ближе, конечно, къ темѣ стоятъ руководства по исторіи греческой и римской скульптуры; но здѣсь г. Аппельротъ почему-то не былъ послѣдователенъ, не упоминая ни о Фейербахѣ²⁾, ни о Любке³⁾, ни о Перри⁴⁾ въ соответственныхъ мѣстахъ своего обзора. За то почему-то онъ внесъ сюда вышеназванную нами книгу Коллинсона,

¹⁾ Авторъ далъ мѣсто этой популярной книгѣ и упустилъ въ своемъ мѣстѣ многотомное сочиненіе *Schnaase, Geschichte der bildenden Künste* (2 изд. 1865—1874), игравшее въ наукѣ важную роль.

²⁾ *Feuerbach, Gesch. der griech. Plastik* 2 voll. Braunschweig 1858.

³⁾ *Lübke, Gesch. der Plastik* 2 voll. 3-е Aufl. Leipz. 1880.

⁴⁾ *Perry, Greek and Roman Sculpture*. London 1882.

которая посвящена главнымъ образомъ архаическому періоду греческой скульптуры и окончена главой о статуарныхъ произведеніяхъ Фидія, такъ что въ ней нѣтъ рѣчи даже о скульптурныхъ украшеніяхъ Пареемона. Изучающій Праксителя встрѣтитъ здѣсь лишь *несколько строкъ* по поводу одной статуи атлета Мюнхенской глянтотеки, но и то написанныхъ съ голоса Кекуле ¹⁾ и *никакого самостоятельнаго* значенія не имѣющихъ. Несравненно болѣе этой книги даетъ даже очеркъ Пьера Пари ²⁾, но вѣдь не указываетъ же этого, для студентовъ и самообученія назначеннаго, руководства нашъ авторъ.

Многое представляется загадочнымъ въ этомъ библиографическомъ перечнѣ, но ничто такъ не бросается въ глаза, какъ размѣщеніе въ хронологическомъ порядкѣ различныхъ брошюръ, журнальныхъ статей и мелкихъ замѣтокъ съ обозначеніемъ только имени автора и *безъ указанія ихъ содержанія*, ихъ темы. Такихъ *мелкихъ и темныхъ* указаній здѣсь множество, но отъ этого смыслъ и значеніе литературы по Праксителю не становятся для изучающаго нисколько яснѣе. Что, напримѣръ, вынесетъ читатель изъ такихъ сообщеній нашего автора: 1859 г. *Л. Стефани*, въ отчетѣ Импер. Архсол. Комиссiи за 1859 г., стр. 70 сл., 80, 109 сл.

„1861 г. *Л. Стефани*, въ отчетѣ Имп. Арх. Комм., за 1861, стр. 17 и 142.

„1862 г. *Л. Стефани*, въ отчетѣ Имп. Арх. за 1862 г., стр. 45 и др.

„1872 г. Рефератъ *Brizio* въ *Bullettino dell'istituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1872*, p. 104.

„1879 г. *Robert* въ *Hermes 1879 (XIV)*, p. 314.

„1882 г. Рефератъ Курціуса, въ *Berliner philologische Wochenschrift 1882*, p. 668“ и т. д. и т. д.??

Чему и кого научать такія неопредѣленные заглавія? Для насъ, читающихъ книгу г. Аппельрота, важно главнымъ образомъ знать не то, когда и гдѣ кѣмъ *что то* напечатано, но то, *какъ* и *что* именно писано учеными по Праксителю. Одинъ хронологическій порядокъ, *безъ обозначенія* сюжета и достоинствъ статей и сочиненій, нисколько не разъясняетъ вопроса ученой разработки чрезвычайно сложной и обширной темы объ этомъ величайшемъ ваятелѣ древняго міра.

¹⁾ *Kekulé*, Ueber den Kopf des Praxitelischen Hermes. Stuttgart 1881. Гипсовый слѣпокъ съ этой интересной статуи теперь имѣется въ Московскомъ университетскомъ музеѣ.

²⁾ *P. Paris*, La Sculpture antique. Paris 1889.

Необходима была критическая характеристика лишь наиболее почетельнаго въ этой специальной литературѣ, растущей съ каждымъ годомъ въ такой степени, что даже нѣмецкіе ученые, эти библиографы *par excellence*, отказываются отъ возможности слѣдить за всѣмъ этимъ необычайнымъ ростомъ литературы въ полномъ ея объемѣ. Покойный профессоръ Гейдеманъ уже въ 1885 г. указывалъ на чрезмѣрное количество написаннаго объ одномъ Гермесѣ Праксителя, со времени открытія его въ 1877 г. ¹⁾; а на сколько увеличилась литература по одному этому частному вопросу съ тѣхъ поръ!

Но переходимъ къ другимъ мѣстамъ книги г. Аппельрота для подтвержденія доказательствами вышеозначеннаго замѣчанія о *сомнительности ученыхъ пріемовъ* нашего автора.

VII.

Для примѣра возьмемъ сначала его *генеалогическія* разсужденія о Праксителѣ. Стр. 2+3+20+30. Здѣсь собраны матеріалы, относящіяся до родины и генеалогіи Праксителя, его семейства и другихъ художниковъ, носившихъ то же имя впоследствии. Но, къ сожалѣнію, характеръ обследованія этихъ матеріаловъ нельзя назвать строго научнымъ. Фактъ происхожденія Праксителя изъ аттическаго дема Эйресидъ г. Аппельротъ основываетъ на одной надписи, читающейя такимъ образомъ: Κηφιόδοτος Τιμαρχος Ε(ι)ρεσίδαι τὸν θεῖον Θεοξενίδην ἀνέθηκας ²⁾. „Последнее извѣстіе—поясняетъ онъ—само по себѣ не имѣло бы для насъ особеннаго значенія, еслибы мы не знали, что эти два художника были дѣтьми Праксителя, какъ это сообщаетъ Плутархъ въ биографіи Ликурга. Слѣдовательно, за несомнѣнный фактъ можно принять, что Пракситель родился въ Аоинахъ, въ аттическомъ демѣ Эйресидахъ“. На дѣлѣ же вопросъ объ этой надписи не является столь простымъ. Проф. Лѣви, лучший знатокъ эпиграфическаго матеріала, относящагося къ греческимъ скульпторамъ, на основаніи *палеографическихъ* данныхъ этой надписи, относитъ еѣ къ концу II-ю вѣка—до Хр.; надпись эта такимъ образомъ оказывается начертанной болѣе 200 лѣтъ спустя послѣ Праксителя,—а съ этимъ падаетъ само собою и заключеніе, что здѣсь говорится о *дѣтяхъ* этого

¹⁾ *Heydemann*, Dionysos Geburt и пр. стр. 29.

²⁾ *Loewy*, Die Inschriften der griechischen Bildhauer. Leipzig 1885, № 540—*Owrtbeck*, Schriftquellen № 1334.

вантеля ¹⁾. Необходимо было автору подробнее остановиться на этомъ вопросѣ и всесторонне обсудить силу доводовъ Лѣви.

Далѣе, ссылка на одного Плутарха въ дѣлѣ установленія имени *Кефисодота* для старшаго сына Праксителя также возбуждаетъ невольное сомнѣніе въ читателѣ: Τιμαρχος και Κηφισόδοτος οἱ Πραξιτέλουσ υἱαῖς (Plut. Lucurg. 38) — эти слова Плутарха одна, сами по себѣ, не въ состояніи служить доказательствомъ старшинства Кефисодота. Г. Анпельротъ долженъ былъ яснѣе изложить этотъ вопросъ о старшинствѣ, привлекая сюда другіе источники, какъ надписи, относящіяся къ дѣтямъ Праксителя, и слова Плинія ²⁾, и уже на основаніи всего этого онъ могъ переходить къ констатированію мнѣнія Брунна о томъ, что отецъ Праксителя назывался Кефисодотомъ также, какъ и старшій *сынъ* его. Безъ этихъ же предвареній читателя слова г. Анпельрота на счетъ Брунна являются заключеніемъ безъ посылокъ, являются не связанными логически съ предыдущимъ.

Нелеснымъ остается смыслъ и близко слѣдующей за нимъ тирады нашего автора: „что же касается *того* предположенія, будто Пракситель принадлежалъ къ видной въ городѣ семьѣ, на *что* указываетъ между прочимъ Вейль въ статьѣ Praxiteles въ сборникѣ Гаумейстера, *то* оно основывается, повидимому, единственно на сообщеніи Плутарха, *что* художникъ Кефисодотъ былъ братомъ первой жены извѣстнаго Фокіона, *которое* можетъ быть указываетъ только на *то*, *что* своимъ талантомъ Кефисодотъ (и за нимъ Пракситель) создали себѣ видное мѣсто среди согражданъ, столь отзывчивыхъ на прекрасное, столь *преданныхъ искусству* и потому съ *извѣстной* внимательностью относившихся къ его великимъ жрецамъ“ (стр. 3). Здѣсь несомнѣнна для насъ — читателей только крайняя *необработанность языка* автора, очевидно, очень снѣшившаго и потому не имѣвшаго досуга изложить свою мысль яснѣе и въ болѣе литературной формѣ.

На стр. 25—30 нашъ авторъ собралъ свидѣтельства надписей съ именами *Праксителя*, идущихъ изъ времени съ III-го столѣтія до Р. Хр. по IV столѣтіе нашей эры. Неоднократно г. Анпельротъ утверждаетъ при этомъ, что здѣсь нерѣдко разумѣются *потомки* Прак-

¹⁾ Въ примѣчаніи г. Анпельротъ касается вскользь мнѣнія Лѣви и прибавляетъ: „если такъ, то это *правнукъ* Праксителя“. И это заключеніе ни на чемъ не основано: если въ указанной надписи говорится о потомкахъ Праксителя, то эти Кефисодотъ и Тимархъ во всякомъ случаѣ не *правнукъ* въ собственномъ значеніи слова.

²⁾ См. *Лосюу*, указ. соч., №№ 108; 109; Plin. XXXIV 52.

сителя и что судя по надписямъ *родъ ею* продолжался долго и что художники этого имени жили, повидимому, въ Афинахъ и пр.

Но характеръ этихъ надписей обяыываетъ и здѣсь изслѣдователя быть крайне осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ. Ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на *родство* этихъ *позднѣйшихъ* *Праксителей* съ знаменитымъ ваятелемъ IV вѣка нѣтъ ни *въ одномъ* случаѣ. Между этими Праксителями могли быть простые тѣски по имени, были, конечно, и намѣренные фальсификаторы, ставившіе это славное имя съ корыстной цѣлью болѣе легкаго сбыта своихъ посредственныхъ и малоизвѣстныхъ произведеній (Phaedri fab. V, prol.; ср. стр. 277 нашего автора). Разобраться въ этомъ темномъ вопросѣ, конечно, нелегко; но эта-то трудность и бросаетъ тѣнь сомнѣнія на чрезвычайное категорическое заключеніе нашего автора: „Такъ надписи *сохранили для насъ извѣстіе* о томъ, что *родъ Праксителя продолжался долго*“ (стр. 30).

VIII.

Съ бѣльшей осторожностью нашему автору нужно было вести и *хронологическія* разсужденія относительно Праксителя. Ни годъ его рожденія, ни годъ его смерти нигдѣ и ничѣмъ не засвидѣтельствованы и потому 2-й тезисъ книги г. Аппельрота; „Жизнь Праксителя ограничивалась приблизительно 390 — 330 г. до Р. Хр.“ не является убѣдительнымъ, при чтеніи соответственныхъ мѣстъ его изслѣдованія. Мы нисколько не оспариваемъ трудности вопроса о времени рожденія этого художника и вполне убѣждаемся мнѣніемъ Брунна о томъ, что слова Плинія (*floguere olympiade*) CIII Praxiteles Euphranor (Н. Н. XXXIV 50), обнимающія время 364—360 гг. до Р. Хр., не могутъ означать высшаго разцвѣта силъ Праксителя, а скорѣе должны быть истолкованы въ смыслѣ начальной поры его дѣятельности. Намъ представляется только необычайной та легкость, съ которою дѣлаются г. Аппельротомъ, вслѣдъ за Соломономъ Рейнакомъ, дальнѣйшія заключенія изъ этого предположенія Брунна. „Но на художественное поприще—говорить г. Аппельротъ—(Пракситель) не могъ выступить, не достигнувъ, по крайней мѣрѣ, совершеннѣйшїа: *если же допустить*, что въ 364 г. Праксителю было *лѣтъ 25*, то годъ его рожденія падетъ приблизительно на половину 97-й олимпіады (можетъ быть, на *390-й годъ*): именно къ этому времени относить рожденіе Праксителя и Соломонъ Рейнакъ“ (стр. 15). Руководство С. Рейнка, ученаго необычайныхъ дарований, человека огромныхъ

библиографическихъ свѣдѣній, но и пишущаго удивительно много и по удивительно разнообразнымъ вопросамъ, принесло много вреда нашему автору, прикрывавшемуся его авторитетомъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ этого дѣлать никакимъ образомъ не слѣдовало. Чтѣ, напримѣръ, здѣсь заставляетъ насъ выдавать Праксителю аттестатъ „совершеннолѣтія“ только въ 25 лѣтъ? Мы не должны забывать, что идетъ рѣчь о личности *гениальной*, имѣвшей возможность проявить свои художественныя силы гораздо раньше? Мы не должны упускать изъ вида, что на югѣ люди зрѣютъ вообще несравненно быстрее насъ, сѣверянъ. Но и помимо этого, данное предположеніе не выдерживаетъ критики, потому что, по словамъ нашего же автора, Пракситель дѣлалъ портретныя статуи, имѣя *не болѣе 18—19 лѣтъ*: такъ статуя Фрасимаха, исполненная Праксителемъ для города Фесній, показана у г. Аппельрота подь 371 г. (стр. 367) ¹⁾.

Непонятнымъ остается и способъ полемики г. Аппельрота съ профессоромъ Клейномъ въ этомъ вопросѣ. Сославшись на Рейнака, онъ продолжаетъ: „Чрезмѣрную осторожность выказываетъ въ данномъ случаѣ Клейнъ, признавая начало художественной дѣятельности великаго Праксителя не раньше 100 ол. (380 г.): въ это время онъ *еще едва-ли способенъ былъ къ этой дѣятельности*“. Разумѣется, Пракситель, имѣвшій въ 380 году около 10 лѣтъ отъ роду, къ художественной дѣятельности еще не былъ способенъ; но профессоръ Клейнъ вѣдь и не сходитя съ нашимъ авторомъ въ опредѣленіи года рожденія знаменитаго ваятеля, нисколько не считая такимъ 390-й годъ до Р. Хр. Здѣсь слѣдовало г. Аппельроту направить возраженія противъ клейновской даты рожденія Праксителя и доказать ея несостоятельность. А этого-то и не сдѣлалъ нашъ авторъ.

Послѣ вышесказаннаго становится яснымъ, что въ *нѣтъиней* редакціи изслѣдованія г. Аппельрота 390-й годъ до Р. Хр. не является доказаннымъ, какъ приблизительный годъ рожденія Праксителя.

Совершенно произвольными, ни на какомъ свидѣтельствѣ источниковъ не основанными оказываются и сообщенія г. Аппельрота о вре-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ книги г. Аппельротъ говоритъ о портретныхъ статуяхъ оратора Лигурга, и его семейства, дѣланныхъ дѣтymi Праксителя Кефисодотомъ и Тимархомъ въ такомъ возрастѣ, что старшему изъ нихъ было бы будто около 22 лѣтъ, а младшему и того меньше. (Ср. стр. 273). — Лично мы нисколько не убѣждаемся мнѣніемъ нашего автора, что статуя Фрасимаха была дѣлана Праксителемъ именно въ эти юные годы. Для такой гипотезы нѣтъ достаточныхъ основаній.

мени отношеній Праксителя къ Фринѣ и о времени женитбы этого художника. Страницы 21, 22, 273, 274 представляютъ разсужденія, которыхъ нельзя подтвердить никакимъ историческимъ фактомъ, никакою ссылкой на историческій источникъ.

„(О Фринѣ) мы знаемъ—пишетъ г. Аппельротъ—изъ Аеснея, что она въ юности своей была очень бѣдна ¹⁾, по потомъ, вѣроятно, благодаря щедрости своихъ любовниковъ, скопила огромное богатство, такъ что въ 335 г. предложила возстановить стѣны Фивъ, разрушенныя Александромъ, если это дѣланіе ей будетъ увѣковѣчено надписью ²⁾. Конечно, нужно было время, чтобы скопить такіа средства, какъ справедливо (?) заключаютъ Фридериксъ и С. Рейнахъ ³⁾, пришедши къ однимъ результатамъ, съ которыми, какъ кажется, нельзя не согласиться: если допустить, что въ 335 г. Фринѣ было *по крайней мѣрѣ* 40 лѣтъ, то годомъ ея рожденія будетъ 375 г.: nous croyons pouvoir nous en autoriser pour faire naître Pnygulé vers 375 говоритъ послѣдній изъ только что названныхъ ученыхъ. Можетъ быть, она родилась и нѣсколько раньше, такъ какъ въ 327 г. (ол. 113, 2), по сообщенію Діодора, приводимому Фридериксомъ, Гарпальъ взялъ изъ Афинъ Пяонику τὴν ἑπιφανεστάτην τῶν ἰταρῶν, а она не могла бы назваться такою, если бы Фрипа еще обладала въ то время по прежнему красотой и молодостью: изъ этихъ словъ мы вмѣстѣ съ Фридериксомъ въ правѣ заключить, что въ 327 г. звѣзда Фрины уже закатилась. А такъ какъ, по его же вѣрному заключенію, красота ея должна была сохраняться долго(?)⁴⁾, то въ 335 г. ей могло быть уже свыше 40 лѣтъ. Всѣ эти соображенія ведутъ къ тому, что связь Праксителя съ Фриной, относящаяся, вѣроятно, къ молодости послѣдней, должна была имѣть мѣсто приблизительно въ 350 г. (можетъ быть нѣсколько раньше или позже), когда Фринѣ было лѣтъ 25, когда красота ея, слѣдовательно, дошла до полного своего развитія и когда, поэтому, она могла дѣйствительно послужить моделью для Афродиты Книдской Праксителя и для Анадіомены Апеллеса“ (стр. 21—22).

Въ этихъ словахъ есть все, кромѣ убѣдительности. Мы совсѣмъ не знаемъ, долгое ли время Фрина должна была собирать свое „огромное богатство“, имѣя для того много „любовниковъ“ или же она разбогатѣла быстро, благодаря щедрости какого-либо особенно богатаго ея друга. Это вопросы темные и чисто субъективнаго свойства, а, главное, въ ученое сочиненіе по своей бездоказательности, совер-

¹⁾ Athen. XIII, p. 567 e ed. Dindorf.

²⁾ Ibid. p. 591 d.

³⁾ Friederichs, (Zeitschr. f. d. Alterthumswiss. 1856), p. 4; S. Reinach, (Gaz. Archéol. 1887), стр. 283.

⁴⁾ Athen. XIII, p. 567e. ed. Dindorf. 1827.

⁵⁾ Ibid. p. 591 d.

⁶⁾ Friederichs, Beiträge zur Chronologie und Charakteristik der Praxitelischen Werke въ Zeitschr. f. d. Alterthumswissenschaft 1856, № 1, p. 4; S. Reinach, Gazette Archéol. 1887, p. 283 съ примѣч. 5.

менно не идущіе. Не зная ничего о продолжительности составленія состоянія Фриной, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что въ 335 г., когда она предлагала возстановить стѣны Оивъ, ей „было, по крайней мѣрѣ, 40 лѣтъ“. Почему же не 34, не 36, не 38? И гораздо раньше сорока лѣтъ Фрина могла сдѣлаться очень богатой женщиной, и раньше этого возраста она, какъ необычайная красавица и при томъ рагвенис, могла отличатся особымъ честолюбіемъ, заставившимъ ее сдѣлать это предложеніе оиванцамъ. Но самое существенное здѣсь то, что ничего не говоритъ намъ объ ея лѣтахъ древность, а мнѣнія Фридерикса и С. Рейнака въ данномъ случаѣ ровпо ничего не значать.

Не принимая *сорокалѣтняго* возраста Фрины въ 335 г., мы не можемъ, слѣдовательно, согласиться съ г. Аппельротомъ и въ томъ, что „годомъ ея рожденія“ былъ „375 г.“ Арифметическая выкладка здѣсь вѣрна, но основное число 40 произвольно и потому теряетъ силу и конечный выводъ этого сложенія.

Не представляются убѣдительными и дальнѣйшія разсужденія нашего автора о возможности рожденія Фрины *нѣсколько раньше* 375 г., въ виду того, что въ 327 г. Гарпалъ взялъ себѣ изъ Аѳинъ Писонику τὴν ἐπιφανεστάτην τῶν ἑταίρων, а не Фрину. Даже и по выкладкамъ, приведеннымъ выше, Фринѣ въ 327 г. *было уже 48 лѣтъ*, и зачѣмъ г. Аппельроту понадобилось дѣлать ее къ этому сроку *еще старше*, понять трудно: навѣрное уже и сорокавосьми-лѣтняя Фрина не плѣнила бы сердца и очей сластолюбиваго Гарпала. Всѣ эти разговоры въ ученомъ пропзведеніи тѣмъ болѣе излишни, что мы вѣдь не знаемъ, была ли даже жива Фрина въ 327 г. и въ какихъ лѣтахъ она умерла.

Остается столь же темнымъ, почему г. Аппельротъ называетъ вѣрнымъ „замѣчаніе Фридерикса, будто красота Фрины *должна была сохраняться долю*“ и что поэтому „въ 335 г. ей могло быть уже свыше 40 лѣтъ“. Что поставило нѣмецкаго ученаго въ глазахъ нашего автора судьей въ вопросѣ, не подлежащемъ никакой экспертизѣ, какому контролю?

Математическія соображенія г. Аппельрота крайне произвольны, но они надобились для вывода, что „связь Праксителя съ Фриной, относящаяся вѣроятно къ молодости послѣдней, должна была имѣть мѣсто приблизительно въ 350 г. (можетъ быть нѣсколько раньше или позже), когда Фринѣ было лѣтъ 25“ и т. д. Недостаткомъ вѣроятности посылокъ объясняется недовѣріе читателя и къ этому выводу.

а слѣдовательно, и ко *всей хронологии* произведеній Праксителя, связанныхъ съ его отношеніями къ Фринѣ (см. стр. 77, 107, 267, 271 и друг.).

Горячо написаны г. Апелльротомъ страницы 271—273, посвященные изображенію сердечныхъ отношеній афинскаго ваятеля къ Фринѣ и характеристикѣ благотворнаго вліянія этой любви на талантъ художника, успѣвшаго тогда „создать рядъ чудныхъ образовъ Афродиты, Эрота, Сатира, Аполлона и Артемиды, которые навсегда остались предметомъ удивленія для всѣхъ любителей изящнаго и предметомъ подражанія для послѣдующихъ поколѣній художниковъ“. Намъ поэтому жаль указывать на хронологическія иллюзіи его, сюда относящіяся, и тѣмъ подрывать вѣру и въ эти страницы. Но не въ нашей силѣ согласиться съ такими произвольными сообщеніями: 1) что Пракситель встрѣтился съ знаменитою гетерой „около 350 г., можетъ быть въ 354 г.“, имѣя „тогда лѣтъ 36 отъ роду“ (стр. 271); 2) что „позднее увлеченіе не могло продолжаться долго: въ 345 г. Праксителю было уже 45 лѣтъ, а Фринѣ лѣтъ 30“; 3) что, по минованіи беззавѣтнаго увлеченія Фриной, „около этого, можетъ быть времени художникъ вступилъ въ супружескую жизнь“; 4) что черезъ годъ послѣ этой женитьбы родился у Праксителя сынъ, Кефисодотъ (стр. 273) и т. д. Ни для одного изъ этихъ предположеній *нѣтъ* никакихъ научныхъ основаній. Откуда мы можемъ знать, что увлеченіе Праксителя Фриной относится къ *холостой* его жизни? Чтѣ можетъ служить опорой предположенія, будто художникъ женился около 345 г., имѣя около 45 лѣтъ? А эта смѣлая догадка автора на счетъ рожденія у Праксителя непременно *сына* черезъ годъ послѣ женитьбы? Вѣдь противъ каждаго такого домысла можно спорить безъ конца. И снасти хотя бы послѣдній изъ нихъ ни ссылками на время „процвѣтанія“ дѣтей Праксителя, указываемое Плиніемъ (XXXIV, 51), ни на указаніе Плутарха о томъ, что они дѣлали портреты оратора Ликурга и его сыновей (Plut. Lycurg, 38) послѣ 323 г. до Р. Хр. никоимъ образомъ будетъ нельзя.

Остается невыясненнымъ достаточно въ нынѣшней редакціи изслѣдованія г. Апелльрота и *годъ смерти* Праксителя (стр. 15—18). Нашъ авторъ полагаетъ, что великій ваятель умръ около 330 г., имѣя приблизительно 60 лѣтъ. Послѣднимъ произведеніемъ его онъ называетъ статуи Геры Телен и Рен, сдѣланныя имъ для Платей (Paus. IX, 2, 5), по его мнѣнію въ 330 г. Основаніемъ при этомъ служить ему лишь указаніе Плутарха на окончательное возстановленіе этого города въ 331 г. (Plut. Alex. 34)

послѣ многоразличныхъ бѣдствій, испытанныхъ за долгій періодъ времени, начиная еще съ персидскихъ войнъ. Но Платейцы, по Павсанію, возвратились въ свой покинутый городъ въ 338 году послѣ сраженія при Херонеѣ, при Филиппѣ (Paus. IX, 1, 8; IV, 27, 10). Въмѣсто 338 года Павсанія стоитъ 335 г. у Арріана (Anab. I, 9, 10), и этотъ годъ признается Брунномъ наиболѣе подходящимъ для созданія Праксителемъ Геры и Реи ¹⁾, И вѣдь эта теорія столь же вѣроятна, какъ и Бурсіана ²⁾, полагающаго годомъ созданія Геры и Реи 337 годъ, то-есть, годъ, слѣдующій за 338 г. Къ тому же, говоря о несчастіяхъ Платейцевъ, нельзя забывать, что храмъ Геры былъ пощаженъ отъ страшнаго разрушенія, нанесеннаго городу Оиванцами (Paus. IX, 8), и что постановка здѣсь этихъ изваяній гражданами, возвратившимися съ чужбины, легко объяснима вскорѣ послѣ битвы при Херонеѣ. Всѣ эти обстоятельства требовали изложенія болѣе спокойнаго и изслѣдованія болѣе критическаго, даже и при тѣхъ пособіяхъ, которыя представляетъ западно-европейская ученая литература.

А какъ *шатки основанія хронологіи произведеній Праксителя*, ясно между многими другимъ изъ этого же примѣра. Нашему автору хочется считать эти изваянія созданіемъ *старческаго* возраста Праксителя, уже „убѣлешнаго сѣдинами“. „Возвышенное настроеніе въ виду близости конца жизни внушило ему эту идею, вдохновило его на созданіе новаго произведенія, достойнаго завершить рядъ его прежнихъ созданій. Стоитъ припомнить здѣсь Фидіа, на склонѣ дней создавшаго Олимпійскаго Зевса“ ³⁾ и т. д. (стр. 18). Фридериксъ относитъ Геру даже ко времени послѣ 315 г. (Ол. 116, 2) ⁴⁾. А Соломону Рейнаху *то же самое изваяніе* представляется, напротивъ, произведеніемъ *молодости* Праксителя, явившимся въ 60-хъ годахъ IV вѣка до Р. Хр. и можетъ быть, подѣ влияніемъ Алкамена, ваятеля V вѣка ⁵⁾.

¹⁾ Brunn, *Sitzungsberichte d. K. Bayr. Akad. d. Wiss.* 1880, стр. 448.

²⁾ Bursian, *Neue Jahrbücher f. Philol.* 1858, стр. 107.

³⁾ Не знаемъ, извѣстна ли нашему автору гениальная критика преданія о времени созданія Фидіева Зевса, принадлежащая проф. Лѣшке и увлекшая теперь за собою и молодыхъ и старыхъ ученыхъ, слѣдующихъ ей даже въ общихъ трудахъ по исторіи греческой скульптуры. См. *Overbeck, Plastik I*, стр. 344 и слѣд. по 4 изд., *Collignon*, *трактатъ* соч. I, стр. 526 и слѣд. *L. von Sybel, Weltgesch. der alten Kunst* стр. 153.

⁴⁾ *Friederichs*, въ *Zeitschr. f. d. Alterthumswiss.* 1856, стр. 1 и слѣд.

⁵⁾ *S. Reinach, Gazette Archéol.* 1887, стр. 283.

Вызываютъ справедливое сомнѣніе и другія *хронологическія* опредѣленія, разсѣянные въ книгѣ г. Аппельрота. Но намъ необходимо обратиться къ инымъ сторонамъ этого сочиненія и прежде всего къ *топографическимъ* показаніямъ автора.

IX.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ утвержденій г. Аппельрота совершенно произвольныхъ, справедливость которыхъ доказать нельзя ни *историческими свидѣтельствами*, ни даже путемъ *логическимъ*.

Стр. 19. „Кромѣ Аонія... *источники наши*—говоритъ г. Аппельротъ—указываютъ, какъ мѣста *дѣятельности* Праксителя, Мегару, Магнисию, Оснію, Аргось, Олимпію, Элиду, Антикиру, (можетъ быть Коринъ), Фивы, Дельфы, Паріонъ, Лебадею, Эфесь, Александрію въ Карин, Киндъ и Кость“ и т. д.

Какъ бы продолженіемъ этихъ словъ нашего автора служить слѣдующее мѣсто (стр. 25):

„Найденная въ 1882 г. въ Ольвіи надпись, впервые опубликованная и восстановленная В. В. Латышевымъ (Inscr. ogae septentr. Ponti Euxini I, p. 158 сл., № 145), заключаетъ въ себѣ имя Праксителя съ начальными буквами ΑΘ, легко дополняемыми въ 'Αθῦταιος. Издатель относитъ ее къ IV вѣку до Р. Хр., принимая здѣсь имя знаменитаго художника и *допуская*, такимъ образомъ, *дѣятельность* его даже *въ этихъ далекихъ окраинахъ*, что весьма возможно, такъ какъ Пракситель, какъ *достоверно извѣстно, работалъ же въ 1. Паріонѣ* въ Пропонтидѣ. См. *Logou*, Inscr. gr. Bildh. № 76a, стр. 383“.

Здѣсь, такимъ образомъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія о работахъ Праксителя въ Ольвіи, г. Аппельротъ открыто ссылается на авторитетъ нашего славнаго эллиниста, *будто бы такъ же* толкующаго изданный имъ эпиграфическій памятникъ Ольвіи.

Обращаемся еще къ третьему мѣсту въ разбираемой книгѣ, гдѣ подробнѣе и вполнѣ категорически развивается мысль о частыхъ путешествіяхъ художника почти по всему греческому міру для исполненія заказовъ.

Стр. 243—244. Пракситель „не ограничивалъ своей дѣятельности одною Греціей, но оставилъ великіе памятники своего искусства и виѣ ея предѣловъ. въ городахъ Малой Азіи и прилежащихъ къ ней островамъ и *доходилъ даже*, если вѣрить приведенной нами выше надписи (см. стр. 25, № 57), *до северныхъ береговъ Понта Эвксинскаго, до города Ольвіи*, что не можетъ особливо смущать насъ, такъ какъ *дѣятельность* его *въ Паріонѣ* въ Пропонтидѣ *документально—засвидѣтельствована*“.

Послѣ такихъ заявленій г. Анпельрота читатель въ правѣ думать, что великій аѳинскій ваятель долженъ былъ провести много времени въ этихъ, и близкихъ и дальнихъ, путешествіяхъ. Категорическія ссылки его на „источники“ придаютъ въ глазахъ читателей этимъ утвержденіямъ характеръ несомнѣнности. А между тѣмъ въ словахъ нашего автора—все произволь, свидѣтельствующій о крайне смѣломъ отношеніи его „къ источникамъ“. Въ дѣйствительности, въ *свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ* и въ *надписяхъ*, которыя одни и могутъ быть здѣсь называемы источниками, *нѣтъ ни одною прямою упоминанія* объ этихъ путешествіяхъ Праксителя и о работахъ его въ вышеперечисленныхъ мѣстахъ. Источники свидѣлствуютъ лишь о *существованіи* произведеній этого ваятеля въ томъ или другомъ городѣ и *ни единымъ словомъ не касаются вопроса* о томъ, что они были исполнены нашимъ художникомъ *тамъ же*, на мѣстѣ.

Но что же означаютъ ссылки г. Анпельрота на В. В. Латышева о работахъ Праксителя въ Ольвіи? И что же говоритъ документъ, будто бы свидѣтельствующій о томъ, что Пракситель „работалъ въ г. Паріонѣ, въ Пропонтидѣ“? Къ сожалѣнію, и эти ссылки говорятъ только о крайней поспѣшности нашего автора и о недостаткѣ вниманія его въ читаемые имъ тексты. Обратимся сначала къ словамъ г. Латышева (указ. изд. I, стр. 159): „*Quae proposui supplementa si vera sunt—at probabilitatis certe speciem magnam ea habere concessum iri spero—titulus quam maxime fit memorabilis, cum probet celeberrimi illius artificis opera etiam in Hypanis ripis extitisse. Quod adhuc non solum ignotum, sed ne cogitatum quidem fuisse nihil est quod addam*“.

Слова, подчеркнутыя нами, съ полною ясностью показываютъ, какъ далеко былъ В. В. Латышевъ отъ мысли, приписанной ему г. Анпельротомъ, смѣшавшимъ и здѣсь понятія мѣста *нахожденія* памятниковъ съ понятіемъ о мѣстѣ *производства* ихъ. Выставляя мысль о существованіи произведеній Праксителя на берегахъ Буга, ученый издатель греческой надписи и тѣни намѣренія не имѣлъ допускать „дѣятельность (Праксителя) даже въ этихъ далекихъ окраинахъ“, какъ выражается нашъ авторъ.

Такой же неправильный выводъ сдѣлалъ г. Анпельротъ и изъ „документа“¹⁾, относящагося къ произведенію Праксителя, которое

¹⁾ Въ другихъ случаяхъ г. Анпельротъ пользуется древними писателями, не ознакомившись въ должной степени съ наиболее вѣрной редакціей текста ихъ

существовало въ г. Паріонѣ. Всѣ наши свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ памятникѣ ограничиваются слѣдующими словами Плинія Старшаго (XXXVI, 22): Eiusdem [то-есть. Praxitelis] et alter [Cupido] nudus in Paro colonia Propontidis, par Veneri Cnidiae nobilitate et iniuria: adamavit enim Alcetas Rhodius atque in eo quoque simile amoris vestigium reliquit. Но если въ распоряженіи науки нѣтъ никакихъ иныхъ данныхъ объ этомъ Эротѣ Праксителя и, съ другой стороны, если не было никакихъ иныхъ произведеній этого художника въ занимающемъ насъ городѣ, то откуда же вывелъ г. Аппельротъ свое заключеніе, что „дѣятельность его (Праксителя) въ Паріонѣ въ Пропонтидѣ документально засвидѣтельствована“? Книга его не даетъ на это никакого отвѣта, а труды другихъ ученыхъ представляютъ лишь правильное пониманіе слова Плинія ¹⁾.

Итакъ, на основаніи *нашихъ источниковъ* нельзя доказать, что „Пракситель доходитъ до Ольвіи и Паріона“, и нельзя говорить ни о какой „грандіозной артистической поѣздкѣ художника на берега Эвксина“ (стр. 268). Изваянія же его могли быть легко привезены сюда изъ другихъ мѣстъ.

Нельзя доказать ни *исторически*, ни *логически* необходимости исполненія его произведеній и во многихъ другихъ городахъ греческаго міра. Остановимся здѣсь, для примѣра, на Дельфахъ, на Оеспіяхъ, Коринѣ, Книдѣ и островѣ Косѣ.

Какія изваянія Праксителя существовали въ Дельфахъ? Согласно съ древними свидѣтельствами, г. Аппельротъ указываетъ лишь на одну *бронзовую* и *вызолоченную* портретную *статую* или даже, по его личному мнѣнію, небольшую статуэтку *Фрины*, стоявшую тамъ на колоннѣ изъ пентелійскаго мрамора (стр. 241 и слѣд.). Чтобы эта

Проф. А. Н. Шварцъ указаніемъ на новѣйшую и исключительно авторитетную редакцію Павсанія I, 20, 1, сдѣлалъ невозможными разсужденія нашего автора на стр. 130—137.

¹⁾ Въ западно-европейской литературѣ относятъ къ тому же Эроту и эпиграмму съ именемъ автора Паллады (Anthol. Gr. III, 133, 94. *Overbeck*, *Schriftquellen* № 1264):

Γορνός: "Ερω: διὰ τοῦτο γελᾷ καὶ μελιχρὸς ἐστίν.
οὐ γὰρ ἔχει τόσον καὶ πορρέει βέλη,
οὐδὲ μάτην παλάμαι: κατέχευ δελφίνα καὶ ἄνθος·
τῇ μὲν γὰρ γαῖαν, τῇ δὲ θάλασσαν ἔχει;

но такъ какъ здѣсь нѣтъ имени Праксителя, то г. Аппельротъ исключаетъ ее изъ древнихъ свидѣтельствъ объ Эротѣ Парійскомъ этого художника (стр. 116 и слѣд.).

статуя была лѣплена и отлита изъ бронзы въ самыхъ Дельфахъ, на это нѣтъ указаній древности. Съ другой стороны, невозможно же себѣ представить, чтобы для этого произведенія Праксителю нужно было ѣхать сюда съ рабочими, съ металломъ, инструментами и къ тому же везти съ собою и Фрину для позированія. Эта бронза, конечно, привезена была сюда изъ далекихъ Аѳинъ.

Точно также, ни одно изъваніе Праксителя, украшавшее Оесніи, не было дѣлано въ этомъ городѣ, — ни портретная статуя Орасямаха, ни статуя Фрины, ни Афродита, ни знаменитый Эроть *въ Аѳинахъ* вымышленный Фриной у Праксителя посредствомъ всеѣмъ извѣстной хитрости (Paus. I, 20, 1—2). Что касается Коринноа, то къ нему предположительно относить нашъ авторъ бронзовую статую Аполлона Савроктона (стр. 151 и слѣд.); но и здѣсь нѣтъ никакихъ основаній предполагать путешествіе Праксителя въ этотъ близкій отъ Аѳинъ городъ только для исполненія бронзоваго изъванія.

А относительно статуй Афродиты Косской и Книдской есть уже прямые указанія на то, что онѣ были плодомъ *свободной* фантазій художника. Одна изъ нихъ послѣ была куплена жителями Коса, а другая Книдьянами.

Продолжая обзоръ и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, въ которыхъ находились произведенія Праксителя, мы не будемъ въ состояніи доказать необходимость пребыванія здѣсь великаго ваятеля.

Но говоря такимъ образомъ, мы нисколько не отрицаемъ необходимости работъ его въ Мегарѣ и Оивахъ и даже, пожалуй, въ Эфесѣ, гдѣ требовала его присутствія на мѣстѣ сложность заказовъ. Мы вполне признаемъ такіа путешествія, хотя наши *источники* и не *говорятъ* объ этомъ. Точно также естественнымъ представляется намъ его пребываніе въ Пелопоннесѣ.

Х.

Читатель книги г. Апфельрота нерѣдко встрѣчается съ такими сообщеніями, которыя свидѣтельствуютъ о чрезвычайной поспѣшности автора, препятствовавшей ему слѣдить въ достаточной степени за собою и за ходомъ изложенія. Мѣстъ такого рода въ его сочиненіи немало; но мы укажемъ лишь нѣкоторые примѣры и преимущественно случаи *противорѣчій* его *самому себѣ*.

Стр. 3. Здѣсь авторъ совершенно вѣрно констатируетъ обычай грековъ давать *старшему сыну* въ семьѣ имя *дѣда*, поэтому оказывается до-

сладнымъ противорѣчіемъ указаніе его на 4 стр., будто—*старшій сынъ* наследовалъ вмѣстѣ съ ремесломъ *отца* и его *имя*. Последняя ошибка повторяется г. Аппельротомъ и въ статьѣ о новѣйшихъ раскопкахъ въ Веронѣ, помѣщенной имъ въ „Филологическомъ Обзорѣ. ніи“ III, кн. 1, стр. 93.

Стр. 28. „На базисѣ мраморной статуи, представляющей Афродиту съ Эротомъ и находящейся въ Луврѣ (Frohner, Notice № 151), читается надпись Πραξιτέλης ἐποίησεν, исчезнувшая, по словамъ Фрэнера, полагававшегося при ея воспроизведеніи на показаніе Висконти (Opere Varie IV, p. 480), что *посторенно* и у Лёви. Но С. Рейнакъ въ 1887 г., слѣдовательно на 2 года *раньше* изданія Фрэнеровскаго описанія Лувра ¹⁾, съ излишней рѣзкостью обвиня Лёви въ вацдализмъ, отмѣчаетъ это заблужденіе *тою* и *дружою*, говоря, что база съ надписью сейчасъ находится въ Луврѣ, и каждый можетъ читать въ ней имя Праксителя. Вопреки мнѣнію Фрэнера и Лёви, онъ горячо отстаиваетъ античность этой надписи“ и т. д.

Эти строки набросаны нашимъ авторомъ, несомнѣнно, *второпяхъ*; оттого онъ и не замѣтилъ, что въ его изложеніи проф. Лёви, издавшій свой извѣстный сборникъ древнихъ надписей въ 1885 г., *потомъ* сообщаетъ сообщеніе Фрэнера, напечатанное, по цитатамъ г. Аппельрота (ср. стр. XIII + XV). *четырьмя* годами *позднѣе*; а С. Рейнакъ, „на два года *раньше* изданія Фрэнеровскаго описанія Лувра“ *отмѣчаетъ заблужденіе Фрэнера* и *вопреки* его мнѣнію отстаиваетъ античность надписи. Уже одно это остановило бы должное вниманіе нашего автора, еслибы онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, досугъ спокойно перечитать написанное. Но онъ бы и не написалъ этого, еслибы работалъ менѣе спѣшно и внимательнѣе пользовался ученою литературою вопроса. Въ дѣйствительности и Лёви цитуетъ Фрэнера и дѣлаетъ изъ него выписку (стр. 323 къ № 502), и С. Рейнакъ имѣетъ дѣло, конечно, съ *печатнымъ* трудомъ Фрэнера — и вся загадка объясняется здѣсь тѣмъ, что описаніе скульптуръ Лувра выпущено послѣднимъ ученымъ на *20 лѣтъ раньше* того изданія, которое было въ рукахъ г. Аппельрота и которое представляетъ ничто иное, какъ повтореніе перваго.

Подобнаго же рода недосмотръ встрѣчаемъ на стр. 148, примѣч. 1, гдѣ нашъ авторъ дѣлаетъ выписку словъ Фрэнера изъ того же описанія Лувра и затѣмъ продолжаетъ: „Заблужденіе Фрэнера раздѣляетъ и *Лебартъ*, Praxitèle, p. 193“. Но какъ же могъ „раздѣлять

¹⁾ „У меня въ рукахъ изданіе 1889 г. (Volume I: sculpture antique)“ — примѣчаніе г. Аппельрота.

заблужденіе“ Фрѣнера этотъ авторъ, напечатавшій свой трудъ еще въ 1864 г. ¹⁾), слѣдовательно, за 5 лѣтъ до 1-го изданія этого каталога и за 25 лѣтъ до того изданія, которымъ пользовался г. Аппельротъ?

Стр. 147. Здѣсь *Марціалъ* приводится какъ *авторитетъ* для опредѣленія возраста Аполлона Савроктона Праксителя, а на стр. 152 мы читаемъ:

„Что же касается Марціала, то его двустышіе ²⁾), можетъ быть, и не относится къ оригиналу, какъ справедливо замѣчаетъ Rayet ³⁾), а вызвано посылкою кому либо въ подарокъ *маленькой статуетки* Савроктона; можетъ быть, даже въ это время оригинала уже и не существовало, такъ что Марціалъ и не могъ обратиться къ нему“.

Стр. 151. Авторъ полемизируетъ съ O. Rayet о значеніи слова Corinthius, какъ эпитетъ Sauroctonos, данномъ ему Марціаломъ (XIV, 172). утверждая, что этимъ обозначается лишь *мѣсто* первоначальнаго находенія памятника, а не *матеріалъ*, не Коринеская бронза, изъ которой была вылита эта статуя, по объясненію Рэйе, а затѣмъ на стр. 152 г. Аппельротъ пишетъ:

„Поэтому я и съ данномъ случаемъ вижу не только обозначеніе *матеріала*, но и опредѣленіе мѣста, гдѣ первоначально находился Савроктопъ: онъ сдѣланъ былъ Праксителемъ для Коринѳа, откуда взятъ былъ, вѣроятно, Мумміемъ при разрушеніи этого города и перевезенъ въ Римъ, гдѣ и могъ видѣть его Плиній, столь подробно его описывающій“.

Стр. 121. Только крайней слѣшностью и недостаткомъ свободнаго времени можно объяснить всю *неловкость* и *логическій диссонансъ* слѣдующихъ разсужденій г. Аппельрота. Вопросъ идетъ объ Эротѣ Парійскомъ Праксителя и именно о безумцѣ Алкетѣ, родосцѣ родомъ, также влюбившемся въ эту статую и столь же гнусно осквернившимъ ее, какъ другой безумецъ попустилъ со статуей Афродиты Книдской (Plin. XXXVI. 23). Отрицая чувственный характеръ исполненія статуи Эрота и возможность параллели, проведенной между этими двумя статуями нѣкогда Брунномъ ³⁾), г. Аппельротъ замѣчаетъ:

¹⁾ Gebhart, Praxitèle. Essai sur l'histoire de l'art et du génie grecs depuis l'époque de Périclès jusqu'à celle d'Alexandre. Paris. 1864.

²⁾ Martial. XIV, 172. Ad te reptanti, puer insidioso, lacertae parce; cupit digitis illa perire tuis.

³⁾ Brunn, Gesch. d. griech. Künstler I, стр. 349 слѣд. по 1-му изд.—I. стр. 245 сл. 2 изд.

„въ данномъ случаѣ личности, подобныя Алкету, если разказы о нихъ справедливы, менѣе помогаютъ намъ судить объ исполненіи и видѣ статуи, такъ какъ мы плохо понимаемъ подобныя стремленія и совершенно чужды имъ“. И далѣе: „Разсужденіе о чувствениомъ характерѣ Эрота Паріона еще сколько нибудь было бы помянуто съ устами женщины, и однако же у Люси Митчелль мы его не находимъ (History of anc. sculpture, p. 452)“.

Какъ искренно жаль, что всѣ эти стыдныя слова напечатаны въ *ученомъ* изслѣдованіи нашего автора! Зачѣмъ было прилетать къ этимъ грязнымъ дѣламъ или грязнымъ анекдотамъ почтенное имя покойной Люси Митчелль, всю жизнь свою положившей на чистое дѣло беззавѣтнаго служенія наукъ!

XI.

Въ числѣ недоумѣній, возникающихъ при чтеніи книги г. Аппельрота, съ особой силой встаетъ вопросъ о *языкѣ его сочиненія*.

Къ глубокому сожалѣнію любителей отечественнаго слова, въ нашей ученой литературѣ уже довольно давно миновала пора заботливыхъ попеченій о тщательности изложенія. Огромное большинство и молодыхъ и старѣющихъ ученыхъ пишутъ свои сочиненія, заботясь только о мысли, о содержаніи, но не о формѣ, не о способахъ изложенія. Давно исчезла черновая тетрадь изъ нашего литературнаго употребленія; мы пишемъ обыкновенно уже „прямо набѣло“, не имѣя времени на переписку, которая всегда ведетъ автора къ исправленіямъ, къ передѣлкѣ; мы спѣшимъ отдавать свои, нерѣдко первые, наброски въ типографію. Этотъ спѣшный способъ работы, это небреженіе формою ведутъ къ тому, что появленіе сочиненій, хорошо написанныхъ и въ литературномъ отношеніи, становится теперь рѣдкимъ исключеніемъ.

Въ виду этого, въ сущности очень грустнаго факта, было бы несправедливо предъявлять особенно строгія требованія къ начинающему автору и спрашивать у него той отдѣлки языка, какой обыкновенно не представляютъ сочиненія и старшаго поколѣнія ученыхъ. Но въ данномъ случаѣ вопросъ объ изложеніи возникаетъ по своимъ специальнымъ причинамъ.

Языкъ сочиненія г. Аппельрота составляетъ *самую слабую* сторону его труда, которая заслоняетъ собою какъ другіе недостатки, такъ и положительныя достоинства его книги. Языкъ его нерѣдко теменъ и неправиленъ синтаксически и весьма часто необработанъ со стороны самыхъ *элементарныхъ* требованій литературнаго стиля.

Многія мѣста его книги отзываются такими набросками, которымъ падать въ типографскій наборъ не слѣдовало никомъ образомъ, какъ еще подлежащимъ продолжительной и неоднократной чисткѣ. Примѣры этого небреженія языкомъ разбѣяны по всей книгѣ, поэтому здѣсь достаточно указать лишь нѣсколько мѣстъ. Обильный подборъ другихъ примѣровъ можетъ сдѣлать легко и скоро всякій читатель самъ.

Вотъ образчики неудачныхъ *переводовъ* съ иностранныхъ языковъ. Стр. 151—переводъ съ латинскаго языка (Plin. N. H. XXXIV, 70).

„опъ сдѣлалъ и юнаго Аполлона, вблизи подстерегающаго со стрѣлой подножающую ящерицу, *котораю* называютъ Савроктономъ“.

Стр. 256—переводъ съ нѣмецкаго:

„обѣ онѣ (мраморныя головы) показываютъ около рта и носа довольно тождественную игру мускуловъ, здѣсь, какъ и тамъ почти тоже *образование* какъ самого глаза, такъ и *верхнюю* *края* *ею*...—обѣ отличаются *кучковатой*, живописной отдѣлкой волосъ, которые *дѣйствительно* какъ бы *снимаются* съ *кожи*, отдѣланной необыкновенно живо“.

Еще сильнѣе бьютъ въ глаза недостатки оригинальной рѣчи автора.

На стр. 29—30 тирада тянется на 28 строкъ и представляетъ одну, какъ говорится, точку. Внутри ея авторъ истощилъ всѣ знаки препинанія и разные другіе условные графическіе приемы, но почему-то не счелъ нужнымъ изложить дѣло короче, проще, яснѣе и въ болѣе литературной формѣ.

Стр. 54. „Что касается положенія статуи въ храмѣ, то кромѣ того, что она находилась *въ цѣли* Герсона, направо отъ входа, между второй и третьей колонной *внутренней*(?) сѣверной колоннады, гдѣ она была найдена, мы знаемъ, что она стояла на *пьедесталѣ*, какъ и всякая мраморная группа, болѣе или менѣе возвышенномъ. Повидному, *нижняя часть* *этого пьедестала* и найдена была на томъ же мѣстѣ, гдѣ и статуя; но разслѣдованія Дёрпфеля и затѣмъ подробный разборъ этого вопроса у Трея ¹⁾ ясно и убѣдительно *доказали*, что это *только часть* *прежняго базиса*, который былъ гораздо выше: найденная плита имѣетъ форму четырехугольника, на которомъ еще слои съ нѣсколькими округленными краями, отступающими отъ нижняго края немного болѣе чѣмъ на 1, 2 сантиметра. По срединѣ эта *сѣрная поверхность* разбита“.

¹⁾ Нашъ авторъ вездѣ пишетъ имя проф. Трея въ латинской транскрипціи; но вѣдъ Ег. Ег. Трей—петербургскій уроженецъ, лишь впоследствии переселившійся въ Германію. Онъ—авторъ русскаго описанія коллекціи гипсовыхъ слѣпковъ съ памятниковъ античнаго ваянія, принадлежащей Императорской академіи художествъ (Сиб. 1871).

и т. д. до самаго конца эта страница написана и нелитературно и темно по содержанію.

Стр. 119. „Лѣвая же рука бога, судя по имѣющимся теперь болѣе вѣрнымъ, нежели у Бурсіана, рисункамъ не была поднята кверху, какъ думалъ послѣдній, а или опиралась въ бокъ, подобно тому, какъ мы видимъ это у отдыхающаго Сатира, или какъ предположилъ Фуртвенглеръ: опиралась на стволъ дерева, такъ какъ то, что ранѣе принимали за одежду (именно хламиду), свѣсившуюся съ лѣваго плеча бога, названный ученый истолковалъ какъ „ein Pfeiler“, что весьма правдоподобно: по крайней мѣрѣ, на монетахъ Коммода и Севера Александра одежды, несомнѣнно, нѣтъ, такъ что Эротъ является nudus“ и пр.—и опять до конца страницы и даже далѣе столь же необратимое изложеніе.

Очень сходно съ этимъ мѣсто на стр. 116, слѣдующее непосредственно за переводомъ изъ Плинія, или мѣсто на стр. 165:

„Какъ формы тѣла Діониса, особенно широкія, какъ у женщины бедра такъ и самая одежда, по справедливому замѣчанію Вейля, имѣютъ женственный характеръ, съ чѣмъ согласны какъ изображенія юнаго Діониса, извѣстныя намъ по копіямъ поздняго времени, такъ и описаніе Каллистрата, о которомъ рѣчь будетъ ниже (Ехфр. VIII). Въ высоко поднятой правой рукѣ богъ держитъ, очевидно, рюхъ, кончающійся изображеніемъ кентавра, какъ полагаетъ Вейль и насколько можно судить по рисункамъ; а согнутой въ локтѣ лѣвой рукой онъ держитъ чашу, по объясненію того же ученаго, о формѣ которой трудно судить“.

Намъ бы слѣдовало еще указать на нѣкоторую рѣзкость тона г. Аппельрота въ обращеніи его съ своими предшественниками по изслѣдованію вопроса и на эти безконечныя заявленія его передъ читателемъ: „я признаю“, „я думаю“, „мое убѣжденіе“, „я склоненъ“, „я замѣтилъ“, „я исхожу изъ того же соображенія“, „я вполнѣ допускаю“, „я разумѣю“, „я лично ничего не имѣю“, „реставрація Смита представляется мнѣ въ какомъ то комическомъ видѣ“, „я не могу допустить“, „я положительно не могу согласиться“, „я рѣшительно не могу допустить“, „я отказываюсь понять“, „представляется мнѣ страннымъ мудрованіемъ“, „я вывожу заключеніе“ и т. д. и т. д. до полного пресыщенія тѣхъ, кто пользуется его книгой. Но уже давно пора кончить.

Заканчиваемъ эти строки искреннимъ пожеланіемъ автору возможно близкаго и продолжительнаго заграничнаго путешествія со всѣми его художественными чарами и поученіями. Что В. Г. Аппельротъ извлечетъ изъ этихъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ, уроковъ для себя большую пользу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не мо-

жетъ быть для насъ сомнѣнія и въ томъ, что дальнѣйшіе его научные труды будутъ несравненно лучше его первой книги, написанной при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ и, къ сожалѣнію, напечатанной раньше, чѣмъ то было необходимо. Все прошлое нашего молодого автора говоритъ людямъ, лично его знающимъ, что отечественная наука приобрѣтетъ въ немъ и ревностнаго, и полезнаго дѣятеля. Вотъ почему мы такъ искренно желаемъ, чтобы наши строки не ослабили его энергіи и чтобы онъ продолжалъ ревностно трудиться въ области классической археологіи и исторіи античнаго искусства.

III. Цвѣтасъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ XV, XVI и XVII Тифлисъ, 1893.

Если мы сравнимъ небольшую первую книжку „Сборника“, вышедшую въ 1881 году, съ тремя объемистыми книгами, содержащими болѣе 100 печатныхъ листовъ, выпущенными управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа въ 1893 году, то наглядно убѣдимся, какіе блестящіе результаты достигнуты Округомъ въ дѣлѣ научнаго описанія и изслѣдованія мѣстностей и племенъ Кавказа. Можно положительно сказать, что ни въ одной области Россіи этнографическое изученіе не ведется такъ плодотворно и съ такою неутомимой энергіей, какъ на Кавказѣ.

Если лѣтъ 10—12 тому назадъ можно было говорить, что Кавказъ въ этнографическомъ отношеніи представляется еще terra incognita, если можно было жаловаться, что мѣстные дѣятели мало дѣлаютъ для изученія края, то въ настоящее время такія жалобы неумѣстны. Сотрудники „Сборника“, болѣею частью учителя и учительницы, изъ всѣхъ захолустей обширнаго края въ изобиліи присылаютъ въ редакцію этнографическіе и статистическіе матеріалы въ такомъ количествѣ, что управленіе округа должно постоянно увеличивать число листовъ своего изданія и вмѣсто одной книжки почти одновременно выпускать двѣ или три. Спѣшу сейчасъ же замѣтить, что быстрота, съ которой слѣдуютъ выпуски другъ за другомъ, и количество печатныхъ листовъ ни въ какомъ отношеніи не вліяютъ неблагопріятно на качества изданія. Напротивъ, участіе редакціи становится все замѣтнѣе: матеріалы классифицируются по содержанію, снабжаются поясненіями, указываютъ однородные или сходные, напечатанные

раньше, словомъ, дѣлается все, что можетъ изслѣдователямъ этнографіи и специально фольклора Кавказа облегчить ихъ работу.

Помимо высокаго научнаго интереса предпріятіе управленія учебнаго округа приносить неоцѣнимую нравственную пользу въ той средѣ, которая поставляетъ сотрудниковъ „Сборнику“. Какой-нибудь скромный учитель, преподающій въ аульской или станичной начальной школѣ, знакомясь съ программой, разосланной округомъ, приходитъ къ убѣжденію, что и онъ, въ своемъ захолустѣ, можетъ сдѣлать нѣчто полезное для науки, что населеніе, которое онъ ежедневно видитъ вокругъ себя, его обычаи, пѣсни, повѣрья, наконецъ, весь несложный строй его жизни могутъ быть предметомъ наблюденія и научнаго описанія. Заинтересованный новымъ дѣломъ, онъ принимается за работу, наблюдаетъ внимательно то, мимо чего прежде проходилъ равнодушно, выспрашиваетъ, записываетъ, узнаетъ ближе своихъ учениковъ и ихъ родителей,—словомъ, въ его однообразное существованіе, въ его рутинныя занятія проникаетъ лучъ свѣта, вносится живое дѣло, столь же интересное для него, какъ для его учениковъ и односельчанъ. А какой подъемъ духа долженъ испытывать скромный труженикъ, когда увидитъ свою работу въ печати, когда убѣдится, что работалъ не безплодно, а внесъ свою лепту въ дѣло научнаго изученія роднаго края? Думаю, что для многихъ изъ этихъ сотрудниковъ „Сборника“ появленіе ихъ труда на его страницахъ составитъ лучшее воспоминаніе въ ихъ однообразной, трудовой жизни...

Матеріалы, вошедшіе въ XV-й выпускъ „Сборника“, отличаются однороднымъ содержаніемъ: это—данныя изъ исторіи быта, нравовъ и воззрѣній великорусскаго и малорусскаго населенія Сѣвернаго Кавказа, главнымъ образомъ, казаковъ Терской области. Передъ нами проходитъ рядъ станицъ этой области (Прохладная, Слѣпцовская, Наурская, Ицдерская, Бороздинская, Терская, Умаханъ-Юртовская), при чемъ авторы статей сообщаютъ историческія свѣдѣнія о времени основанія этихъ поселеній, описываютъ обрядовую сторону жизни казаковъ и затѣмъ главное вниманіе сосредоточиваютъ на произведеніяхъ словесныхъ—пѣсняхъ и сказкахъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе отдѣльно каждой статьи и ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями объ интересѣ, представляемомъ изданными матеріалами.

Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе устойчивымъ хранителемъ старины является женскій элементъ населенія. Малорусскія и велико-

русскія женщины принесли съ собою изъ разныхъ губерній Россіи на Кавказъ старинный запасъ своихъ бабьихъ пѣсень—семейныхъ, любовныхъ, свадебныхъ—и продолжаютъ распѣвать ихъ среди новой природы, на берегахъ Кубани, Терека, Сучжи. Особенно замѣчательны по своей устойчивости пѣсни, сопровождающія разные моменты свадебнаго обряда. Извѣстно, что въ этой обрядности народъ сохранилъ бытовыя черты донетровской боярской жизни, что, переносъ въ свою скромную обстановку „чины“ княжескихъ и боярскихъ свадебъ, онъ перенялъ и значительную часть того пѣсеннаго репертуара, который нѣкогда оглашалъ боярскія хоромы. Оказывается, что крестьянская невѣста живетъ въ „высокомъ теремѣ“, спитъ подъ одѣялами шелковыми и соболыными, что у отца ея полощъ дворъ гостей—все „князей, бояръ“ (стр. 49) и проч. Безпрестанно въ пѣсняхъ проскальзываютъ черты великорусской природы: вспоминается широко разливающаяся Волга-рѣка (стр. 38, 49), озера глубокія, а въ нихъ бѣла рыбаца-бѣлуга (стр. 42), вспоминаются стародавніе враги Московской Руси—литовцы:

„Не приступай Литва!
Будемъ съ тобой биться,
Будемъ воевати —
Сестрицу не отдавати!“ (стр. 58).

Кое-гдѣ слышатся отголоски Новгородской старины, быть можетъ, опредѣляющія мѣсто сложенія старой пѣсни. Такъ:

„Пріѣхалъ Иванъ-сударь изъ *Новаго* городочка,
Свѣтъ наша Марьюшка изъ высокаго терема.
Гдѣ тебя, Иванъ-сударь, гдѣ тебя посадить?
Чѣмъ тебя, Иванъ-сударь, накормить, напоить?
Посажу я своего Ванюшу во высокій теремъ,
Накормлю я своего Ванюшу тертыми калачами,
Напою я Ванюшу сладкими медами“ (стр. 302).

Сохранивъ въ свадебной обрядности должностныхъ лицъ старинной боярской свадьбы,—жители станицъ вносятъ и нѣкоторые обычаи, создавшіеся на Кавказѣ. Такъ въ станицѣ Прохладной „кортежъ съ женихомъ, по приглашенію, заѣзжаетъ сначала къ *старшему боярину*, а потомъ и къ другимъ *боярмъ*. при чемъ послѣдніе на дорогѣ *джигитуютъ*“ (стр. 20). Джигитовка, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ Сборника г. П. Иваницкій, усвоена прохладненскими казаками у сосѣднихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа, гдѣ это народное развлеченіе очень распространено и даетъ молодежи полную возможность показать публично свое удалство (стр. 20, примѣч.).

Въ отдѣлѣ любовныхъ пѣсень также на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ знакомые мотивы, занесенные изъ Россіи на Кавказъ: тѣ же сравненія, та же великорусская флора и только изрѣдка о Кавказѣ напоминаетъ какая-нибудь мѣстная принадлежность костюма или вооруженія, какая-нибудь *кабардиночка* (папаха), которою закрылся молодецъ, заливался *юрочью слезою* (стр. 64). Иногда, впрочемъ, не знаешь, искажила ли пѣсня стародавнюю черту, или въ записи вкралась ошибка. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, какъ въ долинушкѣ выростала трава *рушица*: очевидно, *рутица*, *рута*, встрѣчающаяся кое-гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ, особенно въ западномъ краѣ; или въ другой пѣснѣ, отнесенной редакторомъ къ числу историческихъ, поется, какъ настрѣчу *ясмену* соколику попадались черные воронья, какъ они

„Смѣялися—потѣшались надъ ямень-соколикомъ,
Называли-то они его, ямень-соколика,
Называли только его каргой *зачуменною* (стр. 87).

Не трудно догадаться, что вмѣсто *зачуменною*, слѣдуетъ читать: *зачуменною*, то-есть, летающею за гумнами, обычный эпитетъ вороны, карги.

Между пѣснями былевыми и историческими особенный интересъ сосредоточиваютъ на себѣ немногія „былины“, занесенныя казачествомъ на Кавказъ. Здѣсь можно наблюдать, какіе сюжеты стариннаго былевого эпоса особенно популярны. Конечно, любимѣйшимъ богатыремъ оказывается Илья Муромецъ, старый казакъ, и изъ его походовъ въ казацкой и разбойнической средѣ наибольшей извѣстностью пользовалась его встрѣча съ разбойниками. Эта небольшая былина существуетъ въ записяхъ изъ губерній: Московской, Калужской, Рязанской, Симбирской, извѣстна уральскимъ казакамъ и въ Сибири;—неудрено, что она поется и въ казацкихъ станицахъ Сѣвернаго Кавказа. Въ XV выпускѣ напечатаны записи ея изъ станицъ: Наурской (стр. 203), Слѣпцовой (стр. 204) и Ищерской (стр. 205). Вѣроятно, дальнѣйшіе поиски откроютъ ее и въ другихъ кавказскихъ станицахъ. Изъ другихъ богатырей такъ-называемаго кievскаго цикла казаки помнятъ еще только Алешу Поповича, который, въ единственной записанной о немъ былинѣ (въ станицѣ Ищерской Грозненскаго округа, стр. 274—275), является при томъ не въ своемъ позднемъ несимпатичномъ видѣ „бабьяго пересмѣшника“ и „судейскаго прелестника“, а въ древнемъ обликѣ богатыря, убившаго наемника Тугарина-Змѣевича. Въ этой роли Алеша Поповичъ извѣ-

стенъ въ сибирскихъ былинахъ (Томской губерніи и Якутской области), архангельскихъ, олонецкихъ. Конечно, по сохранности эпической традиціи, кавказская былина не можетъ быть сравнена съ сибирскими и олонецкими того же сюжета: князь Владимиръ не упоминается, *княжичишка* не названа по имени, мѣсто дѣйствія не обозначено, и все происшествіе скомкано въ какихъ-нибудь 40 стихахъ. Пѣвецъ на обычномъ пиру посадилъ не только князей бояръ, но *князинъ* и *графинъ*, которыхъ заставляетъ съ ужасомъ (!) глядѣть на прожорливаго Змѣя-Угарина. Но любопытно прозвище Алеши, который въ былинѣ называется не *Моповичемъ*, а *Догрубникомъ*, прозвищемъ, представляющимъ осмысленіе какого-то другаго въ связи съ извѣстною дерзостью и *зрубостью* этого богатыря. Если къ названнымъ былинамъ мы прибавимъ еще пѣсню съ именемъ Ильи Муровича, записанную г. Борисевичемъ въ станицѣ Червленной ¹⁾, то исчерпаемъ, все, что доселѣ извѣстно о былевомъ эпосѣ на Кавказѣ.

Значительно большее число историческихъ пѣсенъ Московскаго періода сохранилось въ казачкомъ пѣсенномъ репертуарѣ. Одна пѣсня о пожарѣ Москвы начинается стариннымъ залѣвомъ, встрѣчающимся иногда въ началѣ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ (напримѣръ, въ пѣсняхъ изъ Симбирской губерніи, записанныхъ П. В. Шейномъ):

Не дорого мнѣ было пиво пьяное,
А дорога была наша бесѣдушка,
Пирь-бесѣдушка смиренная.
Во бесѣдѣ спятъ люди добрые—
Старички почетные, разумные и т. д. (стр. 82).

Въ пѣсняхъ встрѣчаются имена Юрмака Тимофеевича (стр. 83), грознаго царя Ивана Васильевича (стр. 331), Краснощочкова (стр. 332), Петра перваго (стр. 279). Изъ событій царствованія Петра Великаго сохранились въ памяти казаковъ Стрѣлецкій бунтъ (стр. 84) и взятіе Ревеля (Колыванова) (стр. 278). Впрочемъ, послѣдняя пѣсня на столько искажена, что безъ имени города (Колыванова) трудно было бы догадаться, какое историческое событіе лежитъ въ ея основѣ. Однородная пѣсня, напечатанная въ сборникѣ Кирѣевского ²⁾, говоритъ, что въ осажденномъ русскими городѣ Колывани оставалась одна шведская королева, которую ея генералы побуждаютъ написать письмо къ ея брату, королю, съ просьбой прислать на подмогу 40

¹⁾ Издана мною въ *Этнографическомъ Обзорнѣи*, кн. XII, стр. 126 и слѣд.

²⁾ Вып. 8-й, стр. 215—216.

тысячъ войска. Въ кавказской пѣснѣ въ Колывановѣ, въ палатѣ, представлена молодая княгинюшка—

„По полатушкѣ она все похаживала,
Частехонько она въ хрустальное окошечко,
Княгинюшка, она все посматривала:

Да что-то молодого князя, да что его долго нѣту?“.

А этотъ князь, названный раньше *молодымъ ханомъ*, оказывается, для довершенія путаницы, поѣхалъ въ Петербургъ-городъ къ царю на вѣсти (?). Последняя историческая пѣсня, въ которой еще кое гдѣ пробивается старый складъ,—пѣсня о смерти императора Александра I, записанная въ станицѣ Ищерской (стр. 284). По сравненію съ пѣснями того же содержанія, вошедшими въ сборникъ Кирѣевского (X, 197—199), кавказская пѣсня оказывается болѣе полной и отчетливой въ подробностяхъ. Все, что далѣе помѣщено въ Сборникѣ подъ рубрикой пѣсенъ историческихъ, является продуктомъ новѣйшей солдатской поэзіи, „богатырскимъ“ эпосомъ позднѣйшей формациі. Старыя эпическія формы богатырской былины, въ которыя отливались въ теченіе столѣтій историческія пѣсни московскаго царскаго періода, уже не пригодились для новаго содержанія, для прославленія „кавказскихъ“ героевъ и героическихъ эпизодовъ кровавой войны съ горцами. Правильный размѣръ и звонкая рима литературныхъ стиховъ прельщали полковыхъ поэтовъ и вызывали ихъ къ подражанію разнымъ стихотвореніямъ, помѣщаемыхъ въ солдатскихъ сборникахъ. Получались поэтическіе продукты, полные патриотизма, но лишенные всякаго поэтическаго достоинства, не говоря уже о постоянныхъ недочетахъ въ размѣрѣ и въ римѣ. Для пониманія этихъ пѣсенъ, наполненныхъ именами генераловъ и кавказскихъ мѣстностей, ознаменованныхъ битвами, необходимъ комментарий, которымъ ихъ и снабдила редакція. Не представляя интереса съ этнографической стороны, эти произведенія полковыхъ поэтовъ любопытны для историка кавказской войны, выражая солдатскія симпатіи къ тому или другому изъ полководцевъ, оцѣнку ихъ личнаго характера, и характеризую отношенія русскаго солдата къ непріятелю. Солдатская пѣсня не только увѣковѣчила имена Ермолова, князя Барятинскаго, князя М. Воронцова, Слѣпцова, Фези, Врангеля, Бакланова, Козловскаго, Мищенко, Круковскаго, Предимирова и другихъ генераловъ, но нерѣдко имена сотниковъ и рядовыхъ, совершившихъ какой-нибудь выдающійся подвигъ въ богатой героическими эпизодами войнѣ съ горцами. Подновленіемъ этого, въ настоящее время

уже старѣющагося, репертуара пѣсенъ послужили тѣ пѣсни, которыя терскіе казаки перенесли въ свои станицы изъ послѣдней турецкой войны. Въ нихъ увѣковѣчены дѣла при Ловчѣ, Горномъ Студнѣ и имена князя Имеретинскаго и Скобелева (стр. 224 и сл.).

Любимая картина военно-бытовыхъ пѣсенъ на Кавказѣ—смерть казака на полѣ битвы, при чемъ представлено его прощаніе съ конемъ, которому онъ дастъ порученіе отвезти извѣстіе о смерти хозяина его домашнимъ. Множество пѣсенъ представляютъ варианты этой темы, и здѣсь можно сдѣлать любопытное наблюденіе, какимъ безвкуснымъ передѣлкамъ подвергается старинная общезвѣстная пѣсня о раненомъ добромъ молодцѣ, умирающемъ на чужой сторонѣ. Въ станицѣ Науурской былъ записанъ прекрасный вариантъ ея, сохранившій старинный складъ и краски:

„Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не породило,
Породило поле кустъ ракитовый,
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ,
Онъ не такъ-то лежитъ,—крѣпко раненый;
Въ головахъ у него—бѣль горючъ камень,
Во груди у него—свинцовъ пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
— „Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты бѣги, мой конь, въ землю русскую....
Ты дайся, мой конь, моему батюшкѣ
И родименькой моей матушкѣ;
Молодой женѣ на словахъ разкажи,
Что женила меня свинцовъ пуля,
Обручила меня сабля острая,
Первѣначала меня гробовъ доска“ (стр 199).

И вотъ, подъ вліяніемъ *литературныхъ* стихотвореній тотъ же мотивъ получаетъ такую новѣйшую обработку:

Тамъ далече въ чистомъ полѣ,
Убитой казакъ лежитъ;
Тамъ росла густая травка,
Густая травка съ муравою (sic).
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечъ свалилась голова;
Его руки, его очи
Принакрытыя лежатъ (sic).
—Ты лети, лети, голубчикъ (конь),

Къ моей миленькой (?) домой,
 Разкажи ты ей, голубчикъ,
 Что случилось *надо* мной:
 Дослужилъ твой сыночекъ
 Царю вѣрную службу,
 Приискалъ себѣ мѣстечко
 Въ чистомъ полѣ, на пескѣ (стр. 79).

До какой степени при передѣлкѣ искажаются *литературныя* стихотворенія, поправившіяся своимъ содержаніемъ или вѣднѣею формою солдатамъ-стихотворцамъ, видно изъ слѣдующаго произведенія, котораго непосредственный источникъ намъ случайно удалось открыть. Представляемъ нѣкоторыя мѣста оригинала, стихотворенія Фрейлинграта въ переводѣ О. Б. Миллера „Погребеніе разбойника“, и рядомъ кавказское подражаніе, отмѣчая курсивомъ несомнѣнныя заимствованія:

Въ послышкахъ похоронныхъ ¹⁾

Лежить боець гѣсовъ
 И шесть вооруженныхъ,
 Суровыхъ удалцовъ,
Среди лѣсовъ дремучихъ,
Безмолвно идутъ
И на рукахъ мочучихъ
Товарищи несутъ.
Носилки ихъ простыя
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальныя
Мечи положены;
На нихъ лежитъ сраженный
 Разбойникъ молодой,
 Назадъ окровавленной
 Повиснувъ головой....

Во лѣсу дремучемъ ²⁾

Кизаки идутъ;
На рукахъ мочучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,—
Изъ ружей они сложены,
Поперекъ стальныя
Шашечки положены;
На нихъ лежалъ сраженный
 Казакъ молодой;
 Изъ раны кровь лѣется—
 На сердцѣ у него печаль (sic).

Этихъ сличеній оригинала съ копіей вполне достаточно; не трудно себѣ представить процессъ созданія приведенной казацкой пѣсни: какому нибудь грамотному казаку попался въ руки переводъ стихотворенія о погребеніи разбойника: трагическое содержаніе, легкій стихъ возбудили его къ подражанію: онъ положилъ на носилки вмѣсто итальянскаго бандита молодаго казака, выкинулъ всѣ дальнѣйшія подробности оригинала, не подходившія къ русской дѣйствительности (въ родѣ Аппенингъ, сбировъ и проч.)—и репертуаръ казацкихъ пѣсенъ

¹⁾ Стихотворенія О. В. Миллера, изд. 3-е, 1872 г., стр. 13 и слѣд.

²⁾ Сборн. матер. и проч., стр. 79 и слѣд.

обогатилась новой, которая, раздѣляя судьбу всѣхъ устныхъ произведеній, переходя изъ устъ въ уста, подвергалась дальнѣйшимъ измѣненіямъ и искаженіямъ....

Прежде чѣмъ разстаться съ пѣсеннымъ отдѣломъ XV-го выпуска, считаю нелишнимъ замѣтить, что тексты многихъ пѣсенъ представляютъ интересный матеріалъ для наблюденія взаимнаго вліянія великорусскаго и малорусскаго пѣснотворчества. Такъ, съ одной стороны, малорусскія пѣсни (напримѣръ, въ станицѣ Прохладной, населенной малороссами) вносятъ въ себя великорусскія слова и формы:

Враны, друшчыцы, ераны
Брешете вы, якъ собаки...

Или: Свашечко-свитылочко,
Смій же памъ хотъ одну
Перейжджюю писеньку... (стр. 27).

Съ другой стороны,—великоруссы свободно заимствуютъ и перекладываютъ на свое нарѣчіе малорусскія пѣсни, не стѣняясь нѣкоторыми малоруссизмами.

Такова свадебная пѣсня въ станицѣ Наурской (стр. 145, срав. также стр. 170, 172, 173, 304, 305):

Тамъ у броду, тамъ у броду,
Брала дѣвчоночка воду;
Казаченька да копя *напоеаетъ*,
Самъ съ дѣвчонкой *разговлаетъ*:
„Горе жъ тому казаченькѣ,
Что двѣ дѣвчины любить:
Одну любить чернявую,
А другую бѣляву:
Чернявая дѣвчоночка
Цѣлуется, обнимается,
А *блѣнька* — тожъ моя *млѣнька*—
Слезочкѣми умывается... и пр.

Въ концѣ I-го отдѣла помѣщены *напѣты* множества пѣсенъ изъ станицъ Прохладной, Слѣпцовской и Наурской, за что всѣ любители и изслѣдователи народной музыки несомнѣнно будутъ благодарны гг. Головчанскому, Денбовецкому и Пятирублевому, доставившимъ редакціи свои потныя записи.

Второй отдѣлъ XV выпуска весь занятъ сказками, записанными въ станицахъ Слѣпцовской (П. Семеновымъ), Наурской (В. Пятирублевымъ), Умаханъ-Юртовской (В. Кикотемъ) и въ слободѣ Воздвиженской (Е. Максимильяновымъ). Собирателю сказокъ въ станицѣ

Слѣпцовской г. П. Семенову принадлежитъ и весьма содержательная статья въ XVI выпускѣ „Нѣсколько страничекъ изъ жизни казаковъ станицы Слѣпцовской“, представляющая характеристику населенія, сборникъ суевѣрій и примѣтъ, нѣсколько сказокъ и списокъ характерныхъ словъ, встрѣчающихся въ разговорной рѣчи населенія этой станицы (стр. 162—210). Отдѣлъ *сказокъ* XV-го выпуска восполняется нѣсколькими, также русскими, сказками, приложенными къ *программнымъ* статьямъ XVI выпуска, представляющимъ описанія нѣкоторыхъ русскихъ поселеній сѣвернаго Кавказа: села Спасскаго, (г. Н. Рябыхъ, вып. XVI, отд. 1, стр. 278—307), станицы Ардонской (г. А. Гусева, тамъ-же, стр. 317—366) и друг.

Не останавливаясь на разборѣ обильнаго матеріала сказокъ, извѣстныхъ русскому населенію Кавказа, замѣчу только, что и въ нихъ, какъ въ пѣсняхъ, есть излюбленныя темы или, по крайней мѣрѣ, этюды.

Такъ, разказчики очень часто заставляютъ героя сказки угонять *косяки* (табуны) прекрасныхъ лошадей. Угонъ такого косяка представляется, какъ извѣстно, лучшею, наиболѣе заманчивою добычею и древнимъ кавказскимъ нартамъ въ сказаніяхъ кабардинцевъ. Осетинъ, чеченецъ, конечно, страстный любитель коня, кавказскій джигитъ, предпочтетъ эту добычу какой нибудь писанной красавицѣ. Такъ, отражая на себѣ бытовые черты Кавказа, нашъ сказочный Иванъ царевичъ отправляется съ *арканомъ* въ *косякъ* за конемъ (стр. 5); сказочный третій братъ дурачекъ пасетъ порученный ему *косякъ* на землѣ Бабы-яги (стр. 34); Иванъ-Малышъ подползаетъ къ *косяку* коней и накидываетъ арканъ на лучшаго жеребца, который затѣмъ уводитъ за собой всѣхъ кобылицъ-матокъ и ихъ жеребятокъ (стр. 73) и т. п. Иногда въ извѣстную русскую сказку попадаютъ персонажи изъ туземныхъ — чеченскихъ, кабардинскихъ и др. Такъ, сестрою Ивана Царевича оказывается дѣвчонка-людоедка, которая съѣла роднаго отца и угрожаетъ съѣсть брата (стр. 10). Намъ помнится эта личность — людоедки, пожирающей всю свою семью и убиваемой младшимъ братомъ, въ нѣкоторыхъ туземныхъ сказкахъ.

Всѣ статьи, вошедшія въ XVI-й выпускъ „Сборника“, кромѣ трехъ небольшихъ замѣтокъ, относятся къ сѣверному Кавказу, къ областямъ Терской и Кубанской и къ Ставропольской губерніи. Это большей частью программныя описанія разныхъ поселеній, со свѣдѣніями объ экономическомъ бытѣ, съ статистическими таблицами и проч.; но при многихъ статейкахъ приложены и матеріалы этногра-

фическіе, характеристики вѣрованій, обычаевъ, обрядовъ, а также, какъ мы уже упомянули, сказки и пѣсни. Авторамъ описаній нѣкоторыхъ станицъ удалось на мѣстахъ собрать интересныя свѣдѣнія отъ старожилонъ о началѣ поселенія, первыхъ временахъ жизни поселенцевъ, ихъ отношеніяхъ къ туземцамъ, о постепенномъ ростѣ той или другой станицы, пріемѣ новыхъ поселенцевъ и т. п. Таковы, напримѣръ, данныя, сообщаемыя учительницами Бутовой и Лысенко по исторіи станицы Ищерской (стр. 36—41), основанной въ 1776 волжскими казаками, занявшими на Терекѣ земли, принадлежавшія кабардинцамъ. Оказывается, что у ищерцевъ сохранилось любопытное преданіе о Пугачевѣ, который будто бы приходилъ къ ищерцамъ и, видя недовольство казаковъ, предложилъ имъ отправиться въ Москву къ царицѣ хлопотать объ улучшеніи ихъ положенія, если они признаютъ его атаманомъ и дадутъ на дорогу деньги. Ищерцы на предложеніе Пугачева согласились и дали ему 20 рублей ассигнаціями, собранныхъ со всей станицы. Пугачевъ, получивъ деньги, отправился въ Моздокъ, чтобы купить себѣ на дорогу припасовъ. Въ Моздокѣ Пугачевъ купилъ себѣ соболью шапку и бѣлый башлыкъ, нарядился въ нихъ и въ такомъ видѣ разгуливалъ по городу. Въ это время въ Моздокъ прибылъ съ казаками есаулъ Агапоновъ. Казаки Агапонова, встрѣтивъ на улицѣ Пугачева и удивясь его странному полуказачьему костюму, спросили его, что онъ за человекъ. Пугачевъ отвѣтилъ, что онъ вольный казакъ, по этимъ казаки не удовлетворились и рѣшили отвести Пугачева къ своему есаулу. Агапоновъ жилъ въ это время у коменданта. Когда Пугачева привели на комендантскій дворъ, здѣсь его обыскали и при обыскѣ нашли свинцовую печать атамана донскаго войска, сдѣланную, какъ потомъ оказалось, писаремъ станицы ищерской. Комендантъ рѣшилъ арестовать Пугачева и отправить его въ Кизляръ, а пока будетъ къ тому оказіи, посадилъ его въ тюрьму. Оказіи скоро не оказалось, а за это время Пугачевъ успѣлъ подкупить тюремныхъ сторожей (часоваго Лопатина), которые дали ему возможность бѣжать изъ тюрьмы (стр. 38 и слѣд.). Преданіе отличается такою свѣжестью, такъ обстоятельно помнитъ подробности и имена, какъ будто событіе случилось на дняхъ.

Авторъ описанія села Рагули (Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи) г. А. Бубновъ могъ собрать о началѣ этого поселенія свѣдѣнія отъ одного изъ первыхъ поселенцевъ Терентія Ильина, почти столѣтняго старика. Ильинъ еще помнитъ хорошо,

какъ въ 1843 году ихъ пришло 7 семействъ изъ Россіи, какъ поселенцы жили сначала въ землянкахъ на берегу рѣчки Рагули, и начали заниматься земледѣліемъ среди сосѣдей кочевниковъ, калмыковъ и туркменъ; какія столкновенія они переживали съ сосѣдями, старавшимися всячески вытѣснить русскихъ колонистовъ и проч. (стр. 223 и слѣд.). Всѣ подобныя свѣдѣнія, которыя еще можно собрать о многихъ русскихъ селеніяхъ Кавказа, представляютъ огромный интересъ въ будущемъ, когда, быть можетъ, многія изъ нынѣшнихъ сель разростутся въ цвѣтущіе города. Какъ были бы довольны наши историки, еслибъ наши предки занесли въ записи подобныя свѣдѣнія о началѣ того или другаго русскаго города! Нужно вспомнить, что во многихъ русскихъ селеніяхъ Кавказа замѣчается интересный процессъ сліянія племенъ и культурнаго взаимодействія; выработывается новый типъ, какъ продуктъ племеннаго сращенія, перѣдко новый говоръ смѣшаннаго характера. Элементы, входящіе въ новый типъ, еще могутъ быть отчетливо указаны въ настоящее время; но пройдетъ нѣсколько десятилѣтій, и антропологи и этнографы будутъ поставлены въ затрудненіе при рѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ, если современники, наблюдавшіе процессъ смѣшенія, не оставятъ будущимъ изслѣдователямъ своихъ драгоценныхъ свидѣтельствъ. Такъ, мы узнаемъ изъ статьи г. Рябыхъ о селѣ Спасскомъ (Новоградгорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи), что жители этого села великороссы, но въ образѣ ихъ жизни проявляются малороссійскія черты, привившіяся къ нимъ по переселеніи на Кавказъ. Нарѣчіе ихъ смѣшано съ малороссійскимъ, а удалыя ухватки и молодечество мужчинъ заимствованы съ давняго времени у кочующихъ туркменъ, которые въ исходѣ прошлаго и до пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія часто на нихъ нападали... Пришлось мирнымъ жителямъ взяться за оружіе и прибѣгнуть къ самозащитѣ, что развило въ нихъ удалъ и молодечество (стр. 287 и слѣд.)... Перенимая иногда обычаи, нѣкоторые предметы бытовой обстановки, костюмъ у туземцевъ, русскіе поселенцы обогащаютъ запасъ своихъ стародавнихъ суевѣрій новыми, усвоенными уже на Кавказѣ. Такъ, жители станицы Червленой, какъ мы узнаемъ изъ статьи г. Рогожина (стр. 63), вѣрятъ съ существованіемъ какого то духа женскаго пола Лобасты. „Это—нагая женщина, большаго роста, весьма полная и обрюзгшая до безобразія, съ громадными, приблизительно въ аршинъ, отвислыми грудями, закинутыми иногда чрезъ плечи на спину, и съ косами, достигающими до земли; въ общемъ наружный видъ ея крайне и невыносимо безобра-

зень и паводить страхъ. Она живетъ въ большихъ болотахъ, озерахъ и омутахъ, часто захватываетъ людей, проходящихъ мимо ея жилища, затаскиваетъ въ болото и щекочетъ сосками своихъ грудей иногда до смерти“ (стр. 64). Это существо, напоминающее отчасти нашихъ русалокъ (пребываніемъ въ болотѣ, щекотаніемъ) и носящее, повидимому, русское имя (Лобаста отъ слова лобъ), оказывается, какъ уже отмѣтилъ г. Бороздинъ (стр. II), духомъ, заимствованнымъ русскими у туземцевъ. У ногайцевъ она носитъ названіе Албаста, у киргизовъ Албоста, у лезгинъ Алпабъ и проч., такъ что имя Лобаста является продуктомъ народной этимологіи, осмысленіемъ иностраннаго названія.

Къ этнографіи туземнаго населенія Кавказа относятся статьи г. Цаллагова—объ осетинскомъ селеніи Гизель (Владикавказскаго округа Терской губерніи) и г. Мохира—о кумыкскомъ аулѣ Аксаѣ. Осетинское населеніе Гизеля, принадлежащее православной церкви, состоитъ изъ потомковъ горныхъ осетинъ. Справляя церковные праздники, они сверхъ того празднуютъ свои старыя языческо-христианскіе, свидѣтельствующіе о томъ состояніи двоевѣрія, въ которомъ находились ихъ предки. Таковы, на примѣръ, предразсудки: день *новаго* ангела, день Божьяго ангела, день Аларды (ангела насылающаго осну), Фидиуани (усѣкповеніе главы Іоанна Предтечи) и друг. У каждаго святаго есть въ горахъ *Кудтонъ* (мѣсто моленія; см. стр. 16). Не смотря на то, что гизельцы уже давно живутъ на плоскости, они не порвали религіозной связи съ прежними святынями въ горахъ, и ежегодно одинъ изъ членовъ каждаго семейства отправляется въ горы помолиться извѣстному, чтимому его семьей святому, и зарѣзать въ его честь барана.

Изъ устныхъ сказаній гизельцевъ г. Цаллаговъ сообщаетъ очень полный пересказъ сказанія о Дараджанахъ (стр. 23—28). Это одинъ изъ многихъ вариантовъ сказаній Дареджановскаго цикла, хорошо извѣстныхъ грузинамъ и осетинамъ, заимствовавшимъ ихъ отъ своихъ южныхъ сосѣдей. Въ Грузіи извѣстно не мало старинныхъ рукописей этого героическаго романа, перешедшаго въ народныя сказанія. Было бы интересно уяснить отношеніе между народными пересказами—грузинскими и осетинскими—и книжной редакціей (или, быть можетъ, редакціями); но пока наши иберисты не познакомятъ насъ подробно съ содержаніемъ рукописнаго романа, мы не можемъ судить о томъ, на сколько самостоятельны были народныя обработки и какіе мотивы другихъ сказаній были вплетены въ основной разказъ.

Размѣръ нашей рецензіи не позволяетъ намъ остановиться на всемъ второмъ отдѣлѣ XVI выпуска (стр. 1—186), содержащемъ *девять* статей о народной медицинѣ, то-есть, о приемахъ лѣченія, о врачебныхъ средствахъ, объ уходѣ за роженицами и поворожденными и т. п. Обширные матеріалы по этой части, представляющіе интересъ и для этнографовъ, и для медиковъ, собраны въ станицѣ Слѣпцовской (г. Семеновымъ), въ разныхъ станицахъ Кубанской области (г. Живило), въ г. Ейскѣ (г. Мажниковымъ), въ мѣстечкѣ Они Кутапской губерніи (г. Джапаридзе), въ станицѣ Курганпой Кубанской области (г. Степановымъ), въ станицѣ Кубанской (г. Соболей), въ станицѣ Бекешевской (г. Товпекинымъ), въ станицѣ Перясланской (г. Дѣдухомъ) и др. Въ число приемовъ лѣченія входитъ, конечно, заговоры (см. стр. 127—130; 135—137; 184—186)—какъ у русскихъ, такъ и у туземцевъ. Нѣкоторые заговоры изслѣдователь этого интереснаго и еще далеко не вполне разъясненнаго отдѣла народныхъ вѣрованій найдетъ и въ первомъ отдѣлѣ того же выпуска (стр. 276, 323).

Слѣдующій XVII-й выпускъ „Сборника“ превосходитъ оба предшествующіе разнообразіемъ содержанія. Онъ открывается руководящей статьёй редактора Л. Г. Лопатинскаго, которая, между прочимъ, содержитъ составленный на основаніи матеріаловъ, вошедшихъ въ этотъ выпускъ, краткій сводъ космогоническихъ вѣрованій народовъ христіанскаго и мусульманскаго вѣроисповѣданій, ихъ представленій о сотвореніи міра, о небѣ, солнцѣ, луцѣ и звѣздахъ, о громѣ, о молніи, градѣ, облакахъ, вѣтрѣ и прочихъ явленіяхъ, о духахъ, а также обзоръ обрядовой стороны ихъ жизни и суевѣрій, которыми она опутана. За этимъ полезнымъ предисловіемъ, облегчающимъ читателю пользованіе „Сборникомъ“, слѣдуетъ полубеллетристическая *случайная* статья, написанная, повидимому, еще въ 40-хъ годахъ флигель-адъютантомъ Ханъ-Гиреемъ, авторомъ нѣсколькихъ статей о черкесахъ, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ газетѣ *Кавказъ* въ 1844—1847 годахъ. Статья носитъ заглавіе: „Князь Пшеской Аходягоко“ и прославляетъ личность и подвиги этого князя, котораго авторъ лично зналъ (въ 30-хъ годахъ) и уважалъ. Собственно и князь, и племя, къ которому онъ принадлежалъ, отошли въ область прошедшаго. Бжедуги, черкесское племя, владѣвшее землями по лѣвому берегу Кубани отъ р. Пшишь до р. Супсы, ушло почти поголовно въ Турцію вмѣстѣ съ другими племенами закубанскихъ и приморскихъ черкесовъ, и трудно сказать, много ли осталось въ настоящее время представителей этого племени въ предѣлахъ

Оттоманской имперіи, и сохранили-ли они свой языкъ и обычаи. Покойный авторъ сообщаетъ легенды о родоначальникѣ бжедугскихъ князей, изъ одного колѣна которыхъ происходилъ герой его разказовъ, даетъ интересныя свѣдѣнія о бжедугскихъ сословіяхъ, о борьбѣ князей и дворянства съ низшимъ классомъ, въ которой князь Аходягоко принималъ самое дѣятельное участіе, какъ наиболѣе энергичный и не стѣснявшійся въ выборѣ средствъ представитель интересовъ дворянства. Хотя авторъ замѣтно увлекается своимъ героемъ, хотя выставляетъ его образцомъ благородства, утверждая, что „благородные поступки и мужественные подвиги приводили его въ восторгъ, а всякая низость и подлое малодушіе въ сильное негодованіе“,—однако тутъ-же долженъ замѣтить: „Между тѣмъ, сколько собственныхъ дѣлъ его запечатлѣно черными пятнами! Не даромъ черкесы говаривали: „На широкихъ его плечахъ сидятъ бѣсы“ (стр. 61). Дѣйствительно, этотъ герой въ черкесскомъ вкусѣ прибѣгалъ въ борьбѣ съ крестьянами къ обману, подкупу, не говоря уже о томъ, что отличался страшной мстительностью и жестокостью“.

Не лишены интереса свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ отношеніяхъ закубанскихъ черкесовъ къ Турціи въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Бжедуги были въ глубокой древности язычниками. Распространившееся впоследствии христіанство, котораго слѣды видны и понынѣ въ ихъ языкѣ и обычаяхъ, было посягнуто слабою рукою. Магометанская религія, не очень давно припятая ими, легко вытѣснила языческія преданія и слабыя зачатки христіанскихъ идей, насажденныхъ греческой церковью. Новое исповѣданіе однако долго не имѣло никакого вліянія на народныя и общественныя ихъ дѣла. Такимъ образомъ бжедуги, какъ и всѣ низовые черкесы по вѣрѣ магометане, оставались во всемъ язычниками, то-есть, придерживались унаслѣдованныхъ отъ предковъ обычаевъ... Политическое вліяніе Турціи до 20-хъ годовъ было ничтожно: какъ единовѣрцы съ турками, черкесы признавали главенство *намъстника* пророка султана, но на самомъ дѣлѣ, по словамъ автора, не оказывали его власти ни малѣйшей покорности (стр. 19). Лишь при Махмудѣ II, когда въ 1826 году въ Анапу былъ посланъ энергичный паша, подчиненіе Турціи дѣлается болѣе осязательнымъ: черкесы дали присягу на будущее время руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ своихъ, общественныхъ и частныхъ, алкораномъ, оставивъ древніе юридическіе обычаи; затѣмъ приняли духовныхъ судей (кадіевъ) для производства суда; обязались уплачивать, на основаніи корана, въ пользу казны

десятью часть собираемаго съ полей хлѣба, и проч. (стр. 21). Такимъ образомъ изъ свѣдѣній Ханъ-Гирея видно, что упорная борьба черкесовъ съ Россіей заставила ихъ сблизиться съ Турціей и развила въ нихъ мусульманскій фанатизмъ, котораго они ранѣе были чужды, сохраняя въ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ слѣды древняго христіанства. Данныя, приводимыя авторомъ, подтверждаются и наблюденіемъ англичанъ Bell'я и Longworth'a, проживавшихъ у черноморскихъ черкесовъ въ 30-хъ годахъ ¹⁾ и оставившихъ описаніе ихъ быта.

Изъ преданій о родоначальникѣ бжедугскихъ князей можно отиѣтити, что у этого черкесскаго племени, какъ и у кабардинцевъ, были извѣстны сказанія о *нартахъ*, которыхъ авторъ сравниваетъ съ рыцарями среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ нартовъ Дяндеко-Севай былъ родоначальникомъ бжедугскихъ князей. „Похищенный, скоро послѣ рожденія, огромнымъ соколомъ Шамгуромъ, онъ былъ воспитанъ этимъ громаднымъ хищникомъ на вершинѣ исполинскаго дуба... Въ одной нартской пѣснѣ, сложенной дѣвушкой, говорится объ этомъ воспитанникѣ сокола: «Въ одной половинѣ его дома солнце ярко свѣтитъ, а въ другой трещить морозъ» (стр. 3)... Не трудно догадаться, что бжедуги перенесли въ преданіе о родоначальникѣ своихъ князей черты персидскаго сказанія о богатырѣ Залѣ, отцѣ Рустема, воспитанномъ чудною исполинскою птицей Симургомъ въ его гнѣздѣ. Несомнѣнно, что само имя сокола *Шамгуръ*—искаженіе имени персидской мифической птицы Симургъ (черезъ перестановку).

За статьей г. Н. Динника, описывающей прекрасное альпійское озеро Кели (въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисскаго губерніи) и содержащей картину фауны и флоры посѣщенныхъ авторомъ мѣстъ, слѣдуетъ нѣсколько программныхъ описаній закавказскихъ поселеній: села *Кварели* Телавскаго уѣзда Тифлисскаго губерніи (г. Зедгинидзе), села *Карзагъ* Ахалкалакскаго уѣзда (г. К. Григорова), села *Геозалдара* Новобаязетскаго уѣзда Эриванскаго губерніи (г. Теръ-Маркарова), села *Ахты* Самурскаго округа Дагестанскаго области (г. Д. Бабаева) и села *Барды*, Джаванширскаго уѣзда Елисаветпольскаго губерніи (г. Г. Осипова). Послѣднее селеніе, представляющее въ настоящее время рядъ землянокъ съ кривыми и грязными улицами, только своимъ именемъ напоминаетъ древній городъ Барду (Партавъ), столицу Албан-

¹⁾ См. Bell, Journal d'une résidence en Circassie (1837—1839). Paris. 1841. Longworth, A year among the Circassians. 1840.

скаго царства, стоявшій въ тѣхъ же мѣстахъ. Отъ древняго города сохранились развалины одной башни и нѣсколькихъ домовъ. Авторъ приводитъ два преданія объ уничтоженіи Барды: одно приписываетъ его разрушеніе наводненію р. Тертера, другое—Лякъ-Темуру, то-есть, Тимурленгу (стр. 136 и слѣд.). Желательны были бы болѣе подробныя археологическія развѣдки въ мѣстности древняго города.

Въ преданіяхъ исторически малодостоверныхъ о селеніи Ахты, первоначально называвшемся Кендушкенъ, сохранились между прочимъ любопытныя указанія на то, что арабы при завоеваніи Дагестана застали тамъ евреевъ. Еврей Исаакъ, жившій въ Кендушкенѣ, первый, по словамъ преданія, покорился Абумюслиму и принялъ магометанство; его примѣру послѣдовали и другіе. За это завоеватель выдалъ будто-бы за Исаака замужъ свою сестру Ахты, которая и передала свое имя селенію (стр. 139). О давности евреевъ на восточномъ Кавказѣ существуетъ рядъ показаній, собранныхъ мною въ введеніи къ моимъ „Матеріаламъ для изученія еврейско-татскаго языка“ (С.-Пб. 1892); сообщаемое г. Бабаевымъ преданіе служить нѣкоторымъ пополненіемъ къ указаннымъ мною даннымъ.

Цѣнный вкладъ въ первый отдѣлъ разсматриваемаго выпуска сдѣлать знатокомъ этнографіи Кавказа Е. Г. Вейденбаумомъ, напечатавшимъ свой переводъ „Описанія Черкесіи“ Ксаверіо Главани и снабдившимъ его многими пояснительными примѣчаніями. Въ виду скудости нашихъ свѣдѣній о прежнемъ бытѣ черкесовъ, данныя о немъ, сообщаемыя въ документѣ 1724 года, хотя и собраны не на мѣстѣ, а въ Крыму изъ разказовъ пріѣзжавшихъ туда черкесовъ, однако не лишены научнаго интереса. Авторъ отчета Ксаверіо Главани былъ французскимъ консуломъ въ Крыму и первымъ врагомъ хана. Какъ любознательный европеецъ, онъ разспрашивалъ черкесовъ, пріѣзжавшихъ въ Крымъ ко двору хана, объ ихъ странѣ, а отъ одного старика ногайца добылъ даже свѣдѣнія о разныхъ народностяхъ, населяющихъ Кавказъ. Г. Вейденбауму удалось пріобрѣсти французскій рукописный переводъ консульскаго, написаннаго по-итальянски, отчета Главани, снабженный нѣкоторыми дополненіями болѣе поздняго времени, такъ какъ въ нихъ говорится о событіяхъ, совершившихся послѣ 1724 года. Главани сообщаетъ свѣдѣнія о дѣленіи Черкесіи на бейлики (округи), названія которыхъ въ сущности совпадаютъ съ названіями племенъ или племенныхъ подраздѣленій, занимавшихъ эти округа; объ отношеніи черкесовъ къ крымскимъ ханамъ, о не-черкесскихъ племенахъ, зависѣвшихъ отъ черкесовъ, объ отношеніи черкесовъ къ иностран-

памѣ, къ гостямъ, объ ихъ характерѣ и способностяхъ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ и т. п. Свѣдѣнія о религіозномъ состояніи черкесовъ въ общемъ согласны съ тѣмъ, что объ этомъ сообщаютъ Барбаро и Интериано въ XV столѣтіи, Джованни да-Лукка и Эмидіо д'Асколи въ XVII и Пейсоннель въ XVIII-мъ. По словамъ Главани, вѣрованія черкесовъ смѣшанныя: они чтутъ субботу, воскресенье и пятницу, празднуютъ пасху съ христіанами и байрамъ съ турками; въ обществѣ христіанъ они не соблюдаютъ никакихъ постовъ, находясь-же съ турками, выдаютъ себя за турокъ (то-есть, мусульманъ). Наибольшимъ религіознымъ уваженіемъ пользуются у нихъ священныя деревья, передъ которыми они молятся и которымъ умирающіе завѣщаютъ свою саблю, ружье и одежду. Священныя рощи пользуются правомъ убѣжища: если мужчины и женщины, совершившіе преступленіе или убійство, скроются въ такой лѣсъ и повяжутъ себѣ на шею какую нибудь тряпку изъ числа висящихъ на деревьяхъ, то они освобождаются отъ наказанія, какъ состоящіе подъ покровительствомъ божества (стр. 157). Любопытно, что названіе священныхъ деревьевъ *панекассанъ*, какъ догадался уже Пейсоннель, объясняется изъ греч. *παναγία*—*пресвятая*. Это даетъ возможность предполагать, что эти деревья осыпали, быть можетъ, раньше какія нибудь христіанскія святыни и, по разрушеніи ихъ отъ дѣйствіи времени, сохранили для населенія память о священныхъ мѣстахъ. Главани слышалъ, что въ Черкесіи существуетъ нѣсколько церквей съ надписями, но не извѣстно какими (конечно, греческими; см. стр. 160). Цѣнныя поясненія г. Вейденбаума къ тексту Главани восполняются нѣкоторыми замѣтками Л. Г. Лопатинскаго.

Весь второй отдѣлъ XVII выпуска содержитъ статьи однороднаго содержанія: о повѣрьяхъ, обычаяхъ, предразсудкахъ, примѣтахъ и проч. разныхъ кавказскихъ племенъ, какъ то грузинъ, армянъ, ногайцевъ и талышинцевъ. Особеннымъ богатствомъ содержанія отличается обширная статья г. Мамадзе „Народные обычаи и повѣрья гурийцевъ“ (стр. 15—123). Авторъ подробно описываетъ годичныя праздники гурийцевъ, начиная съ *каланды*, то-есть, новаго года со всѣми справляемыми при этомъ обрядами. Оказывается, что гурийцы сохранили въ обрядовыхъ подробностяхъ много старины въ высшей степени интересной для объясненія обрывочныхъ и смутныхъ обрядовъ и повѣрій, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ у европейскаго простолюдиня, которое давно утратило пониманіе ихъ первоначальнаго значенія. Въ большинствѣ случаевъ это не остатки древняго язычества, но слѣды христіанской обрядности, своеобразно понятой народомъ съ миеологиче-

скимъ міровоззрѣніемъ. Такъ, къ имени св. Василія Великаго, котораго память празднуется 1-го января, прикрѣпились легенды о его спорѣ съ Магометомъ, о благословеніи имъ свиньи, почему она и составляетъ главное блюдо въ день новаго года, и борода св. Василія. Изготавливаемая изъ орѣховыхъ стружекъ и украшаемая разными драгоценностями, играетъ въ праздникъ такую же роль, какъ рождественская елка у нѣмцевъ. „Украшая эту бороду чествуемаго святаго разными полезными предметами и внося все это въ домъ на новый годъ, тѣмъ самымъ гуріецъ, по словамъ г. Мамаладзе, (стр. 22), выражаетъ желаніе, чтобы св. Василій Великій послалъ въ грядущемъ году всего этого вдоволь“. Очевидно, это *captatio benevolentiae* посредствомъ украшения бороды напоминаетъ старинный русскій обычай завивать бороду Волосу. Но подробности нашего обычая намъ мало извѣстны, гуріицы же до сихъ поръ продолжаютъ добросовѣстно готовить свои стружковые *чичилами*. Среди многихъ символическихъ обрядовъ въ день новаго года можно отмѣтить обрядовыя дѣйствія, связанныя съ земледѣліемъ и винодѣліемъ. По окончаніи обѣда гуріецъ беретъ мотыгу, сѣмена кукурузы или гоми и, выйдя во дворъ, копаетъ, а затѣмъ „бросаетъ зерно“, выражая этимъ желаніе имѣть хорошій урожай въ наступающемъ году. Затѣмъ беретъ отваренную голову свиньи, идетъ по винограднику и, ударяя о голову свиньи чѣмъ нибудь, поетъ обрядовую пѣсню, въ которой обращается къ какому то Агуна, считающемуся покровителемъ винодѣлія. Въ той же пѣснѣ встрѣчаются слова: „около дверей Бахуа проходи! Въ нашемъ виноградникѣ *такія* (тутъ берутъ на руки ребенка) кисти, а въ чужомъ—хворостъ и листья“. Въ названіи *Бахуа* г. Мамаладзе находитъ имя классическаго Вакха, что, по его словамъ, „не представляется удивительнымъ, такъ какъ вся западная часть Кавказскаго края, а слѣдовательно и Гурія, долгое время находились подъ сильнымъ вліяніемъ грековъ“ (стр. 34). Это объясненіе и мнѣ кажется правдоподобнымъ. Не говоря уже о прикрѣпленіи къ Кавказу классическаго сказанія объ Аргонавтахъ, о сходствѣ кавказскихъ сказаній про Одноглаза и прикованнаго къ скалѣ великана съ классическими—о Полифемѣ и Прометей, можно припомнить классическія свидѣтельства о культѣ Вакха на Кавказѣ, служащія къ объясненію имени Бахуа въ гурійской пѣснѣ. Такъ Діонисій Періегетъ (въ 90 г. по Р. Х.), упомянувъ о Кавказскихъ иберахъ, говоритъ, что тамъ-же живетъ большой народъ камариты (*Καμαρίται*), которые нѣкогда пріютили у себя Вакха, возвращающагося съ войны изъ Индіи, и потомъ

ввели у себя въ честь Вакха празднества Ленеи. Во время этого празднества они прикрываютъ грудь кожами молодыхъ оленей, подпоясываются поясомъ и кричатъ: „Эвой Вакхъ! Богъ полюбилъ эту страну и ея жителей ¹⁾“. Въ комментарий къ этому мѣсту Діонисія писатель XII вѣка, Евстацій объясняетъ, что камариты получили названіе свое отъ судовъ, на которыхъ они занимались пиратствомъ и которыя назывались у эллиновъ *καράρα* (тамъ же, стр. 140). Такимъ образомъ, камаритами назывались прибрежныя кавказскія племена. Помимо свидѣтельства Діонисія Періегета можно подтвердить и археологическими находками существованіе фаллическаго вакхическаго культа на Кавказѣ, припомнивъ тѣ фаллическія бронзовыя статуетки, которыя были находимы близъ Казбека (Филимоновскій кладъ) и въ Закавказь....

Описавъ до 18-ти праздниковъ со всею сопровождающею ихъ обрядностью, авторъ во второй части своей статьи разсматриваетъ повѣрья, не приуроченныя къ праздникамъ, какъ-то: оплакиванье и похороны, родильные обряды, вѣрованія въ разныхъ духовъ, ворожбу, представленія о небесныхъ тѣлахъ, физическихъ явленіяхъ, звѣряхъ, птицахъ и проч. Не входя въ подробности, отмѣтимъ только одно представленіе, общее у гурійцевъ (и, вѣроятно, у другихъ грузинъ) съ осетинами: „Когда солнце при заходѣ скрывается за горизонтомъ, то оно нѣкоторое время еще освѣщаетъ склоны и вершины горъ и вообще высокія мѣстности. Свѣтъ отъ солнца въ это время бываетъ слабый, съ красноватымъ отливомъ. Этотъ свѣтъ солнца въ Гуріи почему-то называютъ „солнцемъ покойника“ (стр. 115). Подобное же представленіе существуетъ у осетинъ и только что скрывшееся за горизонтъ солнце называется *солнцемъ мертвыхъ* (мэрдты хур). Осетины убѣждены, что послѣ заката солнца затворяются ворота царства мертвыхъ, и до утренней зари никто не можетъ быть туда впущенъ. Поэтому они хоронятъ мертвыхъ до заката солнца, дабы покойнику не пришлось бродить у запертыхъ воротъ загробнаго міра вплоть до зари ²⁾. Одно осетинское преданіе рассказываетъ даже случай, когда отпущенный на землю властителемъ мертвыхъ Барастыромъ покойникъ едва не запоздалъ возвращеніемъ въ загробный міръ. Когда, совершивъ разные подвиги для своего отца, онъ спѣшилъ до заката солнца

¹⁾ См. извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ Л. Гама въ IV-мъ выпускѣ „Сборника“, стр. 134.

²⁾ См. мои „Осетинскіе этюды“, II, стр. 245.

вернуться къ мертвымъ, мать, бѣжавшая за нимъ, чтобы хоть на нѣсколько минутъ задержать его, просила Бога: „если ты умѣешь читать въ сердцахъ матери, то заставь маленькое солнце (иначе: солнце мертвыхъ) появиться на горахъ“! Богъ исполнилъ ея желаніе, и она могла еще нѣсколько мгновений смотрѣть на сына ¹⁾).

Слѣдующая статья г. Степанова „Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда“ записана, по словамъ автора, главнымъ образомъ со словъ одного крестьянина (жителя с. Калаури), глубоко проникнутаго суевѣріями. Міровоззрѣніе этого крестьянина, дѣйствительно, отличается замѣчательной цѣльностью и систематичностью: на всѣ вопросы о мірѣ, онъ имѣетъ готовые отвѣты, которые даетъ съ большой увѣренностью. Онъ знаетъ твердо подробности сотворенія міра, знаетъ мѣстопребываніе нечистыхъ силъ, разстояніе неба отъ земли, созданіе чловѣка, начало его занятій на землѣ, постепенныя улучшенія въ его бытѣ, легко и увѣренно объясняетъ всѣ физическія явленія и помнитъ разныя преданія старины. Въ его космогоническихъ сказаніяхъ, какъ и въ другихъ однородныхъ кавказскихъ, можно отмѣтить значительную примѣсь апокрифовъ дуалистическаго характера. Участіе въ созданіи міра принимаетъ и дѣволъ, который то старается испортить твореніе Бога, то помогаетъ ему на извѣстныхъ условіяхъ, при чемъ при расплатѣ оказывается посрамленнымъ. Варіантъ сказанія объ Амيرانѣ, прикованномъ въ горной пещерѣ, разказанный тѣмъ же крестьяниномъ, вноситъ нѣкоторыя новыя подробности въ циклъ этихъ популярныхъ на Кавказѣ сказаній. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ апокрифовъ находимъ и въ слѣдующей статьѣ г. Джанашвили „Картвельскія повѣрья“. Такъ, въ разказѣ о сотвореніи Адама и Евы и объ ихъ жизни по изгнаніи изъ рай, можно отмѣтить грузинскую версію апокрифа извѣстнаго подъ названіемъ „рукописаніе Адама“. „Когда Ева забеременѣла и настало время родовъ, то она, чувствуя страшныя боли, начала стонать и плакать. Страданіе жены обезпекло Адама и онъ высказалъ слѣдующее желаніе: „Еслибы кто облегчилъ женѣ эти боли, то что бы онъ ни попросилъ, я дамъ бы“. Самалъ (могущественнѣйшій изъ демоновъ) явился и сказалъ Адаму: „Я готовъ помочь, но подъ слѣдующимъ условіемъ: до тѣхъ поръ пока нерожденный не родится и безсмертный не умретъ, пусть твое потомство будетъ въ моей власти“. Адамъ согласился. Такимъ образомъ,

¹⁾ См. Осетинскіе тексты, собранные Чокмадзе и Цорасеми, изданные Шиферомъ. С.-Пб. 1868, стр. 86.

потомство Адама и Евы перешло въ распоряженіе Самала. Это извѣстіе дошло до Бога и разгнѣвало его. Тогда онъ созвалъ своихъ ангеловъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ „не-рожденному“ и „безсмертному“. Родился Христосъ, и господство Самала пало“ (стр. 144 и слѣд.). Въ апокрифѣ, извѣстномъ въ нашей письменности, поводъ, по которому Адамъ далъ на себя рукописаніе діаволу, излагается различно въ разныхъ редакціяхъ. Наиболеѣ близка къ грузинской версіи та редакція, въ которой говорится, что Адамъ далъ рукописаніе діаволу за облегченіе Евы отъ страданій, которыя она претерпѣвала, кормя грудью Каина. Но другія подробности славянскаго апокрифа не совпадаютъ съ грузинскимъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ разказѣ грузинъ-ингилойцевъ о причинѣ, по которой небо нѣкогда, близко примыкавшее къ землѣ, поднялось вверхъ, оказывается преданіе, приводимое осетинами ²⁾ въ объясненіе того, что пшеница, нѣкогда дававшая урожай безъ посѣва, перестала родиться безъ человѣческаго труда. Ингилойцы разказываютъ, что одна женщина сильно оскорбила Бога. Однажды она пекла хлѣбъ въ торнѣ (особая печь). Сыпичка ея какъ разъ въ это время испачкался. Мать впопыхахъ прибѣжала къ нему и обтерла его лавашемъ (тонкой лепешкой хлѣба). Богъ, увидѣвъ такое оскверненіе величайшаго своего дара, не захотѣлъ долѣе оставаться на столь близкомъ разстояніи отъ земли и, поднимаясь медленно все выше и выше, поднялъ съ собою и небо (стр. 145 и слѣд.).

Подобное преданіе существуетъ у монголовъ, поляковъ, малорусовъ, великорусовъ, болгаръ и извѣстно въ Малой Азіи ³⁾. У славянъ оно приводится въ связь съ хожденіемъ по землѣ либо Богородицы, либо апостоловъ Петра и Павла, которыхъ женщина оскорбляетъ, подавъ имъ испачканный ея ребенкомъ кусокъ хлѣба. Своеобразность разказа заставляетъ предполагать, что онъ пошелъ по разнымъ народамъ отъ *одного* источника, но пока еще нѣтъ возможности уяснить, гдѣ слѣдуетъ его искать. Не имѣя возможности даже вскользь остановиться на дальнѣйшихъ статьяхъ втораго отдѣла, содержащихъ много интересныхъ данныхъ для характеристики повѣрій армянъ (статьи гг. Бунатова и Меликъ-Шахназарова), талышицевъ (г. Байрамъ-Алибекова) и татаръ Шемахинскаго уѣзда (г. Эфендіева), скажемъ

¹⁾ См. *Тыкоправова*, Памятники отреченной литературы, т. I, стр. 16.

²⁾ См. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, IX, отд. 2, стр. 20, примѣч.

³⁾ См. *Этнографическое Обзорніе*, кн. VI, стр. 11 и слѣд.

въ заключеніе нѣсколько словъ о третьемъ отдѣлѣ разсматриваемаго выпуска, содержащемъ значительный матеріалъ для изслѣдованія языка кумыковъ, народа тюркскаго племени, состоящаго по данпымъ языка въ ближайшемъ родствѣ съ погайцами. Здѣсь мы находимъ обширные и тщательно изданные кумыкскіе тексты, записанные точной транскрипціей гг. Аванасьевымъ и Цаллаговымъ и слабженные подстрочнымъ переводомъ; далѣе русско-кумыкскій словарь (г. Лоопасьева) и кумыкско-русскій (г. Мохира). Словари проверены природными кумыками, при чемъ слова, заимствованныя изъ персидскаго и арабскаго, также отмѣчены специалистами. Главный трудъ при обработкѣ текстовъ и переводовъ для лингвистическихъ цѣлей принадлежитъ Л. Г. Лопатинскому, который уже раньше заявилъ себя своими трудами по кабардинскому языку. Г. Лопатинскій прибавилъ къ текстамъ, печатавшимся подъ его наблюденіемъ, замѣтки о кумыкскихъ пѣсняхъ и о нѣкоторыхъ параллельныхъ явленіяхъ въ фонетикѣ языковъ кумыкскаго и азербеджанскаго. Несомнѣнно, что специалисты по тюркскимъ языкамъ оцѣнятъ по достоинству новыя и тщательно изданные матеріалы по одному изъ наименѣе изслѣдованныхъ языковъ этой семьи. Съ своей стороны, позволю себѣ лишь маленькую поправку къ сдѣланному г. Лопатинскимъ примѣчанію (на стр. 34), въ которомъ онъ предположительно сопоставляетъ кумыкское слово *dei*— „подобно, говорить“ съ русской частицей *де*, будто бы „не объясненной правильно русской грамматикой“. Наше *де* (какъ уяснено уже Буслаевымъ) восходитъ къ древне-русскому *дѣтъ*, то-есть, „говорить“.

Въ заключеніе не могу не отмѣтить отраднаго факта въ кавказскомъ языкознаніи: съ тѣхъ поръ какъ управленіе Кавказскаго учебнаго округа издало цѣлый рядъ литографированныхъ лингвистическихъ трудовъ покойнаго языковѣда барона Услара и стало помѣщать въ „Сборникѣ“ въ значительномъ количествѣ тексты на разныхъ языкахъ Кавказа, словари и изслѣдованія,—въ кавказской лингвистикѣ начинается новый періодъ, который, можно надѣяться, разъяснитъ многіе темныя вопросы касательно классификаціи этихъ языковъ и ихъ исторіи. Особенно отрадно то, что на Кавказѣ, гдѣ нѣтъ ни академіи, ни университета, нашлись въ достаточномъ числѣ дѣятели изъ туземцевъ и русскихъ, которые, добросовѣстно собирая матеріалы и обрабатывая ихъ по мѣрѣ силъ, содѣйствуютъ замѣтному оживленію въ изученіи языковъ этого *мнооязычнаго* края.

Всев. Миллеръ.

Къ исторіи русскаго языка.

Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя ordinarily профессоромъ Императорскаго Московскаго университета *Романомъ Брандтомъ*. Выпускъ I. Фонетика. Москва. 1892.

Среди трудовъ по изученію русскаго языка, или посвященныхъ современному его состоянію въ литературной рѣчи и въ областныхъ нарѣчіяхъ, или же занятыхъ одними историческими разысканіями „Лекціи“ профессора Брандта представляютъ новый опытъ соединенія результатовъ тѣхъ и другихъ изслѣдованій, первый послѣ исторической грамматики русскаго языка академика О. И. Буслаева. Грамматика эта, появившаяся въ свѣтъ въ 1858 году подъ заглавіемъ „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“, была нѣсколько дополнена и исправлена при второмъ изданіи въ 1863 году; но съ тѣхъ поръ она печаталась почти безъ всякихъ вѣскихъ перемѣнъ, выдержавъ еще три изданія (третье въ 1872 г., четвертое въ 1875 г. и пятое, послѣднее, въ 1881 г.). Поэтому, не смотря на все громадное значеніе для перваго своего времени, она для насъ утратила большую часть своей цѣнности тѣмъ, что является далеко не соотвѣтствующей современному положенію русской филологіи, особенно въ первой своей части—этимологіи, то-есть, въ фонетикѣ и морфологіи. Измѣненіе взглядовъ на нѣкоторыя, даже многія, явленія языка и новыя объясненія ихъ, новый, въ чрезвычайно большомъ количествѣ накопившійся, разнообразный матеріалъ, новая терминологія—все вызываетъ необходимость полной и основательной переработки этой грамматики. Уже одно включеніе въ историческую грамматику русскаго языка такой значительной доли языка церковно-славянскаго, какъ это сдѣлано въ грамматикѣ академика Буслаева, составляетъ большой недостатокъ, на который не было обращено вниманія ея рецензентами. Такимъ образомъ, изданныя профессоромъ Брандтомъ „Лекціи“ какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ настоятельной потребности. Авторъ ихъ, работая до сихъ поръ въ области сравнительнаго языковѣдѣнія примѣнительно къ славянскимъ нарѣчіямъ и языку церковно-славянскому, судя по послѣднимъ трудамъ, начинаетъ сосредоточивать вниманіе на языкѣ русскомъ. Со времени примѣчаній его къ переводу русскаго отдѣла сравнительной морфологіи

Миклошича ¹⁾), проф. Р. О. Брандтъ перечиталъ и старый и новый лингвистическій матеріалъ и рассмотрѣлъ изслѣдованія о русскомъ языкѣ прежнихъ и послѣднихъ годовъ, и если можно указать сферы, гдѣ авторъ чувствуетъ себя менѣе самостоятельнымъ, такъ это диалектолія и древніе рукописные памятники.

Главною стороною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заслугою, этого труда проф. Р. О. Брандта слѣдуетъ признать истолкованіе извѣстныхъ явленій, приведеніе ихъ въ систематическое построеніе, сравненіе съ явленіями западныхъ и южно-славянскихъ нарѣчій и сопоставленіе съ санскритскимъ и иными языками. Эта задача именно и намѣчена авторомъ въ предисловіи—„литературный русскій языкъ освѣщать диалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами“; установленіе же самыхъ фактовъ не входило въ кругъ изслѣдованія, и поэтому естественно проф. Р. О. Брандту пришлось стать въ этомъ отношеніи въ зависимость отъ двухъ трудовъ, которые и послужили основаніемъ „Лекцій“: „Курсъ грамматики русскаго языка“ В. А. Богородицкаго и „Лекціи по исторіи русскаго языка“ профессора А. И. Соболевскаго (первый трудъ—своими данными по современному литературному языку, второй—историческою частью). Но если въ своихъ „Лекціяхъ“ проф. Р. О. Брандтъ придерживается наблюденій В. А. Богородицкаго, приводит нѣкоторые изъ его примѣровъ и пользуется историческими данными и выводами отъ А. И. Соболевскаго, то все это или распределяется иначе, или оспаривается, или дополняется, со свойственною ему остроумною мѣткостью и основательностью.

Въ изданномъ выпускѣ заключается обзоръ русскихъ звуковъ литературнаго языка—гласныхъ, сначала ударяемыхъ, потомъ безударныхъ, и согласныхъ,—„со стороны качественныхъ особенностей и происхожденія“. Это распределеніе гласныхъ на ударяемые и безударные, встрѣчающееся, между прочимъ, уже у В. А. Богородицкаго, выбрано чрезвычайно удачно, какъ наиболѣе подходящее къ измѣняющимся подъ вліяніемъ ударенія великорусскимъ гласнымъ звукамъ. Но, къ сожалѣнію, краткое предисловіе къ „Лекціямъ“ проф. Р. О. Брандта, называя предметомъ ихъ литературный языкъ, опускаетъ весьма важное, конечно, общезвѣстное, но безъ сомнѣнія,

¹⁾ Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Сочиненіе Франца Миклошича. Перевелъ Николай Шляковъ, подъ редакціей Романа Брандта. Выпускъ III. М. 1886.

здѣсь далеко не лишнее, а именно, не устанавливаетъ, что считать литературнымъ (устнымъ) языкомъ. Не слѣдовало ли въ предисловіи упомянуть, что устный литературный языкъ не представляетъ собою такого же цѣлаго, какъ письменный? Обыкновенно литературному языку или, какъ его просто называютъ, русскому языку дается такое опредѣленіе, какъ у г. *Бодуэна де Куртене* въ его „Отрывкахъ изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“ (Выпускъ 1-й. Воронежъ. 1882): „русскій языкъ—означаетъ произносимый живой общерусскій языкъ, народный источникъ котораго—московскій говоръ и ему подобные („акающие“ говоры) съ примѣсью церковно-славянскаго элемента“ (стр. 1). Нѣкоторые склонны признавать имъ языкъ московскаго образованнаго общества, отчасти это проглядываетъ и въ словахъ самого автора: „иъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ : мгновенное“ (стр. 112) ¹⁾. Но подъ какимъ бы сильнымъ влияніемъ стараго московскаго говора ни сложилась наша литературная рѣчь, какъ бы ни были живучи нѣкоторыя ея особенности, однако же она, съ давняго уже времени живя въ устахъ большинства людей не-москвичей, въ настоящемъ видѣ содержитъ въ себѣ много мѣстныхъ разновидностей, и нынѣшняя московская рѣчь при всей своей „отмѣнной красотѣ и пріятности“, какъ писалъ Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, имѣетъ немного больше правъ гражданства, чѣмъ образованная рѣчь инаго важнаго великорусскаго центра. Поэтому при изслѣдованіи современнаго литературнаго языка надо имѣть въ виду, хотя и въ значительно меньшей степени, то же, что при изученіи языка народнаго, то-есть, діалектическую разновидность, иначе можетъ случиться, что частному явленію будетъ дано мѣсто общаго.

Если не выяснитъ себѣ этого, то можно невольно впасть въ ту же ошибку, которую въ разной мѣрѣ не трудно замѣтить въ трудахъ недавно умершаго академика Я. К. Грота, Бодуэна-де-Куртене, Богодидицкаго. Каждый изъ нихъ безсознательно вставилъ въ общелитературный языкъ черты изъ мѣстныхъ говоровъ. Академикъ Гротъ, котораго по справедливости можно назвать отцомъ современнаго правописанія, подвергая анализу звуки русскаго языка, во 2-мъ томѣ „Филологическихъ разысканій“, принимаетъ за изслѣдуемый языкъ „общеупотребительное великорусское нарѣчіе“ (стр. 20, изданіе 2-е,

¹⁾ Впрочемъ, нѣсколько ниже, стр. 119, авторъ говоритъ, что затрудняется московское произношеніе назвать вмѣстѣ съ тѣмъ „великорусско-литературнымъ“.

1876 г.) какъ будто въ немъ есть что-то вполне единообразное. вслѣдствіе чего тутъ же допускаеть чисто мѣстные особенности, въ родѣ—жѣркое, чѣсы или ейцо, ребой, деветь (стр. 34 и 85). Подобный упрекъ И. Бодуэну-де-Куртенэ уже сдѣланъ проф. А. И. Соболевскимъ въ рецензін на его „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологін русскаго языка“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883, сентябрь, стр. 101). У В. А. Богородицкаго встрѣчается то же самое. Его родной окающій говоръ (см. Курсъ грамматики русскаго языка, ч. 1. Фонетика, стр. 147) едва ли могъ исчезнуть, не оставивъ слѣда на его рѣчи, и если онъ пользовался ею, какъ самъ онъ указываетъ (тамъ же, стр. 150), для наблюденія, то можно а priori сказать, что въ его трудѣ проскользнули областныя особенности подъ видомъ общерусскихъ. Здѣсь я обращаю вниманіе хоть только на его извѣстный образецъ научно-фонетическаго письма разказа Даля „Ось и чека“ (стр. 106): транскрипція словъ деревнѣ (деревни), зѣмѣю (землей), сравн. нѣ полѣсу (неполѣсу); шта° надъ °мд° бы (что надо было бы), ізвои°чька (извоицка)—шккакъ не можетъ считаться общерусскою. Отсутствие строгаго различія между дѣйствительно общерусскимъ и областнымъ въ той или другой степени замѣчается положительно во всѣхъ трудахъ—его не лишено и изслѣдованіе В. Бихтина „Основы русскаго правописанія“ (*Русск. Филолог. Вѣстникъ*, 1890 г. и 1891 г., тт. XXIII, XXIV, XXV),—и помимо того, что уменьшаетъ достоинство выводовъ, еще способствуетъ чисто искусственнымъ фонетическимъ построеніямъ и написаніямъ. Вотъ почему, если проф. Р. О. Брандъ обращался за поправкою къ своей собственной рѣчи (стр. 37) и прислушивался къ рѣчи окружающихъ (москвичей,—стр. 38), то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда въ немногихъ, представилъ черты не обще-литературнаго языка. Это сказывается, въ отношеніи къ гласнымъ звукамъ, тѣмъ сильнѣе, что въ „Лекціяхъ“ проф. Р. О. Брандта такъ рельефно выдвинуто все влияніе ударенія, отъ котораго преимущественно зависятъ діалектическія особенности великорусскихъ гласныхъ.

Вслѣдствіе того, что большая часть отдѣла о гласныхъ звукахъ въ „Лекціяхъ“ состоитъ въ изображеніи влиянія ударенія на качество звуковъ, считаю важнымъ поглубже вникнуть въ общій взглядъ автора на удареніе. Прежде всего нельзя, кажется, согласиться съ положеніемъ автора, что „господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ явленіе новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи“ (стр. 1). Не будетъ ли это равносильно тому, что сказать, будто

русскій языкъ до XIV — XVI вѣка вовсе не имѣлъ въ словахъ ударенія, и всѣ слоги произносились съ одинаковой силой? Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ трудовъ „Начертаніе славянской акцентологіи“ профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ самъ утверждаетъ, что „русское размѣщеніе удареній, вообще говоря, совпадаетъ съ праславянскимъ“ (стр. 223); праславянское же удареніе въ качественномъ отношеніи, по мнѣнію автора, было „музыкальное—чисто хроматическое“ (Акцентологія, 227), состоящее въ повышеніи голоса. А если гдѣ есть такое удареніе, тамъ должна быть въ большей или меньшей степени разница между ударяемыми и неударяемыми гласными. Поэтому можно полагать, что различеніе гласныхъ подъ удареніемъ и безъ ударенія было уже ископи присуще русскому языку, и что въ полной степени, какъ мы его наблюдаемъ, оно сказалось не сразу, а постепенно. При этомъ не мѣшаетъ припомнить удачную попытку В. А. Богородицкаго пояснить алгебраическими знаками и графически, какимъ образомъ мало по малу возникла большая разница между *о* ударяемомъ и безударномъ ¹⁾. Заключение же профессора Р. Ѳ. Брандта, составившееся, можетъ быть, по даннымъ профессора А. И. Соболевскаго объ южно-великорусскомъ *аканьѣ* (лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2, стр. 82), слѣдуетъ принять только вотъ въ какомъ смыслѣ: древне-русскіе памятники лишь съ половины XIV вѣка знаютъ постановку *а* вмѣсто *о* въ неударяемыхъ слогахъ и *и* вмѣсто *е* въ нихъ-же, то-есть, такъ называемое *аканье*. Еслибы вмѣстѣ съ профессоромъ А. И. Соболевскимъ профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ призналъ зависимость отъ ударенія въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ употребленіе *о* вмѣсто *е*, какъ въ словѣ *днѣоть* въ Новгород. Ев. 1270 г. (*Соболевскій*, Лекціи, изд. 2, стр. 61), то авторъ отодвинулъ бы время вліянія ударенія назадъ на одно столѣтіе—къ половинѣ XIII вѣка. Но и этотъ вѣкъ, какъ будетъ указано ниже, былъ бы далекъ отъ истиннаго.

Большую давность вліянія ударенія можно открыть изъ исторіи глухихъ звуковъ. Даже въ случаѣ, если отнестись къ нимъ совершенно отрицательно, все-таки самый фактъ ихъ исчезновенія къ историческому времени пришлось бы признать результатомъ дѣйствія ударенія. Подобную мысль высказалъ какъ-то и самъ Р. Ѳ. Брандтъ въ отвѣтѣ г. Буличу, въ статьѣ „Нѣсколько замѣчаній по грамматикѣ славянскихъ языковъ“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887, мартъ): „сохра-

¹⁾ Курсъ грамматикъ русскаго языка, стр. 82, 83.

неніе или утрата самостоятельныхъ ѣ и ъ, вѣроятно, обуславливалось ихъ *ударяемостью* или *безударностью*¹⁾ (стр. 181). Это замѣчаніе отнесено собственно къ языку церковно-славянскому, но его слѣдуетъ распространить и на всѣ славянскія нарѣчія. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ XI вѣка встрѣчается небольшое число словъ съ опущенными глухими въ среднихъ слогахъ,—ограничиваюсь примѣрами изъ памятниковъ съ годомъ: въ Остромир. Ев. 1056—1057 года: *книгамъ* 9 об., *птица* 233 об., *съиживъ* 231, можетъ быть, еще *сребро* 196 сравн. *сзеребръникъ* 184 об., съ | *ребро* 84.185, ¹⁾ и *възалка* 93 об., *алччжщен* 233; въ Сборникѣ Святослава 1073 года: *магыни* (рисун. 2, изданіе *Общества люб. древн. пис.*), *оумръ* 111, *подобни* 110 об., *по вса дни* 56 об., въ Сборникѣ Святослава 1076 года: *младенца* 20, *лыко* 95; въ Миней 1095 года: *обазрянъ* 022 (изданіе Ягича), *въмѣстилъ* 0149; Миней 1096 года: *весе свѣтло* 49, *горжо* 45, *отъ конецъ* 42, *истиному* 7, *плодопосно* 119, *вѣрни* 101; Миней 1097 года: *цѣлбъ* 445, *жърць* 412; больше приведу случаевъ изъ неизданнаго и малоизвѣстнаго Архангельскаго Ев. 1092 года: *кто* 4 и др., *что* 3 об. и др., *многа* 10 об. и др., *кназь* 17 об., *книгы* 17, *птица* 63, *ттенца* 156, *двѣ* 47, 50. 151 об., *вси* 78, *сде* 92, *зде* 89, *сто* 112, *призри* 57, *възрѣвъ* 77 об., *чли* 77, *чтоша* 129, *дължитъ* 131, *подобно* 152 об., *двѣрница* 101, *двѣрми* 79, *пеназма* 135 об., *възалкахъ* 85 об., сравн. *алччна* 85 об. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ другихъ подобныхъ, частью несомнѣнно перешедшихъ изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ языкѣ которыхъ разсматриваемое явленіе могло наступить нѣсколько раньше, чѣмъ въ русскомъ,—частью явившихся на почвѣ русской. опущенные глухіе приходятся на слоги безъ ударенія; если же встрѣчаются случаи выпаденія глухихъ въ ударяемомъ слогѣ, какъ, на примѣръ, *днь* Святосл. сборникъ 1073 года, лл. 48.55, то ихъ можно объяснить примѣсноіемъ къ другимъ

¹⁾ Въ Зограф. Ев.: *сзеребра* 11 (изданіе Ягича). 37, *сзеребръникъ* 42 и др.; Маринск. Ев. *сзеребро*. *сзеребръникъ*—постоянно; Синайск. Требникъ: *сзеребро* 90 (изданіе Гейтлера), *сзеребръникъ* 87; Клоцовъ Сборникъ: *сзеребра*, *сзеребролюбенье*, *сзеребръникъ*—постоянно (изданіе Вондрака, 1893); однако въ древнихъ нотныхъ книгахъ, сохраняющихъ глухіе весьма тщательно, обыкновенно только *серебро* *серебръникъ*. Отмѣчу, что въ числѣ надписей на древнихъ монетахъ есть *сзеребро* Ярославле (графъ И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты великокняжества кievскаго. Нумизматич. опытъ С.-Иб. 1882, таблица 13, № 1—2).

формамъ, въ данномъ случаѣ—къ косвеннымъ падежамъ. Это опущеніе глухихъ справедливѣе всего, какъ вообще и принято, объяснять тѣмъ, что глухіе, стоя въ неударяемыхъ слогахъ, съ неуловимою постепенностью утрачивали свою гласность подъ вліяніемъ ударенія въ предыдущемъ или послѣдующемъ слогѣ и, наконецъ, совершенно выпадали,—ъ—безслѣдно, ъ—оставляя слѣдъ въ сохраненіи мягкости предшествовавшаго согласнаго звука. Такая же судьба постигала и *ко-нечные* глухіе,—относящіеся сюда случаи будутъ помѣщены ниже, въ другомъ мѣстѣ; ей подверглось также и, стоявшее за другимъ гласнымъ какъ въ концѣ словъ, такъ и въ серединѣ, безъ ударенія; можетъ быть, такъ утрачивались и нѣкоторые другіе гласные, заканчивавшіе слова, не подъ удареніемъ. Въ мѣстѣ съ выпаденіемъ безударныхъ глухихъ шло проясненіе въ чистые звуки тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ слогахъ ударяемыхъ, — это было другимъ результатомъ дѣйствія ударенія. Слѣдовательно, русскій языкъ задолго до XIV вѣка зналъ свойство ударенія вліять на ударяемые и неударяемые звуки и широко примѣнилъ его на глухихъ. Позже оно распространилось и на гласные чистые, но въ какой послѣдовательности и въ какое именно время, достовѣрно отвѣтить пока нельзя, кромѣ того, что уже было указано выше: въ памятникахъ случаи *a* вмѣсто *o* и *и* вмѣсто *e* въ неударяемыхъ слогахъ являются около половины XIV вѣка; но, кто знаетъ, можетъ быть, отыщутся болѣе древніе памятники со слѣдами *аканья*.

Такъ какъ профессоръ Р. Ф. Брандтъ оставляетъ въ сторонѣ такія указанія памятниковъ не потому, чтобы они ускользнули отъ его наблюденія, а вслѣдствіе того, что, придерживаясь мнѣнія Миклошича и Билярскаго, совершенно отрицаетъ гласное значеніе глухихъ, не только въ XI вѣкѣ, но и въ самую древнюю эпоху русскаго языка (Лекціи, стр. 48), во всѣхъ положеніяхъ глухихъ въ словѣ, впрочемъ, дѣлается уступка соединенію ихъ съ плавными *p* и *л* (стр. 54), то высказанное выше объ удареніи не будетъ достаточно убѣдительно безъ защиты глухихъ: въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что глухіе безъ ударенія были беззвучны, тогда они выпадали и отпадали сами собой, какъ лишніе звуки. Попытаюсь установить въ пользу глухихъ нѣсколько данныхъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, и именно изъ памятниковъ XI вѣка, такъ какъ только они могутъ быть судьбою въ данномъ вопросѣ: существовали ли *ъ* и *ь* какъ гласные звуки въ русскомъ языкѣ.

Памятники XI вѣка съ такою строгою послѣдовательностью со-

блюдаютъ глухіе въ среднихъ слогахъ и сохраняютъ въ концѣ словъ, что нѣтъ возможности объяснять это силою одной традиціи письма. Въ ихъ употребленіи согласны какъ памятники церковные, такъ и чисто-русскіе, напримѣръ, надписи на монетахъ князя Владимира и Ярослава, надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 года. Если принимать, что тщательное употребленіе глухихъ унаслѣдовано русскими памятниками отъ церковно-славянскихъ въ числѣ другихъ, довольно многихъ чертъ, вовсе не свойственныхъ живому языку того времени, то какое дать толкованіе тому, что хотя въ древнѣйшихъ рукописяхъ такъ часто встрѣчаются рядомъ съ церковно-славянскими звуки и формы русскіе: *ou* и *ю* на мѣстѣ *ж*, *иж*; вмѣсто *ъ—е*, юсь малый въ качествѣ *я*, при *жд* и *ц—ж* и *ч*; *и* и *ь* послѣ гортанныхъ; глухіе *передъ* плавными; формы 1-го и 2-го полногласія, окончаніе *ь* взаимнѣ *а*, смѣшеніе зват. и имен., въ прилагательныхъ дат. ед. *ому*, *ему*;—род. ед. на *ого*, *его*; формы стяженныя; въ глаголахъ—3-го л. на *тъ*, *отсутствіе достиг.* накл., имперфектъ на *яхъ* и *мн.* др.; сверхъ того, всѣ мѣстныя особенности, какъ *новгородскія* и др. — а между тѣмъ случаи опущенія глухихъ въ среднихъ неударяемыхъ слогахъ—весьма рѣдки, примѣры съ замѣною глухихъ чистыми въ среднихъ ударяемыхъ слогахъ—совершенно единичны и малодостовѣрны, а съ опущеніемъ глухихъ въ концѣ словъ—такъ малочисленны, что о нихъ совсѣмъ ничего не извѣстно? Такъ отчего же въ употребленіи глухихъ традиція дѣйствовала чрезвычайно послѣдовательно, по отношенію же къ другимъ звукамъ и нѣкоторымъ формамъ она нарушалась? Оттого, что въ послѣднихъ случаяхъ не было поддержки въ русской рѣчи, а въ первомъ она нашла себѣ въ ней полную опору. Когда же русскій языкъ дѣйствительно утратилъ глухіе, что случилось, полагаю, въ концѣ XI вѣка, тогда сейчасъ же это отразилось и на письмѣ: въ рукописяхъ XII вѣка, даже начала его можно указать довольно много примѣровъ отступленія отъ прежней традиціи, а въ XIII вѣкѣ они уже весьма часты,—и одинаково, какъ въ собственно русскіихъ грамотахъ, актахъ, надписяхъ и др., такъ и въ церковныхъ, между ними и въ нотныхъ книгахъ.

Потеря глухихъ въ среднихъ слогахъ безъ ударенія въ крайне ограниченномъ размѣрѣ наблюдается во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, но отсюда нельзя вывести заключенія, что въ XI вѣкѣ безударные глухіе опускались потому, что они были совершенно беззвучны: тогда въ памятникахъ XI вѣка мы находили бы явленія ассимиляціи и диссимиляціи согласныхъ, до того времени разъединяв-

шихся глухими; однако памятники XI вѣка подобныхъ случаевъ вовсе не имѣютъ, и проф. А. И. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ ранній случай приводитъ изъ 2-й половины XII вѣка: *што Добрылово Ев.* 1164 г., остальные относятся къ XIII вѣку, преимущественно же въ XIV вѣку. Это довольно ясно показываетъ, что въ древнѣйшій періодъ русскаго языка еще чувствовался слѣдъ неударяемаго глухаго. если не произносился онъ, какъ нѣкоторый звукъ. Далѣе, еслибы глухіе въ безударныхъ среднихъ слогахъ утратились въ до-историческую эпоху, то было бы мало понятно, какимъ образомъ въ народномъ языкѣ до настоящаго времени такъ отчетливо различается мягкость, напримѣръ, при суффиксахъ *и. ѡск, ѡств*, и отчего такъ вѣрно стоятъ чистые на мѣстѣ древнихъ глухихъ въ такихъ словахъ, какъ праведникъ.

Глухіе въ среднихъ слогахъ подъ удареніемъ держатся вполне крѣпко и стоятъ на лицо всегда, и такіе примѣры, какъ въ Святосл. Собрн. 1073 г.: *сѣмртн* 48, *мр|тви* 52, *крста* 123 об.; Архангельск. Ев. 1092 г.: *крщаю* 152; Минея 1096 г.: *почрпе* 47, *сѣмртъ* 42, *прначртанаго* 60, Минея 1097 г.: *оутвердилъ* 306, въ которыхъ, можетъ быть, просто пропущена надстрочная черта, составляютъ или описки безъ фонетическаго значенія, или южнославянизмы. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: не были-ли эти, такъ правильно сохраняющіеся, глухіе подъ удареніемъ графическимъ изображеніемъ гласныхъ чистыхъ? Такая именно мысль развивается проф. Р. О. Брандтомъ на стр. 48—50 „Лекцій“. Еслибы это было на дѣлѣ, то никакая сила традиціи не могла бы помѣшать находиться въ древнѣйшихъ памятникахъ достаточному количеству случаевъ постановки *о* и *е* на мѣстахъ *э* и *ь*, между тѣмъ какъ подобные случаи такъ рѣдки и такъ мало вѣроятны, что не могутъ служить какимъ-нибудь твердымъ основаніемъ для вывода: въ Остром. Ев.: *смоковъницеж* 7, въ Арханг. Ев.: подъ *смоковню* 78 (срви. въ Зограф. Ев.: *смоковница* 67), въ Святослав. Собрн. 1073 г.: *долженъ* 122 (*о*—позднѣйшаго почерка), въ Святосл. Собрн. 1076 г.: *любовью* 9 об. (*о*—позднѣйшею рукою). *скорби* 11 об. (*о*—наведено позже), въ Минея 1095 г.: *жестосердыимъ* 88 об. (по изданію Ягича стр. 0122). Послѣдній примѣръ не возбуждаетъ сомнѣнія съ палеографической стороны, хотя *е* стоитъ на тускломъ пятнышкѣ, но по своей единичности можетъ считаться приблизительной передачей дѣйствительнаго произношенія или простою опиской. Это отсутствіе *о* и *е* вмѣсто *э* и *ь* объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что въ XI вѣкѣ глухіе, при основномъ значеніи — закрытыя *ѡ, ѡ*, еще не на

столько были усилены удареніемъ, чтобы смѣшались съ чистыми *о* и *е*. Академикъ Ягичъ въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка“ (стр. 29) и въ *Archiv f. slav. Phil.* 1893 г. т. XV (стр. 424) указываетъ въ Минеяхъ 1095—1097 годовъ случаи, свидѣтельствующіе, какъ онъ полагаетъ, объ исчезновеніи глухихъ у русскихъ въ XI вѣкѣ и о переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ чистые. Приводимыя имъ формы но *онхъ*, *енхъ* необходимо предполагаютъ существованіе формъ *им. ед. на он, ен*, но въ памятникахъ XI вѣка чаще попадаются формы на *эи, ѣи*; формы же на *ои* и *еи* такъ рѣдки, число ихъ такое ограниченное, что онѣ могутъ быть отнесены на счетъ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ которыхъ эти формы довольно обычны. Не мѣшаетъ замѣтить, что большая часть этихъ формъ въ Минеяхъ 1095 — 1097 годовъ приходится на Минею 1097 года и именно на начальные ея листы, писанные особымъ почеркомъ: *животъ вѣчьной 4 об., болѣзньныхъ 9, бесплѣтными 14, неистлѣньныхъ 14 об., врѣдными 26* и др. Равнымъ образомъ мы не находимъ въ памятникахъ XI вѣка случаевъ появленія чистыхъ вмѣсто глухихъ въ другихъ формахъ, въ большей или меньшей степени наблюдаемыхъ въ памятникахъ церковно-славянскихъ: *род. мн. на еи* при *ии*. 3 л. *ед. и мн. и 1 л. ед. и мн. съ мѣстоименіемъ и*— въ родѣ *сѣмѣрите* и (= *сѣмѣритѣи*) *оубнимо* и (\equiv *оубнимъ и*), то-есть, съ перемѣною конечныхъ *э* и *ѣ* передъ *и* въ *о* и *е*.

Но какъ только перейдемъ за рубежъ XI вѣка—въ XII, встрѣтимъ иные приемы письма, измѣнившіеся вслѣдствіе требованій живой рѣчи: первое время начинаютъ попадаться чистые вмѣсто глухихъ подъ удареніемъ, исключая глухихъ при плавныхъ, затѣмъ появляются они и при плавныхъ, и наконецъ, когда писцамъ стало часто случаться видѣть буквы *э* и *ѣ* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они уже произносили *о* и *е*. происходитъ смѣшеніе на письмѣ этихъ буквъ, и такимъ образомъ тамъ, гдѣ слѣдовало ожидать *э* и *ѣ*, въ рукописяхъ того времени находятся *о* и *е* (или *ѣ*), а гдѣ должны были бы стоять *о* и *е* (или *ѣ*) замѣчаются *ѣ* и *ѣ*. Это въ одинаковой мѣрѣ можно встрѣтить въ каждомъ какъ собственно русскомъ, такъ и въ церковномъ памятникѣ XII—XIII вѣка. Поэтому правописаніе извѣстныхъ грамотъ 1130 г., 1192 г. и 1228—1229 годовъ представляетъ собою результаты несогласія выговора съ правописаніемъ древнимъ, вслѣдствіе чего ихъ письмо слѣдуетъ признать не искусственнымъ, а просто неправильнымъ—малограмотнымъ, безразлично ставящимъ *э* и *ѣ* на мѣстѣ *о* и *е* (или *ѣ*) или же наоборотъ, какъ въ грамотѣ 1228—1229 г.: *са дѣктѣ*

вмѣсто дѣять, миро вм. миръ, железоу вм. желъзоу, промѣжю вм. промежю, быхамъ вм. быхомъ.

Гораздо основательнѣе возбуждаютъ сомнѣніе глухіе ѣ и ѣ въ концѣ словъ въ рукописяхъ XI вѣка. До сихъ поръ принято считать, что въ это время конечныя глухія представляли собою простыя графическія знаки, но изслѣдователи, отрицающіе звуковое значеніе этихъ глухихъ, не столько основываются на рукописныхъ данныхъ XI вѣка, сколько имѣютъ въ виду употребленіе ихъ въ позднѣйшихъ памятникахъ, даже наше современное письмо съ ѣ и ѣ, объясняя ихъ выдержанностью традиціей. Самымъ важнымъ поводомъ къ отрицанію гласности конечныхъ глухихъ были бы несомнѣнные случаи ихъ опущенія, между тѣмъ извѣстныя изъ этихъ случаевъ въ рукописяхъ XI вѣка могутъ быть приписаны дѣйствию не фонетическихъ, а графическихъ соображеній, частью же должны быть отнесены къ предыдущей категоріи—къ опущенію глухихъ въ среднихъ слогахъ безъ ударенія: 1) въ *однихъ случаяхъ* вмѣсто опущеннаго глухаго стоитъ надстрочный знакъ или точка: Остром. Ев.: вам. 122, Святосл. Сборн. 1073 г.: сан' 16, грѣхом' 51 об., божних' 68 об.; 2) *въ другихъ*—глухой опущенъ въ концѣ строки, гдѣ, при недостаткѣ мѣста, откидывались иногда и другія гласныя буквы: Остром. Ев.: приходъ':—29 об. (сравн. др' | гааго 62), Святосл. Сборн. 1073 г.: съмы слом' | 52, грѣх' | 58, нравом' | 61 (срвн. бл | дьница 84, др' | зни 58 об., блах' | 84); Арханг. Ев. 1092 г.: образ | 94, Григорія Богосл. XI вѣка: сирѣч (въ припискѣ мелкаго почерка) 138 об., съ ним | же 372 об. (сравн. сл.. | ва 297, н.·. | на lb., ам. | нь lb., д' | хомъ 324, пр | сно 326, въ этихъ словахъ гласныя буквы опущены, потому что выступали бы за линіи, обрисовывающія крестъ или треугольникъ, Минейя 1096 г.: грѣшьнаг | въ записи ¹⁾); 3) *въ третьихъ*—глухіе откинута въ зачалахъ чтеній, въ заглавіяхъ или

¹⁾ Въ Минейяхъ 1096—1097 годовъ сравнительно часто попадаются слова съ опущенными конечными глухими, но они въ концѣ *писемъ* или *строкъ*: Минейя 1096 г.: нашихъ 092 (по изданію Ягича), Минейя 1096 г.: величаемъ 154, Минейя 1097 г.: нашихъ 452; на конецъ или къ концу строки приходится, вѣроятно (въ изданіи Ягича строки не соблюдены и не отмѣчены), слѣдующіе случаи: въ Минейѣ 1096 г.: начатъкъ 09, покамникъ тл 098, поущенъ тл 0138; въ Минейѣ 1097 года: всѣхъ царю 399; но надо замѣтить, что рядомъ съ ними въ этихъ Минейяхъ встрѣчаются слова безъ конечной чистой гласной: Минейя 1096 г.: благословишъ 037, величающъ 048, архистратижъ 051, Минейя 1096 г.: слау 129, Минейя 1097 г.: канонъ петра алекѣдръ 449.

добавленіяхъ, писавшихся *сокращенно*: Остром. Ев.: чудес 3, Свят. Сборн. 1073 г.: къ коринѣномъ 77, къ ефесномъ 52, Свят. Сборн. 1076 г.: отвѣтъ 441, дшенользѣнѣих. оучении 169 (кинорарью), Арханг. Ев.: прирѣ нас. еуангелник 155 об.; *въ четвертыхъ* — глухіе выпущены при соединеніи съ ся и же, которыя въ этомъ случаѣ образовывали съ предыдущимъ словомъ одно сложное слово: Святосл. Сборн. 1073 г.: иже 62 об., гавлактса 9 об., сълоучактса 60, измѣнаютса 68 об. и др. (сравнительно рѣдко); Свят. Сборн. 1076 г. потыштим | са 216, Арханг. Ев.: възнесетса 44, повинуютса | 60, двигнуотса ть | гда 74; Минея 1097 г. сътворактса 354, въселиса 354; Григорія Богослова XI вѣка: иже 141.

Далѣе, нельзя видѣть опущенія глухаго въ словахъ иностранныхъ: на Ярославѣмъ серебряѣ: амин (графъ *И. И. Толстой*, Древн. русск. мон., 61) Георгіос (ib. 62), Остр. Ев.: амин 200, ПС 203 об., Григ. Богосл. XI вѣка: амин 372 об., Свят. Сборн. 1073 г. Моисис 10 об., василіос 242 об., Кондакаръ XII вѣка (Публ. Библ.) фешс 114 об., Крестъ Евфросиніи 1161 г.: матѳеос, георгиос, павълос, пантелеймои; здѣсь на концѣ и не существовало глухаго, а если въ другихъ подобныхъ словахъ онъ стоитъ, то оттого, что они приняли на письмѣ славянскую форму: Сборник. 1073 г.: титосъ 264 Марькосъ 264 об., анфракъсъ 121 об., гигагъсъ 68, константиносъ 265 об. Конд. XII вѣка Публ. В. фешсъ 116. Существуетъ одно древне-русское слово въ греческой транскрипціи — у Константина Багрянороднаго — название одного изъ Дибровскихъ пороговъ — *неясътъ* = *νεαστῆ* безъ обозначенія конечнаго *ъ*, но легко могло быть, какъ вполне справедливо замѣтилъ проф. А. И. Соболевскій (Лекціи, изд. 2, стр. 44), что этотъ краткій, глухо произносившійся гласный звукъ былъ мало уловимъ для грека. Относительно же предлоговъ — приставокъ безъ, возъ, изъ, разъ, не имѣющихъ при себѣ *ъ*, извѣстно, что *ъ* не могъ въ нихъ выпасть по простой причинѣ, что его въ нихъ вовсе не было. Приведу еще два соображенія: во первыхъ, еслибы конечные глухіе въ древнюю пору перестали быть звуками, то уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчались бы случаи перехода очутившихся въ концѣ слова согласныхъ изъ звонкихъ въ глухіе, но подобные случаи извѣстны только съ XIII вѣка; во вторыхъ, съ исчезновеніемъ конечныхъ глухихъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно было бы ожидать отпаденія согласнаго, на-

примѣръ, а въ причастіи за другимъ согласнымъ, однако этого не замѣчается въ памятникахъ XI вѣка.

Между тѣмъ въ памятникахъ XII вѣка случаи опущенія конечнаго глухаго и чаще попадаются, и не возбуждаютъ сомнѣній: Галицк. Ев. 1143 г.: видѣхом (Амфилохій, Описаніе, 8). твоиѣ 41 поут 136, Крестъ Евфросиніи 1161 г. гроб, хрстом; а въ XIII вѣкѣ они совершенно обычны: Кормчая 1284 г. (Публ. Б.): сбор. 7 об., стх. оць 8, наш 3, толк 56, 57, 58, женащих 32, правил 65. 77 об. корчемник 51 (сравни два ѣ вмѣсто одного: причетникъ 45), прихо'т 40, ш ниже 99 об., оиже 8, шскорбиса 3, научиса 83, начинается 1, явлѣтса 4; кающисѣ 44 об., памѣ 192, изложит 8, творѣщит и мн. др. Здѣсь уже традиція не представляетъ препятствія, очевидно, оттого, что живая рѣчь перестала нуждаться въ конечномъ глухомъ. Въ рукописяхъ XIV вѣка это наблюдается еще чаще, а въ XV вѣкѣ, особенно въ актахъ, въ то время, когда полууставъ сталъ переходить въ скоропись, можно сказать, что глухой твердый на концѣ словъ почти совершенно не пишется, а вмѣсто того, предшествующая ему согласная буква выносится поверхъ слова подъ полукругъ или безъ него. При естественномъ развитіи нашего правописанія мы давно должны были бы писать и печатать безъ еровъ, но наше письмо въ XVI—XVII вѣкахъ было подстарено древнимъ письмомъ. Такимъ образомъ современное правописаніе въ отношеніи глухихъ не есть что-либо непосредственно сохранившееся отъ древности, и потому ссылаться на него при разъясненіи явленія древняго никакъ нельзя. Не слѣдуетъ также сопоставлять современную тщательность употребленія конечныхъ глухихъ съ древнею: за нашимъ временемъ многовѣковой опытъ, закрѣпленный школьнымъ образованіемъ, тогда какъ памятники XI вѣка лишь на десятки лѣтъ отстоятъ отъ начала на Руси письменности.

Всѣ эти соображенія относительно глухихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ до нѣкоторой степени придаютъ вѣроятность мысли, что глухіе въ X и XI вѣкахъ были звуками (не смѣнивавшимися съ чистыми) не говоря уже—подъ удареніемъ, но и безъ ударенія и даже чувствовались въ концѣ словъ. Ихъ исчезновеніе, въ зависимости отъ ударенія, начавшееся въ слабой степени еще въ древнѣйшую пору, во вторую половину XI вѣка стало усиливаться и закончилось къ XII вѣку.

Обращаюсь къ „Лекціямъ“. Въ защиту своего мнѣнія и для опро-

верженія Срезневскаго, проф. Р. Θ. Брандтъ подробно разбираетъ сравнительно поздніе памятники: вкладную грамоту преп. Варлама Хутыиск. 1192 г. и грам. кн. Мстислава Давыдовича 1228 г., изъ памятниковъ же XI вѣка въ „Лекціяхъ“ указано два примѣра: Остр. Ев.: горазньѣ и Григор. Бог. XI, поштеннѣ (стр. 49), однако первый — самъ авторъ находитъ возможность толковать иначе, а второй — приведенъ случайно: судя по тексту, относящемуся къ этому слову (Изданіе А. Будиловича, § LXI, 75 об.), поштеннѣ стоитъ не вмѣсто почьтенинѣ, а означаетъ постъ, пощеніе. Вполнѣ соглашалась, что правописаніе грамоты 1228—1229 г. обнаруживаетъ утрату гласности глухихъ, не вижу возможности допустить существованіе въ древнемъ (въ „Лекціяхъ“ стоитъ—„старинномъ“) языкѣ такихъ формъ, какъ боудѣте вм. боудеть въ грамотѣ 1228—1229 г. или строите вм. строятъ въ сборникѣ „Златая цѣпь“ XIV вѣка, какъ бы тѣсно эти слова ни примыкали къ слѣдующимъ за ними, потому что не могло имѣть мѣсто проясненіе глухаго в тамъ, гдѣ онъ давно исчезъ. Нельзя также принять предположеніе автора, что извѣстное вдаль (Варламе) въ Хутынской вкладной 1192 года представляетъ соединеніе вдаль к вмѣсто вдаль ксть (Лекціи, стр. 53), — такъ какъ въ древнихъ сѣверныхъ памятникахъ необычно употребленіе к вм. ксть, въ самой грамотѣ нѣтъ примѣра опущенія глухаго безъ замѣны его чистою гласною, наконецъ, соединеніе дало бы вдальѣ, а не вдалье. Страницы 46—48 „Лекцій“ заняты указаніемъ на мнѣнія Срезневскаго, Лавровскаго, Потепни, Колосова, Буслаева, Миклошича, Биларскаго, Житецкаго и проф. А. И. Соболевскаго относительно существованія глухихъ звуковъ. Здѣсь какъ-то странно звучитъ упрекъ Срезневскому въ неясности и неопредѣленности (стр. 47) тѣмъ болѣе, что, приводя изъ Срезневскаго мѣсто, подавшее къ этому поводъ (Мысли объ исторіи русск. языка, изд. 2, стр. 42), авторъ опустилъ изъ виду то, что было сказано Срезневскимъ нѣсколькими страницами выше (стр. 20), гдѣ мысль о существованіи глухихъ въ XIII и XIV вѣка выражена имъ съ достаточной ясностью. Другую небольшую неточность авторъ допускаетъ по отношенію къ проф. А. И. Соболевскому: во своихъ „Лекціяхъ“ А. И. Соболевскій считаетъ, что глухіе исчезли во вторую половину XI вѣка и не во всѣхъ случаяхъ, а лишь въ многихъ (изд. 1-е, стр. 45; изд. 2-е, стр. 48), между тѣмъ изъ „Лекцій“ проф. Р. Θ. Брандта можно заключить, что онъ отрицаетъ всякое существованіе ихъ въ историческую пору (стр. 48).

Въ тѣсную связь съ исторіей глухихъ проф. Р. О. Брандтъ справедливо ставитъ явленія такъ называемаго *второго полногласія* (стр. 55 и въ дополненіяхъ — стр. 146), только она, кажется, глубже, чѣмъ указано въ „Лекціяхъ“. Слѣдуя мнѣнію, поддерживаемому авторитетомъ Ягича, проф. Р. О. Брандтъ объясняетъ формы въ родѣ тѣрэгъ, вѣрэхъ „сдѣякою между старорусскимъ и староцерковнымъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ѣ (или ѣ), и впереди, и позади плавнаго, то-есть, тѣрэгъ изъ тѣргъ и трагъ, вѣрэхъ изъ вѣрхъ и врѣхъ“ (Лекціи, стр. 55). Это объясненіе не можетъ дать отвѣта на многіе вопросы; — между прочимъ, отчего эти случаи встрѣчаются въ памятникахъ съ языкомъ чисто русскимъ или въ значительной степени утратившимъ церковнославянскій характеръ? отчего въ позднѣйшихъ, обыкновенно сѣвернорусскихъ памятникахъ вмѣсто втораго ѣ (ѣ), какъ и на мѣстѣ перваго, стоитъ о (е)? отчего, наконецъ, это явленіе и по настоящее время существуетъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ? Вѣрнѣе будетъ отождествлять эти формы съ формами 1-го полногласія и признавать для нихъ одни и тѣ же основанія. Второе полногласіе довольно распространено почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ; въ менѣе древнихъ оно попадается рѣже, полагаю, оттого, что когда глухіе безъ ударенія стали исчезать, а подъ удареніемъ переходить въ чистые, первый глухой въ формахъ 2-го полногласія, носившій на себѣ удареніе, смѣнился чистымъ, а второй—безударный—подвергся опущенію. Отсюда понятны какъ формы *перъвый*, *церѣковь*, въ старинное время, вѣроятно, чаще слышавшіяся, чѣмъ теперь, такъ и сѣверно-великорусскія формы въ родѣ *стѣлобъ*, *дѣложно*, *завѣложскій*, *смѣреть* и т. п., — архаизмы, являющіеся живыми остатками 2-го полногласія, — ихъ лучшему сохраненію постоянно препятствовала книжная рѣчь.

Полногласію 1-му въ „Лекціяхъ“ посвящается значительная часть перваго отдѣла (стр. 68 — 94); здѣсь указаны главные труды и не только приведены различныя мнѣнія, но и такъ подробно разобраны, что вышелъ довольно цѣльный очеркъ. Для большей полноты, по крайней мѣрѣ, можно было упомянуть о трудѣ проф. Кочубинскаго „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“, которому, вопреки рецензіи Бодуэна-де-Куртенз, нельзя отказать въ избраніи данныхъ и въ нѣкоторыхъ удачныхъ сопоставленіяхъ. Не смотря на все разнообразіе приведенныхъ мнѣній, проф. Р. О. Брандтъ не нашелъ возможности присоединиться къ какому-нибудь изъ нихъ

и представилъ свой взглядъ, впрочемъ, довольно сложный и содержащій въ себѣ нѣсколько предположеній: по мнѣнiю автора, „русскiй языкъ имѣлъ дублиеты—брада и борда, изъ нихъ породилъ сумѣску брода, а изъ борда и брода произвелъ сдѣлку—борода“. Но здѣсь можно повторить слова автора: „какъ понять двойственность брада и борда? Не отсрочиваемъ ли мы только этимъ объясненiемъ наши затрудненiя?“ (стр. 19). Неточность въ изложенiи мнѣнiя Ягича исправлена самимъ Ягичемъ въ *Archiv für slav. Philol.*, 1893. т. XI, стр. 425.

Не менѣе тщательно разобраны взгляды на начальное *o* на мѣстѣ церковно-слав. *e* Колосова, Потебни, Ягича, Миклошича и проф. А. И. Соболевскаго (стр. 59—68). Авторъ склоняется въ пользу Потебни, Миклошича и профессора Соболевскаго и признаетъ *e* и *o* одинаково древними, но съ тѣмъ отличiемъ, что не считаетъ возможнымъ возводить ихъ къ одному *a*, развившему уже на славянскiй почвѣ *e* и *o*, а переноситъ это колебанiе въ периодъ до-славянскiй и сопоставляетъ его съ колебанiемъ въ корняхъ бер-ж, из-бор-ъ.. Свое мнѣнiе проф. Р. О. Брандтъ основываетъ на томъ, что слова, имѣющiя начальное *o* при начальномъ *κ* въ церковно-славянскомъ языкѣ могли имѣть въ праязыкѣ особый видъ разноступенной основы, состоящей въ различной огласовкѣ корня, такъ какъ корень служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и темой. Слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ подкрѣпилъ это мнѣнiе болѣе подробными указанiями, такъ какъ построенныя имъ къ рус. олень, церк.-сл. клень праязычныя формы *old. elnos, olenes* или *elenes* не могутъ объяснять всѣ относящiяся сюда слова. Признавая это, авторъ предлагаетъ дополнительное объясненiе—посредствомъ переименованiя, а именно—сближенiя начальнаго *κ* съ предлогомъ *o*; такъ, по мнѣнiю проф. Р. О. Брандта, западно-словен. *odvaj* произошло изъ *edvaj* чрезъ замѣну *e* предлогомъ *o* и отождествленiя *dvaj* съ числит. два, словен. *olša* изъ *o liše*; могло случиться, полагаетъ авторъ, что и въ олень—*o* замѣнило *κ*, примѣняясь къ предлогу *o*. Со всѣмъ этимъ трудно согласиться, какъ затруднительно также считать олопецкую форму *оцѣ* за *o* что (стр. 65—67). Имена собственныя съ начальнымъ *o* вмѣсто *κ*—олена пр. клена и т. п. выдѣляются авторомъ, согласно съ проф. А. И. Соболевскимъ, въ особую группу, но объясняются аналогiей по образцу колебанiя между книжной и народной формой въ родѣ клень и олень.

Въ вопросѣ о существованiи носовыхъ въ русскомъ языкѣ проф.

Р. Ө. Брандъ склоняется, повидимому, къ отрицательному отвѣту. Дѣйствительно, за исключеніемъ совершенно единичныхъ словъ варягъ—германск. *vaging*, *соудъ* герм. *sund*, нѣтъ какихъ-нибудь твердыхъ слѣдовъ носовыхъ звуковъ, а въ *бренчать* и *мясо* никакъ нельзя видѣть остатковъ носовыхъ (стр. 57—59). Можно было бы еще сослаться на существующія въ финскомъ языкѣ славянскія слова съ отраженіемъ носовыхъ звуковъ, напримѣръ, *hanttas*—зжбъ, *tötr*—тжпъ, *ginda*—грждь, но только въ томъ случаѣ, еслибы доказать, что они попали именно изъ древне-русскаго языка, а не изъ общеславянскаго.

Вернусь къ началу „Лекцій“—къ обзорѣню ударяемыхъ гласныхъ *а* (стр. 2—5), *е* (5—13), *и* (13—16), *о* (16—27) въ качественномъ отношеніи и со стороны происхожденія. Они разсматриваются въ тѣхъ чертахъ, какія свойственны имъ въ языкѣ обще-литературномъ. Для большей полноты здѣсь можно пожелать добавленія историческихъ и діалектологическихъ; послѣднія встрѣчаются, но имъ не придается систематическаго характера. Укажу на суженіе *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ, помѣщенное авторомъ въ числѣ тонкостей (стр. 28),—это явленіе такъ сильно распространено въ сѣверо-великорусскихъ говорахъ, что проникло даже въ литературиую рѣчь мѣстнаго края. Съ большою подробностью разобранъ проф. Р. Ф. Брандтомъ законъ расширенія *е* въ *о*. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, авторъ стремился упростить существующую формулировку: вмѣсто Востоковскаго положенія, что превращеніе *е* въ *о* бываетъ передъ твердыми согласными и въ концѣ, авторъ защищаетъ свое мнѣніе—что *о* вмѣсто *е* является исключительно передъ твердыми согласными, а въ концѣ словъ ставится *о* на мѣстѣ *е* изъ подражанія другимъ словамъ или примѣненія къ согласному (твердому) слѣдующаго слова. Эту поправку проф. Р. Ө. Брандта вполне слѣдуетъ принять; къ объясненію же прибавлю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходило примѣненіе къ другимъ формамъ того же слова—кольцо—могло быть выведено изъ косвенныхъ падежей кольца, кольцу съ отвердѣвшимъ *ц*. Расширеніе *е* въ *о* попадаетъ, правда, несравненно рѣже, чѣмъ въ великорусскомъ, и въ нарѣчій бѣлорусскомъ, а также въ малорусскомъ—восточномъ (сверхъ случаевъ съ *о* вмѣсто *е* послѣ шипящихъ въ малорусскомъ—вообще)—въ Харьковской губерніи Изюмскаго уѣзда, въ деревнѣ-Новонавловкѣ и окрестныхъ я слышалъ: трѣхъ, трѣмъ, слѣзѣю, малѣваний, житѣю.

Говори о безударныхъ гласныхъ (стр. 28—42), проф. Р. Ө.

Брандтъ большею частью руководствуется наблюдениями и выводами В. А. Богородицкаго. Его теорію тройкой степени выговора неудараемаго гласнаго авторъ „Лекцій“ принимаетъ съ небольшими оговорками, касающимися предударнаго слога. Этотъ слогъ у В. А. Богородицкаго считается „наиболѣе сильнымъ, а слѣдовательно и наиболѣе устойчивымъ“ (Курсъ грам. рус. яз., стр. 182), а проф. Р. Θ. Брандтъ находитъ его только „довольно яснымъ“ (стр. 34); отсюда первый утверждаетъ, что звукъ *e* въ предударномъ слогѣ способенъ имѣть отгѣнки *ä* и *ε*, а звукъ *o* въ томъ же слогѣ лишь приближается къ *o*, но не совпадаетъ съ нимъ; авторъ же „Лекцій“ полагаетъ, что предударное *e* совпадаетъ съ предударнымъ *и*, а предударное *o* звучитъ одинаково съ *a*. Мнѣ кажется, что эти оба наблюдения вѣрны и объясняются мѣстными условіями: въ литературныхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго края гласные звуки *e*, *o*, *a* передъ ударяемымъ слогомъ произносятся явственнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ южно-великорусскихъ,—въ петербургскомъ, наприимѣръ, литературномъ говорѣ вмѣсто предударныхъ *e* и *o* слышится нѣчто приближающееся къ *и* и *a*, или, по Гроту, „звукъ между *ø* и *и*“, „звукъ между *a* и *o*“ (Филологич. разысканія, изд. 2-е, т. 2, стр. 32, 33).

Согласнымъ звукамъ въ „Лекціяхъ“ посвящаются двѣ главы: въ первой характеризуются отдѣльные звуки (104—120), во второй излагаются звуковыя измѣненія, подъ заглавіемъ „чередованіе звуковъ“ (121—143).

Наиболѣе характерною особенностью русскихъ согласныхъ звуковъ проф. Р. Θ. Брандтъ считаетъ сильное развитіе ихъ твердости и мягкости. Вмѣстѣ съ Миклошичемъ авторъ полагаетъ, что эта черта явилась на русской почвѣ. Къ сожалѣнію, въ „Лекціяхъ“ не дается никакихъ указаній, на сколько она древня. За глубокую ея древность говорятъ довольно часто попадающіеся въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ случаи употребленія *κ* вмѣсто *ε* послѣ согласныхъ, сверхъ *л*, *р*, *н* и шипящихъ съ *ц*: Арханг. Ев.: крѣвкѣ 54, Миняя 1095 г.: црквѣ 068 (изд. Ягича), вескляса 070, словескѣ 089, Миняя 1096 г.: вьсебогаткѣ 140, боудкѣтъ 159, снскѣнитѣ 210, Миняя 1097 г.: обрѣткѣ 291, ведкѣнникѣмъ 343, облнстаекѣ 314, матокю 388; Кондакаръ XII вѣка (Императорской Публичной Библиотеки); вслнк. кытыты и 46 об. сѣ. ее. 200 47; Стихираръ XII—XIII вѣка (Академіи Наукъ): бесловеснѣ 82.

Таблица согласныхъ звуковъ, помѣщенная въ „Лекціяхъ“ (стр. 107), отличается отъ таблицъ Бодуэна-де-Куртенеэ (Отрывки изъ лек-

цій по фон. и морф. рус. яз., стр. 8—9), Богородицкаго (Курскъ грам. р. яз. 278—279), Вахтина („Основы рус. право.“ *Рус. Ф. В.* 1890, № 2, стр. 20) включеніемъ такъ-называемыхъ среднихъ согласныхъ, не твердыхъ и не мягкихъ. Самостоятельныхъ среднихъ согласныхъ проф. Р. Θ. Брандтъ не признаетъ, кромѣ ж, ш и ц въ соединеніи съ е и „безголосныхъ“ губныхъ въ концѣ словъ вмѣсто мягкихъ голо-совыхъ (стр. 126), но допускаетъ ихъ при слѣдующихъ за ними мягкихъ согласныхъ въ томъ случаѣ, если за твердымъ согласнымъ нѣкогда стоялъ ъ, или же если твердый согласный—губной. Не ясно, отчего въ таблицу вошли тр'и и др'ань, не подходящія подъ эти условія? Богородицкій, которому, кажется, слѣдуетъ здѣсь проф. Р. Θ. Брандтъ, находитъ гораздо болѣе случаевъ при сочетаніи твердыхъ согласныхъ съ мягкими, когда твердые становятся средними, впрочемъ безъ какихъ-нибудь твердыхъ основаній. Относительно наименованій и распредѣленія звуковъ въ таблицѣ профессора Брандта можно замѣтить слѣдующее. Болѣе употребительные термины—звонкій и глухой—авторъ замѣняетъ терминами Грота—голосовой и безголосный; согласные безъ носоваго отгѣнка называются очень удачнымъ терминомъ ротвые, только благозвучнѣе было произносить ротовые; звукъ л лучше было бы выдѣлить въ особую отъ р групу, такъ какъ въ немъ нѣтъ дрожательнаго элемента (см. физиологическое опредѣленіе л въ замѣткѣ С. Булича „О произношеніи рус. л“ въ *Р. Ф. В.* 1890, № 1, стр. 85); далѣе, для цѣльности таблицы не мѣшало бы дать въ ней мѣсто „созвучіямъ“ *ц*, *ч* и *щ*. Проф. Р. Θ. Брандтъ держится того мнѣнія, что это дифтонги: *ц* = *т* + *с* (*т*—мягкое или среднее, *с*—мягкое или среднее), *ч* = *т* + *ш* (*т*—мягкое или среднее, *ш*—мягкое или среднее), а *щ*—трифтонгъ = *ш* + *т* + *ш* (средніе или мягкіе)—стр. 2—3, 9, 117—120. Сложность звука *щ* давно прочно установлена: ее доказываютъ древніе памятники и современный выговоръ; къ сказанному въ „Лекціяхъ“ прибавлю, что въ литературномъ языкѣ сѣв.-великор. края *щ* звучитъ обыкновенно какъ *шч*, и что въ нѣкоторыхъ изъ народныхъ говоровъ, напримѣръ, въ новгородскомъ, встрѣчается *шиш* (оба твердые). Ни о *ц*, ни о *ч* этого сказать нельзя. Попытку Грота доказать ихъ дифтонговый характеръ *протяженіемъ* надобно считать крайне неудачной, такъ какъ звуки эти относятся къ разряду *мигновенныхъ* и къ протяженію не способны; если же протягивать ихъ насильно, то, конечно, получится (*ц*)*тсс...* и (*ч*)*тшшш...* по той причинѣ, что звукъ *т*, какъ мгновенный, не протяжимъ. Никакого подтвержденія сложности звуковъ *ц* и *ч* не возможно отыскать

въ древнихъ памятникахъ, равнымъ образомъ его не найдти въ современныхъ народныхъ говорахъ; остается признать, что эти звуки, при своемъ появленіи въ обще-славянскій періодъ дѣйствительно представлявшіе сочетанія двухъ звуковъ, можетъ быть, въ концѣ того же періода стали утрачивать свой характеръ, и въ доисторическое уже время русскаго языка стали произноситься простою артикуляціею. Нѣсколько похожую судьбу имѣлъ звукъ *z* (*dz*), рано потерявшій свой дифтонговый характеръ и смѣшавшійся съ *z*,—этотъ дифтонгъ чувствовался еще въ древне-болгарскомъ въ кирилловскую эпоху, русскіе же памятники его вовсе не знаютъ.

Наконецъ, о звукѣ *z* протяженномъ. Перечисленные авторомъ случаи его появленія въ литературномъ произношеніи не подходятъ къ петербургскому литературному говору: послѣдній не употребляетъ *g* протяжимаго въ словахъ: къ дому, нозотъ, мязокъ, боꙗтый, наꙗой и имъ подобныхъ.

Подъ заглавіемъ „чередованіе звуковъ“ проф. Р. О. Брандтъ обозрѣваетъ въ главнѣйшихъ чертахъ измѣненія согласныхъ: смягченіе (стр. 123—125), переходъ голосовыхъ въ безголосные въ исходѣ словъ (стр. 125—127), обезголошеніе голосовыхъ передъ безголосными и голосовѣніе безголосныхъ передъ голосовыми (стр. 127 — 130) и отвердѣніе мягкихъ согласныхъ передъ твердыми и умягченіе твердыхъ передъ мягкими (стр. 130—133), то-есть, явленія ассимиляціи согласныхъ; затѣмъ—несочетаемость шипящихъ и свистящихъ (стр. 133—135), удвоеніе и упрощеніе удвоенія (стр. 135—138), созвучія *кк*, *зз*, *кк*, *зз*, *чч*, *щщ*, *чч* и *хх* (стр. 138—140); заканчиваютъ отдѣлъ—выпаденіе, вставка, отпаденіе и призвукъ.

Не смотря на отсутствіе историко-сравнительныхъ экскурсовъ въ этой части „Лекцій“ и на сравнительную краткость обзора согласныхъ звуковъ и ихъ измѣненій, какъ тѣ, такъ и другія очерчены съ достаточною ясностью и опредѣлительностью, въ важныхъ случаяхъ прослѣжены по народнымъ говорахъ, правда, немногимъ, и дополнены историческими данными, большею частью изъ „Лекцій“ проф. А. И. Соболевскаго. Подробнѣе прочихъ разсмотрѣны смягченіе, умягченіе и несочетаемость свистящихъ и шипящихъ.

Въ заключеніе останавлиюсь на послѣднихъ словахъ предисловія къ „Лекціямъ“. Говоря, что „лекціи эти печатались почти безъ дополненій противъ того, какъ онѣ дѣйствительно читались“, проф. Р. О. Брандтъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду неравномѣрную разработку ихъ частей: нѣкоторые явленія и вопросы разсматриваются

съ большою тщательностью и полнотою, другіе же, можно сказать, едва намѣчены, а иные вовсе опущены (напримѣръ, стяженіе гласныхъ). Но все же въ „Лекціяхъ“ прежде всего слѣдуетъ цѣнить попытку, положимъ, не вполне законченную, связать въ стройную систему результаты наблюдений и историческихъ разысканій въ области русскаго языка.

И. Волковъ.

Я. Амосъ Коменскій. Великая Дидактика. Перевель съ латинскаго А. Щепинскій. С.-Петербургъ. 1893.

„Великая Дидактика“,—несомнѣнно, самое цѣнное педагогическое сочиненіе Амоса Коменскаго. Поэтому-ли, или по какой вѣбудь другой причинѣ, ей у насъ въ Россіи посчастливилось. Въ первый разъ „Дидактика“ была издана по-русски редакціей журнала *Семья и Школа* въ 1875-1877 годахъ. Переводъ, просмотрѣнный извѣстнымъ педагогомъ С. И. Миропольскимъ, вышелъ довольно удачнымъ; можно только поставить ему въ упрекъ недостатокъ примѣчаній и нѣкоторое неравнодушіе къ нѣмецкимъ переводамъ. Какъ бы то ни было, но къ 1892 году, къ празднованію трехсотлѣтія рожденія великаго педагога изданіе все разошлось и стало библиографическою рѣдкостью. Новое пробужденіе интереса къ личности и идеямъ Коменскаго, связанное съ юбилеемъ, вызвало въ текущемъ году появленіе новаго перевода „Дидактики“: мы разумѣемъ переводъ гг. Адольфа и Любомудрова, изданный московскимъ книжнымъ магазиномъ „Начальная школа“ и исполненный „добросовѣстно и удачно“ (отзывъ докладчика въ „отдѣлѣ Коменскаго“ при Военно-педагогическомъ музеѣ, г. Х. Шванебаха). Наконецъ, въ послѣднее время мы получаемъ еще переводъ „Дидактики“—г. Щепинскаго. Переводу (268 стр.) предпослана біографія Коменскаго (стр. IX—XVI); въ концѣ книги находятся 26 страницъ примѣчаній къ тексту перевода.

Не касаясь вопроса о томъ, на сколько появленіе двухъ переводовъ „Дидактики“ въ теченіе одного года соотвѣтствуетъ условіямъ нашего книжнаго рынка и спросу нашей публики на сочиненія подобнаго рода, рѣшаемся сдѣлать нѣсколько замѣчаній о переводѣ г. Щепинскаго и по поводу его.

Переводъ г. Щепинскаго, какъ и два, болѣе ранніе, сдѣланъ съ латинскаго текста „Дидактики“, написаннаго самимъ Коменскимъ. Хотя нашъ переводчикъ находился въ довольно счастливыхъ услови-

яхъ, имѣя за собою двукратную работу надъ тѣмъ же предметомъ, однако чтеніе перевода г. Щепинскаго показываетъ, что онъ самостоятельно изучалъ латинскій текстъ „Дидактики“.

Этимъ и объясняется то, что, держась текста. г. Щепинскій переводилъ буквально, то-есть:

1) не пропускалъ даже тавтологическихъ словъ и выраженій (напримѣръ въ главѣ 25, отдѣль Х, стр. 225, онъ переводитъ: въ школѣ Христовой являются „профессорами и учителями—пророки и апостолы“, въ то время какъ переводчикъ изданія 1877 г. пропускаетъ „профессорами“ на 207 стр.), и

2) не прибавлялъ своихъ словъ и выраженій, хотя-бы и объясняющихъ пмѣющаеся въ текстѣ, какъ дѣлаетъ переводчикъ изданія 1877 г. (см., напримѣръ, главу 21, § 14: „но мы легче понимаемъ собственное. чѣмъ чужое“,—слова, не имѣющіяся въ латинскомъ текстѣ).

Правда, заботясь о близости перевода къ подлиннику, г. Щепинскій иногда теряетъ мѣру: сохраняетъ чисто латинскія страдательныя конструкции, предложныя соединенія (черезъ=per) и т. п.; но все это въ общемъ не вредитъ легкости и понятности перевода. Можно положительно сказать, что онъ нигдѣ не извратилъ смысла латинскаго текста, хотя съ нѣкоторыми отбѣнками въ его передачѣ латинскаго текста нельзя согласиться. Вотъ примѣры:

1) Стр. 124, § 31, слова: „къ пицѣ въ томъ количествѣ, какое можетъ *переварить* еще слабое *пищевареніе*“. Очевидна неловкость выраженія, состоящая въ томъ, что какъ будто-бы не органъ (alvus-желудокъ) функционируетъ, а функція (пищевареніе).

2) Стр. 155, § 5: „Если окажется, что кто-нибудь былъ невнимателемъ, тому слѣдуетъ сдѣлать выговоръ или *наказать* его тотчасъ же“. По-латыни сказано: „*incerpetur*“, и „*castigetur*“. *Castigetur* нельзя понимать въ смыслѣ: наказать; уже въ глаголѣ *incerpetur* выражена мысль о наказаніи, которое, въ случаѣ ошибки „противъ Присциана“, то-есть учебной, состоитъ лишь въ словахъ; самое слово *castigetur*, по родству со словомъ *castus*, указываетъ на очищеніе, исправленіе.

3) Стр. 182, § 5: „образовывая—образуемъ себя“. Такой переводъ выраженія: „*fabricando fabricamur*“ неумѣстенъ въ главѣ, трактующей о методѣ искусствъ, о техническихъ приемахъ: слово „образованіе“ имѣетъ у Коменскаго болѣе широкое культурное значеніе, такъ что переводъ изданія 1877 года: „производя—совершенствуемъ (трудъ) и себя“ кажется намъ болѣе удачнымъ.

4) Стр. 190, § 16...: „чтобы ученики изучали средства скрывать

тайны искусства“. Латинское выражение: „ars occultandi artificia“ не даетъ права на такой переводъ, да онъ противорѣчить и всѣмъ идеямъ Коменскаго, который, всю свою жизнь работая для „свѣта“, не могъ защищать профессиональныхъ тайнъ. Рѣчь идетъ просто о такомъ совершенномъ исполненіи работы, чтобы техническіе приемы не били въ глаза созерцающему работу и не мѣшали ему видѣть все ея изящество.

5) Стр. 268, § 5: „какъ не возможно, чтобы невинная дѣвушка родила ребенка“ — передача латинскихъ словъ: „ut virginem non impraegnatam parere impossibile est“, хотя очень деликатна, но затемняетъ выразительность сравненія (ср. въ изданіи 1875—1877 гг. стр. 250: „какъ не возможно, чтобы дѣвушка, не забеременѣвъ, родила ребенка“).

6) Стр. 270, § 11: „какимъ образомъ можно всѣмъ управлять по законамъ всего существующаго“ — переводъ, упускающій изъ виду игру словъ въ латинскомъ текстѣ: „ad leges *universi*—*administrati* *universa*“ (*universum*—міръ, вселенная).

Мы упомянули, что переводъ г. Щенинскаго, какъ и два предшествовавшіе, сдѣланъ съ латинскаго текста „Великой Дидактики“. Между тѣмъ извѣстно, что первоначально „Дидактика“ была написана по-чешски между 1629—1632 годами и, переведенная самимъ Коменскимъ на латинскій около 1638 года, напечатана въ первый разъ въ Амстердамскомъ изданіи „*Opera didactica omnia*“ 1657 года. Слѣдовательно, наши переводы—только переводы съ перевода. Правда что переводъ съ перевода самого автора не можетъ далеко уклоняться отъ оригинала. Но если мы примемъ во вниманіе неразрывную связь мысли и слова, существованіе въ словарномъ матеріалѣ различныхъ языковъ многообразія оттѣнковъ въ пониманіи вещей, если вспомнимъ, что чешская „Дидактика“ написана подъ вліяніемъ горячихъ національныхъ упованій, то уже а priori можемъ догадаться, какъ много мы теряемъ, не имѣя перевода „Дидактики“ съ родстvenнаго языка. Мы лишены возможности переживать при чтеніи книги все безконечное богатство тонкихъ психическихъ впечатлѣній роднаго славянскаго народа въ его тысячелѣтней исторіи, впечатлѣній, отразившихся въ религіозныхъ, нравственныхъ и бытовыхъ терминахъ; лишены возможности войти ближе въ духъ великаго мужа, полнаго религіозной вѣры и національныхъ надеждъ, которыя захватывали его, какъ древняго израильскаго пророка, и повѣдывались міру то въ бурныхъ, то въ тихихъ потокахъ рѣчей.

Сравнение обоих текстовъ, чешскаго и латинскаго, съ этихъ сторонъ было-бы дѣломъ въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ. Что касается области языка, то можно для примѣра указать хотя-бы на термины: религіозность и благочестіе, передающіе въ нашемъ переводѣ латинскій терминъ *pietas*. Всѣ русскіе переводчики передаютъ латинское *pietas* именно такимъ образомъ. Но, кажется, это не будетъ правильно, но крайней мѣрѣ, для Коменскаго, для „Общины братской“. Въ чешскомъ текстѣ мы находимъ слово *řobožnost*, то-есть, по-русски набожность,—то, что нѣмцы передаютъ черезъ *pietät*. „Набожность“—это всего лучше характеризуетъ отношенія человѣка къ Богу, какъ они понимались и выражались въ „Общинѣ“. Эти отношенія были связаны съ „сердцемъ“ (см. *Leges Scholae bene ordinatae*, гл. II, § 1), которое всегда стремится къ Богу, въ которомъ происходитъ даже мистическій разговоръ съ Богомъ, какъ-бы присутствующимъ здѣсь („О христіанскомъ совершенствѣ“, глава XI). Именно, такой мистическій, а не юридическій характеръ (какъ у романскихъ народовъ-*religio*) имѣли отношенія человѣка къ Богу въ „Общинѣ“. Слово же „религія“ передается у Коменскаго словомъ „*naboženstvo*“. Мы упомянули также, что чешская „Дидактика“ даетъ больше возможности войти въ духъ Коменскаго: мы разумѣемъ при этомъ „Обращеніе къ чешскому народу“, составляющее какъ бы введеніе въ „Дидактику“, и главу XXIX: „Почему тотчасъ же, не откладывая, слѣдуетъ мыслить объ учрежденіи и založenіи такихъ школъ въ цѣлой землѣ (чешской)?“. „Обращеніе“ разъясняетъ намъ, что Коменскій смотрѣлъ на воспитаніе и школы, какъ на могущественное орудіе въ дѣлѣ осуществленія Царства Божія на землѣ, что становится понятнымъ изъ развиваемаго имъ здѣсь религіознаго и этико-философскаго взгляда на исторію человѣчества. А какое значеніе имѣли для Коменскаго національные мотивы, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ XXIX главы: „Упась (чеховъ) не только не было славныхъ писателей, которые помогали-бы своими писаніями просвѣщать міръ, но не было достаточно людей и для домашнихъ потребностей, для законодательства и управленія, въ государствѣ и церкви. Поэтому, если являлась какал-нибудь пужда, мы обращались къ чужеземцамъ, приглашали ихъ въ свою землю, платили деньги, къ стыду и даже вреду себѣ и цѣлому народу. Ибо чужеземцы селились между нами, воздѣлывали себя, а не насъ, затѣняли, даже притѣсняли насъ и нашъ языкъ... И что изъ этого вышло? То, что видимъ. Пришли на насъ головы, носящія разумъ, испанцы, италья-

янцы и другіе; перемудрили насъ, утѣснили насъ, разсѣяли насъ, плѣнили насъ“....

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, въ высшей степени желательно появленіе слѣдующаго перевода уже съ чешскаго языка и сравненіе его съ латинскимъ текстомъ.

Переводу г. Щепинскаго предпослана краткая біографія Коменскаго. Извѣстно, какъ трудно написать краткую, но хорошую біографію; автору нужно было-бы побольше дорожить мѣстомъ, если онъ хотѣлъ на восьми страничкахъ дать живой и ясный очеркъ жизни и дѣятельности такого человѣка, какъ Коменскій; но авторъ не бережетъ мѣста; (см., напримѣръ, ненужныя латинскія строки X страницы и примѣчанія на XV-й). Выдающіяся стороны дѣятельности Коменскаго подчеркнуты слабо. Въ языкознаніи Коменскій замѣчательнѣе своимъ „*Methodus linguarum novissima*“, но не „*Janua*“, какъ, видимо, думаетъ нашъ біографъ, прикрываясь авторитетными якобы словами Бэля: „*Quand C. n' aurait publié que ce livre-là, il se serait immortalisé*“, забывая, что тотъ же Бэль говорилъ объ „*Opera didactica omnia*“ слѣдующее: „*...et je ne crois pas même qu'il y ait rien de praticable utilement dans les idées de cet auteur*“... Не совѣмъ удачно г. Щепинскій характеризуетъ и пансофію (XII), выписывая слова Паппенгейма. Вообще, очеркъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ „*curriculum vitae*“ Коменскаго. Не худо-бы было намъ поучиться у чеховъ ихъ умѣнью писать краткія біографіи для изданій сочиненій Коменскаго, или даже прямо брать ихъ оттуда.

Что касается примѣчаній къ тексту, то вообще они имѣются въ достаточномъ количествѣ и приносятъ свою пользу при чтеніи текста „*Дидактики*“, хотя попадаютъ между ними совершенно лишнія. Какъ на примѣръ, можно указать на примѣчаніе 25-е, со ссылкою на „*Задачи психологіи*“ Кавелина: сравненіе умственныхъ образовъ, возникающихъ въ душѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, съ слѣдами, оставленными печатью на воскѣ,—вообще говоря, довольно удачно; вѣдь, никто, тѣмъ болѣе Коменскій, не говоритъ о *тождествѣ* тѣхъ и другихъ, какъ неправильно думаетъ переводчикъ, критикуя Коменскаго. Проводя строго точку зрѣнія г. Щепинскаго, слѣдовало бы отвергнуть почти всю психологическую терминологию, такъ какъ она отличается вещественнымъ характеромъ.

Если уже переводчикъ хотѣлъ отнестись критически къ Коменскому, то онъ могъ-бы найдти дѣйствительныя злоупотребленія Коменскаго синкретическимъ методомъ: разумѣемъ гл. XXXII латинской

„Дидактики“, гдѣ приводится доходящее до мелочей—и уже потому неудачное—сравненіе школы съ типографіей (кстати, главы этой нѣтъ по-чешски). Между тѣмъ переводчикъ этого не сдѣлалъ. Замѣтимъ еще, что не удобно ссылаться на сочиненія, не бывшія въ печати, что дѣлаетъ г. Щепинскій, упоминая какія-то „Лекціи по исторіи классической философіи“ Владиславлева.

Въ заключеніе своего разбора пожелаемъ переводчику новыхъ успѣховъ въ его трудахъ по изученію и распространенію трудовъ Коменскаго, чтобы такимъ образомъ болѣе и болѣе исполнялись пророческія слова Лейбница о „*turba bonorum*“—почитателей завѣтовъ Коменскаго.

III. Истробовъ.

Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса. 1893.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ древне-русскихъ сборниковъ, Измарагдъ уже давно признанъ заслуживающимъ обстоятельнаго и тщательнаго изслѣдованія. То, что до сихъ поръ было писано о немъ (всего болѣе Горскимъ и Повоструевымъ, а въ недавнее время проф. А. С. Архангельскимъ), какъ бы подстрекало ученыхъ къ работѣ надъ нимъ, и потому появленіе труда г. Яковлева едва ли можетъ поразить кого неожиданностью.

Большая часть этого труда занята изложеніемъ содержанія двухъ главныхъ редакцій Измарагда; затѣмъ авторъ сравнительно много мѣста удѣляетъ библиографическимъ примѣчаніямъ къ отдѣльнымъ словамъ этого сборника; наконецъ. онъ останавливается, довольно кратко, на вопросахъ о его редакціяхъ и времени ихъ происхожденія.

Изложеніе содержанія, по главамъ,—наиболѣе важная и полезная часть книги, могущая достаточно познакомить читателя съ Измарагдомъ. Оно исполнено г. Яковлевымъ недурно, и при томъ такъ, что важнѣйшія мѣста словъ Измарагда приведены цѣликомъ. Единственное, за что можно посягнуть на автора, это полное отсутствіе какихъ-либо попененій къ темнымъ мѣстамъ. Онъ излагаетъ содержаніе Измарагда лишь по двумъ его спискамъ, одному—первой, другому—второй редакціи, спискамъ не отличающимся особо исправностью, и понятно, вноситъ въ изложеніе ошибки, пропуски и искаженія этихъ списковъ. Такъ, на стр. 128 мы у него читаемъ: „если же брать твой таковъ непокоривъ и не послушаетъ трезваго ученія и

коровья молочъ или рожаничь молочъ или рѣзонцець“... Или, на стр. 132: „любю си будуть въ говѣннн съблюлися отъ женъ и дасть причащеніе,—въ своей бо женѣ нѣтуть грѣха“... Или, на стр. 149: „если кто въ первый день генваря идетъ на коляду, какъ это дѣлали первіи поганн, — три года постъ и покаяніе на хлѣбѣ и водѣ, яко отъ скотини есть игра та“... Или, на стр. 196: „ниже бы не пити отнюдь, того *вси ми* возбраняеть“... Или, на стр. 209: „яко же двою сыпу *Стандровому*“... Мы напрасно искали бы у автора при этихъ темныхъ мѣстахъ варіантовъ изъ другихъ списковъ, хотя онъ, несомнѣнно, имѣлъ ихъ въ рукахъ, и даже не мало. А то на стр. 143 онъ выписываетъ слова: „зима, нежить, *дымъ*, глисты“ и при *дымъ* ставитъ вопросительный знакъ, но опять не приводитъ варіантовъ ¹⁾...

Библиографическія примѣчанія къ отдѣльнымъ словамъ Измарагда, въ которыхъ авторъ свелъ то, что сдѣлано его предшественниками, „съ очень значительными (?) собственными добавленіями“ (стр. 9), не блещутъ ни тщательностью составленія, ни полнотою. Г. Яковлевъ игнорируетъ Прологъ и не дѣлаетъ на него указаній „въ виду измѣненія (?) въ немъ текста памятниконъ“ (стр. 9), хотя простая свѣрка статей Пролога съ соответствующими статьями Измарагда могла бы показать ему, что Прологъ—одинъ изъ прямыхъ источниковъ Измарагда. Равнымъ образомъ никакъ нельзя сказать, чтобы авторъ оказалъ много вниманія Златоусту: статьи этихъ сборниковъ имъ не свѣрены, взаимныя отношенія ихъ не опредѣлены, и дѣло ограничивается лишь голословнымъ, ничѣмъ не подкрѣпленнымъ указаніемъ, что Златоустъ далъ матеріалъ для Измарагда (стр. 39, 203). Сверхъ того, отмѣчены не всѣ статьи общія обоимъ сборникамъ. А о томъ, чтобы авторъ внесъ сколько-нибудь свѣта въ совершенно еще не изслѣдованный, но не менѣе Измарагда любопытный Златоустъ,—не можетъ быть и рѣчи ²⁾. Вообще рукописный матеріалъ не играетъ никакой роли въ томъ, что сдѣлано г. Яковлевымъ для уясненія источниковъ Измарагда; онъ ограничивается ссылками или на пе-

¹⁾ О значеніи этого слова см. „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“ *И. И. Срезневскаго*.

²⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы обратить вниманіе на два *южно-славянскіе* списка „Златоуста“: 1) аеонскій, XVI вѣка, содержащій слова отъ недѣли мытаря и фарисея до великой субботы (*Леонидъ*, Славяно-сербскія книгохранилища на святой Аеонской горѣ, М. 1875, стр. 11), и 2) люблянскій, 1574 года (*Воскресенскій*, Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ бібліотекахъ, стр. 44—45). Желательно бы имѣть свѣдѣнія объ ихъ составѣ и языкѣ.

чатныя изданія (русскія и греческія) святоотеческихъ твореній, или на печатныя же изданія статей Измарагда (или сходныхъ съ измарагдадовскими), и тутъ не безъ пропусковъ. Такъ, онъ не отмѣчаетъ, что слова: 1) о волхвованіи и 2) о челяди (стр. 22), съ другими концами, по списку Златой Цѣни XIV вѣка, изданы Погодинымъ въ *Москвитянинъ* 1851 года, № 6, а слово къ попамъ (стр. 26), въ полномъ видѣ и съ именемъ повгородскаго епископа Иліи, XII вѣка, издано проф. А. С. Павловымъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 года, № 10. Если къ-мъ-нибудь уже сдѣлано какое-либо замѣчаніе о статьѣ Измарагда, авторъ принимаетъ его безъ всякихъ справокъ и провѣрки. Такъ, о 58-мъ словѣ Измарагда второй редакціи: „о терпѣніи и богохваленіи, да не много плачемся объ умершихъ“, Горскимъ и Певострусевымъ сказано, что оно „собрано изъ разныхъ“. между тѣмъ какъ его дѣйствительный и единственный источникъ—слово Іоанна Златоустаго: „о терпѣніи и о благопохваленіи, да не тако зѣло плачима умершихъ“, находящееся и въ такъ-называемомъ Златоструѣ XII вѣка Публичной Библиотеки (*Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, XXI), и въ Успенскомъ Сборникѣ XII вѣка (*Поповъ*, Библиографическіе матеріалы, I, стр. 40). Если же сдѣланы два противорѣчивыя указанія то авторъ не дѣлаетъ даже попытки разрѣшить вопросъ и оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи. На стр. 19 мы у него читаемъ: слово „како подобаеть въ ночь вставати молитися“ „по указанію проф. Архангельскаго заимствовано изъ 41-го слова Златоструя“, а проф. Шепеленичъ „указалъ, что слово это составляетъ отрывокъ Видѣнія апостола Павла“,— и только! ¹⁾).

То, что г. Яковлевъ говоритъ о двухъ главныхъ редакціяхъ Измарагда,—наиболѣе самостоятельная часть его труда. Еслибы онъ указалъ *всю* списки Измарагда второй редакціи, которыми онъ воспользовался, вопросъ о редакціяхъ можно бы считать поконченнымъ; но онъ почему-то не отмѣчаетъ номеровъ извѣстныхъ ему списковъ, возбуждая этимъ сомнѣнія въ читателѣ. Намъ кажется, авторъ могъ бы установить еще третью редакцію, столь же опредѣленную, какъ вторая, которая не имѣетъ ничего общаго со сборниками, носящими въ рукописяхъ названіе Измарагда, но его совсѣмъ не заслуживающими. Эта редакція, извѣстная пока лишь въ двухъ спискахъ XVI вѣка

¹⁾ Не лишнее отмѣтить, что это слово встрѣчается въ Златоустахъ (Златоустъ Ундольскаго № 533, л. 114 об.).

(Императорской Публичной Библиотеки, F. I, 228, и Виленской Публичной Библиотеки № 240), можетъ быть названа юго-западно-русскою. Первый ея списокъ молдавскаго происхожденія (съ очень иттересною русско-молдавскою орѳографіею), второй — западно-русскій (списки Измарагда первой и второй редакцій, какіе намъ извѣстны ¹⁾), всѣ — сѣверно-русскаго происхожденія). Г. Яковлевъ этой третьей редакціи посвящаетъ всего четыре страницы (291—294) и даже не описываетъ ее вполне, ограничиваясь указаніемъ на связь ея со второй редакціей да страннымъ замѣчаніемъ, что „у составителя не было въ рукахъ твореній свв. отцовъ и онъ пользовался ими въ русской передѣлкѣ“ (стр. 292).

Вопросъ о времени составленія второй редакціи Измарагда, поставленный г. Яковлевымъ, — вопросъ не новый: его, — правда, вскользь — касались и Горскій и Невоструевъ, и другіе. Авторъ долженъ былъ собрать всѣ наличныя данныя и при ихъ помощи дать окончательное рѣшеніе этому вопросу. Но онъ почти ничего не сдѣлалъ: единственное, что видно изъ его данныхъ, это — старшинство первой редакціи передъ второю, въ чемъ однако никто и не сомнѣвался. Если у него указывается, что 80-е, 112-е, 145-е слова второй редакціи взяты изъ вопросо-отвѣтовъ псевдо-Аванасія (къ Антіоху), то не отмѣчается, какимъ переводомъ этого сочиненія воспользовался составитель Измарагда, старшимъ ли, извѣстнымъ на Руси съ XI вѣка, или младшимъ, распространившимся у насъ съ XV вѣка; если онъ повторяетъ указаніе проф. Архангельскаго, что 46-е слово представляетъ „почти дословно“ отрывокъ 52-го слова Пандекта Никона Черногорца, онъ не сообщаетъ, изъ какого именно перевода Пандекта оно взято, изъ старшаго, извѣстнаго въ спискахъ XII—XIII вѣковъ, или изъ младшаго, исправленнаго, появившагося не ранѣе половины XIV вѣка. Отсутствие данныхъ однако не мѣшаетъ автору представить свое рѣшеніе вопроса. Онъ объявляетъ временемъ составленія второй редакціи Измарагда вторую половину XV вѣка, ссылаясь на помѣщеніе въ ней словъ о кончинѣ смертной, страшномъ судѣ, мытарствахъ (стр. 259) и отсылая читателя къ статьѣ г. Корнѣева о словѣ св. Пахомія въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1891 годъ, № 9. Но слова объ исходѣ души, страш-

¹⁾ Г. Яковлевъ не касается вопросовъ о мѣстѣ возникновенія Измарагда и о предѣлахъ его распространенія въ древней Руси и не даетъ для ихъ разрѣшенія никакихъ данныхъ.

номъ судѣ и т. д. такъ распространены въ памятникахъ русской письменности всѣхъ вѣковъ, что помѣщеніе ихъ во второй редакціи Измарагда едва ли можетъ на что-нибудь указывать (часть этихъ словъ самимъ г. Яковлевымъ отмѣчена и въ первой редакціи, составленной не позднѣе XIV вѣка; 106-е и 129-е слова второй редакціи находятся въ Паисіевомъ Сборникѣ конца XIV вѣка, имѣющемъ вообще много словъ общихъ съ Измарагдомъ), тѣмъ болѣе, что ни малѣйшихъ намековъ на ожиданіе конца міра въ нихъ нѣтъ. Что же до выводовъ г. Корнѣева, то они намъ кажутся слѣдствіемъ простаго недоразумѣнія. Г. Корнѣевъ изъ находенія во второй редакціи Измарагда слова св. Пахомія (въ началѣ котораго доказывается, что молоко и яйца, которыя *люди ѣдятъ въ среду и пятницу*, не что иное какъ ссѣдшаяся кровь, слѣдовательно, нѣчто скоромное) заключаетъ, что эта редакція получила окончательный видъ во времена жидовствующихъ, то-есть, въ концѣ XV вѣка. Между тѣмъ начало слова Пахомія направлено противъ православныхъ, державшихся древнѣйшаго способа пощенія (они еретиками не названы), каковыми были всѣ русскіе въ X—XI вѣкахъ, во времена полнаго господства студійскаго церковнаго устава, а можетъ быть и позже: Русская Правда предписываетъ плательщикамъ вирь поставлять княжескимъ чиновникамъ въ среду и пятницу „сыръ“. Возможно, что оно находится въ нѣкоторой связи съ полемической литературою противъ католиковъ (сравн. 6-ю главу посланія митрополита Іоанна къ папѣ Клименту у *А. С. Павлова*, въ его разборѣ „Обзора древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ А. П. Попова).

По нашему мнѣнію, въ виду отсутствія сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ противнаго, временемъ составленія второй редакціи должно считать XIV вѣкъ, когда еще не было у насъ ни Маргарита Іоанна Златоуста, ни исправленнаго перевода вопроса-отвѣтовъ псевдо-Аванасія и Пандекта Никона, ни Толковаго Евангелія Теофилакта Болгарскаго, ни Діоптры инока Филиппа, ни законецъ словъ Григорія Цамвлака. Еслибы составитель жилъ въ XV вѣкѣ, было бы не понятно, почему онъ не воспользовался для своего труда цѣлымъ рядомъ подходящихъ текстовъ, только что перешедшихъ на Русь отъ южныхъ славянъ и представлявшихъ всѣ прелести новизны, и употребилъ въ дѣло лишь тексты старыя.

Мы не будемъ останавливаться на частностяхъ труда г. Яковлева и укажемъ лишь на нѣсколько ошибокъ.

Авторъ отмѣчаетъ (стр. 14) два списка XIII вѣка житія св. Ни-

фонта—1219 года Синодальной бібліотеки и 1222 года Троицкой лавры. Онъ ошибается: существуетъ лишь одинъ списокъ 1219 года Троицкой лавры.

По его мнѣнію, древнѣйшій списокъ индекса книгъ истинныхъ и ложныхъ въ погодинской Кормчей XIV вѣка—*южно-славянскаго происхожденія* (стр. 146). Едва ли можно говорить съ такою рѣшительностью. Въ погодинской Кормчей вообще, и въ находящемся въ ней индексѣ въ частности, мы имѣемъ обычный русскій текстъ XIV вѣка, съ большимъ количествомъ руссизмовъ, который никакъ не можетъ быть признанъ за непосредственный списокъ съ южно-славянскаго оригинала. Относительно индекса едва ли можно сомнѣваться, что онъ въ послѣдній разъ редактированъ въ Россіи.

Авторъ упоминаетъ о патерикѣ „Лимонарь“ прен. Палладія (стр. 185). Мы не знаемъ, въ чемъ именно онъ ошибается и какой именно памятникъ имѣетъ въ виду, Лимонарь ли Іоанна Мосха, или Египетскій Патерикъ Палладія. Нѣсколько ниже онъ говоритъ о „Лугѣ Духовномъ“ Іоанна Мосха (стр. 183), не указывая на тожество его съ Лимонаремъ...

На стр. 187 мы читаемъ: „заимствовано изъ Апокалипсиса ап. Павла. Греческій текстъ изданъ Тишендорфомъ: Codex Arosygraphum“... Г. Яковлевъ повидимому никогда не имѣлъ въ рукахъ извѣстныхъ тишендорфовыхъ „Apocalypses arosygraphae“...

А. Соболевскій.

По поводу рецензіи о Наказѣ императрицы Екатерины II.

Въ № 12-мъ *Журнала Мин. Нар. Просв.* за 1893 годъ на стр. 410—412, при разборѣ составленныхъ мною „Библіографическихъ примѣчаній къ изданіямъ Наказа императрицы Екатерины“, авторъ рецензіи высказываетъ нѣсколько замѣчаній, сводящихся къ тому, что мною будто-бы допущены въ работѣ нѣкоторые пробѣлы. Хотя пробѣлы эти самимъ авторомъ рецензіи признаются „не особенно важными“, но даже и въ такомъ смягченномъ видѣ, и съ подобною оговоркою, замѣчанія автора рецензіи являются безусловно несправедливыми.

Называя предисловіе къ „Наказу“ не историко-критическимъ комментариемъ, а *библіографическими примѣчаніями*, я тѣмъ самымъ совершенно точно опредѣлилъ характеръ, задачу и предѣлъ своей ра-

боты. Предъявлять къ такому труду требованія, не соответствующія поставленной цѣли, конечно, неосновательно. А сопоставленіе нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ бібліографическихъ указаній, о желательности чего высказывается авторъ рецензіи, именно мною-то и выполнено, на сколько это представлялось возможнымъ въ зависимости отъ имѣвшагося въ моемъ распоряженіи бібліографическаго матеріала.

Такъ, ошибка въ сочиненіи Снегирева, на которую указываетъ авторъ рецензіи, не была упущена мною изъ виду. Вынужденный включить (на стран. 22) цитату изъ книги Снегирева, о „благоклонномъ“ приѣмѣ императрицею отзыва о Наказѣ духовныхъ іерарховъ, я вслѣдъ за симъ, черезъ двѣ строчки, сопоставилъ этой цитатѣ другое указаніе, въ которомъ говорится, что отзывъ іерарховъ былъ представленъ ими не Безбородко, а графу Н. И. Панину. Изъ подобнаго сопоставленія разнородныхъ сообщеній о совершившемся фактѣ читатель самъ усматриваетъ противорѣчіе въ показаніяхъ источниковъ и выводитъ правильное заключеніе. Давать-же болѣе подробныя, руководящія указанія—дѣло историка, критика, а вовсе не бібліографин. Въ другомъ мѣстѣ, приведу отзывъ Кастера о сотрудничествѣ въ сочиненіи Наказа нѣкоего Розецкаго, я не только, не упустилъ изъ виду, какъ предполагаетъ авторъ рецензіи, созвучіе фамилій Розецкаго, и статсъ-секретаря Козицкаго, а, напротивъ, вслѣдъ за выдержкой изъ книги Кастера непосредственно помѣстилъ изъ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 года указаніе на труды и участіе Козицкаго въ сочиненіи Наказа (см. страницу 21). — Точно также тѣ кажущіяся автору рецензіи противорѣчія въ словахъ императрицы Екатерины, о ходѣ работы по сочиненію Наказа, указаны мною и даже выписаны полностью (стр. 14—20). Никакихъ недоразумѣній по этому вопросу, въ дѣйствительности, не можетъ возникнуть, такъ какъ письма императрицы и ея корреспондентовъ помѣчены числами, распределены въ хронологическомъ порядкѣ, и разобравшись, гдѣ истина и гдѣ ошибка, не представляется ни малѣйшаго труда. Затѣмъ, вопреки замѣчаніямъ автора рецензіи, читатели найдутъ въ моихъ бібліографическихъ примѣчаніяхъ и ссылки на отзывы депутатовъ комиссіи о Наказѣ, и опредѣленные указанія, гдѣ интересующіеся могутъ встрѣтить эти отзывы (см. стр. 9, 21, 42, 43, 44, 46, 50 и другія). Но перечислять и пересчитывать рѣшительно все, что было напечатано о Наказѣ, не входило въ мою задачу: потому-то статью свою я озаглавилъ бібліографическими *примѣчаніями*, а не указателемъ литературы о Наказѣ. Довольно и того, что самъ авторъ

рецензіи сознается, что въ моемъ обзорѣ „нельзя указать какихъ нибудь крупныхъ пропусковъ“.

Въ заключеніе позволю себѣ возразить противъ общаго замѣчанія автора рецензіи, что будто-бы ознакомленіе съ разнородными мнѣніями и сужденіями о Наказѣ „не имѣетъ вообще большаго значенія“. Заключеніе это, однако, ничѣмъ не мотивировано. Ему можно противопоставить совершенно противоположное мнѣніе извѣстнаго англійскаго мыслителя: тотъ лучше думаетъ, кто знаетъ мысли предшественниковъ по интересующему вопросу. Установить-же вѣрный взглядъ на Наказъ—на это, безъ сомнѣнія, важнѣйшее изъ сочиненій великой государыни, которое при своемъ появленіи возбудило всеобщій интересъ не только въ Россіи, но далеко за ея предѣлами,—дѣло, конечно, не лишнее. И это соображеніе совершенно оправдываетъ помѣщеніе во введеніи къ Наказу тѣхъ разнородныхъ о немъ отзывовъ и сужденій, которые высказывались при различныхъ условіяхъ, въ теченіе 125-ти лѣтъ, русскими и иностранными учеными и писателями ¹⁾).

И. Безгинъ.

Книжныя новости.

Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1893 г.—Атласъ барона Торнау выпущенъ въ свѣтъ одновременно въ двухъ изданіяхъ. Въ одномъ изданіи заключаются 72 карты, съ объяснительнымъ текстомъ и алфавитнымъ указателемъ, въ другомъ — тѣ же карты, но безъ текста и указателя. Съ вѣшной стороны атласъ барона Торнау безупреченъ: бумага хороша, всѣ географическія очертанія исполнены тщательно и вѣрно, краски наложены аккуратно, шрифты выбраны четкіе и красивые,—качества, которыми вообще отличаются заграничныя изданія (атласъ барона Торнау издастъ у Ф. А. Брокгауза, въ Лейпцигѣ). Переходя къ содержанію атласа, замѣтимъ, что авторъ не самъ составлялъ карты, а воспользовался атласами Дройзена, Киперта, Замысловскаго, Пуцгера и нѣкоторыми другими.

¹⁾ Г. Безгинъ поступаетъ вполне справедливо, указывая на то, что рецензентъ его труда неоднократно признавалъ за этимъ трудомъ положительныя достоинства. При такомъ, въ общемъ, доброжелательномъ отношеніи къ „примѣчаніямъ“ г. Безгина рецензентъ въ правѣ былъ указать на отдѣльныя мѣста „примѣчаній“, возбуждающія, какъ ему казалось, нѣкоторое недоумѣніе,—и всякій безпристрастный читатель примѣчаній и рецензіи на нихъ признаетъ, что своимъ правомъ рецензентъ воспользовался съ полною добросовѣстностью и умѣренностію.

Ред.

Но отъ составителя учебнаго труда и нельзя требовать самостоятельной разработки матеріала; на его обязанности лежитъ только выборъ лучшихъ пособій и надлежащая группировка матеріала. Пособія выбраны барономъ Торнау безспорно удачно; что же касается до выбора картъ, то необходимо имѣть въ виду, что авторъ предназначалъ свой атласъ служить пособіемъ при прохожденіи только всеобщей исторіи; по русской онъ готовитъ специальный атласъ, какъ сказано въ предисловіи. „Въ настоящемъ же изданіи карты по русской исторіи должны служить лишь необходимымъ дополненіемъ къ картамъ по всеобщей исторіи, дабы ученикъ, изучая послѣднюю, не терялъ изъ виду параллельнаго развитія русскаго государства“. Но въ такомъ случаѣ, карты №№ 40—43 и 68—72, посвященныя специально русской исторіи, могли бы, безъ всякаго ущерба для прохожденія курса всеобщей исторіи быть выпущены. Въ картахъ по всеобщей исторіи автору удалось достаточно полно и рельефно изобразить всѣ главнѣйшія территориальныя измѣненія различныхъ государствъ, а менѣе значительныя перемѣны, которымъ не нашлось мѣста на картахъ, указаны въ текстѣ. Чтобы не затемнять карты излишними подробностями, авторъ наносилъ на нихъ почти исключительно только тѣ географическія данныя, которыя встрѣчаются въ употребительнѣйшихъ учебникахъ; горы, обыкновенно, пропускалъ, а изъ рѣкъ изображалъ и называлъ только имѣющія историческое значеніе. Благодаря этому, даже самыя незначительныя по размѣрамъ карты не представляютъ никакой запутанности. Такимъ образомъ, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннему своему содержанію, атласъ барона Торнау долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и стоящимъ гораздо выше всѣхъ, изданныхъ у насъ доселѣ, учебныхъ атласовъ по всеобщей исторіи. Если прибавить къ этому недорогую цѣну разбираемаго атласа (2 р. за изданіе съ текстомъ и 1 р. 50 к. за изданіе безъ текста), то нельзя не согласиться, что трудъ барона Торнау является весьма удобнымъ, дешевымъ и полезнымъ пособіемъ при прохожденіи всеобщей исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Что же касается до текста, приложеннаго къ первому изданію атласа, то онъ представляетъ конспектъ всеобщей и русской исторіи, который можетъ быть бесполезенъ при повтореніи пройденнаго.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ (395—1270). Составилъ *Ламуа*. Переводъ съ французскаго съ 81 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе *Л. Ф. Пантелеева*. 1893.

— Отчетъ Императорской археологической комиссіи за 1891 годъ. Съ 200 политипажамъ. С.-Пб. 1893.

— Матеріалы по археологій Россіи издаваемые Императорскою археологическою комиссіею. № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. № 14. Древности сѣверо-западнаго края. Т. 1, вып. 2. Люцинскій могильникъ.

— DIE HAUPTURKUNDEN FÜR DIE GESCHICHTE DER AETHIOPIEN VON *Meyer*. Leipzig. 1894.

- ГРЕЦКО-БЪЛГАРСКИ СТУДИИ ОТЪ *Д. Матоев*. София. 1893.
- *Ест. Вѣстникъ*. ХΕΝΟΡΗΘΗ ΙΝ ΕΡΡΙΝΓΕΝΔΑ ΡΕΒΙΣΙΑΕ СΙVΙΤΑΤΕ ΙΜΑΓΙΝΕ QUATENUS LACEDAEMONIORUM INSTITUTA EXPRESSIT? (Оттискъ изъ журнала *Гимназія*. Ревель. 1893.
- СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ. (XVI—XVIII вѣковъ). Историческій очеркъ *В. С. П—ва*. Москва. 1893.
- *А. Н. Кирничиковъ*. Къ иконографіи сошествія Св. Духа. (Оттискъ изъ *Записокъ Московскаго Археологическаго Общества*). Москва. 1893.
- *Ө. Н. Леонтовичъ*. Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права. С.-Пб. 1893.
- Литовскій статутъ и польскія конституціи. Историко-юридическое изслѣдованіе *С. А. Бершадскаго*. С.-Пб. 1893.
- Разсвѣтъ, литературно-научный сборникъ разказовъ и статей по славяновѣдѣнію. Составилъ *А. Степовичъ*. Кіевъ. 1893.
- Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Изданныя съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. С. Хлжанава*. Москва. 1893.
- Педагогическая библиотека, издаваемая *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Избранныя педагогическія сочиненія *Генриха Песталоцци*. Томъ I. Лингардъ и Гертруда. Части I и II. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Смирнова*. Москва 1893.
- *Dr. Г. Планкъ*. Латинскій языкъ, какъ средство научнаго образованія. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова*. Москва. 1893.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Д-ръ Август Шейндлеръ, директоръ гимназій въ Вѣнѣ. Методика преподаванія грамматики греческаго языка. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ русскимъ гимназіямъ преподаватель 3-й Казанской гимназій *Н. Корниловъ*. Казань. 1893. Стр. VIII+130.

Вышедшая въ 1888 году книга Д-ра Шейндлера „Methodik des grammatischen Unterrichts im Griechischen“ переведена г. Корниловымъ на русскій языкъ съ разрѣшенія автора, которымъ для этой цѣли сдѣлано нѣсколько поправокъ къ тексту. Предлагаемая работа, по словамъ переводчика, вызвана отсутствіемъ въ русской педагогической литературѣ спеціальнаго руководства по методикѣ преподаванія греческой грамматики и признается полезною главнымъ образомъ потому, что по основнымъ своимъ воззрѣніямъ на преподаваніе греческой грамматики Шейндлеръ близко подходитъ къ новымъ учебнымъ планамъ для русскихъ гимназій, изданнымъ въ 1890 году. Г. Корниловъ не ограничился однимъ буквальнымъ переводомъ подлинника, но допустилъ слѣдующія перемѣны, съ цѣлью сдѣлать методику удобною для пользованія въ русскихъ гимназіяхъ: 1) Всѣ ссылки на грамматику Курціуса, примѣнительно къ которой составлено нѣмецкое изданіе, уничтожены, и весь матеріалъ раздѣленъ на главы и параграфы сообразно съ содержаніемъ, такъ что въ русскомъ изданіи методика можетъ служить руководствомъ для учителя при прохожденіи грамматическаго курса по любому учебнику. 2) Все, что у автора вызвано требованіями австрійскихъ учебныхъ плановъ и строено нѣмецкаго языка, приноровлено, по мѣрѣ возможности, къ русскимъ

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензій имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

учебнымъ планамъ и къ русскому языку. Въ виду этого, напримѣръ, въ русскомъ переводѣ выпущенъ отдѣлъ, въ которомъ авторъ вычисляетъ количество часовъ, приходящихся на каждое полугодіе, и опредѣляетъ среднюю норму урока по страницамъ грамматики Курціуса. (Срв. прим. на стр. 4 и 5). Переводчикъ, впрочемъ, правъ въ томъ, что считаетъ неустойчивымъ такое опредѣленіе нормы уроковъ, и потому не приходится сожалѣть, что г. Корниловъ не замѣнилъ подробныя указанія автора подобными указаніями и вычисленіями размѣровъ урока, примѣняясь къ числу уроковъ, положенному на греческую грамматику нашими учебными планами. Наконецъ, 3) сдѣлано нѣсколько новыхъ примѣчаній преимущественно изъ области русской фонетики. Замѣчаніе переводчика, что этимологическая часть методики разработана авторомъ болѣе внимательно, нежели синтаксическая, совершенно вѣрно. Это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ строгое методическое распредѣленіе матеріала гораздо важнѣе въ элементарномъ преподаваніи, то-есть, по отношенію къ греческой грамматикѣ, — въ ученіи этимологическомъ, чѣмъ въ синтаксисѣ, элементарныя свѣдѣнія по которому входятъ отчасти въ изученіе формъ и этимологическихъ явленій языка.

Книга г. Шейндлера содержитъ много весьма полезныхъ указаній, хотя—какъ это признаетъ самъ авторъ—предлагаемый имъ методъ не представляетъ единственно возможнаго пути. Но указанія его могутъ содѣйствовать избѣжанію ложнаго пути для начинающаго преподавателя и дать опытному преподавателю поводъ сравнить свой методъ, установленный собственнымъ внимательнымъ размышленіемъ, съ изложеніемъ чужаго метода. Переводъ сдѣланъ очень хорошо, такъ что тяжелый слогъ автора, о которомъ заявляетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи, не чувствуется въ переводѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, самаго начала книги, въ предисловіи автора и въ общемъ его введеніи. Издана книга хорошо.

Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго Коммерческаго училища. IV. Курсъ старшихъ классовъ Москва. 1893. Стр. XIV + 460. Ц. 1 р. 40 к.

Означенная книга, составляющая четвертую и послѣднюю часть методическаго учебника нѣмецкаго языка, назначается авторомъ для употребленія въ старшихъ классахъ, начиная съ IV-го и представляетъ сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній, распредѣленныхъ на

три отдѣла: А) проза №№ 1—26, поэзія №№ 126—141; В) проза №№ 27—49, поэзія №№ 142—157, и С) проза №№ 50—125, поэзія №№ 158—185. Прозаическія статьи, относящіяся къ отдѣламъ А и В, должны служить усвоенію главнѣйшихъ правилъ синтаксиса и, по мысли составителя, назначаются къ прохожденію въ IV-мъ классѣ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя устроены по типу реальныхъ училищъ. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ на прохожденіе синтаксиса и приготовленія къ чтенію классическихъ произведеній нѣмецкой литературы предоставляются два учебныхъ года, авторъ совѣтуетъ проходить въ первый учебный годъ отдѣлъ А, а во второй годъ—отдѣлъ В, занимаясь одновременно курсорнымъ чтеніемъ легкаго произведенія въ родѣ сказокъ Гауффа и т. п. Отдѣлъ С назначается для старшихъ классовъ и служитъ дополненіемъ къ чтенію классическихъ произведеній въ виду того, что эти произведенія преимущественно знакомятъ учениковъ съ поэтическимъ слогомъ и не удовлетворяютъ практическимъ потребностямъ, а именно не приучаютъ учениковъ къ устному и письменному употребленію нѣмецкаго языка и не вводятъ ихъ въ пониманіе ученыхъ произведеній разныхъ отраслей знанія. Въ отдѣлѣ поэзія помѣщено гораздо больше стихотвореній, чѣмъ сколько можетъ быть заучиваемо наизусть; но это сдѣлано составителемъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не приходилось изъ года въ годъ заучивать постоянно одно и то же. Относительно большинства стихотвореній преподаватель ограничится чтеніемъ и разборомъ ихъ содержанія.

Составленная г-мъ Чекала хрестоматія существенно отличается отъ большинства подобныхъ сборниковъ выборомъ статей. Мы не встрѣчаемъ въ ней тѣхъ разказовъ и разсужденій, которыя обыкновенно появляются въ нѣмецкихъ хрестоматіяхъ, и эта новизна содержанія дѣлаетъ его книгу весьма интересною для чтенія. Въ числѣ авторовъ статей встрѣчаются, между прочимъ, имена: Вильмаръ, Фрейтагъ, Бремъ, Гумбольдъ, Дальманъ, Либигъ, Э. Курціусъ, Гизебрехтъ, Штаръ, Шереръ, Мольтке и т. п.

Въ концѣ книги подъ названіемъ Wörterverzeichnis помѣщены переводы и объясненія трудныхъ словъ и оборотовъ; тамъ-же указано, какія статьи преимущественно относятся къ извѣстнымъ отдѣламъ синтаксиса.

Книга г-на Чекала составлена удовлетворительно и можетъ принести пользу при преподаваніи нѣмецкаго языка.

- 1) DEUTSCHE SPRACH-UND SPRECHUNTERRICHT für russische Schulen von *F. Mey*, Lehrer am 2. Moskauer Kadetten-Korps. Erste Stufe. Moskau. 1893. Стр. VII+72.
- 2) ГРАММАТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель Второго Московскаго Кадетскаго корпуса. Изданіе второе. Москва. 1892. Стр. 31. Ц. 20 к.
- 3) DEUTSCHE GRAMMATISCHE WANDTABELLEN von *F. Mey*. Tabelle 1—5. Вѣ большой листъ. Цѣна по 25 коп. каждая таблица.

1) Первая изъ вышеозначенныхъ книгъ, по мысли автора, должна служить практическимъ руководствомъ для начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ въ первомъ (относ. второмъ) классѣ среднеучебнаго заведенія. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что по отношенію къ первоначальному изученію новыхъ языковъ онъ отдаетъ преимущество практическому методу передъ грамматическимъ и вполне сочувствуетъ даннымъ въ этомъ смыслѣ указаніямъ учебныхъ плановъ; но на дѣлѣ онъ доказалъ, что онъ либо не понялъ, въ чемъ собственно состоитъ рекомендованный практической методъ, либо, при всемъ желаніи слѣдовать ему, не могъ отрѣшиться отъ грамматической рутины, и вышла у него книга, которая не удовлетворяетъ ни тому, ни другому направленію. „Если, говорятъ онъ въ предисловіи, уже изученіе произвольно выбраннаго — большею частью повѣствовательнаго — связнаго текста очевидно достигаетъ практическихъ результатовъ, то слѣдуетъ думать (*liegt der Gedanke nahe*), что изученіе систематически подобранныхъ и составленныхъ фразъ, заимствованныхъ изъ разговорнаго языка (*Umgangs- und Verkehrssprache*), и требованіе, чтобы ученикъ съ самаго начала самостоятельно отвѣчалъ на вопросы учителя и непрестанно упражнялся въ употребленіи языка и примѣненіи необходимыхъ формъ, составляютъ основное условіе пракческаго обученія языку“. Исходя изъ такого воззрѣнія, авторъ вмѣсто связнаго текста, предлагаетъ для изученія (или, вѣрнѣе, для заучиванія наизусть) почти исключительно только отдѣльныя фразы, большею частью вопросы и отвѣты, въ числѣ которыхъ грамматическіе вопросы въ родѣ: *Was für ein Redetheil ist das Wort Tisch?* занимаютъ видное мѣсто (срв. 14, 17, 25, 27, 29, 38). Правда, на страницахъ 42—50, подъ заглавіемъ *Lesestücke* предлагается рядъ статей, которыя могли бы служить матеріаломъ для изученія, но, кромѣ построчнаго словарчика въ концѣ книги, эти статьи не снабжены никакими указаніями или объясненіями и по своему содержанію относятся къ описаніямъ,

то-есть, къ такому роду прозы, который менѣе всего можетъ заинтересовать ребенка, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ заучиванія большого количества словъ: нѣкоторыя статьи не что иное, какъ рядъ отдѣльных словъ, вокабулъ (срв., напримѣръ, стр. 47 статью 16, стр. 48 статью 17, стр. 50 статью 24 и др.). Судя по заглавію книги: „Sprach-und Sprechunterricht“, надо думать, что этотъ учебникъ долженъ служить руководствомъ для первоначальнаго обученія и содержать въ себѣ весь необходимый для этой цѣли матеріалъ, не исключая и неизбѣжныхъ и доступныхъ на этой степени обученія грамматическихъ указаній. Такое предположеніе, повидимому, подтверждается помѣщенными въ учебникѣ грамматическими правилами, носящими здѣсь названіе „объясненій“ или „грамматическихъ объясненій“ (срв. стр. 13, 18, 21). Но это предположеніе оказывается ошибочнымъ, какъ потому, что всего такихъ правилъ три (на страницахъ, указанныхъ выше), такъ и потому, что въ различныхъ мѣстахъ книги встрѣчаются ссылки на грамматику того же автора (срв. стр. 13, 27, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 38, 39 и 40), при чемъ порядокъ указанныхъ параграфовъ грамматики не соответствуетъ порядку, принятому въ рассматриваемомъ учебникѣ. Слѣдовательно, рядомъ съ рассматриваемымъ учебникомъ должна употребляться и грамматика, и взаимное отношеніе этихъ двухъ учебныхъ книгъ не ясно. Остается еще указать на то, что изъ 41 страницы, посвященной курсу перваго класса (остальныя 32 содержатъ статьи для чтенія, стихотворенія, и словарь), четвертая часть, точнѣе, 11 страницъ заняты алфавитомъ и упражненіями въ механическомъ чтеніи, при чемъ буквы предлагаются не въ порядкѣ трудности ихъ произношенія, а лишь въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ перечисляются въ алфавитѣ. Этотъ отдѣлъ также не удовлетворяетъ требованіямъ методическаго изученія языка, въ которомъ для механическаго чтенія нѣтъ мѣста.

2) Вторая книга представляетъ не что иное, какъ русское изданіе уже извѣстной книги того же автора подъ заглавіемъ: „Deutsche grammatische Tabellen. Syntax“. Переводъ сдѣланъ хорошо, издана книга тщательно.

3) Содержаніе стѣнныхъ таблицъ слѣдующее: табл. I—склоненіе существительныхъ; табл. II—склоненіе прилагательныхъ; табл. III—спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ *sein* и *haben*; табл. IV—слабое спряженіе глаголовъ съ *sein* и съ *haben* и, наконецъ, табл. V—спряженіе вспомогательнаго глагола *werden* и страдательнаго залога. Таблицы напечатаны въ два и три цвѣта (синій, красный и

черный), которыми отличаются окончанія отъ основы. Подъ парадигмами помѣщены болѣе мелкимъ шрифтомъ краткія указанія. Изъ этихъ указаній, указанія на табл. II неточны: прилагательное склоняемое съ опредѣленнымъ членомъ принимаетъ окончаніе *e* не только въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, какъ отмѣчаетъ авторъ (im Nom. Sing. *e*; in den anderen Kasus *en*), но и въ винительномъ падежѣ единственнаго числа женскаго и средняго родовъ; равнымъ образомъ неточно указано относительно прилагательнаго съ неопредѣленнымъ членомъ: im Nom. Sing. *er, e, es*. In den anderen Kasus *en*, такъ какъ и винительный падежъ женскаго рода оканчивается на *e*, а средняго рода на *es*. Наконецъ, надписи на табл. V Aktiv надъ спряженіемъ глагола *werden* и Passiv надъ спряженіемъ страдательнаго залога глагола *loben*—не вѣрны, потому что глаголъ *gelobt werden* не представляетъ страдательнаго залога отъ *werden*, и этотъ глаголъ, входя въ составъ формъ страдательнаго залога глагола *loben*, остается такимъ же, какимъ онъ есть и по значенію и по формѣ. Но это—мелочи, и если кто ожидаетъ пользы отъ вывѣшиванія подобныхъ таблицъ на классной стѣнѣ, то противъ того нельзя особенно возставать, хотя мы сомнѣваемся, чтобы эти таблицы могли имѣть такое значеніе, какое имѣютъ вывѣшенные на стѣнѣ географическія карты, историческія картины, изображенія животныхъ, растений и т. п., и смотримъ на это скорѣе, какъ на украшеніе стѣны, совершенно безвредное, но и бесполезное.

Тридцатилѣтняя война. *Фридриха Шиллера*. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими, словаремъ и географическою картою. Для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ издачъ *I. Гроссичъ*. Москва. 1892. Стр. IV+265. Цѣна 1 рубль.

Сочиненіе Шиллера „Тридцатилѣтняя война“ прежде повсемѣстно читалось и нынѣ еще не рѣдко читается въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя это классическое произведеніе, по причинѣ реторическаго изложенія, принадлежитъ къ числу трудныхъ книгъ даже для учениковъ нѣмецкаго происхожденія, а тѣмъ паче для русскихъ. Поэтому эта книга, болѣе чѣмъ какое-либо другое произведеніе нѣмецкой литературы изъ числа читаемыхъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, нуждается въ обстоятельномъ комментарий. Такой комментарий предлагается г. Гроссичемъ въ разсматриваемомъ изданіи, въ которомъ содержится все сочиненіе Шиллера за исключеніемъ черной части, въ которой авторъ

обстоятельно изложилъ бывшее до возстанія чеховъ политическое положеніе Германіи и Европы, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ среди разказа о самой войнѣ. Пропуски восполнены краткимъ изложеніемъ содержанія, напечатаннымъ болѣе мелкимъ шрифтомъ. Примѣчанія составлены на нѣмецкомъ языкѣ; это совершенно правильно въ виду того, что приступающіе къ чтенію предлагаемаго сочиненія должны быть въ состояніи безъ затрудненія понимать легкій нѣмецкій текстъ, если вообще ожидаютъ какой-либо пользы отъ чтенія трудной прозы Шиллера. Но составленіе примѣчаній на нѣмецкомъ языкѣ обусловлено и характеромъ ихъ. Кромѣ объясненія упоминаемыхъ и излагаемыхъ въ текстѣ историческихъ фактовъ, эти примѣчанія главнымъ образомъ состоятъ изъ перифраза болѣе трудныхъ для пониманія и перевода на русскій языкъ мѣстъ, при чемъ переводы нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ прибавляются въ скобкахъ на русскомъ языкѣ. Если кое-гдѣ этотъ перифразъ и не исполнѣнъ точно передаетъ смыслъ подлинника и если въ томъ или другомъ случаѣ можно спорить о состоятельности предлагаемаго русскаго перевода того или другаго выраженія, то такіе случаи неизбежны при большомъ количествѣ комментируемыхъ мѣстъ и сравнительно немногочисленны. Надо отдать автору справедливость, что онъ приступилъ къ своей задачѣ съ исполнѣнъ достаточнымъ знаніемъ дѣла и, благодаря добросовѣстному труду, положенному имъ на рѣшеніе этой задачи, рѣшилъ ее весьма удовлетворительно. Съ помощью комментарія г. Гроспича ученики старшихъ классовъ, обладающіе хотя бы средними способностями, при нѣкоторомъ стараніи могутъ исполнѣнъ понять и порядочно перевести на русскій языкъ сочиненіе Шиллера. Приложенные къ книги карта и словарь каждый въ своемъ родѣ облегчаютъ пониманіе сочиненія.

Э. Жакъ. Сборникъ физическихъ задачъ. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова. Москва. 1893. Стр. IV+227. Цѣна 2 руб.

Въ 1892 г. появился переводъ (Н. И. Мамонтова) сборника задачъ по физикѣ Жэ (Jais), оказавшійся весьма пригоднымъ для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ помѣщенныя въ немъ задачи, какъ по выбору матеріала, такъ и по степени трудности, исполнѣнъ подходятъ къ преподаваемому въ нашихъ школахъ курсу физики.

Въ настоящее время г. Мамонтовъ перевелъ сборникъ физическихъ задачъ Жакъ, несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ существующихъ

щихъ сборниковъ. Въ оригиналѣ имѣются 210 задачъ, снабженныхъ не только рѣшеніями, но и подробнымъ анализомъ этихъ рѣшеній, а мѣстами и полнымъ изложеніемъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ онѣ относятся. Кромѣ того, въ концѣ книги Жакъ помѣстилъ еще 171 задачу, не только безъ всякаго намека на ходъ рѣшенія, но, къ сожалѣнію, даже безъ указанія результата рѣшенія, вслѣдствіе чего учащійся лишень возможности узнать, — вѣренъ-ли тотъ способъ, который онъ выбралъ для рѣшенія задачи.

Переводчикъ выпустилъ, во первыхъ, задачу 84-ю оригинала, относящуюся къ вопросу объ относительной погрѣшности, допускаемой при отбрасываніи малыхъ членовъ въ знаменателѣ дроби; далѣе, 13 задачъ (№№ 150—162), относящихся къ химіи и, наконецъ, статью 187, въ которой, вмѣсто задачи, помѣщены общія замѣчанія о пользѣ соединенія теоріи съ опытами. Такимъ образомъ, въ переводѣ помѣщены 195 задачъ съ рѣшеніями; изъ нихъ 33 задачи относятся къ ученію о движеніи, 36—къ гидростатикѣ, 79—къ ученію о теплотѣ, 10—къ электричеству, 11—къ акустикѣ и 26—къ оптикѣ. Помѣщенные въ концѣ 155 задачъ безъ указанія результата рѣшенія представляются излишнимъ балластомъ, занимающимъ, впрочемъ, всего только 19 страницъ.

Переводъ, повидимому, нигдѣ не отступающій отъ оригинала, не вызываетъ почти никакихъ замѣчаній. Мѣстами текстъ могъ-бы быть болѣе тщательно редактированъ. Такъ, на стр. 79 читаемъ: „Задачи на приборъ Дюлонга и Пти“.

Стр. 96: „Пузырь, наполненный воздухомъ при 30° и при 0,76 метра, занимаетъ объемъ“ и т. д. Слѣдовало бы сказать „и при давленіи въ 0,76 метра“, какъ въ предыдущей задачѣ № 91.

Стр. 133: „Вычислить помощью скорости звука въ воздухѣ“ и т. д.

Стр. 167: „Многіе геометры..... занимались задачей вибрирующей струны“.

Опечатокъ не много. На стр. 41, въ послѣдней формулѣ, поставленъ знакъ равенства, вмѣсто знака < (меньше). Очень жаль, что произведеніе mi^2 названо живою силою (стр. 129), а не его половина.

Задачи, помѣщенные въ сборникѣ Жакъ, относятся къ вопросамъ болѣе серьезнымъ и труднымъ и могутъ, поэтому, служить какъ-бы дополненіемъ къ задачамъ сборника Жэ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДЕВЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. ВИЛЬНѢ.

(1—14 августа 1893 года).

1-го августа IX-й Археологическій съѣздъ въ г. ВильнѢ былъ торжественно открытъ. Въ предварительномъ собраніи наканунѣ были закончены всѣ организационныя работы: избраны были предсѣдатель съѣзда (графиня П. С. Уварова), предсѣдатели отдѣленій и секретари, предсѣдатель ученаго комитета (О. И. Успенскій), предсѣдатель и члены распорядительнаго комитета, а со 2-го августа начались обычныя засѣданія. Археологическіе съѣзды, организованные и руководимые графомъ А. С. Уваровымъ, а послѣ его смерти продолжающіеся при энергичной поддержкѣ супруги его, графини П. С. Уваровой, приобрѣли въ теченіе 25-лѣтія и почетную извѣстность и прочную популярность: это у насъ единственныя пока собранія, гдѣ установилось широкое взаимодѣйствіе науки и общества. Не смотря на свое названіе, археологическіе съѣзды не ограничиваются узкою спеціальностью первобытныхъ древностей. Все, что содѣйствуетъ уясненію древности: исторія, географія, этнографія, памятники языка и письма, памятники искусствъ и художествъ—все это входитъ въ кругъ дѣятельности съѣздовъ, которые, благодаря этому, имѣютъ полную возможность разносторонняго воздѣйствія на общество, возбуждая его самодѣятельность въ разныхъ направленіяхъ и сферахъ умственной жизни. Особенно они содѣйствуютъ пробужденію слабаго у насъ общественнаго интереса къ старицѣ, какъ мертвой, покоящейся на землѣ и въ землѣ, такъ и живой, сохраняемой народомъ въ пѣсняхъ,

преданіяхъ, обычаяхъ и обрядахъ. Сколько всѣхъ такихъ памятниковъ старины было спасено отъ гибели, сколько было пробуждено, а иногда и направлено мѣстныхъ провинціальныхъ силъ!

Въ этомъ заключается едва ли не самое благотворное вліяніе съѣздовъ, а ихъ періодическое кочеваніе даетъ имъ возможность разнести согрѣвающій свѣтъ науки даже въ отдаленные и глухіе углы. Живое отношеніе къ съездамъ провинціальныхъ обществъ—статистическихъ комитетовъ, учебнаго персонала разныхъ заведеній, изъ которыхъ многія посылаютъ на съезды своихъ депутатовъ,—еще болѣе расширяетъ кругъ вліянія съѣздовъ. На этотъ разъ мѣстомъ съезда выбранъ былъ центръ сѣверо-западнаго края Россіи—старая русско-литовская Вильна, живой свидѣтель культурныхъ переломовъ въ многовѣковой борьбѣ славяно-русскаго востока и латино-польскаго запада. Въ такой обстановкѣ, гдѣ слѣды этихъ переломовъ живы еще до сихъ поръ, гдѣ самый внѣшній видъ города даетъ массу матеріала для культурно-историческихъ наблюденій, гдѣ мѣстами дѣйствительно историческая почва покрыта внѣшнимъ чужимъ налетомъ и гдѣ, наконецъ, наукѣ предстоитъ роль эксперта въ опредѣленіи толщцы этого налета и характера основнаго слоя,—археологическій съездъ очутился первый разъ. Мало того, Сѣверо-западный край представляетъ исключительное богатство научнаго матеріала. Въ одной Минской губерніи, по сообщенію г. Татура, считается около 30 т. кургановъ и около 1.000 городищъ, замковищъ и окопищъ, а на основаніи опыта можно утверждать, что на самомъ дѣлѣ кургановъ имѣется до 60 тысячъ, а городищъ до 1.200. Если даже сократить эту цифру въ примѣненіи къ другимъ губерніямъ (что, впрочемъ, врядъ ли основательно относительно Гродненской и Виленской), то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что это—подавляющая масса матеріала, при томъ только относящагося къ первобытнымъ древностямъ. А сколько старинныхъ церквей и разныхъ другихъ памятниковъ! Можно безъ преувеличенія сказать, что мы только на дняхъ узнали о нихъ—и, конечно, лишь о незначительной части—по изданіямъ Батюшкова, Сапунова, о многихъ впервые узнали только на мѣстѣ въ Вильнѣ отъ мѣстныхъ людей и специалистовъ. А сколько неизвѣстныхъ намъ памятниковъ народнаго творчества хранится еще въ устахъ населенія этого края! на нихъ только недавно обращено вниманіе собирателей и науки. Если принять въ расчетъ, что дѣйствительно научная разработка западно-русской исторіи началась не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, что видныхъ специалистовъ по этой части пока очень немного, а трудовъ обществъ

объединяющихъ разбросанный и нерѣдко съ большими усиліями добываемый матеріалъ, и вовсе нѣтъ, что, наконецъ, о древнѣйшихъ историческихъ отношеніяхъ Литвы и Руси мы имѣемъ самыя смутныя представленія, и вообще западный край до недавняго времени даже какъ будто вовсе не входилъ въ сферу русской науки. — то станетъ понятно, что съѣздъ въ Вильнѣ представлялъ насущнѣйшую необходимость, но что не только можно было, а даже слѣдовало сомнѣваться въ его успѣхѣ. „Ни одинъ съѣздъ, — сказала въ заключительной рѣчи председательница съѣзда, графиня П. С. Уварова, — не возбуждалъ столько опасеній“. Отсутствие ученой корпораціи въ Вильнѣ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, не позволившій произвести всѣхъ предполагаемыхъ раскопки и приготовительныя работы, еще болѣе усиливали тревогу. Но всѣ эти опасенія и тревоги оказались въ значительной мѣрѣ напрасными и разсѣялись съ первыхъ же дней. По числу лицъ, принявшихъ участіе въ съѣздѣ (записалось до 400, пріѣхало около половины), по количеству и качеству предложенныхъ сообщеній IX-й Археологическій съѣздъ, безъ сомнѣнія, ничѣмъ не уступаетъ предшествовавшимъ съѣздамъ, происходившимъ въ болѣе благоприятной обстановкѣ университетскихъ городовъ. Въ теченіе одиннадцати рабочихъ дней состоялось 25 засѣданій, доложено было 80 сообщеній и не малое количество предложенныхъ осталось въ портфеляхъ съѣзда то за неприбытіемъ референтовъ, то за недостаткомъ времени; наконецъ, залы засѣданій чѣмъ дальше, тѣмъ становились полнѣе разнообразной публикой. Общественный интересъ къ засѣданіямъ возрасталъ постоянно, въ то же время и пріѣзжіе члены находили не мало интереса въ характерныхъ историческихъ памятникахъ города, въ устроенной при съѣздѣ археологической выставкѣ и въ ближайшемъ ознакомленіи какъ съ довольно богатой бібліотекой, такъ и неисчерпаемыми сокровищами архива. Можно думать, что въ недалекомъ будущемъ все это скажется богатыми результатами. Дорога въ Вильну теперь уже извѣстна, завязались нѣкоторыя знакомства, а все это имѣетъ, конечно, весьма существенное значеніе. Слѣдуетъ надѣяться, что и мѣстные дѣятели войдутъ въ болѣе живое общеніе съ лицами, близко интересующимися Сѣверо-западнымъ краемъ и его историческими судьбами, отъ чего, конечно, выиграютъ и тѣ, и другіе.

Познакомимся вкратцѣ съ содержаніемъ трудовъ съѣзда. Отмѣтимъ прежде всего сообщенія, имѣющія отношеніе къ исторіи Руси и Литвы: „О конныхъ судахъ“ А. Я. Ефименко ¹⁾. Сообщение это пред-

¹⁾ Напечатано въ *Вильнскомъ Вѣстникѣ* № 171, и въ *Русской Мысли* за 1893 г.

ставляетъ результатъ глубокаго анализа матеріаловъ, заключающихся въ 18-мъ томѣ „Актонъ Виленской Коммисіи“. Указавъ на распространенность копныхъ судовъ по всей Руси, докладчица представила живую картину архаическаго суднаго процесса. Весь процессъ въ его полномъ развитіи требуетъ трехъ копъ. Первая—горячая (предварительное дознаніе) скликалась какъ можно скорѣе при первомъ обнаруженіи „шкodu“. Ея главная обязанность „гнать слѣдъ“, что иногда приводило къ необходимости „трясти домъ“ (дѣлать обыскъ), или дѣлать „опытъ“ (опросъ), „обликъ“ (осмотръ). Такимъ образомъ подготавлился матеріалъ для дальнѣйшаго хода дѣла, для второй копы—*великой*, представляющей центръ тяжести копнаго процесса. Она собиралась на коповищѣ, отъ участія въ ней не могъ уклониться ни одинъ членъ копнаго округа, ибо въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ возмѣстить убытокъ („невыходъ платить шкodu“). Засѣданіе ея обставлялось торжественностью, слѣдствіе состояло изъ „вольнаго и правнаго мовенья“ (состязательства сторонъ) и предъявленія судебныхныхъ доказательствъ. Особенно важную роль играла присяга какъ очистительная, такъ и обвинительная, при чемъ до второй половины XVII вѣка о ложной присягѣ нѣтъ и поминна. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда копа не усматривала въ правонарушеніи преступности, а только „шкodu“, на великой копѣ и кончалось дѣло. Если усматривалась преступность (что обуславливалось главнымъ образомъ личностью преступника), собиралась копа *завитая*. Дѣло въ этомъ случаѣ кончалось почти всегда висѣлицей. Большое значеніе придавалось предсмертнымъ признаніямъ подсудимаго. Всякій оговоръ въ этотъ моментъ не только кидалъ тѣнь подозрѣнія, но даже вписывался въ „черныя“ градскія книги. „Копные документы, по замѣчанію докладчицы, даютъ намъ превосходную, совершенно исключительную по полнотѣ деталей картину архаическаго суднаго процесса. Кое-какія черты уже выцвѣли отъ времени или закрыты новѣйшими наслоеніями, но многія еще ярки и выразительны. И опытная рука ученаго историка права, при помощи историко-сравнительнаго метода, легко можетъ во всей полнотѣ реставрировать намъ настоящій древнерусскій или даже древне-славянскій судный процессъ“. Въ заключеніе г-жа Ефименко указала на факты, относящіеся къ копнымъ судамъ, какъ на доказательства невѣрности общепринятаго мнѣнія о судѣ, какъ необходимомъ атрибутѣ княжеской власти.

Въ живомъ обмѣнѣ мыслей, вызваннаго рефератомъ, было въ подтвержденіе мыслей докладчицы указано на участіе общины въ та-

кихъ актахъ государственнаго характера, какіе потомъ перешли въ вѣдѣніе королей; возбужденъ былъ вопросъ о значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, напримѣръ: приставленіе голени къ голени, указаны были новые матеріалы для дальнѣйшей разработки вопроса.

Блестящій, въ полномъ смыслѣ слова, рефератъ г-жи Ефименко чрезвычайно ярко иллюстрировалъ черты древне-русскаго быта, почву, на которой этотъ бытъ покоился и развивался. Древняя славяно-русская „личная свобода и юридическое, если не фактическое, равенство всѣхъ членовъ копнаго округа“ особенно ярко отгѣнились отъ того вліянія, какое постепенно все болѣе и болѣе омрачало свѣтлую картину русскаго быта и, наконецъ, произвело въ ней расколъ на два враждебныхъ стана: пановъ и хамовъ. Рефератъ имѣетъ значеніе еще и съ другой стороны. Онъ какъ нельзя болѣе ярко доказалъ, что бытовые факты русскаго быта тогда только получаютъ окончательную рельефность, когда ихъ доведешь до славянскаго первоисточника. Безъ сомнѣнія, картина древне-русскаго быта, нарисованная докладчицей, не была бы такъ ярка, еслибы не стояла на широкой и твердой основѣ всеславянства. Дѣйствительно, г-жа Ефименко внимательно изучила не только 18-й томъ виленскихъ актовъ, но и всѣ юридическіе памятники древне-славянскаго быта, особенно чешскіе и хорватскіе.

„О Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI вѣкѣ въ географическомъ и статистическомъ отношеніи“ профессора *А. И. Павлинскаго*. Главный интересъ этого реферата заключается не столько въ сообщенныхъ докладчицею подробностяхъ, касающихся состоянія Подляшья въ XVI вѣкѣ (характеръ поземельной собственности, число народонаселенія), сколько въ рекомендованномъ почтеннымъ ученымъ методѣ разработки историческихъ вопросовъ. Этотъ методъ, территоріально-статистическій, заключается въ точномъ опредѣленіи территоріи посредствомъ измѣренія какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ ея единицъ и опредѣленіе ихъ состава. На основаніи источниковъ съ возможною точностью опредѣляются границы территоріальныхъ единицъ: воеводствъ, земель, повѣтовъ; затѣмъ помощью планиметра Амслера (примѣненіе его было демонстрировано) вычисляется протяженіе ихъ поверхности. Такимъ образомъ получается наглядная схема, рисующая въ числахъ территоріальныя отношенія ¹⁾).

¹⁾ Иллюстрируемъ это на одномъ примѣрѣ, заимствуя его изъ послѣдняго труда проф. Павлинскаго: „Mazowsze“. Трудъ этотъ еще не выпущенъ въ свѣтъ. Мы

„О Криве“ проф. А. Θ. Мържинскаго. Сущность сообщенія заключается въ слѣдующемъ. Дюсбургъ—первый и единственный достовѣрный источникъ въ этомъ вопросѣ; до него никто о Криве не упоминалъ; послѣ него два вѣка никто не знаетъ о Криве; только въ XVI вѣкѣ Грунау сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Криве, но они недостовѣрны. Всѣ послѣдующіе писатели пользовались только Грунау, и поэтому извѣстія эти не имѣютъ никакого значенія. Подвергнувъ затѣмъ извѣстія Дюсбурга тщательному анализу, референтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: власть Криве могла быть политической или іерархической. На основаніи историческихъ фактовъ можно утверждать, что въ Литвѣ того времени не существовало верховной политической власти; данныя о литовской мѣології и религіозные институты литовцевъ указываютъ также, что высшей іерархической власти Криве имѣть не могъ, отсюда заключеніе что Дюсбургъ преувеличилъ власть Криве. Какія же были основанія такого преувеличенія? Стіве, какъ жрецъ огня, занималъ выдающееся мѣсто среди гадателей. Найди созвучіе въ названіяхъ Komowe и Roma,

имѣли возможность познакомиться съ нимъ, благодаря любезности автора, за что и приносимъ ему нашу благодарность: Мазонія (со включеніемъ Плоцкаго и Равскаго воеводства) заключала въ себѣ 578 кв. геогр. м.; по воеводствамъ это распредѣлялось такъ: Плоцкое 76, Равское 92, Мазовское 409. Изъ 8 повѣтовъ Плоцкаго воеводства самый крупный занималъ 17 кв. миль, самый мелкій 5. Изъ 10 земель Мазовскаго воеводства самая крупная Черская 73, самая мелкая Вышгородская 11 кв. миль. Изъ 22-хъ повѣтовъ этого же воеводства самый крупный Черскій 44 кв. мили, самый мелкій Сонхоцкій 5 кв. миль. Въ среднемъ получается такая сравнительная таблица:

Мазонія	578 кв. миль, всѣхъ повѣтовъ	93
В. Польша	1.051 » » » »	29
М. Польша	1.046 » » » »	17

Каждый повѣтъ среднимъ числомъ занимаетъ въ Мазовіи 17 кв. миль, въ Великой Польшѣ 36, въ Малой Польшѣ 59 кв. миль.

Такимъ же образомъ разрабатываются вопросы о населеніи: вычисляется число приходоу, городовъ, селъ и ихъ отношеніе къ пространству повѣтовъ и воеводствъ, ихъ населенность вообще и по отдѣльнымъ классамъ. Такимъ же образомъ опредѣляются, наконецъ, и отношенія поземельной собственности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ такой, положимъ, фактъ, какъ число лановъ загородовой шляхты на 1 кв. м. въ Мазовіи 20, въ Великой Польшѣ 2, Малой Польшѣ 1,2, бросаетъ, конечно, очень яркій свѣтъ на внутренній строй земель.

По этому методу уже иллюстрирована въ цифрахъ проф. Павинскимъ Великая и Малая Польша XVI вѣка (*Źródła dziejowe*); трудъ громадный, можно сказать—изумительный. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ томовъ, и отъ души желаемъ автору силъ для завершения дѣла.

сопоставивъ извѣстіе о существованіи въ Romowe выдающагося по значенію жреца съ положеніемъ папы въ Римѣ, Дюсбургъ и вывелъ, что Криве имѣеть такое значеніе среди языческой Литвы, какъ папа у католиковъ. По мнѣнію референта, власть Криве не могла быть такъ обширна, какъ ее рисуетъ Дюсбургъ. Повидимому, она распространялась только на одну Надровію. Относительно самаго названія „Криве“ докладчикъ высказалъ предположеніе, что это—собственное имя послѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове, что выраженіе Криве-Кривейто не есть ни литовская, ни прусская форма, а форма Криву-Кривайтисъ правпльна грамматически, но бессмысленна ¹⁾).

Сообщеніе это, ниспровергая установившіяся представленія о литовской іерархіи, отчасти даже о религіи, вызвало оживленныя пренія. Указывали на существовавшія у литовцевъ представленія о верховномъ богѣ, на существованіе боговъ старшихъ и младшихъ, на то, что упорное отстаиваніе жмудинами религіи свидѣтельствуетъ о большомъ значеніи у литовцевъ религіозныхъ началъ, но все это скорѣе относилось къ высказанному референтомъ во время преній утвержденію, что до христіанства (то-есть, до XV вѣка) у литовцевъ не было условій для выработки понятія о верховномъ божествѣ. Положеніе сомнительное: вѣдь Литва давно находилась въ живомъ общеніи съ сосѣдями, а относительно Руси слѣдуетъ допустить даже этнографическое взаимодѣйствіе въ очень раннюю пору, что въ свою очередь, не могло не отразиться на духовномъ мірѣ древняго литовца. Что же касается вопроса о Криве, то категорическое утвержденіе докладчика, что до Дюсбурга никто о Криве не зналъ, составляетъ фактъ весьма существенный. Проф. Мѣржинскій, классикъ по специальности, проникнутый строгими правилами аналитической школы, уже давно посвящаетъ свои досуги изученію литовскихъ древностей вообще, литовской мнѳологіи по преимуществу. Послѣдній трудъ его: *Zródła do mytologii litewskiej* (Warszawa, 1892), заключаетъ въ себѣ анализъ источниковъ отъ Тацита до конца XIII вѣка. Общепризнанныя достоинства этого труда, а въ нихъ числѣ—строгость и осторожность въ выводахъ, заставляютъ придавать большое значеніе положеніямъ почтеннаго ученаго, какъ бы ни казались они смѣлыми на

¹⁾ Быть можетъ, Криве имѣлъ власть собирать на совѣщанія о народныхъ дѣлахъ знатныхъ людей, но самый способъ собранія посредствомъ разсылки посоха (кривузе),—какъ любезно объяснилъ намъ проф. Мѣржинскій,—указываетъ, что власть его не могла простираться на всю Литву, ни даже на значительную часть.

первый взглядъ. Доложенное на създѣ сообщеніе позволяетъ надѣяться, что обѣщанное продолженіе „Источниковъ литовскихъ мѣовъ“ (XIV—XV вѣковъ отъ Дюсбурга до 1483 г.) не заставитъ себя долго ждать.

Проф. А. А. Кочубинскій („Литовскій языкъ и наша старина“) коснулся древнихъ торговыхъ связей между Литвою и Русью. Отправнымъ пунктомъ соображеній г. референта послужило литовское слово *druska* (соль). Вотъ главнѣйшія мысли этого интереснаго сообщенія. Вопросъ о знакомствѣ съ солью у арійской семьи проблематиченъ въ виду положенія литовскаго языка, имѣющаго свое оригинальное слово для обозначенія соли. Попытки доказать присутствіе общеевропейскаго слова для соли въ литовскомъ языкѣ не удовлетворительны. Докладчикъ ищетъ начала литовскаго термина для соли въ культурныхъ коммерческихъ отношеніяхъ давняго, доисторическаго для самой Литвы, времени. Отношенія эти слабо отмѣчены исторіей, но они имѣли когда-то мѣсто на громадномъ пространствѣ бассейна Вислы, между побережьемъ Балтійскаго моря и славянскими Карпатами. Вопросъ о происхожденіи слова „*druska*“ аналогиченъ съ вопросомъ о происхожденіи названія бронзы отъ имени итальянскаго города *Brindisi*, русскаго слова „берковецъ“ (при древней прилагательной формѣ: берковскъ) отъ шведскаго города *Virka* и т. д. Г. референтъ приводитъ названіе *druska* въ связь съ прусскимъ городомъ *Truso* (вблизи нынѣшняго Эльбинга). Городъ *Truso* могъ имѣть раннія коммерческія сношенія съ югомъ по Вислѣ, то-есть, съ Карпатами, и возможно поэтому предположить вывозъ соли изъ Трансильваніи на сѣверъ по Вислѣ въ гор. *Truso*, то-есть, къ литовцамъ, какъ былъ вывозъ той же соли на западъ въ Моравію и на востокъ, къ русскимъ (коломыйская соль въ Ипатіевской лѣтописи). Оказывается такимъ образомъ, что вопросъ о Карпатской соли можетъ играть видную роль не только въ исторіи отношеній карпато-дунайской территоріи, но и далеко за ея предѣлами ¹⁾.

Не менѣе интересно было сообщеніе кенигсбергскаго профессора Л. Штиды о наименованіяхъ мѣховъ въ ганзейской торговлѣ. Почтен-

¹⁾ Позволю себѣ кстати указать на весьма интересную статью И. Кришко о горномъ дѣлѣ въ Карпатахъ (*P. Krizko, Banictvo. Slovenské Pohľady, 1893, V, VI, VII*). Авторъ разсматриваетъ вопросъ на территоріи собственно словацкой, но многія его соображенія имѣютъ и болѣе общій интересъ. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, славянская терминологія горнаго дѣла и объясненіе названія Клады.

ный ученый сдѣлалъ опытъ объясненія изъ русскаго языка многихъ названій мѣховъ, встрѣчающихся въ латинскихъ и нѣмецкихъ документахъ ганзейскаго времени. Авторъ изслѣдованія о торговлѣ Руси съ Ганзой М. И. Бережковъ далъ весьма лестный отзывъ о докладѣ проф. Штиды, а проф. Карскій объяснилъ нѣсколько загадочныхъ словъ изъ нарѣчій малороссійскаго и бѣлорусскаго. Во многихъ отношеніяхъ методъ сообщенія проф. Штиды не только характеренъ, но и знаменателенъ.

Сообщеніе г-жи *Ефименко* „Къ вопросу о феодализмѣ въ западной Руси и Литвѣ“ опять подняло заглохшій было споръ объ этомъ предметѣ. Въ сущности докладчица объясняетъ возникновеніе феодализма также, какъ и большинство прежнихъ изслѣдователей (особенно *Лрошевичъ*), — военными потребностями государства. Предоставленіе условныхъ правъ классу, удовлетворявшему этимъ потребностямъ, повлекло за собою поглощеніе этими условными правами начальныхъ правъ на землю, безусловно принадлежавшихъ насѣвшимъ на нее первоначально общественнымъ клѣточкамъ.

Академикъ *Васильевскій* указалъ по этому случаю, что весь вопросъ заключается въ томъ, какъ понимать феодализмъ: „если мы опредѣлимъ феодализмъ, какъ его опредѣляютъ нѣкоторые англійскіе ученые (напримѣръ, *Мэнъ*). то-есть, какъ смѣну общинныхъ отношеній частно-имущественными съ подчиненіемъ населенія владѣльцу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то придется признать, что феодализмъ въ Литвѣ былъ. Если же мы примемъ опредѣленіе феодализма, дѣлаемое нѣмецкими, по-преимуществу, учеными (крупная земельная собственность, передача владѣльцу земли политическихъ правъ и, вмѣсто союза подданничества по отношенію къ королю, союзъ вассальности), то слѣдуетъ признать, что феодализма въ Литвѣ не было.

Рефераты г. *Линиченка* („Общины на валашскомъ правѣ въ юго-западной Руси“), г. *Лонгинова* („О родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ“), г. *Виссендорфа* („О мѣстоположеніи Варяжской Руси“, приурочиваемой референтомъ къ Руси Жемойтской), *В. М. Площанскаго* о древнѣйшихъ холмскихъ актахъ (они изданы референтомъ въ XV томѣ „Актовъ Виленской Коммиссіи“). наконецъ, нижеподписавшагося („Угорская Русь и связанные съ нею вопросы“) очертили широкій кругъ вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ исторіей Руси-Литвы.

Рядъ другихъ сообщеній имѣетъ уже непосредственное отношеніе къ Сѣверо-западному краю и даже самому городу Вильнѣ.

Г. Орловскій въ рефератѣ „О началѣ г. Гродны (Городна)“ под-
нял интересный вопросъ, о какомъ Городнѣ говорятъ наши лѣтописи—
о нѣманскомъ (нынѣ губернскомъ), или одноименномъ мѣстечкѣ Мин-
ской губ., Пипскаго уѣзда. Вопросъ, къ сожалѣнію, остался перѣшен-
нымъ, хотя большинство мнѣній склонялось, повидимому, на сторону
референта, то-есть, къ Городну нѣманскому. Докладчикъ особенно напи-
ралъ на древность Коложской церкви. Это фактъ, конечно, очень ва-
женъ, но жаль, что въ дополненіе г. Орловскій не привелъ во время
преній относящихся къ вопросу выдержекъ изъ лѣтописи. Упомина-
нія о Городнѣ 1253 и 1260 гг. (Ипатьевск. л.) не оставляютъ никакого
сомнѣнія, что рѣчь идетъ о Городнѣ нѣманскомъ.

Священникъ *Л. Паевскій* сообщилъ нѣсколько замѣчаній о г. Брестѣ
(Берестѣ) на основаніи рукописной визитаціонной книги брестской
каедры 1759 г., при чемъ объяснилъ старинный планъ города.

Г. Лонгиновъ сообщилъ въ извлеченіи содержаніе своего генеало-
гическаго изслѣдованія „Князь Ѳеодоръ-Любартъ Ольгердовичъ и его
потомки князья Сангушки“ (напечатано въ „Трудахъ предваритель-
наго комитета“). Авторъ старается примирить преданіе о происхожде-
ніи Сангушковъ отъ Любарта съ фактами и для этого предполагаетъ
существованіе неизвѣстнаго до сихъ поръ Ѳеодора-Любарта (Ольгер-
довича). Главнымъ основаніемъ для такого предположенія послужило
г. Лонгинову извлеченіе изъ холмскаго памятника, сдѣланное еписко-
помъ Я. Сушеномъ, гдѣ различаются два Любарта—Гедиминовичъ и Оль-
гердовичъ. Вотъ этого-то Ольгердовича г. Лонгиновъ и считаетъ Лю-
бартомъ-Ѳеодоромъ, родоначальникомъ Сангушковъ, а свою догадку
подтверждаетъ помянутымъ Кіево-Печерскимъ, гдѣ кн. Ѳеодоръ Оль-
гердовичъ упоминается на ряду съ княгиней Ольгой. Сопоставляя эти
указанія съ грамотой „великаго князя Ѳедота съ братомъ Лазаремъ
и Семеномъ и маткою Ольгою“ (Арх. Санг., I, № 8), г. Лонгиновъ
приходитъ къ заключенію, что „княгиня Ольга, отрекавшаяся съ сы-
новьями Ѳедотомъ, Семеномъ и Лазаремъ отъ Острожскаго мнѣнія
(то-есть, княженія), была несомнѣнно супруга Ѳеодора-Любарта Оль-
гердовича, а Ѳеодотъ, Семенъ и Лазарь были его сыновья, вопреки
мнѣнію Вольфа, считающаго ихъ сыновьями Ѳеодора Любартовича¹⁾).

Докладчику возражалъ г. Люба-Радзимиинскій (извѣстный редакторъ
1-го тома „Архива Сангушковъ“ и авторъ нѣсколькихъ генеалогическихъ
изслѣдованій), при чемъ не только не соглашался съ мнѣніемъ г. Лон-

¹⁾ Стр. 281 (не Ѳеодора Любартовича, а Любарта Гедиминовича, *Wolff, Röd,*
74. Предполагаемъ, что это опечатка).

гинова о происхожденіи Сангушковъ отъ Оедора-Любарта, но даже совершенно отрицалъ существованіе такового. Мы совершенно согласны съ г. Радзвинскимъ, главнымъ образомъ потому, что считаемъ несомнѣннымъ, что великій князь Оедотъ въ упомянутомъ выше актѣ (Арх. Санг., I, № 8) могъ быть только Оедоръ Любартовичъ: только онъ могъ называться великимъ княземъ, какъ сынъ великаго князя Любарта, только онъ, какъ законный наслѣдникъ Воыни, могъ быть понуждаемъ Ягайлой къ признанію независимости отъ себя князя Острожскаго. На общемъ фонѣ фактовъ 1386 г. это, повторяемъ, становится несомнѣннымъ (ср. *Ф. Конечный. Jagello i Witold, Przew. n. il.*, 1892 г., VIII). Мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ г. Радзвинскаго относительно поминиковъ (г. Радзвинскій готовъ отвергать всякое ихъ значеніе); но мы бы желали, чтобы поминики являлись только подтвержденіемъ, а не исходной точкой соображеній и изслѣдованій. Правда, Максимовичъ обосновалъ на поминникахъ свою генеалогію князей Острожскихъ, но она держится только потому, что она правдоподобна вообще, чего совершенно нельзя сказать о разсмотрѣнномъ предложеніи г. Лонгинова. Не соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика, мы, однако, искренно привѣтствуемъ его генеалогическія разысканія, какъ поприще ученой дѣятельности, на которомъ г. Лонгиновъ можетъ оказать наукѣ существенныя услуги. Основываемся на указанномъ выше изслѣдованіи того же автора, представляющемъ серьезную и, по нашему мнѣнію, вполне удачную попытку уяснить загадочныя родственныя отношенія Романа Галицкаго.

Проф. *М. Н. Бережковъ* представилъ біографическій очеркъ Елены Илановны, великой княгини литовской и королевы польской. Цѣль докладчика заключалась въ томъ, чтобы на общемъ фонѣ исторической тяжбы Московскаго и Польскаго государствъ представить жизнь и дѣятельность отдѣльнаго лица, поставленнаго судьбой между двумя борющимися сторонами. Эта поминка по московской великой княжнѣ, такъ тѣсно связанной съ Вильной, пришла какъ нельзя болѣе кстати.

Городу Вильнѣ посвящены были три реферата.

Ю. Ѳ. Крачковскій сообщил замѣчанія о топографіи города и религиозныхъ отношеніяхъ его жителей въ XVI вѣкѣ, краткое извлеченіе изъ предисловія къ 20-му тому „Актовъ Виленской Археографической Комиссіи“. Въ этомъ томѣ собраны акты, касающіеся г. Вильны за время 1529—1804 гг., а составленное референтомъ обширное предисловіе представляетъ живой очеркъ историческихъ судебъ города, при чемъ особенно подробно разработана его топографія. Цѣнный вкладъ

въ послѣднемъ отношеніи представляетъ сообщеніе академика *В. Г. Васильевскаго*: „Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ?“ — сводъ и критическій разборъ всѣхъ относящихся къ вопросу источниковъ и указаній. Было бы желательно, чтобы сдѣланныя нашимъ академикомъ указанія не были забыты мѣстными изслѣдователями, которымъ референтъ и предоставилъ окончательное рѣшеніе вопроса. Наконецъ, г. *Сторожевъ* сообщилъ нѣсколько интересныхъ фактовъ о московскомъ управленіи въ Вильнѣ въ XVII вѣкѣ. Факты эти, почерпнутые докладчикомъ изъ архива министерства юстиціи, живо обрисовали взаимныя отношенія сторонъ московской и литовской во время короткаго господства москвитянъ въ Вильнѣ въ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣни будемъ держаться принятой на съѣздѣ группировки по отдѣламъ. Въ отдѣлѣ *первобытныхъ древностей* сообщено было 22 реферата. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ Северо-западному краю Россіи. Таково, напримѣръ, сообщеніе проф. *В. З. Завитневича*: „*Формы погребальнаго обряда въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи*“. По количеству изученнаго матеріала этотъ рефератъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто: докладчикомъ раскопано было 627 кургановъ въ отдѣльныхъ могильникахъ. Въ 443 констатировано погребеніе на поверхности, а не въ ямахъ, какъ къ югу отъ Припети, и не на насыпи кургана (послѣдней формы всего 3 случая). Встрѣчается и труносожженіе. Оно усиливается по направленію къ Днѣпру, что даетъ основаніе считать этотъ обрядъ запесеннымъ сюда съ бассейна Десны, гдѣ онъ господствуетъ. По монетамъ курганы относятся къ X-му вѣку и обнаруживаютъ высокую культуру. Долихокефализмъ преобладаетъ.—Первобытнымъ древностямъ Минской губерніи посвященъ былъ и рефератъ г. *Татура*. Референтъ указывалъ на особенности кургановъ, изслѣдованныхъ въ мѣстности Борисовскаго уѣзда, въ находкахъ усматривалъ признаки бронзоваго періода, по сего мнѣніемъ не согласились ни проф. Антоновичъ, ни проф. Завитневичъ (трудъ г. Татура напечатанъ). Напротивъ, демонстрированные предметы, по мнѣнію ихъ, должны быть отнесены къ самому концу желѣзнаго вѣка; особенности устройства кургановъ оказались случайными, а предметы совершенно сходными съ изслѣдованными проф. Завитневичемъ дреговицкими. Такимъ образомъ, въ значительной степени выяснилась этнографическая однородность населенія на пространствѣ отъ устья Припети и по Березинѣ. Ближайшей по мѣ-

сту территоріи древнихъ радимичей посвящено было два реферата: проф. Антоновича и М. В. Фурсова. Обслѣдованный докладчиками и г. Яременкомъ районъ обнимаетъ бассейны рѣкъ Сожи, Друта, Прони Вепря и Бесѣди. Главныя черты похороннаго типа, по сообщенію проф. Антоновича, состоятъ въ слѣдующемъ. Покойники были погребены выше горизонта (78%) на большей или меньшей возвышенности; средняя ея высота 0,53 метра; ложе, подстланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы, съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко (18%), чаще всего въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки были протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длинноголовыми; средній черепный указатель 75,09, то-есть, типъ черепа находится на границѣ долихокефализма и субдолихокефализма по схемѣ Брока. Ростъ измѣренъ въ 22 случаяхъ; средняя его цифра 1,66 метра, то-есть, выше средняго. При покойникахъ ни разу не было найдено оружія. Мужскія могилы не богаты бытовыми предметами, но въ женскихъ они не рѣдки, при чемъ серебряные предметы многочисленнѣе бронзовыхъ. Изъ 262 раскопанныхъ кургановъ этого района референтъ обслѣдовалъ 115. Г. Фурсовъ сообщилъ нѣсколько дополнительныхъ подробностей. Дневникъ его раскопокъ напечатанъ.

Сообщеніе г. Любы-Радзимицкаго („Памятники каменнаго вѣка въ западной Волини“) и г. Житинскаго („Музейское кладбище въ селѣ Рыкаль Дубенскаго уѣзда“) касаются пока очень мало обслѣдованной въ археологическомъ отношеніи Волини и въ виду этого имѣютъ значительный интересъ. Г. Радзимицкій раскопалъ около 20-ти кургановъ въ Острожскомъ уѣздѣ. Они принадлежатъ каменному вѣку, куда по аналогіи можно отнести массу кургановъ въ бассейнѣ рѣки Горыни и ея притока Вилии. Покойники, долихокефалы, погребались на поверхности земли и придавливались сверху 6-ю валиками изъ бѣлой глины. Впрочемъ, въ томъ же уѣздѣ обнаружены курганы и съ трупосожженіемъ. Докладчикъ познакомилъ собраніе съ единственною въ своемъ родѣ коллекціей „загнѣтыхъ ножей“ скандинавскаго типа, обратившей на себя особенное вниманіе археологовъ. Кроме того, коллекція г. Радзимицкаго доказываетъ, по словамъ присутствовавшего на съѣздѣ французскаго археолога барона де-Вая, что на Волини были мастерскія, гдѣ обрабатывали кремень такъ же хорошо и

изящно, какъ и въ Скандинавіи. Кладбище въ селѣ Рыкань представляетъ погребеніе въ неглубокихъ ямахъ, которыя иногда обставлялись деревянными бревнами. Трупосожженія не обнаружено. Между прочимъ, найдены были кусокъ золотого позумента и медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери со славянскою надписью.—Графъ *де Флери* обратилъ вниманіе съѣзда на кладбища съ перегорождками, встрѣчающіися на пространствѣ между рѣкою Наревомъ и Гданскомъ: кладбище съ перегорождками—это холмъ, усѣянный могилами, которыя обозначены находящимися на поверхности земли кругами и перегорождками. Добытые изъ могилъ черепа мужскіе—длиноголовые, женскіе короткоголовые, что даетъ поводъ г. референту сдѣлать предположеніе о похищеніи женщинъ у народа другого племеннаго типа. Гробницы изобилуютъ предметами: кольца, бусы, серьги славянскаго типа и другіе предметы украшеній, а также пряслицы и много желѣзныхъ предметовъ, составляющихъ военное оружіе, и домашнія орудія; встрѣчаются обломки умышленно поломаныхъ бронзовыхъ чашъ; стрѣлы и цѣлыя горшки вовсе не встрѣчаются, но за то попадаетъ много черепковъ типа Бурггаль. Любопытно то, что предметы, добываемые изъ могилъ, тѣ же, какіе встрѣчаются и въ сосѣднихъ городищахъ, съ тою, однако же, разницею, что въ городищахъ, просуществовавшихъ рядъ вѣковъ, встрѣчаются позднѣйшія наслоенія съ предметами новѣйшаго времени, каковы, напримѣръ, стрѣлы позднѣйшаго типа; а въ городищѣ въ Визнѣ находимы были монеты и другіе предметы среднихъ вѣковъ, даже кафли XVI вѣка и т. д. Гробницы, занимающія возвышенные пункты холма, принадлежатъ къ типу древнѣйшихъ; расположенныя еще ниже—позднѣйшія. Референтъ думаетъ, что гробницы эти принадлежатъ ятвягамъ, что онъ старался доказать свидѣтельствомъ письменныхъ источниковъ. Въ другомъ сообщеніи графъ де Флери познакомилъ собраніе съ неолитической стоянкой въ Кемпѣ (недалеко отъ слиянія Нарева и Бобра). Здѣсь же г. референтъ предполагалъ и мастерскую кремневыхъ орудій, богатая коллекція которыхъ въ прекрасной сортировкѣ и была предложена на разсмотрѣніе.

Характеристика древностей сосѣдней восточной Пруссіи сообщена была проф. Кенигсбергскаго университета *А. фонъ-Бейценбергеромъ*. Благодаря любезности почтеннаго ученаго, мы имѣемъ возможность сообщить подробное содержаніе этого интереснаго реферата, имѣющаго близкое отношеніе къ первобытнымъ древностямъ Сѣверо-Западнаго края.

Человѣкъ каменнаго періода сохранился въ восточной Пруссіи въ двухъ полныхъ скелетахъ (лежащихъ въ скорченномъ положеніи) и въ одной половинѣ черепа (всѣ эти останки находятся въ музеѣ общества древностей „Пруссіи“ въ Кенигсбергѣ) и былъ, судя по этимъ останкамъ, чистый долихоцефаль. Такъ какъ одному изъ этихъ скелетовъ принадлежатъ два поясныхъ конца изъ костей сѣвернаго оленя, то онъ, повидимому, жилъ тамъ еще до окончательнаго прекращенія ледниковаго періода (*Lissauer, Die prähistorischen Denkmäler der Provinz Westpreussen, S. 187*). Древность населенія восточной Пруссіи восходитъ по меньшей мѣрѣ за 5000 лѣтъ, то-есть, современна теперешнему направленію нижняго теченія Нѣмана (*Teutsch. Schriften der physik.-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg, XXI, S. 189 f.*). Въ рѣчномъ названіи Jūra и топографическомъ Jurbork осталось воспоминаніе о большомъ озерѣ, которое эта рѣка образовывала до своего прорыва на сѣверо-западъ (*Berendt, Geognostische Blicke in Altpreussens Urzeit, Berlin, 1872*). Такъ какъ jūra озеро (лит. júres, júra, латтское júra, прусское jurcau)—собственно литовско-латтско-прусское слово, то изъ этого слѣдуетъ, что древнѣйшіе доступные нашему изученію жители восточной Пруссіи были литовскаго происхожденія. На это же указываютъ и то обстоятельство, что одна крутизна на землѣ Куришгафа, длиною въ милю, извѣстна подъ литовскимъ названіемъ krántas, то-есть, береговой обрывъ, и соотвѣтствуетъ той части берега, которую море омывало въ тѣ времена, когда восточный морской берегъ возвышался надъ теперешнимъ уровнемъ на 10—12 футовъ, и когда Куронская низменность распадалась на острова (*Berendt, Geologie des Kurischen Hafens, S. 63*). Нѣсколько кусковъ обработаннаго литаря, найденные неподалеку отъ теперешняго восточнаго берега Куришгафа въ древнѣйшихъ наслоеніяхъ на глубинѣ 4-хъ метровъ вмѣстѣ съ дикимъ янтаремъ (и Sprockholz) и, очевидно, попавшіе на это мѣсто еще въ то время, когда Krántas былъ берегомъ гафа, и море по теперешней Куронской низменности доходило до этихъ мѣсть, подтверждаютъ, что уже весьма рано на этой мѣстности обитали люди (*Klebs, Bergsteinschmuck der Steinzeit, Ss. 35, 38*). Родину древнѣйшихъ обитателей восточной Пруссіи приходится искать въ древнѣйшихъ стоянкахъ каменнаго вѣка средней Европы. Наибольшія находки каменнаго вѣка дѣлаются на Куронской низменности, на странствующихъ дюнахъ которой постоянно выступаютъ новые остатки неолитическихъ поселеній и могильниковъ. Другія мѣстонахожденія остатковъ камен-

наго вѣка суть лѣсочекъ Каупъ (южнѣ Куронской низменности), Валлицъ, Бурдунгенъ, островъ Шешупы при Висборіенѣ и свайная постройка въ Ковнаткенскомъ озерѣ, кромѣ того, сохранились въ восточной Пруссіи и другія свайныя постройки.

Инвентарь всѣхъ этихъ стоянокъ каменнаго вѣка совпадаетъ вообще, съ одной стороны, съ однородною съ восточно-прусской неолитической культурою Западной Россіи (*Tischler, Beiträge zur Kenntniss der Steinzeit, II, 1883, S. 119*), съ другой стороны, съ культурою мѣднаго вѣка средней Европы. Съ ея концомъ можно сопоставить каменный вѣкъ восточной Пруссіи. Предметы изъ мѣди попадаются только по одиночкѣ. Бронзовый вѣкъ начинается въ восточной Пруссіи приблизительно за 1000 лѣтъ до Р. Хр. и распадается на нѣсколько подотдѣловъ (*Pile-Leubingen-Peccatel-jüngste Bronzezeit*); до послѣдняго изъ нихъ (около 500 лѣтъ до Р. Хр.) господствуетъ погребеніе въ землѣ, во время послѣдняго—трупосожженіе. Нѣкоторыя формы бронзоваго вѣка характерны для восточной Пруссіи.

Сомнительно, можно ли въ Пруссіи послѣ бронзоваго періода допускать періодъ *la Tène*, такъ какъ находки, безспорно принадлежащія *la Tène*, чрезвычайно рѣдки.

За бронзовымъ вѣкомъ непосредственно слѣдуетъ періодъ могильниковъ желѣзнаго вѣка, совпадающій съ нашею эрой. Они поразительно богаты и содержательны.

Въ большей части провинціи можно различать въ этомъ періодѣ, продолжающемся приблизительно до конца V вѣка, четыре отдѣла, изъ которыхъ второй особенно заслуживаетъ вниманія, благодаря многочисленнымъ римскимъ монетамъ. Самымъ вѣрнымъ признакомъ этихъ отдѣловъ являются соответствующія формы фибулъ.

Сѣвернѣе Пѣмана доисторическая культура этого періода представляетъ нѣкоторыя особенности. Именно здѣсь обнаруживаются тѣсныя связи съ ливами, эстами, финнами.

Переходнымъ періодомъ отъ вѣка могильниковъ къ послѣднему времени язычества является періодъ викинговъ, который, однако, до сихъ поръ нельзя строго разграничить. Въ немъ впервые выступаетъ стремя.

Что касается, наконецъ, лингвистическаго изслѣдованія восточной Пруссіи, то оно вообще подтвердило данныя хронистовъ о политическомъ дѣленіи страны. Особенный интересъ представляютъ данныя, относящіяся къ ятвягамъ, которыхъ съ лингвистической точки зрѣнія

цельзя считать вымершими. Они, повидимому, продолжаютъ жить въ нынѣшней южной Литвѣ.

Въ подтвержденіе важнаго значенія первобытныхъ древностей восточной Пруссіи для изученія исторіи Западной Руси референтъ въ заключеніе обратился къ находкамъ Люцинскаго могильника (Люцинскій могильникъ, С.-Петербургъ, 1893 г.) и на основаніи Вейсцейтскаго могильника доказывалъ, что онѣ всдуть начало не съ X—XI вѣка, но отчасти уже съ V вѣка.

Вотъ рядъ рефератовъ, прямо относящихся къ Западной Россіи и Литвѣ, несомнѣнно, доказывающій, что археологическое изученіе этой территоріи подвигается впередъ довольно быстро.

Чрезвычайно интересное сообщеніе сдѣлано было проф. В. Б. Антоновичемъ „О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Двѣпра“. Вотъ краткое его содержаніе. Классификація, установленная скандинавскими учеными относительно дѣлепія до-историческаго времени на три эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, допускаетъ значительныя исключенія. Можно привести много примѣровъ, гдѣ въ цѣлой странѣ не достаетъ одного изъ членовъ упомянутой классификаціи. Разсматривая памятники до-исторической древности въ Россіи, можно полагать, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ и что желѣзная культура прямо наслонлась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такихъ признаковъ референтъ полагаетъ три: 1) Нахожденіе предметовъ бронзоваго вѣка такихъ именно, которые быстро исчезли при появленіи желѣза. Таковыми предметами могутъ считаться оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія: топоры, ножи, серпы, бритвы. Но признакъ этотъ не вполне прочный; если указанные предметы находятся единично, рѣдко и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка, или къ случайнымъ иммиграціямъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ. 2) Другой болѣе прочный признакъ составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки. 3) Третій признакъ очень прочный—это при-

существованіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Если примѣнимъ эти признаки къ территоріи Россіи, то убѣдимся, что бронзовая культура надвигалась на русскую территорію съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока—культура центрально-азиатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копьямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала. Перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла; 2) другая бронзовая культура, передне-азиатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ Западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ. Предѣлами ея можно пока считать: Днѣстръ, Смотричь и Западный Бугъ. На всемъ промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка.

Исключеніе составляетъ лишь побережье Чернаго моря (Новороссійскій край), гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но не возможно указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ предметовъ нѣтъ такихъ, которые по формѣ или орнаменту могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ того, что область Дона остается совсѣмъ не изслѣдованною въ археологическомъ отношеніи, и потому мы лишены возможности прослѣдить эволюцію бронзовой культуры и сличить формы побережья Чернаго моря съ бронзою Сибирскою или Кавказскою, такъ какъ переходныя формы, если таковыя окажутся, несомнѣнно явятся въ бассейнѣ Дона.

Существенное дополненіе къ этому реферату было сдѣлано профессоромъ Алучинимъ, который замѣтилъ, что бронзовый (или мѣдный) вѣкъ въ предѣлахъ Россіи констатируется почти всюду при условіяхъ, указывающихъ уже на знакомство населенія съ желѣзомъ. Какъ въ Сибири, такъ и на Кавказѣ, равно какъ и въ южной и средней Россіи, типичныя мѣдныя орудія были находимы большею частью въ могильникахъ, кладахъ и т. д., съ примѣсью желѣзныхъ. Тѣмъ не менѣе и въ Россіи была эпоха, повидимому, слѣдовавшая непосредственно за каменною, когда, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ желѣзомъ, мѣдь

(и бронза) играла преобладающую роль, какъ матеріаль для выдѣлки орудій и оружія. Распространеніе этой „бронзовой“ культуры въ предѣлахъ Россіи шло дѣйствительно, какъ доказываетъ профессоръ В. В. Антоновичъ, съ востока (изъ Сибири) и средней Азіи и съ запада; тѣмъ не менѣе, едва ли будетъ подходящимъ придавать этой западной культурѣ названіе „финикійской“. Финикіяне, конечно, принимали нѣкогда большое участіе въ переносѣ азіатской культуры въ Европу и въ фабрикаціи и распространеніи бронзовыхъ издѣлій, но преемниками и продолжателями ихъ явились этруски и греки, и послѣдніе имѣли для южной Россіи, несомнѣнно, наиболѣе важное значеніе. Съ другой стороны, бронзовая культура распространялась у насъ не только съ востока и съ запада, но и съ юга, съ Кавказа, бронзовая культура котораго, можетъ быть, и нѣсколько болѣе поздняя, чѣмъ сибирская, отличающаяся отъ нея по многимъ признакамъ, но въ то же время и представляющая нѣкоторыя общія съ ней черты (напримѣръ, въ стремленіи къ украшенію орудій и другихъ предметовъ изображеніями животныхъ), можетъ быть констатирована (правда, еще въ слабыхъ слѣдахъ) и въ бассейнѣ Дона. Что касается до западной культуры, то въ Финляндіи, Польшѣ, Западномъ краѣ находимыя бронзовыя орудія сходны съ скандинавскими и средне-европейскими и указываютъ, очевидно, на занесеніе ихъ изъ этихъ странъ, тогда какъ въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ былъ найденъ и рядъ формъ для отливки бронзовыхъ орудій, послѣднія были завезены сюда и изготовлялись здѣсь, по всей вѣроятности, греками. Восточная (сибирская) бронзовая культура захватывала и весь Приуральскій край. Значительныя слѣды ея мы встрѣчаемъ въ Вятской, Казанской, Уфимской и даже въ Самарской губерніяхъ. Повидимому, она распространялась и далѣе на западъ, какъ то доказываетъ могильникъ близъ деревни Ефано. Муромскаго уѣзда, къ сожалѣнію, оставшіяся не обследованнымъ научно, но изъ котораго были добыты нѣсколько бронзовыхъ кельтовъ и наконечниковъ копій, а отчасти и нѣкоторыя находки бронзовыхъ кельтовъ въ Московской губерніи. Интересно, что и въ Новороссійскомъ краѣ (какъ то доказываетъ коллекція А. Н. Поля въ Екатеринославѣ) были найдены бронзовые серпы типа, совершенно сходнаго съ тѣмъ, который былъ констатированъ неоднократно въ Приуральскомъ краѣ (такъ, профессоръ Марковниковъ представилъ въ Московское археологическое общество кладъ, найденный въ Казанской губерніи и состоящій изъ 24 такихъ же мѣдныхъ серповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими топорами, долотами, наконечниками дротиковъ и двумя

слитками мѣди). Любопытно, что здѣсь, кромѣ этихъ серповъ (распространенныхъ также въ Венгріи, но не попадающихся далѣе на западѣ), встрѣчаются и другіе меньшихъ размѣровъ, безъ крючка (вмѣсто рукоятки), но съ особымъ шипомъ (для насаживанія на ручку), а иногда съ 2—3 продольными валиками вдоль серпа, несомнѣнно, западнаго происхожденія. Какъ на существенную особенность восточно-русскаго бронзоваго вѣка (равно какъ и кавказскаго), отличающую его отъ бронзоваго вѣка Западной Европы, слѣдуетъ указать (кромѣ характерныхъ формъ нѣкоторыхъ орудій) на орнаментацию и украшеніе бронзовыхъ издѣлій изображеніями животныхъ, которыя встрѣчаются и въ формѣ отдѣльныхъ статуэтокъ, прорѣзныхъ бляхъ и т. д. Этотъ мотивъ украшеній совершенно отсутствуетъ на бронзовыхъ издѣліяхъ Западной Европы, гдѣ онъ замѣняется геометрическимъ орнаментомъ, знакомымъ, впрочемъ, и сибирско-кавказской бронзовой культурѣ. Этимъ стремленіемъ къ изображенію животныхъ формъ искусство бронзоваго вѣка связывается у насъ съ болѣе древнею костяною и каменною промышленностью, тогда какъ на западѣ оно является рѣзко обособленнымъ отъ искусства неолитическаго вѣка. Съ другой стороны, культура „бронзовой“ эпохи у насъ представляетъ и болѣе явственные переходы (въ формахъ орудій) къ желѣзному вѣку, гораздо болѣе рѣзко обособленному отъ бронзоваго на западѣ. Въ заключеніе профессоръ Анучинъ указалъ на существенную необходимость составленія объяснительныхъ каталоговъ типичныхъ предметовъ бронзовой эпохи, по возможности съ изображеніями ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлано для Минусинскаго музея гг. Клеменцомъ и Мартиномъ, для сибирскихъ древностей вообще — Радловымъ и въ недавнее время для поворооссійской коллекціи А. Н. Поляподъ руководствомъ В. Б. Антоновича, г-жею Е. Н. Мельникъ.

Блестящій ученый турниръ двухъ видныхъ представителей нашей археологіи, происходившій въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почтившихъ съѣздъ своимъ посѣщеніемъ, составилъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ засѣданій съѣзда и далъ поводъ Д. Я. Самоквасову указать на огромный прогрессъ археологическаго изученія въ Россіи, совершившагося въ самое недавнее время, благодаря инициативѣ Московскаго археологическаго общества и археологическимъ съѣздамъ, которые были имъ вызваны къ жизни.

Проф. Антоновичъ сдѣлалъ еще одно сообщеніе о крашеныхъ скелетахъ, встрѣчаемыхъ въ значительномъ количествѣ въ Бессарабіи, Новороссіи, Кіевской и Полтавской губерніяхъ и въ Кубанской

области. Проф. Маркевичъ и проф. Н. И. Веселовскій сообщили по этому поводу нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, а проф. Анучинъ напомнилъ о раскопкахъ г. Витковского въ долинѣ р. Ангары могилъ каменнаго вѣка, обнаружившихъ красныя прослойки во всю ширину погребенія, и объ обычаяхъ, наблюдаемомъ до сихъ поръ у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, отыскивать для погребенія покойника мѣсто съ глиною опредѣленнаго цвѣта въ почвѣ.

Депутатъ Императорской археологической комиссіи *А. А. Спицынъ* представилъ общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей, составленный въ значительной степени на основаніи данныхъ выставки, устраиваемой ежегодно при Археологической комиссіи для ознакомленія Государя Императора съ развитіемъ отечественной археологій и въ 1892 году вышедшей особенно полною. Благодаря любезности г. Спицына, не отказавшагося сообщить намъ свою рукопись, мы имѣемъ возможность съ нѣкоторой подробностью остановиться на этомъ докладѣ: имѣющемъ, благодаря своему обобщающему характеру и полнотѣ матеріала, бывшего въ распоряженіи референта, значительный интересъ. Обзорѣніе курганныхъ древностей докладчикъ началъ съ Западнаго Буга, гдѣ, впрочемъ, встрѣчаются не курганы, а каменные могилы.

Устройство ихъ слѣдующее: въ землѣ вырывается могильная яма, иногда весьма неглубокая, дно ея тщательно выравнивается, обмазывается глиной, выкладывается мелкими камешками; на такое ложе кладутъ покойника, ставятъ въ ноги его глиняный горшокъ и затѣмъ забрасываютъ могилу землею. Сверху могилу кругомъ обставляютъ большими камнями, изъ которыхъ два самыхъ большихъ ставятъ въ головахъ и ногахъ погребеннаго, и очерченную такимъ образомъ площадку забрасываютъ обыкновеннымъ булыжникомъ. Находки предметовъ здѣсь незначительны: серьги въ видѣ проволочныхъ колецъ съ напущенными на нихъ филигранными бусами, витые перстни, ожерелья изъ филиграновыхъ бусъ и—самое характерное—небольшаго діаметра височное кольцо изъ толстой серебряной проволоки съ завиткомъ на концѣ въ видѣ косої буквы S. Въ каменныхъ могилахъ найдены монеты XI вѣка.

Каменные могилы встрѣчаются затѣмъ на пространствѣ отъ верховьевъ Наревы до средняго Нѣмана (до впаденія Шары). Здѣсь онѣ того же типа, но уже XIV вѣка и потому нѣсколько измѣненнаго вида: могилы болѣе глубоки, надъ трупомъ въ могильной ямѣ очень часто встрѣчаются обильные остатки тризны въ видѣ угля и черепковъ отъ сосудовъ; каменное покрытие надъ могилой того же

типа, какъ у бужанъ, но имѣеть видъ или сплошнаго покрова въ 2—3 ряда камней, или же состоятъ изъ небольшого количества крупныхъ камней, расположенныхъ безъ особаго порядка. Кромѣ предметовъ, отмѣченныхъ выше, есть и вещи, составляющія принадлежность дреговицкихъ кургановъ. Въ Олавскомъ могильникѣ, съ монетами XVI и начала XVII вѣка, видимъ послѣдніе признаки этой культуры. Курганныя древности Волини совершенно не обработаны. Обрядъ погребенія на территоріи древлянъ въ общемъ схожій съ бужанскимъ: трупъ лежитъ въ могилѣ на особенной подстилкѣ изъ цвѣтной глины, песку, цвѣтныхъ камешковъ или даже графитоваго порошка. Каменное покрытие замѣняется невысокою курганною насыпью, которая, впрочемъ, въ основаніи своемъ иногда имѣеть кольцо изъ камней. Нерѣдко курганы окружены небольшими рвами (одинъ изъ характерныхъ признаковъ славянскихъ кургановъ, но впрочемъ принадлежащій не имъ однимъ). Иногда попадаются остатки тризны, иногда примѣтны слѣды надмогильныхъ сооружений (брусья). Трупъ лежитъ, какъ вообще въ славянскихъ погребеніяхъ, головою на западъ. Находки незначительны и всѣ цѣликомъ встрѣчаются также у дреговичей. Чаще всего встрѣчаются неширокія височныя кольца (они же ручные перстни, и они же иногда вплетались въ косы). Формою они сходны съ бужанскими, но безъ завитковъ на концахъ. Бѣдность находокъ, отсутствіе обряда трупосоженія, полное сходство въ остальномъ съ дреговицкими курганами — вотъ отрицательнаго характера признаки древлянско-курганной старины. Положительныя признаки болѣе характерны у дреговичей. Трупъ полагался здѣсь не въ ямѣ (какъ у бужанъ и древлянъ), а на поверхности земли; вмѣсто разнообразной подстилки подсыпана зола; въ $\frac{1}{4}$ части кургановъ—трупосоженіе. Надъ трупомъ явные слѣды деревянныхъ сооружений въ видѣ продолговатаго сруба съ двускатной крышей. Два способа трупосоженія: соженіе въ самой могилѣ и погребеніе въ насыпи остатковъ трупа, сожженаго на сторонѣ. Внимательно всмотрѣвшись въ древности древляно-дреговицкой группы кургановъ, приходится выдѣлить ей особое мѣсто. Она характеризуется незначительностью курганныхъ насыпей, сравнительною бѣдностью находокъ, опредѣленнымъ типомъ височныхъ колець и обиліемъ филигранныхъ бусъ, нигдѣ въ курганахъ не встрѣчаемыхъ въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь. Въ дреговицкихъ курганахъ найдены монеты X вѣка.

Къ дреговицкимъ курганамъ примыкають на сѣверѣ курганы кри-

вичей (кривичей въ собственномъ смыслѣ, полочанъ и новгородскихъ славянъ). Курганы смоленскихъ кривичей въ общемъ выше дреговицкихъ (до 4-хъ аршинъ высоты). Профиль ихъ не развалистый, а полусферовидный. кругомъ насыпи рвы. Въ насыпи нерѣдко прослойки угля, что указываетъ, можетъ быть, на одновременность насыпанія кургана. Погребеніе на поверхности земли. Случаи трупосожженія рѣдки. Находки разнообразны и сравнительно съ дреговицкими богаты. Характерные предметы—кокошниковидные перстни, а главное—височныя кольца. Они бываютъ двухъ типовъ: проволочныя, гладкія до 2-хъ вершковъ въ діаметрѣ и проволочныя же съ 3-мя или 4-мя ромбическими расширениями. Такія кольца встрѣчаются лишь въ кривичскихъ курганахъ и могутъ служить ихъ характернымъ отличіемъ.

У полочанъ типъ кургановъ тотъ же. Кажется, случаи трупосожженія въ могилѣ здѣсь были чаще, чѣмъ у смолянъ; изрѣдка наблюдается и погребеніе остатковъ сожженныхъ тѣлъ въ сосудахъ, помѣщенныхъ въ курганной насыпи. Находимые предметы всего ближе къ культурѣ кривичей, но встрѣчаются заимствованія какъ отъ древлянъ, такъ и отъ двинскихъ народностей. Височныя кольца того же типа, какъ у кривичей, но тоньше и разныхъ размѣровъ. Чаще, чѣмъ въ другихъ постоchno-славянскихъ курганахъ, встрѣчаются пряжки, распрострапennyя въ двинскихъ курганахъ, и пластинчатые браслеты съ змѣиными головками на концахъ. Замѣчательно, что попадаютъ головные уборы характернаго ливонскаго типа. Въ обрядѣ погребенія слѣдующія особенности: встрѣчаются каменные могилы и, кромѣ того, еще особые валы отъ 5 до 10 сажень длиною, заключающіе въ себѣ сплошной рядъ погребеній, кажется, по способу трупосожженія. Монетъ пока не найдено. Рядомъ съ полочанскими курганами на западѣ, по среднему теченію Двины встрѣчаются курганы, представляющіе загадку: обрядъ погребенія славянскій, вещи же исключительно типа двинскихъ ливовъ. Курганы эти тянутся цѣпью, не велики, иногда окружены въ основаніи рвами, встрѣчаются каменные могилы. Обрядъ погребенія—почти исключительно трупосожженіе. Какъ у ливовъ, костяки лежатъ головою и на западъ, и на востокъ. Изъ замѣчательнаго богатства ливонскихъ вещей выбраны лишь немногія, самыя необходимыя, но другихъ никакихъ заимствованій отъ сосѣдей нѣтъ. Стекланнхъ бусъ въ этихъ славяно-ливонскихъ курганахъ значительно болѣе, чѣмъ въ ливонскихъ могильникахъ.

Обрядъ погребенія новгородскихъ славянъ разнообразенъ. На Вол-

ховѣ и Ловати встрѣчаются два типа погребеній: сопки и жальники. Жальники—это группы могилъ, обложенныхъ внутри камнями и камнями же покрытыхъ сверху. Трупы здѣсь хоронятся по обычному способу, вещей нѣтъ. Въ сопкахъ исключительно трупосожженіе. Сопка — высокая (есть до 5-ти сажень), крутая курганная насыпь, внутри которой въ нижней части весьма часто находится какая нибудь каменная кладка, въ средней части одна или двѣ прослойки остатковъ отъ тризны, а на самомъ верху почти всегда черенки отъ сосуда, поставленнаго здѣсь съ остатками отъ сожженія трупа (лучшая иллюстрація къ разказу Нестора о погребальныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ). Вещей—никакихъ. Есть ли еще въ Новгородской области другаго характера мѣста погребенія новгородскихъ славянъ и гдѣ найдти слѣды культуры ихъ,—не извѣстно.

Въ землѣ вятичей произведены значительныя раскопки, и прежде, и недавно, но трудно подвести общій итогъ ихъ результатовъ, потому что древности здѣсь смѣшаннаго, славянскаго и чудскаго, характера. Можно, кажется, отмѣтить одинъ характерный предметъ — семилопастныя височныя кольца съ расплюснутыми лопастями. Другія вещи вятичскія, повидимому, очень близки къ кривичскимъ.

У радимичей погребеніе чаще всего встрѣчается на особомъ ложѣ, составленномъ изъ земли съ углемъ, которое покрывается затѣмъ насыпью средняго размѣра. Находки отличаются сравнительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ; особенно много мѣдныхъ подвѣсокъ для ожерелій, браслетовъ, шейныхъ гривенъ. Самая характерная особенность—лучистыя семилопастныя височныя кольца; есть и мелкія височныя кольца древянскаго типа, но они здѣсь свернуты лишь въ одинъ оборотъ и иногда прямо смыкаются кольцами. Большихъ височныхъ колець кривичскаго типа нѣтъ.

У сѣверянъ встрѣчаются одновременно всѣ основные типы обряда погребенія: погребеніе цѣлаго трупа, сожженіе въ могилѣ и погребеніе остатка сожженнаго трупа въ урнѣ; какая форма, преобладаетъ, еще не опредѣлено, но одновременность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Иногда выше сожженнаго костяка въ курганной насыпи находятся остатки тризны. Вещи не типичны и болѣе всего близки къ кривичскимъ, чтѣ и слѣдовало ожидать, но есть и сильная примѣсь древяно-дреговичскихъ. Самое характерное—височныя кольца въ видѣ буквы S и витые браслеты съ пластинчатымъ сгибемъ на концахъ; встрѣчаются плетенныя шейныя гривны. Найдены монеты IX—XI вв.

Нѣкоторые пункты на мѣстахъ древнихъ славянскихъ уже ясны,

другіе еще совсѣмъ темны (Волинь, Псковъ); въ третьихъ—произведено мало раскопокъ (полочане), въ четвертыхъ—древности не сведены къ основнымъ формамъ (на Окѣ), но въ общемъ картина нашей первобытной древности начинаетъ обрисовываться довольно ясно.

Рядъ другихъ сообщений, доложенныхъ съѣзду, наглядно показали, какъ быстро развивается у насъ археологическое изученіе. Такъ, напримѣръ, рефератъ г. *Селиванова* о Борковскомъ могильникѣ (въ 3-хъ верстахъ отъ Рязани; раскопки произведены по порученію Императорской археологической комиссіи въ 1892 г.) бросаетъ интересный свѣтъ на древность территоріи вятичей. Богатое данными сообщеніе г. Селиванова вызвало оживленный обмѣнъ мыслей. Къ сожалѣнію, мнѣнія о томъ, принадлежитъ ли могильникъ къ славянскимъ памятникамъ, или нѣтъ, разошлись. Совершенно то же самое можно сказать и о сообщеніи *В. И. Сизова* о расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ, давно обратившемъ на себя вниманіе, но до сихъ поръ загадочномъ во многихъ отношеніяхъ. Пренія по обоимъ этимъ интереснымъ сообщеніямъ обнаружили отсутствіе строгаго критерія въ опредѣленіи характера археологическихъ памятниковъ, особенно славяно-русскихъ.

Профессоръ *Луцишъ* сдѣлалъ сообщеніе о слѣдахъ трепанациі черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи.

Г-жа *Мельникъ* („О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра“) представила свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣлила на три группы: западно-волинскую; по берегамъ Уши и Порини и, наконецъ, третью около Екатеринослава и Днѣпровскихъ пороговъ.

Г. *Линиченко* остановился на древностяхъ города Глинска (Полтавской губерніи), считая ихъ подходящими къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ профессоромъ Самоквасовымъ, а по находкамъ не славянскими. Съ мнѣніемъ референта былъ несогласенъ г. Спицынъ, но сомнѣнія не могли быть разрѣшены за отсутствіемъ предметовъ.

Князь *Путятинъ* („Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи“) выразилъ желаніе выработать нѣкоторыя общія рубрики для классификаціи археологическихъ памятниковъ. Референтъ предложилъ принять за основаніе физическія условія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи. Баронъ де-Бай высказался по этому поводу противъ классификаціи, сославшись на примѣръ Франціи, гдѣ преждевременныя классификаціи отстранили и продолжаютъ отстранять отъ археологій многихъ серьезныхъ историковъ.

Въ другомъ рефератѣ князь *Путятинъ* охарактеризоваль измѣненіе каменнаго ножа.

Сообщеніе г. *Попова* о мѣстоположеніи древняго Саркела (на переволкѣ между Дономъ и Волгой, около Качалинской станицы, или на мѣстѣ Цымлянскихъ городищъ) вызвало оживленныя пренія. Проф. Н. И. Весселовскій указалъ на отсутствіе въ Цымлянскихъ городищахъ признаковъ, которые бы свидѣтельствовали о хозарахъ, какъ владѣтеляхъ города. Э. И. Успенскій утверждалъ, что Саркель есть крѣпость византійская, выстроенная не въ пользу а противъ хозаръ, съ чѣмъ, въ свою очередь, не соглашался Д. И. Иловайскій, высказавшій рѣшительное убѣжденіе, что крѣпость Саркель находилась именно на переволкѣ, гдѣ Донъ всего болѣе приближается къ Волгѣ, и была построена византійскими инженерами для хозаръ.

Въ извлеченіяхъ сообщены были рефераты г. *Слуцкаго*: „Къ вопросу о каменныхъ бабахъ“, и чешскаго археолога г. *Лича*: „Замѣтки о чешской археологій“. Рефератъ послѣдняго касается жгучаго въ славянской наукѣ вопроса о времени поселенія славянъ. Содержаніе его слѣдующее: По даннымъ историческимъ, Чехію первоначально заселяли бои, которыхъ смѣнили маркоманы, а съ половины VI вѣка здѣсь появляются чехи-славяне. По даннымъ же археологическимъ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Первоначальными насельниками Чехіи были какіе-то долихокефалы, преемственность связи которыхъ съ позднѣйшимъ населеніемъ этой области констатировать трудно. Затѣмъ, одновременно появляется въ Чехіи два народа. Въ сѣверной Чехіи живетъ народъ, который хоронитъ своихъ покойниковъ въ *сидячемъ* положеніи, въ каменныхъ ящикахъ, подъ кучей камней, въ курганахъ подъ камнемъ, въ каменныхъ кругахъ или просто въ землѣ. Хотя этотъ народъ жилъ въ каменномъ вѣкѣ, но отчасти знакомъ былъ и съ металлами. Здѣсь онъ оставался приблизительно до начала христіанской эры. Въ это же время на югѣ Чехіи живетъ другой народъ, который сожигаетъ своихъ покойниковъ и остатки хоронитъ въ курганахъ, построенныхъ изъ камней и прикрытыхъ землею. Остатки сожженнаго покойника пагались обыкновенно безъ урнъ, на поверхности земли; но встрѣчаются и въ урнахъ („пенельницахъ“) ниже поверхности земли. Предметы и орудія, встрѣчающіеся въ курганахъ,—по преимуществу бронзоваго вѣка. По этимъ предметамъ можно заключить, что народъ этотъ пришелъ въ Чехію съ культурою бронзоваго вѣка и оставался здѣсь до начала Римской имперіи. Затѣмъ въ сѣверной Чехіи появляется новый народъ. Пришельцы отличаются и соматически, и обрядомъ погребенія.

нія; своихъ покойниковъ не сажаютъ, а кладутъ на спинѣ ровно. Находимые въ курганахъ предметы отличаются богатствомъ культуры бронзоваго и желѣзнаго вѣка. По нѣкоторымъ даннымъ видно, что пришельцы подчинили себѣ туземцевъ. Это—бои классическихъ писателей. Всѣ эти три погребальные типа находятся въ связи съ остальными западно-европейскими типами. Но съ сѣвера проникаетъ въ Чехію новый народъ, который тоже сожигаетъ своихъ покойниковъ, но остатки хоронитъ въ пепельницахъ. Характерныя особенности этого типа встрѣчаются только въ Силезіи, Лузаци, Познани и Бранденбургѣ. Колонизація этого новаго типа, начиная со II вѣка, совершается сначала частично, а къ VI вѣку этотъ новый типъ уже составляетъ въ Чехіи господствующую массу; это и были чехославяне.

Прибавимъ отъ себя, что результаты археологическихъ работъ почтеннаго чешскаго ученаго недавно появились въ печати (*Archaeologický výzkum ve středních Čechách, Praha, 1893*).

По отдѣлу памятниковъ языка и письма доложены слѣдующіе рефераты. Проф. *Владиміровъ* обратилъ вниманіе на одинъ изъ сборниковъ Московской синодальной библіотеки, гдѣ заключаются новыя неизвѣстные доселѣ переводы князя Курбскаго. Референтъ высказалъ пожеланіе, чтобы плодотворная и разнообразная литературная дѣятельность Курбскаго подверглась всестороннему изученію. По этому поводу проф. Петровъ заявилъ, что въ Ковельскомъ уѣздѣ Волинской губ. у одного мирового посредника или помѣщика находится неизвѣстный еще списокъ переписки князя Курбскаго. Прибавимъ, что въ библіотекѣ Варшавскаго университета открытъ весьма полный, тщательно составленный рукописный сборникъ, заключающій въ себѣ сочиненія князя Курбскаго; что здѣсь особеннаго и новаго сравнительно съ печатнымъ текстомъ, объ этомъ въ непродолжительномъ времени сообщить проф. Д. Вл. Цвѣтаевъ, занятый въ настоящее время изученіемъ рукописи. Проф. Цвѣтаевъ разыскиваетъ, между прочимъ, и портретъ Курбскаго и отъ одного изъ варшавскихъ составителей и владѣльцевъ коллекціи и гравюръ получилъ указаніе направить розыски на Волинь и Галицію. Указаніе это, въ связи съ сообщеніемъ проф. Петрова, получаетъ особенное значеніе.

Въ другомъ своемъ сообщеніи проф. *Владиміровъ* указалъ на два новыхъ памятника русской литературы XVI вѣка: древнѣйшую редакцію слова о лѣшномъ и сонливомъ (въ сборникѣ Ундольскаго въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ) и западно-русскій

Апостоль 1500 г. Фр. Скорины (принадлежитъ московскому купцу И. Л. Силицу).

Проф. *Соболевскій* („Особенности древне-русскихъ переводовъ домонгольского періода“), указавъ на вѣроятность существованія древне-русскихъ переводовъ независимо отъ переводовъ, сдѣланныхъ на славянскомъ югѣ, указалъ на группы словъ, могущихъ служить характернымъ признакомъ переводовъ специально-русскихъ.

Проф. *Созоновичъ* („Къ вопросу о происхожденіи велико-русскихъ былинь“), указавъ на былинный разказъ о томъ, какъ другъ Добрыни, его названный братъ Алеша Поповичъ, пользуясь отсутствіемъ друга, принуждаетъ жену его Настасью Микулишну выйти за него замужъ, сопоставилъ этотъ сюжетъ съ подобными же въ литературѣ запада, а, кромѣ того, въ народной поэзіи албанской, румынской, ново-греческой, юго-славянской, цыганской, которыя до сихъ поръ не принимались во вниманіе. Сопоставленіе это дало референту основаніе выступить противникомъ возобновленной въ послѣднее время теоріи восточнаго происхожденія русскихъ былинь. По мнѣнію референта, въ основѣ былиннаго мотива про Добрыню и его жену, обманомъ принуждаемую къ выходу замужъ за Алешу Поповича, лежитъ не разказъ про невѣрность жены, какъ писалъ объ этомъ г. Халанскій, и не восточный разказъ, какъ предпологаетъ проф. Вс. О. Миллеръ, но классическій сюжетъ, прошедшій чрезъ западно-европейскія литературы, отразившійся въ западно-европейской народной поэзіи и нашедшій свое выраженіе въ русскомъ былинномъ эпосѣ.

Проф. *Карскій* обратилъ вниманіе на характерныя черты древняго западно-русскаго нарѣчія, выдѣляющія его въ самостоятельный организмъ. Таковы: полугласное *у*, твердое *р*, группа *жч*, *аканье*, проточный *z=h*, переходное смягченіе гортанныхъ, слоги *ий* и *ій* при теперешнихъ великорусскихъ *ои* и *еи*, удвоеніе согласнаго звука передъ *ј*, *дзеканье*. Эти черты не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западно-русскаго языка. Особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV вѣка. Въ XIV—XV столѣтіи западно-русское нарѣчіе было чище, нежели въ XVI—XVII вѣкахъ, когда оно приняло въ себя массу полонизмовъ и другихъ чуждыхъ наростовъ. Однако и въ эту послѣднюю эпоху постороннія стихіи не сдѣлали западно-русскаго нарѣчія до такой степени искусственнымъ, чтобы лишить его всякой индивидуальности. Полонизмы принадлежатъ болѣе лексической сторонѣ и

только отчасти звукамъ и формамъ. Въ этомъ отношеніи книжное западно-русское нарѣчіе отличается отъ общерусскаго литературнаго языка того времени, въ которомъ сильно сказывается церковно-славянское вліяніе не только въ лексическомъ отношеніи, но также въ звукахъ и формахъ. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того времени.

Проф. *Сokolovъ* сообщилъ о славянскихъ текстахъ апокрифической книги Еноха, а проф. *Bojoroditskij* предложилъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о *смѣшанныхъ* языкахъ, обративъ вниманіе на два явленія, получающіяся при соприкосновеніи языковъ: 1) заимствованія словъ и 2) смѣшанныя нарѣчія.

По отдѣлу церковныхъ древностей и памятниковъ искусства сдѣланы были слѣдующія сообщенія.

Академикъ *Васильевскій*: „Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ“. Указавъ соображенія объ этомъ вопросѣ: Буви, Якоби, Стифенсона и Крумбахера, г. референтъ указалъ найденное имъ прямое и положительное свидѣтельство, рѣшающее вопросъ. Оно находится въ подробномъ сказаніи о чудесахъ св. Артемія, которое доселѣ не издано въ греческомъ подлинникѣ, но недавно напечатано Археографическою комиссіею въ Макарьевскихъ Минеехъ за октябрь. Подробное сказаніе о чудесахъ при храмѣ Артемія въ Константинополѣ. весьма интересное по многимъ чертамъ быта и по даннымъ для топографіи Царьграда, носитъ явные признаки времени своего происхожденія. Оно написано было ранѣе иконоборства, но послѣ Маврикія и Ираклія. Объ одномъ изъ чудесъ прямо сказано, что оно совершилось въ такой-то годъ правленія Константина Погоната, годъ, соответствующій 685 году. Восемнадцатое чудо (всѣхъ 34) посвящено любопытной повѣсти объ одномъ юношѣ, который особенно почиталъ Іоанна Предтечу: „нѣкто пребывалъ во всенощномъ пѣніи Предтеча отъ млада возраста, поя стихи иже во святыхъ мудраго Романа“ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ VII вѣка Романъ уже считался святымъ (ибо авторъ сказанія писалъ въ это время), и что въ царствованіе Ираклія, къ которому прямо отнесено событіе, его произведенія хорошо были извѣстны. Такъ какъ правленіе Ираклія относится къ началу VII вѣка, то, очевидно, Романа нужно относить ко времени Анастасія I. Слѣдуетъ прибавить, что въ изданіи Амфилохія можно отыскать и самыя кондаки Романа въ честь Предтечи.

Проф. *Кирничниковъ* сдѣлалъ сообщеніе „О палладіумѣ Константинополя“. Указавъ на обычай ставить статуи судьбы покровительницы вновь строимыхъ городовъ, г. референтъ сообщилъ указанія источниковъ о статуѣ судьбы въ Константинополѣ и отмѣтилъ, какъ постепенное значеніе прежнихъ статуй покровительницъ Царьграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе и западно-европейскіе путешественники, посѣщавшіе Царьградъ. Референтъ закончилъ свое сообщеніе вопросомъ, нѣтъ ли указаній въ русскихъ источникахъ на какой нибудь подобный обычай въ древней Руси. Въ отвѣтъ на это Д. И. Иловайскій указалъ, что въ старой Руси значеніе покровителей городовъ имѣли каедральные храмы и священныя особенно чтимыя изображенія въ нихъ, какъ, напримѣръ, св. Софія въ Кіевѣ съ ея иконой Богоматери-Нерушимой стѣны и св. Софія въ Новгородѣ съ изображеніемъ Спасителя со сжатою десницею, держащей судьбу Великаго Новгорода. Такимъ образомъ древняя Русь своеобразно ставила этотъ вопросъ; она имѣла свои священныя палладіумы, съ которыми связывалась судьба того или другаго города, по народнымъ понятіямъ.

Проф. *Н. И. Петровъ* доложилъ съѣзду три реферата: а) „о Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами“, гдѣ указалъ на различіе сюжетовъ и типовъ этихъ энколпіоновъ и высказалъ предположеніе, что они воспроизводятъ собою Кіевскія святыни, какъ, напримѣръ, „Нерушимую стѣну“, Благовѣщеніе мозаическое въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Пирогощскую икону Богородицы и пр. б) Въ сообщеніи о монетахъ великаго князя кіевского Изяслава Ярославича референтъ оспаривалъ мнѣніе графа Толстого („Древнѣйшія русскія монеты великаго княженія Кіевского“, С.-Иб., 1882), относящаго ихъ къ Ярославу Мудрому. Референтъ прочиталъ на нихъ имя Димитрій, вырѣзанное на штемпелѣ неумѣло, отчего надпись вышла наоборотъ (замѣтимъ, что совершенно то же встрѣчается и въ надписяхъ на нѣкоторыхъ древнихъ колоколахъ); на одной изъ монетъ встрѣчается имя Петръ; это даетъ основаніе указать на великаго князя Изяслава Ярославича и на сына его Ярополка, въ крещеніи Петра. в) Въ сообщеніи о новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Кіевѣ проф. Петровъ обратилъ вниманіе съѣзда на вновь открытыя слѣды кіевскихъ валовъ и на фрески въ Кіевскомъ соборѣ.

Интересный докладъ г. *Истомина*: „Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи“, затрогиваетъ важный въ

прось о вліяніи Запада на церковное искусство Западной Руси, въ частности на иконописное дѣло, разсадникомъ котораго была лавра. Референтъ оспариваетъ мнѣніе о греческомъ характерѣ живописи, которою украшалась лавра въ прошломъ вѣкѣ. На основаніи документовъ онъ устанавливаетъ фактъ пребыванія въ лаврѣ Веніамина Фредериче, очевидно, италіанца, выписаннаго сначала для живописныхъ работъ въ бердичевскомъ кармелитскомъ монастырѣ, но затѣмъ бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ лаврѣ и получавшаго тамъ одно время крупное вознагражденіе 300 рублей въ годъ. Характеръ лаврскихъ работъ италіанца доказываетъ, что, пользуясь услугами западнаго искусства, лавра умѣла въ то же время охранять православный характеръ храма; тѣмъ не менѣе было бы весьма желательно параллельное изученіе церковнаго искусства въ русскихъ и латинскихъ храмахъ Западной Россіи. Предпринятое по инициативѣ графини П. С. Уваровой описаніе храмовъ Сѣверо-западнаго края какъ православныхъ, такъ и латинскихъ представляетъ первую попытку осуществленія этой мысли. Историки искусства найдутъ здѣсь богатый матеріалъ, конечно, если окажутся средства для приложенія иллюстрацій.

В. В. Суловъ, представивъ вниманію съѣзда копіи (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ фресокъ Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ въ гор. Псковѣ, ознакомилъ съ архитектурной стороною этого памятника.

Проф. *Покровскій* представилъ оцѣнку этого памятника съ художественной стороны.

Г. Авенариусъ сдѣлалъ сообщеніе о дрогичинскихъ пломбахъ, причемъ оспаривалъ мнѣніе проф. Лучицкаго, считавшаго ихъ торговыми пломбами Ганзейскаго союза. Значительная коллекція этихъ пломбъ была демонстрирована, что дало поводъ членамъ собранія высказать рядъ предположеній и, между прочимъ, желаніе, чтобы знаки буквъ были изучены съ палеографической стороны.

Графъ *Флери* обратилъ вниманіе на церковь св. Михаила въ Ломжѣ. Главный интересъ представляютъ гробницы ломжинскихъ старость и ихъ портреты. Референтъ предложилъ на разсмотрѣніе фотографіи колокольни и трехъ гробницъ, а также цѣлая серія досокъ съ портретами XVII и XVIII вѣковъ.

Баронъ *де-Бай* представилъ докладъ объ „Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей“. Его жертвователемъ былъ король вестготскій Аль-

фонсъ III (866—910), а интересъ памятника заключается въ несомнѣнномъ восточномъ его стилѣ.

Наконецъ *Н. И. Троицкій* остановился на фрескахъ Тульскаго Успенскаго собора. Референтъ обратилъ вниманіе на сходство размѣщенія ихъ съ росписями храмовъ Владимірскаго, Московскаго и Ярославскаго, въ особенности послѣднихъ, что объясняется тѣмъ, „что трудившіеся о Бозѣ иконописцы были града Ярославля посадскіе люди стѣннаго писанія“. Въ части этихъ фресковыхъ изображеній референтъ усматриваетъ воспроизведеніе содержанія „Пѣсни пѣсней“.

По отдѣлу этнографіи *П. И. Тиховскій* прочелъ интересный рефератъ „Паденіе народной пѣсни“. Указавъ на вымирание пѣсни исторической и на то, что обрядовая пѣснь держится еще только силою народнаго консерватизма, референтъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе пѣсни бытовой, все болѣе и болѣе вытѣсняемой пѣсню фабрично-заводской. Если дѣло будетъ идти и впредь такъ, какъ нынѣ,—закончилъ г. Тиховскій свой докладъ,—то нашъ народъ разучится пѣть. Этнографамъ надо спѣшить записывать народную пѣсню, не мѣшало бы подумать и о поддержкѣ народной пѣсни путемъ распространенія пѣсенниковъ. Большинство членовъ съѣзда нашли взгляды референта слишкомъ пессимистическими, тѣмъ не менѣе поднятый имъ вопросъ заслуживаетъ, конечно, полного вниманія.

Г. Яцуржинскій сдѣлалъ сообщеніе „о превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ“.

М. В. Фурсовъ—по поводу бѣлорусскаго праздника „свѣча“.

Г. Довнаръ-Запольскій указалъ на пѣсню, имѣющую, по его мнѣнію, отношеніе къ Лелю.

Проф. *Соболевскій* въ сообщеніи „о названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи“ указалъ важное значеніе названій съ окончаніями: -ское, -ская, и отвергъ всякое значеніе названій на -ово, -овко, -ино.

По отдѣлу древностей византійскихъ и классическихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ докладъ проф. *Ө. И. Успенскаго*: „Къ вопросу о готахъ“, въ которомъ референтъ, между прочимъ, подробно коснулся этого вопроса, по скольку онъ можетъ служить къ уясненію дружиннаго быта. Проф. *Ю. А. Кулаковскій* въ сообщеніи о Керченскихъ катакомбахъ съ фресками особенное вниманіе съѣзда обратилъ на территорію Ольвіи, древности которой подвергаются теперь сильному расхищенію, а потому скорѣйшая охрана ихъ является

настоятельной. Нѣсколько замѣчаній объ Ольвійскихъ древностяхъ сообщилъ проф. *Штернъ*.

Весьма важные вопросы, касающіеся архивнаго дѣла, предложены были на обсужденіе съѣзда директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи *Д. Н. Самоковскимъ*. Указавъ, что вопросами этими занята въ настоящее время Высочайше утвержденная въ 1892 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія, референтъ ознакомилъ собраніе съ главнѣйшими ея проектами по организаціи и дѣятельности архивовъ. Собраніе отнеслось къ нимъ весьма сочувственно; обсуждались вопросы о возможно лучшей системѣ архивныхъ описей (при чемъ, конечно, мнѣнія раздѣлялись). *А. В. Лонгиновъ* совѣтовалъ при соединеніи архивовъ Виленскаго и Витебскаго помѣстить туда же часть архива Варшавскаго, именно документы, относящіеся къ западно-русскимъ губерніямъ (конечно, упустивъ изъ виду, что въ новомъ зданіи бібліотеки Варшавскаго университета они могли бы найти вполне подходящее помѣщеніе); а профессоръ *Маркевичъ* указалъ на необходимость новаго болѣе удобнаго и безопаснаго помѣщенія для Виленскаго архива и на примѣненіе проектированныхъ коммиссіей правилъ къ имѣющемуся образоваться архиву Повороссійскаго края. *И. И. Спрогисъ* сообщилъ, что было сдѣлано настоящимъ управленіемъ Виленскаго архива по вопросу о новомъ изолированномъ помѣщеніи.

Г. Львовъ сдѣлалъ сообщеніе объ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, находящемся въ архивѣ св. Синода и теперь уже пришедшемъ въ порядокъ. Здѣсь имѣются акты, документы, письма и дневники греко-уніатскихъ митрополитовъ, начиная съ 1470 года до Юсифа Булгака.

Въ рефератѣ г. *Висильева* сообщались свѣдѣнія объ архивѣ упраздненнаго рижскаго генераль-губернаторства.

Наконецъ, профессоръ *А. Д. Бѣляевъ* предложилъ проектъ устройства археологическо-этнографическаго музея, рекомендуя параллельное распредѣленіе памятниковъ этнографическихъ и археологическихъ, благодаря чему одни могутъ поясняться другими.

Въ отдѣленіи памятниковъ быта сдѣланы были слѣдующія сообщенія:

Профессоромъ *Веселовскимъ*— „о татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго“. Референтъ утверждалъ, что у насъ посольскій этикетъ цѣликомъ былъ принятъ татарскій. Высказавъ положеніе, что во время господства татаръ мы должны

были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, референтъ разобралъ отдѣльныя явленія въ посольскомъ обиходѣ и сравнилъ ихъ съ подобными же существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Подробности касались встрѣчи иностранныхъ пословъ, ихъ содержанія, аудіенціи, подарковъ, а равно и наказовъ нашимъ посламъ, какъ вести себя за границей. Здѣсь формальность была развита въ высшей степени, и за нарушение ея посоль, по возвращеніи, подвергался осужденію и опалѣ. Заимствованный нами отъ татаръ церемоніаль съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился. Такъ, у насъ были отмѣнены земные поклоны (бить челомъ), отмѣнено цѣлованіе ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки. По этому поводу Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ г. референтомъ обрядовъ (челобитіе, цѣлованіе ногъ и др.) соблюдались уже при дворѣ римскихъ императоровъ, а позднѣе введены были въ церемоніаль, дѣйствовавшій при византійскомъ дворѣ, откуда они могли проникнуть въ Московскую Русь. По вопросу о костюмѣ византійскаго императора г. Кулаковскій напомнилъ о новѣйшей ученой разработкѣ этого вопроса въ изслѣдованіи профессора Д. О. Бѣляева. Что касается до значенія коня, какъ атрибута благороднаго происхожденія, то такое значеніе конь имѣлъ во всѣ вѣка европейской исторіи. Такъ на греческихъ рельефахъ конь (или только голова коня) подлѣ мужской фигуры является атрибутомъ или символомъ героя, а, по мнѣнію многихъ археологовъ, вообще всякаго человѣка благороднаго происхожденія.

Профессоръ *С. Ѡ. Платоновъ* прочиталъ рефератъ „объ огнищанахъ“ въ разъясненіе вопроса о томъ общественномъ словѣ, который былъ извѣстенъ въ древности подъ этимъ именемъ. Докладчикъ высказался въ томъ смыслѣ, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, и которое позже получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ сближаетъ его со словомъ дворяне.

Профессоръ *Чижовъ* обратилъ вниманіе собранія на нѣкоторыя черты брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губерніи.

Укажемъ еще сообщенія профессора *Маркевича*: „Къ вопросу о нарѣдахъ древняго Черноморья“ и г. *Прьснѣкова*: „Московскіе лѣтописные своды“. Молодой ученый, недавно дебютировавшій въ наукѣ прекраснымъ изслѣдованіемъ „о Царственной книгѣ“, настаивалъ на единствѣ:

офиціознаго московскаго лѣтописнаго свода и обратилъ особенное вниманіе на лицевой списокъ, наиболѣе полный и вмѣстѣ представляющій богатый матеріалъ для спеціалистовъ художественной археологій.

Въ обзорѣ дѣятельности съѣзда слѣдуетъ еще включить „Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству IX Археологическаго съѣзда“ (Вильна, 1893). Виленское отдѣленіе открыто было осенью 1891 г. и дѣйствовало до іюля 1893 г. при ближайшемъ участіи Московскаго археологическаго общества. Обширный томъ въ 80 слишкомъ листовъ in 4° представляетъ результатъ его работъ. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) протоколы засѣданій съ приложеніями, 2) изслѣдованія и 3) матеріалы для библиографическаго указателя сочиненій, относящихся къ Западной Россіи. Въ первомъ и послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены труды *Θ. В. Покровскаго* (Археологическая карта Виленской губерніи), проф. *Карскаго* (Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія), не оставляющіе желать ничего лучшаго. Кромѣ этихъ почтенныхъ вкладовъ, заслуживаютъ вниманія сообщенія перваго предсѣдателя Виленскаго отдѣленія покойнаго А. П. Тыртова, гг. Шверубовича, Романова, Шулицкаго, Шукевича.

Всѣ они даютъ не мало указаній на историко-археологическія достопримѣчательности Сѣверо-западнаго края, и, что особенно отрадно, свидѣтельствуютъ, что среди лицъ мѣстнаго общества можно найти не мало людей, знающихъ дѣло и способныхъ трудиться съ усердіемъ. Пѣкорыя изъ этихъ лицъ давно извѣстны солидными трудами (г. Романовъ). Будемъ надѣяться, что для другихъ участіе въ трудахъ предварительнаго комитета послужитъ началомъ дальнѣйшихъ самостоятельныхъ работъ. Второй отдѣлъ изслѣдованій мы считаемъ излишнимъ. Какъ ни рады мы трудамъ И. И. Спрогиса и А. В. Лопгипова, но мы думаемъ, что они могли бы найти мѣсто въ „Трудахъ“ самого Съѣзда. Еслибы предварительный комитетъ на мѣсто изслѣдованій помѣстилъ, напримѣръ, сводъ лѣтописныхъ извѣстій о древнѣйшихъ русско-литовскихъ отношеніяхъ, это было бы, на нашъ взглядъ, гораздо лучше. Въ статьѣ г. Ляцкаго заслуживаетъ вниманія объясненіе слова „колбягъ“, но вообще она, какъ и статья г. Леонардова, въ серьезномъ изданіи неумѣстны.

О приготовленномъ къ съѣзду XX-мъ томѣ „Актовъ Виленской Комиссіи“ мы уже говорили по случаю сообщенія Ю. Θ. Крачковскаго.

Въ заключеніе позволимъ себѣ подвести итоги и сдѣлать нѣсколько

замѣчаній не столько о прошломъ, сколько въ видахъ будущаго. Исторія, археологія представлены были на Сѣздѣ почти въ одинаковомъ количествѣ сообщеній (по 20 съ лишнимъ сообщеній, при чемъ около половины относилось спеціально къ Западной Россіи). Церковнымъ древностямъ и памятникамъ искусства посвящено было 11; языку и литературѣ 10; древностямъ классическимъ и византійскимъ 3; археографическимъ памятникамъ 3; этнографіи около 3-хъ сообщеній. исторической географіи ни одного.

Цифры эти заслуживаютъ вниманія. Въ приложеніи къ Западной Руси онѣ свидѣтельствуютъ о быстромъ развитіи историческаго и археологическаго изученія ея и о крайне слабомъ изученіи въ этнографическомъ и историко-географическомъ отношеніи. Вотъ на эту сторону мы и позволимъ себѣ обратить вниманіе распорядителей будущаго сѣзда, въ полномъ убѣжденіи, что историко-географическое и этнографическое изученіе западно-русской территоріи можетъ доставить богатѣйшій матеріалъ для исторической науки вообще, для археологіи въ частности.

Мы не знаемъ, что думаютъ дѣлать наши археологи, въ виду новыхъ открытій въ бассейнахъ Оки и Западной Двины: въ области мордвы и менцеры—съ одной стороны, въ странѣ ливонъ и куровъ—съ другой. Тутъ и тамъ открывается сходство. Сходство это, по мнѣнію г. Спицына, можетъ быть объяснено „или совмѣстною жизнью основныхъ народныхъ группъ той и другой мѣстности, или же заимствованиями отъ одной богатой культуры, какою, на примѣръ, могла бы быть готская, которую приходится отыскивать на Нѣманѣ, Западной Двинѣ и Донѣ“. Что и говорить: въ наукѣ одно тѣнитъ за собой другое, но позволительно думать, что отъ кумуляціи неизвѣстныхъ, а, по крайней мѣрѣ, неопредѣленныхъ величинъ наука не выигрываетъ много. Наша археологія имѣетъ предъ собою огромный районъ и громаднѣйшій матеріалъ, и, что особенно важно, матеріалъ разнородный—славяно-русскій и инородческій. Казалось бы, первый долженъ стоять на первомъ мѣстѣ; на самомъ дѣлѣ это не такъ. Если, на примѣръ, читать общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей А. А. Спицына съ картой въ рукахъ, то невольно поражаешься тѣмъ фактомъ, что коренная, древнѣйшая славяно-русская территорія, въ археологическомъ отношеніи совершенно не обследована. Наша археологія знаетъ только окраины славяно-русской территоріи, и, слѣдовательно, о коренномъ славяно-русскомъ типѣ памятниковъ первобытныхъ древностей она не можетъ имѣть представленія. Какъ ни грустенъ этотъ фактъ, но онъ совершенно понятенъ.

тень. До сихъ поръ въ археологическихъ работахъ не было никакого средоточія и единства, занимались тѣмъ, что было сподручнѣе и удобнѣе. Западная Русь, то-есть, древнѣйшая коренная территорія, въ этомъ отношеніи не была сподручна. Теперь все дѣло находится въ рукахъ Археологической комиссіи, а потому отмѣченный фактъ является вопіющею ненормальностью. Возможно скорое устраненіе этой ненормальности—насуущнѣйшая потребность современной русской археологіи. Иными словами, археологія должна подумать о серьезномъ и возможно полномъ обследованіи той территоріи, гдѣ и хорографическая и топографическая номенклатура страны исключительно славяно-русская. Таковою является она на западѣ. Отсюда, слѣдовательно, должно начаться археологическое изученіе нашей территоріи и подвигаться постепенно къ востоку. Только такимъ образомъ можетъ выясниться основной типъ славяно-русскихъ первобытныхъ древностей и затѣмъ его модификаціи на русско-инородческихъ рубежахъ, а не путемъ открыванія новыхъ неизвѣстныхъ на этнографически смѣшанной территоріи Дона и Нѣмана. Для нихъ придетъ еще очередь. Археологія только тронула западно-русскую территорію, а между тѣмъ уже начинается выясняться полная этнографическая однородность древлянъ и дреговичей, а слѣдовательно, какъ будто получаютъ основанія предположенія историковъ, считающихъ древнѣйшія лѣтописныя группы полянъ, древлянъ не столько этнографическими, сколько политическими. Полагаемъ, что уже одинъ этотъ фактъ можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ въ пользу того направленія археологическихъ изслѣдованій, на которое мы позволили себѣ указать. Въ виду этого мы рады, что не было сдѣлано раскопокъ въ Виленской губерніи, и будемъ рады, если вмѣсто раскопокъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (для сообщенія съѣзду мѣстнаго характера) будутъ произведены раскопки на Волини или вообще на территоріи Западной Россіи. Не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что почти все пространство отъ Березины къ западу (за исключеніемъ узкой полосы, прилегающей къ Днѣпру) ждетъ еще археологическаго обследованія.

Позволимъ себѣ въ подтвержденіе этихъ соображеній привести небольшую выдержку изъ письма профессора Завитневича (см. „Труды предвар. комит.“, прилож., къ протоколамъ): „Западно-русскій край имѣетъ право на исключительное вниманіе къ себѣ нашей археологіи. Этотъ край искони заселенъ былъ народомъ исключительно славяно-русскаго корня, и исторія не знаетъ такого момента, когда бы сюда хоть въ сколько нибудь значительной степени проникалъ посторонній этнографическій элементъ... Вотъ почему въ то время, какъ.

въ другихъ областяхъ нашей государственной территоріи археологу приходится *имѣть дѣло съ труднымъ вопросомъ объ этнографическихъ наслоеніяхъ, въ которыхъ легко запутаться и допустить ошибочные выводы, въ данномъ случаѣ эти затрудненія не существуютъ*.....

Далѣе почтенный археологъ указываетъ на огромное богатство этнографическаго матеріала въ Западной Руси. Подъ влияніемъ католическо-аристократической польской культуры Западная Русь какъ будто окаменѣла и, благодаря этому, хранить до сихъ поръ въ живой цѣльности черты отдаленнѣйшей старины. Намъ кажется, что именно теперь пора серьезно подумать объ изученіи всѣхъ этихъ памятниковъ. Виленскій съѣздъ доказалъ, что мѣстные интеллигентныя силы могутъ быть съ успѣхомъ приложены къ дѣлу. Еще большаго успѣха возможно ожидать при правильномъ руководствѣ, хотя бы въ видѣ вопросовъ и запросовъ и краткой программы собиранія матеріаловъ живой старины. Это не потребуетъ затраты денежныхъ суммъ, какія нужны для раскопокъ, а можетъ имѣть, пожалуй, не меньшее значеніе. Между прочимъ, составленіе точнаго списка населенныхъ мѣстъ и особенно *всѣхъ живыхъ урочищъ* не можетъ быть сдѣлано безъ живаго участія именно мѣстныхъ людей; а именно въ такомъ списокѣ ощущается теперь настоятельнѣйшая необходимость. Еще на Киевскомъ (3-мъ) съѣздѣ были указаны г. Коляромъ параллели въ мѣстныхъ группахъ топографическихъ названій Чехіи и Сѣверной Галичины. Кто внимательно смотрѣлъ карту русской территоріи, тотъ, полагаемъ, замѣтилъ, что на ней часто попадаются, такъ сказать, отдѣльныя гнѣзда одинаковыхъ топографическихъ и хорографическихъ названій. Значеніе этого факта нечего разяснить, но онъ выступить съ полной яркостью только тогда, когда будутъ извѣстны всѣ названія особенно живыхъ урочищъ, очень часто не обозначенныя даже на трехверстной картѣ. Всѣ эти названія могутъ быть сообщены только мѣстными лицами. Мы позволили себѣ сдѣлать эти замѣчанія въ тѣхъ видахъ, что этнографія и историческая географія, столь скудно представленныя на минувшемъ съѣздѣ, должны обратить на себя особенное вниманіе распорядителей будущаго съѣзда, хотя бы потому, что именно въ нихъ можетъ найдти твердую и надежную опору и сама археологія. Въ заключеніе выскажемъ пожеланіе, чтобы на будущемъ съѣздѣ не были забыты пробныя раскопки, для руководства и поученія молодыхъ археологовъ и любителей.

И. Филевичъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ГОРОДѢ ЧИКАГО ¹⁾.

IV.

Отдѣлъ воспитательнаго департамента въ зданіи правительственныхъ установленій. — Какъ примѣняются основные принципы народнаго образованія въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ?

Секція воспитательнаго департамента Соединенныхъ Штатовъ (Bureau of Education) помѣщалась въ зданіи правительственныхъ учрежденій и составляла часть отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ секціи этой была устроена образцовая библіотека на 5 тысячъ томовъ, размѣщены отчеты, изданія и таблицы, представленныя департаментомъ, и фотографіи школьныхъ зданій.

Отдѣльная витрина была посвящена школамъ въ Аляскѣ. Библіотека была устроена для книгъ, избранныхъ особой экспертною комиссіей американской библіотечной ассоціаціи. Въ ней, какъ выше сказано, около 5.000 томовъ, наиболее пригодныхъ, по мнѣнію экспертовъ, для городскихъ публичныхъ библіотекъ. Стоимость книгъ по магазиннымъ цѣнамъ (безъ уступки) = 12.000 долларовъ. Всѣ сочиненія эти перечислены въ особомъ каталогѣ, занимающемъ около 300 страницъ. Имъ могутъ пользоваться отнынѣ устроители библіотекъ, какъ пособіемъ при выборѣ книгъ. Въ библіотекѣ примѣнены всѣ новѣйшія приспособленія, употребляемая для регистрацій, нахождения и хранения книгъ и брошюръ. По окончаніи выставки, она будетъ переведена въ Вашингтонъ, въ помѣщеніе департамента.

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1898 годъ.

Главную часть выставки, собственно департамента народнаго образованія, представляют издаваемые имъ отчеты и такъ называемые циркуляры (Circulars of Information). Послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ циркулярами въ нашемъ смыслѣ слова. Это цѣлыя статьи и монографіи, разрастающіяся въ большіе томы, посвященные различнымъ педагогическимъ вопросамъ, описанію школъ въ иностранныхъ государствахъ, статистикѣ народнаго образованія, исторіи его, біографіямъ американскихъ и европейскихъ педагоговъ и проч. До сего времени выпущено около 100 такихъ монографій и брошюръ, издававшихся въ количествѣ отъ 3.000 до 65.000 экземпляровъ каждая. Теперь придерживаются цифры въ 25.000.

Департаментъ народнаго образованія, или, если перевести его названіе буквально, „воспитательное бюро“, былъ основанъ въ 1867 году въ видѣ самостоятельнаго министерства.

Но бюро не могло удержаться въ этомъ положеніи. Въ странѣ, гдѣ, по выраженію Оскара Купера, населеніе требуетъ, чтобы въ школахъ примѣнялся, по возможности, „минимумъ закона и максимумъ свободы“, трудно было рассчитывать, особенно въ тѣ времена, чтобы союзное бюро по народному образованію сразу завоевало себѣ прочное положеніе. Оно низведено было въ іерархическомъ отношеніи на степень департамента (bureau) и въ 1869 году включено въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Interior Department). Компетенція департамента очень скромная. Она выражена въ нѣсколькихъ словахъ въ ст. 516, 517 и 518 „Статутовъ Соединенныхъ Штатовъ“. „Департаментъ, — говорится тамъ, — долженъ собирать статистическія данныя и всякаго рода свѣдѣнія объ условіяхъ и развитіи образованія въ Штатахъ и территорияхъ и распространять затѣмъ въ нихъ свѣдѣнія относительно организаци и управленія училищами. о школьныхъ системахъ и методахъ преподаванія, помогать населенію къ установленію и поддержанію тѣхъ системъ, которыя окажутся хорошими, и вообще способствовать дѣлу народнаго образованія въ странѣ“.

Во главѣ департамента находится особый директоръ (Commissioner of Education), утверждаемый въ должности президентомъ республики по предложенію и съ согласія сената. Директоръ получаетъ всего 3.000 долларовъ въ годъ. Онъ обязанъ ежегодно доставлять конгрессу отчетъ о дѣятельности бюро и результатахъ его статистическихъ и иныхъ работъ, входящихъ въ кругъ его вѣдомства.

Вотъ и все... Никакихъ начальническихъ правъ директоръ на-

роднаго образованія до сихъ поръ не имѣлъ. Онъ не могъ даже потребовать отъ штатнаго суперинтендента присылки отчета; ему предоставлялось лишь просить объ этомъ: Онъ не можетъ предписать то или другое измѣненіе въ какомъ либо штатѣ; не можетъ закрыть школы, расширить или сѣузить программу, принять дисциплинарныя или иныя мѣры противъ нерадиваго суперинтендента или председателя окружнаго воспитательнаго комитета.

Штатъ въ дѣлахъ образованія является почти самодержавнымъ, и профессоръ Зибель вѣрно выразился, что сѣверо-американскій союзъ надо бы называть по-русски не „Соединенными Штатами“, а „Соединенными государствами“.

Каждый штатъ въ этомъ отношеніи есть какъ бы самостоятельное государство, имѣющее свое отдѣльное управленіе по народному образованію.

Союзный же департаментъ, какъ указано, является по буквѣ закона лишь статистическимъ бюро, выводъ котораго заинтересованныя лица вольны слушать или не слушать. Значеніе его соразмѣряется лишь той работой, которую оно произвело, и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ и умственнымъ авторитетомъ, каковое лицо, находящееся во главѣ учрежденія, сумѣетъ заслужить среди школьной администраціи и педагоговъ. Единственное орудіе суперинтендента — это книги, отчеты и циркуляры, которые онъ выпускаетъ. Онъ хвалитъ одни штаты, порицаетъ, хотя и осторожно, другіе; указываетъ на иностранные примѣры и, путемъ сопоставленія успѣховъ болѣе передовыхъ штатовъ съ болѣе отсталыми, побуждаетъ послѣдніе къ энергичной дѣятельности и старается направить ихъ на вѣрный путь.

Такимъ образомъ департаментъ дѣйствуетъ уже $\frac{1}{4}$ вѣка. Въ теченіе этого періода смѣнилось всего три директора: Генри Барнардъ, генераль Джонъ Итонъ и Натаніель Даусонъ. Въ 1889 г. въ управленіе департаментомъ вступилъ докторъ Вильямъ Т. Гаррисъ—философъ, опытный педагогъ и извѣстный писатель, который энергично, не смотря на преклонный возрастъ, ведетъ и теперь ввѣренное ему дѣло. Во время выставки онъ председательствовалъ на педагогическомъ конгрессѣ и произнесъ цѣлый рядъ привѣтственныхъ рѣчей и рѣчей.

Не смотря на отсутствіе власти, вліяніе департамента народнаго образованія было громадно. Ежегодные отчеты, состоящіе изъ двухъ томовъ по 1.500 страницъ каждый, заключаютъ въ себѣ массу ма-

теріала по всѣмъ вопросамъ народнаго образованія, во всѣхъ его степеняхъ и видахъ; ихъ печатають въ количествѣ 20.000 экземпляровъ и рассылають даромъ тому, кому они могутъ быть нужны или интересны. По спеціальнымъ вопросамъ, какъ, на примѣръ, по техническому образованію, медицинскому, публичнымъ библіотекамъ и проч., печатаются отдѣльныя изданія.

Съ недавняго времени начато изданіе историческихъ монографій о народномъ образованіи въ отдѣльныхъ штатахъ. Департаментомъ выпущено уже болѣе 2½ миллионъ экземпляровъ книгъ и брошюръ. На изданія ему ежегодно отпускается 60.000 долларовъ, или 120.000 рублей. Они печатаются въ государственной типографіи.

Кромѣ бумажной пропаганды, директоръ департамента вліяетъ на учителей и лично, въ качествѣ предсѣдателя „національной ассоціаціи воспитанія“. Засѣданія этой ассоціаціи бывають разъ въ году, въ различныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. На нихъ собираются представители учебнаго дѣла со всѣхъ концовъ Союза и обсуждаютъ различные вопросы по интересующимъ ихъ спеціальностямъ. Желая провести или ознакомить учителей и представителей учебнаго вѣдомства съ чѣмъ либо, директоръ лично, или черезъ посредство кого нибудь, читаетъ въ засѣданіи докладъ на желаемую тему. Постановленія ассоціаціи вносятся иногда въ конгрессъ, гдѣ, послѣ надлежащаго обсужденія, могутъ быть осуществлены въ видѣ законоположенія.

Не смотря на вліяніе, которымъ директоръ пользуется *de facto* среди педагоговъ, онъ все-таки чувствуетъ себя безправнымъ въ такихъ случаяхъ, когда, казалось бы, для пользы дѣла слѣдовало принять мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ платоническіе совѣты, затерянные среди матеріала, расположеннаго на 3.000 страницъ. Вслѣдствіе этого они постепенно стараются расширить сферу своего вліянія.

Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ современной американской системы заключается въ несоразмѣрности распредѣленія финансовыхъ средствъ. Бѣдные сельскіе округа лишены возможности доставить нужное количество школьнаго налога, въ чемъ имъ не можетъ помочь иногда и штатное правительство, такъ какъ есть штаты съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ. Въ этомъ случаѣ помощь союзнаго департамента, еслибы онъ обладалъ нужными средствами, была бы весьма полезна и даже необходима для поддержанія народнаго образованія на одномъ уровнѣ во всей странѣ.

Предложеніе въ этомъ духѣ было сдѣлано Гаррисомъ еще въ 1890 году въ собраніи національной ассоціаціи. Тогда же онъ указалъ и на необходимость расширить вѣдомство департамента относительно образованія индѣйцевъ, на желательность устройства національнаго университета или университетовъ, которые давали бы признаваемые во всемъ Союзѣ ученыя степени и проч. Предложеніе это не было, однако, осуществлено, но за то, по акту отъ 30-го августа 1890 года, директоръ впервые получилъ въ свои руки распорядительную власть. На основаніи означеннаго акта, называемаго *agricultural-college act*, министерству внутреннихъ дѣлъ по департаменту народнаго просвѣщенія предоставлено выдавать денежные субсидіи штатнымъ правительствамъ на усиленіе и улучшеніе сельскохозяйственнаго технического образованія ¹⁾. Для полученія субсидій губернаторы штатовъ должны сообщать федеральному правительству въ лицѣ директора департамента народнаго образованія, для какихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ размѣрѣ они испрашиваютъ деньги, и затѣмъ доносить, куда и какъ онѣ были употреблены. Стремленіе къ дальнѣйшей централизаціи, вызываемое интересами дѣла, носится въ воздухѣ и въ сферѣ штатнаго законодательства и начинается осуществляться въ той или другой мѣрѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Союза.

При директорѣ состоитъ помощникъ (*Chief Clerk*), четыре чиновника (*Clerks to Commissioner*) и два спеціалиста: одинъ по школьной медицинѣ, а другой по исправительнымъ учебнымъ заведеніямъ (*Arthur Mc-Donald*, авторъ сочиненія „*Abnormal Man*“).

Департаментъ раздѣленъ на пять отдѣленій: 1) корреспонденціи и архива, 2) статистики, 3) международнаго обмѣна; 4) педагогическаго музея и бібліотеки, и 5) управленіе школами Аляски. Всѣхъ служащихъ въ отдѣленіяхъ 32, изъ нихъ половина женщинъ. Музей не богатъ и не можетъ быть сравниваемъ съ педагогическимъ музеемъ въ Парижѣ; бібліотека, наоборотъ, считается одной изъ наиболѣе полныхъ въ мірѣ по части педагогикки, отчетовъ и спеціальныхъ журналовъ. Въ ней имѣются и русскія книги.

Въ Россіи департаментъ имѣетъ нѣсколько корреспондентовъ.

Кромѣ Колумбовой выставки, департаментъ принималъ участіе на

¹⁾ Размѣръ субсидій для cadaго штата былъ опредѣленъ для 1890 г.—въ 15.000 долларовъ, каждый послѣдующій годъ онъ увеличивается на 1.000 долларовъ, пока не достигнетъ предѣльнаго размѣра—25.000 долларовъ.

шести международных и всемирныхъ выставкахъ и на многихъ мѣстныхъ. На описываемой выставкѣ бюро представило сравнительныя статистическія таблицы о народномъ образованіи всего свѣта; при этомъ были обработаны данныя, касающіяся странъ, до сихъ поръ еще мало фигурировавшихъ въ международной статистикѣ.

О школахъ Соединенныхъ Штатовъ, само собой, свѣдѣнія были наиболѣе полны.

Воспользовавшись выставленными таблицами и отчетами, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ примѣняются въ американскихъ школахъ основные принципы народнаго образованія, выработанные наукой.

Докторъ Райсъ (Rice), которому было поручено въ прошломъ году изучить для нью-іоркскаго журнала *Forum* постановку школьнаго дѣла въ Союзѣ, охарактеризировалъ свое первое впечатлѣніе, которое онъ вынесъ изъ поѣздки, однимъ очень рѣзкимъ словомъ: „хаосъ!“.

Несомнѣнно, въ различныхъ штатахъ существуетъ по разбираемому вопросу много своеобразныхъ особенностей, и начальные школы, принадлежащія къ одному какому либо разряду, отличаются очень часто другъ отъ друга организаціей, программами и главнымъ образомъ по получаемымъ результатамъ. Но, съ другой стороны, въ нихъ можно найти и много общаго, хотя бы характерный американскій духъ, который одушевляетъ ихъ, не говоря уже о томъ, что въ послѣднее время замѣчается стремленіе къ объединенію и уравниенію различныхъ учебныхъ заведеній и устраненію не оправдываемыхъ мѣстными нуждами отклоненій отъ образцовъ, признанныхъ спеціалистами за лучшіе и наиболѣе пригодные для данной цѣли.

Изъ трехъ основныхъ принциповъ, на которыхъ въ Западной Европѣ зиждется дѣло народнаго образованія: *обязательности*, *бесплатности* и *религіозной нейтральности*—послѣдніе два признаны во всѣхъ штатахъ Союза.

Начало для бесплатности обученія въ школахъ было положено уже въ концѣ XVIII столѣтія. Въ 1785 и 1787 гг. конгрессъ вотировалъ законы, на основаніи которыхъ въ пользу школъ была уступлена 36-я часть государственныхъ земель, лежавшихъ на западѣ отъ рѣки Охайо.

По мѣрѣ движенія эмиграціи на западъ, земли размежевывались на округа (town-ship), имѣющіе 36 кв. миль (6×6). Каждый округъ подраздѣлялся, въ свою очередь, на 36 участковъ въ одну квадрат-

ную милю, соответствующую 640 акрамъ земли. Средній участокъ, обыкновенно—16-й, предназначался на школьныя нужды и не могъ быть употребленъ для какихъ либо другихъ цѣлей. Въ послѣдующіе годы земли были даны, сверхъ того, еще на содержаніе университетовъ, а въ 1841 году 16 штатовъ (Алабама, Арканзасъ, Калифорнія, Флорида, Иллинойсъ, Iowa, Канзасъ, Луизиана, Мичиганъ, Миннесота, Миссисипи, Миссури, Небраска, Невада, Орегонъ и Висконсинъ) получили каждый по 500.000 акровъ государственныхъ земель, изъ которыхъ около 3.000.000 акровъ пошло въ школьный фондъ.

Съ 1848 года школьный надѣлъ былъ удвоенъ, и во всѣхъ вновь устраиваемыхъ штатахъ стали отдѣлять по два квадрата — 16-й и 36-й. Сюда надо присоединить надѣлы изъ государственныхъ болотистыхъ земель, которыя, на основаніи актовъ конгресса, изданныхъ въ 1849 и 1860 гг., были отданы 13-ти штатамъ: Алабамѣ, Арканзасу, Калифорніи, Флоридѣ, Иллинойсу, Iowѣ, Индианѣ, Луизианѣ, Мичигану, Миннесотѣ, Миссисипи, Миссури и Висконсину. Въ суммѣ надѣлы эти достигли 68.000.000 акровъ, изъ которыхъ 14.000.000 были присоединены къ школьному земельному фонду.

Земли эти, поступившія въ распоряженіе мѣстныхъ школьныхъ управленій, были частью проданы, частью сданы въ аренду. Деньги, собранныя такимъ образомъ, послужили могучимъ орудіемъ для расширенія народнаго образованія, которое, при другихъ условіяхъ, не могло бы развиваться такъ быстро.

Продажа земли, однако, иногда дѣлалась весьма поспѣшно, безъ соображенія, что современемъ стоимость ея значительно возрастетъ. Въ виду этого послѣдующіе надѣлы были сдѣланы Союзомъ на условіи, что дарованныя земли будутъ неотчуждаемы на вѣчныя времена.

На основаніи акта отъ 2-го іюля 1862 года каждый новый штатъ могъ получить большее или меньшее количество земли, по соображенію съ тѣмъ, сколько представителей онъ имѣлъ въ конгрессѣ. Земля была дана для устройства сельско-хозяйственныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній. Всего на этотъ предметъ было выдѣлено около 10.000.000 акровъ. Нѣкоторые штаты получили школьныя участки по два раза: одинъ—при присоединеніи ихъ къ Союзу въ видѣ территоріи, второй—въ качествѣ уже штатовъ.

Всего за 100 лѣтъ Союзомъ было роздано на народное образованіе около 150.000.000 акровъ земли, то-есть, пространство, равняющееся Франціи, Швейцаріи и Бельгіи, соединеннымъ вмѣстѣ.

Не смотря на то, что часть земель была продана, у многихъ штатовъ она имѣется еще въ избыткѣ. Такъ, мы отмѣтили раньше, что у штата Дакоты 3.000.000 акровъ удобныхъ школьныхъ земель, у штата Небраски около 2.500.000, а въ Техасѣ громадная площадь степныхъ пространствъ, занимающихъ 24.000.000 акровъ, — цѣлое государство.

Доходы съ этихъ земель и суммы, полученныя при продажѣ ихъ и не истраченныя раньше, составляютъ такъ называемый постоянный фондъ (permanent school fund).

Въ составъ означенныхъ фондовъ въ различныхъ штатахъ входятъ еще дополнительныя денежныя суммы, полученныя изъ разныхъ источниковъ.

Въ 1836 году въ Соединенныхъ Штатахъ былъ излишекъ доходовъ надъ расходами въ 42.000.000 долларовъ; 30.000.000 изъ нихъ были розданы 16-ти штатамъ, которые выдѣлили часть ихъ въ школьный фондъ, туда же отчисляются и 5% (сначала было 3%) съ денежныхъ суммъ, поступающихъ въ союзное казначейство отъ продажи въ частныя руки государственныхъ земель, находящихся въ предѣлахъ даннаго штата.

Не смотря на значительные, на европейскій шаблонъ, доходы изъ постоянныхъ фондовъ, достигающіе въ иныхъ штатахъ одного и даже двухъ милліоновъ рублей (Пенсильванія, Иллинойсъ), средствъ этихъ не хватаетъ на народное образованіе, и въ настоящее время эти суммы представляютъ весьма скромную долю всѣхъ расходовъ, производимыхъ штатами на школьное дѣло.

Американцы любятъ все дѣлать широко и основательно и не щадятъ издержекъ на свои учебныя заведенія.

Въ Индіанѣ, напримѣръ, тратится на образованіе около 5¹/₂ милліоновъ, но изъ постоянного фонда получается всего 500.000 долларовъ. Въ Нью-Йоркѣ изъ 16.000.000 только 250.000 долларовъ поступаютъ изъ постоянного фонда, а остальные собираются преимущественно путемъ школьнаго налога.

Явленіе это не новое. Уже въ серединѣ настоящаго столѣтія, по мѣрѣ развитія училищнаго дѣла, когда не хватало доходовъ на училища изъ государственныхъ земель и постоянного фонда, прибѣгали къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. въ родѣ лоттерей, на которыя содержались не только школы, но и церкви. Обыкновенно же недостающія суммы покрывались посредствомъ взносовъ учениковъ.

Результаты послѣдняго приѣма оказались весьма плачевными.

Большой процентъ дѣтей оставался безграмотнымъ; посѣщенія школъ были не регулярны, и учителя оказывались безсильными привлечь дѣтей, такъ какъ родители, которые не имѣли средствъ, не посылали своихъ дѣтей въ школу, а отправляли ихъ на работу, оправдываясь тѣмъ, что имъ нечѣмъ платить въ училище; пользоваться же „правомъ бѣдности“ для бесплатнаго обученія многіе стѣснялись и предпочитали оставаться неграмотными.

Постепенно, хотя и не безъ значительной и упорной борьбы, население пришло къ убѣжденію, что начальное образованіе должно быть доступно въ равной мѣрѣ какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ. Рѣшительный переломъ въ этомъ направленіи сказался въ 1857 году подъ влияніемъ горячей и убѣжденной проповѣди Горація Маана, извѣстнаго дѣятеля по народному образованію.

Суперинтендентъ штата Нью-Йорка выразилъ тогда требованіе, чтобы всѣ дѣти безъ исключенія могли пользоваться образованіемъ, какъ они пользуются свѣтомъ, воздухомъ и водой, — свободно и бесплатно! „Доставить имъ средства для этого, — говорилъ онъ, — есть первая обязанность націи и ея главнѣйшій жизненный интересъ!“

Въ послѣдующія десятилѣтія принципъ даровой школы (free school system) сталъ постепенно осуществляться различными штатами, и теперь онъ окончательнo восторжествовалъ на всемъ пространствѣ Союза.

Кромѣ начальныхъ школъ въ тѣсномъ смыслѣ, обученіе дается бесплатно и въ высшихъ начальныхъ школахъ, курсъ которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ среднеучебнымъ заведеніямъ, и въ учительскихъ семинаріяхъ. Въ университетахъ студенты тоже освобождаются отъ платы, если они не въ состояніи внести ее.

Какъ въ сельскихъ, такъ и въ городскихъ школахъ ученикамъ, кромѣ того, раздаются даромъ и книги, и иногда даже школьныя пособія.

Въ настоящее время учебныя заведенія содержатся на средства, доставляемыя изъ слѣдующихъ источниковъ (кромѣ упомянутаго дохода изъ постоянныхъ школьныхъ фондовъ): 1) отъ школьнаго налога, собираемаго съ доходовъ отъ недвижимой собственности и съ домохозяевъ каждаго округа; ежегодный взносъ составляетъ нѣсколько тысячныхъ со стоимости недвижимаго имущества; одна часть этого взноса идетъ въ распоряженіе штата, а другая наибольшая на мѣстныя нужды; 2) отъ пошлинъ со спиртныхъ напитковъ, налога на собакъ, суммъ, получаемыхъ отъ продажи выморочныхъ имуществъ, штрафовъ и проч. Нѣкоторые штаты пользуются еще $\frac{1}{10}$ съ капитала въ 200

милліоновъ долларовъ, пожертвованнаго въ 1836 году союзнымъ правительствомъ для усиленія народнаго образованія, а равно 3) упомянутой выше правительственной субсидіей, ассигнуемой на нужды сельско-хозяйственнаго и техническаго образованія.

По послѣднимъ даннымъ департамента народнаго образованія приходъ въ 1889—1890 гг. представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

	%
Изъ постоянныхъ источниковъ	7.797.927— 5,45
Отъ штатнаго налога	26.189.654—18,30
Отъ мѣстныхъ налоговъ	97.137.212—67,89
Изъ другихъ источниковъ	11.985.425— 8,36
Итого	143.110.218

Расходы:

За землю, зданія и обстановку	26.291.796
Личный составъ	91.683.338
На другіе текущіе расходы	22.302.350
Итого	140.277.484

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что американская школа держится, главнымъ образомъ, при помощи мѣстныхъ налоговъ, вотируемыхъ населеніемъ по собственному побужденію: мѣстные сборы составляютъ около 70% всей суммы, употребляемой на народное образованіе.

Второй капитальный принципъ въ школьной системѣ—*отсутствіе конфессіональнаго характера*—въ публичныхъ школахъ тоже общепризнанъ во всѣхъ штатахъ.

При существованіи въ Союзѣ массы различныхъ вѣроисповѣданій, сектъ и толковъ, отсутствіи государственной религіи и полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, вопли естественню, что школа отказалась отъ введенія въ свою программу догматической теологіи. Законъ Божій преподается дѣтямъ каждаго изъ исповѣданій соотвѣствующими духовными лицами въ такъ называемыхъ воскресныхъ школахъ; въ публичной же школѣ вопросы эти не затрагиваются, и учителямъ вышнется лишь въ обязанность развивать въ дѣтяхъ добрымъ примѣромъ нравственность и приучать ихъ къ порядочному поведенію.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ, впрочемъ, сохранился еще обычай чтенія библии, но безъ комментариевъ.

Третій принципъ—*обязательность образованія*—признанъ лишь

въ 27 штатахъ. Остальные находятся пока еще на пути къ введенію и къ признанію ея. Съ 1886 года движеніе это усилилось. Первая попытка провозгласить грамотность обязательною для каждаго ребенка была сдѣлана еще въ XVII столѣтіи въ штатѣ Массачузетсѣ. По закону, изданному въ 1642 году, „избранные мужи должны были слѣдить, чтобы въ семьяхъ не допускалось столь грубаго варварства, какъ непринятіе мѣръ къ обученію дѣтей чтенію англійскихъ книгъ и умѣнью познавать главнѣйшіе законы“. За нарушеніе закона полагалось 20 шиллинговъ штрафа. Попытка эта, впрочемъ, была забыта, и только въ 1852 году въ томъ же Массачузетсѣ былъ изданъ существующій и нынѣ законъ объ обязательности обученія дѣтей началамъ грамотности. Въ 1864 году къ этому движенію присоединился округъ Колумбія съ городомъ Вашингтономъ, а въ 1867 году штатъ Вермонтъ, затѣмъ постепенно и остальные 24 штата и территоріи ¹⁾). Идея обязательности образованія прививалась въ Соединенныхъ Штатахъ очень медленно и туго. Американцы органически чуждаются всякаго насилія и принужденія со стороны власти, они боялись потерять или стѣснить свою индивидуальную свободу и сдѣлать уступки въ пользу централизаціи. Въ штатахъ Вашингтонѣ и Мичиганѣ законы объ обязательности были отмѣнены даже на нѣсколько лѣтъ и только, подъ вліяніемъ горячей пропаганды сторонниковъ этой системы, возобновлены опять. Въ Техасѣ и Аризонѣ вышеозначенный законъ, хотя и существуетъ, но лишь на бумагѣ, а на практикѣ не примѣняется и остается до сихъ поръ мертвой буквой. Происходятъ это исключительно вслѣдствіе невозможности требовать отъ фермеровъ, живущихъ среди безлюдныхъ степныхъ пространствъ въ штатахъ дальняго Запада, обязательнаго устройства какаго либо училища. Жителей тамъ слишкомъ мало. Они иногда крайне бѣдны и разбѣяны на такихъ большихъ разстояніяхъ, что рѣшительно не могутъ соединиться для устройства школы. Но когда населеніе прибавляется на столько, что такое устройство становится посильнымъ, жители по собственному почину и безъ принудительныхъ законовъ организуютъ обученіе своихъ дѣтей сначала въ школахъ грамотности, а потомъ и въ регулярныхъ начальныхъ училищахъ.

¹⁾ Нью-Хемширъ, Мичиганъ, Вашингтонъ, Конектикутъ, Нью-Мексико, Невада, Нью-Йоркъ, Канзасъ, Калифорнія, Мэнъ, Нью-Джерси, Вайомингъ, Охайо, Висконсинъ, Родъ-Айландъ, Иллинойсъ, Дакота, Монтана, Миннезота, Небраска, Айдахо, Колорадо, Орегонъ и Юта.

Многіе отдѣльные города въ штатахъ, гдѣ нѣтъ закона объ обязательности, вводятъ его у себя, если по мѣстнымъ условіямъ есть надежда, что его можно будетъ осуществить.

Чтобы гарантировать исполненіе закона, законодатели различныхъ штатовъ опредѣлили съ одной стороны штрафы, взыскиваемые съ родителей, не посылающихъ своихъ дѣтей въ школу (отъ 1 до 20 долларовъ), а съ другой стороны установили запрещеніе отдавать и принимать дѣтей до 10-ти-лѣтняго возраста на фабрики, заводы, въ мастерскія и проч. Дѣти между 10 и 14 годами, хотя и могутъ быть принимаемы на работу, но фабрикантъ, и вообще содержатель, долженъ освобождать ихъ ежедневно не менѣе какъ на три часа, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году (отъ 3 до 6), для посѣщенія публичныхъ или частныхъ школъ.

Тѣ изъ дѣтей, которыя имѣютъ родителей порочныхъ, нищенствующихъ, пьяницъ, и т. д., не заботящихся объ участи ихъ, и сироты, проводящія жизнь на улицахъ, тоже помѣщаются черезъ посредство полиціи въ школы (если у нихъ есть дома ночлегъ и пища), или въ пріюты для бродячихъ дѣтей, или, наконецъ, въ исправительныя заведенія.

Въ отношеніи примѣненія закона объ обязательности существуютъ двѣ системы—Массачузетская и Коннектикутская. Въ Массачузетсѣ законъ имѣетъ мѣстный характеръ и осуществляется и охраняется въ каждомъ мѣстечкѣ и городѣ самостоятельно и независимо отъ сосѣдей. Въ Коннектикутѣ и нѣкоторыхъ другихъ штатахъ это дѣло болѣе централизовано. Въ нихъ штатное правительство черезъ своихъ агентовъ само слѣдитъ за исполненіемъ закона, а мѣстныя власти помогаютъ ему. Послѣдняя система, по замѣчанію г. Гарриса, видимо начинаетъ преобладать.

Общедоступность школъ признана въ принципѣ въ сѣверныхъ, восточныхъ и западныхъ штатахъ. Всѣ дѣти, живущія въ данномъ округѣ или городѣ, имѣютъ право, безъ различія пола, состоянія и расы, учиться въ одномъ и томъ же училищѣ. Исключеніе дѣлается иногда для дѣтей, которыя приходятъ заниматься въ школахъ не своего округа. Они должны въ этомъ случаѣ вносить известную плату за ученіе, такъ какъ родители ихъ не участвуютъ въ мѣстномъ школьномъ налогѣ.

Въ 16-ти южныхъ штатахъ для цегровъ устраиваются отдѣльныя школы. На практикѣ и въ остальныхъ штатахъ, дѣти, происходящія

отъ цвѣтныхъ родителей (colored races): негровъ, индѣйцевъ и китайцевъ и отчасти мулатовъ, помѣщаются въ отдѣльныхъ школахъ. Это бываетъ главнымъ образомъ въ начальномъ училищѣ (primary grade). Такъ какъ негры поселяются въ городахъ въ особыхъ кварталахъ, то школы, устроенныя въ нихъ, естественно и наполняются преимущественно неграми же; бѣлые, живущіе въ тѣхъ же частяхъ, избѣгаютъ отдавать своихъ дѣтей въ такія школы и въ свою очередь неохотно допускаютъ въ свою среду чернокожихъ. Въ высшихъ начальныхъ школахъ такого различія не дѣлается, и бѣлые сидятъ рядомъ со своими цвѣтными товарищами, которые иногда даже превосходятъ ихъ въ учебныхъ успѣхахъ.

Весьма характерную особенность американской школы представляетъ *сообученіе обоихъ половъ* вмѣстѣ и *уравниеніе* дѣвушекъ съ юношами во всѣхъ почти сферахъ образованія.

Сообученіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ городовъ, практикуется теперь по всей территоріи. Ученицы учатся съ учениками не только въ начальныхъ школахъ, но и въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и въ большинствѣ университетовъ. Результаты отъ такого единенія, по единодушнымъ отзывамъ американскихъ педагоговъ, прекрасныя. Молодые люди ведутъ себя въ классахъ и на лекціяхъ сдержаннѣе и приличнѣе. дѣвушки занимаются усерднѣе и, побуждаемыя благороднымъ соревнованіемъ, уснѣваютъ больше въ занятіяхъ. Ни особыхъ сокращенныхъ программъ, упрощенныхъ учебниковъ или какихъ либо льготъ для дѣвушекъ по сравненію съ юношами не полагается, и онѣ работаютъ и занимаются не хуже, а часто даже лучше своихъ сверстниковъ учениковъ.

Политическая *нейтральность*, составляющая краеугольный камень въ служебномъ положеніи европейскаго учителя, не требуется въ Соединенныхъ Штатахъ. Учителя могутъ принимать участіе въ борьбѣ партій, агитировать въ пользу того или другаго кандидата и разъяснять ученикамъ сущность различныхъ политическихъ направленій, существующихъ въ странѣ.

Въ высшихъ начальныхъ школахъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ зачастую задаютъ темы, затрогивающія текущіе политическіе интересы, и ученики съ жаромъ доказываютъ въ своихъ сочиненіяхъ преимущество республиканскихъ воззрѣній передъ демократическими, или наоборотъ.

V.

Органиція школьнаго управленія въ отдѣльныхъ штатахъ; учебный персоналъ; предметы, проходимые въ народныхъ училищахъ, и общія цифровыя данныя.

Въ сферѣ штатныхъ законодательствъ замѣчается то же стремленіе къ объединенію и усиленію центральной власти.

Въ главѣ школьнаго дѣла въ каждомъ штатѣ находится: 1) штатный воспитательный комитетъ (State board of education или State board of commissioners), затѣмъ слѣдуютъ: 2) комитеты графства (County board of education); послѣдніе встрѣчаются, впрочемъ, въ видѣ исключенія; 3) городскіе комитеты (City board of education) и 4) окружные комитеты (District school board) въ сельскихъ мѣстностяхъ и мѣстечкахъ. При комитетахъ первыхъ трехъ разрядовъ состоятъ особыя лица—суперинтенденты, на обязанности которыхъ лежитъ инспектированіе школъ и наблюденіе за общимъ ходомъ образованія во вѣреннхъ имъ районахъ. Суперинтенденты назначаются или законодательными собраніями, или губернаторомъ штата, или, наконецъ, избираются на общихъ выборахъ.

Въ штатахъ Канзасѣ, Массачузетсѣ, Пенсильваніи, Родъ-Айландѣ, Калифорніи и Айдахо женщины могутъ избирать и быть избираемы на большинство административныхъ должностей по учебному вѣдомству.

Штатный суперинтендентъ является исполнительнымъ органомъ воспитательнаго комитета; онъ принимаетъ мѣры къ приведенію въ исполненіе постановленій комитета и исполняетъ обязанности начальника канцеляріи означеннаго учрежденія, наблюдаетъ за общимъ ходомъ дѣла, разрѣшаетъ недоразумѣнія и споры, возникающіе между служащими лицами по предмету ихъ дѣятельности, и пререканія между финансовыми контролерами и членами училищныхъ комитетовъ, даетъ отзывы и объясненія по дѣламъ, касающимся его специальности, сносятся съ казначействомъ штата для вытребованія суммъ, необходимыхъ учебнымъ заведеніямъ, и провѣряетъ представленные суперинтендентами графствъ списки лицъ, подлежащихъ обложенію школьнымъ налогомъ. Ежегодно онъ разсылаетъ бланки съ вопросами и полученныя свѣдѣнія обрабатываетъ и представляетъ законодательному собранію въ видѣ ежегодныхъ отчетовъ о состояніи народнаго образованія со смѣтой расходовъ на предстоящій годъ.

По нѣкоторымъ законоположеніямъ суперинтенденты облочены

властью увольнять суперинтендентовъ и комиссаровъ графствъ и назначать на ихъ мѣсто временно, пока не состоялось ближайшее очередное собраніе компетета, другихъ. Въ распоряженіе штатныхъ суперинтендентовъ прикомандировывается нѣсколько специалистовъ по разнымъ отраслямъ, связаннымъ со школьнымъ дѣломъ (доктора, архитекторы, чертежники и проч.). Иногда они имѣютъ помощника. Суперинтенденты предсѣдательствуютъ на сѣздахъ комиссаровъ, посѣщаютъ школы и устраиваютъ собранія, на которыхъ знакомятъ публику съ разными школьными вопросами. Они избираются или назначаются на три или четыре года. Ихъ отчеты печатаются. Послѣдніе заключаютъ въ себѣ очень много цѣннаго и интереснаго матеріала и отличаются въ большинствѣ случаевъ правильностью сужденій и безпристрастіемъ.

Штатный комитетъ играетъ въ каждомъ штатѣ роль министерства народнаго просвѣщенія. Ему принадлежитъ надзоръ и контроль за всѣми публичными школами штата. Комитетъ вырабатываетъ проекты законовъ, вносимые въ законодательное собраніе, составляетъ инструкціи по управленію школами, устанавливаетъ программы для различныхъ разрядовъ учебныхъ заведеній, выбираетъ учебники, рекомендуемые имъ мѣстнымъ комитетамъ, и темы для экзаменовъ, инспектируетъ черезъ посредство своихъ членовъ или особыхъ инспекторовъ учительскія семинаріи и инныя подвѣдомственные ему учебныя заведенія и т. д. Въ составъ его входятъ члены *ex officio*—губернаторъ, бывающій и предсѣдателемъ его (если въ немъ не предсѣдательствуетъ суперинтендентъ), вице-губернаторъ, суперинтендентъ, представитель судебного вѣдомства, директоры нормальныхъ школъ, президенты штатныхъ университетовъ и др., а также члены, назначаемые законодательнымъ собраніемъ или избираемые на общихъ выборахъ. Послѣдніе обновляются ежегодно въ четвертой или третьей части ихъ состава.

Хотя комитеты графствъ существуютъ лишь въ немногихъ штатахъ, но и тамъ замѣчается стремленіе къ ихъ упраздненію. Большому гоненію подвергаются также мелкіе сельскіе округа—*districts*. Послѣдніе не соотвѣтствуютъ территоріальному раздѣленію на *township's* (городскіе или мѣстечковые округа), а представляютъ изъ себя произвольныя, крайне мелкія, специально училищныя подраздѣленія, находящіяся въ зависимости отъ небольшого количества мѣстныхъ жителей. Опытъ показалъ, что *дистриктъ* въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, представляетъ величину крайне неустойчивую и

неудобную. Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ слишкомъ горячихъ и увлекающихся личностей, жители одного округа могутъ быть обременены слишкомъ тяжелымъ и непосильнымъ налогомъ, собираемымъ для училищъ, не соответствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ округа. Болѣе богатая мѣстечки, обособляясь отъ окружающей мѣстности, лишаютъ жителей послѣдней возможности имѣть даже сносныя школы, которыя могли бы быть устроены, еслибы школьный налогъ собирався съ большаго района, каковымъ является мѣстечковый округъ, или town-ship, и распредѣлялся затѣмъ между всеми училищами равномерно.

Безконечное раздробленіе территоріи графствъ на множество маленкихъ школьныхъ секцій вызываетъ, кромѣ того, совершенно бесполезное раздѣленіе силъ, и въ мѣстные школьные комитеты. при такихъ условіяхъ, трудно бываетъ найти нужное число членовъ.

Вопросъ объ упраздненіи такихъ мелкихъ секцій и соединеніи ихъ въ одномъ округѣ (Union district). соответствующемъ town-ship'у, обсуждается очень горячо въ Соединенныхъ Штатахъ и вызвалъ уже появленіе цѣлой литературы, посвященной его разбору.

Издатель журнала *School Bulletin*, С. W. Bardeen, разослалъ въ 1890 году всѣмъ штатнымъ суперинтендентамъ и многимъ дѣятелямъ по народному образованію вопросный циркуляръ, въ которомъ просилъ своихъ корреспондентовъ высказаться за или противъ системы независимыхъ сельскихъ округовъ. Изъ 277 человекъ—247 высказались за установленіе исключительно системы мѣстечковыхъ и городскихъ округовъ (town-ship) и только 30 за сохраненіе прежняго порядка.

Такимъ образомъ, теперь намѣчается слѣдующая система: въ столицѣ штатный комитетъ съ суперинтендентомъ, въ каждомъ графствѣ одинъ или нѣсколько комиссаровъ графствъ, въ городахъ воспитательные комитеты съ городскими суперинтендентами, а въ округахъ (town-ship district) окружные школьные комитеты. Комиссаровъ графствъ не предполагается упразднить, ихъ даже учреждаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ комитетовъ графствъ, въ виду общепризнанной теперь необходимости имѣть лицъ исполняющихъ и инспекторскія обязанности. Они предсѣдательствуютъ на экзаменахъ и выдаютъ свидѣтельства, дающія право преподаванія кандидатамъ въ учителя начальныхъ училищъ. Городскіе суперинтенденты,—они имѣются уже въ 800 городахъ,—исполняютъ тѣ же обязанности, что и ихъ коллеги въ графствахъ; у нихъ въ большихъ городахъ бываетъ по нѣсколько помощ-

никовъ. изъ которыхъ пѣкоторые спеціаллисты по разнымъ предметамъ. входящимъ въ курсъ городскихъ училищъ (по пѣнію и музыкѣ, рисованію, гимнастикѣ, ручному труду, иностраннымъ языкамъ и проч.), а также чиновники, наблюдающіе за исполненіемъ законовъ объ обязательности обученія (*truant officers*). Въ штатѣ Нью-Йоркъ нѣтъ особыхъ комиссаровъ графствъ, а учреждено 114 должностей инспекторовъ (*School commissioners*), подчиненныхъ штатному суперинтенденту.

Въ виду существующаго въ послѣдніе годы оживленія въ области школьной гигиены, инспекторы обязываются школьными узаконеніями строго слѣдить за соблюденіемъ правилъ объ оспопрививаніи, принятіи мѣръ противъ распространенія заразныхъ болѣзней, слѣдить при постройкахъ, чтобы были выполняемы въ точности правила относительно вентиляціи школьныхъ помѣщеній, рациональнаго освѣщенія ихъ и надлежащаго отопленія.

Содержаніе, получаемое суперинтендентами, весьма разнообразно. Штатные суперинтенденты получаютъ отъ 3.000 до 5.000 долларовъ. Городскіе, въ среднемъ, отъ 1.500 до 2.500 долларовъ. Впрочемъ, въ небольшихъ городахъ содержаніе не превышаетъ иногда 500 долларовъ; въ значительныхъ же центрахъ, какъ Чикаго, Санъ-Франциско, Филадельфія и Клевлендъ, оно достигаетъ 5.000 долларовъ, а Нью-Йоркъ платитъ 7.500 долларовъ. Суперинтенденты графствъ получаютъ или жалованье въ размѣрѣ отъ 1.500 до 2.000 долларовъ, или суточные. Въ штатѣ Колорадо имъ полагается по 5 долларовъ въ день и разъѣздныя. Годовая сумма, однако, не должна превышать въ среднемъ 100 долларовъ на каждую подвѣдомственную школу.

Всего лицъ, исполняющихъ инспекторскія обязанности, *super-vising officers*, въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 2.694.

Въ литературѣ и въ отчетахъ директора департамента народнаго образованія постоянно встрѣчаются указанія, что до сихъ поръ еще дѣло это не находится на должной высотѣ. Препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію института окружныхъ комиссаровъ-инспекторовъ является нежеланіе со стороны мѣстныхъ комитетовъ уступать часть своихъ правъ штатному правительству, хотя силою вещей это постепенно и произойдетъ. Пока, однако, центръ тяжести управленія школьнымъ дѣломъ лежитъ не въ штатныхъ правительствахъ, а въ мѣстныхъ и городскихъ комитетахъ (*school boards* или *school committees*). Послѣдніе вѣдаютъ училища съ административною, учебною и хозяйственною точекъ зрѣнія. Они дѣлаютъ распоряженія отно-

нительно раскладки и сбора школьнаго налога и распредѣленія его между училищами, постройки и найма училищныхъ зданій, назначаютъ и увольняютъ учителей, устанавливають программы и продолжительность занятій, размѣръ содержанія для служащихъ и учителей, выбираютъ учебники и проч.

По соглашенію съ суперинтендентомъ графства, они могутъ уволить учителя, если къ тому есть законныя причины, и запретить ученику или ученицѣ входить въ школу на время или совсѣмъ, въ случаяхъ проявленія послѣдними явной безнравственности или упорнаго и неоднократнаго нарушенія школьныхъ порядковъ. Члены комитетовъ избираются непосредственнымъ голосованіемъ мѣстныхъ гражданъ на одинъ или на три года съ ежегодной замѣной одной трети всего состава. Они носятъ названіе Trustees—довѣренныхъ лицъ. Члены избираютъ изъ своей среды предсѣдателя, секретаря и казначея, образующихъ постоянное бюро, называемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ board of directors—бюро директоровъ.

Въ большихъ городахъ имѣется по нѣскольку школьныхъ участковыхъ комитетовъ; члены этихъ послѣднихъ выбираютъ изъ своей среды представителей, образующихъ городской воспитательный комитетъ (City board of education), при которыхъ состоятъ указанные выше городскіе суперинтенденты. Въ этомъ случаѣ участковые комитеты поступаютъ частью своихъ правъ и обязанностей въ пользу означеннаго учрежденія.

По своему значенію воспитательные комитеты большихъ городовъ могутъ поспорить съ штатными комитетами. Они обыкновенно самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ и ограничиваются сообщеніемъ штатному суперинтенденту статистическихъ свѣдѣній и приобѣщаютъ къ его посредству лишь въ случаѣ, если проекты ихъ требуютъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ.

Въ школахъ дальняго Запада, расположенныхъ въ преріяхъ и въ горахъ, учителя пользуются большою самостоятельностью какъ въ учебномъ дѣлѣ, такъ и въ управленіи школой. Суперинтенденты къ нимъ заглядываютъ рѣдко, а члены окружныхъ комитетовъ мало компетентны. Другое дѣло въ старыхъ штатахъ. Тамъ нѣкоторые школьные комитеты очень подробно и точно формулируютъ обязанности и направленіе дѣятельности учителей. Послѣдніе принуждены слѣдовать заранѣе опредѣленной программѣ, въ которой указано, что они должны преподавать въ теченіе года и даже въ теченіе каждаго триместра, пользоваться исключительно одобренными учебниками, за-

ниматься опредѣленное число часовъ и извѣстное количество мѣсяцевъ въ году и не уклоняться отъ данной имъ инструкціи, въ которой излагаются какъ объемъ, такъ и методы преподаванія различныхъ предметовъ, входящихъ въ курсъ школы.

Такія инструкціи въ нѣкоторыхъ штатахъ образуютъ цѣлыя книги. Издатели также выработали особый типъ руководствъ, такъ называемыхъ путеводителей по школьной комнатѣ (School room guide), въ которыхъ учителя могутъ найти подробныя наставленія, какъ поступать во всевозможныхъ случаяхъ школьной жизни.

Регламентация дѣятельности учителей дѣлается не изъ желанія стѣснить свободу ихъ, что было бы противно американскому духу, а въ виду практической необходимости.

Учителя и учительницы, поступающіе въ школу, но могутъ, конечно, обладать должной опытностью и практическими знаніями. По условіямъ американской жизни, они остаются на своихъ мѣстахъ очень не долгое время.

Бюссонъ, въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи объ американской школѣ, приводитъ въ примѣръ штатъ Канзасъ, въ которомъ ежегодно смѣнялась треть учителей и учительницъ. Въ штатахъ новой Англій смѣняется ежегодно около $\frac{1}{3}$ всего состава. Учителя, пробывъ года два-три, поступаютъ въ высшія учебныя заведенія или переходятъ въ другія, болѣе выгодныя профессіи; дѣвушки выходятъ замужъ или переводятся на новыя мѣста. Поэтому составъ учителей въ начальныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ представляется въ общемъ сравнительно мало опытнымъ.

Дипломы и свидѣтельства, которыя представляются кандидатами и кандидатками на учительскія мѣста, удостовѣряютъ, и то лишь отчасти, о ихъ знаніяхъ, но не гарантируютъ школьному управленію ихъ пракческаго умѣнья вести классы.

Поэтому въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ введены особыя статьи, въ которыхъ молодымъ педагогамъ запрещаются всякія нововведенія, которыя при неопытности ихъ имѣли бы въ результатъ лишь потерю дорогаго времени.

Инструкція школьнаго комитета является для учителей спасительнымъ компасомъ, опредѣляющимъ направленіе ихъ дѣятельности.

Комитетъ заключаетъ съ учащими письменныя условія, въ которыхъ перечисляются всѣ обязанности послѣднихъ. Въ концѣ года учащіе должны представлять суперинтенденту и секретарю школьнаго комитета отчетъ о состояніи ввѣренныхъ имъ учебныхъ заве-

деней и, кромѣ того, разъ въ мѣсяцъ составляютъ выписки изъ училищныхъ журналовъ, на основаніи которыхъ имъ и уплачивается жалованье. Въ журналахъ записываются свѣдѣнія о полѣ и возрастѣ учениковъ, числѣ ихъ, времени поступленія и выхода и дѣлаются отмѣтки объ отсутствующихъ и о посѣщеніяхъ лицъ изъ школьной администраціи и родителей.

Для подготовленія учителей существуютъ спеціальныя учебныя заведенія—нормальныя школы, курсъ которыхъ продолжается отъ 2 до 4 лѣтъ. Первая нормальная школа была основана въ гор. Лексингтонѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ, въ 1839 году по инициативѣ Горация Манна. Въ настоящее время, по даннымъ департамента народнаго образованія, ихъ на лицо—182 (въ 1890—1891 гг.). По всей вѣроятности, ихъ гораздо больше. Нормальныя школы устроиваются теперь не только штатами, но и отдѣльными городами и графствами. Нормальные факультеты для подготовленія преподавателей въ высшія начальныя школы и среднеучебныя заведенія имѣются при многихъ университетахъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; педагогическія отдѣленія существуютъ при многихъ высшихъ школахъ.

Учители негры получаютъ профессиональную подготовку въ спеціальныхъ нормальныхъ школахъ и педагогическихъ факультетахъ, числомъ болѣе 40. Треть изъ нихъ поддерживается религіозными и воспитательными обществами.

Всего въ нормальныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ обучается 27.000 учениковъ, изъ нихъ 23.000 въ штатныхъ, городскихъ и другихъ школахъ и 4.000 въ частныхъ. На нихъ ежегодно тратится около 2 милліоновъ долларовъ (1.819.161). Составъ учениковъ смѣшанный, но дѣвушки преобладаютъ, ихъ—70% общаго числа учащихся. Въ нѣкоторыхъ нормальныхъ школахъ, напримѣръ, въ графствѣ Кукъ, на 160 дѣвушекъ всего 6 мужчинъ. Послѣдніе совершенно затериваются среди столь значительной массы учащихся женскаго пола, и посѣтителю ошибаются, думая, что такія школы исключительно женскія. Платы за ученіе не взимаются, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ учащихся требуется, чтобы они прослужили въ начальныхъ школахъ не менѣе двухъ лѣтъ.

Дипломъ штатной нормальной школы дѣйствителенъ во всемъ штатѣ; свидѣтельства же, получаемыя изъ учительскихъ семинарій и нормальныхъ школъ, устроенныхъ городами и графствами, имѣютъ силу только въ предѣлахъ одного графства или города. При этомъ

получаются курьезы такого рода. Лица, окончившія въ только что упомянутой нормальной школѣ, расположенной въ мѣстечкѣ, почти слившемся съ Чикаго, но официально находящейся въ предѣлахъ графства Куокъ, не могутъ быть приняты безъ экзамена въ школы гор. Чикаго, хотя оба суперинтендента (городской и графства) имѣютъ канцелярія въ одномъ и томъ же зданіи—городской ратушѣ, и не питаютъ никакихъ сомнѣній во взаимной оцѣнкѣ кандидатовъ на учительскія должности.

Оканчивающіе въ нормальныхъ школахъ составляютъ среди всего числа учителей сравнительно небольшой процентъ. По даннымъ департамента народнаго образованія, отношеніе лицъ, окончившихъ въ теченіе 5 лѣтъ нормальныя школы, къ общему числу учителей, преподававшихъ въ теченіе этого времени въ начальныхъ школахъ, было слѣдующее:

въ штатѣ Мэнъ	изъ 5.693 учителей	1.582 окончившихъ,	или 28%
„ Нью-Гемпширъ	—2.514 „	417 „	17%
„ Коннектикутъ	—2.075 „	869 „	42%

и только въ маленькомъ Родъ-Айлендѣ было изъ 613 учителей 430 окончившихъ, то-есть, 70%,—цифра довольно значительная.

Для усовершенствованія подобныхъ учителей и учительницъ въ нормальныхъ школахъ устраиваются спеціальныя лѣтнія занятія. Въ университетѣ въ Миннесотѣ, такъ-же какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ штатныхъ нормальныхъ школахъ, организуются также особые сокращенные курсы по научнымъ предметамъ. Большую роль въ этомъ отношеніи играютъ, такъ называемые, лѣтніе „учительскіе институты“, то-есть, съѣзды учителей (teacher's institutes). Они организуются по возможности въ наиболѣе центральномъ и значительномъ городѣ или мѣстечкѣ графства, по разу или по два въ году. Въ назначенное время туда собираются окрестные учителя, и пріѣзжаютъ приглашенные профессора университетовъ или преподаватели нормальныхъ школъ, которые читаютъ собравшимся учителямъ, а иногда и публикѣ, педагогическія лекціи, отличающіяся часто весьма серьезными достоинствами. Курсы эти продолжаются отъ одной до двухъ недѣль, содержатся на средства штата или графства и, какъ показалъ опытъ, имѣютъ весьма значительное вліяніе на подъемъ умственнаго уровня учащаго персонала. Кружки и ассоціаціи учителей Teacher's associations имѣютъ тоже

цѣлью способствовать самообразованію учителей, а также охранять ихъ интересы.

Число учительницъ въ видѣ общаго правила преобладаетъ надъ числомъ учителей. Во Фребелевскихъ школахъ онѣ царствуютъ безраздѣльно и доминируютъ въ одноклассныхъ, элементарныхъ и средне-начальныхъ школахъ. Всѣхъ учителей въ 1890 г. насчитывалось 125.600, учительницъ 238.333. Всего 363.933—цѣлая армія!

Учительницы такимъ образомъ составляли 65,5% изъ общаго числа учащихся. По отчету 1889 г. ихъ было 64,5%. Повидимому, переходъ элементарнаго начальнаго образованія въ руки женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ есть лишь вопросъ времени.

Наибольшій процентъ учительницъ приходится на сѣверовосточные штаты—80%, наименьшій на южные—40%. Въ южныхъ штатахъ, особенно въ школахъ для негровъ, пока предпочитаютъ учителей. Тамъ, гдѣ ихъ нельзя достать, приглашаются чернокожія учительницы; въ штатѣ Миссисипи, напримѣръ, около 20 тысячъ черныхъ учительницъ (негрятенокъ и мулатокъ).

Содержаніе учителей въ среднемъ равняется: для мужчинъ 42 доллара 43 цента и для женщинъ 34 доллара 27 центовъ въ мѣсяцъ. Цифры эти измѣняются очень рѣзко, если выдѣлить городскія школы.

Въ городахъ завѣдывающіе школой (principals) получаютъ въ среднемъ въ Нью-Йоркѣ по 1.741 доллару въ годъ, остальные 730 долларовъ; въ Санъ-Франциско по 1.741 доллару, остальные по 908 долларовъ. Въ Сентъ-Полѣ по 1.181 доллару и 599 долларовъ и т. д.

Для болѣе подробныхъ свѣдѣній остановимся на городѣ Клевлендѣ въ штатѣ Охайо, хорошо оплачивающемъ учебный персоналъ:

Въ высшей начальной школѣ завѣдывающій получаетъ 3.000 долларовъ его помощникъ 1.800 долларовъ, учителя отъ 800 до 2.000 долларовъ.

Въ школахъ ручнаго труда завѣдывающіе получаютъ 1.600 долларовъ, учителя отъ 300 до 1.000 долларовъ.

Въ средненачальныхъ школахъ завѣдывающій получаетъ отъ 1.000 до 1.200 долларовъ, учителя получаютъ отъ 650 до 750 долларовъ.

Въ элементарныхъ: въ первый годъ содержаніе равняется 400 долларовъ и затѣмъ, ежегодно увеличиваясь, къ 9-му году доходитъ до 650 долларовъ.

Принципъ увеличенія содержанія, сообразно съ продолжительностью службы учащихся, практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ

очень часто и отчасти служить для учителей и учительниц стимуломъ къ болѣе продолжительному пребыванію въ учебномъ заведеніи.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ, особенно для женщинъ, содержаніе иногда бываетъ крайне незначительно и не можетъ обезпечить вполне ихъ жизни. Оно не превышаетъ часто какихъ нибудь 16—20 долларовъ при четырехмѣсячномъ или шестимѣсячномъ учебномъ годѣ. Мужчины тоже принуждены бывають иногда идти на жалованье въ 35—40 долларовъ, которое, конечно, не можетъ удовлетворить ихъ.

Въ странѣ, гдѣ ремесленникъ легко зарабатываетъ по 1¹/₂—2 доллара въ день,—240 долларовъ, получаемыхъ учителемъ, въ теченіе года, не представляютъ достаточнаго вознагражденія за труды.

Въ болѣе состоятельныхъ округахъ содержаніе учителей достигаетъ 50—70 и даже 120 долларовъ за учебный мѣсяць, а учительницъ отъ 40 до 50 долларовъ.

Въ виду отсутствія жилыхъ помѣщеній въ учебныхъ заведеніяхъ (кроме квартиры для сторожа), учащимъ приходится нанимать себѣ квартиру на свой счетъ.

Въ *программахъ*, принимаемыхъ въ начальныхъ школахъ разныхъ разрядовъ, существуетъ много разнообразія.

Американскія начальныя школы раздѣляются на двѣ крупныхъ группы— „*graded schools*“ и „*ungraded schools*“. Терминъ *ungraded* довольно трудно перевести на русскій языкъ: школы *ungraded* можно назвать иррегулярными въ отличіе отъ другихъ школъ, имѣющихъ регулярную программу и опредѣленное число классовъ.

Иррегулярныя школы суть одноклассныя училища съ однимъ учащимъ. Ихъ главная цѣль научить дѣтей, живущихъ въ округѣ, такъ называемымъ тремъ *R'amz*—(*reading, 'riting and resoning*—чтенію, письму и счету). По существу это школы грамоты, но въ нихъ, въ виду отсутствія какой либо программы и относительной свободы учителей, послѣдніе могутъ давать иногда и болѣе широкое образованіе. Нѣкоторые ретивые учителя и учительницы, живущіе вдали отъ центровъ, проходятъ иногда изъ любви къ дѣлу съ нѣсколькими наиболѣе способными учениками, составляющими старшее отдѣленіе курсъ, соотвѣтствующій трехкласснымъ и четырехкласснымъ школамъ. При этомъ, однако, страдаетъ среднее отдѣленіе, съ которымъ учащій не имѣетъ времени заняться добросовѣстно. Какъ только представится возможность, иррегулярныя школы преобразуются въ регулярныя. Ре-

гулярныя школы, какъ было указано ранѣе, бываютъ трехъ родовъ: элементарныя, средненаѣальныя или школы грамматики, и высшія.

Средненаѣальныя школы не существуютъ самостоятельно, онѣ обыкновенно бываютъ соединены съ элементарными, образуя въ совокупности начальную школу съ курсомъ въ 5—6 или 8 лѣтъ.

Нормальная продолжительность курса для каждаго изъ означенныхъ разрядовъ 3—4 года. Въ сущности говоря, высшую народную школу слѣдуетъ отнести къ среднеучебнымъ заведеніямъ. Гаррисъ помѣщаетъ ихъ въ своихъ отчетахъ въ отдѣлѣ secondary education, а колледжи, принимаемые обыкновенно за среднеучебныя заведенія, включаетъ въ группу высшихъ учебныхъ заведеній.

Занятія въ начальныхъ школахъ начинаются въ первыхъ числахъ сентября и продолжаются до половины іюня.

На практикѣ продолжительность курса очень разнообразна: есть мѣстности, гдѣ она въ среднемъ не превышаетъ 3 мѣсяцевъ. По субботамъ уроковъ здѣсь нѣтъ, и потому учебный мѣсяцъ считается въ 20 дней. Въ среднемъ продолжительность курса для всего Союза равняется 136,3 днямъ. Самый короткий курсъ—въ юго-центральныхъ штатахъ, гдѣ онъ въ среднемъ не превышаетъ 88,1 дня, и наибольшій въ сѣверо-восточныхъ штатахъ—166,6 дней. Праздниковъ очень немного: Пасха, Рождество, Новый годъ, Thanks giving day—день поминанія умершихъ и день рожденія Вашингтона.

Время уроковъ съ 9 час. утра до 12-ти и отъ 2 до 4-хъ; иногда большая перемѣна дѣлается короче, и тогда занятія оканчиваются въ 2½ часа (Санъ-Франциско). Между отдѣльными уроками установлены рекреаціи въ 10—15 минутъ.

Въ элементарныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: чтеніе, письмо, орѳографія, англійскій языкъ, сочиненіе и ариметика. Это основныя предметы, включенныя во всѣ программы; кромѣ того, къ означеннымъ предметамъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ присоединяются еще: географія, исторія, рисованіе и изученіе формъ, предметныя уроки, пѣніе, основы нравственности и правила вѣжливости, бесѣды по элементарной гигиенѣ и физиологіи и въ нѣсколькихъ штатахъ нѣмецкій языкъ.

Въ средненаѣальныхъ школахъ (то-есть, съ 4-го по 8-й годъ) проходится въ видѣ общаго правила: англійскій языкъ, математика, (арифметика и алгебра или геометрія), исторія, естествовѣдѣніе (вклю-

чая анатомію и физиологію), физика, ознакомленіе съ государственнымъ устройствомъ Соединенныхъ Штатовъ и рисованіе.

Во многихъ случаяхъ къ указанному курсу присоединяются: химія, черченіе, основы нравственности и правила вѣжливаго обращенія, музыка и пѣніе.

Въ высшихъ начальныхъ школахъ: англійскій языкъ, математика, географія, исторія, иностранныя языки (нѣмецкій, французскій или испанскій), естественныя науки (зоологія, ботаника и геологія), физика, химія, логика, космографія и риторика. Кроме того, преподаются еще въ нѣкоторыхъ школахъ: политическая экономія, теорія нравственности, астрономія, психологія (последнія три только въ старшихъ 4-хъ классахъ), латинскій и греческій языки.

Высшія школы, въ которыхъ преподается латинскій языкъ, вовсе уже не подходятъ къ разряду начальныхъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, сами американцы выдѣляютъ высшія школы съ такъ называемымъ классическимъ отдѣленіемъ (classical department) въ отдѣльную группу.

Въ высшей народной школѣ, служащей подготовительною ступеню къ университету, изучается весьма серьезно не только латинскій языкъ, но и греческій.

Ручной трудъ начинаютъ постепенно вводить въ начальныя школы, и въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ послѣдній предметъ считается обязательнымъ; для дѣвушекъ преподается иногда рукодѣліе.

Къ выставкѣ бюро народнаго образованія составило таблицу, въ которой сгруппированы типичныя курсы городскихъ училищъ (primary and grammar grade) въ 16 главнѣйшихъ городахъ. Мы придемъ здѣсь эту таблицу. Цифры въ ней указываютъ, какъ велико процентное отношеніе времени, употребляемаго на каждый отдѣльный предметъ, ко всему учебному времени.

Типичные курсы публичныхъ средненачальныхъ школь въ 1890 году:

ГОРОДА.	Чтеніе.	Ореографія.	Письмо.	Рисованіе.	Пѣніе и музыка.	Англійскій языкъ.	Грамматика.	Исторія Соединенныхъ Штатовъ.	Географія.	Археологія.	Гимнастика.	Естествознаніе.	Основы нравственности и правила вѣжливости.	Государств. устройство Соединенн. Штатовъ.	Другіе предметы.	Всего.
Балтимора	21,7	4,7	4,2	4,2	3,2	9,6	4,2	2,3	6,3	19,5	7,7	2,4	3,1	0,8	6,3	100
Бостонъ	(а)	а	а	6,8	4,6	47,7	а	4,3	6,8	16,6	4,6	8,6	—	—	—	—
Бруклинъ	20,8	7,5	10,7	4,6	4,6	8,1	4,9	3,8	5,5	24,6	—	2,6	—	0,6	1,7	—
Чикаго	30,9	6,1	7,0	6,7	5,6	6,5	6,4	2,8	4,9	9,3	4,4	2,0	—	—	7,4 b	—
Цинцинати	14,0	10,1	4,1	3,8	3,3	6,3	3,1	—	6,5	13,4	3,2	(5,1)	—	—	27,1	—
Денверъ	13,7	10,3	8,8	6,5	6,5	8,1	4,8	2,4	7,1	15,5	1,3	5,2	—	0,9	8,9	—
Детройтъ	13,2	11,2	9,9	9,0	9,5	8,1	6,5	2,1	8,6	17,2	3,6	0,7 c	—	0,4	—	—
Индіанополисъ . .	20,5	10,6	10,6	8,7	9,1	12,7	2,1	1,8	6,2	16,6	—	0,9	—	—	—	—
Милъвоке	14,5	8,8	7,6	7,5	5,3	(10)	(8)	2,5	6,0	15,5	6,0	2,4	—	0,8	12,3	—
Минеаполисъ . . .	17,0	7,2	7,2	7,2	7,2	11,3	2,2	3,1	6,0	15,5	4,9	6,1	2,7	1,1	1,3	—
Новый Орлеанъ . .	14,8	14,8	9,8	6,3	—	6,3	8,2	3,1	8,2	16,4	3,4	3,4	3,4	1,7	—	—
Нью-Йоркъ	(а)	(а)	15,5	4,7	5,2	41,6	(а)	2,5	2,7	26,2	—	—	—	—	1,6	—
Провиденсъ	{ 6,2 12,4	{ 6,2	12,1	8,4	8,2	{ 4,7 9,3	{ ...	2,5	5,2	18,6	3,1	2,2	—	—	0,9	—
Сентъ-Луисъ . . .	25,0	10,3	7,7	6,5	5,2	4,1	4,1	1,7	8,9	19,3	3,4	2,9	0,9	—	—	—
Санъ-Франциско .	17,7	5,6	4,9	4,9	5,5	12,9	5,5	2,9	8,9	14,0	3,0	8,6	—	0,7	4,9	—
Вашингтонъ . . .	13,9	5,7	5,7	7,9	5,6	10,4	3,1	4,8	6,1	14,8	6,5	9,5	—	0,7	5,3	100

а) Включены въ графу: англійскій языкъ.

б) Сюда входитъ нѣмецкій языкъ, изучаемый половиной учениковъ.

с) Естественнo-историческія свѣдѣнія въ 6 первыхъ классахъ преподаются на урокахъ отечественнаго языка (см. соответствующую графу).

Изъ приведенной таблицы видно, что въ элементарныхъ и средне-начальныхъ школахъ главное вниманіе обращено на англійскій языкъ (чтеніе, письмо, орфографія ¹⁾), грамматика и словесность); онъ занимаетъ около половины всего учебнаго времени (отъ 38,7 до 56%). Затѣмъ слѣдуютъ арифметика (отъ 14 до 26,2%), географія (отъ 4,9 до 8,9%), рисованіе (отъ 3,8 до 9), исторія (1,8 до 4,8) и естествовѣдѣніе (отъ 0,7 до 9,5).

Англійскій языкъ безусловно обязателенъ во всѣхъ публичныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя бы среди населенія и преобладали лица, говорящія на другихъ языкахъ.

Американской школѣ приходится исполнять очень трудную и тяжелую обязанность. Она должна соединить во-едино и выработать гражданъ, способныхъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ природныя янки, негры, индѣйцы и какъ иностранныя эмигранты, между которыми встрѣчаются: нѣмцы, ирландцы, французы, итальянцы, шведы, норвежцы, польскіе евреи, русины, датчане и т. д.

Всѣ эти лица могутъ принять участіе въ жизни страны, только обладая государственнымъ языкомъ, на который поэтому и обращается въ школахъ самое серьезное вниманіе.

Ознакомленіе дѣтей съ началами гражданственности, необходимое въ странѣ съ столь развитымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, хотя и не включено, какъ видно по таблицѣ, во многихъ школахъ въ видѣ особаго предмета, но оно дѣлается тогда при изученіи исторіи Соединенныхъ Штатовъ и при чтеніи соотвѣствующихъ статей. Въ 9 городахъ изъ 16 на законовѣдѣніе употребляется отъ 0,7 до 1,7% учебнаго времени.

Естествовѣдѣніе тоже преподается часто попутно на урокахъ отечественнаго языка, и потому на него (въ первыхъ 4-хъ классахъ) иногда не назначается особыхъ часовъ. Приученіе дѣтей къ вѣжливости, опрятности и воспитаніе ихъ въ началахъ нравственности дѣлается болѣе примѣромъ учителя и при посредствѣ попутныхъ замѣчаній, при чтеніи соотвѣствующихъ статей и при различныхъ случаяхъ школьной жизни, чѣмъ посредствомъ регулярныхъ уроковъ.

¹⁾ Въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ существуютъ особыя уроки орфографіи, которые имѣютъ цѣлью механически, посредствомъ запоминанія, научить учениковъ писать слова, орфографія которыхъ является затруднительною.

Въ школахъ четырехъ городовъ (Балтиморѣ, Мильвоке, Новомъ Орлеанѣ и Сентъ-Луисѣ) на ознакомленіе учащихся съ означеннымъ предметомъ употребляется отъ 0,9 до 3,4% учебнаго времени.

Число школъ и учащихся весьма значительно, и за послѣднія два десятилѣтія въ этомъ отношеніи замѣчается весьма значительный прогрессъ.

Въ 1870 году при 38 милліонахъ населенія было записано въ школахъ 6.800.000 учениковъ, или 17%; изъ нихъ ежедневно посѣщало школы въ среднемъ 4 милліона, или 59% записанныхъ. Школъ было 116.312.

Въ 1880 году при 50-милліонномъ населеніи было записано 9.800.000, или 19%. Ежедневныхъ посѣщеній было 6 милліоновъ, или 62%, школъ—178.222.

Въ 1890 году изъ 62¹/₂ милліоновъ—было записано 12.500.000, или 20%; изъ нихъ ежедневно въ среднемъ посѣщали школы 8¹/₂ милліоновъ, или 64%. Школъ—226.884. Въ настоящее время (1893 г.), по вычисленію г. Гарриса, общее процентное отношеніе учащихся достигло—23%.

Въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ обучается 92,2% общаго числа учащихся; въ среднихъ (если въ нихъ включить и high schools)—4,9% и въ высшихъ—0,9% учащихся.

Частныя и конфессіональныя начальныя школы не имѣютъ большаго значенія. Въ нихъ, изъ всего числа учащихся въ начальныхъ училищахъ, обучается 9%, остальные 91% въ государственныхъ школахъ.

Всего расходовалось на народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ:

въ 1870 году	63	милл.
„ 1880 „	78	„
„ 1890 „	146	„
„ 1891 „	148.173.487	

Расходы эти распредѣлялись:

	въ 1870 г.	1888 г.	1890 г.
на каждого жителя.	1,64	долл. 1,56	долл. 2,31
„ ученика	15,55	„ 12,71	„ 17,62 ¹⁾

¹⁾ Данныя изъ послѣдняго отчета за 1891 годъ.

На начальное образованіе въ 1890—1891 гг. тратилось 143.110.218; на каждого жителя 2,28 доллара, на ученика — 10 долларовъ ¹⁾. Въ городахъ приходится въ среднемъ 36,7%, а въ сельскихъ мѣстностяхъ 19,7% учениковъ и ученицъ на каждого учащаго.

Стоимость *школьныхъ зданій* равняется въ городахъ въ среднемъ 24.528 долларамъ (зданіе со всѣмъ устройствомъ и принадлежностями), а въ деревняхъ 694 долларамъ каждое.

Такая значительная средняя стоимость зданія городской школы (около 50 тысячъ рублей) происходитъ отъ того, что училищныя зданія въ Соединенныхъ Штатахъ строятся въ настоящее время со всѣми усовершенствованіями по части гигиеническихъ требованій. Они отличаются какъ удобствомъ и цѣлесообразностью расположенія классныхъ комнатъ, такъ и изяществомъ архитектуры. При многихъ школахъ имѣются обширныя залы (для гимнастическихъ и иныхъ упражненій и собраній), мастерскія ручнаго труда, бібліотеки, физическіе кабинеты и лабораторіи.

Въ противоположность городскимъ сельскія школы устраиваются часто въ очень плохихъ помѣщеніяхъ. Въ скалистыхъ горахъ училищные дома складываются изъ едва обдѣланныхъ бревенъ и кроются шелевкой; въ преріяхъ встрѣчаются глинобитныя постройки а на югѣ и востокѣ до сихъ поръ еще сохранились первобытныя сараеобразныя постройки съ земляной крышей (log schools). Большинство зданій дѣлается изъ досокъ. Послѣднія зданія составляютъ специально американское изобрѣтеніе, они имѣютъ видъ изящныхъ дачъ, стоятъ не дорого и доставляются прямо готовыми съ фабрики. Но они имѣютъ и недостатки: зимою въ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко, и при сильномъ вѣтрѣ ихъ перевертываетъ иногда, какъ картонныя домики.

Сообщенія о снесеніи сильнымъ ураганомъ цѣлыхъ мѣстечекъ не вымыселъ, и мнѣ пришлось самому видѣть деревушку, разнесенную вѣтромъ. Жители ея расположились кругомъ лагеремъ и, казалось, вовсе не тужили о происшедшемъ; нѣкоторые дома, а въ томъ числѣ и школу, лежавшую на боку, приподняли и укрѣпили на мѣстѣ, а остальные дома, разобравши, сколотили вновь.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы иррегулярныя школы, устраиваемыя среди степи на 10 человекъ учащихся, помѣщались въ хорошихъ и фундаментальныхъ сооруженіяхъ. Но за то регулярныя школы въ тѣхъ же мѣстечкахъ, когда число жителей въ нихъ увеличится, и

¹⁾ Данныя изъ таблицъ, представленныхъ на выставку.

послѣдніе нѣсколько расширять свои дѣловыя сношенія, часто не уступаютъ хорошимъ городскимъ школамъ.

Въ штатѣ Нью-Йоркъ изъ 11.965 зданій—10.162 деревянныхъ (при чемъ изъ нихъ 54 съ земляными крышами), 1.432 кирпичныхъ и 360 каменныхъ.

VI.

Секція Союза гимнастическихъ обществъ.—Учрежденія для призрѣнія и воспитанія обездоленныхъ и исправленія испорченныхъ дѣтей и подростковъ.—Коммерческіе училища и курсы.

Отдѣлъ *гимнастическихъ аппаратовъ* былъ специально изученъ И. Я. Гердомъ, который приобрѣлъ на выставкѣ то, что было новаго и наиболее интереснаго по этой части, для С.-Петербургскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, гдѣ интересующіеся означеннымъ вопросомъ могутъ ихъ видѣть.

Въ начальныхъ школахъ гимнастика еще не вполне привилась. Въ дѣтскихъ садахъ и элементарныхъ школахъ учащихся, утомленныхъ объясненіями или долгимъ сидѣніемъ, заставляють для освѣженія отъ времени до времени вставать и дѣлать различныя *движенія*. Дѣти поднимають руки, хлопають ими въ тактъ, поютъ небольшія пѣсенки и двигаются другъ за другомъ по классу, проходя между рядами скамеекъ. Въ городскихъ школахъ гимнастика постепенно приобретаетъ право гражданства. Изъ 16 городовъ, перечисленныхъ въ таблицѣ, помѣщенной въ предыдущей главѣ, 13 ввели въ своихъ школахъ гимнастику. Въ нихъ на гимнастическія упражненія посвящается отъ 1,3 до 7,7% учебнаго времени. Гимнастика состоитъ изъ различныхъ движеній, въ которыхъ могутъ принимать участіе и дѣвушки, и изъ упражненій съ подвижными снарядами (палкой, деревянными гирями и палицами). Гимнастика съ неподвижными снарядами дѣлается лишь въ нормальныхъ школахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ (колледжахъ). Атлетическія игры и всякаго рода спортъ процвѣтаетъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи, въ различныхъ университетахъ.

Кромѣ секціи съ гимнастическими аппаратами, по означенному отдѣлу обращала на себя вниманіе отдѣльная, очень обширная коллективная выставка такъ называемаго Сѣверо-Американскаго *Гимнастическаго Союза*.

Союзъ состоитъ изъ 350 отдѣльныхъ обществъ, имѣющихъ въ

общемъ около 46.000 членовъ. Общества эти находятся въ постоянныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, образуя особую весьма тѣсную организацію, отличающуюся военнымъ характеромъ.

Первую ступень представляютъ гимнастическіе кружки или общества (отъ 30 до 1.500 членовъ), которые избираютъ для занятія текущими дѣлами особые исполнительные комитеты. Совокупность нѣсколькихъ обществъ, находящихся въ опредѣленной территоріи, образуетъ вторую ступень—территоріальный союзъ, и, наконецъ, всѣ общества Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ во главѣ національный исполнительный комитетъ.

Гимнастическія общества, судя по изданнымъ ими къ выставкѣ брошюрамъ, задаются цѣлью способствовать физическому развитію дѣтей, юношества и взрослыхъ, но, кромѣ того, они стремятся вліять и на умственный складъ своихъ сочленовъ, для чего при нѣкоторыхъ кружкахъ устраиваются особыя собранія клубы, организуются диспуты и издаются брошюры и книги.

Руководители означеннаго движенія утверждаютъ, что гимнастическія упражненія, дѣлаемые цѣлыми группами въ кружкахъ и въ школахъ, также какъ и единоличная гимнастика дома, выработаютъ націи хорошихъ солдатъ, на случай, еслибы они потребовались, а пока будутъ развивать въ юношествахъ: „смѣлость, независимость, присутствіе духа и бодрое настроеніе“.

Члены общества имѣютъ особые мундиры; при упражненіяхъ употребляется одежда, не стѣсняющая движеній, образцы которой и были выставлены въ секціи общества вмѣстѣ съ приспособленіями для фехтованія и всякаго рода предметами, имѣющими связь съ физическимъ развитіемъ людей.

Интересны также были съ означенной точки зрѣнія фотографіи нормальной школы гимнастики въ Бостонѣ, о которой я упоминалъ раньше; въ ней дѣвушки при упражненіяхъ надѣваютъ широкіе шаровары, спадающіе имъ на ноги, какъ платье, такъ что при первомъ взглядѣ на нихъ получается впечатлѣніе, будто онѣ въ короткихъ юбкахъ. Въ нѣкоторыхъ высшихъ начальныхъ школахъ введены строевыя упражненія.

Особый видъ учебныхъ заведеній представляютъ школы для такъ называемыхъ *dependent and neglected children*. Онѣ оказались необходимыми въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ введены законы объ обязательномъ образованіи. Надзиратели, *truant officers*, которыхъ, судя по этому термину, слѣдовало бы назвать „инспекторами надъ лѣтутями“,

слѣдя за исполненіемъ принудительныхъ законовъ, обязаны препроводить въ школы всѣхъ, какъ тутъ принято выражаться, „уличныхъ арабовъ“. Но въ общихъ училищахъ такіе ученики и ученицы, имѣющіе въ своемъ составѣ изрядное количество и нравственно испорченныхъ дѣтей, представили бы много затрудненій учащему персоналу и могли бы вредно вліять на своихъ сверстниковъ, не говоря уже о томъ, что отъ нихъ и нельзя было бы требовать интереса къ образованію, когда они лишены иногда крова и пищи и живутъ случайными подачками.

Въ виду означенныхъ соображеній въ штатѣ Массачузетсѣ стали устраивать для дѣтей „dependent“ и „neglected“, то-есть, для сиротъ и тѣхъ, которые заброшены родителями, не могущими или не желающими содержать ихъ,—спеціальныя школы (пріюты), гдѣ дѣти получаютъ столъ и квартиру. Туда поступаютъ, какъ сказано, дѣти, арестованныя на улицѣ за бродяжничество и нищенство (уклоняющіяся по лѣни отсылаются въ общія школы) и доставляемыя полиціею, забирающей ихъ въ домахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, у котораго они жили, умерло, отправлено въ больницу, посажено въ тюрьму, поступило по старости въ богадѣльню или оставило безъ вѣсти о себѣ свое жилище.

Означенныя школы-пріюты соприкасаются съ одной стороны съ воспитательными домами, а съ другой съ учрежденіями для воспитанія и исправленія порочныхъ дѣтей и малолѣтнихъ преступниковъ (reform schools). Какъ послѣднія, такъ и пріюты не образовали особой группы въ отдѣлѣ свободныхъ искусствъ; экспонаты ихъ были размѣщены въ нѣкоторыхъ штатныхъ выставкахъ и главнымъ образомъ въ зданіи антропологии и этнографіи, въ отдѣлѣ благотворительности и исправительныхъ заведеній. Кромѣ отчетовъ, фотографій и ученическихъ тетрадей, дирекціи означенныхъ заведеній представили разнообразныя образцы работъ по тѣмъ ремесламъ, которыя введены въ нихъ.

Помимо столярнаго, кузнечнаго и слесарнаго ремесла для мальчиковъ и различнаго рода рукодѣлій для дѣвочекъ, обыкновенныхъ въ подобнаго рода учрежденіяхъ, мы замѣтили еще работы или свѣдѣнія о работахъ по слѣдующимъ ремесламъ и занятіямъ: портняжному, башмачному, малярному и печатному. Въ одномъ училищѣ ученики старшаго возраста обучаются стенографіи и перепискѣ на машинѣ Ремингтона.

Столярное ремесло замѣняется по большей части уроками ручнаго труда по шведской системѣ. Ручной трудъ принятъ въ нихъ вслѣд-

ствіе того, что, будучи общеобразовательнымъ предметомъ, представляетъ систематическую серію работъ, дающихъ въ короткое время много полезныхъ навыковъ, и въ то же время можетъ быть легко усвоена и маленькими дѣтьми, лишенными возможности, вслѣдствіе недостатка физическихъ силъ, исполнять нѣкоторыя столярныя работы. Какъ общее правило, пріюты и исправительныя заведенія, или, какъ ихъ у насъ называютъ, колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, помѣщаются въ сельскихъ мѣстностяхъ или въ окрестностяхъ городовъ, и обладаютъ нѣкоторымъ количествомъ земли—между 150 и 350 акрами,—на которой устраивается ферма, гдѣ учащіеся и подлежащіе исправленію воспитанники и воспитанницы исполняютъ въ соотвѣтствующее время полевые, садовыя и огородныя работы.

Въ заведеніяхъ помѣщаются обыкновенно дѣти отъ 8 до 16 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимаются и съ 6-тилѣтняго возраста. Всѣ воспитанники—пансіонеры. Они получаютъ полное содержаніе и одежду. Въ школахъ проходятся курсы, соотвѣтствующіе курсамъ общихъ начальныхъ училищъ, начиная съ Фребелевскаго и кончая средненаучальной школою.

Обязательнаго срока для пребыванія въ пріютѣ и даже въ исправительномъ заведеніи не полагается. Поступающія дѣти и подростки размѣщаются въ соотвѣтствующія группы и обучаются—мальчики ремеслу и фермерскимъ работамъ, а дѣвочки—домоводству (уборка помѣщениа, стирка и глаженіе бѣлья, и стряпанье въ кухнѣ) и различнаго рода необходимымъ простымъ рукодѣліямъ (шитье, штопанье и проч.), а лѣтомъ, какъ сказано,—работамъ въ саду и огородѣ и на фермѣ (молочное хозяйство).

Одновременно воспитанники посѣщаютъ по 3—4 часа въ день школы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются еще музыкѣ и пѣнію, а ученики, кромѣ того, гимнастикѣ и военнымъ упражненіямъ. Ни по наружному виду, ни по внутреннему устройству исправительныя заведенія не напоминаютъ арестныхъ домовъ или тюремъ.

Тѣ изъ нихъ, которыя мы лично видѣли, и тѣ, о которыхъ могли судить по фотографіямъ, представляютъ по большей части обширныя, свѣтлыя и хорошо вентилированныя зданія съ весьма изящной архитектурой, безъ рѣшетокъ у оконъ, безъ высокихъ стѣнъ кругомъ и хотя съ крайне простою, но вполне удобною обстановкой внутри.

Такъ какъ питомцы этихъ заведеній по выходѣ должны будутъ поступить въ мастерскія или на фермы, гдѣ они не найдутъ городского комфорта, то въ описываемыхъ учрежденіяхъ намѣренно не

вводятся многія улучшенія, находимыя въ учебныхъ заведеніяхъ иного рода, и все по возможности приравнивается къ скромной обстановкѣ фермеровъ и ремесленниковъ, среди которыхъ воспитанникамъ придется жить. Въ дортуарахъ не полагается умывальниковъ съ кранами, но воду для мытья питомцы должны какъ приносить, такъ и выносить сами, въ прачешной нѣтъ паровой центробѣжной выжималки и другихъ механическихъ приспособленій; ученицы должны все дѣлать руками, и тѣ и другіе обязаны сами топить свои комнаты, такъ какъ паровое отопленіе не проведено въ ихъ спальни.

Противъ побѣговъ не принимается особыхъ мѣръ, и между тѣмъ они случаются довольно рѣдко, при чемъ бѣжавшіе или возвращаются сами, или бываютъ препровождаемы полиціей безъ особыхъ хлопотъ для администраціи.

Дѣти не помѣщаются въ одномъ зданіи и не соединены всѣ между собой. По системѣ, которая стала почти общепризнанной, здѣсь предпочитаютъ раздѣлять питомцевъ на отдѣльныя группы, называемыя семьями. Дѣвочки или мальчики, смотря по тому, для какого пола предназначено заведеніе, группируются въ семьи изъ 15—30 человекъ, живущихъ въ отдѣльномъ коттеджѣ. При каждой семьѣ состоитъ надзирательница, учитель или учительница и эконома или эконома.

Общеніе между членами различныхъ семей въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ строго запрещено.

Весь день проходитъ въ трудѣ, при чемъ учителя, надзирательницы и эконома показываютъ сами примѣръ, исполняя наравнѣ съ членами семьи всѣ нужныя работы.

Дисциплина поддерживается не угрозой наказанія или обѣщаніемъ награды, а мягкимъ обращеніемъ, убѣжденіями и главное общей системой школьной жизни и смѣной физическихъ и умственныхъ работъ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ переходъ отъ болѣе легкой работы къ болѣе сложной и трудной считается повышеніемъ, котораго ученики добиваются и очень цѣнятъ назначеніе ихъ на такія работы.

Въ приютахъ конечно, попадаютъ нравственно испорченныя дѣти, но главный контингентъ призрѣваемыхъ составляютъ дѣти, обездоленные судьбой, но нравственно ничѣмъ не отличающіяся отъ своихъ сверстниковъ, поэтому дѣятельность администраціи въ этихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, конечно, легче, чѣмъ въ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, однако, стараются не задер-

живать долго дѣтей въ заведеніяхъ, выпуская ихъ въ жизнь при первой возможности.

Американскіе педагоги разсуждаютъ въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: какъ бы хорошо ни было учебное заведеніе, но жизнь въ немъ заглушаетъ индивидуальныя особенности каждаго субъекта, не даетъ ему надлежащей свободы и возможности сформировать себѣ устойчивый характеръ. Интернаты, отрывая воспитанниковъ отъ условій практическаго и нормальнаго существованія, притупляютъ въ нихъ способности къ жизненной борьбѣ.

Лишь только воспитанникъ пріюта нѣсколько дисциплинировался и пріучился къ той или другой работѣ, его тотчасъ же отдають въ семью фермеровъ, гдѣ онъ живетъ, какъ и его сверстники, ходитъ въ общую школу и помогаетъ въ хозяйствѣ сообразно своимъ силамъ.

Учебное заведеніе приплачиваетъ за такихъ воспитанниковъ фермерамъ нѣкоторую сумму въ вознагражденіе за расходы по ихъ содержанию, пока они не будутъ въ состояніи сами зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ среднемъ приплачивается около 2 долларовъ въ недѣлю. Многія дѣти берутся безъ приплаты, а нѣкоторыя даже усыновляются лицами, взявшими ихъ къ себѣ.

Въ школѣ Лимана (для мальчиковъ) въ г. Вестборо (Массачусетс) въ среднемъ ученики остаются 22 мѣсяца, въ другихъ отъ года и до нѣсколькихъ лѣтъ.

То же можно сказать и про исправительныя заведенія, только въ нихъ учащіеся—болѣе зрѣлаго возраста и труднѣе поддаются исправленію, хотя результаты отъ принятой выше системы, если вѣрять статистикѣ, оказываются прекрасными.

Въ Канзасѣ, напримѣръ, изъ малолѣтнихъ преступниковъ, послѣ выпуска ихъ изъ заведенія, къ незаконной дѣятельности возвращается всего 14%. остальные зарабатываютъ свой хлѣбъ честнымъ трудомъ.

Замѣчено, что возвращеніе родителямъ взятыхъ въ заведеніе питомцевъ даетъ худшіе результаты, чѣмъ отдача ихъ въ чужія руки.

Если хозяева недовольны своими нахлѣбниками, то они отдають ихъ обратно въ заведеніе, гдѣ возвращенные подвергаются дальнѣйшему перевоспитанію и исправленію. Тѣ же, которые остаются въ семьяхъ, не лишаются вполнѣ заботъ заведенія. Помимо внесенія платы за нихъ, администрація пріютовъ и исправительныхъ заведеній слѣдитъ за хозяевами и за бывшими воспитанниками при посредствѣ особыхъ платныхъ инспекторовъ и бесплатныхъ „посѣтителей“, состоящихъ при штатныхъ бюро, въ завѣдываніи которыхъ находятся

подобныя заведенія, или причисленныхъ къ одному какому либо специальному заведенію. Подобные посѣтители, и чаще посѣтительницы, приносятъ громадную пользу бывшимъ воспитанникамъ, поддерживая ихъ нравственность и служа для нихъ гарантіей на случай, еслибы хозяева вздумали слишкомъ эксплуатировать ихъ силы.

Въ общемъ система штатныхъ учреждений для призрѣнія обездоленныхъ и исправленія испорченныхъ дѣтей и подростковъ представляется намъ весьма практичною и соотвѣтствующею условіямъ американской жизни и возрѣніямъ, установившимся въ наукѣ по этому вопросу. Учрежденія эти дисциплинируютъ, воспитываютъ учащихся и готовятъ ихъ къ самостоятельной жизни. Раздѣленіе на семьи, при надлежащей группировкѣ членовъ ея, предохраняетъ менѣе испорченныхъ дѣтей отъ соприкосновенія и вреднаго вліянія на нихъ прирожденныхъ преступниковъ и тѣхъ, которые развращены въ болѣе сильной степени. Наконецъ, система возможно скорой отдачи и размѣщенія учениковъ внѣ стѣнъ заведенія гарантируетъ эти учрежденія отъ переполненія и въ то же время вводитъ учениковъ въ семьи, гдѣ они могутъ, работая среди честныхъ и трудолюбивыхъ людей, достигнуть дальнѣйшаго исправленія и улучшенія подъ руководствомъ преданныхъ дѣлу инспекторовъ и посѣтительницъ.

Отдѣльную группу составляютъ пріюты для сиротъ солдатъ.

Общее число казенныхъ пріютовъ и исправительныхъ школъ—79. Въ нихъ 1.387 служащихъ и 380 учителей. Изъ 22.378 пансіонеровъ—6.062 изучали отдѣльныя ремесла (механическія). Стоимость земли и зданій равняется 14.797.101 долл., а ежегодные расходы 3.981.778 долларовъ, то-есть, около 8 милліоновъ рублей.

Число частныхъ пріютовъ намъ не извѣстно; имѣются однако свѣдѣнія, что ихъ довольно много.

Коллективная выставка *коммерческихъ училищъ* привлекала вниманіе многихъ специалистовъ и торговыхъ людей. Коммерческое образованіе въ Америкѣ составляетъ одну изъ мѣстныхъ особенностей, характеризующихъ требованія и нравы великой заатлантической республики.

„Бизнесъ-колледжей“ (Business-college), какъ ихъ тутъ называютъ, коммерческихъ курсовъ въ союзѣ насчитывается до 500 ¹⁾. Большинство

¹⁾ Въ департаментѣ народнаго образованія по отчету за 1889—1890 годъ имѣлись свѣдѣнія всего о 234 училищахъ и курсахъ. Въ нихъ было 77.856 учащихся и 1.498 преподавателей.

ихъ являются частными учрежденіями, основанными отдѣльными лицами или компаніями. Они находятся внѣ контроля администраціи и не получаютъ ни денежныхъ субсидій, ни иной какой либо поддержки. Постановка образованія самая практическая. Обученіе по большей части индивидуальное; обязательныхъ сроковъ и общей программы не имѣется. Ученики, желающіе изучить ту или другую отрасль знаній, поступаютъ въ колледжи, гдѣ за извѣстную плату пользуются указаніями опытныхъ учителей и всѣми учебными пособіями школы. Въ среднемъ продолжительность занятія на курсахъ 3—4 мѣсяца, въ колледжахъ 7—8 мѣсяцевъ, то-есть, одинъ зимній учебный сезонъ.

Въ колледжи поступаютъ молодые люди и дѣвушки 16—17 лѣтъ, окончившіе начальныя школы и не стремящіеся получить дальнѣйшее „орнаментальное образованіе“, какъ выразился одинъ изъ директоровъ коммерческаго училища, но желающіе поскорѣе стать на ноги и выйдти на широкій просторъ „бизнеса“, въ сферу промышленности и торговли.

Курсы бываютъ четырехъ родовъ: 1) *англійскій курсъ*: чистописаніе и артистическое письмо, правописаніе, терминологія, дѣловая корреспонденція и счетоводство; 2) *курсъ скоротиси (shorthand course)*: правописаніе, чистописаніе, терминологія, дѣловая корреспонденція, стенографія и умѣнье владѣть пишущей машиной; 3) *коммерческій курсъ*: бухгалтерія, счетоводство, практическое чистописаніе, торговое право, терминологія, правописаніе, дѣловая корреспонденція, практическія занятія, чтеніе и въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ политическая экономія, государственное право, и 4) *телеграфное дѣло*.

Учащіеся по желанію изучаютъ тотъ или другой курсъ, при чемъ болѣе способные оканчиваютъ его скорѣе, менѣе способные работаютъ дольше.

Изъ лицъ, берущихся за стенографію, бываетъ, однако, какъ замѣчено, около 8—10% неудачниковъ, которые не могутъ осилить этого предмета и изучить его въ такой мѣрѣ, чтобы быть способными исполнять платныя работы.

Нѣкоторыя лица проходятъ курсъ коммерческаго отдѣленія, комбинированный со стенографіей и работой на пишущей машинѣ. При этомъ приходится потратить около года усидчивыхъ занятій. По окончаніи занятій молодые люди и дѣвушки въ возрастѣ 17—18 лѣтъ поступаютъ въ конторы клерками, корреспондентами, кассирами и проч., со сладкой надеждой стать со временемъ Вандербилтами, Гульдами или Арморами.

Въ колледжѣ Паккара въ Нью-Йоркѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, введены получасовые уроки, на которыхъ учащіеся должны, стоя на виду у класса, сообщать впечатлѣнія, которыя они вынесли изъ посѣщенія различныхъ промышленныхъ предприятий, или отвѣчать на задаваемые имъ вопросы. Уроки эти имѣютъ цѣлью пріучить будущихъ клерковъ свободно объясняться съ публикой, размышлять стоя и умѣть связно передавать свои мысли.

Во многихъ колледжахъ устроены подобія торгово-промышленныхъ конторъ для практическихъ занятій. Учащіеся должны передъ окончаніемъ курса исполнять по очереди обязанности—кассировъ, бухгалтеровъ, пріемщиковъ, экспедиторовъ и проч.

Въ упомянутомъ колледжѣ Паккара по пятницамъ устраиваются утреннія „бесѣды“, въ которыхъ принимаютъ участіе выдающіеся силы Нью-Йорка и Союза. Темой для подобныхъ бесѣдъ и сообщеній бываютъ вопросы дня и всѣ вообще выдающіяся явленія экономической и промышленной жизни государства. Репутація этихъ пятницъ такъ высока, что въ нихъ охотно принимаютъ участіе такіе выдающіеся въ Америкѣ люди, какъ извѣстный экономистъ Генри Джорджъ, дѣлавшій сообщенія о природѣ земельной собственности и о единомъ налогѣ (Single Tax), его любимомъ конькѣ, Джоржъ Гунтонъ—о концентраціи капиталовъ и системѣ мануфактурныхъ производствъ, бывший губернаторъ г. Нью-Йорка Ходлей—о монополіяхъ и стачкахъ капиталистовъ (такъ называемыхъ Trusts), генералъ Сванъ, Россистеръ, Джонстонъ, генералъ Итонъ и другіе.

Въ остальныхъ, особенно провинціальныхъ колледжахъ дѣло обходится проще. Молодые люди поступаютъ „на выучку“ и, заплативъ слѣдующая съ нихъ деньги, стараются поскорѣе окончить свое дѣло, въ чемъ они находятъ поддержку въ администраціи школы, въ интересахъ которой тоже не задерживать учениковъ.

Въ виду частнаго характера описываемыхъ учебныхъ заведеній и большой конкуренціи между ними, число учениковъ является для каждаго изъ нихъ вопросомъ жизни и смерти. Вслѣдствіе этого, должно быть, у нихъ установился обычай, который немислимъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, торговаться при поступленіи и цѣлая система скидокъ и уступокъ лицамъ, которыя пріѣзжаютъ сразу изъ одного города или мѣстности въ количествѣ двухъ или трехъ человекъ, дѣтямъ родителей, учившихся въ заведеніи (въ старыхъ колледжахъ), тѣмъ, которые платили сразу за все время впередъ, и проч.

Странна также манера рекламировать свое заведеніе. Въ торжествен-

ныхъ и многорѣчивыхъ объявленіяхъ, помѣщаемыхъ въ газетахъ или издаваемыхъ отдѣльными брошюрами, директора обѣщаютъ обучить желающихъ подъ руководствомъ первосортныхъ учителей, по самоновѣйшимъ методамъ и въ самое короткое время, всевозможнымъ наукамъ и искусствамъ, имѣющимъ и даже не имѣющимъ отношенія къ коммерческой дѣятельности. Кромѣ указанныхъ выше основныхъ предметовъ, въ дѣйствительности только и изучаемыхъ, мы встрѣчали въ рекламахъ обѣщаніе научить алгебрѣ, геометріи, исторіи, географіи, физиологіи, риторикѣ, декламации, коммерческой этикѣ, финансовому праву и проч., не говоря уже о такихъ предметахъ, какъ ученіе о томъ, „какъ дѣлать хорошія дѣла“, и объявленныхъ однимъ весьма серьезнымъ заведеніемъ „практическихъ урокахъ честности“. Въ чемъ они состоятъ, осталось для насъ неизвѣстнымъ. Нѣкоторые директора въ видѣ приманокъ пишутъ, что дипломы, выдаваемые окончившимъ, напечатаны на веленовой бумагѣ и такъ прекрасно выгравированы, что они являются предметомъ искусства и представляютъ изъ себя извѣстную цѣнность, такъ какъ они обходятся даже при оптовомъ изготовленіи не менѣе 4 рублей каждый.

За исключеніемъ указанныхъ странностей, коммерческіе колледжи въ общемъ отвѣчаютъ потребности страны имѣть подготовленныхъ клерковъ, бухгалтеровъ, стенографовъ и тайпрайтеровъ (пишущихъ на машинѣ) и очень удобны для кандидатовъ на такія должности, такъ какъ профессиональное образованіе дается въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ желаетъ учащійся. Послѣдніе находятся уже въ такомъ возрастѣ, что могутъ относиться къ своей задачѣ вполне сознательно, и они работаютъ поэтому очень усердно, но стѣсняемо никакими формальностями.

Большинство патроновъ предпочитаютъ брать служащихъ изъ лицъ, окончившихъ подобныя учебныя заведенія. Имъ некогда заниматься подготовкой и руководствомъ своихъ новыхъ конторщиковъ, что пришлось бы дѣлать, еслибы къ нимъ поступали лица, окончившія лишь общеобразовательныя учебныя заведенія. Въ конторахъ коммерческихъ учебныхъ заведеній всегда находится много просьбъ рекомендовать того или другаго специалиста, и дипломы „бизнесъ-колледжей“, хотя не имѣютъ никакой официальной санкціи, служатъ для ихъ обладателей весьма вѣской рекомендаціей, если они выданы, конечно, изъ учебнаго заведенія, пользующагося серьезной репутаціей.

На выставкѣ приняли участіе 22 лучшихъ колледжа Союза. Они образовали коллективную выставку, занимавшую 2.200 кв. футовъ,

раздѣлявшуюся на два отдѣла: активный и пассивный (active and still). Наиболѣе интересенъ былъ первый, гдѣ, ученики колледжей на глазахъ публики исполняли всѣ конторскія обязанности. Тамъ было отдѣленіе банка и другія учрежденія (транспортное, почтовое и коммиссіонное); отдѣленія были устроены здѣсь съ цѣлью показать какъ методы преподаванія въ колледжахъ, такъ и работу учениковъ. Последніе исполняли всѣ детали по бухгалтеріи, приему и выдачѣ переводовъ, чековъ, векселей и вкладовъ. Въ отдѣлѣ оптовой торговли они вскрывали письма, регистрировали ихъ, дѣлали на нихъ письменныя распоряженія, пока другіе писали счета и подводили итоги, составляли балансы и проч. Стенографы записывали распоряженія директора и переписывали ихъ на машинѣ. Всѣхъ участниковъ было 17 человекъ. Каждый мѣсяцъ они замѣнялись новыми. Помимо лицъ, работавшихъ регулярно, сюда приходили молодые люди и дѣвушки для испытанія. Если они выдерживали его удовлетворительно, то получали отъ экзаменаціоннаго бюро особое свидѣтельство въ удостовѣреніе ихъ знаній и способности заниматься въ конторахъ. До моего отъѣзда такихъ испытуемыхъ здѣсь перебивало болѣе сотни.

Предметная выставка состояла изъ работъ учениковъ, брошюръ, посвященныхъ коммерческому образованію, учебниковъ, фотографій и проч.

Въ теченіе выставки отдѣлъ издавалъ особый ежемѣсячный журналъ подъ заглавіемъ *Columbian Bulletin of Business-colleges*, посвященный интересамъ коллективной выставки. Онъ раздавался даромъ въ количествѣ 50.000 экземпляровъ.

Въ послѣднее время при нѣкоторыхъ публичныхъ высшихъ школахъ стали тоже устраиваться коммерческія отдѣленія, какъ, напри- мѣръ, въ высшей школѣ въ Санъ-Франциско, гдѣ курсъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: англійскаго и испанскаго языковъ, математики, коммерческой географіи и бухгалтеріи, коммерческихъ законовъ, каллиграфіи, стенографіи и умѣнья писать на Рѣмингтоновской машинѣ. Занятія продолжаются два года.

То же наблюдается въ Нью-Йоркѣ, г. Монталѣ и другихъ.

Е. Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИКОЛАИ САВВИЧЪ ТИХОНРАВОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Тяжелую потерю понесла русская наука: 27-го ноября 1893 года скончался въ Москвѣ одинъ изъ самыхъ крупныхъ между ея современными представителями. скончался послѣ сорока слишкомъ лѣтъ непрерывной ученой дѣятельности, но еще въ совершенной полнотѣ силъ, среди цѣлаго ряда предпринятыхъ имъ и не довершенныхъ работъ—Николай Саввичъ Тихонравовъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Н. С. Тихонравовъ родился 3-го октября 1832 года; онъ былъ родомъ изъ Калужской губерніи, а образованіемъ своимъ обязанъ былъ почти исключительно Москвѣ, въ которой протекла и вся его послѣдующая дѣятельность. Онъ воспитывался въ третьей Московской гимназіи и, по окончаніи въ ней курса съ серебряною медалью, въ 1849 году поступилъ было въ Петербургскій главный педагогическій институтъ, но въ слѣдующемъ году, благодаря предстательству М. П. Погодина, былъ переведенъ казеннокоштнымъ студентомъ въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, на которомъ и кончилъ курсъ въ 1853 году со степенью кандидата. Съ первыхъ же лѣтъ его пребыванія въ университетѣ опредѣлился предметъ его специальныхъ занятій, и еще будучи студентомъ, онъ началъ печатать въ журналахъ небольшія статьи по русской литературѣ XVIII и XIX вѣковъ (о Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, Пушкинѣ, Дельвигѣ, Гоголѣ), въ которыхъ уже была видна обширная начитанность и обнаружилось стремленіе къ самостоятельнымъ изысканіямъ по первоисточникамъ. Курсы русскаго языка и словесности

Тихонравовъ слушалъ въ университетѣ у С. П. Шевырева и Ѳ. И. Буслаева. Въ первомъ онъ цѣнилъ то, что изученіе русской литературы было поставлено имъ на историческую почву. „Какъ профессору словесности въ Московскомъ университетѣ“—такъ говорилъ Тихонравовъ впоследствии (въ 1865 году), поминая старшаго изъ своихъ наставниковъ,—„Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе и силы своихъ слушателей къ историческому изученію языка и словесности. Если его исторія древней русской литературы не свободна отъ сентиментальной идеализаціи древнерусской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первою и доселѣ остается единственною попыткой представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности. Историческая школа изученія народной словесности, господствующая въ настоящее время въ Германіи, считаетъ своимъ главою Якова Гримма,—но она выросла на почвѣ, приготовленной романтиками. Точно также и первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный Шевыревымъ съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-петровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому прикинуть изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сентиментальной идеализаціи“¹⁾. Младшій изъ университетскихъ наставниковъ Тихонравова, почтенный Ѳ. И. Буслаевъ, явился для него „ученымъ, которому русская литература наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности“; отъ этого высокодаровитаго учителя талантливый ученикъ усвоилъ себѣ „тотъ современный сравнительно-историческій методъ изученія литературныхъ памятниковъ, который уже успѣлъ дать самыя плодотворныя результаты для исторической науки“²⁾,—и дѣйствительно строгимъ соблюденіемъ этого метода отличаются всѣ изслѣдованія самого Тихонравова. Первымъ опытомъ его въ сферѣ изученія народной словесности было сочиненіе „О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей“, написанное еще на университетской скамьѣ на заданную Т. Н. Грановскимъ тему и увѣнчанное золотою медалью.

¹⁾ „Памяти С. П. Шевырева“, рѣчь Тихонравова при Отчетѣ Моск. университета за 1864 г., стр. 9.

²⁾ Разборъ „Исторіи русской словесности“ А. Д. Галахова—въ Отчетѣ о XIX-мъ присужденіи награды гр. Уварова, стр. 27 и 31.

По выходѣ изъ университета Тихоуравовъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1853—1857), занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ московскихъ гимназіяхъ (I-й и IV-й). Онъ обладалъ несомнѣннымъ педагогическимъ талантомъ, и дѣятельность его, какъ учителя гимназій, прошла не безслѣдно, хотя и была кратковременна. Придерживаясь системы Буслаева, онъ проходилъ русскую грамматику сравнительно съ церковно-славянскою, а теорію и исторію словесности излагалъ по образцамъ и памятникамъ; классическія произведенія поэзій онъ мастерски разбиралъ вмѣстѣ съ учениками и вообще старался развивать въ послѣднихъ критическое чутье; лишь по изученіи ряда образцовъ предлагалъ онъ имъ теоретическое обобщеніе пройденнаго. Такіе приемы преподаванія теоріи словесности были большою новостью въ свое время.

Въ то же время шли и ученые занятія Тихоуравова, преимущественно по новому періоду русской литературы. Въ 1854 году онъ написалъ интересную статью о графѣ О. В. Растопчинѣ и русской литературѣ въ 1812 году (*Отечественныя Записки* 1854 года, № 7), составилъ подробный разборъ книги М. А. Дмитріева: „Мелочи изъ запаса моей памяти“ (тамъ-же 1855 года, № 1) и принималъ участіе въ ученыхъ трудахъ по исторіи Московскаго университета, которые готовились по случаю предстоявшаго 12-го января 1855 года столѣтняго юбилея его; работы эти велись подъ руководствомъ Шевырева, и Тихоуравовъ былъ его помощникомъ по изданію „Біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета“ и такого же словаря извѣстнѣйшихъ его питомцевъ, который, впрочемъ, остался не допечатаннымъ. Для перваго изъ этихъ изданій Тихоуравовъ написалъ біографіи Шварца, Баузе и Буле, а для втораго—біографіи Фонвизина, Новикова и Рубана. Трудъ свой о Новиковѣ онъ предполагалъ даже обратить въ магистерскую диссертацию, но вскорѣ отказался отъ этого намѣренія.

Въ 1857 году оставилъ Московскій университетъ профессоръ Шевыревъ, занимавшій въ немъ каедры русской словесности и педагогики. На этой послѣдней замѣстилъ его Тихоуравовъ съ 5-го іюня 1857 года, но занималъ ее недолго: два года спустя онъ перешелъ на кафедру русской словесности въ качествѣ адъюнкта при профессорѣ Буслаевѣ. Почетный дипломъ на степенъ доктора, полученный Тихоуравовымъ въ 1870 году, открылъ ему возможность сдѣлаться тогда же экстраординарнымъ профессоромъ, а годъ спустя онъ получилъ ординатуру. Въ общей сложности преподаваніе имъ исторіи рус-

ской литературы продолжалось тридцать лѣтъ: онъ покинулъ университетскую службу 9-го октября 1889 года. пробывъ одинъ годъ (1876—1877) деканомъ историко-филологическаго факультета и слишкомъ шесть лѣтъ (съ 31-го мая 1877 по 4-е сентября 1883 года) ректоромъ Московскаго университета.

Хотя первые труды Тихонравова были посвящены новому періоду нашей словесности, онъ еще въ ранніе годы своей ученой дѣятельности сталъ заниматься исторіей русской литературы во всемъ ея объемѣ, обращаясь не только къ печатнымъ источникамъ, но и къ рукописнымъ. „Безъ изученія рукописей“, говорилъ онъ, — „нельзя ознакомиться съ исторіей славянской и древне-русской литературы древняго періода. Памятники литературы духовной, памятники въ строгомъ смыслѣ историческіе появились въ печати въ достаточномъ количествѣ; памятники строго-литературные или такіе, безъ которыхъ не можетъ обойтись исторія древней русской литературы, лежатъ большею частію не изданными. Повѣствователь судебъ древне-русской литературы, не обращающійся къ рукописямъ, лишаетъ себя возможности сообщить вѣрныя и самостоятельныя данныя о хронографахъ, паляхъ, пчелахъ, златыхъ цѣпяхъ, златоустахъ, измарагдахъ, азбуковникахъ, подлинникахъ, лѣчебникахъ, житіяхъ святыхъ, повѣстяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, торжественникахъ; отъ его вниманія ускользаетъ и бѣльшая часть сочиненій Іоанна экзарха болгарскаго, Климента, Кирика, Кипріана, Дмитрія Зографа, Григорія Цамблака, Максима Грека, митрополита Макарія составителя Великихъ Четихъ Миней, Симеона Полоцкаго, Славинецкаго, Дмитрія Ростовскаго и почти вся, полная високаго историческаго интереса, литература старовѣровъ. Выньте живыя и правдивыя характеристики всего этого изъ исторіи до-петровской литературы, — что останется? Чѣмъ удовлетворится тогда сочувствіе къ своему литературному прошедшему, въ которомъ, можетъ быть, менѣе дѣйствовали начала западно-европейской образованности, чѣмъ въ новой литературѣ, но въ которомъ изслѣдователь народности найдетъ полное удовлетвореніе своему историческому интересу, и которое на трудъ изслѣдователя отвѣтитъ (по прекрасному выраженію автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“) *живыми глаголами*“¹⁾). Самъ Тихонравовъ собственнымъ опытомъ и трудомъ подтверждалъ справедливость этихъ словъ. Еще будучи студентомъ, онъ работалъ въ Погодинскомъ древлехранилищѣ

¹⁾ Разборъ „Исторіи русской словесности“ *Галахова*, стр. 56 и 57.

(до поступления его въ Императорскую Публичную Библіотеку), а позже внимательно изучалъ многія рукописи въ разныхъ бібліотекахъ Москвы и Петербурга; кромѣ того, едва ли не со времени студентства самъ онъ началъ собирать рукописи и печатныя рѣдкости—книги и лубочныя картинки, и не переставалъ этимъ заниматься до конца жизни; его рукописная коллекція, подобранная съ умѣньемъ отличнаго знатока, замѣчательная не только по количеству нумеровъ (до 900), но и по достоинству и рѣдкости экземпляровъ, содержащая въ себѣ не мало единичныхъ списковъ, уже сама по себѣ составляетъ одно изъ важныхъ наслѣдій, оставленныхъ имъ наукѣ; было бы глубоко прискорбно, еслибъ это драгоценное собраніе, съ такою любовью накопленное въ теченіе многихъ лѣтъ, не сохранилось на общую пользу, поступивъ въ одно изъ нашихъ общественныхъ книгохранилищъ.

Обширное и основательное знакомство съ памятниками нашей древней и старинной письменности, при большомъ критическомъ тактѣ изслѣдователя, съ одной стороны, дало Тихомирову возможность сдѣлать рядъ замѣчательныхъ открытій въ нашей литературной старинѣ, а съ другой—сообщало большую свѣжесть и широту его воззрѣній на связь литературныхъ явленій и вообще на уметвенное движеніе въ старой Руси. Правда, осторожный ученый былъ сдержанъ въ своихъ обобщеніяхъ, но онъ не боялся предлагать выводы, когда приходилъ къ нимъ тщательнымъ изученіемъ предмета. По единогласному свидѣтельству слушателей Тихомирова, его университетскія чтенія отличались не только богатствомъ и точностью фактическаго содержанія, но и яркимъ, своеобразнымъ освѣщеніемъ фактовъ, мастерскою ихъ группировкой, строгою обдуманностью въ ихъ истолкованіи и, наконецъ, замѣчательною ясностью изложенія. Онъ не оставилъ печатныхъ трудовъ общаго характера; но въ разныхъ его статьяхъ, особенно въ его критическомъ разборѣ „Исторіи русской словесности“ покойнаго Галахова, разсѣяно много намековъ на тѣ руководящія идеи, которыя служили основой его воззрѣній. Прекраснымъ примѣромъ того, какъ онъ умѣлъ ставить вопросы историко-литературнаго изученія, можетъ служить замѣчательная вступительная лекція въ курсѣ исторіи новой русской литературы, читанная имъ при первомъ появленіи на кафедрѣ русской словесности (*Московскія Вѣдомости* 1859 года, № 232), и въ которой онъ утверждалъ, что обновленіе въ русской литературѣ начинается лишь со времени Ломоносова и Сумарокова, когда въ ней дѣйствительно по-

вѣяло свободнымъ духомъ XVIII вѣка, а что до тѣхъ поръ, слѣдовательно, во время самого Петра и ближайшее за нимъ, продолжалось еще старое литературное движеніе, возникшее въ половинѣ XVII столѣтія и заключавшееся въ запоздаломъ усвоеніи нашею словесностью содержанія средневѣковой народной литературы западной Европы. Высказанная тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, мысль Тихонравова могла казаться тогда до нѣкоторой степени парадоксомъ; но еще онъ успѣлъ доказать ее достаточно убѣдительно, а дальнѣйшія изслѣдованія все сильнѣе и сильнѣе подтверждаютъ ея справедливость.

Почти одновременно со вступленіемъ на кафедру словесности Тихонравовъ предпринялъ изданіе *Лѣтописей русской литературы и древности*. Въ этомъ повременномъ сборникѣ, выпуски котораго выходили съ 1859 по 1863 годъ, онъ желалъ дать мѣсто какъ изслѣдованіямъ въ духѣ современныхъ воззрѣній на исторію литературы, такъ и текстамъ памятниковъ, особенно важныхъ и интересныхъ съ той же точки зрѣнія. Около трети сообщеній, помѣщенныхъ въ *Лѣтописяхъ*, принадлежатъ самому издателю; тутъ напечатаны имъ: „Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ“, „Луцидарій“, „Преніе живота со смертію“, „Шемакинъ судъ“, слова и поученія, направленные противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, нѣсколько произведеній старинной русской драматической литературы, новые документы о Новиковѣ,— все это съ обширными предисловіями, въ которыхъ заключаются изслѣдованія объ изданныхъ матеріалахъ; тутъ же напечатанъ и рядъ болѣе мелкихъ замѣтокъ Николая Саввича, обпаруживающихъ его разностороннюю изыскательность и внимательную критику. Вообще, *Лѣтописи* Тихонравова представили въ свое время драгоцѣнные откровенія изъ области нашей старой литературы и понынѣ, по истеченіи тридцати лѣтъ, сохраняютъ за собою почетное мѣсто въ ряду пособій для ея изученія.

Вслѣдъ за *Лѣтописями* появилось другое замѣчательное изданіе Тихонравова—„Памятники отреченной русской литературы“, предназначенное служить приложеніемъ къ изслѣдованію издателя объ этихъ произведеніяхъ. Одинъ изъ первыхъ между нашими учеными, Тихонравовъ обратилъ вниманіе на отреченныя и апокрифическія книги, сохранившіяся въ нашей старинной письменности, и поинялъ важное ихъ значеніе въ культурномъ развитіи древней Руси; въ двухъ томахъ „Памятниковъ“ онъ представилъ критическое изданіе ихъ текста, а въ изслѣдованіи имѣлъ въ виду прослѣдить ихъ литературную

исторію на русской почвѣ. И этотъ обширный трудъ уже былъ имъ оконченъ въ рукописи, но къ сожалѣнію, остался не изданнымъ по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ автора. Тѣмъ не менѣе, еще въ 1862 году Тихонравовъ имѣлъ случай высказать свой взглядъ на предметъ своихъ изысканій¹⁾, и такъ какъ тутъ отчасти обнаруживаются результаты его работы, то и будетъ умѣстнымъ привести здѣсь его соображенія. „Такъ-называемыя „отреченныя“ книги появляются на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Исповѣданіе христіанской вѣры, будто бы представленное греческимъ философомъ великому князю Владиміру Святому, уже заключаетъ въ себѣ выдержки изъ книгъ отреченныхъ: Нестору были извѣстны ложныя сказанія Меводія Патарскаго; Данилъ Паломникъ заносилъ въ свой „Странникъ“ разказы о Мельхеседекѣ, о хожденіи Іоанна Богослова, о Богородицѣ,—разказы, частію слышанные имъ во время благочестиваго странствованія „отъ вожа и языка“, или отъ другихъ странниковъ, частію почерпнутыя изъ книжныхъ источниковъ, но въ томъ и другомъ случаѣ составлявшіе достойное отреченныхъ книгъ. Поэтическія сказанія Востока, созданныя вѣрованіемъ и фантазіей первыхъ христіанскихъ вѣковъ, легли въ основу многихъ некапоническихъ книгъ и при посредствѣ Византіи, переданныя народамъ Европы, обогатили собою сферу христіанской поэзіи европейскихъ народовъ. Съ самой ранней эпохи перенесенныя въ Россію, отреченныя книги сдѣлались у насъ любимымъ, особенно уважаемымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. Изъ той же Византіи, которая дала намъ болѣшую часть ложныхъ книгъ, пришли въ Россію и индексы запрещенныхъ произведеній; по это не помѣшало распространенію ложныхъ писаній. Строго-систематическаго преслѣдованія запрещенныхъ книгъ и предполагать нельзя въ древней Россіи. Составитель „Великихъ Четвѣхъ Миней“ внесъ въ свой громадный сборникъ не мало отреченныхъ книгъ, конечно, считая ихъ „истинными“,—и что за дѣло, если впослѣдствіи по нѣкоторымъ изъ нихъ прошла красная черта позднѣйшаго цензора? Несомнѣннымъ остается, что и образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной. „Толстые поповскіе сборники“ были хранилищемъ нелѣпыхъ апокрифическихъ разказовъ и отреченныхъ еувѣрій. Въ старыхъ требникахъ, рядомъ съ церковными молитвами, стояли заговоры и заклинанія языческаго происхожденія. Въ церков-

¹⁾ Въ разборѣ III-го выпуска изданныхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко „Памятниковъ, старинной русской литературы“—*Русск. Вѣстникъ* 1862 г., № 1.

ныхъ правилахъ множество положеній и запрещеній заимствовано было изъ ложныхъ книгъ („худые помоканунци“, по выраженію нашихъ индексовъ), и подъ опасеніемъ проклятія за неисполненіе ихъ пускались въ невѣжественный и суевѣрный народъ. Бумажки съ надписями Господнихъ именъ или съ посланіемъ Авгаря къ Иисусу Христу навѣшивались при разныхъ причитаніяхъ и молитвахъ на шею больныхъ: старое языческое вѣрованіе въ „наузы“ сливались съ обрядомъ христіанскимъ. Слѣдованныя псалтыри сопровождались отреченными гадательными книгами „о лунныхъ дняхъ“, предсказаніями о томъ, когда удобно садить, сѣять, въ бракъ вступать и т. п. Въ религіозномъ сознаніи русскаго человѣка господствовало тяжелое двоевѣріе; обрядовая сторона христіанства подавлялась языческими суевѣріями. Въ отреченной литературѣ смѣшались языческіе вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями. Въ XVII вѣкѣ она являлась для многихъ образованныхъ людей помѣхою на пути къ просвѣщенію, но за то тѣмъ дороже дѣлалась она для людей, которые, въ виду постепеннаго сближенія Россіи съ латинскимъ Западомъ, крѣпче хватались за свою родную православную старину и бѣжали отъ этого „седмиглаваго змѣя, звѣрски превращавшаго весь православный чинъ, злобно истреблявшаго всѣ преданія“. Раскольники сберегли за собою литературное наслѣдіе старой Руси; отреченная литература осталась для нихъ священнымъ завѣтомъ православной старины, къ которому они любятъ прислушиваться. Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще въ „полномъ цвѣтѣ“ во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находятъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видятъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу. Въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ старымъ отреченнымъ книгамъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Русскіе духовные стихи представляютъ большею частью только стихотворную обработку отреченныхъ книгъ: критическое изученіе послѣднихъ необходимо для вѣрнаго пониманія нашихъ духовныхъ стиховъ; безъ него изслѣдователи нашей народной словесности будутъ впадать въ постоянные промахи.—Кто слѣдилъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, за ходомъ изученія нашей старинной письменности и народной словесности, знаетъ, что многое изъ высказаннаго въ приведенной характеристикѣ подтверждено или разработано изслѣдованіями новаго поко-

лѣнія ученыхъ; но справедливость требуетъ признать за Тихонравовымъ давнее первенство въ заявленіи соображеній, нынѣ все тверже усвояемыхъ наукѣ.

Лишенный возможности издать свое сочиненіе въ его полномъ составѣ, Тихонравовъ имѣлъ случай и самъ познакомить ученый міръ съ нѣкоторыми отдѣльными частями своего труда. Не говоря уже о томъ, что результаты своихъ изслѣдованій онъ неоднократно излагалъ предъ своими университетскими слушателями, изъ того же источника почерпалъ онъ матеріалы для своихъ замѣчательныхъ сообщений на археологическихъ съѣздахъ: на Петербургскомъ 1871 года онъ читалъ о „Толковой Палатѣ“ и ея источникахъ и объ ереси стригольниковъ, а на Киевскомъ 1874 года—о русской редакціи статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“; одна изъ главныхъ мыслей, которыя проводились въ этихъ рефератахъ, заключалась въ указаніи отношенія памятниковъ отреченной литературы къ еретическому движенію, обнаружившемуся на Руси въ XIV—XVI вѣкахъ. Къ сожалѣнію, и эти рефераты остались не напечатанными.

Еще два важныхъ явленія въ исторіи русской образованности—уже болѣе поздняго времени—неоднократно останавливали на себѣ особенное вниманіе Тихонравова: во первыхъ, начало русскаго театра и русской драматической словесности, и во вторыхъ, просвѣтительная дѣятельность Новикова, вызвавшая большое умственное и литературное движеніе въ русскомъ обществѣ конца XVIII вѣка.

По первому предмету, кромѣ матеріаловъ и статей, помѣщенныхъ въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности*, Тихонравову принадлежать: во первыхъ, изслѣдованіе о первомъ пятидесятилѣтніи русскаго театра и, во вторыхъ, составленіе сборника русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 годовъ. До разысканій Николая Саввича начальная исторія русскаго театра имѣла видъ какихъ-то анекдотическихъ разказовъ; только въ книгѣ Пекарскаго о наукѣ и литературѣ при Петрѣ Великомъ была сдѣлана попытка отнестись къ этому предмету съ нѣкоторою критикой; но, какъ всегда, Пекарскій умѣлъ только увеличить количество фактическаго матеріала, а не разъяснить его смыслъ. Тихонравовъ со свойственною ему проинициательностью и вѣрностью научнаго взгляда угадалъ, что центр тяжести изслѣдованія долженъ заключаться не столько въ извѣстіяхъ о началѣ театральнаго зрѣлища, сколько въ собраніи и изученіи самыхъ піесъ нашего стариннаго репертуара. Этой цѣли и предназначенъ былъ служить составленный имъ сборникъ, въ которомъ третій

томъ былъ посвященъ исключительно объясненію текстовъ, изданныхъ въ двухъ первыхъ; но этотъ третій томъ, уже отпечатанный, не поступалъ въ публичное обращеніе (вслѣдствіе банкротства книгопродавца, принявшаго на себя изданіе), и только одинъ изъ отдѣловъ этого обширнаго комментарія былъ обнародованъ самимъ авторомъ: мы разумѣемъ статью о трагедокомедіи Теофана Прокоповича „Владимиръ“, помѣщенную въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1872 г. № 5). Изслѣдованіе о первомъ пятидесятилѣтіи нашего театра составляетъ введенеіе къ первому тому сборника, и главные его результаты заключаются въ указаніи, что русскіе театральныя зрѣлища имѣютъ двойственное происхожденіе: съ одной стороны, это были передѣлки нѣмецкихъ драмъ, разыгрывавшихся въ XVII вѣкѣ въ Германіи такъ-называемыми англійскими комедіантами и ихъ нѣмецкими послѣдователями, а съ другой—подражанія школьной драмѣ польской и южно-русской. Особенно старался выдвинуть Тихонравовъ нѣмецкое, а не исключительно польское, происхожденіе первыхъ пьесъ, разыгранныхъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича; вопреки мнѣнію Пекарскаго, что эти зрѣлища не были вызваны ни духомъ времени, ни потребностью народа, Тихонравовъ утверждалъ, что „театръ московскаго государя не былъ случайнымъ явленіемъ среди того могучаго движенія къ новому, которое обнимало русскую жизнь въ XVII столѣтіи“, что „новая потѣха, отодвигавшая царя отъ благочестивыхъ развлеченій православной старинны“, вызвана была не прихотью государя, но что „возникновеніе театра при дворѣ Алексѣя Михайловича было однимъ изъ яркихъ знаменій новаго духа, разлагавшаго старую русскую косность и византійскую исключительность, которая столько вѣковъ сдерживала свободное развитіе творческихъ силъ русскаго народа“.

Что касается дѣятельности Новикова, мы видѣли уже, что Тихонравовъ заинтересовался этимъ предметомъ еще въ ранней молодости, при началѣ своихъ ученыхъ работъ. Но такому вдумчивому изслѣдователю, каковъ онъ былъ, не трудно было понять въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, что писать особое сочиненіе о Новиковѣ было въ ту пору еще рано; тѣмъ не менѣе, онъ постоянно собиралъ матеріалы по этому вопросу и впоследствии неоднократно подходилъ къ нему въ своихъ трудахъ съ разныхъ сторонъ. Такъ, въ 1864 году онъ напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статью „Четыре года изъ жизни Карамзина“, въ которой разъяснилъ степень вліянія идей Новиковскаго кружка на автора „Писемъ русскаго путешествен-

пика“; а въ 1892 году въ московскомъ сборникѣ „Помощь голодающимъ“ помѣстили этуодъ: „Литературныя мелочи неурожайнаго года (1786)“, въ которомъ говорится о полемикѣ императрицы Екатерины противъ мартинистовъ. Дѣятельность Новикова занимала Тихонравова не со стороны пропаганды мистико-масонскихъ идей, а какъ безкорыстная энергическая попытка частнаго лица послужить въ широкихъ размѣрахъ на пользу народнаго образованія. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго замѣчанія, которое находится въ разборѣ „Исторія русской словесности“ Галахова: „Довольно проглядѣть длинный списокъ изданій Новиковскаго кружка, чтобы убѣдиться, что количество чисто масонскихъ книгъ, къ тому же распространявшихся болышею частью между членами ложи, составляетъ среди нихъ ничтожный процентъ. Для Новикова литература всегда была главнымъ предметомъ занятій, и тотъ планъ частнаго общества для развитія литературы и просвѣщенія, который осуществленъ былъ Дружескимъ обществомъ и Компаніею типографическою, былъ вполне обдуманъ еще въ Петербургѣ въ 1772 году, когда Новиковъ стоялъ внѣ всякаго вліянія масоновъ“¹⁾. Въ такомъ мнѣніи есть, быть можетъ, нѣкоторая доля односторонности; но для характеристики покойнаго ученаго любопытно отмѣтить, какія именно стороны проявленія общественнаго духа въ прошломъ привлекали къ себѣ его особенное сочувствіе.

Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Тихонравовъ велъ еще одинъ обширный трудъ, который потребовалъ отъ него и чрезвычайныхъ усилій, и многостороннихъ изысканій: онъ приготовилъ изданіе сочиненій Гоголя, провѣренное по рукописямъ и снабженное обширными примѣчаніями, разъясняющими процессы Гоголевскаго творчества и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ возникали разныя произведенія автора „Мертвыхъ Душъ“. Въ 1889 году вышли въ свѣтъ пять томовъ этого изданія, и смерть застала Николая Саввича за приготовленіемъ дополнительныхъ къ нему томовъ но то обстоятельство, что онъ считалъ возможнымъ повторить печатаніе уже отдѣланныхъ имъ и выпущенныхъ въ свѣтъ пяти книгъ въ болѣе общедоступномъ видѣ, то-есть, безъ варіантовъ и съ сокращенными примѣчаніями (Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. С.-Пб. 1893), показываетъ, что существенную долю своей работы онъ считалъ уже исполненною. Какъ бы то ни было, русская литература обязана Ти-

¹⁾ Отчетъ о XIX-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, стр. 128 и 129.

хонравову образцовымъ изданіемъ произведеній одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ представителей.

Не имѣя въ виду дѣлать настоящей очеркъ библиографическимъ перечнемъ трудовъ покойнаго ученаго, мы не будемъ исчислять всего, что имъ издано и написано. Скажемъ только, что его многолѣтняя ученая дѣятельность отличалась, сверхъ другихъ достоинствъ, и большимъ разнообразіемъ: отъ „Слова о полку Игоревѣ“ до Пушкина, Гоголя и Тургенева цѣлые ряды литературныхъ явленій поочередно занимали его вниманіе и составляли предметъ его изученія. Любовь къ ученому труду была у него огромная, и не смотря на университетскія лекціи, на чтенія на высшихъ женскихъ курсахъ, на предсѣдательство въ Московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности и въ московскомъ отдѣленіи театральнаго-литературнаго комитета, онъ никогда не прерывалъ своихъ специальныхъ изслѣдованій и кабинетныхъ работъ. Онъ отдавался имъ со страстнымъ увлеченіемъ, и едва ли не въ этой горячности заключается причина, почему многіе изъ его трудовъ остались не довершенными: не разъ случалось ему бросать какую-нибудь работу предъ самымъ ея окончаніемъ потому только, что его дѣятельная мысль была внезапно отвлечена къ другому предмету, требовавшему новыхъ усиленныхъ разысканій.

Блестящая и плодотворная ученая дѣятельность Тихонравова съ давнихъ поръ поставила его въ сношенія съ Академіей Наукъ: еще въ 1864 году, по порученію Академіи, онъ составилъ замѣчательную рецензію на сборникъ г. Безсонова: „Калѣжки переходячіе“, представленный на соисканіе Уваровской преміи. Другое подобное же порученіе было возложено Академіей на Николая Саввича въ 1876 году: онъ написалъ обширный разборъ извѣстнаго сочиненія Галахова — одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, отдѣльные оттиски котораго онъ раздавалъ — по его выраженію — вмѣсто докторской диссертациі. Со своей стороны, и Тихонравовъ неоднократно предлагалъ Академіи свои сообщенія: въ 1865 году онъ доставилъ копиі съ писемъ Ломоносова къ И. И. Шувалову, которыя были напечатаны въ собранныхъ Билярскимъ „Матеріалахъ для біографіи Ломоносова“, а въ 1875 году сталъ было печатать въ *Сборникѣ* II-го отдѣленія Академіи продолженіе собранныхъ имъ памятниковъ русской отреченной литературы; къ сожалѣнію, изданіе это не осуществилось. Съ 1863 года Тихонравовъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности, а семнадцать лѣтъ спустя былъ

избралъ въ ординарные академики по тому же отдѣленію. Хотя въ 1890 году насчитывалось уже сорокъ лѣтъ его ученой дѣятельности, но Тихонравовъ и въ послѣдніе годы своей жизни продолжалъ трудиться для науки съ истинно юношескимъ жаромъ. Кромѣ работъ по изданію сочиненій Гоголя, Николай Саввичъ, по оставленіи имъ университетской кафедры и со времени своего избранія академикомъ, увеличилъ длинный перечень своихъ изысканій еще рядомъ новыхъ. Въ 1890 году онъ сообщилъ Академіи о новомъ, имъ отысканномъ спискѣ „Девгеніева Дѣянія“, съ любопытными замѣчаніями о происхожденіи этого памятника; въ 1891—онъ издалъ пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, также съ замѣчаніями о значеніи старинныхъ рукописныхъ былевыхъ текстовъ; въ 1892—приготовилъ къ изданію собраніе житій преп. Сергія Радонежскаго въ ихъ разныхъ редакціяхъ, а также чудесь его и похвальныхъ словъ святому (одно изъ нихъ открыто Тихонравовымъ), съ историко-литературнымъ обзоромъ этихъ памятниковъ; въ томъ же году онъ началъ печатаніе „Фонвизинскаго сборника“, въ которомъ соединены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ произведеній автора „Недоросля“, до сихъ поръ существовавшія въ печати только въ неисправномъ видѣ; наконецъ, въ 1893 году Николаю Саввичу посчастливилось найти неизвѣстное доселѣ описаніе хожденія въ Святую землю русскаго инока Варсонофія, второй половины XV вѣка; этотъ весьма любопытный памятникъ былъ приготовленъ Николаемъ Саввичемъ къ печати по принадлежавшей ему рукописи. Рефератъ о хожденіи Варсонофія въ Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго Общества и сообщеніе о пребываніи И. С. Тургенева въ Московскомъ университетѣ, сдѣланное въ одномъ изъ засѣданій Общества любителей руссійской словесности въ 1893 году, были послѣдними работами, которыя Тихонравовъ успѣлъ обнародовать.

Оживленная, почти лихорадочная дѣятельность, обнаруженная имъ въ послѣдніе годы, ни чуть не вредила достоинству его трудовъ: подобно прежнимъ, они отличались тщательностью, всесторонностью изслѣдованія и ясностью изложенія. Это были, такъ сказать, природенныя качества Тихонравова какъ ученаго, и ихъ присутствіе въ его недавнихъ трудахъ можетъ служить ручательствомъ, что даровитый изслѣдователь, едва вступившій въ седьмой десятокъ своей жизни, могъ бы обогатить русскую науку еще многими прекрасными вкладами. Судьба судила иначе: внезапно налетѣвшая и быстро развившаяся болѣзнь прекратила его дни.

Тихонравовъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей той мо-

сковской ученой школы, блестящій разцвѣтъ которой относится къ сороковымъ годамъ, и которая воспитала цѣлый рядъ ученыхъ дѣятелей, не мало содѣйствовавшихъ развитію не только русской науки въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и общаго просвѣщенія. Тихонравовъ умѣлъ хранить эти преданія своихъ учителей, и оттого между прочимъ былъ многочисленъ кругъ его учениковъ. На нихъ болѣе всего лежитъ обязанность блюсти память своего наставника: они могутъ это сдѣлать, не только руководствуясь его примѣромъ въ своихъ собственныхъ трудахъ, но и предпринявъ изданіе его замѣчательныхъ университетскихъ курсовъ и тѣхъ изъ его сочиненій, которыя не были имъ выпущены въ свѣтъ или схоронены въ старыхъ журналахъ. Если не стало самого Тихонравова, то пусть трудами его школы расширится и упрочится слѣдъ его въ той наукѣ, для которой потратилъ онъ свои силы и дарованія.

Л. Майковъ.

ЗАМѢТКИ ПО ИСПРАВЛЕНІЮ ТЕКСТОВЪ ВЪ ОБЪИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ ФРАНДЗІЯ.

Въ моей статьѣ „Опытъ біографіи Георгія Франдзія“ ¹⁾ я поставился исправить нѣкоторые недостатки и ошибки въ текстахъ Большой и Малой Лѣтописи этого писателя. Но такъ какъ въ означенную статью я вносилъ поправки только къ тѣмъ мѣстамъ этихъ лѣтописей, которыя касались моего предмета, то-есть жизни автора, какъ дѣятеля, то нѣкоторая часть поправокъ, какъ имѣвшая характеръ филологическій, и не вошла въ статью. Сверхъ того я въ ней иногда высказывалъ только свое пониманіе текста, безъ указанія на способъ его исправленія. Теперь я предлагаю дополнителныя къ текстамъ исправленія ²⁾.

Phg. Bonn. 110. 1 — 5: ³⁾ δι' ἣν αἰτίαν οὐκ ἦλθεν ὁ γεννήσας με, καὶ εἰς τὴν Πελοπόννησον σὺν τῷ αὐθεντοπούλῳ κὺρ Θωμᾷ εἰς τὴν αὐτοῦ τάξιν ἦν, εἰς ὑπηρεσίαν ἐπὶ τραπέζης καὶ κελλιώτης αὐτοῦ, ὡς ὠρίσθημεν παρὰ τοῦ βασιλέως τοῦ πατρὸς αὐτοῦ καὶ ἡτοιμαζόμεθα.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Июнь.*

²⁾ Вотъ указаніе на тѣ примѣчанія нашего „Опыта“, гдѣ находятся наши догадки по исправленію текста Франдзія: прим. 1 къ стр. 435 (оттиска стр. 9), пр. 1 и 2 къ 440 (отт. 14), 3 къ 442 (отт. стр. 16), 1 и 2 къ 448 (отт. стр. 22), 2 и 3 къ 451 (отт. 21 ошибочно вм. 25), 5 къ 452 (26), 2 къ 453 (27), 2 къ 454 (28), 3 къ 456 (30), 2 къ 457 (31), 4 къ 459 (33), 8 къ 461 (35), 1 и 3 къ 462 (36), 1 къ 464 (38), 2 къ 465 (39), 1, 2 и 5 къ 466 (40), 3 и 4 къ 468 (42), 4 къ 470 (44), 3 и 4 къ 471 (45), 4 и 5 къ 472 (46), 1, 3 и 4 къ 474 (48), 1 къ 475 (49), 3 и 4 къ 476 (50), 3 къ 477 (51), 2 къ 478 (52), 2 къ 480 (54), 2 къ 487 (61), 3 къ 488 (62), 5 къ 489 (63), 2 и 3 къ 491 (65), 1 къ 492 (66), 4 къ 493 (67). Поставленныя въ скобки цифры означаютъ какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ страницы оттиска Опыта.

³⁾ Мы приводимъ ссылки сокращенно: всѣ онѣ указаны сполна въ примѣчаніи 1 къ стр. 434 нашего Опыта (*Журн. Мин. Нар. Пр. Июнь 1893, оттиска стр. 8.*)

2 ЗАМѢТКИ ПО ИСПРАВЛЕНІЮ ТЕКСТОВЪ ЛѢТОПИСЕЙ ФРАНДЗІЯ.

Сбивается подчеркнутое нами слово ἦν, которое, при нынѣшнемъ состояніи этого текста, здѣсь совсѣмъ неумѣстно, и безъ котораго смыслъ былъ бы ясенъ. Впрочемъ, это слово въ подлинномъ текстѣ могло принадлежать къ какой либо утраченной части всего предложенія. Въ Малой Лѣтописи, кажется, значеніе этого мѣста яснѣе: καὶ αἴτιον τοῦ μὴ ἔλθεῖν τὸν γεννήσαντά με εἰς τὸν Μωρέζην μετὰ τοῦ αὐθεντοπούλου κὺρ Θωμᾶ εἰς τάξιν κατὰ αὐτοῦ, καὶ ἐμοῦ μετ' αὐτοῦ, εἰς ὑπερείαν ἐπὶ τραπεζίου καὶ κελλιώτου αὐτοῦ, ὡς ὠρίσθημεν παρὰ τοῦ ἁγίου βασιλέως τοῦ πατρὸς τοῦ ῥηθέντος αὐθεντοπούλου καὶ ἡτοιμαζόμεθα. (Chron. Minus, Patrol. gr. v. 156, 1026 B.). Вполнѣ ясно, что ни отецъ Франдзія, ни онъ самъ не поѣхали за царевичемъ Томою въ Морею. Причина, о которой здѣсь говорится (αἴτια, αἴτιον), воспрепятствовавшая поѣздкѣ Франдзіевъ, отца и сына, были семейныя утраты, за которыми послѣдовала опасная болѣзнь и отца, и матери Георгія Франдзія. По этому приложенный къ Боннскому изданію переводъ здѣсь невѣренъ; qua de causa, сказано тамъ, quum pater meus esset praepeditus, ego cum Thoma principe in Peloponnesum profectus, illius fungebar officio, in coenatione et cubiculo, quemadmodum jussi ab imperatore, patre ejus et patrali eramus. По этому переводу выходитъ, что Георгій Франдзія поѣхалъ съ Томою въ Морею одинъ, безъ отца; между тѣмъ, какъ самъ авторъ отрицаетъ эту поѣздку. (Ср. „Опыта біографіи“ и пр. стр. 436 и пр. 2).

Phg. Bonn. 120, 1 — 5: καὶ μετὰ μικρὸν κελεύσας ὁ βασιλεὺς τὸν ἱματοφύλακα ἔδωκέ μοι καβάδιον μολιβδὸν χαμοουχᾶν ¹⁾ μετὰ βαρεοκοιλίας ἐνδαδομένον καὶ χρυσοῦ κεντηνάριον, ἔτι δὲ καὶ τὸν κάλλιστον γλωσσόκομον τὸν μέγαν καὶ ὠραῖον, ὃν πέρ ποτ' ἐμοῦ ἐζήτει... Какой тутъ смыслъ? „Царь далъ мнѣ камзолъ и денегъ, а еще и тотъ отличный, большой и красивый сундукъ, который онъ (царь?) *никогда у меня выпрашивалъ*“. Такая бессмыслица и вызвала хотя и толковое, но ужъ чрезчуръ вольное предложеніе Боннскаго переводчика: atque arcam insuper vestigiam ampliam et mitre pulgram, *quam olim mihi recusaverat*. Ἐζήτει, разумѣется, не можетъ значить: „отказывалъ, не давалъ“. Послѣдніе пять словъ этого греческаго текста ὃν πέρ ποτ' ἐμοῦ ἐζήτει приводятъ къ догадкѣ, что сперва подъ перомъ автора явилась такая постройка предложенія, въ которой царское приказаніе гардеробмейстеру было выражено въ прямой рѣчи: „дай ему то и то, и сверхъ того тотъ

¹⁾ μολιβδὸν καβάδιον χαμοουχᾶν P. (тамъ же подъ страницей). — „Камковый свицовой цвѣта кавадій, снабженный... (βαρεοκοιλία намъ непонятно).

*мреѣзъ, который онъ у меня никогда выпрашивалъ**. Впослѣдствіи авторъ измѣнилъ построеніе въ первой части предложенія, а конецъ съ началомъ согласовать позабылъ. Наше предложеніе подтверждается текстомъ Chrop Min., гдѣ построеніе всего періода правильно, а потому и смыслъ его вполне понятенъ: Δὸς πρὸς τὸν Φραντζῆ (прямой слова царя гардеробмейстеру) τὸ χαβάδι... καὶ ἀμέλει καὶ τὸ σεντοῦκιν δπερ μοι ἐζήτησεν (Chr. Min. 156, 1031 C.). „Дай ему кавадій..., а пожалуй и тотъ сундукъ, что онъ у меня просилъ“.

Phg. Bonn. 126, 17—18: ὁ δεσπότης ἀποστείλας τὸν θεῖόν μου, καὶ εἶρηξέ μοι δεσποτικῶ προστάγματι ὅτι σὺ μὲν τατήρηκας τὴν τάξιν καὶ οὐκ εἰσῆλθες εἰς τὸ κελλίον μου ἐξ ὀρθοῦ....

Это слова, сказанныя Георгію Франдзію его дядею, отъ лица деспота Константина, какъ приказъ послѣдняго. Вмѣсто ὅτι въ cod. P. стоитъ τὰδε, что здѣсь лучше подходитъ, такъ какъ слѣдуетъ рѣчь прямая, а не косвенная. Вмѣсто σὺ μὲν въ Chr. Min. 1033 A въ соотвѣствующемъ мѣстѣ читаемъ οὐ μὲν: это явная опечатка. Ср. нашъ „Опытъ“ 444 (отг. 18).

Phg. B. 150, 9—12. На просьбу жителей Патры, чтобъ деспотъ Константинъ назначилъ Георгію Франдзію судіею и правителемъ въ ихъ городѣ, Константинъ согласился, сказавъ: καὶ μᾶλλον τοῦτο αὐτῷ ὀφείλομεν, καὶ χάριν τῆς ὑμῶν αἰτήσεως ἔσεται αὐτὸς εἰς κεφαλὴν ὑμῖν (ср. ed. Alter, 33 b, гдѣ все дословно совпадаетъ съ этимъ написаніемъ, кромѣ конца, гдѣ не ὑμῖν, а ἐν ὑμῖν). Но въ Chr. Min. 156, 1041 B. безтолково: καὶ ὄσο καὶ πλέον τούτων τὸν χρῆσσοῦμεν, καὶ διὰ τὴν ὑμῶν αἰτήσιν θέλω ἦσθαι αὐτὸς εἰς κεφαλὴν ὑμῶν. Можетъ быть, авторъ написалъ θέλει. Ср. Опытъ 453 (отг. 27).

Phg. Bonn. 151, 7—9. Малатеста, католическій іерархъ, бывшій губернаторъ Патры, находившійся въ Венеціи, услыхавъ о занятіи Патры греками, поспѣшилъ ѣхать въ Навпактъ, чтобъ такимъ образомъ, находясь вблизи къ мѣсту событія, лучше разузнать о случившемся (ср. нашъ Опытъ 454, отг. 28). Въ текстѣ Боннскаго изданія путь его описанъ ясно: τὸν πλοῦν ἐποιήσατο διὰ τοῦ ἐκείσε κόλπου παρὰ τὴν Αἰτωλικὴν χέρσον ἔγγιστα, καὶ ἀπεβῆθη εἰς Ναύπακτον πόλιν τῆς Αἰτωλίας..., что лат. переводъ передаетъ довольно вѣрно: *cursum per sinum illum proxime terram Aetolicam flexit, Naupactumque, urbem Aetoliae*. Галера Малатесты, чтобъ подойти къ Навпакту (Лепанту), держалась очень близко къ Этоліи, шла по самому поморью, разумѣется, на сколько позволяютъ эти мелкія мѣста. Подчеркнутыя нами слова могутъ пояснить, что разумѣетъ авторъ въ своей Кратк. Хроникѣ, когда онъ въ соотвѣтствен-

номъ мѣстѣ говорить, что Малатеста ἐπίσπε τὴν λιβέραν τοῦ μέρους τοῦ Ναοπάχτου (Chr. Min, 156, 1041 C.). Это слово должно быть искаженное итальянское слово *rivega*, *riviera*, означающее поморье, побережье. Оно обратилось въ имя собственное въ выраженіе *Riviera di Genova*; эта *Riviera* на З. отъ Генуи называется *Riviera di Ponente*, а на В. *Riviera di Levante*. Оно перешло и во французскій языкъ въ выраженіи *la Rivière de Gènes*, гдѣ *rivière* значить не рѣка, а именно поморье. *Rivega*, *riviera* отъ *riva*, какъ *littorale* отъ лат. *litus*. — Сродство *λ* и *ρ*—дѣло извѣстное; примѣровъ превращенія *λ* въ *ρ*, въ родѣ ἤλθα—ῥῥθα, ἀδελφός—ἄδερφός, не мало. Обратное обращеніе *ρ* въ *λ* происходитъ рѣже. Мы подобрали нѣсколько примѣровъ: τὸν μελαχούρην Chr. Min. изъ μεραχούρης Phrantz. Bonn. 309, 6 (то-есть emir ākhor, grand écuycr, Bianchi, Dict. turc-fr.), φλεβάρης изъ φεβρούριος; φλάρης изъ frage (ср. въ Венеціи монастырь Ai Ffagi). Я слыхалъ отъ жители Лаконіи φλόουριο вмѣсто φρούριο. Такимъ образомъ могла произойти и *λιβέρα* изъ *rivega*.

Phr. Bonn. 157, 9—12. Сообщая о кончинѣ друга своего Макарія (Макри), авторъ выражается о немъ слѣдующимъ образомъ: ὁ παρ' ὀφθαλμῶ μὲν πατριαρχικῶ ὑπερηφάνῳ καὶ πλεῖστα ἀγερῶχφ καρδίᾳ αἰρετικὸς, παρὰ δὲ ὀφθαλμῶ παντοκρατορικῶ ἀκοιμήτῳ καὶ ἀληθείᾳ δικαζούσῳ ὀρθόδοξος ὤν. Это предложеніе, хотя и понятное, возбуждаетъ однако вопросъ: откуда могли повиться слова *πλεῖστα ἀγερῶχφ*, которыхъ, по свидѣтельству издателей, нѣтъ въ спискахъ, ни въ Мюнхенскомъ, ни въ Парижскомъ. Въ нихъ читается: ἀπλήσιφ τῇ ἀγαρικῇ (καρδίᾳ): см. Alter 35^a для Мюнх. списка и Bekker подъ 157 стран. къ строкѣ 10, для парижскаго списка. Этихъ словъ нѣтъ ни въ сп. Par. 136, ни въ сп. К. 70, гдѣ находимъ *πλεῖστῳ ἀγχαρφ*. Поэтому, быть можетъ, *πλεῖστα ἀγερῶχφ* есть исправленіе Беккера.—Исправляя Мюнх. списокъ, Alter издаетъ: καὶ ἀπλήστῳ τῇ ἀγροικῇ καρδίᾳ (см. у него въ прим. къ стр. 132). Странно, что эта поправка Альтера совпадаетъ дословно съ написаніемъ краткой лѣтописи (Phr. Chron. Min. 156, 1043). Въ этомъ чтеніи затрудняетъ сочетаніе *ἀπλήστῳ* съ дат. *падежомъ*. Нельзя ли воспользоуаться этимъ послѣднимъ написаніемъ, при чемъ съ одной стороны избѣгнемъ ненайденнаго въ спискахъ *ἀγερῶχφ*, представляющаго тождество съ *ὑπερηφάνῳ*, а съ другой стороны уклонимся отъ противорѣчиваго съ синтаксисомъ сочетанія *ἀπλήστῳ* съ дат. пад. *τῇ ἀγροικῇ καρδίᾳ*. Намъ кажется, что предложивъ чтеніе: ὁ παρ' ὀφθαλμῶ μὲν πατριαρχικῶ ὑπερηφάνῳ καὶ ἀπλήστῳ ἀγροικῳ καρδίᾳ, мы представимъ настоящую мысль Франзіи: „предъ надменнымъ

окомъ и крайне грубымъ сердцемъ патріарха—еретикъ, а предъ дремлющимъ окомъ Вседержителя и на судъ Истины (Правды)—православный“. Впрочемъ, все это требуетъ новой повѣрки по спискамъ.

Въ 1439 году въ сентябрѣ Франдзіи со своимъ княземъ поѣхалъ изъ Еврипа въ Константинополь (см. стр. 466 Опыта=оттиска стр. 40). По этому случаю тексты Большой Лѣтописи представляютъ вѣкоторую путаницу. Phg. Slav. 36*—Вопп. 163, 4—5: καὶ ἐμβάντες εἰς τινα τῶν Ἐνετῶν τριήρη ἀπὸ ἄστεος Εὐρίπου Εὐβοίαν λεγομένην (ср. cod. Par., приведенный тамъ же въ Боннскомъ изданіи ἀπὸ τινος ἄστεος τῆς εὐρίπου εὐβοίας λεγομένην ἐπλεύσαμεν) = et vela fecimus ab urbe Eugripi, in triremi Veneta, Euboea dicta (переведено одинаково здѣсь въ Боннскомъ изданіи и у Понтана 125—126).

По этимъ написаніямъ, которыхъ держится и переводъ, выходитъ, что венеціанская галера носила имя *Еввіа*. Отъ этого написанія отступаютъ списки Par. 141 и Kag. 72. v: въ которыхъ написано одинаково: ἀπὸ τινος ἄστεος τῆς εὐρίπου εὐβοίας λεγομένου. Довольно темно. Только въ Chron. Min. имѣемъ ясный текстъ (156, 1045, 4—5): Ἐσάβημεν εἰς κἀταργον Βενετικὸν ἀπὸ τὸ κατ᾽έλλιον τῆς Εὐρίπου τὴν Κάριστον, то-есть „мы взошли въ галеру венеціанскую изъ Кариста, крѣпости Еврипа“. Такая мѣстность Кáριστος (ἦ) существуетъ и до сихъ поръ въ южной части Еврипа (Негропонта, Еввіи).

Названіе венеціанскаго знатнаго рода *Лоредановъ* изображено въ текстахъ Франдзія очень разнообразно, а именно: Δαουρεδανόν (В. 197,6), Λαουρεδάνην (въ cod. Par. см. подъ тою же стр.; ср. Λαουρεδανού у Alteg 72^a, 92^b), Λαουρεδανού (В. 415,1), Λαυρεδάνου (В. 324,20), Λορδάν (В. 89,10, Г. 156 и Chr. Min. 1050A), Χουρδᾶ (Chr. M. Г. 156 1062 с.). Желательно доискаться, котораго написанія держался самъ Франдзіи. Первый слогъ этого имени въ Большой Лѣтописи представляетъ то Λαο, то Δαου; замѣтимъ, что первымъ способомъ воспроизводилась *транскрипція* латинской формы этой фамилии—Lauredanus, а вторымъ способомъ выраженъ былъ *выговоръ* этой же латинской формы. По этому и можно допустить, что греческій писатель и самъ могъ колебаться между тѣмъ и другимъ способомъ написанія. Между окончаніями ου или ηу этого имени въ винительномъ падежѣ, несомнѣнно, надо предпочесть ου, какъ соответствующее латинскому винительному окончанію um—въ Lauredanus. Удареніе во всѣхъ падежахъ разоматриваемой формы должно стоять на предпоследнемъ слогѣ; примѣръ Δαουρεδάνη, Δαουρεδάνου, ибо нѣтъ причины измѣнять ла-

тивское удареніе. Перейдемъ къ краткому виду этого имени, то-есть къ Λορδᾶς, въ вин. Λορδᾶν. (См. Пётров Λορδᾶν Bonn. 89,10 съ припиской подъ стран. ὁ Λορδᾶ; Λαορεδανὸς λέγεται τῇ τῶν Λατίνων διαλέκτῃ. Pachomius in marg. M. Λαορεδάνων Ρ. См. также Ἀλωϊσιον Λορδᾶν Chr. Min. 156,1050 A.). Итальянская форма этой фамилии была Loredano: въ латинскихъ актахъ писали Lauredanus, а въ итальянскихъ Loredano (См. Lamansky Secrets d'état... 062,010). Въ одномъ актѣ мы находимъ венеціанскую форму Loredan съ опущеніемъ окончательнаго о. (Lamansky, въ томъ же соч. 723); подобно тому, какъ венеціанцы произносятъ Marin Faller и т. д. вмѣсто Magino Fallero. Вотъ изъ такой формы Loredan греки могли составить разговорное краткое Λορδᾶς. Итакъ, нашъ авторъ не только въ своей Краткой Лѣтописи, но и въ Большой, гдѣ онъ держался литературнаго языка и слога, могъ воспроизводить и тотъ, и другой способъ написанія, то-есть и Λαορεδάνος и Λορδᾶς: мы показали, что и итальянцы писали по лат. Lauredanus, а по итальянски Loredano и Loredan. Что касается до Χοορδᾶ (Chron. Min. 1062c), то это, разумѣется, описка или опечатка вмѣсто Λορδᾶ (родит. пад.). Итакъ, по нашему мнѣнію, должны быть выкинуты изъ текстовъ Франдзія: во первыхъ, удареніе на послѣднемъ слогѣ, какъ въ Λαορεδανός; во вторыхъ, окончаніе послѣдняго слога въ вин. падежѣ на η; въ третьихъ, Χ вмѣсто Λ, какъ мы сейчасъ сказали. Остальные же разнописи Λαορεδάνος; Λαορεδάνος, Λορδᾶς; естественны и возможны.

Въ Константинополѣ былъ написанъ хрисовуль о томъ, что византійскій императоръ Константинъ Палеологъ имѣетъ жениться на дочери *мене*, то есть царя Ивирскаго ¹⁾. Императоръ въ присутствіи ивирскаго посла, пріѣхавшаго въ Константинополъ вмѣстѣ съ Франдзіемъ, скрѣпилъ бумагу своею подписью, отдалъ послу на руки и сказалъ ему, указывая на Георгія Франдзія: „вотъ этотъ будущую супругу“. Такъ разказано нами въ нашей статьѣ („Ошты“ стр. 480—481=отг. 54—55), на основаніи смысла всего разказа, вопреки греческимъ текстамъ изданій Альтера и Беккера, гдѣ подчеркнутыя нами слова выражены иначе; у перваго: τὴν ἐμὴν σύζευον τὴν καὶ νεόνυμφον (Alter. 50A); у втораго: τὴν ἐμὴν σύζευον τὴν νεόνυμφον (Bonn. 222, 20 — 21). Оба текста, по видимому, не-

¹⁾ См. пр. 5 къ стр. 472 (отг. 46).

складны, ибо σύνευος значитъ *супруга*, а νεόνυμφος — *новобрачная*. Можетъ ли быть, чтобъ императоръ ивирскую царевну, дѣвицу, называлъ своей *супругой* и *новобрачной*—до брака? Въ Малой Лѣтописи просто $\nu\acute{\alpha}$ ἐκάρη αὐτήν = „чтобъ *ее* принять“, при чемъ подразумѣвается подъ αὐτήν упомянутая выше царевна (Migne 156, 1056, снизу 6). Быть можетъ, кто нибудь неудачно прикрасилъ литературный разказъ Франдзія.

Очень много трудностей въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ объ интригахъ, къ которымъ прибѣгалъ Лука Нотаръ, чтобъ выпросить у императора Константина высокую должность *великаго кондоставла* своему второму сыну (Опытъ 481=отг. 55). Одинакій текстъ имѣемъ въ изданияхъ, Вѣнскомъ и Боннскомъ: τὸν δὲ δεύτερον μέγαν κοντόσταυλον, ἐπεὶ καὶ τοὺς ἐσθῆτας ἔχεινος ἄρχει, ὅτι ἐστὶν ἡ ὑπηρεσία τοῦ αὐτοῦ ὀφρικήου (Вѣн. ed. Alter. 51^b; Bonn. 231,6—8. Phrantz. III 2). Это невозможное написаніе, такъ какъ въ обязанности великаго кондоставла не могло входить смотрѣніе за царскими одеждами; для этой послѣдней должности былъ протовестіарій; а великому кондоставлу были подчинены прочіе кондоставлы (comes stabuli, κόμης τοῦ στάβλου, κοντόσταυλος), и должность его соответствовала должности обериталмейстера ¹⁾. По этому одному слово ἐσθῆτας должно быть уничтожено, не говоря о томъ, что къ этому слову, которое женскаго рода, не подходитъ членъ τοὺς. И какимъ образомъ глаголь ἄρχει=„*начальствуетъ*“ можетъ относиться не къ людямъ, не къ управленію, а къ одеждамъ? Подъ тою же страницей Боннскаго изданія 231,7 читаемъ: „θῆτας ἔχεινοῦς P“, гдѣ Парижскій списокъ сохранилъ названіе θῆτα=служители, подчиненные. Въ Chr. Min. (Migne Patr. 156, 1059D) напечатано: τὸν δεύτερον μέγαν κοντόσταυλον, ἐπεὶ καὶ τοὺς λογατόρους ἔχει) τοῦ αὐτοῦ ὀφρικήου. Хотя и это чтеніе темно, но оно, при сличеніи съ θῆτας Парижскаго списка, подтверждаетъ нашу догадку, что дѣло идетъ объ управленіи подчиненными кондоставлами=италмейстерами, а не о завѣдываніи гардеробомъ. Что собственно значитъ слово λογατόρος, мнѣ неизвѣстно: не сврывается ли тутъ какое-нибудь слово, происходящее отъ ἄλογο=конь, такъ какъ рѣчь идетъ объ управленіи царскими конями?

Царь рѣшилъ не давать чина великаго кондоставла младшему

¹⁾ Const. Porphyg. De Cerem. Bonn. I, 459, 14 и Reisk. Comment. на это мѣсто (II 496). Pachymeres, Bonn., Glossarium I 575. Подъ словомъ Comes въ Pauly Real-Encycl. d. classisch. Alterthumswissenschaft II 525, со ссылкой на Ammian. Marc. XXVI, 4, 1, 3. C. Notitia utriusque imperii 210, *404.

сыну Нотарѣ, ни чина великаго логовета—старшему его сыну, такъ какъ эти юноши ничѣмъ не заслужили такого отличія. Чинъ великаго логовета царь пожаловалъ Франдзію; впрочемъ, принимая въ соображеніе событія дня и разнообразныя мнѣнія своихъ архондовъ, онъ запретилъ Франдзію, при представленіи на праздникѣ, поклониться ему по своей новой должности; *нотарію* же велѣлъ въ бумагахъ титуловать Франдзія не иначе, какъ великимъ логоветомъ. Такъ изложили мы это извѣстіе автора въ нашемъ Оцѣтѣ (стр. 488—489=отт. 55—56). Между тѣмъ въ текстѣ Боннскаго изданія 231,14 напечатано *ὁ Νοταρᾶς*: это явная опечатка, ибо рѣчь идетъ здѣсь не о Нотарѣ, который былъ великимъ дукой (Вопп. 224,12=Alter. 50^a 2 сн.=Chr. Minus 1057 В. всѣ одинаково τὸ τοῦ μεγάλου δουχὸς ὀφφίχιον), высокимъ начальствующимъ лицомъ; рѣчь идетъ о нотаріи или письмоводителѣ, секретарѣ: этотъ самый письмоводитель на слѣдующей страницѣ Боннскаго изданія 232,17 поименованъ *νοτάριος*. Переводъ латинскій, приложенный къ Боннскому изданію, пишетъ оба раза одинаково, какъ и слѣдуетъ, *notarius*. Оба раза *νοτάριος* находимъ и въ изданіи Альтера (51^b и 52^a). А въ Chron. Min. (156,1059 D.) то же лицо отитуловано, вполне вѣрно, греческимъ словомъ *γραμματικὸς*.

Когда у жены Франдзія отняты были турками всѣ дѣти, то она осталась одна *съ одною* особой о которой можно недоумѣвать, была ли она воспитанницей или воспитательницей жены Франдзія. Въ Боннскомъ изданіи 310,4 напечатано: *ἀνατρέπεινε... μόνη μετὰ μιᾶς καὶ μόνης ἀνατραφείσης αὐτῆ, αἱ δὲ ἄλλαι διεμερίσθησαν*, изъ чего должно заключить, что эта особа была воспитанницей, питомницей жены Франдзіевой. Такъ понимаетъ и переводчикъ: *cum una et sola a se nutrita muliercula...* (см. въ Боннскомъ изданіи). Но въ изданіи Alter'a (69,23) находимъ *ἀνατρεφούσης αὐτὴν*=*съ* воспитавшею ее. Очень странное выраженіе: выходитъ, какъ будто она воспитываетъ жену Франдзія; обратитъ же настоящее время причастія въ прошедшее, потребовало бы слишкомъ большую перемѣну въ текстѣ, что представлялось бы опрометчивымъ. Какъ ни странно по своей отвлеченности слово *τῆς ἀνατροφῆς αὐτῆς*, употребленное авторомъ въ Малой Лѣтописи (Chron. Min. 156,1061 D. сн.), такъ какъ словомъ „воспитаніе“ обозначено „воспитываемое лицо“, но все-же оно служитъ къ подтвержденію чтенія Боннскаго изданія. На возраженіе, которое само собою возникаетъ, почему же турки, отобравшіе у Франдзіевой жены всѣхъ дѣтей, не отняли вмѣстѣ съ ними и ея воспитанницы, можемъ отвѣчать, что она, вѣроятно, была уже не молода. Въ другомъ мѣстѣ ав-

торъ упоминаетъ, что онъ выкупилъ свою жену οὐκ αὐτὴν μόνην, ἀλλὰ καὶ τὴν μετ' αὐτῆς Χρσοβεργίναν (Вопп. 384, 22). Это, надо полагать, та самая особа, о которой было упомянуто въ вышеприведенномъ мѣстѣ, но авторъ здѣсь ни словомъ не обмолвился о ея отшеніи къ его женѣ.

Въ нашемъ Опытѣ мы говоримъ: „Франдзіѣ возвратился въ Керкиру, получивъ на островѣ св. Мавры лишь *скудное пособіе*“ (стр. 494=отт. 68). Такимъ образомъ, мы въ нашей статьѣ дали предпочтеніе написанію εὐτελῆ и откинули написаніе ἐντελῆ, что и высказали въ прим. 5; однако мы доводовъ своихъ не привели: предлагаемъ ихъ здѣсь. По Боннскому изданію Франдзіѣ говоритъ о себѣ, что онъ воротился съ острова св. Мавры ἐντελῆ πάντα ἰδὼν καὶ ἀπολαύσας, ἄνευ τοῦ ὑπερέχειν ἐν τῇ μαστραϊδιᾷ γενεῖ τὴν πᾶσαν ἀρχὴν αὐτοῦ· δεῖ γὰρ τοῖς ἀρχομένοις ἐξομοιοῦσθαι τοῖς ἄρχουσι (Вопп. 429, 21—23. Буквально тоже въ перепечаткѣ у Migne Patrol. 156, Chr. Maj. 1002 B.; ἐντελῆ и въ cod. Karath. 214 v.). Сравните латинскій переводъ при Боннскомъ изданіи: *omnia perfecta nactus, nisi quod in gente Mastraidiensi omne ejus reliquum imperium continebatur; oportet enim qui regunt similes evadant iis qui reguntur*. Памъ непонятны и этотъ греческій текстъ, и его переводъ. Нѣсколько понятнѣе текстъ въ Chron. Min.: εὐτελῆ πάντα ἰδὼν καὶ ἀπολαύσας, ἄνευ τοῦ ὑπερέχειν ἐν τῇ μαστραδικῇ γενεῖ τὴν πᾶσαν ἀρχὴν αὐτοῦ· δεῖ γὰρ τοῖς ἀρχομένοις ἐξομοιοῦσθαι τοῖς ἄρχουσι (Chr. Min. у Migne Patr. 156, 1075 D.). Пытаюсь перевести, не имѣя впрочемъ полнаго убѣжденія въ вѣрности моего перевода. (Я воротился съ Св. Мавры), „увидавъ и получивъ все *въ скудномъ видѣ*, кромѣ только того, что все начальство имѣетъ перевѣсъ *въ этомъ незаконнорожденномъ поколѣніи*: ибо надлежитъ господствующимъ подобяться господствующимъ (= нужно чтобъ подчиненные походили на владыкъ)“. Разберемъ частности. Εὐτελῆ, кромѣ Малой Лѣтописи, находится и въ Вѣнскомъ изданіи (Вієνн. 95^b, 8): мы этому тожеству написаній придаемъ большое значеніе, такъ какъ они принадлежатъ двумъ различнымъ произведеніямъ Франдзіа, разнымъ кодексамъ и разнымъ изданіямъ. Но важнѣе этого самый смыслъ всего разказа: вспомнимъ признаніе автора, высказанное имъ немного ниже (Phg. Вопп. 430, 9), что вслѣдствіе усилившагося ревматизма и обветшавія его мірскихъ одеждъ, онъ былъ вынужденъ облечься въ рясу (Опыта стр. 494—495=оттиска 68—69). Если бы Франдзіѣ нашель богатую поддержку (ἐντελῆ πάντα ἀπολαύσας) отъ дома Токко, то не впалъ бы въ такую бѣдность, какую мы сейчасъ видѣли. Итакъ, вѣр-

нѣе читать *ἐντελῆ*. Вполнѣ понятно, отчего разочорченный авторъ называетъ родъ Токко *μασταρδικὸν γένος*, незаконнорожденнымъ: стѣбитъ посмотрѣть на генеалогическую таблицу этого дома, чтобъ убѣдиться, какъ въ немъ много незаконнорожденныхъ членовъ ¹⁾). Выпало ли *π* послѣ *μ*, или тогда, когда писалъ авторъ, это слово и произносилось, и писалось чрезъ одно *μ*—я не могу рѣшить. По крайней мѣрѣ въ просторѣчїи теперь слышенъ звукъ *β*, а не *μ*. чтѣ и выражается написаніемъ *μαστάρδικο* (*γένος, παιδί*), *μάσταρδος*, отъ итальянскаго *bastardo*, которое и значить „незаконнорожденный“. Парижскій кодексъ представляетъ *μαστράικϕ*, небывалый наборъ буквъ, немного напоминающій однако написаніе *Chr. Min.* (Въ Бовинскомъ изданіи выставлено подъ страницей это чтеніе Парижскаго списка). Хотя для насъ и не совсѣмъ ясень текстъ и по *Chron. Min.*, все же очевидно, что написаніе *δει γάρ τοὺς ἀρχομένους ἐξομοιοῦσθαι τοῖς ἀρχούσι* должно быть предпочтено написанію *δ. γ. τοῖς ἀρχομένοις ἐ. τ. ᾱ.*, какъ согласное съ синтаксисомъ. Просимъ читателя обратить вниманіе еще и на слѣдующее аналогическое изреченіе, у Проконія Газскаго: *φιλεῖ γάρ πως αἰεὶ τὸ ὑπῆκοον πρὸς τὴν τῶν ἀρχόντων ἀπειχάσασθαι γνώμην* (Проконίου σοφιστοῦ Γάζης Πανηγυρικός... *Corpus script. hist. Byzant. Pars I* p. 511). Впрочемъ, это изреченіе, вѣроятно, принадлежитъ классической древности: по крайней мѣрѣ Плутарху приписано оно въ спискѣ XIII вѣка, какъ сообщилъ мнѣ А. И. Нападопуло-Керамей (списокъ въ Библиотекѣ Богородицы въ Халкѣ № 64): *παρὰ τοῦ ἀρχοντος ἤθος πλάττεσθαι πέφυκεν, ὡς τὰ πολλὰ τὸ ἀρχόμενον ὥστε ὁποῖοι ποτ' ἂν οἱ ἀρχοντες ὦσι, τοιοῦτον ἀνάγκη καὶ τὸ ἀτόμενον εἶναι*. Желательно, чтобъ наши эллинисти рассмотрѣли это мѣсто Франдзїа посредствомъ сравненія текстовъ Большой и Малой Лѣтописи. Предупреждаемъ, что если бы кто призналъ нужнымъ предпочесть *ἐντελῆ* и принять это слово, какъ употребленное авторомъ въ ироническомъ смыслѣ, то пусть онъ обратитъ вниманіе на контекстъ и спроситъ самого себя: выжеться ли такое объясненіе со всею остальною частью періода. Не могу допустить ироническаго смысла, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ весь домъ Токко безцеремонно авторомъ названъ незаконнорожденнымъ.

Весною и лѣтомъ 1468 г., когда Франдзїй былъ на 68-мъ году

¹⁾ Мы кратко привели эту таблицу въ примѣчаніи 3 къ стр. 366 нашего Опыта (отт. 30).

жизни, онъ страдалъ отъ ревматизма; мірскія его одежды совсѣмъ износились; то и другое вынудило его надѣть рясу. (Оп. 494—495=отт. стр. 55 — 56). (ієрὰ) ἐρασσοφορήσαμεν, сказано въ Вопп. 430,9, при чемъ не объяснено, зачѣмъ ієрὰ поставлено въ скобки. Въ Вивв. Alter 95, и 138 находимъ отмѣтку, что въ Мюнхенскомъ спискѣ читается просто ἐρασσοφορήσαμεν, безъ ієрὰ, и что это слово прибавлено издателемъ, Альтеромъ. 'Ερασσοφορήσαμεν безъ ієрὰ написано въ Chron. Min. 1076 A 8. Сказаннаго, кажется, довольно, чтобъ вычеркнуть ієрὰ, какъ не имѣющееся въ доселѣ извѣстномъ письменномъ преданіи. Нашъ Георгій надѣлъ рясу, ἐρασσοφόρησε; его примѣру послѣдовала и жена его. Великую схиму принялъ онъ четыре года позже (см. Вопп. 449,11—13=Опыта 494—495=оттиска 55—56). Замѣтимъ, что и въ канонахъ церковныхъ къ термину ῥασοφορεῖν не прибавляется ієрὰ.

Вышеозначенныя наши попытки къ исправленію нѣкоторыхъ мѣстъ во Франдзіевыхъ текстахъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя вошли въ примѣчанія „Опыта“¹⁾, составляютъ тотъ небольшой вкладъ, который мы были въ силахъ внести въ византійскую науку. Желаемъ, чтобъ будущіе издатели Франдзія имѣли въ виду наши посильныя указанія.

Гавріилъ Дестунисъ.

¹⁾ Онѣ указаны нами выше, см. примѣч. 2, къ стр. 1.

„РИТОРИКА“ АРИСТОТЕЛЯ.

Книга III.

ГЛАВА I.

О стиль.

Три основные вопроса, касающіеся риторическаго искусства.—Стилъ (декламация), три качества, обуславливающія его достоинство.—Важное значеніе стила.—Разница между стилемъ поэтическимъ и стилемъ риторическимъ.

Есть три пункта, которые должны быть обсужены по отношенію къ ораторской рѣчи: во-первыхъ, откуда возникнуть способы убѣжденія, во-вторыхъ, о стилѣ, въ-третьихъ, какъ слѣдуетъ строить части рѣчи. Мы говорили уже ¹⁾ о способахъ убѣжденія, и [о томъ], изъ сколькихъ [источниковъ они возникаютъ], [а именно], что они возникаютъ изъ трехъ [источниковъ]), и о томъ, каковы эти [источники], и почему ихъ только такое число, (такъ какъ всѣ, произносящіе судебный приговоръ, убѣждаются въ чемъ либо или потому, что сами испытали что нибудь, или потому, что понимаютъ ораторовъ, какъ людей такого-то нравственнаго склада, или потому, что [дѣло] доказано). Мы сказали также ²⁾ и о томъ, откуда слѣдуетъ почерпнуть энтимемы, такъ какъ [источниками для нихъ служатъ] или частныя энтимемы, или топы ³⁾. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ сказать о стилѣ, потому что не достаточно знать, что слѣдуетъ сказать, но необходимо также сказать это, какъ должно; это много способствуетъ тому, чтобы рѣчь произвела нужное впечатлѣніе. Прежде

¹⁾ См. кн. I, гл. 2.

²⁾ См. кн. II, гл. 22 и сл.

³⁾ О тонахъ см. 22 гл. II кн. Риторики

всего, согласно естественному порядку вещей, поставленъ былъ вопросъ о томъ, что по своей природѣ является первымъ, то-есть, о самыхъ вещахъ, изъ которыхъ вытекаетъ убѣдительное, во-вторыхъ, о способѣ расположенія ихъ при изложеніи. Затѣмъ, въ третьихъ, [слѣдуетъ] то, что имѣетъ наибольшую силу, хотя еще не было предметомъ изслѣдованія—вопросъ о декламаціи. Въ трагедію и рапсодію [дѣйствіе] проникло поздно, а сначала поэты сами декламировали свои трагедіи. Очевидно, что и для риторики есть условія, подобныя условіямъ для поэтики, о чемъ трактовали нѣкоторые другіе, въ томъ числѣ Главконъ Тіосскій ¹⁾. Дѣйствіе заключается здѣсь въ голосѣ; [слѣдуетъ знать], какъ нужно пользоваться голосомъ для каждой страсти, наприимѣръ, когда слѣдуетъ [говорить] громкимъ голосомъ, когда тихимъ, когда среднимъ, и какъ нужно пользоваться интонаціями, наприимѣръ, пронзительной, глухой и средней, и какіе ритмы [употреблять] для каждаго даннаго случая. Здѣсь есть три пункта, на которые обращается вниманіе: сила, гармонія и ритмъ. И на состязаніяхъ одерживаютъ побѣду преимущественно эти, [то-есть, ораторы, отличающіеся въ этомъ]. И какъ на сценѣ актеры значатъ больше, чѣмъ поэты, [такъ бываетъ] и въ политическихъ состязаніяхъ, благодаря испорченности государствъ. Относительно этого еще не создано искусства, такъ какъ стиль поздно выдвинулся впередъ и въ самомъ дѣлѣ представляется чѣмъ то грубымъ.

Такъ какъ все дѣло риторики направлено къ возбужденію [того или другаго] мнѣнія, то слѣдуетъ заботиться о стилѣ, не какъ о чемъ то, заключающемъ въ себѣ истину, а какъ о чемъ то необходимомъ, ибо всего справедливѣе стремиться только къ тому, чтобы рѣчь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружіемъ фактовъ, такъ, чтобы все, находящееся внѣ области доказательства, становилось излишнимъ. Однако, какъ мы сказали, [стиль] оказывается весьма важнымъ вслѣдствіе нравственной испорченности слушателя. При всякомъ обученіи стиль необходимо имѣетъ нѣкоторое небольшое значеніе, потому что для выясненія [чего либо] есть разница въ томъ, выразишься ли такъ или этакъ; но все таки [значеніе это] не такъ велико, [какъ обыкновенно думаютъ]: все это относится къ виѣшности и касается слушателя, поэтому никто не пользуется этими приѣмами при обученіи геометріи. А разъ ими пользуются, они производятъ такое же

) Главконъ Тіосскій писалъ о декламаціи.

дѣйствиѣ, какъ искусство актера. Нѣкоторые лица пробовали слегка говорить объ этомъ, напримѣръ, Фрасимахъ ¹⁾ въ своемъ трактатѣ „О возбужденіи состраданія“. Искусство актера дается природою и менѣе зависитъ отъ техники; что же касается стили, то онъ пріобрѣтается техникой. Поэтому то лавры достаются тѣмъ, кто владѣетъ словомъ, точно такъ же, какъ въ области драматическаго искусства [они приходятся на долю] декламаторовъ. И сила рѣчи написанной заключается болѣе въ стилѣ, чѣмъ въ мысляхъ.

Поэты первые, какъ это и естественно, пошли впередъ [въ этой области]: слова представляютъ собой подражаніе, а изъ всѣхъ нашихъ органовъ голосъ наиболѣе способенъ къ подражанію; такимъ то образомъ и возникли искусства: рапсодія, драматическое искусство и другія. Но такъ какъ поэты, трактуя объ обыденныхъ предметахъ, какъ казалось, пріобрѣтали себѣ славу своимъ стилемъ, то сначала созданъ поэтический стиль, какъ напримѣръ, у Горгія. И теперь еще многіе необразованные люди полагаютъ, что именно такіе люди выражаются всего изящнѣе. На самомъ же дѣлѣ это не такъ, и стиль въ ораторской рѣчи и въ поэзіи совершенно различенъ, какъ это доказываютъ факты: вѣдь даже авторы трагедій, уже не пользуются тѣми же оборотами, [какими пользовались прежде], а подобно тому, какъ они, перешли отъ тетраметра къ ямбу ²⁾, на томъ основаніи, что послѣдній болѣе всѣхъ остальныхъ метровъ подобенъ разговорному языку; точно такъ же они отбросили всѣ выраженія, которыя не подходятъ къ разговорному языку, но которыми первоначально они украшали свои произведенія и которыми еще и теперь пользуются поэты, пишущіе гексаметрами. Поэтому смѣшно подражать людямъ, которые уже и сами не пользуются этими оборотами.

Отсюда ясно, что мы не обязаны подробно разбирать все, что можно сказать по поводу стили, но должны сказать лишь о томъ, что касается искусства, о которомъ мы говоримъ. Объ остальномъ мы сказали въ сочиненіи о поэтическомъ искусствѣ ³⁾.

¹⁾ Фрасимахъ изъ Халкидона, современникъ оратора Лисія, переселившись въ Аены, занялся теоріей и преподаваніемъ ораторскаго искусства; онъ написалъ много сочиненій, преимущественно риторическаго содержанія. Въ Риторикѣ Аристотеля неоднократно упоминается его имя (см. кн. II, гл. 23, кн. III, гл. 8, 11).

²⁾ Ср. „Питику“, конецъ 4-й главы и гл. 24.

³⁾ См. „Питику“ гл. 20—22.

ГЛАВА II.

Достоинство стиля—ясность.—Выраженія, способствующія ясности стиля.—Что годится для рѣчи стихотворной и что для прозаической?—Какія выраженія должно употреблять въ рѣчи прозаической?—Употребленіе синонимовъ и омонимовъ.—Употребленіе эпитетовъ и метафоръ.—Откуда слѣдуетъ заимствовать метафоры?—Какъ слѣдуетъ создавать эпитеты?

Разсмотрѣвъ это, опредѣлимъ, что достоинство стиля заключается въ ясности; доказательствомъ этого служитъ то, что, разъ рѣчь не ясна, она не достигнетъ своей цѣли. [Стиль не долженъ быть] ни слишкомъ низокъ, ни слишкомъ высокъ, но долженъ подходить [къ предмету рѣчи]; и поэтический стиль, конечно, не низокъ, но онъ не подходитъ къ ораторской рѣчи. Изъ именъ и глаголовъ тѣ отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребленіе. Другія имена, которыя мы перечислили въ сочиненіи, касающемся поэтическаго искусства ¹⁾, дѣлаютъ рѣчь не низкой, но изукрашенной, такъ какъ отступленіе [отъ рѣчи обыденной] способствуетъ тому, что рѣчь кажется болѣе торжественной: вѣдь люди такъ же относятся къ стилю, какъ къ иноземцамъ и своимъ согражданамъ. Поэтому то слѣдуетъ придавать языку характеръ иноземнаго, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходить] издалека, а то, что возбуждаетъ удивленіе, пріятно. Въ стихахъ многое производитъ такое дѣйствіе и годится тамъ [то-есть, въ поэзіи], потому что предметы и лица, о которыхъ [тамъ] идетъ рѣчь, болѣе удалены [отъ житейской прозы]. Но въ прозаической рѣчи такихъ средствъ гораздо меньше, потому что предметъ ихъ менѣе возвышенъ; здѣсь было бы еще неприлично, если бы рабъ, или человѣкъ слишкомъ молодой, или кто, нибудь, говорящій о слишкомъ ничтожныхъ предметахъ, выражался возвышеннымъ слогомъ. Но и здѣсь прилично говорить то принижая, то возвышая слогъ, сообразно [съ трактуемымъ предметомъ], и это слѣдуетъ дѣлать незамѣтно, дѣлая видъ, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убѣждать, а искусственное напротивъ. [Люди] недовѣрчиво относятся къ такому [оратору], какъ будто онъ замышляетъ [что нибудь противъ нихъ], точно такъ же, какъ къ подмѣшаннымъ винамъ. [Стиль оратора дол-

¹⁾ „Шинтика“ гл. 28.

женъ быть таковъ], какимъ былъ голосъ Θεодора ¹⁾ по сравненію съ голосами другихъ актеровъ: его голосъ казался голосомъ того человѣка, который говорилъ, а ихъ голоса звучали совершенно чуждо. Хорошо скрываетъ [свое искусство] тотъ, кто составляетъ свою рѣчь изъ выраженій, взятыхъ изъ обиденной рѣчи, что и дѣлаетъ Еврипидъ, первый показавшій примѣръ этого.

Рѣчь составляется изъ именъ и глаголовъ; есть столько видовъ именъ; сколько мы рассмотрѣли въ сочиненіи, касающемся поэтическаго искусства ²⁾; изъ числа ихъ слѣдуетъ въ рѣдкихъ случаяхъ и въ немногихъ мѣстахъ употреблять необычныя выраженія, слова имѣющія двойной смыслъ, и слова, вновь составленныя; гдѣ [именно слѣдуетъ ихъ употреблять], объ этомъ мы скажемъ потомъ ³⁾, а почему—объ этомъ мы уже сказали, а именно: потому что употребленіе этихъ словъ дѣлаетъ рѣчь отличной [отъ обиденной рѣчи] въ большей, чѣмъ слѣдуетъ, степени. Слова общеупотребительныя, туземныя, метафоры—вотъ единственный матеріалъ, полезный для стиля прозаической рѣчи. Доказывается это тѣмъ, что всѣ пользуются только такого рода выраженіями: всѣ обходятся съ помощью метафоръ и словъ общеупотребительныхъ и туземныхъ. Но, очевидно, у того, кто сдумаетъ это ловко сдѣлать, иностранное слово проскользнетъ въ рѣчи незамѣтно и будетъ имѣть ясный смыслъ. Въ этомъ и заключается достоинство ораторской рѣчи. Изъ именъ омонимы полезны для софиста, потому что съ помощью ихъ софистъ прибѣгаетъ къ дурнымъ уловкамъ, а синонимы—для поэта; я называю общеупотребительными словами и синонимами, на примѣръ, такія слова, какъ *περιεσθαι* (отправляться) и *βαδίζειν* (идти): оба они и общеупотребительны, и однозначуци.

О томъ, что такое каждый изъ этихъ [терминовъ], сколько есть видовъ метафоры, а равно и о томъ, что послѣдняя имѣетъ очень важное значеніе и въ поэзіи, и въ прозѣ,—обо всемъ этомъ было говорено, какъ мы уже замѣтили, въ сочиненіи, касающемся піитики; въ прозаической рѣчи на это слѣдуетъ обращать тѣмъ больше вниманія, чѣмъ меньше вспомогательныхъ средствъ, которыми пользуется прозаическая рѣчь, по сравненію съ метрической. Метафора въ высокой степени обладаетъ ясностью, пріятностью и прелестью новизны и нельзя заимствовать ее отъ другаго лица ⁴⁾. Нужно употреблять въ

¹⁾ Θεодоръ, знаменитый трагическій актеръ.

²⁾ „Піитика“ гл. 21.

³⁾ См. гл. 8 и 7 книги III.

⁴⁾ Ср. „Піитику“ гл. 22.

рѣчи подходящія эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть съ помощью аналогій; въ противномъ случаѣ [метафора и эпитетъ] покажутся неподходящими, вслѣдствіе того что противоположность двухъ понятій наиболѣе ясна въ томъ случаѣ, когда эти понятія стоятъ рядомъ. Нужно разсудить, что такъ же [подходить] для старика, какъ пурпуровый плащъ для юноши, потому что тому и другому приличествуетъ не одно и то же. И если желаешь представить что нибудь въ прекрасномъ свѣтѣ, слѣдуетъ заимствовать метафору отъ предмета лучшаго въ этомъ самомъ родѣ вещей; если же [хочешь] выставить что нибудь въ дурномъ свѣтѣ, то [слѣдуетъ заимствовать ее] отъ худшихъ вещей, на примѣръ, такъ какъ [приводимыя понятія] являются противоположностями въ одномъ и томъ же родѣ вещей, о просящемъ милостыню сказать, что онъ просто обращается съ просьбой, а объ обращающемся съ просьбой сказать, что онъ проситъ милостыню, на томъ основаніи, что оба [выраженія обозначаютъ] просьбу, и значить сдѣлать сказанное нами. Такъ и Ификратъ называлъ Каллія нищенствующимъ жрецомъ Кивелы ¹⁾, а не факелоносцемъ. На это Каллій говорилъ, что онъ (Ификратъ)—человѣкъ непосвященный, ибо въ противномъ случаѣ онъ называлъ бы его не нищенствующимъ жрецомъ Кивелы, а факелоносцемъ. И та, и другая должность имѣетъ отношеніе къ богинѣ, но одна изъ нихъ почетна, а другая пѣтъ. Точно также [лица постороннія] называютъ [окружающихъ Діонисіа] Діонисіевыми лъстецами ²⁾, а сами они называютъ себя художниками. И то, и другое названіе—метафора, но первое [исходитъ отъ лицъ], придающихъ этому грязное значеніе, а другое [отъ лицъ, подразумевающихъ] противоположное. Точно также и грабители называютъ себя теперь пористами (сборщиками чрезвычайныхъ податей). Съ такимъ же основаніемъ можно сказать про человѣка, поступившаго несправедливо, что онъ ошибся, а про человѣка

¹⁾ Жрецы Кивелы, матери боговъ, странствуя съ изображеніемъ богини, собирали ея именемъ деньги и дары, предлагая за это отмстить съ помощью богини врагамъ подавшаго или добиться отпущенія грѣховъ самого подавшаго—или его умершихъ родственниковъ. По видимому, жрецы эти были самой низшей ступеню въ іерархіи священнослужителей. Должность факелоносца, напротивъ, по своей важности занимала при элевсинскихъ таинствахъ первое мѣсто послѣ іерофанта.

²⁾ Діонисіевы лъстецы (Διονυσιολάηες)—выраженіе, перешедшее въ поговорку. Діонисій Старшій, Сиракузскій тиранъ, цитавшій большое пристрастіе къ трагической поэзіи и даже самъ сочинявшій трагедіи, любилъ окружать себя поэтами и актерами.

впавшаго въ ошибку, что онъ по ступилъ несправедливо, и про человѣка, совершившаго кражу, что онъ взялъ, а также, что онъ ограбилъ. Выраженіе, подобное тому, какое употребляетъ Тилефъ у Еврипида, говоря:

Владычествуя надъ рукояткой меча и прибывъ въ Мизию ¹⁾,

[такое выраженіе] неподходяще, потому что выраженіе „владычествовать“ есть болѣе возвышенное, чѣмъ слѣдуетъ, выраженіе, и [искусственность] не [достаточно] замаскирована. Ошибка можетъ заключаться и въ самыхъ слогахъ, когда они не заключаютъ въ себѣ признаковъ пріятнаго звука; такъ, на примѣръ, Діонисій ²⁾, прозванный Мѣднымъ, называетъ въ своихъ элегіяхъ поэзію крикомъ Калліопы, на томъ основаніи, что и то, и другое звуки. Эта метафора нехороша вслѣдствіе неяснаго смысла выраженій. Кромя того на предметы, не имѣющіе имени, слѣдуетъ переносить названія не издалека, а отъ предметовъ родственныхъ и однородныхъ, такъ, чтобы было ясно, что оба предмета родственны, разъ названіе произнесено, какъ на примѣръ, въ извѣстной загадкѣ:

Я видѣлъ человѣка, который съ помощью огня приклеивалъ мѣдъ къ
человѣку.

Эта операція не имѣетъ термина, но то и другое означаетъ нѣкоторое приставленіе, поэтому ставленіе банокъ названо приклеиваніемъ. И вообще изъ хорошо составленныхъ загадокъ можно замѣтить прекрасныя метафоры; метафоры заключаютъ въ себѣ загадку, такъ что ясно, что [загадки]—хорошо составленныя метафоры. [Слѣдуетъ еще переносить названія] отъ предметовъ прекрасныхъ; красота слова, какъ говоритъ Ликимній ³⁾, заключается въ самомъ звукѣ или въ его значеніи, точно также и безобразіе. Есть еще третья [условіе], которымъ опровергается софистическое правило: невѣрно утвержденіе Врисона ⁴⁾, будто нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, чтобы одно слово употребить вмѣсто другаго, если они значатъ одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово болѣе употребительно, болѣе подходит, скорѣй можетъ представить дѣло передъ глазами,

¹⁾ Eurip. fragm. 705.

²⁾ Діонисій, аттический поэтъ и ораторъ, жившій въ первые годы Пелопоннесской войны. Прозваніе Мѣдный дано было ему за данный имъ Афинянамъ советъ не чеканить другой монеты, кромѣ мѣдной.

³⁾ Ликимній—греческій риторъ, ученикъ Горгія, написавшій сочиненіе объ ораторскомъ искусствѣ.

⁴⁾ Врисонъ изъ Ираклен, сынъ Иродора; это былъ софистъ и математикъ, старавшійся доказать квадратуру круга.

чѣмъ другое. Кромѣ того, и разныя слова представляютъ предметъ не въ одномъ и томъ же свѣтѣ, такъ что и съ этой стороны слѣдуетъ предположить, что одно [слово] прекраснѣе или безобразнѣе другаго. Оба слова означаютъ прекрасное или безобразное, но не [говорять], поскольку оно прекрасно или поскольку безобразно, или [говорять объ этомъ], но [одно] въ большей, [другое] въ меньшей степени. Метафоры слѣдуетъ заимствовать отъ словъ прекрасныхъ по звуку, или по значенію, или [заключающихъ въ себѣ нѣчто пріятное] для зрѣнія или для какого либо другаго чувства. Напримѣръ, есть разница въ выраженіяхъ „розоперстая заря“, это лучше, чѣмъ „пурпуроперстая“, и еще хуже „красноперстая“.

То же и въ области эпитетовъ: можно создавать эпитеты на основаніи дурнаго или постыднаго, напримѣръ, [эпитетъ] „матереубійца“, но можно также создавать ихъ на основаніи хорошаго, напримѣръ, „мститель за отца“. Точно также и Симоидъ, когда побѣдитель на мулахъ предложилъ ему незначительную плату, отказался написать стихотвореніе, подѣтъмъ предложомъ, что онъ затрудняется воспѣвать „полуословъ“. Когда же ему было предложено достаточное вознагражденіе, онъ написалъ:

Привѣтъ вамъ, дочери быстрогихъ кобылицъ,

хотя эти мулы были также дочери ословъ. Съ тою же цѣлью можно прибѣгать къ уменьшительнымъ выраженіямъ: уменьшительнымъ называется выраженіе представляющее и зло, и добро меньшимъ [чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ]; такъ Аристофанъ въ шутку говорилъ въ своихъ „Вавилонянахъ“¹⁾: кусочекъ золота, вмѣсто золотая вещь, вмѣсто платье—платьице, вмѣсто поношеніе—поношенъице—и нездоровъице. Но здѣсь слѣдуетъ быть осторожнымъ и соблюдать мѣру въ томъ и другомъ.

III ГЛАВА.

Четыре причины, способствующія холодности стили: 1) употребленіе сложныхъ словъ, 2) необычныхъ выраженій, 3) неадекватное пользованіе эпитетами, 4) употребленіе неподходящихъ метафоръ.

Холодность стили можетъ происходить отъ четырехъ причинъ: во-первыхъ, отъ употребленія сложныхъ словъ, какъ напримѣръ Ликофронъ²⁾ говоритъ о „многоликомъ небѣ высоковершинной земли“

¹⁾ Эта комедія Аристофана не сохранилась.

²⁾ Ликофронъ, софистъ.

и объ „узколорожномъ берегѣ“. Или какъ Горгій выражался „искусный въ выпрашиваніи милостыни лъстецъ“ и говорилъ объ „истинно или ложно появившихся“. Или какъ Алкидамантъ ¹⁾ говорилъ о „душѣ, исполненной гнѣва“, и о „лицѣ, дѣлающемся огнедѣльнымъ“, и какъ онъ полагалъ, что „ихъ усердіе будетъ цѣлесообразнымъ“, и какъ онъ считалъ также „цѣлесообразной“ убѣдительную рѣчь, и морскую поверхность называлъ „темнодѣтной“. Всѣ эти выраженія поэтичны, потому что они составлены изъ двухъ словъ. Вотъ въ чемъ заключается одна причина [холодности стиля]. Другая состоитъ въ употребленіи необычныхъ выраженій, какъ, напримѣръ, Ликофронъ называетъ Ксеркса „мужемъ-чудовищемъ“ и Скиронъ ²⁾ у него „мужъ-хищникъ“, и какъ Алкидамантъ [говоритъ] объ „игрушкахъ“ поэзии и о „природномъ грѣхѣ“, и о чловѣкѣ, „неизбужденномъ неукротимымъ порывомъ своей мысли“. Третья причина заключается въ употребленіи эпитетовъ или длинныхъ, или неумѣстныхъ, или въ большомъ числѣ; въ поэзии, напримѣръ, вполне возможно называть молоко бѣлымъ, въ прозѣ же [подобныя эпитеты] совершенно неумѣстны; если ихъ слишкомъ много, они обнаруживаютъ [риторическую искусственность] и доказываютъ, что, разъ нужно ими пользоваться, это есть уже поэзія, такъ какъ употребленіе ихъ измѣняетъ обычный характеръ рѣчи и сообщаетъ стилю отгѣнокъ чего то чуждаго. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ стремиться къ умѣренности, потому что [неумѣренность здѣсь] есть бѣльшее зло, чѣмъ рѣчь простая, [то-есть лишенная эпитетовъ]: въ послѣднемъ случаѣ рѣчь не имѣетъ достоинства, а въ первомъ она заключаетъ въ себѣ недостатокъ. Вотъ почему произведенія Алкидаманта кажутся холодными: онъ употребляетъ эпитеты, не какъ приправу, а какъ кушанье, такъ у него они часты, преувеличены и бросаются въ глаза, напримѣръ [онъ говоритъ] не „потъ“, а влажный потъ“, не на „Исѣмійскія игры“, а на „торжественное собраніе на Исѣмійскихъ играхъ“, не „законы“, а „законы, властители государствъ“, не „быстро“, а быстрымъ движениемъ души“; [онъ говоритъ] не о „музеѣ“, а о „музеѣ природы“, о „мрачной душевной заботѣ“; [онъ называетъ когонибудь] не „творцомъ милости“, по „всемирной милости“, [называетъ оратора] „распредѣлителемъ удовольствій для слушателей“; [онъ говоритъ], что нибудь спрятано не „подъ вѣтвями“, а „подъ вѣтвями лѣса“.

¹⁾ Алкидамантъ — изъ Элен, ученикъ Горгія, современникъ и соперникъ Исократа.

²⁾ Скиронъ — мимическій разбойникъ, убивавшій путниковъ на границѣ между Аттикой и Мегарой.

что ктонибудь прикрылъ не „тѣло“, а „тѣлесный стыдъ“, называетъ страсть „соперницей души“; послѣднее выраженіе (ἀντίμιμος) есть въ одно и то-же время и составное слово, и эпитетъ, такъ что является принадлежностью поэзіи; точно также [онъ называетъ] крайнюю степень испорченности „выходящей изъ всякихъ границъ“. Вслѣдствіе такого неумѣстнаго употребленія поэтическихъ оборотовъ стиль дѣлается смѣшнымъ и холоднымъ, а отъ болтливости неяснымъ, потому что когда ктонибудь илагаетъ дѣло лицу знающему [это дѣло], то онъ уничтожаетъ ясность темнотою изложенія. Люди употребляютъ сложныя слова, когда у даннаго понятія нѣтъ названія или когда легко составить сложное слово, таково, напримѣръ, слово „χρονοτριβαῖν“ — времяпрепровожденіе, но если [такихъ словъ] много, то [слово дѣлается] совершенно поэтическимъ. Употребленіе двойныхъ словъ всегда болѣе свойственно поэтамъ, пишущимъ дионрамбы, такъ какъ они любители громкаго, а употребленіе старинныхъ словъ — поэтамъ эпическимъ, потому что [такія слова заключаютъ въ себѣ] нѣчто торжественное и самоувѣренное. [Употребленіе же] метафоры [свойственно] ямбическимъ стихотвореніямъ, которыя, какъ мы сказали, пишутся теперь. Наконецъ, четвертая [причина, отъ которой можетъ происходить] холодность стиля, заключается въ метафорахъ. Есть метафоры, которыя не слѣдуетъ употреблять, — однѣ потому, что [онѣ имѣютъ] смѣшной смыслъ, почему и авторы комедій употребляютъ метафоры, другія потому, что смыслъ ихъ слишкомъ торжественъ и трагиченъ; кромѣ того [метафоры имѣютъ] неясный смыслъ, если [онѣ заимствованы] издалека, такъ напримѣръ, Горгіи говоритъ о дѣлахъ „блѣдныхъ“ и „кровавыхъ“. Или: „ты въ этомъ дѣлѣ посѣялъ позоръ и пожалъ несчастье“. Подобныя выраженія имѣютъ слишкомъ поэтическій видъ. Или какъ Алкидамапъ называетъ философію „укрѣпленіемъ закоповъ“ и Одиссею „прекраснымъ зеркаломъ человѣческой жизни“ и „не внося никакихъ подобныхъ игрушекъ въ поэзію“. Всѣ подобныя выраженія неубѣдительны вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ. И слова, обращенныя Горгіемъ къ ласточкѣ, которая, пролетая сбросила на него нечистоту, всего приличнѣе были бы для трагика: „Стыдно, Филомила“, сказалъ онъ. Для птицы, сдѣлавшей это, это не позорно, а для дѣвушки [было бы] позорно. Упрекъ, заключающійся въ этихъ словахъ, хорошо подходилъ къ тому, чѣмъ птица была раньше, но не къ тому, что она есть теперь ¹⁾).

¹⁾ Здѣсь разумѣется извѣстный греческій мифъ о превращеніи дочерей Аенискаго царя Пандіона Филомилы въ соловья и Прокны въ ласточку.

ГЛАВА VI.

Сравненіе, его отношеніе къ метафорѣ. — Употребленіе сравненій.

Сравненіе есть также метафора, такъ какъ между тѣмъ и другимъ существуетъ лишь незначительная разница. Такъ, когда поэтъ ¹⁾ [говорить] объ Ахиллѣ: „онъ ринулся, какъ левъ“, это есть сравненіе. Когда же онъ говоритъ: „левъ ринулся“ — это есть метафора: такъ какъ оба (и Ахиллъ, и левъ) обладаютъ храбростью, то поэтъ, пользуясь метафорой, назвалъ Ахилла львомъ. Сравненіе бываетъ полезно и въ прозѣ, но въ немногихъ случаяхъ, такъ какъ [вообще оно относится] къ области поэзіи. [Сравненія] слѣдуетъ допускать такъ же, какъ метафоры, потому что они—тѣ же метафоры и отличаются отъ послѣднихъ только вышеуказаннымъ. Примѣромъ сравненія могутъ служить слова Андротіона ²⁾ объ Идріей, что онъ похожъ на собаченокъ, сорвавшихся съ цѣпи: какъ онѣ бросаются кусать, такъ опасенъ и Идріей ³⁾, освобожденный отъ узъ. И какъ Θεодамантъ сравнивалъ Архидаму съ Евксеномъ ⁴⁾, минусъ знанія геометріи, на томъ основаніи, что, наоборотъ, Евксенъ = Архидаму + знаніе геометріи. [Таково] и сравненіе, встрѣчающееся въ Платоновой Республикѣ ⁵⁾: что люди, снимающіе доспѣхи съ мертвыхъ похожи на собакъ, которыя кусаютъ камни не касаясь человѣка, бросающаго ихъ. Таково же и [сравненіе, прилагаемое] къ народу ⁶⁾, что онъ подобенъ капитану корабля сильному, но вѣсколько глухому, а также къ стихамъ поэтовъ—что они похожи на лицъ свѣжихъ, но не обладающихъ красотой: послѣдніе становятся не похожи [на то, чѣмъ были раньше], когда отцвѣтутъ, а первые—когда нарушенъ ихъ размѣръ. [Таково] и сравненіе, которое Периклъ дѣлаетъ относительно Самосцевъ ⁷⁾, что они похожи на дѣтей, которыя хотя и берутъ предлагаемый имъ кусочекъ, но продолжаютъ плакать. [Таково же и сравненіе] относительно віотійцевъ, что они похожи на дубы: какъ дубы разбиваются

¹⁾ То-есть Гомеръ, см. II. XX 164.

²⁾ Андротіонъ, сынъ Андрона изъ Аэлиъ, ученикъ Исократы, государственный дѣятель.

³⁾ Идріей, братъ карійскаго царя Мавзола, жилъ въ IV вѣкѣ.

⁴⁾ Всѣ три лица, упоминаемыя здѣсь Аристотелемъ, неизвѣстны.

⁵⁾ Въ V кн., 469.

⁶⁾ Ibid. VI 488.

⁷⁾ Thuc. I 115.

одинъ о другой, такъ и вѣтійцы сражаются другъ съ другомъ. [Таково же] и [сравненіе], дѣлаемое Демосееномъ относительно народа, что онъ подобенъ людямъ, которые страдаютъ морской болѣзью на кораблѣ. И какъ Демократъ ¹⁾ сравнивалъ риторовъ съ кормилицами, которыя, сами глотая кусочекъ, мажутъ слюной по губамъ дѣтей. И какъ Антисеенъ ²⁾ сравнивалъ тонкаго Кифисодота ³⁾ съ ладономъ, который, испаряясь, доставляетъ удовольствіе. Всѣ эти [выраженія] можно употреблять и какъ сравненія, и какъ метафоры, и очевидно, что всѣ удачно-употребленныя метафоры будутъ въ то-же время и сравненіями, а сравненія, [наоборотъ], [будутъ] метафорами, разъ отсутствуетъ слово сравненія [„какъ“]. Метафору слѣдуетъ всегда заимствовать отъ сходства и [прилагать] ее къ обоимъ изъ двухъ предметовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду, такъ, на примѣръ, если фіалъ есть щитъ Вакха (Діониса), то возможно также назвать щитъ фіаломъ Арея.

ГЛАВА V.

Пять условій, отъ которыхъ зависитъ правильность языка. Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной рѣчи. — Причины, ведущія къ неясности рѣчи.

Итакъ вотъ изъ чего слагается рѣчь. Стиль основывается на умѣнны говорить правильно по-гречески, а это зависитъ отъ пяти условій: отъ [употребленія] союзовъ, отъ того, размѣнены ли они такъ, какъ они по своей природѣ должны слѣдовать другъ за другомъ, сначала одни, потомъ другіе, какъ этого требуютъ нѣкоторые [писатели]; такъ, на примѣръ, $\mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\epsilon\upsilon\phi\acute{o}\ \mu\acute{\epsilon}\nu$ требуютъ за собой [первое] $\delta\acute{\alpha}$, [второе] $\acute{o}\ \delta\acute{\alpha}$. И слѣдуетъ ставить ихъ одинъ за другимъ, пока еще [о требуемомъ соотношеніи] помнишь, не размѣщая ихъ на слишкомъ большомъ разстояніи, и не употреблять одинъ союзъ раньше другаго необходимаго, потому что [подобное употребленіе союзовъ] лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ пригодно. „Я же, когда онъ мнѣ сказалъ, такъ какъ Клеонъ пришелъ ко мнѣ съ просьбами и требованіями, отправился, захвативъ ихъ съ собой“. Въ этихъ словахъ вставлено много союзовъ раньше союза, который долженъ былъ слѣдовать,

¹⁾ Демократъ—аттическій ораторъ, современникъ Демосеена.

²⁾ Антисеенъ—ученикъ Горгія, родоначальникъ цинической философіи (IV в. до Р. Хр.).

³⁾ Трудно рѣшить, о комъ здѣсь говоритъ Аристотель.

и такъ какъ много словъ помѣщено раньше „отправился“, [фраза стала] неясной. Итакъ первое условіе заключается въ правильномъ употребленіи союзовъ. Второе [заключается] въ употребленіи именно собственныхъ словъ, а не описательныхъ выраженій. Въ третьихъ, не [слѣдуетъ употреблять] двусмысленныхъ выраженій—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это дѣлается умышленно, какъ, напримѣръ, поступаютъ люди, которымъ нечего сказать, но которые [тѣмъ не менѣе] дѣлаютъ видъ, что говорятъ нѣчто. Въ такомъ случаѣ люди выражаютъ это въ поэтической формѣ, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ. Такія иносказательныя выраженія своей пространностью морочатъ слушателей, которые въ этомъ случаѣ испытываютъ то же, что испытываетъ народъ передъ прорицателями: когда они выражаются двусмысленно, народъ вполне соглашается съ ними:

„Крезъ, перейдя Алисъ, разрушить великое царство“¹⁾.

Прорицатели выражаются о дѣлѣ общими фразами именно потому, что здѣсь менѣе всего возможна ошибка. Какъ въ игрѣ въ „четъ и нечетъ“ скорѣе можно выиграть, говоря просто „четъ“ или „нечетъ“, чѣмъ точно обозначая число, такъ и [скорѣе можно предсказать чтонибудь, говоря], что это *будетъ*, чѣмъ точно обозначая время; поэтому то оракулы не обозначаютъ времени [исполненія своихъ предсказаній]. Всѣ эти случаи похожи одинъ на другой, и ихъ слѣдуетъ избѣгать, если нѣтъ въ виду подобной цѣли. Въ четвертыхъ, слѣдуетъ правильно употреблять роды именъ, какъ ихъ раздѣлялъ Протагоръ²⁾— на мужскія, женскія и среднія, напримѣръ, „придя и переговоривъ, (ἔλθοῦσα καὶ διαλεχθεῖσα) она ушла“. Въ пятыхъ, [слѣдуетъ] соблюдать послѣдовательность въ числѣ, идетъ ли рѣчь о многихъ или о немногихъ или объ одномъ, [напримѣръ], „они, придя, (ἔλθόντες), начали наносить мнѣ удары“.

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это—одно и то же. Этими свойствами не обладаетъ рѣчь со многими союзами, а также рѣчь, въ которой трудно разставить знаки препинанія, какъ, напримѣръ, въ твореніяхъ Ираклита. Разставить знаки въ твореніяхъ Ираклита—[большой] трудъ, потому что неясно, къ чему что относится, къ послѣдующему или къ предыдущему, какъ напримѣръ, въ началѣ своей книги онъ говоритъ: „Относительно

¹⁾ Геродотъ, кн. I, гл. 58 и 91.

²⁾ Протагоръ—ученикій иль софистовъ, въ первый періодъ своей дѣятельности занимался преимущественно грамматикой и риторикой, а затѣмъ отдался исключительно занятіямъ философій.

разума требуемаго всегда люди являются непонятливыми¹. Здѣсь неясно, къ чему нужно присоединить знакомъ [запятой] слово „всегда“.

Ошибка является еще и въ томъ случаѣ, если для двухъ различныхъ понятій употребляется выраженіе, неподходящее [къ нимъ обобщенно], напримѣръ, для звука и цвѣта; выраженіе „увидѣвъ“ не подходит [къ обобщенно этимъ понятіямъ], а выраженіе „замѣтивъ“ подходит. Кроме того неясность получается еще и въ томъ случаѣ, если, намѣреваясь многое вставить, не помѣстишь въ началѣ того, [что слѣдуетъ], напримѣръ, [если скажешь]: „я намѣревался, переговоривъ съ нимъ о томъ то и о томъ то и такимъ то образомъ, отправиться въ путь“, а не такъ: „я намѣревался, поговоривъ, отправиться въ путь“, а потомъ „и случилось то-то и то-то и такимъ то образомъ“.

ГЛАВА VI.

Что способствуетъ пространности и сжатости стили?

Пространности стили способствуетъ употребленіе опредѣленія понятія вмѣсто имени, [обозначающаго понятіе], напримѣръ, — если сказать не „кругъ“, а „плоская поверхность, всѣ конечныя точки которой равно отстоятъ отъ центра“. Сжатости же [стили способствуетъ] противоположное, то-есть [употребленіе] имени вмѣсто опредѣленія понятія. [Можно для пространности поступать слѣдующимъ образомъ], если [въ томъ, о чемъ идетъ рѣчь] есть что-нибудь позорное или неприличное; если есть что нибудь позорное въ понятіи, — можно употреблять имя, если же въ имени, то понятіе. [Можно] также пояснять мысль съ помощью метафоръ и эпитетовъ, остерегаясь при этомъ того, что носятъ на себѣ поэтической характеръ, — а также представлять во множественномъ числѣ то, что существуетъ въ единственномъ числѣ, какъ это дѣлаютъ поэты: хотя существуетъ одна гавань, они все-таки говорятъ:

„Въ Ахейскія гавани“¹),

а также:

„Эти многораскрывающіяся складки письма“²).

[Можно для пространности] не соединять [два слова вмѣстѣ], но къ каждому изъ нихъ присоединять [отдѣльное опредѣленіе], [напримѣръ]

¹) Стихъ, незавѣстно кому принадлежащій.

²) Еврипидъ, Цифгенія въ Тавридѣ, ст. 709.

отъ жены отъ моей, или, для сжатости, напротивъ: отъ моей жены. [Выражаясь пространно], слѣдуетъ также употреблять союзы, а если [выражаться] сжато, то не слѣдуетъ ихъ употреблять, но не [слѣдуетъ] также при этомъ дѣлать рѣчь безсвязной, на примѣръ, можно сказать „отправившись и переговоривъ“, а также: „отправившись, переговорилъ“. Полезна также манера Антимаха ¹⁾,—[при описаніи предмета] говорить о тѣхъ качествахъ, [которыхъ у даннаго предмета] нѣтъ, какъ онъ это дѣлаетъ, воспѣвая гору Тевмессу: ²⁾

Есть небольшой холмъ, обвѣваемый вѣтрами ³⁾.

Такимъ путемъ можно распространить [описаніе] до безконечности. И можно говорить какъ о хорошихъ, такъ и о дурныхъ качествахъ, которыми данный предметъ не обладаетъ—смотря по тому, что требуется. Отсюда и поэты заимствуютъ свои выраженія: „безструнная и безлирная мелодія“. Они производятъ эти выраженія отъ отсутствія качества; этотъ способъ очень пригоденъ въ метафорахъ, основанныхъ на сходствѣ, на примѣръ, если сказать, что труба есть безлирная мелодія.

ГЛАВА VII.

Какими свойствами долженъ обладать стиль? Какъ этого достигнуть?

Стиль будетъ обладать надлежащими качествами, если онъ полонъ чувства, если онъ отражаетъ характеръ и если онъ соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Последнее бываетъ въ томъ случаѣ, когда о важныхъ вещахъ не говорится слегка и о пустякахъ не говорится торжественно, и когда къ простому имени (слову) не присоединяется украшеніе; въ противномъ случаѣ стиль кажется шутовскимъ; такъ, на примѣръ, поступаетъ Клеофонтъ ⁴⁾: онъ упо-

¹⁾ Антимахъ изъ Колофона, эпическій поэтъ, жившій во время Пелопоннесской войны.

²⁾ Тевмесса—гора въ Віотіи; на ней расположенъ городъ того же имени.

³⁾ Въ приводимомъ здѣсь стихѣ мы не находимъ примѣненія только что указанной манеры. Можно предполагать, что Аристотель приводитъ этотъ стихъ лишь затѣмъ, чтобы напомнить своимъ слушателямъ, вѣроятно, хорошо знакомымъ съ произведеніемъ Антимаха, въ какомъ именно отрывкѣ этого произведенія находится упоминаемое имъ описаніе.

⁴⁾ Клеофонтъ—аттическій ораторъ и демагогъ. Ни одна изъ его рѣчей не сохранилась, но у древнихъ писателей встрѣчаются указанія на его болтливость и привычку важнымъ тономъ говорить о пустякахъ. Аристотель упоминаетъ о немъ еще разъ въ I кн. 15 гл. Риторики.

требляеть нѣкоторые обороты подобные тому, какъ если бы онъ сказалъ: „достопочтенная смоковница“. [Стиль] полонъ чувства, если онъ представляется языкомъ человѣка гнѣвающагося, разъ дѣло идетъ объ оскорбленіи, и языкомъ человѣка негодующаго и сдерживающагося, когда дѣло касается вещей безбожныхъ и позорныхъ. Когда дѣло касается вещей похвальныхъ, о нихъ [слѣдуетъ] говорить съ восхищеніемъ, а когда вещей, возбуждающихъ состраданіе, то со смиреніемъ; подобно этому и въ другихъ случаяхъ. Стиль, соотвѣтствующій данному случаю, придаетъ дѣлу видъ вѣроятнаго: здѣсь человѣкъ ошибочно заключаетъ, что [ораторъ] говоритъ искренно, на томъ основаніи что при подобныхъ обстоятельствахъ онъ (человѣкъ) испытываетъ то-же самое, такъ что онъ принимаетъ, что положеніе дѣла таково, какимъ его представляетъ ораторъ. даже если это на самомъ дѣлѣ и не такъ. Слушатель всегда сочувствуетъ оратору, говорящему съ чувствомъ, если даже онъ не говоритъ ничего [основательнаго]; вотъ такимъ то способомъ многіе ораторы, съ помощью только шума, производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей.

Выраженіе мыслей съ помощью знаковъ отражаетъ характеръ [говорящаго], потому что для каждаго положенія и душевнаго качества есть свой соотвѣтствующій языкъ; положеніе я различаю по возрасту, напримѣръ, мальчикъ, мужъ или старикъ,—[по полу], напримѣръ, женщина или мужчина, [по національности], напримѣръ, лаконецъ или оессалиецъ. Душевыми качествами [я называю] то, сообразно чему человѣкъ въ жизни бываетъ такимъ, а не инымъ, потому что образъ жизни бываетъ именно такимъ, а не инымъ въ зависимости не отъ каждаго душевнаго качества; и если ораторъ употребляетъ выраженія, соотвѣтствующія душевному качеству, онъ обнаруживаетъ свой нравственный обликъ, потому что человѣкъ неотесанный и человѣкъ образованный сказали бы не одно и то же и не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. До нѣкоторой степени на слушателей дѣйствуетъ тотъ приемъ, которымъ такъ часто пользуются составители рѣчей: Кто этого не знаетъ? Это всѣмъ извѣстно. Слушатель въ этомъ случаѣ соглашается подъ влияніемъ стыда, чтобы быть причастнымъ тому, чему причастны всѣ остальные люди.

Всѣ эти виды [оборотовъ] одинаково могутъ быть употреблены встать или не встать. При всякомъ несоблюденіи мѣры лѣкарствомъ [должно служить] извѣстное [правило], что человѣкъ долженъ самъ себя поправлять, потому что разъ ораторъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ, его слова кажутся истиной. Кромѣ того не [слѣ-

дуетъ] одновременно пускать въ ходъ всё сходныя между собой средства, потому что такимъ образомъ у слушателя является недо-вѣріе. Я разумѣю здѣсь такой, напримѣръ, [случай]: если слова [оратора] жестки, не [должно] говорить ихъ жесткимъ голосомъ, [дѣ-лать] жесткое выраженіе лица и [пускать въ ходъ всё] другія сходныя средства; при несоблюденіи этого правила всякій [риторическій при-емъ] обнаруживаетъ то, что онъ есть. Если же [ораторъ пускаетъ въ ходъ] одно средство, не [употребляя] другаго, то незамѣтно онъ дости-гаетъ того-же самаго результата; если онъ жесткимъ тономъ говоритъ пріятныя вещи и пріятнымъ тономъ жесткія вещи, онъ лишается довѣрія [слушателей]. Сложныя слова, обиліе эпитетовъ и слова малоупотребительныя всего пригоднѣе для оратора, говорящаго подъ вліяніемъ гнѣва; простительно назвать несчастье „необозримымъ, какъ небо“, или „чудовищнымъ“. [Простительно это] также въ томъ случаѣ, когда ораторъ уже завладѣлъ своими слушателями и воодушевилъ ихъ похвалами или порицаніями, гнѣвомъ или дружбой, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Исократъ въ концѣ своего Панегирика, [говори]: „слава и память“ (φῆμην δὲ καὶ μνήμην) или „тѣ, которые рѣшились“ (ἔτλησαν вм. ἐτόλησαν). Такія вещи люди говорятъ въ состояніи энтузіазма, и выслушиваютъ ихъ люди, очевидно, подъ вліяніемъ та-кого же настроенія. Поэтому то такія выраженія пригодны для поэ-зій, такъ какъ поэзія есть нѣчто боговдохновенное. Ихъ слѣдуетъ употреблять или въ вышеуказанныхъ случаяхъ или съ оттѣнкомъ ироніи, какъ это дѣлалъ Горгіи и каковы [примѣры этого] въ Федрѣ.

ГЛАВА VIII.

Стиль не долженъ быть ни метрическимъ, ни лишеннымъ ритма.

Что касается формы стиля, то онъ не долженъ быть ни метри-ческимъ, ни лишеннымъ ритма. Въ первомъ случаѣ [рѣчь] не имѣ-етъ убѣдательности, такъ какъ кажется выдуманной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлекаетъ вниманіе [слушателей], заставляя слѣдить за возвра-щеніемъ сходныхъ [повышеній и пониженій], совершенно такъ же, какъ дѣти, предупреждая вопросъ глашатаевъ: кого избираетъ своимъ покровителемъ отпускаемый на волю, [кричать:] Клеона ¹⁾. Стиль, лишенный ритма ²⁾, имѣетъ незаконченный видъ, и слѣдуетъ при-

¹⁾ Вѣроятно, Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду произведеніе какого нибудь комика.

²⁾ Ритмъ есть равномерное чередованіе повышеній и пониженій въ какихъ-

дать ему видъ законченности, но не съ помощью метра, потому что все незаконченное неприятно и невразумительно. Все измѣряется числомъ, а по отношенію къ формѣ стила числомъ служитъ ритмъ, метры же его подраздѣленія; поэтому то рѣчь должна обладать ритмомъ, но не метромъ, такъ какъ [въ послѣднемъ случаѣ] получаются стихи. Ритмъ не долженъ быть строго опредѣленнымъ, что получится въ томъ случаѣ, если онъ будетъ простирается лишь до извѣстнаго предѣла. Изъ ритмовъ героической ритмъ отличается торжественнымъ характеромъ и не обладаетъ гармоніей, которая присуща разговорной рѣчи. Ямбъ есть именно форма рѣчи большинства людей. Вотъ почему изъ всѣхъ размѣровъ люди всего чаще произносятъ въ разговорѣ ямбическіе стихи. А рѣчь оратора должна обладать нѣкоторой торжественностью и возвышаться [надъ обыкновенной рѣчью]. Трохей болѣе подходитъ къ комическимъ танцамъ, что доказываютъ тетраметры, потому что тетраметры — ритмъ скачковъ. Затѣмъ остается пэанъ, которымъ пользовались, начиная съ Фрасимаха ¹⁾, но не умѣли объяснить, что это такое. Пэанъ—третій [ритмъ]; онъ примыкаетъ къ вышеупомянутымъ, потому что представляетъ отношеніе трехъ къ двумъ, а изъ преждеупомянутыхъ [ритмовъ] одинъ ²⁾ [представляетъ] отношеніе одного къ одному, а другіе ³⁾ двухъ къ одному; къ этимъ ритмамъ примыкаетъ ритмъ полуторный ⁴⁾, а это и есть пэанъ; остальные [ритмы] слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, какъ по вышеизложеннымъ причинамъ, такъ и потому, что они метричны, пэанъ же слѣдуетъ имѣть въ виду, такъ какъ изъ числа всѣхъ упомянутыхъ нами ритмовъ онъ одинъ не образуетъ стиха, такъ что имъ можно пользоваться наиболѣе пезамѣтнымъ образомъ. Теперь употребляютъ только одинъ видъ пэана, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, а между тѣмъ слѣдуетъ различать конецъ отъ начала. Есть два вида пэана, противоположные одинъ другому; одинъ

бы то ни было звукахъ: въ ударахъ молотка о наковальню, во взмахѣ крыльевъ птицы; метръ есть такое же чередованіе повышепій и пониженій, но лишь въ приложеніи къ человѣческой рѣчи. Ритмъ—понятіе родовое, метръ—видовое (ср. 1 гл. Пѣттики Аристотеля). Здѣсь Ар. утверждаетъ, что художественная проза должна отличаться ритмичностью, но правильность ритма не должна доходить до метровъ, до стихотворнаго размѣра, до стиховъ:

¹⁾ Фрасимахъ—см. 1 гл. III кн. Риторикки. Онъ считается изобрѣтателемъ пэана.

²⁾ То-есть, дактиль и спондей (... — — и — —).

³⁾ То-есть, ямбъ и трохей (— — и — —).

⁴⁾ То-есть, — — — — (пэанъ).

изъ нихъ годенъ для начала (такъ его и употребляютъ); это именно тотъ, у котораго въ началѣ долгій слогъ, а затѣмъ три короткихъ, [напримѣръ]:

Δᾱλὸγῆνῆς εἰτὲ Δύχταν ¹⁾

или: χρῦσῆδ' ἄμᾱ Ἐκᾱτὲ καὶ Δίος.

Другой [видъ пэана], напротивъ, тотъ, въ которомъ три первые слога короткіе, а послѣдній долгій, [напримѣръ]:

μᾶτᾱ δ᾿ ᾱν ὕδατᾱ τ' ὠχεῖν ἠφάνισῶ νόξ.

Этотъ видъ пэана помѣщается въ концѣ, такъ какъ короткій слогъ, по своей неполнотѣ дѣлаетъ [окончаніе какъ бы] увѣчнымъ. Слѣдуетъ кончать долгимъ слогомъ, и конецъ долженъ быть ясенъ не благодаря писцу или какому-нибудь знаку, а изъ самого ритма.

Итакъ мы сказали, что стиль долженъ обладать хорошимъ ритмомъ, а не быть лишеннымъ ритма, [сказали также], какіе ритмы и при какихъ условіяхъ дѣлаютъ стиль ритмичнымъ.

ГЛАВА IX.

Стиль связный и стиль періодическій. Періодъ простой и періодъ сложный.— Два вида сложнаго періода.— Противоположеніе, приравненіе и уподобленіе.

Стиль необходимо долженъ быть или непрерывнымъ (εἰρομένη) и соединеннымъ при помощи союзовъ, каковы прелюдія (ἀναβολαί) въ дионрамбахъ, или же періодическимъ и подобнымъ антистрофамъ древнихъ поэтовъ. Стиль непрерывный—древній стиль: „Нижеслѣдующее есть изложеніе исторія Геродота Оурійскаго“ ²⁾. Прежде этотъ стиль употребляли всѣ, а теперь его употребляютъ немногіе. Я называю непрерывнымъ такой стиль, который самъ по себѣ не имѣетъ конца, если не оканчивается предметъ, о которомъ идетъ рѣчь; онъ неприятенъ по своей незаконченности, потому что всякому хочется видѣть конецъ; по этой то причинѣ [состязывающіеся въ бѣгѣ] задыхаются и обезсиливаютъ на поворотахъ, между тѣмъ какъ раньше они не чувствовали утомленія, вида передъ

¹⁾ Стихъ изъ неизвѣстно какому поэту принадлежащаго дионрамба въ честь Аполлона.

²⁾ Геродотъ былъ родомъ изъ Аликарнасса, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ началѣ своей исторіи, и лишь впоследствии вмѣстѣ со многими другими переселился въ Оуріи, въ южной Италиі.

собой предѣлъ [бѣга]. Вотъ въ чемъ заключается непрерывный стиль; стилемъ же періодическимъ называется стиль, составленный изъ періодовъ. Я называю періодомъ фразу, которая сама по себѣ имѣетъ начало и конецъ, и разиѣры которой легко обозрѣть. Такой стиль пріятенъ и понятенъ; онъ пріятенъ, потому что представляетъ собой противоположность рѣчи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что онъ что то схватываетъ, и что что то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни къ чему не приходится—непріятно. Понятна такая рѣчь потому, что она легко запоминается, а это происходитъ отъ того, что періодическая рѣчь имѣетъ число, [то-есть, имѣетъ], число же всего легче запоминается. Поэтому то всѣ запоминаютъ стихи лучше, чѣмъ прозу, такъ какъ у стиховъ есть число, которымъ они измѣряются. Періодъ долженъ заканчиваться вмѣстѣ съ мыслью, а не разрубаться, какъ стихи Софокла ¹⁾:

Καλιδὼν μὲν ἦδε γαῖα Πελοπίας χθονός,

ибо при такомъ раздѣленіи можно понять сказанное въ смыслѣ, противоположномъ [тому, какой ему хотѣли придать], какъ, напри- мѣръ, въ приведенномъ случаѣ [можно подумать], что Калидонъ— страна Целопопписа.

Періодъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ или быть простымъ. Періодъ состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ (κῶλα), имѣетъ видъ законченной фразы, можетъ быть раздѣленъ на части и произнесенъ съ одного дыханія весь, а не раздѣльно, какъ вышеприведенный періодъ. Кῶλον—членъ періода, одна изъ частей его. Простымъ я называю періодъ одночленный. Ни членъ періода, ни сами періоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляетъ слушателей спотыкаться: въ самомъ дѣлѣ, когда слушатель, еще стремясь впередъ къ тому предѣлу, о которомъ представленіе есть въ немъ самомъ, отбрасывается назадъ, вслѣдствіе прекращенія рѣчи, онъ какъ бы спотыкается, встрѣтивъ препятствіе. А длинные періоды заставляютъ слушателей отставать, подобно тому, какъ бываетъ съ людьми, которые, [гуляя], заходятъ за назначенные предѣлы: они, такимъ образомъ, оставляютъ позади себя тѣхъ, кто съ ними вмѣстѣ гуляетъ. Подобнымъ же образомъ и періоды, если они

¹⁾ Этотъ стихъ принадлежитъ не Софоклу, а Еврипиду и находится въ его Мелеагрѣ (fr. 515). Слѣдующій стихъ гласитъ: ἐν ἀντιπόρθμοις πεδί' ἔχουσι' εὐδαίμονα, и род. пад. Πελοπίας χθονός зависитъ, разумѣется, отъ ἀντιπόρθμοις.

длинные, превращаются въ [цѣлую] рѣчь и дѣлаются подобными прелюдіи, такъ что происходитъ то, по поводу чего Демокритъ Хиосскій ¹⁾ подсмѣялся надъ Меланишидомъ ²⁾, написавшимъ вѣсто антистрофъ прелюдіи:

Мужъ, творящій зло другому, творить зло самому себѣ,
И длинная прелюдія—величайшее зло для того, кто ее написалъ ³⁾.

То же самое можно сказать и о тѣхъ, кто составляетъ длинные періоды. Но слишкомъ короткіе періоды—не періоды, они влекутъ слушателя впередъ [слишкомъ] стремительно.

Періодъ, состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ, бываетъ или раздѣлительный, или противоположительный. Примѣръ раздѣлительнаго періода: „я часто удивлялся тѣмъ, кто установилъ торжественныя собранія и учредилъ гимнастическія состязанія“ ⁴⁾. Противоположительный періодъ—такой, въ которомъ въ каждомъ изъ двухъ членовъ одна противоположность стоитъ рядомъ съ другой, или одинъ и тотъ же членъ присоединяется къ двумъ противоположностямъ. на примѣръ: „они оказали услугу и тѣмъ, и другимъ, и тѣмъ, кто остался, и тѣмъ, кто послѣдовалъ [за ними]; вторымъ они предоставили во владѣніе больше земли, чѣмъ они имѣли дома, первымъ оставили достаточно земли дома“. Противоположности здѣсь: оставаться, послѣдовать, достаточно, больше. Точно также [и въ другой фразѣ]: „и для тѣхъ, кто нуждается въ деньгахъ, и для тѣхъ, кто жаждетъ ими пользоваться“—пользованіе противопоставляется приобрѣтенію. И еще: „часто случается, что при такихъ обстоятельствахъ и разумные люди терпятъ неудачу, и неразумные имѣютъ успѣхъ“. [Или]: „тотчасъ они получили награду за побѣду, а немного спустя они приобрѣли владычество на морѣ“.—[Онъ заставилъ свои войска] „плыть по

¹⁾ Демокритъ изъ Хиоса, музыкантъ, а не извѣстный основатель атомистики Демокритъ изъ Абдеры во Фракіи.

²⁾ Это имя носили два представителя дионрамбической поэзіи, изъ которыхъ одинъ—Меланишидъ Старшій—жилъ въ VI вѣкѣ до Р. Хр., а другой—Меланишидъ Младшій—въ V вѣкѣ до Р. Хр. Здѣсь идетъ рѣчь, вѣроятно, о Младшемъ, такъ какъ съ его времени началась порча дионрамба, музыка взяла верхъ надъ поэзіей и антистрофическое построеніе дионрамба было уничтожено.

³⁾ Гесіодъ, *Ἔργα καὶ Ἡμέραι*, 263. Второй стихъ въ приводимомъ здѣсь двустишіи представляетъ передѣлку стиха Гесіода, который гласитъ такъ: и дурной совѣтъ всего вреднѣе для того, кто его подалъ.

⁴⁾ Этотъ и всѣ слѣдующіе приводимые здѣсь примѣры заимствованы изъ Панегрика Исократя.

материку и идти въспомъ по морю, перекинувъ мостъ черезъ Гелеспонтъ и подкопавъ гору Аэонъ“.— „Силою закона лишать права гражданства тѣхъ, кто по рожденію гражданинъ“.— „Одни изъ нихъ ужасно погибли, другіе позорно спаслись“. — „Въ частной жизни пользоваться услугами рабовъ-варваровъ, въ политикѣ — спокойно смотрѣть на рабство многихъ союзниковъ“. — „Или обладать при жизни, или оставить послѣ смерти“.—И вотъ еще что сказалъ кто то въ судилищѣ относительно Писолая и Ликофрона ¹⁾: „пока они были дома, они продавали васъ, а когда пришли сюда, сами продали себя“.—Всѣ приведенные примѣры производятъ указанное впечатлѣніе. Такой способъ изложенія пріятенъ, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманію, а если онѣ стоятъ рядомъ, онѣ [еще] понятнѣе, а также потому, что [этотъ способъ изложенія] походитъ на силлогизмъ, такъ какъ изобличеніе есть соединеніе противоположностей.

Вотъ что такое противоположеніе (*ἀντίθεσις*). Приравниваніемъ (*παρίστωσις*) называется такой случай, когда оба члена періода равны, уподобленіемъ (*παρομοίωσις*)—когда крайніе слоги обоихъ членовъ сходны; [сходство] необходимо должно быть или въ началѣ, или въ концѣ; въ началѣ бываютъ сходны имена, а въ концѣ—последніе слоги, или [разные] падежи одного и того же имени, или одно и то-же имя. Вотъ примѣры сходства въ началѣ: ἀγρόν γάρ ἔλαβεν ἄγρον παρ' αὐτοῦ (онъ получилъ отъ него безплодное поле), δωρητοί τ' ἐπέλοντο παράρητοί τ' ἐπέεσσι (ихъ можно было умиловитивать подарками, уговорить словами)²⁾. А вотъ примѣры сходства въ концѣ: φήθησαν αὐτὸν παιδίον τέτοχέναι, ἀλλ' αὐτοῦ αἴτιον γεγυέναι (они [не] думали, что онъ родилъ ребенка, а что онъ былъ причиной этого), ἐν κλειστάις δὲ φροντίσι καὶ ἐν ἐλαχίσταις ἐλπίσιν (въ безчисленныхъ заботахъ и въ ничтожнѣйшихъ надеждахъ). [Случай, когда въ концѣ стоятъ] падежи одного и того же имени: ἄξιός δὲ σταθῆναι χαλκοῦς, οὐκ ἄξιός ὢν χαλκοῦ (онъ достоинъ мѣдной статуи, не стѣя мѣдной монеты). [Случай, когда въ концѣ повторяется] одно и то-же слово: οὐ δ' αὐτὸν καὶ ζῶντα ἔλαγες

¹⁾ Писолай и Ликофронъ—братья жены Александра Ферейскаго, убившіе его и завладѣвшіе послѣ его смерти властью (IV вѣкъ). Съ ними велъ борьбу Филиппъ Македонскій. Какъ можно предположить изъ этого мѣста, они сначала держались враждебнаго образа дѣйствій по отношенію къ Авиналѣ, а потомъ принуждены были просить ихъ помощи, для чего прибѣгали къ подкупамъ.

²⁾ Илиада, IX 526.

κακῶς καὶ νῦν γράφεις κακῶς (ты и при жизни его говорил о нем дурно, и теперь пишешь дурно). [Случай, гдѣ сходство заключается] въ одномъ слогѣ: τί ἄν ἔλαθες θεῖόν, εἰ ἄνδρ' εἶδες ἀργόν; (Какого рода неудовольствіе ощутилъ бы ты, если бы увидѣлъ челоуѣка безъ дѣла?). Но можетъ случиться, что одна и та-же [фраза] включаетъ въ себѣ все виѣстѣ: и противоположеніе, и равенство членовъ, и сходство окончанія. [Различныя] начала періодовъ перечислены въ сочиненіяхъ Θεοδέκτα ¹⁾. Но бываютъ и ложныя противоположенія, какія, напри- мѣръ, употреблялъ Эпихармъ ²⁾: „То я былъ въ ихъ странѣ, то я былъ у нихъ“.

ГЛАВА X.

Откуда почерпаются изящныя и удачныя выраженія?—Какой родъ метафоръ наиболѣе заслуживаетъ вниманія?

Разобравъ этотъ вопросъ, слѣдуетъ сказать о томъ, откуда происходятъ изящныя и удачныя выраженія. Изобрѣсти ихъ—дѣло челоуѣка даровитаго или пріобрѣтшаго навыкъ, а показать, [въ чемъ ихъ особенности], есть дѣло этой науки. Итакъ поговоримъ о нихъ и перечислимъ ихъ. Начнемъ воть съ чего: естественно, что всякому пріятно легко научиться [чему нибудь], а всякое слово имѣетъ нѣкоторый опредѣленный смыслъ, поэтому всего пріятнѣе для насъ тѣ слова, которыя даютъ намъ какое нибудь знаніе. Слова необычныя намъ непонятны, а слова общеупотребительныя—мы понимаемъ. Наиболѣе достигаетъ этой цѣли метафора, напри мѣръ, если поэтъ ³⁾ называетъ старость стеблемъ, остающимся послѣ жатвы, то онъ научаетъ и сообщаетъ свѣдѣнія съ помощью родоваго понятія, ибо и то, и другое—нѣчто отцвѣтшее. То-же самое дѣйствіе производятъ уподобленія, употребляемыя поэтами, и потому они кажутся изящными, если только они хорошо выбраны. Уподобленіе, какъ было

¹⁾ Θεοδέκτης—ученикъ Исократы, Платона и Аристотеля, хотя отношенія его къ послѣднему были, быть можетъ, скорѣе отношеніями единомышленника и друга, чѣмъ ученика. Онъ написалъ „Риторику“, въ которой, по видимому, заключалось развитіе основныхъ положеній Аристотеля относительно риторическаго искусства, чтѣ и могло подать поводъ Аристотелю ссылаться на нее, какъ на свое собственное сочиненіе.

²⁾ Эпихармъ съ острова Коса—знаменитый комическій поэтъ, жилъ въ VI—V вв. до Р. Хр.

³⁾ Одиссея, XIV 214.

сказано раньше ¹⁾, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением [слова сравнения]; она меньше правится, такъ какъ она длиннѣе, она не утверждаетъ, что „это—то“, и нашъ умъ этого не требуетъ.

Итакъ тотъ стиль и тѣ эпитимы по необходимости будутъ изящны, которыя сразу сообщаютъ намъ знанія; поэтому то поверхностныя эпитимы не въ чести; (мы называемъ поверхностными тѣ эпитимы, которыя для всякаго очевидны и въ которыхъ ничего не нужно изслѣдовать); не [въ чести] также эпитимы, которыя, когда ихъ произнесутъ, представляются непонятными. Но [наибольшимъ почетомъ пользуются тѣ эпитимы], произнесение которыхъ сопровождается появлениемъ нѣкотораго познанія, даже если этогопознанія раньше не было, или тѣ, по поводу которыхъ разумъ немного остается позади; потому что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ какъ бы пріобрѣтается нѣкоторое познаніе, а въ первыхъ [двухъ] нѣтъ. Подобныя эпитимы пользуются почетомъ ради смысла того, что въ нихъ говорится: что же касается внѣшней формы рѣчи, то [наибольшее значеніе придается эпитимамъ], въ которыхъ употребляются противоположенія, на примѣръ, „считая ихъ всеобщій миръ войною, объявленной нашимъ собственнымъ интересамъ“; здѣсь война противопоставляется миру. [Эпитима можетъ производить впечатлѣніе] и отдѣльными словами, если въ ней заключается метафора, и притомъ метафора ни слишкомъ далекая, потому что смыслъ такой трудно понять, ни слишкомъ поверхностная, потому что такая не производитъ никакого впечатлѣнія. [Имѣетъ] также [значеніе та эпитима], которая изображаетъ вещь передъ нашими глазами, ибо нужно больше обращать вниманіе на то, что есть, чѣмъ на то, что будетъ.

Итакъ нужно стремиться къ этимъ тремъ вещамъ: 1) метафорѣ, 2) противоположенію, 3) наглядности,

Изъ четырехъ родовъ метафоръ наиболѣе заслуживаютъ вниманія метафоры, основанныя на аналогіи; такъ, на примѣръ, Периклъ ²⁾ говорилъ, что юношество, погибшее на войнѣ, точно такъ же исчезло изъ государства, какъ если бы кто нибудь изъ года уничтожилъ весну. И Лептинъ ³⁾ по поводу лакедемонянъ [говорилъ], что онъ

¹⁾ Гл. 4, кн. III.

²⁾ Этотъ же примѣръ Аристотель приводитъ въ 7 гл. I кн. Риторики.

³⁾ Лептинъ уважаемый Аѳинскій гражданинъ, современникъ Демосеена, предложившій законъ объ ограниченіи освобожденія отъ государственныхъ податей, противъ котораго съ успѣхомъ возсталъ Демосеенъ. Приводимыя здѣсь слова

не допустить, чтобы Эллада стала крива на одинъ глазъ. И когда Харитъ ¹⁾ торопился сдать отчетъ по Олинеской войнѣ, Киписодотъ ²⁾ сердился, говоря, что онъ старается сдать отчетъ въ то время, когда народъ „кипитъ въ котлѣ“. Такъ и вѣкогда [ораторъ], приглашая аѳинянъ, запасшись провѣантомъ, идти въ Еввію, говорилъ, что постановленіе Мильтіада должно „выступить въ походъ“ ³⁾. И Ификратъ ⁴⁾ выражалъ неудовольствіе по поводу договора, заключеннаго аѳинянами съ Эпидавромъ и всей прибрежной страной, говоря, что они сами отняли у себя провѣантъ на время войны. И Писолай называлъ парадъ ⁵⁾ палицею народа и Систъ ⁶⁾—рѣшетомъ Пирея. И Периклъ требовалъ уничтоженія Эгины, „этого гноя на глазахъ Пирея“. И Мироклъ ⁷⁾, назвавъ одно изъ уважаемыхъ лицъ, сказалъ, что самъ онъ нисколько не хуже этого лица, потому что оно поступаетъ худо въ размѣрѣ процентовъ, равняющихся трети [ста], а онъ въ размѣрѣ процентовъ равныхъ десятой части. [Такой же смыслъ имѣеть] и ямбъ Анаксандрида ⁸⁾ о дочеряхъ, которыя опаздывали замужествомъ:

Дѣвушки у меня просрочили время вступленія въ бракъ.

И слова Полиевкта ⁹⁾ о нѣкоемъ Спеваппѣ, пораженномъ апоплексіей, что онъ [ни одной минуты] не можетъ провести спокойно,

Лептина произнесены въ народномъ собраніи тогда, когда лакедемоняне, потерпѣвъ поражение въ борьбѣ съ еванцами, обратились за помощью къ аѳинянамъ.

¹⁾ Харитъ (Χάρης) — аѳинскій полководецъ невысокихъ нравственныхъ качествъ. Во время борьбы Олинея съ Филиномъ Македонскимъ аѳиняне два раза посылали ему (Олинеу) на помощь войско подъ предводительствомъ Харита. Объ одномъ изъ этихъ походовъ здѣсь и идетъ рѣчь.

²⁾ Аѳинскій полководецъ и ораторъ (IV в. до Р. Хр.).

³⁾ По объясненію схолиаста, мѣсто это слѣдуетъ понимать такъ: какъ Мильтіадъ, безъ дальнихъ размышленій, двинулся противъ Ксеркса, такъ и мы, не размышляя долго, должны помочь Еввіи противъ еванцевъ.

⁴⁾ Аѳинскій полководецъ. О немъ Аристотель упоминаетъ въ VII гл. кн. I.

⁵⁾ Парала—одна изъ аѳинскихъ государственныхъ кораблей.

⁶⁾ Городъ съ гананью у самаго узкаго мѣста Гелеспонта.

⁷⁾ Мироклъ—аттическій ораторъ; онъ былъ противникомъ македонской партіи, почему и попалъ въ число тѣхъ лицъ, выдачи которыхъ требовалъ Александръ Македонскій.

⁸⁾ Анаксандридъ—поэтъ средней комедіи, жилъ въ первой половинѣ IV вѣка до Р. Хр.

⁹⁾ Полиевктъ—аѳинскій государственный челоѣкъ и ораторъ, другъ Демосфена и ревностный приверженецъ анти-македонской партіи.

хотя судьба связала его болѣзнью съ пятью отверстіями ¹⁾. И Кифисодотъ называлъ тріеры пестрыми мельницами ²⁾, а Діогенъ ³⁾— харчевни аттическими фидитіями (спартанскія общія трапезы); и Эсіонъ ⁴⁾ [говорилъ], что они „вылили государство въ Сицилію“. Это выраженіе метафорическое и наглядное. И [выраженіе] „такъ что [вся] Греція испустила крикъ“ есть нѣкоторымъ образомъ метафора и наглядно. И какъ Кифисодотъ совѣтовалъ [аѳинянамъ] остерегаться, какъ бы не дѣлать много скопищъ, народныхъ собраній. И Исократъ [говорилъ тоже] о сбѣгавшихся на торжественныя празднества. И какъ [сказано] въ эпитафій ⁵⁾: „достойно было бы, чтобы пасть могилой [воинновъ], павшихъ при Саламинѣ, Греція остригла себѣ волосы, какъ похоронившая свою свободу вмѣстѣ съ ихъ доблестью“. Если бы онъ сказалъ, что [грекамъ] стѣбитъ пролить слезы, такъ какъ ихъ доблесть погребена — [это было бы] метафора и [наглядно, но [приведенныя слова] заключаютъ въ себѣ нѣкоторое противоположеніе свободы доблести. И какъ Ификратъ ⁶⁾ сказалъ: путь моихъ рѣчей пролегаетъ посреди Харитовыхъ ⁷⁾ дѣяній, Здѣсь [употреблена] метафора по аналогіи, и выраженіе „посреди“ дѣлаетъ [фразу] наглядной. И выраженіе „призывать опасности на помощь противъ опасностей“ есть метафора, дѣлающая фразу наглядной. И Ликолеонтъ ⁸⁾, защищая Хаврія ⁹⁾, [сказалъ]: какъ, вы не уступите мольбамъ мѣдной статуи, воздвигнутой въ честь его? Это была метафора для данной минуты, но не навсегда; хотя она наглядна:

¹⁾ Приводимое здѣсь Аристотелемъ слово обозначаетъ собственно орудіе для наказанія преступниковъ, состоявшее изъ дерева съ пятью отверстіями для ногъ, рукъ и шеи.

²⁾ Почему тріеры называются мельницами, неизвѣстно; быть можетъ, потому что на тріерахъ привозился изъ другихъ странъ нужный для Аѳинъ хлѣбъ.

³⁾ Въ греческомъ текстѣ вмѣсто имени Діогена стоитъ слово „собака“, бывшее прозвищемъ Діогена циника.

⁴⁾ Эсіонъ — Аттический ораторъ времени Демосеена.

⁵⁾ Это невѣрная цитата изъ эпитафія Лисія(?), гдѣ рѣчь идетъ объ аѳинянахъ, павшихъ въ сраженіи на Гелеспонтѣ, а не при Саламинѣ.

⁶⁾ См. выше, пр. 4 на стр. 36.

⁷⁾ См. пр. 1 на стр. 36.

⁸⁾ Ликолеонтъ — аѳинскій ораторъ, ученикъ Исократа. Изъ его рѣчей извѣстна только одна — въ защиту Хаврія.

⁹⁾ Хаврій — знаменитый аѳинскій полководецъ. Въ 366 г. онъ подвергся обвиненію по поводу передачи Фивамъ Оропа, но былъ оправданъ. Къ этому эпизоду, вѣроятно, и относится рѣчь Ликолеонта.

когда онъ (Хаврій) находится въ опасности, за него просить его статуя ¹⁾, неодушевленное [какъ бы становится] одушевленнымъ, этотъ памятникъ дѣяній государства. Таково и [выраженіе]: они всѣми силами стараются о томъ, чтобы быть малодушными ²⁾, потому что стараться значитъ увеличивать что нибудь. [Таково же и выраженіе]: Богъ зажегъ въ душѣ разумъ, какъ свѣточъ, потому что оба слова, [то-есть, зажегъ и свѣточъ, наглядно] изображаютъ нѣчто. [То же самое]: „мы не прекращаемъ войны, а откладываемъ ихъ“; и то, и другое, и отсрочка, и подобный миръ относится къ будущему ³⁾. [Сюда же относится выраженіе], что мирный договоръ—трофей гораздо болѣе прекрасный, чѣмъ [трофеи], полученные на войнѣ ⁴⁾, потому что послѣдніе [получаются] за неважныя вещи или за одно какое нибудь случайное стеченіе обстоятельствъ, а первые—за всю войну; и тотъ, и другіе — признаки побѣды. [Сюда же относится и выраженіе], что для государствъ большимъ наказаніемъ служить осужденіе людей, потому что наказаніе есть справедливо [намъ причиняемый] ущербъ.

ГЛАВА XI.

Еще объ изящныхъ выраженіяхъ: что такое наглядность? Отношеніе наглядности къ метафорѣ.—Откуда слѣдуетъ заимствовать метафоры?—„Обманываніе“ слушателя: апофтегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанныя на перестановкѣ буквъ и на созвучіи, омонимы.—Сравненіе, отношеніе его къ метафорѣ.—Пословицы и гиперболы и ихъ отношеніе къ метафорѣ.

Итакъ мы сказали, что изящество получается изъ метафоры по аналогіи и изъ оборотовъ, изображающихъ вещь наглядно; теперь слѣдуетъ сказать о томъ, что мы называемъ „нагляднымъ“ и результатомъ чего является наглядность. Я говорю, что тѣ выраженія представляютъ вещь наглядно, которыя изображаютъ ее въ дѣйствіи, напримѣръ, выраженіе, что нравственно хорошій человѣкъ четырехуголешъ ⁵⁾, есть метафора, потому что оба эти понятія совершенны,

¹⁾ Статуя, воздвигнутая въ честь Хаврія, изображала его колѣнопреклоненнымъ, въ память того, что онъ первый приказалъ своему войску въ колѣнопреклоненномъ положеніи встрѣтить натискъ врага. Здѣсь Аристотель намекаетъ на эту, какъ бы умоляющую нову статуи.

²⁾ Примѣръ изъ Псократова Панегрика, § 151 и слл.

³⁾ Ibid. § 172.

⁴⁾ Ibid. § 180.

⁵⁾ Это понятіе „четыреугольнаго“ въ приложеніи къ нравственно хорошему человѣку Аристотель повторяетъ въ Этикѣ Никомаха, кн. 1, гл. VIII.

но они не обозначаютъ дѣйствія. А [выраженіе] „онъ находится въ цвѣтѣ, силѣ“¹⁾ означаетъ проявленіе дѣятельности, а также: „тебѣ какъ животное, свободно пасущееся [въ священномъ округѣ]“²⁾. Точно также:

Тогда Греки, воспрянувъ своими быстрыми ногами³⁾.

Выраженіе „воспрянувъ“ означаетъ дѣйствіе и есть метафора, потому что оно заключаетъ въ себѣ понятіе быстроты. И какъ Гомеръ часто пользовался [этимъ оборотомъ], съ помощью метафоры представляя неодушевленное одушевленнымъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ употребленія выраженій, означающихъ дѣйствіе, фразы выигрываютъ, какъ, на примѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.⁴⁾

и:

..... и отпрыгнула быстро перчатая злая (стрѣла)⁵⁾.

..... и прыгнула стрѣлка

Остроконечная, жадная въ сонмы влетѣтъ сопротивныхъ⁶⁾

и: (копья)

Въ землю вонзаяся стояли, насытитъ алчная тѣломъ⁷⁾.

и:

..... сквозь перси пробилось бурное жало,

Рея впередъ⁸⁾.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ предметы, будучи изображены одушевленными, кажутся дѣйствующими, такъ какъ понятія „обманывать“, „реять“ и т. п. означаютъ проявленіе дѣятельности. [Поэтъ] примѣнилъ ихъ съ помощью метафоры по аналогіи, потому что какъ камень относится къ Сизифу, такъ поступающій безстыдно относится къ тому, по отношенію къ кому онъ поступаетъ безстыдно. [Поэтъ] пользуется удачными образами, говоря о предметахъ неодушевленныхъ: (бура)

..... воздымаетъ

Горы kloкочущихъ волнъ по немолчно шумящей пучинѣ,
Грозно нависнувшихъ, пѣнныхъ, одиѣ, а за ними другія⁹⁾.

¹⁾ Исократъ, Прѣс Филиппов § 10.

²⁾ Ibid. § 127.

³⁾ Еврипидъ, Ифигенія въ Авлидѣ, ст. 80.

⁴⁾ Od. XI 598.

⁵⁾ П. XIII 587.

⁶⁾ П. IV 126.

⁷⁾ П. XI 574.

⁸⁾ П. XV 542.

⁹⁾ П. XIII 797—799.

[Здѣсь поэтъ] изображаетъ все движущимся и живущимъ, а дѣйствіе есть движеніе.

Метафоры нужно заимствовать, какъ мы это сказали и раньше ¹⁾, изъ области предметовъ сродныхъ, но не явно сходныхъ, подобно тому, какъ и въ философiи считается свойствомъ мѣткого [ума] видѣть сходство и въ вещахъ, далеко отстоящихъ одни отъ другихъ, какъ, напримѣръ, Архитъ ²⁾ говорилъ, что судья и жертвенникъ—одно и то же, потому что къ тому и другому прибѣгаетъ все, что терпитъ несправедливость. Или еслибы кто-либо сказалъ, что якорь и кремаера ³⁾—одно и то же: и то, и другое нѣчто сходное, но отличается [одно отъ другаго] положеніемъ: одно наверху, другое внизу. И [выраженіе] „государства нивелировались“ [отмѣчаетъ] сходство въ [предметахъ] далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго, именно, равенство въ могуществѣ и въ поверхности.

Большая часть изящныхъ оборотовъ получается съ помощью метафоръ и посредствомъ обманыванія [слушателя]: для него становится яснѣе, что онъ узналъ что-нибудь [новое], разъ это послѣднее противоположно тому, [что онъ думалъ]; и разумъ тогда какъ бы говорить ему: Какъ это вѣрно! А я ошибался. И изящество апофтегма является слѣдствіемъ именно того, что онѣ значатъ не то, что въ нихъ говорится, какъ, напримѣръ, изреченіе Стисихора, что стрекозы для самихъ себя будутъ нѣтъ на землѣ ⁴⁾. По той же самой причинѣ пріятны хорошо составленныя загадки: [онѣ сообщаютъ нѣкоторое] знаніе и въ нихъ употребляется метафора. [Сюда же относится то], что Θεодоръ ⁵⁾ называетъ „говорить новое (καινά)“; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда [мысль] парадоксальна и когда она, какъ говоритъ Θεодоръ, не согласуется съ ранѣе установленнымъ мнѣніемъ, подобно тому, какъ въ шуткахъ употребляются измѣненные слова; то же дѣйствіе могутъ производить и шутки, основанныя на перестановкѣ буквъ въ словахъ, потому что [и тутъ слушатель] впадаетъ въ заблужденіе. [То же самое бываетъ] и въ стихахъ, потому

¹⁾ См. выше, гл. 10.

²⁾ Архитъ изъ Тарента, государственный дѣятель, полководецъ, пифагорейскій философъ и математикъ, другъ Платона.

³⁾ Висячій корабль въ комедіи и трагедіи.

⁴⁾ Эта фраза Стисихора приводится Аристотелемъ выше, во II кн. 21 гл.

⁵⁾ Θεодоръ изъ Византіи, риторъ и софистъ, современникъ Сократа. Аристотель упоминаетъ о немъ еще ранѣе, въ 23 гл. II кн.

что они заканчиваются не такъ, какъ предполагалъ слушатель, на-
примѣръ:

Онъ шелъ, имѣя на ногахъ отмороженныя мѣста ¹⁾).

Слушатель полагалъ, что будетъ сказано сандалии [а не отморо-
женныя мѣста]. Такіе обороты должны становиться понятными не-
медленно послѣ того, какъ они произнесены. А когда [въ словахъ]
измѣняются буквы, то говорящій говорить не то, что говоритъ, а
то, что значитъ получившееся искаженіе слова, таковы, напри-
мѣръ, слова Θεοδора къ кнеареду Никону ²⁾: ερακίανκα [произвела] тебя
[на свѣтъ]. Θεοδορὸς дѣлаетъ видъ, что говоритъ: это тебя трево-
жить ³⁾, и обманываетъ [слушателя], потому что на самомъ дѣлѣ
онъ говоритъ нѣчто иное. Поэтому [эта фраза] доставляетъ удоволь-
ствіе тому, кто ее повялъ, а для того, кто не знаетъ, что Никонъ—
ερακίεψ, [фраза] не покажется изящной. Или еще фраза: ты хочешь
его погубить—или: ты хочешь, чтобы онъ сталъ на сторону персовъ ⁴⁾.
И въ томъ, и въ другомъ смыслѣ фраза должна быть сказана над-
лежащимъ образомъ. То же самое [можно сказать] и объ изящныхъ
фразахъ, напри-
мѣръ, если говорится: главенство на морѣ для аеи-
нанъ не было началомъ бѣдствій, потому что они извлекли изъ него
пользу ⁵⁾. Или, какъ [говорилъ] Исократъ, что главенство послужило
для государства началомъ бѣдствій ⁶⁾. Въ обоихъ случаяхъ произ-
несено то, произнесенія чего трудно было бы ожидать, и признано
вѣрнымъ. Сказать, что начало есть начало—не есть большая муд-
рость, но [это слово] употребляется не такимъ же образомъ, а иначе.
и ἀρχὴ повторяется не въ томъ же самомъ смыслѣ, а въ другомъ.
Во всѣхъ этихъ случаяхъ выходитъ хорошо, если слово надлежащимъ
образомъ употреблено для омониміи или метафоры, напри-
мѣръ: Ана-

¹⁾ Неизвѣстно, откуда заимствована эта цитата.

²⁾ Никонъ—комикъ средней или новой комедіи, авторъ комедіи „Кнеаредъ“
(Κηναρέδος).

³⁾ Не поддающаяся переводу игра словъ, основанная на созвучіи: Θράττω=
τράττω—тревожу и Θράττη—ερακίανκα(?). Никонъ, повидимому, былъ сыномъ
рабыни ερακίανки.

⁴⁾ Подобная же игра словъ, основанная на созвучіи: πέρσαι (отъ πέρθω)
уничтожить, погубить и Πέρσης—персы.

⁵⁾ Игра словъ, основанная на двойномъ значеніи слова ἀρχή—начало и гла-
венство.

⁶⁾ Исократъ. Πρὸς Φίλιππον, § 61.

схетъ невыносимъ ¹⁾, здѣсь употреблена омонимія, и [употреблена] надлежащимъ образомъ, если [Анаскетъ дѣйствительно] человекъ неприятный. Или:

Ты не можешь быть для насъ болѣе чужимъ, чѣмъ слѣдуетъ чужестранцу ²⁾,

или: не болѣе, чѣмъ ты долженъ быть, чужестранецъ; это—одно и то же. И „чужестранецъ не долженъ всегда оставаться чужимъ“; и здѣсь у слова различный смыслъ. То же самое можно сказать и о восхваляемыхъ словахъ Анаксандрида ³⁾:

Прекрасно умереть, прежде чѣмъ сдѣлаешь что-нибудь достойное смерти.

Сказать это — то же самое, что сказать: „стоить умереть, не стоа смерти“, или „стоить умереть, не будучи достойнымъ смерти“, или „не дѣлая чего-нибудь достойнаго смерти“. Въ этихъ фразахъ одинъ и тотъ же способъ выраженія, при чемъ чѣмъ фраза короче и чѣмъ сильнѣе въ ней противоположеніе, тѣмъ она удачнѣе; причина этого та, что отъ противоположенія сообщаемое свѣдѣніе становится полнѣе, а при краткости оно получается быстрѣе. При этомъ всегда должно быть лицо, къ которому фраза относится, и фраза должна быть правильно сказана, если то, что говорится, правда и не нѣчто пошлое, потому что эти качества могутъ не совпадать. Такъ, напримѣръ, „слѣдуетъ умирать, ни въ чемъ не погрѣшивъ“; [смыслъ здѣсь вѣренъ], но выраженіе не изящно. Еще: „достойный долженъ жениться на достойной“; это не изящно. Но если [фраза] обладаетъ обоими качествами, напримѣръ, „достойно умереть не достойному смерти“, [то она изящна]. Чѣмъ больше [фраза отвѣчаетъ вышеуказаннымъ требованіямъ], тѣмъ она изящнѣе, напримѣръ, если имена употреблены, какъ метафоры, и если [въ фразѣ] есть подобнаго рода метафоры, и противоположеніе, и приравненіе, и дѣйствіе.

И сравненія, какъ мы сказали это выше ⁴⁾, суть нѣкоторымъ образомъ метафоры, всегда правящіяся. Они всегда состоятъ изъ двухъ

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ одно и то же слово ἀνάσχετος употреблено, какъ имя собственное (Анаскетъ) и прилагательное (невыносимый). Подобно этому въ латинскомъ языкѣ говорится *Lepidus non lepidus*.

²⁾ Стихъ неизвѣстнаго поэта; чужой и чужестранецъ въ греческомъ текстѣ передано черезъ одно и то же слово ξένος.

³⁾ Анаксандридъ—см. выше, прим. 8 на стр. 36.

⁴⁾ См. начало 4 гл.

понятій, какъ метафора по аналогіи, напримѣръ, мы говоримъ, что щить—фіалъ Аресъ ¹⁾, а лукъ—безструнная лира ²⁾. [Говора] такимъ образомъ, употребляютъ [метафору] не простую, а назвать лукъ лирой и щить фіаломъ [значить употребить метафору] простую. Такимъ то образомъ дѣлаются сравненія, напримѣръ, игрока на флейтѣ съ обезьяной и человѣка близорукаго съ потухающимъ свѣтильникомъ, потому что и тотъ, и другой мигаютъ. Сравненіе удачно, когда въ немъ есть метафора, такъ, напримѣръ, можно сравнить щить съ фіаломъ Ареса, развалины съ лохмотьями дома; сюда же [относится] и сравненіе: „Никиратъ ³⁾ — это Филоктетъ, укушенный Пратіемъ“, которое употребилъ Эрасимахъ ⁴⁾, увидя, что Никиратъ, побѣжденный Пратіемъ въ декламациі, отпустилъ себѣ волосы и неопрятевъ. На этомъ, то-есть, когда [сравненіе] неудачно, поэты всего чаще проваливаются, и за это же, то-есть, когда [сравненіе] удачно, ихъ всего больше прославляютъ. Я разумѣю тѣ случаи, когда поэтъ, напримѣръ, говорить:

Его голени искривлены, какъ сельдерей ⁵⁾

Или:

Какъ Филаммонъ ⁶⁾ сражаясь со своимъ мѣшкомъ ⁷⁾.

Всѣ подобныя выраженія представляютъ собой сравненія. А что сравненія не что иное, какъ метафоры, объ этомъ мы говорили много разъ.

И пословицы—метафоры отъ одного рода вещей къ другому, напримѣръ, если кто-нибудь самъ введетъ въ себѣ кого-нибудь, расчитывая отъ него попользоваться, и потомъ терпитъ отъ него вредъ, то говорятъ: „это какъ карпатскій ⁸⁾ житель и заяцъ“, ибо оба одинаково потерпѣли.

¹⁾ Этотъ примѣръ встрѣчается у Аристотеля выше, въ концѣ 4 гл.

²⁾ См. выше, конецъ гл. 6.

³⁾ Никиратъ — сынъ полководца Никія, знавшій наизусть всю Одиссею и Илиаду; онъ состязался съ современными ему ратисодами и былъ побѣжденъ ратисодомъ Пратіемъ.

⁴⁾ См. выше, прим. 1 на стр. 14.

⁵⁾ Стихъ неизвѣстнаго поэта.

⁶⁾ Филаммонъ, извѣстный, какъ побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ.

⁷⁾ Дѣло идетъ объ особаго рода гимнастическомъ упражненіи, состоявшемъ въ томъ, что атлеты переживали другъ къ другу большой кожаный мѣхъ, наполненный смоковичными зернами, пескомъ или мукою и укрѣпленный на веревкѣ у потолка.

⁸⁾ Карнавъ (Κάρναβο;)—островъ между Критомъ и Родосомъ. На немъ не

Такимъ образомъ, мы, можно сказать, выяснили, изъ чего образуются изящные обороты рѣчи и почему.

И удачныя гиперболы—метафоры, напримѣръ, о избитомъ лицѣ можно сказать: его можно принять за корзину тутовыхъ ягодъ, такъ подъ глазами сине. Но это въ значительной мѣрѣ преувеличено. Выраженія съ „подобно тому какъ“ и „такъ то и такъ то“—гиперболы, отличающіяся только формой.

Какъ Филаммонъ сражаясь со своимъ мѣшкомъ.

[Это сравненіе становится гиперболой въ такой формѣ]: можно подумать, что это — Филаммонъ, сражающійся съ мѣшкомъ. [Еще]: имѣть ноги кривыя, какъ сельдерей, и: можно подумать, что у него не ноги, а сельдерей, такъ онѣ изогнуты. Есть гиперболы, посвящія дѣтскій характеръ, онѣ заключаютъ въ себѣ преувеличеніе; поэтому ихъ чаще всего употребляютъ подъ вліяніемъ гнѣва:

Или хоть столько давалъ бы мнѣ, сколько песка здѣсь и праху....¹⁾

Дщери супругой себѣ не возьму отъ Атрея сына,

Если красою она со злой Афродитою споритъ,

Если искусствомъ работъ свѣтлоокой Аениѣ подобна²⁾.

Чаще всего пользуются гиперболами Аттическіе риторы. Человѣку же пожилому не подобаетъ употреблять ихъ.

Н. Платонова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

водилось зайцевъ; одному изъ жителей острова издумалось привезти туда нѣсколько ихъ, но въ короткое время они до такой степени размножились, что стали опустошать поля.

¹⁾ П. IX 385.

²⁾ Ibid. ст. 388—390.

О НОВѢЙШИХЪ РАСКОПКАХЪ ВЪ ПОМПЕЯХЪ.

Съ 1882 года ¹⁾ раскопки въ Помпеяхъ велись преимущественно въ двухъ частяхъ города: на южной его сторонѣ, то-есть на томъ склонѣ лавоваго потока ²⁾, который обращенъ къ морю, и на сѣверо-восточной сторонѣ нынѣшнихъ раскопокъ, то-есть въ сѣверной части Помпей. По официальному обозначенію это будутъ II ins. VIII reg., ins. VII reg. IX и ins. II reg. V, а также инсулы 3, 4 и 5-я той же regio ³⁾. Фасады домовъ первой изъ разрытыхъ частей выходятъ частью (№ 12—20) на Str. della Scuola, то-есть продолженіе восточнаго портика гражданскаго форума, частью на vicolo del teatri—продолженіе (почти подъ прямымъ угломъ) предыдущей улицы, ведущее къ треугольному форуму.

Инсулы V-й и IX-й regio расположены по обѣимъ сторонамъ Ноланской улицы, одной изъ главныхъ артерій города, дѣлящихъ его съ запада на востокъ (cardo). Въ восточномъ своемъ концѣ улица эта замыкается Ноланскими воротами, въ западномъ она еще не вполне раскопана. Каждая изъ названныхъ частей города имѣетъ свой особый характеръ, свою особую фізіономію. Ноланская улица, наряду съ Ста-

¹⁾ Все раскопанное до этого года описано въ извѣстномъ сочиненіи Овербека-Мау Помпей, 4-ое изд., и занесено на планъ, приложенный къ этому труду.

²⁾ Помпей, какъ извѣстно, основаны на затвердѣвшемъ лавовомъ потокѣ, направлявшемся изъ Везувія къ морю. См. объ этомъ Overb. Mau P. p. 6.

³⁾ Какъ извѣстно Fiorelli во время своего управленія раскопками раздѣлялъ Помпей на regiones, то-есть части города, кварталы, ограниченные большими улицами, а эти послѣдніе на insulae, то-есть комплексы домовъ, ограниченные съ четырехъ сторонъ улицами и переулками. См. Fiorelli Descrizione p. 24, Ov.-M. P. p. 37. Дѣленіе на regiones теперь спутано отсутствіемъ второго decumanus, существованіе котораго предположено Фиорелли. Въ инсулахъ 3, 4 и 5 раскопаны только фасады домовъ, выходящихъ на Ноланскую улицу.

бійской главная проѣзжая улица города, въ западномъ давно уже разрытомъ концѣ обставлена большими домами, часто занимающими цѣлый кварталъ, съ многочисленными лавками и наемными помѣщеніями (сепасула, шаепіана); таковъ извѣстный домъ Пансы, таково и большинство сосѣднихъ домовъ. Жили здѣсь, очевидно, богатые купцы и вообще люди дѣловые. Чѣмъ дальше къ воротамъ, тѣмъ дома становятся меньше, бѣднѣе, тѣмъ большее попадаетъ количество еермополій, мастерскихъ и промышленныхъ заведеній, замѣнившихъ собой большія лавки богатыхъ домовъ; часто весь домъ есть одинъ еермополій. Очевидно, мы въ части города, населенной бѣднымъ людомъ. Вообще вся Ноланская улица, несмотря на огромную величину нѣкоторыхъ домовъ, не аристократическая улица; аристократы въ Помпеяхъ старались подалеже уйти отъ грохота телѣтъ, шума народа, совершающаго свои закупки въ лавкахъ, грохота какой нибудь лавки мраморныхъ издѣлій. Отъ всего этого они удалялись на окраины города. Однимъ изъ такихъ излюбленныхъ аристократіей кварталовъ, наряду съ кварталами, по извѣстной Меркуріевой улицѣ ¹⁾, была южная часть VIII квартала (2 insula). Здѣсь вездѣ большіе роскошные дома въ нѣсколько этажей, съ огромными террасами и прелестными мозаиками. Кромѣ отдаленности отъ промышленной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ близости къ форумамъ и театрамъ, такая аристократичность этой части города объясняется, несомнѣнно и главнымъ образомъ, тѣми прелестными видами, которые открывались (да и теперь открываются) на долину Сарно, густо заселенную и покрытую роскошными вилами, на горы и голубой Неанолитанскій заливъ ²⁾. Что владѣтели этихъ домовъ высоко цѣнили такое положеніе, ясно видно изъ того, что каждый домъ здѣсь снабженъ одной или нѣсколькими террасами, которыя являются не второстепенными частями дома, а играютъ роль перистила, то-есть центра и средоточія всей домашней жизни римлянъ въ позднѣйшее время. Помпеянцы вообще высоко цѣнили хорошій видъ, хорошее мѣстоположеніе. Кромѣ нашего квартала, объ этомъ ясно говорить и расположеніе виллъ по Герку-

¹⁾ Называемой еще Strada della Signoria.

²⁾ Къ сожалѣнію, эта часть города, какъ лежавшая наиболѣе на виду, болѣе другихъ подверглась разграбленію послѣдующихъ поколѣній; да и самимъ Помпеянамъ легче было изъ этой, менѣе другихъ засыпанной, части города доставать свои драгоценности. Поэтому только случайно уцѣлѣвшіе остатки могутъ намъ дать понятіе о роскоши убранства этихъ домовъ. Кромѣ того многіе изъ зданій были захвачены катастрофой во время передѣлокъ (№№ 36 и 37).

ланской дорогѣ, особенно виллы на правой ея сторонѣ (считая отъ Помпей). Съ террасы виллы Диомеда также долженъ былъ открываться прелестный видъ (приблизительно тотъ же, что теперь съ городской стѣны у Геркуланскихъ воротъ ¹⁾).

Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ раскопки велись и за городомъ: по Нуцеривской и Стабійской дорогамъ.

Глава I.

Раскопки въ южной части города.

Разсмотримъ прежде всего зданія 2-й инсулы VIII квартала. Всѣ дома здѣсь имѣютъ одинъ и тотъ же видъ: это большія зданія, расположенныя по склону холма и поэтому спускающіяся террасами внизъ. Число террасъ отъ 2-хъ до 5-ти ²⁾. Планъ зданій часто весьма запутанъ и, хотя и придерживается общаго плана римскаго дома, но больше приспособляется къ мѣстности, къ тому участку земли, который имѣлся въ распоряженіи архитектора, участку весьма неправильной формы ³⁾. Наибольше типичны и интересны изъ числа находящихся въ этой инсулѣ зданія дома подъ 32—35, 23—25 и 17—21.

Домъ №32—35 ⁴⁾ есть большое зданіе, спускающееся двумя террасами по склону холма. Первый этажъ, лежащій нѣсколько выше уровня улицы, содержитъ большой тосканскій атрій съ выложеннымъ мраморомъ имплювиемъ и окружающія атрій комнаты. *Fauces* ⁵⁾, наклоненныя къ улицѣ, были отдѣлены отъ нея двумя порогами: лавовымъ и травертиновымъ; на второмъ видны слѣды массивной двери. Въ нихъ вдоль обѣихъ стѣнъ находится замурованныя скамейки, гдѣ сидѣлъ

¹⁾ О любви древнихъ къ природѣ, особенно къ видамъ на море см. Friedländer *Sittengesch.* t. II° p. 206.

²⁾ Двѣ въ домѣ 32—35, пять въ домѣ 17—21 (надо замѣтить, что въ Помпеяхъ, какъ и вездѣ въ Италіи, каждая дверь имѣетъ свой номеръ).

³⁾ Напримѣръ, участокъ дома № 17—21.

⁴⁾ См. объ этомъ домѣ *Mith. d' Arch. Inst. (Röm. Abth.)* за 1886 годъ p. 148—157 (Mau) и *Not. d. Scavi 1885* г. p. 163 sqq. (Sogliano).

⁵⁾ Въ нашемъ домѣ мы имѣемъ то, что Витрувій называетъ *prothyron* (у грековъ *διάθρον*), то-есть пространство между уличной дверью и дверью въ атрій. Явленіе это необычное: его можно указать въ Помпеяхъ еще только въ *Casa di Adone* (*domus M. Asellini* VI, 7, 18) и *di Cecilio Incundo* (V, 1, 26). Другое названіе для этого пространства—*fauces*, вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда вторыхъ дверей не было. См. *Vitr.* VI, 10 (7) 1 и 5; VI, 4, 5, также *Ov.-M. Pomp.* p. 255 и *Marquardt Privatleben* p. 236, n. 8.

швейцарь (*atriensis*) и рабы лицъ, явившихся въ гости къ хозяину дома. Третій мраморный порогъ отдѣляетъ *fauces* отъ атрія; онъ носить слѣды легкой (вѣроятно, металлической) двери, запиравшейся, вѣроятно, замкомъ, такъ какъ для задвижекъ отверстій въ порогѣ нѣтъ ¹⁾). По обѣимъ сторонамъ передней находятся два комплекса комнатъ: на право (*tsvw* на планѣ) ²⁾ кухня, комната повара и лѣстница въ верхній этажъ, налѣво двѣ комнаты, одна на уровнѣ улицы, другая выше (*vd*), первоначально соединенныя съ улицей и сосѣдней лавкой (№ 35). Назначеніе ихъ опредѣлить трудно ³⁾. Комнаты направо и налѣво отъ атрія большею частью кладовыя и другія хозяйственныя помѣщенія; жизнь семьи, очевидно, ушла отсюда въ нижній этажъ (что наблюдается и въ большинствѣ домовъ въ Помпеяхъ въ эту эпоху, гдѣ жизнь семьи сосредоточивалась въ комнатахъ около перистилля, здѣсь эти комнаты замѣнены нижнимъ этажемъ, перистиль—террасами).

Помѣщенія около атрія интересны одной особенностью, являющейся, насколько намъ извѣстно, единичнымъ явленіемъ въ Помпеяхъ: они имѣли, насколько можно судить по слѣдамъ на ихъ порогахъ, не одну, а двѣ двери, изъ которыхъ первая отпиралась въ атрій, вторая внутрь комнаты. Объяснить это явленіе можно желаніемъ сдѣлать помѣщенія болѣе теплыми (въ кубикулахъ) ⁴⁾ и болѣе крѣпко запертыми (въ кладовыхъ). Одна изъ комнатъ (*e* на планѣ) имѣла мезонинъ: на высотѣ 1,68 м. былъ сдѣланъ второй полъ и потолокъ и соответственно этому въ двери (имѣвшей первоначально 3,50 м. въ вышину) новый архитравъ. Нижняя часть сдѣлана была кладовой (слѣды полокъ), верхняя, доступная, вѣроятно, только посредствомъ деревянной лѣстницы, рабскимъ кубиколомъ (или чердакомъ для храненія всякаго хлама). Съ подобными мезонинами намъ не разъ еще придется встрѣчаться и вообще они явленіе обыкновенное въ Помпеяхъ ⁵⁾. Алае были приспособлены къ хозяйственнымъ цѣлямъ: въ правой сдѣлали шкафъ, въ лѣвой—кладовую ⁶⁾. Въ атрій широкой дверью открывался

¹⁾ Подобное явленіе наблюдается еще только въ *Casa del Fauno* и *d'Adone*

²⁾ См. планъ т. № 1.

³⁾ Комната *v*, можетъ быть, есть *sezzo*, какъ показываютъ глиняныя трубы въ стѣнѣ, служившія для спуска нечистотъ изъ верхняго этажа.

⁴⁾ О чувствительности древнихъ къ переменамъ температуръ мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства въ нѣкоторыхъ кубикулахъ Помпей (см. ниже).

⁵⁾ Впрочемъ, надо отмѣтить, что почти вездѣ они являются только послѣдствіемъ передѣлокъ; дома самнитскаго періода мезонинновъ не знаютъ. (См. новый домъ, нижнія комнаты нашего и многихъ другихъ).

⁶⁾ Это опять таки явленіе обычное въ Помпеяхъ. Вообще помпеянцы, очевидно,

таблицъ, первоначально бывшій открытымъ по всю свою ширину, а по обѣимъ его сторонамъ два трикулія (п и о). За этими комнатами открывалась терраса, теперь обрушившаяся, размѣры которой мы постараемся опредѣлить впослѣдствіи. Надъ нѣкоторыми изъ комнатъ вокругъ атрія существовалъ верхній этажъ: уже упомянутая лѣстница въ комнатѣ t вела въ верхній этажъ надъ комплексомъ tsrw, таковая же въ о въ верхній этажъ комплекса шпо; можетъ быть, и боковыя комнаты также имѣли его.

Роспись комнатъ описываемаго этажа нашего дома дошла до насъ, въ сожалѣнію, въ весьма печальномъ состояніи; сдѣлана она частью въ послѣднемъ, частью въ третьемъ стиляхъ ¹⁾. Остатки первоначальной декорировки въ первомъ стилѣ сохранились (какъ и въ большинствѣ случаевъ) только въ наиболѣе простыхъ комнатахъ; здѣсь на лѣвой стѣнѣ vestibulum

не знали, что имъ дѣлать съ традиціонными алае и старались выдумать имъ какое нибудь назначеніе. (Въ Casa di Epidio Rufo IX, 1, 2 ala dextra превращена въ домашнее святилище (Ov. M. P. p. 299), въ Casa di Lucrezio (IX, 3, 3)—въ проходную комнату (ibid. p. 316); въ casa di Laberinto (VI, 11, 9—10)—въ кладовую (ibid. p. 344), въ шкафъ—casa d. Centenario (ibid. p. 356). Только въ очень большихъ домахъ алае не получали какого нибудь спеціального назначенія (casa di Paapa, del Fauno). Кладовая въ лѣвой алѣ очень интересна: въ ней видно, что прикрѣпленные въ дырахъ брусья (служившіе обыкновенно для полокъ) здѣсь шли восо вверхъ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что на эти брусья (при посредствѣ колышковъ, вбитыхъ въ нихъ) навѣшивалась кухонная посуда.

¹⁾ Считаю здѣсь не лишнимъ указать на отличительныя черты каждаго изъ 4 стилей помпейской живописи, такъ какъ стиль живописи служить однимъ изъ самыхъ важныхъ критеріевъ для возстановленія исторіи зданія. Первый стиль характеризуется стремленіемъ передать въ стукѣ стѣну инкрустованную мраморомъ; время его 200—70 г. (то-есть время втораго, самнитскаго или туфонаго, періода въ исторіи помпейской архитектуры). Второй стиль, сохраняя мотивы перваго, подражаетъ инкрустаціи стѣны мраморомъ уже только живописью по стуку; онъ вводитъ картину и симметрическое дѣленіе стѣны (время этого стиля отъ 80 г. до Рожд. Хр.). Третій стиль, сохраняя мотивы втораго, трактуетъ стѣну не архитектурно, а орнаментально; всѣ составныя части стѣны служатъ ему только полями для нѣжныхъ и тонкихъ орнаментовъ. Изъ этого стиля рядъ декорировокъ, вводящихъ дѣлящимъ членомъ канделябры и пилястры вмѣсто колоннъ, выдѣляется въ особую группу т. н. канделябернаго стиля (время третьяго стиля отъ Р. Хр. до 50 г. по Р. Хр., канделяберно-переходное время между 2-мъ и 3-мъ стилями). Наконецъ, четвертый стиль или стиль упадка обнимаетъ большинство декорировокъ Помпей. Характеристическія его особенности—яркія краски, замѣна тонкихъ тщательно-выдѣланныхъ орнаментовъ грубыми, полная фантастичность его архитектуръ и проламываніе ими стѣны. Обо всемъ этомъ см. Mau, Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompei; ему принадлежитъ честь открытія и разграниченія стилей.

и на прилегающей части фасада. Одновременны росписи въ первомъ стилѣ большинство половъ, сдѣланныхъ частью изъ мозаики, частью изъ *opus signinum* ¹⁾. Въ атрии и боковыхъ комнатахъ полы изъящны, но просты, въ таблинѣ же и триклиніяхъ мозаики, составляющія полы этихъ комнатъ, принадлежатъ къ наиболѣе изъящнымъ и тонкимъ работамъ этого рода въ Помпеяхъ, съ которыми могутъ сравниться только лучшія изъ мозаикъ дома Фавна. Таблинѣ весь выложенъ бѣлой мозаикой, посрединѣ находится квадратъ изъ цвѣтной мозаики, въ который вписанъ кругъ, состоящій изъ черныхъ и бѣлыхъ треугольниковъ и квадратовъ. Въ углахъ большаго квадрата утки натуральныхъ цвѣтовъ. Въ правомъ триклиніи середина комнаты занята была (при раскопкахъ въ мартѣ 1885 года, теперь всѣ мозаики въ Неаполитанскомъ музеѣ) великолѣпной мозаичной картиной, изображающей голубковъ, пьющихъ изъ золотого (или золоченаго) сосуда съ пожками въ видѣ львиныхъ лапъ. Въ сосудѣ плаваеъ вѣтка съ мелкими плодами. Три голубя, сидя на краю сосуда, пьютъ изъ него, одинъ собираеся сѣсть около нихъ и два другихъ сидятъ на мраморномъ столѣ, на которомъ и покоится сосудъ. Картина по тонкости работы можетъ идти въ сравненіе съ извѣстными голубками капитолинскаго музея (изъ виллы Адриана). Окружена картина рамкой изъ плодовъ (жолудей, гранатовъ, грушъ и т. п.), листьевъ и трагическихъ масокъ (ср. рамку извѣстной мозаики "Ахратосъ изъ дома Фавна" ²⁾ (Zahn II F. N. X. № 93) ³⁾. Третья, хуже сохранившаяся мозаика, найденная во второмъ триклиніи, изображаетъ льва, схватившагося съ пантерой.

Перейдемъ къ описанію нижняго этажа. Онъ распадается на двѣ части: первая лежитъ выше второй на 1,15 м. Въ этотъ этажъ можно было попасть посредствомъ коридора, доступнаго съ улицы и изъ комнаты q (проходная, особеннаго назначенія, вѣроятно, не имѣвшая) верхняго этажа. Коридоръ въ верхней своей части былъ первоначально

¹⁾ Родъ массы изъ гипсового цемента, смѣшаннаго съ толченымъ кирпичемъ. Въ этой массѣ выводились рисунки (геометрическія фигуры) бѣлыми и разноцвѣтными камешками. Названіе свое получилъ отъ гор. Signia. См. объ этомъ прототипѣ мозаики Ov. M. P. p. 506, 699. Примѣры у Zahn'a II, 56, 79, 96, 99, гдѣ можно прослѣдить исторію мозаики отъ ея возникновенія изъ *op. Sign.*

²⁾ Вторая мозаика 1,15 м. въ квадр., третья 0,87 × 0,75. Описаны Giulio de Petra въ Not. d. Scavi 1885 г. p. 162 и Mau Mitth. I. c. Изображеніе картины съ голубками у Niccolini Le case ed i monumenti di Pompei, Nuovi Scavi tav. V.

³⁾ Ср. также мозаичный порогъ изъ того же дома Zahn III F. III. II. pl. XXVI.

открыть (затѣмъ его покрыли плоскимъ потолкомъ), нижняя его часть крыта сводомъ, не идущимъ однако параллельно уклону коридора. Этотъ коридоръ приводилъ въ широкой коридоръ ϵ , куда выходили всѣ комнаты верхней части втораго этажа. Изъ нихъ δ была первоначально триклиніемъ; впоследствии триклиній былъ превращенъ въ кладовую, на что указываютъ дыры въ стѣнахъ, служившія для укрѣпленія полокъ. Комната была полутемной. Изъ ея двухъ оконъ—большее выходитъ въ темный коридорчикъ (ι), верхнее, очень небольшое, на верхнюю террасу. Рядомъ съ бывшимъ триклиніемъ находится кубикулъ и два рабскихъ помѣщенія съ мезонинами (α и β). Во вторую часть нижняго этажа изъ коридора ϵ велъ небольшой коридорчикъ η , имѣющій довольно большой уклонъ и оканчивающійся двумя ступеньками. Эта часть дома была, очевидно, главнымъ средоточіемъ жизни семьи. Она состояла изъ двухъ триклиніевъ, очень большаго кубикула (λ), кладовой (ζ) и коридорчика (ι). Всѣ эти комнаты заканчивались широкой террасой, на которую χ , λ и θ первоначально открывались широкими дверьми; впоследствии двери были превращены въ окна. Терраса была огорожена каменной рѣшеткой, подобную которой мы имѣемъ на террасѣ сосѣдняго дома, около гробницъ Маміи, одной изъ гробницъ перекрестка Геркуланской дороги и одной изъ Нуцеринскихъ гробницъ. Въ западномъ правомъ углу террасы находится очагъ, служившій, вѣроятно, не только для подогрѣванія кушаній, какъ предполагаетъ пр. Мау, но и для согрѣванія сосѣдней стѣны большаго кубикула, выложенной *tegulae mammatae* ¹⁾. Въ другомъ углу этой террасы находится небольшой бассейнъ, вѣроятно, для дождевой воды, рядомъ съ которымъ часть террасы была отдѣлена барьеромъ. Между этимъ барьеромъ и стѣной террасы была, вѣроятно, насыпана плодородная земля, гдѣ росли цвѣты; вода въ бассейнѣ употреблялась для ихъ поливки ²⁾. Террасу поддерживали арки изъ известняковыхъ и туфовыхъ кирпичей.

¹⁾ Стѣна должна была быть очень сырой и холодной: въ сосѣднемъ домѣ за ней нѣтъ жилаго помѣщенія, а идетъ грунтъ, на которомъ стоятъ сосѣдній домъ. Стѣны, выложенныя *teg. mammatae* для устранения сырости, встрѣчаются въ Помпеяхъ еще въ портикѣ около храма Аполлона и въ домѣ Фавна (гдѣ впрочемъ употреблены въ дѣло простыя кирпичи, замѣняющіе употребленные въ другихъ комнатахъ свинцовыя листы). См. объ этомъ Nissen *Pompejanische Studien* p. 216 и 658, *Ov. M. op. c.* p. 104 и 352. О *tegulae mammatae* Nissen *op. c.* p. 65 и *Ov. M.* p. 227.

²⁾ Не надо предполагать, что стѣна продолжалась вдоль всей террасы (*N. d. Sc.* 85 г. p. 257); цвѣты, вѣроятно, росли только на этой сторонѣ террасы.

Теперь нѣсколько словъ объ исторіи нашего дома, о его постепенныхъ измѣненіяхъ. Зданіе въ главныхъ своихъ частяхъ выстроено въ туфовомъ періодѣ, совпадающемъ со временемъ перваго декоративнаго стиля. Въ верхнемъ этажѣ этому періоду принадлежитъ: часть фасада налѣво отъ входа, лѣвая и частью правая стѣна *fauces* и стѣны атрия (за исключеніемъ задней). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ углы изъ известняковыхъ плитъ и частью известняковый, частью лавовый *incertum*. Къ тому же періоду, вѣроятно, относятся и нѣкоторые углы и косяки первой части нижняго этажа ¹⁾. Впрочемъ, этотъ этажъ подвергся настолько значительнымъ перестройкамъ, что первоначальными можно считать только стѣны кубикюла γ , триклинія δ и стѣны, отдѣляющія эту часть дома отъ остальныхъ (комнаты α и β были выстроены уже послѣ того, какъ δ и γ были расписаны въ канделяберномъ стилѣ). Способъ же стройки этихъ первоначальныхъ стѣнъ совершенно одинаковъ съ способомъ стройки древнихъ стѣнъ верхняго этажа. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что первая часть нижняго этажа первоначально въ нашемъ домѣ; въ такомъ случаѣ и терраса верхняго этажа, вѣроятно, доходила до крайней стѣны этой части.

Несомнѣнно, что вторая часть нижняго этажа моложе первой. Это видно изъ слѣдующаго:

1) Способъ стройки всѣхъ его стѣнъ (углы изъ туфовыхъ кирпичей, чередующихся съ известняковыми и обыкновенными) одинаковъ съ способомъ стройки наиболѣе новыхъ частей верхняго этажа ²⁾.

2) Какъ уже сказано, большой триклиній δ имѣлъ въ послѣднее время самое скудное освѣщеніе: большое его окно (1,12—0,71) выходитъ въ темный коридорчикъ, меньшее же окно (0,50×0,20) не могло давать достаточно свѣта. Очевидно, что когда триклиній имѣлъ свое первоначальное назначеніе, окно его выходило не въ темный коридоръ, а, вѣроятно, на террасу, занимавшую часть нынѣшняго нижняго этажа ³⁾. Можно конечно предположить, что коридоръ болѣе

¹⁾ Сравни углы нижняго этажа этого дома съ углами дома di Popidio Priaco (VII, 2, 20) и вновь открытаго большаго дома въ V regio. И тамъ, и здѣсь углы и косяки состоятъ изъ сравнительно небольшихъ, правильно выработанныхъ известняковыхъ плитъ. Такой способъ стройки Мау отнести къ послѣднимъ временамъ перваго декоративнаго стиля, то-есть, ко времени незадолго до выведенія Сулланской колоніи, см. Mitth. 1893 г. p. 28 и Geschichte d. decor. Wandmalerei in Pompeji p. 93.

²⁾ Перечисленіе этихъ частей въ отчетѣ Мау op. cit. p. 150.

³⁾ Существованіе такой террасы можно только предположить, такъ какъ позднѣйшія перестройки совершенно уничтожили ея слѣды.

позднѣяго происхожденія, чѣмъ окружающія комнаты, но такое предположеніе не оправдывается способомъ стройки его; да если бы даже окно выходило въ большую комнату, триклинію оно бы достаточно свѣта не давало.

3) Пилястръ, стоящій у правой стѣны триклиніи и несомнѣнно позднѣй по происхожденію (онъ только прислоненъ къ стѣнѣ, а не связанъ съ ней), имѣетъ тотъ же способъ стройки, что и углы второй части нижняго этажа.

Такимъ образомъ, въ исторіи дома можно установить слѣдующія три эпохи: 1) Построенъ выѣстъ съ первой частью нижняго этажа въ туфовомъ періодѣ. 2) Задняя стѣна атрия перестроена, но таблицъ оставленъ открытымъ; замурованы двери изъ ν на улицу и въ соседнюю лавку. 3) Таблицъ сѣуженъ, первоначальная терраса нижняго этажа расширена и застроена комнатами; выстроены комнаты α и β ; триклиній δ и кубикулъ γ превращены въ кладовыя; выстроены пилястръ δ ¹⁾.

Черезъ два дома отъ описаннаго находится большое частное банное заведеніе²⁾. Что бани были частныя, а не общественныя, за это говоритъ и ихъ расположеніе среди частныхъ домовъ (помпеянскія общественныя бани занимаютъ каждая по цѣлой инсулѣ), и ихъ, сравнительно съ извѣстными намъ общественными банями, незначительныя размѣры, наконецъ ихъ тѣсное соединеніе съ прилегающимъ осермополиемъ (владѣлецъ банъ былъ, конечно, и владѣльцемъ осермополия). Такимъ образомъ, можно быть вполне увѣреннымъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ небольшими частными, открытыми для публики (конечно, за плату: платными были и общественныя оермы) банями³⁾. Возникновеніе такихъ банъ не представляетъ ничего удивительнаго. При любви римлянъ къ посѣщенію банъ, при той роли, которую онѣ

¹⁾ Если мы правильно опредѣлили изначальное существованіе нижняго этажа, то этимъ подтверждается предположеніе Mau объ оккупациіи городской стѣны еще въ туфовомъ періодѣ. *Mau Pomp. Beiträge* p. 241 sqq. и онъ же въ *Bullet. archéol.* 1884—1885 г. p. 85 sqq. 210 sqq.

²⁾ Описано въ *Mitth.* за 1888 г. p. 194 sqq (Mau) и *Not. d. Scavi* за 1889 г. p. 114 sqq. (Sogliano). См. планъ т. II №№ 22—25.

³⁾ Кроме этихъ банъ намъ по надписямъ извѣстны еще двѣ частныя бани въ Помпеяхъ: *balneum Venerium* (CIL IV 1136) и *thermae M. Crassi Frugi* (CIL X 1063). Можетъ быть, о частныхъ баняхъ Агриппы идетъ рѣчь въ фрагментированномъ *dipinto* на одной изъ нуцерянскихъ гробницъ, хотя и странна форма *baln(e)us*; см. списокъ надписей у *Mau Sepolcri della via Nucерina* подъ № 10 (*Mitth.* 1888 г. p. 146), также у *Sogliano Not. d. Sc.* 1887, p. 39 n. 27.

играли въ жизни каждаго римлянина вполне понятно, что два банныхъ заведенія сравнительно небольшихъ размѣровъ не могли удовлетворять потребностямъ города ¹⁾. Самъ городъ понималъ это и уже началъ строить новыя общественныя бани (на Стабійской улицѣ), захваченныя катастрофой еще неоконченными ²⁾. Разъ существовалъ спросъ, должно было явиться и предложеніе. Можно быть увѣреннымъ, что описываемыя бани не долго останутся единственными въ Помпеяхъ; на окраинахъ города навѣрное будетъ найдено не одно еще подобное заведеніе ³⁾. Возникновеніе же банъ именно въ данномъ мѣстѣ города можетъ быть объяснено, вѣроятно, кромѣ сравнительной отдаленности отъ общественныхъ банъ удобнымъ положеніемъ ихъ между гражданскимъ и треугольнымъ форумами. Не малой приманкой для посѣтителей служило, вѣроятно, и тѣсное соединеніе банъ съ еермополіемъ (чего нѣтъ въ общественныхъ баняхъ), благодаря которому, сидя въ залахъ около палестры, можно было созерцать упражненія палестритовъ за ставаномъ вина ⁴⁾. Перейдемъ однако къ описанію банъ.

Бани, несомнѣнно, принадлежать въ теперешнемъ своемъ видѣ къ императорской эпохѣ. На это указываетъ и способъ стройки (углы изъ кирпичей), и декоровка послѣдняго стиля. Изъ измѣненій во внѣшнемъ видѣ банъ отмѣтимъ, какъ важнѣйшее, присоединеніе четырехъ боковыхъ комнатъ (pqrs на планѣ), принадлежавшихъ первоначально сосѣднему дому (№ 21). Отсутствіе косяковъ у дверей этихъ комнатъ (двери, очевидно, были проломаны въ стѣнѣ) и явные слѣды замурованныхъ дверей, ведущихъ въ атрий сосѣдняго дома (особенно хорошо видно въ комнатѣ s), ясно говорятъ объ этомъ. Присоединеніе это произошло въ эпоху четвертаго декоративнаго стиля: упомя-

¹⁾ Можно, конечно, думать, что въ неразрытыхъ частяхъ города найдутся еще общественныя бани, но и для разрытыхъ а—в города существующихъ банъ было мало.

²⁾ Онѣ описаны у Ov. M. Pomp. p. 223 sqq и еще подробнѣе въ Bull. Archéol. за 1877 и 78 г. pp. 214 sqq. и 251 sqq.

³⁾ Таково и мнѣніе May Führer durch Pompeji (Neapel 1893 г.) p. 4 (der noch fehlende Theil wird vermuthlich an öffentlichen Gebäuden nur einige Tempel und Badeanlagen enthalten); намъ только кажется, что скорѣе можно надѣяться на открытіе частныхъ банъ, чѣмъ *несколькихъ* общественныхъ.

⁴⁾ О питъѣ вина въ баняхъ см. Петронія Satirae 28, 15 съ примѣч. Фридендера. Sen. Ep. 122, 6, гдѣ, какъ кажется, указано именно на питъе въ палестрѣ: *Atqui frequens adulescentium vitium est, qui vires excolunt, ut in ipso pae- ne balinei limine inter nudos bibant, immo potent.*

нутыя комнаты, какъ и остальные въ баняхъ, декорованы въ этомъ стилѣ; слѣдовъ болѣе древней росписи не сохранилось. Это послѣднее, а въ особенности то, что въ одной изъ отдѣленныхъ отъ сосѣдняго дома комнатъ устроенъ фригидарій, необходимая составная часть бань, заставляетъ предположить, что домъ не былъ выстроенъ для цѣлей бань, но только приспособленъ въ позднюю императорскую эпоху къ этой цѣли. Планъ дома не противорѣчитъ этому предположенію, а скорѣе подтверждаетъ его: въ общемъ это планъ обыкновеннаго римскаго дома. Наименѣе подверглась измѣненію передняя часть дома, наиболѣе—комнаты около бывшаго атрия ¹⁾. Такимъ образомъ, время устройства бань совпадаетъ со временемъ наибольшей нужды въ заведеніяхъ такого рода: форумскія и стабійскія еермы были недостаточны для возростающаго населенія, а новыя, центральныя, какъ ихъ называетъ Мау, не начали еще строиться: все благопріятствовало частной инициативѣ. Изъ остальныхъ измѣненій въ домѣ наиболѣе важны тѣ, которыя претерпѣла палестра. Существовавшій первоначально съ двухъ ея сторонъ портикъ былъ уничтоженъ и такимъ образомъ вся палестра сдѣлалась открытою. Сдѣлано это было, конечно, для доставленія большаго простора палестритамъ, вѣроятно въ виду все возрастающаго ихъ числа (бани, очевидно, имѣли успѣхъ). Колонны прежняго портика, какъ показываетъ одна сохранившаяся база, были мраморныя; было ихъ 6 (двѣ на зап. сторонѣ, 4, считая конечно угловую, на сѣверн., кромѣ того ниластръ у южной стѣны и таковой же, вѣроятно, у восточной). Нѣсколько позже, какъ кажется, комната g была отдѣлена отъ палестры низенькой стѣной.

Входовъ въ бани было три; главный, ведущій прямо въ палестру, имѣлъ очень оригинальную дверь. Въ порогѣ отверстія для задвижекъ расположены такъ, что одно изъ нихъ находится на разстояніи 1, 15 м. отъ косяка, другое—только на 0,58. Такимъ образомъ, дверь вѣроятно была двустворчатой, съ однимъ крыломъ больше другаго ²⁾.

¹⁾ По всей вѣроятности, онѣ были снесены для полученія большаго свободнаго пространства, нужнаго для палестры. Это подтверждаетъ большая величина правой отъ входа части палестры сравнительно съ лѣвой.

²⁾ Противъ возможности существованія такой двери высказался Sogliano; онъ признаетъ возможность случайнаго возникновенія такъ расположенныхъ дыръ въ порогѣ, уже бывшемъ разъ въ употребленіи. По его мнѣнію, здѣсь была обыкновенная трехстворчатая дверь, гдѣ средняя часть запиралась ключемъ. При провѣркѣ выводовъ Мау на мѣстѣ намъ его реконструкція не казалась невозможной, и врядъ ли дверь, возстановленная имъ, имѣетъ такую *difficulta technica*, какъ думаетъ Sogliano. См. *Not. d. Sc.* 1889 p. 115.

Fauces украшены изображеніемъ, въ бѣлой съ чернымъ мозаикѣ, двухъ борющихся атлетовъ (ср. извѣстныхъ геркуланскихъ борцовъ). Другой входъ посредствомъ узкаго коридора вель прямо въ комнату для туалета атлетовъ t, наконецъ третій—въ еермополій, а оттуда уже въ палестру. Еермополій, состоящій кромѣ комнаты съ прилавкомъ изъ кухни и небольшой комнатки рядомъ съ ней ¹⁾, соединенъ съ fauces окошккомъ. Такое соединеніе, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что стоявшій за прилавкомъ былъ обизанъ и деньги получать съ входившихъ ²⁾. Вдоль всего фасада идетъ замурованная свамья, служившая для рабовъ, ожидавшихъ здѣсь своихъ мывшихся господъ ³⁾.

Палестра, какъ мы уже сказали, первоначально состояла изъ портика и открытаго пространства, собственно назначеннаго для гимнастическихъ упражненій; этимъ объясняется разница между декоровкой ея южной и восточной стѣны и декоровкой сѣверной и западной. Послѣднія имѣютъ простую роспись на черномъ фонѣ надъ краснымъ цоколемъ. Гораздо интереснѣе и по исполненію, и по сюжетамъ декоровка двухъ другихъ стѣнъ, ограничивающихъ первоначальное открытое пространство ⁴⁾. Фонъ декоровки голубое небо; на немъ вырисовываются изящныя легкія архитектуры (въ частяхъ близкихъ къ зрителю наблюдаются преимущественно яркіе цвѣта: зеленый, красный, желтый), представляющія собой то навильоны, то другіи полуфантастическія зданія. Колонны построекъ соединены деревяннымъ парапетомъ, на обѣихъ оконечностяхъ котораго находится по трагической маскѣ. Цоколь, въ соотвѣтствіи съ то выступающими, то уходящими въ глубь архитектурами, также представленъ то выступающимъ, то уходящимъ. Фигуры изображенія распадаются на два разряда: главныя фигуры суть изображенія атлетовъ, въ разныхъ положеніяхъ стоящихъ среди архитектуръ, второстепенныя—представляютъ подражаніе бронзовымъ статуямъ, стоящимъ на выступающихъ ча-

¹⁾ На назначеніе комнаты, вѣроятно, указываетъ надпись, найденная здѣсь... S BELLISSIMV(m) (fu) TVERVNT, ср. reg. V ins. II надпись въ комнатѣ при еермополіи N 10—11. Bull. archeol. 1885 г. р. 253 (Mau); ср. также Friedl. Sittengeschichte II, 44.

²⁾ Подтверждаетъ это и то, что меньшая половинка двери (большею частью отпиравшаяся) находится у этого окна.

³⁾ Ср. свамья въ форуускихъ и стабійскихъ баняхъ Ov. M. Romp. p. 201, 214 и 224.

⁴⁾ Изображеніе восточной стѣны у Niccolini t. III Nuovi Scavi tav. III и южной ibidem tav. VI. Нѣкоторыя фигуры изображены (не въ краскахъ) въ отчетѣ Mau l. с.

стяхъ цоколя. На восточной стѣнѣ изъ первыхъ фигуръ находятся двѣ: Арохуомепос, счищающій со лба масло и песокъ; около него стоитъ мальчикъ съ круглымъ сосудомъ, подвѣшеннымъ на колечкѣ. Вторая картина изображаетъ атлета побѣдителя: онъ повалилъ своего противника и собирается еще разъ поразить его, ожидая только знака отъ публики. Къ нему спѣшными шагами приближается третій, повернутый во что то бѣлое, съ тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ и съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ, предназначенной, очевидно, для побѣдителя ¹⁾. Далѣе стоитъ атлетъ побѣдитель въ плющевомъ (?) вѣнкѣ, съ пальмой въ одной рукѣ и съ красной повязкой въ другой. На южной стѣнѣ за изображеніемъ другаго Арохуомепос, отчищающаго себѣ бокъ, изображенъ большой павильонъ съ четырьмя колоннами во фронтѣ, соединенными паранетомъ. Въ срединѣ четырехстворчатая дверь, двѣ среднія части которой отперты. Въ павильонѣ стоитъ атлетъ побѣдитель; рядомъ съ нимъ Викторія. На головѣ у атлета повязка (вродѣ восточнаго тюрбана), въ одной рукѣ два копья и щитъ, въ другой вѣтка неизвѣстнаго растенія. Въ одной рукѣ Викторіи пальма, другая видна надъ лѣвымъ плечомъ побѣдителя. У ногъ атлета щитъ и мечъ. Налѣво наверху видна верхняя часть третьей фигуры, трубящей въ длинную трубу, съ такимъ же тюрбаномъ на головѣ ²⁾.

Изъ фигуръ на цоколѣ наиболѣе интересны: изображеніе Меркурія, бога палестры, въ петасѣ и съ кадуцеемъ, дискобола, взятаго въ моментъ нѣсколько болѣе ранній, чѣмъ извѣстный дискоболъ *Massimi*; далѣе сидящій бородатый мужчина, вѣроятно предсѣдатель палестрическихъ упражненій, и наконецъ атлетъ, дѣлающій гимнастику чѣмъ то вродѣ гирь. Изъ изображеній атлетовъ нѣкоторыя сдѣланы мастерски.

Около палестры кромѣ двухъ экседръ (q и r), откуда зрители наблюдали за упражненіями атлетовъ, находятся двѣ комнаты для туалета атлетовъ (g и t) (по стѣнамъ замѣтны слѣды полокъ) и комната для прислуги (s) ³⁾.

¹⁾ Эта фигура врядъ ли есть судья состязанія, какъ думаетъ *May* (р. 194). Скорѣе это лицо, заинтересованное въ судьбѣ побѣжденнаго. Этимъ объяснено было бы и выраженіе его лица, и его слѣхи.

²⁾ Этотъ загадочный тюрбанъ мы встрѣчаемъ еще на такъ называемомъ бюстѣ *Архита* въ Неапол. музеѣ. Повязка могла служить для защиты головы отъ кулачныхъ ударовъ. Ср. подобныя же заключенія, къ которымъ пришелъ *Sogliano* (р. 117).

³⁾ Такое назначеніе можно вывести изъ отсутствія декоровки въ этой комнатѣ.

Въ собственно банна помѣщенія былъ только одинъ входъ: изъ палестры прямо въ аподитерій (o), соединенный съ фригидаріемъ (p). Фригидарій весь занятъ большимъ четырехугольнымъ бассейномъ, покрытымъ стукомъ (только ступеньки, по которымъ спускались въ бассейнъ, были обложены мраморомъ). Глубина бассейна 1,35 м. Изъ аподитерія дверь вела въ тепидарій, соединенный непосредственно съ топкой. Отъ суспенсовки и тубуловки (посредствомъ *tegulae stantatae*) сохранились только незначительные слѣды. Ниши въ восточной и западной стѣнахъ предназначались, вѣроятно, для ваннъ. Кальдарій (m) есть самое большое изъ банныхъ помѣщеній. Онъ также соединенъ непосредственно съ топкой отверстіемъ значительно большимъ, чѣмъ тепидарій. Около этого отверстія находился, вѣроятно, *alveus*; ниша въ восточной стѣнѣ есть конечно *schola labri* ¹⁾. Комната l, доступная только изъ палестры посредствомъ корридоровъ h и i, служила помѣщеніемъ для топки (*praefurnium*); кромѣ топки здѣсь находилось три большихъ котла для горячей, теплой и холодной воды, къ которымъ можно было взобраться по небольшой лѣсенкѣ. Отсюда вода расходилась по всѣмъ банямъ; только фригидарій имѣлъ свою особую водопроодную трубу, слѣды которой видны въ юго-западномъ углу палестры. Изъ корридора i лѣстница вела въ жилище управлявшаго банями лица, находившееся надъ еермополиемъ; k есть большой *sessio*. Насколько далеко простиралось зданіе за описанными комнатами, судить невозможно, вслѣдствіе состоянію полного разрушенія, въ которомъ дошла до насъ задняя половина дома.

Прежде чѣмъ разстаться съ нашими банями, упомянемъ вкратцѣ объ очень интересной находкѣ, сдѣланной въ комнатѣ l у лѣстницы. Находка, правда, болѣе всего интересна для юристовъ. Найденъ былъ цѣлый серебряный сервизъ, вѣсомъ въ 2722 гр., серебряная статуетка Юпитера на бронзовомъ тронѣ и другія фрагментарныя вещи. Все это было завернуто въ грубую ткань вмѣстѣ съ шестью покрытыми воскомъ дощечками (*tavolette cerate*). Изъ нихъ особня книжечки (*libellus*) составляли вѣроятно двѣ большія (диптихъ) и три меньшія (триптихъ). Первая изъ большихъ таблицъ сохранилась въ довольно полномъ видѣ; со второй, списанной тотчасъ же послѣ найденія *Maу*, опалъ весь воскъ; изъ остальныхъ отъ одной сохранилась верхняя, отъ двухъ другихъ нижнія части. Содержаніе диптиха есть контрактъ

¹⁾ Ниша съ неглубокимъ круглымъ сосудомъ (*labrum*) для омовенія послѣ горячей бани; сосудъ этотъ сохранился въ кальдаріи стабійскихъ бань (женское отдѣленіе); см. *Ов. М. Помп.* р. 209.

между продавщицей Понпеей Ноте и покупательницей Дицидией Маргарисъ на двухъ рабовъ, Симплекса и Петрина, купленныхъ *in pignus* *ob sestertios* (то есть вещи перешли во владѣніе покупательницы, деньги же не были уплачены ¹⁾). Триптихъ есть обязательство Понпеей Ноте заплатить Дицидіи Маргарисъ 1450 сест. (время контрактовъ 61 г. по Р. Х.) ²⁾.

Неправильная форма сосѣдняго большаго дома зависитъ отъ того, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выстроенъ, стѣна города дѣлаетъ уголъ приблизительно въ 130°. Домъ по своей постройкѣ подходитъ къ уже описанному типу домовъ, спускающихся террасами внизъ. Въ нашемъ домѣ такихъ террасъ 4 или даже 5 (если считать подвалъ). Мы не будемъ описывать этого дома въ деталяхъ ³⁾, скажемъ только нѣсколько словъ о его главныхъ комнатахъ и затѣмъ прямо перейдемъ къ наиболѣе интересной его части—банямъ въ 4 (3) этажѣ.

Возникновеніе дома въ его теперешнемъ видѣ (на мѣстѣ нѣсколькихъ почти безслѣдно разрушенныхъ зданій) относится ко временамъ третьяго декоративнаго стиля. Это видно изъ того, что фасадъ и внутреннія стѣны нашего дома имѣютъ совершенно одинаковый способъ стройки, между тѣмъ фасады нашего и сосѣдняго домовъ совершенно одинаковы, сосѣдній же домъ росписанъ въ 3 стилѣ. Отъ землетрясенія 63 г. домъ сильно пострадалъ, такъ что атрій № 21 такъ и остался совсѣмъ безъ декорировки. Въ домѣ два атрія: одинъ со входомъ со Str. della Scuola, другой съ vic. del Teatri; и въ тотъ, и въ другой можно было попасть и изъ корридора i, сообщающагося прямо съ улицей; изъ этого-же корридора можно было попасть и во всѣ помѣщенія нижняго этажа. Атрій № 18 былъ прекрасно росписанъ;

¹⁾ См. Моммзенъ *Hermes* 1887 г. р. 157. Принадлежность двухъ большихъ таблицъ одному *libellus* оспариваетъ одинъ *Alibrandi* (см. сл. пр.).

²⁾ *Libelli* эти имѣютъ уже довольно объемистую литературу; кромѣ отчета *de Petra* въ *N. d. Sc.* 87 г. р. 415 и Моммзена въ *Hermes* I с. о нихъ писалъ Эжъ въ *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtswissenschaft* р. 60—98 и итальянцы *Scialoja* и *Alibrandi* въ *Bulletino dell'Istituto di diritto Romano* (pp. 5.—15 и 16 — 20). Главные спорные вопросы суть отношеніе таблицъ между собой и дополненіе второй большой таблицы. До сей поры были извѣстны только *tavolette cerate* изъ дома Цецція Юкунда, см. о нихъ *De Petra Le tavolette cerate*, а также *Ov. M. Pomp.* р. 489 *vq.*, гдѣ приложенъ рисунокъ реставрированныхъ диптиха и триптиха.

³⁾ Читатели найдутъ детальное описаніе въ отчетахъ о раскопкахъ этого дома *May* въ *Mith.* за 90 г. р. 111 *vq.* и *Sogliano* въ *Not. d. Scavi* за 93 г. р. 35 *vq.* Планъ на г. II, №№ 21—17. Тамъ же и планъ бань нижняго этажа (комноты обозначено арабскими цифрами).

сохранилась, къ сожалѣнію, только часть правой стѣны; изъ картинъ наиболѣе интересны, хотя и сильно попорчены, картины, изображающія Прета, получающаго гибельное письмо отъ Беллерофонта и судъ Париса. Хозяйственныя помѣщенія сосредоточивались вокругъ перистилы, жизнь же семьи ушла въ нижній этажъ, распадающійся на два комплекса комнатъ: часть принадлежитъ собственно атрию № 21, часть № 18; въ послѣдней находится довольно большая терраса.

Въ третьемъ этажѣ находятся бани. Онѣ содержатъ два комплекса комнатъ: 7 отдѣльныхъ цѣлъ вдоль корридора и собственно банныя помѣщенія. Войти въ бани можно было двумя способами: или черезъ корридоръ і, при чемъ черезъ жилыя комнаты проходить не приходилось въ нижній корридоръ l и оттуда въ переднюю бань, или черезъ сводчатый корридоръ (α'), ведшій прямо съ улицы въ переднюю бань. Кромѣ того отдѣльный входъ имѣли и цѣлы; къ нимъ ведетъ лѣстница, находящаяся между нижними этажами двухъ атриевъ; къ лѣстницѣ же можно было попасть упомянутымъ уже корридоромъ l. Такимъ образомъ, всѣми тремя способами можно было входить въ бани, *не проходя черезъ жилыя комнаты дома*. Около обоихъ входовъ находятся комнатки, очевидно назначавшіяся для швейцара или лица, обязаннаго слѣдить за входившими и выходившими. Изъ упомянутой передней бань (б на планѣ) посѣтители попадали прямо въ аподитерій, который въ то-же время служилъ и фригидаріемъ ¹⁾. Комната эта пилястрами, выступающими съ обѣихъ сторонъ изъ боковыхъ стѣнъ почти посрединѣ ихъ, раздѣляется на двѣ части: одна, сообщавшаяся съ тепидаріемъ, служила собственно аподитеріемъ, другая, соединенная съ передней,—фригидаріемъ.

Комната, какъ и всѣ въ этихъ баняхъ, крыта сводомъ. Въ фригидаріи находился большой бассейнъ, оштукатуренный и выкрашенный внутри голубой краской ²⁾; въ правомъ углу въ него вела лѣ-

¹⁾ Дверь, ведущая въ настоящее время изъ передней въ тепидарій, сдѣлана въ новѣйшее время; вообще надо замѣтить, что бани при ихъ открытіи находились въ очень печальномъ состояніи: сводъ рухнулъ, стѣны были очень повреждены; поэтому понадобились большія исправленія, при чемъ дирекція раскопокъ добавляла то, чего не было при раскопкахъ. Кромѣ упомянутой двери, новѣйшаго происхожденія и правый пиластръ въ калъдаріи. Профессоръ Мау видѣлъ и описывалъ раскопки до ихъ исправленій, такъ что планъ его (переснятый здѣсь) передаетъ первоначальный видъ бань.

²⁾ Бассейны и нишны въ Помпеяхъ обыкновенно окрашивались въ голубой цвѣтъ, съ тѣмъ, очевидно, чтобы дать иллюзію огражденія неба. Ср. напр. писципу въ с. di Meleagro (VI, 9,2) Ov. M. Romp. p. 310.

сенка (четверть круга), ступеньки которой были выложены мраморомъ. Бассейнъ возвышается надъ уровнемъ пола на 0,56 м., общая же его глубина между 1,18 и 1,10¹⁾). Все помѣщеніе было богато декорировано частью живописью, частью рельефами въ стукѣ. Наилучше сохранилась декорировка стѣны и люнета надъ бассейномъ. Вдоль всего бассейна на голубомъ фонѣ изображенъ болотный пейзажъ съ нѣсколькими хижинами. Среди этого пейзажа цѣлый рядъ пигмеевъ въ борьбѣ съ журавлями. Пигмеи, какъ и всегда, трактованы каррикатурно, при чемъ художникъ въ одномъ мѣстѣ позволилъ себѣ неприличную, но невинную шутку. Надъ этой полосой стѣна раздѣлена на два красныхъ четырехугольника, между которыми находится архитектурный проспектъ. Люнетъ ограниченъ аркой, состоящей изъ орнаментовъ и изображеній амуровъ, влущихъ на лебедяхъ. Самъ люнетъ, равно какъ и сводъ, раздѣленъ на четырехугольники, ограниченные орнаментальными полосами, выработанными въ стукѣ²⁾). Въ срединѣ четырехугольниковъ находятся либо картинки, либо отдѣльныя фигуры. Главная картина люнета есть изображеніе рѣчнаго божества, вѣроятно Сарно. Богъ въ спокойной позѣ сидитъ на скалѣ, голова въ вѣникѣ изъ тростника склонена на руку; другая рука лежитъ на вазѣ, опрокинутой на правомъ колѣнѣ бога; изъ вазы течетъ вода. Къ лѣвому колѣну прислоненъ тростникъ. По бокамъ этой картины двѣ вазы съ сосудами на головахъ какъ бы поддерживаютъ описанную орнаментальную арку, окаймляющую люнетъ. Внизу подъ картиной рельефомъ въ стукѣ изображена фигура мужчины, направляющаго коня на морское чудовище; сцену эту наблюдаетъ nereida, сидящая на подобномъ же чудовищѣ. Подъ этимъ изображеніемъ направо и нѣсколько лѣво два маленькихъ пейзажа. Въ такомъ же родѣ декорировка другаго люнета и свода³⁾).

Освѣщенъ аподитерій большимъ окномъ, въ которомъ Мау еще видѣлъ слѣды гвоздей, прикрѣплявшихъ деревянную раму, конечно, со стеклами⁴⁾). Изъ аподитеріи дверь вела въ наименьшую комнату

¹⁾ А не 1,06, какъ говорятъ Мау I. с. р. 131.

²⁾ Большая часть свода при раскопкахъ обвалилась; при исправленіи сохранившіяся части декорировки укрѣплены на соответственныхъ мѣстахъ свода.

³⁾ Декорировка этой комнаты, а также часть декорировки тепидарія изданы у Niccolini *Le case ed i monum. di Pompei* т. III. *Nuovi scavi* т. XI и XII.

⁴⁾ Ср. оконныя стекла, найденныя въ форумскихъ еермахъ и цѣлое окно изъ четырехъ стеколъ въ деревянной рамѣ изъ тепидарія близъ виллы Діомеда (1,25 × 1,15). *Nissen Pomp. St.* р. 596, *Ov. M. Pomp. pp.* 204, 207 и 211 (фор. еермы) и 373 (вилла Діомеда). Эти слѣды, а равно и лѣсенка, ведущая къ окну (Мау. I. с. р. 136), теперь исчезли.

этихъ бань, вѣроятно игравшую роль тепидерія; ни суспенсовки, ни тубуловки здѣсь, вѣрно, не было, и тепидарій, нагрѣвавшійся изъ кальдарія, игралъ здѣсь роль проходной комнаты ¹⁾. Освѣщенъ тепидарій большимъ окномъ и другимъ, находящимся надъ нимъ, поменьше. Стѣны были покрыты бѣлымъ гладкимъ стукомъ, сводъ былъ украшенъ рельефными изображениями въ бѣломъ стукѣ. Рельефы изящны, хотя работа хуже, чѣмъ въ аподитеріи. Изъ тепидарія дверь, находившаяся приблизительно тамъ же, гдѣ она теперь возстановлена, ведетъ въ кальдарій, самое большое помѣщеніе этихъ бань. Крыто оно двумя сводами, сходящимися въ пилястрѣ южной стѣны ²⁾. Кальдарій суспенсованъ и тубулованъ посредствомъ *tegulae stannatae*; и отъ суспенсовки, и отъ тубуловки сохранились только самые незначительные слѣды.

Ниша въ южной стѣнѣ, очевидно, *schola labri, alveus* находился, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кальдарій соединенъ съ топкой. Освѣщена была комната такими же двумя окнами, какъ и тепидарій. Окна эти, несомнѣнно, давали свѣту банямъ болѣе, чѣмъ достаточно, и въ этихъ баняхъ очевидно сказывается стремленіе, выраженное Сенекой въ словахъ *in multa luce decoqui* ³⁾. Особый входъ изъ передней имѣлъ *praefurnium*, гдѣ отъ топки и бассейновъ для воды сохрани-

¹⁾ Любопытна судьба тепидарія римскихъ бань. Первоначально (форумскія еермы, первая времена стабійскихъ) онъ былъ переходной по теплотѣ комнатой въ кальдарію; впоследствии онъ дѣлается почти такъ темелъ, какъ и кальдарій (позднѣйшій періодъ стаб. и женское ихъ отдѣленіе, вышеописанныя сосѣднія нашимъ баня), и такимъ образомъ является въ баняхъ два кальдарія, или дѣлается проходной комнатой (какъ въ описываемыхъ баняхъ, то-же въ баняхъ дома VI *ina. occid.* 13 и баняхъ виллы Діомеда; ср. *Mau Pomp. Beiträge* p. 149).

По мнѣнію Sogliano въ этой комнатѣ мы имѣемъ аподитерію, но противъ этого говоритъ отсутствіе входа прямо изъ передней. Sogliano, описывавшій баню послѣ ихъ реконструкціи, очевидно думалъ, что двери, ведущія теперь изъ передней въ тепидарій, существовали и въ древности.

²⁾ Здѣсь опять-таки пр. Sogliano, очевидно, принимаетъ и пилястръ сѣверной стѣны за древній (онъ изображенъ и на планѣ у него l. c.) и потому видитъ въ этой одной комнатѣ двѣ (тепидарій и кальдарій).

³⁾ Сенека *Ep.* 86, 11: *Scipio non in multa luce decoquebatur.* Окна обращены на ю.-з., и бани поэтому *ita aptatae sunt, ut totius diei solem fenestris amplissimis recipiant* (*ibid.*). Окна нашихъ бань, по сравненію съ окнами другихъ домовъ въ Помпеяхъ, справедливо могутъ быть названы *amplissima*. Изъ этихъ оконъ, опять таки согласно со словами Сенеки, открывался видъ на поля и море (его закрываетъ теперь гора *исла и rapilli*) ... *ex solio agros et maria prospiciunt* (*ibid.*).

лось только весьма немного. Остается еще опредѣлить назначеніе семи комнатокъ, расположенныхъ вдоль коридора. Мау не считаетъ ихъ частью бань и называетъ кладовыми. По нашему мнѣнію, гораздо вѣроятнѣе, что комнаты эти были номерными банями, подобными таковымъ въ стабійскихъ оермахъ ¹⁾. За такое назначеніе этихъ целлъ говорятъ слѣдующія обстоятельства: 1) ихъ тѣсное соединеніе съ банями (прямо изъ коридора целлъ дверь ведетъ въ аподитерій), что при признаніи въ нихъ кладовыхъ необъяснимо; 2) сходство ихъ расположенія вдоль коридора съ расположеніемъ целлъ стабійскихъ бань; 3) присутствіе въ нихъ водопровода. Водопроводная труба изъ верхняго этажа доходитъ до бассейна, гдѣ раздѣляется; часть ея посрединѣ задней стѣны фригидарія оканчивается, другая, дойдя до круглой лѣсенки, загибается вверхъ, гдѣ, вѣрно, находился другой кранъ. Ходъ трубы можно прослѣдить и за бассейномъ, но только до того мѣста, гдѣ стѣна фригидарія соприкасается со стѣною первой целлы; тамъ труба уходитъ въ стѣну. Въ самихъ целлахъ слѣдовъ водопровода нѣтъ, что объясняется тѣмъ, что целлы въ новѣйшее время вымазаны грубымъ, сѣрымъ стукомъ. Наконецъ, 4) въ одной изъ целлъ (третья отъ аподитерія) сохранился полъ изъ гипсовой массы съ толченымъ кирпичемъ. Полъ этотъ на разстояніи 0,75 м. отъ стѣны сломанъ по прямой линіи. Здѣсь очевидно находилась ванна, занимавшая всю заднюю стѣну. Ванна, по видимому, была переносная, а не замурованная (какъ и ванны сосѣднихъ бань). Целлы, соотвѣтственно времени, больше и лучше освѣщены, чѣмъ номера стабійскихъ бань: противъ двери каждой изъ нихъ находятся два окна: большее $1,22 \times 1,02$ и меньшее $0,50$ въ квадратѣ; надъ нимъ. Въ нѣкоторыхъ целлахъ въ углу направо отъ двери находится возвышеніе въ видѣ табурета. Нагрѣваться целлы могли, какъ, по видимому, и въ стабійскихъ баняхъ, жаровнями. Наконецъ, какъ уже сказано, онѣ имѣли и отдѣльный входъ, такъ что въ нихъ можно было попасть и прямо съ улицы, не проходя черезъ банныя помещенія.

Врядъ ли описанныя бани могутъ считаться предназначенными исключительно для семьи хозяина дома; противъ этого говорятъ прежде всего ихъ значительные размѣры сравнительно съ размѣрами бань даже въ самыхъ большихъ и богатыхъ домахъ Помпей ²⁾. Очевидно,

¹⁾ См. объ нихъ Nissen Pomp. St. p. 147 и Ov. M. Pomp. p. 232.

²⁾ Кромѣ частныхъ бань, перечисленныхъ у Мау Pomp. Beiträge p. 149—150, намъ известны теперь еще бани въ большомъ домѣ V regio (см. ниже) и бани въ casa di Giuseppe II, давно уже известномъ домѣ, вновь засыпанномъ и теперь

мы опять имѣемъ дѣло съ частными банями, открытыми для публики. За это говоритъ и ихъ соединеніе прямо съ улицей: входъ черезъ корридоръ а' могъ служить для лицъ, желавшихъ мыться въ общихъ баняхъ; входъ же черезъ корридоръ і главнымъ образомъ служилъ, вѣроятно, для лицъ, желавшихъ мыться въ целлахъ. Скамейки около атрія № 20 и въ корридорѣ і служили для рабовъ мывшихся лицъ. Въ комнатахъ у обоихъ входовъ сидѣли рабы, взимавшіе плату съ посѣтителей.

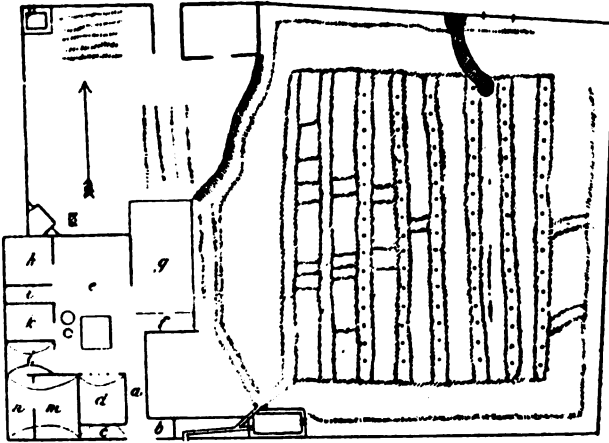
Итакъ несомнѣнно, что бани были открыты для публики. Какъ же объяснить себѣ теперь существованіе чуть ли не въ одномъ и томъ же домѣ двухъ заведеній одного назначенія и рассчитывавшихъ на одинъ и тотъ же комплектъ публики? Конкурировать наши бани съ верхними рѣшительно не могли: и болѣе легкой доступъ, и болѣе обширное помѣщеніе, несомнѣнно, давали послѣднимъ огромныя преимущества. Остается только предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ банями женскими. А *prigoi* такое предположеніе весьма вѣроятно. Женскія отдѣленія стабійскихъ и форумскихъ бань, какъ извѣстно, тѣснѣе мужскихъ; думать же, что женщины мылись меньше, чѣмъ мужчины, врядъ ли возможно. Такъ, что, если для мужчинъ существующія бани были недостаточны, то для женщинъ и подавно. Эти разсужденія подтверждаются и слѣдующими наблюденіями.

Бани наши имѣютъ совершенно то-же устройство, что и женскія отдѣленія форумскихъ и стабійскихъ оермъ: *въ нихъ нѣтъ палестры*, онѣ меньше соотвѣствующихъ имъ мужскихъ, менѣе богато украшены, не имѣютъ отдѣльнаго фригидарія, который соединенъ въ нихъ съ аподитеріемъ. Кромѣ того бассейнъ мужскихъ бань сосѣднаго дома имѣетъ глубину 1,35 м., нашихъ бань 1,15 (среднее), разница въ глубинѣ такимъ образомъ въ пользу мужскихъ 0,20. Такое же явленіе наблюдается и въ другихъ извѣстныхъ намъ баняхъ:

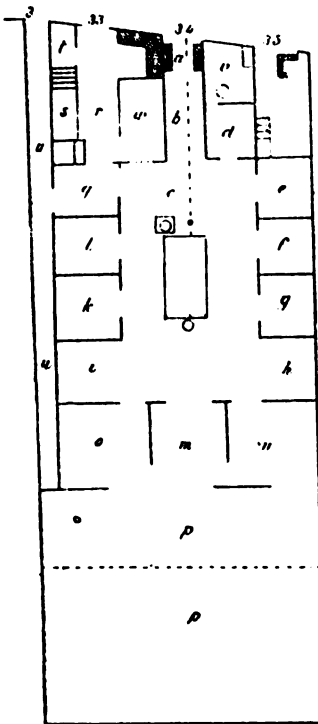
Форумскія:	мужской бассейнъ . . .	1,27	
	женскій " . . .	1,04	— 0,23
Стабійскія:	мужской " . . .	1,35	
	женскій " . . .	0,90	— 0,45
Центральныя:	мужской " . . .	1,40	¹⁾
	(женскихъ бань нѣтъ)		

опять разрытомъ (см. Mitth. 87 г. р. 132). Изъ всѣхъ этихъ бань самыя большія находятся въ *casa del Centenario*, но и онѣ значительно меньше нашихъ. *Sogliano l. c.*, несмотря на размѣры бань и другія указанныя обстоятельства, считаетъ бани частными, основываясь на отсутствіи въ нихъ палестры, о чемъ см. ниже.

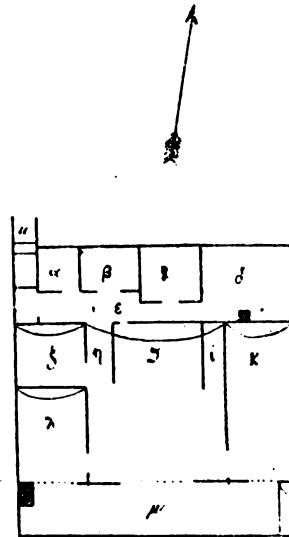
¹⁾ Вѣроятно, бассейнъ этихъ бань долженъ былъ еще быть выложенъ мраморомъ.

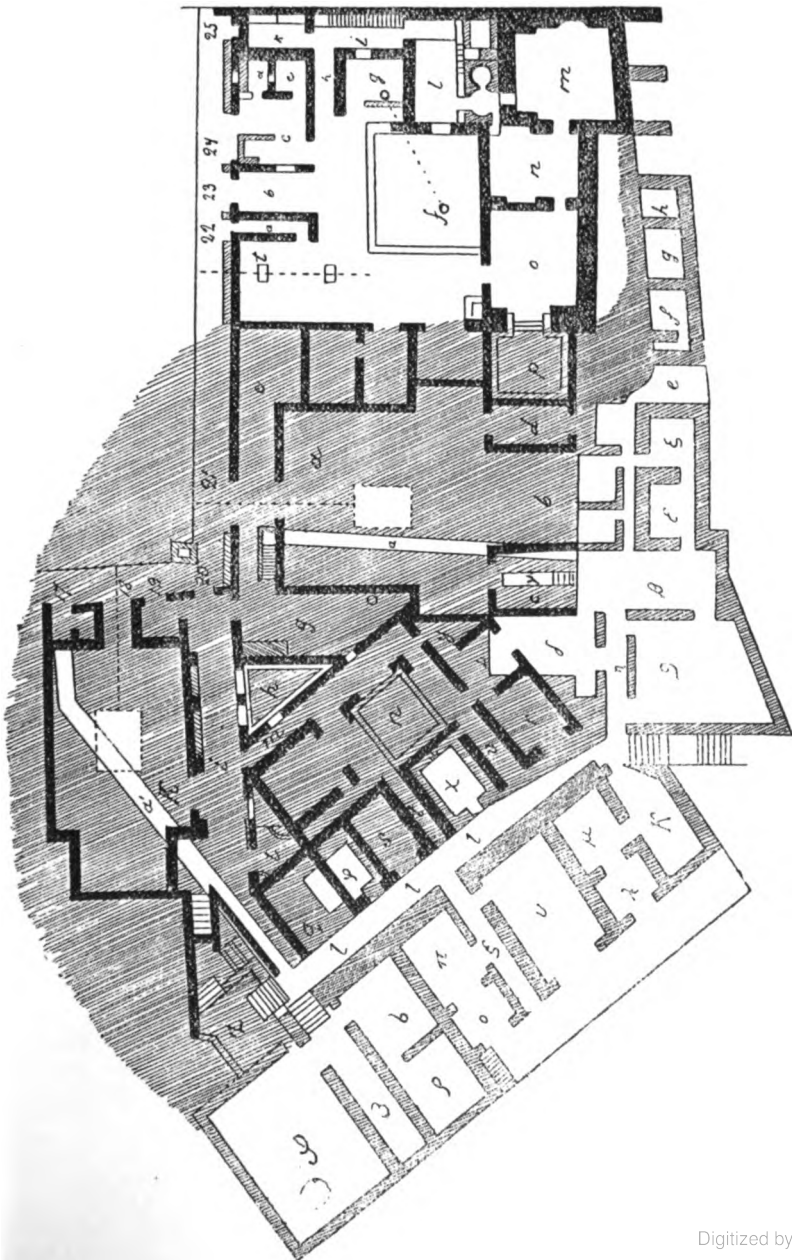
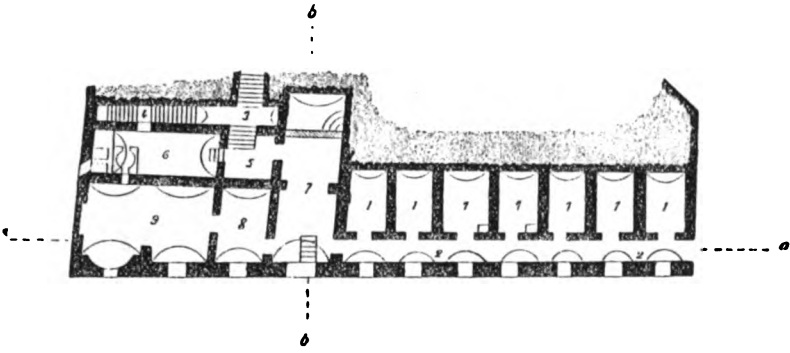
1

2

3

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ НЕОФФИЦАЛЬНОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ВРЕМЯ СЪ 1867 ГОДА ПО 1891 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Екатерининскій кан., д. 80.

1894.

Приложение къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ.

Съ 1867 года *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* выходитъ по значительно расширенной, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, программѣ, заключаая въ себѣ, помимо педагогической хроники и статей по вопросамъ преподаванія, изслѣдопія, статьи и рецензіи по различнымъ областямъ знанія. Для удобства справокъ редакція сочла полезнымъ издать указатель статей неофициальной части за 25 лѣтъ существованія журнала послѣ расширенія его программы ¹⁾. Указатель составленъ систематическій, съ общепринятыми рубриками. При каждой статьѣ указанъ годъ ея появленія, часть, номеръ, отдѣлъ и страницы ²⁾. Въ концѣ указателя приложенъ списокъ собственныхъ личныхъ именъ, въ немъ встрѣчающихся, съ ссылками на номера указателя. Въ каждомъ отдѣлѣ указываются сначала статьи, затѣмъ рецензіи (въ алфавитѣ авторовъ разбираемыхъ книгъ). Въ случаяхъ, когда рецензія послала особое заглавіе, она показана два раза: въ списокѣ статей, гдѣ она находится подъ именемъ автора рецензіи, и въ списокѣ рецензій. Изъ статей I-го отдѣла указаны только отчеты министра народнаго просвѣщенія и отчеты о присужденіяхъ премій императора Петра Великаго. Составленъ настоящій указатель А. И. Лищенкомъ.

¹⁾ Существуетъ „Указатель къ повременнымъ изданіямъ министерства народнаго просвѣщенія, съ 1803 по 1864 г. С.-Пб. 1865“ (приложеніе къ *Журн. Мин. На . Пр.* за 1865 г.). За время же съ 1864 по 1867 г. есть указатель въ самомъ журналѣ.

²⁾ Отдѣлъ I—официальный; II—наукъ; III—педагогическій; IV—современная лѣтопись; V—отдѣлъ классической филологіи.

І. БОГОСЛОВІЕ.

ІСТОРИЯ ЦЕРКВИ.—РАСКОЛЬ.—ІСТОРИЯ НЕХРИСТИАНСКИХЪ ИСПОВѢДАНІЙ ¹⁾).

А. Статьи.

1. **Арх. Арсеній.** Готская епархія въ Крыму.—1873. Ч. 165, янв., отд. II, стр. 60—86.
2. **Архимандр. Арсеній.** Церковный и политическій бытъ православныхъ Сербовъ и Волоховъ въ Австрійскихъ земляхъ съ IX столѣтія до настоящаго времени.—1870. Ч. 151, окт., отд. II, стр. 197—251.
3. **Игуменъ Арсеній.** Обь отношеніяхъ церквей латинской и греческой въ періодъ крестовыхъ походовъ.—1867. Ч. 133, мартъ, отд. II, стр. 499—534.
4. **Н. А. Астафьевъ.** Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами.—1838. Ч. 258, июль, отд. II, стр. 50—81; августъ, стр. 296—335. Ч. 259, октябрь, стр. 260—320. Ч. 260, декабрь, стр. 208—231. 1889. Ч. 261, февраль, стр. 254—293.
5. **Т. Варсовъ.** О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ.—1878. Ч. 195, февраль, отд. II, стр. 307—400.
6. **В. А. Вильбасовъ.** Римскіе папы и славянскіе первоучители.—1868. Ч. 138, май, отд. II, стр. 327—377.
7. **П. О. Вобровскій.** Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I.—1889. Ч. 263, июнь, отд. II, стр. 282—338; ч. 264, июль, стр. 20—56, августъ, стр. 259—304; ч. 265, сентябрь, стр. 85—123, октябрь, стр. 214—266; ч. 266, ноябрь, стр. 66—134, декабрь, стр. 305—379.
8. **П. О. Вобровскій.** Матеріалы къ исторіи русской греко-уніатской церкви. Конѣи писемъ члена Брестскаго капитула, Виленскаго офиціала А. Ю. Сосновскаго въ 1826, 1827 и 1828 гг.—1891. Ч. 275, май, стр. 1—32; июнь, стр. 33—48; ч. 276, июль, стр. 49—76 (отдѣльно).
9. **А. С. Будиловичъ.** Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи. (По поводу соч. *Е. Голубинскаго*: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской).—1872. Ч. 159, янв., отд. II, стр. 107—134.

¹⁾ Статьи по исторіи реформаціи см. въ отд. исторіи.

10. В. Г. Васильевскій. Обновленіе болгарскаго патриаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1235 году.— 1885. Ч. 238, мартъ, отд. II, стр. 1—56; апрѣль, 206—238. (Въ прилож.: I. О письмахъ Георгія, митр. Керкирскаго, номѣщенныхъ въ церковныхъ лѣтописяхъ Баронія. II. О свидѣніи царя Борнса. III. 1) Письмо Мануила деспота Эпирскаго къ патриарху. 2) Патриаршая грамота о назначеніи патриаршимъ намѣстникомъ Анкирскаго митрополита. 3) Другая грамота патриарха Германа о возстановленіи власти патриарха надъ царскими монастырями во владѣніяхъ Эпирскаго деспота).
11. В. Васильевъ. Религін Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ.—1873. Ч. 166, апр., отд. II, стр. 239—310; ч. 167, май, стр. 29—107, июнь, стр. 260—293.
12. Н. Востожовъ. Святѣйшій Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при императорѣ Петрѣ I.—1875. Ч. 180, июль, отд. II, стр. 52—85; авг., стр. 153—198; ч. 182, декабрь, стр. 358—378.
13. Я. Г—скій. Попытки и старанія Римской куріи ввести Грегорианскій календарь у славянъ, православныхъ и униатовъ.—1877. Ч. 193, сент., отд. II, стр. 1—36.
14. Ш. Ш. Голубинскій. Христіанство въ Россіи до Владиміра святаго.— 1876, Ч. 187, сент., отд. II, стр. 46—84; окт., стр. 133—169.
15. Ш. Ш. Голубинскій. Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преемникахъ.—1877. Ч. 190, мартъ, отд. II, стр. 100—163; ч. 191, май, стр. 26—47.
16. А. Демьяновичъ. Иезуиты въ Западной Россіи (съ 1569—1772 г.).— 1871. ч. 156, авг., отд. II, стр. 181—236; ч. 157, сент., отд. II, стр. 1—46; окт., стр. 250—279; ч. 158, ноябрь, стр. 40—86; декабрь, стр. 181—231.
17. М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ.—1885. Ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 174—205.
18. В. Г. Дружининъ. О житіи Корнелія Выгопустянскаго, написанномъ Пахоміемъ.—1884. Ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 1—15.
19. С. В. Ешевскій. Миссіонерство въ Россіи.—1867. Ч. 135, июль, отд. II, стр. 58—90.
20. И. Н. Ждановъ. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора.—1876. Ч. 186, июль, отд. II, стр. 50—89; авг., стр. 173—225.
21. В. Жмажинъ. Взглядъ митр. Данила по отношенію къ еретикамъ.— 1879. Ч. 203, май, отд. II, стр. 1—51.
22. В. Жмажинъ. Памятникъ русской противокатолической полемики XVI вѣва.—1880. Ч. 211, октябрь, отд. II, стр. 319—332.
23. А. Забѣлинъ. О распространеніи христіанства между Бурятами.— 1870. Ч. 147, янв., отд. IV, стр. 17—33; февр., стр. 206—232.
24. Н. Н. Зеволнинскій. Еврейская синагога и ея функціи (преимущественно по ученію Мишны).—1887. Ч. 249, январь, отд. II, стр. 1—10.
25. Д. Извъковъ. Отношенія русскаго правительства къ католической пропагандѣ въ первой половинѣ XVIII в.—1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 61—74.
26. Д. Извъковъ. Отношеніе русскаго правительства въ первой половинѣ XVIII ст. къ протестантскимъ идеямъ.—1867. Ч. 136, окт., отд. II, стр. 59—81.
27. Объ изданіяхъ Святѣйшаго Су-

- нода ко дню тысячелѣтїа блаженной кончины первоучителя славянъ.— 1885. Ч. 238, апрѣль, отд. IV, стр. 97—100. (Изъ „Церковнаго Вѣстника“).
26. Вл. Качановскій. Годъ смерти св. Саввы, перваго апостола Сербскаго, архіепископа. По нов. соч.: Дотаѣа извори за сръбску исторїју Ив. Поповић.—1878. Ч. 199, окт., отд. II, стр. 310—317.
29. Ф. Керекскій. Древне-русскія отреченныя вѣрованїя и календарь Брюсса.—1874. Ч. 172, мартъ, отд. II, стр. 52—79; апр., стр. 278—342; ч. 173, май, стр. 99—135.
30. В. Колосовъ. Старець Арсенїй Грекъ.—1881. Ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 77—93.
31. В. К.—въ. Взглядъ Никона на значеніе патріаршей власти.—1880. Ч. 212, дек., отд. II, стр. 233—267.
32. А. Кондратьевъ. () такъ называемой рукописи патріарха Филарета.—1878. Ч. 199, сент. отд. II, стр. 22—83.
33. К. И. Костенковъ. Распространеніе христіанства у калмыковъ.—1869. Ч. 144, авг., отд. IV, стр. 103—159.
34. М. О. Кождовичъ. Трехсотлѣтняя годовщина Люблинской униї съ точки зрѣнїа новоизданнаго дневника Люблинскаго сейма.—1869. Ч. 143, июнь, отд. II, стр. 379—392.
35. М. О. Кождовичъ. Ясонъ Сморгоржевскій, Полоцкїй униатскїй архіепископъ, внослѣдствїи униатскїй митрополитъ.—1873. Ч. 165, янв., отд. II, стр. 31—59.
36. П. А. Лавровскій. Дѣйствительно ли св. Кирилль Солунскїй авторъ Латинскихъ Апологовъ (притчей)?—1868. Ч. 139, июль, отд. II, стр. 297—307.
37. П. А. Лавровскій. Кирилль и Меоодїй въ французскомъ сочиненїи (По поводу сочиненїа: Cyrille et Methode. Etudes historiques sur la conversion des Slaves au Christianisme, par Louis Leger. Paris. 1868). 1869. Ч. 141, янв., отд. II, стр. 203—233.
38. Рѣчь ректора Варшавскаго университета П. А. Лавровскаго въ день 11-го мая.—1871. Ч. 156, июль, отд. IV, стр. 1—9.
39. П. А. Лавровскій. Рѣчь въ день святыхъ Кирилла и Меоодїа, 11-го мая 1872 г.—1872. Ч. 161, июнь, отд. IV, стр. 111—119.
40. П. А. Лавровскій. Былъ ли св. Кирилль Солунскїй епископомъ.—1885. Ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 161—173.
41. П. А. Лавровскій. Итальянская легенда.—1886. Ч. 246, июль отд. II, стр. 17—59; августъ, стр. 234—275.
42. Г. С. Лыткинъ. По вопросу о зырянскомъ языкѣ и зырянской грамотѣ. Отвѣтъ на замѣчанїя г. А. П.—1884. Ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 96—108.
43. О. Ф. Миллеръ. Вопросъ о направленїи Юсифа Волоколамскаго (Разборъ сочиненїа И. Хрушова: Исслѣдованіе о сочиненїяхъ Юсифа Санина, прен. игумена Волоцкаго. С.-Пб. 1866).—1868. Ч. 137, февр., отд. II, стр. 527—545.
44. И. П. Минаевъ. Нѣсколько разказовъ изъ перерожденїи Будды.—1871. Ч. 158, ноябрь, отд. II, стр. 87—133.
45. И. П. Минаевъ. Нѣсколько словъ о Буддїйскихъ жатакахъ.—1872. Ч. 161, июнь, отд. II, стр. 185—224.
46. И. П. Минаевъ. Свѣдѣнїа о жайнахъ и буддистахъ.—1878. Ч. 195, февр., отд. II, стр. 241—276.
47. И. П. Минаевъ. Община буддїйскихъ мошаховъ.—1879. Ч. 201, январь, отд. II, стр. 1—35.
48. И. П. Минаевъ. Новыя изслѣдо-

- ванія о буддизмѣ (Отзывъ о трудѣ The Sacred books of the East translated by various oriental scholars and edited by F. Max-Müller. Vol. I, X, XI. Oxford. 1879—1881).—1882. Ч. 222, июль, отд. II, стр. 102—118; ч. 223, октябрь, стр. 402—411; 1883, ч. 225, январь, стр. 138—164.
49. И. П. Минаевъ. Апологія ламства (по поводу сочиненія А. Позднешева: Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. С.-Пб. 1887).—1888. Ч. 257, июнь, отд. II, стр. 434—448.
50. И. Э. Морозжинъ. Древняя Британская церковь.—1872. Ч. 163, окт., отд. II, стр. 261—285; ч. 164, ноябрь, стр. 57—115; декабрь, стр. 338—375.
51. А. Никитоскій. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ.—1879. Ч. 201, февраль, отд. II, стр. 279—312; ч. 202, мартъ, стр. 1—66; ч. 203, июнь, стр. 202—246; ч. 204, июль, стр. 34—46.—Поправки (опечатки): ч. 203, май, стр. 163; ч. 204, июль, стр. 86.
52. А. Никитоскій. Очеркъ внутренней исторіи церкви во Псковѣ.—1871. Ч. 155, май, отд. II, стр. 1—70.
53. А. Никитоскій. Отношенія новгородскаго владыки къ нѣмецкому кунечеству по новымъ даннымъ.—1883. Ч. 228, июль, отд. II, стр. 1—15.
54. Свящ. П. Э. Николаевскій. Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ.—1868. Ч. 137, февр., отд. II, стр. 298—389; ч. 138, апрѣль, стр. 92—177.
55. Свящ. И. Я. Образцовъ. Первый годъ Синодальнаго управленія (по поводу изданія: Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго Синода. Т. I. С.-Пб. 1868).—1868. Ч. 140, октябрь, отд. II, стр. 144—180.
56. Н. Осожникъ. Внутреннее состояніе католической церкви въ XIII вѣкѣ и отношеніе къ ней общества.—1870. Ч. 149, май, отд. II, стр. 136—190.
57. И. Пановъ. Ересь жидовствующихъ.—1877. Ч. 189, янв. отд. II, стр. 1—40, февр., стр. 253—296; ч. 190, мартъ, стр. 1—59.
58. И. В. Платоновъ. Исслѣдованіе объ Апологахъ или притчахъ св. Кирилла.—1868. Ч. 138, май, отд. стр. 378—404.
59. Бесѣда, сказанная высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ Кіевскимъ, въ день празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи, 15-го іюля 1888 года.—1888. Ч. 258, августъ, отд. IV, стр. 65—69.
60. А. Н. Поповъ. Пѣскольکو документовъ, относящихся къ началу воссоединенія униатовъ.—1869. Ч. 143, июнь, отд. II, стр. 265—288.
61. А. Н. Поповъ. Религіозная и національная благотворительность на Востокѣ и среди славянъ.—1871. Ч. 154, апр., отд. II, стр. 143—188; ч. 155, май, стр. 71—112; июнь, стр. 197—250.
62. В. Поповъ. О святѣйшемъ Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1721—1725).—1881. Ч. 213, февраль, отд. II, стр. 222—263; ч. 214, мартъ, стр. 1—51.
63. А. П. По вопросу о зырянскомъ языкѣ и зырянской грамотѣ. Два письма изъ Усть-Сысольска. 1) О переводахъ г. Лыткина на зырянскій яз. 2) О сужденіяхъ г. Лыткина касательно прежнихъ переводовъ на зырянскій яз.—1884. Ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 91—95.
64. О Римскомъ соборѣ (отъ собственного корреспондента).—1869.

- Ч. 146. декабрь, отд. II, стр. 381; 1870, ч. 147, январь, стр. 164—171; февр., стр. 476—498; ч. 148, мартъ, стр. 232—236; апрѣль, стр. 473—476.
65. П. Ровинскій. Матеріалъ для исторіи богумиловъ въ сербскихъ земляхъ.—1882. Ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 32—51.
66. Рязскій А. Д. Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ. (Ред. труда: Methodus cantus ecclesiastici graeco-slavici auctore Ioanne De Castro Hispano, quem Pius IX P. M. ob musicas ecclesiasticae scripta argenteo numismate donavit. Romae. MDCCCXXXI).—1884. Ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 72—118.
67. Лазарь И. Сикорскій. Реликвія Иосафата Кунцевича.—1870. Ч. 152, дек., отд. II, стр. 245—253.
68. А. И. Соболевскій. Въ какомъ году крестился св. Владиміръ. (По поводу книги В. Завитневича: О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія киевлянь. К. 1888.)—1888. Ч. 257, июнь, отд. II, стр. 396—403.
69. М. И. Соколовъ. Новооткрытое сочиненіе Крижавича о соединеніи церквей.—1891. Ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 233—266; ч. 275, май, стр. 1—56.
70. П. Сыржу. Матеріалы для исторіи Сербской церкви. (Рецензія книгъ: 1. *Истребова*. Податци за исторію српске цркве. 1879. и 2. *В. Трпиша*. Милош С. Молојевић. 1880).—1880, ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 438—497.
71. П. А. Сыржу. Греко-болгарскій церковный вопросъ. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1. *И. Е. Троицкій*. Церковная сторона болгарскаго вопроса. С.-Пб. 1888. 2. Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Телова. Императорскою Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отзыва. С.-Пб. 1889. 3. Греко-болгарскій церковный вопросъ. Отвѣтъ М. Филиппову. А. Шопова. С.-Пб. 1899).—1890. Ч. 270, августъ, отд. II, стр. 380—402.
72. Гр. Д. А. Толстой. Іосифъ митроп. Литовскій и воссоединеніе униатовъ. 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 72—83; авг., стр. 251—271; ч. 145, сент., стр. 1—23; окт., стр. 207—234.
73. Э. И. Успенскій. Синодикъ въ недѣлю православія (составъ и происхожденіе частей его).—1891. Ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 267—323.
74. Э. И. Успенскій. Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе православія.—1891. Ч. 273, январь, отд. II, стр. 73—158.
75. Т. И. Филипповъ. Вселенскій патриархъ Григорій VI и греко-болгарская распря.—1870. Ч. 147, февр. отд. II, стр. 245—301; мартъ, стр. 1—54.
76. К. С. Шварсалонъ. Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства. (Отзывъ о сочиненіи: Dr. Ludw. Pastor. „Geschichte der Päpste“, I т. 1886, II т. 1889).—1890. Ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 205—233.
77. П. Д. Шестаковъ. Просвѣтителъ Лопарей архим. Феодоритъ и св. Трифонъ Печенгскій.—1868. Ч. 139, июль, отд. II, стр. 242—296.
78. П. Д. Шестаковъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія по распространенію христіанства у калмыковъ.—1869. Ч. 145, окт. отд. IV, стр. 123—143.

Б. Рецензії.

79. Історія чипослѣдованій крещенія и муропомазанія. Изслѣдованіе *Александра Алмазова*. Казань. 1885.—Рец. 1885. Ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 92 (книжныя новости).
80. *Apocalypsis*. To jest dziwne sprawa skrytych tajemnic Pańskich które Janowi Świętemu etc. Рец.—1877. Ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 106.
81. Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе южной Руси въ концѣ XVI в. *А. Архангельскаю*. Киевъ. 1886.—Рец. 1886. Ч. 246, августъ, отд. II, стр. 382—383. (Кн. новости).
82. Духовное образованіе и духовная школа въ Россіи при Петрѣ Вел. Изслѣдованіе *А. Архангельскаю*. Каз. 1883.—Рец. *Н. И. Петрова*. 1884. Ч. 233, июнь, отд. II, стр. 262—267.
83. Історія первобытной хрестіанской проповѣди (до IV в.). Сочиненіе *Николая Барсова*. С.-Пб. 1885. Рец. 1886. Ч. 243, январь, отд. II, стр. 188. (Кн. новости).
84. Какъ училъ о крестномъ знаменіи святѣйшій Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси? По новоду книги преосвященнаго Никанора: „Бесѣда о перстосложеніи“. *Н. И. Барсова*. С.-Пб.—Рец. 1890. Ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 376—377. (Кн. новости).
85. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. *П. О. Бобровскаю*. С.-Пб.—Рец. 1890. Ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 261—262. (Кн. новости).
86. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. *П. О. Бобровскаю*. С.-Пб. 1890.—Рец. *М. О. Козловича*. 1890. Ч. 269, июнь, отд. II, стр. 295—363.
87. *П. О. Бобровскій*. Отвѣтъ на критику *М. О. Коляловича* (Журн. Мнн. Нар. Просв., июнь, 1890; отд. брошюра).—1890. Ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 217—244.
88. Русская православная старина въ Замостьѣ. Соч. свящ. *Ал. Будиловича*. 1885.—См. Отчетъ о тридцатомъ присужденіи награды гр. Уварова.
89. Язычество и иудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Свящ. *Т. Буткевича*. Харьковъ. 1888.—Рец. *В. В.* 1889. ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 210—214.
90. Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе *Сергія Бялокурова*. Ч. I. Біографія. Арсенія Суханова. М. 1891.—Рец. 1891. Ч. 276, августъ, отд. II, стр. 457—458. (Кн. новости).
91. Религіи востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ, соч. *В. Васильева*. С.-Пб. 1873.—Рец. *И. П. Минаева*. 1874. Ч. 172, мартъ, отд. II, стр. 127—148.
92. Bartolomieja Zimorowicza Hymny na uroczyste święta Bogarodzicy, изд. *Влад. Вислоцкій*. Краковъ.—Рец. 1877. Ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 106.
93. О Московскомъ соборѣ 1681—1682. Опытъ историч. изслѣдованія *Григ. Воробьева*. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, Ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 93. (Кн. новости).
94. Ennodii opera omnia, ed. *Hartel* (Corpus scriptorum ecclesiasticorum). Wien. 1882.—Рец. 1883. Ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 466—467. (Уче-

- но-литературныя новости по классической филологии).
95. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Vol. III. P. I: S. Thasci Caecilii Cypriani opera omnia. Recensuit et commentario critico instruxit *Guil. Hartel*. Wien. 1868.—Рец. (въ отд. нов. иностр. ученой литературы). 1869. Ч. 142, апр., отд. II, стр. 476—477.
96. *Hausrath*. Neutestamentliche Zeitgeschichte III. Band.—Рец. 1875. Ч. 179, июнь, отд. II, стр. 408—411.
97. *А. Гезенъ*. Исторія славянскаго перевода символа вѣры. С.-Пб. 1881. См. Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова;
98. Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. *Гр. А. Гейдена*. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886. Ч. 246, августъ, отд. II, стр. 383. (Кн. новости).
99. Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завету, составленный *П. Гильтебрандтомъ*. Кн. I. 1882.—Рец. Л. Ст. 1882. Ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 151—158.
100. Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. *С. Голубева*. Т. I. Киевъ. 1883.—См. Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
101. Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ историч. изслѣдованія *С. Голубева*. Т. I. Киевъ. 1883.—Рец. *Н. И. Петрова*. 1884. Ч. 231, январь, отд. II, стр. 148—165.
102. *Голубинскій*. Исторія русской церкви, т. I, періодъ 1. См. Отчетъ о двадцать четвертомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
103. *Е. Голубинскій*. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской.—См. ст. *А. С. Ву-*
- диловича*: Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи.
104. *Е. Голубинскій*. Исторія русской церкви. Періодъ до-монгольскій. М. 1880.—Рец. *Д. Иловайскаго*. 1881. Ч. 213, февраль, отд. II, стр. 264—281.
105. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, *Н. Гюббета*. Ч. I и II. С.-Пб. 1882—1884.—См. двадцать восьмое присужденіе наградъ гр. Уварова.
106. Девятисотлѣтіе русской іерархіи 988—1888. Епархіи и архіереи. Составилъ *Н. Д. С.-Пб.* 1888.—Рец. 1889. Ч. 257, июнь, отд. II, стр. 466 (кн. новости).
107. Памятники древняго православія во Владимірѣ Волинскомъ. Въ пользу свято-Владимірскаго братства, составилъ и издалъ *Е. Н. Десерницкій*. Киевъ.—Рец. 1889. Ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 356. (Кн. новости).
108. *Guibal*, Arnold de Brescia et les Hohenstaufen ou la question du pouvoir temporel de la papauté au moyen-âge. (Арнольдъ Бретіанскій и Гогенштауфены, или вопросъ о свѣтской власти папъ въ средніе вѣка). Paris. 1869.—Рец. 1870. Ч. 150, июль, отд. II, стр. 167—168.
109. *А. К. Жизневскій*. Походъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго всея Великія и Бѣлыя Россіи въ 1656 г. въ Тверь, Вязьму и Иверскій монастырь Тверь.—Рец. 1889. Ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 257—258. (Кн. новости).
110. *Жмакинъ*. Митр. Даниилъ и его сочиненія.—См. Отчетъ о двадцать пятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
111. О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія киевлянъ. *В. Завитневича*. Киевъ. 1888. См. статью: *А. И. Соболевскаго*

- Въ какомъ году крестился св. Владиміръ?
112. Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Изслѣдованіе В. З. Завитневича. Варшава. 1883.—Рец. Н. Петрова. 1884. Ч. 234, іюль, отд. II, стр. 131—142.
113. Монастыри въ Россійской имперіи. Составлено В. В. Замринскимъ. С.-Пб. 1877.—Рец. П. М. М—ва. 1887. Ч. 253, сентябрь, отд. II, стр. 159—163.
114. П. В. Замскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Изданіе исправлен. и дополненное. Казань. 1886.—Рец. Д. А. Корсажова. 1886. Ч. 246, іюль, отд. II, стр. 60—81.
115. Творенія *Инокентія*, митр. Московскаго. Кн. I. Собраны Ив. Барсуковымъ. М. 1886.—Рец. 1886. Ч. 245, май, отд. II, стр. 189. (Кн. новости).
116. Творенія *Инокентія*, митр. Московскаго. Собраны Ив. Барсуковымъ. Кн. II. М. 1887.—Рец. 1887. Ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 183. (Кн. новости).
117. Записки *Иосифа*, митрополита Литовскаго, изданныя Имп. Акад. Наукъ, 3 тома. С.-Пб. 1883.—Рец. М. О. Бояловича. 1884. Ч. 231, февраль, отд. II, стр. 336—358. (Въ приложеніи къ рец.: 1) Записка Д. Блудова 21 ноября 1827. 2) Письмо М. Н. Муравьева къ Блудову. 3) Докладная записка объ ускореніи дѣла воссоединенія, Д. Блудова).
118. Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій. А. Л. Казанскаго (Христ. Чит. 1869. № 1 и 2). Рец. (въ Обзорѣни Русскихъ Журн.). 1869. Ч. 141. февр., отд. II, стр. 496—498.
119. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст. Соч. проф. Н. Кантевска. См. Отчетъ о тридцатомъ при-сужденіи премій гр. Уварова.
120. Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго. Изслѣдованіе Н. Н. Кедрова. М.—Рец. 18-6. Ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 222—224. (Кн. новости).
121. Methodus cantus ecclesiastici graeco-slavici auctore Joanne De Castro Niiramo. Accedit Enchiridion Santicorum ejusdem ecclesiae ab eodem auctore concinnatum. Romae MDCCCXXXI. Рец. А. Д. Ражскаго въ статьѣ: Славянское церковное пѣніе въ латин. обработкѣ.
122. Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ. М. О. Колясовича. С.-Пб. 1873. См. Отчетъ о семнадцатомъ при-сужденіи наградъ гр. Уварова.
123. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки. Изъ отчета Н. Красносельцева. Казань. 1895.—Рец. 1895. Ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 92. (Кн. новости).
124. Н. Θ. Красносельцевъ. Матеріалы для исторіи чиновослѣдованія литургіи святаго Іоанна Златоустаго. Вып. I. Казань.—Рец. 1889. Ч. 263, іюнь, отд. II, стр. 511. (Кн. новости).
125. Н. Красносельцевъ. Къ исторіи православнаго богослуженія. По поводу нѣкоторыхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, нынѣ не употребляющихся. Матеріалы и изслѣдованія по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Казань.—Рец. 1889. Ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 182. (Кн. новости).
126. Geschichte der herrschenden Ideen des Islams von. A. Kremer. Leip-

- zig. 1868.—Рец. (въ ст.: Пов. иностр. ученой литерат.). 1869. Ч. 141, февр., отд. II, стр. 528.
127. *Cyville et Méthode*, par *Louis Leger*. Paris. 1868.—Рец. (въ ст. П. А. Давровскаго. Кирилъ и Мееодій во французскомъ сочиненіи). 1869. Ч. 141, янв., отд. II, стр. 203—233.
128. Библиейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Вѣтхій завѣтъ. Составилъ *А. П. Лопухинъ*. Т. I. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. С.-Пб.—Рец. 1889. Ч. 263, июнь, отд. II, стр. 510—511. (Кн. новости).
129. Библиейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Вѣтхій Заветъ въ 2-хъ томахъ. Составилъ *А. П. Лопухинъ*. Т. II: отъ пророка Самуила до Рождества Христова. С.-Пб. 1890.—Рец. 1890. Ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 470. (Кн. новости).
130. Св. Кирилъ и Мееодій, первоучители славянскіе. Соч. *Ив. Им. Малышевскаго*, Кіевъ. 1886.—Рец. 1887. Ч. 249, февраль, отд. II, стр. 400—401. (Кн. новости).
131. Святые Кирилъ и Мееодій первоучители славянскіе. Соч. *Ив. Малышевскаго*. Кіевъ. 1886.—Рец. *А. С. Будиловича*. 1887. Ч. 251, июнь, отд. II, стр. 373—385.
132. *И. Мансветовъ*. Митрополитъ Кириилъ въ его литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе. М. 1882.—Рец. *И. Помяловскаго*. 1883. Ч. 227, май, отд. II, стр. 108—119.
133. *Leçon de la Marche*. La chaire française au moyen-Âge, spécialement au XIII siècle, d'après les manuscrits contemporains. (Лекуа де ла Маршь, Французская проповѣдь въ средніи вѣка, преимущ. въ XIII столѣтіи по современнымъ докумен-
- тамъ. Paris. 1868).—Рец. 1870. Ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 230—231.
134. *Мееодіевскій юбилейный сборникъ*, изданный Имп. Варшавскимъ университетомъ, подъ ред. проф. *А. С. Будиловича*. Варшава. 1885.—Рец. *Т. Д. Флорянскаго*. 1885. Ч. 240, августъ, отд. II, стр. 325—343.
135. *Müller, Max*, Essays I Band. Beiträge zur vergleichenden Religionswissenschaft nach der 2 engl. Ausgabe mit Autorisation des Verfassers ins Deutsche übertragen. Leipzig. 1869.—Рец. (въ отд. Новости иностр. литер.). 1869. Ч. 142, апр., отд. II, стр. 470.
136. The Sacred books of the East translated by various oriental scholars and edited by *T. Max-Müller*. Vol. I, X, XI. Oxford. 1879—1881. Отзывъ въ статьѣ *И. Минаева*: Новыя изслѣдованія о буддизмѣ.
137. *И. П. Минаевъ*. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. Т. I, кн. I и II. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888. Ч. 255, февраль, отд. II, стр. 529—530. (Кн. новости).
138. О времени пресуществленія святыхъ даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Опытъ историч. изслѣдованія *Григоріи Мирковича*. Вильна. 1886. Рец. *И. А. Шляпникова*. 1886. Ч. 245, май, отд. II, стр. 157—161.
139. Иезуиты въ Россіи, въ царствованіе имп. Екатерины II и до нашего времени. Свѣд. *М. Морозкина*. Ч. 2. С.-Пб. 1879. См. четырнадцатое присужденіе наградъ гр. Уварова.
140. *А. Никитскій*. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. С.-Пб. 1879. Рец. *Е. Е. Замысловскаго*. 1880. Ч. 207, январь, отд. II, стр. 213—222.
141. *А. Нижитскій*. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ нашимъ критикамъ. (По

- поводу рецензій гг. Кояловича, Костомарова и Замысловскаго). 1880. Ч. 209, июнь, отд. II, стр. 354—382.
142. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 13-й. Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ. Изслѣдованіе А. А. Оленичкаго. С.-Пб. — Рец. 1889. Ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 179—180. (Кн. новости).
143. *Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода*. Т. I. С.-Пб. 1868.—См. статью свящ. И. Образцова: Первый годъ синодальнаго управленія.
144. Дотаһи извори за српску историју. *Иван Павлович*. Део прва: житија краљ Србьскихъ. У Београду. 1887.—См. ст. В. Качановскаго: Годъ смерти св. Саввы, перваго сербскаго архіепископа.
145. *Dr. Ludw. Pastor. Geschichte der Päpste*. I т. 1886. II т. 1889 г. См. статью К. С. Шварсалона: Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства.
146. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. А. Позднѣва. С.-Пб. 1887. (Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣлу этнографіи, т. XVI). Рец. В. П. Васильева. 1888. Ч. 257, июнь, отд. II, стр. 417—431.
147. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. А. Позднѣва. С.-Пб. 1887. (Записки Имп. Рус. Геогр. Общества).—См. статью И. Минаева: Анологія ламства.
148. А. М. Позднѣвъ. Отвѣтъ на рецензію проф. И. П. Минаева на сочиненіе: Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи.—1888. Ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 304—323.
149. И. П. Минаевъ. Забѣтка на отвѣтъ А. М. Позднѣва.—1888. Ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 323—326.
150. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. А. Полова. М. 1875.—См. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
151. *Православный Палестинскій Сборникъ*. Вып. I. (Православіе въ св. Землѣ. В. Н. Хитрово). Изд. В. Хитрово. С.-Пб. 1881.—Рец. А. Елксѣева. 1882. Ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 105—124.
152. *Православный Палестинскій Сборникъ*. Изданіе В. П. Хитрово. Вып. II („Бордосскій спутникъ“ IV в). Рец. П. А. Сыржу. 1882. Ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 124—126.
153. S. Riezler. Die literarischen Wiedersacher der Päpste zur Zeit Ludwig Baiers. Рец. 1875. Ч. 177, янв., отд. II, стр. 271—275.
154. А. Гвоздь. Христіанская Нубія Ч. I. Источники для исторіи христіанства въ Нубіи. Историко-критическое и церковно-археологическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1890.—Рец. 1891. Ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 461. (Кн. новости).
155. History of the Inquisition in every Country where its Tribunals have been established, from the twelfth Century to the Present Time. By W. H. Rule London. 1868. (Исторія инквизиціи во всѣхъ странахъ, гдѣ установл. были оя судилища, съ XII в. до наш. времени. соч. Руля. Лонд. 1868.).—Рец. (въ ст.: Пов. иностр. ученой лит.). 1869. Ч. 141, февр., отд. II, стр. 528—529.
156. Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. I: Восточная агиология. Т. II: Святой Востокъ. Соч. архим. Сергія. М. 1876. См. Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

157. Монастырскіе колодникі прошлаго столѣтія въ Тверской епархіи. *П. П. Соколова*. Тверь.—Рец. 1889. Ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 258. (Кн. новости).
158. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь. *Н. Ф. Сулицова*. Кіевъ.—Рец. 1888. Ч. 258, іюль, отд. II, стр. 201. (Кн. новости).
159. Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе *Р. Теллова*. Императорскою Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отзыва. С.-Пб. 1889.—См. статью *П. А. Сыржу*: Греко-болгарскій церковный вопросъ.
160. *Н. Е. Троицкій*. Церковная сторона болгарскаго вопроса. С.-Пб. 1888.—См. статью *П. А. Сыржу*: Греко-болгарск. церковный вопросъ.
161. Милош С. Моложевић у Призрену и његовој околини Од *Величка Трѣћа*, призреца. У Београду. 1880.—Рец. *П. А. Сыржу*. 1880. Ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 438—497. (въ статьѣ: „Матеріалы для исторіи сербской церкви“).
162. Введеніе христіанства въ Лифляндіи. *Георіи Трусмана*. С.-Пб. 1884.—Рец. *И. А. Ковалево*. 1884. Ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 132—155.
163. Lao-tse's Tao-té-king, nach Reinhold v. Plaenker's Uebersetzung bearbeitet von *E. A. von Friede*. St. Pbg. 1884.—Рец. *А. М. Повдизѣва*. 1884. Ч. 235, октябрь, отд. II, стр. 360—366.
164. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игум. Волоцкаго. *И. Хрушова*. С.-Пб. 1866.—Рец. въ статьѣ *О. Ф. Мидлера*. Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго.
165. Литературная борьба съ протоиерействомъ въ Московскомъ государствѣ. *Дм. Цытаева*. М. 1887. Рец. 1888. Ч. 255, февраль, отд. II, стр. 531—532. (Кн. новости).
166. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ Изслѣдованіе *Д. Цытаева*. См. Отчетъ о второмъ присужденіи премій митр. Макарія.
167. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Изслѣдованіе *Дм. Цытаева*. М. 1886.—Рец. 1886. Ч. 244, мартъ, отд. II, стр. 222—223. (Кн. новости).
168. Оеофанъ Прокоповичъ и его время. *И. Чистовича*. С.-Пб. 1868.—Рец. *М. И. Сухомлинова*. 1869. Ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 257—294.
169. Оеофанъ Прокоповичъ и его время. *И. Чистовича*. С.-Пб. 1868. Рец. *И. Я. Образцова*. 1869. Ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 294—305.
170. Греко-болгарскій церковный вопросъ. Отвѣтъ *М. Филиппову*, *А. Шопова*. С.-Пб. 1889. См. статью *П. А. Сыржу*: Греко-болгарскій церковный вопросъ.
171. Податки за исторію српске цркве из путничкогъ записника *И. С. Иестребона*. У Београду. 1879.—Рец. *П. А. Сыржу*. 1880. Ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 438—497 (въ статьѣ „Матеріалы для исторіи Сербской церкви“).
172. Иеродиаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка. Изслѣдованіе протоіерей *И. Яхонтова*. С.-Пб. 1884. Рец. *Н. И. Петрова*. 1884. Ч. 232, апрѣль, отд. II, стр. 351—358.
173. Русскій проповѣдникъ XVII в. и нѣсколько статей изъ его сочиненія „Статирь“. Изложилъ и издалъ *И. Яхонтовъ*. С.-Пб. 1883.—Рец. *Н. И. Петрова*. 1884. Ч. 232, апр., отд. II, стр. 351—358.

II. ФИЛОСОФІЯ.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФІИ.—ЭТИКА.—ЛОГИКА.—ПСИХОЛОГІЯ.

А. Статьи.

174. А. Вобьиниъ. Обь анализѣ и синтезѣ. — 1877. Ч. 194, дек., отд. II, стр. 174—207.
175. А. И. Введенскій. Ученіе Лейбница о матеріи въ связи съ монадологіей. — 1886. Ч. 243, январь, отд. II, стр. 1—49.
176. А. И. Введенскій. Критико-философскій анализъ массы и связь высшихъ законовъ матеріи въ законѣ пропорціональности. — 1889. Ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 1—44.
177. А. И. Введенскій. Къ вопросу о строеніи матеріи. — 1890. Ч. 270, июль, отд. II, стр. 18—65; августъ, стр. 191—220.
178. А. Д. Вейсманъ. Этика грековъ и римлянъ. (Отзывъ о соч. Die Ethik der Griechen und Römer. Von D-r Th. Ziegler. Bonn. 1886). — 1887. Ч. 251, июнь, отд. II, стр. 386—401.
179. М. И. Владиславлевъ. Психологія Плотина. — 1868. Ч. 139, июль, отд. II, стр. 1—54.
180. М. И. Владиславлевъ. Зависимость нѣмецкой философіи отъ англійской. Отзывъ о сочин. М. Тронцкаго: Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтїи. М. 1867. — 1867. Ч. 135, июль, отд. II, стр. 174—208, августъ, отд. II, стр. 499—539.
181. М. И. Владиславлевъ. Англійская индуктивная логика, (по пововоду Логикѣ А. Бэна). — 1870. Ч. 152, ноябрь, отд. II, стр. 110—154.
182. М. И. Владиславлевъ. Схоластическая логика. — 1872. Ч. 162, авг., отд. II, стр. 195—271.
183. М. И. Владиславлевъ. Новое сочиненіе Дарвина. (The expression of the emotions in man and animals. By Charles Darwin. 1872, London). — 1873. Ч. 166, апр., отд. II, стр. 163—200.
184. М. И. Владиславлевъ. Джонъ Стюартъ Милль. (По пововоду изд.: Autobiography by John Stuart Mill). 1874. Ч. 175, окт., отд. II, стр. 112—151.
185. М. Владиславлевъ. Успѣхи психологіи за послѣднее время. — 1874. Ч. 174, авг., отд. II, стр. 153—175.
186. Л. Ф. Воеводскій. Этическое значеніе мнѣовъ. — 1875. Ч. 179, июнь, отд. II, стр. 397—404.
187. П. И. Вознесенскій. Протяженіе, какъ сущность матеріи у Декарта. — 1890. Ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 319—328.
188. А. Noelbe. De pietatis, quae sit in Platonis Euthyphrone, ratiōe. — 1878. Ч. 199, окт., отд. V, стр. 127—141.
189. В. И. Герье. Лейбницъ, его вѣкъ, жизнь и дѣятельность. — 1867. Ч. 133, февр., отд. II, стр. 302—371; мартъ, стр. 535—617. Ч. 134, май, стр. 303—384. Ч. 135, июль, стр. 1—57; августъ, стр. 266—364. Ч. 136, ноябрь, стр. 418—506; декабрь стр. 854—964.
190. В. И. Герье. Отношенія Лейбница къ Петру Великому. — 1870. Ч. 147, январь, отд. II, стр. 1—48, февраль, стр. 345—415. Ч. 148, апрѣль, стр. 308—390.
191. А. Д. Градовскій. Политическая

- философія Гегеля. — 1870. Ч. 150, июль, отд. II, стр. 39—81.
192. П. И. Житецкій. Діалогъ Платона «Кратилъ». — 1890. Ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 307—318.
193. Э. Зеленогородскій. Ученіе Аристотеля „о душѣ“ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. — 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 62—110, авг., стр. 237—279.
194. Э. А. Златоустовскій. „Парменидъ“, діалогъ Платона. — 1873. Ч. 166, апр., отд. II, стр. 201—238. Ч. 167, май, стр. 108—162.
195. М. И. Каринскій. Подложные стихи въ сочиненіи Іудейскаго философа Аристовула. — 1876. Ч. 183, янв., отд. V, стр. 1—21.
196. М. И. Каринскій. Апиоловій Тіанскій. — 1876. Ч. 188, ноябрь, отд. II, стр. 30—98.
197. М. И. Каринскій. Классификація выводовъ. — 1879. Ч. 201, янв., отд. II, стр. 65—88.
198. М. И. Каринскій. Господствующая группа выводовъ. — 1879. Ч. 202, мартъ, отд. II, стр. 67—117. Ч. 203, май, стр. 97—160.
199. М. И. Каринскій. Выводы отрицательные и гипотетическіе. — 1880. Ч. 207, февраль, отд. II, стр. 288—343.
200. М. И. Каринскій. Учебники логики М. М. Тронцкаго. (Отзывъ о сочинен.: 1) Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ М. Тронцкаго. Книга первая. Изд. 2-е. М. 1886. Книга вторая. М. 1886. Книга третья. Вып. I. М. 1888. 2) Элементы логики. Руководство къ логикѣ, составлен. для средн. учебн. завед. проф. М. Тронцкимъ. М. 1887). — 1889. Ч. 263, июнь, отд. II, стр. 453—492.
201. М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра. — 1890. Ч. 268, апр., отд. II, стр. 314—378. Ч. 269, май, стр. 74—119, июнь, стр. 223—263.
202. Н. Н. Ланге. Первая аналитика Аристотеля. (Переводъ съ поясненіемъ). — 1891. Ч. 277, сентябрь, отд. V, стр. 57—76, октябрь, стр. 11—32. Ч. 278, ноябрь, стр. 33—35.
203. Декартъ. Разсужденіе о методѣ, дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины. Переводъ и поясненія Н. А. Любимова. С.-Пб. 1885. — Прилож. къ 1885. — Ч. 240, июль, стр. 1—IV, 1—42, августъ, стр. 43—90. Ч. 241, сент., стр. 91—138; октябрь, стр. 139—186. Ч. 242, ноябрь, стр. 187—234, декабрь, 235—282, 1886. Ч. 243, январь, стр. 283—314, февраль, стр. 315—362. Ч. 244, мартъ, стр. 363—410, апрѣль, стр. 411—434+I—IV.
204. Н. Марковъ. Значеніе Сократа, какъ философа-педагога — 1871. Ч. 154, мартъ, отд. III, стр. 1—50, апрѣль, стр. 65—150.
205. Общеніе наукъ и факультетовъ. О рѣчахъ: 1) Эд. Целлера: О задачѣ философіи и объ ея отношеніи къ къ прочимъ наукамъ. (Heidelb. 1868) и 2) Юргенса Бона-Мейера: Общеніе факультетовъ (въ отд. Нов. пюстр. ученой лит.) — 1870. Ч. 147, февр., отд. II, стр. 451—458.
206. С. Орловъ. Новая система формальной логики. (Рец. труда: W. S. Ievons. The principles of science. London. 1874) — 1881. Ч. 217, сент., отд. II, стр. 113—153.
207. И. Пановъ. Славянофильство, какъ философское ученіе. Историко-философскій очеркъ. — 1880. Ч. 212, ноябрь, отд. II, стр. 1—67.
208. Этика Аристотеля, переводъ съ греческаго Э. Л. Радлова. — 1884. Ч. 232, апрѣль, отд. V, стр. 67—87; ч. 233, май, стр. 1—16; ч. 235, сентябрь, стр. 16—38; ч. 236, ноябрь,

- стр. 1—22. 1886, ч. 241, октябрь, стр. 493—512. ч. 242, ноябрь, стр. 513—532; 1886, ч. 247, сентябрь, стр. 142—164. 1887, ч. 252, июль, стр. 97—136; ч. 254, декабрь, стр. 155—176.
209. Э. Л. Радловъ. О направленіяхъ въ психологін. Разборъ соч. *Н. Грота*. Къ вопросу о реформѣ логики. Одесса. 1883—1885. Ч. 238, мартъ, отд. II, стр. 57—87.
210. Э. Л. Радловъ. Предметъ логики.—1886. Ч. 244, мартъ, отд. II, стр. 1—28.
211. Э. Л. Радловъ. Очерки изъ исторіи скептицизма.—1881. Ч. 249, февраль, отд. II, стр. 240—290.
212. Э. Л. Радловъ. Эмпедоклъ.—1889. Ч. 261, февраль, отд. V, стр. 81—96, ч. 262, мартъ, стр. 97—100; апрѣль, стр. 1—32; ч. 263, май, стр. 33—51.
213. Э. Л. Радловъ. Русскія работы по исторіи греческой философіи. (Отзывъ о трудахъ: 1) Князь С. Трубецкой. *Метафизика въ древней Греціи*. М. 1890. 2) А. А. Гиляровъ, *Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общею политическою и культурною исторіей Греціи*. М. 1883).—1890. Ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 384—409.
214. Э. Л. Радловъ. «Объ истолкованіи» Аристотеля.—1891. Ч. 273, январь, отд. V, стр. 45—64, февраль, стр. 65—92.
215. В. В. Розановъ. Органическій процессъ и механическая причинность.—1889. Ч. 263, май, отд. II, стр. 1—22.
216. В. В. Розановъ и П. И. Первовъ. *Метафизика Аристотеля*. (Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями).—1890. Ч. 267, февраль, отд. V, стр. 82—112. Ч. 268, мартъ, стр. 113—152.
217. В. П. Сватковскій. Парадоксъ Зенона о летящей стрѣлѣ.—1888. Ч. 256, апрѣль, отд. V, стр. 203—239.
218. Современное состояніе философіи въ Итали. (Нов. иностр. ученой литер.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 201—225.
219. В. С. Соловьевъ. О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича, —1874. Ч. 176, декабрь, отд. II, стр. 294—318.
220. В. С. Соловьевъ. Философскія начала цѣльнаго знанія.—1877. ч. 190, мартъ, отд. II, стр. 60—99, апр., стр. 235—253; ч. 191, июнь, стр. 199—233; ч. 193, октябрь, стр. 79—109. Ч. 194, ноябрь, стр. 1—32.
221. С. М. Соловьевъ. Прогрессъ и релягія.—1868. Ч. 139, сент., отд. II, стр. 700—719.
222. Н. Н. Страховъ. Объ основннхъ понятіяхъ психологін.—1878. Ч. 197, май, отд. II, стр. 29—51, июнь, стр. 133—164.
223. Н. Н. Страховъ. Исторія и критика философіи. (По поводу трудовъ Вл. Соловьева: 1) Кризисъ западной философіи. М. 1874 и 2) Критика отвлеченннхъ началъ. М. 1880).—1881, ч. 213, январь, отд. II, стр. 79—115. Поправки (опечатки).—1881. ч. 213, февраль, стр. 320.
224. Н. Н. Страховъ. Главная задача физиологін.—1886. Ч. 246, августъ, отд. II, стр. 311—338; ч. 247, сент., стр. 1—28.
225. Г. Струве. О современномъ значеніи философіи.—1870. Ч. 148, апр., отд. II, стр. 257—270.
226. Э. И. Успенскій. Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ.—1891. Ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 102—159, октябрь, стр. 283—324.
227. Философія въ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатахъ. (Нов. иностранной ученой литерат.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 225—227.

228. Кн. Д. Цертелевъ. А. Шопенгауэръ. — 1878. Ч. 195, янв., отд. II, стр. 18—60.—Ч. 199, окт., стр. 167—180; 1879. Ч. 202, апр., стр. 324—335.
229. Кн. Д. Цертелевъ. Нравственная философія Шопенгауэра.—1882. Ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 105—122, декабрь, стр. 167—224.
230. Р. А. Фохтъ. Логическая связь мыслей въ первой книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ Цицерона.—1875. Ч. 182, ноябрь, отд. V, стр. 41—66.
231. Л. Ю. Шредеръ. Пнеагоръ и индійцы. — 1888 Ч. 259, октябрь, отд. V, стр. 1—48. Ч. 260, ноябрь, стр. 49—73.

Б. Рецензии.

232. Socrates. Ein Versuch über ihn nach den Quellen, von *Alberti*. Dr. Privat docent. (Сократъ.—Опытъ о немъ по источникамъ; соч. Альберти), Göttingen. 1869.—Рец. 1870 Ч. 151, септ., отд. II, стр. 149—150.
233. *Baltzer Ed.* Pythagoras, der Weise von Samos. Nordhausen. 1868.—Рец. (въ ст.: Новости иностранной ученой литер.). 1869. Ч. 141, февр., отд. II, стр. 526.
234. Das Beständige in den Menschenrassen und die Spielweite ihrer Veränderlichkeit, von *d-r H. Bastian*. (Элементъ постоянства въ челоѣч. породахъ и широта ихъ измѣнчивости). Berlin. 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литерат.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 216.
235. *Logic*. by *Alexander Bain*. P. I. Deduction. P. II, Induction. London. 1870. См. ст. М. И. Владиславлева. Англійская индуктивная логика.
236. Die Sinneswahrnehmung in ihren physiologischen und psychologischen Gesetzen von *H. Böhm*. (Чувствен. воспріятіе въ его физиологич. и психологич. законахъ. Erlangen. 1868.—Рец. (въ ст.: Нов. иностр. учен. литер.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 195—197.
237. Die Heraclitischen Briefe von *Jacob Bernays*. (Гераклитовы письма, соч. Як. Бернея). Berlin. 1868.—Рец. 1870. Ч. 147, февр., отд. II, стр. 440—441.
238. Очерки исторіи методизма. Соч. А. Булгакова. Кіевъ. 1887. — Рец. 1887. Ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 353—354. (Кн. новости).
239. *L. Vian*. Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres d'après les documents nouveaux et inédits.—Рец. 1878. Ч. 199, септ., отд. II, стр. 119—122.
240. Benedict de Spinoza; his life, correspondence and Ethics. By *R. Willis*.—Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 113—114.
241. Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приѣмовъ мышленія и историческіе очерки: Логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной *М. Владиславлева*.—Рец. *А. Свѣтилина*. 1874. Ч. 174, авг., отд. II, стр. 284—298. Ч. 175, окт., стр. 211—252.
242. *М. И. Владиславлевъ*. Отвѣтъ г-ну Свѣтилину,—1875. Ч. 177, февр., отд. II, стр. 479—532.
243. *А. Е. Свѣтлинъ*. По поводу «отвѣта» г. Владиславлева. — 1875. Ч. 179, май, отд. II, стр. 175—239.
244. *М. Волковъ*. Логическое исчисленіе. С.-Пб. 1888.—Рец. *В. Н. Стрѣвадова*. 1889. Ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 161—173. Поправки (опечатки)—ч. 265, окт., отд. II, стр. 360.

245. *Вопросы философіи и психологій.* Журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора *Н. Я. Грома*. М.—Рец. 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 567. (Кн. новости).
246. *Hereditary Genius: an Inquiry into its Laws and Consequences.* By *Francis Galton*. London. 1869. — Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 116—123.
247. *Historisch-Philosophische Abhandlungen, von C. Hartenstein.* (Историко-философскіе труды, соч. Гартенштейна). Leipzig. 1870.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 152—153.
248. *Ueber die dialectische Methode, von E. v. Hartmann.* (О диалектическомъ методѣ). Berlin. 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой лит.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 206—211.
249. *Philosophie des Unbewussten, von Hartmann.* (Философія безсознательнаго). Berlin. 1869.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 215—216.
250. *Gebler. Galilei und die roemische Curie.*—Рец. 1876. Ч. 187, окт., отд. II, стр. 227—228.
251. *Jacob Friedrich Fries von Ernst Theodor Henke.* (Яковъ Фридрихъ Фризъ). Leipzig. 1867.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литерат.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 211.
252. *Die neue Zeit. Freie Hefte für vereinte Höherbildung der Wissenschaft und des Lebens, den Gebildeten aller Stände gewidmet von Pr. Dr. Hermann und Freiherr von Leonhard.* Heft Prag. 1869. — Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 155—156.
253. *А. А. Гилларовъ.* Греческіе софисты, ихъ мировоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общею политическою и культурною исторіей Греціи. М. 1888. См. статью Э. Л. Радлова: Русскія работы по исторіи греческой философіи.
254. *The Theorie of Practice: an Ethical Enquiry.* By *Schadworst H. Hodson* 2 vols.—Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 115—116.
255. *Plato and other Companions of Socrates* by *George Grote*. London, t. I, 1865, t. II, 1867. Рец., (въ отд. Новости иностран. ученой литер.).—1869. Ч. 142, апр., отд. II, стр. 471—472.
256. *An Examination of the Utilitarian Philosophie, by the late John Grote.* London. 1870. — Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 123—138.
257. Къ вопросу о реформѣ логики. Соч. *К. Грома*. — Рец. въ статьѣ Э. Л. Радлова: О направленіяхъ въ психологій.
258. *The expression of the emotions in man and animals, By Charles Darwin.* London. 1872.—См. ст. М. И. Владиславлева. Новое сочиненіе Дарвина.
259. *Н. Я. Дамилевскій.* Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Изданіе 3-е, съ портретомъ и посмертными примѣчаніями, (изданіе Н. Страхова). С.-Пб. 1888.—Рец. 1888. Ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 532—533. (Кн. новости).
260. *Де-Роберти.* Прошлое философіи. С.Пб. 1886. — Рец. 1886. Ч. 245, май, отд. II, стр. 191—192. (Кн. новости).
261. *Де-Роберти.* Прошедшее философіи. Т. II, ч. 2. Выводы. Ч. 3. Философія прошедшаго и генезисъ философіи наукъ. М. 1886.—Рец. 1886. Ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 415. (Кн. новости).
262. *Empirische Psychologie, von Dr M. A. Drbal.* (Опытная психологія). Wien. 1869.—Рец. (Нов. иностран-

- ной учебной литературы.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 198—199.
263. *Levons W. S.* The principles of science. London. 1874.—Рец. С. Орлова. 1881. Ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 113—153.
264. *Elementary Lessons in Logic.* By *Stanley Levons.*—Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 112—113.
265. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. *Стелли Джеленка.* Переводъ со втораго англійскаго изд. *М. Антоновича.* С.-Пб. 1881.—Рец. въ статьѣ С. Орлова. Новая система формальной логики.
266. *Ueber Erkenntniss, von Maximilian Drossbach.* Halle. 1869.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 157—158.
267. *Die Erkenntnisslehre als Naturwissenschaft, eine Einleitung in die Philosophie auf Basis der naturwissenschaftlichen Psychologie, von W. Oehlmann.* Учение о познанин, какъ естественовѣдннн, введеннн въ философію на основанн естествоовѣднн психологнн, соч. Ельмана. Сѣт-тен. 1886.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 159—160.
268. *Le cerveau et la pensée. Par Paul Janet.* Paris. 1867. — Рец. (Нов. иностр. ученой литературы.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 200—205.
269. *Benedict de Spinoza's Kurzer Tractat von Gott, dem Menschen und dessen Glückseligkeit. Auf Grund einer neuen von d-r Antonius von der Linde vorgenommenen Vergleichung der Handschriften ins Deutsche übersetzt, mit einer Einleitung, kritischen und sächlichen Erläuterungen begleitet von d-r Christoph Sigwart.* — Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 150—152.
270. *Lehrbuch der empirischen Psychologie als inductiver Wissenschaft, von D-r G. A. Lindner.* (Учебникъ опытной психологнн, какъ индуктив-
- ной науки). 2 Ausg. Wien. 1868. Рец. (Нов. иностр. ученой литературы.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 199—200.
271. *Фр. Ибервель.* Исторія философіи. *Перев.* и состав. дополненія съ примѣч. *Н. Ф. Фоккоел.* Т. I. Ч. I. С.-Пб. 1876. — Рец. 1877. Ч. 193, окт., отд. III, стр. 29—33.
272. *Задачи этики. К. Д. Кавелина.* 2-о изданнн, съ портретомъ и біографич. очеркомъ. С.-Пб. 1886. — Рец. Э. Л. Радлова. 1886. Ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 400—418.
273. *G. Karsten.* Allgemeine Encyclopädie der Physik. 1-er Band. Philosophische Einleitung in die Encyclopädie der Physik von Harms.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 162—164.
274. *Н. Карьел.* Основные вопросы философіи исторнн. 2-е переработанное изданнн. Два тома. С.-Пб. 1887. — Рец. 1888. Ч. 255, февраль, отд. II, стр. 530. (Кн. новости).
275. *Н. Карьел.* Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторнн. Вып. I. С.-Пб. 1890.—Рец. 1889. Ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 563—567. (Кн. новости).
276. *Die psychophysische Bewegung in Rücksicht der Natur ihrer Substrate, von d-r Otto Caspary.* Leipzig. 1869.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 160—162.
277. *The Laws of Discursive Thought, being a Textbook of Formal Logic.* By *James M' Cost.*—Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 111—112.
278. *Kritische Bemerkungen zum dritten Theil der pseudo-aristotelischen Schrift περί Ξενοφάνους, περί Ζήνωνος, περί Γοργίου.* Oldenburg. 1869. —Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 153.
279. *Die Grenzen der menschlichen Erkenntniss und die religiösen Ideen, von L. K. Landau.* (Предѣлы чело-

- вѣческаго познаванія и религіозныя идеи, соч. Ландау). Leipzig. 1868.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 160—161.
280. Meister Eckhart, der Mystiker, von Ad. Laxson. (Мистеръ Эккартъ, мистикъ). Berlin. 1868.—Рец. (Нов. иностр. ученой литературы). 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 212.
281. П. Лейкфельдъ. Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890.—Рец. Э. Л. Радлова. 1890. Ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 403—410.
282. П. Лейкфельдъ. Отвѣтъ г. Радлову. — 1891. Ч. 273, январь, отд. II, стр. 231—236.
283. Э. Л. Радловъ. Отвѣтъ г. Лейкфельду. — 1891. Ч. 273, янв., отд. II, стр. 237—240.
284. History of European Morals from Augustus to Charlemagne. By William Edward Hartpole Lecky. (Исторія нравственности въ Европѣ со времени Августа до Карла Великаго, соч. Едварда Лекки). London. 1869.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 143—156.
285. Ueber den objectiven Anblick von Otto Liebmann. Stuttgart. 1869.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 157—158.
286. Философія Декарта. II. Любимови. С.-Пб. 1886. — Рец. 1886. Ч. 245, май, отд. II; стр. 192—193. (Кн. новости).
287. Masakuk. Versuch einer concreten Logik. 1887.—Рец. Э. Р. 1887. Ч. 251, июнь, отд. II, стр. 414—416. (Кн. новости).
288. Die Sinnestäuschungen, Hallucinationen und Illusionen, von Meyer. (Обманы чувствъ, галлюцинаціи и иллюзіи). Wien. 1869.—Рец. (Нов. иностр. ученой литер.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 198.
289. Autobiography by John Stuart Mill. См. ст. М. И. Владиславлева. Джонъ Стюартъ Милль.
290. Analysis of the Phenomena of the human Mind. by James Mill. A new edition with notes illustrative and critical by Alexander Bain, Andrew Findlater and George Grote. London. 1869. (Анализъ явленій чловѣческаго духа, соч. Джемса Милля, съ пояснительными и критическими замѣчаніями Александр. Бэна, Андрея Финдлетера и Джоржа Грота). —Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 132—141.
291. Social Morality. Twenty one Lectures delivered, in the University of Cambridge. By F. D. Maurice.—Рец. 1871. Ч. 156, июль, отд. II, стр. 114—115.
292. John Morley. Rousseau. — Рец. 1875 Ч. 177, янв., отд. II, стр. 283—285.
293. Habit and Intelligence in their connexion with the Laws of Matter and Force. By Joseph John Myrphy. 2 т. London. 1869.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 141—142.
294. Die Vorstellungen im Geiste des Menschen, von pr. Et. Olausky. Berlin. 1868.—Рец. (Нов. иностранной ученой литературы).—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 197—198.
295. I. Olsz. Untersuchungen uober den Substanzbegriff bei Leibnitz. Dorpat. 1888.—Рец. А. 1889. Ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 200—206
296. I. H. Oss. Замѣтка по поводу рецензіи на книгу: „Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz“. — 1889. Ч. 264, августъ, отд. II, стр. 452—454.
297. Этика Аристотеля. Переводъ съ греческаго Э. Радлова. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888. Ч. 255, февраль, отд. II, стр. 529. (Кн. новости).
298. Materialismus und ethisches Bedürfniss in ihrem Verhältnisse zur

- Psychologie, von *Rinne* (Материализм и нравственные потребности въ ихъ отношеніи къ психологін). Braunschweig. 1868. — Рец. (Нов. иностр. ученой литер.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 213.
299. Philosophische Paradoxa, von *Hein Ritter*. (Философскіе парадоксы). Leipzig. 1867. — Рец. (Нов. иностр. ученой литературы).—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 213—215.
300. О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ дѣльнаго знанія. В. *Розанова*. М. 1886. — Рец. Н. Н. Страхова. 1889. Ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 124—131.
301. Мѣсто христіанства въ исторіи. В. *Розанова*. М. 1890. — Рец. 1890. Ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 469—470. (Кн. новости).
302. Hegels Naturphilosophie und die Bearbeitung derselben durch den italienischen Philosophen A. Vega, von *K. Rosenkranz*. (Философія природы Гегеля и обработка ея итальянскимъ философомъ А. Верою). Рец. (Нов. иностр. ученой литературы.)—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 217.
303. *W. H. Roscher*. Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer 1. Apollon und Mars. Leipzig. 1873. Рец. М. 1874. Ч. 172, мартъ, отд. V, стр. 77—79.
304. Философіи отцовъ и учителей церкви. Періодъ апологетовъ, соч. проф. Кіев. дух. ак. *К. Скворцова*. Кіевъ. 1868. Рец. М. И. Владиславлева. —1869. Ч. 142, май, отд. II, стр. 198—241.
305. М. И. Владиславлевъ. Изученіе философской отеческой литературы. По поводу отвѣтной статьи Скворцова (въ *Труды Кіевской духовной академіи*) на рецензію его труда „Философія отцовъ и учителей церкви“. — 1869. Ч. 145, окт., отд. II, стр. 344—362.
306. Кризисъ западной философіи, противъ позитивистовъ *Влад. Соловьева*. М. 1874. Рец. М. И. Владиславлева. — 1875. Ч. 177, январь, отд. II, стр. 247—271.
307. *Вл. Соловьевъ*. Кризисъ западной философіи. М. 1874. — См. статью Страхова. Исторія и критика философіи.
308. *Вл. Соловьевъ*. Критика отвлеченныхъ началъ. См. ст. Страхова. Исторія и критика философіи.
309. Перенеска Бенедикта де Снимо, съ приложеніемъ жизнеописанія Снимозы I. Колеруса, переводъ *Л. Я. Гуревича*, подъ редакціей Волинскаго. Съ портретомъ и факсимиле Снимозы. С.-Пб. — Рец. 1891. Ч. 275, май, отд. II, стр. 203—204. (Кн. новости).
310. Forschung nach der Gewissheit in der Erkenntniss der Wirklichkeit, von *A. Spir*. Leipzig, 1869. — Рец. 1870. Ч. 151, септ., отд. II, стр. 156—157.
311. Platonische Studien, von *Iosef Steger*. I. Innsbruck. (Платоновскія изслѣдованія) 1869. — Рец. 1870. Ч. 147, февр., отд. II, стр. 442—443.
312. *И. Страховъ*. О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). С.-Пб. 1887. — Рец. 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 352. (Кн. новости).
313. *Н. Страховъ*. Объ основныхъ понятіяхъ психологін и фізіологін. С.-Пб. 1886. — Рец. 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 226. (Кн. новости).
314. Введеніе въ философію. Сочиненіе *Герриха Струве*. Варшава. 1890. — Рец. Н. Н. Страхова. 1891, ч. 273, февраль, отд. II, стр. 389—397.
315. Г. Ю. Струве. Отвѣтъ Н. Н. Страхову. (На рецензію „Введеніе

- въ философію*).—1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 454—460.
316. Н. Н. Страховъ. Замѣтка о предыдущемъ „Отвѣтъ“ Г. Ю. Струве. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 460—462.
317. Пачатки философіи. Общедоступное изложеніе существеннаго содержанія философіи. *Алексѣя Струвникова*. М. 1888.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр. 26—32.
318. Kuno-Fischer und sein Kant, von *Adolf Trendelenburg*. Leipzig. 1869. Anti Trendelenburg. Eine Duplik von Kuno-Fischer. Jena 1870.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 164—167.
319. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историч. и критич. изслѣдованіе, съ предварит. очеркомъ успѣховъ психологіи со времени Бекона и Локка. *М. Троицкаго*.—Рец. *Ө. Ө. Сидоноваго*. 1867. Ч. 134, июнь, отд. II, стр. 925—946.
320. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Истор. и критич. изслѣд. *М. Троицкаго*. М. 1867. См. ст. *М. И. Владиславлева*. Зависимость нѣмец. философіи отъ англійской.
321. Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. *М. Троицкаго*. Книга первая. Изд. 2-е. М. 1886. Книга вторая. М. 1886. Книга третья. Вып. I. М. 1888.—См. статью *М. И. Каринскаго*: Учебники логики *М. М. Троицкаго*.
322. Элементы логики. Руководство въ логикѣ, составленное для среднихъ учебныхъ заведеній, проф. *М. Троицкаго*. М. 1887.—См. статью *М. И. Каринскаго*: Учебники логики. *М. М. Троицкаго*.
323. *Клэв С. Трубецкій*. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890.—См. статью *Э. Л. Радлова*: Русскія работы по исторіи греческой философіи.
324. Iordanus Brunus Nolanus De Umbra idearum. Editio nova Curavit *Salvator Tugini*. (Джіордано-Бруно изъ Полю. О тѣняхъ идей, изд. Сальв. Туджини) Bergolini 1868.—Рец. 1870. Ч. 147, февр., отд. II, стр. 443—450.
325. *М. Урсинъ*. Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофильс. С.-Пб. 1887.—Рец. *И. П. Филевича*. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 201—207.
326. Memoir of sir William Hamilton, Bart., professor of Logik and of Metaphysics in the University of Edinburgh, by *John Veitch*. (Записки о сирѣ Вильямѣ Гамильтонѣ, профес. логики и метафизики, въ Эдинбургскомъ унив.) London. 1869.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 142—143.
327. *Философскій трехтысячникъ*. Спеціальный журналъ по философскимъ наукамъ, издаваемый проф. *А. А. Козловымъ*. Кіевъ. 1885.—Рец. 1886, ч. 241, апрѣль, отд. II, стр. 438. (Кн. новости).
328. Der Zeitsinn nach Versuchen, von d-r. *K. Vierordt* (Чувство времени по опытамъ соч. д-ра Фирорта) Tübingen. 1868.—Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 163.
329. Das Wunder und die Erkennbarkeit Gottes von *O. Flügel*. Leipzig 1869. Рец.—1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 159—160.
330. Acht psychologische Vorträge von prof. *Dr. C. Fortlage* (18 психологич. лекціи) Iena 1859.—Рец. (Нов. иностр. ученой литературы).—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 200.
331. Blicke in die intellectuelle, physische und moralische Welt nebst Beiträgen zur Lebens-Philosophie,

- von *Julius Frauenstädt*. Leipzig 1869. Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 156.
- 332.** Das Recht der eigenen Ueberzeugung., Von *Froschhammer*. Leipzig 1869. — Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 155.
- 333.** *Фунъ-Брентано*. Древние и современные софисты. Перевелъ съ франц. Новицкій. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 414—415. (Кн. новости).
- 334.** *Эд. Целлеръ*. О задачѣ философіи и объ ея отношеніи къ прочимъ наукамъ. Heidelb. 1868.—См. ст. Общѣніе наукъ.
- 335.** Ethik der Griechen und Römer. Von *D-r Th. Ziegler*. Bonn. 1886.—См. статью *А. Д. Вейсмана*: Этика грековъ и римлянъ.
- 336.** Aus *Schellings* Leben. In Briefen. I Band. 1775—1803 Leipzig 1869. Рец.—1870. Ч. 151, сент., отд. II, стр. 153—155.
- 337.** Gott und Die Welt. Philosophische Abhandlung von *Ios. Schill*. Gladbach 1868. Рец.—1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 157.
- 338.** Kritisch-philosophische Aufsätze. 1-е Heft. Herbart und Trendelenburg, von *W. Schlacht*. (Критико-философ. статьи. Тетр. I. Гербартъ и Тренделенбургъ). Augau. 1868.—Рец. (Нов. иностр. ученой литературы.) 1869. Ч. 144. июль, отд. II, стр. 205-206.
- 339.** Spinoza und Schleirmacher. Die Geschichte ihrer Systeme und ihr gegenseitiges Verhältniss, von *d-r P. Schmidt*. (Спинноза и Шлейермахеръ. — Исторія ихъ системъ и взаимное ихъ отношеніе). Berlin. 1868.—Рец. (Нов. иностр. ученой литерат.) 1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 212,
- 340.** *Вл. Штейнъ*. Артуръ Шюенгауеръ, какъ человекъ и мыслитель. Опытъ біографіи. Т. I. С.-Пб.—Рец. 1887, ч. 253, сентябрь, отд. II, стр. 163—164. (Книжныя нов.).
- 341.** Юргенсъ Бона-Мейеръ. Общѣніе факультетовъ. — См. ст. Общѣніе наукъ.
- 342.** Kants Ansicht über die Psychologie als Wissenschaft von *Jürgen Bona-Meyer*. (Взгляды Канта на психологию, какъ науку соч. пр. Юргена Бона-Мейера). Bonn. 1869. — Рец. 1870. Ч. 147, янв., отд. II, стр. 161—163.

III. ПЕДАГОГИКА.

1. ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ ВООБЩЕ И ИСТОРИЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССИИ.

А. Статьи.

- 343.** *А. И. Артѣмьевъ*. Казанскія гимназій въ XVIII столѣтіи.—1874. Ч. 173, май, отд. II, стр. 32—98; ч. 174, июль, стр. 1—52; ч. 176, ноябрь, стр. 1—67.
- 344.** *М. Ф. Владиміровскій-Будановъ*. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ.—1873. Ч. 169, окт., отд. II, стр. 165—220; ч. 170, ноябрь, стр. 36—70; 1874, ч. 172, апрѣль, стр. 246—277; ч. 173, май, стр. 136—157.
- 345.** *Н. Н. Куликовъ*. Коменскій, пе-

- дагогъ XVII ст. (по Люцу и Витштоку).—1870. Ч. 151, окт., отд. III, стр. 189—195.
343. Н. А. Лавровскій. Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета.—1869. Ч. 145, окт., отд. II, стр. 235—260.
347. Н. А. Лавровскій. Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета.—1872. Ч. 159, янв., отд. II, стр. 57—106, февр., отд. II, стр. 197—247.
348. Н. А. Лавровскій. Воспоминаніе о Вас. Назар. Каразинѣ (1773—1873).—1873. Ч. 165, февр., отд. II, стр. 294—311.
349. В. Лапшинъ. Изъ воспоминаній о 3-ей С.-Петербургской гимназій.—1873. Ч. 169, окт., отд. IV, стр. 92—97.
350. Изъ воспоминаній профессора В. И. Лапшина.—1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 120—139.
351. Г. Мирзевичъ. О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодѣ.—1878. Ч. 198, июль, отд. II, стр. 1—62.
352. С. И. Миропольскій. Ливъ Амось Коменскій и его значеніе въ педагогій.—1871. Ч. 155, май, отд. III, стр. 1—22, июнь, отд. III, стр. 97—135. Ч. 156, июль, стр. 299—66.
353. А. Нижолъскій. Школьная реформа Имп. Еватерини II.—1872. Ч. 162, авг., отд. II, стр. 272—318.
354. И. Николаевскій. Іоганнг-Фридрихъ Гербартъ, какъ педагогъ.—1876. Ч. 187, сент., отд. III, стр. 11—46, окт., стр. 47—74.
355. А. Новоселовъ. Ревизія проф. Сешковскимъ Вѣлорусскихъ училищъ въ 1826 г. (Матеріалы для исторіи народнаго образованія въ Сѣверо-запад. краѣ).—1872. Ч. 160, апр., отд. II, стр. 159—207. Ч. 161, май, стр. 74—122.
356. І. Я. Образцовъ. Братья Лихуды. Эпизодъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVII столѣтія.—1867. Ч. 135, сент., отд. II, стр. 736—753.
357. М. П. Погодинъ. Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русскаго исторіи.—1871. Ч. 153, янв., отд. II, стр. 1—28.
358. М. П. Погодинъ. Иванъ Федоровъ, первый московскій книгопечатникъ.—1870. Ч. 148, апрѣль, отд. II, стр. 292—307.
359. М. П. Погодинъ. Въ дополненіе къ статьѣ: „Иванъ Федоровъ, московскій книгопечатникъ“.—1870. Ч. 149, июнь, отд. II, стр. 479—481.
360. Е. Шмидъ. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. — 1877. Ч. 189, янв., стр. 1—32 (прилож.), февр., стр. 33—61, ч. 190, мартъ, стр. 65—80, апр., стр. 81—112, ч. 191, май, стр. 113—111, июнь, стр. 145—176. Ч. 192, июль, стр. 177—192, авг., стр. 193—224; ч. 193, сент., стр. 225—256, окт., стр. 257—288; ч. 194, ноябрь, стр. 289—320, дек., стр. 321—352. — 1878, ч. 195, янв., стр. 353—384; февраль, стр. 385—416; ч. 196, мартъ, стр. 417—448; апрѣль, стр. 449—464; ч. 197, май, стр. 465—496; июнь, стр. 497—528; ч. 198, июль, стр. 529—564; августъ, стр. 565—592; ч. 199, сентябрь, стр. 625—656; ч. 200, ноябрь, стр. 657—683.
361. И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьковскаго университета.—1890, ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 358—385.
362. П. Д. Юржевичъ. Иден и факты изъ исторіи педагогикіи (по поводу соч. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ, сост. Л. Модзалевскій, вып. I 1866 г., 2-й 1867 и 3-й 1867).—1870. Ч. 151, сент., отд. III, стр. 1—42, окт., стр. 127—188. Поправки (опечатки), ч. 151, октябрь, отд. III, стр. 207—208; ч. 152, ноябрь, отд. III, стр. 106.

Б. Рецензії.

- 363.** Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. По архивнымъ доку-
Н. Булича. Ч. I. Казань. — Рец. 1887, ч. 251, июнь, отд. II, стр. 411—412. (Кн. новости).
- 364.** Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. *А. Бялоскаго.* Глуховъ. 1887.—Рец. 1886, II. 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 427—433.
- 365.** Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-Могилянскій. *С. Голубева.* Кіевъ. 1886.— Рец. *А. И. Соболевскаго.* 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 38—50.
- 366.** Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-Могилянскій. *С. Голубева.* Кіевъ. 1886.—Рец. 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 222. (Кн. новости).
- 367.** Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-Могилянскій. *С. Голубева.* — См. Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
- 368.** Очерки по исторіи педагогикѣ. *К. Ельницкаго.* С.-Пб. 1885. — Рец. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. III, стр. 47—48.
- 369.** Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка *проф. А. И. Марксевича.* Одесса. — Рец. 1890, ч. 270, августъ, отд. II, стр. 413. (Кн. Новости).
- 370.** Матеріалы для исторіи И. Академіи наукъ. Т. I. С.-Пб. 1885.— Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 190—191. (Кн. новости).
- 371.** Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ, сост. *Л. Модзалевскій,* вып. 1, 1866 г., вып. 2. 1867 г., вып. 3 1867. см. ст. П. Д. Юржевича: Идея и факты изъ исторіи педагогикѣ.
- 372.** *Василій Петровъ.* Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній въ городѣ Нарвѣ. Нарва.—Рец. 1888, ч. 259, октябрь, отд. II, стр. 406. (Кн. новости).
- 373.** Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собралъ *И. С. Ремезовъ.* С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 245, июнь, отд. II, стр. 440—441. (Кн. новости).
- 374.** Исторія Троицкой Лаврской семинаріи *С. Смирнова.* М. 1866. Рец. *М. И. Сухомлинова.* 1868. Ч. 137. февр., отд. II, стр. 602—618.
- 375.** *В. С. Румянцева.* Сборникъ памятниконъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Вып. I. Текстъ. М. 1872.—См. Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.
- 376.** Исторія Россійской Академіи *М. И. Сухомлинова.* Выпускъ 8 и послѣдній. С.-Пб. — Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 147. (Кн. новости).
- 377.** *И. А. Чистовичъ.* С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888). — См. Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

2. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА.—ВОПРОСЫ ВОСПИТАНІЯ.—СТАТЬИ ПО МЕТОДИКЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

А. Статьи.

378. М. Ад: О воспитательной части въ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—1870. Ч. 149, июнь, отд. III, стр. 103—113.
379. Алежаевъ. О приготовительномъ классѣ въ прогимназіяхъ.—1875. Ч. 182, дек., отд. III, стр. 28—37.
380. Амвросій еп. О началахъ христіанскаго воспитанія. Слово въ день восшествія на престолъ императора Александра Николаевича.—1879, ч. 202, мартъ, отд. IV, стр. 1—12.
381. А. Анастасіевъ. Научный способъ обученія грамотѣ г. Шаве и условія примѣненія этого способа къ русской начальной школѣ.—1882, ч. 219, февраль, отд. III, стр. 54—86.
382. И. А. Аноповъ. По вопросу объ открытіи промышленныхъ училищъ. Отчетъ о командировкѣ въ 1890 году.—1891, ч. 275, май, отд. IV, стр. 1—69.
383. А. Варановъ. О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ.—1878. Ч. 195, яв., отд. III, стр. 29—43.
384. А. Варановъ. Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи.—1878. Ч. 200, дек., отд. III, стр. 15—52.
385. А. Варановъ. Къ вопросу объ организации учебной части въ городскихъ училищахъ. — 1879, ч. 205, октябрь, отд. III, стр. 1—27; ч. 206, ноябрь, стр. 1—12.
386. В. А. Вильбасовъ. Объ изученіи памятниковъ искусства въ гимназіяхъ.—1867. Ч. 135, сент., отд. II, стр. 754—797.
387. В. К. Вогдановъ. Къ вопросу о желательномъ единообразіи въ русской учебной грамматикѣ.—1888, ч. 256, мартъ, отд. III, стр. 1—12.
388. В. Воголюбовъ. Забѣтки по поводу первыхъ уроковъ греческаго языка.—1875. Ч. 177, февр., отд. III, стр. 19—36.
389. Н. И. Вогородицкій. По вопросу о Русской грамматикѣ, какъ учебникѣ.—1868. Ч. 137, яв., отд. II, стр. 202—259.
390. Н. И. Вогородицкій. Забѣтка на забѣтку *И. Замялова* (къ вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ).—1868. Ч. 139, сент., отд. II, стр. 1020—1066.
391. А. Г. Врижнеръ. О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой Русской исторіи въ университетсахъ—1876. Ч. 185, июнь, отд. III, стр. 17—42.
392. А. Г. Врижнеръ. Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи. — 1876. Ч. 186, июль, отд. III, стр. 1—21.
393. Вулгачъ. О зданіяхъ для реальныхъ училищъ. — 1880, ч. 212, декабрь, отд. III, стр. 57—65.
394. С. Н. Вудаевскій. Къ вопросу о методикѣ геометріи. (Отзывъ объ изданіи: Матеріалы по методикѣ геометріи. Пособіе для начинающихъ преподавателей. А. Острогорская. С.-Пб. 1884).—1889, ч. 265, октябрь, отд. III, стр. 44—55.
395. Ф. И. Суолаевъ. О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — 1867, ч. 133, январь, отд. II, стр. 58—75.

396. Е. Вѣлбровъ. Замѣтка о первоначальномъ преподаваніи греческаго языка.—1874. Ч. 176, ноябрь, отд. V, стр. 1—16.
397. И. Вѣлоруссовъ. Теорія словесности какъ научный и учебный предметъ. (По поводу рецензій педагогическаго музея на учебникъ по словесности).—1878. Ч. 196, апр., отд. III, стр. 13—24.
398. И. Вѣлоруссовъ. Репетиторство въ гимназіяхъ.—1879, ч. 204, августъ, отд. III, стр. 1—31.
399. Е. Вѣлявскій. Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій.—1880, ч. 208, апрѣль, отд. III, стр. 12—63.
400. И. Вѣляевскій. О нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ русской грамматики. — 1869. Ч. 141, февр., отд. III, стр. 1—7.
401. П. Вѣляевскій. Что замедляетъ въ гимназіяхъ успѣхи языкученія?—1868. Ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 587—605.
402. Д. Ф. Вѣляевъ. Еще объ элементарномъ методѣ начального обученія древнимъ языкамъ. (По поводу сочин. I. Дрболава: 1). Опытъ методики первоначальнаго обученія латинскому яз. Курсъ I и II кл. Тифл. 1884. 2) Пособіе для первоначальн. обученія латин. яз. Курсъ I и II кл. Тифл. 1884). — 1887, ч. 249, февраль, отд. III, стр. 33—48 + 17—28. (Нумерація перепутана).
403. Д. В—въ. Новый методъ преподаванія древнихъ языковъ. (По поводу сочиненія: Die durch die neuere Sprachwissenschaft herbeigeführte Reform des Elementarunterrichts in den alten Sprachen. von d-r, Hul. Lattmann. 1873).—1874. Ч. 171, февр., отд. V, стр. 105—118.
404. А. В. Къ вопросу о преподаваніи бухгалтеріи.—1875. Ч. 181, окт., отд. III, стр. 101—115.
405. И. В. Новый педагогическій журналъ: «Русская Школа». Общеобразовательный журналъ для школы и семьи, издаваемый подъ редакціей Я. Г. Гуревича. С.-Пб. 1890 г., № 1—5,—1890, ч. 272, декабрь, отд. III, стр. 43—62.
406. Н. Варадиновъ. Необходимость реформы въ нашемъ университетскомъ преподаваніи.—1870. Ч. 150, іюль, отд. III, стр. 1—18.
407. Н. Варадиновъ. Университетскія лекціи.—1876. Ч. 187, сент., отд. III, стр. 1—10.
408. Евг. Варонъ. О преподаваніи иностранныхъ языковъ вообще и французскаго яз. въ особенности.—1874. Ч. 175, окт., отд. III, стр. 57—95.
409. Н. Васильевъ-Яковлевъ. Коммерческаго науки въ реальныхъ училищахъ. — 1877. Ч. 193, сент., отд. III, стр. 1—19.
410. В. Вахтеровъ. О дѣленіи классовъ въ начальныхъ школахъ на группы.—1878. Ч. 200, ноябрь, отд. III, стр. 1—14.
411. В. Вахтеровъ. Обь организаціи учебной части въ начальныхъ училищахъ.—1880, ч. 210, іюль, отд. III, стр. 1—25.
412. В. Вахтеровъ. Городскія училища по положенію 31-го мая 1872 года.—1882, ч. 220, апрѣль, отд. III, стр. 70—79.
413. В. Вахтеровъ. Замѣтки о народной школѣ.—1891, ч. 276, августъ, отд. IV, стр. 59—110.
414. Введенскій. Замѣчанія на проектъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ. — 1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 42—51.
415. А. Д. Вейсманъ. Какъ преподавать древніе языки въ гимназіяхъ, чтобъ они принесли наибольшую пользу для учащагося юношества.—

- 1884, ч. 233, июнь, отд. III, стр. 75—84.
416. А. Д. Вейсманъ. Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ. — 1889, ч. 262, апрѣль, отд. III, стр. 33—40.
417. А. Д. Вейсманъ. Къ вопросу о преподаваніи новѣйшихъ языковъ французскаго и нѣмецкаго въ гимназіяхъ. — 1890, ч. 269, май, отд. III, стр. 1—7.
418. А. Д. Вейсманъ. Отвѣтъ редактору журнала „Гимназія“. (По поводу замѣчаній г. Яичевецкаго въ статьѣ „Noctes scholasticae“, Гимназія, 1890, № 1). — 1890, ч. 269, май, отд. III, стр. 33—35.
419. Н. Х. Веселъ. О народномъ училищѣ. Къ разъясненію вопроса объ устройствѣ возникающихъ у насъ центральныхъ сельскихъ народныхъ училищахъ. — 1868. Ч. 139, сент., отд. II, стр. 908—1019.
420. Н. Х. Веселъ. Начальное народное образованіе. (По поводу предполагаемыхъ министерствомъ нар. просв. новыхъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ). — 1869, Ч. 146, дек., отд. III, стр. 190—246.
421. А. С. Виреніусъ. О болѣзняхъ, препятствующихъ учащимся посѣщать классы. — 1876. Ч. 184, апр., отд. III, стр. 23—51.
422. А. С. Виреніусъ. Организация санитарной части въ учебныхъ заведеніяхъ. — 1886, ч. 244, апрѣль, отд. IV, стр. 33—61.
423. О вредныхъ влияніяхъ школы на здоровье. Статья проф. Вирхова перев. съ нѣм. — 1869. Ч. 146, дек., отд. III, стр. 266—287.
424. М. И. Владиславлевъ. Положеніе философіи въ нашей системѣ образованія. — 1867. Ч. 133, февр., отд. II, стр. 372—385.
425. По вопросу о домашнемъ ученіи. (О домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, домашнихъ наставницахъ и учительницахъ, первоначальныхъ учителяхъ и учительницахъ). — 1867. Ч. 133, февр., отд. III, стр. 117—159.
426. По вопросу о мѣрахъ къ распространенію русскаго образованія между крымскими татарами. — 1868. Ч. 137, мартъ, отд. III, стр. 215—281.
427. По вопросу о способахъ образованія крымскихъ татаръ. — 1867. Ч. 136, ноябрь, отд. III, стр. 147—162.
428. Вопросъ о положеніи нашихъ частныхъ учебныхъ заведеній. — 1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 25—64.
429. По вопросу о преобразованіи реальныхъ гимназій. — 1871. Ч. 155, май, отд. IV, стр. 1—61.
430. Къ вопросу о реальныхъ училищахъ. — 1871. Ч. 158, ноябрь, отд. III, стр. 60—93.
431. Къ вопросу объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебн. округа. — 1867. Ч. 134, апр., отд. III, стр. 75—96.
432. — въ. Замятка объ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ. — 1870, ч. 147, январь, отд. II, стр. 95—99.
433. И. Г. Къ вопросу объ учебномъ курсѣ нашихъ гимназій. (Голосъ изъ публики). — 1867. Ч. 133, февр., отд. II, стр. 386—393.
434. И. В. Гавриловъ. По вопросу о малоуспѣшныхъ ученикахъ нашихъ гимназій. — 1868. Ч. 140, окт., отд. II, стр. 199—221.
435. И. Гавриловъ. Первые уроки церковно-славянск. языка. (По поводу „Учебника русской и церковно-славянской этимологіи для среднихъ учебныхъ заведеній, Д. Поливанова“). — 1868. Ч. 138, май, отд. II, стр. 534—572.
436. И. В. Гавриловъ. Русскія письменныя упражненія гимназическаго курса. — 1872. Ч. 159, февр., отд. III,

- стр. 117—161; ч. 163, октябрь, стр. 29—87; ч. 164, ноябрь, стр. 1—43.
437. П. Гадацкій. О преподаваніи латинскаго яз. въ прогимназіи. — 1869. Ч. 145, окт., отд. III, стр. 93—131.
438. Ф. Гельбже. О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языковеденія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ.— 1875. Ч. 181, сент., отд. V, стр. 42—53.
439. Ф. Гельбже. О постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ.—1878. Ч. 200, дек., отд. V, стр. 210—218.
440. А. Ю. Гиршгорнъ. Какія мѣры слѣдуетъ принять въ учебныхъ заведеніяхъ относительно водяныхъ фильтровъ. (По поводу изд.: Стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ школьно-гигіенической комиссіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній по вопросу о значеніи фильтровъ. С.-Пб. 1888).—1888, ч. 258, июль, отд. III, стр. 1—10.
441. В. Глаголевокій. Значеніе воспитателя въ гимназіи и его задача.— 1871. Ч. 153, янв., отд. III, стр. 26—44.
442. А. Г.—скій. Къ вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. (По поводу статей Негманн Perthes'a).—1877. Ч. 191, май, отд. V, стр. 31—49.
443. В. Грингмутъ. О значеніи переводовъ съ русскаго яз. на греческій.—1876. Ч. 184, апр., отд. V, стр. 68—90.
444. В. Грузинцевъ. Забѣтка о методѣ и приемахъ преподаванія русскаго языка въ учительскихъ семинаріяхъ.—1882. Ч. 219, январь, отд. III, стр. 1—18.
445. Я. Г. Гуревичъ. О постановкѣ курса исторіи въ нашихъ классическихкихъ гимназіяхъ.—1884. Ч. 233, май, отд. III, стр. 1—17.
446. А. А. Дмитревскій. Древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ предъ авторитетомъ митрополита Филарета.—1889. Ч. 261, январь, отд. III, стр. 1—19.
447. В. Д. Къ вопросу о преобразованіи уѣздныхъ училищъ.—1869. Ч. 145, окт., отд. IV, стр. 192—211.
448. Ж. Забѣтка о нашихъ учительскихъ семинаріяхъ.—1882. Ч. 220, мартъ, отд. III, стр. 1—7.
449. Н. П. Завьяловъ. О значеніи и необходимости элементарной христомати.—1867. Ч. 134, июнь, отд. II, стр. 839—866.
450. Н. Завьяловъ. Забѣтки на ст. По вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ г. Богородицкаго.— 1868. Ч. 138, июнь, отд. II, стр. 905—924.
451. Н. Завьяловъ. Последнее слово г. Богородицкому.—1869. Ч. 141, февр., отд. III, стр. 31—52.
452. Н. Н. Златопольскій. Къ вопросу о преподаваніи логики и философской пропедевтики въ гимназіяхъ.—1873. Ч. 166, апр., отд. III, стр. 21—69; ч. 167, июнь, стр. 47—91.
453. М. Ивановскій. О преподаваніи Закона Божія въ учит. семинаріяхъ Сѣв.-Зап. края Россіи.—1869. Ч. 144, июль, отд. II, стр. 1—7.
454. Свящ. М. Ивановскій. О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ.—1877. Ч. 189, янв., отд. III, стр. 23—44.
455. А. И. Ивановъ. Нужны ли въ Россіи въ настоящее время учительскія семинаріи?—1869. Ч. 143, июнь, отд. III, стр. 95—130.
456. Извлеченіе изъ забѣчаній иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ о пользѣ и необходимости основательнаго ученія обоихъ древнихъ язы-

- ковъ въ гимназіяхъ.—1871. Ч. 156, июль, отд. III, стр. 67—93.
457. В. В. И. По вопросу о приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій.—1867. Ч. 134, апр., отд. II, стр. 190—219; май, стр. 526—614, июнь, стр. 867—887.
458. Н. Ильминской. Объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ народныхъ школахъ.—1883. Ч. 229, октябрь, отд. III, стр. 41—55.
459. А. Калиновской. О развитіи въ дѣтяхъ чувства народности.—1870. Ч. 148, апр., отд. III, стр. 144—152.
460. Г. И. Кавановъ. Уставъ гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 г.—1872. Ч. 159, февр., отд. III, стр. 174—202, (съ примѣчаніемъ отъ редакціи, стр. 202—208).
461. И. Карповъ. Замѣчанія на проектъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ.—1869. Ч. 146, декабрь, отд. IV, стр. 146—155.
462. Д-ръ Э. Клевезаль. О настоящемъ состояніи педагогической гимнастики.—1872. Ч. 164, дек., отд. III, стр. 72—77.
463. Д-ръ Э. Клевезаль. Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ.—1874. Ч. 176, дек., отд. III, стр. 35—37.
464. П. Кихляшовской. Замѣтка о преподаваніи латинскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ.—1874. Ч. 173, июнь, отд. V, стр. 75—81.
465. А. И. Жирничниковъ. Къ вопросу о программѣ русской словесности въ нашихъ гимназіяхъ.—1871. Ч. 156, авг., отд. III, стр. 146—155.
466. Е. П. Ковалевской. Распространеніе сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній при посредствѣ педагогическихъ и начальныхъ школъ. (Изъ отчета по заграничной командировкѣ).—1891. Ч. 276, августъ, отд. III, стр. 19—63.
467. П. Колумбусъ. Коммерческія отдѣленія реальныхъ училищъ.—1881. Ч. 218, ноябрь, отд. III, стр. 1—13. Поправки (опечатки) 1882, ч. 219, январь, отд. III, стр. 18.
468. И. П. Корниловъ. По вопросу объ изданіи народнаго журнала въ Сѣверо-Зап. краѣ.—1868. Ч. 137, янв., отд. III, стр. 1—20.
469. Д. Н. Корочевскій. Географія какъ наука и какъ предметъ университетскаго преподаванія.—1886. Ч. 246, июль, отд. III, стр. 1—25.
470. А. Н. Красковъ. Географія какъ новая университетская наука.—1890. Ч. 267, февраль, отд. II, стр. 233—244.
471. Н. Кричагинъ. Объ учебныхъ пособияхъ для преподаванія естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ.—1879. Ч. 202, мартъ, отд. III, стр. 1—29; апрѣль, стр. 85—114.
472. Н. Н. Куликовъ. Попытки реформъ въ нашемъ школьномъ образованіи (По поводу ст. г. Ленстрема: Новая учебная система Ж. М. II. Пр., апрѣль, 1869).—1870. Ч. 149, июнь, отд. III, стр. 81—102.
473. О курсахъ стенографіи въ С.-Петербургѣ. (I. Извлеченіе изъ отчета о курсахъ стенографіи по системѣ Штольце за 1867 г. II. Извлеченіе изъ отчета комиссіи для сравненія успѣховъ, достигнутыхъ въ обученіи стенографіи по системамъ Штольце и Габельсбергера).—1869. Ч. 144, июль, отд. IV, стр. 1—12.
474. Н. И. Б. Объ учебномъ планѣ проектируемаго въ Москвѣ дворянскаго института для благородныхъ дѣвицъ.—1887. Ч. 251, июнь, отд. IV, стр. 49—63.
475. Н. А. Лавровскій. Къ вопросу объ устройствѣ гимназій.—1867. Ч. 136, окт., отд. II, стр. 115—192.
476. В. А. Латышевъ. Замѣтка о потребностяхъ средней школы.—1890. Ч. 268, мартъ, отд. III, стр. 1—7.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1894 г.

(5-й годъ изданія).

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіи 1893 г. въ „Русской Школѣ“ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Маленькіе моряки (Изъ воспоминаній о Морскомъ корпусѣ). **Н. М. Станюковича**; 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній. **М. И. Семевского**; 3) Неугадашнй (Педагогическій случай). **С. В. Мансимова**; 4) Первый годъ моей учительской дѣятельности (Изъ воспоминаній начальной учительницы); 5) Страница къ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину. **М. К. Николаевой**; 6) Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіи Императора Николая I-го. **А. В. Бѣлецкаго**; 7) Епархіальныя женскія училища въ первое пятидесятилѣтіе ихъ существованія. **Д. Д. Семенова**; 8) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщины въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. **П. Г. Мишуева**; 9) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигиены и воспитанія. **В. В. Гориневскаго**; 10) О школьной реформѣ съ точки зрѣнія гигиениста. **А. С. Виреніуса**; 11) Первая всероссійская гигиеническая выставка 1893 г. Его же; 12) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. **П. М. Головачева**; 13) Характеристики учениковъ. **Ф. С. Матвѣева**; 14) Выѣкклассная школьная литература. **С. П. Незлобина**; 15) Идеиность и художественность въ дѣтской литературѣ. **В.—лина**; 16) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. **О. И. Роговой**; 17) Педагогъ и взаимопомощь. **Н. Ф. Арепьева**; 18) Вопросъ о приготовленіи преподавателей для гимназій. Проф. **В. И. Модестова**; 19) Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей. **А. М. Тютюмова**; 20) Состояніе народнаго образованія въ се-

лахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго; 21) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго; 22) Народное образованіе въ Херсонской губерніи. М. П. Бѣломонаго; 23) Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Я. В. Абрамова; 24) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасіева; 25) Объ учебномъ курсѣ курсѣ народныхъ училищъ. К. С.-М.; 26) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. Ш. Калмыковой; 27) Система мѣръ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Евг. Д. Максимова; 28) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ). А. И. Анастасіева; 29) Геометрія въ городскихъ училищахъ. В. А. Латышева; 30) О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ. Его же; 31) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 32) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ф. Семолова; 33) О церковно-славянскомъ языкѣ. А. И. Тарнавскаго; 34) О мѣрахъ къ подытію уронни сочиненій абитурантовъ. А. А. Дмитревскаго; 35) Желательная постановка экземинаральныхъ работъ по древнимъ языкамъ. Его же; 36) Конспектъ девяти весеннихъ ботанико-зоологическихъ экскурсій въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Проф. Д. Н. Найгородова.

Кромѣ того, въ „Русской Школѣ“ за 1893 г. заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“: А. И. Анастасіева; З. Б. Вулиха; Н. А. Иванова; П. Г. Мимуева; В. А. Мянотина; Е. Н. Солсвьева; Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣ 80 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ доставкою СЕМЬ рублей; за границу—ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Басейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, Калмыковой.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1894 ГОДЪ

НА ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ будетъ знакомить съ современною церковною жизнію, не упуская изъ вниманія и соприкасающейся съ нею жизни свѣтскаго общества; въ „ХРИСТИАНСКОМЪ ЧТЕНІИ“ будутъ печататься оригинальныя и переводныя статьи преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, а также толкованія на книги Ветхаго Завета.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна въ Россіи: *за оба журнала* 7 р. съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р., за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“.

Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголь 7-й ул. и Дегтярной, д. № 28—30, кв. № 8).

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ специальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г. Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вѣнцеласнаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое, дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣнцеласнаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ВЫШЛА ЯНВАРЬСКАЯ КНИЖКА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
ЗА 1894 ГОДЪ.

РУССКАЯ ШКОЛА,

Содержаніе январьской книжки слѣдующее: 1) Правительствоныя распоряженія; 2) Какъ возникъ первый въ Россіи Музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ, въ Солянскомъ городкѣ. (Изъ моего дневника). Н. Х. Весселя; 3) Казнь Фортунки. Очеркъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка; 4) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ (перемѣнъ) между ними. В. В. Гориневскаго; 5) Развитие и разновидности дѣтскаго ума П. Ф. Каптерева; 6) Богатѣйшія библіотеки на земскомъ шарѣ. А. Я. Острогорскаго; 7) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. В. Бирюковича; 8) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковскаго; 9) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. А. В. Абрамова; 10) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики? С. И. Шохоръ-Троцкаго; 11) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 12) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. Ч. В.; 13) Критика и библиографія; а) Das Problem der Kinderselbstmorde von Gustav Siegert. Leipzig. 1893. Н. Б.; б) Баронъ Н. А. Корфъ. Его жизнь и педагогическая дѣятельность. Биографическій очеркъ М. Л. Песковскаго (съ портретомъ барона Корфа. Сиб. 1893 г. изд. Павленкова. Ц. 25 коп. Л. Гарскаго; в) Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія 1892 г. Изданіе Московскаго комитета грамотности. Цѣна 30 коп. М. 1893 г. М. М.; д) Гвоздиковъ. Учебникъ теоріи словесности. Спб. 1893 г. Ц. 60 коп. В. Келтуалы; е) Русская исторія для начальныхъ училищъ. Составилъ Владиміръ Лрмаловичъ. Ц. 25 к. В. М.; ф) Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариметическихъ задачъ по типамъ. Составилъ А. А. Терешковичъ. М. 1893 г. И. З.; г) Анна Брассой. Вокругъ свѣта въ одиннадцать мѣсяцевъ. Путевыя записки въ сокращенномъ переводѣ П. И. Познякова Ц. 1 р. Сиб. 1893 г. И. М.; б) А. Коваленская. „Наташино хозяйство“. Разказы для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. М. Ц. 30 к. 1893 г.; и) Н. Н. Полевой. Два друга—двѣ дороги. Повѣсть для юности М. 1893 г. Ц. 30 к. 14) Педагогическая хроника: 1) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. В. Святловскаго; 2) Хроника народнаго образованія Я. В. Абрамовъ; 3) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности. Засѣданіе 12-го ноября 1893 г. В. Д.; 4) Начальныя городскія училища въ Москвѣ; 5) Сады и огороды при народныхъ школахъ Северо-Западнаго края; 6) Поѣздка г. министра народнаго просвѣщенія въ Прибалтійскій край; 7) Учрежденіе въ Одессѣ педагогическихъ курсовъ для подготовленія преподавателей—среднихъ учебныхъ заведеній; 8) Женская профессиональная школа Харьковскаго благотворительнаго общества. 25) Разныя извѣстія и сообщенія: а) Капиталь, завѣщанный П. Д. Попомаревымъ на устройство школъ въ Иркутскѣ; б) Доктора медицины; в) Экзамены по русскому языку въ Юрьевскомъ университетѣ; д) Спеціальная коммиссія по обученію чистописанію; е) Общество распространенія техническихъ знаній; ф) Общество взаимнаго вспоможенія; г) Воскресная рисовальная школа для ремесленниковъ; б) Профессиональныя школы въ Привислянскомъ краѣ; і) Успѣхи школьнаго сада; к) Сельско-хозяйственная школа; л) Предстоящее преобразование Императорскаго техническаго училища; м) Вопросъ о физическомъ воспитаніи въ Московской думѣ; н) Отношенія народныхъ учителей къ своимъ обязанностямъ; о) Частныя коммерческія училища; р) Реформа женскаго образованія; 16) Въ приложеніи: Уставъ Сиб. общественнаго собранія педагоговъ. 17) Объявленія.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гурвичъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о, Екатерининскій каналъ, № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	15
— Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей	66
А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири (окончаніе)	243
А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности	287
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	319
И. Н. Ждановъ. Василій Вуолаевичъ и Волкъ Вославъевичъ (продолженіе)	369

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Слѣды народной Библии въ славянской и древнерусской письменности. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893	413
С. Ө. Ольденбургъ. Смерть въ представленіи современныхъ бретонцевъ	427
А. Л. Липовскій. <i>K. Jireček. Posolství republiky dubrovnické k císařovně Katořině II v l. 1774—1775. V Praze. 1893</i>	442
— Книжныя новости	445
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	9

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ вышнихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 годъ	93
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (окончаніе)	110

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. П. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (окончаніе)	65
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (продолженіе)	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	33
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТЧИКА.

Помѣщаемый въ „Приложеніи“ указатель къ Журналу долженъ быть переплетенъ отдѣльно, когда будетъ законченъ печатаніемъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Историческіи изв., № 80.
1890.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (25-го октября 1893 года). *О производствѣ испытаній на ученыхъ медицинскія степени въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день октября 1893 года, Высочайше соизволилъ: 1) распространить на Юрьевскій университетъ, впредь до примѣненія къ нему Высочайше утвержденнаго 23-го августа 1884 года устава университетовъ, силу статьи 589 уст. учебнаго и примѣчаній къ ней, согласно которой къ испытанію на степень доктора медицины могутъ быть допускаемы лишь лица, представившія дипломъ на званіе лѣкаря, выданный имъ военно-медицинской академіей или однимъ изъ Россійскихъ университетовъ и 2) предоста-вить министру народнаго просвѣщенія право установить, по согла-шенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правила, примѣнительно къ дѣйствующимъ подобнымъ правиламъ въ другихъ университетахъ, объ испытаніяхъ на медицинскія степени докторовъ медицины ино-странныхъ университетовъ.

4. (25-го октября 1893 года). *Объ установленіи форменной одежды для учениковъ Харьковскаго коммерческаго училища.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ установленіи съ 189³/₄ учебнаго года форменной одежды для учениковъ Харьковскаго коммерческаго учи-лища и объ утверженіи проекта рисунка и описанія означен-ной одежды, въ 25-й день октября 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

На подлинномъ написано: „*Высочайше утверждено*“.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь
графъ Деляновъ.

25-го октября 1893 года.

Описание форменной одежды учениковъ Харьковскаго коммерческаго училища.

1) Полукафтанъ — гимназическаго покроя, темно-синяго сукна, однобортный, не доходящій до колѣнъ, застегивающійся на 9 серебряныхъ, съ гербомъ г. Харькова, выпуклыхъ пуговицъ, съ четырьмя такими же пуговицами сзади по концамъ карманныхъ клапановъ; воротникъ (скошенный) темно-синяго бархата; обшлага суконные, прямые; на воротникѣ нашита серебряная петлица, на обшлагахъ по двѣ большія пуговицы съ петлицами; верхніе края воротника и обшлаговъ окружены бѣлою выпушкою.

2) Шаровары чернаго сукна, длинныя, сверхъ сапоговъ.

3) Пальто чернаго сукна, двубортное гимназическаго образца; пуговицы къ нему такія же, какъ и на мундирѣ; петлицы на воротникѣ темно-синяго бархата съ бѣлою выпушкою и съ пуговицею.

Фуражка темно-синяго сукна, съ темно-синимъ бархатнымъ околышкомъ, на космѣ буквы Х. К. У., и съ бѣлыми выпушками вокругъ тульи и верхняго края околыша.

Сверхъ сего дозволяется носить башлыкъ изъ верблюжьяго сукна, безъ галуна.

Вышеопредѣленная форма одежды предназначается для ношенія въ обществѣ и обязательна для всѣхъ учениковъ въ торжественныхъ случаяхъ. Для ношенія же въ классахъ и для домашняго обихода одежду учениковъ составляютъ:

I. *Во все холодное время года*: блузы изъ темно-сѣраго сукна, съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, застегивающимся на двѣ пуговицы; черный кожаный ременный кушакъ съ серебряною бляхою, посящею печатныя буквы Х. К. У., и служащею застежкой. Шаровары чернаго сукна.

II. *Въ теплѣе время*: блузы суроваго полотна съ синимъ шерстянымъ кушакомъ, брюки той же матеріи и фуражки бѣлыя изъ полотна, съ темно-синимъ бархатнымъ околышкомъ.

На подлинномъ написано: „*Высочайше утверждено*“.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь
графъ Деляновъ.

25-го октября 1893 г.

5. (12-го ноября 1893 года). *Объ учрежденіи Новгородскаго общества любителей древности.*

Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Новгородскаго общества любителей древности съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ сего общества, полагая на приведеніе изъясненнаго предположенія испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 12-й день ноября 1893 года. Высочайше на сіе соизволилъ.

6. (15-го ноября 1893 года). *Объ открытіи при Выборгскомъ реальномъ училищѣ VII дополнительнаго класса.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи при Выборгскомъ реальномъ училищѣ VII дополнительнаго класса, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи при Выборгскомъ реальномъ училищѣ VII дополнительнаго класса, мнѣніемъ положилъ:

I. Открыть съ 1-го іюля 1894 года, при Выборгскомъ реальномъ училищѣ высшій (VII) дополнительный классъ.

II. На содержаніе упомянутаго класса (отд. I) отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1894 году—*одну тысячу пятнадцать* рублей, со внесеніемъ сей суммы въ подлежащія подраздѣленія смѣты министра народнаго просвѣщенія; начиная же съ 1895 г. вносить въ ту же смѣту на означенную надобность по *двѣ тысячи тридцати* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (22-го ноября 1893 года). *О предоставленіи служащимъ въ Новочеркасскомъ Атаманскомъ техническомъ училищѣ правъ учебной службы и военнотанникамъ сего училища льготъ по отбыванію воинской повинности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ об-

щѣмъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи служащимъ въ Новочеркасскомъ Атаманскомъ техническомъ училищѣ правъ учебной службы и воспитанникамъ сего училища льготъ по отбыванію воинской повинности. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный сосѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи служащимъ въ Новочеркасскомъ Атаманскомъ техническомъ училищѣ правъ учебной службы и воспитанникамъ сего училища льготъ по отбыванію воинской повинности, *мнѣніемъ положила*:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Въ Новочеркасскомъ Атаманскомъ техническомъ училищѣ директоръ, а также преподаватели изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, приравниваются относительно всѣхъ служебныхъ преимуществъ, къ соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ низшихъ техническихъ училищъ; преподаватели же, имѣющіе право лишь на преподаваніе въ городскихъ или уѣздныхъ училищахъ—къ преподавателямъ ремесленныхъ училищъ (доп. 2 къ ст. 401 уст. служб. прав., по прод. 1890 г., и п. 17 ст. 362 уст. пенс., прод. 1893 г.).

II. Воспитанники Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища пользуются, по отбыванію воинской повинности, правами окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (29-го ноября 1893 года). *Объ учрежденіи должности лаборанта при Севастопольской биологической станціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности лаборанта при Севастопольской биологической станціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности лаборанта при Севастопольской биологической станціи, *мнѣніемъ положила*:

I. Учредить при Севастопольской биологической станціи должность лаборанта, съ присвоеніемъ сей должности IX класса по чинопроизводству, IX разряда по штыю на мундирѣ, оклада содержанія въ *тысячу двести* рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 700 р. жалованья, 350 р. столовыхъ и 150 квартирныхъ), а также служебныхъ и пенсіонныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ другимъ лаборантамъ ученыхъ учреждений Императорской академіи наукъ.

II. Въ дополненіе къ суммѣ въ тысячу пятьсотъ рублей, ассигнуемой, согласно Высочайше утвержденному, 6-го мая 1875 года, мнѣнію государственнаго совѣта на расходы по Севастопольской биологической станціи, отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1894 года, на производство содержанія упомянутому въ отд. I лаборанту по *тысячъ двести* рублей, со внесеніемъ сего кредита въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (29-го ноября 1893 года). *О служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ директоровъ и письмоводителей дирекцій народныхъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ директоровъ и письмоводителей дирекцій народныхъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ директоровъ и писмоводителей дирекцій народныхъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Директорамъ народныхъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа присвоить V классъ по должности, V разрядъ по штыю на мундирѣ, права по чинопроизводству, равныя съ директорами гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также права на пенсію по учебной службѣ въ размѣрѣ окладовъ жалованья.

II. Писмоводителямъ дирекцій народныхъ училищъ того же учебнаго округа присвоить X классъ по должности, X разрядъ по штыю на мундирѣ и VIII разрядъ по пенсіи.

III. Лицамъ, занимающимъ нынѣ упомянутыя должности, зачислить въ срокъ выслуги на чинопроизводство и пенсію, на основаніи изложенныхъ въ отд. I и II правилъ, время, проведенное ими въ сихъ должностяхъ: директору Тифлисскихъ училищъ со дня изданія Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1874 г., мнѣнія государственнаго совѣта объ управленіи начальными народными училищами, а прочимъ директорамъ и писмоводителямъ со дня учрежденія сихъ должностей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (8-го декабря 1893 года). *О предоставленіи купцу Горбашеву званія почетнаго смотрителя Гороблагодатскаго окружнаго училища.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на назначеніе купца Горбашева почетнымъ смотрителемъ Гороблагодатскаго окружнаго училища, съ предоставленіемъ ему права ношенія мундирнаго полукафтана VIII класса, наравнѣ съ почетными смотрителями городскихъ училищъ изъ лицъ, не пользующихся правами государственной службы.

Государь Императоръ, въ 8-й день декабря 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

11. (8-го декабря 1893 года). *Объ учрежденіи при Астраханской мужской гимназіи стипендіи въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества

соизволеніе на учрежденіе при Астраханской мужской гимназіи на собранный чинами вѣдомства Астраханской казенной палаты капиталъ стипендіи въ память чудеснаго избавленія Августѣйшаго Семейства отъ угрожавшей 17-го октября 1888 года опасности.

Государь Императоръ, въ 8-й день декабря 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

По министерству народнаго просвѣщенія, 1-го сего января: произведены за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, Иванъ *Хрущовъ* и директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, заслуженный ординарный профессоръ, Сергѣй *Шпилевскій*; въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, Александръ *Печниковъ*, дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, Леонидъ *Толмачевъ*, заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—Николай *Высоцкій* и св. Владимира—Карль *Гейбелъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Дмитрій *Бобылевъ* и Константинъ *Поссе*, Московскаго—Василій *Ельцинскій*, Александръ *Фохтъ*, Филиппъ *Фортуатовъ*, Алексѣй *Остроумовъ* и Всеволодъ *Миллеръ*, Казанскаго—Дмитрій *Дубяко*, св. Владимира—Николай *Бобреевскій*, Новороссійскаго—Георгій *Перетяковичъ* и Александръ *Киртичниковъ* и Юрьевскаго — Людвигъ *Мендельсонъ*, профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи—Андрей-Константинъ *Малеваевскій*, инспекторъ студентовъ Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Добровъ*, директоры: гимназій, С.-Петербургскихъ: пятой—Михаилъ *Янко* и Ларинской—Иванъ *Смирновъ*, Кронштадтской — Николай *Козеко*, Калужской—Дмитрій *Соколовъ*, Елатомской—Юсифъ *Тихій*, Екатеринославской—Александръ *Андреевскій*, Рижской Александровской — Егоръ *Бьяляскій* и Сѣдлецкой—Иванъ *Абрамовичъ*; реальныхъ училищъ: Самарскаго—Алексѣй *Херувимовъ*, Харьковскаго—Василій *Шиховъ* и Ловичскаго—Николай *Казакинъ*, Порѣцкой учительской семинаріи Александръ *Гурладій* и народныхъ училищъ губерній: Архангельской — Павелъ *Протопоповъ*, Пензенской—Сергѣй *Никольскій* и

Екатеринославской—Анемподистъ *Малевицкій* и Рязскій директоръ народныхъ училищъ Михаилъ *Солчевскій*; въ *статскіе совѣтники*— почетный попечитель Курской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Алексѣй *Березиновъ*; въ *коллежскіе совѣтники* — почетный попечитель Ананьевской гимназіи, надворный совѣтникъ Антоній *Корбе*.

Назначены: директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ *Кедровъ* и бывший ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Разцуптовъ*—членами совѣта министра народнаго просвѣщенія, первый съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Утвержденъ, старшій учитель Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гринмутъ*—директоромъ сего лица.

Уволенъ, согласно прошенію, директоръ Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Станишевъ* отъ сей должности.

Государь Императоръ, 1-го сего января, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія орденами:

Бѣлаю орла: тайныхъ совѣтниковъ: члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Николая *Любимова* и причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія Петра *Губонина*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Павла *Аннина*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: ректоровъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра—Федора *Фортинскаго* и Казанскаго — Константина *Ворошилова*, директора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Харлампія *Головина*, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Николая *Сонина*, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Леонарда *Гиримана* и ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—Дмитрія *Бѣльева* и Варшавскаго: Адольфа *Павинскаго* и Михаила *Чаусова*; директоровъ гимназій: Московскій шестой—Василія *Рязанцева*, Варшавскій пятой—Юсифа *Канскаго* и Плоцкой—Игнатія *Фединскаго*, мужскаго училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, въ Москвѣ — Константина *Верландера* и народныхъ училищъ Новгородской губерніи—Федора *Павлинскаго*; статскихъ совѣтниковъ: ординарнаго академика Импе-

раторской Академіи Наукъ Оскара *Баклунда*, дѣлонпроизводителя V класса департамента народнаго просвѣщенія Александра *Талантова*, профессора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Николая *Щукина*; директоровъ: Олонецкой гимназіи Сергѣя *Окунькова*, реальныхъ училищъ: Кропштадтскаго—Вильгельма *Фридрихсберга* и Севастопольскаго—Константина *Милашевича* и учительскихъ семинарій: Череновской — Бориса *Сциборскаго* и Тотемской—Николая *Соболева*, почетнаго попечителя Одесской второй гимназіи Матвѣя *Маврокордато*, заслуженнаго преподавателя С.-Петербургской шестой гимназіи Константина *Петрова*; учителей гимназій: Московской второй—Николая *Квятковскаго* и Казанской второй—Ивана *Зелинскаго* и завѣдывающаго Николаевскимъ мореходнымъ классомъ отставнаго корпуса флотскихъ штурмановъ полковника Ивана *Кривицкаго*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Федора *Эрисмана*, Харьковскаго — Николая *Толочина*, Казанскаго — Александра *Штукенберга*, Юрьевскаго — Павла *Висковатова* и Варшавскаго — Дмитрія *Азаревича*, завѣдывающаго гимназіею Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, наставника-руководителя сей гимназіи Михаила *Аксилонова*; директоровъ: Астраханскаго реального училища—Владиміра *Виноградскаго* и Оренбургскаго учительскаго института—Михаила *Зернова*; статскихъ совѣтниковъ: окружнаго инспектора Харьковскаго учебнаго округа Сергѣя *Раевского*: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Ивана *Горожанкина* и Федора *Силицына*, Харьковскаго—Константина *Андреева* и Новороссійскаго — Леопольда Владислава *Воеводскаго*; директоровъ гимназій: Астраханской—Евгенія *Котовщикова*, Керченской—Петра *Яблонскаго*, Одесской третьей—Петра *Феерчака* и Воронежской—Михаила *Григоровскаго*, Измайльской прогимназіи—Ермила *Чеховскаго*; реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергѣевского — Михаила *Бутлерова*, Московскаго—Сергѣя *Зенера*, Тверскаго—Николая *Смирнова* и Митавскаго—Фридриха *Кульберга*; народныхъ училищъ: Тульской губерніи—Михаила *Яблочкова* и Ревельскаго—Николая *Благовѣщенскаго*, инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Якова *Левенштейна*, экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Юсяфа *Шебора*; исполняющихъ обязанности инспекторовъ гимназій: Ченстоховской—Александра *Гевскаго*, Бѣльскаго—Николая *Страшке-*

вича и Казанской третьей — Александра *Гурячкова*; инспекторовъ: женскаго училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Николая *Нерлита* и Алатырской прогимназіи Леопольда *Берга*; исполняющихъ обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Вольскаго—Петра *Воздвиженскаго* и Кіевскаго—Юлія *Маака*; инспекторовъ народныхъ училищъ: губерній: С.-Петербургской—Владимира *Сежеко*, Рязанской—Николая *Темляшева*, Смоленской—Егора *Варасова* и Курской—Ивана *Махова*, главнаго надзирателя Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ Петра *Матасова*, заслуженныхъ преподавателей гимназій: Елецкой—Василія *Клушина* и Каменецъ-Подольской — Евгенія *Воишнина*, учителей: гимназій: Московской шестой—Михаила *Дроздова*, Рижской Александровской—Людвика *Кортези* и Кронштадтской Александровской женской—Александра *Удалцева*, С.-Петербургскаго перваго реального училища Петра *Колумбуса* и Московскаго учительскаго института Нила *Копосова* и инспектора классовъ женскаго училища ея высочества принцессы Терезіи Ольденбургской, коллежскаго совѣтника Николая *Геракова*.

Св. Анни 1-й степени—директора Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина *Станишева*.

Св. Анни 2-й степени: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: директора Харьковскаго ветеринарнаго института Аркадія *Раевскаго*, ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Василія *Докучаева*, московскаго—Ивана *Цѣтаева* и Казанскаго—Николая *Сорокина*; статскихъ совѣтниковъ: окружнаго инспектора Харьковскаго учебнаго округа Дмитрія *Архангельскаго*; ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Христофора *Гоби*, Московскаго—Александра *Алексѣева* и Казанскаго—Виктора *Ивановскаго* и историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Сергѣя *Жданова*, профессора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Михаила *Демьянова*, директоровъ гимназій: С.-Петербургской Введенской—Алексѣя *Давиденкова*, Харьковской первой—Михаила *Знаменскаго*, Бѣлгородской Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго—Владимира *Тихоновича*, Мариупольской—Григорія *Тимошевскаго*, Гродненской—Александра *Смородскаго*, завѣдывающаго гимназіею при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Андрея *Абрамова*, директоровъ: Ташкентской женской гимназіи Василія

Оташина, Серпуховской Александровской прогимназіи Владиміра *Буслаева*, реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго—Леонида *Поморскаго*, Вятскаго Александровскаго—Василія *Никологорскаго* и Изюмскаго—Аптона *Кузьмицкаго*, Θεодосійскаго учительскаго института Василія *Малиновскаго*, учительскихъ семинарій: Карачевской—Николая *Червлянскаго*, Новобугской—Александра *Крылова*, Преславской—Александра *Уарова* и дедеркальской—Павла *Двукраева* и народныхъ училищъ губерній: Симбирской—Ивана *Ишерскаго* и Пермской—Алексѣя *Раменскаго*, помощника инспектора и учителя лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Θεодора *Моисеева*, экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Василія *Шервинскаго*, инспектора Виленской первой гимназіи Антона *Доброхотова*, исполняющихъ обязанности инспекторовъ гимназій: Коломенской—Юсифа *Стдлака*, Смоленской—Степана *Блажеевскаго*, Шуйской—Николая *Меморскаго* и Вятской—Анатолія *Казаринова* и реальныхъ училищъ: Воронежскаго—Григорія *Недѣтовскаго* и Казанскаго—Ивана *Ленса*; инспекторовъ народныхъ училищъ губерній: Московской—Василія *Вактерова*, Калужской—Александра *Вусовича*, Астраханской—Константина *Аммосова*, Херсонской—Леонида *Шпановскаго* и Семипалатинской области—Александра *Ещеноква*, доцента Императорскаго Московскаго технического училища Василія *Зальскаго*, помощника инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Павла *Коллегова*, заслуженныхъ преподавателей: Тульской гимназіи—Викентія *Чижя*, Курскаго реальнаго училища—Конрада *Ольшевскаго*, учителей гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—Эрнеста *Томберга* и шестой—Юсифа *Кабеле*, Московской третьей—Владиміра *Шенрока*, Орловской—Карла *Мало*, Апаньевской—Миханла *Иващенко*, Кишиневской первой: Войтѣха *Марека* и Оскара *Шперлина*, Симферопольской—Франца *Ребеца*, Сувалкской—Витольда-Антоня *Щуку*, Люблинской—Юліана *Доборжинскаго*, Кіевской первой—Густава *Бермана*, Черниговской—Виталія *Рябцевича*, Витебской—Александра *Бадендика* и Тифлисскаго первой Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской—Григорія *Шермеревича*, воспитателя при пансіонѣ Повгородской гимназіи Николая *Вейнерта*, учителя Суражской прогимназіи Владиміра *Райко*, заслуженнаго преподавателя Череповскаго реальнаго училища Θεодора *Лаврова*, учителей реальныхъ училищъ: Елабужскаго—Александра *Гортова*, Виленскаго—Ивана *Дадыкина* и Рижскаго Императора Петра I—Николая *Васильева*, учительскихъ институтовъ; Бѣлгородскаго—Петра *Головачева* и Екате-

рининскаго въ городѣ Тамбовѣ—Петра *Валединскаго*, Закавказской учительской семинаріи Ивана *Пясецкаго* и Комиссаровскаго технического училища въ Москвѣ Николая *Струева*; почетнаго попечителя Новгородской гимназіи, отставнаго полковника кавалергардскаго Ея Величества полка Владимира *Вонлярлярскаго*; коллежскихъ совѣтниковъ ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета Лазаря *Тумаса* (онъ же Кончіевъ), директора Благовѣщенской учительской семинаріи Александра *Тарнавскаго*, дѣлопроизводителей VI класса департамента народнаго просвѣщенія Александра *Бъликова* и Павла *Потъхина*, инспекторовъ народныхъ училищъ: состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской Михаила *Борышкевича* и Туркестанскаго края Владимира *Паликина*, секретаря правленія Императорскаго университета св. Владимира Ивана *Исаева*, помощника инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Дмитрія *Никитникова*, учителя С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища Вячеслава *Иванова*, преподавателя женскаго училища Ея Высочества принцессы Терези Ольденбургской Павла *Соколова* и учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Александра *Ефимова*; надворныхъ совѣтниковъ: бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки Владимира *Ламбина*, Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ: товарища почетнаго попечителя и почетнаго члена попечительнаго совѣта Сергѣя *Губонина* и почетнаго члена попечительнаго совѣта Александра *Матвѣева*, экзекутора департамента народнаго просвѣщенія Михаила *Новицкаго*, столоначальниковъ канцеляріи попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—Александра *Лукашевича* и Московскаго—Дмитрія *Фелицина*; сотрудника археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, коллежскаго ассесора Андрея *Титова*, инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской: губернскаго секретаря Евсевія *Крыжановскаго* и неимѣющихъ чиновъ: ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета Сергѣя *Лукьянова*, профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища Владимира *Щеллева* и директоровъ Императорской Николаевской царскосельской гимназіи Льва *Георгіевскаго* и Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища Николая *Сарандинаки*.

Св. Анны 3-й степени: статскихъ совѣтниковъ: ординарнаго про-

фессора Императорскаго Варшавскаго университета Владимира *Николевскаго*, директора Омскаго низшаго механико-техническаго училища Николая *Панова*, экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—Ивана *Филевича* и Казанскаго—Алексѣя *Фортунатова*, адъюнктъ-профессора Харьковскаго практическаго технологическаго института Алексѣя *Предтеченскаго*, инспектора Одесской прогимназіи Андрея *Юнмейстера*, исполняющаго обязанности инспектора Поневѣжскаго реальнаго училища Владимира *Юденича*, инспекторовъ училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: св. Екатерины въ С.-Петербургѣ—Людвига *Глезера* и мужскаго св. Петра и Павла въ Москвѣ—Германа *Пакка*, инспекторовъ: народныхъ училищъ: губерній: Новгородской—Петра *Дворянскаго*, Московской—Константина *Кноблоха*, Нижегородской—Валерія *Раевскаго*, Вятской—Ивана *Сенилова*, Оренбургской—Михайла *Данилова* Пермской—Александра *Попова* и Рижскаго учебнаго округа Ермолая *Гравица*, лектора Императорскаго университета св. Владимира Фердинанда *Андерсона*, преподавателя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Ивана *Голлана*, учителей: гимназій: С.-Петербургскихъ: Ларинской—Оскара *Залемана*, восьмой—Даніила *Ильцевича*, Костромской—Карла *Дотцауеръ*, Калужской—Карла *Шифальду*, Минской—Александра *Эллинскаго*, Могилевской—Петра *Савича*, Гродненской—Фридриха *Экерле*, Житомирской—Михайла *Введенскаго*, Кіевской первой—Алексѣя *Постишиля*, Лубенской—Дмитрія *Кошлакова* и Николая *Сеферовскаго*, Царицынской Александровской—Владимира *Гендриха*, Астраханской—Константина *Малиновскаго*, Омской—Алексѣя *Доронина*, Бѣлгородской его королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго—Ивана *Стефановскаго*, Оренбургской—Якова *Ивануху* и женскихъ: Одесской второй—Константина *Гринчевскаго* и Бердянской—Тимоея *Машковича*, врача Пензенской второй гимназіи Николая *Лешошика*, учителей: прогимназій: Серпуховской—Павла *Шмелева*, Варшавской второй—Осипа *Радзюкинаса*, Пинчовской—Петра *Ростковскаго*, Гомельской—Ивана *Максимова*, Ятвинской—Владимира *Хереско* и Херсонской—Михайла *Крыжановскаго*; реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—Огюста *Гумберта*, Владимирскаго-Нижегородскаго—Александра *Бормана*, Харьковскаго—Ипполита *Скиндера*, Сумскаго—Николая *Лебединскаго*, Воронежскаго—Михайла *Базилевича*, Новочеркасскаго—Николая *Дикарева*, Самарскаго—Юсифа *Щепанскаго*, Сарapulьскаго Алексіевскаго—Владимира *Ломана*, Екатеринбургскаго Алексіевскаго—Нико-

лая Орлова и С.-Петербургскаго Гуревича—Аполлона *Мялицына* и Казанскаго учительскаго института Михаила *Каменицкаю*, наставника Казанской учительской семинаріи Николая *Максимова* и врача Николаевскаго, Самарской губерніи, уѣзднаго училища Викентія *Косицкаю*; коллежскихъ совѣтниковъ: экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Николая *Введенскаю*, св. Владимира—Дмитрія *Пагловскаю*, Новороссійскаго: Ромула *Пренделя*, Ивана *Занчевскаю* и Ивана *Слешинскаю*, и Томскаго—Михаила *Попова*, исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Михаила *Халанскаю*, наставника - руководителя гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Степана *Гинтова*, инспектора Екатеринославской гимназіи Николая *Щербинскаю*, исполняющаго обязанности инспектора-преподавателя Архангельской гимназіи Александра *Ерющина*, инспектора Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища Виктора *Яцюка*, исполняющихъ обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Великолудскаго—Дмитрія *Назарѣва* и Александровскаго Тюменскаго—Алексѣя *Силецкаю*, инспекторовъ народныхъ училищъ: Виленской дирекціи—Игнатія *Опiewича*, губерній: Херсонской—Федора *Шеневскаю* и Вятской—Николая *Асаткина*, инспектора Иркутскаго промышленнаго училища Дмитрія *Зетрѣва*, доцента Варшавскаго ветеринарнаго института Игнатія *Гаевскаю*, помощника инспектора студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета Федора *Лагодовскаю*, постояннаго ординатора Императорской Екатерининской больницы, въ Москвѣ, Николая *Тверитинова*, вычислителя Николаевской главной астрономической обсерваторіи Якова *Зейбота*, преподавателя въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Александра *Флинка*, учителей: гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—Владимира *Вознесенскаю* и Императорскаго человѣколюбиваго общества—Сергѣя *Кирсанова*, Гельсингфорской Александровской: Николая *Петрова* и Василія *Крайнера*, Московской четвертой—Алексѣя *Стрѣльцова*, Ярославской—Константина *Гордѣва*, Александровской, Смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ, Семена *Анисимова*, Ковенской—Семена *Всесвятскаю*, Кіевскихъ: третьей—Сергѣя *Воскресенскаю* и четвертой—Андрея *Сертовскаю*, Полтавской: Константина *Поплавскаю* и Михаила *Андріишева*, Златопольской—Фридриха *Гебгарта*, Черниговской—Павла *Соловскаю*, Казанской третьей—Адольфа *Пора*, Сувалкской—Сергѣя *Альфонскаю*, Маріампольской—Ивана *Бяллева*,

Ченстоховской—Якова *Добровольскаго*, Пензенской второй—Александра *Митропольскаго*, Сумской Александровской—Николая *Лащенкова*, Одесской третьей—Александра *Копотилова*, Мариупольской—Стефана *Квитницкаго*, Кишиневской второй: Рафаила *Шловецкаго* и Николая *Кохл*, Бердянской—Анемподиста *Кириллова*, Императора Александра III, въ Болградѣ, Константина *Ммсливскаго*, Оренбургской—Альфреда *Яненца*, Томской—Ивана *Курочкина*, Иркутской—Адама *Франковскаго*, женскихъ: Екатеринбургской: Александра *Яковкина* и Александра *Истомина*, Омской—Михаила *Сязова*, Плоцкой—завѣдывающаго сею гимназіею Василя *Прозоровскаго*, Вѣрненской—Григорія *Глушкова*, Царицынской Маріинской—Александра *Адерова*, Саранульской—Семена *Ламовицкаго* и С.-Петербургской Шаффе—Александра *Садовскаго*, учителей прогимназій: Пестергофской Императора Александра II—Осипа *Ламиха*, Ржевской—Федора *Гертнера*, Рязанской—Густава *Зинтениса*, Карачевской—Демьяна *Плутинскаго*, Харьковской—Генриха *Гинце*, Рыльской—Мартина *Хостника*, Бобровской—Петра *Чернявскаго*, Бахмутской—Петра *Панова*, Грубешовской—Николая *Лаврова* и Пинчовской—Александра *Кублицкаго*, врача Одесской прогимназіи Александра *Чушанскаго*, учителей: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Андрея *Преображенскаго*, Кронштадтскаго—Ивана *Троицкаго*, Московскаго—Ефрема *Балы*, Тверскаго—Александра *Кузьмина*, Костромскаго—Николая *Ушакова*, Новозыбковскаго—Ивана *Петрова*, Випницкаго—Владимира *Корчинскаго*, Повочеркаскаго—Григорія *Фесенкова*, Петровскаго Ростовскаго-на-Дону—Якова *Колтоновскаго*, Сызранскаго: Владимира *Анисимова* и Николая *Юматова*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго—Василія *Дроздова*, Саранульскаго Алексіевскаго—Николая *Орлова*, Одесскаго—Петра *Крмжановскаго*, Кишиневскаго—Александра *Костинскаго*, Елисаветградскаго—Сигизмунда *Ляймана*, Севастопольскаго—Николая *Кисилевича*, Виленскаго—Вильгельма *Эйхстала*, Рижскаго городского—Густава *Бюннера*, Пермскаго Алексіевскаго—Сергѣя *Пивоварова*, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго—Константина *Александрова*, Бакинскаго—Сергѣя *Киншина* и Александровскаго Тюменскаго—Петра *Захарова*, учительскихъ институтовъ: Глуховскаго—Григорія *Линника* и Оренбургскаго—Николая *Введенскаго*, наставниковъ учительскихъ семинарій: Псковской—Александра *Семенова*, Юрьевской—Николая *Леонтьева*, Эриванской—Александра *Лауданскаго*, учителя Иркутскаго промышленнаго училища Антонина *Шангина*, врачей: Бендерскаго уѣзднаго училища Давида *Городецкаго* и Новоладож-

скаго городского училища Николая *Мельникова*; надворныхъ совѣтниковъ: экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра Василя *Образцова*, адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Владиміра *фонъ-Бранке*, правителя канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Александра *Покривалова*, исправляющаго обязанности инспектора Курскаго реальнаго училища Владиміра *Рыморенко*, инспектора народныхъ училищъ Саратовской губерніи Петра *Романовича*, врача департамента народнаго просвѣщенія Александра *Блюменау*, дѣлопроизводителя VII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Виктора *Андреева*, прозектора Императорскаго Томскаго университета Оедора *Романова*, лектора Императорскаго Харьковскаго университета Германа *Прмери*, лаборанта Императорскаго университета св. Владиміра Василя *Совинскаго*; учителей: гимназій: Кіевской первой—Ивана *Чирьева*, Пензенской первой—Владиміра *Ситьсарева*. Ревельской, Александровской—Оедора *Колерова*, Николаевской—Михаила *Токмакова*, Мариупольской—Василя *Оедорова*, Троицкой—Павла *Свѣшниковъ* и Тифлисской первой—Захарія *Ростомова*, главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Антонія *Бѣликова* и женскихъ гимназій: Таганрогской, Маріинской—Даніила *Понятовскаго* и Варшавской четвертой, завѣдывающаго сею гимназіею Ивана *Недешева*, врача при Выборгской женской гимназіи Артура *Гейзелера*, учителей реальныхъ училищъ: Ловичскаго—Владиміра *Афанасьева* и Воскресенскаго въ Москвѣ, Николая *Зубова* и Виленскаго городского учительскаго института Василя *Гилеровскаго*, учителей инспекторовъ городскихъ училищъ: Великолуцкаго—Семена *Дмитріева*, Новоладожскаго—Андрея *Тарасова*, Никольскаго, Вологодской губерніи—Оедора *Надеждина*, Рыбинскаго—Оеодосія *Тесмана*, Новоторжскаго—Николая *Смирнова*, Аккерманскаго—Дмитрія *Сухорукова*, Минскаго—Осипа *Хурсовича*, Новохоперскаго—Николая *Холина*, Нахичеванскаго—на Дону—Ефрема *Зийцева*, Митавскаго Александровскаго—Василя *Радченко*, Лемзальскаго—Юанна *Шнейдера*, Баусскаго—Семена *Стразда*. Оренбургскаго—Ивана *Хохлова*, Шушинскаго—Григорія *Тузова*. Кутанскаго—Василя *Василькова* и Георгіевскаго—Николая *Тумарова*, штатныхъ смотрителей: уѣздныхъ училищъ: Лидскаго—Степана *Свидерскаго*, Бѣльскаго—Леонтія *Бодрова* и Александрійскаго—Александра *Евстафіева*, завѣдывающаго Магнусгофскими мореходными классами третьяго разряда Ивана *Брейкша*, помощниковъ классныхъ

наставниковъ: гимназій: Ростовской-на-Дону—Михаила *Занкевича*. Ревельской. Императора Николая I, Генриха *Яннца*, Томской—Михаила *Прасолова* и Урюпинскаго реального училища, Василя *Морзунова*, учителя Нарвскаго городскаго училища, Владимира *Воронова*. учителей завѣдывающихъ городскими училищами: Сольвычегодскимъ—Ивана *Чиркина*, Любимскимъ—Александра *Михайлова*, Лайшевскимъ—Ивана *Грошева* и Петро-Александровскимъ—Гавриила *Волкобойнова*. учителя Ленчицкой учительской семинаріи Петра *Цадерскаго* и учителя приготовительнаго класса, помощника классныхъ наставниковъ Варшавской первой гимназіи, Петра *Здановича*; коллежскихъ ассесоровъ: директора Кунгурскаго техническаго Губкина училища, Алексѣя *Хвастунова*, дѣлопроизводителя VII класса департамента народнаго просвѣщенія, Александра *Юрова*, бухгалтера комитета правленія Императорской академіи наукъ, Сергѣя *Воробьева*, библиотекаря С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, Владимира *Иверсена*, секретаря совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михаила *Бьлозерова*, учителей гимназій: С.-Петербургской третьей Александра *Трунилевича*, Императорской Николаевской Царскосельской—Степана *Цыбульскаго* и Харьковской, третьей—Стефана *Фенева*, женскихъ: Владикавказской, Ольгинской—Грація *Теръ-Барсеіанца*, Варшавской первой: Алексѣя *Косминскаго* и Николая *Вородичи*, штатнаго учителя Замостской прогимназіи Андрея *Михальскаго*, учителя Пензенскаго реального училища Михаила *Обицкова*, ученаго секретаря главной физической обсерваторіи Іосифа *Керсновскаго*, физика сей обсерваторіи Эмилиа *Берта*, секретаря правленія Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Александра *Степанова*, хранителя зоологическаго музея Императорскаго Московскаго университета Николая *Кулашина*, бухгалтера правленія Императорскаго Харьковскаго университета Александра *Вовченко*, помощника инспектора Казанскаго ветеринарнаго института Павла *Бунина*, штатнаго смотрителя Тарскаго уѣзднаго училища Николая *Харченко*, воспитателя Омскаго пансіона для русскихъ и киргизскихъ дѣтей Василя *Бобова*, помощниковъ классныхъ наставниковъ: Нарвской гимназіи, Алексѣя *Трунева*, Выборгскаго реального училища, Александра *Борадавкина*, учителя приготовительнаго класса Закавказской учительской семинаріи Игнатія *Судакова*, учителя Ревельской женской гимназіи Николая *Вальха*, учителей приготовительныхъ классовъ: гимназій: С.-Петербургской восьмой Алексѣя *Иванова* и Житомирской—Ивана *Качаунова*, учителей: Ста-

рорусской женской прогимназіи Ивана *Сударушкина* и Проскуровскаго городского училища Оедора *Пирона*; титулярныхъ совѣтниковъ: почетнаго попечителя Новочеркасской учительской семинаріи Степана *Кунделекова*, прозектора Императорскаго Варшавскаго университета Семена *Яцинскаго*, ученаго хранителя зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Евгенія *Вихнера*, столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Антіоха *Луцкевича*, эконома пансіона Тифлисской первой мужской гимназіи Василя *Абрамова*, письмоводителей: Пятигорской прогимназіи Александра *Вельдера*, Иркутской мужской гимназіи Ивана *Сементовскаго* и Темиръ-Ханъ-Шуриискаго реальнаго училища Косьму *Очеретянскаго*, экзекутора Императорскаго Московскаго университета Отставнаго поручика Николая *Давидова*, почетнаго смотрителя С.-Петербургскаго Владимірскаго городского училища коллежскаго секретаря Александра *Петрова*, инспектора народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Воынской, губерискаго секретаря Петра *Войцеховскаго* и немѣющихъ чиновъ: экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Михаила *Духовскаго*, св. Владиміра—Петра *Покровскаго* и Алексѣя *Гилларова*, Юрьевскаго—Якова *Озе*, Варшавскаго: Бориса *Станкевича* и Николая *Новосадскаго*, исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Григорія *Халатынца*, учителей: гимназій: Ковенской—Игнатія *Этсла*, Рижской Александровской—Аргура *Клевера*, Варшавскихъ: первой—Павла *Данилова* и пятой—Карла-Рейнгольда *Лаудона* и Варшавскаго реальнаго училища Норберта *Делякруа*.

Св. Станислава 1-й степенни: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: ректоровъ и ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Петра *Никитина* и Юрьевскаго—Антоня *Будиловича*, директора Харьковскаго практическаго-технологическаго института Виктора *Киртичева*, помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа Сергѣя *Стыикова*, главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края Оедора *Керенскаго*, ординарнаго академика Императорской академіи наукъ Фридриха *Шмидта*, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Юліана *Сохоуцаго* и Харьковскаго—Андрея *Шимкови*. ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Александра *Иностранцева*, Московскаго—Василя *Клю-*

чевскою, Александра *Макъева* и Михаила *Черинова* и Харьковскаго—Ивана *Оболенскаго*; директоровъ гимназій: Вятской—Сергѣя *Курминскаго*, Бѣлоцерковской—Николая *Пересвѣтова*, Сумской Александровской—Николая *Сибилева*, Варшавской второй—Николая *Троицкаго*, и Люблинской—Николая *Сьмалевица*, Сергіевской сергіево-посадской прогимназіи — Николая *Тихомирова* и народныхъ училищъ губерній: Орловской—Семена *Бобровскаго* и Казанской—Алексѣя *Никольскаго*.

Св. Станислава 2-й степени: статскихъ совѣтниковъ: окружнаго инспектора Оренбургскаго учебнаго округа—Павла *Адрианова*, старшаго астронома Николаевской главной астрономической обсерваторіи—Германа *Струве*, ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Василя *Латкина*, Дмитрія *Коновалова*, и Василя *Ефимова*, Московскаго—Дмитрія *Анучина*, Казанскаго—Василя *Сорокина*, Евгенія *Нефедьева* и Дмитрія *Львова*, Харьковскаго—Степана *Костюрина*, Юрьевскаго—Юлія *фонъ-Кенделя* и св. Владимира—Тимофея *Флоринскаго*, профессора Харьковскаго практическаго технологическаго института—Алексѣя *Гречанинова*, директоровъ гимназій: Тульской—Петра *Никольскаго*, Кіевской третьей—Алексѣя *Истомина*, Павлоградской—Ивана *Сиза*, Шавельской—Ивана *Свирьлина*, Херсонской—Митрофана *Орлова* и Ломжинской—Эраста *Турау*, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ Петра *Оссе*, Пятигорской прогимназіи—Бориса *Коленко*, реальныхъ училищъ: Рижскаго Императора Петра I—Феодора *Покатилова*, Рижскаго городского—Генриха *Гельмана* и Либавскаго городского—Карла *Баумертеля*, исправляющаго должность деректора Уральскаго реального училища—Василія *Корватовскаго*, директоровъ Виленскаго городского учительскаго института—Всеволода *Богоявленскаго*, Юрьевской учительской семинаріи—Нила *Тихомирова*, народныхъ училищъ: губерній: Олонецкой—Дмитрія *Мартынова*. Ковенской—Александра *Лебединцева* и Курской—Николая *Раева* и Донской области—Алексѣя *Остроумова*, экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Юрія *Гамбарови* и Льва *Мороховца*, Харьковскаго—Михаила *Пономарева*, Казанскаго: Николая *Миславскаго* и св. Владимира—Михаила *Тихомирова*, наставника-руководителя гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ—Иосифа *Добіаша*, инспекторовъ: гимназій: С.-Петербургской первой—Петра *Барсова*, Псковской—Василя *Канскаго*, Ришельевской—Митрофана *Казминскаго* и Пермской—Сергѣя *Дроздова* и Варшавской первой прогимназіи—Иларіона

Коровицкаю, исполняющихъ обязанности инспекторовъ: гимназій: Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ — Викторина *Стовичека*, Петроковскаго — Матвѣя *Леонтьева* и Холмской — Владиміра *Костылева*, реальныхъ училищъ: Зарайскаго — Владиміра *Шолюш*, Екатеринославскаго — Александра *Собьщанскаю*, Вятскаго Александровскаго — Александра *Пантелъевскаю*, Самарскаго — Михаила *Хижнякова* и Томскаго Алексѣевскаго — Петра *Бережкова*, инспекторовъ народныхъ училищъ губерній: Олонечкой — Алексѣя *Остротскаю*, Воронежской — Александра *Комарова*, Казанской — Гурія *Вишневскаю*, Гродненской — Алексѣя *Вышеславцева*, Пермской — Василія *Семченкова* и Терской области — Митрофана *Мохира*, лектора Императорскаго университета св. Владиміра, — Адольфа *Налиса*, преподавателя Императорскаго Московскаго техническаго училища — Виктора *Мишаева*, учителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Николая *Костырко-Стоцкаю*, заслуженныхъ преподавателей гимназій: Калужской — Ивана *Четыркина* и Тифлисской второй — Василія *Бабанскаю*, учителей: гимназій: С.-Петербургскихъ: Введенской — Арношта *Влашимскаю*, и Императорскаго человеколюбиваго общества Андрей *Шпунки*, Вологодской — Владиміра *Тузови*, Московскихъ: первой: Сергѣя *Воробина* и Николая *Орлини*, второй: Эмелія *Ремани* и Сергѣя *Смирнови*, третьей — Вячеслава *Смирнови*, четвертой: Александра *Преображенскаю* и Николая *Целибьева*, Нижегородской — Егора *Бережкова*, Тверской — Тихона *Омелянскаю* и Мирона *Коренева*, Кіевскихъ: первой — Степана *Ильиенко*, второй — Николая *Уводскаю*, третьей — Владиміра *Мокржицкаю*, и четвертой — Павла *Юскевича-Красковскаю*, Кіево-Печерской — Мануила *Дивиньки*, Каменецъ-Подольской — Петра *Любирскаю*, Лубенской — Михаила *Благодарумови*, Харьковской третьей — Оедора *Левентейна*, Повочеркаской: Николая *Корниловича* и Ивана *Гальмана*, Одесской третьей — Всеволода *Соколова*, Императора Александра III въ Болградѣ — Павла *Ливенцови*, Елисаветградской — Ивана *Панащатенко*, Николаевской — Ивана *Кейзлера*, Царицинской Александровской — Михаила *Власова*, Ковешской — Степана *Чикилевскаю*, Шавельской — Дмитрія *Архательскаю*, Кѣлецкой — Юсіфа *Вабнера*, Сѣдлецкой — Александра *Редько*, Маріампольской — Станислава-Корнилія *Савицкаю*, Плоцкой — Климентія *Луцицкаю*, Оренбургской — Василія *Толузакова*, Тифлисской второй: Ивана *Гамкрелидзе* и Александра *Загарова* и Иркутской: Ивана *Чарноцкаю* и Арнольдо *Кербера*, женскихъ гимназій: Варшавской, второй, завѣдывающаго оною — Сергѣя *Рышкова*, Люблинской, завѣдывающаго оною —

Михаила *Малицкаго*, Радомской—Евстафія *Гацкевича* и Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Θεодоровны—Ивана *Пасютевича*. училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: главнаго нѣмецкаго св. Петра—Юлія *Шенфельда* и св. Анны: Θεодора *Клау* и Фердинанда *Мазинна*, Острогожской прогимназіи Ивана *Преображенскаго*, реальныхъ училищъ: Великолуцкаго—Сергѣя *Взорови*. Череповскаго—Анатолія *Пржбыльскаго*, Псковскаго Сергѣевскаго—Петра *Гутмана*, Вологодскаго Александровскаго—Ивана *Рошера*. Московскаго—Моисея *Владимірова*, Севастопольскаго—Моисея *Казасъ*. Кременчугскаго: Эдуарда *Гольцфрестера* и Митрофана *Павловскаго*, Могилевскаго Александровскаго—Филиппа *Кленце*, Сумскаго—Владислава *Рештиловича*, Урюпинскаго—Георгія *Леонтовича*, Пермскаго Алексѣевскаго—Константина *Самарина* и Тифлискаго—Петра *Левинскаго* и промышленныхъ училищъ: Иркутскаго заслуженнаго учителя Ивана *Происевича*, и Красноуфимскаго учителя Николая *Оловянина*. наставника Поневѣжской учительской семинаріи Степана *Горозова*, учителей женскихъ училищъ: Виленскаго Маринскаго высшаго—Виктора *Резанова* и Усачевско-Чернявскаго—Сергѣя *Тихомирова*. коллежскихъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Георгія *Шульца* и Томскаго—Николая *Кашенко*, директора Житомирской гимназіи Петра *Сидорова*, экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Ричарда *Шерцля*, правителя канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Василія *Рахманова*, инспекторовъ: Тифлисской первой гимназіи—Константина *Шульгина* и народныхъ училищъ: губерній Архангельской—Михаила *Ломберта* и Самарской—Ивана *Клюжеви*. Рижскаго учебнаго округа Адольфа *Луни* и состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской Антона *Швачку*, помощника бібліотекаря Императорскаго Казахскаго университета Валеріана *Износкова*, преподавателя Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Николая *Томасова*, учителей гимназій: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Николая *Вульфа*, С.-Петербургской десятой—Германа *Струнке*, Воронежской—Михаила *Чубинскаго*. Калышской—Феликса *Петровскаго*. Радомской—Оаддея *Здѣховскаго* и Лодзинской женской, завѣдывающаго оною—Алексѣя *Святухина*, врача Курской Маринской женской гимназіи Евфимія *Иуценко*, учителей: С.-Петербургской второй прогимназіи Евгенія *Борисова* и реальныхъ училищъ: С.-Пе-

тербургскаго втораго: Іосифа *Винцмана* и Ивана *Петрова*, Владикавказскаго—Витольда *Станкевича*, Темиръ-ханъ-шуринскаго—Павла *Франтова* и Кубанскаго Александровскаго Александра *Курочкина*, ученаго кузнеца Казанскаго ветеринарнаго института Карла *Кальмина*, учителей: Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Станислава *Мочидловскаго* и Несвижской учительской семинаріи Петра *Введенскаго* и врача Свислочской учительской семинаріи Альфонса *Линде*; надворныхъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—Александра *Федорова*, Томскаго: Александра *Репрева* и Теофила *Ерофьева* и Варшавскаго—Павла *Митрофанова*, директора и преподавателя Саратовскаго Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта Владиміра *Смольянинова*, почетнаго попечителя Рязанской гимназіи Сергѣя *фонъ-Дервиза*, дѣлопроизводителя VIII класса, департамента народнаго просвѣщенія Николая *Морева*, столоначальниковъ канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—Ивана *Орнатскаго* и Казанскаго—Владиміра *Веселицкаго*, бухгалтера канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Николая *Алифонова*, учителей: Черниговской гимназіи Николай *Александрова* и Харьковскаго реальнаго училища Аванасія *Левитскаго*, наставника Рязанской Александровской учительской семинаріи Владиміра *Святославскаго*, учителя варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Генриха *Трояновскаго*, учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Самсоньевскаго—Ивана *Васильева*, Старорусскаго—Константина *Дзеруля*, Серпуховскаго—Ивана *Рубцова*, Ташкентскаго—Андрея *Стайновскаго* и Екатеринославскаго—Митрофана *Павленко*, помощника воспитателя Тифлисской первой гимназіи Константина *Найденова*, учителя—завѣдывающаго Сапожковскимъ городскимъ училищемъ Александра *Трушниковова*; коллежскихъ ассессоровъ; проректора и исправляющаго должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Александра *Филитова*, правителя канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Анатолія *Вильева*, инспектора народныхъ училищъ Пермской губерніи Александра *Павлова*, помощниковъ инспекторовъ студентовъ: С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Евтихія *Чержудитова* и Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николая *Барсова*, журналиста департамента народнаго просвѣщенія Владиміра *Дьякова*, столоначальниковъ канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—Владиміра *Деманта* и Харьковскаго—Александра *Шитковскаго*, ученаго хранителя минералогическаго музея

Императорской академіи наукъ, барона Эдуарда *Толя*, учителя Воронежскаго реального училища Ивана *Мирошникова*, ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскаго секретаря Александра *Ляпунова*, профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища, губернскаго секретаря Петра *Худякова* и немѣющихся чиновъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Оедора *Опенховскаго* и варшавскаго—Оедора *Вержбовскаго*, исправляющаго должность директора гимназій Мая, въ С.-Петербургѣ, Василя *Кракау*, инспектора народныхъ училищъ, состоящихъ при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ, губерній: Кіевской, Подольской и Волинской—Сергѣя *Верещанина*, учителей: гимназій: Керченской—Павла *Успенскаго* и Одесской второй женской—Александра *Галафре*, Замостской прогимназій—Оеофила *Лышковича* и Варшавскаго ветеринарнаго института—Феликса *Земянскаго*.

Св. Станислава 3-й степени: статскихъ совѣтниковъ: прозектора Императорскаго Варшавскаго университета Эдуарда *Пржевоскаго*, учителей: гимназій: Гродненской—Юлія-Матвѣя *Марти*, Томской—Людвига *Кана* и Прилукской женской—Николая *Долыова*, Измаильской прогимназій—Вильгельма *Оббаріуса* и Николаевскаго реального училища—Сергѣя *Афанасьева*; коллежскихъ совѣтниковъ: адъюнктъ-профессора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Алексѣя *Гитцука*, учителей: гимназій: С.-Петербургской десятой—Евгенія *Ляпина*, Московскихъ: первой—Виктора *Кокюса* и пятой—Михайла *Панова*, Тульской—Ивана *Платонова*, Владимірской—Юліана *Березовскаго* и Карла *Рейхарта*, Митавской—Владимира *Волковича*, Гродненской—Василя *Шатилова*, Камеонецъ-Подольской—Михайла *Гринчика*, Бѣлоцерковской—Ивана *Ромашовскаго*, Тамбовской—Аполлона *Пустовойтова*, Таганрогской—Михайла *Петровавскаго*, Самарской—Евгенія *Фротс*, Пермской—Константина *Борнякова*, Тифлисской первой—Евгенія *Богословскаго* и Екатеринодарской Елпидифора *Стретенва*, женскихъ гимназій: Томской Маріинской—Дмитрія *Основина* и Екатеринодарской—Поликарпа *Крыжановскаго*, воспитателя пансіона при гимназій *Гуревича*, въ С.-Петербургѣ, Романа *Костенича*, исправляющаго должность воспитателя пансіона при Екатеринославской гимназій Николая *Праведникова*, учителей прогимназій: Сергіевской Сергіевопосадской—Хрисанва *Кирпотина*, Мозырской—Василя *Покровскаго*, Евпаторійской—Ивана *Саничкаго*, и Херсонской—Николая *Зайончевскаго* и реальныхъ училищъ: Орлов-

скаго-Александровскаго — Савву *Федоровича*, Калужскаго — Василя *Куклина*, Ливенскаго — Петра *Замитина*, Тульскаго — Николая *Троичаго*, Рижскаго городскаго — Альберта *Фота*, Полтавскаго — Оскара *Юансона*, Екатеринославскаго — Фридриха-Вильгельма *Ленника*, Бакинскаго — Николая *Падарина* и Тюменскаго-Александровскаго — Николая *Кузьмина*, врача Камышинскаго реальнаго училища — Якова *Ломоносова*, штатнаго учителя Бѣльскаго учительской семинаріи — Николая *Протопопова*, учителя Оренбургской Киргизской учительской школы — Матвѣя *Лебединскаго*, врача Сѣвпепскаго уѣзднаго училища Александра *Ищикова* и помощника классныхъ наставниковъ Екатеринодарской гимназіи Василя *Малюженко*, надворныхъ совѣтниковъ: исправляющаго должность инспектора реальнаго училища Гуревича, въ С.-Петербургѣ, Дмитрія *Цинзерлина*, инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи Глѣба *Стишкевича*, доцента Императорскаго Юрьевскаго университета Вернера *Цее-фонъ-Мантейфеля*, исправляющаго должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета Александра *Невзорова*, преподавателей практическихъ технологическихъ институтовъ: С.-Петербургскаго. Александра *Соколова* и Харьковскаго Михаила *Ловцова* и Николая *Дорофьева*, исправляющаго должность прозектора Варшавскаго ветеринарнаго института Ивана *Якимова*, дѣлопроизводителя канцеляріи Кѣлецкой учебной дирекціи Ивана *Саранчу*, секретаря правленія Императорскаго Харьковскаго университета Алексѣя *Ширпаева*, экзекутора Императорскаго Казанскаго университета Ивана *Гаврилова*, учителей: гимназій: Императорскаго человѣколюбиваго общества Алексѣя *Якимахи*, Крошадтской Николая *Никольскаго*, Нарвской Константина *Ишеницына*, Гельсингфорской Александровской Ивана *Дамбери*, Псковской Павла *Рощина*, Московскихъ: пятой Сергѣя *Смирнова* и шестой Михаила *Соловьева*, Александровской Смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ, Степана *Беллевича*, Елецкой — Дмитрія *Мишцына*, Калужской — Михаила *Архательскаго*, Орловской — Андрея *Орлова*, Рязанской — Сергѣя *Кузиса*, Смоленской: Оому *Поризку* и Мориса *Дюперре*, Тульской — Николая *Пріорова*, Ярославской — Гавріила *Сертєва*, Императорской Казанской первой: Николая *Горталова* и Константина *Воронцова*, Саратовской — Сергѣя *Өаддева*, Ревельской Императора Николая I-го Павла *Карбиновича*, Юрьевской — Григорія *Сумикова*, Митавской — Николая *Новикова*, Сумской Александровской — Алексѣя *Сидлецаго*, Житомирской — Николая *Лятошинскаго*, Златопольской — Михаила *Дорожинскаго*, Немировской Алексѣя *Горлова*, — Прилуцкой: Ивана *Россоптова*

скаю и Александра *Лебедева*, Виленской второй—Алексѣя *Глѣбова*, Гродненской Евстафія *Орловскаю*, Ригельевской Николая *Знойко*, Елисаветградской Людвигъ *Юльдри*, Симферопольской Людвигъ *Стовика*, Варшавской первой Евстафія *Гадзяцкаю*, Лодзинской Антона *Шумейко*, Эриванской Павла *Тарасова*, Иркутской: Петра *Чиринца*: Аверкія *Иванова* и Василя *Теремеца*, Омской: Владиміра *Родевича* и Ивана *Ремезова* и Периской Александра *Попова*, женскихъ гимназій: Нижегородской Маріинской Николая *Сафонова*, Вятской Маріинской Петра *Никонова*, Николаевской Павла *Иванова*, Севастопольской Христіана *Шведера*, Ставропольскихъ Василя *Сертыенко* и Стеблищъ-Каменской, въ С.-Петербургѣ, Павла *Федунова*, прогимназій: С.-Петербургской второй Сергѣя *Чистоткина*, Бѣлевской Егора *Никитина*, Алтырской Михаила *Уривскаго*, Борисоглѣбской Александровской Бертольда *Гедриха*, Житомирской Петра *Шинтелеймонова*, Суражской Льва *Захарченко*, Одесской Василя *Юрасова*, Вознесенской Николая *Павлова*, Павлоградской Василя *Блюнова* и Пятигорской Ивана *Кларовскаго*, реальныхъ училищъ: Смоленскаго Александровскаго Сергѣя *Насоновскаго*, Иваново-Вознесенскаго Дмитрія *Ефремова*, Скопинскаго Галактіона *Тумакова*, Сумскаго Михаила *Которова*, Петровскаго Ростовскаго на Дону Николая *Прасолова*, Сызранскаго Ивана *Бронникова*, Виленскаго Готфрида *Михельсона*, Ровенскаго Эмануила *Фука*, Св. Павла, въ Одессѣ, Валеріана *Жуковскаю*, Варшавскаго Сергѣя *Гирмита*, Пермскаго Алексіевскаго Альберта *Фюрера*, Уральскаго Ивана *Сивицкаю* и Бакинскаго Автонома *Пообдоносцева*, штатнаго учителя Холмской учительской семинаріи Евгенія *Рклицкаю*, врача Тотемской учительской семинаріи Василя *Стиростина*, учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ: Веневскаго Николая *Чиждова*, Бузулукскаго Петра *Нилькова* и Мишгрельскаго Василя *Плохотникова*, врача Кирилловскаго городского училища Андрея *Кашинкина*, штатнаго смотрителя Старокопстантиновскаго городского училища Аристарха *Андріевскаю*, учителя Рижской Александровской гимназій Онисима *Болотова*, помощниковъ классныхъ наставниковъ: гимназій: Вологодской Ойрса *Ростиславина*, Московской третьей Дмитрія *Дельсилья*, Немировской Николая *Зелинскаю*, Варшавской шестой Владиміра *Садовскаю*, Керчинской Дмитрія *Плакиду* и Омской Константина *Вараксина*, Кутаисской прогимназій Михаила *Чичинадзе*, реальныхъ училищъ: Варшавскаго Александра *Шламахова*, Петровскаго Ростовскаго на Дону Константина *Андротова* и Екатеринбургскаго Алексѣевскаго Николая *Соколовскаю*, городскихъ

училищъ: Бѣлозерскаго — Викентія *Сулиму Самуйло*, Козьме-Демьянскаго — Василя *Овсянникова*, Новгородсѣверскаго — Діонисія *Ольшевскаго*, Пухинскаго — Мелитона *Чичинадзе*, Одесскаго — „Ефруси“ *Иосифа Рынскаго*, Алешковскаго — Ивана *Вандровскаго*, Тифлисскаго — Ивана *Кученко* и Шушинскаго — Юсуфа-Бекъ-Мелика *Алиазирова*, завѣдывающихъ городскими училищами: Пярятинскимъ — Василя *Кислянскаго*, Львовскимъ — Василя *Калитина* и Погарскимъ — Михаила *Липовецкаго*; коллежскихъ ассессоровъ: инспектора народныхъ училищъ Владимірскаго губерніи Михаила *Булыгина*, штатныхъ ассистентовъ при клиникахъ Императорскаго Московскаго университета: Акушерской — Георгія *Соловьева* и терапевтической госпитальной — Владиміра *Щуровскаго*, штатнаго помощника прозектора Императорскаго Московскаго университета Николая *Алтухова*, лаборантовъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго Петра *Орлова* и сверхштатнаго Николая *Матвѣева*, св. Владиміра: Николая *Володкевича* и Николая *Молчановскаго*, преподавателя Императорскаго Московскаго технического училища Никанора *Петрова*, учителей: гимназій: С.-Петербургской Ларинской — Ивана *Суровцова*, Московской шестой — Георгія *Кельберера*, Коломенской — Александра *Стезьмаховича*, Орловской — Оскара *Мирзалиса*, Рыбинской — Николая *Сивилова*, Астраханской — Василя *Кууля*, Симбирской — Анатоля *Княгина*, Кіевской четвертой — Василя *Сливинскаго*, Новгородсѣверской — Арвида *Дирика*, Полтавской Ивана *Гладкевича*, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князи Безбородко въ Пѣжинѣ Филиппа *Миловидова*, Лубенской: Николая *Семперовича* и Николая *Подковщикова*, Мариупольской — Митрофана *Кустовскаго*, Херсонской — Николая *Щелова*, Рижской Александровской — Михаила *Адринова*, Ревельской Императора Николая I — Михаила *Соколовскаго*, Елатомской: Александра *Гантнера* и Павла *Дютруйля*, Ростовской на-Дону — Франца-Ксаверія *Гутурба*, Усть-Медвѣдицкой: Никиту *Мельникова* и Сергѣя *Афанасьева* и Ташкентской — Дмитрія *Назирова*, училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Ашпы, въ С.-Петербургѣ: Рейнгольда *Танциера* и Василя *Барминскаго*, женскихъ гимназій: Прилуцкой — Сергѣя *Шарко*, Черниговской — Петра *Адвокатова*, Сумской — Икова *Назаревскаго* и содержимой Грегорцевичъ, въ Харьковѣ, Михаила *Постоева*, женскаго учебнаго заведенія св. Нины въ Тифлисѣ, Александра *Бороздина*, Острожской прогимназій Павла *Федорова*, реальныхъ училищъ: Новозыбковскаго — Петра *Еременко*, Астраханскаго — Адама *Вальтера*, Урюпинскаго — Михаила *Гнатевича*, Воронежскаго:

Арсенія *Морева* и Георгія *Каченовскаго*, Рижскаго городского—Константина *Ниландера*, Камратскаго — Андрея *Хмѣлевскаго*. Кишиневскаго—Иосифа *Степанковскаго* и Уральскаго — Алексѣя *Поляркова* и Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Михаила *Кульчицкаго*, наставниковъ учительскихъ семинарій: Череповской—Николая *Ларионова*, Повобургской—Ивана *Успенскаго* и Благовѣщенской—Валерія *Азрова*, учителя Казанской татарской учительской школы Михаила *Пинешина*, учителей - инспекторовъ городскихъ училищъ: Кинешемскаго — Василя *Веселовскаго*, Юрьевскаго, Владимірской губерніи, Константина *Сахарникова*, Сердоскаго—Михаила *Володина* и Пятигорскаго — Григорія *Абозина*, хранителя кабинета физической географіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Августа *Барановскаго*, учителей: гимназій: Рижской городской—Гуго *Данненберга* и женской при Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго, въ Ярославѣ, Петра *Романовскаго*, штатнаго смотрителя Цивильскаго уѣзднаго училища Александра *Максимчика*, помощниковъ классныхъ наставниковъ: гимназій: Костромской—Владимира *Бълорусова*, Екатеринославской — Евѣмія *Шамраева*, реальныхъ училищъ: Харьковскаго — Павла *Демьяненко* и Кіевскаго—Василя *Леонтьева*, учителей городскихъ училищъ: Гатчинскаго—Федора *Князева*. Островскаго—Михаила *Харлова*, Смоленскаго—Сергѣя *Баршева*, Лукояновскаго, завѣдывающаго симъ училищемъ, Владимира *Сенатскаго*. Туккумскаго — Андрея *Звайзне*. Сердобскаго — Александра *Борисова*, Измайльскаго—Александра *Шиманскаго*, Оренбургскаго — Порфирія *Вяткина*, Иркутскаго—Александра *Дмитревскаго* и Ташкентскаго—Осіпа *Климко*, завѣдывающаго Аппаскимъ мореходнымъ классомъ Ивана *Скарaina*, учителей: прогимназій: Егорьевской—Николая *Вичуговскаго*, Рыльской—Ивана *Лисицина*, Гомельской—Алексѣя *Шалонина* и Ливенской женской—Николая *Успенскаго*, Ковельскаго городского училища Иларіона *Юскевича*, уѣздныхъ училищъ: Чаусскаго—Николая *Езерскаго* и Томскаго—Александра *Мисюрева* и учителя-надзирателя Сухумской горской школы Давида *Аджамова*; титулярныхъ совѣтниковъ: профессора института Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Викентія *Хмѣлевскаго*, дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Владимира *Молчанова*, сверхштатныхъ ассистентовъ клиникъ: Императорскаго Московскаго университета пропедевтической—Алексѣя *Щербакова* и Факультетской терапевтической—Петра *Попова* и при кафедрѣ гистологіи—Александра *Войтова*. лаборантовъ: Императорскихъ университетовъ:

св. Владиміра — Павла *Тутковскаю* и Московскаго сверхштатнаго — Михайла *Коновалова*, старшаго наблюдателя Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ Стенана *Гласека*, учителей гимназій: Либавской Николаевской — Петра *Тюленева* и Митавской — Ивана *Шванберга*, врачей: Оренбургской гимназіи — Павла *Исакова* и института Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Емельяна *Медвѣдскаю*, учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ: Петергофскаго — Алексѣя *Гуляева* и Весьегонскаго — Дмитрія *Забѣлина*, младшаго наблюдателя Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ Юсіфа *Шукевича*, помощника столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Александра *Приклонскаю*, штатнаго смотрителя Холмскаго уѣзднаго училища Ивана *Запужа*, помощниковъ воспитателей: коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ — Иполита *Земискаю*, Воронежской гимназіи — Сергѣя *Ахмиметьева*, пансіона Эриванской гимназіи — Фридуна Бекъ *Кочарлинскаю* и прогимназій: Московской первой — Льва *Дешеваю* и Ярославской — Евгенія *Струева*, надзирателя Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Николая *Молчанова*, писмоводителя Кіевской третьей гимназіи Николая *Шереметьева*; учителей завѣдывающихъ городскими училищами: Болховскимъ — Александра *Томашевскаю* и Астраханскимъ — Василя *Михайлова-Дойникова*; учителей городскихъ училищъ: Сѣвскаго — Федора *Мещевцева*, Семеновскаго — Павла *Мусатова*, Славянскаго — Никанора *Воронкова*, Митавскаго Александровскаго — Арсенія *Молчанова* и Остерскаго — Николая *Лазаревскаю*; штатныхъ учителей Лодзинскаго Александровскаго городского училища Антона *Скабаллановича* и Николая *Смирнова*, учителей: начальнаго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ Александра *Колесникова* и Набилковскаго училища, въ Москвѣ, Николая *Биндемана*, смотрителя Арманирскаго Александровскаго начальнаго училища Осипа *Уманцева*; учителей: Красноярской гимназіи Дмитрія *Картолова* и городскихъ училищъ: Кіевскаго — Ивана *Ляжницкаю*, Бердичевскаго — Ивана *Александрова* и Дубенскаго — Семена *Корчоху*; коллежскихъ секретарей: помощника инспектора студентовъ Харьковскаго практическаго технологическаго института Ивана *Равскаю*, сверхштатныхъ: ассистента при зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго университета Григорія *Кожевникова* и лаборанта Императорскаго Московскаго университета Федора *Коврайскаю*, учителей гимназій: С.-Петербургской третьей — Конрада *Гана* и Кіевской третьей — Василя *Родионова*, наставниковъ

учительскихъ семинарій: Карачевской—Ивана *Назаревскаго* и Полинской — Леонида *Багрянскаго*, учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ: Феодосійскаго—Ильк *Корецкаго* и Читинскаго — Василя *Харчевникова*, протоколиста комитета правленія Императорской Академіи Наукъ Ивана *Блывева*, псправляющаго должность учителя Бакинской Маріинской женской гимназіи Эраста *Стася*, учителя Ейскаго реального училища Николая *Тутицына*, помощниковъ классныхъ наставниковъ: реальныхъ училищъ: при Евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ, Густава *Боссе*, Изюмскаго—Василя *Хвостова* и Рижскаго Императора Петра I—Христофора *Фельдмана*, учителей городскихъ училищъ; Лужскаго—Ивана *Инатъева*, Псковскаго—Филиппа *Андреева*, Ревельскаго—Владимира *Брызгалова*, Черниговскаго—Ипполита *Яснопольскаго* и Новохоперскаго — Максима *Скорохода*, письмоводителей гимназій: Казанской второй — Михаила *Штицына* и Курской—Апатоля *Шатохина* и учителя Вознесенской женской гимназіи при Евангелическо-лютеранской церкви, въ Харьковѣ, Людвига *Леше*; губернскихъ секретарей: хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго университета св. Владимира, Ивана *Бордзиловскаго*, учителя Черепонскаго реального училища Алексѣя *Новикова*, штатныхъ учителей: Кѣлецкой женской гимназіи Петра *Ковалевскаго* и Холмскаго Маріинскаго женскаго училища Михаила *Литвиновскаго*, учителя Охтенскаго ремесленнаго училища Дмитрія *Загребина* и смотрителя и учителя Новороссійскаго начальнаго училища Павла *Самойлова*; воспитателя пансіона С.-Петербургской третьей гимназіи коллежскаго регистратора Василя *Фролова* и неимѣющихъ чиновъ: экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Георгія *Форстена*, инспекторовъ: Сандомирской прогимназіи Ивана *Петрова* и народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ, губерній: Кіевской, Подольской и Волынской — Николая *Стороженко* и Рижскаго учебнаго округа Алексѣя *Янсона*, профессоровъ Рижскаго политическаго училища: Александра *Бека*, Генриха *Мальгера* и Франца *Шиндлера*, ассистента при зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго университета Александра *Корчагина*, учителей: гимназій: С.-Петербургской шестой—Павла *Новикова*, Московской первой—Александра *Данюева*, Сумской Александровской — Николая *Безсонова*, Корочанской Александровской—Григорія *Любарскаго*, Воронежской—Леонида *Горбункова*, Юрьевской—Григорія *Смирнова*, Рижской—Императора Николая I: Ивана *Михалевича*, и

Михаила *Томилова*, Бердянской—Гавриіла *Черногорова*, Варшавскихъ: второй—Александра *Соколова*, третьей—Павла *Блюма*, четвертой — Леонида *Дружинина*, шестой: Семена *Говорко* и Карла *Неру*, Холмской—Андрея *Крузе*, Виленскихъ: первой — Андрея *Виноградова* и второй—Евфимія *Хорошкевича*, Кіево-Печерской—Иларіона *Шафрановскаго*, Тифлисской третьей — Зиновія *Никитскаго*, Кутаисской—Антонія *Ильенко* и Ставропольской—Феодора *Котилевскаго*, женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской—Александра *Емевскаго*, Варшавскихъ: первой—Константина *Трубицина* и второй—Александра *Альбова*, главнаго нѣмецкаго училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Адольфа *Натина*, училища при реформатскихъ церквахъ, въ С.-Петербургѣ, Ивана *Крейса*, прогимназій: Московской второй — Алексѣи *Владимірско*, Лебедянской—Сергѣя *Горохова* и Василя *Антинскаго*, Владивостокской — Феодора *Зартукаго* и Ловичской женской—Сергѣя *Георіевскаго*, врача Алатырской жепской прогимназій Аркадія *Быстрова*, учителей реальныхъ училищъ: Великолуцкаго—Владиміра *Свѣтлицкаго*, Муромскаго—Владиміра *Гончарова*, Митавскаго—Владиміра *Соколова*, Вѣлостокскаго—Владиміра *Лидерса*, Изюмскаго—Михаила *Чуусева*, Ейскаго—Семена *Морозовскаго* и Бакинскаго—Виктора *Успенскаго*, паставниковъ учительскихъ семинарій: Прибалтійской: Леонида *Апостолова*, Евстафія *Лійцита* и Волчанской—Ивана *Созонтьева*, учителей училищъ: Красноуфимскаго промышленнаго—Владиміра *Варина*, и Новочеркасскаго атаманскаго техническаго—Василія *Часовникова*, учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ: Нахичеванскаго—Петра *Казанцева* и Троицкосавскаго—Венедикта *Попова*, учителя Перновской гимназій Порфирія *Юпатова*, помощниковъ классныхъ наставниковъ: Вознесенской прогимназій Владимиръ *Пейхеля* и Митавскаго реального училища Артура *Юренсона*, учителя Новгородскаго реального училища Петра *Бойцева*, учителей-смотрителей начальныхъ училищъ: Мервскаго—Александра *Сидорова* и при Александровскомъ фортѣ—Онисима *Соловьева*, приватъ-доцентовъ Императорскаго Харьковскаго университета: докторовъ медицины: Ивана *Колмакчи* и Михаила *Светухина* и законоучителя и учителя Гостомльскаго сельскаго училища, Кромскаго уѣзда, Павла *Генерозова*.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го декабря 1893 года. *Утверждены*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, князь Борисъ *Голицинъ*—адъюнктомъ Императорской академіи наукъ по части физики, съ 4-го декабря 1893 года, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности по университету; почетными попечителями на три года: гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рукавишниковъ*, Пензенской второй—въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Араповъ* и Кишиневской второй—статскій совѣтникъ *Херцъ*, статскій совѣтникъ *Май*—учрежденныхъ имъ въ С.-Петербургѣ мужской гимназіи и реальнаго училища, и статскій совѣтникъ *Мимонтинъ*—Череповскаго реальнаго училища.

Зачтенъ въ командировку за границу съ ученою цѣлью, экстраординарному профессору Императорскаго Юрьевскаго университета, надворному совѣтнику *Губареву*—разрѣшенный ему заграничный отпускъ съ 12-го декабря 1893 года по 12-е января 1894 года.

Командированы за границу съ ученою цѣлью сверхштатный ассистентъ при пропедевтической клиникѣ и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Щербаковъ*—съ 15-го марта по 15-е августа 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Луцкий*—съ 1-го января по 20-е августа 1894 года. (Выс. пов. 21-го декабря 1893 года).

Продолженъ срокъ отпуска за границу причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, надворному совѣтнику *Отту* и приватъ-доценту Императорскаго Харьковскаго университета, надворному совѣтнику *Оршанскому*—по 1-е августа 1894 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

2. (11-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени профессора Тимофея Николаевича Грановскаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго покойнымъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайнымъ совѣтникомъ Януаріемъ Михайловичемъ Невпровымъ.*

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра).

§ 1. Стипендія, по волѣ завѣщателя, именуется: стипендія ординарнаго профессора Московскаго университета Тимофея Николаевича Грановскаго.

§ 2. Капиталь въ девять тысячъ рублей, проценты съ котораго составляютъ стипендію, заключается въ девяти облигаціяхъ 3-го Восточнаго займа за №№ 010210, 029608, 036144, 051313, 090661, 096455, 109027, 109028, 155027.

§ 3. Стипендія имени Грановскаго выдается студенту, кончившему курсъ по историко-филологическому факультету и оставленному при университетѣ для приготовления къ экзамену на степень магистра.

§ 4. Стипендія назначается на два года.

§ 5. Назначеніе стипендіи производится по очереди по тремъ факультетскимъ отдѣленіямъ: 1) историческому, 2) классическому и 3) словесному.

§ 6. Каждый разъ при назначеніи стипендіи могутъ быть предлагаемы кандидаты и профессорами философіи, но выдача стипендіи лицамъ, занимающимся философіею, можетъ производиться не болѣе одного раза въ четыре срока.

§ 7. Въ случаѣ отсутствія кандидатовъ по очередному отдѣленію, стипендія назначается по слѣдующему отдѣленію (см. § 5), но уступившее стипендію отдѣленіе можетъ воспользоваться своимъ правомъ въ слѣдующую ближайшую очередь.

§ 8. Если образуются свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя присоединяются къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

3. (13-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи при Каргопольскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ въ память посѣщенія 21—22 іюня 1892 года города Каргополя и названнаго училища Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ.*

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го декабря 1893 года при Каргопольскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается одна стипендія, въ память посѣщенія 21—22-го іюня 1892 года города Каргополя и названнаго училища Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто пятьдесятъ руб.*, пожертвованнаго съ этою цѣлью Каргопольскимъ уѣзднымъ земствомъ.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго городского училища и составляетъ его неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія училища, стипендіальный капиталъ остается съ тѣмъ же назначеніемъ.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища изъ крестьянскаго сословія Каргопольскаго уѣзда, отличающагося хорошими успѣхами и поведеніемъ; остающіяся же деньги употребляются на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій или другихъ необходимыхъ потребностей.

§ 5. Право выбора стипендіата, а равно и прекращеніе выдачи стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту училища, по соглашенію съ Каргопольскою уѣздною земскою управою.

§ 6. Если избранный стипендіатъ окажется впослѣдствіи незаслуживающимъ пособія по успѣхамъ или поведенію, то стипендія передается другому, болѣе достойному.

§ 7. Могушіе образоваться, вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ, остатки отъ ежегодныхъ процентовъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (14-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. И. Козлова для студентовъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6,000 руб., пожертвованнаго университету св. Владиміра женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Прасковьею Николаевною Тарновскою и женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ольгою Николаевною Рукавишниковою, учреждается въ названномъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ, одна стипендія имени покойнаго отца ихъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Николая Иларіоновича Козлова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность университета св. Владиміра и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ студентовъ медицинскаго факультета университета, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, по усмотрѣнію правленія университета, на основаніи общихъ правилъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 4. Могущіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки отъ стипендіи должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (14-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. И. Козлова для студентовъ медицинскаго факультета Юрьевскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6,000 руб., пожертвованнаго Юрьевскому университету женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Прасковьею Николаевною Тарновскою и женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ольгою Николаевною Рукавишниковою, учреждается въ названномъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ, одна стипендія имени покойнаго отца ихъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Николая Иларіоновича Козлова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собствен-

ность Юрьевскаго университета и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ студентовъ медицинскаго факультета университета, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, по усмотрѣнію правленія университета, на основаніи общихъ правилъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 4. Могущіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки отъ стипендіи должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (17-го декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи при Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ, имени коллежскаго совѣтника Сергѣя Ефимовича Павлова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ учреждаются три стипендіи имени коллежскаго совѣтника Сергѣя Ефимовича Павлова на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ для сего капитала въ триста рублей.

§ 2. Означенный капиталъ по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ сказаннаго училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей отчисленію въ казну по закону 20-го мая 1885 г., ежегодно обращаются на уплату за ученіе и учебныя принадлежности трехъ учениковъ Нижегородскаго уѣзднаго училища, по равной части каждому.

§ 4. Въ стипендіаты избираются дѣти чиновниковъ и нижнихъ служителей Нижегородской почтово-телеграфной конторы № 1, обучающіяся въ Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ.

§ 5. Въ случаѣ, если въ Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ будутъ обучаться только двое, или даже одинъ изъ дѣтей чиновниковъ и нижнихъ служителей указанной конторы, проценты съ капитала обращаются въ пособіе двоимъ, по равной части каждому, и, наконецъ, всецѣло выдаются одному.

§ 6. Въ случаѣ, если въ Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ не будетъ обучаться ни одного изъ дѣтей чиновниковъ и низшихъ служителей указанной конторы, проценты съ капитала временно обращаются на плату за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ преимущественно изъ дѣтей чиновниковъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта уѣзднаго училища.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (25 декабря 1893) года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Алексѣя Васильевича Трофимова при Гатчинскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на проценты съ пожертвованнаго вдовою коллежскаго секретаря Наталіею Александровною Трофимовою капитала въ триста руб. учреждается при Гатчинскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени коллежскаго секретаря Алексѣя Васильевича Трофимова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, остается неприкосновеннымъ и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Гатчинскаго городского училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20 мая 1885 года, употребляется на взносъ платы за ученіе и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для одного бѣднѣйшаго и достойнѣйшаго ученика училища изъ жителей города Гатчины православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Право назначенія стипендіи и выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Избраніе стипендіата производится въ началѣ каждаго учебнаго года.

§ 6. Стипендія сохраняется и въ томъ случаѣ, если училище будетъ преобразовано въ другое, соотвѣтствующее ему учебное заведеніе.

§ 7. Въ случаѣ выхода закладныхъ листовъ въ тиражъ погашенія они замѣняются другими государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (29 Декабря 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. А. Вышнеградскаго въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ собраннаго чинами министерства финансовъ, для увѣковѣченія имени бывшаго министра финансовъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Вышнеградскаго, капитала, который по обращенія въ процентныя бумаги, составилъ сумму въ 27.900 р. номинальныхъ въ $4\frac{1}{2}\%$, облигаціяхъ общества юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ процентами, теченіе конхъ начинается съ 1 сентября 1893 года, выдѣляется для учрежденія одной полной стипендіи въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ капиталъ въ 9400 р. номинальныхъ. Къ сему капиталу присоединяются имѣющіе получиться по нему 1 марта 1894 г. проценты, составляющіе 211 р. 50 к., а за вычетомъ налога на доходы съ денежныхъ капиталовъ, 200 р. $92\frac{1}{2}$ к., которые и употребляются на покупку 200 р. номинальныхъ вышеупомянутыхъ облигацій съ обращеніемъ остатка въ пользу общества для пособія нуждающимся студентамъ технологическаго института.

Такимъ образомъ по 1 марта 1895 г. номинальный капиталъ стипендіи будетъ составлять 9600 р., приносящихъ $4\frac{1}{2}\%$ годовыхъ; по сему капиталу, начиная съ сентября 1894 г., будетъ получаться по полугодно 1 сентября и марта каждого года за вычетомъ налога съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, по 205 р. 20 к., а всего въ годъ 410 р. 40 к.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность института, хранится въ С.-Петербургскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія опредѣляется въ размѣрѣ 360 р. въ годъ, выдаваемыхъ стипендіату по расчету 30 р. въ мѣсяць, и изъ 50 р., вносимыхъ въ институтъ въ видѣ платы за его обученіе, а всего въ размѣрѣ 410 р.

§ 4. Могушіе быть остатки отъ процентовъ съ капитала за ежегоднымъ покрытіемъ расходовъ отъ стипендіи а равно неизрасходованная въ теченіе года за временнымъ незамѣщеніемъ стипендіата или по другимъ причинамъ часть сихъ процентовъ поступаетъ въ

пользу общества для пособія нуждающимся студентамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института.

§ 5. Стипендія имени И. А. Вышнеградскаго назначается студентамъ института, удовлетворяющимъ условіямъ, назначеннымъ для полученія казенныхъ стипендій, но въ теченіе жизни дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Вышнеградскаго прошенія подаются въ технологическій институтъ на его имя и по обсужденіи въ учебномъ комитетѣ института списка подавшихъ прошенія, оный препровождается къ дѣйствительному тайному совѣтнику Вышнеградскому, который и выбираетъ изъ числа студентовъ въ семь спискѣ помѣщенныхъ стипендіата своего имени. По смерти дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Вышнеградскаго назначеніе стипендій его имени предоставляется наравнѣ съ казенными стипендіями учебному комитету института, который въ случаѣ неуспѣховъ или неодобрительнаго поведенія стипендіатовъ какъ назначенныхъ самимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Вышнеградскимъ, такъ и учебнымъ комитетомъ по его смерти можетъ лишать оныхъ стипендіи.

§ 6. Объ окончаніи курса каждымъ стипендіатомъ, а равно обо всякой открывшейся по какой бы то ни было причинѣ вакансіи на стипендію, начальство технологическаго института сообщаетъ дѣйствительному тайному совѣтнику Вышнеградскому.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (15 января 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершаю надворнаго совѣтника Викентія Петровича Савицкаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершимъ надворнымъ совѣтникомъ Викентіемъ Петровичемъ Савицкимъ капитала въ семнадцать тысячъ рублей, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20 мая 1885 года, учреждаются при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, находящійся на процентномъ вкладѣ въ государственномъ банкѣ, долженъ быть, по истеченіи срока вклада обращенъ въ государственныя процентныя бумаги и внесенъ на храненіе въ мѣстное губернское козначейство въ спеціальныя средства университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3. Стипендія согласно волѣ жертвователя предоставляются бѣднымъ студентамъ Харьковскаго университета, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, способнымъ и прилежнымъ.

§ 4. Студентъ, коему назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ, при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ.

§ 5. Размѣръ каждой стипендіи назначается въ 250 р. въ годъ.

§ 6. Въ случаѣ пониженія процентовъ, получаемыхъ на стипендіальный капиталъ, можетъ быть соотвѣтственно уменьшено число стипендій или пониженъ размѣръ стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могушіе образоваться остатки присоединяются къ основному стипендіальному капиталу. По мѣрѣ наростанія стипендіальнаго капитала число стипендій можетъ быть увеличено.

10. (18 января 1894 года). *Положеніе о конкурсной медали имени коллежскаго совѣтника Степана Ивановича Креславскаго для фармацевтовъ, которые для полученія степени провизора состояли или состоятъ слушателями Императорскаго Юрьевскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Степаномъ Ивановичемъ Креславскимъ учреждается при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ золотая конкурсная медаль для фармацевтовъ, удостоенныхъ этимъ университетомъ степени провизора или допущенныхъ съ этою цѣлю къ слушанію лекцій. Медаль на основаніи Высочайшаго повелѣнія 3 февраля 1883 года, именуется медалью имени Креславскаго.

§ 2. Капиталъ, равно какъ и проценты съ онаго, за приобрѣтеніемъ медали остающіеся неизрасходованными, должны быть вносимы на приращеніе процентами въ государственный банкъ или въ одно изъ его отдѣленій.

§ 3. На причитающіеся съ капитала проценты, черезъ каждые два года, должна быть приобрѣтаема золотая медаль, цѣнностью въ 18 червонныхъ и съ такою же надписью, какъ и на прочихъ, раздаваемыхъ Юрьевскимъ университетомъ, конкурсныхъ медаляхъ.

§ 4. Когда проценты съ капитала увеличатся на столько, что на

нихъ можетъ быть приобретаема медаль ежегодно, то соответственно ему долженъ будетъ быть измѣненъ § 3.

§ 5. Медаль присуждается 12 декабря въ годовщину основанія Юрьевского университета, такимъ же образомъ, какъ Высочайше утвержденная 17 декабря 1865 г. медаль князя Суворова (см. Пол. Собр. Зак. 1866 г. № 40), въ награду за лучшее рѣшеніе задачи, предложенной медицинскимъ факультетомъ за два года до срока ея присужденія.

§ 6. Къ соисканію преміи допускаются лица, состоящія въ день присужденія медали въ Юрьевскомъ университетѣ посторонними слушателями, а равно и удостоенныя университетомъ степени провизора.

Примѣчаніе. Къ соисканію преміи не допускаются, какъ и въ отношеніи медали князя Суворова, владѣльцы вольныхъ аптекъ и управляющіе казенными аптеками.

§ 7. Конкурсныя работы должны быть представляемы въ медицинскій факультетъ Юрьевского университета къ 1 октября того года, въ которомъ истекаетъ срокъ конкурса. Относительно порядка представленія работъ, соискатели должны руководствоваться правилами, существующими для соисканія премій въ Юрьевскомъ университетѣ или же указанными въ положеніи о медали князя Суворова. Обсужденіе предлагаемыхъ работъ возлагается на профессоровъ фармаціи и химіи, отзывы коихъ утверждаются медицинскимъ факультетомъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если изучающіе фармацію въ теченіе конкурснаго срока будутъ причислены къ физико-математическому факультету, то послѣдній принимаетъ на себя всѣ обязанности, изложенныя въ §§ 5, 7, и 9.

§ 8. Удостоенному золотой медали предоставляется просить правленіе университета о выдачѣ ему, вмѣсто медали, соответствующей ей стоимости денежной суммы.

§ 9. Если капиталъ увеличится на столько, что и при ежегодномъ присужденіи медали образуется сумма въ 200 р., то правленію университета предоставляется право представить на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія соображенія свои о томъ назначеніи, которое можетъ быть дано этой суммѣ, и о соответствующемъ дополненіи настоящаго положенія.

§ 10. Если научная подготовка фармацевтовъ, вмѣсто Императорскаго Юрьевского университета, будетъ возложена на какое-либо другое специальное заведеніе, то таковое должно будетъ принять на себя изложенныя выше обязанности университета, капиталъ же Крс-

славскаго съ нарощими $\%$, а равно и право присужденія медали, передается въ такомъ случаѣ въ завѣдываніе правленія этого заведенія.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го декабря 1893 года. *Утверждены:* заслуженный ординарный профессор Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій* и ординарный профессор Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Шалфеевъ* вновь деканами факультетовъ сихъ университетовъ, первый—историко-филологическаго, на четыре года, съ 27-го іюля, и второй медицинскаго, на три года, съ 6-го октября 1893 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира *Оболонскій* и Новороссійскаго *Марксвицъ*—ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими каедрамъ: первый—судебной медицины, съ 28-го сентября и второй—русской исторіи, съ 29-го октября 1893 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета *Шерцль* и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Слепшинскій*—экстраординарными профессорами сихъ университетовъ по каедрамъ: первый—классической филологіи съ 16-го октября и второй—чистой математики, съ 17-го октября 1893 г.; директоръ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Антенскій* и исполняющій обязанности инспектора Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Самойловичъ*—директорами гимназій: первый—С.-Петербургской восьмой, съ 27-го октября и второй—Нижегородской, съ 26-го октября 1893 г.; исполняющій обязанности инспектора Тифлискаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Покатиловъ*,—директоромъ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, съ 18-го ноября 1893 г.; инспекторъ Оренбургской киргизской учительской школы, коллежскій совѣтникъ *Тарнавскій* и инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, статскій совѣтникъ *Софійскій*—директорами учительскихъ семинарій: первый—Благовѣщенской, съ 8-го октября, и второй—Красноярской, съ 21-го ноября 1893 г.; исправляющій должность писмоводителя отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, губернской секретарь *Симони*—въ сей должности, съ 1-го февраля 1892 г. (Выс.

пов. 25-го октября 1893 г.); коммерціи совѣтникъ *Китмановъ* и Аккерманскій купецъ *Осмелиди*—вновь почетными попечителями гимназій на три года: первый—Енисейской и второй—Аккерманской; Тюменской второй гильдіи купецъ *Россошнихъ* почетнымъ попечителемъ Омскаго низшаго механико-техническаго училища, на три года; отставной полковникъ *Муфтизаде* вновь почетнымъ попечителемъ Симферопольской татарской учительской школы, на три года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Зырьевъ*—исправляющимъ должность помощника ректора сего университета на четыре года, съ 10-го ноября 1893 г. Докторъ философіи и богословія Пресбургскаго университета *Квачала*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета по каедрѣ историческаго богословія, съ 1-го сентября 1893 года; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—*Марковъ* и *Коповаловъ*. Московскаго—*Синицынъ* и Казанскаго—статскіе совѣтники *Львовъ* и *Застукии* ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими каедрамъ: первый—чистой математики, второй—химіи, оба съ 13-го ноября, третій—хирургической патологіи, съ 16-го ноября, четвертый—финансоваго права, съ 16-го ноября и пятый—частной патологіи и терапіи, съ 20-го ноября 1893 года; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ *Корсаковъ*—штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, съ 22-го августа 1893 года; членъ совѣта особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельнаго банка, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кауфманъ*, прозекторы Императорскаго Московскаго университета *Дьяконовъ* и *Мороховецъ* и привать-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—*Красноженъ* и Казанскаго—*Орловъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—С.-Петербургскаго, по каедрѣ политической экономіи и статистики съ 27-го октября, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ нынѣ должности по министерству финансовъ, второй—Московскаго, по каедрѣ оперативной хирургіи, съ 1-го октября, третій—Московскаго же, по каедрѣ физиологіи, съ 20-го ноября, четвертый—Юрьевскаго, по каедрѣ церковнаго права, съ 27-го сентября и пятый—св. Владимира, по каедрѣ гигиены и медицинскон полиціи, съ 1-го октября 1893 года; привать-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира,

магистръ политической экономіи и статистики *Цытовичъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ полицейскаго права, съ 25-го октября 1893 года; механикъ при механическихъ мастерскихъ харьковскаго практическаго технологическаго института, инженеръ технологъ, коллежскій совѣтникъ *Кнаббе*—адъюнктъ-профессоромъ механической технологіи сего института, съ 1-го сентября 1893 года; коллежскій секретарь *Коломійцевъ*—исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора физики и метеорологіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, съ 1-го сентября 1893 года; кандидатъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Бобровъ*—исправляющимъ должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета по кафедрѣ философіи, съ 20-го сентября 1893 года; членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Гильтебрандтъ*—правителемъ дѣлъ сей комиссіи, съ 5-го ноября 1893 года.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ международнаго права, статскій совѣтникъ *Даневскій*—на кафедрѣ уголовного права и судопроизводства, въ томъ же университетѣ, съ 20-го сентября 1893 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ хирургической факультетской клиники, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левшинъ*—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ госпитальной хирургіи въ Императорскій Московскій университетъ, съ 18-го октября 1893 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ госпитальной хирургіи, статскій совѣтникъ *Кузьминъ*—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ хирургической факультетской клиники въ Императорскій Казанскій университетъ, съ 18-го октября 1893 года; директоръ гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ, статскій совѣтникъ *Орловъ*—директоромъ Херсонской гимназіи, съ 4-го декабря 1893 года; директоръ Камратскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Клосовскій*—директоромъ Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища, съ 3-го ноября 1893 года.

Опредѣлены: по институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: профессорами: статскій совѣтникъ *Малевскій*, по минералогіи и геологіи, коллежскіе совѣтники: *Будринъ* по частному земледѣлію и *Бевадъ* по органической химіи и сельскохозяйственному химическому анализу, надворный совѣтникъ *Скворцовъ* по сельскохозяйственной экономіи и титулярный совѣтникъ *Хмѣлевскій* по бота-

никъ; адъюнктъ-профессоромъ, надворный совѣтникъ *фонъ-Бранке*—по лѣсоводству; исправляющими должность адъюнктъ-профессоровъ: статскій совѣтникъ *Васильевъ*—по общей и прикладной зоологіи, коллежскій совѣтникъ *Павловъ*—по неорганической и аналитической химіи и титулярный совѣтникъ *Придорогинъ*—по частной зоотехніи, всѣ со времени введенія въ дѣйствіе новаго положенія и штата въ институтъ и надворный совѣтникъ *Орановъ*—инспекторомъ института, съ 1-го августа 1893 г.; изъ отставныхъ: дѣйствительные статскіе совѣтники *Великановъ* и *Гамбурцовъ*, статскій совѣтникъ *Титковъ* и бывший сверхштатный учитель Митавскаго реального училища *Карзовъ*—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: Великановъ—съ 26-го октября, Гамбурцовъ—съ 17-го ноября, Титковъ—съ 14-го октября и Карзовъ—съ 21-го ноября 1893 года; занимающійся письмоводствомъ по вольному найму въ департаментъ народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ V классѣ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, финляндскій уроженецъ Аксель *Рутъ*—на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го іюня 1893 г. о предоставленіи ему правъ государственной службы,—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, канцелярскимъ служителемъ, съ 1-го ноября 1893 года.

Переведены на службу, по министерству народнаго просвѣщенія: младшій ординаторъ Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпитали, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Саноцкий*, съ опредѣленіемъ адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи по физиологіи животныхъ, съ 17-го октября 1893 года; причисленный къ канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, сверхъ штата, коллежскій секретарь *Георіевскій* и канцелярскій служитель Ковенской казенной палаты, неимѣющій чина *Раковъ*, съ опредѣленіемъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія: первый—дѣлопроизводителемъ VIII класса, съ 19-го ноября, и второй—канцелярскимъ служителемъ, съ 26-го октября 1893 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Комиссаровскаго техническаго училища, тайный совѣтникъ *Губонинъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, съ 5-го октября 1893 года.

Оставлены на службѣ: директоры народныхъ училищъ: Гродненской дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ*—на одинъ годъ, съ 10-го ноября 1893 года; Новгородской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Павлинскій*—на три года, съ 6-го

ноября 1893 года; окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Моръ*, съ 20-го ноября; профессора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тавилдаровъ*, съ 1-го сентября и статскій совѣтникъ *Щукинъ*, съ 13-го сентября; директоры: Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шаношниковъ*, съ 18-го ноября: гимназій: Кутаисской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Столяновъ*, съ 16-го сентября. Иркутской—статскій совѣтникъ *Румовъ*, съ 31-го мая и Ставропольскихъ женскихъ: св. Александры и Ольгинской—статскій совѣтникъ *Горошко*, съ 3-го октября; реальныхъ училищъ: Тифлискаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тирюминъ*, съ 4-го октября и Тюменскаго Александровскаго—статскій совѣтникъ *Словцовъ*, съ 30-го апрѣля и директоръ народныхъ училищъ Полтавской губернии, статскій совѣтникъ *Прелинъ*, съ 20-го ноября 1893 г., всѣ десять на пять лѣтъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебедевъ*, съ 11-го ноября 1893 г., по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части.

Командировани: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра статскій совѣтникъ *Чирковъ*, экстраординарный профессоръ того же университета, статскій совѣтникъ *Тихомировъ* и директоры реальныхъ училищъ: Ровенскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Радкевичъ* и Новозыбковскаго—статскій совѣтникъ *Жукъ* на IX-й сѣздъ естествоиспытателей, имѣющій быть въ Москвѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1894 г.: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ключевскій* — въ Абасъ-Туманъ, по 1-е апрѣля 1894 г.; исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, титулярный совѣтникъ *Придорогинъ*—по Россіи до 1-го сентября 1894 г. и оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію *Рождественскій* — въ Москву, для научныхъ занятій въ архивахъ, по 15-е октября 1894.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: директоры мужскихъ гимназій: Варшавской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій* и Лодзинской—статскій совѣтникъ *Рождественскій* и Поневѣжскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ *Лебедевъ* и инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣт-

никъ *Картовъ*—на зимнее вакаціонное время 1893—1894 года; директоръ Херсонскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Месняевъ*—съ 20-го декабря 1893 года по 14-е января 1894 года и директоръ Бѣлгородскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Ларионовъ*—на два мѣсяца, и б) за границу: директоръ Люблинской мужской гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сьмалевичъ*—на 8 дней во время зимнихъ вакацій 1893—1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Кнезеръ*—учитель Варшавской четвертой гимназіи *Форнъ* и учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ *Маасъ*—на зимнее вакаціонное время 1893—1894 года; учитель Харьковскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ *Лефѣвръ*—по 7-е января 1894 года; окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лопатинскій*—на 28 дней; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левшинъ*—по 15-е января 1894 года; лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Хонякевичъ*—на 28 дней и зимнее вакаціонное время 1893—1894 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ князь *Дибичи* и почетный попечитель Ришельевской гимназіи *Маврокордато*—на 4 мѣсяца.

Оставленъ за штатомъ, доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, титулярный совѣтникъ *Ростовцевъ*, съ 17-го апрѣля 1893 года, по случаю преобразованія сего института.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству кандидаты Императорскихъ университетовъ: св. Владимира *Гребенниковъ* и С.-Петербургскаго—*Флоринскій* и окончившій курсъ въ семъ же университетѣ съ дипломомъ первой степени *Янковичъ*, по случаю опредѣленія: перваго—секретаремъ при директорѣ департамента неокладныхъ сборовъ, съ 6-го октября и втораго—преподавателемъ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, съ 1-го августа и третьяго—по случаю назначенія помощникомъ классныхъ наставниковъ Рижской гимназіи Императора Николая I, съ 25-го сентября 1893 года.

Дозволено бывшему инспектору-воспитателю татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи, статскому совѣтнику *Чер-*

нявскому—носить въ отставкѣ мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Уволены отъ службы: директоръ нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*, за выслугою срока, съ 26-го октября 1893 г.; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Бородинъ*, съ 20-го сентября; директоры реальныхъ училищъ: Николаевскаго Александровскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Таратынъ*, съ 3-го ноября и Саратовскаго Александро-Маріинскаго — статскій совѣтникъ *Германъ*, съ 7-го декабря, по болѣзни, и сотрудникъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Саитовъ*, съ 23-го ноября 1893 г., всѣ четверо, согласно прошеніямъ, съ дозволеніемъ Герману носить въ отставкѣ мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Олонецкой гимназіи *Пикину*—за полезную его дѣятельность для сей гимназіи; почетному смотрителю Батумскаго ремесленнаго училища, помощнику Кутаисскаго военнаго губернатора, генераль-маіору князю *Эристову*—за его заботы о преуспѣяніи сего училища; бывшему врачу Пловбугской учительской семинаріи, надворному совѣтнику *Слсаревскому*—за усердіе къ исполненію своихъ обязанностей; бывшему штатному смотрителю Можайскаго уѣднаго училища, коллежскому ассессору *Ладожину*—за особые его труды въ пользу сего училища; бывшей учительницѣ Казанской Маріинской женской гимназіи *Безуглой*—за ея долготѣлюю и отлично-усердную педагогическую дѣятельность; почетному смотрителю Валдайскаго городского училища, потомственному почетному гражданину *Силину* и почетному блюстителю Хотиловскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда, Вышневолоцкому второй гильдіи купцу *Болотину*—за ихъ пожертвованія въ пользу сихъ училищъ; попечительницѣ Бахмутской женской гимназіи *Станковичъ*—за ея пожертвованіе въ пользу сей прогимназіи; попечительницамъ Московскихъ женскихъ городскихъ начальныхъ училищъ: Рогожскаго 4-го—вдовѣ потомственнаго почетнаго гражданина *Алексѣевой*, Сокольническаго—дочери потомственнаго почетнаго гражданина *Боткиной*, Тверскаго 2-го—камеръ-фрейлинѣ Двора Ея Императорскаго Величества и кавалерственной дамѣ *Ермоловой* и Срѣтенскаго—дочери надворнаго

совѣтника *Островской*—за ихъ продолжительную и полезную дѣятельность на пользу народнаго образованія; Екатеринбургскому уѣздному земству, предсѣдателю попечительнаго совѣта Екатеринбургской женской гимназіи, потомственному почетному гражданину *Казанцеву*, коллежскому ассессору *Ваннншеву*, коллежскому регистратору *Дрозжилову*, потомственному почетному гражданину *Колыжникову*, торговому дому бр. *Ошурковичъ*, торговому дому бр. *Злоказовичъ*, Екатеринбургскимъ купцамъ *Дмитріеву*, *Симанову*, *Подвицеву*, *Блѣтнкову*, *Иванову* и *Атаманову*, женѣ Екатеринбургскаго купца *Дмитріевой*, Елабужскому купцу *Стахтѣеву* и женѣ его *Стахтѣевой*, женѣ Елабужскаго купца *Гирбасовой*, женѣ горнаго инженера *Умовой*, женѣ Екатеринбургскаго купца *Подвицевой*, дочери чиновника *Яюдкиной*, барону *Меллеръ-Закомельскому*, вдовѣ горнаго инженера *Мсвіусъ*, потомственной дворянкѣ *Тиме*, члену попечительнаго совѣта Екатеринбургской женской гимназіи *Ошуркову*, учительницамъ и воспитательницамъ гимназіи и пансіона при ней, а также воспитанницамъ гимназіи—за сдѣланныя ими пожертвованія на устройство церкви при упомянутой гимназіи; предсѣдателю попечительнаго совѣта Зарайской женской прогимназіи, Зарайскому городскому головѣ *Сосновскому*—за его содѣйствіе къ улучшенію и расширенію помѣщенія, занимаемаго означенною прогимназіею; директору русскаго общества пароходства и торговли дѣйствительному статскому совѣтнику *Фанъ-деръ-Флиту*—за оказываемое имъ особое вниманіе къ научнымъ требованіямъ и начинаніямъ Императорскаго Новороссійскаго университета; Верхотурскому первой гильдіи купцу *Волкову*—за его пожертвованіе Екатеринбургскому Алексѣевскому реальному училищу; Вологодскому губернскому земству—за содѣйствіе его устройству общежитія при Вологодской Маріинской женской гимназіи; женѣ преподавателя Шавельской гимназіи *Богдановой*—за пожертвованныя ею въ пользу устроенной при сей гимназіи домовоі церкви три старинныя фамиліныя иконы въ ризахъ; потомственной почетной гражданкѣ *Базановой*—за значительное пожертвованіе ея на учрежденіе стипендій ученикамъ Тюменскаго реальнаго училища; Крапивенскимъ купцамъ Дмитрію и Ивану *Окуневичъ*—за пожертвованіе въ пользу Сергіевскаго сельскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Умершіе: исключены изъ списковъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Чистовичъ*, состоявшій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, оберъ-шенкъ двора Его Импе-

раторскаго Величества, графъ *Потоцкій*, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихонравовъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Спиро*, директоры гимназій: Херсонской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кустовскій* и Бердянской—статскій совѣтникъ *Бронницкій*, почетный попечитель Харьковскаго реального училища, въ званіи камергера, князь *Голицынъ* и дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Бѣликовъ*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его сіятельствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Сочиненіе: „*Вейде и Вейкертъ*. Исполненіе чертежей для машино-строительныхъ заводовъ. Перевелъ и дополнилъ *А. Гассельблатъ* С.-Пб. 1893“,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для промышленныхъ училищъ.

— Сочиненіе *Аверкіевой*: „Общедоступное практическое руководство къ огородничеству. приуроченное къ средствамъ и устройству крестьянъ. С.-Пб. 1893“—рекомендовать для учительскихъ и учебныхъ библиотекъ учительскихъ семинарій.

— Сочиненіе: „Курсъ морскаго торговаго законовѣдѣнія для мореходныхъ классовъ. Составилъ *В. Струковъ*. С.-Пб. 1893“—рекомендовать для преподавателей законовѣдѣнія въ мореходныхъ классахъ.

— Сочиненіе профессора Харьковскаго технологическаго института *Альбицкаго*: „Коническія зубчатая колеса, ихъ теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Изданіе 2-е, передѣланное и значительно дополненное. Москва. 1893“—рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для учебныхъ библиотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книжку: „Русскіе глаголы. Составилъ *И. Пахманъ*. Вильно. 1893. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго, Виленскаго, Варшавскаго, Одесскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ.

— Книжку: „Сатиры Горация. Книга I. Латинскій текстъ съ рус-

скими примѣчаніями и со статьей о Горациѣ. Составилъ для употребленія въ гимназіяхъ *Т. Боршевскій*, преподаватель Владикавказской гимназіи. Владикавказъ. 1892—допустить какъ учебное пособие въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Сборникъ отрывковъ для перевода съ латинскаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Съ примѣчаніями и указателемъ географическихъ названій и техническихъ терминовъ. Составили *А. Владимирскій* и *И. Поливановъ*. Москва, 1893. Стр. IV+121. Цѣна 75 коп.“—одобрить какъ учебное пособие для гимназій.

— Книгу: „Классная бібліотека греческихъ и римскихъ авторовъ. Избранныя рѣчи *М. Туллія Цицерона*. Текстъ съ объясненіями *А. Ланюваго*, учителя Московской 1-й гимназіи. Выпускъ I. Рѣчи: *De imperio Сн. Помпей, pro А. Ліцініо, Archio роѣта, pro Annio Milone*. Часть первая: латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ предметовъ и собственныхъ именъ. Москва. 1893. Стр. IX+104. Цѣна 50 коп.—Часть вторая: объяснительныя примѣчанія. Москва. 1893. Стр. II+104—одобрить какъ учебное пособие для гимназій.

— Книгу: „Ариометика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Никульцевъ*, инспектирующий учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Изданіе 3-е. Москва. 1893. Стр. IV+258. Цѣна 70 коп.“—одобрить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Русская физико-математическая бібліографія. Указатель книгъ и статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Составилъ *В. В. Бобынинъ*. Томъ второй (четыре выпуска). Москва. 1889—1893. Стр. 107+159+161+271. Цѣна за всѣ четыре выпуска 6 руб. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ сравнительной географіи для шестаго класса реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, исправленное. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 1888 г., *И. П. Матченко*. Кіевъ. 1893. Стр. 202. Цѣна 1 руб.“—допустить какъ учебное руководство для VI класса реальныхъ училищъ и одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Карта Палестины, обработанная *І. Фишеромъ* и *Г. Гуте*, въ масштабѣ 1.700.000. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества: Съ приложеніями. 1893. Цѣна

карты 1 руб., а приложеніе къ ней 50 коп.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— „Рельефную карту Кавказа, изготовляемую лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго баталіона поручикомъ *Мецъ* въ 40-верстномъ масштабѣ“—рекомендовать для среднихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, если послѣдующіе экземпляры не будутъ уступать въ достоинствѣ экземпляру, представленному на разсмотрѣніе ученаго комитета.

— Книгу: „Исповѣдь Песталоцци. Переводъ *Константина Воскресенскаго*. Рига. 1893. Стр. 216“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Журналъ: *Дѣтское Чтеніе* за 1892 и 1893 годы—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Казанскаго учебнаго округа, 8-го сентября 1893 года послѣдовало открытіе въ г. Царевѣ, Астраханской губерніи, двухкласснаго городского училища по положенію 31-го мая 1872 года, взаи́мъ существовавшаго тамъ приходскаго училища.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 4-го минувшаго поября въ д. Ефремкиной, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губерніи открыто, при 36-ти учащихся, начальное инородческое училище для чувашъ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 28-го ноября минувшаго года въ г. Златоустѣ, Уфимской губерніи, состоялось открытіе двухкласснаго женскаго училища, преобразованнаго изъ однокласснаго заводскаго женскаго, при чемъ въ IV отдѣленіе училища поступило 20 ученицъ, а во всемъ училищѣ состоитъ 131 ученица.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе должно быть представлено на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ не позже 1-го января 1895 года, при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля того же года.

Пользуясь правомъ, предоставленнымъ Обществу жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія двѣ темы:

1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

Премія можетъ быть выдана и въ половинномъ размѣрѣ.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются отски.

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся и еще двѣ преміи: первая имени Дмитрія Махсимовича Княжевича, на проценты съ капитала въ 2000 р. въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1894 г., за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая—Одесской Городской Думы—безсрочная въ 500 р. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХЪ ВЪ ПОКОРЕНИИ СИБИРИ ¹⁾.

(Новый пересмотръ сибирскаго вопроса).

Выслушаемъ теперь ту горькую правду про Строгановыхъ, которую повѣдалъ царю его великопермскій воевода Пелепелицынъ въ челобитной 1582 года и которой не скрылъ отъ потомства неизвѣстный составитель Строгановской лѣтописи, къ его собственной чести. Грамота, бывшая результатомъ этой челобитной, писана только на имя Максима и Никиты Строгановыхъ, что я объясняю тѣмъ, что Семень Аникіевичъ въ 1582 г. (въ январѣ или февралѣ) переселился въ Сольвычегодскъ, куда и посланъ былъ ему особый списокъ той же опальной грамоты. Тамъ, въ Сольвычегодскѣ, Семень Аникіевичъ и скончался 22 октябрю 1587 г. ²⁾ Грамота скрѣплена черной восковой печатью и подписями царя Ивана Васильевича и дьяка Андрея Щелкалова. Подлинная грамота на имя Максима и Никиты хранится въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ, а экземпляръ Семена Аникіевича, кажется, утраченъ.

Челобитная Пелепелицына передана въ грамотѣ въ такихъ словахъ: „писалъ къ намъ изъ Перміи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи воевать вотяки (не было ли въ челобитной слова остяки?) и вогуличей и Пелымскія и Сибирскія мѣста сен-

¹⁾ *Окончаніе*. См. январскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ „Пермская старина“, IV, 67, и родословная таблица во II вып., стр. 70. „Опальную“ грамоту отъ 16 ноября 1582 г. см. у *Миллера*, стр. 145 -- 147, также въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ“, I, 184—185, въ „Пермской лѣтописи“ *Шшонка*, I, 100—101, и въ Строгановской лѣтописи, изданной *Спаскимъ* въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* 1821 г. и отдѣльно (С.-Иб., 1821 г.).

тября въ 1-й день, а въ тотъ же день ¹⁾ собрався Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ. и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людямъ починили, и то сдѣлалось вашею измѣною: вы вогуличъ и вотяковъ (остяковъ) и пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ ²⁾, а волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ, наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали ³⁾, и Ардобазарцовъ грабили и побивали и нашимъ людямъ многіе грабежи и убытки чинили; и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сдѣлали съ вами выѣстъ потому-жъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали; въ который день къ Перми къ Чердыни приходили вогуличи сентября въ 1 день, а въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Курмакъ съ товарищи пошли воевать вогуличи. а Пермь ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною... Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно сказано, что походъ начался отъ Чердыни, гдѣ вогуличи были въ самый день выступления казаковъ изъ Чусовскаго городка; но какъ могли въ городкѣ на Чусовой знать, что въ тотъ же день дѣлалось въ Чердыни за 400 верстъ? Строгановы, конечно, не предвидѣли столь скорого нападенія на Пермь неприятелей, иначе они задержали бы казаковъ, потому что сами остались почти беззащитны. Пеленелицынъ, очевидно, былъ недоволенъ тѣмъ, что Строгановы не предупредили его своевременно объ отправленіи войска въ Сибирь. Само собою разумѣется, что ему не могъ нравиться образъ дѣйствій Строгановыхъ по отношенію къ казакамъ, какъ противозаконный; онъ не могъ не знать объ этомъ темномъ дѣлѣ, но не могъ, повидимому, и донести о немъ царю, пока въ

¹⁾ Совершенно не согласны съ толкованіемъ этой точной даты у Иловайскаго въ примѣч. 70 къ III т. его „Исторіи Россіи“, стр. 661. *На самомъ дѣлѣ все было именно такъ, какъ говоритъ грамота.*

²⁾ Очень важное доказательство, что *Пелымскій князь Кихакъ дѣйствовалъ съ вѣдома Кучума, какъ его вассалъ.* Потому-то онъ и не боялся оставить свое княжество на Пелымѣ въ виду скорого прибытія казаковъ въ Сибирь. Безопасность его владѣній была гарантирована Кучумомъ.

³⁾ Фактическія доказательства справедливости этихъ словъ можно найдти въ изслѣдованіи *Перетятковича*: „Новолжье въ XV и XVI вѣкахъ“, Москва, 1877 г., глава VI, 283, 304 и мн. др.

Чердынн сидѣль князь Елецкій, кажется, сильно благоволившій богатымъ солеварамъ изъ своихъ выгодъ. Но какъ только послѣдній оставилъ Пермь Великую, и послѣдняя была окончательно замирена, Пелепелицынъ тотчасъ сообщилъ въ Москву о всемъ „безъ утайки“. Это сообщеніе сдѣлано было лѣтомъ 1582 года, а грамота написана была 16 ноября.

Достопамятная грамота, повторяющая челобитную Пелепелицына, устами царя повелѣвала Максиму и Никитѣ Строгановымъ и мѣстнымъ властямъ немедленно принять слѣдующія мѣры для защиты Перми Великой: „И мы послали въ Пермь Воица Оничкова, а вельми тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взявъ отвести въ Пермь (то-есть въ Чердынъ) и въ Усолье въ Кимское и тутъ имъ стоять раздѣляся. и изъ тѣхъ мѣсть на Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходити воевать вельми есмь тѣмъ вѣсьмъ казакомъ и пермичамъ и вятчанамъ съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ“. Подчеркнутыя слова дѣлаютъ очевидными для насъ два обстоятельства: во-первыхъ, ходить на Пелымскаго князя вѣльно было изъ Чердынн на нартахъ тою же сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ, по которой пришелъ на Пермь самъ Кихекъ въ сентябрѣ 1581 года; во-вторыхъ, въ Москвѣ въ ноябрѣ 1582 года ничего не знали о предпріятіяхъ казаковъ, которые были уже за Ураломъ, въ Тюмени, на такомъ разстояніи отъ Перми, что немедленно вернуть ихъ въ Пермь не было никакой возможности. Далѣе грамота предписывала Строгановымъ: „А вы бѣ обсылаяся въ Чердынъ съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать вогуличъ и отяковъ (остяковъ), а одилично бѣ естя по сей нашей грамотѣ казаконъ вѣсѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли. послали ихъ въ Чердынъ тотчасъ и у себя ихъ не держали“. Исно, что въ Москвѣ походъ казаковъ считали обыкновеннымъ набѣгомъ на сосѣдей Перми, который можно было тотчасъ остановить, и не подозрѣвали, что за Ураломъ эти казаки уже вели настоящую войну съ старымъ врагомъ Москвы—Кучумомъ, что отступаться отъ такого дѣла имъ было уже немисливо. Изъ челобитной Пелепелицына нельзя было усмотрѣть ничего подобнаго, да, вѣроятно, онъ и самъ не зналъ, что казаки уже были такъ далеко отъ Перми; это знали только Строгановы. „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь,—грозитъ далѣе грамота Максиму и Никитѣ,—волжскихъ казаконъ атамана Ермака Тимоеева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣсть не учнете оберегати. и такую вашу измѣною, что падъ Пермскими мѣсты учинитца отъ вогуличъ и отъ нелымцовъ и отъ Ся-

бирскаго салтана людей впередъ, и намъ въ томъ на васъ опала: своя положить большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати⁴. Разъ все это сдѣлано было безъ царскаго указа, правительству нельзя было поступить иначе какъ со Строгановыми, такъ и съ казаками. Строгановы не исполнили, не могли уже исполнить повелѣніе царя, при всемъ желаніи ихъ, и, слѣдовательно, оказались въ большой опалѣ у царя, а Ермакъ и прочіе казаки подлежали смертной казни чрезъ повѣшеніе. Страхъ этой-то казни и побудилъ затѣмъ Ермака съ товарищами бить челомъ непосредственно царю, царствомъ Сибирскимъ, въ надеждѣ заслужить прощеніе. Очевидно, люди Строгановыхъ не замедлили сообщить Ермаку гнѣвную грамоту царя, о которой иначе казаки не могли бы знать, — новое доказательство связи Строгановыхъ съ дружиною Ермака.

Отъ Перми Великой и Строгановыхъ перейдемъ къ Ермаку и послѣдуемъ за его дружиной. Мы знаемъ, что она выступила изъ Нижняго Чусовскаго городка (нынѣ село Пермскаго уѣзда того же названія) 1-го сентября 1581 года. Въ отрядѣ Ермака было 540 человекъ вольныхъ казаковъ, пришедшихъ съ Волги, къ которымъ Строгановы, по условію съ Ермакомъ, присоединили еще своихъ воинскихъ людей. Сколько же было послѣднихъ? По Строгановской лѣтописи 300 человекъ, но такое количество представляется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что по писцовой книгѣ Яхонтова 1579 г. все населеніе Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ едва превышало 400 человекъ мужскаго пола. Очевидно, Строгановская лѣтопись въ данномъ случаѣ допускаетъ такую же ошибку, какихъ не мало дѣлаютъ въ разныхъ мѣстахъ Есиповъ и Ремезовъ. Такъ, сообщеніе Ремезова, будто у Ермака было отъ 5 до 7 тысячъ человекъ, представляется совершеннымъ абсурдомъ уже потому только, что Кихекъ съ 700 человекъ такъ страшно разгромилъ Пермь Великую¹⁾. Нужно помнить, что тогдашнія оборонительныя средства городовъ были ничтожны сравнительно съ нынѣшними. Положимъ, Кихекъ, проходя чрезъ Пермь Великую, получалъ подкрѣпленія отъ жившихъ въ ней и по сосѣдству инородцевъ, но изъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ 1579 г., содержаніе которыхъ мы анализи-

¹⁾ Удивляемся, что *Миллеръ* (стр. 95—96) защищаетъ именно показаніе Ремезова. *Карамзинъ*, *Соловьевъ*, *Иловайскій* принимаютъ показаніе Строгановской лѣтописи.

ровали въ III и IV выпускахъ „Пермской Старины“, мы узнаемъ, что все тяглое мужское населеніе Пермь Великой какъ русское, такъ и инородческое въ 1579 г. доходило только до 2.500 человекъ. Въ знаменитомъ „Югорскомъ“ походѣ 1499—1500 гг. участвовало до 4.000 человекъ, но этотъ походъ былъ снаряженъ Московскимъ правительствомъ и имѣлъ цѣлью покореніе всѣхъ Угорскихъ земель какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала, и простирался даже въ сѣверныя части Сибири. Походъ же въ Сибирь 1581 г. былъ предпринятъ по частному почину, безъ вѣдома правительства, совсѣмъ иначе былъ обставленъ и уже потому не могъ располагать силами въ нѣсколько тысячъ человекъ. И еслибы казаки въ числѣ до 6.000 самовольно вторгнулись въ вотчины Строгановыхъ, лежавшія по Камѣ и Чусовой, то мыслимо ли, чтобы великопермскій намѣстникъ князь Елецкій не донесъ въ Москву объ этомъ вторженіи немедленно? Однако этого не было сдѣлано съ его стороны. На основаніи всѣхъ высказанныхъ соображеній, мы признаемъ весьма правдоподобнымъ показаніе Строгановской лѣтописи, что съ Ермакомъ выступило въ походъ 540 казаковъ; но подкрѣпленіе со стороны Строгановыхъ не могло быть до 300 человекъ. Гораздо вѣроятнѣе показаніе неизвѣстнаго составителя „Сказанія Сибирской земли“, что Ермакъ, убоившись преслѣдованія царскихъ воеводъ на Волгѣ, „съ товарищи 500 человекъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже къ вотчинѣ Строганову (конечно, по предложенію послѣдняго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Строгановъ не могъ бы допустить Ермака въ свои вотчины и, при недостаткѣ своихъ силъ для этого, просилъ бы содѣйствія государева намѣстника) и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чусовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ вольно изъ вогуличъ Пелымской князь во многомъ собраніи“ (о приходѣ Ермака не сказано, что онъ пришелъ „вольно“). Тутъ несомнѣнно разумѣется набѣгъ Бегбелія съ 680 чел. на Чусовскіе городки, послѣдовавшій по тогдашнему численію 22-го іюля 1580 г. Задумавъ далѣе походъ въ Сибирь, „Максимъ Строгановъ повелѣ Ермаку изъ вотчины своей людей имать охотниковъ, елико похотятъ; онъ же набравъ тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человекъ, всего собралъ себѣ 654 чел. и назвался казаками“. Это число охотниковъ идти въ Сибирь съ Ермакомъ не противорѣчитъ количеству тогдашняго населенія въ вотчинахъ Строгановыхъ и можетъ быть принято за самое вѣроятное. Всѣ эти охочіе Строгановскіе люди изъ Пермскихъ вотчинъ также

приняли названіе казаковъ, подъ которымъ ихъ всѣ и знали въ Сибири, не различая отъ настоящихъ волжскихъ казаковъ.

Переходимъ къ вопросу о пути Ермаковой дружины въ Сибирь; рѣшеніе его связано съ другимъ болѣе важнымъ вопросомъ о западной границѣ тогдашней Сибири. Изъ Строгановской лѣтописи мы знаемъ, что казаки пробыли у Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца, прибывъ къ нимъ 28-го іюня 1579 г. согласно пригласительному письму ихъ отъ 6-го апрѣля сего года. Но если такъ, то здѣсь надо поставить, вопреки этой лѣтописи, 1578 годъ ¹⁾. Издаваемое нами „Сказаніе Сибирской земли“ замѣчаетъ довольно неопредѣленно, что Ермакъ у Строгановыхъ „пробыть нѣсколько время“. Есиновъ не дѣлаетъ никакой оговорки объ остановкѣ казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ. Ремезовъ говоритъ, что Ермакъ изъ Камы пошелъ въ Чусовую и, не зная мѣстности, по ошибкѣ повернулъ въ ея притокъ Сылву, гдѣ зазимовалъ, занявшись во время зимовки разбоемъ среди мѣстныхъ жителей и даже вогуловъ, обитавшихъ за Ураломъ: „и по за Камени вогуличи воевали и обогатѣли, и хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“ ²⁾. Какъ же согласить всѣ эти извѣстія? Если не считать очевидныхъ несообразностей въ хронологіи Ремезова, то между всѣми этими извѣстіями не трудно усмотрѣть нѣкоторое согласіе, при чемъ мѣстная Строгановская лѣтопись, составленная въ Пермѣ Великой, опять даетъ намъ наиболѣе вѣроятныя свѣдѣнія о появленіи и пребываніи казаковъ въ Пермскомъ краѣ съ іюня 1578 г. до сентября 1581 г. Мы привели уже не разъ изъ нея то мѣсто, гдѣ говорится о буйствѣ казаковъ за это время среди инородцевъ, объ умысленныхъ „задираніяхъ“ съ ними, послѣдствіемъ которыхъ было два набѣга на вотчины Строгановыхъ въ 1580 г. — 22-го іюли мурзы Бегбелія и 1-го сентября 1581 г. грознаго Кихека, о коихъ подробно и говоритъ та же Строгановская лѣтопись. Если казаки, по словамъ Ремезова, воевали съ вогулами даже „по за Камени“ еще до начала главнаго сибирскаго похода, то оба эти набѣга являются вполне понятнымъ явленіемъ. Видно, что казаки предварительно „провѣдывали пути“ въ Сибирь, въ виду предстоявшаго большаго похода, подобно тому, какъ Маметкулъ въ 1573 г. „провѣдывалъ дорогъ“ изъ Сибири въ Пермь Великую. Идти въ Сибирь извѣстною сѣвер-

¹⁾ Нападеніе Бегбелія Строгановская лѣтопись также неправильно относитъ къ 1581 г., тогда какъ оно несомнѣнно было въ концѣ 1580 г. по тогдашнему счисленію времени.

²⁾ „Пермская Старина“, IV, 36.

ною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ на Тавду казакамъ не представлялось возможности, потому что на этомъ пути находилась Тахтанская волость, или Тахчен, которая еще раньше перешла на сторону Кучума. Этотъ путь, слѣдовательно, былъ закрытъ, и потому приходилось разузнавать другіе болѣе южные пути въ царство Кучумово. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Ремезова о предварительномъ разузнаваніи казаками путей, хотя и упущенное изъ вида всѣми прежними изслѣдователями вопроса, имѣетъ важное значеніе, показывая, во первыхъ, что казаки провели нѣсколько времени у Строгановыхъ, прежде чѣмъ пошли на Кучума, что они имѣли здѣсь приготовленія къ походу съ помощію Строгановыхъ, а не прямо прошли съ Камы въ Сибирь, какъ пишетъ Есиповъ; и, во вторыхъ, что они въ 1581 г. шли въ Сибирь по отчасти извѣстному имъ краю, чѣмъ и объясняются удачи Ермака въ этомъ походѣ, не смотря на ограниченность его войска (654 чел.). Доказательствомъ довольно продолжительнаго пребыванія Ермака на Уралѣ служитъ и прочная память о немъ здѣсь, сохраняющаяся доселѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей. Мы уже сказали, что на р. Сылвѣ выше села Тохтарева доселѣ существуетъ деревня „Хуторы Ермаковы“ ¹⁾. На дальнѣйшемъ историческомъ пути Ермака доселѣ встрѣчаемъ: Ермаково городище—мысъ при впаденіи рѣчки Кокуя въ р. Серебрянку, притокъ Чусовой въ Кушгурскомъ уѣздѣ; другое Ермаково городище на р. Тагилѣ, въ 16 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода, на лѣвомъ берегу, и въ 4 верстахъ ниже впаденія съ Тагилѣ рѣчки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки; рѣчка Ермаковка, незначительный притокъ Чусовой, и на ней Ермаковскій рудникъ въ дачѣ Серебрянскаго завода; наконецъ, Ермаковъ Камень на правомъ берегу Чусовой, въ 34 верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки, и пониже камня—отмель на р. Чусовой, называемая Ермаковъ переборъ, то-есть, перекалъ ²⁾. Въ разныхъ мѣстахъ Пермской губерніи есть еще до 20 деревень подъ названіями: „Ермаки“, „Ермакова“,

¹⁾ *Миллеръ*, держась лѣтописи Ремезова, замѣчаетъ, что Ермакъ по ошибкѣ зашелъ въ р. Сылву. „То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ *Ермаково городище*“ (стр. 97). Но гдѣ именно оно, мы все-таки не знаемъ. Нынѣ у села Тохтарева есть только „Хуторы Ермаковы“.

²⁾ Всѣ эти географическія свѣдѣнія заимствую изъ „Географическаго словаря Пермской губ.“, *Н. К. Чулина*, стр. 481 — 486. Замѣтка Калашникова въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1881 г., сентябрь, стр. 210 — 212, есть сплошной плагиатъ этого мѣста словаря Чулина, безъ ссылки на настоящаго автора.

„Ермаковка“, „Ермачата“, въ Тобольской губ. 5 поселеній съ подобными названіями, тогда какъ въ Уфимской и Оренбургской — ни одного ¹⁾). Въ Пермскомъ уѣздѣ есть и село Кольцово въ 28 верстахъ отъ Перми по Сибирскому тракту, нѣсколько влѣво отъ него, по дорогѣ въ село Насадку, что на р. Сылвѣ. Это небольшое село возникло изъ старинной деревушки того же имени. Такимъ образомъ память о завоевателяхъ Сибири доселѣ жива въ Пермскомъ краѣ; если не всѣ мѣста, то расположенныя по пути Ермака сомнѣныя ему урощица несомнѣнно обязаны ему своими наименованіями, чего не могло бы быть, еслибы Ермакъ только прошелъ чрезъ Пермскій край, а не прожилъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, какъ и было въ дѣйствительности.

Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій съ приведенными географическими названіями не трудно опредѣлить и самый путь, по которому дружина Ермака слѣдовала въ Сибирь. И въ этомъ отношеніи мѣстная Строгановская лѣтопись даетъ наиболѣе полныя свѣдѣнія, которыхъ не могло быть у далекихъ Тобольскихъ лѣтописцевъ по весьма понятной причинѣ: великопермскій бытописатель гораздо лучше зналъ географію Приуралья и всѣ обстоятельства движенія казаковъ въ Сибирь. Съ момента же вступленія Ермака въ Сибирь, дальнѣйшія подробности похода онъ не могъ знать столь подробно, по отдаленности мѣста событій, почему свидѣтельства Ремезова и отчасти Есипова получаютъ преобладающее значеніе въ сообщеніи многихъ фактовъ.

Движеніе Ермаковой дружины было таково. Казаки отравились 1-го сентября 1581 г. изъ Нижняго Чусовскаго городка вверхъ по Чусовой, по которой поднялись до Ермакова Камня при устьѣ рѣчки Ермаковки, гдѣ была сдѣлана первая остановка. Эта рѣчка и камень-скала получили названіе несомнѣнно отъ имени главнаго атамана казаковъ. Отсюда главная сила Ермака и самъ онъ поплыли къ устью Серебрянки, а другая часть дружины проплыла по Чусовой еще выше до рѣки Межевой Утки, вѣроятно, съ цѣлью разузнать дальнѣйшіе пути и мѣстѣ поселенія вогуловъ; но путь съ верховьями Утки оказался непроходимъ, казаки должны были вернуться къ устью Серебрянки ²⁾ или къ становищу у Ермака-Камня, если главный отрядъ еще не оставилъ его, и затѣмъ вся дружина стала под-

¹⁾ См. „Списки населенныхъ мѣстъ“ этихъ губерній.

²⁾ Это видно изъ статьи 6-й лѣтописи Ремезова.

ниматься вверхъ по Серебрянкѣ. достигнувъ ко времени замерзанія рѣки устья ея лѣваго притока Кокуя. Здѣсь на высококомъ мысу Ермакъ заложилъ Кокуй-городокъ („городокъ“ на Чусовой. откуда вышли казаки, также назывался по рѣкѣ) для защиты себя во время зимовки. Съ того времени это урочище получило названіе „Ермакова городища“ (нынѣ въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Могло быть и такъ, что направившійся по Межевой Уткѣ отрядъ казаковъ поднялся прямо къ верховьямъ этой рѣки, очень близко подходящимъ къ истокамъ Кокуя, спустился по Кокую до его устья и здѣсь соединился съ остальною дружиною. Но въ самыхъ верховьяхъ рѣчки Кокуй и Межевая Утка не судоходны. почему это предположеніе имѣетъ менѣе вѣроятія. Весною 1582 г., а по сентябрьскому численію того же 1581 г., Ермакъ съ казаками перетацилъ свое имущество и суда чрезъ 25-ти-верстный волокъ на рѣчку Жаравликъ, правый притокъ Баранчи, нынѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, и, идя берегомъ Жаравлика. достигъ рѣчки Баранчи. построилъ здѣсь плоты или суда, на которыхъ поплылъ внизъ по Баранчѣ въ рѣку Тагилъ и послѣднимъ—въ рѣку Туру, гдѣ начиналось уже Сибирское царство. Приведемъ наиболѣе обстоятельное свидѣтельство Строгановской лѣтописи объ этомъ движеніи казацкой рати. „И казаки идоша по Чусовой рѣкѣ вверхъ до усть Серебряныя рѣки 4 дни и по Серебряной рѣкѣ идоша 2 дни и доиде Сибирской дороги и при ней городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ-Кокуй-городокъ. И съ того мѣста перевезеся 25 поприщъ за волокъ на рѣку. рекомую Жаравль, и по той рѣцѣ поидоша внизъ и вышедъ на Туру рѣку; ту бѣ и Сибирская страна“¹⁾. О развѣдкахъ по Межевой Уткѣ и въ другихъ мѣстахъ извѣстія находимъ у Ремезова. Въ довольно достоверномъ „Сказаніи Сибирской земли“ читаемъ: „И отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебрянкѣ вверхъ. Они же доидоша до оной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Пѣтухъ (sic!) и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды“. Относительно

¹⁾ Изъ имѣющейся у меня рукописи Строгановской лѣтописи. Ср. у Карамзина стр. 386 и примѣч. 676 къ IX т. „Исторіи“ его. Сообщеніе этой лѣтописи, что казаки вступили въ Сибирскую землю 9-го сентября того же года, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что съ этого числа дружина остановилась на зимовку за предѣлами Пермь Великой для развѣдокъ дальнѣйшаго пути, въ который Ермакъ выступилъ лишь весною.

лѣта зиньки казаковъ тутъ доумена очевидная ошибка, но о самой зинькѣ доелѣ сохранились на Уралѣ народныя преданія. Погъ упомянутой въ Строгановской лѣтописи „Сибирской дороговъ“ нужно разуть въжную дорогу изъ Сибири въ Ногайскую орду, между которыми существовали постоянныя сношенія ¹⁾. Этою дороговъ пользовались только инородцы, особенно сибирскіе татары, вогульц. остяки и ногаи; русское же правительство ея не признавало.

Мы дошли до вопроса: гдѣ же начиналась тогда Сибирь? гдѣ шла ея западная граница? Сѣверную границу этой страны для XV вѣка мы опредѣлили по источникамъ въ V выпускѣ „Пермской Старины“. Тамъ мы пришли къ заключенію, что эта граница шла приблизительно по 58° сѣв. широты, къ сѣверу отъ котораго лежала земля Югорская въ широкомъ смыслѣ, а къ югу Сибирь, при чемъ на нижнемъ теченіи Туры и Тавды вогульскія поселенія встрѣчались съ татарскими. Вся Конда, Иртышъ ниже устья Тобола, его правыя притоки Туртасъ и Демьянка и лѣвыя притоки Оби Юганъ и Вась-Юганъ составляли еще Угорскую область. Такъ было во времена Тайбугиной династіи въ Сибири. Съ паденіемъ ея и воцареніемъ грознаго Кучума, сѣверныя предѣлы Сибири къ концу XVI вѣка значительно раздвинулись. Мы видѣли, что вся Тавда, Пелымъ были подвластны Кучуму, и князья пелымскіе изъ вогульц, сохраняя нѣкоторую автономію, дѣйствовали, однако, подъ его знаменемъ; Тахчен и Конда, притокъ Иртыша, были ему подвластны, и только татарскія княжества по Турѣ—Епанча и Чинги-Тура, то-есть, Туринскъ и Тюмень по русскому наименованію, въ то время не признавали, по-видимому, власти Кучума, жившаго въ Искерѣ. Но если не считать подручныхъ, союзныхъ Кучуму княжествъ вогульскихъ и татарскихъ, то собственныя его владѣнія были не велики. Объ этомъ справедливо говорить П. А. Словцовъ: „Ландкарта Кучумовой Сибири или ханства Иртышскаго ограничивалась (вскорѣ по овладѣніи Искеромъ) къ сѣверу рѣчкою Демьянкою, въ Иртышъ впадающею, къ востоку юртами Вагайскими, къ югу холмомъ Атбашскимъ, гдѣ послѣ 1633 года былъ нашъ острогъ, къ юго-западу устьемъ Туры, къ западу устьемъ Тавды. Далѣе-жъ сихъ предѣловъ кочевали союзники малозависимые или независимые: остяцкіе князцы, барабинцы, киргизъ-кайсаки, ногаи, туралинцы Чингидинскаго улуса (то-есть, тюменскіе

¹⁾ Выше было упомянуто, что сынъ Кучума Алей въ 1677 г. женился на ногайской царевнѣ, дочери Тинъ-Ахмата.

татары), князцы вогульскіе, енапчицкой и пельнской" ¹⁾. Каранзинъ считалъ Туру западною границею Сибири на основаніи приведенной выше оговорки Строгановской лѣтописи: „и вышедъ (Ермакъ) на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна" ²⁾. Но для рѣшенія вопроса о границахъ Сибири въ XVI вѣкѣ случайной лѣтописной замѣтки, конечно, еще недостаточно.

Въ первый разъ слово Сибирь, какъ названіе города, упоминается на картѣ Франциска и Доминика Пицигани 1367 г. и во второй—на картѣ фра-Мауро, 1459 г. ³⁾. (Слѣдовательно, во время перваго, достоверно извѣстнаго изъ IV Новгородской лѣтописи, зауральскаго похода 1364 г. на рѣку Обь новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы слово „Сибирь" уже было въ употребленіи. При описаніи похода 1483 г. Архангелогородскій лѣтописецъ довольно опредѣленно упоминаетъ Сибирскую землю: „пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю,... а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи... въ Югорскую землю". О важности этихъ указаній мы говорили въ V выпускѣ нашей „Пермской Старины", указавъ при этомъ и сѣверную границу Сибири того времени. Въ 1484 г. тою же лѣтописью упоминается древнѣйшій „сибирскій князь Лятикъ" (см. тамъ же). Подъ 1505 г. одна лѣтопись говоритъ: „рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени, Кулукъ-Салтанъ"... (см. начало настоящей статьи). Въ составленной около того же времени великопермской уставной грамотѣ уже опредѣленно указывается на торговля отношенія между Пермью Великою и волокомъ Тюменскимъ ⁴⁾. На картѣ Антона Вида, составленной между 1537—1544 гг., но изданной въ 1555 г., указаны: города Sibir, Tumen, и страны Abdori, Kondori, Wilki Perim ⁵⁾. Дальнѣйшія упоминанія тѣхъ же названій мы встрѣчаемъ на картахъ: Мюнстера 1544 г., Герберштейна 1549 и 1556 гг., Дженкинсона 1562 г., голландца Баренца 1598 г., Исаака Массы 1609 г., Гесселя Герарда 1614 г. и, нако-

¹⁾ *Словцовъ*, „Историч. обзор. Сибири", ч. 1, С. 116., 1886 г., XVIII.

²⁾ „Истор. Госуд. Россійск.", IX, 385, и примѣч. 675 къ нему.

³⁾ „Пермская Старина", II, 3. Проф. *Амучинъ* неправильно считаетъ первымъ упоминаніемъ слова Сибирь въ 1459 г. См. его статью въ „Древностяхъ Моск. Археологич. Общ.", т. XIV, Москва, 1890 г., стр. 245: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака".

⁴⁾ „Пермская Старина", I, 192.

⁵⁾ *Д. Н. Амучинъ*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака" въ „Древностяхъ Московск. Археолог. Общ.", т. XIV, 276—277.

нецъ, на русскихъ чертежахъ XVI вѣка ¹⁾). Такимъ образомъ еще до покоренія Сибири русскими слово Сибирь и другіе, относящіяся къ ней, наиболѣе важные географическіе термины можно прослѣдить по древнимъ картамъ и лѣтописямъ на протяженіи, по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиной столѣтій. Сопоставляя показанія этихъ картъ съ извѣстіями всѣхъ сохранившихся письменныхъ источниковъ XIV—XVI вѣковъ, особенно лѣтописей, грамотъ и челобитныхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи слова Сибирь въ XVI вѣкѣ.

Сибирь на Иртышѣ и Тюмень на Турѣ, Сибирь на востокѣ и Тюмень на западѣ въ глазахъ русскихъ и всѣхъ европейцевъ, по крайней мѣрѣ, съ XIV вѣка составляли два отдѣльныя княжескія владѣнія, изъ коихъ Сибирь возвышается на степень ханства, то-есть, царства, только съ появленіемъ въ ней Кучума, представителя дома Шейбанидовъ, но въ географическомъ смыслѣ оба владѣнія всегда составляли одну страну Сибирь. Эти два отдѣльныя владѣнія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ногайскою ордою, и ногаи въ лѣтописяхъ и грамотахъ сибирскихъ упоминаются нерѣдко. Связи Сибири и Тюмени съ ногаями была такъ близка, что иногда и сибирскіе татары назывались ногайскими. Это можно объяснить какъ одинаковымъ тюркскимъ происхожденіемъ тѣхъ и другихъ татаръ, такъ въ особенности ногайскимъ происхожденіемъ Онсона и Тайбуги и ихъ дальнѣйшихъ потомковъ. Вѣдь не смѣшивались же сибирскіе татары, на примѣръ, съ казанскими. Резиденція Тайбугиной династіи неоднократно переносилась изъ Сибири въ Тюмень и обратно, и когда со времени Махмета въ концѣ XV вѣка она перемѣстилась въ Сибирь, то въ Тюмени сидѣли особыя князья или беки подъ гегемоніей Сибири. Извѣстный данникъ Москвы Едигеръ самъ едва ли не жилъ въ Чинги-Турѣ (татарское названіе Тюмени), побуждаемый къ тому политическими обстоятельствами своего времени, а въ Сибири соправительствовавъ его родной братъ Бекбулатъ. Если это такъ, то предположеніе П. А. Словцова о мѣстѣ Едигерова юрта, встрѣченное учеными недовѣрчиво, получаетъ значительную долю вѣроятности. „Пространство земли, — говорилъ онъ, — называвшееся Сибирьскъ Ёдигера, не далеко лежало отъ главнаго Ногайскаго юрта, и едва ли юртъ Сибирской не

¹⁾ О всѣхъ поименованныхъ картахъ см. тѣ же сочиненія гг. *Замисловскаго* и *Анучина*, изъ коихъ послѣдній приводитъ въ своей работѣ и факсимиле многихъ картъ. Для географіи Сибири XVII вѣка очень важно изданіе *Г. В. Юдина*: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“, Москва, 1890 г., подъ редакціей *А. А. Титова*.

стоялъ между Исети и Міяса, при озеряхъ Иртышѣ и двухъ Нанягахъ, гдѣ на южномъ берегу одного изъ озеръ видѣнъ курганъ изъ полевого шпата съ древнимъ укрѣпленіемъ и ровомъ“... ¹⁾). Курганъ при озерѣ Большомъ Нанягѣ въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда былъ принадлежностью гораздо болѣе древнихъ насельниковъ этихъ мѣстъ, что доказывается его эпитетомъ „Чудской“, о которомъ свидѣтельствуется Палласъ, сдѣлавшій весьма подробное описаніе кургана ²⁾). Но мысль Соловцова, что Едигерь жилъ не на Иртышѣ, а западнѣе, сама по себѣ вѣрна. Я увѣренъ, что резиденціей его была Тюмень, или по-татарски Чинги-Тура, гдѣ нѣкогда жилъ и самъ родоначальникъ его династіи — Тайбуга. При такомъ мѣстоположеніи Едигерова улуса Словцовъ полагалъ, что „предѣлы его на западѣ Урала могли простираяться отъ истоковъ Уфы до Утки, близъ которой, въ значеніи границы, течеть (другая) рѣчка Сибирка, падающая въ Чусовую, въ широтѣ 57° 9'“ ³⁾). Выше Словцовъ указываетъ рѣчку Сибирку на восточномъ склонѣ Урала, выше Лялинскаго спуска, въ широтѣ 59° 12' (часть I, стр. XIV), а далѣе упоминаетъ третью Сибирку въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ бассейнѣ Иртыша (ч. II, стр. 113). Итакъ, западную границу древней Сибири П. А. Словцовъ отодвигаетъ къ истокамъ р. Уфы и оттуда къ притоку Чусовой — рѣкѣ Уткѣ. Такъ какъ и послѣ покоренія Сибири указанныя мѣста въ первое время по управленію относились къ Тюмени и затѣмъ къ Верхотурью, то мы считаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ заключеніемъ почтеннаго историка Сибири. До нашего времени дошло много поземельныхъ актовъ XVII в., скрѣпленныхъ „печатью Сибирскія земли города Верхотурья“, которые захватываютъ большую часть зауральской половины нынѣшней Пермской губерніи. Слѣдовательно, почти весь этотъ обширный районъ въ XVII вѣкѣ считался Сибирью. Сѣверовосточные предѣлы поселеній ногаевъ такимъ образомъ были не особенно удалены отъ тогдашней юго-западной границы Сибири, почему между ногайскими и сибирскими татарами были возможны постоянныя сношенія, которыя и

¹⁾ „Историческое обозрѣніе Сибири“, С. Пб., 1886 г., ч. I, стр. XVI. Словцовъ основываетъ свое заключеніе на грамотѣ 30-го мая 1574 г., гдѣ нашествіе Маметкула на югъ представляется, хотя и не буквально, съ верховьевъ Тобола.

²⁾ Петръ Симонъ Палласъ, „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“, часть II, книга I-я, перев. съ нѣмецкаго Ф. Туманскаго, стр. 166—169. См. также дополненію къ „Словарю Пермской губ.“, И. К. Чупина.

³⁾ „Историческое обозрѣніе Сибири“, часть I, стр. XVI.

существовали дѣйствительно, какъ мы уже показали выше. Поэтому, надо полагать, московское правительство въ XVI вѣкѣ не хотѣло признавать дозволенной эту южную дорогу въ Сибирь, хотя она была удобнѣе сѣверной ¹⁾).

Повторимъ для ясности всѣ наши выводы относительно границъ Сибири въ XV и XVI вѣкахъ. Отъ истоковъ рѣки Уфы граница шла къ лѣвому притоку Чусовой, Верхней Уткѣ, и сосѣдней съ нею рѣчкѣ Сибиркѣ, текущей слѣва также въ Чусовую пониже этой Утки (нынѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, почти на границѣ его съ Екатеринбургскимъ). Здѣсь юго-западная граница Сибири соприкасалась съ юго-восточной границей Пермь Великой (Пермская Старина, I, 115) и IV, 124). Отсюда граница направлялась на востокъ къ истокамъ Тагила, шла параллельно правому берегу этой рѣки и умиралась въ р. Туру выше нынѣшняго Туринска, тогда именованнаго Епанчею. Изъ описанія пути казаковъ въ лѣтописяхъ ясно видно, что р. Тагиль протекала по Угорской территоріи, а Тура, отъ впаденія въ нее Тагила, составляла уже сибирское владѣніе. Далѣе на востокъ граница между Угорской и Сибирской странами шла приблизительно по 58° сѣверной широты чрезъ Тавду и Иртышъ, пересѣкая послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска. Со времени утвержденія Кучума на Иртышѣ, владѣнія его на пространствѣ отъ Туры до Иртыша вѣзались большимъ угломъ въ Угорскую территорію, при чемъ Тахченъ, — бывшая Тахтанская вогульская волость на Тавдѣ, — составили сѣверную вершину этого угла. Между тѣмъ, на встрѣчу этому тюркскому вторженію въ область угровъ, съ XV вѣка постепенно распространялась русская колонизація по направленію съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Къ востоку отъ Иртыша сѣверная граница Сибири въ XV вѣкѣ шла къ вершинамъ рѣки Васль-Югана и достигала Оби къ сѣверу отъ ея притока Кети. Съ теченіемъ времени и на этомъ пространствѣ угры постепенно были стѣсняемы съ сѣвера русскими, а съ юга татарами, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены тѣми и другими поселеніями. Болѣе или менѣе опредѣленная угорско-сибирская територіальная граница шла параллельно 58° сѣверной широты до исхода XV вѣка, послѣ чего она довольно замѣтно отодвигается къ сѣверу подъ напоромъ сибирскихъ татаръ.

¹⁾ Изъ грамоты 1574 г., жалованной Строгановымъ, мы видѣли однако, что и сѣверный путь не мѣшалъ спосылать Сибири съ враждебными Москвѣ инородцами: Кучумъ тайно посмалъ людей въ Ногаи чрезъ Тахченъ.

Съ момента вступленія Ермака въ предѣлы Сибири извѣстія лѣтописей о его дальнѣйшемъ движеніи становятся болѣе согласны между собою. Строгановскій лѣтописецъ, жившій, по всему вѣроятію, въ Перми Великой и скорѣе всего гдѣ нибудь въ вотчинахъ Строгановыхъ (въ Орлѣ или на Чусовой), потерявъ съ глазъ казацкую дружину, естественно уже не имѣлъ болѣе возможности сообщать о ней такія подробности, какія онъ зналъ за время пребыванія казаковъ въ Перми Великой. О дальнѣйшихъ событіяхъ такія подробности могли узнать со временемъ только сибирскіе лѣтописцы, жившіе, какъ извѣстно, въ Тобольскѣ. Потому-то съ этого времени преобладающимъ источникомъ свѣдѣній дѣлаются сибирскія лѣтописи, особенно Ремезовская, а великопермская (Строгановская) лѣтопись неизвѣстнаго составителя теряетъ то первостепенное значеніе, какое она несомиѣнно имѣетъ для пермскаго періода похода Ермакова; въ особенноти страдаетъ ея дальнѣйшая хронологія¹⁾ и фактическая обстоятельность изложенія. Все это намъ кажется совершенно натуральнымъ явленіемъ въ области мѣстнаго лѣтописанія, почему для безпристрастнаго изслѣдователя всѣ лѣтописи должны имѣть въ вопросѣ о походѣ Ермака свое специальное значеніе соотвѣтственно разнымъ фазамъ событія. Спокойное, вполне объективное отношеніе изслѣдователя къ каждому источнику гораздо скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ открытію исторической правды, нежели пристрастное отношеніе къ одному источнику въ ущербъ другимъ, каковое позволяютъ себѣ Небольсинъ, Адриановъ и другіе ученые.

Итакъ, со времени вступленія Ермака въ бассейнъ р. Туры мы должны слѣдить за его движеніемъ преимущественно по лѣтописи Ремезова, не забывая, однако, гдѣ нужно, и прочіихъ сибирскихъ лѣтописей. Извѣстный Миллеръ имѣлъ полное основаніе предпочесть въ этомъ случаѣ Ремезова всѣмъ другимъ сибирскимъ лѣтописцамъ. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго похода Ермака лишь косвенно относится къ нашей прямой задачѣ, то мы ограничимся въ этомъ изложеніи существенными фактами, опустивъ подробности, которыя многократно сообщались уже въ трудахъ нашихъ историковъ²⁾. Для

¹⁾ Весьма основательныя хронологическія поправки относительно Строгановской и Ремезовской лѣтописей сдѣлалъ *Д. И. Пловайскій* въ примѣчаніи 70 къ III тому своей „Исторіи Россіи“, на стр. 660—662.

²⁾ Послѣднимъ по времени обстоятельнымъ изложеніемъ этого событія служатъ статьи *Д. И. Пловайскаго*: „Ермакъ и покореніе Сибири“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1889 г., сентябрь. Отсюда эта статья дѣлкомъ вошла въ III томъ его же „Исторіи Россіи“ (М., 1890 г., глава X).

насъ особенно важно указать путь Ермака и тѣ поселенія, которыя ему встрѣтились на этомъ пути.

По Турѣ Ермакова дружина плыла до татарскаго города Епанчи, который находился повыше нынѣшняго Туринска. У Ремезова опредѣленно сказано: „...и поплыла внизъ по Тагилу маія въ 1 день (1581 г. по сентябрьскому счисленію), разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, идежѣ нынѣ Епанчинъ-Усениново стоятъ“ (статья 14) ¹⁾. Здѣсь и была первая битва русскихъ съ татарами въ предѣлахъ Сибири. Село Усениново до сихъ поръ существуетъ въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи. Въ 1750 г. Миллеръ писалъ, что „по князю Епанчѣ городъ Туринскъ и понынѣ въ просторѣчїи Епанчинъ называется“ (Опис. Сиб. царства, стр. 108). Побѣдивъ татаръ, казаки и сопровождавшіе ихъ люди Строгановыхъ 1-го августа 1581 г. „взяша градъ Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша, и многіе припасы и богатства взяша, и ту зимоваша, яко видя множество басурманскаго языка по Турѣ“ (Ремезовъ, статья 15). Изъ лѣтописей можно видѣть, что владѣвшіе Епанчиномъ и Чинги-Турою князья еще не были въ подданствѣ у Кучума. Перезимовавъ въ Тюмени, казаки весною 1582 г. (по сентябрьскому счисленію) двинулись далѣе внизъ по Турѣ, при чемъ самъ Ермакъ выступилъ изъ Тюмени только 9-го мая. Въ Тарханскомъ городкѣ, чтѣ нынѣ Тарханскіе юрты въ Тюменскомъ округѣ на р. Тоболѣ, противъ устьевъ Туры, они захватили въ плѣнъ Кучумова ясачнаго сборщика Кутугая. „Тарханской же бѣ заставной таможной Кучумовъ городокъ, а не Чингизовъ“ (Ремезовъ, статья 30). Послѣднія слова лѣтописи заслуживаютъ особеннаго вниманія: они ясно показываютъ, что собственныя владѣнія Кучума ограничивались бассейномъ Тобола, а на Турѣ лежали другія татарскія княжества, принадлежавшія потомкамъ убитаго Кучумомъ Едигера, но что эти княжества также считались по географическому положенію сибирскими наравнѣ съ собственными владѣніями Кучума. Тарханскій городокъ былъ Кучумовой таможей на границѣ съ Тюменскимъ княжествомъ, слѣдовательно, городкомъ пограничнымъ. Ремезовъ вполне подтверждаетъ такимъ образомъ мнѣніе П. А. Словцова о размѣрахъ Кучумова юрта, принятое выше и нами (юго-западную его границу составляло устье рѣки Туры).

¹⁾ Это извѣстіе передаетъ своими словами и Миллеръ, стр. 107—108. Ило-сайскій сибшалъ Епанчинъ (Туринскъ) съ Чинги-Турою (Тюменью). См. „Исторія Россіи“, III, стр. 391.

На устьѣ Туры произошла битва Ермака съ 6 татарскими князьями—кучумлянами, по выраженію Ремезова (статьи 35—37), который и упоминаетъ при этомъ по именамъ трехъ князей: Маитмаса, Каскара и Варваринну ¹⁾. Въ предѣлахъ собственныхъ владѣній царя Кучума это была первая битва русскихъ съ татарами. На Тоболѣ, между устьевъ Туры и Тавды, произошло еще двѣ битвы съ татарами: у Березоваго Яру и далѣе—у Караульнаго Яру, урочищъ, получившихъ съ тѣхъ поръ это названіе отъ казаковъ ²⁾ (Ремезовъ, статьи 37—38). Лѣтопись Есинова и „Сказаніе Сибирской земли“ добавляютъ къ Ремезовской лѣтописи извѣстіе, что на устьѣ Тавды казаки опять схватили кучумянина Таусина (по Есинову, Таусака), посланнаго Кучумомъ на Тавду для рыбной ловли. Отъ него казаки получили новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Кучума къ войнѣ. Такъ какъ ряды казаковъ послѣ предыдущихъ битвъ значительно порѣдѣли, то среди нихъ, по словамъ Ремезова, возникъ вопросъ: слѣдовать ли далѣе по Тоболу на Кучумову столицу, или повернуть вверхъ по Тавдѣ и вернуться черезъ земли вогуличей въ Пермь Великую сѣвернымъ Московскимъ путемъ (Гавда-Тахчен-Лозьва-Ураль-Вишера). „И проплыша до усть Тавды,—читаемъ у Ремезова въ статьѣ 39,—и стояше недѣлю, размышляше, яко да идутъ съ вожами вспять по Тавдѣ вверхъ и черезъ Камень вогуличами да возвратятся“. Большинство съ Ермакомъ во главѣ сочли, однако, такое намѣреніе за недостойное храброй дружины малодушіе и рѣшили двинуться внизъ по Тоболу, не взирая на предстоящую опасность. 8-го іюля 1582 г. дружина выступила въ дальнѣйшій походъ и достигла затѣмъ юрта мурзы Бабасана, что нынѣ Бабасанскіе юрты на Тоболѣ, въ 67 верстахъ отъ губернскаго города ³⁾. Тѣмъ временемъ Кучумъ, слышавъ о приближеніи вооруженныхъ людей, дѣятельно приготовлялся къ оборонѣ, устроилъ укрѣпленіе на Иртышѣ въ урочищѣ Чувашевомъ и, собравъ множество татаръ, остяковъ, вогуловъ „и иныхъ чюдскихъ языковъ“ ⁴⁾, выслалъ ихъ къ Бабасану, подъ на-

¹⁾ Въ Тюменскомъ округѣ донныя сохранились татарскіе юрты *Больше и Мало-Каскаринскіе, Матмасовскіе и Варваринскіе или Вурваръ*. См. „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, стр. 137, 138, 139 и 141.

²⁾ Нынѣ *Березовый Яръ* есть деревня на р. Тоболѣ, а *Караульный Яръ*—село на той же рѣкѣ, оба въ Тюменскомъ округѣ Тобольской губерніи. См. „Списки ея населенн. мѣстъ“, С.-Пб., 1871 г., стр. 140.

³⁾ „Списки населенн. мѣстъ Тоб. губ.“, С.-Пб., 1871 г. стр. 9.

⁴⁾ По выраженію „Сказанія Сибирской земли“.

чадьствомъ Магметкула, на встрѣчу неприятелямъ. 21-го іюля „въ Бабасанахъ на усть озера на Тоболѣ“ (Ремезовъ, статья 43) завязалась кровопролитная битва, возобновлявшаяся пять дней сряду и кончившаяся поражениемъ кучумлянъ. Казаки огнестрѣльнымъ оружіемъ проложили себѣ дальнѣйшую дорогу и поплыли далѣе по Тоболу въ погоню за Маметкуломъ. На устьѣ Турбы, у конца Долгаго Яра. 26-го іюля кучумяне собрались въ значительномъ количествѣ въ ожиданіи прибытія Ермака (Ремезовъ, статья 44). Когда струги казацкіе поровнялись съ этимъ мѣстомъ, кучумяне пустили въ нихъ съ горы тучу стрѣлъ, не причинивъ, однако, большаго вреда казакамъ, которые слѣдовали все далѣе, достигнувъ къ 1-му августа 1582 года Карачина улуса ¹⁾. „И тотъ градъ Карачинъ,—гласить лѣтопись,—взяша и въ немъ безчисленныя богатства, злата и серебра, и каменія драгаго, и жемчугу, и меду довольно и скота; и съдоша ту двѣ недѣли госпожина поста“ (Ремезовъ, статья 53) ²⁾. Съ 1-го августа Ермакъ съ дружиною держалъ 40-дневный постъ, готовясь къ дальнѣйшей войнѣ и сознавая, что уже приближается ея рѣшительный моментъ—взятіе Кучумовой столицы. Наконецъ, въ праздникъ Воздвиженія 14-го сентября 1583 года казаки поплыли изъ Карачина къ устью Тобола, гдѣ ожидало ихъ множество татаръ. Сколько войска было теперь у Ермака, трудно сказать, но едва ли буквально можно понимать слова Ремезова (статья 58), что въ это время „Ермаковы воя остася отъ боевъ 45 человекъ“, хотя въ ихъ рукахъ было огнестрѣльное оружіе, а у кучумлянъ „оружія не бѣ. точію луки и стрѣлы, копія и сабли“ (тамъ же, статья 64). Это ясно уже изъ того, что подъ Чувашевой горой въ октябрѣ того же года Ермакъ потерялъ убитыми 107 человекъ. Скорѣе всего было такъ, что упомянутые 45 человекъ остались у Ермака изъ первоначальнаго состава дружины, которая затѣмъ пополнялась новыми вы-

¹⁾ Село *Карачино*, *Смородново* тоже, при озерѣ Карачинскомъ, доселѣ существуетъ въ 25 верстахъ отъ Тобольска. „Списки“, 7.

²⁾ Въ лѣтописи *Ремезова* предъ этимъ извѣстіемъ есть позднѣйшая вставка (статья 49—52), несогласная съ нимъ въ показаніи времени событій. Еще *Миллеръ* обратилъ вниманіе на эти противорѣчія, которыя и объяснилъ тѣмъ, что въ оригиналѣ лѣтописи „послѣ былъ вклеенъ листъ, какъ по разности письма и рисунковъ явствуетъ“ (Опис. Сиб. царства, гл. II, § 62, стр. 117). Въ 1880 году Археографическая Коммиссія издала лѣтопись по этому самому списку, взятому изъ Академіи Наукъ, съ тою же вставкою. На самомъ дѣлѣ изложенныя на этомъ листѣ событія—походъ Ермака на р. Танду—совершились позже.

ходцами изъ Перми Великой. Трудно предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы Ермакъ, постоянно подвигаясь въ глубь непріятельской страны, не постарался обезпечить себѣ тылъ отъ внезапной измѣны, а для этого необходимы были новыя подкрѣпленія вѣрными атаману людьми. При томъ же въ тылу казаковъ осталась непокоренною вся Тавда. населенная вогулами, сторонниками Кучума. Названіе Караульнаго Яра, упомянутого нами выше, наводитъ на мысль, что для обезпеченія тыла Ермакъ оставилъ позади себя небольшіе форпосты.

На устьѣ Тобола, какъ мы сказали, казаки встрѣтили множество татаръ. Тутъ стоялъ тогда городокъ мурзы Атика, что послѣ назывался Заостровными юртами, существующими доселѣ на рѣкѣ Иртышѣ ¹⁾. Не смотря на неравенство силъ, казаки одолѣли татаръ, благодаря огнестрѣльному оружію, взяли городокъ и крѣпко засѣли въ немъ. „И пребываше вси въ Атикскомъ городкѣ съ великимъ опасеніемъ, яко видѣша множество бусурманъ, яко битись единому противъ десяти и двадцати ратныхъ“ (Ремезовъ, статья 60). Казаки избрали городокъ Атикъ опорнымъ пунктомъ, откуда стали дѣлать вылазки противъ непріятеля, укрѣпившагося на горѣ Чувашевой, въ двухъ верстахъ выше устья Тобола, на правомъ берегу Иртыша, гдѣ Кучумъ еще ранѣе устроилъ крѣпкую засѣку. Здѣсь сидѣлъ самъ Кучумъ съ главными силами, почему взятіе Чувашскаго укрѣпленія должно было рѣшить судьбу его царства. Здѣсь же находился и извѣстный намъ Маметкуль. Въ виду наступленія рѣшительнаго момента войны, нѣкоторые казаки опять заговорили объ отступленіи, какъ было на устьѣ Тавды, но Ермакъ снова отклонилъ такое намѣреніе, недостойное храбрыхъ казаковъ (Ремезовъ, ст. 59).

Три раза Ермакъ безуспѣшно приступалъ къ Чувашской горѣ (засѣкѣ) ²⁾, „крѣпцѣ бяхуся съ самымъ Кучюмомъ, хотяше взяти Чювашскій градъ на горѣ Чювашской и ту засѣсти на зиму, да пребудемъ въ сидѣніи сохранно, яко крѣпокъ былъ Чювашскій градъ окопани“ (тамъ же, статья 61). Наконецъ, 23-го октября 1583 г. Ермакъ сдѣлалъ четвертый, самый рѣшительный приступъ къ горѣ, задумавъ взять укрѣпленіе съ помощью огнестрѣльнаго оружія, а затѣмъ и съ рукопашнаго боя. Казаки дрались необыкновенно храбро, „бишася три дни безъ опочиву неотступно“ (Ремезовъ, статья 64). Доблестный Ермакъ геройски ратовалъ впереди всѣхъ, воодушевляя

¹⁾ „Списки населенныхъ мѣстъ Тобольск. губ.“, стр. 8, подъ № 43.

²⁾ Первый приступъ казаки сдѣлали 1-го октября 1583 г. (Ремезовъ, ст. 61).

мужествомъ своихъ храбрыхъ бойцовъ. На другой день битвы, 24-го октября, въ войскѣ Кучума началось замѣшательство. „Первѣе всѣхъ,— пишетъ Ремезовъ (статья 65),—низовые остяки князки ¹⁾ отъ Кучумова повелѣнія и раменту отступниша и бѣгу яшася“. Вечеромъ того же числа „такъ же и вогуличи тайно отъ заступленія Кучумова убѣгоша во своя жилища за Яскалбинскія непроходимыя болота и озера“ (Ремезовъ, статья 67); положеніе Кучума становилось шаткимъ ²⁾. „Сказаніе Сибирской земли“ добавляетъ, что казаки „единодушно приступиша къ засѣкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразишася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли татары за Иртышъ рѣку“. На третій день битвы, „вечеру бывшу, 25-й день (октября), и преста подчювашская брань, казаки отъидоша за рѣку и обночеваша со стражею“ (Ремезовъ, статья 69). Во время приступа къ Чувашевой горѣ Ермакъ потерялъ 107 человекъ ³⁾. Кучумъ, считая дѣло окончательно проиграннымъ, въ ночь на 26-е октября бѣжалъ „изъ града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома“, „нощю возставъ тайно“ (Ремезовъ, статья 68). За нимъ „и вси изъ града невозвратно бѣгоша на степь въ Казачью Орду, на прежнее свое селеніе (?). Грады жъ Чювашской и Кашлыкъ, Сузгунъ, Бишикъ, Абалакъ и протчіе ⁴⁾... оставиша пусты“ (тамъ же). 26-го октября 1583 г., въ день памяти св. Дмитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною безпрепятственно вступилъ въ опустѣлую столицу Кучума, исполненный „велия веселія и тайной радости“. „И видѣвъ оставшаго имѣнія и богатства множество и хлѣба, глаголюще: съ нами Бogy!“ (Ремезовъ, статья 70). И самъ лѣтописецъ радостно заявляетъ далѣе (статья 71): „Промчеси слухъ о Ермакѣ и о казацѣхъ во всю Сибирскую страну, и нападе Божій страхъ на вся живущіе бусурманы во всей странѣ той!“

¹⁾ То-есть, остяки съ низовьевъ рѣки Иртыша. См. *Миллеръ*, гл. II, § 88, стр. 131.

²⁾ *Ескалбинскіе юрты* татаръ донныя существуютъ на Иртышѣ, въ 12 верстахъ ниже Тобольска. „Списки“, стр. 19; *Миллеръ*, гл. II, § 85, стр. 132. Чрезъ нихъ лежитъ прямая дорога на рѣку Конду по низкимъ мѣстамъ, озерамъ и болотамъ.

³⁾ *Карамзинъ*, т. IX, стр. 389, и примѣчаніе къ нему 685, гдѣ сдѣлана ссылка на синодикъ Тобольскаго собора.

⁴⁾ На мѣстѣ *Кашлыка* или *Сибири* нынѣ городище въ 16 верстахъ отъ Тобольска; на мѣстѣ Бишикъ-тура нынѣ *Ланинъ Бузуръ* въ г. Тобольскѣ; на мѣстѣ Сузге-тура—*Сузунскіе юрты* и далѣе село *Абалацкое*. „Списки“, стр. LXXV; *Миллеръ*, гл. II, стр. 183—184; гл. I, стр. 49 и 52.

Здѣсь мы должны остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ за-
нятія Ермакомъ столицы Кучума. Миллеръ относилъ это важное со-
бытіе къ 1581 году (7090)¹⁾, Карамзинъ и Соловьевъ къ тому же
году²⁾. Авторъ статьи при „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Тоболь-
ской губерніи“, плохо зная исторію Перми Великой, относитъ самое
выступленіе Ермака съ Чусовой къ 1578 г., а взятіе Сибири (города)—
къ 1581 г.³⁾ Л. Н. Майковъ, совершенно правильно опредѣляя
начало похода (1-го сентября 1581 г.), относитъ взятіе Сибири (го-
рода) къ 26-му октября того же самаго года⁴⁾. Къ этому циклу
ученыхъ примыкаетъ и мѣстный сибирскій историкъ П. А. Словоцовъ⁵⁾.
Наконецъ, послѣдній изслѣдователь вопроса Д. И. Иловайскій въ III
томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 393 и 661) высказался за 1582
годъ, какъ годъ взятія русскими Кучумовой столицы. Послѣднее
мнѣніе мы считаемъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ предъ-
идушія.

Причина ученыхъ разпорѣчій по данному вопросу заключается въ
несоодинаковыхъ показаніяхъ сибирскихъ лѣтописцевъ. Мы говорили,
что Строгановская лѣтопись совершенно правильно излагаетъ начало
Ермакова похода, но со времени вступленія казаковъ въ Сибирь те-
рять значеніе источника, на который безусловно можно полагаться.
Лѣтопись Ремезова, наиболѣе богатая фактическими подробностями
за все время пребыванія казаковъ въ Сибири, крайне неудовлети-
тельна въ своихъ годовыхъ показаніяхъ. По Ремезову, Ермакъ взялъ
городъ Сибирь (иначе Кашлыкъ или Кавлымъ, какъ названъ онъ въ
статьѣ 69) 26-го октября 7095, то-есть, 1586 г., что уже явно не-
лѣпо. По Строгановской лѣтописи, весь переходъ отъ Чусовой до
Иртыша, соединенный съ такими трудностями среди враждебныхъ
народовъ, продолжался съ 1-го сентября до 26-го октября 1581 г.,
что намъ кажется также нелѣпостью. Нисколько не больше можно
вѣрить и „Сказанію Сибирской земли“, по словамъ котораго Ер-
макъ вступилъ въ Сибирь 7089 (1580 г.) октября въ 12-й день.
По лѣтописи Есяпова, это вступленіе послѣдовало того же 1580 г.

¹⁾ Описан. Сиб. царства“ С.-Иб., 1750 г., гл. II, §§ 77 и 89, стр. 126 и осо-
бенно 186.

²⁾ Карамзинъ, IX, 389 по изд. бр. Слѣпниныхъ; Соловьевъ, VI, 430.

³⁾ „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, С.-Иб., 1871 г., стр. LXXIV—LXXV.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1881 г., № 9.

⁵⁾ Историч. обзор. Сибири, изд. 2-е, С.-Иб., 1886 г., стр. XVІІІ первой
части.

октября 26-го (это сказаніе во многомъ сходно съ лѣтописью Есипова). Изъ приведенныхъ сопоставленій ясно, что въ данномъ вопросѣ никакъ нельзя полагаться только на лѣтописи, а необходимо придавать рѣшающее значеніе официальнымъ актамъ того времени — царскимъ грамотамъ, на которыя ученые обращаютъ во всякомъ случаѣ меньше вниманія, чѣмъ какого онѣ заслуживаютъ въ сравненіи съ лѣтописями относительно хронологическихъ показаній ¹⁾).

Ремезовская лѣтопись хотя и показываетъ годы завѣдомо неправильно, однако по обстоятельности изложенія событій со времени вступленія Ермака въ Сибирь, именно со статьи 14-ой, безспорно, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія предъ всѣми другими сибирскими лѣтописями, подобно тому, какъ для начала похода такое же значеніе имѣетъ Стругановская лѣтопись. Этимъ свойствомъ лѣтописи Ремезова, кажется, нужно объяснить и то, что мѣсячныя и числовыя данныя ея идутъ въ послѣдовательности событій, не смотря на путаницу въ годовыхъ показаніяхъ. До взятія столицы Кучума эта послѣдовательность въ показаніи мѣсяцевъ и чиселъ событій нарушена только въ статьяхъ 49—52 о походѣ на Тавду, заключающихся на вклеенномъ послѣ въ оригиналь рукописи листѣ, и въ статьѣ 66 о сповидѣніи Кучума; кромѣ того, статьи 16—25 представляютъ ретроспективный обзоръ исторіи Сибири до Кучума и при его воцареніи. Остальныя статьи Ремезовской лѣтописи, именно: 14, 15, 26—48, 53—65, 67—71 (до которой мы дошли въ настоящемъ обзорѣніи событій), представляютъ собою на столько полное и послѣдовательное изложеніе событій, что мы должны только удивляться, откуда составитель ихъ могъ почерпнуть эти точныя свѣдѣнія о сибирскомъ походѣ, совершенно согласныя и съ современными географическими названіями тѣхъ мѣстностей.

Время выступленія Ермака въ походъ 1-го сентября 1581 г. нами установлено выше, полагаемъ, достаточно прочно и достовѣрно на основаніи всей совокупности источниковъ ²⁾. На всемъ пути отъ юж-

¹⁾ Удивляемся, что нѣкоторые ученые, какъ, напримеръ, *С. А. Адриановъ*, вѣрятъ больше хронологіи лѣтописей, нежели царскихъ грамотъ. То же допускаетъ и нынѣ *Д. И. Иловайскій* въ примѣчаніи 70-мъ къ III тому своей „Исторіи Россіи“ на стр. 662, гдѣ см. произвольную поправку даты въ грамотѣ отъ 7-го января 7092 (1584 г.).

²⁾ Рѣшенію того же вопроса посвящена и статья *Л. Н. Майкова* въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1881 г., № 9: „Хронологическіи справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ“.

ной границы Перми Великой до столицы Кучума дружина Ермака несомнѣнно имѣла двѣ зимовки: первую въ Кокуѣ-городкѣ, чтѣ въ бассейнѣ рѣки Чусовой, и вторую—въ Тюмени на р. Турѣ. Первая зимовка засвидѣтельствована въ „Сказаніи Сибирской земли“ и въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ на Уралѣ, вторая въ 15-й статьѣ лѣтописи Ремезова, гдѣ она подтверждается всеми дальнѣйшими мѣсячными и числовыми данными этого источника. Необходимость второй зимовки ясна уже изъ одного того, что Тюмень, какъ мы видѣли выше, считалась тогда важнѣйшимъ стратегическимъ и административнымъ пунктомъ въ Сибирской странѣ послѣ Кучумовой столицы. Но лѣтопись Ремезова упоминаетъ и о первой зимовкѣ казаковъ, не указывая только опредѣленнаго мѣста ея. Въ концѣ 12-й статьи лѣтописи замѣчено: „и воеваша (казаки) во всю зиму Пелымскіе уѣзды до весны“, послѣ чего въ 15-й статьѣ ясно сказано о второй зимовкѣ въ Тюмени ¹⁾. Въ виду этихъ свидѣтельствъ двухъ лѣтописей мы не имѣемъ никакого основанія отвергать фактъ двукратной зимовки Ермака съ дружиною на пути отъ Чусовой до Иртыша тѣмъ болѣе, что на этомъ пути казакамъ приходилось брать съ боя каждый шагъ земли и подвигаться впередъ очень медленно, среди постоянныхъ опасностей и препятствій.

Разъ такой фактъ установленъ, мы получаемъ возможность точно опредѣлить продолжительность похода Ермака отъ Чусовой до Иртыша: въ теченіе перваго года съ 1-го сентября 1581 г. до 1-го сентября 1582 г. казаки прошли путь отъ р. Чусовой до гор. Тюмени на Турѣ; во второй годъ съ 1-го сентября 1582 г. до 1-го сентября 1583 г. они подвинулись отъ Тюмени до Карачина улуса, чтѣ въ 25-ти верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Слѣдовательно, столица Кучума была занята Ермакомъ въ началѣ 1583 года, по тогдашнему счисленію времени съ 1-го сентября.

Теперь послѣдуемъ дальше за сибирскими лѣтописцами. По занятіи Кучумовой столицы Ермакомъ, къ послѣднему начали являться съ изъявленіемъ покорности и съ дарами жители окрестныхъ и далекихъ селеній и прежде всѣхъ демьянскій князь Болръ (Ремезовъ, ст. 71). Въ „Сказаніи Сибирской земли“ о немъ замѣчено: „Приде къ Ермаку во градъ оятатской князь Боярина со многими остяки и принесоша дары и запасы“. Почти то же читаемъ и у Есипова: Ермакъ ласково принималъ всѣхъ приходившихъ „я повелѣ имъ жити

¹⁾ О первыхъ же двухъ зимовкахъ до выхода изъ Перми Великой, то-есть, до начала настоящаго похода, въ 1579 и 1580 гг. Ремезовъ говоритъ въ статьяхъ 5 и 6.

въ домѣхъ своихъ попрежнему, яко же жила при Кучюмѣ“. Казаки же ѣздили „по жильямъ татарскимъ и по промысламъ смѣло, не боишеса ничего“ (Ремезовъ, ст. 72). Однако 5-го ноября 1583 г. (а по Строгановской лѣтописи 5-го декабря) 20 казаковъ, ѣздившихъ для рыбной ловли на Абалацкое озеро, ночью во время сна убиты были внезапно появившимся Маметкуломъ (по Есипову, это было при урочищѣ Вабасанѣ). „Се первое убіеніе казаковъ въ Сибири“, по занятію ея русскими, какъ вѣрно замѣчаетъ Ремезовъ въ статьѣ 81; тутъ же онъ говоритъ, что Ермакъ тотчасъ погнался за Маметкуломъ, настигъ татаръ при урочищѣ Шаншинскомъ (нынѣ Шамшинскіе юрты въ Тобольскомъ округѣ), побилъ многихъ изъ нихъ, но царевича не догналъ. Ермакъ съ честію похоронилъ убитыхъ казаковъ на Саусканскомъ мысу „на царскомъ кладбищѣ“¹⁾. 6-го декабря Ермаку изъявили покорность и принесли ясакъ князя Ишбердей и Суклемъ, владѣтели Ескалбинскихъ и Суклемскихъ юртъ, доселѣ существующихъ въ Тобольскомъ округѣ. Ишбердей оказался особенно полезенъ Ермаку, „яко первѣе многихъ взыска князковъ и приведе въ ясакъ, и ясакъ принесе, и пути многи сказа и на немирныхъ казакомъ вождь изрядный былъ и вѣренъ велми“ (Ремезовъ, ст. 82).

Послѣ этого Ермакъ съ дружиною сочли своевременнымъ довести о завоеваніи Сибири до свѣдѣнія московскаго царя, просить Іоанна принять завоеванную страну подъ свою высокую руку, а имъ, казакамъ, простить ихъ прежнія вины предъ царемъ. Ермакъ послалъ въ Москву пять казаковъ во главѣ съ Иваномъ Кольцо, съ которымъ препроводилъ къ царю собранный ясакъ, заручную „лѣстону отписку о взятіи Сибири“ и челобитную о прощеніи казаковъ за своею-жь рукою²⁾. Атаманъ Кольцо съ товарищами отправился изъ города Сибири 22-го декабря 1583 года „волчьею дорогою, нартами и лыжи, на оленяхъ, имъ же вождь бѣ яскалбинской князь Ишбердей со своими вогуличи, въ Великую Пермь и оттолѣ къ Москвѣ доидоша“³⁾. Указанная глухая дорога въ Великую Пермь пролегла по Кондѣ и Тавдѣ въ Чердынскій уѣздъ и признавалась, какъ мы знаемъ, единственною дозволенною дорогою изъ Московскаго государства въ Сибирь и обратно. Въ январѣ 1583 года (по сентябрьскому численію) посольство прибыло къ Іоанну, удостоилось весьма милостиваго

¹⁾ На Саусканѣ жилъ нѣкогда, какъ мы говорили, татарскій князь того же имени, вѣроятно, родственникъ дому Тайбуги.

²⁾ Изъ „Сказанія Сибирской земли“.

³⁾ Изъ лѣтописи Ремезова, статья 84.

пріема и царскаго „жалованья“—деньгами, сукнами и камками (Строгановская лѣтопись). Ермаку государь послалъ „великіе дары: 2 панцыря, и сосуды и шубу свою“, при жалованной похвальной грамотѣ (Ремезовъ, ст. 85). Казаки отправились изъ Москвы въ обратный путь тою же дорогою, и 1-го марта Иванъ Кольцо вручилъ Ермаку царскую грамоту и подарки (Ремезовъ, стр. 86). Эта грамота, къ сожалѣнію, не дошла до насъ¹⁾.

Здѣсь мы должны остановиться на показаніяхъ Строгановской лѣтописи. Она весь походъ приурочиваетъ къ 1581 году и, между прочимъ, сообщаетъ, что казаки о взятіи Кучумовой столицы и о плѣненіи царевича Маметкула увѣдомили предварительно Строгановыхъ, а тѣ написали самому Іоанну; „послѣди же того и сами (Семень, Максимъ и Пикита) нево мнозѣ времени пріѣхавше къ Москвѣ; и государю о всемъ томъ извѣстиша“. Уже послѣ всего этого будто бы Ермакъ написалъ отписку самому царю, которую и отправилъ къ нему съ казаками. Эти извѣстія Строгановской лѣтописи, принятыя на вѣру наиболѣе авторитетными нашими историками, каковы Карамзинъ (IX, 396—397) и Соловьевъ (VI, 431), во первыхъ, не подтверждаются всеми другими сибирскими лѣтописями и прочими источниками и, во вторыхъ, рѣшительно противорѣчатъ фактамъ дѣйствительности. Прежде всего столь далекій и трудный походъ не могъ совершиться менѣе чѣмъ въ два мѣсяца: это слишкомъ очевидная нелѣпость лѣтописи. Походъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ, какъ убѣждаетъ сопоставленіе всехъ извѣстныхъ намъ фактовъ того времени. За это время, какъ мы уже знаемъ, Строгановыхъ постигла царская опала. Гнѣвная грамота Іоанна отъ 16-го ноября 1582 года доказываетъ, что въ это время въ Москвѣ ничего не было еще извѣстно о предпріятіяхъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она же убѣждаетъ насъ, что казацкое посольство явилось въ Москву позже, и что опальные Строгановы уже ни въ какомъ случаѣ не могли въ 1581 году писать царю о взятіи Сибири и даже Маметкула, плѣнъ котораго послѣдовалъ еще позже казацкаго посольства. Тѣмъ болѣе опальные Строгановы не могли лично ѣхать въ Москву. Несообразность и полная нелѣпость приведенныхъ извѣстій Строгановской лѣтописи слишкомъ очевидна. Такою же нелѣпостью представляется намъ

¹⁾ Занесенное въ „Сказаніе Сибирской земли“ и въ „Новый Лѣтописецъ“ извѣстіе о томъ, будто Іоаннъ назвалъ въ этой грамотѣ Ермака не атаманомъ, а княземъ Сибирскимъ, мы считаемъ маловѣроятнымъ. См. объ этомъ у Карамзина, IX, 401 и примѣч. 709.

и пожалованіе Семена Строганова Солью Большою и Солью Малою на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ дарованіе права торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно, хотя лѣтопись прибавляетъ даже, что грамота на обѣ Соли дана была Строганову „за красною печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти“¹⁾). Какъ все это могло быть въ 1581 году?

Не могло быть этого и въ 1582 году, когда Строгановы были въ опалѣ. Въ моихъ рукахъ нѣбѣтся значительное собраніе рукописей о Строгановыхъ, какимъ едва ли кто располагаетъ, кромѣ ихъ самихъ, и въ нихъ нигдѣ нѣтъ слѣда подобнаго пожалованія; въ самыхъ подробныхъ перечняхъ жалованныхъ Строгановымъ грамотъ нѣтъ упоминанія объ этой грамотѣ на Соль Большую и Малую. Итакъ, всѣ приведенныя сообщенія Строгановской лѣтописи завѣдомо не вѣрны и потому-то не находятъ себѣ подтвержденія даже у Ремезова, самаго обстоятельнаго лѣтописца о сибирскомъ походѣ. Всѣ эти сообщенія намъ представляются явнымъ измышленіемъ, и въ этомъ отношеніи мы вполне раздѣляемъ недавно высказанный взглядъ С. А. Адрианова. Выше мы говорили уже, почему Строгановскій лѣтописецъ хорошо зналъ только начало сибирскаго похода и не зналъ близко дальнѣйшихъ обстоятельствъ его.

Въ дѣйствительности событія слѣдовали именно такъ, какъ показано нами выше на основаніи другихъ сибирскихъ лѣтописей, изъ коихъ лучшею слѣдуетъ признать Ремезовскую, за исключеніемъ ея годовыхъ помѣтъ. Казаки, узнавъ о царской опалѣ на Строгановыхъ, поспѣшили подать челобитную непосредственно Іоанну Грозному, чтобы изъ-за Строгановыхъ не навлечь и на себя царскаго гнѣва; они естественно боялись, что этотъ гнѣвъ обрушится и на нихъ, но надѣялись на царскую милость за свои заслуги предъ отечествомъ и самоотверженное служеніе русскому дѣлу. Строгановы и безъ особаго извѣщенія знали о томъ, что дѣлалось въ Сибири, потому что ихъ люди принимали участіе въ походахъ Ермака. Можетъ быть, Ермакъ частнымъ образомъ извѣстилъ ихъ о занятіи сибирской столицы, потому что обязанъ былъ имъ поддержкою въ походѣ, но на официальной, такъ сказать, почвѣ онъ игнорировалъ ихъ съ тѣхъ

¹⁾ Карамзинъ, IX, 399 и примѣч. 704. У Перетяжковича въ его изслѣдованіи „Поволжье“ (Одесса, 1882 г.) сдѣланъ обзоръ колонизаціи Волжскаго „Усолья“, что на Самарской дукѣ (см. стр. 224—228), но о Строгановыхъ нѣтъ упоминанія. Соляными источниками тамъ владѣлъ одно время Семень Свѣтешниковъ, а не Семень Строгановъ.

порь, какъ узналъ отъ ихъ же людей о царской опалѣ на нихъ. Эта переменна въ отношеніяхъ Ермака къ Строгановымъ послѣдовала въ началѣ 1582-го сентябрьскаго года, когда казаки находились въ Тюмени, вопреки царскому указу. Дальнѣйшія подкрѣпленія людьми онъ могъ получать не отъ однихъ Строгановыхъ; „охочихъ людей“ онъ могъ получать и изъ другихъ мѣстъ, можетъ быть, съ той же Волги и нижней Камы, откуда пришла и дружина перваго состава. Съ другой стороны опальные Строгановы не могли предъявлять къ Ермаку какихъ либо законныхъ требованій. Ихъ связывалъ съ казаками частный и при томъ тайный договоръ, нарушить который казаки всегда могли безнаказанно. Исключительныя обстоятельства 1582 года такъ и заставили ихъ поступить, послѣ чего Строгановы должны были считать задуманное ими дѣло проиграннымъ, какъ ни дорого оно имъ обошлось. Малѣйшая огласка тайнаго договора ихъ съ казаками могла угрожать имъ лишеніемъ и всѣхъ пріямскихъ вотчинъ.

Продолжаемъ прерванный разказъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ сибирскаго похода. Когда казацкое посольство было уже на обратномъ пути изъ Москвы, 20-го февраля 1583 г. пришелъ къ Ермаку „ближній мурза ясашиной Сенбахта Тагинъ“ ¹⁾ и сообщилъ ему, что царевичъ Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ, верстахъ въ 100 отъ города (Вагаѣ впадаетъ слѣва въ Иртышъ выше Тобольска). Ермакъ немедленно отправилъ на Вагаѣ „искусныхъ юныхъ мужей 62 человекъ ратныхъ“, вѣроятно, не изъ числа казаковъ, которые дѣйствительно нашли Маметкула при озерѣ Куларовѣ ²⁾, что въ 53 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Здѣсь русскіе рассчитались съ татарами за обиду при Абалацкомъ озерѣ и, какъ было тамъ, напали ночью на спящихъ татаръ, перебили ихъ, а „царевича жива въ шатрѣ взяша и съ богатствомъ приведоша къ Ермаку во градъ февраля въ 28 день“ (Ремезовъ, ст. 87). Плѣнъ Маметкула былъ новымъ чувствительнымъ ударомъ для старика Кучума, который стоялъ на Агитской лукѣ на Иртышѣ. Онъ горько рыдалъ о потерѣ царевича, не успѣвъ успокоиться; какъ получилъ новую опасную вѣсть о томъ, что на него идетъ войною „Бухарскіе земли князь Сейдякъ

¹⁾ Въ началѣ статьи сказано было, что Сенбахта былъ сынъ Махметовъ изъ дома Тайбуги и нѣкогда состоялъ особымъ правителемъ на берегахъ Иртыша. Поэтому естественна вражда его къ дому Кучума.

²⁾ При озерѣ Куларовѣ, Спасское тожъ, и нынѣ есть слобода *Куларови* „Списки“, стр. 21.

Бекбулатовъ, хочетъ отмстити кровь отца своего⁴. Въ довершеніе несчастій, „думный князь“ Карача оставляетъ Кучума, удаляется на озеро Чулымское и тамъ кочуетъ затѣмъ „межъ Тары, и Барабы, и Оми“, въ то время, когда Кучумъ стоялъ „на дорогахъ на урочищахъ Вагаю, Куларово и Тарханъ въ крѣпкихъ мѣстахъ“ (Ремезовъ, ст. 89).

Между тѣмъ Ермакъ, получивъ царскія милости, воодушевился на новые подвиги. Иванъ Кольцо вернулся къ нему 1-го марта 1583 г., а 5-го числа Ермакъ послалъ отрядъ войска подъ начальствомъ пятидесятника Богдана Брязги внизъ по Иртышу собирать ясакъ съ Демьянскихъ волостей (Демьянка—правый притокъ Иртыша, ниже рѣки Туртаса) и воевать Казымскіе городки остяковъ на р. Оби и ея правомъ притокѣ Казымѣ¹). Избѣгая лишнихъ подробностей, я обозначу путь Брязги лишь въ общихъ чертахъ. Сначала онъ взялъ Аремзянскую волость на Иртышѣ съ ея укрѣпленнымъ городомъ (въ Тобольскомъ округѣ доселѣ есть Аремзянскіе юрты татаръ и еще 3 русскихъ селенія того же названія); далѣе разбилъ татаръ на Тургасскомъ (не Туртасскомъ ли?) городищѣ и на коняхъ доѣхалъ до устья Демьянки рѣки, „до большева ихъ сборнаго княжца Демайна“ (Ремезовъ, ст. 74). Здѣсь Брязга наложилъ ясакъ на покоренныхъ татаръ, вогуличъ и остяковъ. „Романъ же князецъ ихъ лутчей бѣжалъ съ жилья своего вверхъ по Ковдѣ (Кондѣ) къ Пельни съ родомъ своимъ. лыжами и нартами“, при первомъ слухѣ о завоевателяхъ (Ремезовъ, ст. 76)²). Миновавъ опустѣлое Рачево городище, мѣсто мольбища остяковъ, Брязга поплылъ далѣе по Иртышу до Цингалинскихъ юртъ, что нынѣ въ 395 верстахъ отъ Тобольска, и до Нарымскаго городка, что нынѣ Сотниковскіе юрты³), гдѣ встрѣтилъ только женщинъ и дѣтей, объятыхъ страхомъ. Взявъ здѣсь ясакъ, Брязга 9-го мая 1583 года поплылъ далѣе въ Колпуховскія волости (нынѣ юрты въ 441 верстѣ отъ Тобольска), которыя взялъ съ бою, а 20-го мая доплылъ до княжца Самара (нынѣ значительное село Самароно на Иртышѣ, въ 570 верст. отъ Тобольска, въ его округѣ). Казаки

¹) О походѣ Богдана Брязги въ оригиналѣ Ремезовской лѣтописи говорить другой авторъ; тутъ вклеены два листа (ст. 73—80) послѣ. См. *Карамзинъ*, примѣч. 691 къ IX тому. У *Миллера* см. стр. 152 (гл. III, § 10).

²) Туртасская и Уватская волости были послѣднія съ татарскимъ населеніемъ; ниже начиналась обширная область угровъ-остяковъ. *Миллеръ*, стр. 15 (гл. III, § 13).

³) „Списки населенн. мѣстъ Тоб. губ.“, стр. LXXVI.

взяли городокъ съ бою, умертвивъ самого князя съ родомъ его (Ремезовъ, ст. 78). Въ Самаровѣ къ Брязгѣ явился извѣстный остяцкій князь Алачей изъ сѣверной Коды съ изъявленіемъ покорности. Брязга поставилъ его „большимъ княземъ“, „яко богата суца, и отпустиша со мною честію“ (Ремезовъ, ст. 78).

Отъ Самарова казаки чрезъ недѣлю (27-го мая 1583 г.) вступили въ еще болѣе обширную долину рѣки Оби. „И виде много пустого мѣста, а жилья мало и пристаха на Бѣлогорьѣ, ту бо у нихъ молбище большое“ (Ремезовъ, ст. 79). Нынѣ на этомъ мѣстѣ, въ 470 верстахъ отъ Березова, въ округѣ этого города, находится Бѣлогорскій улусъ остяковъ и русская деревня того же имени, на рѣкѣ Оби. „Богданъ же виде пустоту жилья и размыслиша съ товарищи ѣхать далѣ не по што и возвратишася, пождавъ на мѣстѣ 3 дни, въ Сибирь градъ“ (Ремезовъ, ст. 80). Возвращеніе Брязги въ этотъ городъ та же лѣтопись относитъ къ 29-му мая, но это, очевидно, ошибка, ибо пройти такой путь вверхъ по Оби и Иртышу въ столь короткое время было невысказуемо.

Не успѣла окончиться экспедиція Брязги, какъ самъ Ермакъ отправился тѣмъ же путемъ по его слѣдамъ собирать ясакъ съ покоренныхъ народовъ и ихъ князей. Атаманъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ ихъ покорности русскому царю. Ремезовъ въ статьѣ 90 говоритъ, что „ѣхалъ Ермакъ внизъ Иртыша рѣки, воевалъ Кодскіе городки, князей Алачевыхъ съ богатствомъ взялъ, и всѣ городки Кодскіе и Казымскій городокъ со многимъ богатствомъ князя ихъ взять, и возвратился во градъ свой іюня въ 20 день“. Бывшіе Кодскіе городки нынѣ составляютъ село Кондинское на Оби и Кондинскій остяцкій улусъ на той же рѣкѣ. Казымскій городокъ, Юльевскій онъ же, при рѣкѣ Казымѣ, составляетъ нынѣ также остяцкій улусъ того же названія—всѣ въ Березовскомъ округѣ. Здѣсь-то, въ Казымѣ, и былъ крайній сѣверный предѣлъ завоеваній Ермака. Какъ извѣстно, эти далекія мѣста русскіе уже поселили во время извѣстнаго большаго похода въ Югру въ 1499—1500 гг.; но чрезъ 80 лѣтъ потребовалось вторичное покореніе тѣхъ же земель, что показываетъ, какъ слаба была дотошная политическая зависимость этихъ земель отъ московской власти. Со вторичнымъ же покореніемъ ихъ казаками Ермаковой дружины, онѣ окончательно вошли въ составъ Московскаго государства.

Покончивъ съ далекимъ сѣвернымъ краемъ, Ермакъ поспѣшно сталъ собираться въ новый походъ на р. Тавду. Объ этомъ пред-

пріятіи въ лѣтописи Ремезова также сдѣлана вставка послѣ, о чемъ мы сказали выше (вклеенъ листъ со статьями 49—52), а въ текстѣ оригинала лѣтописи о походѣ на Тавду сдѣлана только бѣглая замѣтка (въ статьѣ 90). Рѣка Тавда, берега которой были населены вогуличами, въ 1582 г. осталась въ сторонѣ отъ пути Ермака, а между тѣмъ по ней пролегалъ главный тогдашній путь изъ Руси въ Сибирь, который важно было взять въ русскія руки. Возвратившись въ Искеръ изъ сѣвернаго похода противъ остяковъ, 20-го іюня, неустрашимый Ермакъ чрезъ 10 дней, 1-го іюля, уже выступилъ въ новый походъ противъ Тавдинскихъ вогуль. „И погребоша вверхъ по Тавдѣ рѣкѣ, воюя съ устья вверхъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ (статья 49). Сперва онъ занялъ Красноярскую и Калымскую волости (нынѣ Красноярскіе юрты близъ устья Тавды въ Тюменскомъ округѣ), взялъ здѣсь Лабутинъ городокъ, именовавшійся такъ по князю Лабутѣ ¹⁾ (нынѣ деревня Антипина, Лабута тоже, въ Тюменскомъ округѣ), и пошелъ далѣе до Паченки ²⁾, что нынѣ деревня того же округа. Здѣсь также жилъ въ тѣ времена Печенежь или Паченкъ, княжець, котораго вмѣстѣ со множествомъ татаръ казаки и убили. „И ту велий бой бысть, и раниша многихъ казаковъ; ихъ же татаръ прибиша до единого и Печенега княжца убиша, и наполниша труповъ езеро, и то слыветъ и доннынѣ Банное-Поганое, полно костей человѣческихъ“ (Ремезовъ, ст. 49). Поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ августѣ занялъ городокъ Кошуки, принудивъ князя ихъ Борлякова дать ясакъ (нынѣ село Кошукское Туринскаго округа); затѣмъ Кондырбай или Чандыр ³⁾, и Табары (нынѣ село Табаринское Туринскаго округа). Объ этомъ говоритъ Ремезовъ въ статьяхъ 50 и 90. Наконецъ, Ермакъ дошелъ до владѣній Пелымскаго князя Патлика, которому и нанесъ поражение. За наступленіемъ осени, атаманъ не пошелъ далѣе на сѣверъ и 4-го октября 1584 г. (по сентябрьскому численію) повернулъ обратно внизъ по Тавдѣ, собиралъ дорогою ясакъ съ покоренныхъ и въ началѣ ноября, вѣроятно, уже на лошадахъ возвратился въ городъ Сибирь. Теперь Ермакъ могъ считать себя обезпеченнымъ со стороны остяковъ и вогуличей, но съ татарами еще предстояла трудная борьба.

¹⁾ *Миллеръ*, стр. 117—118 (гл. II, § 63); „Списки насел. мѣстъ“, стр. 141.

²⁾ При *Миллерѣ* это была деревня сосѣдней архіерейской *Тавдинской слободы*. См. гл. II, § 64, стр. 118.

³⁾ При *Миллерѣ* была „последняя Кошучкой волости деревня“ (тамъ же, § 67, стр. 120).

Пока Ермакъ совершалъ свои далекіе походы противъ остяковъ и вогуличей, изъ Москвы послана была рать на помощь ему. Слѣдовательно, со времени прибытія казацкаго посольства въ Москву въ январѣ 1583 г. дальнѣйшее завоеваніе Сибири стало дѣломъ государственнымъ; съ этого времени Ермакъ дѣйствовалъ уже съ вѣдома государя подъ его знаменемъ, и прежній тайный союзъ его со Строгановыми былъ болѣе не нуженъ и даже не безопасенъ, такъ какъ именитые люди были тогда въ опалѣ у государя. Теперь Ермакъ ожидалъ поддержки отъ Москвы, а не отъ Строгановыхъ, съ которыми, повидямому, онъ прервалъ всякія сношенія, какъ съ людьми опальными въ глазахъ царя. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина того явленія, что заслуги Строгановыхъ въ дѣлѣ первоначальной поддержки Ермака въ его сибирскомъ походѣ теперь отвергаются крайними поклонниками атамана, которые отняли у нихъ и самую инициативу похода. Поэтому-то апологеты Ермака, ослѣпленные его подвигами, приписываютъ всю заслугу въ покореніи Сибири исключительно казакамъ, забывая, что инициаторы всего этого дѣла, призвавшіе казаковъ съ Волги, вложили въ него не мало и своихъ заботъ, помогая Ермаку деньгами, оружіемъ, провіантомъ и людьми. Безъ этой поддержки Ермакъ, быть можетъ, и не достигъ бы тѣхъ боевыхъ успѣховъ, которые обезсмертили его имя. Черезъ три вѣка пора же, наконецъ, установить спокойный, вполне объективный взглядъ на это дѣло и воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь въ ущербъ истинѣ ни въ ту ни въ другую сторону.

(Остается не выясненнымъ, просило ли посольство Ермака помощи въ Москвѣ, или правительство само сочло необходимымъ подать эту помощь казакамъ, сознавая важность ихъ предпріятія. Последнее болѣе вѣроятно, какъ увидимъ ниже. Только забота о помощи Ермаку возникла въ Москвѣ вскорѣ по уходѣ оттуда Ивана Кольцо съ товарищами. По указу царя Ивана Васильевича 3-го мая 1583 года изъ Москвы отправился съ 500 воиновъ первый воевода князь Семень Дмитріевичъ Болховскій на помощь атаману Ермаку Тимофеевичу ¹⁾. Болховскій отправился сначала въ великоперскія вотчины Строгановыхъ и затѣмъ въ Чердынъ обыкновеннымъ водянымъ путемъ по Волгѣ, Камѣ и ея притокамъ. Изъ опальной грамоты 10-

¹⁾ Такъ говоритъ *Ремезовъ* въ стр. 92, неправильно приписывая этотъ указъ Василію Шуйскому. *Миллеръ* относитъ почему-то выступленіе Болховскаго изъ Москвы къ 10-му мая 1583 г., см. стр. 170, гл. III, § 35. Болховскій отправился безъ Глухова, который былъ тогда въ Чердыни.

анна Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 г. мы знаемъ, что въ Чердынѣ воеводами были тогда Василій Пелепелицынъ и Воняъ Оничковъ, при которыхъ былъ еще Иванъ Глуховъ. Князь Болховскій привезъ съ собою въ Великую Пермь царскій указъ, которымъ повелѣвалось упомянутому „головѣ“ Ивану Глухову и другому головѣ Ивану Кирѣеву присоединиться къ войску князя Болховскаго, а Строгановымъ приказано было дать въ подмогу имъ „пятьдесятъ человекъ на конѣхъ“. Это видно изъ послѣдующей грамоты царя Ивана Васильевича отъ 7-го января 1584 г. на имя Семена Анисимовича, Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ ¹⁾. Изъ этой же грамоты видно, что князю Болховскому предписано было выступить изъ Перми Великой только зимою. „И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на конѣхъ пройти не мочно, и мы князь Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны до поляны воды ходить есмь не велѣли и ратныхъ людей по прежнему нашему указу ²⁾ 50 человекъ конныхъ имати есмь у васъ не велѣли“. Причина невозможности проникнуть въ Сибирь зимнимъ путемъ заключалась, кажется, въ томъ, что князю Болховскому предписано было слѣдовать туда обыкновеннымъ сѣвернымъ путемъ по Вишерѣ черезъ горы (Камень) на Лозву и Тавду (другихъ дорогъ въ Сибирь изъ Москвы тогда не признавало правительство); но этотъ путь зимою дѣйствительно былъ непроходимъ для конницы: по этой дорогѣ, обыкновенно покрытой глубокими снѣгами, можно было ходить только на лыжахъ и нартахъ, съ помощью собакъ и оленей. Грамота отъ 16-го ноября 1582 г. такъ и предписывала дѣлать: „На Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать“ (Миллеръ, стр. 146); на этотъ же разъ мѣстные условія края почему-то были упущены изъ вида, и ошибка повела къ отиѣнѣ уже сдѣланнаго распоряженія. Сознавъ эту-то ошибку, Юаннъ 7-го января 1584 г. и далъ Строгановымъ новую грамоту, въ началѣ которой по обычаю повторилъ свой прежній указъ, который теперь отиѣнялся. Въ новомъ указѣ Строгановымъ предписывалось слѣдующее: „На веснѣ велѣли есмь князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бѣ струги подняли по

¹⁾ Напечатана у Миллера, стр. 170—171 въ сноскѣ (гл. III, § 36).

²⁾ Этотъ *прежній указъ*, привезенный княземъ Болховскимъ, не сохранился до нашего времени, но содержаніе его ясно изъ грамоты 1584 года.

двадцати человекъ съ запасомъ, а людей ратныхъ и подводъ и проводниковъ имать есмь у васъ не велѣли, и обиды есмь, идучи въ Сибирь, вашимъ людямъ и крестьяномъ никакія чинить не велѣли“. Такимъ образомъ Болховскій, по этому указу, долженъ быть отправиться въ Сибирь только весною 1584 г., „во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли“, какъ совершенно правильно на этотъ разъ замѣчаетъ Строгановская лѣтопись. Онъ остался на зиму въ главномъ городѣ Перми Великой—Чердыни, а весною долженъ былъ выѣхать на Каму и Чусовую въ Строгановскіе острожки, то-есть, въ Орель и Чусовской городокъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Сибирь тѣмъ самымъ путемъ, коимъ слѣдовалъ Ермакъ въ 1581 г. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ той же грамоты 1584 г.: „и вы бъ тотъ часъ велѣли къ веснѣ ко княжу Семенову пріѣзду (изъ Чердыни) Болховскому изготовить подъ нашу рать и подъ запасъ 15 струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ... И вы бъ тѣ суды дали... князь Семену Болховскому или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги въ вашихъ острогахъ и часу не мѣшкати; а не дадутъ судовъ подъ наши ратные люди вскорѣ,... а нашему дѣлу учинитца поруха, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ“. Какъ видимъ, все снаряженіе войска въ походъ обставлялось точно также, какъ было это въ 1581 году, при отправленіи Ермака, при чемъ Строгановы на этотъ разъ уже обязывались царскимъ указомъ принять участіе въ этомъ снаряженіи, подъ угрозой опалы за неисполненіе этого указа. Последняя оговорка грамоты доказываетъ, что грозный царь не забылъ прежней вины Строгановыхъ. Судя по тому, что царь велѣлъ имъ снарядить 15 струговъ, считая по 20 человекъ на каждый стругъ, мы думаемъ, что войско князя Болховскаго состояло изъ 300, а не изъ 500 человекъ, какъ говорятъ лѣтописи. Ни откуда не видно, чтобы князю были даны, кромѣ этихъ 15, еще какіе нибудь струги.

Накоонецъ, послѣ всѣхъ описанныхъ долгихъ приготовленій князь Болховскій съ товарищами Иваномъ Кирѣевымъ и Ив. Глуховымъ выступилъ изъ Чусовскаго городка Строгановыхъ вверхъ по Чусовой, „на полой водѣ“, раннею весною 1584 г. Трудно было подниматься на веслахъ противъ теченія по этой быстрой горной рѣкѣ во время ея разлива; особенно трудно было проходить каменные „переборы“ на рѣкѣ и плиты мимо горъ-каменей, расположенныхъ въ большомъ числѣ на ея берегахъ. Говорю это на основаніи личнаго опыта плаванія въ лодкѣ вверхъ по Чусовой во время ея разлива. Войско

могло двигаться очень медленно. На перевалѣ черезъ Уралъ во время разлива рѣкъ оно неизбежно должно было встрѣтиться съ новыми препятствіями, когда пришлось тащить суда (струи) черезъ волокъ. Далѣе по Тагилу, Турѣ и Тоболу плыть было легко по теченію, но князь Болховскій, надо думать, дѣлалъ остановки въ пути для сбора ясака съ покоренныхъ, такъ какъ прибылъ въ городъ Сибирь только осенью, а именно 1-го ноября 1585 г. по сентябрьскому счисленію времени (Ремезовъ, статья 92). Здѣсь умѣстно высказать слѣдующее соображеніе: если князь Болховскій по завоеванному краю слѣдовалъ водою столько времени отъ Чусовой до устьевъ Тобола, то есть ли какое либо вѣроятіе, чтобы Ермакъ въ 1581 г. могъ пройти тотъ же путь среди непріятелей съ 1-го сентября до 26-го октября, то-есть, менѣе, чѣмъ въ 2 мѣсяца? Пять, вся совокупность лѣтописныхъ фактовъ убѣждаетъ, что Ермакъ прошелъ этотъ путь въ два слишкомъ года, потерявъ много времени на двухъ зимовкахъ. Зимнее путешествіе изъ Сибири въ Русь и обратно требовало гораздо меньше времени, какъ мы ясно видѣли это на первомъ посольствѣ отъ Ермака въ Москву.

Атаманы и казаки съ честью встрѣтили за городомъ царскаго воеводу. „Государевы же воеводы (Болховскій, Кирѣевъ и Глуховъ) по государской росписи государево имѣ жалованье объявиша“, говоритъ Строгановская лѣтопись, то-есть, потребовали положеннаго имѣ содержанія. „Тое же зимы (1585 г.).—продолжаетъ та же лѣтопись.—егда придоша московстѣи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тѣи изъядоша, и казацы запасъ пасяху, смѣтесе по своимъ людемъ (то-есть, берегли, соображаясь съ числомъ своихъ людей), а того не вѣдуще московскія силы людей пришествія къ себѣ“. Доказательство, что посольство Ермака въ январѣ 1583 г. не просило себѣ помощи людьми въ Москвѣ. „И того ради,—заключаетъ Строгановская лѣтопись,—бысть оскудѣніе веліе всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомроша московстѣи вои и казацы, и воевода князь Семень Болховскій тожь умре“. Это было зимою 1585 г.. послѣ чего имени князя дѣйствительно не встрѣчаемъ болѣе. Только весною „татары и остяки отъ новинъ своихъ рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу насытишася“ (Ремезовъ, ст. 92).

Первымъ дѣломъ по прибытіи воеводъ въ Сибирь была отправка въ Москву лѣннаго царевича Маметкула. Ремезовъ относитъ это событіе къ тому же ноябрю, когда кн. Болховскій прибылъ къ Ермаку. „Ноября въ 21-й день,—пишетъ онъ,—послалъ Ермакъ къ

Москвѣ царевича Маметкула и собранной ясакъ. И привезоша его ко царю Ѳедору Ивановичу“ (статья 91). То же подтверждаютъ Есиповъ и „Сказаніе Сибирской земли“, что служить полнымъ опроверженіемъ показаній Строгановской лѣтописи, приурочивающей посылку Маметкула къ первому посольству Ивана Кольца. Выше мы привели другія доказательства полной нелѣпости какъ этого извѣстія, такъ и мнимаго пожалованія Строгановыхъ Солью Большою и Малою въ 1581 году. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Маметкуль и привезшіе его люди были встрѣчены въ Москвѣ съ великою честью. Встрѣча была „какъ посламя, а не аки плѣннику“,—замѣчаетъ Сказаніе Сибирской земли,—и „оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволсны и отпущены въ Сибирь попрежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимоѳеевичу его царскаго величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинець, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ“. То же „Сказаніе“ замѣчаетъ, что Маметкуль былъ отправленъ въ Москву „съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ“. Въ другихъ лѣтописяхъ это передается иначе: „по повелѣнію государя, воевода Ив. Глуховъ и сибирскіе атаманы и казаки послаша въ Москву Маметкула“¹⁾. Последнее извѣстіе намъ кажется правдоподобнѣе, потому что и далѣе опять упоминается воевода, вернувшійся черезъ Камень въ Русь (Ремезовъ, статья 107). Или въ этомъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть воеводу Ивана Кирѣева? При томъ же въ виду затрудненій, въ коихъ находились казаки, какъ могъ самъ воевода, только что прибывшій въ Сибирь и посланный туда по царскому указу, оставить ихъ въ столь тяжелое время? Сомнительно также, чтобы существовалъ въ дѣйствительности царскій указъ о посылкѣ Маметкула въ Москву: тамъ не могли знать до прибытія втораго посольства изъ Сибири о плѣнѣ царевича. Еслибъ Ермакъ особо извѣстилъ царя, то объ этомъ упомянули бы лѣтописи.

Намъ приходится вернуться по времени назадъ, чтобы показать, чѣмъ занятъ былъ Ермакъ въ то время, пока московское войско цѣлое лѣто 1584 года шло въ городъ Сибирь. Предыдущее лѣто, какъ мы знаемъ, Ермакъ посвятилъ далекимъ походамъ противъ Обскихъ остяковъ и Тавдинскихъ вогуль. Лѣто же 1584 г. онъ провелъ въ покореніи мѣстностей, лежавшихъ отъ города Сибири вверхъ по Иртышу и его лѣвому притоку Вагаю. Эти предпріятія его въ лѣтописи Ре-

¹⁾ Карамзинъ, примѣч. 712 къ IX тому.

мезова опять описаны какимъ-то другимъ лицомъ на вклеенномъ послѣ 25 листѣ (статья 99—103) ¹⁾. Неизвѣстный авторъ на этотъ разъ совершенно правильно относить эти событія къ августу 7092 (1584) года, излагая ихъ опять съ такими подробностями, какія могъ знать только участникъ походовъ. Къ юго-востоку отъ города Сибири Ермакъ дѣйствительно еще не воевалъ, а обезпечить свое главное завоеваніе съ этой стороны ему было необходимо: тамъ гдѣ-то скрывались его злые враги Кучумъ и Карача.

Дѣло началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 6-го августа 1584 г. Ермакъ получилъ первое извѣстіе изъ степи, что тамъ появился опять Кучумъ, который будто бы преградилъ путь въ Сибирь бухарскому торговому каравану. Ермакъ, по „Сказанію Сибирской земли“, хотѣлъ распространить бухарскую торговлю на городъ Сибирь, какъ видно, нуждавшійся въ предметахъ первой необходимости. Собравъ до трехсотъ человекъ, онъ пошелъ вверхъ по Иртышу, всюду встрѣчалъ покорность жителей, но Кучума и бухарцевъ не нашелъ. Онъ достигъ Сартезера (Сартскаго озера возлѣ Иртыша) и „до большаго князя Бѣгина княжева городка“ (нынѣ село Бѣгшево на Иртышѣ въ Тобольскомъ округѣ), гдѣ учинилъ „великой бой со сборными татарами и съ карачинцами“, разбилъ ихъ и поднялся къ Шамшѣ, къ Рянчикамъ и Саламъ до Каугдака (нынѣ при-иртышскіе татарскіе юрты Шамшинскіе, Ренчинскіе и Салинскіе въ Тобольскомъ округѣ). Не встрѣтивъ здѣсь никакого сопротивленія, Ермакъ достигъ далѣе до „старосты древняго поставленія царя Саргачика Ишимскаго“, что нынѣ надо полагать, Саургатскіе юрты въ томъ же Тобольскомъ округѣ ²⁾. На устьѣ рѣки Ишима была битва, гдѣ пало 5 казаковъ. Наконецъ, Ермакъ приступилъ къ городку Кулларову, что нынѣ юрты на Иртышѣ выше устья рѣки Ишима (ранѣе упомянута другая Куларова близъ устья Вагая). Тогда это былъ крайній сторожевой пунктъ со стороны владѣній калмыковъ, сильно укрѣпленный Кучумомъ, „и во всемъ верхъ Иртыша крѣпче его нѣтъ“ (Ремезовъ, статья 101). Пять дней приступалъ къ нему Ермакъ и, не взявъ, послѣдсвалъ далѣе по Иртышу къ городку Ташатканскому, что нынѣ деревня на лѣвомъ берегу Иртыша въ Тарскомъ округѣ. Затѣмъ, по взятіи

¹⁾ Это уже третья большая вставка въ рукопись Ремезова, о которой см. у Карамзина въ примѣч. 718 къ IX тому и у Миллера, гл. III, § 48, стр. 180. Извѣстія о походахъ противъ Обскихъ остяковъ и Тавдинскихъ вогулъ принадлежатъ, вѣроятно, тому же лицу.

²⁾ „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, LXXVI, стр. 26, 27 и др.

его, Ермакъ проплылъ къ устью рѣки Шиштамама (иначе Шишъ, правый притокъ Иртыша). „Волость Туралинская“, подъ коей надо разумѣть нынѣшнюю Тару, была крайнимъ предѣломъ Ермакова похода по Иртышу въ августѣ 1584 года. Отсюда Ермакъ успѣшно воротился назадъ, такъ какъ снова услышалъ о приближеніи Кучума. Въ началѣ сентября (по тогдашнему счисленію, значить, слѣдующаго 1585 года) атаманъ вернулся въ городъ Сибирь.

Здѣсь Ермака ожидали тяжелыя испытанія. 10-го сентября явился къ нему извѣстный намъ Карача, который далъ ему по своей вѣрѣ клятву въ вѣрности и просилъ дать ему помощь противъ враждебной Казачьей орды ¹⁾. Ермакъ повѣрилъ клятвѣ и отпустилъ съ Карачею 40 казаковъ подъ начальствомъ своего лучшаго боеваго товарища атамана Кольца. Но Карача измѣнилъ клятвѣ и вѣроломно умертвилъ всѣхъ казаковъ и съ ними атамана Кольца. Наступившая осень заставила Ермака отложить борьбу съ Карачею до весны. 1-го ноября противъ ожиданія Ермака, явилось въ г. Сибирь московское войско. затѣмъ послѣдовала отправка къ царю лѣвнанаго Маметкула, и наступила голодная зима, стоившая потери многихъ людей и въ числѣ ихъ недавно прибывшаго князя Болховскаго. Военныя дѣла были отложены до весны.

12-го марта 1585 г., въ великій постъ, измѣнникъ Карача явился подъ городомъ Сибирью, обложилъ его обозами и таборами, а самъ расположился въ трехъ верстахъ отъ города на Саусканской лукѣ. „И стоя до пролѣтія и многую гибельную поруху казакамъ нанесъ гибельно“ (Ремезовъ, статья 94) ²⁾. 12-го іюня,—говоритъ Строгановская лѣтопись (а по Ремезову 9-го мая),—казаки ночью напали врасплохъ на станъ Карачи, убили двухъ его сыновей, а самого его и прочихъ татаръ заставили разбѣжаться. Утромъ на Саусканѣ завязалась битва, кончившаяся бѣгствомъ непріятеля и побѣдою казаковъ. Наступилъ роковой для Ермака Тимошеевича августъ 1585 года 1-го августа онъ опять получилъ извѣстіе о приближеніи бухарцевъ и препятствіяхъ, которыя дѣлалъ Кучумъ ихъ свободному проходу въ городъ Сибирь. Ермакъ, взявъ съ собою 50 человекъ казаковъ, на этотъ разъ немедленно отправился на стругахъ вверхъ по Иртышу до Агитской луки, которую правильнѣе называть Вагайскою. Чтобы

¹⁾ Въ Строгановской лѣтописи „отъ Ногайской орды“.

²⁾ На этомъ основаніи сообщеніе синодика Софійской соборной церкви въ Тобольскѣ, будто Иванъ Кольцо былъ убитъ 17-го апрѣля, мы считаемъ ошлбкомъ, согласно съ Карамзинимъ, см. его „Исторію“, примѣч. 714 къ IX тому.

скорѣе вступить въ устье Вагая и миновать длинный язгиль Иртыша, образующійся въ этомъ мѣстѣ, Ермакъ направилъ струги по протоку или перекопи, прорытой здѣсь кѣмъ-то раньше и тогда еще не обмѣлѣвшей¹⁾. Въ устьѣ Вагая Ермакъ не встрѣтилъ, однако, бухарцевъ, почему сталъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, достигъ урочища Атбаша, „идеже нынѣ,—говоритъ „Сказаніе Сибирской земли“,—поставленъ Абатской острогъ“, но отсюда повернулъ обратно къ устью рѣки. (Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ деревня Черная, Аджакская тожъ: „Списки“, стр. 21). Онъ возвратился опять къ перекопи и въ бурную дождливую ночь съ 5-го на 6-е августа 1595 г. рѣшилъ ночевать на ближайшемъ островѣ Иртыша. Онъ не подозрѣвалъ близости врага, который между тѣмъ бдительно слѣдилъ за казаками. Во время глубокаго сна Кучумъ со скопникомъ татаръ напалъ на казаковъ врасплохъ, перебилъ ихъ, при чемъ Ермакъ, какъ извѣстно, бросился вплавь къ берегу рѣки, но утонулъ подъ тяжестью надѣтыхъ на него царскихъ панцирей. „Стругъ же отплы отъ брега и не дошедъ (брега, Ермакъ) утоне.... Точію единъ казакъ утече во градъ и возвѣстивъ бывшимъ“ (Ремезовъ, статьи 105 и 106). Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила всѣхъ жителей Искера и скоро облетѣла всю покоренную Сибирь.

Со смертью двухъ главныхъ храбрѣйшихъ атамановъ, дѣла казаковъ быстро пошли къ упадку, и неудачи слѣдовали одна за другой. Въ лицѣ Ермака исчезла та могучая нравственная сила, которая питала духъ храбрости и строгаго повиновенія среди казаковъ, внушая тѣмъ страхъ и побѣжденнымъ. Московскіе воеводы, не закалившіе себя въ непрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ, далеко не могли замѣнить погибшаго героя и поддержать упавшій духъ войска. Смерть главнаго вождя показала все величіе исторической личности Ермака, который былъ душою всего предпріятія. Это-то обаяніе личности славнаго атамана доселѣ являлось главною причиною несогласій среди ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покореніи Сибири и нерѣдко сводившихъ все дѣло къ заслугѣ одного человѣка. Здѣсь причина и совершеннаго забвенія нѣкоторыми учеными исторической роли Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, которымъ принадлежала, однако, инициатива

¹⁾ *Миллеръ*, слѣдя Ремезову, говоритъ, что перекопи вырыта была казаками Ермака длиною въ одну версту, чего не могло быть, когда Ермаку дорогъ былъ каждый день. См. гл. III, § 46, стр. 179, и § 62, стр. 189. *Л. А. Словцовъ* на первой же страницѣ своего „Историч. обзор. Сибири“ справедливо отвергаетъ участіе казаковъ въ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣніе о перекопи сообщилъ Ремезовъ въ ст. 98.

сибирскаго похода. Безспорно, велико значеніе Ермака Тимофеевича въ покореніи Сибири, но въ началѣ его похода немаловажное значеніе имѣли и именитые пермскіе люди Строгановы. Если Ермакъ и прервалъ съ ними сношенія со времени постигшей ихъ опалы, изъ опасенія навлечь таковую и на себя, то это еще не даетъ намъ права отнимать у нихъ всякую историческую заслугу въ дѣлѣ покоренія обширной и богатой страны власти русскихъ государей.

Но возвратимся къ году смерти Ермака и къ событіямъ, сопровождавшимъ его смерть. Годомъ смерти его обыкновенно считаютъ 1584-й, но это не правильно, какъ убѣждаетъ весь естественный ходъ событій, выше показанный нами. Это дѣлается только на основаніи сбивчивой хронологіи сибирскихъ лѣтописей безъ строгаго соображенія съ фактами того времени. Такъ, изъ этихъ лѣтописей, кромѣ Строгановской, допустившей въ данномъ случаѣ явную путаницу событій, ясно видно, что плѣнный царевичъ Маметкулъ доставленъ былъ въ Москву еще при жизни Ермака, но уже по смерти Іоанна IV. Ремезовская лѣтопись указала съ обычною точностью и правильностью мѣсячныхъ и числовыхъ датъ, что царевича Ермакъ отправилъ изъ города Сибири 21-го ноября 1584 года, но никакъ не предыдущаго, потому что это второе посольство въ Москву уже не застало въ живыхъ Іоанна IV, умершаго 18-го марта 1584 г., и явилось къ Θεодору Іоанновичу (указанія Есипова, Ремезова и „Сказанія Сибирской земли“). Слѣдовательно, Ермакъ жилъ еще до 6-го августа, но котораго: того же 1584 сентябрьскаго года, или слѣдующаго 1585-го? Конечно, послѣдняго 1585-го, потому что въ сентябрѣ 1585 г., то-есть, въ самомъ началѣ года по тогдашнему счисленію, самъ Ермакъ отправилъ Ивана Кольцо съ 40 казаками къ Карачѣ, а это событіе, въ свою очередь, было почти черезъ годъ по отправленіи плѣннаго царевича въ Москву. Вся путаница въ годахъ происходитъ отъ смѣшенія сентябрьскаго года съ январьскимъ и отъ упущенія изъ виду второй зимовки Ермака въ Тюмени. Изъ двухъ разрядовъ источниковъ, лѣтописей и грамотъ, мы должны вѣрить больше и даже безусловно хронологіи грамотъ, а никакъ не лѣтописей, которыя намъ дороги только по указанію фактовъ. Поступать же наоборотъ—значить безъ конца повторять ошибки въ опредѣленіи времени событій. И странно: ученые, начиная съ Карамзина, сами сознавали это и все-таки больше держались хронологіи лѣтописей. Такъ, еще Карамзинъ въ концѣ 703 примѣчанія къ IX тому „Исторіи“ послѣ долгихъ, но безплодныхъ хронологическихъ сопоставленій рѣшительно

замѣлялъ: „Остается или не вѣрить хронологія грамотъ, или году Ермаковой смерти: то-есть, вопреки лѣтописямъ полагать ее въ 1585 году“. Последнее соображеніе было совершенно правильно, и однако Карамзинъ ему, не послѣдовавъ, предпочтя въ концѣ концовъ хронологію лѣтописей. То же самое допустилъ Соловьевъ, считавшій покореніе Сибири дѣломъ двухъ мѣсяцевъ и не признавшій ни одной зимовки Ермака на всемъ пути до Иртыша ¹⁾. По той же причинѣ Иловайскій вздумалъ поправлять дату грамоты отъ 7-го января 1584 г., чтобы только примирить ея хронологію съ лѣтописями ²⁾. На нашъ взглядъ всѣ эти натяжки происходили отъ недостаточно-строгаго критическаго отношенія къ хронологіи сибирскихъ лѣтописей, которыя не заслуживаютъ того довѣрія, какъ безусловно точныя и правильныя даты грамотъ.

Мы сказали, что со смертью Ермака скоро пошатнулось все дѣло, созданное имъ и державшееся только его энергіей, его мощнымъ духомъ. Со всѣхъ сторонъ тотчасъ показались старыя враги казаковъ. Въ городѣ Сибири русскихъ осталось только 150 человѣкъ, если вѣрить Ремезову (статья 107); остальные всѣ погибли въ битвахъ и въ теченіе голодной зимы 1584 года. Московская помощь оказалась ничтожна. Воеводы Глуховъ и Кирѣевъ, повидимому, не оказались на высотѣ своего назначенія въ столь трудное время. Впрочемъ, если вѣрить „Сказанію Сибирской земли“, то Глухова тогда уже и не было въ Сибири (онъ увезъ въ Москву Маметкула); князь Болховскій умеръ вскорѣ по прибытіи въ городъ Сибирь, и здѣсь остался только Иванъ Кирѣевъ ³⁾. Какъ бы то ни было, но мы ни въ чемъ не видимъ проявленія ихъ дѣятельности. Напротивъ, вскорѣ же послѣ смерти Ермака, оставшіеся въ живыхъ русскіе воины въ числѣ полтораста человѣкъ „сѣдоша въ струги своя августа въ 15 день и погребоша внизъ по Обѣ и съ воеводою (которымъ?) и по Иртышу и по Собѣ и черезъ Камень придоша въ Русь на свои жилища; градъ же (Сибирь) оставиша пустъ“ (Ремезовъ, ст. 107). Это было совсѣмъ не въ правилахъ Ермака. Опустѣвшій городъ немедленно занялъ Алей, сынъ Кучума, но не надолго: вскорѣ на него напалъ Сейдякъ Бек-

¹⁾ „Исторія“, VI, 428—430, и VII, 370—371.

²⁾ См. примѣчаніе 70-е къ III тому его „Исторія“, стр. 662.

³⁾ *Миллеръ* въ 3-й главѣ „Описанія Сибирскаго царства“ вездѣ считаетъ преемникомъ Ермака воеводу Глухова, ничего не говоря о Кирѣевѣ, но лѣтописи не называютъ воеводы по фамиліи, почему мнѣніе *Миллера* требуетъ еще доказательства.

булатовичъ, заставилъ Алея очистить городъ, который и занялъ самъ, отступивъ, наконецъ, Кучуму за кровь отца своего Бекбулата (Ремезовъ, ст. 108). Казалось, всё труды Ермака и его дружины погибли безплодно!

Но Москва не забывала Сибири. Теперь царевичъ Маметкуль служилъ ей живымъ напоминаніемъ о Сибири. Когда до нея еще не дошла вѣсть о гибели Ермака, царь Осодоръ Іоанновичъ отправилъ на помощь ему втораго воеводу Ивана Мансурова. По единогласному свидѣтельству сибирскихъ лѣтописей, это было во второе лѣто по смерти Ермака. Послѣдній погибъ на 6-е августа 1585 г., а Мансуровъ прибылъ въ Сибирь осенью (въ концѣ октября или началѣ ноября) 1586 г. по сентябрьскому счисленію, то-есть, онъ явился въ началѣ слѣдующаго года, вскорѣ послѣ того, какъ городъ Сибирь былъ оставленъ русскими. По указанію Ремезова въ статьѣ 119, Мансуровъ прибылъ только съ 100 воинами обычнымъ водянымъ путемъ. Это показываетъ, что новый воевода не зналъ о смерти Ермака, котораго хотѣлъ только подкрѣпить своимъ небольшимъ отрядомъ. Но противъ ожиданія онъ оказался теперь предоставленнымъ самому себѣ среди окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ неприятелей,—оказался въ самомъ трудномъ, безпомощномъ положеніи. Что же предпринялъ Мансуровъ съ своимъ небольшимъ войскомъ въ далекой неприятельской странѣ? На этотъ вопросъ подробно отвѣчаетъ Есиповъ и неизвѣстный составитель „Сказанія Сибирской земли“. Есиповъ пишетъ: „... и доплыша до рѣки Иртыша; татаръ же множество собращася во уреченномъ мѣстѣ у рѣки Иртыша на берегу. Воевода-жь видѣ таково собраніе поганныхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града (въ Сказаніи добавлено: „и услыша, яко князь Ермакъ утопенъ“—доказательство, что воевода не зналъ дотолѣ о смерти атамана), и убояся, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу; доплыша жъ до великой Оби, бѣ бо тогда осень, и ледъ въ рѣкахъ смерзается. Иванъ же Мансуровъ видѣ, яко наставше зима, и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью противъ Иртыша во устію и сяде въ немъ съ своими людьми и тако озимоваше“. Этотъ Обскій городокъ справедливо считается первымъ русскимъ городомъ на берегахъ Оби. Онъ стоялъ посреди поселеній остяковъ, которые и называли его Рушь-вашъ, то-есть. Русскій городокъ ¹⁾. Онъ стоялъ у

¹⁾ Топографическое положеніе города подробно указываетъ *Миллеръ* въ главѣ III, § 77, стр. 199. *Обскій Большой городокъ* упоминается впоследствии въ „Книгѣ Большому Чертежу“.

Бѣлыхъ горъ, близъ нынѣшняго села Самарова, противъ Березовскаго протока Иртыша, по сосѣдству съ остяцкимъ городкомъ Гулангъ-вашъ (Восточный городокъ). Во времена Миллера видны еще были слѣды обоехъ поселеній. Остяки, конечно, были недовольны водвореніемъ русскихъ на ихъ землѣ; они пытались было разрушить русскій городъ. но безуспѣшно, за неимѣніемъ огнестрѣльнаго оружія, которымъ владѣли русскіе. Въ теченіе зимы не было столкновеній между русскими и остяками; послѣдніе принесли даже ясакъ русскому воеводѣ и тѣмъ выразили свою покорность. Однако Мансуровъ сильно нуждался въ людяхъ и съ наступленіемъ весны 1586 г., сознавая свое безсиліе и опасности среди враждебныхъ инородцевъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться, рѣшился возвратиться въ Русь черезъ Камень, то-есть, по слѣдамъ Глухова или Кирѣева (Ремезовъ, ст. 120). Такимъ образомъ и вторая посылка московскаго войска въ Сибирь имѣла мало успѣха, по малочисленности посланной съ воеводою военной силы.

Но Москва продолжала оказывать содѣйствіе въ покореніи страны русскими. Когда до нея дошелъ слухъ о гибели Ермака и выходѣ перваго войска изъ Сибири безъ всякаго почти успѣха (о неудачахъ Мансурова тамъ еще не могли знать), царь Θεодоръ Іоанновичъ весною того же 1586 года послалъ въ Сибирь третьяго воеводу Василя Борисовича Сукина и съ нимъ Ивана Мясного и письменнаго голову Данила Чулкова съ 300 человекъ ¹⁾. Они явились на рѣку Туру въ половинѣ лѣта 1586 года, когда Мансуровъ успѣлъ оставить Сибирь. На этотъ разъ московское правительство распорядилось именно такъ, какъ слѣдовало поступить вначалѣ, чтобы прочною ногою утвердиться въ завоеванной казаками странѣ. Узнавъ, что главнымъ оплотомъ для татаръ постоянно служили два города Чинги-Тура (Тюмень русскихъ) на западѣ и Сибирь на востокѣ, что, повидимому, хорошо зналъ и Ермакъ, простоявшій въ Тюмени всю зиму 1582 года ²⁾, правительство предписало воеводѣ Сукину прежде всего укрѣпиться въ Тюмени на р. Турѣ, а затѣмъ отрядить Данила Чулкова къ устьямъ Тобола, гдѣ онъ долженъ былъ воздвигнуть новое укрѣпленіе вблизи города Сибири. Прочно утвердившись въ этихъ

¹⁾ Въ „Сказаніи Сибирской земли“ князь Болховскій называется *первымъ* воеводою, а Василій Сукинъ *третьимъ*.

²⁾ Въ Москвѣ эти свѣдѣнія могли сообщить правительству Маметкуль или воеводы Глуховъ и Кирѣевъ.

двухъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Сибири, русскіе легче могли удержать въ своихъ рукахъ завоеванія Ермака путемъ постепеннаго построенія новыхъ русскихъ укрѣпленій на Турѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и Оби.

Воеводы точно исполнили предписанія правительства. 29 іюля 1586 года они положили основаніе укрѣпленному городу Тюмени, вблизи стариннаго татарскаго города Чинги-Тура, заложили первую въ Сибири церковь Всемилоствиваго Спаса ¹⁾ и стали собирать ясакъ съ татаръ, жившихъ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Исети и Пышмѣ. Подробное топографическое описаніе вновь основаннаго города Тюмени и прежней татарской Чинги-Туры можно видѣть у Миллера (глава IV, §§ 4 и 5). Прочно утвердившись на Турѣ, вторично послѣ Ермака заставивъ всѣхъ окружныхъ татаръ признать русскую власть, воеводы могли уже безъ прежняго риска, но съ полной увѣренностью въ успѣхѣ распространять русское владычество далѣе на востокъ. Вторичное завоеваніе страны, какъ по всему видно, не требовало тѣхъ усилій со стороны русскихъ, съ какими было сопряжено первое занятіе этихъ мѣстъ дружиною Ермака. Имя русскихъ уже не наводило на туземцевъ того страха, какой внушали имъ казаки, съ Ермакомъ во главѣ, благодаря невиданному дотолѣ въ Сибири огнестрѣльному оружію.

Весною слѣдующаго 1587 года въ Тюмень пришло изъ Россіи новое подкрѣпленіе въ 500 человекъ при указѣ Θεодора Іоанновича, коимъ предписывалось воеводѣ Данилу Чулкову заложить на устьѣ Тобола новый городъ, въ 16 верстахъ отъ Сибири. „И по промыслу Божію, доплывъ воевода Данило Чулковъ и противъ устья Тоболу поставилъ градъ, именемъ Тоболескъ, на горѣ, первый столпой во всѣхъ городѣхъ, и церковь первую воздвиже во имя Святыя Троицы и другую Всемилоствиваго Спаса на звозѣ“ (Ремезовъ, ст. 122). Послѣ Обскаго городка и Тюмени это былъ третій по времени основанія русскій городъ въ Сибири ²⁾, до 1590 года подчиненный по управленію Тюмени. Съ этого времени русскіе оконча-

¹⁾ *Ремезовъ*, ст. 121: „поставиша градъ Тюмень іюля въ 29 день, еже Чинги слыхъ, и церковь воздвигоша Всемилоствиваго Спаса, *первую въ Сибири*, и ясакъ со многыхъ татаръ собраша по Турѣ и по Тоболу и Исети и Пышмѣ“.

²⁾ *И. А. Словцовъ* на основаніи неизвѣстнаго намъ источника говорить, что городъ Тобольскъ основанъ въ 1586 г., а въ слѣдующемъ году перенесенъ на мысъ нагорнаго берега Иртыша. См. „Историческое обозрѣніе Сибири“, изд. 2-е часть I, стр. 816.

тельно закрѣпили за собою первое завоеваніе Ермака и его храброй дружины. Чулковъ скоро покончилъ съ Сейдякомъ, отправивъ его вмѣстѣ съ Карачею въ Москву, послѣ чего городъ Сибирь запустѣлъ. Дальнѣйшую борьбу русскихъ съ татарами до смерти Кучума и постепенное построеніе новыхъ русскихъ городовъ въ Западной Сибири мы не намѣрены излагать здѣсь. Эти времена достаточно изслѣдованы и не представляютъ особенно спорныхъ хронологическихъ вопросовъ ¹⁾.

А. Дмитріевъ.

¹⁾ Такъ какъ статья почтеннаго автора имѣетъ между прочимъ полемическое значеніе, а его хронологическія соображенія могутъ вызвать еще дальнѣйшія новыя возраженія, то мы рѣшились оставить его приемы хронологическаго вычисленія неприкосновенными даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они представлялись намъ не вполне правильными съ технической точки зрѣнія.

Ред.

ГЕТЕРИЗМЪ, ПОБРАТИМСТВО И КУМОВСТВО ВЪ КУПАЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ.

(Хронологическія гипотезы).

I.

Періоды лѣтняго солнцестоянія, когда жизненныя силы природы видимо въ полномъ разцвѣтѣ, а уже склоняются къ смерти, могли вызвать на одной изъ простѣйшихъ стадій религіознаго сознанія одни и тѣ же представленія и сходную обрядность: образы смерти и сътованія, усиленное чествованіе всего жизненнаго, продуктивнаго, что грозило изсякнуть вмѣстѣ съ начинавшимъ дряхлѣть солнцемъ. Купальскіе огни символически поддерживаютъ его гаснущую силу; эротизмъ купальской обрядности отвѣтилъ тому же наивному взгляду.

Въ основѣ этихъ „годовыхъ“ представленій лежитъ ежедневное наблюденіе смѣны свѣта и мрака; въ результатѣ — міровой мнѣ, приурочившій къ началу и концу исторіи роковыя противорѣчія, обобщенныя изъ простѣйшихъ наблюденій дня и года. За чертой этого натуралистическаго мнѣа могли находиться бытовыя отношенія, которыя мнѣа выразилъ и прикрылъ своимъ символизмомъ; къ концу развитія относится христіанскія воздѣйствія и усвоенія.

Эти общія точки зрѣнія на содержаніе и значеніе купальской обрядности¹⁾ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не увлечься въ частныя, областныя толкованія какой-нибудь бытовой черты или суевѣрія, получающаго смыслъ лишь на почвѣ болѣе широкаго сравненія.

¹⁾ О ней сл. *Hillebrandt*, Die Sonnwendfeste in Alt-Indien. Erlangen und Leipzig, 1869. См. еще *Henri Gaidos*, Le Dieu Gaulois du soleil et le symbolisme de la roue. Leroux 1886 г.

Такъ, напримѣръ, Треде ¹⁾ утверждаетъ, что церковь перенесла праздникъ Ивана Крестителя на 24-е іюня, съ цѣлью устранить языческой обиходъ, совпадавшій съ поворотомъ солнца, но что въ Италіи это ей будто бы не удалось, ибо на то же число падало въ Римѣ народное чествованіе: Fors-Fortuna, что и отразилось въ италіанской Ивановской обрядности элементомъ — гаданій о судьбѣ. Значеніе этого вывода ослабляется существованіемъ того же элемента въ славянскихъ, финскихъ, латышскихъ, нѣмецкихъ, греческихъ, армянскихъ, абхазскихъ ²⁾, испанскихъ и италіанскихъ купальскихъ обычаяхъ, устраняющихъ специальное вліяніе Fors-Fortuna. Въ Греціи, напримѣръ, Ивановъ день—день гаданій (κλήδονα):

Κλειδῶσατε τὸν κλήδονα μὲ τ' αἰ-Γιαννιοῦ τῆ χάρι....

'Ανοίξτε τὸν κλήδονα 'στ' αἰ-Γιαννιοῦ τῆ χάρι,

поютъ дѣвушки, гадая о судьбѣ, о женихѣ ³⁾.

Важнѣе другой вопросъ, уже не разъ представлявшійся мнѣ въ теченіе моихъ работъ надъ христіанской или христіански окрашенной легендой и обрядомъ. Въ приложеніи къ купальскимъ обрядамъ этотъ вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: на сколько надъ ихъ праевропейскимъ субстратомъ возможно обособить еще нѣчто общее, уже христіанизованное, указывающее на вѣроятность распространенія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представленій и формулъ если не церковнымъ путемъ, то по стезямъ церковнаго вліянія? Теоретически можно представить себѣ, напримѣръ, что извѣстная языческая обрядность перешла гдѣ нибудь на имя Іоанна Крестителя и въ этомъ соединеніи районировала далѣе, что и объяснило бы ея совпаденіе въ разныхъ областяхъ христіанскаго фольклора. Разумѣется, можно попытаться объяснить это совпаденіе и другимъ путемъ: сходствомъ формъ языческаго культа не только въ идеѣ и общихъ чертаніяхъ, но и въ подробностяхъ, при чемъ сходство привзошедшихъ въ него христіанскихъ элементовъ было бы лишь слѣдствіемъ совершившагося повсюду самостоятельнаго ихъ приуроченія.

Для рѣшенія такого шаткаго вопроса не достаетъ еще многихъ данныхъ. Укажу пока на одинъ изъ многихъ десидератъ. Христіан-

¹⁾ *Trede*, Das Heidenthum in der römischen Kirche, т. IV, стр. 259.

²⁾ Сл. *Дубровинъ*, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2-я, стр. 25.

³⁾ *Thumb*, Zur griechischen Volkskunde, III Der Klidonas, *Zs. des Vereins f. Volkskunde*, II, стр. 392 слѣд. Сл. La notte di san Giovanni in Oriente у *Pitrè*, Archivio VII, стр. 128 слѣд.

скія святыни основывались нерѣдко на мѣстѣ языческихъ, иногда случайно, безъ внутренняго соответствія между старымъ и новымъ объектомъ культа, иногда при встрѣчныхъ теченіяхъ ихъ содержанія. Гдѣ ихъ не было, тамъ могло явиться позднѣе вліяніе стараго на новое, и христіанская легенда могла испытать воздѣйствіе мѣстныхъ, болѣе древнихъ. Предположимъ, что такая христіанская святыня оказываетъ не мѣстное только вліяніе, и мы можемъ быть увѣрены, что по его слѣдамъ распространятся воззрѣнія и обряды, безсознательно осложненные язычествомъ. Такіе вопросы почти не затронуты; мы спрашиваемъ себя: почему Григорій Просвѣтитель обратилъ въ церковь Іоанна Крестителя храмъ богини любви и производительности Анагиты? Если поклоненіе ей, въ формахъ Меп или Ма перешло въ христіанскую пору къ культу Маріи ¹⁾, то мы получимъ комбинацію именъ Ивана и Маріи, знакомую нашимъ купальскимъ пѣснямъ. Или: почему въ Абрुццахъ церковь св. Іоанна Предтечи названа *In Venere*? Мѣстное преданіе отвѣтило на это образно: будто царица Венера основала ее въ память своего избавленія отъ бури заступничествомъ святаго, къ которому она обратилась ²⁾. Но это, очевидно, не генетическое объясненіе.

Какъ бы ни рѣшился вопросъ, схема языческаго обряда съ точки зрѣнія натуралистическаго мненія была бы слѣдующая: лѣто идетъ на уронъ, умираетъ, убить юный богъ, выражающій, производительную мощь природы, и его оплакиваетъ любившая его богиня; женщины сѣтуютъ надъ его тѣломъ, и сѣтованія перемежаются эротическими мотивами; ихъ значеніе, можетъ быть, то же, что и купальскихъ огней: страстный призывъ къ жизни и теплу, удалившимся со смертью бога.

Небольшая замѣтка г-жи Эрсиліи Казтани Лователли о празднествахъ Адониса и сходныхъ съ ними сардинскихъ обрядахъ даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ сообщеніямъ, дополняющимъ сопоставленія Маннгардта ³⁾.

¹⁾ Разысканія, № 2. стр. 64.

²⁾ *Finamore*, *Credenze, usi e costumi abruzzesi*, стр. 160.

³⁾ *Ersilia Castani Lovatelli*, *I giardini di Adone*, въ *Nuova Antologia* 1892, 16 Luglio; *Mannhardt*, *Wald-und Feldkulte II*, стр. 273 слѣд. О культѣ Адониса сл. *Greve*, *De Adonide* (Lipsiae. 1877) и *Roscher*, *Ausführliches Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie*, а. v. Adonis. На параллеляхъ Таммюз — Adonis (*Leibrecht*, *Zur Volkskunde*, стр. 251 слѣд.) и друг. я здѣсь не останавливаюсь; на аналогія съ Адоніями указывалъ уже *Ефимечко*: О Яригѣ, языческомъ божествѣ русскихъ славянъ въ *Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи*, т. 2. стр. 88; сл. тамъ же замѣтку *О. Миллера*, стр. 112—114.

Сиро-финикійскій культъ Адониса распространился изъ Азии, гдѣ его главными центрами были Виблосъ, Антиохія и др., въ Кипръ и Грецію, Египеть и Римъ. Мнѣ представлялъ его сыномъ сирийца Тіанта или Киниры, основателя Пафоса на Кипрѣ, который прижилъ его, самъ не зная того, съ своей дочерью Смирной или Миррой, воспылавшей къ нему, по волѣ Афродиты, нечистою любовью. Боги обратили ее въ дерево (мирру); отъ него и родился Адонисъ, прекрасный юноша, котораго любить Афродита. Но любовь эта не долговѣчна: Адонисъ погибъ, охотясь въ горахъ Ливана, сраженный вепремъ, и соименная ему рѣка у Виблоса окрасилась его кровью; всякій разъ въ пору наступленія его праздника то же явленіе повторялось; голова изъ древесной коры, очевидно, изображавшая голову Адониса, которую въ праздникъ Адоній опускали въ море жители Александріи, черезъ недѣлю приставала къ Виблосу (Luc. De Dea Syr. 7, стр. 455 ed. *Jacobitis*); по другимъ свидѣтельствамъ (Cyrill. Comm. in Jesaiam c. 18, Procop. изъ Газы, Comm. in Jes. 18) александрійскія жены отправляли такимъ же путемъ сосудъ съ посланіемъ въ Виблосъ, извѣщавшимъ, что Адониса нашли. Афродита дѣйствительно искала и обрѣла его тѣло; онъ возвращался, оживалъ; споръ Афродиты съ Персефоной, рѣшенный Зевсомъ въ томъ смыслѣ, что Адонисъ будетъ поочередно принадлежать то одной, то другой изъ нихъ, указываетъ на основы мнѣя умирающаго и обновляющаго бога.

„Адоніи“ отбывались осенью (въ Антиохіи и Александріи) и весною (въ Виблосѣ, Аѳинахъ), можетъ быть, и лѣтомъ (въ іюнѣ). Весною Адонисъ оживалъ, и мы можемъ конструировать послѣдовательность обряда: онъ начинался съ сѣтованія надъ погибшимъ и переходилъ въ ликованіе надъ воскресшимъ; въ осеннемъ или лѣтнемъ обиходѣ, отвѣчавшемъ нашему купальскому, оба момента смѣнялись въ обратномъ порядкѣ, но символика была та-же. Участницами обряда были женщины, позднѣе, главнымъ образомъ, гетеры; онѣ искали погибшаго Адониса и находили его. Фигура юнаго бога, Ἀδώνιον, сдѣланная изъ дерева, воска или терракотты и нерѣдко окрашенная въ красный цвѣтъ (оттуда его названіе *χοράλλιον*), покоилась на ложѣ, рядомъ съ изображеніемъ Афродиты; вокругъ него деревья въ плодахъ и сосуды или корзины съ засѣянными въ нихъ обрядовыми растеніями: укропомъ, ячменемъ, пшеницей, мальвой и традиціоннымъ латукомъ, игравшимъ роль въ мнѣѣ: разказывали, что вепрь убилъ Адониса на куствѣ латука, либо что Венера спрятала въ немъ любя-

маго юношу, либо возложила тѣло убитаго на латукѣ, *νεκρόν βρέφα*. Эти искусственные садики, „сады Адониса“, *Ἀδωνίδος κήποι*, которые и звались *ἐπιτάφιοι*, были необходимой принадлежностью обряда; подборъ растений, быстро поднимающихся и столь же быстро отцвѣтающихъ, отвѣчалъ смыслу праздника. Женщины оплакивали умершаго бога, голосили надъ нимъ подѣ звуки флейтъ и причитали адоніазмы (*ἄδωνιασμοί*). Приношенія состояли изъ фигурокъ птицъ и животныхъ, сдѣланныхъ изъ тѣста и меда; въ Библосѣ женщины обрѣзывали свои косы нѣ знакъ траура; это была и жертва богу и знакъ зависимости и служения; но эта жертва замѣнялась и другой, столь же знаменательной: въ теченіе цѣлаго дня женщины отдавались въ храмъ всякому приходящему, и плата, которую онѣ за это принимали, приносилась въ храмъ Афродиты. Тотъ же обычай существовалъ, по всей вѣроятности, и въ Пафосѣ и на Кипрѣ. Вверженіемъ въ воду изображенія Адониса и его садиковъ кончалась (въ Александріи) печальная часть обряда, послѣ чего раздавались радостные клики: Живъ Адонисъ, вознесся на небо!

II.

Подобное же соединеніе похоронныхъ и эротическихъ мотивовъ встрѣтимъ мы и на почвѣ европейской Ивановской обрядности; лѣтнія Адоніи совпадали съ нею хронологически и вызываютъ къ сравненію. Привлеченіе въ нашу купальскій циклъ (24-го іюня) воспоминанія о смерти Ивана Крестителя (29-го августа) ¹⁾ совершилось на почвѣ болѣе древнихъ до-христіанскихъ представленій, гдѣ уже соединились образы жизни и смерти.

Начнемъ съ сардинскаго обычая, носящаго названіе „Ивановскаго кумовства“ (*Compagnatico di S. Giovanni*) ²⁾. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля какой нибудь крестьянинъ предлагаетъ сосѣдкѣ, не согласится ли она въ теченіе слѣдующаго года быть ему кумой. Въ

¹⁾ См. Разысканія, № XVI, стр. 306.

²⁾ О кумовствѣ въ народныхъ итальянскихъ обычаяхъ см. *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, v. XII, стр. 288 слѣд.; v. XV, стр. 64, 158, 255, слѣд.; сл. его же въ отдѣлѣ: *Spettacoli e feste*, стр. 315; *Fiabe e leggende* № XLV; *De Nino*, Usi Abruzzesi I стр. 17 слѣд., 48 слѣд.; IV, стр. 83 слѣд.; *Dorsa*, La Tradizione, 2-е изд., стр. 55 — 8; *Bresciani*, Dei costumi di Sardegna. Napoli, 1850 стр. 269; *Marcoaldi*, Le usanze, стр. 56; *Bernoni*, Leggende fantastiche popolari veneziane, №№ 1—3; *Ferraro*, Canti Monferrini, № 5.

случаѣ согласія, она тотчасъ-же принимается за дѣло: дѣлаетъ изъ коры пробковаго дерева (*sughero*) родъ сосуда и наполняетъ его землею, которую засѣваетъ пшеницей. Къ Иванову дню зелень густо поднимается; тогда сосудъ получаетъ названіе *erme* или *penneri*. Въ день праздника будущій кумъ и кума отправляются, сопровождаемые веселой толпой мальчиковъ и дѣвочекъ, въ церковь и, не дойдя до нея, бросаютъ сосудъ въ двери церкви такъ, чтобы онъ разбился. Затѣмъ садятся кружкомъ и ѣдятъ яичницу съ зеленью, при чемъ одинъ кубокъ съ виномъ переходитъ изъ рукъ въ руки, и скрипка (*lionedda*) играетъ веселые мотивы. Послѣ этого встаютъ и взявшись за руки, медленно движутся, повторяя на распѣвъ: Кумъ и кума во имя св. Ивана (*comrae e comae di San Giovanni*). Обрядъ кончается поздно въ ночь пляской въ хороводѣ. — Нѣкоторыя подробности под-сказываетъ обычай въ другой мѣстности Сардиніи (*Ozieri*): здѣсь въ навечеріе Иванова дня дѣвушки выставляютъ на окнѣ традиціонный *erme*, украшенный шелковыми тканями и лентами, флагами и свѣчами. Въ былое время существовалъ обычай, отиѣненный церковью, ставить на вершинѣ сосуда чучело, одѣтое въ женское платье. Сардинское *erme* отвѣчаетъ „садамъ Адониса“, чучело, очевидно, изображенію бога, простертаго на ложѣ; „кумовство“ замѣнило, по всей вѣроятности, другія болѣе реальныя черты натуралистическаго культа. Все это подтверждается купальскими обрядами Сициліи, въ которыхъ мы встрѣтимъ и блѣдное отраженіе *erme*.

Въ Сициліи св. Иванъ считается покровителемъ кумовства, святость котораго выше кровныхъ узъ. *San Giovanni* тамъ то же, что „кумъ“ вообще, одно имя идетъ за другое. Кумовство понимается въ церковномъ смыслѣ: кумовство при крещеніи и по браку, ибо дружка жениха (*comragi d'apeddu*) считается кумомъ и бываетъ обыкновенно и крестнымъ отцемъ перваго ребенка; но существуетъ и особое народное кумовство. Кумуются съ отроческихъ лѣтъ, 24-го іюня, въ день св. Ивана Крестителя, котораго народъ наивно смѣшиваетъ съ другими сомненными святыми, призывая для отвращенія грозы Ивана Крестителя, Іоанна Евангелиста и Златоустаго ¹⁾). Обрядъ кумовства

¹⁾ Іоанну Крестителю молятся противъ грозы въ Сициліи (*Pitrè, Archivio XI, стр. 55*): вѣроятно, смѣшеніе Іоанна Крестителя (24-го іюня) съ свв. Іоанномъ и Павломъ, мучениками при Юліанѣ (26-го іюня), помощниками отъ грозы. Заговоры противъ нея съ именами свв. Іоанна и Симона существуютъ и въ области Феррары (*Pitrè, Archivio V, стр. 288*), отъ грозы спасаетъ и нѣмецкій *Johannis-legen*, какъ и пѣсня на Ивановъ день изъ *Perigoux* взываетъ къ св. Іоанну „que

описывается такимъ образомъ: двое ребятъ одного пола или разныхъ половъ, задумавшіе покумиться, вырываютъ каждый у себя по волосу, свиваютъ ихъ вмѣстѣ, при чемъ одинъ изъ участниковъ поетъ: „Связанъ крѣпко, не вырваться; лети, волосокъ (при этомъ дуютъ на него), лети въ море. Мы покумились, мы покумились“.

Iunciuto strittu, non pò scappari,
Vola, capiddu, vattinni a mari,
Semu cumpari, semu cumpari!

Последній стихъ поютъ вмѣстѣ, затѣмъ, схватившись мизинцами и связавъ ихъ, тянутся въ разные стороны, качая руками вверхъ и внизъ и припѣвая: Мы кумовья во имя св. Ивана, кумовья до Рождества; что у насъ есть, то мы дѣлимъ между собою, даже воду; будь у насъ хлѣбъ и кости, вмѣстѣ мы сойдемъ въ могилу, а съ хлѣбомъ и рисомъ войдемъ и въ рай:

Cumpari, cumpari cu' 'u San Giovanni,
Semu cumpari sinu a Natali;
Zoccu avema, nni spartemu,
Sinu all'acqua chi bivemu;
E s'avemu pani e ossa,
Nni nni jamu tutt'è fossa,
E s'avemu pani e risu,
Nni nni jamu'n paradisu.

Въ Ассоро (въ Сициліи) кумующіеся вырываютъ рѣсницу или волосъ и, омочивъ ихъ слюной, обмѣниваются ими, положивъ на черепокъ, который ломаютъ пополамъ, свято сохраняя каждый свою часть. Формула кумовства такая: Мы стали кумами, ими и останемся, придетъ смерть, разстанемся:

Cumpari somu, cumpari ristamu,
Veni la morte e nni spartemu.

Дѣвушки, желающія покумиться, посылаютъ другъ другу подарки въ теченіе времени отъ Иванова до Петрова дня.

Интересенъ слѣдующій обрядъ въ Пьяно деи Гречи: готовятъ блюда, напоминающія *piatta di sepulcri* страстной недѣли: блюда съ наклея или войлокомъ, который намачиваютъ и засыпаютъ пшеницей, овечьимъ горохомъ, чечевицей, и держатъ въ темномъ

nos gart de tempesta“. Сл. *Revue des langues romanes*, 3-е série, t. XII (1884) стр. 157 слѣд.: *Cantique Périgourdin en l'honneur de St. Jean Baptiste* (сл. v. 72). Цѣлги, собраны въ навечеріе Иванова дня, отвращаютъ грозу. Сл. *Angela Nardo-Cibele, Sul san Giovanni Battista, ricordi veneti, у Pitrè, Archivio IX* стр. 315, 323; *ib. стр. 417—418: у венеціанскихъ словинцевъ.*

мѣстѣ, пока сѣмена не взойдутъ. Когда трава нѣсколько поднимется, бережно связываютъ кончики, и кумы обмѣниваются блюдами. Обрядъ требуетъ, чтобы приносящая отрѣзала пучекъ травы, который перевязываетъ лентой и бережетъ, какъ святыню. Сходный обычай въ Чьянчьянѣ: кума приносить кумѣ блюдо съ посѣянной въ немъ (за сорокъ дней до Иванова дня) на хлопкѣ пшеницей. Желаетъ-ли ты отрѣзать у меня пшеницы? спрашиваетъ она; коли та согласна на союзъ, она дѣлитъ пшеницу, половину съѣдаетъ, а другую предоставляетъ подругѣ. Блюда, напоминающія *piatta di sepulcro*, указываютъ на связь этого полузабытаго обряда съ сардинскимъ отраженіемъ похоронныхъ садовъ Адониса; сплетеніе волосъ и травы—символь связи вообще, въ данномъ случаѣ кумовства.

Дѣти кумуются еще особымъ обрядомъ: крещеніемъ куколокъ св. Іоанна (*purì di S. Giovanni*) ¹⁾; иначе кумованье состоитъ въ обмѣнѣ подарками въ теченіе пяти дней отъ Иванова до Петрова дня, или опредѣляется жребьемъ, какъ, напримѣръ, въ Каккамо, гдѣ нѣсколько знакомыхъ семей собираются въ навечеріе Иванова дня, записываютъ на карточкахъ имена присутствующихъ, кладутъ ихъ въ два надломанныхъ сосуда (*mizzuni*=*grossa tozza*), для женщинъ и мужчинъ особо, и затѣмъ вынимаютъ попарно: чья имена вышли, тѣ и становятся кумовьями. Тожественный Ивановскій обычай существуетъ у испанцевъ Аргентинской республики ²⁾, какъ сербскому обряду кумовства для замиренія и устраниенія мести отвѣчаетъ таковой-же въ Сициліи: пьютъ мировую и кумятся, при чемъ одинъ изъ покумившихся будетъ крестнымъ отцомъ ребенка, если онъ родится у кума.

Прослѣдимъ отраженіе этого обычая, въ его народныхъ и церковно-народныхъ формахъ, въ другихъ италіанскихъ областяхъ.

Въ Маркахъ кумованье привязывается къ Иванову дню. Желающіе покумиться (мужчины или женщины) посылаютъ другъ другу букеты цвѣтовъ, съ такимъ двустиніемъ:

El mazzo è piccolo, l'affetto è grande,

Ve chiedo per compare (или commare) de S. Giovanni.

(Букетъ малъ, велика любовь; прошу васъ быть мнѣ кумомъ или кумой во имя св. Іоанна). Спрошенный или спрошенная такимъ обра-

¹⁾ Съ сообщениями Pitrè сл. еще: *Gastano di Giovanni Aneddoti e spigolature folk-loriche* въ *Archivio* XII, стр. 261 слѣд.

²⁾ *Archivio* VI, стр. 437—438.

зомъ отвѣчаетъ куму или кумѣ посылкой букета въ Петровъ день съ изъявленіемъ согласія:

El mazzo è piccolo, l'affetto è sincero,
V'accetto per compare (или commare) de S. Piero.

(Букетъ малъ, любовь искренняя; я избираю васъ въ кумы во имя св. Петра) ¹⁾.

Въ Абруццахъ ²⁾ кумомъ считается не только крестный отецъ (*compare del batterimo, della cresima*), но и шаферъ или дружка, и существуетъ обрядъ кумованья букетомъ (*a mazzetto*), отвѣчающей описанному выше въ Маркахъ и также приуроченный къ Иванову дню. Другіе обряды напоминаютъ подробности сицилійскихъ: дѣвушки, желающія покумиться, схватываются руками и три раза обходятъ алтарь; затѣмъ цѣлуются другъ съ другомъ, и каждая изъ нихъ вырываетъ себѣ по волосу, который прячетъ въ какомъ-нибудь уголкѣ церкви. Въ причитаніи, которое поется при этомъ случаѣ, упоминается св. Іоаннъ:

Commare e cummare,
La notte di Natale,
La notte di San Juvenne.

(Кумъ и кума, въ ночь на Рождество, въ ночь на св. Іоанна) и говорится о готовности все подѣлить съ кумой и свято держать кумовство, иначе ихъ ожидаетъ адъ. Енще проще кумовство *a ditillo* (мизинецъ): двѣ дѣвушки схватываются мизинцами и качая руками приговариваютъ: Кума моя, кума, покумимся, а коли поссоримся, угодимъ въ преисподнюю,—послѣ чего каждая вырываетъ у себя по волосу и кладетъ на голову другой.

Кумовство блюдется свято: куму не слѣдуетъ говорить „ты“, грѣхъ бранить или вообще обижать его, ибо святой Іоаннъ накажетъ за это; грѣхъ проступиться противъ жены кума, и наоборотъ ³⁾. Одна сицилійская легенда разказываетъ о кумѣ, влюбленномъ въ свою куму; чтобы побѣдить ея суровость онъ послалъ ей въ даръ дыню; разрѣ-

¹⁾ *Gianandrea*, La festa di S. Giovanni nei proverbi e negli usi marchigiani, у *Pitrè*, Archivio VIII, стр. 335.

²⁾ Сл. *De Nino* I. с. I 19 слѣд., 48 слѣд.; его-же въ Archivio *Pitrè*, IX стр. 359—61; *Finamore*, Credenze, usie e costumi abruzzesi (Curiosità v. VII, стр. 165 слѣд.).

³⁾ Сл. *Vigo*, Opere v. II: Raccolta amplissima di canti popolari siciliani, 2-е изд., стр. 647 слѣд. (I *cumpari* del Comiso), стр. 651 (II *comparatico*); *Pitrè*, Canti popolari siciliani, v. II, № 967.

завѣ ее, она, къ своему ужасу, нашла въ ней голову св. Іоанна, густо обросшую травой (*cajulidda*), похожую листомъ и запахомъ на майоранъ (душицу). Голова, обросшая травой, напоминаетъ въ одно, и то же время голову Адониса и сициліанско-сардинскіе похоронные сады, *seriscgi*.—Есть еще нѣсколько сициліанскихъ легендъ, гдѣ святой также выступаетъ, карая поправшихъ святость кумовства. Подъ *Saro Feto* погребены кумъ и кума, согрѣшившіе другъ съ другомъ; въ другомъ случаѣ разказывается, что св. Іоаннъ открылъ мужу связь его жены съ кумомъ и посовѣтовалъ ему бросить въ проступившихся своей иконой, отчего оба они умерли по прошествіи двухъ дней. Сходные разказы ходятъ въ Монферратѣ ¹⁾ и другихъ мѣстностяхъ Италии. Бездонное озеро у *Castrogiovanni* поглотило, по волѣ святаго, согрѣшившихъ кума и куму; смущенный такою строгостью, Христосъ разрѣшилъ Іоанну только разъ въ году прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ наказанія, именно въ день его праздника, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день наводитъ на него крѣпкій сонъ. Когда онъ просыпается, спрашиваетъ, когда настанетъ его праздникъ: погоди, придетъ, отвѣчаютъ ему; „веселитесь, не бойтесь, Іоаннъ почиваетъ“, говорятъ 24-го іюня тѣмъ, кого подозреваютъ въ неблюденіи его закона ²⁾.—Въ венеціанской области ³⁾ св. Іоаннъ покровитель кумовства, между прочимъ, кумовства по „перстню“, потому что, какъ въ Абруццахъ (и Сербіи), дружка зовется кумомъ, и ео *ipso* крестнымъ отцемъ перваго ребенка (*el compare del'anelo è compare del primo rutelo*). „Въ Венеціи вѣрять, что нѣтъ такого грѣха въ связи брата съ сестрой, отца съ дочерью, какъ въ связи между людьми, покумившимися во имя св. Івана“: таковы слова, вводящія насъ въ слѣдующую венеціанскую легенду: женихъ посылаетъ своего дружку по невѣсту, чтобы вести ее въ церковь. Тотъ влюбляется въ нее и, усаживая ее въ гондолу, такъ страстно жметъ ей руку, что ей больно. Позже онъ раскаялся въ этомъ поступкѣ и исповѣдуются священнику. Великій грѣхъ ты сотворилъ, говоритъ священникъ и налагаетъ на него зпятимію, если онъ хочетъ получить прощеніе: пусть пойдетъ ночью

¹⁾ *Ferraro*, l. c., № 5, стр. 6.

²⁾ *Vetri*, *Il lago sfondato ed il sonno di S. Giovanni Battista*, *Legenda popolari in Castrogiovanni*, у *Pitrè Archivio IX*, стр. 356—357. Такъ и по повѣрью румынъ Господь скрываетъ отъ Ильи день его празднованія, иначе свѣтъ погибъ бы отъ его грозныхъ ударовъ. См. Разысканія № VII, стр. 264.

³⁾ *Bernoni*, l. c., №№ 1—3.

въ такое-то мѣсто, не оборачиваясь, какой бы страшный шумъ онъ ни слышалъ; онъ встрѣтитъ трехъ человѣкъ и каждому долженъ вручить по яблоку, которыя даетъ ему священникъ. Кумъ отправляется, слышитъ по дорогѣ голоса, убѣждающіе его вернуться: то были люди, какъ и онъ, проступившіеся противъ св. Іоанна. Слѣдуютъ три встрѣчи; каждому изъ встрѣчныхъ кумъ даетъ по яблоку, но третьему стоило большихъ усилій высунуть руку изъ подъ плаща, и когда онъ показалъ ее, она была такихъ размѣровъ, что на нее страшно было взглянуть. Тѣмъ не менѣе онъ также принялъ яблоко и поблагодарилъ. То были Христось, ап. Петръ и св. Іоаннъ, объяснилъ впослѣдствіи священникъ: ты думалъ, что пожалъ руку невѣстѣ, но то была рука св. Іоанна (*Bernoni*, 1. с. № II). Сходная легенда извѣстна и въ Аbruццахъ ¹⁾. Очевидно, нарушеніе этого особаго рода кумовства по браку имѣетъ въ виду сербская пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ: онъ посылаетъ сватовъ по невѣсту, а одинъ изъ нихъ, венеціанскій дожъ, объясняется ей въ любви. Она отвѣчаетъ:

Подъ нами ће се земља провалити
А више нас небо проломити
Как ће се кум куму миловати ²⁾.

Иначе въ сербской же пѣснѣ изъ Срема: слуги Манойла Грчича распускаютъ слухи, что его жена, Ыня въ связи съ своимъ дружкой, венеціанскимъ дожемъ. Подслушала это мать Манойла и сообщаетъ сыпу, который тотчасъ же идетъ къ дожу и объясняется. Тотъ клянется въ своей невинности, предлагаетъ вмѣстѣ отправиться къ Ынѣ и отъ нея узнать всю правду. Тогда небо заволочлось тучами, поднялась гроза, и молніей убило служителей Манойла, его самого и его мать ³⁾.

Связь кума съ кумой считается тяжкимъ грѣхомъ у южныхъ славянъ; то-же твердятъ и нашъ стихъ о Голубиной книгѣ, и сказка о Кумовой кровати ⁴⁾ и малорусское сказаніе о „Кумыной Долинѣ“: о кумѣ съ кумой, согрѣшившихъ другъ съ другомъ и съ тѣхъ поръ плавающихъ на озерѣ въ видѣ дикихъ утокъ ⁵⁾.—Церковный за-

¹⁾ *D. Nino*, 1. с., IV. стр. 83. слѣд.

²⁾ *А. Поповъ*, Путешествіе въ Черногорію, стр. 53.

³⁾ *Srpske nar. pesme, skupio po Sremu B. M. Pančevu* 1875, стр. 25—28 у *Krauss'a*, *Sitte und Brauch der Südslaven*, стр. 610.

⁴⁾ *Пантеонъ* 1888 г. кн. IX, стр. 13—16.

⁵⁾ *Чубинскій*, Труды I, 10.

преть браковъ между кумовьями восходить къ римскому собору 721 года ¹⁾).

III.

Итакъ св. Іоаннъ Креститель въ итальянскихъ обрядахъ 24-го іюня—покровитель народнаго кумовства, духовной связи, символически выражающей въ Сициліи образомъ сплетенія (волось, травы), въ Сардиніи общеніемъ кубка. Всѣ эти подробности приводятъ къ вопросу о генезисѣ старонѣмецкаго обычая: пить во имя св. Іоанна.

Я разумѣю такъ называемую *Johannisminne* (чешск. *milost a laska sv. Jana*; *mína sv. Jana*) ²⁾.

Предлагаемая мною параллель оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) свѣдѣніемъ, что обычай *Johannisminne* отбывался и 24-го іюня, и что древнѣйшее свидѣтельство о кубкѣ св. Іоанна относится именно къ Крестителю (*potas in amore beati Johannis praecursoris. Liutpr. leg. 65*; пѣсни о *Periger*'ѣ: *Johannes baptista pinsenga*); 2) распределение обряда между 24-мъ іюня и 27-мъ декабря, днемъ памяти ап. Іоанна, объясняется не только знакомымъ намъ народнымъ смѣшеніемъ сомнѣнныхъ святыхъ, но и народнымъ параллелизмомъ между обрядностью, сопровождавшею празднованіе лѣтняго и зимняго поворота солнца ³⁾, что выражается, между прочимъ, отношеніемъ рождественской *Johannisminne* къ жатвѣ, вину и т. д.; 3) извѣстное обращеніе Христа къ Богородицѣ объ ап. Іоаннѣ: „Се сынъ твой“ естественно вело къ идеѣ духовнаго братства, которое сближалось съ идеей кумовства, стоявшей подъ эгидой Іоанна Крестителя; 4) внѣшній символъ родствешной или духовной связи: общеніе (крови, слюны) вина,—находилъ встрѣчныя черты въ легендѣ о томъ, что язычникъ Аристоклемъ подалъ апостолу кубокъ отравленнаго вина съ обѣщаніемъ сдѣлаться христианиномъ, если св. Іоаннъ, выпивъ его, останется невредимъ. „*Deus cuius potes-*

¹⁾ *Hefele*, Conciliengeschichte III, 362.

²⁾ Сл. *Ignaz Zingerle*, *Johannisseggen und Gertrudenminne*. Wien, 1862; J. Grimm, *Deutsche Mythologie*, 4-e Ausg., Register, а. v. *Johannisminne* и *Gertrud*; *Schmelzer*, *Bayerisches Wörterbuch* I 1206 (а. v. *Johans*), 1618 (№ а. v. *Minn*); *Jahn*, *Die deutschen opfergebräuche*, стр. 45 слѣд.; 269 слѣд.; *Zibrt*, *Staročeske výroční obyčeji*, стр. 271 слѣд.; его же: *Listy z českých dějin kulturních* стр. 77 — 80, гдѣ приведена и литература вопроса.

³⁾ См. Разысканія, № VI, стр. 65.

tate S. Ioannes evangelista potum venenosum et toxicum digessit*, поется въ церкви при освященіи вина.

Италянскія повѣрья и обряды даютъ нѣкоторое право предположить, что въ нѣмецкомъ *Johannisminne* или *Johannissegen* сохранились отзвуки старыхъ купальскихъ обычаевъ. Въ настоящее время обрядъ этотъ находится въ Германіи въ состояніи переживанія; *Johannisminne* защищаетъ отъ молніи и чаръ, отъ меча (ибо Іоаннъ Креститель былъ усѣченъ) и яда (въ связи съ легендой объ ап. Іоаннѣ), но она же вліяетъ на преуспѣяніе жатвы и стада, даетъ мужчинамъ силу, женщинамъ красоту; ее пьютъ при сдѣлкахъ; я вижу въ ней основную идею любви, примиренія, братства.

Обыкновенно „Иваново вино“ освящается 27-го декабря въ церкви до полудня; формулы освященія нѣтъ въ римскомъ миссалѣ, но она встрѣчается въ старыхъ ритуалахъ. „Deus meus... nos te ad auxilium provocamus, cujus audito nomine serpens conquiescit, draco fugit, silet vipera et rubeta illa quae dicitur rana inquieta torpescit, scorpius extinguitur, regulus vincitur et squalangus nihil noxium operatur“¹⁾. Старо-нѣмецкое „благословеніе“, изданное Гофманномъ²⁾, указываетъ, что произносилъ его священникъ (7 *hër sò seghene ik sante Johannes thurpe*); какъ и предыдущая формула, она имѣетъ въ виду апостола и заключается обращеніемъ къ присутствовавшимъ: испить благословеннаго вина, пить въ круговую (63 *drink unt du scalt vorbat gheven*); кто здѣсь обреченъ къ смерти, у того пусть прольется напитокъ (v. 59 слѣд.).

Въ былое время священникъ давалъ вкушать отъ этого вина у рѣшетки, куда приступали причастники, или у алтаря, со словами: *bibo amorem sancti Johannis in nomine Patris et Filii et Spiritus sancti*. Это та же формула, которую въ Майнцѣ, Вюртембергѣ, Вормсѣ произноситъ священникъ, подавая освященное вино брачующимся, въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи и ихъ родственникамъ и свидѣтелямъ, при чемъ и самое вино носить въ народѣ названіе *Johannissegen* или *Johannisminne*³⁾. Обычай предлагать новобрачнымъ „благословеніе Іоанна“ удержался въ Баваріи и нижней Австріи, въ Тиролѣ и

¹⁾ См. *Benedictio vini in die Scti Iohannis ev. vel quando necesse*, у *Schmeller's* I. c. I, 1206.

²⁾ *Sitzungsberichte d. Kön. bay. Ak. d. Wiss. zu München*, Jahrg. 1870, B. II, стр. 15 слѣд.

³⁾ *Wolff*, *Beiträge zur deutschen Mythologie* I, 80.

среди хорутанскихъ славянъ; въ былое время онъ знакомъ былъ и чехамъ ¹⁾).

Теперь вино, освященное 27-го января, уносятъ домой, гдѣ выпиваютъ его, съ такимъ припѣвомъ (изъ окрестностей Oberndorfa):

Grüss dich Gott, *Bruder gut!*
Wir haben getrunken Christi Blut;
Gott Vater mit mir,
Gott Sohn mit dir,
Gott heiliger Geist mit uns beiden,
Das wir glücklich von einander scheiden.

Отъ этого вина даютъ отвѣдать всѣмъ домашнимъ, даже дѣтямъ въ люлькѣ.

Рождественская *Johannisminne* извѣстна въ Швабii, Баварii, Фюрарльбергѣ, Тиролѣ, Зальцбургѣ, Каринтii, Штириi, Австрii, Гессенѣ, въ области Гильдесгейма, въ Англии ²⁾, у Лужичанъ ³⁾; по свидѣтельству Оомы Щитнаго онъ существовалъ и въ старой Чехii и теперь еще знакомъ мадьярамъ, можетъ быть, заимствованнымъ у его седмиградскихъ саксовъ: здѣсь „святое Иоанново вино“ пьютъ въ навечерii Рождества, поливаютъ имъ внутренности животныхъ, которыя въ этотъ вечеръ служили пищей, и по нимъ гадаютъ, кому изъ домашнихъ выйдти замужъ или жениться. Въ былое время чару Св. Иоанна (*rosulum St. Johannis*) пили при сдѣлкахъ и куплѣ; отсюда ея названіе въ старыхъ актахъ: *victima emptiois, bibitiois* ⁴⁾. Въ Германii обрядъ рождественской *Johannisminne* обратился въ 16 — 17 вѣкахъ въ массовыя попойки ⁵⁾).

Подобныя же попойки водились и о лѣтнемъ Ивановѣ днѣ: пили обыкновенно медъ; отсюда въ Штириi и Баварii названіе самого праздника: *Methansel*. Важнѣе слѣдующій обычай, существовавшій нѣсколько десятилѣтii тому назадъ въ Ротенбургѣ (*Rotenburg a N.*): сосѣди и знакомые сходились у какого нибудь дома, столовались вмѣстѣ, забывая ссоры и примиряясь; кто приносилъ съ собой хлѣбъ, кто мясо или вино; трапеза продолжалась на открытомъ воздухѣ среди пѣсенъ, глубоко въ ночь. Еще и теперь въ Гейльброннѣ пьютъ *Johannisminne* на улицѣ, а въ старые годы цехи въ *Ueberlingen*ѣ

¹⁾ *Zibrt*, Listy, стр. 80.

²⁾ *Jahn*, I. с.

³⁾ *Haupt*, Sagenbuch d. Lausitz, стр. 445.

⁴⁾ *Wlislöcki*, Aus dem Volksleben der Magyaren, стр. 32—3.

⁵⁾ *Jahn*, I. с., стр. 271.

собирались въ Ивановъ день на общую трапезу. Не даромъ этотъ день зовется въ Швабii днемъ замиренья (Versöhnungstag ¹⁾).

Старо-нѣмецкія свидѣтельства говорятъ объ одномъ специальномъ видѣ Johannissegen или Johannisminne: его пили при разставаніи, на счастье и удачу въ пути. Такъ въ Dietrichs erster Ausfahrt въ Морольфѣ и др. Особенно интересны по своимъ бытовымъ подробностямъ сцены изъ Minnekloster ²⁾ между дамой и ея милымъ: „Она сказала: Господь съ тобою! испей напередъ благословеннаго вина. Я отвѣчалъ: Охотно. Тутъ стояла и ея дѣвушка, къ ней она обратилась: Коли любишь меня, возьми золотой кубокъ, да принеси намъ добраго вина. Та скоро вернулась съ виномъ, моя милая (gespil) взяла кубокъ, говоритъ: Выпей же со мной, товариць (gesell), желаю тебѣ всякаго блага; выпей благословеннаго Іоаннова вина и памятуй имена трехъ королей (волхвовъ, покровителей въ путяхъ), чтобы намъ снова сойтись въ радости и вмѣстѣ принести покаяніе въ грѣхахъ. Во имя Іоанна я выпила съ нею и сказалъ: Выпей и ты со мною, какъ и ты мнѣ поднесла, чтобы намъ снова увидѣться. Съ охотой, отвѣчала она, выпила и подала мнѣ со словами: Вонъ рядомъ съ тобою моя дорогая подружка (gespillin), пусть и тебѣ она станетъ такою же (gesellin). Это мнѣ въ удовольствіе, отвѣчалъ я, обратившись къ общей товаркѣ, и попросилъ ея: Выпей же вмѣстѣ съ нами, чтобы намъ всегда пребывать въ весельи и вѣрности и не раскаться. Она выпила и тотчасъ же сказала: Гдѣ только я буду въ состояніи оказать помощь тебѣ и моей подружкѣ, сдѣлаю это охотно. Тутъ я съ ними распрощался“ ³⁾.

¹⁾ Въ Баваріи освященіе вина на лѣтній Ивановъ день не употребительно, говоритъ Hoeffler, освященіе происходитъ 27-го января. См. Hoeffler, Die Kalender-Heiligen als Krankheits-patrone beim bayerischen Volk, *Zs. des Vereins f. Volkskunde*, I, стр. 298, 305.—Отмѣтимъ кстати и старый обычай *Ивановскаго мѣса*, отбываемый въ воскресенье до или послѣ Иванова дня въ сѣверномъ Дитмаршѣ: группы ребятяшекъ и взрослой, холостой молодежи пляшутъ вокругъ двухъ деревьевъ; молодые люди порой останавливаются во время пляски, при чемъ имъ подаютъ напитки (обычай, напоминающій сходный свадебный въ Дитмаршѣ). Затѣмъ кто-нибудь влѣзаетъ на то и другое дерево и прикрѣпляетъ къ нему веревку, за которую окружающіе тянутъ, тогда какъ сидящіе на верху помогаютъ его раскатыть. Какая изъ двухъ партій скорѣе выкорчитъ дерево, тащитъ его съ веселыми кликами къ дому (Gillhehaus), гдѣ отбывается Johannisbier. См. Am Ur-quell, I, стр. 87 слѣд. и Pitrd, Archivio IX, стр. 362 слѣд. (Carstens).

²⁾ *Laasberg's Lidarsaal* II, стр. 262.

³⁾ Johannissegen XV-го вѣка у Zingerle (*Zs. des Vereins f. Volkskunde* I, стр. 319—20), очевидно, напутственный. Съ идеей разставанья связано и названіе

Названіе Gertrudenminne, которое въ средніе вѣкаравносило было „Іоаннову вину“, связано съ одной вѣдншей подробностью легенды о св. Гертрудѣ (17-го марта): она была большая почитательница св. Іоанна; какой то рыцарь влюбился въ нее и продолжалъ преслѣдовать ее своей любовью даже тогда, когда она ушла въ монастырь. Отчаявшись въ достиженіи цѣли, онъ записалъ свою душу черту, если по прошествіи семи лѣтъ онъ поможетъ ему. Но срокъ прошелъ, и ухищренія бѣса не имѣли успѣха; тѣмъ не менѣе онъ предъявилъ свои права на душу рыцаря. Тогда св. Іоаннъ, представъ св. Гертрудѣ въ сновидѣніи, предупредилъ ее объ опасности, въ какой находится ея поклонникъ. Она вышла соборне передъ монастырскія врата, мимо которыхъ дьяволъ проносилъ рыцаря, подала послѣдному кубокъ съ виномъ и попросила выпить его во имя св. Іоанна. Какъ выпилъ его, дьяволъ испустилъ страшный вопль, и рукописаніе рыцаря упало разодранное къ его ногамъ.

Johannissegен спасаетъ отъ дьявольскаго навожденія: кто испилъ его, къ тому не подступится нечистая сила. Такъ въ двухъ разказахъ, записанныхъ въ нижней Австріи ¹⁾); въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о лѣтнемъ Ивановомъ днѣ, въ одномъ о Johannissegен, выпитомъ въ церкви, за мессою.

Сложилась ли отношенія между благословеніемъ Іоанна и Гертруды на почвѣ житія послѣдней? Очень вѣроятно, что она стала на мѣсто какого-нибудь болѣе древняго, обрядоваго образа. Нѣмецкое повѣрье, что души умершихъ проводятъ первую ночь у св. Гертруды, указываетъ на ея хеоническій характеръ. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

IV.

Сохранившееся кое-гдѣ въ Германіи приуроченіе Johannisminne къ 24-му іюня съ его общими трапезами и примиреніями, указываетъ и

послѣдней „напутственной“ чары, которую выпиваютъ на попойкахъ: Johannissegен или Stahwein, trunk ve jmeno sv. Ioana Dliána. Сл. Zibrт, Staroè. vygoèni obyèeji, стр. 272, прим. 76, стр. 274, Haupt, Sagenbuch d. Lausitz, стр. 445. Что мать Альбрехта Дюрера пожелала передъ смертью вкусить отъ благословенія св. Іоанна (sент Johans Segen), указываетъ, быть можетъ, на всзрѣніе, распространенное среди славянъ (напр. магуровъ), на либацію при похоронахъ, какъ на напутствіе. Сл. Blaas, Zur St. Iohannisminne, Germania, XXI, стр. 214. Благословеніемъ св. Іоанна напутствовали и осужденнаго на смерть. Сл. Schmelzer, l. c., т. I, стр. 1618.

¹⁾ Willebald Leeb, Zum Johannisfest, въ Zs. f. Volkskunde IV B. стр. 284—5.

здѣсь на существованіе когда то такихъ же обычаевъ на Ивановъ день, какъ въ Сициліи и Сардиніи.

Но эта параллель протягивается и далѣе до хорватскаго побережья, гдѣ въ этотъ день молодые люди и дѣвушки кумуются (*rokumljenje, rokumljivatise*), цѣлуя другъ друга и обмѣниваясь кольцами, и эта связь обязываетъ ихъ на цѣлый годъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, это единственный знакомый мнѣ фактъ, позволяющій приурочить именно къ Иванову дню явленіе кумовства, какъ извѣстно, столь распространеннаго на славянскомъ югѣ, особливо въ Сербіи ²⁾. Я имѣю въ виду не церковные или полуцерковные его виды, какъ кумовство по крещенію (*kršteno kumstvo*), при первомъ постриженіи ребенка (*k. šišano или strizeno, krizmeno kumstvo*), конфирмаціи (*k. па firmi или iz berme=bermanok*) или свадьбѣ (*djevegovanje, k. vjenčano*), а народныя, какъ кумовство при замиреніи для отвращенія родовой мести, или въ минуту опасности, когда кто нибудь ищетъ въ другомъ помощи и предлагаетъ ему покумиться во имя Бога и св. Іоанна ³⁾. Въ такихъ случаяхъ кумовство сливается съ другой формой народнаго союза—побратимствомъ: *кумую* тебя во имя Бога и св. Іоанна, помоги мнѣ, будь мнѣ *братомъ* по Богу, говорятъ въ нуждѣ тому, кого избрали себѣ *побратимомъ* ⁴⁾, какъ и обязанность деверя (шафера) на свадьбѣ понималась съ точки зрѣнія кумовства и—побратимства: деверь обращается къ золовкѣ съ названіемъ посетрими, она зоветъ его побратимомъ ⁵⁾.

Побратимство, какъ древняя форма фиктивнаго принятія въ родъ, выражавшагося между прочимъ символическимъ смѣшиваніемъ, лизаніемъ крови и т. д., существовало у разныхъ народовъ, и теперь еще существуетъ, кое-гдѣ, какъ бытовой фактъ или переживание въ

¹⁾ *Krauss*, I. с. 610 t.

²⁾ См. *Krauss*, I. с. стр. 606 слѣд. (*Gevatterschaft*); о побратимствѣ *ibid.* стр. 619: *Wahlbrüderschaft u. Wahlschwesterschaft*. См. *Бобчевъ*, О побратимствѣ и посетримствѣ, *Живал Старина* II, вып. 3, стр. 31 слѣд. и указанную тамъ и здѣсь литературу.

³⁾ С ним се кумио се од воѣе а безъ невоѣе, по Богу истиноме, по Іовану светоме, по закону Христовом, по народу серпском (*Петрановић*, Обичаји српског народа у Босни, *Гласник* XXX, стр. 327).

⁴⁾ *Krauss* I. с. 632.

⁵⁾ *Бобчевъ* I. с., стр. 35, 42.

⁶⁾ *Schiefner*, *Heldensagen* стр. 425, 426; *Radloff*, *Proben* I, стр. 93, 283, 340, 361, 398, 404; II, 127, 174, 184, 189 и *passim*. См. рубрику *La fraternisation* въ *Melusine* и *Revue des traditions populaires*.

пѣснѣ. Мы встрѣчаемъ его у лопарей, кавказцевъ и кельтовъ, въ монгольскомъ и тюркскомъ эпосѣ ⁶⁾; для германцевъ достаточно указать на сѣверныхъ *fóstrboðrir* и на отраженіе древняго института въ братаніи витязей французской *chanson de geste* и романа ¹⁾. Извѣстна средневѣковая греческая *ἀδελφοποιία* ²⁾ и жизненность этого обычая у южныхъ славянъ въ формахъ побратимства и посестримства, о чемъ поютъ ихъ пѣсни. Въ Малороссіи до сихъ поръ удержалось слово побратимъ; братались запорожцы, и русскій эпосъ полонъ богатырей, братьевъ крестовыхъ или названныхъ: Илья братается съ Святогоромъ, Алешей, Добрыней, Потокомъ и Дюкомъ, съ Данилой Игнатьевичемъ и Васильемъ пьяницею; Алеша Поповичъ съ Добрыней, Иваномъ Дубровичемъ, Екимомъ Ивановичемъ и Маркомъ Паробкомъ; Добрыня съ Алешей, Васильемъ Казимировичемъ, Данилой Денисьевичемъ и Потокомъ; Василій Буслаевъ съ Костей Новоторжениномъ. Пѣсня о гибели богатырей называется семь крестовыхъ братьевъ: Хотена, двухъ Васильевъ, Ивана Гостинаго сына, Добрыню, Алешу и Илью.

Вездѣ этотъ союзъ чтился свято, обязывая братующихся къ взаимной помощи, къ чистотѣ нравственныхъ отношеній. Поднять оружіе на побратима считалось грѣхомъ. Добрыня идетъ на Данилу Денисьевича:

Гуть возговорилъ Данило Денисьевичъ:
Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата съ боемъ идетъ.

(Кир. I, 3, стр. 36—7).

Посягнуть на посестриму, на жену побратима, также преступно, какъ и въ подобныхъ же отношеніяхъ кумовства. Такъ во взглядахъ южныхъ славянъ и въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ, когда его названный братъ Алеша распустилъ слухъ о его смерти и сватается за его жену. Не дивую я тебѣ да молода жена, говоритъ вернувшійся Добрыня,

Я дивую названому те братцу с крестовому,
А тому ли Олешенькѣ Поповичу:
Отъ жива мужа жену беретъ. (Гильф. № 23).

На древность этихъ отношеній указываетъ ихъ религіозный синкретизмъ: братаются сербы-христіане съ магометанами, какъ въ ста-

¹⁾ *Flach*, Le compagnonnage dans les chansons de geste (Études romanes dédiées à G. Paris, стр. 141 слѣд.).

²⁾ См. о ней *Tamassia*, L'affratellamento (ἀδελφοποιία). *Studio storico-giuridico*, Torino, 1896. *Μπράτιμος* = ἀδελφοποιητός; у 'Араβανтинός, Συλλογὴ θεμῶδων ἀσμάτων τῆς 'Ηπείρου, стр. 374: очевидно, *братимъ*.

рое время франки съ греками, Святославъ съ Калокиромъ. Христіанство овладѣло этимъ бытовымъ фактомъ, апокрифическая легенда о томъ, какъ Провъ Христа братомъ назвалъ, освятила его¹⁾. „Пришедшима же има на рѣку именьмъ Вѣастъ и ставшима и скотомъ ихъ и влѣзоша ѿтери ѿтъ отрокъ однихъ ловить рыбъ и купатса, и самъ Провъ влѣзе. И рече Ісви: Лѣзи и ты. Ісъ разумѣ, приде и влѣзе и ятъ рыбу рече: Се створи зане любиши ма. И показа єму Ісъ рыбу, держа въ руцѣ шюкѣ, а десною крѣта глаголаше: Вѣси-ли, Прове, что ксть въ рыбѣ сей? Онъ же рече: *Брате*, кко рѣхъ-ти, не вѣдѣ. Оле дивное чудо, како Провъ *Бона братомъ прозва*, зане люба бѣаху словеса Ісва Прову. Того ради добро к братимитися человѣкомъ²⁾ и ако любовь добро ксть“. Въ позднѣйшемъ русскомъ текстѣ (Указъ о братотвореніи, како сотвори Господь братство крестное, еже назватися межъ собою братиею всякому православному христіанину)³⁾, говорится о рукописаніи на братство, которое Христось вручилъ Прову: „И рече Провъ Господу: Емъмануилъ! Како любовь сотворю с тобою? И рече Господь: Какову любовь хочешь, такову сотворю съ тобою. *яко братство сотворити хоцу* и возлюбити та, яко самъ себя. И рече Провъ: Сотвори. И Господь вземъ харатія и рукою своею записавъ братство и рече неложными усты своими: Проклятъ естъ человѣкъ той, иже сотвори брата и не вѣрова въ него. Сіе убо братство болѣ брата рожденнаго“, какъ и русская былина твордитъ: крестовый братъ наче роднаго.

Апокрифическая повѣсть о Провѣ—передѣлка библейской книги Товита, котораго замѣнилъ царь Селевкъ, тогда какъ сынъ его Провъ отвѣчаетъ Товин, Исусъ — ангелу Рафаилу. Интересно въ Указѣ о братотвореніи имя жены Селевка, не названпой въ древнемъ текстѣ: *Купава*; оно проводитъ связь между старымъ апокрифомъ и народной *купальской* обрядностью. Старый русскій книжникъ, желая отвѣтити на вопросъ, почему навечеріе Св. Іоанна завется Купальницею и „полезно естъ на разныя лѣчебныя потребности“, также вспомнилъ легенду о Товин, о его купаньѣ въ рѣкѣ Тигрѣ по совѣту ангела, о поимкѣ рыбы и цѣлебномъ дѣйствіи оя сердца и утробы. „И оттолѣ

¹⁾ Сл. текстъ у *Jagic'a*, *Starine V*, 1873, стр. 83—95 и *А. Попова*, Первое прибавленіе къ описанію рукописей и книгъ церковной печати А. П. Хлудова, стр. 31—44. Сл. *М. Соколова*, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, стр. 168 слѣд.

²⁾ Иначе, ошибочно, въ текстѣ Попова: добро естъ члвкомъ обращатиса

³⁾ Памятники старинной русской литературы I, стр. 123.

мнози назнаменяя той день, въ его же Товитъ купася съвѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іуніа во 23, яко той день благопотребенъ на всяку ползу роду человѣческому“¹⁾).

Такимъ образомъ церковь взяла народное побратимство подъ свой покровъ, создала ритуальъ братотворенія, который можно найти въ старыхъ греческихъ и славянскихъ требникахъ. Какъ Петръ царевичъ Ордынскій братается съ княземъ Ростовскимъ въ церкви передъ епископомъ²⁾, такъ Марко Кралевичъ съ Докатинче³⁾, а старофранцузскіе братья богатыри клянутся надъ мощами и Евангелиемъ⁴⁾. Судя по южнославянскому церковному и народному обиходу, побратимство, какъ и кумовство, поставлены подъ эгидой Св. Іоанна; запретъ браковъ между побратавшимися отражаетъ такой же относительно состоящихъ въ кумовствѣ, хотя здѣсь южнославянская практика колеблется⁵⁾: церковь допустила брачные союзы между братующими, ибо братство по избранію не въ природѣ и отмечается закономъ⁶⁾, а между тѣмъ въ болгарскомъ обрядѣ у Бобчева священникъ наставляеть побратимовъ не забывать, что даже дѣти одного не могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми другаго, ибо сами они въ близкомъ родствѣ⁷⁾.

Народный обрядъ побратимства у болгаръ обстоятельно описанъ г. Бобчевымъ⁸⁾. Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ желающіе вступить въ этотъ союзъ оповѣщаютъ о томъ родственниковъ и сосѣдей и устраиваютъ угощеніе у одного изъ двухъ друзей. Обрядъ состоитъ въ томъ, что вступающіе въ побратимство ножемъ порѣзываютъ себѣ большой палецъ правой руки и лижутъ одинъ у другаго кровь, затѣмъ опоясываются однимъ кушакомъ. Въ Хасковскомъ округѣ (южной Болгаріи) днемъ, положеннымъ для побратимствъ, является день Св. Іоанна Крестителя. Желающіе побрататься готовятъ каждый для себя „китки“ изъ вѣчно-зеленаго „чемшира“ (родъ ели), и прикалываютъ на этой киткѣ обвязанную красною ниткою золотую или серебряную монету. Послѣ обмѣна букетами начинается обрядъ

¹⁾ *М. Соколовъ, Живая Старина*, вып. 2-й, стр. 137—8.

²⁾ *Буслаевъ, Очерки II*, 161.

³⁾ *Безсоновъ, Болгарскія пѣсни*, стр. 121.

⁴⁾ *Flach*, I. с., стр. 167—168.

⁵⁾ *Бобчевъ*, I. с. 42.

⁶⁾ ἡ διὰ θεοῦ ἀδελφότης: ...τῆ φύσει ἀνακόλουθεν καὶ τῷ νόμῳ ἀπόβλητον.

⁷⁾ I. с., стр. 37.

⁸⁾ I. с., стр. 36—38.

кровопусканія и лизанія крови; подойдя къ очагу, побратимы кладутъ на него ноги, обнимаются, цѣлуютъ другъ у друга руки, снова мѣняются китками и пьютъ виноградное вино изъ одной фляжки.—Въ слѣдующемъ году, въ тотъ же день Св. Іоанна, дѣлается „повръщанье“, то-есть, возвращеніе, состоящее въ трапезѣ въ домѣ старшаго изъ побратимовъ, къ которой приглашаются всѣ присутствовавшіе при совершеніи обряда.

Участіе въ немъ церкви проявляется различно. Въ Старо-Загорскомъ округѣ (Болгарія) братующіеся также запасаются китками (изъ бо-силяка), обмѣниваются ими и цѣлуютъ другъ друга, а за трапезой наканунѣ Св. Іоанна Крестителя священникъ благословляетъ ихъ союзъ, обращаясь къ нимъ съ поученіемъ о святости побратимства: о немъ ничего не писано въ законахъ, но его знаетъ наша мать церковь и православный людъ. Мы всѣ братья въ христіанской вѣрѣ и любви, однако это простое братство. Что же до настоящаго побратимства, оно можетъ заключаться только наканунѣ Иванова дня. Это потому, что хотя Св. Иванъ и отнѣкивался крестить Господа нашего Іисуса Христа, наконецъ все-же крестилъ его; такъ они стали побратимами, какими и вы теперь хотите быть. Съ тѣхъ именно поръ появилось на свѣтѣ побратимство.—Затѣмъ священникъ читаетъ по старинному требнику обрядъ братотворенія, объясняя побратимамъ, что они братья духовные.

Иногда заключеніе побратимства ограничивается троекратнымъ поцѣлуемъ или клятвой передъ Богомъ и Св. Іоанномъ, либо передъ иконой. Собственно церковное, „большое братотвореніе“ совершается въ церкви, передъ алтаремъ, при чемъ священникъ возглашаетъ на ектеніи: „о совокупляющихся въ любовь нелицемѣрную Господу помолимся, и соблюсти братство независти“. Затѣмъ онъ читаетъ молитвы, изъ которыхъ во второй будущимъ „братьямъ по духовной вѣрѣ“ ставятся въ образецъ ап. Петръ и Павелъ, Филиппъ и Вареоомей и св. мученики Сергій и Вакхъ. Слѣдуютъ чтенія изъ посланія ап. Павла къ коринѳянамъ („Братіе, внемлите тѣло Христово“) и Евангелія отъ Іоанна („во врѣме оно возведе Ісусъ очи свои на небо и рече: Яко же ти ми посла въ миръ, и азъ послахъ въ миръ“) ¹⁾. Закрывающіе побратимство цѣлуютъ Евангеліе, обнимаютъ другъ друга, и обрядъ кончается причащеніемъ св. Тайнъ.—Иначе сообщаютъ,

¹⁾ Krauss, 1. с., стр. 628, говоритъ по этому поводу объ Откровеніи св. Іоанна.

что побратимы трижды вкушаютъ хлѣба и вина, которые подаетъ имъ священникъ, при чемъ переживаніемъ старой обрядности представляется та черта, что младшій изъ братующихся пускаетъ себѣ изъ руки кровь, которая и примѣшивается къ вину. Мы уже сказали, что этотъ символъ религіознаго принятія въ родъ принадлежитъ къ распространеннымъ въ народномъ ритуалѣ: такъ въ стихотворной Эддѣ братаются боги, смѣшивая кровь (Oegisdrekka 9, Sigurdarkviða 17), мальчики заключали между собою братскій союзъ, накалывая руку, спуская кровь въ одну ямку и смѣшивая ее вмѣстѣ ¹⁾; о торжественномъ заключеніи íbströedgalag я говорю далѣе; но еще въ поэмѣ о Вальтаріи герой, принужденный вступить въ бой съ Гагеномъ, напоминаетъ ему, что когда-то они смѣшали свою кровь, ихъ дружба была имъ высшимъ благомъ; куда дѣвалась она теперь, какъ измѣнился свѣтъ! Такъ и въ Lancelot du Lac есть указаніе, что братующіеся вкушали отъ своей крови ²⁾.

Изъ народнаго же ритуала перенесенъ, вѣроятно, и символъ кушака, которымъ связываютъ побратимовъ при церковномъ братотвореніи: онъ могъ также первоначально выражать принятіе въ родъ, привязываніе къ нему. Мы отмѣтили сходную черту въ сицильянскомъ кумованьѣ; въ разказѣ Тацита (Ann. XII, 47) о заключеніи мирнаго союза между Радамистомъ и Митридатомъ та-же подробность: схватившись правыми руками, они крѣпко связали большіе пальцы и, когда кровь прилила къ оконечностямъ, извлекли ее легкимъ накомомъ и лизали другъ у друга. Смыслъ обрядности всего рельефнѣе выступаетъ въ слѣдующемъ сербскомъ обычаѣ: когда умираетъ кто-нибудь изъ двухъ братьевъ (или сестеръ) близнецовъ, ногу покойника привязываютъ узломъ къ ногѣ оставшагося въ живыхъ, пока онъ не обратится къ кому-нибудь съ просьбой: Будь мнѣ, Бога ради, братомъ, отвяжи и отпусти меня. Кто на это согласится, становится братомъ просившаго. Замѣтимъ кстати, что чернобыль — *artemisia vulgaris*, играющая такую роль въ народно-европейскомъ обиходѣ Иванова дня, зовется у нѣмцевъ *Johannesgürtel*, *cingulum divi Johannis*, *Sonnenwendgürtel* ³⁾, у чеховъ *sv. Jana pas*; она то, вѣроятно, и имѣется въ

¹⁾ *Weinhold*, *Altnordisches Leben*, стр. 267.

²⁾ *Fluch*, I. c., стр. 166.

³⁾ Иначе: *St. Johannisgürtel*—*chrysanthemum leucanthemum*. См. еще *Hoesler*, *Die Kalender-Heiligen als Krankheits-patrone bei dem bayerischen Volk* (*Zs. des Vereins f. Volkskunde* I, стр. 298): *der Gürtler, das Sonnenwendgürtelkraut*—*artemisia abrotanum*, *Eberraut*, *Stalwurz*; *Tanacetum balsamita*, *Frauenblatt*;

виду въ разказѣ Густинской лѣтописи о купальскихъ обрядахъ: „съ вечера собирается простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія или коренія и *препоясавшася быліемъ*, возпетають огонь“. Чернобылью опоясываются на Ивановъ день въ Малороссіи для устраенія болѣзней ¹⁾).

„Крестовые братья“ русскихъ былинь указываютъ, что и они пережили христіанскую, если не церковную метаморфозу побратимства. Можетъ быть, и еще одно заключеніе можно бы сдѣлать въ томъ же смыслѣ — по поводу отчества нашихъ богатырей: между ними много Ивановичей. То, что я имѣю въ виду, принадлежитъ гипотезѣ. Мы видѣли, что итальянское и южно-славянское народное кумованіе поставлено подъ покровительство св. Іоанна, что въ Сициліи имя Иванъ равносильно куму. Въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ „Иванушко“ стоитъ вмѣсто хозяина, „Ивановы дѣти“ означаютъ не только участниковъ обряда, но и людей вообще ²⁾; въ Венеціи San Zuania зовутъ ребенка тотчасъ послѣ крещенія ³⁾, какъ въ слѣдующемъ малорусскомъ обрядѣ „Иванъ“ отвѣчаетъ вообще понятію „крещенаго“: когда бабка приноситъ новорожденнаго къ священнику, онъ творитъ надъ нимъ молитву и поздравляетъ ее съ „внукомъ Ивановъ“; затѣмъ онъ нарекаетъ мальчику имя и снова повторяетъ то же привѣтствіе. Послѣ крестинъ ребенка приносятъ домой и передаютъ матери со словами: поздравляемъ съ четвергомъ и съ сыномъ Ивановъ; либо входя въ домъ спрашиваютъ: А ну скажи ка, кумъ, какое имя нарекли нашему Ивану ⁴⁾.—Кумующіе или братующіеся во имя св. Іоанна — его дѣти, Ивановы, собственно Ивановичи; это бросило бы свѣтъ на Ивановичей въ числѣ нашихъ богатырей, еслибъ это отчество совпадало съ крестовымъ братствомъ и мы могли положиться на его устойчивость въ пѣсенномъ преданіи.

Artemisia vulgaris s. nitida, Rauten. Сл. *Sobotka*, kwestjonarjusz ułożony przez, *Rafała Lubicsa* (изъ V-го тома *Вислм*), № 61: *bylica* (*belica, bielica, bilica, byl=artemisia, dianaria, parthenis*). Обращаемъ вниманіе на рядъ мелкихъ сообщеній по купальской обрядности, появившихся въ слѣдующихъ №№ *Вислм*.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л., I, 257, *Аванасъевъ*, Поэтич. возвр.; III, 714; *Kolberg*, I, 202.

²⁾ *Bielenstein*, Das Johannisfest der Letten, *Baltische Monatschrift N. F.*, 5. Band, стр. 33, 34, 36.

³⁾ Сл. *Nardo Cibele y Pitre*, *Archivio IX*, стр. 318.

⁴⁾ Труды этногр. стат. эксл. въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія собран. II. П. Чубинскимъ, т. IV, стр. 8, 10.

V.

Празднество лѣтнихъ Адоній выяснило намъ два элемента: эротическій и похоронный, выразившійся въ погребеніи чучелы, изображавшей усопшаго бога. Итальянскіе Ивановскіе обряды сохранили эту двойственность: вспомнимъ Сардинскій *eghe*, когда то украшавшійся куклой, и сициліанское многозначительное *serulcu*, но эротизмъ древняго обычая получилъ, подъ вліяніемъ христіанства, болѣе смягченную, абстрактную форму кумовства и побратимства, какъ и нѣмецкая *Johannisminne* отвлеклась отъ своего реальнаго значенія.

Русскіе Ивановскіе обряды представляютъ такую же двойственность, только ярче выраженную: ихъ языческій элементъ такъ же, если не болѣе древень, чѣмъ Адоніи; весеннимъ и лѣтнимъ Адоніямъ отвѣчаетъ такой же параллелизмъ: эротическое чествованіе и похороны Ярилы и Кострубоньки, топленіе Марены¹⁾,—всѣ эти подробности первоначально весенняго обряда повторяются и въ лѣтнемъ празднованіи отъ Иванова до Петрова дня: какъ въ Италіи кумящіеся обмѣниваются подарками въ теченіе этого срока, такъ и у насъ онъ составляетъ особый „купальскій“ циклъ, совпадающій съ лѣтними Адоніями²⁾. Можно предположить, что, какъ въ культѣ послѣднихъ, такъ и въ русскомъ весеннемъ и лѣтнемъ обиходѣ чередованіе эротическаго и похороннаго элементовъ было различное, спутавшееся въ вѣковомъ бытованіи обряда. Его приуроченіе къ христіанскому календарю съ его переходными праздниками было причиной другаго смѣшенія, весенняго цикла съ лѣтнимъ: Троицынъ день бываетъ между 11-го мая и 14-го іюня, Всесвятское заговѣнье между 18-го мая и 22-го іюня. Такимъ образомъ объясняется, почему чествованіе Ярилы распредѣлилось между весной и лѣтомъ, кануномъ Троицына дня и 24-го іюня³⁾. Это необходимо имѣть въ виду, при слѣдующемъ изложеніи.

Объ эротическомъ элементѣ купальскихъ игрлицъ говорилъ уже блаженный Августинъ, для Россіи осталось изъ XVI вѣка свидѣтельство игумена Памфила: въ ночь на 24-е іюня „мало не весь

¹⁾ *Аванасъевъ*, Поэт. воззрѣнія I, 442, 446, III, 696, 723, 726—728, 762 прим. Сл. *Чубинскій*, Труды, III, стр. 77; *Kolberg*, 158; *Żegota Pauli* I, 21—22; *Свидницкій*, Великдень, *Основы* 1861, XI, 51.

²⁾ Въ Галиціи парши „кегекають“ по началу отъ Ивана до Петра, бѣгая по полямъ съ зажженой паклей, воткнутой на палки. Сл. *Lubica Sobotka*, № 2: *Czy a gdzie pazuwają czas od 24 czerwca do 30 „czasem kupalnym“?*

³⁾ Сл. *Ефименко*, I. с., стр. 84—88.

градъ взмется и возбѣсится.... стучать бубны и гласы сопѣлій и гудуть струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверенныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе, но яко на женское и дѣвическое шатаніе блудное имъ възрѣніе, также и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе¹⁾). Слѣды такого же, но смягченнаго эротизма сохранились въ купальской поэзіи европейскихъ народовъ отъ Португаліи до Россіи, въ эротическомъ элементѣ дѣвичьяго гаданья, въ „баловствѣ“ бѣлорусскихъ купальскихъ игрищъ, въ обычаѣ „невѣститься“ въ праздникъ Ярилы (въ первое воскресеніе послѣ Петрова дня), въ парности именъ, отвѣчающей такой же веселой (Георгій и Марена)²⁾; Ивана и Марья, Купалы и Марены, Іоанна и его милой³⁾ бѣло- и малорусскихъ и латышскихъ пѣсень. Къ этой парности и принижывается на русской почвѣ идея смерти.

Наканунѣ Иванова дня въ Малороссіи дѣлають изъ соломы чучело Купала, иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ человѣка, надѣвають на него женскую сорочку, плахту, монисты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда же срубають дерево (преимущественно чернокленъ, вербу или тополь), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливаютъ на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною или Купалою, подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигаютъ костеръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодецъ съ дѣвицею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. При этомъ поютъ:

Ходили дѣвочки коло Мареночки,
Коло мое водила Купала.

¹⁾ *Аванасевъ*, I. с. I, стр. 444.

²⁾ Разысканія № II, стр. 92 слѣд.

³⁾ Отмѣтимъ латышскую купальскую пѣсню съ упоминаніемъ матери Іоанна: она въ желѣзныхъ оковахъ, оковы порвались, сломался гвоздь (на которомъ она висѣла), и она повалилась съ трескомъ (см. Bielenstein I. с. стр. 39). Можетъ быть, это мотивы легенды о матери св. Петра, перенесенныя на мать ап. Іоанна, какъ въ сербской пѣснѣ у *Ястребова* (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* ССXLVІІ, отд. 2, стр. 397). О латышскихъ купальскихъ обрядахъ см. Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи, 44 слѣд.

Гратиме сонечко на Ивана!
 Та купався Иваць, та въ воду упавъ.
 Купало підъ Ивана.

Либо:

Утонула Мареночка, утонула,
 Та на верхъ кисенька зринула;

* * *

Якъ пішла Ганна до броду по воду....
 Та стала Ганна на всхитки владки....
 Владка схитнулась, Ганна втонула ¹⁾.

Иначе дѣлають чучело Марену изъ соломы, крапивы или черно-клена; убирають ее вѣнками листьями и цвѣтами, пляшуть и поють вокругъ нея, а затѣмъ ввергають въ воду или разрываютъ на части. Паробки часто отнимають Купалу или Марену у дѣвушекъ и рвутъ ее, но тѣ быстро дѣлають новую куклу ²⁾.

Замѣтимъ прежде всего смѣшеніе Купалы и Марены въ обрядѣ, Ивана и Ганны въ пѣсняхъ и, выѣстѣ, ихъ колеблющійся образъ. „Де жь ты была Купалочка“, поется въ одной малорусской пѣснѣ (Безсоновъ, стр. 30, 33, 35), въ бѣлорусской, наоборотъ, Купалишь или Купальникъ—парень, котораго другіе выбираютъ руководителемъ купальскихъ игрищъ ³⁾, тогда какъ *Дѣтской Купалой* называется дѣвушка, которую обнажаютъ и окутываютъ гирляндами изъ цвѣтовъ; ее вѣдутъ въ лѣсъ, гдѣ ей завязываютъ глаза, и она раздаетъ вѣнки подругамъ, движущимся вокругъ нея въ хороводѣ: по вѣнку, доставшемуся той или другой, заклѣчаютъ о судьбѣ. Въ сходномъ малорусскомъ обрядѣ дѣвушка зовется Купала или Купайла ⁴⁾; наоборотъ, на Волыни и Подолѣ *Купайло* означаетъ дерево, которое выше носило названіе то Купала, то Марены, тогда какъ въ Харьковской губерніи имя послѣдней перешло къ обозначенію чучела ⁵⁾. То-же смѣшеніе встрѣчается и въ бѣлорусскихъ обрядахъ (по письменному сообщенію г. Романова): въ окрестностяхъ села Понолюбичъ дѣлають Купалу, соломенное чучело, которое надѣвають на шесть, топятъ въ водѣ, потомъ снова надѣвають на шесть и зажигаютъ; поговорка, ходящая въ окрестныхъ де-

¹⁾ *Аванасевъ*, I. с. III, стр. 721; Сл. *Потебня*, О купальскихъ огняхъ, *Археолог. Вѣстникъ*, вып. III.

²⁾ *Чубинскій* I. с. III, 193; *Kolberg* I, 202; *Kopernicki*, 176.

³⁾ *Слескот*, Pios. Wiesn. 59.

⁴⁾ *Чуб.* III, 193—196; *Аван.* III, 723.

⁵⁾ *Аван.* I. с. 723, 724.

рувнихъ: „Марà ты Нополюбицкая!“ объясняется обычаемъ Гомельскаго уѣзда, гдѣ Марà—чучело изъ соломы, которую сжигаютъ на кострѣ.

Всѣ эти колебанія принадлежать позднѣйшему синкретическому самозабвенію обряда. Можно предположить, что въ воду ввергалась кукла, какое бы названіе она первоначально не носила; „Купався Иванъ, та въ воду упавъ“. Купало, сближенный съ Ивановъ Крестителемъ, упрочилъ представленіе о вверженіи именно въ воду; въ Грацѣ на Ивановъ день носили чучело, насаженное на шесть, которое забрасывали горящими метлами, оно сторало ¹⁾. у Болгаръ такую куклу или чучелу погребаютъ ²⁾, но и спускаютъ въ воду. „Въ Копривница на Енювъ день момитѣ правитѣ кукла отъ дрини и слама, ... земать да я оплакватъ, опѣватъ и възпѣватъ. На мѣсто цѣлитѣ кукли, на дѣсчицѣтѣ, що се пуцать по водата, туряты и само залъци отъ тѣхъ, а отъ куклитѣ правитѣ и попары, па се гоцаватъ и слѣдъ това пѣютъ пѣсенчици, които съ „нарничанията“ си не само споменватъ „любовникъ и любовници“. но сж сжщи „мартивски“ припѣвки съ предсказванье на бѣдъжия съпругъ или съпруга“ ³⁾. Параллелизмъ весеннихъ и лѣтнихъ обрядовъ позволяетъ сблизить съ ивановскими—молдаванскій обычай хоронить (за недѣлю до пятницы передъ Юрьевымъ днемъ) глиняную куклу Троица или Калаяна. ⁴⁾.

Перейдемъ къ другимъ эпонимамъ Купалы: 28-го іюня (иначе: въ Троицынъ и Духовъ день) совершались въ Пензенской и Самарской губерніяхъ похороны Костромы; ея представляла дѣвица, къ ней подходили съ поклонами, клали на доску и купали въ рѣкѣ, при чемъ старшая изъ участвующихъ была въ лукошко, какъ въ барабанъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ (гдѣ обрядъ приуроченъ къ первому Воскресенью послѣ Троицына дня) Кострому представляла соломенная кукла, наряженная въ женское платье и цвѣты, которую клали въ корыто и несли на берегъ рѣки или озера; здѣсь изъ-за нея происходила борьба: одни старались овладѣть куклой, другіе являлись на ея защиту, пока не побѣждали первые; тогда они срывали съ куклы платье и перевязи, а соломѣ топтали и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные предавались горю, закрывали лицо руками, какъ бы оплакивая Кострому. Въ Костромѣ справляли въ Всесвятское заговѣнье похороны

¹⁾ *Натиѣ*, Bajesl. kal., стр. 190--1.

²⁾ *Каравеловъ*, Нам. Болг., стр. 234.

³⁾ *Матовъ*, *Периодическо Списание*, XLI—II, стр. 993.

⁴⁾ *Сл. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886 г. октябрь, стр. 400.

Ярилы: куклы въ видѣ мужчины со всѣми естественными его частями, которую женщины провожали съ плачемъ и зарывали въ землю ¹⁾. Аналогиченъ обрядъ, называемый въ Саратовской губерніи проводами весны: 30-го іюня дѣлають соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кучмачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣвають и бросаютъ въ воду. „Проводы русалокъ“ въ Бѣлоруссіи (русалка — чучело или дѣвушка) на Купала или въ понедѣльникъ послѣ заговѣнья на Петровъ постъ — принадлежатъ, очевидно, къ тому-же кругу представленій ²⁾. Кострому, Весну ввергаютъ въ воду; если названіе „Кострома“ связано съ созвучными названіями для прута, розги, сорной травы, а кострома означаетъ въ Саратовской губерніи и кучу соломы, сжигаемой подъ Новый годъ ³⁾, то мы позволимъ себѣ заключить, что рядомъ съ топлениемъ существовалъ когда-то и обрядъ сожженія Костромы, и болѣе позднему времени принадлежитъ погребеніе въ могилѣ.

Передъ нами прошли, въ предѣлахъ одного и того же обряда, различные способы погребенія: въ водѣ, на кострѣ, въ землѣ. Тѣло и изображеніе Адониса ввергалось въ воду, а его голова приносилась теченіемъ. Адонисъ (Adon, по-финикійски) значить господинъ; это невольнo напоминаетъ Марену (сл. сир. mar, mari=dominus) ⁴⁾ и сѣвернаго Бальдра: господинъ, князь ⁵⁾. Я съ умысломъ назвалъ его, потому что въ основѣ его міроваго, эсхатологическаго міеа, какъ онъ отложился въ позднѣйшихъ преданіяхъ сѣвера подъ частнымъ вліяніемъ христіанскихъ идей, лежитъ, вѣроятно, годичный міеъ о зимнемъ обмираніи и весеннемъ оживаніи свѣтлаго бога. Въ міеѣ онъ убить однажды, когда то въ началѣ человѣческой исторіи; его тѣло предають сожженію на ладѣ, и его супруга Нанна раздѣляетъ его участь; но онъ вернется въ концѣ дней, и съ нимъ настанетъ царство мира. Этотъ міровой процессъ обобщился изъ обычнаго, совершавшагося въ предѣлахъ одного года, въ сферѣ болѣе скромныхъ аграрныхъ представленій, въ которыхъ Бальдръ или Нанна являлись подъ тѣмъ или другимъ именованіемъ, въ ряду другихъ знакомыхъ намъ купальскихъ паръ.

¹⁾ См. *Аванасъевъ*, II. В. III, 126.

²⁾ Сообщение г. Романова.

³⁾ *Аванасъевъ*, III, 726.

⁴⁾ Разысканія № II, стр. 77 слѣд.

⁵⁾ Л. с. № XVIII, стр. 40.

И такъ: умираю и погребалось въ купальскихъ обрядахъ одно какое то символическое существо, въ соответствии съ Адонисомъ; сопутствующій ему женскій образъ не участвовалъ первоначально въ смерти, онъ принадлежалъ эротической сторонѣ обряда, но долженъ былъ со временемъ, по совмѣстности, отразить вліяніе другой, похоронной. Оттуда смѣшеніе Марены съ Купаломъ въ актѣ сожженія, отсюда въ купальскомъ обрядѣ явленіе русалки—маны, что отвѣчаетъ древнимъ свидѣтельствамъ о русаліяхъ на Ивановъ день ¹⁾; отсюда, быть можетъ, и повѣрье о Гертрудѣ, какъ покровительницѣ или блюстительницѣ усопшихъ ²⁾.

Но вернемся еще разъ къ купальскимъ парамъ: Адонису и Афродитѣ отвѣчаетъ Купало и Марена, Иванъ и Марья бѣло-русскихъ пѣсенъ и малорусскихъ преданій. О послѣднихъ поется, что это братъ и сестра, полюбившіе другъ друга и спознавшіеся, не вѣдая о своемъ родствѣ; узнавъ о немъ, они обращаются въ соименный имъ цвѣтокъ (Иванъ да Марья). Такъ и въ нѣмецкой, не приуроченной къ календарю пѣснѣ, Іоганъ и Маргарита обращаются въ цвѣтки вслѣдствіе безнадежной любви, но братскихъ отношеній между ними нѣтъ; связь съ нашей купальской парой поддерживается обычаемъ сжигать на Ивановъ день двѣ чучелы: Hans и Gretl ³⁾. Для русской купальской обрядности эти отношенія существенны, раскрывая въ ней далекія перспективы. Если позволено придать значеніе тому обстоятельству, что въ малорусскихъ пѣсняхъ у Ивана и Марьи одно и то же отчество по Ивану, то мы можемъ поставить вопросъ: не идетъ ли здѣсь дѣло о братѣ и сестрѣ названныхъ; вспомнимъ, что на хорватскомъ побережьи, въ Болгаріи и въ Италіи кумуются, братаются, именно на Ивановъ день, и что такая связь исключала любовь и бракъ. Въ сербской пѣснѣ Петръ болгаринъ готовъ посягнуть на свою посестриму и убить молніей; такъ да покараетъ Господь всякаго, кто милуетъ свою сестру по Богу. Иванъ и Марья были наказаны превращеніемъ въ цвѣтки. У насъ нѣтъ свидѣтельства объ ивановскомъ кумованіи въ русскихъ обрядахъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай между женщинами кумиться и дружиться въ Петровъ день, на

¹⁾ Сл. Разысканія. XIV, стр. 272; VII, стр. 204.

²⁾ Сл. выше, стр. 302.

³⁾ Разысканія № II, стр. 99—100. См. ib. 147 слѣд.

лугу, при чемъ онѣ водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами ¹⁾).

Впрочемъ, слѣдуетъ, быть можетъ, придержаться точнаго смысла пѣсни-легенды объ Иванѣ и Марьѣ, какъ родныхъ братѣ и сестрѣ. Пѣсня, поющая объ ихъ превращеніи, предполагаетъ существованіе семьи, запретъ браковъ между близкими родственниками и отрицаніе болѣе древнихъ отношеній общинно-родоваго брака, когда женщина принадлежала не отцу и семьѣ, а всему роду, принималась въ родъ. Это принятіе было торжественнымъ актомъ, который могъ быть приуроченъ къ извѣстнымъ моментамъ аграрнаго года и урочныхъ родовыхъ собраний; онъ предполагалъ общеніе не только съ наличными родичами, но и съ предками, покоившимися въ могилахъ, когда этотъ обычай погребенія отиѣнилъ другіе. Такъ объясняется въ обиходѣ современной (русской, латышской и т. д.) народной свадьбы роль очага, пребыванія предковъ, которому кланяется неvěста, вступающая въ его союзъ; эротическій элементъ при погребеніи Адописа представляетъ такое же переживаніе, но болѣе древнихъ, общинно-родовыхъ отношеній. То же соединеніе: принятія въ родъ и культа предковъ сохранилось, напримѣръ, въ сициліанскомъ кумованіи при символѣ *sepulcra*; въ сербскомъ дружичалѣ во второй понедѣльникъ на Пасхѣ (въ Банатѣ: побушени понедѣльник), когда мужчины и женщины собираются на кладбищахъ, убираютъ могилы свѣжимъ дерномъ, а затѣмъ „дружаются“, мужчины и женщины между собой, цѣлуясь чрезъ вѣнки, становясь затѣмъ на цѣлый годъ, мужчины—побратимами, женщины—дружками. Если я не ошибаюсь, то символика старо-сѣвернаго побратимства должна быть объяснена съ тѣхъ же точекъ зрѣнія: братующіеся поднимали широкую полосу дерна, въ видѣ холма, такъ что крайнія части при окружности не отдѣлялись отъ земли, средняя же подперта была

¹⁾ По сообщенію г. Романова, въ Витебской губерніи на Петровъ день *кумится* дѣвушки, парни на Троицу, или дѣвушки между собою на Троицу, а на Петра съ хлопцами. „Вечеромъ дѣвки собираютца у хату, дѣ зимой на супрадахъ были, и приносятъ съ собою яецъ, сала и муки. Хозяйка няче блины, жаря яешню. Хлопцы приносятъ горѣлку, бутылки три. Которыя дѣвки себѣ играютъ, сами скачуть, а которыя *бораютца* съ хлопцами. Тогда нечерають, а хозяйка подаетъ. Повечеравши изновъ гуляютъ, играютъ, скачуть и пияють“.....Ночуютъ кумующіеся здѣсь же, ложась всѣ въ рядъ на полу, въ перемежку, хлопецъ и дѣвка. Хозяйка наблюдаетъ, чтобы не было „баловства“, хотя оно и случается. Баловство—обширное понятіе, говоритъ г. Романовъ по поводу купальскихъ празднествъ: и поцѣлуй, и объятія, и *борьба*, и „цапанье за дычки“ и, наконецъ, половыя сношенія. Намъ интересно отиѣтитъ переживаніе гетеризма въ формахъ кумовства.

копьемъ. Вступивъ подъ этотъ шатеръ, они дѣлали надрѣзъ на ладони или подошвѣ, смѣшивали эту кровь съ землею, и затѣмъ, припавъ на колѣни, призывали боговъ въ свидѣтельство того, что они будутъ другъ за друга мстителеми. Этотъ обрядъ назывался *ganga undir jarðarþen*, хожденіе подъ землю, подъ сокровище земли. Я сравниваю этотъ искусственный холмъ съ *sepulsci*, могилой итальянско-сербскаго кумованья или братанья ¹⁾).

VI.

Такимъ образомъ разборъ нѣкоторыхъ моментовъ Ивановской обрядности позволяетъ различить нѣсколько стадій ея праисторическаго и историческаго развитія. Въ началѣ это общинно-родовой праздникъ, знаменовавшійся браками и принятіемъ въ родъ, въ общеніе предковъ. Эротизмъ и похоронный элементъ ведетъ начало изъ этого источника. На этой бытовой основѣ развился натуралистическій мифъ объ умиряющемъ богѣ и антропоморфическія пары: Адониса и Афродиты. Купалы или Ивана и сверстнаго ему женскаго образа. Еще позже—пѣсня объ Иванѣ и Марьѣ, отражающая отношенія, когда-то обычныя или выражавшія существенное содержаніе обряда, но теперь отверженныя. Церковь внесла свои воспоминанія, память св. Іоанна, протестуя противъ языческаго гетеризма устами блаженнаго Августина и нашего Памфила. „Повѣсть о дѣвицахъ Смоленскихъ, како игры творили“, рассказываетъ, что въ день „въ нюже родиса пресвѣтлое солнце великій Іоанпъ Креститель, первый покаанію проповѣдникъ „... „случиса быти ни на коемъ мѣсте на поле велице беснованію бестудну

¹⁾ О сѣверномъ братанѣ см. *Vigfusson*, *Corpus poet. boreale* I, 423 слѣд.; *Gudmundsson* въ *thrjar ritgjörðir, sendar og tileinkadar Herra Páli Melsted, af Finni Iónssyni, Valtý Gudmundssyni: og Boga Th. Melsted. Kopenhagen 1892*, стр. 29—55 и отчетъ *Maurer*'а въ *Zs. des Vereins für Volkskunde* III, стр. 103 слѣд. См. его—же: *Schwur unter dem Rasen* I. c. III стр. 224—225. „Клятву подъ дерномъ“, встрѣчающуюся, если не ошибаюсь, и въ русскихъ юридическихъ древностяхъ, я также соединяю съ культомъ предковъ. У тушинъ присягающаго ставягъ на колѣни близъ моимъ предковъ, обращаясь къ душамъ покойниковъ: Усопшіе наши! Приводимъ къ вамъ этого человѣка—на судъ; предоставляемъ вамъ полное право надъ нимъ: отдайте его, кому хотите, въ жертву и служеніе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину. См. *Дубровинъ*, *Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ*, т. I, кн. II, стр. 301—302. Что означаетъ въ болгарскомъ обрядѣ та черта, что братующіеся, приблизившись къ *очагу*, кладутъ на него ноги? (См. выше, стр. 307). Бобчевъ видитъ въ этомъ готовность побратимовъ броситься другъ за друга въ огонь. Мы укажемъ на символъ огня въ различномъ обрядѣ.

множество дѣвъ и женъ стекъшеса на бесовское соборище і негѣпо и сквр'но⁴. Господь послалъ великомученика Георгія, увѣщанія котораго не подѣйствовали на играющихъ; тогда онъ проклялъ ихъ, и они окаменѣли¹). Очевидно, переживаніемъ старыхъ отношеній на почвѣ новыхъ, церковныхъ, представляется обычай справлять свадьбы преимущественно въ Ивановъ (въ Сициліи)²) или Петровъ день (у турецкихъ сербовъ)³); въ Ивановскомъ братанѣ и кумовствѣ позволено видѣть такой-же отзвукъ древняго обихода — принятія въ родъ. По отношенію къ побратимству здѣсь совершилась такая же эволюція бытовыхъ формъ, какъ и съ сѣвернымъ *fóstbroedralag*, только въ другомъ теченіи: *fóstbrođir*, въ началѣ, приемышъ, воспитанникъ, *молочный* братъ; затѣмъ побратимъ въ славянскомъ смыслѣ этого слова, связанный общеніемъ *крови*, обязанный *клятвой* (*svagarbrođir*, *eibbroeđr*). Реальный символъ принадлежности къ роду замѣнился абстрактнымъ, какъ въ другихъ случаяхъ церковнымъ—и мы понимаемъ гипотезу, усматривающую продолженіе *fóstbroedralag* на почвѣ гильдейскихъ союзовъ Даніи и Норвегіи.

И мы снова поставимъ вопросъ, которымъ началась эта замѣтка: церковь привносила-ли лишь матерьялъ своихъ воспоминаній и приуроченій, или и незнакомы намъ легенды, уже испытавшія гдѣ-то вліяніе народныхъ, языческихъ представленій? Уже наше сближеніе Марены съ Адонисомъ, *dominus*, *mag*, поставило насъ передъ такимъ вопросомъ, не исключаящимъ встрѣчныхъ народныхъ приуроченій и этимологій; къ нему же ведетъ латинская легенда XII вѣка объ Иродіадѣ, влюбленной въ Іоанна Предтечу. Онъ обезглавленъ, это ея мечь за отверженную любовь; она хочетъ схватить, обнять голову, но она ускользаетъ отъ нея, пышетъ и несется въ вихрѣ, увлекающемъ и Иродіаду. Мы пытались при другомъ случаѣ объяснить эту легенду⁴); съ точки зрѣнія церковной воздушныя скитанія Иродіады выразили ея преслѣдованія святаго, ея наказаніе. Но мы невольно припоминаемъ другой аналогическій образъ: сраженнаго Адониса, гѣло, голову котораго ищеть, скитаясь, неутѣшная въ своемъ горѣ богиня Афродита.

Александръ Веселовскій.

¹) *Буслаевъ*, О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, Приложение, стр. 2 (изъ Цвѣтника).

²) *Pitrè*, Biblioteca, т. XII, стр. 294.

³) *Ястребовъ*, Обряды и пѣсни турецкихъ сербовъ, стр. 408.

⁴) Разскаанія, XVI, стр. 309—310.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

VII.

На юго-восточной окраинѣ Волынской земли, въ бывшей Погоринѣ, по сосѣдству съ Корецкой волостью, располагалось одно изъ самыхъ обширныхъ удѣльныхъ владѣній на Волыни — княжество *Острожское* ²⁾. Стольный городъ этого княжества, Острогъ, расположенный при слияніи Иквы съ Горынью, впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1100 г., когда, по рѣшенію князей на Витичевскомъ съѣздѣ, Давидъ Игоревичъ получалъ взамятъ Владимірскаго удѣла города: Острогъ, Дубенъ и Чарторыскъ ³⁾. Послѣ 1100 г. Острогъ не встрѣчается больше въ лѣтописи и упоминается снова въ началѣ

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ О князьяхъ Острожскихъ см.: *Максимовичъ*, Письма объ Острожскихъ князьяхъ (Собр. соч., I). *Андріашевъ*, Очеркъ, ист. Волынской земли, 3, 38, 61—72, 77—79, 210, 229. *Антоновичъ*, Моногр., I, 46. *Молчановскій*, Очеркъ изв. о Подольской землѣ, 70. *Малышевскій*, Очеркъ исторіи Турова, 4 и слѣд. *Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси, 69, 81—82. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 39 и др.; его же Волынь, 63 и др. *Петровъ*, Исторія родовъ русскаго дворянства, 197. *Wolf*, *Ród Gedym.*, 20, 74, 119. *Rulikowski i Radziwiński*, Ostrogscy и Zaslawsy (въ соч. *Kniaziowie i szlachta*). *Bartoszewicz*, Ostrogscy (Encykl. Powz., XX, 155 и слѣд.); *то же*, *Dziela*, III, 369. *Stadnicki*, *Synow. Ged.*, II, 163, 173. *Steki Wolyń*, I, 307, 313, 316; *то же*, *Książęce gniazdo* (1885). *Jablonowski*, *Źródła dziejowe*, t. VI, стр. LXVI, LXVII, LXXII. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 21, 26, 41. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 432; VII, 682. *Niesiecki*, *Herbarz*, V, 228; VII, 176. *Boniecki*, 229—239. *Konieczny*, *Przewodn.*, 1892, XII, 1061.

³⁾ Ипат. лѣт., 180. *Андріашевъ*, Очеркъ, 79. *Молчановскій*, Очеркъ, 70. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 26.

XIV столѣтія, въ одной изъ первыхъ грамотъ великаго князя волинскаго, Любарта Гедиминовича, именно въ приведенномъ выше фундушевомъ привилеѣ 1322 г. на имѣнія, пожалованныя Любартомъ соборной Луцкой церкви и владыкѣ луцкому и острожскому, Климентію. Въ этомъ привилеѣ Любартъ говоритъ о Луцкѣ и Острогѣ, какъ о „нашей области“ ¹⁾. Острогъ въ это время представлялъ такое же владѣніе, состоявшее подъ верховной властью Любарта, какъ и другія Волинскія области. Упомянутое объ Острогѣ, какъ отдѣльномъ княжествѣ, принадлежитъ времени, послѣдовавшему за привилеемъ 1322 г. Даниилъ, князь „острожскій“, упоминается въ актахъ впервые подъ 1340 г., когда онъ, въ союзѣ съ Дмитріемъ Дѣтко, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ польскимъ королемъ Казимиромъ изъ-за обладанія Галицкой Русью ²⁾. Какъ увидимъ ниже, князь Даниилъ Острожскій владѣлъ удѣломъ на Волыни „по отцамъ“, въ значеніи отчины, а не пожалованія великаго князя волинскаго, Любарта Гедиминовича ³⁾. Въ извѣстномъ договорѣ 1366 г. литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ Острогъ, несомнѣнно составлявшій въ это время удѣлъ князя Даниила, упоминается въ числѣ городовъ, оставшихся по-прежнему въ составѣ владѣній Любарта ⁴⁾. Въ 1386 г., при подчиненіи Острожскаго княжества непосредственной зависимости отъ верховнаго господаря великаго княжества Литовскаго (Владислава-Ягеллы), князья Острожскіе владѣли тѣми же городами, что и при Любартѣ, и обязались отправлять господарю литовскому тѣ же службы (*servicia*), какія до того лежали на нихъ въ отношеніи къ Любарту; затѣмъ и сами наследники послѣдняго отказались тогда же отъ своихъ правъ на отчину и службы („служобные“) князей Острожскихъ ⁵⁾.

¹⁾ Владыка луцкій и острожскій „маеть архимандриты благословити, игумены наставляти, попы и дьяконы совершати, какъ *въ нашей области*, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и въ Остроге, и въ селахъ до нихъ прислухаючихъ, такожде и бояръ и землянъ нашихъ... Аще ли хто подъ *областію нашою* въ епархій Луцкой и Острозской“ и пр. (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1, стр. 3). Владыкѣ пожалованы подъ Острогомъ „село наше Бусчу, зъ дворянскомъ Бресчовскимъ, Мевочъ Малый и Великий, Будорожь, Пичевъ Точыско“ (*ib.*, стр. 2—3).

²⁾ *Андриішевъ*, Очеркъ, 210. *Филевичъ*, Борьба, 81. *Cromer*, L. XII, 206. *Długosz*, wyd. 1876, L. X, 213.

³⁾ Иначе ставится вопросъ у Андриішева (стр. 77) и Бартошевича (*Encykł. Powst.*, XX, p. 155).

⁴⁾ *Skarbiec*, № 482.

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 5—6, 8.

Указанія касательно территориальнаго состава Острожскаго княжества при князѣ Даниилѣ находимъ въ привилеѣ Владислава-Ягеллы и Витовта, данномъ въ 1386 г. преемнику Даниила, его сыну Ѳеодору, на Острожское княжество, съ тянувшими къ нему „districti“, какими владѣлъ его отецъ. Къ такимъ округамъ-повѣтамъ, принадлежавшимъ къ Острогу еще при князѣ Даниилѣ, въ привилеѣ 1386 г. отпесены: Корецъ, Заславъ, Хлапотинъ, Иваниль, Хрестовичъ, Красне и Крупа ¹⁾. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, сразу ли всѣ эти волости пожалованы князю Даниилу, или же онъ приобрѣлъ ихъ въ различное время. Послѣ Даниила Острожское княжество увеличивалось новыми приобретениями князей по пожалованіямъ литовскихъ господарей и по частнымъ актамъ — дарственнымъ записямъ, купчимъ и пр. Старыя владѣнія Даниила были привилеями Владислава и Витовта въ 1386 г. признаны за преемникомъ Даниила, Ѳеодоромъ Даниловичемъ, въ качествѣ его потомственной отчины ²⁾. Не видно, чтобы при этомъ

¹⁾ „Damus, donamus plenam omnimodam potestatem castrum ipsius Ostrog et cum districtibus sitti Ostroviensis, sicut pater ipsius dux Daniel habuit, ad dictum castrum Ostrog pertinencium, istos districtus nominamus: Korzec, Zosslaw etc., ad dictum castrum Ostrog spectantibus“ (Arch. Sang., I, стр. 6). Подлиннымъ привилеемъ Витовта 1396 г. за Ѳеодоромъ Даниловичемъ Острожскимъ были подтверждены старыя волости, какими владѣлъ его отецъ, а также владѣнія, приобретенныя собственно при Ѳеодорѣ Даниловичѣ. Въ ряду послѣднихъ нѣтъ ни одного поселенія, которое бы упоминалось въ привилеѣ Владислава 1386 г. (Arch. Sang., I, стр. 20. О Хлапотинѣ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, стр. 416, 440 — 442; о Крупѣ—*ibid.*, стр. 2).

²⁾ Сюда принадлежать три привилеи: 1) привилей Владислава-Ягеллы, данный имъ въ качествѣ „Lithuanie princeps supremus“ съ общимъ признаніемъ „службы“ и отчужденныхъ правъ Ѳеодора Даниловича на Острожское княжество (Arch. Sang., I, стр. 5); 2) привилей Владислава и Витовта съ ближайшимъ обозначеніемъ территориальнаго состава княжества, а также владѣтельныхъ правъ Ѳеодора Даниловича, какъ удѣльнаго князя острожскаго (*ibid.*, стр. 6); 3) привилей Ядвига („Lithuanie princeps suprema“) — съ тѣмъ же содержаніемъ, что и первый привилей Владислава. Привилей Ядвига зарегистрированъ въ инвентарѣ королевскаго архива Кромера подъ 1386 г. (*Stadnicki*, Syn., II, 163), между тѣмъ какъ въ сборникахъ Грабовскаго (*Źródła do dziej. Pol.*, I, стр. 151), также *Aktach grodz. i ziemsk.* (V, № 20) и *Archivum Sang.* (I, стр. 15) тотъ же привилей обозначенъ датой 1393 г. Дѣло въ томъ, что съ 1392 г. Витовтъ становится самостоятельнымъ литовскимъ господаремъ, — съ этихъ поръ Ядвига едва ли могла имѣть, помимо Витовта, какія либо отношенія къ литовскимъ владѣніямъ. Въ виду этого нужно считать подлинной дату, показанную въ инвентарѣ Кромера. Кромеръ имѣлъ въ рукахъ актъ, хранящійся въ королевскомъ архивѣ; въ дру-

сдѣланы были какія либо новыя пожалованія въ пользу Острожскаго князя ¹⁾). О новыяхъ приобрѣтеніяхъ князей Острожскихъ говорятъ по-

гихъ же сборникахъ текстъ акта взять изъ архивовъ Оссолинскихъ и Сангуш-ковъ (См. *Stadnicki*, Syn., II, стр. 163. *Stacki*, Wolyń, I, 307—308). Второй привилей 1386 г., данный отъ имени Ягеллы и Витовта, считается польскими учеными подложнымъ, съ тѣмъ, на нашъ взглядъ, едва ли можно согласиться. Сомнѣніе въ подлинности этого акта заявилъ впервые проф. Соколовскій („Листы князей Збаражскихъ“, въ *Archiwum Komisji histor.*, II, р. 5), главнымъ образомъ, въ виду стила акта, напоминающаго XV вѣкъ. На подложности этого акта, затѣмъ, настаиваютъ Руликowski и Радзивиловскій (Княз., р. 29—30), также Конечный (*Przewodn.*, 1892, в. XII, р. 1062). Свое сомнѣніе они мотивируютъ тѣмъ, что содержаніе обоихъ привилеевъ 1386 г. одно и то же, только во второмъ привилей размѣръ „*padan*“ больше, чѣмъ въ первомъ: „*nie mogą być dwa padania, jedno mniejsze, drugie obszerniejsze, z tego samego dnia i ten powód wystarcza*“. Оба акта, между тѣмъ, далеко не однородны по содержанію: второй актъ, по всему видно, служитъ необходимымъ дополненіемъ къ первому. Въ привилей, данномъ отъ имени одного Ягеллы, рѣчь идетъ лишь о признаніи „службы“ Феодора Даниловича и объ условіяхъ подчиненія его Ягеллѣ, какъ королю польскому и вмѣстѣ съ тѣмъ „*Lithuanie principis suprema*“. И привилей Ядвиги тоже касается, главнымъ образомъ, вопроса о „службѣ“ Острожскаго князя королевѣ, считавшейся также „*Lithuanie principis suprema*“ (*Arch. Sang.*, I, р. 15). Затѣмъ, привилей, данный отъ имени Ягеллы и Витовта, ближайшимъ образомъ опредѣляетъ территориальный составъ Острожскаго княжества и владѣтельные права, соединенныя съ его обладаніемъ. Что касается стила акта, то въ этомъ отношеніи можетъ быть рѣчь лишь объ испорченности текста акта, а не о его подложности. Подлинность сомнительнаго акта подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что онъ зарегистрированъ Кромеромъ въ его „Инвентарѣ королевскаго архива“.

¹⁾ Такія пожалованія признаютъ *Стадницкій* (Syn. Ged., II, 163), *Стецкий* (Wolyń, I, 307) и *Бартошевичъ* (Encykl. Powz., XX, 155). По ихъ словамъ, князь Феодоръ Даниловичъ получилъ отъ короля Владислава для себя и потомства замокъ Острогъ, „*ażebы nie mieniono, że król uczynił ten krok tylko jako W. X. Litewski, a więc jako pan zwierzchni wszystkim z Litwą połączonych ziem, król dodaje temuż kniaziewi cały do Ostroga należący powiat, oraz ziemie Korzec, Zasław, Chłopotin prawem polskiem, a królowa Jadwiga potwierdza te nadania: wszystko w r. 1386*“. Приведенное выше извлеченіе изъ привилея 1386 г., даннаго отъ имени Владислава и Витовта, вовсе не подтверждаетъ положенія Стадницкаго. Корець, Заславъ и другія Острожскія волости даны были Феодору Даниловичу не въ видѣ новаго пожалованія, но именно *отчимъ*, которой владѣль его отецъ, князь Данилъ (См. *Arch. Sang.*, I, стр. 6). Стадницкій, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе Кромеромъ, который въ своемъ инвентарѣ королевскаго архива неправильно суммируетъ содержаніе привилея 1386 г. Въ инвентарѣ Кромера говорится: „*Vladislaus rex Poloniae et Vitoldus M. D. Lithuaniae castrum Ostrog cum districtu Ostroviensi, nec non districtus Corec, Zasław, Chłopotyn, Theodoro Danielowicz duci confuerunt cum libertate terrigenarum regni Po-*

слѣдующіе акты. Такъ, въ томъ же 1386 г. князь Острожскій получилъ Бродово по дарственной записи Чурила Бродовскаго ¹⁾. Въ 1390 г. король Владиславъ, за защиту Вильны (*ob defensionem castris nostri Vlnensis vitam suam mortis periculo exponens etc.*), подтверждаетъ старыя права Федора Даниловича на потомственное владѣніе Острожскимъ княжествомъ, но безъ новыхъ пожалованій ²⁾. О новыхъ приобрѣтеніяхъ князя Федора Даниловича говорится въ подтвердительномъ привилеѣ великаго князя литовскаго Витовта, 1396 г., князю Федору Даниловичу на владѣніе Острожскимъ княжествомъ, какъ было при его отцѣ, князѣ Данилѣ, при чемъ литовскій господарь „придалъ“ князю Федору рядъ селъ Острожскаго же повѣта ³⁾. Какъ видно по всему, села эти приобрѣтены княземъ еще раньше, путемъ частныхъ актовъ; въ 1396 г. они были подтверждены Витовтомъ за острожскимъ княземъ на вѣчномъ наследственномъ правѣ ⁴⁾.

loniae“ (*Stadnicki, Syn. Ged., II, стр. 163, прим. 233, подъ лѣт. b.*) Здѣсь допущена существенная ошибка: отдѣленіе Острожскаго округа отъ другихъ округовъ — Корца и друг. (изъ чего Стадницкій вывелъ заключеніе, что послѣдніе округа были вновь пожалованы Федору Даниловичу, при его отцѣ не принадлежали къ Острожскимъ волостямъ), тогда какъ въ текстѣ привилея 1386 г. категорически говорится о Корцѣ и другихъ волостяхъ, какъ именно *Острожскихъ* округахъ, которыми владѣлъ еще князь Данилъ, отецъ Федора Даниловича. Предположеніе Стадницкаго о пожалованіи Острожскому князю „польскаго права“ также основано на невѣрномъ суммированіи привилея 1386 г. въ инвентарѣ Кромера. См. объ этомъ ниже.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 2.

²⁾ Поселеніе *Бороды*, о которомъ говорится въ привилеѣ 1390 г., по замѣчанію издателей архива Сангушковъ (I, стр. 183), есть село Бродово, приобрѣтенное раньше княземъ Острожскимъ по дарственной записи Чурила Бродовскаго.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 20.

⁴⁾ Къ такимъ селамъ принадлежали: Бродовъ, Радоселки, Радогоща, Межиричье, Дьяковъ, Свищово, съ приселками: Озоряны, Городница и два Ставка (въ текстѣ привилея, помѣщеннаго у *Prochaski, Cod., № 127, — „Dwastawki“*). Бродовъ, какъ раньше замѣчено, приобрѣтенъ Федоромъ Даниловичемъ еще въ 1386 г. по частной записи. Андрияшевъ (Очеркъ, 77) не безъ основанія полагаетъ, что и другія поселенія, упоминающіяся въ привилеѣ 1396 г., раньше приобрѣтены Федоромъ Даниловичемъ; Витовтъ лишь подтвердилъ за нимъ владѣніе упомянутыми волостями. Новыхъ пожалованій на территоріи Острожскаго княжества литовскій господарь не могъ дѣлать въ 1396 г., такъ какъ еще раньше, въ 1386 г., при подчиненіи этого княжества непосредственной зависимости отъ литовскихъ господарей, владѣтельными права на него, въ цѣлой его совокупности, были признаны за князьями Острожскими. Новые приобрѣтенія на территоріи княжества

Путемъ такихъ же частныхъ сдѣлокъ переходили во владѣніе князей Острожскихъ имѣнія въ ихъ княжествѣ также въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ ¹⁾. Затѣмъ, путемъ пожалованій литовскихъ господарей князья Острожскіе въ XV столѣтіи приобрѣли обширныя владѣнія внѣ своего княжества, въ Волынскихъ повѣтахъ — Луцкомъ, Владимирскомъ и Кременецкомъ ²⁾. Кромѣ Волыни, князья Острожскіе имѣли съ XV столѣтія владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ—Пинскомъ Полѣсьи, повѣтахъ Трокскомъ, Оршанскомъ и пр. ³⁾.

Федоръ Даниловичъ могъ дѣлать въ значеніи не удѣльнаго князя, а лишь частнаго землевладѣльца, могъ на этомъ основаніи приобретать „имѣнія“ у мѣстныхъ земель (напримѣръ, въ 1386 г. у Чурилы Бродовскаго). Эти-то приобретения Федора Даниловича и могли быть подтверждены Витовтомъ привилеемъ 1396 года. Руликівскій и Радзиминскій (Князіowie i szlachta, 33—35) считаютъ подложнымъ привилей Витовта, данный 3 іюля 1396 г., на томъ основаніи, что Витовтъ, бывшій въ Ковнѣ въ апрѣлѣ того же года, оставался тамъ до 28 іюля, когда было объявлено „розмирье“ со крестоносцами, — не могъ, слѣдовательно, быть въ Луцкѣ 3 іюля и заниматься тамъ дѣлами. Гг. Руликівскій и Радзиминскій не обратили вниманія на подпись, ичѣющуюся въ концѣ привилея 1396 г.: „княгини великая правила“; такая же подпись встрѣчается и на другихъ актахъ Витовта (см., напримѣръ, Arch. Sang., I, стр. 29). Подобная подпись обозначалась на актахъ великаго князя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отсутствовалъ и его именемъ дѣлами „правила“ великая княгиня. Руликівскій также указываетъ на Бродовъ, который раньше приобрѣтенъ княземъ Острожскимъ и, слѣдовательно, не могъ быть пожалованъ ему Витовтомъ; но, какъ замѣчено выше, привилей 1396 г. имѣетъ значеніе лишь *подтвержденнаго* акта на владѣнія, приобретенныя раньше княземъ Острожскимъ.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 56, 57, 60, 68, 77 и др.

²⁾ Въ Луцкой землѣ: Выромя, Новосельцы, Корсовъ, Сестратинъ, Озыбрь и Змѣинець (А. Ю.-З. Р., I, № 29); Уздолбца, Глинско, Урвена, Дерманъ, Лебеды, Кунши, Вѣдчи, Коршовъ, Ледова, Богдановъ и Долбуновъ (А. З. Р., I, № 138; Arch. Sang., I, стр. 113). Дубно (на Иквѣ—принадлежало Острожскимъ еще съ XIV столѣтія; въ 1498 г. перенесено „de jure vilano in jus civile“, то-есть, преобразовано въ „мѣсто“—Arch. Sang., I, стр. 114; *Baliński*, *Staroż. Polska*, III, 21), Звяголь (съ 1499 г.,—Arch. Sang., I, стр. 117) и др. Въ Владимирскомъ повѣтѣ—Новосельцы (А. Ю.-З. Р., I, № 29); въ Кременецкомъ повѣтѣ—Полонный (Arch. Sang., I, стр. 143, 144; III, 80, 87, 167; *Baliński*, III, 101), Красяловъ (на Случи), два Дубища, Барщеховъ, Черлѣновъ, Колчигъ, Колчинчи, Баймазовъ (Arch. Sang., I, стр. 113; *Baliński*, III, 98) и др.

³⁾ Изъ актовъ начала XVI столѣтія видно, что Туровъ съ его волостями входилъ въ составъ владѣній князей Острожскихъ (А. З. Р., II, №№ 105, 157). Въ Трокскомъ повѣтѣ имъ принадлежала волость Здѣчало (Arch. Sang., I, стр. 116). въ Оршанскомъ повѣтѣ — Смоляне (А. З. Р., II, № 118) и др. Въ позднѣйшее время тѣмъ же князьямъ принадлежали староства Кременецкое, Винницкое, Звенигородское и Брацлавское (Encykl. Powyz., XX, 165. А. Ю.-З. Р., II, № 104).

По словамъ Максимовича, въ концѣ XVI столѣтія въ составъ владѣній князей Острожскихъ входили: 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 650 сельскихъ поселеній ¹⁾. Своими волостями Острожскіе князья владѣли сообща, какъ это было, напримѣръ, въ послѣдней четверти XV столѣтія, при князьяхъ Михаилѣ и Константинѣ Ивановичахъ ²⁾, хотя несомнѣнно могъ практиковаться въ Острожскомъ княжествѣ обычный въ то время порядокъ удѣльнаго владѣнія по „дѣльщикамъ“. „Дѣль“ Острожскаго княжества во второй четверти XV столѣтія на особыя „дѣльницы“ между князьями Иваномъ и Юрьемъ Васильевичами послужилъ основаніемъ образованія изъ такихъ дѣльницъ особыхъ княжествъ — собственно Острожскаго (въ родѣ Ивана Васильевича) и Заславскаго (въ родѣ Юрія Васильевича) ³⁾. Старое едипство волостей князей Острожскихъ возстановляется въ началѣ XVII столѣтія, когда, за прекращеніемъ рода князей Острожскихъ, ихъ обширныя владѣнія, по праву „близкости“, перешли къ князьямъ Заславскимъ ⁴⁾.

Русское происхожденіе князей Острожскихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; оно доказывается несомнѣнными историческими данными. Дѣлались, затѣмъ, разными учеными попытки установить ближайшимъ образомъ генеалогическую связь князей Острожскихъ съ тѣми или другими представителями мѣстныхъ княжескихъ родовъ, въ особенности съ старыми князьями Пинскими, также Друцкими и Волинскими; но всѣ такія попытки не имѣютъ твердыхъ, документальныхъ основаній ⁵⁾.

¹⁾ Въ Острожскихъ имѣніяхъ числилось болѣе 600 православныхъ церквей и до 10 монастырей (*Максимовичъ*, Собр. соч., I, стр. 191. *Петровъ*, Волинь, 63, 122).

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 68, 77, 84, 86, 143 и пр.

³⁾ На первыхъ порахъ послѣ „дѣла“ оба братья продолжали по старому титуловаться князьями Острожскими; но, затѣмъ, позже князь Юрій усваиваетъ себѣ, по имени главнаго центра своей дѣльницы (Заслава), титулъ князя Заславскаго (Жаславскаго). См. Arch. Sang., I, стр. 44, 62 и пр. О князьяхъ Заславскихъ см. ниже.

⁴⁾ *Stecki*, Wołyń, стр. 313, 316. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 28, *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 432.

⁵⁾ На русское происхожденіе князей Острожскихъ находимъ прямыя указанія у старыхъ польскихъ историковъ. *Длугошъ* (L. XI, 217) называетъ „Ruthepis“ Дашка (Daschkope), сына Федора Даниловича Острожскаго. Точно также острожскій князь Василій Красный именуется у *Кромера* (L. XX, 297) русскимъ: „Basilium ducem Russum, cognomento Crasni“. Русское происхожденіе Острожскихъ признаютъ всѣ позднѣйшіе историки Волини—*Бартошевичъ* (*Encykl. Powsz.*, XX, 157), *Рудковскій* (*Kniaziowie*, 58), *Боневскій* (*Poczet rodów*, 229), *Конечный*

Въ источникахъ не находимъ также точныхъ указаній на время образованія Острожскаго княжества. По общепринятому мнѣнію, княжество это образовалось при Любартѣ Гедиминовичѣ и въ зависимости отъ него; первымъ Острожскимъ княземъ считается князь Данилъ, защищавшій въ 1340 году, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Дѣтко, Галичину отъ притязаній польскаго короля Казимира ¹⁾. Нѣкоторые изъ польскихъ историковъ идутъ дальше и полагаютъ, что князь Данилъ никогда не владѣлъ Острогомъ; послѣдній становится удѣломъ лишь

(*Przewodnik*, 1892, XII, 1061) и др. Въ русской исторической литературѣ, съ времени Максимова, утвердилась гипотеза происхожденія Острожскихъ отъ Турово-Пинскихъ князей, при которыхъ Пинское Полѣсье перешло къ Гедиминовичамъ, именно отъ Георгія Владиміровича и сына его Дмитрія, потомковъ Святослава Изяславича. Основаніемъ такой генеалогіи князей Острожскихъ служатъ старыя помянники Кіево-Печерской лавры, также Дерманскаго монастыря въ Луцкомъ повѣтѣ (см. *Максимовичъ*, Письма о кн. Острожскихъ, въ Собраніи сочин., I, 166 и сл.; *Антоновичъ*, Моногр., I, 46; *Андриашевъ*, Очеркъ исторіи Волынск. земли, 77; *Малишевскій*, Очеркъ исторіи Турова, 4 и сл.; *Петровъ*, Бѣлоруссія, 89 и др.; Помянникъ Дерманскаго монастыря, помѣщ. въ Памяти., IV, отд. I, стр. 107 и сл.). Но, по справедливому замѣчанію Руликовскаго (Княз., 10—14) и Конечнаго (*Przewodnik*, 1892, XII, 1061), помянникъ Кіевскій и Волынскій представляютъ не точныя, хронологическія „родословія“, но совершенно случайный перечень лицъ, вносившихся въ монастырскіе помянники безъ всякихъ указаній на родословную связь между ними. Единственное, сколько нибудь точное указаніе на общее происхожденіе князей Острожскихъ и Турово-Пинскихъ находимъ въ Кіевскомъ Патерникѣ: „Преподобный Ѳеодоръ князь Острожскій далекій потомокъ св. князя Владиміра, зъ котораго возникла вѣтвь князей Туровскихъ и Пинскихъ, а изъ нея опять отрасль достопамятныхъ князей Острожскихъ“ (*Rulikowski i Radziwiński*, Książowie, 36). По другому преданію, записанному *Стрийковскимъ* (Hist., wyd. 1846, II, p. 261, 305), князья Острожскіе — одного рода съ князьями Друцкими на Волыни, происходятъ отъ волынскаго князя Романа Мстиславича. Традиція эта принята старыми польскими геральдиками (см. *Niesiecki*, Herb., VII, 176) и нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ польскихъ историковъ (Encykl. Powsz., XX, 155, 157; *Rulikowski*, Княз., 5 и сл.). Есть также предположеніе о происхожденіи князей Острожскихъ и Пинскихъ отъ князей Ярославичей, жившихъ еще при Сигизмундѣ Ягеллонѣ, — потомковъ кіевскаго князя Святослава Изяславича, посаженнаго на кіевскій столъ Болеславомъ Смѣлымъ (см. *Dziela Bartoszewicza*, III, 369; *Jabłonowski*, Źródła, VI, стр. LXXII; *Rulikowski*, Княз., 16). Въ послѣднее время высказана мысль о литовскомъ происхожденіи Острожскихъ, именно отъ князя Войдата Кейстутовича (*Петровъ*, Исторія родовъ русскаго дворянства, 1886, стр. 197). Но Войдата былъ современникъ не Данила Острожскаго, а его сына Ѳеодора, и потому его едва ли можно считать родоначальникомъ князей Острожскихъ (ср. *Wolff*, Ród Gedym., 55).

¹⁾ *Андриашевъ*, Очеркъ извѣст. о Волынской землѣ, 77.

его сына, князя Федора Даниловича, по мнѣнію однихъ ученыхъ (Руликовскаго и Радзиминскаго) при Любарть, по мнѣнію другихъ (Бартошевича) при Владиславѣ-Ягеллѣ¹⁾. Въ послѣднее время польскіе историки (Конечный) стали высказываться въ пользу предположенія о томъ, что не только князь Даниилъ владѣлъ Острогомъ при Любарть, но и еще до него уже существовали князья Острожскіе²⁾. Намъ кажется, что послѣднюю мысль слѣдуетъ признать наиболее близкой къ истинѣ. Принадлежность Острога князю Даниилу, защитнику Галичины, подтверждается показаніями Кромера и другихъ польскихъ лѣтописцевъ, называющихъ защитника Галичины „Daniel Ostrogio“³⁾. Мало того: привилей 1386 года, данный Владиславомъ-Ягеллой Федору Даниловичу Острожскому, категорически заявляетъ, что князьями Острожскими (*duces Ostrogovienses*) назывались еще *предки* (*progenitores*) Федора Даниловича⁴⁾. По этому поводу Конечный совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „не только отецъ, но и по меньшей мѣрѣ дѣдъ Федора былъ уже княземъ Острожскимъ. Были они тамъ еще предъ Любартомъ. Когда Любарть занималъ Воынь, онъ оставилъ Острогъ во владѣніи природнаго (*godzimego*) русскаго князя, Даниила, по смерти котораго Острогъ по наслѣдству перешелъ къ его сыну Федору“⁵⁾. И дѣйствительно, можно съ полной вѣроятностью утверждать, что Острожское княжество образовалось еще въ до-литовскую эпоху и вообще принадлежало къ такимъ же старымъ воыньскимъ удѣламъ, какъ и другіе удѣлы бывшей Погоринны—княжества Стенанское, Дубровицкое и пр. При-

¹⁾ См. *Rulikowski i Radziwiński*, *Kniaziowie*, 16. *Encykl. Powaz.*, XX, 155. Впрочемъ, Руликовскій въ другомъ мѣстѣ (стр. 25) сознается, что въ привилей Ягеллы 1386 года предки (*progenitores*) Федора Даниловича называются „*duces Ostrogovienses*“, „*a tem samem i jemu (Федору Даниловичу) dano odtąd prawo do tego miana*“.

²⁾ *Koneczny*, *Jagiello i Witold (Przewodn.)*, 1892, s. XII, p. 1061).

³⁾ *Cromer*, I. XII, 206. У Япа и Длугоша князь Даниилъ, по ошибкѣ, названъ *Daniel de Ostrow* (*Kron. Jana z Czarnkowa, — Bielowski*, *Monum. hist. Pol.*, II, 621. *Długosz*, I. IX, 213),—ошибка, которая повторяется также въ привилей 1393 г., гдѣ Федоръ Даниловичъ названъ „*Fedario de Ostrow (Grabowski i Przesdziecki, Źródła*, I, 150).

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, 5—6. *Rulikowski*, *Kniaz.*, 24: „*Illustris princeps dominus Fedor et sui progenitores duces Ostrogovienses majestatem nostram et predecessores nostros duces Lithwanie et Russie sunt actenus venerati*“, etc.

⁵⁾ *Przewodnik*, 1892, s. VIII, 684; XII, 1061.

веденное выше сообщеніе Длугоша и Кромера ¹⁾ о подчиненіи Любарту мѣстныхъ, „природныхъ“ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ разныхъ волынскихъ волостяхъ, несомнѣнно относится и къ князьямъ Острожскимъ, владѣвшимъ при Любартѣ Острогомъ, какъ своей старой отчиной, а не выслугой, пожалованной Любартомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ актахъ XIV столѣтія говорится объ Острогѣ, какъ о владѣніи Любарта, но именно лишь въ общемъ смыслѣ области, лежавшей въ предѣлахъ подвластной ему земли и, наравнѣ съ другими удѣльными княжествами, подчинявшейся его верховной власти ²⁾. Какъ видно изъ источниковъ, Данилъ Острожскій умеръ при Любартѣ, и при немъ же Острожское княжество перешло по праву „близкости“ къ князю Федору Даниловичу ³⁾.

Значеніе князей Острожскихъ, какъ удѣльныхъ владѣтелей, опредѣлялось прежде всего общимъ положеніемъ дѣлъ на Волыни со времени присоединенія ея къ Литовско-Русскому государству. Какъ мы уже знаемъ, первый литовскій „великій князь“ на Волыни Любартъ Гедиминовичъ преемственно вступилъ во всѣ права старыхъ князей волынскихъ. Любартъ являлся такимъ же господаремъ-отичнемъ Галицко-Волынской земли, какъ и его предшественники—волынскіе великіе князья рода Даниловичей. Въ „послушаніи“ и „службѣ“ (*serwicia*) Любарту, какъ общему волынскому господарю, состояли по старому обычаю всѣ мѣстные удѣльные князья. Въ такой же зависимости отъ волынскаго великаго князя находился и Данилъ, старый острожскій князь. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что служба (*serwicia*), отправлявшаяся въ пользу Любарта преемникомъ князя Данила, его сыномъ Федоромъ, и всецѣло перешедшая послѣ Любарта къ королю Вла-

¹⁾ *Dlugosz*, L. IX, p. 1087. *Cromer*, L. IX, 308.

²⁾ Въ приведенной выше фондушевой записи Любарта (1322 г.) послѣдній называетъ Острогъ „нашею областью“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, стр. 3), въ смыслѣ территоріальной части княжества, бывшей подъ его верховной властью. Таковой же смыслъ имѣетъ и указаніе договора 1366 года (*Skarbiec*, № 432) на владѣніи Любарта, въ числѣ которыхъ упоминается и Острогъ, въ то время считавшійся удѣломъ князя Данила Острожскаго.

³⁾ Это видно изъ привилея Ягеллы 1386 г. (*Arch. Sang.*, I, стр. 5—6). По этому привилею, Ягелло не даетъ Федору Даниловичу никакого новаго пожалованія, а лишь подтверждаетъ за нимъ старую его отчину: „eo modo et conditione, quibus dictus D. Pheodor illustri principi olim Domino Lubarto Duci Wlodimiriensi patruo nostro carissimo, ab antiquo diuoscitur servivisse“ (ср. *Rulikowski* i *Radziwiński*, *Kniazowie*, 24).

диславу-Ягеллѣ, какъ верховному господарю (*supremus princeps*) Литовско-Русскаго государства ¹⁾, получила свое начало еще при Даниилѣ Дмитриевичѣ, именно съ момента подчиненія Любарту Острожскаго князя. Служба эта выразилась, между прочимъ, въ защитѣ Данииломъ Острожскимъ, вмѣстѣ съ Дмитриемъ Дѣтко, Любартовскаго наслѣдія въ Галиціи отъ польскихъ притязаній. Эта-то „старая служба“ Даниила Острожскаго, какъ справедливо замѣчаютъ исследователи, послужила „основнымъ камнемъ“ значенія князей Острожскихъ во все послѣдующее время ²⁾. Какъ видно изъ договора Любарта съ польскимъ королемъ (послѣ 1366 г.), „князь Даниилъ“, въ силу тѣхъ же служебныхъ отношеній, являлся ближайшимъ думцемъ-раднымъ папомъ волынскаго господаря ³⁾.

По смерти Любарта Гедиминовича и его вѣрнаго сподвижника, князя Даниила Острожскаго, значительно измѣнилось положеніе князей Острожскихъ и принадлежавшаго имъ удѣла. Переѣзна эта, по общему возрѣнію историковъ польскихъ и русскихъ, состояла ни болѣе ни менѣе, какъ въ чуть ли не полномъ выдѣленіи Острожскаго удѣла изъ состава Литовско-Русскаго государства съ прямымъ подчиненіемъ его зависимости отъ польской „короны“. Преемникъ Даниила, его сынъ Ѳеодоръ Даниловичъ, по установившемуся возрѣнію, очутился при Владиславѣ-Ягеллѣ въ прямой зависимости „отъ Польши“.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 5, привилей Владислава-Ягеллы 1386 г.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 82. *Шараневичъ*, Исторія Галицко-Волынской Руси, 158—159.

³⁾ Къ договору приложены печати, очевидно, главныхъ членовъ волынской рады Любарта: владыки луцкаго Андрея, князя Даниила и трехъ мѣстныхъ бояръ, въ томъ числѣ—Ивана, воеводы луцкаго. Какъ видно по всему, подъ именемъ „князя Даниила“ разумѣется именно Даниилъ Острожскій (Arch. Sang., I, стр. 1). Князю Даниилу Острожскому принадлежитъ грамота (безъ даты) о пожалованіи Чепеля острожской церкви св. Николая (помѣщ. Руликковскимъ въ „Kniaziowie“, р. 14—15). Руликковскій, заподозрѣвшій подлинность многихъ волынскихъ актовъ, считаетъ и настоящую грамоту подложной и основываетъ свое сомнѣніе лишь на томъ, что грамота эта не имѣетъ даты, и не упомянуты въ ней свидѣтели,—мотивъ, не имѣющій собственно никакого научнаго значенія. Есть много актовъ стараго времени безъ датъ и свидѣтелей, однако никто не сомнѣвается въ ихъ подлинности. Къ памятникамъ XIV столѣтія едва ли слѣдуетъ предъявлять требованія актовой практики, установившіяся прочно лишь въ позднѣйшее время. Какъ видно изъ словъ Руликковскаго, грамота Даниила Острожскаго была подтверждена въ 1592 г., а также виссена въ луцкія книги въ 1634 г. и въ острожскія въ 1692 г.

подчинился не Витовту, сначала великому князю волинскому, а затѣмъ литовскому, но непосредственно польскому королю Владиславу и польской коронѣ. Въ это-то время будто бы на Волини не только стало развиваться управленіе по польскимъ порядкамъ („*gda kogo ppa polska objęła rządu*“ на Волини), но и „вмѣсто общаго всѣмъ прежде русскаго права появляются мѣстности съ *польскимъ правомъ*“. Острогъ, какъ полагаютъ, былъ отданъ Владиславомъ-Ягеллой Федору Даниловичу на польскомъ правѣ, „*cum libertate terrigenatum regni Poloniae*“, что, по мнѣнію польскихъ историковъ, шло въ разрѣзъ съ единствомъ литовскаго „феодализма“ (*przegrzywało jedność litewskiego feodalizmu*)¹⁾.

При ближайшей провѣркѣ означеннаго воззрѣнія по достовѣрнымъ историческимъ даннымъ оказывается, что воззрѣніе это далеко не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣлъ на Волини и въ Острожскомъ княжествѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ. Зависимость отъ него преемника князя Данила не подлежитъ никакому сомнѣнію; но все дѣло въ томъ, что зависимость эта, какъ показываютъ источники, установилась далеко не въ томъ направленіи, на какое указываетъ существующее по данному вопросу воззрѣніе ученыхъ. На дѣлѣ ни князь Острожскій не выдѣлялся при Владиславѣ изъ общаго положенія другихъ удѣльныхъ князей того времени, ни его удѣлъ вовсе не зналъ никакого польскаго права, которое бы замѣняло собой „общее всѣмъ прежде русское право“.

Старый вопросъ о Волинскомъ „наслѣдіи“, какъ показано нами раньше, возникъ послѣ смерти Любарта и его жены, послѣдней представительницы законныхъ отчичей Волинскаго наслѣдія. По праву выморочности, наслѣдіе это должно было, само собой, отойти къ короннымъ владѣніямъ литовскихъ государей; вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ удѣльные князья на Волини, въ томъ числѣ, конечно, и князья Острожскіе, должны были сами собой перейти въ непосредственную зависимость отъ того же государя литовскаго. Вотъ гдѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать главный источникъ перемѣны въ положеніи князей Острожскихъ, какъ и остальныхъ удѣльныхъ князей на Волини,—перемѣны, дѣйствительно происшедшей въ быту Волинской земли при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ то время верховномъ государѣ

¹⁾ См. *Stadnicki*, Syn. Gedym., II, стр. 163, 173. *Stecki*, Wolyń, I, 307. *Bartoszewicz*, Ostrożcy kniaziowie (Encykl. Powsz., XX, 156). *Андрилиця*, Очеркъ исторіи Волинской земли, 3, 229.

(*supremus princeps*) Литовско-Русскаго государства. Подчиненіе волынскихъ князей Владиславу-Ягеллѣ не освобождало ихъ въ то же время отъ обычнаго послушанія „великому князю“ волынскому, каковымъ при Ягеллѣ (съ 1384 г.) считался Витовтъ ¹⁾). Одновременная зависимость Ѳедора Даниловича, князя Острожскаго, отъ Владислава и Витовта доказывается, какъ нельзя лучше, привилеемъ (вторымъ) 1386 г., даннымъ отъ имени обоихъ господарей литовскихъ, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ владѣній и правъ, предоставляемыхъ Острожскому князю ²⁾). Прямая зависимость Острожскаго князя отъ Витовта подтверждается также привилеемъ послѣдняго, даннымъ въ 1396 г. Ѳедору Даниловичу, съ утвержденіемъ за нимъ на полномъ наслѣдственномъ правѣ имѣній, раньше прибрѣтенныхъ княземъ Острожскимъ ³⁾).

Что касается, затѣмъ, вопроса о зависимости Ѳедора Даниловича „отъ Польши“, то сюда относится положеніе привилея Владислава 1386 г. о томъ, что князь Ѳедоръ, его дѣти и наслѣдники, съ ихъ людьми, которыхъ они имѣютъ или будутъ имѣть, обязуются быть въ послушаніи и служить (*famulatus et servicia exhibere sint astricti*) королю, его наслѣдникамъ и коронѣ польской на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ князь Ѳедоръ по обычаю (*ab antiquo*) служилъ Любарту, князю Владимірскому ⁴⁾). Какъ извѣстно, послѣ при-

¹⁾ *Konieczny, Przegląd*, 1892, IX, 771 л. сл.

²⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 6. Выстъ съ тѣмъ, какъ выяснилась судьба Волынскаго наслѣдія послѣ смерти Любарта въ смыслѣ выморочнаго владѣнія литовскихъ господарей, наслѣдники Любарта, естественно, должны были отказаться отъ всякихъ притязаній на Любартовское наслѣдіе, въ томъ числѣ и отъ правъ на „отчину и служебные“ (*servicia*) князей Острожскихъ, что, какъ мы уже знаемъ, вызвало извѣстный привилей Любартовичей (вдовы Любарта и его сыновей—Ѳедора, Лазаря и Семена), обязавшихся „не уступатися у его (Ѳедора Даниловича) отчизну и у его служебные“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 8).

³⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 20. Непосредственное подчиненіе Ѳедора Даниловича Острожскаго Витовту доказывается также другими современными актами. Въ привилей Витовта евреямъ 1388 г. въ числѣ „свѣтковъ“ на первомъ планѣ стоитъ „князь Ѳедоръ, воевода Луцкій, будущій того часу“; здѣсь Острожскій князь является членомъ рады Витовта (*A. Z. P.*, I, стр. 26). Первымъ между такими же „сведками“ является Ѳедоръ Острожскій и въ привилей, данномъ Витовтомъ въ 1393 г. луцкимъ доминиканамъ (*Grabowski i Przesdziocki, Źródła*, I, p. 160). также въ листѣ Витовта крестоносцамъ 1403 г. (*Sokołowski—Szujski, Cod. epist. saec. XV, t. I, p. 23—24*).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 5. Въ присяжномъ листѣ Ѳедора Даниловича, данномъ имъ въ томъ же 1386 г. въ качествѣ Луцкаго намѣстника, не говорится вовсе о послушаніи и службѣ коронѣ польской (*ibid.*, стр. 7).

нїя Владиславомъ польской короны всѣ литовско-русскіе князья и папы обязывались, въ особыхъ присяжныхъ листахъ, присягой „послушанія и службы“ не только королю, но и коронѣ польской; но отъ подобной службы до непосредственной зависимости „отъ Польши“ было еще весьма далеко. Формулой „службы коронѣ польской“ намѣчались въ актахъ конца XIV столѣтія лишь первые опыты новаго направленія польско-литовской политики,—опыты, повторявшіеся затѣмъ не разъ и приведшіе въ результатѣ чрезъ полтора вѣка къ Люблинской уніи ¹⁾). Въ такомъ же смыслѣ нужно, конечно, понимать и ту „службу“ коронѣ польской со стороны острожскаго князя, о какой идетъ рѣчь въ привилеѣ 1386 г. Служба эта не даетъ никакихъ основаній заключать ни о подчиненіи острожскихъ князей „Польшѣ“, ни объ утвержденіи въ Острожскомъ княжествѣ при Владиславѣ польскихъ административныхъ порядковъ, а тѣмъ менѣе о введеніи въ немъ права польскаго, будто бы замѣнившаго собой дѣйствовавшее въ княжествѣ до тѣхъ поръ, общее всѣмъ русское право.

Дѣло въ томъ, что какъ предположеніе о „придачѣ“ Огедору Даниловичу цѣлаго ряда Острожскихъ волостей въ видѣ новаго пожалованія, такъ и мысль о введеніи при Владиславѣ въ Острожскомъ княжествѣ польскаго права, сложились въ польской исторической литературѣ подъ вліяніемъ показанія Кромера, какъ сказано выше, неправильно суммировавшаго въ инвентарѣ королевскаго архива содержаніе привилея Владислава 1386 г. Въ своей регистровкѣ архивныхъ актовъ Кромеръ приводитъ подъ 1386 г. привилей короля Владислава и Витовта о пожалованіи Огедору Даниловичу, князю Острожскому, замка Острога и тянувшихъ къ нему волостей „cum libertate terrigenarum regni Poloniae“ ²⁾). Изъ показанія Кромера дѣйствительно оказывается, что при пожалованіи Огедору Даниловичу Острожскихъ волостей „земяне“ Острожскаго княжества получили если не польское право, то во всякомъ случаѣ „вольности“ (libertates), какими въ то время пользовались земяне въ королевствѣ Польскомъ. Но дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ подлиннаго текста упомянутаго привилея ³⁾, въ послѣднемъ рѣчь идетъ исключительно лишь о

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 230—231.

²⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 163, прим. 233, лит. b.

³⁾ Привилей 1386 г. изданъ лишь въ сравнительно недавнее время (въ сборникахъ: Arch. Sang., I, № 6, и *Sokolowski—Szujski*, Codex epistol., № 8) и потому подлинный его текстъ могъ быть неизвѣстенъ прежнимъ историкамъ—Стадициому

„вольностями“ и правахъ острожскаго князя,—нѣтъ ни малѣйшаго намека на польское право и какія бы то ни было вольности острожскихъ земляпъ. Для бѣльшей наглядности приведемъ въ параллели латинскій текстъ привилея 1386 г. и по возможности точный его переводъ:

„Statuimus et facimus predictum ducem Feodor Danielovicz et ipsius heredes et successores legitimos supra dictum castrum Ostrog et districtus ad idem castrum pertinentes in eadem libertate, sicut alii terrigone nostri regni Polonie iusti et veri heredes et perpetui possessores ita, sicut addiderat patruus noster, dux magnus Lubarth, parti ipsius Daniel, duci in ipsius castro Ostrog, theoloneum salis ¹⁾ a solenoye mito, theoloneum salis in Luczko, et nos ei danus et corfirmamus perpetualiter“ (Arch. Sang., I, стр. 6—7).

Устаповляемъ и назначаемъ (предоставляемъ) вышесказанному князю Феодору Даниловичу, его наслѣдникамъ и потомкамъ надъ упомянутымъ замкомъ Острогомъ и принадлежащимъ къ нему округомъ какъ вольности (права), какими пользуются другіе земляне (шаны) въ нашемъ королевствѣ Польскомъ, въ значенія законныхъ и дѣйствительныхъ отчичей (heredes) и наслѣдственныхъ владѣльцевъ, такъ и (права) предоставленныя отцомъ нашимъ, великимъ княземъ Любартомъ, его (Феодора Даниловича) отцу Данилу—на пошлину съ товаровъ и соли въ его замкѣ Острогѣ и на пошлину съ соли въ Луцкѣ,—и мы (всѣ эти вольности) ему (Феодору Даниловичу) даемъ и утверждаемъ навсегда (вѣчно).

Въ привилеѣ Владислава не разъясняется подробно сущность „вольностей“ польскихъ земляпъ, предоставленныхъ Острожскому князю. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ Владиславъ сдѣлалъ первый опытъ того уравненія вотчинныхъ и служебныхъ правъ магнатовъ литовско-русскихъ и польскихъ, которое вскорѣ получило широкое

и Стецкому. Въ своемъ положеніи о пожалованіи въ 1386 г. Феодору Даниловичу Острога и его волостей „на польскомъ правѣ“ они могли основываться лишь на показанія „инвентаря“ Кромера. Новѣйшій изслѣдователь исторіи Волыни, Андрияшевъ, очевидно, принявъ на вѣру вышеприведенное положеніе польскихъ историковъ, не проверилъ его съ подлиннымъ текстомъ памятника. Послѣдній помѣщенъ въ сборникѣ Соколовскаго и Шуйскаго, изд. въ 1876 г., и въ Архивѣ Сангушкоть, изд. въ 1887 г.; изслѣдованіе г. Андрияшева появилось въ печати въ 1888 году.

¹⁾ Издатели „Архива Сангушкоть“ полагаютъ, что выраженіе: „tvrthoye“ есть дворноје. Подъ theoloneum и мыто въ старыхъ памятникахъ разумѣлась не просто дань или сборъ съ дворовъ и пр., а таможенная пошлина, стоявшая въ связи съ торговлей, особенно съ „гостьюбой“. Въ данномъ случаѣ, быть можетъ, рѣчь идетъ вообще о торговлѣ „товарной“ пошлинѣ или „воротномъ“, взимавшемся при провозѣ товаровъ чрезъ городскія ворота.

развитіе на основаніи извѣстныхъ земскихъ привилеевъ¹⁾. Можно думать, что подъ „вольностями“, о какихъ идетъ рѣчь въ привилеѣ 1886 г., разумѣлись признанныя за княземъ Острожскимъ полныя владѣтельные права на его удѣлъ, безъ всякихъ ограниченій въ пользу территориальныхъ правъ литовскаго господаря. Земельныя пожалованія послѣдующаго времени, очевидно, на основаніи такихъ „вольностей“ даются князьямъ Острожскимъ „вѣчно (у вѣки), ближнимъ и шадкамъ“, „cum omni ture dominio et proprietate habendi, tenendi, utifruendi, pacifice et quiete possidendi, vendendi, commutandi, obligandi, alienandi et in suos suorumque successorum usus et commoditates beneplacitas convertendi, prout sibi et sui successoribus melius et utilius videbitur convertendi, perpetuo in evum“²⁾.

Какъ видно изъ источниковъ, князья Острожскіе до позднѣйшаго времени пользовались обычными правами удѣльныхъ владѣтелей. Они даютъ монастырямъ, церквамъ, служилымъ людямъ и частнымъ лицамъ такія же жалованныя грамоты, листы и привилеи, какъ и великіе князья литовскіе³⁾. Въ отношеніи къ населенію своего княжества острожскіе князья считались господами⁴⁾; „послушаніе“ князьямъ Острожскимъ составляло общую обязанность всего населенія княжества—землянь, мѣщанъ, слугъ и всѣхъ „людей“⁵⁾. Спеціальная служба въ значеніи военной „выправы“ лежала въ особенности на землянахъ, панахъ и служилыхъ людяхъ, получавшихъ отъ острожскихъ князей имѣнія подъ такими же условіями „службы“, подъ какими великіе князья литовскіе обыкновенно раздавали боярамъ и панамъ имѣнія изъ господарскихъ волостей⁶⁾. Въ источникахъ упоминаются бояре

¹⁾ Zbiór praw lit., p. l. Skarbies, № 539, 1025 и др. Ср. Антоновичъ, Моногр., I, 230—231.

²⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29. Arch. Sang., I, стр. 114. Ср. ibid., 11, 20, 116, 117. А. З. Р., II, № 138 и пр. Въ актахъ находимъ лишь немногіе случаи пожалованій въ „доживотье“, напримѣръ, „до двухъ животовъ“—князя и его сына (А. З. Р., II, № 118).

³⁾ А. З. Р., II, №№ 96, 105, 157. Arch. Sang., I, №№ 40, 64 и др. Въ 1522 г. король Сигизмундъ предоставилъ князьямъ Острожскимъ „воскомъ черленнымъ всякіе листы свои печатоваги, до насъ господаря своего, або до кого коде будетъ о чемъ писати, по тому яко иншіи княжата наши черленнымъ воскомъ печатають“ (А. З. Р., II, № 115).

⁴⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., I, № 59.

⁵⁾ Ibid., №№ 141, 143 и др.

⁶⁾ Въ 1486 г. панъ Лико Чапличъ получилъ отъ князя Ивана Васильевича Острожскаго дворъ Межирѣчье и обязался: „имаю князю его милости с того

и дворяне князей Острожских¹⁾, воеводы²⁾, маршалки³⁾, подскарби⁴⁾, служилые люди (слуги), разные урядники⁵⁾ и вообще княжескій дворъ, по личному составу вполне однородный съ дворомъ великихъ князей литовскихъ. Въ свою очередь, князья острожскіе очень рано (уже при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ 80-хъ годахъ XIV столѣтія) стали занимать высокіе земскіе уряды—намістниковъ, воеводъ и т. д.⁶⁾ Какъ видно изъ „пописа“ волинскихъ земель 1528 г., князья Острожскіе по прежнему сохраняли значеніе „головныхъ“ князей на Волыни, вовсе не числились въ составѣ мѣстныхъ земель⁷⁾. До и послѣ Люблинской уніи не могло безслѣдно исчезнуть упрочившееся за князьями Острожскими значеніе самостоятельныхъ удѣльныхъ владѣтелей.

Родъ князей Острожскихъ прекратился въ началѣ второй четверти XVII столѣтія⁸⁾. По праву „близкости“ Острожскія владѣнія перешли къ князьямъ *Заславскимъ*, владѣльцамъ старой „дѣльницы“ Острожскаго княжества, отдѣлившейся отъ него, какъ раньше замѣчено, въ половинѣ XV столѣтія и образовавшей съ тѣхъ поръ отдѣльное княжество. Заславль (на р. Горыни, ниже Острога), бывший столичнымъ центромъ этого княжества, упоминается въ лѣтописи довольно

имѣнья служити вѣчно до моего живота и дѣти моѣ мають его дѣтемъ служити вѣчно; а не имаю отхилень быти никуды с тымъ имѣньемъ от его отчипы от Острога; а не имаю ни продати ни отдати ни замѣнити ни по души дати, нежли маю князю его милости с того вѣчно служити до моего живота и дѣти моѣ послѣ моего живота имають его дѣтемъ служити вѣчно.. а коли бых я хотѣлъ от князя его милости проч ѣхати, а любо дѣти мое не хотѣли бы его дѣтемъ служити, тогда я и дѣти моѣ мають ѣхати куды хотят, а той дворъ Межирѣчье маєт князя его милости вѣчно быт и его дѣтей“ (Arch. Sang., I, № 64. Ср. *ibid.*, №№ 88—90 и пр.).

¹⁾ Arch. Sang., I, № 52; III, 55, 388, 398; IV, 40, 47, 140, 257, 329, 367, 552.

²⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., I, № 59.

³⁾ *Ibid.*, I, № 59; IV, 46, 277, 315, 475, 477.

⁴⁾ *Ibid.*, IV, 45, 234, 380, 417.

⁵⁾ *Ibid.*, I, № 55, 60; III, 55, 179, 203; IV, 15, 31, 40, 46, 47 и пр.

⁶⁾ Федоръ Даниловичъ былъ намістникомъ лужскимъ въ 1386 г. (Arch. Sang., I, № 7). Константинъ Ивановичъ Острожскій въ 1491 г. занималъ уряды „пана виленскаго, гетмана господарскаго, старосты лужскаго, браславскаго и винницкаго, маршалка земли Волинской“ (*ibid.*, № 100).

⁷⁾ Arch. Sang., III, 323—325.

⁸⁾ Послѣдніе представители дома Острожскихъ князья Лнушь и сынъ его Александръ умерли въ 1629 г. (*Stecki, Wołyń*, I, стр. 311—313. *Максимовичъ*, Собр. сочин., I, стр. 190—192. *Baliński, Star. Polska*, 2-е изд., III, 126—128. *Sulimierski, Słownik geogr.*, IV, 432. *Niesiecki, Herbarz*, VII, 175).

поздно, во время Батыева нашествія на Южную Русь ¹⁾. Въ привилеѣ Владислава и Витовта, данномъ ими въ 1386 г. Ѳеодору Даниловичу на потомственное владѣніе Острожскимъ княжествомъ, Заславъ упоминается въ числѣ Острожскихъ волостей, какими владѣлъ еще князь Даниль ²⁾. Касательно времени отдѣленія Заславскаго удѣла въ особое княжество не сохранилось точныхъ, документальныхъ свѣдѣній. Изъ одного акта 1448 г. ³⁾ видно, что въ это время уже были если не вполнѣ, то частью намѣчены „дѣльницы“, изъ коихъ затѣмъ образовались два особые удѣла — собственно Острожскій и Заславскій, отдѣлившійся отъ перваго въ значеніи отдѣльнаго княжества. Окончательное выдѣленіе послѣдняго могло имѣть мѣсто лишь не раньше смерти (октябрь 1450) ⁴⁾ Василия Ѳеодоровича Краснаго, послѣдняго Острожскаго князя, владѣвшаго своимъ княжествомъ въ полномъ территориальномъ его составѣ. По „дѣлу“ (при жизни ли Василия Краснаго и по его волѣ, или же послѣ его смерти, — съ точностью неизвѣстно) между сыновьями Василия Краснаго, Иваномъ и

¹⁾ „И приде (Батый) Каменцю Изаславлю (и Заславлю), взять я“ (Ипатьевск. лѣт., 523). Стрыйковскій, впрочемъ, относитъ Заславъ къ числу городовъ, отданныхъ въ 1100 г. въ удѣлъ Давиду Игоревичу по рѣшенію князей на Витчевскомъ съѣздѣ (Крон., I, 179); но это показаніе не согласуется съ сообщеніемъ лѣтописи о составѣ удѣла Давида только изъ трехъ городовъ: Острога, Дубно и Чарторыскъ (Ипат. лѣт., 180). Полагаютъ, что Волинскій Заславъ основанъ кѣмъ-то изъ русскихъ князей; нѣкоторые исследователи указываютъ на кіевского князя Изяслава, какъ основателя этого города (*Stecki, Wołyń*, I, 309).

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 6. *Bonięcki*, 406.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 44; *Rulikowski i Radsimiński*, *Kniaziowie*, 63—64. Этотъ актъ — листъ Юрія Васильевича, князя Острожскаго, о продажѣ брату своему князю Ивану Острожскому Ивановской „дѣльницы“, доставшейся первому „въ дѣлу“ съ братомъ. Въ „Архивѣ“ этотъ листъ имѣетъ датой индиктъ 81 — 1448 г., у Руликоскаго — тотъ же индиктъ (XI), но переведенный на 1463 г. Последнюю дату издатели Архива считают подлинной, въ виду того, что отецъ упомянутыхъ князей, Василій Красный, умеръ послѣ 1448 г.; трудно допустить, чтобы сыновья его, еще при жизни отца, владѣли своими особыми удѣлами, а тѣмъ менѣе одинъ изъ нихъ могъ еще при отцѣ продать другому часть полученнаго удѣла (Arch., I, стр. 160). Намъ кажется, что Василій Красный могъ еще при жизни своей намѣтить „дѣльницы“, которыя по его смерти должны были перейти къ его сыновьямъ; каждый изъ нихъ могъ затѣмъ при отцѣ же владѣть частью своей будущей дѣльницы и распорядиться этой частью по своему усмотрѣнію, — могъ, слѣдовательно, и продать ее брату при жизни же отца. Во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдуетъ безъ особой нужды измѣнять дату, одинаково обозначенную въ обоихъ изданныхъ текстахъ „индиктомъ xi“ — 1448 г.

⁴⁾ *Rulikowski*, *Kniaziowie*, 59.

Юрьемъ, княжество Острожское разбилось на двѣ „дѣльницы“ (удѣла), которыя съ половины XV столѣтія составили отдѣльныя княжества: собственно Острожское, оставшееся во владѣніи Ивана Васильевича и его потомковъ (до прекращенія ихъ рода въ началѣ XVII столѣтія), и Заславское, перешедшее въ потомственное владѣніе Юрія, другаго сына Василя Краснаго ¹⁾). Не существуетъ также точныхъ свѣдѣній о территориальномъ составѣ Заславскаго княжества, ни въ моментъ отдѣленія его отъ Острога, ни въ послѣдующее время. Извѣстно только, что въ составъ Заславской дѣльницы вошелъ было, кромѣ Заслава, Иванипъ съ его волостью; вскорѣ, впрочемъ, Иванская „дѣльница“ отошла опять (путемъ купли-продажи) къ Острожскому удѣлу ²⁾). Затѣмъ изъ актовъ начала XVI столѣтія видно, что „мыто“ Острожское и Луцкое, которымъ владѣлъ еще князь Даниилъ (почему мыто Луцкое еще въ XVI вѣкѣ называлось „Даниловщиной“) ³⁾, отошло (первое—въ „половинѣ“, второе, повидимому, полностью) къ князьямъ Заславскимъ ⁴⁾). Затѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что князья Заславскіе, подобно Острожскимъ, получали за „службу“ земельныя пожалованія отъ литовскихъ государей ⁵⁾). Особенно же

¹⁾ *Rulikowski i Radziwiński*, *Kniaziowie i szlachta*, 60. *Stecki*, *Wołyń*, I, 308. Стецкій ошибочно полагаетъ, что Острогъ съ волостями достался князю Федору Васильевичу (вмѣсто Ивана Васильевича). Кромѣ традицій объ общемъ происхожденіи князей Острожскихъ и Заславскихъ, существуютъ еще явно вымышленныя родословныя, по которымъ родъ князей Заславскихъ на Волини, по своему происхожденію, не имѣетъ ничего общаго съ родомъ князей Острожскихъ. Нѣкоторые (*St. Trembicki*, *Chronolog. Synoptica*) выводятъ родъ Заславскихъ отъ никогда не существовавшаго литовскаго князя Василя-Корыбута (ср. *Wolff*, *Ród Ged.*, 152); другіе (старые польскіе геральдики—до Песецкаго) смѣшиваютъ князей Заславскихъ, Литовскихъ и Волинскихъ и производятъ ихъ то отъ Ольгерда, то Гедимина (*Stecki*, *Wołyń*, I, 308). Стрыйковскій, производящій Заславскихъ на Волини отъ одного корня съ Острожскими, замѣчаетъ, однако, въ одномъ мѣстѣ своей хроникѣ, что будто бы Витовтъ, отобравши Смоленскъ у Юрія Святославича Смоленскаго, далъ ему „z ławki“ Заславъ на Волини,—отъ него и пошли князья Заславскіе (*Крон.*, II, 110).

²⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 44.

³⁾ *Ibid.*, стр. 193.

⁴⁾ *Ibid.*, I, стр. 193; II, 201.

⁵⁾ Примеръ такихъ пожалованій представляетъ имѣніе Дворецъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, данное въ 1501 г. великимъ княземъ Александромъ князю Ивану Юрьевичу Заславскому (*ibid.*, I, стр. 122). Изъ описи Кременецкаго замка въ половинѣ XVI столѣтія видно, что въ Кременецкомъ повѣтѣ числилось за князьями Заславскими обширное имѣніе—„выслуга“, въ Кузьминской волости; имѣніе состояло изъ двухъ главныхъ частей—Дворца и замка Зубовцы съ 11 селами, тянувшимися къ Кременецкому замку (*Памятн.*, IV, 2 отд., стр. 199—200, 229—230).

важнымъ приобрѣтеніемъ князей Заславскихъ, сразу поднявшимъ ихъ роль и значеніе въ ряду другихъ волынскихъ князей и земель, было присоединеніе къ Заславщинѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, по праву „близкости“, обширныхъ владѣній прекратившагося рода князей Острожскихъ ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что князья Заславскіе наследовали общія владѣтельные права рода Острожскихъ. Особый титулъ „Заславскихъ“ (Жаславскихъ или Жославскихъ) князей находимъ въ первыхъ же актахъ послѣ отдѣленія Заславской „дѣльницы“ отъ Острожскаго княжества ²⁾. Встрѣчаемъ также двойной титулъ—„князей Заславскихъ и Острожскихъ“, особенно послѣ присоединенія къ Заславу Острожскихъ владѣній ³⁾; позже князья Заславскіе пользовались обычнымъ титуломъ: „князья зъ Острога на Заславу“ ⁴⁾. Территориальныя права князей Заславскихъ на ихъ удѣлъ были тѣ же, что и князей Острожскихъ ⁵⁾. Подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ, князья Заславскіе распоряжались по своему усмотрѣнію не только земельными владѣніями, составлявшими ихъ „отчину“, но и принадлежавшими имъ финансовыми правами на дани, мыто и пр. Изъ одного акта начала XV столѣтія видно, что „мыто“ Острожское и Луцкое, наследованное еще отъ времени Данила Острожскаго, было отдано въ концѣ XV или началѣ XVI столѣтія княземъ Заславскимъ „въ заставу“ жиду Луцкому Легоновичу ⁶⁾.

Со второй четверти XVI столѣтія князья Заславскіе, наравнѣ съ другими удѣльными князьями на Волыни, вошли въ общій составъ мѣстныхъ „земель“, утратили былое значеніе удѣльныхъ владѣтелей ⁷⁾. Въ концѣ третьей четверти слѣдующаго столѣтія, съ смертью

¹⁾ *Stecki, Wołyń, I, 313.*

²⁾ Князь Юрій Васильевичъ, напрямѣръ, подписался „княземъ Заславскимъ“ на одномъ актѣ 1455 г. (*Niesiecki, Herb., X, 91. Stecki, Wołyń, I, 309. Ср. А. Ю.-З. Р., I, № 234. Arch. Sang., I, стр. 53, 62, 77 и пр.*)

³⁾ *Stecki, Wołyń, I, 313. Памятники, IV, стр. 108.*

⁴⁾ *Niesiecki, Herb., X, 91. Baliński, Star. Polaka, III, 104. Arch. Sang., II, 101, 200.*

⁵⁾ Въ 1501 г. было пожаловано князю Ивану Юрьевичу Заславскому писаніе въ Кременчугскомъ повѣтѣ на такомъ же положеніи, какъ и ихъ отчина, — „вѣчно, непорушно, ему, его дѣтямъ и потомъ будущимъ ихъ щадкомъ“, со всѣми „данами, доходами и податями“, съ правомъ „отдать, продать, замѣнить, прибавить“ и пр. (*Arch. Sang., I, стр. 122. Ср. А. Ю.-З. Р., I, № 234.*)

⁶⁾ *Arch. Sang., I, стр. 133.*

⁷⁾ Въ „пописи“ земель волынскихъ 1528 г. князья Заславскіе занимаютъ послѣ Чарторьскихъ первое мѣсто; за ними уже идутъ Сангушки, Вишневецкіе и др. (*Arch. Sang., III, стр. 323.*)

(около 1673 года) послѣдняго Заславскаго князя Александра (сына князя Владислава-Доминика), окончательно прекратился на Волини родъ князей Острожскихъ. Старая Острожчина и Заславщина, по браку дочери послѣдняго Заславскаго князя, сдѣлались достояніемъ мѣстныхъ князей Любомирскихъ ¹⁾).

Кромѣ владѣній русскихъ князей Острожскихъ и Заславскихъ, въ Луцкой землѣ существовали въ литовскую эпоху владѣнія другихъ князей тоже несомнѣнно русскаго происхожденія. Таковы были князья *Четвертенские* ²⁾, носившіе позже также названіе *Святополковъ*. Главная ихъ „вотчина“, городъ (позже замокъ) Четверть (или Четвертна) на р. Стыри, южною притоку Припечи, раньше XV столѣтія не упоминается въ источникахъ ³⁾; тѣмъ не менѣе на болѣе раннее существованіе Четвертни указываетъ названіе ея владѣльцевъ по имени вотчины, встрѣчающееся въ памятникахъ второй половины XIV столѣтія ⁴⁾. Какъ видно изъ описи Луцкаго замка (1545

¹⁾ *Stecki*, Wołyń, I, 309, 315. Въ „помянникѣ“ князей Острожскихъ и Заславскихъ, принадлежащемъ Дерманскому монастырю, находимъ запись о смерти послѣдняго представителя рода Острожскихъ: „князя Александра, который южъ *остатній* князя Островке и Заславске, року „Xog преставяся“ (Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. I, стр. 108). О князьяхъ Заславскихъ см. *Arch. Sang.*, I, стр. 44, 53 и пр.; III, 38, 59, 201, 398; IV, 13, 22, 30, 84, 78 и пр. *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. II, т. I, №№ 8, 10, 11, 15, 19. *Boniński*, 405—411.

²⁾ Такъ называются эти князья во всѣхъ старыхъ памятникахъ. Лишь позже они стали именоваться Четвертынскими (*Czetwertynski*). Позднѣйшему же времени принадлежитъ и „*przydomek*“ — Святополки (*Światopolk*). Послѣдній титулъ усвоенъ Четвертенскими не раньше XVI и даже XVII вѣка, именю съ того времени, когда въ средѣ литовско-русскихъ князей и княжествъ, какъ мы уже знаемъ, развились было сильныя династическія тенденціи (см., напримѣръ, *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. II, т. I, стр. 266, 335, 347). Подъ вліяніемъ общаго настроенія и Четвертенскіе могли принять громкое имя Святополковъ, чтобы придать своему роду больше значенія указаніемъ на древности его княжеской родословной (См. *Tańbłonowski*, *Żródła*, VI, стр. LXVIII. *Baliński*, III, 46). Наименованіе Четвертенскихъ Святополками имѣетъ такую же историческую достовѣрность, какъ и наименованіе Сангушковъ Любартовичами.

³⁾ Въ спискѣ поселеній въ Луцкой землѣ, до конца XIV вѣка, составленномъ *Андрияшевымъ* (Очеркъ ист. Волинск. земли, 61—84), не находимъ Четвертни.

⁴⁾ Собственно замокъ Четверть устроенъ въ позднѣйшее время. Одинъ изъ князей Четвертенскихъ въ XVI вѣкѣ перенесъ свою резиденцію въ одно изъ содѣльныхъ поселеній, въ Боровичи, и устроенный здѣсь замокъ назвалъ „Новой“ Четвертней или Четвертью; прежній центръ удѣла сталъ съ этихъ поръ называться „Старой Четвертней“ (*Baliński*, *Star. Polska*, III, 46). Въ описи замковъ

года), къ послѣднему тянули, кромѣ Четвертни, и другія „прадѣдовскія, дѣдовскія и вотчинныя имѣнія“ князей Четвертенскихъ. Изъ такихъ имѣній упоминается: Вышковъ, Лютогощи, Лукомъ, Хлапотинъ, Яровица (подъ Луцкомъ) и Голузія ¹⁾. Къ выслугамъ этихъ князей принадлежали: Рогачовскъ (Луцкаго повѣта) и Козлово (Владимірскаго повѣта). Въ Кременецкомъ повѣтѣ къ такимъ выслугамъ принадлежали: Зубовцы ²⁾ и Антоновцы, съ цѣлымъ рядомъ тянувшихъ къ нимъ сель и дворовъ—Стожекъ, Туловцы и др. ³⁾. Въ 1514 году князьямъ Четвертенскимъ было пожаловано во Владимірскомъ повѣтѣ въ значеніи „выслуги“ имѣніе, конфискованное у князя Глинскаго послѣ измѣны и ухода его въ Москву, Уйма и Цевеличи ⁴⁾. Изъ актовъ 20-хъ годовъ въ XVI столѣтіи и описи Владимірскаго замка, 1545 года, также видно, что къ старымъ выслугамъ князей Четвертенскихъ принадлежало „мѣсто“ Локачи (между Владиміромъ и Луцкомъ), отошедшее во второй половинѣ XVI столѣтія во владѣніе Сангушковь ⁵⁾. Выслуги давались князьямъ Четвертенскимъ, какъ и другимъ князьямъ того времени, большею частію, на полномъ вотчинномъ правѣ—„вѣчно и непорушно, со всемъ правомъ и паньствомъ и властностью“ и пр. ⁶⁾. Нѣтъ примыхъ указаній на то, чтобы

Луцкой земли 1545 г. замокъ „Четвертъ“, повидимому, также отличается отъ „Четвертни“ (Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 130, 183. Ср. также *Źródła dziejowe*, VI, стр. 61—62, 85). На древность Четвертни указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что мыто въ ней бралось еще по установленію Витовта (*Źródła*, VI, 61).

¹⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 151—152, 185.—(О „вотчинныхъ имѣніяхъ“ князей Четвертенскихъ см. *ibid.*, стр. 89, 108—109. *Boniński*, 37—40. —По имени отчины Вышковъ князья Четвертенскіе назывались также князьями Вышковскими (*Boniński*, 38).

²⁾ Зубовцы (Кузьминской волости) пожалованы Четвертенскимъ въ 1495 г. (*Arch. Sang.*, I, стр. 130). Первоначально „пустошь“, Зубовцы къ половинѣ слѣдующаго столѣтія разрослись въ обширное имѣніе съ замкомъ и 11-ю селами и въ такомъ составѣ, вѣроятно, путемъ продажи перешли во владѣніе князей Заславскихъ (Памятники, IV, отд. 2, стр. 229—230. *Boniński*, 38).

³⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 208, 223. Ср. *Źródła*, VI, 97.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 60. Въ описи Кременецкаго замка 1545 г. изъ этихъ двухъ поселеній составилось одно: въ изданіи Яблоновскаго—„Uimselewiczi“, въ Памятникахъ Киевск. Комм.—Уймцалевици“ (*Źródła dziejowe*, VI, стр. 85. *Пам.*, IV, отд. 2, стр. 183). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ актовъ (1595 г.) опять возстановляются старыя поселенія: Уймъ, два Цевеличи (Памяти., I, отд. 2, стр. 67—68).

⁵⁾ *Archiv. Sang.*, III, стр. 350. *Źródła*, VI, стр. 85. Памяти., I, отд. 2, стр. 67—68; IV, отд. 2, стр. 83. Ср. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 65. *Boniński*, 38.

⁶⁾ См., напримѣръ, А. Ю.-З. Р., I, № 60. *Arch. Sang.*, I, стр. 181 и пр.

въ старое время князья Четвертенскіе, подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ, владѣли своими имѣніями по „дѣльницамъ“¹⁾. Въ составъ „вотчинныхъ“ правъ князей Четвертенскихъ, по старымъ удѣльнымъ обычаямъ, входило, между прочимъ, право взиманія „мыта“ (таможенныхъ пошлинъ) въ своихъ владѣніяхъ,—одно изъ владѣтельныхъ правъ старыхъ удѣльныхъ князей, удержавшееся за князьями Четвертенскими, какъ и за другими „головными“ князьями, еще въ пору описи Волинскихъ замковъ (въ половинѣ XVI столѣтія), когда мѣстные князья, въ томъ числѣ и Четвертенскіе, уже отошли въ разрядъ „землянъ“²⁾.

Принадлежность князей Четвертенскихъ къ потомкамъ старыхъ удѣльныхъ князей чисто русскаго („варяжскаго“, по выраженію Бартошевича и Яблоновскаго) происхожденія можно считать положеніемъ безспорно принятымъ въ наукѣ. Что касается, затѣмъ, вопроса о ближайшемъ родѣ князей русскихъ, отъ котораго ведутъ свое начало князья Четвертенскіе, то въ этомъ случаѣ едва ли есть возможность дать вполне удовлетворительный отвѣтъ, который бы точно указывалъ на подлиннаго родоначальника князей Четвертенскихъ. Съ голоса старыхъ польскихъ геральдиковъ, опиравшихся главнымъ образомъ на усвоенный Четвертенскими „*przydomek*“ Святополковъ (см. выше), большинство изслѣдователей полагаетъ, что князья Четвертенскіе принадлежатъ къ роду великаго князя кievскаго Святополка Изяславича³⁾. Бартошевичъ, одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ литовско-русской старины, давно уже высказался съ полной основа-

¹⁾ Въ описи Луцкаго замка 1545 г. находимъ, впрочемъ, указанія на то, что хотя въ это время князья Четвертенскіе утратили бывшее значеніе удѣльныхъ владѣтелей, но все-таки у нихъ практиковался еще старый обычай удѣльнаго владѣнія по дѣльницамъ. Замковая служба (устройство „городень“ и пр.) от правлялась Четвертенскими не вмѣстѣ, но двумя отдѣльными группами. Князья Андрей и Матѳей съ матерью, княгиней Федоровой, строили и содержали городни своими особыми имѣніями, отдѣльно отъ князя Ивана. Точно также имѣніе Голузинъ составляло владѣніе только Андрея и Матѳея съ матерью (Памятн., IV отд. 2, стр. 42, 73, 108—109, 185).

²⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 130.

³⁾ *Niesiecki*, Herb., III, 225 и слѣд. *Baliński*, Star. Polska, III, 46. Для примѣра укажемъ на одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Яблоновскаго, который полагаетъ, что Четвертенскіе—того же происхожденія, что и князья Острожскіе съ Заславскими, подобно послѣднимъ берутъ свое начало отъ князей Турово-Пинскихъ, будто бы прямыхъ потомковъ великаго князя кievскаго Святополка Изяславича (*Źródła dziejowe*, VI, стр. LXVIII).

тельность противъ традиціи, развитой старыми геральдиками и какъ оказывается, не утраченной своего кредита и между современными нами исследователями¹⁾. Намъ кажется, что наиболее вѣрно ставить вопросъ проф. В. Б. Антоновичъ, сравнивавшійся лишь обещать возможности, что князья Четвертевскіе—потомки русскихъ удѣльныхъ князей, признавшихъ надъ собою власть великихъ князей литовскихъ²⁾. Указать на бодиннаго родоначальника, который бы служилъ связующимъ звеномъ рода князей Четвертевскихъ съ тѣмъ или инымъ родомъ старыхъ русскихъ князей, нѣтъ ни малѣйшей возможности, при полномъ недостаткѣ какихъ либо исторически-достоверныхъ данныхъ по этому вопросу. Первый князь Четвертевскій, Александръ, упоминающійся въ актахъ послѣдней четверти XIV столѣтія³⁾, долженъ считаться исторически-достовернымъ родоначальникомъ, съ котораго начался родъ князей Четвертевскихъ. Князь Александръ является современникомъ Оедора Любартовича, упоминается въ актахъ на второй или третій годъ его княженія во Владимірѣ. Удѣльныя владѣнія Четвертевскихъ, по всему видно, образовались еще при Любартѣ Гедиминовичѣ, но при какихъ именно обстоятельствахъ и условіяхъ, въ видѣ ли новаго пожалованія великаго князя Волинскаго, или же Александръ Четвертевскій принадлежалъ къ тѣмъ мѣстнымъ удѣльнымъ князьямъ, которыхъ, по свидѣтельству Кромера и Длугоша⁴⁾, засталъ Любартъ въ разныхъ мѣстахъ на Волини и которыхъ опъ частію удалил изъ ихъ удѣловъ, частію подчинилъ своей власти, — по всѣмъ этимъ вопросамъ ровно ничего не извѣстно. До временъ Оедора Любартовича источники молчатъ о князьяхъ Четвертевскихъ, какъ и о многихъ другихъ мѣстныхъ князьяхъ. Какъ владѣльцы въ началѣ незначительнаго удѣла, князья Четвертевскіе мало прини-

¹⁾ Бартошевичъ указываетъ на неподлежащій никакому сомнѣнію фактъ прекращенія рода князей Святополковъ еще въ половинѣ XIII столѣтія, почти на сто лѣтъ раньше занятія Волини литовскими князьями (*Dzieła I. Bartoszewicza*, III, 369).

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9.

³⁾ Князь Александръ Четвертевскій впервые упоминается въ поручной записи, данной въ 1387—1388 г. Четвертевскимъ и другими удѣльными князьями—Острожскимъ, Кобринскимъ и пр. Владиславу-Ягеллѣ въ вѣрности службѣ Олехно (*Arch. Sang.*, I, стр. 11). Тотъ же князь Александръ подписался на актѣ 1403 г. (*Prochaska*, Cod. epist., № 268).

⁴⁾ *Kromer*, L. IX, p. 308. *Długosz*, L. IX, p. 1087.

мали участія въ дѣлахъ своей страны и потому долго не упоминаются въ актахъ и мѣстныхъ лѣтописяхъ. Значеніе князей Четвертенскихъ, какъ видно изъ актовъ, стало подниматься лишь при Владиславѣ-Ягеллѣ, когда князья Четвертенскіе, вмѣстѣ съ Любартовичами и другими волинскими князьями, стали непосредственно подчиняться великимъ князьямъ литовскимъ—сначала Ягеллѣ, потомъ Витовту и послѣдующимъ государямъ Литовско-Русскаго государства. Поручная запись (1387—1388) Четвертенскаго и другихъ мѣстныхъ князей за Олехно ясно указываетъ на ихъ подчиненіе Владиславу-Ягеллѣ ¹⁾ Онисъ Волинскихъ замковъ половины XVI столѣтія вспоминаетъ объ „установленіи“ Витовта касательно взиманія мыта въ своихъ владѣніяхъ Четвертенскими и другими мѣстными князьями ²⁾; для нихъ было обязательно установленіе Витовта, какъ общаго ихъ господаря. Какъ видно изъ актовъ, князья Четвертенскіе удерживали за собой старыя владѣтельныя права до начала XVI столѣтія, когда они стали входить въ разрядъ „господарскихъ слугъ (служилыхъ людей), дворянъ и земель“ ³⁾. Въ онисѣ Волинскихъ замковъ 1545 г. князья Четвертенскіе отнесены не къ „головнымъ“ или „меньшимъ“ князьямъ, но къ простымъ „повѣтникамъ“ ⁴⁾, то-есть, землянамъ, подлежащимъ общеземскимъ службамъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ и владѣвшимъ своими „дѣльницами“ на положеніи частныхъ вотчинъ и выслугъ.

Упомянемъ еще объ одномъ родѣ русскихъ князей, подчинившихся въ старое время великимъ князьямъ литовскимъ, именно о князьяхъ *Друцкихъ*, имѣвшихъ въ Бѣлоруссіи владѣнія на общемъ положеніи удѣльныхъ князей и сдѣлавшихся (съ 80-хъ годовъ XV столѣтія) также владѣльцами въ Луцкой землѣ. Одинъ изъ представителей этой отрасли Друцкихъ, князь Богданъ Васильевичъ *Любецкій*, получилъ въ 1487 г., по завѣщанію своей тетки, Оедки Шилевичевой, ея вѣновное имѣніе—Любчо (Любче) съ приселками (Доросынъ, Друзка, Залесцы и Козинъ-Островъ) въ „вотчину“; вотчина эта была затѣмъ утверждена королемъ Казимиромъ за княземъ Любецкимъ подъ условіемъ службы („а намъ нехай с того имени служитъ“) ⁵⁾,

¹⁾ Wolff, 119. *Jablonowski*, Źródła, VI, стр. LXVIII.

²⁾ Źródła dziejowe, VI, стр. 6. Памятн. Кіевск. Ком., IV, отд. 2, стр. 127, 130.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 130, 131; III, 323.

⁴⁾ Źródła dziejowe, VI, стр. 20 и пр.

⁵⁾ Arch. Sang., I, стр. 140—143. Любче и Доросынъ съ другими поселеніями въ Луцкомъ повѣтѣ были пожалованы въ вотчину въ 1451 г. Казимиромъ Ягел-

въ качествѣ не княжескаго удѣла, а лишь частнаго владѣнія, на общемъ вотчинно-служебномъ правѣ. Князья Любецкіе, основавшіеся на Волини съ конца XV столѣтія, съ первыхъ же поръ вошли въ составъ мѣстныхъ „землянъ“ и „господарскихъ дворянъ“, какъ они и именуется въ актахъ XVI столѣтія ¹⁾. Въ томъ же столѣтіи появляются въ качествѣ луцкихъ „землянъ-обывателей“ представители другихъ отраслей рода князей Друцкихъ, именно: князья Друцкіе—Горскіе и Соколинскіе (Сокольскіе), также безъ всякихъ владѣтельныхъ правъ, какими въ старое время пользовались въ Бѣлорусси князья Друцкіе ²⁾.

Въ составѣ Луцкихъ князей, причислявшихся съ XVI столѣтія къ мѣстнымъ „повѣтникамъ-землянамъ“, несомнѣнно были представители другихъ княжескихъ родовъ, первоначально пользовавшихся на Волини правами удѣльныхъ владѣтелей. Такими князьями, по всему видно, считались *Курцевичи* (Курчевичи, Курчи) ³⁾. Первые документальныя извѣстія объ этихъ князьяхъ и принадлежавшихъ имъ владѣніяхъ сохранились въ актахъ половины XV столѣтія. Въ 1451 году король Казимиръ Ягеллонъ далъ князю Михаилу Курцевичу подтвердительный привилей на владѣніе отчиной, состоявшей изъ нѣсколькихъ имѣній въ повѣтахъ Луцкомъ, Перемыльскомъ и

лономъ пану Олизару Шпловичу; послѣ его смерти имѣніе это перешло къ его женѣ въ качествѣ вѣна (*Baliński*, III, 516). О Любчѣ, какъ главной вотчинѣ князей Любецкихъ, см. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 11; Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 82, 104. Изъ описи Луцкаго замка 1545 г. видно, что, кромѣ Любча, князьямъ Любецкимъ принадлежали еще имѣнія: Корче и Окорскъ (Памяти., IV, отд. 2, стр. 78, 88, 117—118; *Żródła*, VI, стр. 36, 38, 41, 50, 52, 57). Скорче и Корче, какъ кажется, разными наименованіи одного и того же поселенія (Пам., стр. 78 и 88; *Żródła*, 36 и 41).

¹⁾ Arch. Sang., III, 24, 30, 323. Въ описи Луцкаго замка 1545 г. князья Любецкіе считаются простыми „повѣтниками“, то-есть, мѣстными (повѣтовыми) землевладѣльцами—панами или землянами (Памяти., IV, отд. 2, стр. 78, 104 и др.). О волинскихъ князьяхъ Друцкихъ-Любецкихъ см. Памяти., I, отд. I, стр. 12, 204; Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 39, 176. *Boniecki*, 165.

²⁾ *Boniecki*, 165. Точныхъ свидѣній о владѣніяхъ этихъ князей мы не имѣемъ. О князьяхъ Друцкихъ-Горскихъ на Волини см. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 39. Arch. Sang., III, 24, 400. О князьяхъ Соколинскихъ см. Памяти., I, отд. 2, стр. 9; IV, отд. 2, стр. 42, 74, 87, 108. Arch. Sang., III, 268; IV, 483. *Boniecki*, 89, 322.

³⁾ Последнее наименованіе этихъ князей не встрѣчается въ документальныхъ актахъ. О „Курчахъ“ упоминаютъ польскіе гербовники, какъ о первоначальномъ наименованіи князей Курцевичей (*Niesiecki*, Herb., V, 452).

Владимирскомъ ¹⁾. Ничего неизвѣстно, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ приобрѣтены Курцевичами имѣнія, считавшіяся въ половинѣ XV столѣтія ихъ отчиной ²⁾. „Вотчиннымъ“, главнымъ имѣніемъ Курцевичей въ Луцкомъ повѣтѣ были: Буремель (Боремель, Выромля) на р. Стыри, ниже Луцка, и Новоселки (Новосельцы). Другой отчиной Курцевичей въ томъ же Луцкомъ повѣтѣ считались: Обзырь (Озбырь) и дворець Змѣипецъ. Какъ видно изъ актовъ, имѣніе это располагалось въ сѣверной части Луцкой земли, на рубежѣ съ Пинскимъ Полѣсьемъ, по сосѣдству съ удѣломъ Сангушковъ ³⁾. Затѣмъ, вотчинныя имѣнія Курцевичей находились въ Перемыльскомъ повѣтѣ (ниже Луцка)—Корсовъ и Сестратинъ (Стратинъ), какъ видно, не далеко отъ Буремля. Въ привилеѣ 1451 года, кромѣ того, упоминается въ числѣ вотчинныхъ владѣній Курцевичей дворець Новосельцы въ Владимирскомъ повѣтѣ ⁴⁾. Всѣ эти вотчин-

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29. Тотъ же привилеѣ помѣщенъ въ извлеченіи въ извѣстной монографіи *Вольфа* (Ród Gedym., 24), а также въ сочиненіи *Балинскаго* (Staroż. Polska, 2-е изд., III, 515).

²⁾ Буремель, главный центръ владѣній Курцевичей, принадлежалъ къ числу поселеній, которыхъ касалось „установленіе“ Витовта о мытахъ на Волини; установленіе это подтверждено затѣмъ великими князьями Казимиромъ и Александромъ (Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 124—126). Незавѣстно, владѣли ли князья Курцевичи Буремлемъ при Витовтѣ.

³⁾ Въ ревизіи пуць Пинскаго Полѣся, предпринятой въ половинѣ XVI столѣтія, упоминается принадлежавшее князю Михаилу Курцевичу имѣніе Обзырское съ селомъ Дрижединскимъ. Имѣніе это лежало близъ границы Луцкаго „ключа“ съ Пинскимъ Полѣсьемъ (Ревизія пуць, стр. 3, 12). Изъ одного акта начала XVI столѣтія (1509 г.) видно, что владѣнія князей Курцевичей (очевидно, Обзырское имѣніе) въ сѣверной Волини находились по сосѣдству съ волостью князей Сангушковъ: озеро Святое, очевидно, лежавшее на границѣ владѣній Сангушковъ и Курцевичей, составляло общее ихъ владѣніе (Arch. Sang., III, 69).

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29; *Baliński*, Staroż. Polska, III, 515. *Wolff*, Ród, 24. *Boniński*, 163. О „вотчинныхъ имѣніяхъ“, принадлежавшихъ Курцевичамъ, см. Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 117. О Буремлѣ (Боремлѣ) см. Памяти., I, отд. I, стр. 181; IV, отд. 2, стр. 86, 126, 129, 140. *Źródła dziejowe*, VI, 40, 61, 62, 67. О Новоселькахъ Луцкаго повѣта см. Памяти., II, отд. I, стр. 242—259—264; IV, отд. 2, стр. 77, 87, 114. *Źródła*, VI, 36, 41, 54, 116. Arch. Sang., I, стр. 64, 94. Объ Обзырѣ см. Памяти., IV, отд. 2, стр. 185; *Źródła*, 86; Ревизія пуць, стр. 3. О Корсовѣ и Сестратинѣ см. Памяти., IV, 90; *Źródła*, 43. На картѣ 1772 г., изд. Орельбрандомъ въ приложеніи къ новому изданію *Балинскаго* „Staroż. Polska“ (IV, 720), Буремель помѣченъ ниже Горохова, между Луцкомъ и Кременцемъ. На картѣ Андрияшева (стр. 232) Перемыль (съ Перемыльскимъ повѣтомъ) обозначенъ тоже между Луцкомъ и Кременцемъ, къ западу отъ Дубенъ.

ныя имѣнія князя Курцевича подтверждены литовскимъ господаремъ, „ничого на себѣ не вымѣняючи“, съ правомъ „полѣпшивати и разширивати и на новомъ корени посадити, вѣчно а непорушно, и его жовѣ и дѣтемъ и его ближнимъ и его щадкомъ“ ¹⁾. Кромѣ вотчинныхъ имѣній, князья Курцевичи владѣли также господарскими выслугами. Въ половинѣ XVI столѣтія къ такимъ выслугамъ относились: въ Луцкомъ повѣтѣ замокъ Ровенскій (Ровное и Ровно), на р. Устыи, притокѣ Горыни, между Клеванемъ и Корцемъ, къ востоку отъ Луцка ²⁾, имѣніе Дрижелинское. въ сѣверной части Луцкой земли (около Обзыра) ³⁾, и въ Пинскомъ повѣтѣ имѣнія Одрожинское и Булыжиное ⁴⁾.

Происхождение князей Курцевичей съ точностью неизвѣстно. Составители старыхъ польскихъ гербовниковъ относятъ Курцевичей къ волинскимъ князьямъ русскаго происхожденія, не признаютъ ихъ потомками литовскихъ князей ⁵⁾. Въ позднѣйшее время, когда Курцевичи, подобно Сангушкамъ, Четвертенскимъ и Вишневецкимъ, усвоившимъ особыя „*przydunki*“ Любартовичей, Свитополковъ и Корыбутовъ, стали называться „Коріатовичами“ ⁶⁾, появилась традиція происхожденія Курцевичей отъ старыхъ литовскихъ князей, именно отъ бывшихъ владѣтелей Подолии—Коріатовичей, принадлежавшихъ къ роду одного изъ сыновей Гедимиша, Коріата-Михаила ⁷⁾. Затѣмъ, основаніемъ гипотезы о литовскомъ происхожденіи этихъ князей служить, по замѣчанію Вольфа, тождественность именъ и отчества одного изъ потомковъ князей Пинскихъ (рода Наримонта Гедиминовича), Ми-

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29.

²⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 46, 226. () Голномъ см. Arch. Sang., I, 79, 87, 92, 101, 120 и пр. *Baliński*, Staroż. Polska, III, 52.

³⁾ Ревизія пущь, 3, 12.

⁴⁾ Ревизія пущь, 96. О владѣніяхъ Курцевичей см. также Описаніе границъ вел. княжествъ Литовскихъ, 1545 г. (Археогр. Сборн., I, стр. 83, 103, 105, 107)

⁵⁾ Русское происхождение князей Курцевичей признаетъ въ особенности Окольскій (*Orbis Poloniae*, I, 510. Ср. *Niesiecki*, Herb., V, 452. *Wolff*, Ród, 71).

⁶⁾ *Dzieła J. Bartoszewicza*, III, 399.

⁷⁾ Такая родословная князей Курцевичей принята Долгоруковымъ въ изданной имъ „Россійской родословной книгѣ“ (I, 387), Коссиаскимъ въ его „*Przewodnik heraldyczny*“ (II, 240) и проф. Антоновичемъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. , предисл., стр. XX). Иблонскій также, повидимому, ничего не имѣетъ противъ традиціи происхожденія Курцевичей отъ литовскихъ князей Коріатовичей (*Źródła dziejowe*, VI, стр. LXX). Вольфъ, лучший знатокъ исторіи рода Гедиминовичей, считаетъ неправдоподобной гипотезу происхожденія Курцевичей отъ Коріата Гедиминовича (Ród, 71).

хаила Константиновича, бывшего въ концѣ XV столѣтія владимірскимъ старостой ¹⁾, и его одноплемянника—князя Михаила Константиновича, получившаго въ 1451 году отъ Казимира Ягеллона привилей на Буремлю и другія отчинныя владѣнія Курцевичей ²⁾. Дѣло въ томъ, что тождественность именъ и отчествовъ сама по себѣ еще не можетъ служить основаніемъ для признанія также тождественности лицъ, носившихъ одинаковыя имена. Въ данномъ случаѣ противъ признанія тождественности князей Пинскаго и Курцевича говоритъ различіе въ обозначеніи наименованія втораго князя по спискамъ привилей 1451 года, помѣщеннымъ у Вольфа (Михаилъ *Курцевичъ*) и въ Актахъ Юго-Западной Россіи, а также у Балипскаго (Михаилъ *Константиновичъ*). Последнее отчество, очевидно, по ошибкѣ переписчика, замѣняетъ собой родовую фамилію князя Михаила.

Въ заключеніе замѣтимъ, что по вопросу о происхожденіи князей Курцевичей слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, наиболѣе достоверной традицію, записанную въ старыхъ польскихъ гербовникахъ о *русскомъ* происхожденіи этихъ князей. Окольскій, составлявшій свой гербовникъ въ началѣ XVII столѣтія (изданъ въ 1641 г.), записалъ въ него, очевидно, еще твердо державшуюся въ то время традицію о русскомъ происхожденіи Курцевичей. Традицію эту едва ли можно считать личнымъ домысломъ польскаго историка, имѣвшаго менѣе другихъ основаніе выдумывать произвольную гипотезу о „русскомъ“ происхожденіи князей, замѣнять своей гипотезой дѣйствительную традицію о литовскомъ ихъ происхожденіи, разъ такая традиція имѣла историческія основанія и держалась въ народной памяти. Нужно также имѣть въ виду, что первые по времени польскіе гербовники (въ томъ числѣ и Окольскаго) составлялись въ то время, когда литовскій „*przudomek*“, усвоенный князьями Курцевичами, не получилъ еще общаго признанія; составители гербовниковъ могли руководиться въ данномъ случаѣ лишь державшеюся въ народной памяти традиціей (какъ Окольскій) или же обходить ее полнымъ молчаніемъ (какъ Папроцкій).

Первымъ исторически достовернымъ представителемъ рода князей

¹⁾ А. З. Р., I, № 9.

²⁾ *Wolff, Ród*, 24—25. Въ текстѣ привилей 1451 г., помѣщеннаго у Балипскаго (III, 515) и въ Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи (I, № 29), говорится просто о „князѣ Михаилѣ Константиновичѣ“; тотъ же привилей, открытый Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ, говоритъ о „князѣ Михаилѣ Курцевичѣ“ (*Wolff, Ród*, 24).

Курцевичей нужно считать князя Михаила Курцевича, получившаго въ 1451 году привилей на потомственное владѣніе принадлежавшемъ ему отчиной ¹⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія жили два сына князя Михаила — Василій и Ѳедоръ ²⁾. Второе поколѣніе князей Курцевичей состояло изъ сыновей Василія—Ивана и Льва, и сыновей Ѳедора—Семена и Александра ³⁾. Между этими представителями рода князей Курцевичей, какъ видно изъ актовъ, еще во второй половинѣ XV столѣтія была раздѣлена ихъ родовая отчина на особыя „дѣльницы“. Князь Левъ Курцевичъ получилъ въ удѣлъ главное вотчинное имѣніе — Буремель, и уже въ 1494 году, какъ видно изъ одного акта этого года, сталъ называться княземъ *Буремскимъ* ⁴⁾. Его братъ Иванъ Васильевичъ получилъ сѣверную дѣльницу—имѣніе Обзырь, лежавшее по сосѣдству съ удѣломъ Сангушковь ⁵⁾ и оставшееся затѣмъ во владѣніи его потомковъ; съ половины XVI столѣтія потомки князя Ивана Васильевича стали называться князьями Курцевичами *Булыгами* ⁶⁾. Остальныя вотчинныя имѣнія Курцевичей, въ Перемышльскомъ и Владимірскомъ повѣтахъ (Корсовъ, Состратинъ и Новоселки), были раздѣлены первоначально также на двѣ дѣльницы между князьями Семеномъ и Александромъ (сыновьями Ѳедора Михайловича Курцевича). Въ 1510 г. князь Семень уступилъ брату своему дѣльницу ⁷⁾, которая затѣмъ до позднѣйшаго вре-

¹⁾ *Wolff*, 71—72.

²⁾ О князѣ Василіѣ см. *Wolff*, 72; О Ѳедорѣ—*Arch. Sang.*, III, 79.

³⁾ Объ Иванѣ и Левѣ Курцевичахъ см. *Arch. Sang.*, III, 69; I, 102, 132; о Семенѣ и Александрѣ—*ibid.*, III, 79.

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, 102, 132. *Wolff*, 25, 72.

⁵⁾ Въ 1509 г. князь Иванъ Васильевичъ имѣлъ судебный споръ съ княземъ Сангушкой изъ-за озера Освятаго, лежавшаго на границѣ ихъ удѣловъ; по судебному приговору оно признано общимъ ихъ владѣніемъ (*Arch. Sang.*, III, 69).

⁶⁾ Наименованіе князей Курцевичей *Булыгами* произошло отъ названія выслуженнаго ими въ Пинскомъ повѣтѣ „имѣнія Булыжинаго (или Булыга), вошедшаго въ половинѣ XVI столѣтія въ общій составъ владѣній князей Курцевичей (Ревизія пущъ, стр. 96). О принадлежности князьямъ Булыгамъ Обзырскаго имѣнія, лежавшаго, какъ раньше замѣчено, въ сѣверной части Луцкой земли, см. Ревизію пущъ, стр. 5. Принадлежность Булыгъ къ роду Курцевичей доказывается однимъ актомъ 1601 г., на которомъ находится подпись „Булыги Яна Курцевича, подстаростія Черкаскаго“ (*Арх. Ю.-З. Р.*, II, стр. 38). Въ „пописи“ волинскихъ земель 1528 г. Булыги не упоминаются (*Arch. Sang.*, III, 323 и сл.). Князья Курцевичи-Булыги появляются въ актахъ съ половины XVI столѣтія (*Памяти.*, IV, отд. 2, стр. 226. Ревизія пущъ, 5. *Арх. Ю.-З. Р.*, II, 38. Ср. *Wolff*, *Ród*, 25).

⁷⁾ *Arch. Sang.*, III, стр. 79. Къ сожалѣнію, издатели „Архива“ ограничились лишь краткимъ указаніемъ на содержаніе записи князя Семена Курцевича, не

мени оставалась во владѣніи потомковъ князя Александра Федоровича, удержавшихъ за собой родовое имя *Курцевичей*, безъ особаго „*ргудомка*“¹⁾. Изъ изложеннаго видно, что родъ князей Курцевичей, подобно Сангушкамъ, Друцкимъ и другимъ удѣльнымъ князьямъ, раздѣлялся съ половины XV (уже во второмъ поколѣніи) на отдѣльныя вѣтви, изъ коихъ каждая владѣла особымъ вотчиннымъ имѣніемъ и до позднѣйшаго времени составляла самостоятельный родъ князей Курцевичей²⁾.

Что касается общаго положенія князей Курцевичей, то по этому вопросу сохранилось мало извѣстій. Подобно другимъ мелкимъ князьямъ, владѣвшимъ сравнительно незначительными удѣлами, князья Курцевичи не могли играть въ своей землѣ такой выдающейся роли, какъ „головные“ князья—Острожскіе, Сангушки или Чарторыскіе, и ограничивались лишь скромной ролью „меньшихъ“ князей, знавшихъ лишь свои дѣльницы и принимавшихъ мало участія въ общихъ дѣлахъ страны. Утвержденіе королемъ Казимиромъ-Ягеллономъ за Курцевичами ихъ отчины, въ качествѣ потомственнаго владѣнія, „ничого на себѣ не вымѣняючи“³⁾, указываетъ именно на владѣтельный ха-

помѣстия самаго текста этой записи. Семенъ Федоровичъ продалъ брату двѣ трети принадлежавшей ему „отчины“ за 100 конъ грошей, третью же часть записалъ ему же въ видѣ дара „на вѣчность“. Въ сообщеніи объ этой записи не указанъ составъ дѣльницы, уступленной княземъ Семеномъ брату.

¹⁾ Что касается выслуженныхъ имѣній князей Курцевичей, то, какъ видно изъ актовъ, замокъ Ровенскій и имѣніе Дрижелинское (близъ Обзыра) составляли личную выслугу князей Курцевичей-Булыгъ (Ревизія пуць, стр. 12. Памятн., IV, отд. 2, стр. 226). Пяискія имѣнія считались въ половинѣ XVI столѣтія общимъ владѣніемъ Курцевичей, повидимому, безъ раздѣленія его на постоянныя дѣльницы. Впрочемъ, имѣніе Булыжиное могло на первыхъ порахъ составлять личную выслугу князей Булыгъ, какъ это видно изъ ихъ названія по имени главнаго ихъ владѣнія (Ревизія пуць, 96).

²⁾ Въ „писис“ волыскихъ земель 1528 г. упоминается: „княгиня Александрова Буремская“, затѣмъ отдѣльно „князь Буремскій“ и, наконецъ, „княгиня Иванова“ (Arch. Sang., III, 323, 325). Въ описаніи Луцкаго замка 1546 г. и въ ревизіи Пяискыхъ пуць половины XVI столѣтія находимъ три вѣтви рода Курцевичей, удерживающіяся затѣмъ до позднѣйшаго времени. Каждая отрасль князей Курцевичей имѣетъ свою особую „отчину“; представители отдѣльныхъ отраслей уступаютъ одинъ другому свои дѣльницы, ведутъ изъ-за нихъ искъ, отправляютъ земскія службы съ своихъ имѣній каждый въ отдѣльности и пр. (Памятн., IV, отд. 2, стр. 86, 226 и пр. Ревизія пуць, 12, 96. Ср. Wolff, 26, 72. Arch. Sang., III, 19, 42, 69, 79, 103, 214, 216, 218, 238, 259, 275, 294, 296, 323, 325, 370, 449, 462, 478; IV, 61, 101, 168, 236, 323, 486, 498, 500).

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29.

ракторъ правъ князей Курцевичей. Своими „вотчинными имѣніями“ они первоначально владѣли на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ простые земляне-паны. съ ихъ служебно-ограниченными правами на принадлежавшія имъ выслуги-вотчины. Подъ общее положеніе служебныхъ князей и земель Курцевичи стали подходить въ XVI вѣкѣ. Какъ видно изъ „пописа“ волинскихъ земель 1528 г. и описи волинскихъ замковъ 1545 г., князья Курцевичи въ это время уже вполне вошли въ составъ „земель-повѣтниковъ“, ничѣмъ не отличались отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ ¹⁾.

На территоріи Луцкой земли въ XV столѣтіи выдѣлялся особый удѣлъ—*Заборольскій*, принадлежавшій князю Юрію Ѳеодоровичу Несвицкому, повидимому, сыну извѣстнаго сторонника Свидригайлы. князя Ѳедки Несвицкаго, родопачальника князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ и другихъ отраслей стараго рода князей Несвицкихъ. Центръ Заборольского удѣла составлялъ дворъ Забороль съ другими поселеніями: двумя Житанами, Козлинымъ (Козинимъ), Дворищемъ и Пытковымъ. Заборольскій удѣлъ обнималъ группу поселеній, лежавшихъ ниже Луцка (между нимъ и Ровно) ²⁾. Неизвѣстно, образовался ли этотъ удѣлъ еще при отцѣ Юрія Ѳеодоровича Несвицкаго, или же онъ пожалованъ послѣднему въ значеніи его личной „данины“ ³⁾. Юрій Ѳеодоровичъ записалъ (очевидно, передъ смертью) Заборольскій удѣлъ своей женѣ Анастасіи, отъ которой онъ перешелъ къ сыну—Семену Юрьевичу Несвицкому ⁴⁾. Послѣднимъ, какъ кажется, прекратился родъ Юрія Несвицкаго. Его владѣнія частью еще при его жизни отошли къ мѣстнымъ землямъ ⁵⁾, частью же

¹⁾ Arch. Sang., III, 323. Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 17, 41 и пр. *Boniecki*, 163 и слѣд. О полной захудалости позднѣйшихъ представителей рода Курцевичей см. *Dziela Bartoszewicza*, III, 399.

²⁾ *Stecki*, Wolyń, II, 403. *Stadnicki*, Syn. Ged. (1881), I, 205—206. *Wolff*, 158.

³⁾ Запись князя Юрія Ѳеодоровича Несвицкаго зарегистрирована въ луцкихъ актахъ подъ 1412 г., какъ объ этомъ свидѣлствуетъ *Stecki* (Wolyń, II, 403). Вольфъ извлекъ тотъ же актъ изъ Литовской Метрики, гдѣ онъ обозначенъ подъ 1467 г. (*Ród Ged.*, 158). Послѣднюю дату нужно считать болѣе вѣрной: отецъ Юрія Ѳеодоровича, князь Ѳедко Несвицкій, является на Волини лишь со времени великаго князя Свидригайла, именно съ 1432 г. (см. объ этомъ ниже).

⁴⁾ *Stecki*, Wolyń, II, 403.

⁵⁾ Въ луцкихъ актахъ зарегистрирована запись (безъ даты) кн. Семена Юрьевича пану Даниловичу на владѣніе Козлинымъ (*Stecki*, II, 403). Какъ видно изъ актовъ послѣдующаго времени, владѣльцы этого имѣнія назывались панами Козинимъ, очевидно, по имени своего имѣнія (Памятн., IV, отд. 2, стр. 78, 85, 118, 126).

(послѣ его смерти) были приписаны къ господарскимъ имѣніямъ, тянувшимъ къ Луцкому замку ¹⁾).

Въ памятникахъ второй половины XV столѣтія упоминаются въ той же мѣстности удѣльныя владѣнія другихъ отраслей того же рода князей Несвицкихъ. Таковъ замокъ *Ровно* (Ровное, также Шульжинце), лежавшій ниже Заборольской волости; затѣмъ дворы *Квасилова*, *Городока* и *Дворецъ*, лежавшіе на границѣ Кременецкаго повѣта. Всѣ эти владѣнія принадлежали въ 60-хъ годахъ XV столѣтія къ удѣлу Семена Васильевича Несвицкаго-Колоденскаго. Послѣ его смерти они перешли сперва къ его женѣ Маріи (называвшейся съ тѣхъ поръ княгиней Ровенской), а затѣмъ къ дочери, бывшей замужемъ за княземъ Острожскимъ. Къ послѣднему перешли всѣ бывшія владѣнія князя Колоденскаго, въ томъ числѣ и Ровно, съ другими имѣніями въ Луцкомъ повѣтѣ ²⁾. Кромѣ того, въ раздѣльномъ актѣ (1463 г.) владѣльцевъ Збаражчины упоминается отчина князей Збаражскихъ—дворъ Студеняковцы въ Луцкомъ же повѣтѣ ³⁾.

Въ ближайшемъ же сосѣдствѣ съ Заборольской волостью находился *Несвицъ* (Несвижъ, Несвидъ) ⁴⁾, по общепринятому мнѣнію ⁵⁾, родовое „гнѣздо“ князей Несвицкихъ, раздѣлившихся со второй половины XV столѣтія на отдѣльныя отрасли князей Збаражскихъ, Вишневец-

¹⁾ Какъ видно изъ описанія польскихъ замковъ 1545 г., въ это время Забороль съ другими сосѣдними поселеніями принадлежалъ къ Луцкому „ключу“, былъ въ завідываніи господарскаго ключника, управлявшаго волостью Луцкаго замка (Памятн., IV, отд. 2, стр. 163, 167). Вскорѣ затѣмъ Заборольское имѣніе отошло во владѣніе пановъ Борзобогатыхъ (см. описаніе Заборольскаго имѣнія, составленное въ 1566 г., въ Памятн., III, отд. 2, стр. 1—16).

²⁾ Ровно и Квасилова были приобретены покупкою у частныхъ лицъ (Arch. Sang., I, стр. 53, 64). Городокъ и Дворецъ упоминаются въ раздѣльномъ актѣ 1463 г., въ составѣ отчинъ владѣльцевъ Збаражчины (ib., 53, 70, 76, 79). О луцкихъ владѣніяхъ потомковъ князей Несвицкихъ см. также Arch. Sang., III, 44, 166. Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 199, 206, 209.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 53—54. О дальнѣйшей судьбѣ этой части удѣла князей Збаражскихъ ничего неизвѣстно. Студеняковцы упоминаются въ описаніи замка Луцкаго 1545 г. (Памятн., IV, отд. 2, стр. 39 и слѣд.). Ср. *T. I. Stecki, Miasto Równe* (1880).

⁴⁾ Изъ инвентаря (1598 г.) Полоннаго имѣнія князей Сангушковъ-Коперскихъ видно, что съ этимъ имѣніемъ сходилась граница и Заборольскаго имѣнія и Несвижскаго (Памятн., III, отд. 2, стр. 174, 175. О названіи Несвица „Несвѣжъ“ см. *ibid.*, 177 и пр.).

⁵⁾ *Stadnicki, Syn. Gedym.* (1881), I, 205. *Ею же, Bracia*, 107. *Bartoszewicz* въ *Encykl. Powsz.*, XXV, 886; XXVII, 227. *Stecki, Wołyń*, II, 127, 208. *Wolff*, 156.

кихъ и пр. ¹⁾). Дѣло въ томъ, что мнѣніе о принадлежности Волинскаго Несвича князю Оедору (Оедкѣ) Несвицкому и его потомкамъ далеко не подтверждается при ближайшей провѣркѣ съ документальными данными. Въ источникахъ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, никакихъ указаній, чтобы Несвиць подѣ Луцкомъ *когда либо* принадлежалъ волинскимъ князьямъ Несвицкимъ. Въ списокѣ поселеній Луцкаго княжества до конца XIV столѣтія, составленномъ Андріашевымъ, вовсе не встрѣчается Несвиць ²⁾). Первые документальныя указанія на него находимъ лишь въ источникахъ половины XVI столѣтія, именно въ описаніи волинскихъ замковъ 1545 г. Здѣсь впервые упоминается въ числѣ имѣній, тянувшихъ по „замковой службѣ“ къ Луцку, Несвиць, принадлежавшій въ то время *землямамъ Несвицкимъ* ³⁾). Эти же земляне упоминаются въ „пописѣ“ волинскихъ землевладѣльцевъ 1528 г. ⁴⁾). Въ списокѣ землянъ Луцкаго повѣта, данныхъ въ 1569 г. присягу вѣрности коронѣ при присоединеніи Волини къ Польшѣ, упоминаются, между прочимъ, „Несвицкіе зъ Несвеча“ ⁵⁾). Затѣмъ, на болѣе раннее существованіе Несвича подѣ Луцкомъ указываетъ приведенный въ описи волинскихъ замковъ (1545 г.) привилей Казимира Ягеллона о таксаціи мыта въ волинскихъ городахъ и мѣстечкахъ, „какъ было за Витовта“; къ числу такихъ поселеній въ Луцкомъ повѣтѣ принадлежалъ также Несвиць ⁶⁾). По уставу Витовта, подтвержденному Казимиромъ, въ Несвичѣ, принадлежавшемъ въ то время къ господарскимъ волостямъ, мытъ взимался по полгрошу съ накладнаго воза; при королѣ Александрѣ (1495—1506 гг.) количество мыта въ Несвижѣ удвоилось ⁷⁾). Этотъ-то удвоенный мытъ, быть можетъ, и былъ установленъ съ тѣхъ поръ, какъ Несвиць былъ пожалованъ одному изъ мѣстныхъ пановъ, потомки котораго въ актахъ XVI столѣтія называются „земьянами“ Несвицкими. Какъ бы то ни было, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что земляне Несвицкіе не имѣютъ ничего общаго съ современными имъ князьями Зба-

¹⁾ См. объ этомъ ниже, о Збаражскомъ удѣлѣ.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 61—81.

³⁾ Въ описаніи Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго замковъ 1545 г. упоминаются Денисъ, Илья, Михаилъ и Левко Несвицкіе, владѣвшіе сообща Несвичемъ (Памятн., IV, отд. 2, стр. 84, 86, 107).

⁴⁾ *Arch. Sang.*, III, стр. 324.

⁵⁾ Левко, Петръ, Василій и Адамъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 7 и 12).

⁶⁾ *Памятн.*, IV, отд. 2, стр. 125—127.

⁷⁾ *Ibid.*, 126, 129.

ражскими или Вишневецкими, потомками старых князей Несвицких¹⁾. Еслибы владѣльцы Несвича подъ Луцкомъ принадлежали къ одному роду съ князьями Несвицкими и ихъ потомками—Збаражскими и др., то несомнѣнно Несвичъ упоминался бы въ составѣ, какъ „данинъ“, какими въ 1434 г. владѣлъ князь Ѳедко Несвицкій²⁾, такъ и „дѣльницъ“, на какія съ XV столѣтія раздѣлились отчины и выслуги его потомковъ³⁾, чего на дѣлѣ, однако, не было. Какъ увидимъ ниже (въ очеркѣ Збаражскаго удѣла), названіе князей Несвицкихъ беретъ свое начало дѣйствительно отъ стараго ихъ удѣльнаго владѣнія—Несвижа, но только находившагося не подъ Луцкомъ, а въ сѣверномъ Полѣсьи.

Въ Луцкомъ же повѣтѣ находились владѣнія нѣкоторыхъ Владимірскихъ князей, именно *Козекъ* и *Ружинскихъ*. Какъ видно изъ описи Луцкаго замка (1545 г.), первымъ принадлежало имѣніе Долгій, вторымъ—Роговиць, „родовое гнѣздо“ князей Ружинскихъ-Роговицкихъ⁴⁾.

Въ источникахъ XV и XVI столѣтій упоминаются, кромѣ того, мелкія владѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшія цѣлому ряду мѣстныхъ князей. Таковы: *Головни*, *Сокольскіе*, *Кропотки*, *Велицкіе* и другіе. Они считались въ XVI столѣтіи Луцкими „повѣтниками“—простыми землянами и дворянами, безъ владѣтельныхъ правъ, какими въ старое время въ большей или меньшей степени несомнѣнно пользовались всѣ „головные“ и меньшіе князья волинскіе⁵⁾.

¹⁾ Бонецкій (стр. 212) ошибочно смѣшиваетъ князей и землянъ Несвицкихъ, причисляеть ихъ къ одному роду мѣстныхъ князей. Въ одно время съ землянами Несвицкими и потомками князей Несвицкихъ жили также „паны“ Вишневецкіе, владѣвшіе въ Белзскомъ повѣтѣ (принадлежавшемъ Польшѣ) въ 1545 г. имѣніемъ Торки на границѣ съ Владимірской землей, и князья Вишневецкіе (или Вишневецкіе), владѣвшіе на Волини по той же границѣ и въ то же время имѣніями Устилугъ и Езово (Археогр. Сборн., I, 87—89, 100). Паны и князья Вишневецкіе не имѣли между собой ничего общаго точно такъ же, какъ и земляне и князья Несвицкіе въ Луцкомъ и Збаражскомъ повѣтахъ на Волини.

²⁾ *Круповичъ*, Собр. госуд. и частн. актовъ, I, №№ 16 и 17.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 54 и пр.

⁴⁾ Памятн. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 74, 89, 110, 115.

⁵⁾ Приведемъ указанія актовъ объ отчинахъ и другихъ владѣніяхъ такихъ князей. Князья *Головни* (*Головини*)—*Острожецкіе* имѣли главной своей отчиной Острожець; кромѣ того, упоминается ихъ „матерьяна“: Дернь, Одерадъ, Охвовиць и Мощеницы. Въ 1524 г. князья Головини получили господарскій привилей на основаніе въ ихъ отчинѣ Острожцѣ „мѣста“ съ Магдебургскимъ правомъ. Головини владѣли также выслугами; въ Луцкомъ повѣтѣ имъ принадлежала

Таковъ территоріальный составъ Владимірскаго и Луцкаго кня-

половина Туличева и въ Владимірскомъ—Рожанецъ и др. (см. выше). Упомянутся, наконецъ, частныя приобрѣтенія тѣхъ же князей: Воротневъ, Жебринъ, Досинъ и половина Романова (о владѣніяхъ князей Головини-Острожскихъ см. Памятн., IV, отд. 2, стр. 16, 79, 82, 90, 103, 105, 178. Археог. Сборн., I, стр. 56—57. Arch. Sangusz., III, 169. *Bonieski*, 83—84). Происхожденіе этихъ князей неизвѣстно; упоминаются въ актахъ со второй половины XV столѣтія. Въ актахъ начала слѣдующаго столѣтія князья Головини-Острожецкіе числятся въ составѣ Волынскихъ „дворянъ“ (Arch. Sangusz., III, стр. 99) и занимаютъ нерѣдко выдающееся положеніе, напримѣръ, „приказанемъ“ господарскимъ стоятъ во главѣ коммисіонныхъ судовъ (*ibid.*, 38, 99). Въ ревизіи Луцкаго замка 1545 г. князья Головини-Острожецкіе отнесены къ Луцкимъ „повѣтникамъ“ (Памятн., IV, отд. 2, стр. 42 и др.). Князьямъ Сокольскимъ принадлежала въ Луцкомъ повѣтѣ отчина Соколъ и Вышковъ; кромѣ того, изъ актовъ видно, что князья Сокольскіе имѣли какія-то права на имѣніе въ Шклінскѣ, бывшее въ началѣ XVI столѣтія во владѣніи пановъ Муситовичей, также на нѣкоторыя владѣнія князей Четвертенскихъ. Князья Сокольскіе владѣли своей „отчиной“ по особымъ дѣльницамъ: какъ видно изъ „пописъ“ волынскихъ земель 1528 г., князья Солтанъ, Андрей и Юрій Сокольскіе ставили коней на „земскую потребу“, каждый отдѣльно съ своей особой дѣльницы (о кн. Сокольскихъ см. Памятн., IV, 73, 89, 108. Arch. Sangusz., III, 216, 218, 310, 323 и пр. *Bonieski*, 325—326). Князья Кропотки (въ ревизіи Луцкаго замка 1545 г. они называются князьями Кропотками; см. Памятн., IV, 74, 84) упоминаются въ актахъ со второй половины XV столѣтія. Князь Иванъ Дмитріевичъ Кропотка получилъ отъ Казимира имѣніе въ Луцкомъ повѣтѣ: Еловичи, Ворсинъ, Чеконъ и Котелевъ; съ этихъ поръ Кропотки, по имени главнаго владѣнія, стали называться также князьями *Еловичскими*. Въ томъ же повѣтѣ имъ принадлежала волость Бѣловичи. Въ началѣ XVI столѣтія князь Андрей Кропотка состоялъ въ московской службѣ, былъ въ 1500 г. однимъ изъ вождей рати великаго князя московскаго Ивана Васильевича (*Ларамзинъ*, IV, прим. 512. О кн. Кропоткахъ см. Памятн., IV, 74, 84. Arch. Sangusz., III, 323. *Bonieski* 156). Князья Велицкіе владѣли своей отчиной Велицкѣ по пожалованію Свидригайла; въ 1526 г. кор. Сигизмундъ далъ князьямъ Велицкимъ подтвердительный привилей на ихъ отчину. Со временъ того же Свидригайла князьямъ Велицкимъ принадлежало имѣніе Путиловское (островъ). Первый владѣтель Велицка назывался при Свидригайлѣ княземъ *Кизановичемъ* (Памятн., IV, 72, 81, 104. Arch. Sangusz., III, р. 188, 323. *Bonieski*, 366). Князья Масальскіе (стѣверскіе выходцы), какъ видно изъ ревизіи Луцкаго и Кременецкаго замковъ 1545 г., владѣли въ Луцкомъ повѣтѣ волостями: Торговицей (раньше принадлежала князьямъ Корецкимъ) и Терешовымъ, въ Кременецкомъ—волостями: Мунча, Овасковичи и пр. (Памятн., IV, 88, 90, 105, 117, 197, 202, 209. Arch. Sang., III, 460. *Bonieski*, 174). Наконецъ, къ числу луцкихъ „повѣтниковъ“ ревизія Луцкаго замка 1545 г. относитъ князей: *Перекальскихъ* (ихъ волость Перекаль въ Дубенскомъ повѣтѣ принадлежала въ 1527 г. князьямъ Корецкимъ: Памятн., IV, 75; Arch. Sang., III, 304), *Замлицкихъ* (отчина Замличъ: Памятн., IV, 113), *Преворъ* (отчина Новый Ставъ: *ibid.*, 107), *Речицкихъ* и *Мочецкихъ* (*ib.*, 42). Въ „пописѣ“ волынскихъ

жествъ. Каждое изъ нихъ удерживало за собой названіе „земли“¹⁾, составляло въ административномъ отношеніи (въ особенности по ратной и городской или замковой службѣ населенія) отдѣльный округъ: „повѣты“ Владимірскій, Луцкій²⁾. Въ другомъ положеніи находилось южное *порубежье* Волинской земли (ниже Владиміра и Луцка), простиравшееся вдоль границы съ Подольской и Львовской землями. Находившіеся здѣсь города и волости стояли въ сторонѣ отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, и при томъ не только въ XIV столѣтіи, когда между Польшей и Литвой шла борьба изъ-за обладанія Волинской землей, но и во все послѣдующее время, чуть ли не вплоть до Люблинской уніи. Мало того: южная Волинская украинна, стоявшая особнякомъ отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, и сама не составляла ничего цѣльнаго въ административномъ отношеніи, дробилась на нѣсколько отдѣльныхъ частей, не имѣвшихъ между собой ничего общаго³⁾. Чуть ли не каждый городъ южной Волини съ при-

земляхъ 1528 г. упоминаются князья *Галичанскіе*, участвовавшіе въ поставкѣ коней съ отнынъ на „земскую потребу“ (Arch. Sangusz., III, p. 323). О мелкихъ удѣльныхъ князьяхъ Луцкаго повѣта см. *Jablonski, Źródła dziejowe*, VI, p. XXXI—XXXIV, LXX. Arch. Sang., I, p. 33, 50, 61, 70, 85, 102, 192; III, 67, 188, 323 и пр.; IV, 144, 162, 354. Skarbiec, №№ 1359, 1562, 1603 и др. А. З. Р., I, № 107 и т. д.

¹⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., I, стр. 12.

²⁾ О Владимірскомъ повѣтѣ см. Arch. Sang., I, стр. 45—47, 91; III, 15, 27, 34 и пр.; IV, 11, 17, 26 и пр. О Луцкомъ повѣтѣ—*ibid.*, I, 30, 38, 42, 53 и пр.; III, 4, 5, 7 и пр.; IV, 12, 37, 44. О Луцкомъ старостѣ—*ibid.*, IV, 326. О Луцкомъ ключѣ—*ib.*, III, 162; IV, 402, 405. Названіе Волини „землей“ постоянно встрѣчаемъ въ источникахъ вплоть до Люблинской уніи (*ibid.*, I, 25, 27, 69, 72, 113; III, 44, 84 и др. IV, 1, 3, 6, 12 и т. д.).

³⁾ Замѣтимъ при этомъ, что г. Любавскій, настаивающій на своей теоріи политико-административнаго единства литовско-русскихъ земель и послѣ отмины удѣльнаго ихъ строя, долженъ былъ отказаться отъ этой теоріи касательно земскаго единства Волини послѣ отмины въ ней великокняжескаго стола; по словамъ Любавскаго, Владимірскій повѣтъ „стоялъ ни въ вѣдомъ луцкаго старосты“ (Обл. дѣленіе, 219), называемаго, однако, авторомъ „главой и старшиной“ великокняжескихъ урядниковъ *всей* Волинской земли (*ibid.*, 209 и слѣд.). За то почтенный ученый крѣпко держится своей гипотезы административнаго единства Луцкаго повѣта и южной Волини. Данныя касательно Збаражчины мы разсмотримъ ниже. Здѣсь укажемъ на доводы, приводимые Любавскимъ въ подтвержденіе своей мысли о главенствѣ луцкаго старосты надъ урядниками другихъ волостей восточной половины Волини. Такихъ доводовъ—два: одинъ взятъ изъ актовъ, имѣвшихъ въ печати (Arch. Sang., I, № 99), другой—изъ Литовской Метрики. На основаніи акта 1491 г., помѣщеннаго въ „Архивѣ Сангушковъ“, авторъ утверждаетъ,

надлежащей къ нему волостью составлялъ особый „повѣтъ“ или княжескій удѣлъ. волость, повидимому, рѣшительно безъ всякихъ административныхъ связей съ другими городами и повѣтами. Такии особняками по источникамъ представляются: Кременецъ, Олеско (до присоединенія къ Польшѣ въ 30-хъ годахъ XV столѣтія), Збаражъ и т. д. Повѣты всѣхъ этихъ украинскихъ замковъ южной Волыни ничѣмъ не связаны между собой; населеніе каждаго изъ нихъ знаетъ „службу“ только въ своемъ замкѣ, не имѣетъ никакого отношенія ни къ сосѣднимъ „повѣтникамъ“, ни къ повѣтникамъ луцкимъ и владимірскимъ. Въ описаніи Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго замковъ 1545 года, въ числѣ мѣстныхъ „повѣтниковъ“ встрѣчаемъ князей южной Волыни — Збаражскихъ и Вишневецкихъ, но именно потому, что въ повѣтахъ указанныхъ замковъ находились ихъ выслуженныи имѣнія, населеніе которыхъ должно было отправлять замковую службу въ Владиміръ, Луцкъ и Кременецъ¹⁾. Главныя вотчины этихъ князей въ Збаражскомъ повѣтѣ тянули службой исключительно къ своимъ замкамъ. Такъ было, конечно, и раньше. Административное единство южныхъ волынскихъ городовъ и ихъ повѣтовъ устанавливается лишь послѣ Люблинской уніи, когда Волынская земля вошла въ составъ польскихъ провинцій и образовала отдѣльное вое-

что староста луцкій, князь Семень Юрьевичъ Гольшанскій, предсѣдательствовалъ въ 1491 г. на „сеймѣ“ (терминъ, изобрѣтенный самимъ авторомъ) земли Волынской по дѣлу землянъ Цепеневичей съ княземъ Александромъ Сангушкой. Предсѣдательство на этомъ мнимомъ сеймѣ авторъ приписываетъ луцкому старостѣ, какъ „главѣ и старшинѣ“ волынскихъ великокняжескихъ урядниковъ. Между тѣмъ, авторъ не обратилъ никакого вниманія на показаніе акта 1491 г. о томъ, что этотъ „сеймъ“ и „предсѣдательство“ на немъ луцкаго старосты имѣли мѣсто „приказанемъ господаря“ (кор. Казимира Ягеллона). Какъ замѣчено раньше, князья и земляне во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ подчинялись только суду господари съ радой. Въ данномъ случаѣ ни луцкій староста, ни другіе урядники, сами по себѣ, не могли имѣть никакого отношенія къ спору землянъ и князя подсудимыхъ одному господарю: послѣдній и поручилъ „третейскою“ разбирательство этого спора мѣстнымъ урядникамъ и другимъ лицамъ. Словомъ, здѣсь рѣчь можетъ идти о порученіи разбирательства лишь на данный случай, а нисколько не о главенствѣ луцкаго старосты. На такой же системѣ „господарскихъ приказаній“ посредническаго суда лишь на данный случай, несомнѣнно, основанъ и другой случай „суда“, приводимый авторомъ изъ Литовской Метрики (стр. 212). Впрочемъ, самый актъ объ этомъ судѣ не приведенъ авторомъ, а потому итъ возможности провѣрить точность его суммированія авторомъ.

¹⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 115, 116, 200, 201 и пр.

водство, состоявшее из трех главных повѣтовъ: Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго ¹⁾).

Чѣмъ объясняется обособленность южной Волыни отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ и дробленіе ея на мелкія волости, повѣты и княжества, стоявшіе особнякомъ, безъ всякаго сколько нибудь прочнаго, административнаго единства? Конечно, тутъ имѣли силу не „виды политическаго равновѣсія“, имѣвшаго мѣсто, какъ полагаютъ изслѣдователи ²⁾, въ пору борьбы Польши и Литвы изъ-за обладанія Волынскимъ наслѣдіемъ, но причины болѣе общаго и постояннаго свойства, коренившіяся въ условіяхъ административнаго строя Литовско-Русскаго государства, а также въ мѣстныхъ условіяхъ быта южной Волыни. Чуть ли еще не съ первыхъ временъ образованія Литовско-Русскаго государства, при Гедиминѣ, постепенно стала вводиться въ литовскихъ, а затѣмъ и русскихъ областяхъ, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ Литовскому княжеству, система земской обороны слагавшагося государства,—обороны, отправлявшейся населеніемъ, въ видѣ обязательной повинности, по установившимся изстари волостямъ. съ XIV столѣтія называвшимся также повѣтами ³⁾. Осу-

¹⁾ О Волынскомъ „воеводствѣ“ см. Памяти., I, отд. I, стр. 4, 9, 11 и пр. Ср. *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 3 и слѣд. О составѣ Кременецкаго повѣта послѣ Люблинской уніи см. *Baliński*, III, 75—110.

²⁾ Андрияшевъ полагаетъ, что Кременецкій удѣлъ, обособленный въ половинѣ XIV столѣтія отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, „устроенъ былъ въ *видѣ политическаго равновѣсія*, такъ какъ владѣніе Кременцомъ, безспорно сильнѣйшей крѣпостью на Волыни, давало значительный перевѣсъ той изъ борящихся сторонъ, которой онъ принадлежалъ“. Кременецъ „имѣлъ значеніе только, какъ точка опоры, пунктъ, владѣніе которымъ обезпечивало владѣльцу господство надъ окружающею страной“ (Очеркъ ист. Волынской земли, 60). Сказаннымъ обстоятельствомъ можно объяснить не самое образованіе удѣла Кременецкаго вообще, а лишь предоставленіе его особому удѣльному князю, Юрію Наримонтовичу. Кременецъ, подобно другимъ городамъ южной Волыни, несомнѣнно и до договора 1352 г., какъ и долго послѣ него, стоялъ всегда особнякомъ отъ Волынскаго и Луцкаго княжествъ, представляя съ своею небольшою волостью такую же точно самостоятельную административную единицу, какъ и обширный „повѣтъ“ Луцкій или Владимірскій. Существовали, значитъ, какія-то общія и постоянныя условія, вызывавшія и поддерживавшія обособленность Кременца и другихъ городовъ и волостей южной Волыни. „Виды политическаго равновѣсія“ тутъ не могли имѣть ровно никакого значенія.

³⁾ Обыкновенно полагаютъ, что дѣленіе Литовско-Русскаго государства на „повѣты“ было впервые *сведено* извѣстнымъ земскимъ привилеемъ 1387 г. (*Zbiór pr. Litew.*, стр. 1. *Skarbiec*, № 539). Бестужевъ-Рюминъ (*Русск. Ист.*, II, 62), а за нимъ Ясинскій (*Устави. земскія грамоты*, 17), полагаютъ, что Владиславъ-Игелло

жденное на постоянную борьбу съ сосѣдями (нѣмцами съ сѣвера, Польшей съ запада, татарами съ юга и Русью съ востока), Литовско-Русское государство должно было приспособлять къ этой борьбѣ все свое внутреннее устройство. Систематическаго дѣленія государства на военные округа (какъ, на примѣръ, при Петрѣ I на губерніи) не могло быть, конечно, ни при Гедиминѣ или Ольгердѣ, ни въ послѣдующее время. Учреждался замокъ, выдѣлялось нѣсколько селъ въ держаніе или удѣлъ, — господарскіе замки, держанья и удѣлы являлись особыми волостями-повѣтами, тянувшими земскую службу отдѣльно отъ старыхъ волостей, группировавшихся около господарскихъ и княжескихъ замковъ, центровъ военной организаціи слагавшагося государства. Главной связью, сводившей населеніе каждой волости-повѣта въ одно цѣлое (подъ общимъ титуломъ „повѣтниковъ“), является прежде всего общая для всѣхъ ратная и замковая „служба“ („потреба“) ¹⁾. Позже тѣ же волости-повѣты являются съ общимъ значеніемъ административно-судебныхъ округовъ, но такъ могло быть и раньше. Мѣстные центры военной организаціи государства, повѣтовые замки, изстари являлись также главными цен-

второй статьѣй привилея 1387 г. установилъ раздѣленіе Литвы на кастеляніи и повѣты. На самомъ же дѣлѣ въ этомъ актѣ говорится только объ учрежденіи въ каждомъ округѣ-кастеляніи, повѣтѣ или землѣ (*castellania et districtu vel territorio*) по одному *iudex* и по одному *justitiarius*. Дѣленія государства сразу на волости-повѣты и кастеляніи никогда не было и не могло быть. Въ пору издавія привилея 1387 г. существовали встаринныя земли и волости-повѣты, но документальнымъ указаніямъ встрѣчающіеся еще во времена Гедимина (ум. 1341 г.). Такимъ образомъ, Ольгердъ, будучи еще удѣльнымъ княземъ, даетъ въ 1337 г. грамоту дворянину своему Григорію Тункелю на земли въ „*поентахъ Эйшишскомъ и Радуньскомъ*“, подъ условіемъ отправленія съ нихъ „земской службы“ (*Skarbiec*, № 552). Привилеи 1386 г. говорятъ о пожалованіи князю Острожскому замка Острога „*cum districtu Ostrogoviensi*“, а также „*districtu*“ — Корець, Заславъ и др., которыми еще владѣлъ Даниилъ Острожскій (*Arch. Sang.*, I, 5—7). Можно указать и на другіе акты, изданные раньше земскаго привилея 1387 г., въ которыхъ упоминаются повѣты, не только въ литовскихъ, но и въ русскихъ областяхъ. Отъ 1383 г. сохранилась жалованная грамота Витовта Василю Карачевскому о предоставленіи ему права „сидити село Книжую Луку, на сиромъ корени, у Подольской землѣ, у *Каменецкомъ поотъ*“ (*А. З. Р.*, I, № 6). По словамъ Ярошевича, Литва уже раздѣлялась на повѣты при заключеніи Ягеллой и Кейстутомъ въ 1379 г. мирнаго договора съ нѣмецкимъ орденомъ (*Ярошевичъ, Образъ Литвы*, I, 121, 155. Ср. *Skarbiec*, № 464). О совершенно произвольномъ толкованіи г. Любавскимъ (Обл. дѣленіе, 77) значенія „повѣтовъ“ и „волостей“ скажемъ ниже, въ отдѣлѣ объ областномъ управленіи.

¹⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 137.

трами областной администраціи; „повѣтники“ тянуть къ своей волости-повѣту¹⁾. къ своему замку, не только въ пору ратной „потребы“ или замковой „службы“, но и по суду, даямъ и т. д.

Обособленность волостей-повѣтовъ и ихъ замковъ должна была установиться особенно рѣзко на „украинахъ“ Литовско-Русскаго государства. Во внутреннихъ областяхъ, не подвергавшихся постоянной опасности непріятельскихъ набѣговъ, могла мѣстами, въ ббльшей или меньшей степени, поддерживаться изстаринная земская связь между повѣтами, — „повѣтники“ меньшихъ замковъ могли тянуть ратной и замковой службой къ главному центру области. Иначе должно было установиться положеніе украинскихъ волостей-повѣтовъ. Въ виду постоянной опасности непріятельскихъ набѣговъ украинные замки должны были имѣть въ населеніи тянувшихъ къ нимъ полостей-повѣтовъ²⁾ безсмѣнныхъ „повѣтниковъ“, которые бы отправляли „военныя потребности“ и „замковыя службы“ исключительно въ своихъ замкахъ, не отвлекаясь потребамъ и службамъ въ другихъ мѣстахъ государства. Тутъ же, въ своихъ замкахъ, украинные повѣтники находили судъ и управу въ лицѣ своихъ удѣльныхъ князей или господарскихъ намѣстниковъ, державцевъ, старость и воеводъ. Такъ было на всѣхъ литовско-русскихъ рубежахъ, по которымъ располагалась чуть ли не непрерывная сѣть пограничныхъ замковъ съ ихъ полостями-повѣтами, стоявшими особнякомъ отъ областей, къ которымъ они принадлежали по своему географическому положенію. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ рубежахъ, по сосѣдству съ нѣмецкими вла-

¹⁾ По замѣчанію проф. Антоновича, терминъ „повѣтъ“ возникъ, вѣроятно, отъ того, что намѣстникъ, созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались официально. Разсылка разныхъ „вѣстей“ и вообще ѣзда въ повѣтъ, по порученію замковыхъ намѣстниковъ, державцевъ или старость, составляла повинность особаго класса населенія повѣтовъ—„путныхъ бояръ“ и „замковыхъ слугъ“ (Моногр., I, 246). Съ подобнымъ объясненіемъ можно было бы согласиться, еслибы было доказано, что „повѣтъ“—самородный, литовско-русскій, а не заимствованный изъ старо-польской административной системы институтъ. Какъ извѣстно, польскія области еще со временъ Болеслава I дѣлились на кастеляншіи и повѣты (powiaty),—последніе въ смыслѣ *отчужденныхъ округовъ* (повѣтѣя, повѣты), населеніе которыхъ тянуло каждое къ своему земскому вѣчу (*Bandkie*, Hist. Pol. pr., 70, 258. *Maciejowski*, Hist. prawod. słow., I, 58. *Временн. общ. ист. и древн.*, 1855, кн. 22, стр. 14).

²⁾ Напримѣръ, Кузьминская волость, тянувшая къ замку Кременецкому, называлась въ актахъ и волостью, и повѣтомъ (Arch. Sang., I, 131. Памятн., IV. отд. 2, стр. 199, 205, 227—230).

дѣльями, Литва имѣла свою украину—особнякъ, слагавшійся изъ пограничныхъ жмудьскихъ и завилейскихъ повѣтовъ и княжествъ (Биржанскаго, Утянскаго и пр.). По западному рубежу Литовско-Русскаго государства тянулась длинной полосой украинна (украиница) Подляшская ¹⁾ съ своими замками—Воннь, Нуръ и Визна, стоявшими обособленно отъ другихъ городовъ Подляхін ²⁾. Точно также по восточнымъ и юговосточнымъ рубежамъ Литовско-Русское государство отгораживалось Задѣпровскою украиной—длинной сѣтью обособлявшихся другъ отъ друга сѣверскихъ княжествъ и кievскихъ порубежныхъ замковъ-повѣтовъ.

Изъ такихъ же особняковъ, волостей-повѣтовъ и княжествъ, слагалась въ литовскую эпоху, особенно въ XIV и XV столѣтияхъ, южная Волянь, состоявшая изъ нѣсколькихъ группъ украинскихъ замковъ и волостей (господарскихъ и княжескихъ). безъ всякихъ административныхъ связей ихъ съ Владимірской или Луцкой землями. Отдѣльную группу украинскихъ замковъ Воляни составляли въ XIV столѣтїи Кременецъ, Стожокъ, Даниловъ, Шумскъ, Закамень и Олеско, занимавшіе западный уголь южной Воляни и уже въ пору составленія договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ 1366 года составлявшіе, каждый въ отдѣльности, особый „territorium“—повѣтъ, стоявшій особнякомъ отъ другихъ замковыхъ округовъ южной Воляни ³⁾. Вторая группа такихъ же замковъ съ повѣтами (къ югу отъ Кременца) состояла изъ удѣльныхъ владѣній потомковъ стараго рода князей Несвицкихъ — Збаража, Вишневецъ, Манева, Олексинца и др.

Остановимся прежде всего на *Кременцѣ*. Основаніе его нѣкоторые изслѣдователи ⁴⁾ относятъ еще къ IX или X ст. Преданія и легенды, записанныя въ трудахъ старыхъ польскихъ историковъ и

¹⁾ Въ старину такая же „украинна“ отгораживала отъ Польши русское Забужье—Люблинскую землю (*Филевичъ*, Борьба, 189—190).

²⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ ист. Волянской земли, 96.

³⁾ Въ хроникѣ Яна Чариковскаго находимъ слѣдующее сообщеніе о договорѣ 1366 г.: „Pax autem in formam coaluit hanc: Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territorіis et villis quemadmodum fuit a principio, i. e. Stożek, Danilów, Zakamień, Szumsk, Ostrog, Polonne et Międzyboże (*Stecki, Wołyń, II, 92*). Во главѣ такихъ округовъ-повѣтовъ стоитъ Стожокъ—ближайшій сосѣдь Кременца, несомнѣнно имѣвшаго въ то время также свой territorium, который вмѣстѣ съ замкомъ Кременцемъ, по тому же договору 1366 г., отошелъ къ Польшѣ (см. ниже).

⁴⁾ *Stecki, Wołyń II, 102.*

геральдиковъ, указываютъ на существованіе Кременца уже въ концѣ XI вѣка ¹⁾). Въ послѣдующее время Кременецъ не разъ упоминается въ лѣтониси, какъ одна изъ древнихъ, выдающихся твердынь Волинской земли ²⁾). При первомъ литовскомъ князѣ, Любартѣ Гедиминовичѣ, Кременецъ принадлежалъ первоначально къ составу его волинскихъ владѣній. Въ договорѣ литовскихъ князей съ королемъ польскимъ Казимиромъ 1352 года говорится объ одномъ замкѣ (*castrum*) Кременецъ ³⁾). Какъ замѣчено раньше, въ пору составленія договора 1366 года Кременецъ, подобно другимъ замкамъ южной Волини, раздѣленнымъ между Любартомъ и Казимиромъ, уже имѣлъ значеніе особаго округа (*territorium*). Кременецкій повѣтъ (*districtus*) рядомъ съ замкомъ (*castrum*) упоминается въ привилеѣ Владислава-Игеллы, данномъ имъ въ 1392 году Скиргайлу на Кременецкій удѣлъ ⁴⁾) и именно не въ смыслѣ новой волости, впервые при Скиргайлѣ прибавленной къ замку Кременецкому, а какъ стараго округа, приписаннаго къ нему раньше привилеѣ 1392 года. Въ одномъ изъ актовъ XV ст. упоминается Кременецкая „земля“, въ значеніи не отдѣльной области (какъ „земля“ Луцкая, Владимірская, Волинская), а лишь земельныхъ владѣній Кременца ⁵⁾). Территориальный составъ „волости“ Кременецкаго повѣта ⁶⁾) опредѣляется довольно точно позднѣйшими люстраціями 1545, 1552 и 1563 гг. (первыя двѣ люстраціи были произведены еще въ то время, когда Кременецъ составлялъ удѣлъ королевы Боны). Изъ этихъ люстрацій вообще видно, что Кременецкій повѣтъ, по своему территориальному составу, предста-

¹⁾ Ibid., 90, 102—103.

²⁾ Изъ лѣтониснаго сообщенія о первомъ нашествіи Батыевой орды на южную Русь въ 1240 г. извѣстно, что Кременецъ не могли взять татарскія полчища и лишь позже, въ 1261 г., по требованію татаръ, волинскій князь Василько долженъ былъ уничтожить укрѣпленія Владиміра, Луцка и Кременца (Ипат. лѣт., 508, 523, 588. *Stecki*, *Woluń*, II, 102—104. *Baliński*, III, 75. *Петровъ*, Волинь, 46 — 47).

³⁾ А. З. Р., I, № 1. Андрияшевъ полагаетъ, что Кременецъ въ XIV столѣтіи, кромѣ собственно городской земли, вообще не имѣлъ особой территоріи, тянувшей къ замку (Очеркъ, 60), что, однако, не совсѣмъ вѣрно.

⁴⁾ *Sokołowski i Szujski*, *Cod. epist.*, 17. *Skarbiec*, № 623.

⁵⁾ „А от Земьнское криници протсе черес дуброву до Кременецкое земли, а на другую сторону тоежь дороги дуброва и леси ничого тое земли от Манева не отошло“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 76).

⁶⁾ О Кремен. повѣтѣ см. *Arch. Sang.*, I, стр. 37, 59, 95, 113, 123 и пр. О Кременецкой волости—*ibid.*, III, 452. *Арх. Юго-Зап. Россіи*, ч. VII, т. II, стр. 31, 75 и слѣд.

влялъ незначительную волость. бывшую въ распоряженіи владѣтелей Кременецкаго удѣла ¹⁾.

Сохранилось извѣстіе, не лишенное, повиднмому, основанія, о томъ, что Кременецъ гораздо раньше договора 1352 года, еще при Гедиминѣ (ум. 1341 года), сдѣлался удѣломъ Юрія Наримонтовича (племянника волинскаго князя, Любарта Гедиминовича) ²⁾, по весьма вѣроятному предположенію, владѣвшаго и Белзомъ также раньше упомянутаго договора ³⁾. Завоеваніе русскихъ земель польскимъ королемъ Казимиромъ въ 1349 году, распространилось на Кременецъ и вообще на всю западную часть южной Волыни (съ г. Олеско) ⁴⁾. Этимъ завоеваніемъ объясняется участіе Казимира въ надѣленіи, по договору 1352 года, Юрію Наримонтовичу въ удѣлѣ Кременца, даннаго ему отъ имени не однихъ литовскихъ князей, но и Казимира: „а Кременецъ держати Юрью Наримонтовичу отъ князій литовскихъ и отъ короля за 2 лѣтъ, а города не рубити, а коли миръ станетъ, Юрью князю города лишитися“ ⁵⁾. Кременецъ данъ Юрью лишь на два года. Неизвѣстно съ точностью, когда именно Юрій „лишился“ своего удѣла. Въ современныхъ актахъ сохранилось указаніе, что въ началѣ 60-хъ годовъ Кременцомъ владѣлъ Казимиръ. Въ его привилеѣ 1361 г., на имя Ходка Выбельскаго, упоминается въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при составленіи привилея, панъ Лѣсота, воевода кременецкій, очевидно, управлявшій Кременцомъ отъ имени короля ⁶⁾. По договору 1366 года, Кременецъ вмѣстѣ съ большей частью Владимірскаго княжества и съ западной половиной южной Волыни (съ Олеско и Перемылемъ) былъ уступленъ Ольгердомъ и Любартомъ

¹⁾ По люстраціи 1545 г. волость, тянувшая къ Кременецкому замку, состоятъ всего изъ 18 замковыхъ селъ, съ очень незначительнымъ составомъ населенія, въ количествѣ 240 тяглыхъ и 34 путниковъ въ цѣлой волости, то-есть, среднимъ числомъ, по 15 тяглицовъ на одно поселеніе. Кромѣ того, на территоріи той же волости было 8 селъ, принадлежавшихъ князьямъ Острожскимъ, Четвертенскимъ, также мѣстнымъ панамъ и земьянамъ; принадлежавшія имъ села тянули къ Кременцу лишь по „военной потребѣ“ (Памят., IV, отд. 2, стр. 194 и слѣд.). Приблизительно такой же составъ имѣетъ Кременецкая волость и по люстраціямъ 1552 и 1563 г. (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, стр. 31—34, 75 и слѣд.).

²⁾ *Baliński*, *Star. Polski*, 2-е изд., III, 76. Къ сожалѣнію, Балинскій не указываетъ на источникъ, откуда онъ почерпнулъ свое сообщеніе о принадлежности Кременца Юрію при Гедиминѣ.

³⁾ *Филевичъ*, *Борьба*, 93.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 1.

⁶⁾ *Akta grodz. i ziemskie*, I, № 5. Ср. *Филевичъ*, *Борьба*, 94.

польскому королю ¹⁾). Сохранилось извѣстіе, что вся западная часть Волини (въ томъ числѣ и Кременецъ), отошедшая къ Польшѣ по договору 1366 года, была отдана королемъ въ удѣлъ племяннику Любарта, подольскому князю Александру Коріатовичу, подъ условіемъ подчиненія Польшѣ ²⁾). По смерти Казимира въ 1370 году Любартъ, при помощи Кейстута, взялъ обратно волинскіе города, занятые поляками по договору 1366 года, въ томъ числѣ и Кременецъ ³⁾). Черезъ 7 лѣтъ Кременецъ снова становится владѣніемъ короля польскаго и венгерскаго Людовика и лишь по смерти послѣдняго (въ 1382 году) окончательно отходитъ къ Любарту ⁴⁾). По смерти послѣдняго ⁵⁾ Кременецъ, бывшій вмѣстѣ съ Владимірскимъ княжествомъ нѣкоторое время въ управленіи Федора Любартовича, отошелъ къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ господарей ⁶⁾). Взамѣнъ уступленнаго Витовту велико-княжескаго удѣла, Скиргайло получилъ въ 1392 году отъ короля Владислава-Ягеллы и Витовта въ потомственное владѣніе Кременецкій удѣлъ, которымъ онъ и владѣлъ до своей смерти (въ 1396 г.) ⁷⁾). Судьба Кременецкаго удѣла въ начальные годы XV столѣтія не совсѣмъ опредѣленно представляется въ источникахъ. Несомнѣнно, однако, что, подобно Владиміру и Луцку, Кременецъ составлялъ личный удѣлъ Витовта вплоть до его смерти и управлялся назначенными имъ старостами ⁸⁾). Есть из-

¹⁾ Skarbiec, № 432.

²⁾ *Stecki*, *Wołyń*, II, 113—114. *Smolka*, *Kiejstut*, 10.

³⁾ Александръ Коріатовичъ, уѣхавшій въ то время въ Краковъ на погребеніе Казимира, не возвращался больше на Волинь, а ушелъ въ свой Подольскій удѣлъ, гдѣ, какъ полагаютъ, онъ былъ убитъ татарами (*Stecki*, *Wołyń*, II, 115).

⁴⁾ *Stecki*, *Wołyń*, II, 116—117. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 76.

⁵⁾ Въ концѣ 1385 г. или въ началѣ слѣдующаго года. См. выше.

⁶⁾ *Stecki*, *Wołyń*, II, 118—119. *Андріяшевъ*, Очеркъ, 60.

⁷⁾ *Sokolowski i Szujski*, *Cod. epist.*, стр. 17. *Prochaska*, *Cod. epist. Vitoldi* № 98. *Skarbiec*, № 623. Ср. *Wolff*, *Ród*, 150. *Stadnicki*, *Bracia*, 174, 279. *Stecki*, *Wołyń*, II, 119. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 76.

⁸⁾ *Смадницкій* (*Syn. Gedum.*, II, 174), *Стецкий* (*Wołyń*, II, 119, 127) и *Молчановскій* (Очеркъ, 248, 255) спутываютъ вопросъ своимъ произвольнымъ предположеніемъ о томъ, что Дмитрій Корибутъ при Витовтѣ владѣлъ Кременецемъ въ качествѣ удѣльнаго князя. Предположеніе это взято изъ Стрыйковскаго (*Крон.* изд. 1846, II, 101), сообщающаго о томъ, что въ 1398 г. Витовтъ будто бы пожаловалъ Корибуту, вмѣсто утраченнаго имъ удѣла въ Сѣверщинѣ, новый удѣлъ въ Подоліи и Волинѣ—Брацлавъ, Винницу, Соколецъ и Кременецъ. По свидѣтельству вполне достовѣрнаго источника, литовско-русской лѣтописи (изд. Даннловичемъ, стр. 52), Витовтъ, послѣ удаленія въ 1393 г. изъ Подоліи Федора Коріат.,

вѣстіе о томъ, что еще при Витовтѣ Кременецкій удѣлъ достался было на непродолжительное время Свидригайлу ¹⁾; постояннымъ же удѣльнымъ владѣтелемъ Кременца Свидригайло сдѣлался лишь съ 1430 года, когда онъ получилъ великокняжескій столъ. Съ тѣхъ поръ Кременецъ оставался личнымъ удѣломъ Свидригайла до самой его смерти (въ 1451 году) ²⁾, когда Кременецъ отошелъ къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ государей ³⁾. Удѣльная обособленность Кременца возстановляется на прежнихъ основаніяхъ въ началѣ XVI столѣтія. Король Сигизмундъ I предоставилъ Кременецкій повѣтъ, вмѣстѣ съ городомъ Тихомлей (позд. Ямполемъ) на рѣкѣ Горыни, въ удѣлъ князю литовскому Янушу, епископу виленскому (какъ полагаютъ, побочному сыну Сигизмунда). Послѣ перехода (въ 1536 г.) князя Януша на Краковскую кафедру, его удѣлъ былъ пожалованъ Сигизмундомъ-Августомъ послѣдней удѣльной владѣтельницѣ Кременца—королевѣ Бонѣ, во владѣніи которой оставался этотъ замокъ до выѣзда ея изъ Литвы въ 1556 году ⁴⁾. До какой степени сознавалась населеніемъ Кременца его удѣльная обособленность, даетъ весьма характерное показаніе люстрація Кременецкаго замка (удѣла королевы Боны), предпринимаемая въ 1545 году, по непосредственному приказу литовскаго государя. Посланецъ Сигизмунда-Августа, Юрій Фальчевскій, епископъ луцкій и берестейскій, составлявшій на мѣстѣ, по порученію государя, описаніе главныхъ волынскихъ замковъ—Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, потребовалъ, между прочимъ, отъ кременецкихъ мѣщанъ точныхъ показаній о положеніи и устройствѣ ихъ замка, о его оборонительныхъ средствахъ и вообще о годности его къ защитѣ въ случаѣ нужды. Бурмистры и радцы кременецкіе наотрѣзъ отказались исполнить требованіе люстратора, и именно потому, что они обязаны „послушаніемъ“ одной королевѣ Бонѣ, ихъ прямой государынѣ. По словамъ описи 1545 г., „каждый (изъ бурмистровъ и радцевъ) дорогою своею пошелъ, а отказали,

часть ея уступилъ Владиславу-Ягеллѣ, а для управленія остальной частью Подолин, а также Кременца, назначилъ старость; ни Дмитрій-Корыбутъ, ни его сыновья никогда не владѣли никакимъ удѣломъ на Волыни (*Wolff*, 153).

¹⁾ *Baliński*, III, 76.

²⁾ *Stecki*, *Wolyn*, II, 129, 131.

³⁾ *Stecki*, *Wolyn*, II, 131—133. *Sulimierski*, *Stown. geogr.*, IV, 776.

⁴⁾ При Бонѣ Кременецкій повѣтъ управлялся ея намѣстниками и старостами (*Stecki*, *Wolyn*, II, 134—136. *Baliński*, *Star. Polska*, 2-е изд., III, 77, 106, 108. *Sulimierski*, *Stown. geogr.*, IV, 776).

и жъ ден мы до королевского посланца ничего не маемъ окромъ до королевое ея милости¹⁾. Со второй половины XVI столѣтія Кременецъ навсегда утрачиваетъ былую удѣльную обособленность, управляется на одинаковомъ основаніи съ другими господарскими замками.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кременцомъ находились въ XIV столѣтіи замки: Стожекъ, Даниловъ и Шумскъ, вошедшіе позже въ составъ Кременецкаго повѣта.

Стожекъ (къ сѣверо-востоку отъ Кременца)—одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Волинской землѣ²⁾. По договору литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ, 1352 г., Стожекъ былъ избранъ мѣстомъ суда, назначеннаго по договору для разбирательства дѣла о „нѣтствѣ“ Любарта³⁾. Повѣтъ (*territorium*) Стожекъ стоитъ на первомъ планѣ въ числѣ округовъ и городовъ, оставшихся по договору 1366 г. во владѣніи волинскаго великаго князя Любарта; въ это время Стожекъ считался однимъ изъ большихъ замковъ на Волини⁴⁾. Затѣмъ, вмѣстѣ съ Кременцомъ Витовтъ отдалъ въ 1392 г. въ значеніи потомственнаго удѣла Скиргайлу и Стожковскій повѣтъ (*districtus*)⁵⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ видно изъ люстрацій XV и XVI столѣтій, не прерывалась связь, установившаяся въ 1392 г. между обоими замками: Стожекъ сталъ принадлежать къ Кременецкому повѣту, хотя и оставался еще на положеніи замка съ господарскимъ дворцомъ⁶⁾. Въ люстраціяхъ Кременецкаго замка XVI столѣтія Стожекъ упоминается уже въ числѣ сельскихъ поселеній, принадлежавшихъ къ Кременецкому повѣту. Въ началѣ XVI столѣтія онъ перешелъ, въ значеніи господарской „выслуги“, сначала къ князьямъ Четвертепскимъ, а затѣмъ позже къ Збаражскимъ и Винишевецкимъ⁷⁾,

¹⁾ Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 224. Немногимъ лучше были, впрочемъ, и отношенія волинскихъ князей и земянъ къ люстратору, постоянно встрѣчавшему „непослушаніе“ съ ихъ стороны его распоряженіямъ, дѣлавшимся отъ имени литовскаго господара (см., наприм., *ibid.*, стр. 134—135).

²⁾ По старымъ польскимъ гербовникамъ Стожекъ вмѣстѣ съ Кременцомъ появляется уже во второй половинѣ XI столѣтія (*Stecki, Wol.*, II, 90). Въ лѣтописи Стожекъ упоминается впервые въ татарскую эпоху, послѣ 1260 г. (Ипат. лѣт., 562, 600).

³⁾ А. З. Р., I, № 1.

⁴⁾ *Stecki, Wol.*, II, 92. *Skarbiec*, № 432.

⁵⁾ *Sokolowski-Szujski, Cod.*, стр. 17. *Prochaska, Cod.*, № 98. *Skarbiec*, 623. *Stadnicki, Syn.*, II, 174

⁶⁾ *Stecki, Wol.*, 92.

⁷⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 208, 223. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 24. *Stecki, Wol.*, II, стр. 90—93. *Андріашевъ*, Очеркъ, 69.

Даниловъ и *Шумскъ*, лежавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ *Кременцомъ*, несомнѣнно, принадлежали къ такимъ же древнимъ волинскимъ городамъ, какъ *Кременецъ* и *Стожекъ* ¹⁾. Въ договорѣ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ *Казимиромъ*, 1366 г., *Даниловъ* и *Шумскъ* числятся въ составѣ округовъ, оставшихся по договору за *Любартомъ*; подобно *Кременцу* и *Стожку*, оба упомянутыя поселенія считались во второй половинѣ XIV столѣтія значительными замками *Волинской* *украины* ²⁾. Въ послѣдующее время *Шумскъ*, подобно *Стожку*, вошелъ въ составъ *Кременецкаго повѣта*, числился въ люстраціяхъ XVI столѣтія въ ряду сельскихъ поселеній *Кременецкаго повѣта* ³⁾. Что касается послѣдующей судьбы *Данилова*, то въ актахъ послѣ 1366 г. не находимъ никакого намека на *Даниловъ*. эту старую твердыню южной *Волини*. Въ люстраціи *Кременецкаго замка* 1545 г. *Даниловъ* не упоминается; рядомъ и, очевидно, по сосѣдству съ *Стожкомъ* и *Шумскомъ* стоитъ въ этой люстраціи *Тилевка*, въ значеніи села *Кременецкой волости*. Быть можетъ, *Тилевка* и есть тогдашнее названіе *Данилова*. Подлинное названіе его могло быть измѣнено или испорчено самимъ люстраторомъ, составлявшимъ опись замка, какъ и позднѣйшими ея переписчиками. Какъ видно изъ описи *Кременецкаго замка*, *Тилевка* вмѣстѣ съ *Стожкомъ* и другими селами *Кременецкой волости* была пожалована въ началѣ XVI столѣтія, въ качествѣ *господарской „выслуги“* князю *Василію Четвертенскому* ⁴⁾.

¹⁾ Какъ видно изъ лѣтописи, *Даниловъ* предъ татарскимъ нашествіемъ былъ такой же крѣпкой твердыней на *Волини*, какъ и *Кременецъ*: подобно послѣднему, *Данилова* въ 1240 г. не могли взять *Батисы* *полчища*. *Шумскъ* лежалъ на р. *Вили* къ востоку отъ *Кременца* (не далеко отъ него) на территоріи старой *Погорини*. Въ лѣтописи упоминается *Шумскъ* впервые подъ 1149 г., когда онъ былъ взятъ *галицкимъ княземъ Владиміромъ*. Въ 1152 г. *Изяславъ*, великій князь *киевскій*, домогался отдачи ему *Шумска Владиміромъ*, чего, однако, тотъ не исполнилъ. Подъ 1170 г. *Шумскъ* упоминается въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ къ удѣлу *дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича*. Позже *Шумскъ* выдѣляется въ особій удѣлъ князя *Святослава Шумскаго*, погибшаго въ 1224 г. въ битвѣ на *Калкѣ*. Въ 1261 г. княжество *Шумское* принадлежало *Василію*, князю *владимірскому*, который въ этомъ году въ *Шумскѣ* приносилъ повинную предъ татарскимъ ханомъ *Бурондаемъ* (*Ипат. лѣт.*, 508, 523, 562, 573, 588. *Нивон. лѣт.*, II, 353. *Stecki, Wolyń*, II, 38—42. *Андріяшевъ*, *Очеркъ*, 70—71).

²⁾ *Skarbiec*, № 432.

³⁾ *Памятн.*, IV, отд. 2-е, стр. 202, 207.

⁴⁾ *Źródła dziejowe*, VI, 97, 104. *Памятн.*, IV, отд. 2, стр. 203, 223. Въ инвентарѣ имѣній, принадлежавшихъ въ XVII столѣтіи князьямъ *Вишневецкимъ*, пе-

Въ крайнемъ западномъ углу южной Волини, на границѣ съ Галичиной, существовали въ XIV столѣтіи двѣ главныя твердыни, оберегавшія Волинскую землю отъ Польши съ юго-западной стороны, — замки Олеско и Закамень, стоявшіе съ своими повѣтами, подобно Кременцу, особняками отъ главныхъ центровъ Волини. *Олеско*, лежавшій на верховьяхъ р. Стыри, у самой границы съ Львовской землей ¹⁾, впервые упоминается въ договорѣ 1366 г., какъ передовая волинская крѣпость съ южной стороны. До 30-хъ годовъ XV столѣтія замокъ Олеско вообще раздѣлялъ одинаковую участь съ Кременцомъ: они вмѣстѣ отходятъ къ Польшѣ, вмѣстѣ же и возвращаются въ составъ владѣній Любарта. Причисленный по договору 1366 г. къ владѣніямъ польскаго короля Казимира (въ составѣ Галицкой Руси), замокъ Олеско затѣмъ, по смерти Казимира (1370 г.), отходить вмѣстѣ съ Кременцомъ къ Волини; чрезъ семь лѣтъ Олеско съ Кременцомъ занимаютъ венгерскимъ гарнизономъ и лишь по смерти польско-венгерскаго короля Людовика (1382 г.) становятся опять въ ряды волинскихъ замковъ. При Сигизмундѣ Кейстутовичѣ, въ 1432 г., Олеско окончательно отходить къ Польшѣ, становится однимъ изъ пограничныхъ польскихъ замковъ въ Галичинѣ ²⁾. Еще меньше свидѣній сохранилось о *Закаменѣ*, другомъ замкѣ, принадлежавшемъ, повидимому, къ южной Волини. Онъ упоминается только въ договорѣ 1366 г., въ числѣ волинскихъ замковъ, оставшихся во владѣніи Любарта ³⁾. Полагаютъ, что Закамень договора 1366 г. позже извѣстенъ былъ подъ именемъ Подкаменя, числившагося въ составѣ галицкихъ городовъ и лежавшаго на р. Свири, на южномъ

речисляются главныя владѣнія ихъ на Волини, и въ числѣ ихъ упоминается „Даниловщина“, волость, состоявшая изъ 12-ти селъ; въ числѣ послѣднихъ, впрочемъ, нѣтъ Данилова. Не стоитъ ли названіе этой волости въ связи съ старымъ замкомъ Даниловымъ? (*Przewdziecki*, Podole, I, 58).

¹⁾ Въ актахъ XVI столѣтія встрѣчается въ Холмской землѣ другое поселеніе того же имени — село Олеско въ Любомльскомъ староствѣ (см. Люстрацію этого староства, 1564 г., въ *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. VII, т. II, стр. 361 — 362. Ср. *Baliński*, II, 926).

²⁾ *Skarbiec*, № 432, *Stecki*, *Wolyn*, II, 132. *Андрияшевъ*, Очеркъ, 61. *Baliński*, *Star. Polska*, II, 741. Въ послѣдней четверти XV столѣтія владѣнія князей Збаражскихъ въ южной Волини (Вишневецъ съ его волостями) простирались длинной полосой къ западу „до самой границы Олесковъ“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 71. Ср. *Археогр. Сборникъ*, I, стр. 108—109).

³⁾ *Skarbiec*, № 432.

порубежьи Волини съ Галичиной ¹⁾). Неизвѣстно, когда именно Закамень перечисленъ въ составъ галицкихъ замковъ, послѣ ли Люблинской уніи, когда вся Волинская земля уже отошла къ Польшѣ, или же раньше, напримѣръ, въ 1432 г., одновременно съ замкомъ Олеско. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно полагать, что Закамень отошелъ къ Польшѣ раньше Люблинской уніи: въ то время было существенно важно въ польскихъ интересахъ оттянуть отъ Волини двѣ пограничныя ея твердыни и сдѣлать ихъ опорными пунктами съ польской стороны противъ Литовскаго княжества. Послѣ Люблинской уніи Закамень, сдѣлавшись простымъ, внутреннимъ городомъ, во всякомъ случаѣ потерялъ бывшее значеніе, какимъ онъ, несомнѣнно, пользовался до присоединенія Волини къ Польшѣ, какъ одна изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ на границѣ государства ²⁾).

Ф. Леонтовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ На картѣ Волинской земли Андрияшева (Очеркъ, 232) Закамень помѣченъ между Олеско и Кременцомъ, почти по прямой линіи между ними, что едва ли вѣрно. Какъ мы знаемъ, послѣдніе два города, по договору 1366 г., отошли къ Польшѣ, тогда какъ Закамень по прежнему остался въ составѣ волинскихъ владѣній Любарта. При обозначеніи положенія Закаменя по Андрияшеву выходитъ, что приобрѣтеніи Польши разрѣзывались владѣніями Любарта, чего на дѣлѣ, конечно, не могло быть. Правильнѣе, какъ кажется, обозначено положеніе Подкаменя на картѣ старой Польши 1772 г., въ прибавленіи ко 2-му изданію сочиненія Балинскаго: *Staroż. Polska* (IV, стр. 720). Здѣсь Подкамень помѣченъ къ югу отъ Кременца и къ юго-востоку отъ Олеско, по сосѣдству съ Олексинцемъ (къ западу отъ него), владѣніемъ князей Збаражскихъ.

²⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 70—71. *Stecki*, *Wolyń*, II, 41. *Baliński*, *Star. Polska*, II, 731.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ И ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ ¹⁾.

V.

Кающійся разбойникъ—образъ, часто появляющійся въ христіанско-легендарной литературѣ. Рѣзкій переходъ отъ мрака къ свѣту, отъ разгула грѣшныхъ страстей къ суровымъ подвигамъ покаянія, превращеніе злодѣя въ праведника — тема драгоцѣнная для поучительныхъ выводовъ. Составители благочестивыхъ легендъ охотно возвращались къ этой темѣ, имѣя образецъ въ евангельскомъ разказѣ о „благоразумномъ“ разбойникѣ, покаявшемся на крестѣ.

„И сказалъ ему Иисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ рай“ (Ев. Луки, XXIII, 43). Эти святые слова оправдались на многихъ грѣшникахъ и болѣе поздней поры. Въ ряду сказаній объ апостолѣ Іоаннѣ находимъ „слово о уоши разбойницѣ, его же спасе Іоаннъ Богословецъ“ ²⁾. Анастасій Сипайскій въ своихъ Вопросо-отвѣтахъ упоминаетъ о разбойникѣ, котораго исправили вниманіе и заботливость императора Маврикія ³⁾. Отрывокъ изъ сочиненія Анастасія, передававшій этотъ разказъ, переписывался въ славянскомъ Прологѣ и въ Четивхъ Минеяхъ въ видѣ отдѣльной статьи (подъ 17-мъ октября). Въ тѣхъ же Минеяхъ и въ Прологѣ находимъ еще „Житіе и жизнь старѣйшаго разбойникомъ, именемъ Флавіана“ (подъ 18-мъ октября), знакомое намъ житіе св. Варвара, бывшаго разбойника (подъ 6-мъ мая), разказъ „о разбойницѣ, иже исповѣдая вся своя согрѣшенія предъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ.

²⁾ Великія Четивя Минеи митрополита Макарія, вып. 3, ст. 1582—1584.

³⁾ *Patrolog. cursus compl.*, t. 89.

всѣми каеся“ (подъ 7-мъ мая). Такія же сказанія заносились и въ патерики. Такъ, въ сводномъ, такъ называемомъ азбучномъ патерикѣ находимъ упомянутое уже житіе Флавіана, разказы о покаявшихся разбойникахъ Давидъ, Кириакъ и др. ¹⁾).

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ легендахъ. Для примѣра напомнимъ въ самыхъ короткихъ словахъ содержаніе лишь двухъ отмѣченныхъ выше разказовъ: о разбойникѣ, обращенномъ апостоломъ Іоанномъ, и о покаявшемся Флавіанѣ. Юноша, о которомъ говорится въ сказаніи о св. Іоаннѣ, обращенъ былъ апостоломъ на путь правый, но потомъ снова пустился въ разбой. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ отправился въ горы, гдѣ скрывался разбойникъ. Увидѣвъ сятаго, юноша побѣжалъ отъ него. Старикъ хочеть его догнать, но скоро теряетъ силы, падаетъ и съ мольбой простираетъ руки къ этому человѣку, удалявшемуся на свою гибель... Онъ не погибъ, однако. Подвигъ любви не могъ остаться безплоднымъ. Юноша вернулся къ тому, кто звалъ его на путь добра. О Флавіанѣ разказывается, что онъ былъ страшный разбойникъ. Предводительствуя шайкой подобныхъ ему головорѣзовъ, онъ распространялъ ужасъ въ странахъ Египетскихъ. Последнее злодѣяніе, задуманное Флавіаномъ,—нападеніе на женскій монастырь. Оставивъ свою дружину въ засадѣ, разбойничій атаманъ вошелъ въ обитель, переодѣтый монахомъ. Онъ имѣлъ въ виду выждать удобное время и впустить товарищей внутрь монастырскихъ стѣнъ. Случилось иное. Видъ кроткихъ отшельницъ, радушіе, благоговѣнный почетъ, съ которымъ приняли онъ захожаго старца, пробудилъ дремавшія въ разбойникѣ добрыя чувства. Чудо, совершившееся по волѣ Божіей, довершило его обращеніе: глухонѣмая дѣвочка, жившая въ монастырѣ, была исцѣлена водой, которой монахини обмывали ноги путника, просившаго приюта. Эта чудотворная вода милосердія исцѣлила и Флавіана ²⁾). Онъ возродился къ новой жизни. Дружинники вмѣсто призыва къ нападенію услышали отъ своего атамана покаянное признаніе. Простившись съ прежней жизнью, Флавіанъ уже не захотѣлъ вернуться въ міръ. Онъ остался среди тѣхъ, кому обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Изъ западныхъ легендъ подобнаго же содержанія можно указать на легенду о св. Гутлакѣ († 715). Есть житіе этого подвижника, составленное по пове-

¹⁾ Патерикъ азбучный (Почаевъ, 7299 г.), Д, гл. 15; З, гл. 4; К, гл. 11, Ф, гл. 8.

²⁾ Великія Четимъ Мнени, выш. 5, ст. 1109—1111.

лѣнію Етельбальда, короля *Anglorum orientalium*; *Ordericus Vitalis* запесь свѣдѣнія о Гутлакѣ въ свою церковную исторію; извѣстно еще англо-саксонское стихотвореніе, разказывающее жизнь знаменитаго отшельника ¹⁾). Гутлакъ, принадлежавшій къ знатному и богатому роду, бурно и буйно провелъ свою молодость. *Cum adolescentiae vires increvissent et juvenili in pectore egregius dominandi amor fervesceret, tunc valida priscorum heroum facta reminiscens, veluti ex sopore evigilans, mutata mente, aggregatis satellitum turmis, sese in arma convertit, et cum adversantium sibi urbes et villas, vicos et castella igne ferroque vastaret corrosisque undique diversarum gentium sociis immensas praedas congregaret; tunc velut ex divino consilio edoctus, tertiam partem aggregatae gazae possidentibus remittebat.* Въ этихъ набѣздахъ и грабежахъ прошло восемь лѣтъ. Наконецъ, *post tot praedas, caedes rapinasque* Гутлакъ почувствовалъ отвращеніе къ той жизни, какую велъ. „*Mirum dictum—*воскликаетъ авторъ житія,*—extemplo velut percussus pectore spiritualis flamma omnia praecordia supra memorati viri incendere cepit*“. Оставивъ родныхъ и друзей, Гутлакъ ушелъ въ монастырь и принялъ tonsуру, а затѣмъ удалился въ пустыню, гдѣ и провелъ остальную жизнь въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ. Прославленный еще заживо даромъ прозрѣнія и чудотворенія, онъ по смерти причисленъ былъ къ лику святыхъ ²⁾).

Замѣчательно, что поэма о *Gowther*'ѣ отождествляетъ австрійскаго принца съ этимъ именно св. Гутлакомъ ³⁾). Такое отождествленіе важно, какъ выраженіе литературнаго сознанія. Авторъ поэмы, очевидно, понималъ переданную имъ сагу, какъ одну изъ легендъ о

¹⁾ *Acta Sanctorum, aprilis, t. II, p. 38—50 (Vita auctore Felice); Historiae Normannorum scriptores antiqui ed. A. Duchesnius Turonensis (1619), p. 537 sq. (Orderici Vitalis Angligenae coenobii Uticensis monachi Ecclesiasticae historiae lib. IV). Подробный анализъ англо-саксонскаго стихотворенія см. въ статьѣ *Fy. Charitius*'а: *Ueber die angelsächsischen Gedichte vom heil. Gudlac („Anglia“*, B. II, 1879).*

²⁾ *Acta Sanct., l. c.*

³⁾ Замѣчаніе *Breu*'я, что легенда о св. Гутлакѣ *hat faktisch mit der unsrigen (sir Gowther) nichts zu tun* (op. c., 191), требуетъ поправки. Тотъ, кто отождествилъ *Gowther*'а съ Гутлакомъ, имѣлъ, очевидно, въ виду юношескія проказы Гутлака и его позднѣйшее подвижничество. Подобное же превращеніе буйнаго удалца въ святаго угодника изображается и въ поэмѣ о *Gowther*'ѣ. Это именно общее сходство въ судьбѣ двухъ изобразительныхъ героев и дало поводъ къ смѣшенію ихъ въ одно и то же лицо.

покаявшемся удалецѣ. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ или о его англійскомъ двойникѣ дѣйствительно представляетъ обработку такого именно литературнаго матеріала, какъ отмѣченный выше легенды. Но сказаніе относится къ легендамъ, какъ сложная, развившаяся литературная форма къ ея простѣйшимъ зачаткамъ. Легенды о разбойникахъ, остававшіяся достояніемъ патериковъ, записывались лишь съ цѣлью назиданія. Литературная форма, занимательность разказа, подробности его завязки и развязки, яркость бытовой обстановки, образность стиля—все это мало интересовало благочестивыхъ писателей поучительныхъ повѣствованій. Сказаніе, давшее основу для саги о Робертѣ Дьяволѣ и для нашей былины о Василѣ Буслаевѣ, примыкаетъ къ литературѣ легендъ, но оно не осталось въ предѣлахъ поучительно-повѣствовательной письменности; судьба его была иная. Легенда, покинувшая страницы синаксаря, попавшая въ среду, гдѣ въ почетѣ было „замышленіе бояне“, не могла довольствоваться своимъ прежнимъ скромнымъ костюмомъ. Пѣснотворцы стараго времени не останавливались на тѣхъ скудныхъ литературныхъ средствахъ, какими ограничивались составители легендарныхъ сборниковъ. Въ средѣ этихъ пѣснотворцевъ легенда осложнялась, развивалась, разнообразилась, превращалась въ романъ, въ поэму, въ былинку. При этомъ неизбѣжно являлось различіе редакцій и пересказовъ, вводившихъ или опускавшихъ тѣ или другія подробности.

Въ занимающемъ насъ сказаніи разнообразіе пересказовъ обнаруживается преимущественно въ двухъ пунктахъ: въ изображеніи обстоятельствъ, вызвавшихъ раскаяніе грѣшнаго удалца, и въ заключительной части сказанія.

А. Раненый Робертъ находитъ пріютъ у отшельника; внушенія благочестиваго старика такъ подѣйствовали на большаго, что онъ съ ужасомъ осматривается на свою прежнюю жизнь и въ подвигахъ покаянія ищетъ примиренія съ проснувшейся совѣстью. Такъ разказываетъ нормандская хроника. Въ другихъ пересказахъ саги перемѣна въ душевномъ настроеніи Роберта объясняется общимъ страхомъ и отчужденіемъ, которые поразили Роберта при его появленіи въ замкѣ матери. Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, покаяніе грѣшника слѣдуетъ за явленіемъ Христа ¹⁾). Австрійскій принцъ задумывается послѣ обличительныхъ словъ какого-то графа; подобный же мотивъ обращенія въ нѣмец-

¹⁾ *Breul*, op. cit., 232.

комъ разказъ о французскомъ королѣ. У нашего Василя Вуслава новое настроеніе является. повидимому, внезапно.

Какъ у молода Васильюшки Вуславѣва
 Богатырско его сердце пожадѣлося,
 Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
 Съѣздить со дружиною хороброу
 На тую на матушку Ердань рѣку,
 Ко тому ко граду Еросолиму.
 Господу Богу помолитися,
 Ко Господнему гробу приложитися
 И во Ердань рѣкѣ окупатися
 Со своей дружиной со хороброуей.

(Рыбниковъ, I, стр. 361).

Обращаясь къ матери, Василій говорить:

Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ
 Во святую святыню помолитися,
 Ко Христову гробу приложитися,
 Во Ердань рѣку окупатися.
*Сдѣлалъ я велико превръщеніе,
 Прибилъ много мужиковъ новгородскихъ!*

(Гильбердинъ, ст. 726).

По пересказу Кирши, Василій заявляетъ корабельщикамъ:

Гой еси вы, гости корабельщани!
 А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
 Съ молоду бито мною, травлено,
 Подъ старость надо душа снасти.

(Стр. 169).

Эти слова Василій говоритъ передъ поѣздкой въ Святую Землю. Но далѣе, при изложеніи подробностей самаго путешествія, мы встрѣчаемся въ былинѣ съ эпизодомъ, развивающимъ мотивъ увѣщанія, предостереженія, обращеннаго къ грѣшному человѣку. И разумѣю при этомъ разказъ о говорящемъ черепѣ.

...На пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
 Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщитъ пуста голова:
 „Гой еси ты, Василій Вуславичъ!
 Къ чему меня, голову, попинываешь
 И къ чему побрасываешь?
 Я молодецъ не хуже тебя былъ,
 Да умно валятися на той юртѣ Сорочинскія;
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Лежать будетъ и Васильевой головѣ“.

(Кирша, стр. 176—177).

)*

Черепъ, вѣщающій такого рода предостерегающія рѣчи, извѣстенъ не по одной былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Такой же черепъ воспроизводится на одной изъ лубочныхъ картинокъ, издававшейся или отдѣльно, или въ ряду изображеній, входившихъ въ составъ лицеваго синодика. Къ изображенію присоединяются надпись и подпись: „Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава, по смерти твоей будетъ твоя такова. *Глазюлю сія зрящему ни мя: азъ убо бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ.* Сія глава сама о себѣ сказуетъ и подобіе свое намъ показуетъ“. „Кости зракъ — смерти знакъ; зри се всякъ, будеши такъ. Видь, человѣче, свое тѣлесное суетствіе и внимай, яко будеши по малѣ времени самъ костемъ сообразенъ и всякаго временнаго имѣнія и красоты міра сего суетнаго лишаемъ“¹⁾. Изображеніе мертвецовъ, напоминающихъ живымъ объ ожидающемъ ихъ концѣ, повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ средневѣковой литературы и искусства. Однообразно передаются при этомъ и приведенныя выше слова: „азъ бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ“.

Quod nunc es, fuimus,
Quod sumus, hoc eris.

Nous étions ce que vous êtes et vous serez ce que nous sommes.

Sus sprechent die dâ sint begraben
bei diu zen alten and zen knaben:
„daz ir dâ sit, das wâre wir,
daz wir nû sin, daz werdet ir.

(Freidank)²⁾.

Въ пѣснѣ о новгородскомъ удалцѣ поучительное напоминаніе мертвеца потеряло условную форму иносказанія; говорящій черепъ понять, какъ бывшая картина. Подобная же картина рисуется въ одной изъ новогреческихъ пѣсень. „Я гулялъ по кладбищу.... наступилъ случайно на могилу удалца (ἀντρασιφρένου μνημα). Изъ могилы послышались стоны и тяжелые вздохи. „Что съ тобой, могила? О чемъ ты вздыхаешь и стонешь, молодецъ? Земля ли тебѣ тяжела, или велика мраморная плита?“ Мнѣ земля не тяжела, не велика мрамор-

¹⁾ *Ровинскій*, Русскія народныя картинки, кн. III, стр. 190, 131, 216.

²⁾ Рядъ такихъ изреченій собранъ въ статьѣ *R. Köhler'a*: Der Spruch der Todten an die Lebenden (*Germania*, V, 220—226). Ср. „Serapeum“, VIII, 137, 172 (ст. *Massmann'a*); *Wackernagel*, Kleinere Schriften, I, 338. Подобныя же изреченія отыскиваются и въ литературныхъ памятникахъ востока (*Monatsberichte der Berlin. Akademie*, 1858, 512).

ная плита, но больно мнѣ стало, когда наступилъ ты мнѣ на голову (ἐπάνω σὸ κεφάλι). Развѣ и я не былъ молодъ, развѣ и я не былъ храбрымъ палликарѡмъ?“ и т. д. ¹⁾). Въ старо-французскомъ сказаніи о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ (*Li trois mors et li trois vis*) предостереженіе, даваемое мертвыми, развивается въ болѣе сложную картину; трое молодыхъ людей встрѣчаются съ тремя мертвецами; живые и умершіе обмѣниваются рѣчами; мертвые говорятъ о ничтожности земныхъ радостей, о могуществѣ смерти ²⁾). Въ *Dialogus miraculorum* находимъ разказъ *De converso a spiritu superbiae tentato et per angelum per ostenta cadavera mortuorum liberato*. Указывая на трупы, ангелъ говоритъ гордецу: *Vides hunc hominem? Cito talis eris...* ³⁾).

Въ сохранившихся пересказахъ былины черепъ, найденный Васильемъ Буслаевымъ, говоритъ вразумляющую рѣчь уже послѣ того, какъ въ душѣ ушкуйника совершился переходъ къ новому настроенію. „Много бито, граблено,.... надо душа спасти“, говоритъ Василій и затѣмъ слышитъ вразумляющую рѣчь мертвой головы. Болѣе естественнымъ представляется, конечно, иной порядокъ. Вразумленіе было бы умѣстно не позже, а прежде, чѣмъ въ душѣ Василья созрѣла рѣшимость идти въ Іерусалимъ градъ, замолилъ свои грѣхи. Мы видѣли уже, что въ разказѣ о путешествіи Буслаева дошедшіе до насъ пересказы былины смѣшиваютъ, повидимому, двѣ поѣздки Василья: его ушкуйническое гулянье на Волгѣ и его странствованіе въ Святую Землю. Приключеніе съ черепомъ въ первоначальной редакціи былины могло заканчиваться первую изъ этихъ поѣздокъ. Горячая молодая сила встрѣчается съ холодной смертью. Встрѣча не переходитъ въ борьбу, какъ въ извѣстномъ „Прѣннѣ Живота и Смерти“. Жизнь и безъ борьбы убѣждается въ всепобѣждающей силѣ великой противницы. Беззаботный молодецъ задумался надъ черепомъ былого удалца. Изъ „пустой головы“ ему слышится голосъ:

Я молодецъ не хуже тебя былъ,
Да умѣю валяться на той горѣ Сорочинскія.

„Ужъ какъ тутъ Василью стосковалось“, замѣчено въ одномъ изъ пересказовъ (*Гильбердинъ*, ст. 219). Эта тоска—первое проявленіе

¹⁾ *B. Schmidt*, *Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder*, Ss. 168—171.

²⁾ См. *Histoire littéraire de la France*, t. XXIII, 278—279. Ср. *Wackernagel*, *Kleinere Schriften*, I, 321, 326. Текстъ сказанія о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ изданъ *Todd*омъ въ 1833 г.

³⁾ IV, 4, p. 175—176 (по изд. *Strange*).

душевнаго перелома, испытываемаго новгородскимъ ушкуйникомъ. Чтобы спасти душу, онъ идетъ на богомолье въ Іерусалимъ градъ ¹⁾.

Предположеніе двухъ поѣздокъ Василья оправдывается намеками и недомолвками извѣстныхъ теперь пересказовъ былины. Но если даже устранить это предположеніе, значеніе говорящаго черепа не можетъ измѣниться: Василій гуляетъ на Волгѣ, наступаетъ на черепъ, слышитъ отъ него неожиданное внушеніе, задумывается надъ своею жизнью и отправляется „душа спасти“. И при такой схемѣ придется допустить если не двѣ поѣздки, то два различные отдѣла одной и той же поѣздки: на Волгѣ и въ Палестинѣ. Приключеніе съ черепомъ заканчиваетъ первую часть путешествія, отдѣляя его отъ второй.

На смѣшеніе двухъ путей или двухъ поѣздокъ Василья, кромѣ другихъ причинъ, могло оказать вліяніе сближеніе черепа, встрѣча съ которымъ заканчиваетъ первую поѣздку, съ камнемъ, упоминаемымъ въ концѣ разказа о второй поѣздкѣ. Такое сближеніе ясно, хотя и неодинаково, выражается въ пересказахъ былины. По нѣкоторымъ вариантамъ кость и камень лежатъ на одной и той же горѣ Сорочинской:

И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною,
И будетъ онъ въ полѣ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость....
.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя и т. д.
(*Кирша*, стр. 176—177; ср. *Гильбердингъ*, ст. 218—219).

¹⁾ Въ дополненіе къ приведеннымъ выше примѣрамъ можно еще отмѣтить, что говорящій черепъ встрѣчается и въ иныхъ литературныхъ сочетаніяхъ. Въ легендѣ о св. Макаріи черепъ открываетъ отшельнику тайны загробнаго міра (разборъ этой легенды см. въ сочиненіи *Θ. Д. Витюшкова*: Прѣііе души съ тѣломъ, стр. 14—15, 24, 281); въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда черепъ говоритъ царю объ ожидающемъ его бѣдствіи (*Вессловскій*, Южно-русскія былины, стр. 296; *Мазманъ*, *Kaiserchronik*, III, 870). Примонимъ еще мертвую голову въ сказкѣ объ Ерусалѣ. „Приѣхалъ Уруслапъ, сталъ надъ головою, а говоритъ: Голова да была добраго человѣка. И голова промолвить: Брате де Уруслапъ Загазоровичъ! *Твоей голову такожъ лежатъ*“ и т. д. (Лѣтоп. русской литературы и древн., II, отд. II, стр. 114—115; ср. *Ровинскій*, Русск. народныя картинки, кн. I, стр. 62—63).

Въ пересказѣ *Рыбникова*, I, 60 (стр. 361—362), камень лежитъ на Оаворъ-горѣ, а черепъ—на пути къ этой горѣ. По другимъ вариантамъ тамъ, гдѣ лежалъ черепъ, появляется позже камень:

И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ-горы,
И говорятъ Василій сынъ Буславъевичъ:
„Ай же ты, дружинуска хоробрая,
Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору!“
И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
И нашель Василій косточку сухояловую...

Позже Василій и его дружинники снова

Пріѣхали противъ матушки Сіонъ горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславъевичъ:
„Ай же ты, дружинуска хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы“.
Тутъ они не нашили косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 239—240; ср. *Гильбердинъ*, ст. 726—727, 294—295).

Какъ объяснить это сближеніе черепа и камня? При разказѣ, упоминавшемъ объ Іерусалимѣ, о Христовой гробницѣ, въ сознаниі пѣвцовъ, передававшихъ былины, легко могли всплыть реминисценціи изъ палестинскихъ легендъ, изъ сказаній о великихъ событіяхъ, совершившихся въ Іерусалимѣ. Такая именно реминисценція и могла натолкнуть на смѣшеніе камня и головы. Разъ, во время охоты, говоритъ одно изъ апокрифныхъ сказаній, ловчій царя Соломона зашелъ въ какую-то пещеру, оказавшуюся на самомъ дѣлѣ громаднымъ черепомъ. То былъ черепъ Адама. „Видѣхъ,—говоритъ ловчій,—пещеру, и вънидохъ въ ней, конь мой вънеуду стояше, азъ же съ хрътомъ і лстрѣбомъ вънидохъ и выдехъ кость, а не камень пещера ть. Царь наутріе иде и очисти кость отъ коренія и отъ прѣсты и позна, яко то есть Адамова глава“¹⁾. *Черепъ и камень*, упоминаемые въ былинѣ, могли сблизиться въ воспоминаніи съ этимъ черепомъ Адама, походящимъ на камень.

В) Епитимійныя испытанія. изображаемыя въ легендахъ о покающемся разбойникѣ, разнообразны: грѣшникъ поливаетъ сухое дерево, ходитъ на четверенькахъ, ползаетъ съ путами на рукахъ и ногахъ, страдаетъ отъ жара горящаго костра или печи, живетъ и

¹⁾ *Тисонраповъ*, Отреч. книги, I, стр. 312.

ѣсть съ собаками, юродствуетъ... Нѣкоторыя изъ этихъ испытаній перенесены въ сагу о Робертѣ Дьяволѣ.

Наша былина объ ушкуйникѣ, задумавшемъ спасти душу, заканчивается картиной неудачнаго прыганья Василя чрезъ какой-то камень.

И уналъ черезъ бѣгъ горючъ камень
И расколотъ буйную головушку,
И остался лежать по вѣку.

(Рыбниковъ, III, 241).

Или:

Какъ тутъ-то вѣдь Василю сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьянными
За тую гору да за каменну,
Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
Впячь его вѣдь молодца головушкой;
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю;
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.

(Гильбердингъ 295).

Былина знаетъ предсмертныя страданія Василя, она рисуетъ его *юрскую* смерть, но пѣснѣ чужда, повидимому, мысль объ очищающемъ значеніи страданій, о той мукѣ перерожденія, которая придаетъ смыслъ уродливымъ образамъ покаянныхъ испытаній. Пѣсня оканчивается печально, обрывается на крикѣ боли, замирающемъ безъ отзыва...

Но еще безотрадиѣ заканчивается замѣчательная версія сказанія о Робертѣ Дьяволѣ, которой я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Свѣдѣнія объ этой версії переданы *Görres'*омъ въ его „Die teutschen Volksbücher“ (1807), гдѣ указано такое преданіе (Volkssage): „Робертъ Дьяволъ, герцогъ нормандскій, 768 г., могъ оборачиваться разными звѣрями; три года онъ каляся, но подь конецъ взялъ его чертъ, поднялъ на воздухъ и бросилъ, чтобы онъ *разбился*“¹⁾. „Къ сожалѣнію, — замѣчаетъ Брейль, — Гёрресъ не присоединилъ никакого замѣчанія о томъ, гдѣ онъ нашелъ сагу, локализовавшуюся въ такомъ видѣ; я при своихъ разысканіяхъ нигдѣ не натолкнулся на подобную версію“. Только у Bergh'a въ его книгѣ: *De nederlandsche Volksromans* Брейль нашелъ намекъ на какое-то сказаніе, въ которомъ шла рѣчь о томъ, какъ Робертъ, отдавъ свою душу дьяволу, получилъ за это знаніе тайнъ чародѣянія²⁾. Борин-

¹⁾ Die teutschen Volksbücher, S. 216.

²⁾ *Breul*, op. cit., 106.

скій въ рецензіи на сочиненіе Брейля называетъ разказъ Гёрреса позднѣйшей протестантской редакціей преданія о Робертѣ: Diese Version aber steht.... unter dem Einflusse des protestantischen Geistes, der für die Verworfenen keine Busse kennt. Der ursprüngliche Robert aber ist ein Sohn des Zeitalters, in dem die Kirche keinen höheren Ehrgeiz kennt, als dem Teufel eine Seele zu entreissen ¹⁾. Въ позднѣйшей работѣ, въ послѣсловіи къ нѣмецкому разказу о французскомъ королѣ. Боринскій высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно сообщенія Гёрреса: Unter den deutschen Bearbeitern in neuerer Zeit ist Görres der einzige, der mit seiner ganz individuellen Fassung in seinen teutschen Volksbüchern (die freilich ebensowohl blosse Phantasie sein kann) auf eine originale deutsche Version weisen könnte ²⁾.

Разказъ Гёрреса представляется такимъ образомъ какой-то загадкой. Стоитъ ли останавливаться на этой загадкѣ? Можно ли признать разказъ, переданный въ teutschen Volksbücher особою версіей саги о Робертѣ? Есть ли какія нибудь литературныя данныя, объясняющія намеки Гёрреса? Передъ этими вопросами, передъ этой загадкой, заданной старымъ собирателемъ народныхъ преданій, мы не остаемся совершенно безпомощными. Любопытную аналогію съ разказомъ Гёрреса представляютъ нѣкоторыя подробности одного изъ памятниковъ старо-нѣмецкой литературы — поэмы о Вольфдитрихѣ (Wolfdietrich A и его сокращеніе) ³⁾. Въ эту многосоставную поэму, на ряду съ другими эпическими данными, несомнѣнно вошло сказаніе, родственное съ преданіями о Робертѣ Дьяволѣ ⁴⁾.

О Вольфдитрихѣ разказывается, что нѣкоторые считали его сыномъ дьявола. Основаніемъ для такой догадки послужила необыкновенная сила и жестокость, обнаруженная Вольфдитрихомъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Разъ, когда ему было всего три года, онъ сидѣлъ

¹⁾ *Zeitschrift f. Völkerpsychologie*, XIX (1889), 82.

²⁾ *Germania*, XXXVII (1892), 57, Anm.

³⁾ Анализъ поэмы о Вольфдитрихѣ и пересмотръ мнѣній объ ея составѣ см. въ книгѣ А. И. Курничникова: Поэмы ломбардскаго цикла, стр. 30—87, 124—146. Приводимые ниже отрывки цитуются по изданію Амелунга и Еппке: *Deutsches Heldenbuch*, 3-ter Theil. Ortnit und die Wolfdietriche herausg. v. *Arth. Amelung und Osk. Jänicke* (1871).

⁴⁾ Замѣчательно, что сказаніе вошло именно въ редакцію А, въ составѣ которой обнаруживается вообще „вліяніе литературы легендъ“ (Курничниковъ, *op. cit.*, 140).

за столонъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ, подбѣжала собака и хотѣла вырвать у него хлѣбъ; ребенокъ схватилъ животное и расшибъ его объ стѣну. Послѣ этого нѣкоторые стали говорить Гугдитриху, отцу маленькаго силача: „Король, прикажите его убить, онъ сынъ злого чорта, повѣрьте, онъ отъ чорта. Откуда бы иначе онъ взялъ эту силу? Если оставить расти этого чорта, будетъ тебѣ много горя; придетъ онъ въ свои года, пострадаютъ отъ него и люди и страна“.

Hêr kûnes, nu heizt in toeten,	er ist des ùbeln tiuvels kint.
Ir sult daz gelouben,	erst von dem tiuvel komen.
Wâ solte er dise sterke	anders han genommen?
Laest du den tiuvel wahson	dir wirt dâ von sorge bekant:
Kumt er ze sinen jâren	er verderbet liute und lant.

(стр. 40—41).

Графъ Сабене изъ ненависти къ матери Вольфдитриха развиваетъ эту догадку о чортѣ въ цѣлый разказъ. Онъ говоритъ, что королева поносъ понесла послѣ того, какъ произнесла разъ ночью имя дьявола:

Dô sprach er zuo dem kûnege:	herre ich sage dir daz,
Swaz ich eins nahtes hôrte,	do ich bi der frouwen saz:
Si sprach: „und wolte den tiuvel	immer bi mir sin!“
Von den selben sachen	ist komen daz kindelin (стр. 45) ¹⁾ .

Король допрашиваетъ жену: „откуда у тебя ребенокъ, ты зачала его отъ чорта?“—Нѣтъ,—отвѣчала королева. Но Гугдитрихъ не вѣрить, онъ отказывается признать ребенка своимъ сыномъ и наследникомъ:

der kûnes sprach zuo der frouwen:	„wâ naem daz kindelin,
du ennaemest von dem tiuvel?“	„nein“, sprach diu kûnigin.
Dô sprach der kûnes in zorne:	„ez sol niht lenger leben;
Ich wil im ouch mfns erbes	nimmer halbe stat gegeben,
Im wirt ouch von mir nimmer	beidiu bure unt lant:
swaz ich im erbes gaebe,	daz waer ùbele gewant (стр. 62).

„Какъ ему оставить королевство? Ни тѣломъ, ни душой онъ не похожъ на королевское дитя,—прибавляетъ Гугдитрихъ,—онъ будетъ убивать въ лѣсу людей, чтобы овладѣть ихъ добромъ“.

Wer liez im sin kûnicriche?	er mac niht kûneges kneht
gestu mit sinem libe:	er hât niht kûneges muot;
er sol in dem walde liute	morden umbe ir guot (стр. 65).

Ребенку, отвергнутому отцемъ, грозитъ гибель; но тотъ, кому

¹⁾ Въ сокращенной редакцимъ Вольфдитриха А Сабене говоритъ, что ребенокъ принесенъ чортомъ.

поручено убить дитя, сохраняетъ ему жизнь, оставляетъ у себя и воспитываетъ, какъ сына. Годы дѣтства и юности Вольфдитриха, когда онъ жилъ у Берхтунга (такъ звали его воспитателя), напоминаютъ молодость Роберта и нашего Васьки Буслаева: „кого за руку возьметъ, рука прочь, кого за ногу—нога прочь“. Берхтунгъ видѣлъ

daz er in der bürge	niemen niht vertrauo,
daz er sô manegen starken	roufete unde sluoc.
Ouch wart er in der bürge	sô frevel und mûelich,
daz si alle wâfen schriuwen	über den Wolf Dietrich (стр. 252—253).

Берхтунгу не легко было обуздывать буйство Вольфдитриха: онъ и съ воспитателемъ готовъ былъ вступить въ борьбу. Когда умеръ Гугдитрихъ, старый Берхтунгъ намекнулъ своему воспитаннику объ его матери. Вольфдитрихъ, также какъ и Робертъ, бросается къ матери съ обнаженнымъ мечемъ и требуетъ, чтобы она открыла ему тайну его рожденія. Королева была въ церкви:

er truoc vil zornicliche	daz swert in siner hant:
hin gie er in das mûnster,	dâ er sin muoter vant,
Er sprach: „nu saget mir, frouwe,	und heizt ir ein kûnigin,
wizzt ir ob ir erkennet	den lieben vater min? (стр. 298—299).

Спустя много лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда подвиговъ и приключеній, Вольфдитрихъ возвращается на родину, въ Константинополь, и спѣшитъ посѣтить могилу своего воспитателя.

Мертвый провѣщился:

Got peid sie do erhorte:	die tot zung zu ym sprach и т. д. ¹⁾ .
	(Стр. 110 сокращ.).

Подъ конецъ жизни Вольфдитрихъ идетъ въ монастырь и выдерживаетъ здѣсь страшное испытаніе: черти схватываютъ его, хотятъ унести его въ адъ, но по Божьей волѣ принуждены оставить свою жертву. Поднятый и потомъ брошенный демонами, Вольфдитрихъ падаетъ на землю:

Da bleib er in dem kloster	der helt Wolfditereich
und puszt darinn sein sunde	di er beging sein tag:
dar umb het er grosz rewe	und jamerliche klag.

¹⁾ Въ редакціи В мертвый сообщаетъ Вольфдитриху вѣсти изъ загробнаго міра. Нельзя при этомъ не припомнить остроумной догадки г. Потанина, что „Пуста голова—это, можетъ быть, голова самого пилигрима“, убитаго Васильемъ (*Этнограф. Обзоріе*, 1891, № 2, стр. 77, въ статьѣ: „Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ“).

Er peiht di sund dem abte.	man legt in auf ein par,
er puszt in einer nachte	sein sund auch alle gar.
Man gab im gotes segen,	befal in got zu stunt:
manch teufel wolt in furen	mit in in helle grunt.
Si furten in von dannen	und prachten in da wider,
als bald in got gepote,	liessen in fallen nider. (Стр. 161 сокращ.).

Выдержавъ испытаніе, герой умираетъ. О покаяніи его есть разказъ и въ такъ называемомъ Вольфдитрихѣ D: кающійся проводитъ ночь въ церкви; души имъ убитыхъ являются и вступаютъ съ нимъ въ борьбу; утромъ нашли Вольфдитриха еле живаго; волосы его побѣлѣли въ странную ночь. Послѣ такого испытанія онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ ¹⁾.

Картина испытанія, нарисованная въ Вольфдитрихѣ А, не представляется неожиданностью. Припомнимъ заключеніе легенды о чело-вѣкѣ, обреченномъ демону: „Когда пустынный служилъ обѣдню, пришелъ дьяволъ, схватилъ мальчика и понесъ его въ адъ; но благословенная Дѣва Марія взяла его и возвратила на прежнее мѣсто“. Эта подробность удержана и въ стихотвореніи: *De vorlogene sone* (ст. 741—766). Но герои легенды и стихотворенія—только жертвы, а не дѣти дьявола; въ ихъ природѣ нѣтъ ничего демоического. Дьяволъ пытается овладѣть невинными людьми, но высшая сила спасаетъ ихъ. Въ легендѣ, примкнувшей къ Вольфдитриху, адскій

¹⁾ Передъ изображеніемъ испытанія Вольфдитриха редакція D помѣщаетъ разказъ о нападеніи на монастырь, гдѣ поселился Вольфдитрихъ, язическаго короля Тарсиаса. Вольфдитрихъ отражаетъ это нападеніе подобно тому, какъ кающійся Робертъ отбиваетъ варваровъ, напавшихъ на городъ, гдѣ онъ отбывалъ свое покаяніе. Покаяніе Вольфдитриха сообразно съ общимъ планомъ поэмы, отнесено къ концу его жизни, къ годамъ его старости. Нашъ Василій Буслаевичъ, отправляясь въ Іерусалимъ, заявляетъ, что „съ молоду бито много, граблено, *подъ старость* надо душа спасти“. Это выраженіе, встрѣчающееся въ пересказѣ Кирши, дасть, быть можетъ, поводъ къ догадкѣ, что первоначальный планъ нашей былинны былъ близокъ къ тому виду легенды о покаявшемся удалцѣ, который извѣстенъ по поэмѣ о Вольфдитрихѣ. Выше и имѣлъ случай замѣтить, что приведенное выраженіе пересказа Кирши не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи времени покаяннаго путешествія Василья. Во всѣхъ извѣстныхъ теперь пересказахъ, говорящихъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ (не исключая и пересказа Кирши), Василій представляется молодымъ чело-вѣкомъ: упоминается его мать, которая даетъ сыну не только благословеніе, но и напутственныя наставленія. Что касается древней редакціи былинны, то и въ ней покаяніе Василья не могло быть отнесено къ послѣднимъ годамъ его жизни: извѣстная лѣтописная замѣтка сообщаетъ, что Василій умеръ новгородскимъ посадникомъ.

полетъ получаетъ значеніе испытанія: каявшійся пострадалъ отъ демоновъ, они схватываютъ и бросаютъ его.

Соединяя легенду о человѣкѣ, освободившемся отъ власти дьявола, съ картиной покаянныхъ испытаній, заканчивающей, обыкновенно, повѣствованія о покаявшемся удалцѣ, поэма о Вольфдитрихѣ повторяетъ, очевидно, то же сводное сказаніе, которое отразилось и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Остовъ этого сказанія, порядокъ его основныхъ подробностей сохранился въ поэмѣ съ полной ясностью. Зачатіе Вольфдитриха отъ демона представляется невѣрпой догадкой и злой клеветой; не смотря на это, удержаны и картина юношескаго буйства, и грозное обращеніе къ матери съ вопросомъ объ отцѣ, и покаянное испытаніе—рядъ подробностей, повторяющихся и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Древнѣйшіе пересказы послѣдней саги, принадлежащіе французской литературѣ, восходятъ къ XIII вѣку; поэма о Вольфдитрихѣ, составленіе которой относятся къ тому же XIII вѣку, даетъ основаніе утверждать, что сказаніе сходнаго состава съ давней поры извѣстно было и въ нѣмецкой литературѣ. Сказаніе, насъ занимающее, построено, какъ мы видѣли, на соединеніи легендъ о человѣкѣ, обреченномъ демону, и о покаявшемся разбойникѣ. Пересказы съ именемъ Роберта примыкаютъ въ картинѣ испытаній ко *второй* легендѣ; пересказъ, вошедшій въ поэму о Вольфдитрихѣ, повторяетъ въ той же картинѣ испытаній заключительную часть *первой* легенды.

Преданіе, записанное Гёрресомъ, заканчивается такой же картиной, какъ и поэма о Вольфдитрихѣ: Робертъ, какъ и Вольфдитрихъ, поднятъ демонами на высоту и затѣмъ брошенъ на землю. Преданіе это и разказъ о Вольфдитрихѣ представляютъ, очевидно, два варианта одного и того же извода основной саги. Особенности Гёррессова варианта представляются: а) изображеніе Роберта, какъ чародѣя, и б) предположеніе несчастнаго исхода демонскаго полета: о прощеніи Роберта, о его примиреніи съ небомъ нѣтъ упоминанія. На первой особенности остановимся позже (въ главѣ VII). Что же касается несчастнаго исхода Робертова паденія, то сравненіе съ поэмой о Вольфдитрихѣ даетъ право признать такой исходъ позднѣйшимъ измѣненіемъ саги. Подобное измѣненіе находимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ преданіяхъ о Робертѣ, изображающихъ загробныя страданія нормандскаго удалца. По одному изъ такихъ преданій около развалинъ замка нормандскихъ герцоговъ появляется иногда Робертъ въ образѣ волка, жалобный вой котораго на-

поминаеть человѣческой голось¹⁾. Преданіемъ забыто покаяніе Роберта, какъ забыто оно и сказаніемъ, переданнымъ Гёрресомъ. Подъ вліяніемъ печальнаго конца измѣняется, очевидно, и смыслъ саги о Робертѣ: легенда о силѣ покаянія превращается въ повѣсть объ отомщеніи, ожидающемъ зло. Какъ ни существенно такое измѣненіе, оно легко могло явиться подъ воздѣйствіемъ литературной аналогіи. Есть преданія, сходныя въ основныхъ чертахъ съ сказаніемъ о Робертѣ, но завершающіяся такимъ именно исходомъ, какъ и разказъ Гёрреса. Таковы именно преданія „о поганомъ зломъ Дедрикѣ“ изъ

¹⁾ Мѣстные нормандскіе разказы о Робертѣ Дьяволѣ записаны были не разъ. Привожу одинъ изъ пересказовъ: „Sur la rive gauche de la Seine,—разказываютъ Taylor и Charles Nodier (Voyage pittoresque de l'ancienne France),—non loin de Moulineaux, on aperçoit des ruines colossales, que l'on prétend être des restes du château ou de la forteresse de Robert le Diable. Des souvenirs vagues, une ballade, des récits de bergers, voilà toutes les chroniques de ces débris imposants. Toutefois le bruit des déportements de Robert le Diable retint encore dans la contrée qu'il habita. Son nom même éveille toujours ce sentiment de crainte qui ne résulte ordinairement que d'impressions récentes. Aux environs du château de Robert le Diable tout le monde connaît ses exploits désordonnés, ses violentes victoires et les rigueurs de sa pénitence. Les cris de ses victimes résonnent encore dans les souterrains et viennent l'épouvanter lui-même dans ses promenades nocturnes, car Robert est condamné à visiter les ruines et les tombes de son château. Vers la fin de l'automne, au souffle des brises qui murmurent dans les feuilles desséchées, aux cris des arbres morts qui se rompent, un loup parait sur le coteau, dans un sentier qui n'est pratiqué que par lui; il s'avance lentement, s'arrête, regarde l'antique forteresse et remplit l'air d'affreux hurlements. Ce loup, c'est Robert, qui se souvient de sa gloire et de ses conquêtes. Il se montre sans peur. Jamais pourtant les chasseurs ne l'ont surpris, malgré toutes leurs embûches. Il doit subir sa longue pénitence. On le reconnaît à son poil blanchi par l'âge, à l'attention douloureuse avec laquelle il regarde ses anciens domaines, à sa voix plaintive qui ressemble à une voix d'homme. Quelquefois, s'il faut en croire les plus anciens de la contrée, on a vu Robert, encore vêtu de la tunique flottante d'un ermite, comme le jour où il fut enseveli, parcourir les environs de son château et visiter, les pieds nus, la tête échevelée, le petit coin de la plaine, où devait être placé le cimetière. Quelquefois un pâtre, égaré dans le taillis voisin à la recherche de ses troupeaux dispersés par un orage du soir, a été frappé de l'aspect redoutable du fantôme, qui errait, à la lueur des éclairs, au milieu de ses fosses. Il l'a entendu, dans les intervalles de la tempête, implorer la pitié de leurs muets habitants; et le lendemain il s'est détourné de ce lieu avec horreur, parce que la terre, nouvellement remuée, s'y est ouverte de toutes parts, pour effrayer les regards de l'assassin par d'épouvantables débris“ (Légendes de l'autre monde... par T. Collin de Plancy, p. 118—119). Въ преданіи Робертъ принимаетъ видъ волка; о такихъ волкахъ-оборотняхъ (волкодлакъ, Verwolf, loup-garou) извѣстна много сказаній (см. Grimm, D. Mythol., IIe, 915—

града Берна (припомнимъ, что съ Дитрихомъ Бернскимъ сближаютъ и Вольфдитриха). Въ Тидрексагѣ разсказывается, между прочимъ, о поединкѣ Дитриха и Гёгни (Högni). Разгнѣванный герой называетъ своего противника сыномъ эльфа, а тотъ въ отвѣтъ обзываетъ Дитриха *сыномъ чорта* ¹⁾. Это прозвище не объясняется изъ самой саги: въ ней нѣтъ разказа о вліяніи демона на рожденіе Дитриха. Но разказъ такого содержанія былъ извѣстенъ. Мы находимъ его въ прибавленіи къ книгѣ о богатыряхъ (Heldenbuch). Когда мать Дитриха, говорится въ этой книгѣ, была имъ беременна, явился ей во снѣ злой духъ Махметъ въ образѣ отсутствовавшего мужа. Женщина проснулась, протянула руки къ мнимому мужу и тотчасъ же убѣдилась, что передъ нею духъ (do greiff sù vf ein holen geist). Этотъ духъ, называемый прямо чортомъ (duvel), предсказываетъ матери Дитриха, что ребенокъ, который у нея родится, прославится необычайной храбростью, но отъ сна, видѣннаго матерью, у него при гнѣвѣ будетъ показываться изо рта огонь (wurtt im das fir vssz dem mund schiessen, so er zornig wurtt) ²⁾. Прозваніе Дитриха чортовымъ дѣтищемъ предполагаетъ если не это именно, то подобное преданіе о рожденіи героя. Кончина Дитриха представляется такой же загадочной, какъ и его рожденіе. По Тидрексагѣ онъ умчался неизвестно куда на чудесно явившемся ворономъ копь. Дитрихъ догадывается, что его уносить не конь, а чортъ ³⁾. Предполагаютъ, что на это именно преданіе объ исчезновеніи Дитриха намекаетъ Оттонъ Фрейзингенскій (XII вѣка) въ извѣстіи о смерти Оеодориха Вели-

918, III, 316; *Авантисезъ*, Поэтич. возар. славянъ на природу, I, 786, III, 526--532, 548—551). Въ патристической и средневѣковой литературѣ волкъ служитъ обыкновенно символомъ дьявола (*Grimm, D. Myth.*, II⁴, 832). По мнѣнію *В. Гримма*, этотъ символическій образъ, сливавшійся съ воспоминаніями о мнѣскомъ значеніи волка, можетъ помочь объясненію преданій о Вольфдитрихѣ. Es lag in dem Geist des Alterthums Menschen deren Eigenschaften das gewöhnliche Mass überschritt, einen dämonischen Ursprung beizulegen... Die Wölfinde sind ein Helligeschlecht, dessen Ahnherr wahrscheinlich ein dämonischer Wolf war... Weitere Aufschlüsse gestattet das Gedicht von Wolfdieterich. Въ подтвержденіе Гриммъ указываетъ, между прочимъ, на нѣкоторыя черты въ характерѣ Вольфдитриха, намекающія на его демоническую природу. (*W. Grimm, Die mythische Bedeutung des Wolfs* въ *Haupt's Zeitschrift für d. Alterth.*, XII, 203—228).

¹⁾ Die deutsche Heldensage und ihre Heimat von *Aug. Rasmann*, II-ter B., S. 94. Подобный же намекъ встрѣчается въ другомъ отдѣлѣ саги. Монахи, которымъ угрожаетъ другъ Дитриха Геймиръ, обзываютъ Дитриха чортомъ (ib. 680).

²⁾ Ibid., 358.

³⁾ Ibid., 684—685.

каго: Ob ea non multis post diebus. XXX imperii sui anno, subitanea morte rapitur ac juxta beati Gregorii dialogum a Ioanne et Symmacho in Aetnam praecipitatus, a quodam homine cernitur. Hinc puto fabulam illam traductam, qua vulgo dicitur: *Theodoricus vivus equo sedens ad inferos descendit*. У Григорія Двоеслова, на котораго ссылается Оттонъ, дѣйствительно есть разказъ о низверженіи нечестиваго Теодориха in Vulcani ollam (Dial., VI, 30). Это низверженіе было наказаніемъ за смерть папы Іоанна и патриція Симмаха, убитыхъ по приказу Теодориха ¹⁾. Связь смерти Теодориха съ казнью невинныхъ людей указывается также въ разказѣ Прокопія Кесарійскаго, передающаго, впрочемъ, другія подробности. По волѣ Теодориха казнены были Симмахъ и Боецій, люди знатные и уважаемые. Вскорѣ послѣ этихъ казней случилось слѣдующее: разъ за ужиномъ Теодориху подана была голова какой-то большой рыбы; ему показалось, что это *юлова недавно казненной Симмаха*. Въ ужасѣ онъ уходитъ изъ-за стола и удаляется въ спальню. Видѣніе сразило Теодориха: онъ захворалъ и скорѣ умеръ ²⁾.

Возвращаемся къ испытаніямъ, которымъ подвергаются Вольфдитрихъ и Робертъ Гёррессова разказа: демоны поднимаютъ ихъ и потомъ *бросаютъ на землю*. Картина такого испытанія удерживаетъ насъ въ предѣлахъ все той же легендарной литературы, въ памятникахъ которой отыскались и другія подробности изучаемаго сказанія. Вотъ для примѣра нѣсколько разказовъ объ искушеніяхъ, напоминающихъ полетъ и паденіе Вольфдитриха и Роберта. Въ Великомъ Зерцалѣ есть разказъ о трактирщикѣ, который „всѣхъ тако злыхъ, якоже и добрыхъ, в домъ свой примоваше и попускаше играти и плещуще скакати, блядословити, и упиватися, и всякое беззаконіе плодити. Единою же въ день недѣльный, егда вино несе гостемъ ис пивницы... и се вихрь зѣльный восхити его и по воздуху несе предъ всѣми видящими людьми. Егда же его тако *дьяволи вознесоша*, возопи сокрушеннымъ сердцемъ: „о Боже, что будеть с душею моею!“, и тако дьяволи отступиша во единомъ поли, глаголюще: аще бы сего не сотворилъ еси, то съ душею и тѣломъ во адъ убо бы ты погрузили. И тако обретешя в поли и при-

¹⁾ Ibid., 685—686.

²⁾ Δεικνύοντι δὲ οἱ ολίγαις ἡμέραις ὕστερον (послѣ убійства Симмаха) ἰχθύος κεφαλὴν καφαλὴν οἱ θεράποντες παρατίθεισαν, αὐτῇ Θεοδέρικῳ ἔδοξε κεφαλὴ Συμμάχου νεοσφαγῆος εἶναι (De bello Goth., I, 1). Сюды преданій о Теодорихѣ см. въ указанной книгѣ *Рассмана* (I. с., 685—689), а также у *Массмана* (Kaiserchronik, III, 243—244) и *Уланда* (Schriften, I, 203—205).

несенъ бысть в домъ, и, елико можаше, исправи животь свой, вино-продавство остави и никому же по семъ попусти в дому своемъ играти, блядословити, скакати или что иное зло творити“¹⁾). Подниманіе на высоту имѣеть въ этомъ разказѣ значеніе казни, которая не могла вполнѣ осуществиться только потому, что грѣшникъ раскался и обратился съ молитвой къ Богу. Иной смыслъ имѣли подобныя же дѣйствія духа тьмы, когда они были направлены противъ людей, спасавшихъ свою душу. Одному изъ такихъ подвижниковъ явился разъ демонъ въ образѣ соблазнительной женщины. Предложеніе искушительницы не имѣло, однако, успѣха. *Quae cum verbis non proficeret inter brachia sua virum tollens et multum comprimens in aera levavit atque ultra monasterium Sancti Patrocli, quod satis altum est, illum transferens in pasculo deposuit.* Брошенный демономъ былъ еле живъ и не скоро пришелъ въ себя²⁾). Старцу Ору явился разъ дьяволъ въ образѣ свѣтлаго духа и сказалъ: „исправилъ еси вся, о человѣче, прочее поклони ми ся и яко *Илію вознесу тѣ*“.—„Господь не будетъ требовать отъ меня поклоненія, потому что я всегда поклоняюсь ему“, отвѣчалъ Оръ. Дьяволъ исчезъ³⁾). Подобное же искушеніе испыталъ и другой благочестивый монахъ. Предсталъ предъ нимъ духъ тьмы въ образѣ ангела и сказалъ: „Вѣждь, отче, яко непорочнаго ради твоего жительствова и равноаттельнаго житія *пріити имуть къ тебѣ и друзіи ангели, яко да тако съ тѣломъ вознесутъ тѣ на небеса*“.⁴⁾ Монахъ передалъ объ этомъ видѣніи игумену. Тотъ объяснилъ неопытному подвижнику хитрости демоновъ. „И тѣнъ взявше мантию прелщеннаго безвѣсти быша, и зряшеся мантия восходящи на высоту воздуха, дондеже скрыся, и по часѣ доволгѣ се мантия сходящи паде на землю“⁴⁾).

Къ этимъ разказамъ объ искушеніяхъ близки и по замыслу и по составу легенды, въ которыхъ демонскія козни развиваются также въ картину полета и паденія, но безъ демонскаго вознесенія. Образцемъ для такихъ легендъ послужилъ евангельскій разказъ объ искушеніи Іисуса. „Потомъ беретъ Его дьяволъ въ святой городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма. И говоритъ Ему: если Ты сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: *Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о*

¹⁾ Рукопись Публичной Библиотеки, Погодинск. древлехран., № 1382, л. 586 об.—587.

²⁾ III, 11, p. 123—124 (по изд. Strange).

³⁾ Пандекты Никона Черногорца, л. 323 (по Почаевскому изданію 1795 г.).

⁴⁾ Ibid., л. 319—320.

Тебѣ и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Псал. ХС, 11—12). Исусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего“ (Ев. Мате., IV, 5—7; Лук., IV, 9—10). Въ легендахъ евангельскій разказъ отражается съ измѣненными чертами. Неосторожные люди, не понявъ козней дьявола, бросаются съ высоты и разбиваются. Такъ нѣкій монахъ былъ прельщенъ бѣсомъ и поклонился ангелу сатанину, принявъ его за вѣстника Божія. Демонъ повелѣлъ прельщенному броситься въ глубокой ровъ, увѣряя, „яко никакоже бѣду прочее постраждетъ за сущую ему добродѣтель велику и яже по Бозѣ труды. Той же не разсудивъ помысломъ совѣщающа ему сіа, но помрачився мыслию верже себе посредѣ ноци въ ровникъ и по мнозѣ же увидѣвше братіа случшеся со мнозѣмъ трудомъ едва возмогоша исполу мертва исторгнути его. По исторгнутіи же его поживъ два дни въ третій умереть“¹⁾. У Цезарія Гейстербашскаго находимъ разказъ: *De homine qui... spe diaboli de turri saltans diruptus est*²⁾.

Подниманіе на высоту получаетъ въ легендахъ значеніе или демонскаго искушенія, или испытанія, связаннаго съ покаяніемъ грѣшника. Подобное же двойственное значеніе имѣетъ картина „преткновенія о камень“. Приведенныя выше легенды, упоминающія о паденіи и преткновеніи, развиваютъ тему искушенія, удерживая при этомъ основныя черты евангельскаго образца. Въ иномъ видѣ и съ иной мыслью представляется преткновеніе въ небольшомъ легендарномъ повѣствованіи, извѣстномъ мнѣ по одному изъ рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки³⁾. Вотъ текстъ этого повѣствованія, имѣющаго заглавіе: „О прѣнни аггломъ о дѣи з бесы“. „Нѣкто иногда покаявся иде безмолвствовати. *Случи же ся ему абие на камень пасти и узвѣтитися ногою*, и яко же много крови источившу и малодушествовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его; и рѣша имъ аггли: *возрите на камень и видите кровь его, иже излия Гѣ ради; і рекшимъ аггломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ*“. Разказъ—сжатый, довольствующійся только намеками, но несомнѣнно настроенный на соединеніи картины преткновенія съ мыслью о покаянномъ подвигѣ: „нѣкто *покаявся* иде безмолвствовати“. Паденіе на камень понято въ разказѣ какъ испытаніе, какъ очистительное стра-

¹⁾ Ibid., т. 322.

²⁾ V, 35, р. 318—319.

³⁾ Рукоп. Публичной Библіотеки Q. I, № 1009 (изъ собр. Богданова), т. 489.

даніе: „видите кровь его, юже *излия Господа ради*“. Послѣ испытанія ангелы защищаютъ умирающаго отъ бѣсовъ, которые, повидимому, считали его душу своей добычей: „придоша же бѣсове взяти душу его“. Сходная легенда извѣстна и въ латинскомъ пересказѣ: *De latrone poenitente. Fuit quidam latro, qui cum filio suo latens per nemora furta et homicidia multo tempore perpetraverat. Quodam autem die cum jaceret in gremio filii sui dixit ei filius cachinnando: „Pater, jam canus es et senex, amodo te deberes corrigere“. Quo audito compunctus, surgens de gremio filii, cum de confessione anxius cogitari coepit, vidit conventum monachorum alborum funus quoddam processionabiliter ferentem per illud nemus transeuntem. Et occurrens post illos cum magno clamore: „Expectate, inquit, peccatorem confiteri volentem et poenam agentem“. Quo cognito timentes, ne sub fraude vellet eos occidere, cum ingrado (?) concito fugerent, et ille eos velociter sequeretur; *offenso pede ad truncum cecidit et fracto sibi collo protinus expiravit. Cujus animum cum quidam sanctus monachus qui erat inter alios vidisset in coelum ab angelis deferri et animum usurarii, cujus corpus ferebant honorifice, torqueri a daemonibus, in infinitum stupescens narravit caeteris veritatem* ¹⁾). Краткіе намеки славянской легенды получаютъ при сопоставленіи съ этимъ латинскимъ разказомъ большую ясность и опредѣленность. Въмѣсто невѣдомаго „нѣкто“ называется прямо *latro, qui furta et homicidia perpetraverat*. Предъ нами рисуется знакомый образъ кающагося разбойника. Въ грѣшникѣ проснулася совѣсть. онъ спѣшитъ покаяться. но на пути „случися ему на камень (*var. на пень, ad truncum*) пасти и уязвится ногою“; паденіе вмѣняется пострадавшему въ енитимію. Узнаемъ такимъ образомъ, что легенда о покавшемся разбойникѣ, кромѣ повторенія знакомыхъ намъ картинъ покаянныхъ испытаній, могла еще развиваться по своеобразному плану: кающійся подвергается неожиданному страданію, наталкивается на камень преткновенія, падаетъ и получаетъ прощеніе грѣховъ.*

Мы подошли къ развязкѣ новгородской былины. Василій Буслаевъ кающійся удалецъ, сознавшій, что „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти“. Онъ отправился въ покаянно странствованіе и дорогой преткнулся о камень ногою своею... Былина повторяетъ легенду.

Повторяетъ, впрочемъ, не безъ измѣненій и добавокъ. Жителямъ

¹⁾ A selection of latin stories ed. *Thomas Wright* (1842), p. 94—95.

черноземныхъ равнинъ и песчаныхъ низменностей были недостаточно ясны, не представлялись съ наглядностью тѣ камни, на которые на- талкивались и падали обитатели горныхъ странъ и каменныхъ пу- стынь. Поэтому такой камень, особенно, когда онъ встрѣчался въ ле- гендѣ съ подробностями изъ области чудеснаго,—могъ представляться предметомъ необыкновеннаго значенія, невольно вызывающимъ ра- боту воображенія. Припоминался при этомъ, усиливая напряженность поэтической мысли, *библейскій камень преткновенія* (λίθος προσκρούμα- τος, lapis offensionis), этотъ великій и загадочный камень, изобра- жаемый метафорическимъ стилемъ священныхъ писателей на стра- ницахъ и ветхаго и новаго завѣта. „Аще будещи уповаея на него,— пишеть пророкъ Исаія,—будеть Тебѣ во освященіе, а не якоже о ка- менъ претиканія преткнешися, ниже яко о камень паденія“ (Ис., VIII, 14). Выраженія ветхозавѣтнаго пророка повторяются въ посланіяхъ апостоловъ Петра и Павла. „Сказано въ писаніи: вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоценный, и вѣрующій въ Него не постыдится. Итакъ онъ для васъ, вѣрующихъ, драго- цѣнность, а для невѣрующихъ камень, который сдѣлался главою угла, *камень претиканія* и камень соблазна. (I Посл. Петра, II, 6—7). *Се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія* и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ Него не будетъ постыжденъ“ (Посл. къ Римл., IX, 33). Народный эпосъ не знаетъ библейскаго символизма. Камень преткновенія могъ быть понятъ реально, какъ предметъ, находящійся на горѣ Сіонѣ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ новгородской былины камень, на который падаетъ Василій, помѣщается на этой именно Сіонь-горѣ:

Пріѣхали противъ матушки Сіонь горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонь-гору,
Посмотримъ косточки сухояловъ.“
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣль горючъ камень.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 240; ср. *Гильфердингъ*, ст. 727).

Вліяніе воображенія, встревоженнаго библейскими воспоминаніями, особенно ясно обнаруживается въ подробностяхъ, съ какими изобра- жается камень въ разныхъ пересказахъ былины. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ упоминается только „бѣль горючъ камень“ (*Рыбниковъ* I, стр. 360; II, стр. 208; III, 240; *Гильфердингъ*, стр. 727); въ другихъ вариантахъ камень опредѣляется, какъ „бѣль и великъ“ (*Рыбниковъ*, I,

стр. 362). или „превеличающей“ (*Гильфердингъ*, ст. 1242). Въ пѣснѣ Кирши Данилова точно указывается величина камня:

Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью.

(Ст. 177).

Въ пересказахъ *Гильфердинга*, №№ 44, 141, 259, размѣры камня увеличены съ большой смѣлостью:

И въ долину-то камень сорока сажень,
А въ ширину-то камень тридцати сажень.

(Ст. 219).

Въ долину камень сорокъ сажень,
Въ ширину камень двадцать сажень.

(Ст. 727).

Въ долину камень до сорока сажень,
Въ ширину камень до двадцати сажень,
Въ толщину камень до десяти сажень.

(Ст. 1187).

Натолкнуться незамѣтно на такую громаду нельзя. Преткновеніе ногою о камень въ нѣсколько сажень можетъ быть понято только, какъ рискованная попытка перескочить черезъ высокую преграду, какъ своего рода испытаніе силы:

Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
О жестокъ камень плечмы богатырскими.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 363).

Этотъ разказъ даетъ намъ своеобразно понятое, эпически разработанное и раскрашенное описаніе камня преткновенія, который называется и камнемъ паденія. На счетъ этой же эпической разработки нужно отнести и надпись на камнѣ. Камни съ подписью всеѣмъ извѣстны: они часто встрѣчаются въ сказкахъ, попадаютъ и въ былевыхъ пѣсняхъ. Въ былинѣ о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Вздилъ старъ доброй молодець
Съ младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ,
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлый.
Отъ камня пошло три дороженьки,
На камени подпись подписана...

(*Рыбниковъ*, III, стр. 40).

Или въ другой былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Отправлялся Илей къ стольному городу ко Кіеву,
Пришелъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
Илей, Илей, камень сопря съ мѣста неподвижнаго...

(Гильфердингъ, ст. 648).

Подпись, прочитанная Васильемъ Буслаевымъ, передается разнообразно.

А кто-де у камня станеть тѣшиться,
А и тѣшиться, забавляться,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будетъ буйну голову...

(Кириша, стр. 177).

Кто скочить черезъ этотъ бѣлъ горючъ камень,
Тотъ буде живъ,
А не скочить, не бывать живу...

(Рыбникова, I, 360).

Кто перескочить трожды черезъ бѣлъ камень,
Тотъ достигнетъ церкви соборній
И тому образу Преображенскому;
А кто не перескочить черезъ бѣлъ камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборній
И тому образу Преображенскому.

(Рыбникова, I, стр. 362).

А кто-то тутъ черезъ гору перескочить,
Перескочить черезъ гору три разу,
Того-то тутъ да видъ Господь простити;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочить.
Тотъ будетъ трою проклять на вѣку то былъ.

(Гильфердингъ, ст. 294).

Еще кто этотъ камень вѣдь перескочить,
Такъ вѣдь богато будетъ жить.

(Гильфердингъ, ст. 1242).

Такое обиліе и такая пестрота вариантовъ ясно указываютъ на то, что слова подписи не имѣли существеннаго значенія и тѣсной связи съ содержаніемъ былинны: подпись можетъ быть та или другая, ходъ эпическаго дѣйствія не мѣняется. Нужно еще прибавить, что какъ подпись, такъ и другія подробности, окружающія камень преткновенія, проходятъ не черезъ всѣ пересказы былинны. Такъ, въ пѣснѣ Рыбникова, II, № 33, все приключеніе съ камнемъ передано въ четырехъ строкахъ:

Пріѣзжаютъ они ко Оаворь-горѣ,
И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ,

И скочилъ онь черезъ камешекъ,
И о камень головушкою ударилъ.

(Стр. 208).

Изложенное въ такомъ видѣ паденіе Василья на камень почти совпадаетъ съ легендами о преткновеніи.

Латинскій пересказъ легенды о преткновеніи оканчивается смертью упавшаго: *fracto collo protinus exiitavit*. Въ пересказѣ, извѣстномъ по русской рукописи, нѣтъ упоминанія о смерти. Покаявшемуся грѣшнику во время пути „случися на камень пасти и уязвитися ногою, и якоже много крови источившу и малодушествовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его“. Выраженія легенды не даютъ основанія говорить, что упавшій на камень долженъ былъ умереть; онь только „малодушествова предати душу“, то-есть, упалъ духомъ, боялся, что тотчасъ же умереть, считалъ себя близкимъ къ смерти. Бѣсы готовы „взяти душу“ пострадавшаго. Ангелы защищаютъ его, но нѣтъ и слова о томъ, что они принимаютъ душу спасеннаго ими человѣка. „И рекшимъ ангеломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ“. Этими словами заканчивается наша легенда. Латинскій пересказъ прибавляетъ, что душа умершаго отнесена была ангелами на небо; это вознесеніе зрѣлъ какой-то святой монахъ. Нельзя допустить, чтобы наша легенда опустила такую или подобную картину блаженной кончины, еслибы она дѣйствительно имѣла въ виду изобразить *смерть* покаявшагося человѣка. Подробности нашей легенды иные. Демоны *придоша взяти* душу путника, но не взяша ее. Этого не допустили ангелы, но вѣдь и они не взяли души преткнувшагося о камень. Стало быть, онь остался живъ. Паденіе было только умиловительнымъ страданіемъ „Господа ради“. Есть подобная, хотя и обставленная иными подробностями легенда, гдѣ преткновеніе о камень имѣетъ подобное же значеніе богоугоднаго испытанія. Нѣкій отшельникъ отправился къ жившему недалеко старцу, чтобы подѣлиться съ нимъ запасомъ хлѣба. „Идущу же ему путемъ преткну нерсты ноги своея о камень; текущи же крови отъ ноги его, начатъ мнихъ плакати о болѣзни“. Является ангелъ и утѣшаетъ больного: „Не плачи прочее, но радуйся, ибо стоны, яже твориши ко старцу трудяся, отъ Господа изочтени и со многою мздою предъ лицемъ Божиимъ стоять, но обаче множае да извѣшу ти: се предъ тобою возьму отъ крови твоея и принося предъ Бога, яко миро благовонное“¹⁾. Винцентій Бовэ въ своемъ *Speculum historiale* передаетъ

¹⁾ Рукоп. Публичной Библиотеки, Q. I, № 1009, л. 331 об.—Срав. Древній Патерикъ, излож. по главамъ, стр. 336 (по 2 изд. 1892 г.).

разказъ, въ которомъ преткновеніе о камень соединено съ изображеніемъ очистительныхъ страданій. Нѣкій бѣднякъ шелъ босикомъ, наткнулся на камень и расшилъ себѣ ногу (*lapidis offensione pedem, quem nudum habebat, sibi lesit*). Раздраженный болью, онъ помянулъ нечистаго, сказавъ: камень этотъ положенъ тутъ во имя дьявола (*vi doloris substomachans dyabolum nominavit, dicens, lapidem illum in nomine dyaboli ibi fuisse positum*). Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ почувствовалъ, что силы его оставляютъ. Онъ не могъ двинуться съ мѣста. Несчастный пораженъ былъ затѣмъ страшной болѣзью, которую всѣ признавали за проказу (*ab omnibus elephantico morbo percussus diceretur*). Страдалецъ спасенъ былъ покаяніемъ и молитвой. При помощи Божіей, по заступничеству Пресвятой Дѣвы, онъ исцѣлился (*Dei auxilio et Ejus matris suffragio ad plenum curatus est*)¹⁾.

Въ извѣстныхъ теперь пересказахъ былина о Васильѣ Буслаевѣ оканчивается такъ-же, какъ латинская легенда *De latrone poenitente*. Есть однако основаніе предполагать, что первоначально преткновеніе о камень имѣло въ былинѣ иной исходъ и иное значеніе. Паденіе на камень не заканчивало былину, а соединялось съ дальнѣйшими подробностями, слагавшимися въ общую картину покаянныхъ испытаній. Нѣкоторое представленіе объ этой древней картинѣ можетъ дать ея замѣчательная копія, сохранившаяся въ финскомъ пересказѣ былинны объ Ильѣ Муромцѣ²⁾. Илья встрѣчается съ каликой и мѣняется съ нимъ платьемъ. Богатырь и калика подходятъ затѣмъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой находятъ человѣка, жившаго триста лѣтъ. „Снова они обмѣнялись платьемъ съ Ильей и освобождаютъ того человѣка. Вокругъ горы стала изгородь по колѣна вышиной. „Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной впередъ, то будете жить также долго, какъ и я,—говоритъ человѣкъ,—не то быть вамъ въ бѣдѣ“. Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крючьями и разбилъ голову о гору. Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взялъ на небо за то, что освободилъ человѣка“. Въ этомъ разказѣ мы находимъ своеобразную передачу того же самаго приключенія, съ которымъ знакомитъ насъ и былина о Васильѣ Буслаевѣ. Странное смѣшеніе былинны о новгородскомъ удалецѣ и о кievскомъ богатырѣ пред-

¹⁾ *Vincentii Bellovocensis Speculum historiale, l. VIII, cap. XCVIII.*

²⁾ Этотъ пересказъ приведенъ въ одной изъ „Замѣтокъ къ былинамъ“ *А. Н. Веселовскаго* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890, мартъ, 15*).

полагаетъ, очевидно, какое-то сходство, которое находили народные сказатели между приключеніями Василья и Ильи. Былинный Илья переодѣвается каликой; Василій Буслаевъ дѣлается каликой, странствуетъ къ святымъ мѣстамъ. Такое внѣшнее, случайное сходство не могло, конечно, вызвать перемѣщеніе эпическихъ картинъ. Сходство должно было касаться самаго содержанія этихъ картинъ, ихъ существенныхъ подробностей. Илья Муромецъ финской побывальщины смѣшивается съ пророкомъ Ильей, онъ даже прямо называется пророкомъ. Этимъ объясняется заключеніе побывальщины. Илья „живымъ взять на небо“. Но если эта картина вознесенія только прибавка, подсказанная именемъ Ильи, его смѣшеніемъ съ пророкомъ, то какъ объяснить, что къ картинѣ примкнулъ разказъ о прыжкѣ черезъ ограду.—разказъ, не имѣющій никакой связи съ воспоминаніями о библейскомъ праведникѣ? Могло ли образоваться такое сочетаніе, еслибы въ разказѣ о прыжкѣ не было какихъ нибудь подробностей, отвѣчающихъ картинѣ вознесенія? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможны колебанія. Необходимо поэтому допустить, что въ первоначальномъ сказаніи, которое приладилось въ финской побывальщинѣ къ имени Ильи, кромѣ перескакиванія черезъ преграду, упоминалось еще о подниманіи на высоту, о какомъ-то полетѣ. Это подниманіе и могло дать поводъ къ приуроченію разказа о прыжкѣ къ имени Ильи Муромца, смѣшиваемого съ Ильей пророкомъ. Далѣе: заключительная картина вознесенія, слѣдуя въ побывальщинѣ непосредственно за прыганьемъ черезъ ограду, представляетъ странное противорѣчіе съ словами трехсотлѣтняго старика: „если перепрыгнете черезъ ограду, будете жить также долго, какъ я“. Илья перепрыгнулъ, но слова старика не сбылись: вслѣдъ за прыжкомъ Илья живымъ взять на небо. Если старикъ говорилъ: „будете жить *также долго, какъ я*“, то онъ разумѣлъ, конечно, не вѣчную, небесную жизнь, а жизнь здѣшнюю, земную. Очевидно поэтому, что въ первоначальномъ сказаніи, которое отразилось въ финской побывальщинѣ, если и изображалось какое нибудь вознесеніе героя, то оно должно было заканчиваться не удаленіемъ его изъ среды людей, а возвращеніемъ въ условія земнаго человѣческаго существованія... Припомнимъ заключеніе Вольфдитриха и сходныя съ нимъ легенды. Въ сказаніи, отрывки котораго уцѣлѣли въ финской побывальщинѣ объ Ильѣ и въ нашихъ пѣсняхъ о Васильѣ Буслаевѣ, сливались, вѣроятно, въ одну картину подробности легендъ—о преткновеніи и демонскомъ полетѣ. Такое сляпаніе облегчалось родствомъ темъ и обра-

зовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу сказаній объ освобожденіи отъ демонской власти. Покаявшійся удалецъ отправляется въ благочестивое странствованіе. Дорогой „случися ему на камень пасти и уязвится ногою, и якоже много крови источившу и малодушествовавшему предати душу, придоша бѣсове“... Они схватили пострадавшаго, подняли его на воздухъ для адскаго полета, но высшая сила остановила нечистыхъ. Появляются ангелы. Адскій полетъ смѣняется движеніемъ небесныхъ силъ, взявшихъ грѣшнаго челоуѣка подъ свою защиту. Подобнымъ образомъ схваченъ и оставленъ былъ демонами Вольфдитрихъ, *De voglogne sope*, мальчикъ, обреченный демону...

Возстановленіе одного изъ эпизодовъ древней новгородской былины предлагается, конечно, только какъ догадка. Несомнѣнно лишь то, что разказъ финской побывальщины о прыжкѣ Ильи основанъ былъ на эпической картинѣ, изображавшей не гибель героя послѣ *salto mortale*, а испытаніе, заканчивавшееся обповленіемъ силъ. Это заключеніе идетъ на встрѣчу выводу, сдѣланному ранѣе на основаніи разсмотрѣнія инаго матеріала. „Того же лѣта (6679—1171) представися въ Новѣгородѣ посадникъ Васка Буславичъ“. Это лѣтописное извѣстіе, въ связи съ окончаніемъ нѣкоторыхъ сказокъ о новгородскомъ удалцѣ, даетъ право утверждать, что первоначальное сказаніе о Васильѣ Буслаевичѣ не могло заканчиваться такой печальной развязкой, какую помнятъ дошедшія до насъ пѣсни. Къ такому же выводу приводитъ и финская побывальщина, сохранившая разказъ о прыжкѣ въ своеобразной формѣ, необъяснимой изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ новгородской былины. Въ дополненіе считаю умѣстнымъ остановиться здѣсь на одномъ загадочномъ извѣстіи, касающемся Новгорода. Извѣстіе это записано въ памятникѣ XV вѣка, въ сочиненіи Элея Сильвія Пикколомини (бывшаго впоследствии папой подъ именемъ Пія II, ум. 1464 г.): *De Polonia, Lithuania et Prusia sive Borussia*. Въ одной изъ главъ этого труда собраны свѣдѣнія *De Ruthenis et quomodo principatus apud eos soleat assequi*. О Новгородѣ говорится здѣсь слѣдующее: *In hac gente civitatem permaximam esse tradunt Nogardiam appellatam, ad quam Teutonici mercatores magno labore perveniunt. Magnas ibi esse opes fama est et multum argenti, pellesque praetiosas vendentesque atque ementes ponderato argento, non signato utuntur. Lapis in melio fori quadratus est, quem qui ascendere potuerit neque deiectus fuerit principatum urbis assequitur. Pro ea re in armis dimicant saepeque una die plures conscendisse*

ferunt, unde saepe seditiones in populo emersere ¹⁾. Оказывается такимъ образомъ, что въ Новгородѣ среди площади находился квадратный камень. Камень этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе при перемѣнѣ правителя города: власть оставалась за тѣмъ, кому удавалось вспрыгнуть на камень и удержаться на немъ. Что касается самой власти (principatus), связанной съ удачнымъ прыжкомъ, то подъ ней разумѣется, конечно, посадничество. Историческая критика едва ли занесетъ это извѣстіе о камнѣ въ списокъ матеріаловъ для бытовой исторіи Новгорода. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ назывались степенными: „вѣроятно потому, — говоритъ историкъ Псковскаго княжества, — что при избраніи на вѣчѣ возводили и сажали ихъ на возвышенное мѣсто со степенями, съ коего они и судъ производили. Сіе можно заключить изъ двухъ случаевъ, упоминаемыхъ въ Псковской лѣтописи, въ коей подъ годомъ 1462 сказано, что псковичи, будучи недовольны своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на вѣчѣ сопхнули его со степени и выгнали, а подъ 1510 годомъ замѣчено, что присланный въ Псковъ отъ великаго князя московскаго дьякъ Третьякъ Далматовъ, на вѣчѣ объявивъ псковичамъ указъ великокняжескій, сѣлъ на степени“ ²⁾. Описывая новгородское вѣче, Костомаровъ замѣчаетъ: „Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили народу. Оно находилось у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась вѣчевая изба, то-есть, канцелярія вѣча“ ³⁾. Въ сообщеніи ученаго итальянца упоминается не эта вѣчевая эстрада, а какой-то квадратный камень, лежащій среди площади; рисуется картина состоя-

¹⁾ Polonicae historiae corpus, ex biblioth. Pistorii, t. I, p. 4. Извѣстіе, впервые записанное Пикколомини, повторяется позднѣйшими писателями. См. *Antonii Sabellici Opera*, II, 906--908 (lapis est in medio fere quadrata forma, quem si quis ascendit, nec inde vi deturbari possit, principatum urbis obtinet, ingens de ascensu loci et dejectu dimicatio inter indigenas saepiusque ob eam rem pugnatum inter cives...), *Raphaelis Volaterrani Commentariorum urbanorum libri XXXVIII*, tom. I, lib. VII, col. 259 (Hic lapis in medio foro quadratus, quem, dum civitas erat libera, qui ascendere poterat, neque inde deiici, princeps habebatur).

²⁾ *Евсений (Болховитиновъ)*, Исторія княжества Псковскаго, ч. I, стр. 36—37.

³⁾ Исторія Новгорода и Пскова, т. II, гл. II, стр. 39. Нѣкоторое представленіе о вѣчевыхъ „степеняхъ“ можетъ дать древняя печать Великаго Новгорода. На ней изображена возвышенная площадка, на которую ведетъ рядъ ступеней; вдоль ступеней положены посохи. Посохъ служить, конечно, символомъ архіепископскаго достоинства, власти церковной, а ступени должны, вѣроятно, указывать на власть вѣча и посадника.

занія: сбѣгаются честолюбивые люди и стараются вспрыгнуть на камень власти. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то мѣстнымъ новгородскимъ преданіемъ, которому приданъ лишь видъ бытового факта. Преданіе, несомнѣнно плохо понятое, дошло до итальянскаго писателя въ искаженномъ пересказѣ. Новгородецъ XV вѣка не могъ разказывать, будто власть въ его вѣчевой общинѣ достается или доставалась тому, кому только поможетъ случай и отвага. Какъ бы ни были неурядицы, въ которыхъ запутывалась иногда общественная жизнь Новгорода, въ его гражданахъ жило и ясно обнаруживалось сознание, что власть въ Новгородской землѣ можетъ принадлежать только тому, кому вручить ее народная воля, кто будетъ избранъ на вѣчѣ, поставленъ отъ всего Великаго Новгорода. „А вы, братіе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны есте“,— говорилъ на вѣчѣ посадникъ Твердиславъ въ 1218 году. Такова была новгородская пошлина. Въ XV вѣкѣ, въ виду усиленія Москвы, эта пошлина получала для новгородцевъ особенное значеніе, они дорожили ею, какъ завѣтомъ предковъ, какъ родовой святыней. Въ новгородскихъ сказаніяхъ XV вѣка обыкновенно старательно отмѣчаются особенности древне-новгородскаго государственнаго быта: „Въ то же время Новаграда людие житие имяху самовластно, по своей волѣ, никимъ же обладаеми, властвующе областію своею, якоже имъ лѣпо есть“. Могли ли люди, такъ ревниво дорожившіе началомъ самоуправленія, разказывать, будто власть у нихъ получалъ тотъ, кто раньше другихъ умѣлъ прыгнуть на какой-то камень? Но если такихъ разказовъ быть не могло, то какъ же объяснить извѣстіе, переданное Пикколомини? Едва ли не слѣдуетъ предположить, что въ этомъ извѣстіи дошелъ до насъ далекій отзвукъ того же новгородскаго сказанія, которое извѣстно и по былинамъ о Васильѣ Буслаевѣ. Въ Новгородѣ разказывали объ удалцѣ, который натолкнулся на камень преткновенія; это преткновеніе и паденіе на камень соединились съ представленіемъ о прыжкѣ:

И увидѣлъ Василій бѣль-горючій камешекъ
И скочилъ опъ черезъ камешекъ.

Позже, прибавляли разказчики, тотъ прыгавшій черезъ камень чело-вѣкъ былъ новгородскимъ посадникомъ. Какойнибудь иностранецъ слышалъ новгородскую былинку, слышалъ также разказы о новгородскомъ вѣчѣ, о выборѣ и смѣщеніи посадниковъ, объ усобицахъ новгородскихъ. При недостаточномъ знакомствѣ съ особенностями русскаго быта подробности этихъ свѣдѣній легко могли быть перепутаны

(тѣмъ ли, кто первый слышалъ новгородскіе разказы, или послѣдующими передатчиками): возвышеніе, на которое входилъ степенный посадникъ, смѣшалось съ камнемъ, на который натолкнулся посадникъ Василій; подъ вліяніемъ такого смѣшенія связь послѣдовательности смѣнилась связью причинной (вмѣсто: прыгалъ и *потомъ* сталъ посадникомъ, явилось: прыгалъ и *потому* сталъ посадникомъ); свѣдѣнія о новгородскихъ усобицахъ слились съ воспоминаніями о боѣ Василія съ новгородцами, окончившемся торжествомъ удалца; торжество же это могло быть понято, какъ пріобрѣтеніе власти, и прикинуло къ общей картинѣ новгородскихъ обычаевъ. Въ итогѣ всей этой путаницы получило извѣстіе о небываломъ состязаніи изъ-за власти, о какомъ-то скачкѣ на камень почета. Нужно еще замѣтить, что на такое искаженіе новгородскихъ разказовъ могла оказать вліяніе и литературная аналогія. Есть преданія, въ которыхъ пріобрѣтеніе власти представляется дѣйствительно дѣломъ удачи, побѣды на состязаніи. Припомнимъ, напримѣръ, польское преданіе о Лешкѣ, который провозглашенъ былъ княземъ послѣ побѣды на состязаніи въ бѣгѣ коней ¹⁾. Иностранецъ, слышавшій нашу былину, могъ быть знакомъ съ подобными преданіями и невольно, незамѣтно вложилъ новый смыслъ въ недостаточно ясное для него новгородское сказаніе.

VI.

Въ предыдущей главѣ я пытался выяснитъ главнѣйшія особенности былины о Василѣ Буслаевичѣ. Но этими особенностями не ограничивается отличіе былины отъ родственныхъ ей сказаній. Русскій изводъ интересующей насъ саги выдѣляется цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ подробностей, объясняемыхъ частью условіями бытоваго пріуроченія переходной повѣсти, частью литературными отношеніями, въ которыя вступала эта повѣсть въ предѣлахъ нашей народной словесности. Съ чертами бытоваго реализма новгородской былины мы уже знакомы. Припомнимъ хоть одинъ образецъ такого реализма. Грубость, дикій и жестокій нравъ молодого Роберта иллюстрируются картиной неудавшагося турнира. При участіи чортова дѣтища турниръ превращается въ побойще. Въ нѣмецкомъ разказѣ, изданномъ Боринскимъ, турниръ замѣняется придворнымъ собраніемъ (ein grosser Hof).

¹⁾ Объ этомъ преданіи см. *San-Marte, Die polnische Königssage* (Aus dem *Neuen Jahrbuche für deutsche Sprache und Alterthumskunde*, B. VIII), 1848, 5-ter Kapitel (Die Fürstenwahl).

Наша былина изображаетъ либо праздничный пиръ у князя, либо городскую братчину. Появленіе Василья вноситъ сумятицу въ среду пировавшихъ. Предложенный на пиру „закладъ“ о кулачномъ боѣ готовить новгородцамъ новую бѣду. Состязаніе удалцевъ принимаетъ видъ кровавой расправы, при которой бѣшенный Василій не даетъ пощады никому. Примѣромъ вліянія литературной аналогіи можетъ служить указанная выше пѣсня, въ которой Василій Буслаевичъ изображается королевскимъ ключникомъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ бытовыхъ и литературныхъ данныхъ, представляемыхъ новгородской былинной. Эти данныя важны для раскрытія литературной исторіи пѣсни.

А) Въ разказахъ о дѣтствѣ и юности Роберта мы постоянно встрѣчаемся съ его отцемъ, хотя болѣе значительная, болѣе дѣятельная роль принадлежитъ безспорно матери. По ея винѣ дитя обрекается дьяволу; она же преимущественно заботится объ исправленіи несчастнаго. Правда, не подъ вліяніемъ посвященія въ рыцари, какъ предполагала мать, а подъ вліяніемъ иныхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній совершается переломъ въ душѣ Роберта, но и въ этомъ случаѣ рѣшительное слово принадлежитъ опять таки матери: только послѣ ея разказа о призваніи злаго духа Робертъ бросаетъ прежнія привычки и отдается заботамъ о спасеніи души. Въ нѣмецкомъ разказѣ роль отца еще менѣе значительна: изображеніе неудавшагося праздника и обращеніе грѣшника на путь правый отнесены ко времени послѣ смерти отца: *Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jagen, do starb sein vater der kunig von Franckenreich* ¹⁾). О смерти отца упоминаетъ и поэма, изданная Брейлемъ. Пересказы былины о Васильѣ Буслаевичѣ обыкновенно и начинаются разказомъ о смерти стараго Буслая:

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;

.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житье бытъе
И все имѣвіе дворянское;
Осталась матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѣевна,

¹⁾ *Germania*, 1892, I II., 47.

И оставалосѣ чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

(*Кириша*, стр. 72).

Только одинъ изъ вариантовъ сохранилъ, хотя и въ видѣ отрывка. разказъ объ отцѣ Василія. Мамелфа, очевидно, заслонила передъ нашими пѣвцами стараго Буслава. Объясняется это, вѣроятно, влияніемъ многочисленныхъ пѣсней о вдовьихъ сыновьяхъ. Потерявъ мужа. Мамелфа присоединилась къ кружку эпическихъ вдовъ, которымъ безпокойные сыновья причиняютъ много горя и заботъ. Припомнимъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, объ Иванѣ гостинномъ сынѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ, малорусскую думу объ Иванѣ Коновченкѣ и многочисленныя безыменныя пѣсни о сынѣ вдовы ¹⁾. Замѣчено, что изображеніе „честной вдовы“ не рѣдко встрѣчается и въ нашей древней письменности ²⁾. Извѣстно также, что образъ „сына вдовы“ любимъ въ новогреческихъ пѣсняхъ ³⁾.

Б) Пересказы саги о Робертѣ долго останавливаются на его дѣтской жестокости: онъ кусалъ мамокъ, бросалъ въ сверстниковъ чѣмъ попадо; когда подростъ, билъ нещадно всякаго встрѣчнаго. Наша былина, при изображеніи дѣтства Василія, не вдаваясь въ подробности, ограничивается такой картиной:

Сталъ Василька на улочку показивать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ, самъ сутулится.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 335).

Совершенно сходныя выраженія встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ памятниконъ нашей народной словесности. Въ былинѣ о Константинѣ Сауловичѣ:

Будетъ онъ, Константиноушка, десяти годовъ,
Сталъ онъ по улицамъ показивати,
Сталъ съ ребятами шутку шутити.
.....
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,

¹⁾ *Киришевскій*, II, № 4; *Гильбердинъ*, № 172; *Рыбниковъ*, I, № 76; *Головацкий*, Пѣсни Галицкой Руси, I, стр. 9—12 и др. Указываю для приимѣра лишь по одному пересказу каждой пѣсни.

²⁾ *Основа*, 1861 г., т. II, июнь, стр. 62—63 (въ ст. *М. И. Сухомянинова*: „О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи“).

³⁾ *Дестунисъ*, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ, стр. 120.

А творки творилъ не по маленькимъ:
 Котораго возьметъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выломить;
 И котораго задѣнетъ за ногу,
 По ... ногу оторветъ прочь;
 И котораго хватить поперекъ хребта,
 Тотъ кричать, реветъ, окорачъ ползеть,
 Безъ головы домой придетъ.

(*Кирма*, стр. 254).

Въ сказкѣ о богатырѣ Никитѣ Поповичѣ говорится, что онъ „обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней однихъ съ нимъ лѣтъ схватить за голову—голова прочь, за ногу—нога прочь“ ¹⁾. Въ сказкѣ объ Урусланѣ: „И какъ будетъ Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: и ково возьметъ за руку, и у того руку вырветъ, а ково возьметъ за ногу, тому ногу выломить“ ²⁾. Въ лубочной сказкѣ о богатырѣ Самсонѣ: когда минуло ему 12 лѣтъ, началъ онъ шутить шутки нехорошія: кого хватить за руку, у того рука прочь, кого за ногу, у того нога прочь ³⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ сказки о королевичѣ и его дядкѣ: „Жилъ-былъ король, и у него былъ одинъ сынъ Иванъ Королевичъ: сталъ онъ на возрастѣ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватить—рука прочь, кого за голову—голова прочь“ ⁴⁾. Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ: „кого за руку дернетъ, нѣтъ руки. За голову схватить, головы не стало. Гдѣ щелкнетъ, тамъ и упадетъ либо носъ, либо ухо“ ⁵⁾. Повторяясь въ рядѣ памятниковъ неодинаковаго содержанія ⁶⁾, картина уродованія представляетъ родъ общаго мѣста, мало выразительнаго для изображенія такого удалца, какъ Василій Буслаевичъ.

В) Одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій Роберта — убійство

¹⁾ *Ефименко*, Матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи, стр. 187.

²⁾ Лѣтописи русск. литерат. и древи, II, отд. II, стр. 100—101. Ср. *Ровинскій*, Русск. нар. картинки, кн. I, стр. 42. Такія же жестокія проказы приписываются и восточному предку нашего Еруслана—Рустему (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, VI, приложение, стр. 20. Ср. *Вс. Миллеръ*, Эскурсы въ область русск. народн. эпоса, стр. 43).

³⁾ Къ литературной исторіи русск. былевой поэзіи, стр. 172, примѣч.

⁴⁾ *Даванасевъ*, т. I, № 67, стр. 234.

⁵⁾ *Московский Городской Листокъ*, 1847, № 153, стр. 613.

⁶⁾ См. еще *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 40, 48, 123; *Стасовъ*, О происхожденіи русск. былинь (*Вѣстникъ Европы*, 1868 г., январь, 196—197); *Налъ*, *Sagwissenschaftliche Studien*, 340 (Arische Aussetzungs-und Ruckkehr-Formel).

его наставника. Чтобы уяснить все ужасное значеніе этого душегубства, нужно припомнить, что даже оскорбленіе наставника признавалось преступленіемъ, требовавшимъ суровой кары. Въ поэмѣ о Флоовантѣ разказывается, что этотъ французскій королевичъ обрѣзалъ бороду у своего наставника, когда тотъ спалъ; за этотъ проступокъ Флоовантъ приговоренъ былъ къ смерти, и только по просьбѣ его матери казнь замѣнена была изгнаніемъ изъ Франціи на семь лѣтъ ¹⁾. Въ Кнабепспiegel Викрама (XVI вѣка) разказывается о безпутномъ юношѣ, который бросился съ ножомъ на своего учителя; боясь наказанія, юноша бѣжалъ изъ отечества ²⁾. Пилигримъ, котораго убилъ Василій Буслаевъ, лишь въ нѣкоторыхъ пересказахъ удержалъ значеніе учителя; въ большей же части сохранившихся пѣсень пилигримъ представляется только крестнымъ отцемъ Василья:

И на встрѣчу Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовой батюшка, старичище пилигримище...
Говоритъ Старичище Пилигримище:
Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не поскаживай.

(Рыбниковъ, I, 343).

Пилигримъ называется обыкновенно „старцемъ“ (старичище), то-есть, монахомъ. По просьбѣ новгородцевъ онъ покидаетъ келью, чтобы унять своего крестника и ученика ³⁾. Въ такомъ изображеніи наставника и крестнаго отца Василья былина остается вѣрною старо-русскимъ обычаямъ. „Восприемниками при крещеніи князей,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—встрѣчаемъ духовныя лица: такъ, владыка новгородскій Василій ѣздилъ по Псковъ крестить сына (Михаила) у князя Александра Михайловича Тверскаго; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Дмитрія Донскаго сына

¹⁾ Darmesteter, De Floovante vetustiore gallico poemate, p. 35—36, 55.

²⁾ Bobertag, Geschichte des Romans... in Deutschland, I, 246.

³⁾ „Жилъ еще въ монастыря, старчицо тамъ жилъ перегримище“ (Гильбердинъ, ст. 292). „Былъ у новгороджанъ староста Фома Родивоновичъ, моля въ монастырь де онъ Юрьевской, упрости де онъ старца, сына богатыря“... (ibid., ст. 1186). „Есть у моего чада мнлаго во томъ во монастырь во Сергѣевома крестовой его батюшка старчище пилигримище, имѣеть силу нарочитую“ (Рыбниковъ, I, стр. 348—349). „Ой же вы, братцы, удалые молодцы. Въ томъ ли монастырь во Кирилловскомъ есть старчище пилигримище“ (ibid., стр. 356). „Тогда мужики Новгородчана достали старца со монастыря Преугрюмова“ (Рыбниковъ, II, стр. 206).

Юрія крестилъ св. Сергій Радонежскій; у князя Василья Михайловича Кашинскаго крестилъ сына Дмитрія троицкій игумень Никонъ..., у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) троицкій же игумень Зиновій¹⁾. Иванъ Грозный и братъ его Юрій были крестниками переяславскаго игумена Данила. Крестнымъ отцемъ царевича Ивана Ивановича, сына Грознаго, былъ митрополитъ Макарій. У дочери Ивана IV Анны воспріемниками были два старца: Адрианъ изъ Андросовой и Геннадій изъ Сарайской пустыни²⁾. О крестникѣ новгородскаго архіепископа Василія, князѣ Михаилѣ Александровичѣ, сохранилось въ лѣтописи такое извѣстіе: „Прихалъ Михаилъ княжичъ Александровичъ со Тѣфѣри в Новгородъ ко владыцѣ, *сми хрестыный, грамотъ учится*“³⁾. Кумовство съ монахами нельзя, конечно, считать особенностью княжескаго быта; оно было явленіемъ общераспространеннымъ⁴⁾. Василій Буслаевичъ не пощадилъ пилигрима, котораго долженъ былъ уважать, какъ старца⁵⁾, какъ крестнаго отца, какъ наставника.

Подойдя къ пилигриму новгородской былины, нельзя не задѣтъ его знаменитаго колокола.

Стоять тутъ старецъ пилигримца,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ.

(*Кириш*, стр. 80).

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, IV, 189.

²⁾ *Ibid.*, VII, 2—3.

³⁾ Новгородская лѣтопись по харатейному списку, стр. 340—341 (подъ 1841 г.).

⁴⁾ *Лотомаровъ*, Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа, стр. 155: „Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на *духовнаго отца* или родственника“.

⁵⁾ Въ пересказѣ *Рыбникова*, II, 33, Василій, какъ было уже замѣчено, щадитъ старца,

„Старца убить—не спасенья залгсь,
А грѣха себѣ на душу!“

И подхватилъ старца на руки:

„Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
А въ наше дѣло ты не суйся“.

Подобное же выраженіе объ убійствѣ „старца“ повторяется и въ другихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ былинѣ о двухъ королевичахъ изъ Кракова:

Въ кельѣ старца убить, то есть не спасеніе;
Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 415).

Или:

На буйной головы—колоколь пудовъ въ тысячу,
Во правой рукѣ—языкъ во пятьсотъ пудовъ.

(Рыбниковъ, I, стр. 343).

Извѣстно, что академикъ Срезневскій объяснял этотъ колоколь, какъ забытое названіе одежды. „Колоколомъ, klakol, и колокольцей. klakolca, у чеховъ въ древности назывался плащъ, въ родѣ капы, носимой пилигримами.... И не у однихъ чеховъ въ средніе вѣка плащъ назывался колоколомъ. Англичане и французы также употребляли это слово, разумѣется, выговаривая по-своему: англичане—cloak, французы—cloche, clochette, въ латинскомъ выговорѣ у тѣхъ и у другихъ одинаково cloca, и такъ же со смысломъ колокола и плаща (ср. нѣм. clossa, glossa, glocke), плаща дорожнаго, безъ разрѣза напередѣ. По уставу Юліанской обители аббата Михаила, братья-священники въ поѣздкахъ должны были употреблять именно колоколь приличной длины... Вотъ колоколь былины о Васильѣ Буслаевичѣ, капа, плащъ. Употребленіе этого слова въ пересказахъ былины, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда-то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды, и, судя по тому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности, можетъ быть, даже не долго“ ¹⁾. Не отрицая этой догадки, замѣчу, однако, что колоколь нашего пилигрима можетъ дать поводъ къ сближеніямъ иного рода.

Пилигримъ новгородской былины изображается съ чертами необычайнаго силача, напоминающаго сказочныхъ великановъ ²⁾.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, спаряжается,
Ко своему ко крестнику любимому,
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ.

(Рыбниковъ, I, 349).

О такихъ эпическихъ силачахъ разказывается, что они могутъ держать на головѣ колоколь, точно шапку. Можно при этомъ указать на нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: Der junge Riese (№ 90). Силачъ, окруженный раздраженной толпой, бросается въ колодезь;

¹⁾ Срезневскій, Крута валичья, 14—15 (*Извѣстія Археологич. Общ.*, т. IV).

²⁾ Самое употребленіе увеличительныхъ „старчище“, „пилигримище“ указываетъ на фигуру не обычныхъ размѣровъ.

поселяне, преслѣдующіе великана, снимаютъ съ башни колоколъ и бросаютъ въ колодезь, чтобы придушить врага. Силачъ выскакиваетъ изъ колодца съ *колоколомъ на юловъ*. „Вотъ такъ славный колпакъ!“—крикнулъ онъ и убѣжалъ отъ растерявшейся толпы ¹⁾.

Въ одной изъ побывальщинъ объ Ильѣ Муромцѣ разказывается, какъ богатырь посѣтилъ Билогремлица, „который въ свое время носилъ на головѣ вмѣсто шишака колоколъ въ 300 пудовъ, а на плечѣ палицу и того тяжелѣй. И когда скликалъ свою дружину по темнымъ лѣсамъ, тогда булавою ударялъ въ колоколъ“ ²⁾.

Тяжести, подобныя тѣмъ, которыя носилъ новгородскій пилигримъ, находимъ и у другихъ каликъ.

Есть то калика переходяя:
Туть то каликушка справляется,
Туть то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Иеросолиму,
Сильный, могучій ли Иванце
.

А были у калики клюхи въ сорокъ пудъ.

(Рыбниковъ, I, стр. 89).

Такъ начинается одинъ изъ пересказовъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ поганомъ. Въ другомъ пересказѣ той же былины богатырь, встрѣтившійся съ каликой, говоритъ:

Разболокай, Данило, платье каличье,
Скидай съ ногъ лапотѣчки-обтѣпочки,
Подавай мнѣ-ка шляпу землегрецкую,
Землегрецкую шляпу сорокъ пять пудовъ.

(Кирьяевскій, IV, стр. 23).

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ говорится, что богатыри

Сустыгли старичища пилигримища,
Клюхи у него сорока пудовъ.

(Рыбниковъ, I, стр. 232).

¹⁾ Kinder-und Hausmärchen, III, S. 160. Миеологи сближаютъ этотъ колоколъ съ котломъ, который добываетъ Торъ у великана Гимира и который онъ приноситъ на головѣ (*Grimm, D. Mythol.*, 155—156, по 4 изд.; *Simrock, Mythol.*, 256, 259. Ср. *Потанинъ*, Очерки Сѣв.-Запади. Монголіи, IV, 817).

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ч. 138, стр. 624 (въ ст. *Л. Н. Майкова* о 4-мъ томѣ пѣсенъ, собр. Рыбниковымъ). *О. Θ. Миллеръ* справедливо признавалъ этого Билогремлица за одного изъ „тѣхъ всенародныхъ перехитряемыхъ великановъ, къ которымъ относится и омировъ Полифемъ“ (*Илья Муром.*, стр. 241).

Но силѣ этихъ тяжело вооруженныхъ каликъ не соответствовала ихъ отвага. Илья Муромецъ говоритъ встрѣтившемуся каликѣ:

Есть въ тебѣ, Иваище, силы два меня,
А нѣтъ въ тебѣ смѣлости поль-меня.

(*Киреевскій*, IV, стр. 21).

Или:

Ай же ты, калѣка, калѣка переходяя!
Молодца въ тебѣ въ два меча,
И силы-то у тебя въ три меня,
А смѣлости нѣтъ и въ поль-меня.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 29).

Съ такихъ неудалыхъ и неуклюжихъ каликъ срисовано и изображеніе крестнаго отца Василья Буслаевича. Одѣтый въ тяжелый кафтанъ, съ большимъ колоколомъ на головѣ, съ огромной клюкой въ рукахъ, пилигримище представляетъ героин-комическую фигуру, не отвѣчающую, конечно, первоначальному замыслу былины. Въмѣсто убійства беззащитнаго старца предъ нами рисуется столкновение ловкаго удалца съ неповоротливымъ великаномъ, напоминающее бой печенѣжскаго силача съ лѣтописнымъ усмошвецомъ, и т. п.

Но нѣкоторымъ пересказамъ пилигримъ появляется на мѣстѣ боя по просьбѣ новгородцевъ. Формула просьбы представляетъ замѣчательную двойственность:

Ай же ты, старчище пилигримище,
Послужи ты памѣ вѣрой-правдою,
Сходи ты на мостикъ на Волховскій
Ко своему ко сыну крестовому,
Молоду Васильюшкѣ Буславьеву:
Уговори его сердце богатырское,
Чтобы онъ оставилъ побойще,
Не билъ бы мужиковъ новгородскихъ,
Оставилъ бы малую часть на сѣмена.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 349; ср. *Гильфердингъ*, ст. 217).

Или:

Былъ у новгородякъ староста Ѡма Родивоновичъ,
Шолъ въ монастырь де онъ Юрьевской,
Упросилъ де онъ старца сильна богатыря,
Посупилъ де онъ старцу много золотой казны,
Чтобы онъ побидилъ де Василья Буславьева.

(*Гильфердингъ*, ст. 1186).

Ясно, что значенію пилигрима, какъ крестнаго отца и наставника Василья, отвѣчаетъ именно первая формула. Вооруженіе старца и

его намѣреніе не уговорить, а одолѣть Василья можно объяснить только позднѣйшимъ измѣненіемъ пѣсни. Къ этому измѣненію мы еще вернемся.

Г) Въ эпитимійномъ помокановцѣ сказано: „Аще кто разбой створить... 10 лѣтъ да покается въ инои области; толи потомъ да приять будетъ въ свое отечество, аще будетъ покался о хлѣбѣ и водѣ.... Аще ли ся будетъ не добрѣ покаля, то не приять будетъ въ свое отечество“ ²⁾. Подобное же правило встрѣчается и въ постановленіяхъ западной церкви ³⁾. Сообразно съ этимъ правиломъ построены сказанія о кающемся Робертѣ Дьяволѣ и о Васильѣ Буслаевѣ. Первый отбываетъ свое покаяніе въ Римѣ, второй—въ Святой Землѣ.

Направляя Василья по знакомому паломничьему пути, былина не могла не внести и соответствующихъ подробностей, которыя не трудно было отыскать въ запасѣ устныхъ и письменныхъ разказовъ бывалыхъ людей. Подобно всѣмъ каликамъ, ходившимъ въ Палестину, Василій и его дружинники посѣтили Іерусалимъ, побывали и на Іорданѣ:

Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святынѣ помоглись
И во Господнему гробу приложилсь,
Во Іорданѣ рѣкѣ стали купатися.
Василій-то сынъ Буслаевичъ
Купатися нагимъ тѣломъ...

(Рубниковъ, III, 240).

Послѣднему обстоятельству, купанью въ Іорданѣ, былина при-

¹⁾ Ср. въ пересказѣ Рубникова, I, 57:

Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
Во томъ ли монастырѣ во Кириловскомъ
Есть Старчище-Пилигримище;
Пойдемъ-те-ка, братцы, подкупимъ-те:
Бываетъ, онъ поѣдетъ Васюку Буслаева.

(Стр. 356).

²⁾ В. А. Яковлевъ, Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Намарагда“, стр. 153. Ср. Тихомировъ, Отреч. книги, т. II, стр. 304.

³⁾ „Странствіе Василья Буслаевича, — замѣчаетъ Срезневскій, — было какъ будто исполненіемъ того постановленія, долго оставшагося въ полной силѣ въ южной Франціи, по которому всякій убійца покаившись... исповѣдывался въ преступленіи, перековывалъ свой мечъ въ цѣпи... заковывалъ себя въ нихъ и отявлялся на поклоненіе святыхъ“. (Русскіе каліки древняго времени, стр. 209, въ Зап. Акад. Наукъ, т. I, кн. 2).

дасть особое значеніе. Въ священной рѣкѣ купались обыкновенно, не снимая рубашки. „Божіею благодатіею, — говоритъ Вас. Гагара, — сподобихомся искупатися во Иорданѣ рѣцѣ: мужіе и жены всѣ купались въ рубашкахъ“¹⁾). Новгородскій ушкуйникъ отступаетъ отъ этого обычая, не смотря на предостереженіе, данное ему или матерью передъ отъѣздомъ въ Палестину, или на самомъ мѣстѣ купанья какой-то „женщиной престарѣлой“, бабой залѣсной, дѣвкой чернавкой.

А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоеевна,
По поѣздѣ его давала родительско благословеніе:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
Не купилсь, Васильюшка, нагимъ тѣломъ.
Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ“.
(Рыбниковъ, I, 361).

Или:

И говоритъ дѣвушка чернавушка:
„Ай же ты, Василій сынъ Буславъевичъ!
Какъ ты купилъся нагимъ тѣломъ:
Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ“.
(Рыбниковъ, III, стр. 240).

Иначе:

Идетъ тутъ женщина престарѣлая
И проговорить она таково слово:

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. II, кн. 8, стр. 119 („Путешествіе Василя Гагары въ 1634 году“). Любопытенъ путь, которымъ шелъ Гагара: изъ Казани въ Астрахань, оттуда въ Тифлисъ, далѣе — на Ардѣганъ, Карсъ, Эрзерумъ, Севастію, Кесарію, Едессу. Такой необычный маршрутъ объясняется особыми обстоятельствами: Гагара, казанскій купецъ, знакомъ былъ съ Закавказьемъ по торговымъ сношеніямъ. Самъ онъ говоритъ, что не задолго передъ путешествіемъ „посла челоуѣка своего съ товары за море торговати въ Персидскую землю“. „И Вожимъ гнѣвомъ, — продолжаетъ Гагара, — за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товары разбѣло, и все имѣніе мое потонуло, а се иныя многія бѣды и напасти приключишася ми. Въ то время и въ тѣхъ скорбѣхъ и напастѣхъ азъ многогрѣшный наипаче учашъ обѣщатися о еже бы ми тамо быти въ Иерусалимѣ, у гроба Господня“, и т. д. Гагара направился путемъ, который представлялся ему болѣе или менѣе знакомымъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, объясняющихъ путь казанскаго купца, едва ли можно придавать значеніе нѣкоторому сходству Гагарина маршрута съ указаніями Кириши Daniлова, направляющаго Василя Буслаева къ острову Куминскому на Каспійскомъ морѣ, а отсюда — въ Иерусалимъ градъ.

„Ай же, молодой Василій сынъ Буславъевичъ!
Что же ты купаешься нагиъ тѣломъ?“

(*Рыбникъ*, II, стр. 206; ср. *Лирна*, стр. 174).

Какъ объяснить и это предостереженіе и это нарушение Васильемъ общепринятаго обычая? Быть можетъ, эти подробности введены въ былинну только для того, чтобы еще одной лишней чертой обрисовать самоувѣренность и легкомысліе Василья: онъ не вѣрится подписи на камнѣ, не внимааетъ голосу мертвой головы, не обращаетъ вниманія и на предостереженіе, требовавшее уваженія къ священнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ Иорданомъ. Но возможна и другая догадка.

Положеніе кающагося Роберта, принужденнаго скрывать и свое имя и свою знатность, напоминаетъ положеніе наказаннаго гордеца въ легендѣ о зазнавшемся царѣ, извѣстной во многихъ пересказахъ. Въ одной изъ версій этой легенды, приуроченной къ имени Роберта, короля *Сицилійскаго*, гордецъ подвергается, какъ было уже замѣчено выше, такому же испытанію, какое выдерживаетъ *Робертъ Нормандскій*¹⁾. Это сходство имени и эпитиміи ясно указываетъ, что легенды о наказанномъ гордецѣ и кающемся душегубцѣ представляли нѣкоторыя точки соприкосновенія, допускали смѣшеніе подробностей.

Среди вариантовъ легенды о гордомъ царѣ есть цѣлая группа разказовъ, связывающихъ начало испытанія съ купаньемъ. Для примѣра можно указать на разказъ „Римскихъ Дѣяній“ о гордомъ цесарѣ Евиньянѣ. „Евиньянъ цесарь зѣло можный въ Римѣ царствовалъ и въ нѣкоторое время на ложѣ лежаши чрезъ великую возможность свою поднелося сердце его в великую гордость, и почаль мыслить, самъ въ себѣ глаголя: нѣсть Богъ иный сильнѣйшій и можнѣйшій, паче мене. (Est ne aliquis alius deus quam ego?). А какъ онъ такъ мыслилъ, уснулъ. И рано вставши наномъ своимъ и дворяномъ повелѣлъ, чтобъ готовы были всѣ съ нимъ ѣхать на ловлю. Тогда дворяня его изготовилися, того же дни ѣхали съ нимъ. А какъ были на дорогѣ, и тогда цесарь отъ солнечнаго зною такъ разгорѣся, что умереть хотѣлъ, толко бы не искупался въ студеной водѣ... Тогда цесарь узрѣ издали великую воду, рекъ своимъ рыцаремъ: „Остантеся вы тутъ и подождите мя, дондеже азъ шедъ

¹⁾ *H. Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteraturen, 65—66.

искупаюсь“¹, и отъѣхалъ отъ нихъ; и пришедъ до оной воды и разоудѣвся, нача купатися; а какъ онъ купался, тогда приде нѣкій человекъ, въ словѣ и въ походкѣ и во всемъ образомъ подобенъ цесарю и облечеса во все цесарское одѣяніе, и всѣдши на его коня, ѣхалъ къ рыцаремъ. Видѣвши дворяне образъ цесаревъ мнѣли быти цесарю своему и пріяша его съ честію, а цесаря нага оставиша.... Еввианъ цесарь, вышедъ изъ воды, не узрѣ ни платья, ни коня.... и дивися велми, что никого не видалъ, смутися, что будучи цесаремъ, а сталъ нагъ, и почалъ мыслити. самъ въ себѣ рече: что имамъ сотворити, что такъ нужно и ганебце отъ своихъ оставленъ“, и т. д. Одежда купавшагося взята была ангеломъ, принявшимъ видъ цесаря. Послѣ многихъ униженій и страданій проученный гордецъ возстановленъ былъ въ своемъ прежнемъ званіи. Послѣ испытанія „Еввианъ цесарь, будучи наки привращенъ на престолъ свой, благодарилъ Господу Богу и ходилъ во всѣхъ заповѣдѣхъ Господнихъ... и соверши послѣдній день свой въ покою“¹). Не представляя ли и разказъ о купаньѣ Василья нагимъ тѣломъ реминисценціи изъ круга сказаній о наказанномъ гордецѣ? На такую реминисценцію могли натолкнуть не только обычаи, соблюдавшіеся при погруженіи въ Иорданъ („всѣ купались въ рубашкахъ“), но и нѣкоторыя преданія, связанныя съ этой рѣкой.

Иорданъ—рѣка покаянія. Согрѣшившій Адамъ говорить своей женѣ: „Вниди ты въ Тигръ рѣку, положи камень на главу свою, а другой нождь поги своя, стани до выи въ водѣ и не послушай никогоже, да не паки предана будеши“. Самъ Адамъ идетъ къ Иордану: „Воставъ Адамъ и иде во Иорданъ каятися... Погрузися весь во Иордани и пребысть 40 днй“²). Тутъ же, на мѣстѣ покаянія Адама, каялся и навшій Лотъ, исполняя эпитимию, паложенную на него Авраамомъ³). Въ одномъ изъ апокрифическихъ сказаній о Соломонѣ раз-

¹) Римскія Дѣянія, изд. Общ. любит. др. письменности, вып. I, стр. 69—85. Съ купаньемъ связано и указанное выше исчезновеніе Дитриха Бернскаго по разказу Тидрексага (*Rasmann*, op. cit., 684—685). Обзоръ сказаній о гордомъ царѣ см. въ отмѣченной книжкѣ Фаргагена, а также въ статьяхъ *R. Köhler's*: *Der nackte König (Germania, II)*, и *А. Н. Веселовскаго*: *Новыя данныя къ исторіи Соломоновыхъ сказаній (Разысканія въ обл. русск. дух. стиха, V)*.

²) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхоз. лицахъ и событіяхъ по рукоп. соловецкой библиот., стр. 93, 41—43; *Тихомировъ*, Отреч. книги, I, стр. 4; *Пылинъ*, Ложныя и отреч. книги, стр. 2.

³) „Двѣ рѣцѣ въ Палестинѣ суть, вкупѣ смѣшени, иже Иоръ и Данъ, и одну рѣку свержаютъ Иорданъ... Посредѣ убо соединенія рѣкъ близъ явъ двоихъ смѣшеніяхъ, обходящу во онъ годъ великому Аврааму, бысть обрѣсти ему нѣкоего

казывается, что мудрый и могущественный еврейскій царь, потерявъ чудесный перстень, оказался въ положеніи, напоминающемъ испытаніе наказаннаго гордеца: онъ лишился своей прозорливости и силы. Перстень потерянь былъ Соломономъ во время купанья въ Иорданѣ ¹⁾).

Наказаніе, которому подвергается легендарный гордецъ, было пригодно и для Василья Буслаева. Былина несомнѣнно хочетъ выставить его не только человѣкомъ необузданнымъ, но и до дерзости самоувѣреннымъ. На слова старухи объ Иорданѣ дружина Василья отвѣчаетъ:

Нашъ Василій тому не вѣруеть...

(*Кирша*, стр. 175).

Подобнымъ же образомъ выражается и самъ Василій:

А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленой вязъ.

(*Ibid.*, 169).

Любопытно при этомъ обратить вниманіе на то, что самоувѣренность и вольнодумство Василья рисуется чертами, въ которыхъ церковный писатель нашель бы только отсутствіе суевѣрія. Василій не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чохъ; противъ вѣры въ такія примѣты вооружалась и духовная литература. Въ извѣстномъ поученіи о казняхъ Божіихъ читаемъ: „Друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ“ ²⁾).

Ив. Збдановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

мужа горко рыдающа и плачуща“... Авраамъ потнулъ въ землю, въ разстояніи полпоприща отъ рѣки, три головни и заповѣдалъ Лоту носить воду изъ Иордана и поливать головни въ теченіе 40 дней. По истеченіи этого срока головни дали ростки. Это означало, что грѣшникъ прощенъ. (*Порфирьевъ*, *op. cit.*, 101—102; *Лытинъ*, 82).

¹⁾ *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 192.

²⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 166. Ср. *Востоковъ*, Словарь церк.-слав. языка подъ словомъ „чыхъ“ (стр. 570). *Срезневскій*, Матер. для словаря русск. языка, вып. 2, ст. 925 (закыханіе). Рядъ указаній относительно вѣры въ чохъ см. въ сочин. *Степурова* (Русскіе престонар. праздники и обряды, I, 70), *Леванасева* (Поэтич. возвр. славянъ, II, 338, примѣч.), *Сумцова* (Культурныя переживанія, 284—285).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Слѣды народной Библии въ славянской и древне-русской письменности. Исслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса, 1893.

I.

Новая книга г. Мочульскаго исполняетъ обѣщанія, данныя имъ въ его предыдущемъ трудѣ („Литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ“): авторъ намѣревался посвятить Бесѣдѣ трехъ Святителей „спеціальное изслѣдованіе“, и даетъ теперь, „по мѣрѣ силъ“, „рѣшеніе всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе связаны съ столь сложнымъ памятникомъ апокрифической литературы“ (стр. 3). Я сомнѣваюсь, по мѣрѣ моего разумѣнія, чтобы рѣшенія г. Мочульскаго заслуживали названія таковыхъ.

По манерѣ и приѣмамъ трудъ г. Мочульскаго примыкаетъ къ его „Литературному анализу стиха о Голубиной книгѣ“: то-же стремленіе познакомиться возможно полнѣе съ разбросаннымъ рукописнымъ матеріаломъ и то-же колебаніе критическихъ приѣмовъ при усвоеніи результатовъ чужихъ, даже новѣйшихъ работъ; нѣкая затхлость библиографическаго аппарата, ненужныя цитаты и непонятныя транскрипціи собственныхъ именъ: Вильманъ (Willmanns), П. Майеръ (Paul Meyer, стр. 13), Готтингеръ въ Исторіи Востока и Яковъ Витриакъ (Jacques de Vitry, стр. 99) съ епископомъ Reinaldo Colontensi (стр. 90); ссылки изъ вторыхъ рукъ (стр. 243, прим. 1-е: Siehe unter N. Kortzen); наконецъ, слабость, чтобы не сказать болѣе, руководящихъ культурно-историческихъ воззрѣній.

Болѣ двухъ третей изслѣдованія посвящено Бесѣдѣ трехъ Святителей (стр. 1—172), послѣднія разбору апокрифическаго апокалипсиса Іоанна (стр. 173—195), Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ (стр. 196—215), Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ (стр. 216—230) и Вареломеевыхъ вопросовъ Богородицѣ (стр. 231—247). Послѣдніе явились въ книгѣ нѣсколько случайно, какъ отрывокъ большаго, не выполненнаго труда, имѣвшаго „собрать всѣ библейско-апокрифическіе вопросы и отвѣты, находящіеся въ письменности славянской и древне-русской“ (стр. 231, прим. 1). Но Вареломеевы вопросы назначены „не для народа“ (I. с.), а авторъ озаглавилъ свой трудъ: „Слѣды народной библіи“. Чтобы понять значеніе этого эпитета, надо знать, что апокрифическій апокалипсисъ св. Іоанна не что иное, какъ приспособленіе каполическаго „къ воззрѣніямъ и понятіямъ народнымъ“ (стр. 193), что Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ предназначены для мірянъ, для народа (стр. 215), и таково же назначеніе Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ (стр. 230). Но авторъ идетъ и далѣе, утверждая народный характеръ апокрифовъ вообще. Не соглашаясь (стр. 192—193) съ мнѣніемъ Люкке, что отреченный Апокалипсисъ Іоанна принадлежитъ „къ празднымъ апокалипсическимъ продуктамъ, чѣмъ очень богата позднѣйшая церковная литература“, г. Мочульскій заявляетъ, что у апокрифовъ были свои „тенденціи“, опредѣленныя цѣли, что нашъ апокрифъ „не продуктъ простой забавы или вымысла“; правда, въ немъ замѣтно „кос-гдѣ нарушеніе строгаго тона и даже нѣкоторыя фривольности“, но „такова сущность апокрифической литературы, гдѣ постоянно смѣшивается истинное съ правдоподобнымъ и даже съ басней, а потому и самый тонъ изъ строгаго нерѣдко переходитъ въ забавный и фривольный; а эта сущность основывается на свойствахъ *народнаго міросозерцанія* и его духа, для котораго (народа) и предназначается въ большинствѣ случаевъ эта отреченная литература“.

О фривольномъ тонѣ апокрифовъ спорить не стану; это дѣло вкуса и впечатлѣнія, хотя опредѣленія фривольности по категоріямъ правдоподобія (вмѣсто: истины) и басни я нигдѣ еще не находилъ. Во всякомъ случаѣ г. Мочульскому не мѣшало бы предупредить насъ, что онъ разумѣетъ подъ „народомъ“, для котораго писались апокрифы; писались съ „тенденціей“, съ опредѣленными цѣлями“—ино-вѣрными, мистико-фантастическими. Именно въ вопросѣ о тенденціи и цѣли Бесѣда стоитъ отдѣльно отъ апокрифовъ, и названіе „народной

Библия“ получает по отношенію къ ней нѣкоторый смыслъ. Въ основѣ это было „нѣчто въ родѣ компендіума библейской и преимущественно ветхозавѣтной исторіи, и при томъ изложенной на основаніи главнымъ образомъ апокрифовъ“ (стр. 170—171); компендій, назначенный для полуграмотныхъ мірянъ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, категоричныхъ и образныхъ, которые запечатлѣвались въ памяти, какъ картинки старой азбуки, оставляють въ памяти и звукъ соответствующей буквы. Этимъ путемъ казовые факты библейской исторіи проникали въ сознаніе народа, въ оборотъ его творчества; такъ-называемая „евангелистская пѣснь“, перешедшая въ народную поэзію и обрядъ, такая-же Бесѣда, мистическая игра въ числа, къ которымъ приурочены извѣстныя библейскія и свавгельскія данныя. Я останавливаюсь на этомъ понятіи „игры“; мы къ нему вернемся по поводу разсужденія г. Мочульскаго о *Josa monachorum*.

Бесѣда, какъ очеркъ народной библии, и западная *Biblia pauperum* невольно манили къ сравненію, и оно было сдѣлано. Авторъ протестуетъ противъ этого (стр. 142—143), между прочимъ, вотъ почему: если наши сборники (Бесѣда) предназначались для мірянъ, какъ *Biblia pauperum* для народа, то между ними есть и существенная разница: „въ то время, какъ въ нашихъ толковыхъ сборникахъ народъ находилъ себѣ пособіе для пониманія существеннаго и болѣе или менѣе важнаго въ Библии, западными *Biblia pauperum* народъ отстранялся отъ непосредственнаго знакомства съ библіей и довольствовался одними пѣмыми схемами библейской исторіи, что было въ духѣ западнаго духовнаго просвѣщенія и вполнѣ отвѣчало замысламъ и цѣлямъ западнаго духовенства“. Другими словами: на западѣ народъ отстранялся отъ Библии и давали ему пѣмыя схемы, у насъ давали пособіе къ пониманію кое-чего въ Библии — потому-ли что отъ непосредственнаго знакомства съ нею народъ устранили? Какъ выводъ ни странно, другаго изъ словъ г. Мочульскаго не сдѣлаешь. Если подъ устраненіемъ отъ Библии разумѣется употребленіе ея латинскаго, не народнаго текста въ церковномъ обиходѣ, то вѣдь и у насъ цѣльная Библия является лишь въ концѣ XV вѣка (стр. 134), и превращеніе Бесѣды „въ толковый сборникъ всего недоумѣйнаго и таинственнаго“ совпадаетъ, по догадкѣ изслѣдователя, съ появленіемъ Библии печатной (стр. 172).

Памятникъ, носящій у насъ названіе Бесѣды трехъ Святителей, извѣстенъ и въ южно-славянскихъ и греческихъ текстахъ и латинскихъ статьяхъ сходнаго состава съ ихъ романскими отраженіями и

параллелями ¹⁾. Прототипъ русскихъ текстовъ привязывается къ южно-славянскимъ, послѣдніе къ греческимъ, тексты которыхъ начинаются съ XII вѣка (стр. 21), тогда какъ латинская статья встрѣчается уже въ рукописи VII столѣтія. Г. Мочульскій полагаетъ, что и послѣдняя пошла отъ греческой, и пытается это доказать. Въ Ὑπομνηστικὸνъ Іосифа онъ открылъ памятникъ, „который могъ послужить *началомъ и первоисточникомъ*, какъ для греческихъ, такъ и для латинскихъ вопросо-отвѣтовъ и могъ *способствовать* ихъ возникновенію“ (I. с.). Гипомнистиконъ Іосифа „содержитъ въ себѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, то краткій компендіумъ или конспектъ Священной исторіи, то комментарий къ ней“ (стр. 27). Это отвѣчаетъ общему плану и содержанію Бесѣды, но г. Мочульскому надо еще доказать, что Гипомнистиконъ старше древнѣйшихъ ея (латинскихъ) записей, и вотъ онъ разбираетъ мнѣнія, высказанныя по поводу хронологіи Гипомнистикона, который относитъ къ половинѣ IV вѣка. На одномъ изъ его личныхъ доводовъ въ пользу такого взгляда я хочу остановиться: въ сборникѣ Мюнхенской королевской бібліотеки, X вѣка, въ числѣ вопросовъ Θεοδορίτα встрѣчаются два, буквально сходные съ 135-мъ вопросомъ Іосифа; отсюда заключеніе, что авторъ Гипомнистикона не могъ жить въ XI вѣкѣ, какъ думаетъ Фабрицій (стр. 26 — 27). А вѣдь возможно и другое предположеніе: что и Іосифъ и писецъ вопросовъ Θεοδορίτα почерпнули то общее изъ третьяго источника.

Мы ожидаемъ, что авторъ подтвердитъ свое мнѣніе объ отношеніяхъ Гипомнистикона къ Бесѣдѣ сравнительнымъ анализомъ перваго съ текстами послѣдней. Онъ обѣщаетъ сдѣлать это и указать между ними—*аналогію* (стр. 28). Дѣйствительно, далѣе нѣкоторыхъ аналогій, объясняемыхъ тождествомъ содержанія, при полномъ отличіи текста, сравненіе обоихъ памятниковъ ничего не обнаружило (стр. 109—112). Когда ставился вопросъ о братоубійцѣ, Библія не могла не подсказать имени Каина; между тѣмъ г. Мочульскій сравниваетъ:

Гипомнистиконъ:
 Τίνας ἀδελφούς ἀπέχτηναν;
 Καὶν τὸν Ἄβελ.

Бесѣда:
 Πότε ἀπέθανεν τὸ
 τέταρτον τοῦ κόσμου;
 ὅτε ἐφόνευσε Κάιν
 τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ
 τὸν Ἄβελ.

¹⁾ Historia de la donzella Theodor, которую авторъ знаетъ лишь по извлеченіямъ у Барча, давно издана *Kniest'*омъ (Mittheilungen aus dem Eskurial, стр. 507—517), провансальскія *Josa—Barchem* въ Denkmäler стр. 306—310 и *P. Meyer'*омъ въ *Bulletin de la société des anc. textes* 1875, стр. 71—74.

Что однако разумѣлъ г. Мочульскій, усматривая въ Гипомнистиконѣ начало и первоисточникъ Бесѣды, и при томъ первоисточникъ, способствовавшій ея возникновенію? Проф. Ждановъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, стр. 164—165, прим. 1) ограничивается указаніемъ на сходство нѣкоторыхъ главъ Гипомнистика съ нашими Вопросами и отвѣтами.

Есть у автора еще одно доказательство въ пользу греческаго происхожденія латинской Бесѣды, построенное на общихъ мѣстахъ и культурной оцѣнкѣ востока и запада—и нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ.

Латинскій текстъ „Бесѣды“ является иногда подъ названіемъ *Josa monachorum*; я понимаю это, какъ монашеское развлеченіе, досугъ: монахъ отвлекался для него отъ суроваго подвига, вычитанное изъ фоліантовъ обращалось у него въ короткія апофтегмы, онъ напрягалъ остроуміе, давалъ догмату замысловатую форму загадки, игралъ фантазіей въ предѣлахъ вѣры. Онъ могъ и не быть, наконецъ, авторомъ или собирателемъ *josa*, ихъ такъ прозвали, но въ томъ же добродушномъ смыслѣ. Диспутаціи царевича Пиппина съ Альбиномъ схоластикомъ, наивная въ своемъ учительномъ тонѣ, такая же забава: Что такое буква? стражъ исторіи; что такое языкъ? бичъ воздуха; что такое глаза? вожди тѣла, выѣстилище свѣта, показатели духа? и т. д.—Г. Мочульскій смотритъ на дѣло иначе, онъ видитъ въ самомъ названіи *josa* нѣчто не только легковѣсное, но непочтительное и зазорное, и строитъ на этомъ цѣлое обобщеніе, для насъ — недоумѣнное. Вотъ его слова (стр. 19): „Еслибы эти вопросы возникли на латинской почвѣ среди духовенства и при томъ монашествующаго, то свидѣтельство о томъ, что они служили забавой, было-бы для него плохой аттестаціей и кромѣ того указывало бы на извѣстнаго рода *распущенность и свободомысліе* латинскаго духовенства даннаго періода, *способнаго превращать священную исторію въ josa*. Между тѣмъ историческіе факты говорятъ нѣсколько противъ такого заключенія. Религіозное свободомысліе, являясь, какъ результатъ умственного броженія, сопровождается, какъ извѣстно, возникновеніемъ ересей, расколовъ и массы разнаго рода лжеученій. Оно же способствуетъ свободному отношенію къ св. письменности, какъ основѣ религіи. Сопоставляя въ данномъ случаѣ западъ съ востокомъ, мы замѣчаемъ довольно значительную разницу. Западъ скованный, какъ-бы броней, въ религіозной жизни древняго періода отличался косностью, а тревожная политическая жизнь на западѣ въ періодъ отъ VI—VIII вв. прибавила къ этой косности еще робость. Если порою мы и замѣ-

съ народными пѣснями и легендами о кузнецѣ (плотникѣ Бесѣды), осужденномъ за то, что онъ сковалъ гвозди для креста.

И въ отдѣлѣ, посвященномъ разбору русскихъ списковъ Бесѣды, по скольку она обогатилась новымъ содержаніемъ, можно-бы пожелать большей полноты, но главное, опредѣленности (сл. стр. 150 слѣд.). Что, напримѣръ, означаетъ примѣчаніе къ § 20 (стр. 158), ничего не разъясняющее? Къ § 29 (стр. 62) укажу на Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши (Прилож. къ XXXIV-му тому *Зап. Имп. Ак. Наукъ*, № 2). Вопросы на стр. 164—165: что сильнѣе огня? и т. д., переходящіе въ извѣстныя нареканія противъ злыхъ женъ, указываютъ на одно изъ направленій, въ которомъ совершалось на русской почвѣ приращеніе Бесѣды. Что меня интересуетъ, это не столько характеръ „недоумѣннаго и таинственнаго“ (стр. 172), который она приобретаетъ, сколько накопленіе свѣтскаго, не только библейски-научнаго матеріала знанія, хотя-бы въ видѣ такихъ загадокъ, какъ №№ 2, 3, 27, 29, 30, 33. На западѣ такіе „свѣтскіе вопросы“ рано влетаютъ въ канву библейскихъ (стр. 17), и не въ одномъ лишь мюнхенскомъ спискѣ *josa*. *Quis primus dicit litteras?* спрашивается въ статьѣ по шлеттштадскому списку: *Mercurius gigans*, въ слав. Мөөасоула (стр. 73—74), а рядомъ стоятъ другіе вопросы, подсказанные латинскимъ школьнымъ преданіемъ: *Medicinam quis primus invenit?* *Apollion* (очевидно, *Apollo*); *Quis primus navem fecit?* *Orpheus magister Herculis*. *Quis primus litteras latinas invenit?* *Carmentis Nepha* (*Carmentis nympha*); *Quis primus milites in obsidio misit?* *Romulus*. *Quis primus Imperator fuit?* *Iulianus et Octavianus*. *Quis primus gemma in auro misit aut mittere jussit?* *Diocletianus*. *Quis pugnavit cum dracone in mare et contra solem voluit adpassare?* *Ogtigans* (*Gygis*?) и т. п. (стр. 16). Ничего такого нѣтъ ни въ греческихъ, ни въ славяно-русскихъ спискахъ, потому, быть можетъ, что на то не было спроса, потому что на западѣ возрожденіе Бесѣды въ „мірскомъ направленіи“ совершилось ранѣе, и тогда какъ тамъ въ XIII вѣкѣ интересъ возбуждали не только Діалоги Сидраха и Бокха, но и Бесѣды Пластида и Тимея ¹⁾,

¹⁾ О Діалогахъ Сидраха и Бокха, которыми я занимался давно (см. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* ч. CXXV, отд. 2, февраль), сл. теперь *G. Paris, La Fontaine de toute science du philosophe Sidrach* (*Hist. litt. de la France* v. XXXI). *Italo Pizzi* (*Le somiglianze e le relazioni tra la poesia persiana e la nostra del medioevo*, 1892) считаетъ ихъ тождественными съ трудомъ, составленнымъ Бузур'михромъ по порученію Хосроя. О Пластидѣ и Тимеѣ см. *Hist. Litt. de la France*, t. XXX, стр. 567 слѣд.

не однѣ лишь толкованія Θεодорита, но и кое-что изъ бесѣдъ Кесарія и вопросы, однородные съ вопросомъ Аванасія къ Антиоху.

Отвѣтственность за эти результаты остается за г. Мочульскимъ, но обозначеніе „Каафъ“ не слѣдовало обобщать.

Прочтя изслѣдованіе г. Мочульскаго о Бесѣдѣ, я не понимаю его упрека проф. Красносельцеву, что онъ не рѣшилъ „весьма важныхъ и интересныхъ вопросовъ“, связанныхъ съ разбираемымъ имъ памятникомъ. Вопросы эти слѣдующіе: 1) при существующей аналогіи между Јоса монашогити и нашей Бесѣдой, въ чемъ заключается ихъ существенная разница? 2) Почему латинскіе тексты, ишедшіе видимо отъ греческихъ образцовъ, сохранились въ спискахъ, по времени гораздо древнѣйшихъ, чѣмъ ихъ греческіе прототипы (стр. 10)? Второй вопросъ даже не вопросъ: вѣдь сохранность списковъ дѣло случая; на первый мы ожидали отвѣта отъ г. Мочульскаго.

III.

Послѣднею частью книги мы займемся менѣе подробно; авторъ обошелся съ своими памятниками довольно бойко, приурочивая ихъ хронологически и рѣшая вопросъ о происхожденіи.

Въ основу статьи объ отреченномъ апокалипсисѣ Іоанна положено сравненіе его греческихъ списковъ съ славянскими и русскими, съ цѣлью возстановить первоначальный текстъ. Сдѣлано это нѣсколько небрежно (сл. на стр. 181, въ числѣ другихъ ненужныхъ, варианты къ ἡμῶν), есть и лишнія сопоставленія (сл. стр. 182 въ концѣ и 183 въ началѣ). Для хронологическихъ соображеній автора характерно слѣдующее: въ одной позднѣйшей копіи апокалипсиса, сдѣланной съ древней рукописи Napi, есть дополненіе, обнаруживающее знакомство съ отреченнымъ апокалипсисомъ Павла. Выводъ получается такой: что если ближайшій (почему?) переписыватель разсматриваемаго памятника зналъ апокрифическое откровеніе Павла, IV—V вѣковъ, то и самъ памятникъ могъ произойти не ранѣе этого времени. Но вѣдь мы не знаемъ, къ какому вѣку принадлежала рукопись Napi, а съ этимъ вмѣстѣ теряется и видимая опредѣленность слова „ближайшій“ (стр. 188—189).

„Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Синайской горѣ“—компиліяція, составленная подъ влияніемъ предыдущей статьи, и именно на славянскомъ югѣ:—потому что въ греческихъ спискахъ ея не находили (стр. 196). Иное заключеніе немислимо (стр. 213). Твердый

вопросами и одинаковыми историческими обстоятельствами (стр. 217). Съ этимъ вмѣстѣ онъ отрицаетъ внутреннюю зависимость одного отъ другого, не пригласивъ читателя участвовать въ ихъ сравнительной оцѣнкѣ. Изъ доводовъ въ защиту этого взгляда лишь одинъ заслуживаетъ вниманія: греческая статья говоритъ о значеніи покаянія въ дѣлѣ спасенія и присовокупляетъ, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, а слѣдовательно, и всякія приношенія бесполезны (1. с.), тогда какъ Вопросы придають большое значеніе поминанію усопшихъ и приношенію жертвъ за ихъ души (стр. 228). Но я не вижу здѣсь противорѣчій: въ греческомъ текстѣ говорится только, что послѣ смерти нѣтъ покаянія и прощенія (συχώρησις τῶν μετανοούτων), непосредственно передъ тѣмъ рекомендуется щедрое подаеніе въ церкви и нищимъ, ибо благаго дателя любитъ Господь. Какъ мыслятъ авторъ статьи о приношеніяхъ по смерти, мы не знаемъ, г. Мочульскій подсказываетъ ему, смѣло направляясь къ такимъ выводамъ: такъ какъ греческая статья сохранилась всего въ одномъ спискѣ, славянскихъ же до сихъ поръ не найдено, то Вопросы „о праведныхъ душахъ“ должны быть признаны русскимъ сочиненіемъ, аналогичнымъ съ греческимъ (стр. 217). Не прибѣгая къ критеріямъ языка, которые, быть можетъ, и не были бы доказательны при предположеніи русской передѣлки не-русскаго оригинала, г. Мочульскій снова обращается къ идеямъ милленаризма, обновившимся у насъ въ концѣ XV вѣка. Онѣ подсказали ему хронологію статьи (стр. 229). дополненія къ ней, встрѣтившіяся въ одномъ спискѣ, черты русскаго быта: вѣру въ сонъ и чохъ и т. д., и т. д. Точно это не встрѣчается и въ южно-славянскихъ статьяхъ учительнаго содержанія. точно бытовья черты дополненія вмѣстимы и всему памятнику? Г. Мочульскій обошелся и здѣсь, какъ съ дополненіемъ къ апокрифу по рукописи Nap1, и не обинуясь заключаетъ, что русскій авторъ Вопросы имѣлъ въ виду искоренить извѣстные недостатки изъ жизни русскаго народа.

На послѣдней статьѣ книги, какъ не принадлежащей къ ея составу (см. выше стр. 414) я не останавливаюсь. Укажу лишь на результаты изслѣдованій: Вареоломеевы вопросы Богородицѣ—остатки существовавшего когда то цѣлаго евангелія Вареоломея; апостоль Вареоломей, по свидѣтельству Епифанія, умеръ въ Арменіи, куда, по всей вѣроятности, принесъ и свое евангеліе. По сосѣдству, въ Малой Азійи и Сиріи поселились славяне, среди которыхъ развилась павликьянская ересь; партія этихъ павликянъ выселена была Ци-

бретонецъ по рожденію и бретонецъ душою, онъ понялъ то, что составляетъ яркую особенность этого народа, который столько вѣковъ хранилъ нерушимо завѣтъ предковъ и ревниво оберегалъ языкъ своихъ отцовъ. „Что говорить о живущихъ, когда всѣ мы *умирающие!*“—говоритъ бретонскій поэтъ, и отъ этихъ словъ вѣсть дыханіемъ смерти, которая началась съ жизнью, потому что всѣ мы только „умирающие“; жизнь и смерть одно: дѣти рождаются, парни и дѣвушки любятъ, цвѣты цвѣтутъ, травы благоухаютъ, по простору несется веселая пѣсня и — мимо: старики и старухи забыли беззаботную юность, забыли беззавѣтную любовь, цвѣты отцвѣли, травы высохли и подъ церковнымъ сводомъ, въ чаду кадиль при мерцаніи свѣчей раздается „вѣчная память“; пришелъ конецъ,—конецъ, которому нѣтъ конца. Въ этомъ всепроникающемъ чувствѣ смерти смыслъ книги г. Ле Браза, дающей ключъ къ бретонской душѣ. Сборниковъ легендъ, сказокъ, преданій много, но всѣ они, за рѣдкими исключеніями, представляютъ лишь болѣе или менѣе случайный наборъ фактовъ, въ нихъ только путемъ долгихъ розысканій можно найти нѣкоторыя характерныя черты того народа, которому онѣ принадлежатъ. Здѣсь же съ глубокимъ и чуткимъ пониманіемъ дѣла, опытной рукою начертано какъ бы „введеніе въ изученіе бретонской народной словесности“ мастерскимъ расположеніемъ обширнаго и надежнаго матеріала. Не можемъ поэтому удержаться, чтобы здѣсь же не выразить удивленія, какъ г. Ле Бразъ допустилъ въ свою книгу многорѣчивое (болѣе шестидесяти страницъ!) и совершенно безсодержательное введеніе г. Мариллье, которому рѣшительно не мѣсто въ такой серьезной и строго научной книгѣ.

Когда пересмотришь всѣ эти *gwerzion, sonion*, сказки и легенды¹⁾,

¹⁾ Считаемо не лишнимъ указать на главнѣйшіе и наиболѣе доступные сборники памятниковъ современной бретонской (подъ Бретанью и бретонцами мы разумемъ только Нижнюю Бретань—*Basse-Bretagne*, которая одна еще сохранила въ известной степени языкъ и воспоминанія старины) словесности: *F. M. Luzel, Gwerzion Breiz-Izel ou chants populaires de la Basse-Bretagne. Lorient. 1868—1874. 2 voll. Id. Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne. Paris. 1881. 2 voll. Id. Contes populaires de Basse-Bretagne. Paris. 1887. 3 voll. F. M. Luzel et A. Le Bras, Sonion Breiz-Izel. Chansons populaires de la Basse-Bretagne. Paris. 1890. 2 voll. Le Bras. Les Saints populaires, d'après la tradition populaire. Три статьи въ *Annales de Bretagne* 1893 года (мы пользовались отдѣльными оттисками этихъ трехъ статей). Для общаго обзора Бретани и бретонцевъ рекомендуемъ талантливую, хотя и немного устарѣвшую книгу Сувестра: *E. Souvestre, Les derniers Bretons* (первое изданіе въ 1836 г.).*

когда вы шурша проходите мимо раскрытыхъ дверей, всѣ начинаютъ говорить шепотомъ“....

Изящество и тонкость въ выраженіи чувства принадлежать, конечно, поэту, но чувство само—народное, которое на каждомъ шагу встрѣчаешь въ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ, какъ будто бретонскій народъ сохранилъ смутное воспоминаніе о вѣрѣ его предковъ въ то, что они потомки бога смерти; и какъ близка по духу бретонцамъ эта старая, красивая легенда ихъ родичей ирландцевъ о чудной дѣвѣ, которая, видимая только избранному ею богатырю, сманила его отъ любимыхъ и близкихъ въ свой стеклянный чельнъ, чтобы увезти его по морскимъ волнамъ въ дивную страну смерти—страну вѣчной жизни. Жизнь и смерть неразрывно сплетены вмѣстѣ, ибо жизнь начало смерти, а смерть начало жизни, и въ бретонскую душу глубоко запало это чувство, которое не позволяетъ человѣку остановиться на ужасѣ каждой единичной смерти, а соединяетъ умершихъ въ новой жизни и эту жизнь сближаетъ съ земною. Какая пропасть между такой любовью къ жизни и мертвящей, величавой безстрастностью далекихъ индійскихъ братьевъ бретонца. Развѣ мыслима была бы въ Бретани эта легенда про мать, потерявшую своего ребенка: Ребенокъ ея умеръ, она не понимаетъ, что такое смерть, и ищетъ лекарства отъ нея. Она идетъ къ великому учителю и, когда онъ заставляетъ ее убѣдиться, что умираютъ исѣ люди, сердце ея каменѣетъ, она забываетъ свою скорбь, бросаетъ своего умершаго мальчика въ лѣсу, какъ негодную, ненужную вещь, и внимаетъ проповѣди, которая говоритъ ей, что истинный мудрецъ безчувственъ передъ смертью, ибо страшный владыка смерти всегда уноситъ съ собою все: „потуши въ сердцѣ своемъ огонь любви“, говоритъ эти слова, ибо всякая жизнь не вѣчна и, любя, ты будешь страдать за то, что теряешь, и душа твоя лишится того спокойствія, безъ котораго тебѣ не понять, что все тлѣно, а въ этомъ и есть истинный смыслъ всего, ибо все, что жизнь, есть лишь обманъ и пагуба.

Чувство это проникаетъ безчисленныя буддійскія легенды и представляетъ яркую противоположность бретонскаго отношенія къ смерти и къ жизни. Легенда, о которой мы только что говорили (легенда о *Kisagotami*), намъ кажется на столько характерной, что мы даемъ ее здѣсь цѣликомъ въ переводѣ съ палийскаго текста ¹⁾.

¹⁾ Мы пользуемся текстомъ изъ брошюрѣ *Tissena: I. K. Thiessen, Die Legende von Kisagotami. Eine literarhistorische Untersuchung, Breslau, 1880.* Часть текста, не имѣвшую непосредственнаго отношенія къ занимающему насъ вопросу, мы только пересказали, а не перевели.

Однажды въ Savatthī у одного купца всё деньги сдѣлались углями, въ отчаяніи онъ даже пересталъ принимать пищу. Къ нему пришелъ одинъ его другъ и посовѣтовалъ принести угли въ лавку и сѣсть возлѣ нихъ, какъ будто, чтобы торговать; люди стануть приходить и спрашивать его, какъ это онъ продаетъ уголь; пусть онъ ждетъ, пока не придетъ кто нибудь, кто спроситъ его, зачѣмъ онъ продаетъ золото; пусть онъ тогда спроситъ его, гдѣ золото, и попроситъ подать себѣ его, и поданный этимъ человѣкомъ уголь превратится въ золото. Если это будетъ дѣвушка, пусть онъ на ней женить сына. если юноша, пусть выдастъ за него свою дочь и пусть только изъ ихъ рукъ пользуется своими деньгами.

Купецъ поступилъ по совѣту пріятели. Угли въ золото превратила дѣвушка, по имени Kisaḡotamī (худощавая Gotamī), на которой онъ и женилъ своего сына.

„По прошествіи нѣкотораго времени она стала беременной и черезъ десять мѣсяцевъ родила сына; онъ, едва выучившись ходить, умеръ. Она, не видавъ раньше смерти, не позволила унести его, чтобы сжечь, и съ мыслью: „пойду, спрошу лекарство для сына“, взяла на руки трупъ и стала ходить изъ дому въ домъ, спрашивая: „Не знаете ли вы лекарства для моего сына?“. Но люди говорили ей: „Милая, что ты обезумѣла, что ходишь и спрашиваешь лекарство для умершаго сына?“ Она говорила: „Навѣрное я найду человѣка, который будетъ знать лекарство для моего сына“. И одинъ мудрый человѣкъ увидалъ ее и подумалъ: „вотъ эта, дочь моя, вѣрно родила перваго сына“; онъ сказалъ ей: „И, милая, не знаю лекарства, но я знаю знающаго лекарство“. — „Отецъ, кто знаетъ?“ — „Учитель, милая, знаетъ, пойди и спроси его“. Она отвѣтила: „И пойду, отецъ“. Пошла къ учителю, преклонилась передъ нимъ, стала въ сторонѣ и спросила: „Знаешь ли ты дѣйствительно, господинъ, лекарство для моего сына?“ — „Да, знаю“, сказалъ онъ. — „Что же надо взять?“ — „Надо взять щепотку горчишныхъ зеренъ“. — „Возьму, господинъ, но изъ чьего дома надо взять?“ — „Изъ дома того человѣка, у котораго не умерли ни дочь, ни сынъ, ни кто либо другой“. Она сказала: „хорошо, господинъ“, преклонилась передъ учителемъ, взяла ребенка на руки и пошла въ городъ. Ставъ у первой же двери, она спросила: „Есть ли въ этомъ домѣ горчишныя зерна? они лекарство моего сына“. Ей отвѣтили: „есть“. — „Такъ дайте“. — Когда горчишныя зерна достали и дали ей, она спросила: „Что въ этомъ домѣ не умиралъ ли сынъ, или дочь, или кто другой?“ Ей отвѣтили: „Милая, что ты говоришь,

живущихъ мало, а мертвыхъ много". — „Такъ возьмите ваши горчишныя зерна, они не лекарство для моего сына“; сказавъ это, она отвергла зерна. И она шла, спрашивая съ самаго начала такимъ образомъ. Ни въ одномъ домѣ она не взяла горчишныхъ зеренъ и вечеромъ она начала думать: „Увы, тяжкое это дѣло, я полагала, что только мой сынъ умеръ, а вотъ во всемъ городѣ умершихъ больше, чѣмъ живыхъ“. И когда она размышляла такъ, сердце ея, мягкое отъ нѣжности къ сыну, сдѣлалось твердымъ; и, бросивъ сына въ лѣсу, она пошла къ учителю, преклонилась передъ нимъ и стала въ сторонѣ. Тогда учитель сказалъ ей: „Что же, получила ты хоть одну щепотку горчишныхъ зеренъ?“ — „Нѣтъ, господинъ, я ихъ не получила; во всемъ городѣ больше умершихъ, чѣмъ живыхъ“. И учитель сказалъ ей: „Ты думала: только мой сынъ умеръ, а это непреложный законъ для живыхъ существъ; вѣдь владыко смерти, какъ потокъ, вырываетъ всѣ существа, даже и тѣ, чьи намѣренія не исполнены, и бросаетъ ихъ въ море гибели“. Сказавъ такъ, уча закону, онъ произнесъ слѣдующій стихъ:

„Смерть уносить съ собою человѣка, увлеченнаго дѣтми своими, стадами своими и преданнаго удовольствіямъ, подобно тому, какъ потокъ уносить съ собою спящую деревню“.

По произнесеніи этого стиха Kisāgotamī достигла степени sotāpatti; и многіе еще достигли степени sotāpatti и другихъ степеней святости. Если сравненіе съ холодной, безстрастной индійской легендой особенно ярко выдвигаетъ всю жизненность, теплоту и глубину чувства бретонскихъ пѣсенъ и легендъ, то съ другой стороны намъ нельзя не замѣтить, что всѣ эти преимущества куплены дорогою цѣною: привычка примиренія съ неизбѣжнымъ, уходъ въ себя, въ свою душу, убили въ бретонцѣ почти совершенно силу воображенія; онъ остался глухъ къ тому голосу, который зоветъ „въ страну сновидѣній, за предѣлы возможнаго, за предѣлы извѣстнаго“¹⁾. Мы дальше замѣтимъ, какъ жалки, не самостоятельны и блѣдны его картины рая, ада, чистилища. Онъ старается ихъ какъ можно лучше приспособить къ своимъ земнымъ понятіямъ и какъ-то упрямо боязливо сторонится отъ всего чудеснаго. Посмотрите, что онъ сдѣлалъ съ

¹⁾ Et l'autre: „Viens! Oh! viens voyager dans les rêves,
Au delà du possible,
au delà du connu!“.

Baudelaire, La voix (Fleurs du Mai).

мая доставить удовольствіе мужу, царевна обмѣниваетъ „старого маленькаго святаго“ на новую статую. Узнавъ о происшедшемъ, мужъ въ отчаяніи; онъ бѣжитъ за продавцомъ и скупаеъ у него всю лавку за 600 франковъ. Онъ третъ голову святому, но тотъ отвѣчаетъ ему, что онъ уже довольно послужилъ ему для полученія всякихъ благъ, и затѣмъ удаляется въ скалу ждать 1100 лѣтъ, пока явится ктонибудь другой.

Выяснивъ такимъ образомъ тѣ двѣ основныя черты, которыя мы видимъ въ бретонской народной словесности: постоянное чувство смерти вмѣстѣ съ полнымъ примиреніемъ съ неизбежнымъ и затѣмъ отсутствіе силы воображенія въ творчествѣ, мы постараемся передать въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Ле Браза. Признаковъ приближенія смерти много, надо только ихъ понимать, и есть люди, которые обладаютъ этимъ даромъ вполне, это тѣ особенно: „которыхъ принесли на священную землю кладбища“ и унесли до крещенія, какъ то иногда случается съ дѣтьми¹⁾); обладаютъ чудеснымъ даромъ еще тѣ, у кого находится трилистникъ съ четырьмя листьями или зерно, бывшее подъ жерновомъ и не смоловшееся, и тому подобное. И много бываетъ этихъ признаковъ, и они никогда не обманываютъ, и за ними вслѣдъ тащится Анку—батракъ смерти, и каждый годъ Анку въ каждомъ приходѣ смѣняется: имъ дѣлается послѣдній умершій въ году. Ночью, въ разбитой телѣгѣ, съ двумя конями, тощимъ и жирнымъ, ѣдетъ съ своею косою Анку и лезвее его косы обращено наружу, и онъ коситъ передъ собою, и съ нимъ два товарища—первый держитъ подъ уздцы тощую лошадь, которая идетъ впереди, второй отворяетъ по дорогѣ калитки и бросаетъ въ телѣгу скошенныхъ Анку людей. И когда коса притупится, Анку беретъ человѣческую кость и точитъ ею косу. Случается, что кузнецъ изъ-за спѣшной работы не тушитъ, какъ то надо, огня въ своей кузницѣ въ субботу послѣ полуночи: къ нему заѣзжаетъ Анку и отдаетъ ему починить косу, и тотъ кузнецъ уже больше никогда не сработаетъ работы ни для кого. У Анку есть два главныхъ поставщика—Чума и Голодъ; былъ еще третій Соляной Налогъ, но его уничтожила блаженной памяти герцогиня Анна Бретонская. У Анку есть свои дороги: это тѣ, по которымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе увозили умершихъ, и горе тѣмъ, кто захочетъ заграждать эти дороги!

¹⁾ Церковь, куда приносятъ крестить ребенка, очень часто стоитъ посрединѣ кладбища; ребенка могли принести крестить и унести до совершенія таинства.

которые вамъ скажутъ, что звали ее Ахэсъ, и что она была родной дочерью царя Гралона, государя города Иса. Можетъ быть, это и правда, а можетъ—и нѣтъ.

„Во всякомъ случаѣ, каждая семь лѣтъ, даже заколдованная, она умѣла власть надъ семью верстами суши и семью верстами моря вокругъ острова.

„Я разкажу вамъ, какъ она лишилась этой власти.

„Но знайте сперва, что власть ея была пагубой, и когда она начиналась, надъ моремъ поднимался огромный красный туманъ. Оттого, вѣрно, рыбаки и называли царевну „Красной Госпожей“. Поднимался затѣмъ ужасный вихрь и разгонялъ туманъ и волновалъ море до самой глубины. Въ эти дни даже самыя большіе сибльчаки не выѣзжали въ своихъ лодкахъ въ море. И у себя въ домахъ, въ заперти, всѣ дрожали отъ страху. Какъ клочья волосъ, сорванные съ человѣческихъ головъ, летала солома съ крышъ! И вѣтеръ былъ страшный! Онъ врывался въ трубы и ревѣлъ, какъ великанъ въ ярости. Что говорилъ вѣтеръ, никто не понималъ хорошенько, но говорилъ онъ грубо, какъ человѣкъ, когда сердится. Для заклинаній царевны, которая была виною всему этому, много обѣдено было отслужено въ церкви Божьей Матери, что въ Бѣлой Гавани, и самыми искусными священниками, но все напрасно: каждая семь лѣтъ поднимался тотъ же дикій, бѣшенный шумъ. И рѣшили наконецъ, что нѣтъ ни у людей, ни у Бога средства успокоить царевну и сдѣлать ее безвредной.

„Тѣмъ временемъ одна нищенка однажды вечеромъ отправилась на Островъ Замка, чтобы наловить ракушекъ ночью при отливѣ.

„Ей пришлось подождать немного, пока вода не спустилась со скаль.

„Отъ нечего дѣлать стала она перебирать четки, потому что она была жѣнщина набожная, за что и прозвали ее Франсуаза-молитвенница. Дошла она до третьяго десятка, перебирала четки, вдругъ обернулась и видитъ вмѣсто огромной скалы, которая поднималась надъ островомъ, часовню, высокую и большую, подобно церкви, и окна въ часовнѣ блестятъ огнями.

„Она встала, оставила снасти и побѣжала къ чудесной часовнѣ.

„И она увидала надпись золотыми буквами, блестящую, на бретонскомъ языкѣ; а Фантэсъ умѣла читать по-бретонски.

„Надпись гласила:

„Если ты сможешь, сама не замѣченная, посмотрѣть въ часовню

„Фантэсъ очутилась передъ прудомъ, устроеннымъ изъ тесанныхъ камней. Вода въ немъ была прозрачная и свѣтилась; тамъ и сямъ плавали трупы, лицомъ вверхъ. Въ двухъ изъ нихъ, болѣе близкихъ къ берегу, Фантэсъ узнала двухъ земляковъ, которые утонули въ бурю въ минувшемъ году, никто хорошенько не зналъ—гдѣ.

„Стальной шлюзъ закрывалъ прудъ; однимъ изъ ключей нищенка открыла шлюзъ, и вода пѣнясь сбѣжала въ море. Утопленники вставали, точно воскресшіе, и Фантэсъ видѣла, какъ они уходили, распѣвая священныя пѣсни, шествуя по волнамъ, какъ нѣкогда Иисусъ.

„Когда вся вода вытекла, Фантэсъ увидала, что все дно пруда покрыто золотыми монетами. Она собрала, сколько могла, и пошла домой. На слѣдующій день, рано утромъ, она пошла къ исповѣди:

„Что мнѣ дѣлать со всѣмъ этимъ золотомъ?“—спросила она священника, рассказавъ ему о своемъ приключеніи.

„Закажите обѣдни за упокой тѣхъ, кто въ томъ нуждается, отвѣтилъ священникъ,—и раздайте милостыню живымъ“.

Часто души являютя людямъ, чтобы помочь имъ спастись,—если они совершили много зла, но способны еще раскаяться и жестокою мукою здѣсь на землѣ пріобрѣсти себѣ вѣчное блаженство на небѣ. Такъ души погубленныхъ безчеловѣчною матерью дѣтей спасли ее отъ вѣчной гибели, когда въ душѣ ея заговорило раскаяніе отъ словъ ея послѣдняго ребенка, который, еще до рожденія, изъ чрева ея увѣщевалъ ее покаяться. Вотъ что рассказываютъ объ этомъ:

Безчеловѣчная мать.

„Ивона Коскэръ поступила восемнадцати лѣтъ въ услуженіе къ графу де Кергамъ. Красивая была она дѣвушка; но красота, увы, часто становится пагубой. Графъ де Кергамъ однажды засталъ ее одну въ кухнѣ, подошелъ къ ней и сказалъ:

„Графиня, моя жена, уже старѣется; если ты станешь моей любовницей, Ивоночка, то я тебѣ послѣ смерти оставляю половину своего имущества“.

„Несчастливая не устояла противъ искушенія и стала любовницей графа де Кергамъ.

„И отъ него у нея было пять дѣтей.

„По приказанію графа она всѣхъ ихъ душила тотчасъ послѣ рожденія, а онъ ихъ зарывалъ своими руками въ рощицѣ около замка.

„Стала Ивона беременной въ шестой разъ, и беременность была

мом предписанія. Испытаніе ваше будетъ тяжелое, но вы спасетесь, если вытерпите до конца.

„Пойдите же въ рошу, гдѣ графъ де Кергамъ зарылъ вашихъ дѣтей; идите туда около полуночи и ждите; что бы съ вами ни случилось, вѣрьте въ милосердіе Божіе. У васъ будетъ могучій союзникъ, который поможетъ вамъ преодолѣть испытаніе“.

„Но какой это будетъ союзникъ, этого молодой священникъ не сказалъ, и въ чемъ будетъ состоять страшное испытаніе, этого онъ тоже не сказалъ.“

„У Ивоны Коскэръ стало легче на сердцѣ. Хотя ноги ея отъ ходьбы распухли и были въ крови, она мужественно отправилась въ путь къ рошѣ близъ Кергамскаго замка. Она пришла туда къ ночи и стала на колѣни въ мокрой травѣ, подъ большими деревьями. Сердце ея разрывалось на части, когда она думала о шести бѣдныхъ существахъ, которыя были тутъ зарыты, и при воспоминаніи о совершенныхъ преступленіяхъ потекли слезы.“

„Съ часовни замка пробило полночь.“

„Ивона подняла голову: въ вѣтвяхъ дерева она услышала шумъ; она недоумѣвала, что бы это могло быть, и вдругъ увидѣла, что стоя бѣлокъ спускалась съ деревьевъ. Всѣ бѣлки накинулись на нее и начали рвать ей грудь зубами и когтями, крича:

„А наконецъ-то мы ее поймали, безчеловѣчную мать, безчеловѣчную мать!“

„Ивона поняла тогда, что эти бѣлки—ея дѣти, которыхъ она такъ жестоко умертвила.“

„Она прошептала: Да исполнится воля Господня“.

„И она не мѣшала бѣлкамъ раздирать ей грудь и не двигалась и не стонала; но, замѣтивъ, что бѣлокъ всего пять, она спросила:

„Васъ должно быть шесть, милыя дѣти, гдѣ же шестой?“

„Бѣлки ничего не отвѣтили, но съ еще большимъ бѣшенствомъ впились въ нее; она хваталась руками за траву, чтобы какъ нибудь вынести нестерпимую боль. Раздирая ея тѣло, бѣлки, наконецъ, добрались до сердца, и одна изъ нихъ съ такою яростью впилась въ сердце, что кровь брызнула и полилась краснымъ дождемъ. Тутъ Ивона Коскэръ застонала:

„Боже мой, Боже мой!“—закричала она и стала терять сознание.“

„Но вдругъ ея, уже полузакрытымъ, глазамъ представился яркій свѣтъ, и среди этого яркаго свѣта она увидала дитя прекрасное, какъ день; оно ласково улыбалось небесной улыбкой!“

Въ то время, какъ на сушѣ отличались Александръ Голицынъ, Румянцевъ, русскій флотъ дѣйствовалъ, подъ главнымъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова, въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ. Это появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ смутило турокъ и ихъ союзниковъ, между прочимъ дубровчанъ. До сихъ поръ дубровчане, казалось, были въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Россіей: много дубровчанъ служить на Руси (особенно во флотѣ), дубровницкіе поэты на всѣ лады прославляютъ Петра Великаго, дубровницкій сенатъ пишетъ ему привѣтственное льстивое посланіе по поводу полтавской побѣды (VIII приложение къ сочиненію Иречка) и т. п. Дубровникъ обязывается быть нейтральнымъ въ русско-турецкихъ войнахъ. Но русскіе—далеко (думаютъ въ то же время дубровчане) и не могутъ быть очень опасны для республики; поэтому ради разныхъ выгодъ, которыя всегда руководили дубровницкой политикой, дубровчане позволяютъ себѣ нарушить нейтралитетъ и помогаютъ туркамъ какъ доставкой сѣстныхъ и военныхъ припасовъ, такъ даже личнымъ участіемъ въ битвахъ. Мало того, они секвестровали одно частное русское судно безъ всякаго видимаго основанія..

Понятно теперь смущеніе Дубровника съ появленіемъ русскаго флота въ водахъ Средиземнаго моря. Русское правительство объявляетъ дубровницкую республику непріязненной и поступаетъ съ нею, какъ съ врагомъ—стѣсняетъ свободу плаванія, конфискуетъ суда, Орловъ грозитъ даже разрушеніемъ самого города Дубровника. Въ это тяжелое время Дубровникъ прибѣгаетъ къ своей всегдашней защитѣ—дипломатіи. Рѣшено снарядить посольство какъ прямо въ Петербургъ, такъ и къ другимъ дворамъ для ходатайства передъ петербургскимъ правительствомъ за провинившійся Дубровникъ. Главную роль въ этомъ посольствѣ играетъ графъ Францъ Ранина. Его подробныя донесенія, открытыя нынѣ г. Иречкомъ, обнаруживаютъ передъ нами во всѣхъ деталяхъ хлопоты дубровницкой республики при дворѣ Маріи Терезіи, у Фридриха II, у герцога Тосканскаго, наконецъ, при дворѣ Екатерины II.

Ранина, человекъ уже пожилой, часто прихварывающій, безъ надлежащихъ инструкцій, связанный во всѣхъ мелочахъ нерѣшительнымъ дубровницкимъ сенатомъ, наконецъ, безъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, является истиннымъ героемъ на своемъ посту—защиты интересовъ роднаго города. Онъ всѣхъ проситъ, переноситъ косые взгляды, часто рѣзкости, не отступаетъ передъ отказомъ. Чѣмъ меньше могли помочь его дѣлу Марія Терезія, Фридрихъ II, папа,

тѣмъ болѣе прилагаетъ онъ стараній склонить на свою сторону Екатерину. У самой императрицы ему не удалось получить аудиенціи, такъ какъ республика считалась зависимою отъ султана, грамоты посольскія были не въ полномъ порядкѣ и самыя цѣли посольства Ранины заранѣе не одобрялись; пришлось поэтому Ранинѣ ограничиться молчаливымъ цѣлованіемъ руки Екатерины во время ея торжественныхъ выходовъ.

Но тѣмъ не менѣе ходатайство Ранины передъ Панинымъ, Орловыми не осталось бесполезнымъ: это видно какъ изъ точныхъ отчетовъ Ранины сенату о каждой его аудиенціи у того или другаго русскаго вельможи, такъ и изъ заключенной въ іюнѣ 1775 года конвенціи между Россіей и Дубровникомъ. Всѣ проступки Дубровника ему милостиво прощены, русскіе выговорили лишь право имѣть въ Дубровникѣ своего консула и православную капеллу въ домѣ этого консула. Здѣсь собственно кончается цѣль посольства Ранины. Но его донесенія являются полезными и для пополненія нашихъ свѣдѣній о личности дѣятелей екатерининскаго времени (особенно Панина, Орловыхъ, Голицына) и многихъ политическихъ событіяхъ этого времени, въ которыхъ Россія принимала участие (раздѣлъ Польши, турецкая война, самозванцы).

Нѣкоторыя изъ донесеній Ранины, наиболѣе любопытныя, приведены г. Иречкомъ дословно въ приложеніи, объ остальныхъ читатель получаетъ достаточное понятіе изъ самаго изложенія. Но авторъ не ограничился одними сношеніями Россія съ Дубровникомъ въ 1771—1775 годахъ, къ которымъ относится корреспонденція Ранины, а далъ намъ, на основаніи уже извѣстныхъ раѣе источниковъ и пособій, во введеніи — очеркъ политическаго состоянія республики до 1771 года и въ заключеніе изобразилъ политическую судьбу Дубровника съ 1775 по 1808 годъ, такъ что событія 1771 — 1775 годовъ объясняются какъ со стороны своихъ причинъ, такъ и слѣдствій, и читателю остается впечатлѣніе цѣлостной картины, можетъ быть, скучныхъ, но важныхъ для внутренней судьбы Дубровницкой республики политическихъ ея сношеній съ прочими государствами.

А. Липовскій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

„Землевѣдѣніе“. Периодическое изданіе Географическаго отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии. Книжка I. Подъ редакціей предсѣдателя Географическаго Отдѣленія Д. Н. Анучина. Москва.—Настоящая книга представляет первый номеръ органа Географическаго отдѣленія, состоящаго при Обществѣ любителей естествознанія. Органъ этотъ основанъ для менѣ крупныхъ статей и рефератовъ, доложенныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, а также для протоколовъ этихъ засѣданій; предполагается также, по мѣрѣ возможности, помѣщать въ немъ географическіе обзоры и библиографію. Редакторъ новаго изданія Д. Н. Анучинъ начинаетъ книжку статью „Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и о задачахъ Географическаго кружка въ Москвѣ“. Изложивъ въ краткихъ чертахъ исторію развитія русскаго землевѣдѣнія, почтенный профессоръ говоритъ о причинахъ, вызвавшихъ возникновеніе кружка. „Нельзя не признать, что въ современномъ русскомъ обществѣ интересъ къ географіи развитъ гораздо менѣ, чѣмъ на западѣ...“ (стр. 10) и „что даже центральныя части Имперіи изучены еще весьма несовершенно во многихъ отношеніяхъ“ (стр. 8). И въ томъ, что до сихъ поръ сдѣлано для изученія географіи и этнографіи Россійской Имперіи, значительная часть сдѣлана иностранцами, (ислѣдовавшими центральную Азію, Сибирь и Кавказъ). А между тѣмъ, помимо того, что изученіе географіи само по себѣ представляетъ высокій научный интересъ и является важнымъ подспорьемъ какъ для естествознанія, такъ и для исторіи, статистики и многихъ прикладныхъ наукъ,—развитіе нашихъ торговыхъ сношеній съ другими странами побуждаетъ насъ ознакомиться поближе съ естественными богатствами нашей страны, съ нашими естественными путями сообщенія—морями и рѣками, которые для насъ такъ же важны, какъ и желѣзнодорожныя пути къ отдаленнымъ окраинамъ Россійской Имперіи. Не менѣ интересно и важно изучить условія, вліяющія на земледѣльческую производительность страны. Вотъ какія мысли руководили основателями небольшого географическаго кружка, принявшаго видъ особаго Географическаго отдѣленія при Обществѣ любителей естествознанія. Отдѣленіе предполагаетъ устраивать засѣданія,—какъ публичныя, такъ и закрытыя,—организовать экспедиціи и экскурсіи съ научной цѣлью, издавать труды Отдѣленія и устраивать географическія выставки; оно обращается съ просьбой о содѣйствіи ко всѣмъ лицамъ интересующимся той или другой областью научнаго и прикладнаго землевѣдѣнія.—Составлена настоящая книжка очень разнообразно. Кромѣ вышеупомянутой статьи редактора, мы находимъ въ ней статью Г. И. Кулковскаго—объ озерахъ Обонезскаго края, Д. Н. Мамина-Сибиряка—о вершинѣ южнаго Уральскаго хребта Иремели, статью Д. М. Головачева по географіи западной Сибири („Въ верховьяхъ Томи“), статью И. В. Шкловскаго о крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири и А. В. Подрузскаго—о восточномъ концѣ Сибирской желѣзной дороги, статью В. Г. Михайловскаго—о горныхъ группахъ и ледникахъ центральнаго Кавказа, Д. Н. Анучина

чна—, О судьбѣ Колумба, какъ исторической личности^а и статью гр. П. С. Уваровой о конгрессахъ и выставкахъ, бывшихъ въ Италіи и Испаніи въ 1892 г. Кромѣ того, въ книжкѣ помѣщается географическій обзоръ и библиографическія новости и, въ видѣ приложеній, протоколы засѣданій Отдѣленія и Отчетъ о первой Географической выставкѣ, бывшей въ Москвѣ гѣтомъ 1892 г. Цѣна этой книжкѣ 2 р. 50 к., а годовому изданію, которое, какъ предполагается, должно состоять изъ 4 книжекъ размѣромъ въ 10—15 и болѣе листовъ, 6 рублей. Желаемъ этому предпріятію полного успѣха.

Московский Библиографическій Кружокъ. „Книговѣданіе“. Ежемѣсячный библиографическій журналъ (съ иллюстраціями). № 1. Москва.—Содержаніе: Отъ редакціи.—Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.—Библиографія: Къ библиографіи сочиненій Г. Н. Городчаннинова. *Н. Лизачевъ*. Къ библиографіи журнальныхъ указателей. *В. Осторожевъ*. Къ библиографіи журнальной литературы о Пансіѣ Лигаридѣ. Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. Библиографическія замѣтки.—Библиотековѣданіе: Библиотека Московской Духовной Академіи. *И. Корсунскій*. Алфавитный списокъ произведеній печати, которыя не допускаются къ обращенію въ публичныхъ бібліотекахъ. Разныя извѣстія о бібліотекахъ изъ періодической печати. Портретъ А. С. Пушкина.—Приложеніе: Списокъ трудовъ: М. А. Корфъ (съ портретомъ), А. И. Левитовъ (съ портретомъ), В. Н. Берхъ, П. А. Некрасовъ (съ портретомъ). П. М. Лыковъ.—Овѣявлении.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенныя въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. Томъ II. Сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, божба, проклятія, ругань, заговоры, духовныя стихи и проч. С.-Пб. 1893.

— Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ 5-й. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Цѣна 1 рубль. Москва. 1893. Содержаніе: 1. Дѣло о присылкѣ шахомъ Авбасомъ Ризы Господней царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 г. (Съ 1 фототипіей). *С. А. Бялокурова*. 2. Путешествіе въ Узбекістанъ въ 1671 г. *Н. В. Чарикова*. 3. Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской Оружейной Палатѣ. Барона *Ѳ. А. Буллера*. 4. Очеркъ жизни и дѣятельности ориенталиста Керра. *М. П. Шугалова*. 5. Очеркъ Ясскаго конгресса. *А. В. Лопухина*. 6. Библиографическая рѣдкость. (Привѣтствіе кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, говоренное Амвросіемъ архіепископомъ Еваторинославскимъ. Печатано въ Яссахъ генваря 24 дня 1790 г.). 7. Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ Архиву *Ѳ. В. Вешняковымъ*. 8. Сношенія Россіи съ Мальтійскимъ орденомъ. Ч. I (до 1789 г.). *А. А. Дяльцова*. 9. Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за-границей и иностранныхъ при русскомъ Дворѣ. (Съ начала сношеній по 1800 г.). Выпускъ I. Австро-Венгрія. Сост. *С. А. Бялокуровимъ*. — Въ приложеніи: 10. Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за-границей. *В. А. Уляницкаго*. 11. Каталогъ изданій, продающихся

ПРИ КОМИССИИ ПЕЧАТАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

— Военодданнѣйшій отчетъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ за 1892 годъ. Москва. 1893.

— Палестина подъ властью христіанскихъ императоровъ (326—636 гг.). По *Альфону Куре*. Изданіе редакціи *Русскаго Паломника*. С.-Пб.

— Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII вѣкахъ. В. *Шмановскаго*. Варшава. 1893.

— Общія основы школьнаго комментарія къ древнимъ авторамъ. В. *Фаминскій*. Москва. 1893.

— Нѣсколько словъ о рывацкихъ школахъ. *И. Бородинъ*. Оттискъ изъ журнала *Техническое Образование* 1894 года, № 1.

— *Хрсаневъ Лопарева*. Описаніе рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Часть вторая 1893.

— Памятники древней письменности. ХCVII. Слово въ Великую субботу, принадлежащее Святому Кириллу Туровскому. Сообщеніе *Хрсанева Лопарева*. 1893.

— Памятники древней письменности. ХCVI. ΒΙΟΣ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΚΑΙ ΔΙ-ΚΑΙΟΥ ΕΥΔΟΚΙΜΟΥ, изд. από ΧΡΥΣΑΝΘΟΥ ΛΟΠΑΡΕΒΟΥ.—Житіе Святаго Евдокима Праведнаго. Сообщеніе *Хрсанева Лопарева*. 1893.

— В. *Ульяницкій*. Междукняжескія отношенія во Владиміро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вѣкахъ. (Къ вопросу о „двуименныхъ“ или „союзныхъ“ деньгахъ). Москва. 1893.

— Городъ Качивей или Гадживей, предшественникъ города Одессы. *А. Маркевича*. Одесса.

— Документы, относящіеся къ исторіи города Одессы. Сообщилъ *А. Маркевичъ*. (Отдѣльный оттискъ изъ XVI-го тома *Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*).

— Краткій курсъ прямолинейной тригонометрии. Составилъ *К. Торпозъ*, преподаватель Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища. Пермь.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Избранныя оды Горация, объясненныя *В. Модестовымъ*. Изданіе второе. С.-Пб. 1893.

Второе изданіе книги г. Модестова отличается отъ предидущаго, кромѣ перемѣнъ редакціоннаго свойства, опущеніемъ 26-й оды III-й книги (*Vixi puellis purer idoneus*), какъ не совсѣмъ удобной для школьнаго чтенія, съ прибавленіемъ *Carmen saeculare*, возбуждавшаго въ послѣднее время особый интересъ, благодаря найденному въ 1890 году отчету о празднованіи юбилейныхъ игръ, съ упоминаніемъ и объ этомъ гимнѣ. Ему предпослано небольшое введеніе, а самый текстъ сопровождается обширнымъ комментариемъ, уясняющимъ отдѣльныя подробности стихотворенія. Комментарій этотъ затрагиваетъ вопросы не только экзегезы, но и критики текста, и значительно способствуетъ болѣе правильному и обстоятельному пониманію этого не легкаго стихотворенія.

Сатиры Горация. Книга I. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Горациѣ. Составилъ для употребленія въ гимназіяхъ *Т. Боршевскій*, преподаватель Владикавказской гимназіи. Владикавказъ. 1892 г.

Разсматриваемое изданіе содержитъ въ себѣ текстъ сатиръ Горация (за исключеніемъ второй сатиры), вошедшихъ въ первую книгу; текстъ этотъ снабженъ введеніемъ, въ которомъ заключается краткая біографія поэта съ объяснительными примѣчаніями. По заявленію составителя, при выборѣ текста и при обработкѣ примѣчаній онъ

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

держался по преимуществу XII-го изданія сатиръ и посланій Горация—Крюгера; этого выбора нельзя не одобрить, потому что названное изданіе обладает выдающимися достоинствами, которыя дѣлаютъ его наиболѣе подходящимъ къ требованіямъ школы. Сверхъ Крюгера, авторъ пользовался и другими пособіями, на которыя, впрочемъ, не указываетъ, если не считать одиноко стоящей, и при томъ для гимназиста совершенно недоступной ссылки на *Lachmann ad Lucr.*

Изданіе г. Боршевскаго не лишено извѣстныхъ достоинствъ: оно напечатано довольно исправно, введеніе изложено, хотя кратко, но достаточно само по себѣ, примѣчанія содѣйствуютъ болѣе легкому и правильному пониманію текста сатиръ. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній нуждаются въ исправленіи и даютъ мѣсто предположенію, что авторъ торопился выпускомъ въ свѣтъ своего труда и не захотѣлъ придать ему окончательную отдѣлку. Вотъ немного примѣровъ изъ многихъ:

Стр. 26: „Стихотворный размѣръ для сатиры—гексаметръ—установленъ впервые Луциліемъ, древніе же комики писали преимущественно ямбическимъ триметромъ“. Зачѣмъ здѣсь являются комики?

Стр. 27: „*beatus*—съ ироніей сказано.“; срв. 28: „что не рѣдко бываетъ.“.

Стр. 29: *acer spiritus* авторъ рекомендуетъ переводить чрезъ: „пламенный полетъ“, съ чѣмъ трудно согласиться: *spiritus* здѣсь скорѣе „вдохновеніе“.

Стр. 37: Аппій Клавдій зовется основателемъ Аппіевой дороги. Выраженіе не ловкое.

Стр. 40: „*Aufidio Lusco praetore*—преторскій чиновникъ въ городѣ Фундахъ, который прежде былъ въ Римѣ простымъ *scriba*, а теперь, будучи назначенъ преторскимъ чиновникомъ въ маленькомъ городкѣ, окружилъ себя всѣми знаками преторской власти; надъ его тщеславіемъ такъ забавно подшучиваетъ Гораций.“ Здѣсь слѣдовало бы указать, въ чемъ состоитъ эта забавность, то-есть, разъяснить иронію въ употребленіи конструкции: *Aufidio praetore*. Кромѣ того, выраженіе: преторскій чиновникъ врядъ ли удачно.—*Ibid.* „Меценатъ, какъ извѣстно, былъ врагомъ всякихъ внѣшнихъ отличій и никогда не носилъ senatorской туники“. Да и зачѣмъ ему было ее носить, если онъ былъ только всадникомъ?

Стр. 42: Подробности объ игрѣ въ мячъ представляются излишними, такъ какъ не вызваны текстомъ.

Стр. 48: „Между Бари и Брундузіемъ“. Постановка рядомъ двухъ

названій городовъ — одно въ современной, другое — въ древней формѣ, представляется страннымъ.

Стр. 58: *fascēs* опредѣляются, какъ пучки лозъ изъ березоваго дерева. Береза въ Италиі не растетъ.

Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна.

- 1) М. Туллій Цицеронъ. Речь за Лигаріи. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 2 рисунками и географическими картами. Объяснилъ В. Алексеевъ. С.-Пб. 1893. Стр. 15+43. Цѣна 30 коп.
- 2) М. Туллій Цицеронъ. Речь за Архія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 4 рисунками и географическими картами. Объяснилъ Н. Петушиль, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета. С.-Пб. 1893. Стр. 15+47. Цѣна 30 коп.

Обѣ книжки входятъ въ составъ „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна“, общій характеръ котораго уже давно извѣстенъ. Оба разсматриваемые выпуска вполне соответствуютъ этому характеру и могутъ быть такъ-же, какъ и предыдущіе, весьма полезны для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

На случай втораго изданія труда г. Алексѣева считаемъ излишнимъ указать на нѣкоторыя частности, нуждающіяся въ измѣненіи:

Стр. 23: „Титулъ *imperator*'а полководецъ получалъ отъ солдатъ послѣ побѣды; по возвращеніи въ Римъ онъ слагалъ его“. Тутъ нелишнее дополнить, что *acclamatio imperatoris* происходила на полѣ выиграннаго сраженія, и что триумфирующій полководецъ удерживалъ титулъ *imperator* и въ Римѣ, въ день своего триумфа.

Стр. 24: „Во время республики титулъ этотъ (*imperator*) становился позади собственнаго имени, при имперіи — впереди“. Это не точно: прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что прозвище *imperator* встрѣчается лишь въ титулатурѣ царствующаго Кесаря, и при томъ, обыкновенно два раза: передъ собственнымъ именемъ, при чемъ обозначаетъ только почетный титулъ, и, второй разъ, послѣ имени, при чемъ указываетъ на *acclamatio imperatoria*, напримѣръ: *Imp. Caesaris Vespasiano Aug. pont. max. tr. pot. IIII, Imp. VIIII, cos. IIII pp.*

Стр. 31: „*Raene*. Сказано такъ же тонко, какъ выше *secessio*“. Примѣчаніе невразумительное по своей краткости.

Стр. 33: Опреѣленіе *conventus*, какъ „общество“, даетъ невѣрное понятіе объ этомъ явленіи.

Стр. 39: „*quam patria, quam domus, quam di penates—convenerunt*“ съ анафорой *quam*“. Слѣдовало бы указать и на *climax*.

Классная библиотека греческихъ и римскихъ авторовъ. Избранныя рѣчи М. Туллія Цицерона. Текстъ съ объясненіями А. Ланговаго, учителя Московской 1-й гимназіи. Выпускъ I. Рѣчи: *De imperio Sp. Pompei, pro A. Licinio Archio roēta, pro Annio Milone*. Часть 1: Латинскій текстъ съ введеніями и указателемъ предметовъ и собственныхъ именъ. Москва. 1893. Стр. IX+104. Цѣна 50 коп. Часть 2. Объяснительныя примѣчанія. М. 1893. стр. II+104.

Въ разсматриваемомъ собраніи помѣщены рѣчи Цицерона: *de imperio Sp. Pompei, pro Archio roēta* и *pro Milone*, которыя всѣ уже существуютъ въ русской учебной литературѣ, будучи снабжены прекрасными комментаріями—первая и послѣдняя въ изданіяхъ г. Гофмана, вторая—проф. Нетушила (Царскосельское изданіе); но и на ряду съ ними трудъ г. Ланговаго представляется излишнимъ: отъ комментарія г. Гофмана объясненія г. Ланговаго отличаются большою краткостью и приспособленностью къ потребностямъ учениковъ среднихъ способностей при ихъ домашнемъ приготовленіи; отъ труда проф. Нетушила—большей подробностью, объясняющей тою же цѣлью. Отличительною особенностью разсматриваемаго изданія является то, что въ немъ изъ примѣчаній выдѣлены всѣ имена собственные и техническіе термины, въ родѣ *agerium, consilio, agra, candidatus* и, въ видѣ особаго словаря, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Не знаемъ, на сколько удобенъ подобный приемъ и чѣмъ онъ вызванъ; думаемъ, что справка въ двухъ мѣстахъ: сперва въ комментаріѣ, а затѣмъ въ словарѣ, для ученика затруднительнѣе, нежели въ одномъ—въ примѣчаніяхъ.

Въ общемъ, объясненія г. Ланговаго представляются достаточно приспособленными къ потребностямъ учащихся и окажутъ имъ помощь при чтеніи Цицероновыхъ рѣчей. Относительно нѣкоторыхъ частныхъ можно спорить, но это не вредитъ общему хорошему впечатлѣнію, выносимому изъ пользованія книгой.

Такъ, на примѣръ, можно усомниться въ техническомъ употребленіи выраженія *Dicere cum populo* въ значеніи: *habere verba ad populum*; *s. v. consul* слѣдовало бы привести болѣе употребительное, чѣмъ *consulem declarare*, выраженіе: *consulem creare*; *s. v. dictator* не точно сказано, будто на время диктатуры остальные магистраты те-

ряли свою власть; подъ сл. *tribunus plebis* опущено первое и самое важное право народныхъ трибуновъ—*ius auxilii*, подъ сл. *vindictae—vindicta* переводится черезъ посохъ, скорѣе это была палочка, *festuca*, какъ опредѣляютъ древніе.

Отрывки изъ римскихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій. Составилъ *Ио. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ Московской 1-й гимназій. М. 1893. Стр. 6+392. Цѣна 1 руб. 25 коп.

На ряду съ комментированными изданіями, для школьнаго употребленія, или цѣльныхъ древнихъ авторовъ, или ихъ отдѣльныхъ произведеній, въ нашей учебной литературѣ стали появляться и сборники латинскихъ статей, выбранныхъ изъ классической литературы, въ формѣ хрестоматій и состоящіе изъ болѣе или менѣе краткихъ отрывковъ изъ классиковъ, отрывковъ, предназначаемыхъ преимущественно для употребленія въ классѣ, какъ матеріалъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. И тотъ и другой видъ пособій, то есть, и комментированныя изданія цѣльныхъ произведеній, и хрестоматіи, имѣютъ примѣненіе въ школѣ и оказываютъ свою долю пользы: первыя помогаютъ учащимся знакомиться какъ съ содержаніемъ и общимъ характеромъ произведенія извѣстнаго автора, такъ и съ особенностями его языка и стиля; хрестоматіи же, служащія пособіемъ для переводовъ, преимущественно письменныхъ, имѣютъ задачей воспользоваться древнимъ языкомъ, какъ лучшимъ средствомъ для упражненія въ стилѣ русскаго языка.

Книжка г. Семеновича составлена, въ общемъ, удовлетворительно: при выборѣ отрывковъ составитель ограничился историческимъ изложеніемъ и, въ частности, Цезаремъ, Саллюстіемъ и Ливіемъ, при чемъ совершенно справедливо отвелъ главное мѣсто отрывкамъ изъ послѣдскаго, какъ представляющимъ большое разнообразіе по содержанію и изложенію (на 59 страницъ Цезаря и 34 Саллюстія приходится почти 300 страницъ Ливія); уже самое чередованіе писателей показываетъ, что составитель имѣлъ въ виду расположить матеріалъ въ извѣстной постепенности, по мѣрѣ перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Сверхъ этого общаго условія, необходимаго для всѣхъ сборниковъ статей, предназначаемыхъ для переводовъ, составитель имѣлъ въ виду еще два условія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, онъ старался выполнить: во-первыхъ, чтобы отрывокъ, предлагаемый для перевода представлялъ изъ себя нѣчто цѣлое, и во-

вторныхъ, чтобы онъ, по возможности, былъ свободенъ отъ мѣстъ сбивчивыхъ и трудныхъ для пониманія. Помѣщенные латинскіе тексты сопровождаются подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ даются слова, предположительно неизвѣстныя учащимся. Было бы желательно, для большаго, удобства юныхъ читателей, присоединить и нѣкоторыя объясненія частію грамматическія, частію реальныя, безъ которыхъ учащиеся врядъ ли будутъ въ состояніи совершенно свободно разобраться во многихъ деталяхъ оригинала.

Сборникъ отрывковъ для перевода съ латинскаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Съ примѣчаніями и указателемъ географическихъ названій и техническихъ терминовъ. Составили *А. Владиміръскій* и *И. Полявановъ*. Москва. 1893. Стр. IV+121. Ц. 75 коп.

Въ сборникѣ гг. Владимірскаго и Поляванова содержится 110 отрывковъ, каждый съ болѣе или менѣе законченнымъ содержаніемъ, заимствованныхъ изъ Цезаря, Саллюстія, Цицерона, Ливія и пренособленныхъ, по объему своему, къ переводу на русскій языкъ въ течение часа. Выборъ отрывковъ цѣлесообразенъ и содержаніе и изложеніе не превышаетъ уровня развитія учащихся. Каждому отрывку предпослано нѣсколько строкъ, вводящихъ читателя въ ситуацію излагаемаго и освобождающихъ преподавателя отъ излишнихъ объясненій. Какъ на особенность при выборѣ отрывковъ, можно указать на то, что составители сборника имѣли, между прочимъ, въ виду ознакомить учащихся и съ различными сторонами римской государственной и общественной жизни, съ каковою цѣлью выбирали, преимущественно изъ Ливія, такіе эпизоды, которые представляются наиболѣе характерными для этого ознакомленія, при чемъ за подробностями отсылали съ книгъ Земберга: „Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ“. Особенность эта представляется довольно симпатичною, хотя нельзя не указать на то, что какъ разъ въ мѣстахъ съ указаннымъ бытовымъ содержаніемъ, у Ливія наиболѣе всего встрѣчается мѣстъ темныхъ или требующихъ отъ читателя болѣе близкаго знакомства съ римскими древностями, чѣмъ какое можно предположить у нашихъ восьмиклассниковъ. Въ концѣ книги къ каждому отрывку приложено объясненіе наиболѣе трудныхъ словъ и оборотовъ, предложены указанія на болѣе близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ гладкій переводъ и сдѣланы ссылки на грамматику.

Учебникъ латинской этимологіи, съ хрестоматію, вокабуляріемъ и словаремъ
Курсъ I-го класса гимназіи. Составилъ сообразно съ программю 1890
года М. В. С.-Пб. 1893. Стр. 182. Цѣна 65 коп.

Исходя изъ того наблюденія, что, при первомъ уже знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ, учащіеся сравниваютъ слова и формы этого языка съ извѣстными имъ русскими, авторъ разсматриваемой грамматики поставилъ на первомъ планѣ сравненіе этимологіи латинской и русской и указаніе латинскихъ словъ, сродныхъ съ русскими или вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, какъ непосредственно, такъ и черезъ новѣйшіе языки. Грамматическій курсъ I-го класса изложенъ въ учебникѣ дважды: для первоначальнаго изученія статьи этимологіи расположены не въ систематическомъ порядкѣ и глагольныя формы чередуются съ формами склоняемыми, что сдѣлано для того, чтобы можно было разнообразить изложеніе и содержаніе статей для перевода. Почти каждому новому склоненію или спряженію новаго времени глагола предпослана небольшая латинская статейка, въ которой встрѣчаются, если не всѣ, то большая часть окончаній изучаемаго склоненія или времени глагола; всѣ неизвѣстныя учащимся окончанія напечатаны жирнымъ шрифтомъ, а самыя слова съ этими окончаніями переведены подъ строкою по-русски. При помощи перевода и разбора подобныхъ статей облегчается усвоеніе учениками новыхъ формъ. Въ этомъ же отдѣлѣ приведено и объясненіе всѣхъ формъ склоненій и спряженій, при чемъ авторъ старался какъ можно чаще указывать на сходство разучиваемыхъ формъ съ прежде извѣстными. Сверхъ сего, въ этомъ отдѣлѣ приведено сравненіе латинскихъ формъ съ соотвѣтствующими русскими, и при томъ только тамъ, гдѣ эти послѣднія представляютъ сходство очевидное; онѣ обыкновенно приводятся въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній.—Второй отдѣлъ учебника представляетъ систематическое изложеніе курса I-го класса, предназначенное для повторенія грамматики въ концѣ года и для справокъ. Тутъ введены полныя таблицы окончаній склоненій и спряженій; число отступленій отъ правильныхъ формъ допущено значительно большее, нежели въ первомъ отдѣлѣ.—Въ третьемъ отдѣлѣ учебника помѣщены синтаксическія правила, въ числѣ 16, изложенныя просто и удобопонятно. Четвертый отдѣлъ состоитъ изъ статей для перевода съ латинскаго на русскій и наоборотъ, при чемъ всѣ статьи, даже представляющія упражненіе въ чтеніи, имѣютъ связное содержаніе. Оно взято по большей части изъ исто-

ріи, міеологін, басень Федра и Эзопа; нѣкоторыя содержатъ правила нравственности и поведенія, немногія касаются естественной исторіи и географіи; въ статьяхъ употреблены тѣ слова, которыя встрѣчаются у авторовъ, читаемыхъ въ гимназіи, что дало возможность въ концѣ христоматіи помѣстить рядъ статей, составленныхъ по Корнелію Непоту, Цезарю, Федру, съ нѣкоторыми, необходимыми передѣлками. — Пятый отдѣлъ составляетъ вокабулярій, въ которомъ слова, незнакомыя ученикамъ, расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ статьѣ, при чемъ имена собственные объяснены и, при нѣкоторыхъ словахъ, помѣщено указаніе на сродство ихъ корней съ русскими. Въ концѣ книги помѣщены составленные въ алфавитномъ порядкѣ латино-русскій и русско-латинскій словари.

Переходимъ къ частностямъ:

На стр. 4: слѣдовало избѣгать смѣшенія понятій буквы и звука, что ведетъ къ неточностямъ.

Стр. 13, прим. 4: говорится, что во второмъ склоненіи есть много словъ, употребляемыхъ только во множественномъ числѣ, что не точно.

Стр. 19: объясненіе третьяго склоненія, какъ имѣющаго своею основой звукъ *i*, и запутано, и врядъ ли вѣрно.

Стр. 34: при объясненіи употребленія *perfectum*, какъ дѣйствія совершенно законченнаго, необходимо прибавить, „во время говорящаго“.

Стр. 35: примѣчаніе о постановкѣ предлога *cum* съ личнымъ или возвратнымъ мѣстоименіемъ могло бы быть опущено, какъ и на стр. 43-й различеніе обѣихъ формъ повелительнаго наклоненія.

На стр. 47 напрасно употребляется терминъ „суффиксъ“.

Стр. 55: примѣры на предлоги *ante* и *post*—*ante Christum natum*, *post Christum natum* нельзя признать удачными.

Стр. 100: фраза: *In Italia sunt duo oppida sub terra, Vesuvio ad nos servata*—представляется выраженою не совсѣмъ правильно.

Стр. 102: *Romani dicebant, sine Iove nec pedem move*. Это выраженіе сочинено въ средніе вѣка.

Стр. 104: ореографія *Caeres* и на стр. 107 *Sisiphus* (такъ и въ лексиконѣ) не правильна. Вообще, латынь христоматіи требуетъ тщательнаго пересмотра.

Въ вокабуляріѣ нѣкоторыя сопоставленія латинскихъ словъ съ производными отъ нихъ русскими могли бы быть опущены, такъ какъ послѣднія или рѣдко употребляются, или невразумительны для уче-

никовъ перваго класса, напр. сильвасы, варіировать, порталъ, экзерциція, легать, цивильный, нуцїй папскїй. и т. д.

II. *Смирновскій*. Малѣнькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій пригтовительному классу при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 2-е. С.-Пб. 1894 г. Стр. IV+111. Ц. 15 коп.

Г. Смирновскій воспользовался указаніями, сдѣланными ему по поводу перваго изданія, и второе изданіе его книжки является совершенно переработаннымъ. Статейки перваго изданія, по содержанію не соотвѣтствовавшія возрасту учащихся въ пригтовительныхъ классахъ, а также неудобныя по слишкомъ искусственному языку (заимствованныя у Печерскаго, С. Максимова и др.), устранины и замѣнены другими, болѣе умѣстными. Описаній, крайне бѣдныхъ содержаніемъ, слабо рисующихъ родную природу и русскій бытъ, потому неудобныхъ и для пересказа, и для заучиванія, да и скучныхъ своею пустотою,— и теперь еще слишкомъ много, но рядомъ съ ними отведено мѣсто двумъ-тремъ статейкамъ повѣствовательнаго характера, нѣсколько оживляющимъ первую часть II-го отдѣла (посвященную „картинкамъ русской природы и русскаго быта“). Вообще во второмъ изданіи подборъ статей нѣсколько лучше, чѣмъ въ изданіи 1892 года.

Не лишнимъ считаемъ, однако, указать и въ новомъ изданіи на нѣкоторыя частности, которыя, быть можетъ, помогутъ составителю улучшить его трудъ въ будущемъ, а именно: желательно отдѣлъ совершенно безцѣльныхъ описаній сократить еще болѣе или переработать; далѣе, необходимо внести въ хрестоматію (какъ это было нами указано еще и въ 1892 году) побольше стихотвореній, пригодныхъ для заучиванія наизусть (пока этой цѣли могутъ служить почти исключительно одиѣ басни), и преимущественно стихотвореній характера повѣствовательнаго. Вызываетъ сомнѣніе также,—на сколько умѣстны въ пригтовительномъ классѣ нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ хрестоматію: что заставило, напримѣръ, г. Смирновскаго внести въ нее сказку о Царевичѣ-найденншѣ? Находчивостью, сметкой отличаются не только дѣти сильныхъ міра сего, а нерѣдко и простые люди. Статьи 6 и 102, повѣствующія о злыхъ мачихахъ, неудобны, какъ и вообще статьи, затрогивающія семейныя отношенія; на это есть несомнѣнный указанія опыта. Сказка о рыбахъ и рыбѣ продается въ иллюстрированномъ изданіи Павленкова по 2 коп. и пора прекратить замѣщеніе ею страницъ хрестоматій, особенно когда

ей отводится десятая доля книжки. Чудеса Гвидона въ сказки о Царѣ Салтанѣ лишены и смысла, и интереса. Васня „Зеркало и Обезьяна“ не даромъ печатается обыкновенно въ дѣтскихъ сборникахъ безъ нравоученія въ концѣ: о сатирѣ, взяткахъ въ приготовительномъ классѣ говорить рано. Въ „картинкахъ быта“ врядъ-ли симпатичны разказы о ловлѣ птицъ, о травлѣ зайцевъ, при которой дѣти „задыхаются отъ восторга“ (ст. 34, 35 и др.)... Зачѣмъ воспитывать такіе восторги? Стр. 36 и 87 вызываютъ совершенно фальшивыя впечатлѣнія: врядъ-ли и „духъ и тѣло“ крестьянина „крѣпнеть“ при невольномъ слѣдованіи за обозомъ въ трескучій морозъ, и врядъ-ли онъ при этомъ „казну копить“. При богатствѣ родной поэзіи не трудно подобрать для сборника стихотворенія, не представляющія ни одного выраженія сомнительной правильности, въ родѣ выраженій Жуковского въ стихотвореніи „Жаворонокъ“:

„Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безиредѣльно, такъ воздушно...“

Стихотвореніе Майкова „Малютка“ и прискучило, да и потеряло смыслъ, какой имѣло для дѣтей предшествующаго поколѣнія. Нынѣшнимъ дѣтямъ, слава Богу, уже не знакомо крѣпостное право... А умѣстны-ли соотвѣтственныя объясненія въ приготовительномъ классѣ?...

Требуетъ мѣстами пересмотра и приложенный въ концѣ слово-толкователь.

Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, составленная Д. Аннинскимъ. М. 1893. IV + 236. Цѣна 75 коп.

Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, составленная г. Аннинскимъ, раздѣляется по содержанию на четыре отдѣла: въ 1-мъ отдѣлѣ даются самыя краткія свѣдѣнія о словообразованіи, объ образованіи членовъ предложенія простаго и о частяхъ рѣчи; во 2-мъ отдѣлѣ рассматриваются части рѣчи; въ 3-мъ отдѣлѣ излагается синтаксисъ простаго предложенія, и въ 4-мъ отдѣлѣ говорится о сложномъ предложеніи, о безличныхъ, вводныхъ, вносныхъ и слитныхъ предложеніяхъ. Въ концѣ книги прилагается сборникъ примѣровъ (подъ заглавіемъ: Примѣры и задачи) для объясненія, вывода или закрѣпленія въ памяти почти каждаго § грамматики. Изъ этого общаго обзора книги видно, что она представляетъ болѣе или мене полный курсъ грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній, подобный многимъ другимъ.

Что касается цѣли написанія подобной книги и взгляда автора на свой трудъ, то вотъ какъ объ этомъ говорится въ предисловіи на 2-й страницѣ: „Учебникъ этотъ, хотя составленъ *примынительно къ программѣ собственно I и II классовъ*, но я имѣлъ въ виду, что учебный матеріалъ долженъ быть пройденъ *по всей полнотѣ* не въ первыхъ только двухъ классахъ, но и въ III и IV: то, что окажется излишнею подробностью для учениковъ I класса, будетъ усвоено учениками II класса и даже можетъ быть отнесено къ III и IV классамъ“. Словомъ, г. Аннинскій составлялъ свою грамматику для четырехъ классовъ, видимо, классическихъ гимназій, имѣя цѣлью „сообразно возрасту учащихся дать имъ на сколько возможно *полныя свѣдѣнія*“ (почему и „не обходилъ молчаніемъ ни одного вопроса“: Предисл. стр. 1), и въ то же время—выполнить „требованія учебныхъ плановъ“ (Предисл. стр. 4).

Полнота свѣдѣній и примѣнимость книги къ учебнымъ планамъ, конечно, дѣло хорошее. Но въ чемъ авторъ видитъ примѣнимость своей грамматики къ программамъ I и II классовъ? Неужели въ своемъ стремленіи не „обходить молчаніемъ“ въ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній „ни одного вопроса по русскому языку“? или въ помѣщеніи на страницахъ 1-го отдѣла, соответствующаго и по идеямъ автора (см. Предисл. III стр.) курсу I класса, ученія о словообразованіи, о согласованіи, управленіи словъ? Стоитъ только раскрыть учебные планы, чтобы видѣть, что ни того, ни другаго не требуется ими въ I классѣ и даже во II, за исключеніемъ словообразованія. Стремленіе же автора „дать на сколько возможно полныя свѣдѣнія, не обходя молчаніемъ ни одного вопроса“ (Предисл. стр. 1), на самомъ дѣлѣ привело не къ постановкѣ и разрѣшенію какого-либо новаго или спорнаго грамматическаго вопроса, а прежде всего къ массѣ примѣчаній, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, выносокъ и многорѣчивыхъ объясненій того, что требуетъ 2-хъ—3-хъ словъ для опредѣленія или даже совсѣмъ не относится къ дѣлу. У читателя книги невольно получается заключеніе о неумѣнн автору говорить съ дѣтьми и писать учебникъ. Вотъ доказательства.

Въ русской грамматикѣ г. Аннинскаго почти нѣтъ страницы безъ какого-либо примѣчанія, одной или нѣсколькихъ выносокъ самаго разнообразнаго характера, нерѣдко далекихъ по содержанію отъ главнаго правила, иногда совсѣмъ безсодержательныхъ. Такова, напримеръ, выноска на страницѣ 3-й подъ цифрою 3: „Терминъ (назва-

не) „средніе“ будетъ понятенъ—говорить Вудиловичъ въ своей грамматикѣ церковно-славянскаго языка § 5, 57—,если вспомнить, что парные ряды замыкались съ другой стороны звуками придыхательными (aspiratae), ³напримѣръ, въ латинскомъ языкѣ *tenues, mediae, aspiratae*; въ греческомъ языкѣ этииъ рядамъ соответствовали *φλά, μέσα, δασέα*“ и т. д. Что пойметъ изъ этого ученикъ I класса, не умѣющій и читать по-гречески? Да и нужно ли это даже ученику IV класса?—Развѣ поймутъ дѣти замѣчанія на стр. 8-й такого рода: „Впрочемъ мысль можетъ быть выражена однимъ словомъ, когда она заключаетъ въ себѣ цѣлую *умственную картину* или когда имъ однимъ выражается наше *внутреннее ощущение*“? Развѣ стоило дѣлать выноску къ слову „признакъ“ такого рода и объема (на стр. 9-й): „корень *знак*, приставка *при*, то-есть, по чему мы „признаемъ“ предметъ, чѣмъ отличаемъ одинъ предметъ отъ другаго, напримѣръ, одинъ домъ отличаемъ отъ другаго тѣмъ, что этотъ „каменный“, тотъ „деревянный“, этотъ „высокій“, тотъ „низкій“ и т. п. слѣдовательно *каменный, деревянный, высокий, низкій* суть признаки, по которымъ отличается одинъ предметъ отъ другаго подобнаго“?—Почти все учение о залогахъ, на стр. 26—34, состоитъ изъ примѣчаній или выносокъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ и, слѣдовательно, самимъ авторомъ признаваемыхъ за нѣчто второстепенное. Въ этихъ примѣчаніяхъ и выноскахъ къ учению о глаголѣ можно найдти и указанія на фонетическіе законы (§ 40 № 3) измѣненія звуковъ, и сравнительное съ другими языками объясненіе происхожденія, напримѣръ, окончаній настоящаго времени (стр. 39, выноска), и все это не въ силу какого-либо принципа или идеи дать научно-полный обзоръ учения о глаголѣ, а такъ, случайно, безцѣльно, какъ дальше на стр. 93-й въ § 102 замѣчено только о происхожденіи числительнаго *сорокъ* отъ *сарáхота*, какъ будто, напримѣръ, *два* не напоминаетъ слово *duo*, а *пять*—*пéнта* и т. п. Научны, но несущественно важны и нужны въ учебникѣ и всѣ примѣчанія къ учению о мѣстоименіяхъ на стр. 100—103; лишни выноски о *сужденіи* на стр. 171-й и перечисленіе латинскихъ вопросительныхъ мѣстоименій, употребляемыхъ въ косвенныхъ вопросахъ (стр. 176). Таковы же примѣчанія на стр. 17-й (о причастіи), 61-й и безчисленное множество другихъ; въкоторыя изъ нихъ могли бы имѣть мѣсто въ какой-либо исторической или сравнительной грамматикѣ, но никакъ не въ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній.

Сверхъ примѣчаній и выносокъ есть въ „Русской грамматикѣ“ г. Аннинскаго много правилъ или положеній, печатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, какъ нѣчто главное, но ничего не дающихъ ученику по безсодержательности, туманности или даже неправильности выраженія. Вотъ образчикъ подобной рѣчи въ 3-мъ правилѣ на 3-й страницѣ: „Звуки *л, м, н, р* имѣютъ уже и звукъ и протяженность: *л л л л м м м м . . .* поэтому послѣднiе (*л, м, н, р*) называются *плавными* (=читаются плавно-протяженнымъ звукомъ), а всѣ прочiе—*твердыми* (=звукъ короткiй, произносимый отрывисто, твердо, или только шипѣнiе, свистъ)“. На стр. 119-й подъ цифрою 3 читается такъ: „Въ (съ виниг. и пред.) имѣетъ *внутреннiй смыслъ*, внутри *чего-нибудь*“. Въ § 69 стр. 87-й сообщается въ качествѣ главнаго правила: „Прилагательныя 2-го склоненiя въ ед. ч. м. и ср. въ предложномъ падежѣ склоняются и по прилагательному—*омъ, емъ* и по существительному—*нъ*, напримѣръ „на Царицыномъ лугу, о Царицынѣ“. Какъ ученикъ изъ подобнаго правила научится вѣрно употреблять предложный падежъ въ прилагательныхъ именахъ? Ничему не научится ученикъ и изъ 4-го правила на стр. 22: „ъ, ь въ срединѣ слова вообще не пишутся; кромѣ случаевъ, когда требуется выговоръ, напримѣръ: возму, смертельный“, потому, впервыхъ, что правописанiе *ъ* и *ь* тутъ не опредѣляется выговоромъ, а вовторыхъ, въ выговорѣ многихъ звучитъ: *смертьтельный, сгузмачедшiй, возметъ*, и т. п., какъ однако же нельзя написать. Какъ понять и къ какому заключенiю можно придти, читая на стр. 109-й въ § 126 слѣдующее: „Слово *съ предлогомъ пишется только отдѣльно*, когда оно есть часть рѣчи—имя существительное, такъ какъ можетъ употребляться безъ предлога, хотя, какъ членъ предложенiя, подобно нарѣчию означаетъ обстоятельство, напримѣръ, въ заключенiе“? Къ подобнымъ неясно, но многословно выраженнымъ или ничего не дающимъ правиламъ относятся еще § 1, 11, 13, 16, слова о сказуемомъ въ § 15 и друг.

Повидному, мало заботясь о гладкости и точности выраженiя и желая сказать въ учебникѣ больше другихъ, г. Аннинскiй вноситъ въ него ошибочныя положенiя. Напримѣръ, нельзя согласиться съ вѣрностью сказаннаго на стр. 11-й: „Дополненiя—это суть „предметы“, съ которыми подлежащее имѣетъ связь (отношенiе), такъ какъ оно, какъ предметъ, не существуетъ одинокимъ“; на стр. 16: „Предлогъ придаетъ собственное значенiе слову, напримѣръ: приходитъ, выходитъ (какъ будто безъ предлоговъ *ходитъ* имѣетъ чужое значенiе) или „помогаетъ предметамъ“ точнѣе выразить (какъ будто

предметы говорятъ) отношеніе между собою“. Ошибочно сказано на стр. 43-й по поводу словъ „жну-жму“ будто бы „ъ въ русскомъ языкѣ передъ согласной не пишется“: поставленное нѣсколько выше слово *возьму* противорѣчить этому; ошибочно сопоставлены между собою слова *метель-смятеніе-мятежъ* и *мету-мясти* и выведено заключеніе, будто бы „е переходитъ прямо въ я“ (стр. 130 примѣч. 1). Нѣтъ достаточныхъ основаній вводить особый терминъ: *наглядный и отвлеченный видъ* глагола, какъ на стр. 31-й, а также—*дополненіе необходимое* (стр. 152); въ приведенныхъ на это дополненіе примѣрахъ: „Готовъ Кочубей лечь во гробъ“ или „Перестань срамиться“ сказуемныя *готовъ, перестань* могутъ имѣть смыслъ и безъ дополненій: почему же его тогда называть *необходимымъ*?

Внесеніе въ грамматику правила о различеніи спряженій по неопредѣленному наклоненію, о производствѣ временъ (стр. 37 50), допущеніе сложнаго подлежащаго (*много книгъ, шесть книгъ* и т. п.) въ параллель давно признанному составному сказуемому (стр. 141), а также подборъ примѣровъ въ концѣ книги для вывода или доказательства почти каждаго положенія или § грамматика—хорошая сторона „Русской грамматики“ г. Аннинскаго. Но излишекъ примѣчаній, выносокъ, свидѣтельствующій о неумѣи отдѣлять существенное отъ несущественнаго, многословіе, неточность, иногда неправильность выраженія мысли, ограниченность свѣдѣній изъ синтаксиса сложнаго предложенія, нѣкоторыя оговорки или ошибки—лишаютъ книгу возможности сдѣлаться хорошимъ учебнымъ пособіемъ.

Географія Россійской имперіи. Курсъ гимназій, реальныхъ училищъ и духовныхъ училищъ. Составилъ А. Полницкій. Елисаветградъ. 1893. Стр. 140+VI

Г. Полницкій, составляя свой учебникъ, видимо, старался сдѣлать его непохожимъ ни на одинъ изъ прочихъ учебниковъ того же наименованія. Это составителю вполнѣ удалось.

Матеріалъ, спеціально касающійся Европейской Россіи, составитель расчленилъ и распредѣлилъ по главамъ, такъ что въ смыслѣ системы учебникъ представляетъ распластанный организмъ, при чемъ части его, хотя и сложены вмѣстѣ, не всегда однако въ порядкѣ.

Безпорядочность бросается въ глаза уже въ началѣ книжки. Такъ, обзорѣніе горъ авторъ внесъ въ главу о границахъ Россіи; слѣдующая же глава подъ заглавіемъ „Поверхность Европейской Россіи“ начинается обзорѣніемъ плоскогорій и равнинъ; такимъ образомъ, составитель какъ-бы полагаетъ, что горы и равнины не относятся

къ поверхности Россіи и что, въ свою очередь, плоскогорія и равнины не составляютъ матеріала одной категоріи съ горами. Далѣе, въ той же второй главѣ, въ связи съ поверхностью Россіи, авторъ, какъ и слѣдуетъ, рассматриваетъ рѣки и озера и тотчасъ же переходитъ къ обзорѣннѣ губерній, располагая ихъ по рѣчнымъ системамъ. Но обзорѣніе губерній, составляющее обыкновенно въ учебникахъ существенную часть курса, у нашего автора вышло весьма своеобразнымъ. Въ общемъ, оно поверхностно и не можетъ не быть таковымъ, такъ какъ авторъ приступаетъ къ нему, не коснувшись ни климата, ни почвы, ни естественныхъ богатствъ Россіи, ни даже человѣка. Но независимо отъ этого, является несообразность такого рода: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ показываетъ достаточное число городовъ, при чемъ иные стоятъ безъ всякой отмѣтки и на дѣлѣ мало чѣмъ замѣчательны; въ иныхъ, губерніяхъ, и весьма важныхъ же авторъ поименовываетъ только одинъ или два города, а остальные города разбросаны по другимъ главамъ. Такъ, на примѣръ, въ Московской губерніи названы только города Москва и Дмитровъ; въ другихъ главахъ поименованы: Можайскъ и Коломна; во Владимирской губерніи названы: Владимиръ и Переяславль Залѣсскій, а Шую, Иваново-Вознесенскъ и Муромъ надо искать въ другомъ мѣстѣ; въ Саратовской губерніи упомянуть одинъ городъ Саратовъ, а Царицынъ и Камышинъ показаны при описаніи р. Волги, хотя и безъ обозначенія губерніи. Впрочемъ, нѣкоторыя губерніи все-таки остались безъ важнѣйшихъ городовъ; такъ, на примѣръ, Казанская—безъ г. Чистополя, важной хлѣбной пристани для большаго района, между тѣмъ какъ такіе неважные города, какъ: Волчанскъ въ Харьковской губерніи и Павловскъ въ Воронежской поименовываются (стр. 18.).

Мало или вовсе не утвердивъ учениковъ въ знаніи топографіи русскихъ губерній, составитель въ слѣдующихъ главахъ, именно: „Почва и минеральныя мѣсторожденія“, „Климатъ“, „Растенія и животныя“, „Населеніе и промыслы“ и „Просвѣщеніе“, сообщаетъ разные факты, приурочивая ихъ къ тѣмъ или другимъ губерніямъ, а иногда и къ отдѣльнымъ городамъ; такимъ образомъ произошло нѣчто несообразное въ методическомъ отношеніи, такъ какъ ученикамъ придется какъ-бы строить зданіе безъ фундамента. Впрочемъ, если бы даже обзорѣніе губерній было сдѣлано какъ слѣдуетъ, то и тогда всѣ поименованные отдѣлы, по количеству и разнообразію сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ оказались бы не по силамъ ученикамъ. Достаточно, на примѣръ, сказать, что авторъ почвъ и минеральнымъ мѣсторо-

женіямъ отвелъ 7 страницъ, видамъ добывающей промышленности— 8 страницъ, обрабатывающей—7 страницъ и кустарной—4 страницы. Видимо, что всѣ эти отдѣлы составлены по какимъ-нибудь книгамъ болѣе обширнымъ, чѣмъ учебники; но авторъ, не обладавъ чувствомъ мѣры, взялъ изъ нихъ массу ненужныхъ, безсвязныхъ и неудовимыхъ фактовъ, опуская мѣстами необходимое и существенное.

Такъ, въ главѣ „о почвѣ и минеральныхъ мѣсторожденіяхъ“ г. Полницкій считаетъ нужнымъ указать, въ какихъ губерніяхъ почва глинисто-песчаная и болотистая, гдѣ есть суглинки и пески, или даже представляетъ такого рода свѣдѣнія: „Подпочва песчаноглинистаго пространства состоитъ изъ глины, глинистыхъ сланцевъ, мелкозернистыхъ песчанниковъ и известняковъ. Эти каменные породы и глины имѣютъ различныя цвѣта (бурый, темносѣрый, свѣтлосѣрый и др.), весьма плотны и смолисты, а потому непроницаемы для воды“ (стр. 33.). Заноси такія подробности, составитель однако-же не упоминаетъ о залежахъ у насъ фосфорита.

Или: въ статьѣ о земледѣліи (стр. 53) перечисляются губерніи съ высшимъ, среднимъ и низшимъ урожаемъ, названы города, изъ которыхъ вывозится хлѣбъ за границу, даются разныя статистическія данныя; но не названа трехпольная система сельскаго хозяйства, а о плодоперемѣнной говорится только вскользь, въ примѣчаніи на стр. 72-й.

Стр. 54. Въ § о скотоводствѣ поименовываются разные конскіе заводы, породы лошадей, но не показана область наибольшаго разведенія скота.

Стр. 57. По поводу пчеловодства ничего не сказано о пасѣчномъ и бортевомъ пчеловодствѣ.

Стр. 58 и 120. Точно также изъ книги не видно, гдѣ добывается больше золота, въ Россіи или Сибири.

Подобными несообразностями поименованные отдѣлы переполнены.

Разнаго рода неточностей, невѣрныхъ фактовъ и противорѣчій въ книгѣ весьма много. Представляемъ примѣры:

Стр. 8. Авторъ говоритъ, что наши предки, живя у склоновъ Гималая и Гиндуку, занимались скотоводствомъ. Но откуда и кому это достоверно извѣстно?

Тамъ же поименовывается Валдайское плоскогоріе. Но теперь эта возвышенность не признается, и составитель могъ бы объ этомъ узнать изъ учебнаго атласа Линберга изданія 1890 г.

На той же страницѣ и на слѣдующей показана длина и ширина

озеръ Ильмена и Чудскаго, а размѣръ Ладожскаго озера обозначенъ квадратными верстами.

Стр. 10. Среднерусская возвышенность названа также Алаунскою, но ее принято называть только первымъ названіемъ и таковымъ она именуется уже въ учебныхъ атласахъ.

Тамъ же, нѣсколькими строками ниже, та же Среднерусская возвышенность названа Алаунскою грядою.

Стр. 24. О Приволжской возвышенности сказано, что она между Калачемъ и Камышиномъ понижается, но о томъ, что вскорѣ затѣмъ сильно уклоняется отъ Волги, ничего не сказано.

Стр. 27. Не только города Пермской губерніи, Оренбургской, но даже и Астраханской, авторъ дѣлитъ на европейскіе и азіатскіе, такъ что г. Царевъ отнесенъ къ Азіи (стр. 105).

Стр. 71. Литовцы пришли „въ восточную Европу одновременно съ русскими славянами, а быть можетъ и раньше“. Послѣднія слова „а быть можетъ и раньше“ совершенно излишни.

Стр. 73. „Какъ въ столицѣ, такъ и въ разныхъ русскихъ городахъ нѣмцы занимаютъ всѣми отраслями техническихъ производствъ“. Мѣсто подаетъ поводъ къ двусмысленностямъ и, во всякомъ случаѣ, не вѣрно.

На той же страницѣ: „Греками населенъ Нѣжинъ“.

Стр. 75. „Финскій торговый флотъ одинъ изъ самыхъ большихъ въ Европѣ.“

Стр. 79. „По количеству и устройству учебныхъ заведеній Европейская Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ“. Что касается до устройства, то вѣрно, а что до количества, то по несчастію, надо понимать обратно.

Азіатская Россія и Кавказъ составлены нѣсколько толковѣ, но, во всякомъ случаѣ, книжка не можетъ считаться пригодною для какихъ бы-то ни было учебныхъ цѣлей.

Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій. (Примѣнительно къ правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 года Составилъ *Н. Сорокинъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназій. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1893. Стр. VI + 52. Цѣна 50 коп.

Въ названномъ сборникѣ помѣщены, соответственно его спеціальному предназначенію, такіа геометрическія задачи, для простѣйшаго

рѣшенія которыхъ надо примѣнять тригонометрическія формулы. Всѣ онѣ принадлежатъ къ разряду несложныхъ, удоборазрѣшимыхъ, и хотя не отличаются разнообразіемъ, но представляютъ достаточный матеріалъ для навыка учениковъ въ примѣненіи тригонометріи къ геометрическимъ задачамъ и въ преобразованіяхъ тригонометрическихъ формулъ; слѣдовательно, сборникъ этотъ надо признать удовлетворяющимъ своему назначенію. Нами были провѣрены весьма многія задачи (а именно, первыя десять и, затѣмъ, каждая десятая задача) и найдены только три ошибки (или, вѣрнѣе, не замѣченныя опечатки): 1) въ задачѣ 100-й (стр. 15) слово: „меньшей“ должно быть замѣнено словомъ: „большей“; 2) въ отвѣтѣ на задачу 70-ю (стр. 39), вмѣсто $\cos \frac{A-B}{2}$, должно быть $\cos \left(\frac{A}{2} - B \right)$, гдѣ $A = 90^\circ$, и 3) въ отвѣтѣ на задачу 90-ю (стр. 40), вмѣсто $12a^2 \sin^2 60^\circ$ и $6\sqrt{3}$, слѣдовало напечатать $3a^2\sqrt{3}$ и $4\sqrt{3}$. Можно также замѣтить, что не всѣ указанія автора, помѣщенныя въ отвѣтахъ на задачи, удачны; такъ, напримѣръ, относящееся до задачи 4-й (стр. 33) не только излишне, но можетъ даже затруднить ученика при рѣшеніи этой крайне простой задачи, такъ какъ обращаетъ его вниманіе на синусы тѣхъ угловъ, знаніе которыхъ совершенно бесполезно въ данномъ случаѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ
КУРСОВЪ ЗА 1892—1893 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ ¹⁾.

Въ концѣ минувшаго учебнаго года исполнилось четырехлѣтіе существованія курсовъ со времени ихъ возобновленія въ 1889 году.

Нынѣ предстоитъ первый выпускъ слушательницъ обоихъ отдѣленій—историко-филологическаго и физико-математическаго, окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія.

Учебныя занятія на курсахъ въ отчетномъ году, вслѣдствіе господствовавшей эпидеміи, начался, согласно распоряженію высшаго начальства, нѣсколько позднѣе обыкновеннаго, а именно 15-го сентября, при 385-ти слушательницахъ и вольнослушательницахъ. Къ концу учебнаго года съ курсовъ выбыло 24 слушательницы, почти исключительно изъ I-го курса; затѣмъ, при началѣ весеннихъ испытаній на обоихъ отдѣленіяхъ курсовъ, по спискамъ, состояло слушательницъ и вольнослушательницъ 361. Учебныя занятія и экзамены происходили обычнымъ порядкомъ, согласно правиламъ, на основаніи которыхъ дѣйствуютъ курсы, и постановленіямъ педагогическаго совѣта. Сознательное отношеніе слушательницъ къ своимъ обязанностямъ характеризуется всею ихъ дѣятельностью на курсахъ—усерднымъ посѣщеніемъ лекцій, большою подготовкою къ экзаменамъ и участіемъ въ практическихъ занятіяхъ и самостоятельныхъ работахъ,

¹⁾ Читанъ директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ, В. П. Кулинымъ, на годичномъ актѣ 3-го ноября 1893 года.

производимыхъ на всѣхъ курсахъ обоихъ отдѣленій. Мнѣ приходится остановиться на занятіяхъ этого рода, такъ какъ они даютъ указанія на содержаніе работъ, на степень знакомства слушательницъ съ предметомъ, умѣнье ихъ пользоваться матеріаломъ и на методы изслѣдованій. Темы для рефератовъ были предлагаемы профессорами. при чемъ давались указанія на необходимые для работъ источники и пособія. Затѣмъ рефераты читались въ аудиторіи, въ присутствіи слушательницъ и, нерѣдко, директора и кого либо изъ гг. профессоровъ. Послѣ чтенія слѣдовали возраженія со стороны слушательницъ, требовавшія отъ нихъ значительной предварительной подготовки. Заключительное слово принадлежало профессору предмета.

I. На историко-филологическомъ отдѣленіи по русской исторіи состоялось 16 рефератовъ. На I-мъ курсѣ были представлены слѣдующія работы: слушательница *Голунцева* прочитала рефератъ „Разселеніе славянъ по разказу первоначальнаго лѣтописнаго свода“; *Рунина*—„къ вопросу о національности варяговъ-руси“; *Семенова*—„О вліяніи татаръ на государственную организацію Руси“; *Котляревская*—„Вѣче въ древней Руси“, и вольнослушательница *Токмакова*—„Дума и дружина кievской Руси“.

Преподаватель русской исторіи на I-мъ курсѣ, приватъ-доцентъ Середонинъ, при оцѣнкѣ названныхъ трудовъ, выразилъ мнѣніе, что они обстоятельнымъ образомъ ознакомили слушательницъ I-го курса съ научной разработкой важнѣйшихъ вопросовъ перваго періода русской исторіи.

На II-мъ курсѣ читали рефераты: слушательница *Дьякова*—„Личность царя Іоанна Грознаго въ исторической литературѣ“; *Журавлева*—„О времени и способѣ прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ“; *Постникова*—„О сказаніи Авраамія Палицына“; *Пытухова*—„О личности перваго самозванца“; на ту же тему читала и слушательница *Чуйко*; *Святлова*—„Быть московской Руси по Іовіу и Герберштейну“.

На III-мъ курсѣ слушательница *Калашникова* представила рефератъ—„О личности перваго самозванца“; *Ларионова*—два реферата „О тяглыхъ общинахъ удѣльнаго и московскаго періода“, составляющіе продолженіе работъ, начатыхъ ею въ предшествовавшемъ году; и *Лермонтова*—„О внѣшнемъ порядкѣ составленія Уложенія 1649 года“.

На IV-мъ курсѣ слушательница *Церетели* написала изслѣдованіе „Слова о погибели Русской земли“, изданнаго обществомъ любителей древней письменности.

По отзыву профессора Платонова, рефератъ г-жи Церетели излагаетъ результаты самостоятельнаго обследованія памятника, его состава, происхожденія и историко-географическаго содержанія, причемъ автору не было возможности руководиться какимъ либо пособіемъ, такъ какъ разобранный памятникъ опубликованъ только въ 1892 году и еще не оцѣненъ въ спеціальной литературѣ.

Затѣмъ, всѣ перечисленные рефераты, по мнѣнію профессора Платонова, совершенно удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, какія можно предъявлять учебной работѣ. Они составлены съ вѣрнымъ пониманіемъ указанныхъ пособій и съ умѣніемъ выбрать изъ историческаго матеріала существенныя и наиболѣе интересныя черты. Рефератъ слушательницы *Постниковой* представляетъ собою попытку самостоятельнаго приложенія къ историческому матеріалу приемовъ такъ называемой внѣшней критики текста. Работы слушательницъ *Ларионовой* и *Свѣтловой*, обширныя по объему, свидѣтельствуютъ о продолжительномъ и пристальномъ изученіи избранныхъ темъ.

По древней греческой исторіи слушательницы I-го курса *Бернископи* и *Казберукъ* читали рефераты „О дѣятельности Перикла“. *Лаурова* написала характеристикуThemistocles, имѣя цѣлью, главнымъ образомъ, объяснить всю дѣятельность этого государственнаго мужа изъ основной черты его характера — глубокой любви къ родинѣ.

По римской исторіи слушательница *Воронова* написала „Очеркъ римской религіи“ по Гастонъ Буассье, Ф. де-Куланжу, Преллеру и другимъ пособіямъ. Означенныя работы признаны удовлетворительными.

По средней исторіи, приватъ-доцентъ И. М. Гревсъ, преподавалъ этотъ предметъ на курсахъ первый годъ, въ виду необходимости предварительно ознакомиться со степенью подготовки слушательницъ. въ отчетномъ году не призналъ возможнымъ устроить систематическій семинарій по средневѣковой исторіи; тѣмъ не менѣе, по его предмету, тремя слушательницами IV-го курса были представлены слѣдующія работы: слушательница *Леманъ* прочитала рефератъ: „Характеристика Франциска Асизскаго“, *Лаурова*—„Императоръ Маркъ Аврелій, какъ философъ“, и слушательница *Винбергъ*—„Изложеніе и разборъ теоріи Огюстэна Тьерри о происхожденіи городского движенія во Франціи“. Всѣ три названныя, весьма серьезныя работы, по мнѣнію И. М. Гревса, составлены вполне добросовѣстно. Кромѣ того, слушательница III-го курса *Зеньковичъ* представила обстоятельный

рефератъ „Объ общественномъ строѣ кельтовъ“. Другія слушательницы писали на предложенныя имъ темы: „Личность императора Юліана“ и „Исторія происхожденія крѣпостного права въ Римской имперіи“; но эти рефераты, по недостатку времени, не получившіе окончательной отдѣлки, не были прочитаны въ аудиторіи.

Изъ работъ по русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ слѣдуетъ указать на трудъ слушательницы I-го курса *Бернаскови*, заключающійся въ переводѣ на русскій языкъ очерка „фонетики или физиологіи звука“ профессора Лейпцигскаго университета Сиверса, еще не оконченный переводчицей. Слушательница III-го курса *Виноградова-Никитина* была занята работой на тему „О роли народной этимологіи въ образованіи народныхъ суевѣрій и примѣтъ“. Г-жа Виноградова-Никитина не только воспользовалась всѣми указанными ей пособиями и источниками, но и сама старательно разыскивала требуемый матеріалъ въ различныхъ произведеніяхъ нашей этнографической литературы, что было сопряжено съ большимъ трудомъ, въ виду разбросанности литературы предмета, „также отсутствія у насъ какихъ бы то ни было подготовительныхъ работъ этого рода. Названный трудъ еще не вполне законченъ.

Кромѣ того, приватъ-доцентъ С. К. Буличъ разъ въ недѣлю, сверхъ назначенныхъ часовъ, велъ со слушательницами II-го курса практическія занятія по своему предмету, состоявшія въ чтеніи и разборѣ образцовъ старо-церковно-славянскаго и русскаго языка и современныхъ народныхъ говоровъ.

Къ практическимъ занятіямъ по славянскимъ нарѣчіямъ принадлежали на III-мъ курсѣ переводы на русскій языкъ сербскихъ и болгарскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. А на IV-мъ курсѣ, гдѣ слушательницы знакомятся съ языками чешскимъ и польскимъ, сдѣланы были попытки переводовъ сочиненій Яна-Амоса Коменскаго — „Лабиринтъ свѣта“ и Мицкевича — „Панъ Тадеушъ“.

По латинскому языку, сверхъ обязательныхъ занятій, были исполнены слѣдующія работы. Слушательница I-го курса *Смирнова* представила прекрасно исполненный трудъ на тему: „Характеристика Коріолана по Ливію, Плутарху и Шекспиру“, при чемъ текстъ Ливія необходимо было разработать въ оригиналѣ. Слушательницы III-го курса занимались чтеніемъ и разборомъ латинскихъ первоисточниковъ по средневѣковой исторіи и литературѣ. Прочтены были: одна драма Росвиты и нѣсколько избранныхъ эпизодовъ изъ „*Historia Francorum*“ Григорія Турскаго. Съ особеннымъ усердіемъ занимались этой рабо-

той слушательницы: *Картошенко, Усова, Ольгина Марія, Крылова и Земьковичъ.*

По психологін слушательницами I-го и II-го курсовъ представлено было пять работъ на тему „Объ окраскѣ звуковъ“. Онѣ явились слѣдующимъ образомъ. Предварительно изъ числа слушательницъ I-го и II-го курсовъ, при помощи неожиданно предложенныхъ профессоромъ приспособленныхъ для этой цѣли вопросовъ, были выдѣлены тѣ изъ слушательницъ, которыя несомнѣнно отличаются такъ называсмой окраской звуковъ, и имъ было предложено: ознакомившись съ сочиненіемъ Binet: „L'audition colorée“, пополнить и провѣрить его психологическіе выводы относительно этого явленія посредствомъ собственнаго самонаблюденія. Двѣ работы изъ представленныхъ пяти, какъ принадлежащія слушательницамъ, обладающимъ этимъ явленіемъ въ наибольшей степени, обсуждались всей аудиторіей. И авторы и аудиторія отнеслись къ задачѣ съ большимъ усердіемъ и сдѣлали все, что можно требовать отъ лицъ, только что приступившихъ къ изученію психологін.

Вольнослушательница III-го курса *Пушкарева* напечатала въ журналѣ *Образованіе* переводъ статьи Рибо „О различныхъ формахъ характера“, пополненный пояснительными примѣчаніями профессора А. И. Введенскаго. Вольнослушательница IV-го курса *Лаврова* напечатала въ журналѣ *Образованіе* двѣ статьи: 1) рецензію на книгу г-жи Манассеиной: „Сонъ въ психологическомъ, физиологическомъ и гигиеническомъ отношеніи“, и 2) „Взгляды Вундта на гипнотизмъ и внушеніе“. Важнѣйшій печатный трудъ представляетъ изданіе сочиненія Виндельбанда: „Исторія древней философіи“. Эта книга пополняетъ давно чувствуемый недостатокъ въ пособіи для изученія древней и средневѣковой философіи. Вся прибыль отъ изданія назначена въ пользу философскаго отдѣла бібліотеки высшихъ женскихъ курсовъ. Въ переводѣ названнаго сочиненія принимали участіе слѣдующія слушательницы IV-го курса: *М. М. Замятнина, Е. В. Лаврова, Е. И. Максимова, А. К. Леманъ, Е. П. Юлишца, Е. Н. Липкина*, вольнослушательница *Л. А. Данилова* и бывшая слушательница *М. П. Яроцкая*. Всего болѣе труда приняла на себя *Е. И. Максимова*: кромѣ перевода двухъ большихъ и трудныхъ отрывковъ, она взяла на себя всѣ хлопоты по сношеніямъ съ типографіей, книжными магазинами и т. п.; вела всѣ корректуры, составила алфавитный указатель къ книгѣ и, для избѣжанія пропусковъ, сличила всѣ переводы съ оригиналомъ. Эти труды не помѣшали, однако, *Е. И.*

Максимовой своевременно сдать все экзамены и при томъ съ отличнымъ успѣхомъ.

II. По физико-математическому отдѣленію практическія занятія происходили: по математикѣ—подъ неустаннымъ руководствомъ В. I. Шиффъ; по физикѣ руководила А. Е. Сердобинская; въ химической лабораторіи, при занятіяхъ по аналитической химіи, происходившихъ подъ руководствомъ заведующаго лабораторіей, магистранта И. В. Богомольца, слушательницы II-го, III-го и IV-го курсовъ изучали полный курсъ качественного и главнѣйшіе методы количественнаго минеральнаго химическаго анализа.

По химіи слушательница IV-го курса *Емельянова* представила интересный рефератъ. Она выбрала предметомъ своего труда — получение фтора въ свободномъ состояніи. Этотъ элементъ, по заявленію академика Н. Н. Бекетова, довольно распространенный въ природѣ и даже входящій въ составъ нашего организма, вслѣдствіе своей необыкновенной химической энергіи, долго не могъ быть полученъ въ свободномъ и чистомъ состояніи. Многочисленныя попытки самыхъ выдающихся химиковъ получить его не привели къ желаемому результату; наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, французскому ученому Муассану удалось, съ помощью весьма остроумно придуманныхъ снарядовъ, получить фторъ въ свободномъ и чистомъ состояніи и изучить его свойства. Оцѣнивая названный рефератъ, Н. Н. Бекетовъ говоритъ: „г-жа Емельянова весьма добросовѣстно изучила всю обширную литературу, относящуюся до этого предмета, и представляла ясную картину всехъ бывшихъ изслѣдованій, остановившись подробно на описаніи способа Муассана получения фтора, и описала все существенныя и характерныя свойства этого интереснаго элемента“.

Не менѣе замѣчательна и другая работа, исполненная слушательницей *Емельяновой* и прочитанная ею въ аудиторіи. Она носитъ заглавіе: „Золото, его мѣстонахожденіе и золотые прииски Енисейской губерніи“. Объ этомъ трудѣ профессоръ физической географіи И. В. Мушкетовъ даетъ такой отзывъ: „рефератъ этотъ,—говоритъ онъ,—раздѣляется на двѣ части: въ первой изложены общій характеръ нахожденія золота въ природѣ, а во второй—исключительно золотеносность Енисейской губерніи. Познакомившись основательно съ главнѣйшими русскими и иностранными сочиненіями о золотѣ, г-жа Емельянова вкратцѣ, но обстоятельно, описала все типы какъ коренныхъ мѣсторожденій золота, такъ и золотеносныхъ россыпей, изло-

жила главнѣйшія научныя гипотезы о происхожденіи золотоносныхъ жилъ и россыпей, обращая преимущественное вниманіе на характеръ и распредѣленіе ихъ въ Россіи. Вторая часть реферата содержитъ описаніе золотоносныхъ россыпей Енисейской губерніи, исторію и способы ихъ разработки, а также экономическое значеніе ихъ. Какъ въ первой, такъ и во второй части реферата, г-жа Емельянова, пользуясь разнообразными источниками, сумѣла разобраться въ нихъ и критически сопоставить, вслѣдствіе чего работа ея имѣетъ вполне самостоятельный характеръ, а не есть простая компиляція, тѣмъ болѣе, что во второй части реферата внесено сю многое изъ своихъ личныхъ наблюденій, такъ какъ сама г-жа Емельянова—уроженка Енисейской губерніи—принадлежитъ къ семьѣ золотопромышленника и съ дѣтства могла ознакомиться съ условіями работъ на золотыхъ приискахъ Енисейской губерніи. Такимъ образомъ, рефератъ г-жи Емельяновой имѣетъ несомнѣнныя достоинства и заслуживаетъ полнаго одобренія⁴.

По астрономіи, слушательницы III-го и IV-го курса занимались въ малой обсерваторіи Академіи Наукъ, подъ руководствомъ профессора курсовъ, академика О. А. Баклунда. Практическія занятія слушательницъ III-го курса *Вальбергъ, Жиловой* и *Запольской* состояли въ опредѣленіи времени съ меридіональнымъ кругомъ. Слушательницы IV-го курса: *Бронская, Максимова, Стебницкая, Теплякова* и *Ульянова* занимались вычисленіемъ орбитъ кометъ пзъ трехъ наблюденій. Работа: измѣреніе кучъ x и h въ созвѣздіи Персея на фотографическихъ пластинкахъ, при чемъ измѣрено 2.000 звѣздъ, принадлежала слушательницамъ *Бронской* и *Стебницкой*.

Фотометрическія изслѣдованія тѣхъ же звѣздъ сдѣланы слушательницами *Максимовой* и *Тепляковой*.

Послѣднія двѣ работы будутъ напечатаны въ *Запискахъ Академіи Наукъ*.

Слушательницамъ: *Бронской, Максимовой* и *Стебницкой*, исполнявшимъ предлагаемыя имъ работы съ большимъ успѣхомъ, академикъ О. А. Баклундъ призналъ возможнымъ предоставить постоянныя занятія въ частномъ вычислительномъ бюро для вычисленія малыхъ планетъ и фотографій неба, съ оплатою этихъ трудовъ достаточнымъ гонораромъ.

Кромѣ того, помимо лекцій и практическихъ занятій, слушательницы III-го и IV-го курсовъ имѣли возможность, при заботливомъ участіи гг. профессоровъ, посѣтить нѣкоторыя спеціальныя ученія

учрежденія. Такъ, въ мартѣ мѣсяцѣ минувшаго года, слушательницы этихъ курсовъ, въ сопровожденіи профессора физики О. Д. Хвольсона и А. Е. Сердобинской, посѣтили Константиновскую магнитную и метеорологическую обсерваторію въ Павловскѣ. Осмотръ продолжался болѣе четырехъ часовъ, при чемъ слушательницы раздѣлились на двѣ группы: завѣдующій обсерваторіей Эрнестъ Егоровичъ Лейстъ подробно ознакомилъ сперва одну, а затѣмъ и другую группу съ приборами, служащими для абсолютныхъ и для варіаціонныхъ измѣреній элементовъ земнаго магнетизма; въ то же время г. Байеръ объяснялъ метеорологическіе приборы, а О. Д. Хвольсонъ построенные имъ актинометры, служащіе для измѣренія солнечной теплоты.

Слушательницы тѣхъ же курсовъ, для пополненія своихъ знаній по механикѣ, посѣтили въ отчетномъ году кабинетъ практической механики, состоящій при С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ преподаватель этого предмета на курсахъ, привать-доцентъ И. В. Мещерскій, демонстрировалъ приборы и модели, относящіеся къ кинематикѣ твердаго тѣла и къ кинетикѣ точки.

Тѣ же слушательницы III-го и IV-го курсовъ, въ началѣ декабря 1892 г. осматривали музей Горнаго института, подъ руководствомъ и при объясненіяхъ профессора физической географіи И. В. Мушкетова, при чемъ знакомились какъ съ минеральными коллекціями музея, такъ и съ техническими, то-есть, съ моделями машинъ, употребляющихся въ горнозаводскомъ дѣлѣ, и преимущественно съ золотопромывательными приборами. Кромѣ того, онѣ осматривали образцовый рудникъ Горнаго института, гдѣ знакомились съ геологическими условіями залеганія различныхъ полезныхъ минераловъ и съ способами ихъ разработки.

Закончивъ перечень практическихъ работъ на курсахъ, долгомъ считаю упомянуть, что, по заявленію нѣкоторыхъ гг. профессоровъ, большимъ препятствіемъ для самостоятельныхъ занятій слушательницъ является недостаточное знакомство многихъ изъ нихъ съ новыми иностранными языками, преподаваніе которыхъ не входитъ въ программу курсовъ. Согласно этому заявленію, равно и желанію слушательницъ, въ настоящемъ учебномъ году мною возбуждено ходатайство передъ высшимъ учебнымъ начальствомъ о разрѣшеніи преподаванія на курсахъ языковъ нѣмецкаго и французскаго, какъ предметовъ необязательныхъ, и на средства самихъ слушательницъ.

Экзамены. Экзамены, обязательные для всѣхъ слушательницъ, согласно правиламъ и постановленіямъ педагогическаго совѣта, происхо-

дили весною, въ концѣ прошлаго учебнаго года, въ особыхъ комиссіяхъ въ присутствіи депутатовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія д. с. с. И. П. Хруцова — по историко-филологическому отдѣленію и д. с. с. А. Д. Дмитріева — по физико-математическому. Экзамены почтили своимъ посѣщеніемъ его преосвященство, преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, — по Закону Божію на II-мъ курсѣ и его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія — по исторіи всеобщей литературы на III-мъ курсѣ. Для нѣкоторыхъ слушательницъ, по болѣзни и по другимъ уважительнымъ причинамъ, экзамены были отсрочены до осени. Преобладающее большинство слушательницъ выдержали экзамены весьма удовлетворительно и по болѣйшей части предметовъ — отлично.

О числѣ получившихъ переводъ съ одного курса на другой и оставшихся на томъ же курсѣ на другой годъ представляются слѣдующія данныя:

	На II курсѣ.			На III курсѣ.			На IV курсѣ.			ВСЕГО.
	Историко-филологическ. отдѣленія.	Физико-математич. отдѣленія.	Итого.	Историко-филологич. отдѣленія.	Физико-математич. отдѣленія.	Итого.	Историко-филологич. отдѣленія.	Физико-математич. отдѣленія.	Итого.	
Выдержали испытанія по всѣмъ предметамъ весьма удовлетворительно и переведены съ I, II, III курса на слѣдующіе курсы, по принадлежности, считая и вольнослушательницъ.	96	25	121	52	16	68	25	11	36	225
Кончаютъ экзаменъ по нѣкоторымъ предметамъ тѣ изъ слушательницъ, которыя по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ не могли держать испытанія своевременно.	8	1	9	7	3	10	10	1	11	30
Итого.	104	26	130	59	19	78	35	12	47	255

Согласно прошеніямъ, оставлены на второй годъ:

	К у р с ы.				Всего.
	I.	II.	III.	IV.	
На историко-филологическомъ отдѣленіи	8	4	5	1	18
На физико-математическомъ отдѣленіи	2	1	2	2	7
Итого	10	5	7	3	25

Выбыло по болѣзни, по случаю выхода замужъ и по другимъ домашнимъ обстоятельствамъ:

	К у р с ы.				Всего.
	I.	II.	III.	IV.	
На историко-филологическомъ отдѣленіи	10	3	2	—	15
На физико-математическомъ отдѣленіи	2	1	—	—	3
Итого	12	4	2	—	18

Общежитіе. Общежитіе пользуется нынѣ весьма удобнымъ помѣщеніемъ въ домѣ фонъ-Дервизъ, находящемся вблизи Курсовъ. Въ предшествовавшіе года разница между двумя полугодіями въ числѣ слушательницъ, помѣщавшихся въ общежитіи, была весьма значительна, что крайне невыгодно отзывалось на средствахъ содержанія общежитія. Въ отчетномъ году этого неблагоприятнаго обстоятельства почти не существовало: въ первомъ полугодіи имѣли помѣщеніе въ общежитіи 49 слушательницъ, во второмъ—47. Но число желающихъ поступить въ общежитіе съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ, о приѣмѣ въ общежитіе на текущій учебный годъ было подано болѣе 70-ти прошеній, между тѣмъ какъ настоящее помѣщеніе общежитія рассчитано только на 50 человѣкъ. Приходилось или отказывать въ приѣмѣ, что было весьма нежелательно, или прискаты на-скоро новое помѣщеніе, что представляло немаловажныя затрудненія. Но, благодаря трудамъ комитета для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, прискано дополнительное, прекрасное помѣщеніе въ томъ же домѣ фонъ-Дервизъ, занимающее 8 просторныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ комнатъ въ бель-этажѣ, съ платою по 1.400 рублей въ годъ. Неутомимымъ трудамъ члена комитета О. К. Печевой это новое помѣщеніе обязано, между прочимъ, и тѣмъ, что въ самое непродолжительное время оно получило всю обстановку, необходимую для приличной квартиры. Въ настоящее время, въ первой, главной квартирѣ общежитія, гдѣ пришлось на этотъ годъ потѣсниться, помѣщается 56 слушательницъ, а во второй 11, всего 67 слушательницъ. При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что имѣются еще желаю-

щія поступить въ общежитіе, но для нихъ уже нѣтъ вакантныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, наши Курсы, привлекающіе большинство слушательницъ изъ провинціальныхъ городовъ, не могутъ обойтись безъ собственнаго дома для общежитія. Эта потребность очевидна и съ каждымъ годомъ сказывается все съ бѣльшею настойчивостью. Санитарное состояніе общежитія, по отзыву состоящей при немъ женщины-врача А. И. Сырку, вполне удовлетворительно. Изъ болѣзней всего чаще подвергались слушательницы инфлюэнцѣ, бронхиту и ревматическимъ болямъ, а пріѣхавшія съ юга, на первыхъ порахъ, съ трудомъ переносили петербургскій климатъ. Случаевъ тяжкихъ заболѣваній было два, но они кончились благополучно.

Но было и печальное событіе, хотя и не въ общежитіи: слушательница I-го курса, поступившая на курсы больною, Елизавета Бѣлецкая, 24-го февраля 1893 года, послѣ тяжелой болѣзни, скончалась въ общинѣ св. Георгія.

При курсахъ съ прежнею готовностью несли безкорыстную помощь заболѣвающимъ слушательницамъ врачи М. В. Терпиловскій и О. Ю. Камниская. При этомъ нельзя также не упомянуть съ чувствомъ глубочайшей признательности о почтенномъ имени доктора Манасенна, который всегда съ полнымъ участіемъ относился къ слушательницамъ, нередко прибѣгавшимъ къ его помощи.

Къ числу особыхъ случаевъ, бывшихъ на курсахъ, слѣдуетъ отнести посѣщеніе ихъ лицами, болѣе или менѣе извѣстными. Въ минувшемъ году курсы посѣтили: ректоръ Стокгольмскаго университета, извѣстный ученый математикъ Миттагъ-Лефлеръ. Онъ присутствовалъ на лекціи астрономіи на IV-мъ курсѣ физико-математическаго отдѣленія. Затѣмъ, французскій ученый, доцентъ Лилльскаго словеснаго факультета по кафедрѣ русской исторіи и литературы г. Оманъ и извѣстный словацкій поэтъ Свѣтозаръ Осиповичъ Гурбанъ-Ваянскій. Пріѣзжавшій прошлою зимой въ Петербургъ, извѣстный народный сказатель былинъ Рябицинъ былъ приглашенъ также и на Курсы, гдѣ онъ, при полной аудиторіи, прочелъ нѣсколько былинъ и духовныхъ стиховъ. Слушательницы съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ народному пѣвцу и его пѣснямъ про родную старину.

Къ особымъ случаямъ причисляю также и лекціи о холерѣ, читанныя на курсахъ въ февралѣ мѣсяцѣ. На выраженное многими слушательницами желаніе ознакомиться съ мѣрами предосторожности противъ этой болѣзни и съ уходомъ за больными съ живѣйшею го-

товностью откликнулись приватъ-доценты Императорской военно-медицинской академіи, доктора: Чистовичъ, Левинъ, Липскій и Кіяновскій и, съ разрѣшенія его сіятельства, г. министра народнаго просвѣщенія, ими были прочитаны на курсахъ безвозмездно четыре лекціи о причинахъ холеры, о симптомахъ и лѣченіи ея, о частныхъ и общихъ мѣропріятіяхъ въ борьбѣ съ холерой и о дезинфекціи. Долгомъ считаю объ этихъ полезныхъ трудахъ поименованныхъ лицъ упомянуть съ искреннею благодарностью.

Въ прошломъ году наши курсы понесли утрату въ лицѣ скончавшагося, послѣ продолжительной болѣзни, преподавателя физики на первыхъ двухъ курсахъ Николая Николаевича Хамонтова. По свойствамъ своего характера, по знанію дѣла и трудолюбію (онъ принималъ большое участіе при организаціи практическихъ занятій и при устройствѣ физическаго кабинета на курсахъ), почившій оставилъ по себѣ добрую память въ средѣ знавшихъ его.

Библиотека. Въ прошедшемъ году библиотека пополнилась, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, бѣльшимъ количествомъ научныхъ сочиненій. Приобрѣтено, по записямъ профессоровъ, 70 томовъ, при 46 названіяхъ, на сумму 311 рублей; кромѣ того, пожертвовано профессорами курсовъ и другими лицами 261 томъ, при 173 названіяхъ. Императорское Историческое Общество и Историческое Общество при Спб. университетѣ продолжаютъ высылать свои труды, а также редакціи *Русской Школы* и *Съвернаго Вѣстника* — свои журналы. Книгами изъ библиотеки пользовалось 215 слушательницъ. Всего было взято книгъ 1.451 томъ, въ томъ числѣ сочиненій по философіи 155, по исторіи 542, по всеобщей литературѣ 98, по филологіи 27, общихъ сочиненій 66, по беллетристикѣ 315, по математикѣ и физикѣ 55, общихъ сочиненій по естествознанію 64 и учебниковъ 129.

Пожертвованія. Съ вечеровъ и концертовъ, данныхъ комитетомъ общества и отдѣльно самими слушательницами въ пользу сихъ послѣднихъ, въ минувшемъ году поступило чистаго сбора 2.993 рубля 59 коп.; по ежемѣсячнымъ денежнымъ взносамъ между слушательницами поступило 670 р. 88 к., пожертвовано разными лицами 205 р., отъ купоновъ по тремъ процентнымъ билетамъ, принадлежащимъ IV-му курсу, получено 11 р. 86 к.; всего было въ приходѣ 3.881 р., 33 коп. Изъ этой суммы произведена плата за слушаніе лекцій: годовая — за 11 слушательницъ, полугодовая — за 16 и въ меньшемъ размѣрѣ воспользовались 3 слушательницы; кромѣ того, выданы пособия наиболѣе въ томъ нуждающимся 24-мъ слушательницамъ въ

количество 1.311 р. и отослано въ пользу голодающихъ 110 р. 10 к.; всего въ расходѣ было 3.401 р. 10 коп.

Комитетомъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ уплачено за слушаніе лекцій за 8 слушательницъ 800 рублей.

При этомъ, съ глубочайшею признательностью упомянемъ о томъ, что профессора: Г. Г. Густансонъ, М. Д. Львовъ, А. И. Введенскій, С. Ф. Платоновъ и С. К. Буличъ читали еще, сверхъ назначенныхъ часовъ дополнительныя лекціи бесплатно.

Пріемъ новыхъ слушательницъ. Прошеній о принятіи на курсы, въ концѣ прошлаго учебнаго года и въ началѣ нынѣшняго, было подано 220. Изъ этого числа 32-мъ просительницамъ, почему либо не удовлетворявшимъ требованіямъ пріема, пришлось отказать. Принято 188 слушательницъ. Но и при такомъ числѣ вновь поступившихъ общія цифра состоящихъ нынѣ на курсахъ слушательницъ значительно превышаетъ установленный комплектъ. Отказывать въ пріемѣ еще большому числу кандидатокъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которыя представили всѣ требуемые документы и прибыли изъ дальнихъ мѣстностей, было бы крайне тяжело, и потому, по благосклонному разрѣшенію начальства, принято болѣе, чѣмъ полагается „Правилами“. По сословіямъ вновь поступившія слушательницы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: духовнаго званія 12, дочерей дворянъ и чиновниковъ 134 (военныхъ 35 и гражданскихъ 99), купческаго званія 24 и мѣщанскаго 18. По вѣроисповѣданіямъ: православнаго 173, римско-католическаго 3, лютеранскаго 5, армяно-грегоріанскаго 3, караимскаго 1 и еврейскаго закона 3. По семейному положенію: дѣвицъ 183, замужнихъ 4 и 1 вдова. По мѣсто-нахожденію учебныхъ заведеній, въ которыхъ слушательницы получили образованіе, на Петербургъ приходится 67 лицъ и на Москву 9. Изъ числа остальныхъ 109 прибыли изъ 52-хъ провинціальныхъ русскихъ городовъ, 2 изъ Болгаріи и 1 изъ Сербіи ¹⁾).

¹⁾ Поступили: изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній 67, изъ Москвы 9, изъ Кіева, Одессы, Нижняго Новгорода и Иркутска по 5, изъ Твери, Вильны, Саратова и Самары по 4, изъ Ярославля, Могилева, Чернигова, Полтавы, Харькова, Новочеркасска, Пензы и Вятки по 3, изъ Риги, Владиміра, Шуи, Воронежа, Сенастополя, Феодосіи, Кутанса, Тифлиса, Оренбурга, Уфы, Тобольска, Томска и Красноярска по 2; слѣдующіе города доставили по одной слушательницѣ: Царское Село, Смоленскъ, Минскъ, Петроковъ, Кишиневъ, Бѣлгородъ, Херсонъ, Ростовъ на Дону, Ставрополь, Таганрогъ, Орель, Рязань, Екатеринославль, Астрахань, Екатеринбургъ, Ташкентъ, Казань, Вологда, Архангельскъ, Нѣжинъ, Житомиръ, Ломжа, Уральскъ.

Изъ вновь поступившихъ 25 награждены золотыми медалями, 23 серебряными и 1, изъ института, шифромъ большого размѣра.

На историко-филологическое отдѣленіе записалось 148 слушательницъ и на физико-математическое 40.

Общее число слушательницъ. Затѣмъ, общее число слушательницъ по курсамъ и отдѣленіямъ, за исключеніемъ выпускнаго курса, распредѣляется въ настоящее время слѣдующимъ образомъ:

На I-мъ курсѣ состоятъ съ оставшимися на второй годъ:			
на историко-филологическомъ отдѣленіи . . .	156		
на физико-математическомъ отдѣленіи . . .	42		
		—	198
На II-мъ курсѣ: на историко-филологическомъ отд.	108		
— на физико-математическомъ отдѣл.	27		
		—	135
На III-мъ курсѣ: на историко-филологическомъ отд.	64		
— на физико-математическомъ отд.	21		
		—	85
На IV-мъ курсѣ: на историко-филологическомъ отд.	36		
— на физико-математическомъ отд.	14		
		—	50
		Всего	468

Составъ профессоровъ и преподавателей. Въ наступившемъ учебномъ году на курсахъ состоятъ слѣдующіе профессора и преподаватели:

Богословіе читаетъ профессоръ С.-Петербургскаго университета, протоіерей *В. Г. Рождественскій*.

На историко-филологическомъ отдѣленіи читаютъ: психологію, логику и исторію философіи—профессоръ *А. И. Введенскій*. Языки русскій и церковно-славянскій—привать-доцентъ *С. К. Буличъ*, исторію древней русской литературы—магистръ *И. А. Шляпкинъ*, исторію новой русской литературы—профессоръ *И. Н. Ждановъ*, исторію всеобщей литературы—магистръ *Ө. Д. Батюшковъ*, привать-доцентъ *Ө. А. Браунъ* и магистрантъ *Н. А. Котляревскій*, русскую исторію—магистръ *С. М. Середонинъ* и профессоръ *С. Ө. Платоновъ*, древнюю исторію, греческую и римскую,—магистрантъ *С. А. Степановъ*, исторію среднихъ вѣковъ—привать-доцентъ *И. М. Гревсъ*, новую исторію—магистръ *Г. В. Форстенъ* и профессоръ *Н. И. Каръевъ*, славяновѣдѣніе—магистрантъ *А. Л. Петровъ*, латинскій языкъ—магистръ *И. И. Холодникъ*, привать-доцентъ *О. А. Шеборъ* и магистръ *Н. К. Гельвицъ*, исторію искусствъ—магистрантъ *Я. И. Смирновъ*.

На физико-математическомъ отдѣленіи читаютъ: введеніе въ анализъ, интегрированіе уравненій и математическую географію — директоръ 1-го реальнаго училища *Н. И. Билибинъ*, дифференціальное исчисленіе — магистръ *Д. А. Граве*, интегральное исчисленіе — профессоръ *П. А. Шиффъ*, теорію вѣроятностей и исчисленіе конечныхъ разностей—докторъ *Д. Ѳ. Селивановъ*, механику—приватъ-доцентъ *И. В. Мещерскій*, астрономію—ординарный академикъ *О. А. Баклундъ*, физику—профессоръ *О. Д. Хвольсонъ* и преподаватель *А. И. Садовскій*, физико-химію — ординарный академикъ *Н. Н. Бекетовъ*, неорганическую химію — профессоръ *Г. Г. Густавсонъ*, химическую кристаллографію—магистръ *С. Ѳ. Глинка* и физическую географію—профессоръ *И. В. Мушкетовъ*.

Ассистентами состоятъ по физикѣ — кандидатъ *А. Л. Гершунъ*, по химіи—кандидатъ *В. Н. Редзко* и докторъ Женевского университета *В. Е. Бодановская*.

Руководятъ практическими занятіями по математикѣ — *В. И. Шиффъ*, по физикѣ—*А. Е. Сердобинская*, по аналитической химіи—магистрантъ *И. В. Богомолецъ*, онъ же завѣдуетъ и химической лабораторіей.

Заключительная часть настоящаго отчета относится къ выпускному курсу. Вотъ имена и фамиліи окончившихъ нынѣ полный курсъ ученія:

1. По историко-филологическому отдѣленію слушательницы: 1) *Аминова* Рейза, 2) *Архангельская* Александра, 3) *Богатырева* Зинаида, 4) *Бьямина* Юлія, 5) *Верещанина* Вѣра, 6) *Винбергъ* Ольга, 7) *Гердъ* Юлія, 8) *Гомелло* Елизавета, 9) *Гуляницкая* Ольга, 10) *Дьяконова* Екатерина, 11) *Замятнина* Марія, 12) *Измайлова* Елена, 13) *Калашникова* Вѣра, 14) *Ключарева* Евгенія, 15) *Конопина* Анна, 16) *Красикова* Евгенія, 17) *Крутовская* Елизавета, 18) *Леманъ* Александра, 19) *Максимова* Екатерина, 20) *Мещерская* Анна, 21) *Мочанъ* Сарра, 22) *Мочанъ* Цецилія, 23) *Нефедова* Клавдія, 24) *Овчинникова* Ольга. 25) *Орлова* Антонина, 26) *Жуковская* (Птицына) Марія, 27) *Рутковская* Елизавета, 28) *Савельева* Екатерина, 29) *Савельева* Марія, 30) *Селихова* Елена, 31) *Слѣтцова* Марія. 32) *Троицкая* Магдалина, 33) *Троицкая* Юлія, 34) *Филова* Анна и 35) *Церетели* Елена. Вольнослушательницы: 1) *Бакуринская* Марѳа, 2) *Данилова* Любовь, 3) *Коляновская* Анастасія, 4) *Лаврова* Елизавета, 5) *Марковецъ* Ольга, 6) *Сластіонова* Марія, 7) *Путята* Юлія, 8) *Скугаревская* Наталья и 9) *Шульманъ* Марія.

II. По *физико-математическому отдѣленію* — слушательницы: 1) *Антиева* Екатерина, 2) *Бронская* Маріанна, 3) *Емельянова* Вѣра, 4) *Максимова* Евгенія, 5) *Морокина* Марія, 6) *Стебницкая* Александра, 7) *Теплякова* Валентина, 8) *Ульянова* Наталья, 9) *Шейнина* Сарра и 10) вольнослушательница *Шереметевская* Елизавета.

Всего окончили курсъ на обоихъ отдѣленіяхъ 44 слушательницы и 10 вольнослушательницъ, сдаютъ послѣдніе экзамены 6 слушательницъ, и если они пройдутъ успѣшно, то весь 1-й выпускъ будетъ состоять изъ 60-ти лицъ.

Всѣмъ окончившимъ курсъ ученія, на основаніи „Временныхъ правилъ“, будутъ выданы установленныя свидѣтельства.

Въ жизни учебнаго заведенія происходятъ иногда явленія, не предусмотрѣнныя въ его уставѣ, что подтверждается, между прочимъ, и на нашихъ курсахъ. Изъ числа поименованныхъ мною лицъ, окончившихъ курсъ, 20 слушательницъ заявили желаніе остаться на IV-мъ курсѣ еще на одинъ годъ, съ тѣмъ, однако, чтобы не всѣ предметы были для нихъ обязательны, но чтобы имъ было дозволено посѣщать лекціи только по нѣкоторымъ предметамъ, избираемымъ ими для спеціальнаго изученія. Принявъ это заявленіе съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, педагогическій совѣтъ не встрѣтилъ препятствій къ его удовлетворенію. Утвержденіе изложеннаго постановленія совѣта будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія высшей учебной власти, куда мы вносимъ о томъ наше ходатайство.

Милостивыя государыни, бывшія слушательницы IV-го курса! Къ вамъ два слова. Незамѣтно прошли четыре года пребыванія вашего на курсахъ; но эти такъ быстро промчавшіеся годы были для васъ временемъ усидчиваго труда, требовали отъ васъ не мало энергіи и настойчивости въ занятіяхъ для достиженія той цѣли, для которой вы поступили на курсы. Въ эти четыре года вы, такъ сказать, обрекли себя на большіе труды, и они, наконецъ, увѣнчались прекраснымъ, вполне заслуженнымъ, успѣхомъ. Это относительно знаній. Что же касается такъ называемаго „поведенія“, то, оглянувъ минувшее, я вижу, что за это время ничто не нарушило гармоніи нашихъ взаимныхъ отношеній, ибо эти отношенія были основаны на нравственныхъ началахъ, на уваженіи къ личности, на взаимномъ довѣрїи, сознаніи долга и стремленіи къ справедливости. Эта высшая нравственная дисциплина служила ручательствомъ за

добрый порядокъ и здоровое направленіе Курсовъ. Говорю это не безъ нѣкотораго опасенія быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи или преувеличеніи, но восхваленій нѣтъ въ словахъ моихъ. Свидѣтельствую то, что было и есть. Да, мы сохранимъ о васъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Итакъ, пребываніе ваше на курсахъ окончено. Для васъ предстоитъ теперь самостоятельная дѣятельность. Гдѣ, на какомъ поприщѣ, къ чему приложите вы свой трудъ? Не знаемъ. Честные, знающіе и любящіе дѣло труженики и труженицы у насъ вездѣ нужны. Найдется дѣло и для васъ. Но гдѣ бы вы ни были — въ столицѣ, въ провинціи, въ школѣ, въ семьѣ, въ обществѣ, въ деревенской глуши, хотя бы въ средѣ убогой по умственному развитію и образованію, — нигдѣ не превозноситесь своими знаніями; самолюбивіе, надменность, гордость да будутъ вамъ чужды. Истинное знаніе отличается скромностью, составляющею высокое достоинство и украшеніе cadaго, въ особенности—женщины. Не забудьте и того, что по вашей дѣятельности будутъ судить и о томъ учрежденіи, гдѣ получили вы высшее образованіе.

Передъ вами будущее. У васъ есть знанія, силы, молодость, готовность къ труду; но всего нужнѣе одно, главное, простое, но великое, — и храните въ своемъ сердцѣ эту первѣйшую драгоценность въ мірѣ. Это одно, главное—любовь къ Богу и къ ближнему. Она дастъ вамъ силы и средства перенести всѣ испытанія, преодолѣть всѣ препятствія, какія встрѣтятся вамъ на жизненномъ пути, съ нею и труды ваши будутъ прочны и плодотворны.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ГОРОДѢ ЧИКАГО ¹⁾.

VII.

Выставка конфессиональных учебных заведений. — Витрины еврейских школъ. — Секціи по женскому образованію. — Университеты и колледжи. — Сельско-хозяйственное образованіе.

На всемирной Парижской выставкѣ 1889 года католическое духовенство не пожелало принять участія. Духовныя власти находились тогда еще въ натянутыхъ отношеніяхъ съ правительствомъ республики, и во французскомъ педагогическомъ отдѣлѣ царилъ исключительно свѣтская школа. На Колумбовой выставкѣ рѣшено было пополнить этотъ пробѣлъ.

По мысли кардинала Гиббона изъ Балтимора на этой выставкѣ надежало собрать экспонаты изъ католическихъ учебныхъ заведений всего міра и устроить отдѣлы какъ можно интереснѣе и грандіознѣе, чтобы отбѣнить на сколько возможно ярче и нагляднѣе плодотворные результаты дѣятельности католическаго духовенства на поприщѣ народнаго образованія и пропагандировать идею церковно-приходскихъ школъ.

На призывъ кардинала откликнулось большинство американскихъ конфессиональныхъ школъ и нѣкоторыя учебныя заведенія Франціи, Испаніи и Англии.

Всѣ они образовали одну коллективную выставку, которая занимала громадную площадь въ 29.000 кв. футъ. Въ ней принимало участіе 12 мужскихъ конгрегацій, между прочимъ, бенедиктинцы, ка-

¹⁾ *Окончаніе.* См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

нуцины, іезуиты и извѣстный орденъ братьевъ христіанскихъ школъ, основанный Жаномъ Баптистомъ Ла-Саль въ концѣ XVII вѣка, и 37 женскихъ конгрегацій, изъ которыхъ мы замѣтили—секціи школьныхъ сестеръ ордена Богородицы (Notre Dame), сестеръ христіанскаго милосердія, доминиканскихъ сестеръ, францисканскихъ сестеръ непрерывнаго поклоненія, польскихъ сестеръ ордена Фелиція, ордена бѣдныхъ служанокъ Іисуса Христа и др.

Каждой странѣ, духовному ордену и церковно-административному округу была предоставлена особая комнатка или часть ея, такъ что экспонаты были размѣщены не по разрядамъ учебныхъ заведеній, а по мѣсту ихъ происхожденія.

При главномъ входѣ въ отдѣлъ была вывѣшена общая надпись: „Католическая воспитательная выставка“.

Среди другихъ корпорацій въ Соединенныхъ Штатахъ католическая церковь сохранила до сихъ поръ наибольшую долю вліянія въ сферѣ народнаго образованія.

Двѣнадцать католическихъ провинцій, приуроченныхъ къ городамъ: Балтиморѣ, Бостону, Чикаго, Циципати, Мильвоке, Новому-Орлеану, Нью-Йорку, Орегону, Филадельфи, Сентъ-Луису, Санъ-Франциско и Саита-Фэ, подраздѣлены на діоцезы, которые въ свою очередь распадаются на приходы. Въ большей части изъ нихъ имѣются приходскія школы (около 2.600), гдѣ обучается до полумиліона дѣтей. Въ нихъ преподаютъ священники, члены духовныхъ и полумонашескихъ конгрегацій и свѣтскія лица.

Кромѣ того, для дальнѣйшаго образованія учащихся въ духѣ католической церкви устроено 588 пансіоновъ, называемыхъ академіями (преимущественно для дѣвушекъ) и соответствующихъ отчасти по курсу высшимъ народнымъ школамъ, 91 колледжъ, а также нѣсколько профессиональныхъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

Изъ европейскихъ учебныхъ заведеній въ католической выставкѣ участвовало 68 изъ Франціи, 5 изъ Испаніи и 2 изъ Англій.

Матеріала для обозрѣнія было достаточно, пожалуй, даже слишкомъ. Наибольше выдавались женскія рукодѣлія и рисунки. Рукодѣлія отличались обиліемъ, большимъ разнообразіемъ и изяществомъ исполненія. Очень хороши были также цѣльныя одежды, изготовленныя въ ремесленномъ институтѣ для чернокожихъ въ штатѣ Арканзасѣ.

Братья христіанскихъ школъ представили изъ американскихъ школъ ученическія тетради по англійскому языку, отличавшіяся большими достоинствами, сочиненія были тоже хороши. Колледжи Мона-

тана въ Нью-Йоркѣ, институтъ Богородицы въ Лонгвудѣ и академія св. Бенедикта въ Чикаго выставили хорошіе рисунки перомъ.

Въ отдѣлѣ Кентукскаго діоцеза выдавалось нѣсколько акварелей. По части обработки дерева общее вниманіе обращалъ алтарь, отдѣланный замѣчательно тонкой и изящной рѣзбой, сдѣланный учениками въ приютѣ св. Іосифа для сиротъ въ г. Колумбусъ (Охайо).

Интересны были также тетради учениковъ, посвященные естественвѣдѣнію, ознакомленіе съ которымъ начинается съ низшихъ классовъ.

Просматривая подробную программу приходскихъ школъ Филадельфійскаго діоцеза, мнѣ бросилось въ глаза, что въ средненачальной школѣ (*grammar grade*) по географіи объ Россіи говорится только, что тамъ протекаетъ рѣка Волга, и есть три города: С.-Петербургъ, Москва и Одесса. При прохожденіи же въ 7-мъ классѣ коммерческой географіи ученикамъ объясняется, въ какихъ странахъ добываются тѣ или другіе продукты, при чемъ подъ рубрикой нефть указана лишь Америка, а о Россіи забыто.

Въ отдѣлѣ европейскихъ католическихъ школъ были прекрасные экспонаты, присланные изъ школы св. Николая въ Парижѣ, ученики которой ходятъ въ различныя мастерскія, гдѣ работаютъ подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ. Тамъ были выставлены отлично исполненные музыкальные инструменты (курсъ 3 года), церковная бронза (3 года), гравированныя работы по картографіи (4 года), печатныя изданія (3 года), переплеты (3 года), оптическіе инструменты (4 года), чемоданы (3 года) и столярныя работы (съ артистической рѣзбой по дереву, курсъ—4 года). Та же школа представила великолѣпныя работы по рисованію отъ руки, геометрическому черченію и чертежу машинъ и архитектурныя рисунки.

Школы глухонѣмыхъ въ Сентъ-Ютіенѣ, Безансонѣ, Бургѣ и Виеннѣ экспонировали употребляемые въ нихъ аппараты для объясненія ученикамъ времени на часахъ и таблицы съ изображеніемъ губъ для обученія учащихъ произношенію буквъ; въ коммерческомъ отдѣленіи школы въ Гаврѣ интересенъ небольшой музей всѣхъ предметовъ, ввозимыхъ въ гавань, служащихъ учебнымъ пособіемъ при изученіи естественныхъ наукъ и коммерческой географіи. Въ одной изъ школъ въ Бордо были очень интересныя тетради по прикладной ботаникѣ (собственно элементамъ садоводства), преподаваемой при помощи живыхъ растений и порядочной коллекціи прививковъ.

Въ видѣ нововведенія нѣкоторыя изъ французскихъ школъ вклю-

чили въ курсъ *стенографію*, знаніе которой имѣеть теперь большое практическое значеніе.

Просматривая альбомы и работы, я былъ неоднократно удивленъ, что мотивы для нихъ брались сплошь и рядомъ церковнаго характера. Рисунки изображаютъ копии съ образовъ, церковныхъ фресокъ, архитектурныя работы, посвященныя церковнымъ зданіямъ, столярныя, желѣзныя и другія работы имѣють тоже церковный характеръ.

Едва ли такая специализація можетъ быть признана цѣлесообразной въ виду малаго значенія такихъ работъ въ промышленной жизни.

Къ числу недостатковъ выставки слѣдуетъ отнести ея безсистемность и случайный характеръ выставленныхъ произведеній.

Каждая школа посылала свои лучшія образцовыя работы, которыя, будучи интересны съ эстетической точки зрѣнія (картины, вышиванія по шелку и бархату, артистическая каллиграфія и проч.), не давали точнаго и яснаго представленія о среднемъ уровнѣ учебнаго заведенія. тѣмъ болѣе, что пользованіе тетрадями было затруднено отсутствіемъ программъ училищъ, выставившихъ ихъ, о характерѣ которыхъ по названію „академія“ и „пансіонъ“ нельзя судить въ виду неустановленности типа конфессиональныхъ учебныхъ заведеній. Нельзя не признать также лишними и роскошныя тисненныя золотомъ переплеты для ученическихъ работъ (г. Буфало) и покрышки изъ целлюлоида на школьныхъ тетрадяхъ, золотыя массивныя рамы для посредственныхъ картинъ и образцы каллиграфіи на большихъ черныхъ картонныхъ листахъ, никогда въ школахъ не употребляемыхъ.

Въ общемъ означенный отдѣлъ показывалъ, что католическое духовенство очень энергично работаетъ на поприщѣ народнаго образованія, и его дѣятельность въ качествѣ дополнительнаго органа рядомъ съ государственной школой для лицъ, желающихъ пользоваться его учебными заведеніями, является весьма желательной и полезной.

О болѣе широкомъ вліяніи, о которомъ мечтають нѣкоторые честолюбивые прелаты, не можетъ быть и рѣчи. Народная школа въ Соединенныхъ Штатахъ есть государственное учрежденіе и такимъ и останется.

Отдѣлы протестантскихъ церквей и религиозныхъ обществъ тоже изобиловали данными относительно дѣятельности каждаго изъ нихъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить здѣсь секцію *конгрегационистовъ*, которыхъ прежде называли пуританами. Они были первыми

переселенцами въ Америку, бѣжавъ въ 1620 году изъ Европы подѣ влияніемъ религіозныхъ гоненій. Высадка этихъ пуританъ является первой ступенью въ американской національной исторіи, и лица, принимавшія въ ней участіе, называются отцами пилигримами. Память о нихъ чтится свято во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

На стѣнѣ описываемой секціи вывѣшена слѣдующая надпись: „Конгрегационизмъ далъ Соединеннымъ Штатамъ первую церковь, первую публичную школу, первый колледжъ (Harvard), первое миссіонерское общество и первую воскресную школу! Онъ способствовалъ установленію современнаго государственнаго устройства, выработавъ понятія о городѣ, штатѣ и націи!“.

Кромѣ колледжа Harvard'a, конгрегационисты были инициаторами и поддерживали еще колледжи и университеты Jal'a, Дартута, Вильямса, Баудоина, Армхорста, Оберлина и позднѣе Фиска и, кромѣ того, нѣсколько академій и духовныхъ семинарій.

Методисты основали 10 духовныхъ семинарій и теологическихъ факультетовъ при университетахъ, 45 мужскихъ и 8 женскихъ колледжей и 61 классическую семинарію; *баптисты* — 34 колледжа, 7 теологическихъ училищъ и около 50 академій, преимущественно въ южныхъ штатахъ; *соединенные братья во Христѣ* — 2 университета, 9 колледжей, 6 академій и 1 духовную семинарію. *Ученики Христа* — 5.756 воскресныхъ школъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщалась витрина чрезвычайно симпатичнаго общества, называемаго: *Христіанская ассоціація юношества* (Young men's christian association). Общество это имѣетъ цѣлью способствовать умственному, нравственному и физическому развитію принимающихъ въ немъ участіе молодыхъ людей и помогать имъ, по возможности, въ сферахъ экономической и соціальной.

Общество было основано впервые въ Англии въ 1844 г. и перенесено въ Соединенные Штаты въ 1851 г.; первое американское отдѣленіе было организовано въ Бостонѣ. Общество приобретаетъ дома или нанимаетъ особыя помѣщенія, куда собираются члены общества для чтенія, разговоровъ и увеселеній. Оно устраиваетъ вечерніе классы по различнымъ отдѣламъ образованія—общему коммерческому и ремесленному, и устраиваетъ бібліотеки и кружки для чтенія. Съ религіозной точки зрѣнія оно заботится о развитіи религіознаго чувства и приученія юношей къ чтенію Библии и Евангелія, устраиваетъ для этого особыя засѣданія и распространяетъ религіозныя брошюры и книги.

Съ цѣлью физическаго развитія своихъ членовъ общество организуеть гимнастическія упражненія, атлетическія игры и вообще поощряеть всякаго рода спортъ, при чемъ о полезности его для здоровья каждаго изъ участниковъ судять спеціально на то приглашаемые опытные врачи.

При каждомъ отдѣленіи общества можетъ быть справочное бюро, сберегательная касса, дежурство врача и проч.

Интернаціональный комитетъ, стоящій во главѣ всѣхъ мѣстныхъ обществъ и кружковъ, находится въ Нью-Йоркѣ и состоитъ изъ 42-хъ представителей, избранныхъ на двухгодичныхъ собраніяхъ делегатовъ отъ мѣстныхъ обществъ. Канцелярія состоитъ изъ генеральнаго секретаря, имѣющаго въ своемъ распоряженіи 26 помощниковъ. Бюджетъ комитета равнялся въ 1892 г.—124 тыс. руб., доставленныхъ добровольной подпиской. Число мѣстныхъ ассоціацій въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время—1.439; изъ нихъ 24 устроены индѣйцами и 39 неграми. Членовъ въ нихъ состоитъ 250 тысячъ человекъ. Общество обладаетъ 284 зданіями, стоящими 25 милліоновъ рублей, и расходуетъ ежегодно 4.280.000 р. Религіозныхъ классовъ въ 1892 г. было 28.500, на которыхъ присутствовало болѣе 300.000 человекъ, и 64.000 собраній съ 2.500.000 посѣтителей. Читальныхъ комнатъ было 841, библіотекъ 656 съ 470.000 томами. Затѣмъ 710 отдѣленій представили данныя объ устройствѣ ими 5.200 лекцій и 316 вечернихъ классовъ съ 20.000 учениковъ.

Отдѣлы ассоціаціи имѣются во многихъ странахъ Европы, Азии, Африки и на океанскихъ островахъ. Въ Россіи (по всей вѣроятности, въ Финляндіи или въ Остзейскомъ краѣ) ихъ считается девять.

Ассоціаціи оказываютъ на юношество громадное и очень благотворное вліяніе, и дѣятельность ея пользуется большимъ сочувствіемъ общества.

Евреи имѣли двѣ выставки: профессиональное училище барона Гирша и коллективная витрина Всемирнаго іудейскаго союза (*Alliance Israélite Universelle*).

Школы указаннаго общества не отличаются конфессіональнымъ характеромъ. Онѣ преслѣдуютъ исключительно образовательныя и воспитательныя цѣли, чуждаясь узкой партійности или исключительности. Общество имѣетъ до 40 тысячъ человекъ членовъ. Оно взяло на себя задачу помогать умственному и нравственному усовершенствованію евреевъ, поощряеть ихъ профессиональныя занятія и ремесла, борется противъ невѣжества и недостатковъ ихъ, резуль-

тата неосновательныхъ предразсудковъ, и способствовать по мѣрѣ возможности эмансипаціи ихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они не пользуются полной гражданской и религіозной свободой.

Работая внѣ политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, союзъ, согласно изданному имъ циркуляру, направлялъ до сихъ поръ свою дѣятельность главнымъ образомъ на дѣло образованія, учреждая въ Турціи, Болгаріи и по побережью Средиземнаго моря въ Малой Азіи и сѣверной Африкѣ, взамѣнъ школъ Талмудъ-Тора и отличавшихся сектаторскимъ характеромъ и затхлостью духовной атмосферы, училища, устроенныя согласно современнымъ требованіямъ, съ учителями, получившими специальное педагогическое образованіе. Вездѣ, гдѣ школы эти были установлены, говорится въ циркулярѣ, онѣ вызвали сочувствіе населенія, потому что дѣтѣмъ въ каждой странѣ преподается отечественный языкъ и мѣстная географія, исторія, и имъ внушается, что они должны быть прежде всего хорошими гражданами той страны, гдѣ они живутъ, не чуждаться другихъ народовъ, не относиться къ нимъ враждебно, какъ это было прежде. Помимо общихъ предметовъ, въ школахъ союза введено преподаваніе практическихъ знаній по ремесламъ и сельскому хозяйству для мальчиковъ и домашнему хазяйству и рукодѣліямъ для дѣвочекъ. Въ нихъ обучается 8.888 мальчиковъ и 4.454 дѣвочки. При каждой школѣ имѣется бібліотека изъ 300 книгъ. Въ школѣ въ Иерусалимѣ устроено 6 мастерскихъ: мебельная, портняжная, башмачная, токарная и нѣкоторыя другія. При сельско-хозяйственной школѣ въ Яфѣ, основанной въ 1870 г., устроена ферма на 240 гекторахъ земли, данной турецкимъ правительствомъ. Дѣло, повидному, идетъ тамъ хорошо. На фермѣ разводятся быки, лошади, овцы, мулы и разная птица; однихъ апельсинновъ ежегодно отпускаютъ 150.000 штукъ, такъ что получается дохода до 75 тысячъ франковъ.

Витрина общества на выставкѣ была переполнена массою самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Наибольшій интересъ представляли экспонаты сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они указывали, что при надлежащемъ воспитаніи еврейскіе юноши могутъ заинтересоваться сельскимъ хозяйствомъ, къ которому они въ Россіи, за очень рѣдкими исключеніями, чувствуютъ антипатію.

Изъ другихъ обществъ, преслѣдующихъ воспитательныя и образовательныя цѣли, упомянемъ о двухъ дамскихъ обществахъ: ассоціаціи слушательницъ колледжей и обществѣ поощренія домашнихъ занятій.

Первое имѣеть цѣлью объединить лицъ женскаго пола, окончившихъ курсъ колледжей и университетовъ, способствовать изученію вопросовъ женскаго образованія и помогать тѣмъ изъ дѣвушекъ, которыя нуждаются въ какой либо поддержкѣ. Общество имѣеть стипендіатоки какъ въ Америкѣ, такъ и за границей въ различныхъ университетахъ и разработало не мало весьма серьезныхъ вопросовъ относительно возможности для женщинъ заниматься различнаго рода дѣятельностью, которая до послѣдняго времени считалась несомвѣстимой съ ихъ физическими или психическими особенностями.

Второе общество учреждено для молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, желающихъ развить себя умственно и дополнить свое образованіе. Общество посылаетъ своимъ членамъ книги по различнымъ отраслямъ знаній, которыя они и изучаютъ подъ руководствомъ специалистовъ. Съ послѣдними онѣ тоже сносятся письменно. Каждая студентка должна сообщать назначенному ей корреспонденту-руководителю о ходѣ своихъ занятій и исполнить въ концѣ года работу на заданную тему. Предметами изученія могутъ быть: исторія, естественныя науки (нужныя для изученія образцы минераловъ, растений, атласы и проч. высылаются за счетъ учащихся по почтѣ), математика, астрономія, гигиена, исторія искусствъ и литература: англійская, французская и нѣмецкая.

Если мы добавимъ сюда витрину женскаго медицинскаго колледжа, то это будетъ все, что на выставкѣ носятъ характеръ специально женскій; въ остальныхъ витринахъ, въ виду существующаго въ Соединенныхъ Штатахъ сообученія обоихъ половъ, подобнаго различія не дѣлается, и только руководѣлія указываютъ на нѣкоторое отличіе, дѣлаемое для дѣвочекъ въ школахъ.

Въ южной галлерей дворца мануфактуръ находился отдѣлъ, посвященный *высшимъ учебнымъ заведеніямъ*; въ немъ помѣщались 13 секцій штатныхъ и частныхъ колледжей и университетовъ.

Особенно выдѣлялись секціи университета города Нью-Йорка, колледжа Колумбія (тоже въ Нью-Йоркѣ) и университета Гарварда (близъ Бостона въ штатѣ Массачузетсѣ). Тутъ же находилась секція Массачузетскаго технологическаго института.

Въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 12 частныхъ университетовъ, 25 штатныхъ и 384 колледжа, въ которыхъ обучаются или одни мужчины, или оба пола вмѣстѣ, и 179 колледжей исключительно для женщинъ.

Въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе 50 тысячъ слушате-

лей. Въ профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ для изученія теологій, законовѣдѣнія или медицины занимается около 30 тысячъ студентовъ.

Въ упомянутыхъ секціяхъ высшихъ учебныхъ заведеній были собраны отчеты о ходѣ преподаванія въ различныхъ факультетахъ означенныхъ учебныхъ заведеній, научные труды профессоровъ, учебныя пособия, различныя научныя препараты и коллекціи, статистическія и инныя таблицы и проч. Оцѣнка означенныхъ экспонатовъ не подлежитъ моему компетенціи, и потому я въ означенномъ отдѣлѣ остановлюсь только на секціи знаменитаго образовательнаго учрежденія въ мѣстечкѣ Шаутокуа (Chautauqua), въ штатѣ Нью-Йоркъ, называемаго „Народнымъ университетомъ“.

Учрежденіе это официально называется литературно-научнымъ кружкомъ (Literary and Scientific Circle). Въ основѣ его дѣятельности положенъ принципъ, что высшее образованіе должно быть доступно всѣмъ, какъ молодымъ, такъ и старымъ, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, и что образованіе, хотя и начатое въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не должно быть оканчиваемо въ молодости, но по возможности продолжаемо въ теченіе всей жизни.

Шаутокуайское образовательное учрежденіе задается цѣлью расширить и дополнить образованіе своихъ сочленовъ. Оно, конечно, не можетъ замѣнить колледжей и другихъ учебныхъ заведеній и стремится лишь къ тому, чтобы способствовать индивидуальному развитію сочленовъ кружка и выработкѣ у нихъ способностей къ правильному и логическому мышленію и вообще поощрять привычку къ систематическому чтенію и умственнымъ занятіямъ.

Система эта выработалась постепенно. Начало ей было положено въ 1874 г., то-есть, 20 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ руководители означеннаго движенія Джонъ Винцентъ (канцлеръ) и Люисъ Миллеръ (президентъ) неутомимо работали на избранномъ ими поприщѣ и сумѣли сгруппировать вокругъ себя цѣлый легионъ сотрудниковъ и сочувствующихъ лицъ.

Дополнительное образованіе членовъ кружка достигается главнымъ образомъ посредствомъ домашняго чтенія (отъ 40 минутъ до часу въ день въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ году) различныхъ книгъ и руководствъ по указаніямъ и согласно программѣ, высылаемой особымъ бюро, организованнымъ при кружкѣ. Въ бюро участвуютъ специалисты по различнымъ отраслямъ знаній, которые и руководятъ чтеніемъ своихъ корреспондентовъ и задаютъ имъ, если они того желаютъ, по окончаніи курса экзаменаціонныя темы для письменныхъ работъ

и посылають листы съ вопросами, на которые испытующий долженъ отвѣтить. Курсы бываютъ различныя. Полный курсъ можетъ быть изученъ только въ 4 года. Лица, проявившія достаточныя знанія въ предметахъ, которые они изучали, получаютъ свидѣтельство, не имѣющее, впрочемъ, официальнаго значенія.

Если въ какомъ либо мѣстечкѣ или городѣ имѣется нѣсколько членовъ шаутокуайской научной ассоціаціи, то они могутъ образовать „мѣстный кружокъ“ (local circle) для обмѣна мыслей по поводу прочитаннаго и взаимопомощи.

Лѣтомъ въ мѣстечкѣ Шаутокуа устраиваются цѣлыя серіи кратковременныхъ (4 — 6-недѣльных) курсовъ, классовъ и проч. по различнымъ специальнымъ предметамъ, а въ августѣ назначается день „торжественнаго акта“, на которомъ раздаются свидѣтельства „университета“, съ указаніемъ числа предметовъ, прослушанныхъ тѣмъ или другимъ членомъ, или изученныхъ имъ при помощи домашняго чтенія. На актъ пріѣзжаютъ члены общества и туристы со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Ихъ бываетъ по нѣскольکو десятковъ тысячъ человѣкъ.

Не смотря на чисто американскій ростъ мѣстечка, помѣщеній для пріѣзжающихъ не хватаетъ, и многіе изъ нихъ располагаются лагеремъ въ окрестностяхъ.

Ежедневно въ только что отстроенномъ громадномъ амфитеатрѣ устраиваются такъ называемыя общія собранія (дневныя и вечернія), въ которыхъ могутъ принимать участіе всѣ члены общества и посѣтители, внесшіе установленную (за недѣлю 1 долларъ, за весь сезонъ 5 долларовъ) плату. На общихъ собраніяхъ бываютъ драматическія чтенія, диспуты, произносятся рѣчи, проповѣди, читаются описанія путешествій, популярныя лекціи по социальнымъ, экономическимъ, религиознымъ ¹⁾ и др. вопросамъ, въ которыхъ принимаютъ участіе многіе выдающіеся дѣятели какъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и заграничныя, а по вечерамъ устраиваются концерты, фейерверки и иныя увеселенія.

Какъ система, такъ и характеръ занятій въ Шаутокуа извѣстны болѣе или менѣе въ Россіи, благодаря талантливымъ статьямъ г-жи Макъ Гаханъ, и потому останавливаться на нихъ нечего.

¹⁾ Шаутокуайское населеніе, какъ извѣстно, выросло изъ дѣтскихъ сѣздонъ преподавателей воскресныхъ методистскихъ школъ и до сихъ поръ сохраняетъ протестантско-религіозный отбѣнокъ.

Въ послѣдніе годы это учрежденіе стало поразительно расти и расширять свою дѣятельность. Одно перечисленіе различныхъ лѣтнихъ спеціальныхъ курсовъ, классовъ, школъ, клубовъ и проч. занимаетъ около 6 страницъ in-quarto въ 4 столбца мелкаго текста.

Желающіе могутъ заниматься какъ общеобразовательными предметами, такъ и спеціальными. Не забыто и физическое воспитаніе. Гимнастическій залъ, лугъ для игры въ мячъ, площадки для лаунъ-тенниса предоставлены въ распоряженіе желающихъ. Различнаго рода спортъ тоже процвѣтаетъ (гребныя гонки, велосипедныя поѣздки, плаванье и проч.).

Съ прошлаго года Шаутокуайское учрежденіе взялось очень энергично за такъ называемый *University extension* и образовало при помощи мѣстныхъ комитетовъ во многихъ мѣстахъ союза временныя университетскіе курсы по различнымъ предметамъ. Курсы по примѣру Англии сопровождаются такъ называемыми „классами“, на которыхъ учителя входятъ въ болѣе тѣсное общеніе со своими слушателями, даютъ имъ дополнителныя объясненія, репетируютъ ихъ и проч.

Между членами кружка встрѣчаются 80-лѣтніе старики и 16-лѣтніе юноши и дѣвушки, капиталисты и бѣдняки, городскіе жители и сельскіе, представители либеральныхъ профессій и разнаго рода техники, коммерсанты, ремесленники и проч. Женщины имѣютъ, кромѣ общихъ, также отдѣльные клубы. Для дѣтей до-школьнаго возраста устроены дѣтскій садъ, гдѣ они проводятъ время, пока отцы ихъ и матери слушаютъ лекціи или участвуютъ въ тѣхъ или другихъ классахъ. Вся эта разнообразная, пестрая многотысячная толпа собирается сюда не по обязанности, не ради наградъ, не для полученія какихъ либо правъ, а исключительно подъ вліяніемъ стимула, приобретающаго все большее и большее могущество среди человѣчества—стремленія къ знанію и умственному общенію съ себѣ подобными.

По *сельско-хозяйственному образованію* въ зданіи мануфактуръ имѣлась только одна спеціальная секція, занятая Мичиганскимъ сельско-хозяйственнымъ колледжемъ. Остальныя экспонаты по этой отрасли были размѣщены въ отдѣлахъ штатныхъ выставокъ и высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (университетовъ и колледжей), имѣющихъ сельско-хозяйственныя факультеты или отдѣленія.

Въ зданіи «агрикультуры» находился отдѣлъ федеральнаго департамента сельскаго хозяйства, гдѣ помѣщалось особое справочное бюро и выставка испытательныхъ станцій, лабораторій, а также нѣ-

которыхъ штатныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Въ настоящее время насчитывается въ странѣ 23 сельско-хозяйственныхъ колледжа. Агрономическіе факультеты и отдѣленія устроены, кромѣ того, при многихъ университетахъ и нормальныхъ школахъ.

Въ теченіе лѣта при сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ на выставкѣ были организованы регулярныя лекціи специалистовъ по различнымъ вопросамъ, которыя посѣщались очень усердно. На нихъ было затроуто не мало насущныхъ вопросовъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

По низшему сельско-хозяйственному образованію Соединенные Штаты не дали ничего, по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ еще подобнаго типа школъ. Въ доброй половинѣ штатовъ, гдѣ придерживаются еще экстенсивной культуры и хищнической эксплуатаціи природныхъ богатствъ, въ нихъ въ настоящее время еще нѣтъ и потребности.

VIII.

Выставки иностранныхъ государствъ.

На сколько школьныя выставки Соединенныхъ Штатовъ были обширны, разнообразны и интересны, на столько же скромны были витрины иностранныхъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Германіи, Россіи и Франціи. Судя по послѣднимъ выставкамъ, учебные отдѣлы той страны, которая устраивала выставку, всегда доминируютъ надъ остальными, представляя изъ себя какъ бы національную выставку съ добавленіемъ иностранныхъ экспонатовъ. Положеніе это, въ сущности говоря, совершенно правильно. Будущіе на выставку задаются обыкновенно цѣлью изучить туземное образованіе, мало сравнительно интересуюсь образованіемъ другихъ странъ, которое имъ уже извѣстно.

Наконецъ, школа, особенно народная, такъ тѣсно связана съ условіями и особенностями той страны, откуда она происходитъ, что для того, чтобы понять ее и отнестись къ ней сознательно, нужно видѣть, хоть отчасти, самую страну, ея обитателей и наконецъ имѣть возможность лично посѣтить различныя учебныя заведенія. Помимо статистическихъ работъ и фотографій, учебныя заведенія не могутъ и даже не должны бы изготавлять спеціально чего-либо для иностранныхъ выставокъ.

При обиліи теперь международныхъ выставокъ, учителя и ученики стали бы терять напрасно время, нужное на болѣе близкое

для нихъ дѣло ученія и обученія. Для своей же выставки можно, конечно, пожертвовать временемъ, деньгами и трудомъ, потому что она является для лицъ завѣдующихъ народнымъ образованіемъ какъ бы общимъ испытаніемъ передъ лицомъ всей націи.

Изъ европейскихъ странъ устроили порядочныя по величинѣ выставки Россія, Франція, Германія и Англія.

На первомъ мѣстѣ несомѣнно слѣдуетъ поставить *Германію*, выставка которой отличалась богатствомъ, разнообразіемъ и интересомъ. Внѣшній фасадъ былъ очень изященъ. Въ отдѣлѣ участвовало болѣе 500 экспонентовъ. Въ немъ нашли мѣсто экспонаты начальныхъ школъ, среднихъ учебныхъ заведеній, университетовъ, специальныхъ училищъ разнаго рода и германскихъ министерствъ народнаго просвѣщенія. Очень богатая коллекція учебниковъ, книгъ, атласовъ, глобусовъ, стѣнныхъ картинъ и другихъ учебныхъ пособій, ученическія работы, фотографіи и виды дополняли выставку.

Второе мѣсто занимала русская учебная выставка, которая была расположена въ пяти залахъ.

Первую залу отъ наружной стѣны занималъ Педагогическій музей, выставившій богатую и систематическую коллекцію учебныхъ пособій, учебниковъ, различныхъ изданій и проч., размѣщенныхъ съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ маститымъ педагогомъ И. Я. Гердомъ.

Далѣе слѣдовали зала съ выставкой учебныхъ заведеній министерства путей сообщенія и зала, гдѣ были размѣщены предметы, представленныя частными экспонентами, между которыми выдѣлялась прекрасная витрина картографическаго заведенія Ильина; бюро съ книгой г-жи Алчевской „Что читать народу“; секція общества распространенія Св. Писанія; счетная машина Одера „ариометръ“, универсальная школьная скамья профессора Харьковскаго университета Брандта и экспонаты С.-Петербургскаго технологическаго института и Александровскаго техническаго Череповецкаго училища.

По лѣвую руку отъ втораго коридора были расположены два альбома: одинъ, занятый центральнымъ училищемъ техническаго рисованія барона Штиглица, а другой—рисовальной школой общества поощренія художествъ.

Противъ нихъ помѣщалась длинная зала учреждений Императрицы Маріи. Отдѣлъ этотъ находился въ завѣдываніи весьма популярной въ Америкѣ г-жи Т. Б. Сѣмечкиной, бывшей и на Филадельфійской выставкѣ, и О. К. Адеркаса. Общее вниманіе обращали на себя женскія рукодѣлія.

Демидовскій домъ призрѣнія трудящихся въ С.-Петербургѣ представилъ для поднесенія президенту Соединенныхъ Штатовъ очень красивую полосу, вышитую по старинному русскому рисунку XIII столѣтія золотомъ и серебромъ по красному атласу. Супругѣ президента предназначено довольно большое саше, на которомъ вышита гладью картина, изображающая встрѣчу парохода „Лео“ съ американскимъ хлѣбомъ, присланнымъ въ Россію въ тяжелый для насъ годъ неурожая.

Интересны были 10 стѣнныхъ таблицъ отъ школъ Патріотическаго общества, представляющія полный курсъ руководѣльныхъ занятій, начиная съ самыхъ простыхъ и легкихъ и кончая самыми трудными и сложными, фотографія различныхъ учебныхъ заведеній и пріютовъ, планы зданій и одна ширма, вышитая шелками по старинному рисунку временъ Алексѣя Михайловича.

Большинство экспонатовъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи пожертвовано американцамъ въ знакъ благодарности за ихъ братскую помощь.

Рядомъ помѣщалась зала министерства народнаго просвѣщенія. По стѣнамъ были развѣшаны географическія карты, рисунки, фотографіи учебныхъ заведеній и образцы каллиграфическихъ работъ различныхъ учебныхъ заведеній. На столахъ и въ витринахъ были разложены: отчеты по учебнымъ округамъ и учебнымъ заведеніямъ, учебные планы и программы. Образцы учебниковъ и учебныхъ пособій, употребляемыхъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, труды профессоровъ университетовъ, изданія ученыхъ обществъ и высшихъ учебныхъ заведеній и работы учениковъ по разнымъ отраслямъ знаній. Отдѣльно на подставкѣ была укрѣплена составленная Л. П. Дымшей карта Россіи съ обозначеніемъ среднеучебныхъ заведеній и манекенъ, одѣтый въ форму студента.

Отдѣлъ Кавказскаго учебнаго округа былъ очень интересенъ и богатъ. Весьма любопытна была также цѣнная коллекція русскихъ народныхъ картинъ сенатора Ровинскаго. По ручному труду отмѣтимъ альбомъ работъ и двѣ таблицы съ образцами издѣлій для выясненія постепеннаго хода работы, присланныя г. Цирулемъ. Тутъ же находились изданія Высочайше утвержденной комиссіи для устройства народныхъ чтеній.

Франція занимала три залы, уставленныя шкапами, въ которыхъ были помѣщены учебники, различныя книги и ученическія работы. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить „круговыя тетради“, cahiers de

roupement, въ которыхъ каждый ученикъ исполняетъ по очереди классныя работы. Получается тетрадь, въ которой участвуютъ все ученики класса, дающая для лицъ, принадлежащихъ къ инспекторскому персоналу, какъ увѣрялъ меня одинъ инспекторъ г. Мартинъ, ясное представленіе объ общемъ состояніи класса и служащая для учениковъ побудительнымъ мотивомъ относиться серьезно къ своимъ урокамъ, такъ какъ они должны ожидать, что имъ можетъ быть придется писать сочиненіе, диктовку, рѣшать задачу и исполнять рисунокъ или географическую карту въ этой классной, общей, показной тетради.

Рядомъ съ залой министерства народнаго просвѣщенія находилось помѣщеніе, въ которомъ экспонировала свои вещи извѣстная парижская школа „des arts et metiers“. Изъ частныхъ же экспонентовъ выдѣлялась фирма Дерояля съ картинами по естествовѣдѣнію. Въ національномъ зданіи отдѣла города Парижа была тоже выставка школьнаго муниципальнаго департамента съ интересной коллекціей работъ по ручному труду, извѣстныхъ, впрочемъ, Россіи по французско-московской выставкѣ ¹⁾.

Летучіе листки съ таблицами и сравнительными статистическими свѣдѣніями, раздававшіеся въ отдѣлѣ, не были напечатаны для выставки, а представляли остатокъ отъ изданія, приготовленнаго къ парижской выставкѣ 1889 г. и не вполне разошедшагося. Между тѣмъ съ 1889 по 1893 г. въ школьной статистикѣ, судя по другимъ официальнымъ французскимъ изданіямъ, произошло не мало перемѣнъ.

Мы не будемъ останавливаться дольше ни на указанныхъ выставкахъ, ни на скромныхъ школьныхъ отдѣлахъ Испаніи, Швеціи, Италіи и Швейцаріи, такъ какъ все то, что мы могли бы сообщить о нихъ, представляло бы мало интереса для нашихъ читателей.

Въ *англійскомъ* отдѣлѣ во дворцѣ мануфактуръ принималъ участіе городъ Лондонъ и департаментъ наукъ и искусствъ (Science and Art Department), приславшій работы учениковъ художественныхъ школъ, а также Оксфордскій университетъ, демонстрировавшій систему, называемую Юниверсити-Экстеншенъ (University Extension)—расширенія дѣятельности университета посредствомъ устройства курсовъ и цѣлыхъ отдѣленій внѣ стѣнъ университета въ различныхъ горо-

¹⁾ Коллекціи, фигурировавшія на московской выставкѣ, были пожертвованы муниципалитетомъ г. Парижа Постоянной комиссіи по техническому образованію.

дахъ и мѣстностяхъ Англіи. Система эта извѣстна въ Россіи, благодаря статьямъ профессора Московскаго университета И. И. Янжула.

Изъ частныхъ экспонентовъ отличилась фирма Джонстона, представившая прекрасныя географическія карты.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на выставкѣ города Лондона, такъ какъ она очень интересна, хотя только съ отрицательной стороны: по ней можно судить, какъ *не слѣдуетъ* дѣлать школьныхъ выставокъ.

Выставкѣ была отведена большая квадратная зала, вдоль стѣнъ которой были размѣщены столы со стеклянными витринами и такіе же столы разставлены въ два ряда посреди залы. По стѣнамъ размѣшаны картины, географическія карты и ученическія работы.

Фребелевскія школы представили рисунки и образцы плетенія и вырѣзыванія изъ бумаги, лѣпки, выпиливанія, рукодѣлія (шитье) и плетенія изъ соломы. Изъ начальныхъ школъ были присланы тетради по каллиграфіи, образцы прекрасныхъ рисунковъ карандашемъ и перомъ и изящныя акварели съ натуры, коллекція издѣлій изъ картона, представляющая геометрическія фигуры, кубики и другія геометрическія формы, сложенныя въ видѣ стѣнъ и сводовъ; различныя картонажи и образцы лѣпки изъ глины на очень трудныя темы (сложные орнаменты, скульптурныя изображенія животныхъ, вазы значительной величины, украшенныя рисунками, и проч.).

По ручному труду были очень эффектны работы по дереву, украшенныя мозаикой изъ двухъ и болѣе родовъ дерева, представляющей несложныя геометрическіе рисунки (параллельныя полосы, квадратики, звѣзды).

Такихъ предметовъ было нѣсколько сотъ, всѣ они закончены самымъ тщательнымъ образомъ и отполированы.

По желѣзу работъ очень немного. Нѣсколько предметовъ, обработанныхъ холоднымъ способомъ, и рельефныя работы на листахъ красной и желтой мѣди, на которыхъ при помощи особыхъ инструментовъ выбиваются различныя рисунки: орнаменты, фрукты и изображенія животныхъ.

Судя по отиѣткѣ, ямѣющейся при этихъ работахъ, имъ обучаются подъ видомъ ручнаго труда дѣти въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ.

Въ витринахъ женскихъ школъ помѣщены образцы рукодѣлій ученицъ въ возрастѣ отъ 6-ти и до 14-ти лѣтъ, шьющихъ сначала на куколъ, а потомъ исполняющихъ и предметы, которые могутъ быть употреблены ими самими или проданы другимъ лицамъ, а также

образцы прачешныхъ работъ, исполняемыхъ въ школахъ. Въ витринахъ помѣщены мытыя вещи изъ полотна, фланели, шелка, кружевъ и бѣлье, частью накрахмаленное и плетеное.

Наконецъ, въ двухъ запертыхъ шкапикахъ поставлена коллекція аппаратовъ, предназначенныхъ для иллюстраціи объясненій учителей на урокахъ естествовѣдѣнія, и стоитъ витрина, изображающая модель начальнаго училища, а на стѣнахъ развѣшано нѣсколько рисунковъ и плановъ городскихъ учебныхъ заведеній.

Все выставленные предметы размѣщены въ живописномъ порядкѣ и отличаются отиѣнными качествами. Нѣтъ предметовъ плохихъ или даже среднихъ, все только превосходные.

Какая цѣль руководила устроителями выставки, намъ не извѣстно. Представитель ихъ уѣхалъ въ Англію и во время экспертизы отсутствовалъ. Временно завѣдывавшій отдѣломъ молодой комиссаръ изъ мануфактурнаго отдѣла отзывался на все полнымъ незнаніемъ. Устроители какъ будто задались цѣлью добиться исключительно вѣшняго эффекта. Вотъ молъ какія необыкновенныя вещи дѣлаются у насъ въ Лондонѣ въ школахъ. Если это такъ, то эта цѣль не была достигнута.

Мнѣ пришлось видѣть, какъ одинъ очень почтенный американскій педагогъ, подойдя къ выставленнымъ въ этомъ отдѣлѣ географическимъ картамъ, не удивился, а разсмѣялся! Да, засмѣялся: такъ наивно было со стороны лондонскаго департамента выставить въ качествѣ экспоната начальныхъ школъ нѣсколько географическихъ картъ (около 5), изъ которыхъ одна представляла шедевръ микрографіи. Даже вблизи она казалась печатной. Каждая буква въ названіяхъ городовъ, рѣкъ, горъ, острововъ и проч. была вырисована на подобіе печатной. Контуры горъ и весь вообще рисунокъ былъ исполненъ съ поразительной точностью, аккуратностью и изяществомъ.

Нѣтъ основаній не вѣрить, чтобы среди почти четырехъ-милліоннаго населенія Лондона не нашлось 3-хъ или 4-хъ мальчиковъ, оканчивающихъ городскія школы, которые въ теченіе послѣднихъ 4—5 лѣтъ не могли бы исполнить указанная работы. Но какая цѣль была выставлать ихъ? Вѣдь по нимъ нельзя судить о работахъ по картографіи въ школахъ гор. Лондона, а между тѣмъ, чтобы исполнить ихъ, ученики должны были просидѣть безъ малаго недѣли по двѣ съ рискомъ испортить себѣ глаза.

Какая цѣль заставлятъ дѣтей отдѣлывать образцы работъ по ручному труду мозаикой?

При нормальныхъ условіяхъ она не примѣняется; для чего же дѣлать ее къ выставкѣ, устроенной вѣдь не для дѣтей или дикарей, которымъ надо только тѣшить глаза красивою внѣшностью?

Трудно также предположить, чтобы работа по мѣди входила въ курсъ начальныхъ школъ. Но всей вѣроятности, это тоже индивидуальныя работы. Скульптурныя произведенія и акварели тоже указываютъ лишь на то, что среди подросткаго лондонскаго поколѣнія есть лица очень талантливыя, но судить по нимъ о постановкѣ рисованія очень трудно.

Странно было бы также, еслибы въ примѣрныхъ школьныхъ прачешныхъ дѣтямъ давали въ стирку батистовыя платки, обшитыя кружевами, которыя, пожалуй, стоятъ больше, чѣмъ все прачешное заведеніе, куда они, судя по нахожденію ихъ въ школьныхъ витринахъ, будто бы попадаютъ.

Такимъ образомъ цѣль выставки не была достигнута. Судить по ней о городскихъ школахъ Лондона не представлялось возможности.

Главная ошибка устроителей заключалась въ томъ, что они приравнивали свою выставку къ тѣмъ, которыя устраиваются коммерческими домами: тѣ дѣйствительно стараются представить самое лучшее изъ того, что они производятъ. Но школа не фабрика. Также точно ошибаются сельскіе хозяева, которые присылаютъ на сѣмяныя выставки зерна, отобранныя рукой. Ихъ экспонаты лишены всякаго значенія, такъ какъ не имѣютъ подъ собой реальной почвы, и они не обманутъ специалиста, который пойметъ ихъ несостоятельность.

Въ „Зданіи женщинъ“ Англіи, или вѣрнѣе Великобританіи (такъ какъ тамъ были экспонаты отъ Ирландіи, Шотландіи, Валіса и Англійскихъ колоній), представляла очень много интересныхъ вещей, относящихся къ специально женскому образованію, но преимущественно высшему.

Со стороны Англіи участвовало 8 женскихъ колледжей съ общеобразовательнымъ курсомъ, 4 учрежденія (3 госпиталя и 1 училище), въ которыхъ женщины получаютъ медицинское образованіе, и нѣсколько другихъ не классифицированныхъ школъ; изобрѣтенія женщинъ, имѣющія отношеніе къ воспитанію, и портреты нѣкоторыхъ женщинъ, получившихъ ученые степени въ университетахъ гор. Лондона, Королевскаго университета въ Ирландіи, Сѣверо-Лондонскаго колледжа и др. Отъ Ирландіи: отчеты національнаго департамента народнаго образованія, экспонаты колледжей и университетовъ, основанныхъ мужчинами, но въ которые допускались отъ времени до вре-

мени женщины (хирургическій колледжъ въ гор. Дублинѣ, Королевскій колледжъ врачей, Королевскій колледжъ науки въ Дублинѣ, колледжъ Мажи въ Лондонѣри, Методистскій колледжъ и учрежденіе Макъ-Артура въ Бельфастѣ), колледжи, основанныя женщинами для женщинъ (колледжи Александра и Викторіи въ Дублинѣ), учебныя заведенія, основанныя и содержимыя женщинами и имѣющія цѣлью дать женщинамъ болѣе обширное образованіе, чѣмъ-то, которымъ онѣ пользовались ранѣе, и школы, принадлежащія Обществу друзей народнаго образованія (между прочимъ, одна сельско-хозяйственная въ Брукфильдѣ). Отъ Шотландіи были выставлены фотографіи и учебныя росписанія уроковъ въ начальныхъ и среднихъ школахъ и экспонаты Эдинбургской медицинской школы для женщинъ и медицинскаго колледжа королевы Маргариты и Шотландской ассоціаціи для распространенія и поощренія женскаго медицинскаго образованія. Изъ сказаннаго перечня видно, что среди женскаго образованія въ Англіи въ настоящее время въ сферѣ средняго и высшаго преобладаетъ стремленіе къ медицинскому образованію, въ которомъ женщины съумѣли занять себя съ самой лучшей стороны и въ которомъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, страдающихъ недостаткомъ врачей даже въ тѣ періоды, когда въ нихъ нѣтъ какихъ либо эпидемій, ощущается такая настоятельная необходимость.

По начальному образованію въ этомъ зданіи нашлось очень мало.

Тутъ же находится интересная коллекція портретовъ англійскихъ женщинъ, отличившихся въ различныхъ отрасляхъ умственной дѣятельности или въ области искусствъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ „извѣстностей“ и „знаменитостей“ по хронологическому порядку отведено св. Идитѣ или Едифѣ Вильтонъ, дочери короля Эдгара, умершей въ 984 году. За нею слѣдуютъ другія историческія женщины въ числѣ 49, потомъ 27 портретовъ женщинъ, заявившихъ себя въ дѣлѣ филантропіи и эмансипаціи женщинъ; 13 въ общей литературѣ, 7 въ поэзіи, 20 въ беллетристикѣ, 9 въ драмѣ и музыкѣ и 20 въ искусствахъ. Всего насчитывается 173 коронованныхъ и некоронованныхъ героинь Альбіона.

Очень оригинальна и убѣдительно была выставка фотографическихъ карточекъ бѣзи нѣсколькихъ дамъ, получившихъ въ англійскихъ университетахъ ученныя степени. Цѣль карточекъ показать, что „ученіе“ не вліяетъ вредно на женщинъ, какъ матерей. Доказательство очень яркое, ибо бѣзи выглядятъ такими здоровыми, тол-

стыми и жизнерадостными, что любо смотреть, и ихъ матери, сидящія рядомъ въ своихъ профессорскихъ шапочкахъ, вполне вправѣ гордиться ими.

Въ антропологическомъ отдѣлѣ Бюро благотворительности и исправительныхъ учрежденій (Bureau of charities and correction) организовало очень большую и интересную выставку (преимущественно различные отчеты, книги, брошюры, циркуляры, изданія, законы и фотографіи), всего около 300 №№, для пользованія которой издало особый каталогъ, озаглавленный „Введеніе къ англійскимъ экспонатамъ“, снабженный объяснительной запиской и 8 статистическо-графическими таблицами.

Послѣ Соединенныхъ Штатовъ вниманіе европейскихъ педагоговъ и предстанителей учебныхъ вѣдомствъ было обращено болѣе всего на выставки другихъ американскихъ государствъ и колоній.

Обѣ сосѣдки Соединенныхъ Штатовъ—Канада и Мексика, хотя и имѣли выставки, расположенныя вблизи другъ друга, но постановка и результаты образованія въ той и другой оказались далеко несходными.

Различіе расовыхъ особенностей при сравненіи англо-французской Канады и испанской Мексики сказывалось тотчасъ же.

Богатствомъ выставокъ—какъ учебной, такъ и по другимъ отраслямъ—*Канада* безспорно превосходила остальные средне и южно-американскія республики. Происходило это отчасти вслѣдствіе того, что Канада, а также и Южный Валлисъ (въ Австраліи), принявшій дѣятельное участіе въ Колумбовой выставкѣ, желали этимъ выразить свою живую симпатію и особенное сочувствіе Союзу.

Весьма сильная партія въ Канадѣ агитируетъ теперь въ пользу соединенія обѣихъ странъ подъ общимъ названіемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мексиканцы же, какъ извѣстно, относятся къ своему могущественному и богатому сосѣду съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ.

По цифрѣ, выражающей процентное отношеніе учащихся въ странѣ (начиная съ Фребелевскихъ школъ и кончая университетами) къ каждой сотнѣ населенія, Канада занимаетъ 2-е мѣсто во всемъ мірѣ. Первое мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, это отношеніе выражается числомъ—23%. У Канады при 4.829.411 жителей и 998.823 учащихся оно равняется 20.8%. Цифра очень большая, если принять во вниманіе сравнительную рѣдкость населенія въ Канадѣ и крайне холодный климатъ въ

нѣкоторыхъ частяхъ ея, что не способствуетъ посѣщенію училищъ.

Въ Швейцаріи, напримѣръ, по исчисленію департамента народнаго образованія Соединенныхъ Штатовъ процентное отношеніе учащихся къ населенію равняется 19,8‰, въ Германіи 18,8‰, въ Финляндіи 17,6‰, въ Великобританіи 16,2, въ Швеціи и Норвегіи 15,4, во Франціи 15,1, въ Нидерландахъ 14,2, въ Бельгіи 13,5, въ Австріи и Венгріи 12,9, въ Испаніи 10,6, въ Италіи 9,6, въ Россіи 3,1 и въ Турціи 2,2‰.

На выставкѣ Канадѣ было отведено нѣсколько залъ, занятыхъ секціями департаментовъ народнаго образованія отдѣльныхъ провинцій, пользующихся въ сферѣ народнаго просвѣщенія полной самостоятельностью, протестантскими и католическими школами, торговыми фирмами и частными лицами.

Изъ провинціальныхъ выставокъ наиболѣе интересна была организованная провинціей Онтарио, извѣстной вообще и по прежнимъ выставкамъ прекрасной постановкой въ ней начальнаго образованія. Департаментъ народнаго образованія этой провинціи издалъ къ выставкѣ отличную книжку, озаглавленную „The educational system of the province of Ontario“.

Исходнымъ пунктомъ исторіи народнаго образованія въ этой провинціи долженъ быть признанъ 1844 годъ. Въ этомъ году народное просвѣщеніе взялъ въ свои руки энергичный государственннй дѣятель настоярь Эгертоиъ Райерсонъ, неутомимо трудившійся на избранномъ имъ поприщѣ въ теченіе 33 лѣтъ и положившій основаніе современному цвѣтущему состоянію образованія.

Система народнаго образованія въ Онтарио основана на принципахъ и методахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ странъ и скомбинированныхъ затѣмъ съ тѣми, которые были мѣстнаго происхожденія. Изъ стараго свѣта законодатели этой провинціи заимствовали централизацию и прочность организаціи въ сферѣ администраціи, отъ новаго—демократическое направленіе, гибкость и общенародность его системы, вызвавшей желательное примѣненіе индивидуальной отвѣтственности и мѣстнаго контроля.

Изъ штата Нью-Йоркъ была взята организація его школъ, отъ штата Массачузетса принципъ мѣстнаго школьнаго налога, изъ Ирландіи первая серія христоматій, изъ Шотландіи сотрудничество родителей съ учителями съ цѣлью усиленія авторитета послѣднихъ; изъ Германіи система учительскихъ семинарій и дѣтскихъ садовъ, а изъ

Соединенныхъ Штатовъ вообще свѣтскій характеръ элементарнаго, средняго и высшаго образования. „Свое“ заключается согласно узаконію отчета въ слѣдующемъ:

„Раздѣленіе государственной и муниципальной властей на разумныхъ и целесообразныхъ основаніяхъ; опредѣленность функций университетовъ, высшихъ начальныхъ училищъ и элементарныхъ школъ; однообразный курсъ ученія въ каждомъ разрядѣ учебныхъ заведеній; специально педагогическая подготовка учителей въ элементарныхъ и высшихъ начальныхъ училищахъ; запрещеніе назначать лицъ, не имѣющихъ учительскаго свидѣтельства перваго разряда или многолѣтней учительской практики, на должность инспекторовъ, которые могутъ быть уволены учебной администраціей, если окажутся неспособными, но не подлежатъ удаленію по народному голосованію; испытаніе учителей, дѣлаемое подъ провинціальнымъ контролемъ, вѣстомѣстнаго; установленіе общаго экзамена для поступленія въ университеты и полученія ученыхъ степеней; одинаковая серія учебныхъ книгъ для всей провинціи; почти совершенное отсутствіе партійной политики въ способѣ отправленія своихъ обязанностей школьными комитетами, инспекторами и учителями; преобладаніе національной системы, но съ предоставленіемъ римско-католической и протестантской церкви, подъ конституціонными гарантіями и съ извѣстными ограниченіями права покровительства конфессіональнымъ училищамъ“.

Обученіе въ учебныхъ заведеніяхъ въ провинціи съ 1871 г. даровое во всѣхъ ступеняхъ. Способный ученикъ можетъ дойти до университета и окончить его, не платя ничего за свое образованіе. Учебники въ начальныхъ школахъ даются тоже бесплатно. Мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно. Обязательность начальнаго образованія была признана закономъ 1891 г. (Truancy and Compulsory Education Act). По этому закону дѣти въ возрастѣ между 8 и 14 годами должны посѣщать школы въ теченіе всего учебнаго года. Родители и замѣняющія ихъ лица, уклоняющіеся безъ уважительныхъ причинъ отъ присылки дѣтей въ училище, наказываются штрафомъ. Штрафъ въ 20 долларовъ взыскивается также и съ лицъ, употребляющихъ на работу дѣтей школьнаго возраста во время учебныхъ часовъ. За исполненіемъ закона слѣдятъ особые инспекторы, имѣющіе право входа въ мастерскія, лавки, заводы и проч., гдѣ могутъ быть дѣти, подлежащія школьному обученію. Въ случаѣ крайней нужды семьи въ работѣ дѣтей, послѣднія получаютъ разрѣшеніе не посѣщать школы въ теченіе 6 недѣль въ году.

Система школъ слѣдующая:

Фребелевскія школы (киндергартены)—ихъ въ настоящее время въ провинціи 66, начальныя школы (5.876). вечернія, высшія начальныя (93), колледжи (35), художественныя училища, годичные классы для приготовленія учительницъ для дѣтскихъ садовъ, учительскія школы графствъ (59, выпускающія учителей со свидѣтельствомъ 3-го разряда), двѣ нормальныя провинціалныя школы (свидѣтельство 2-го разряда) и педагогическій институтъ для подготовленія преподавателей для высшихъ начальныхъ школъ (свидѣт. 1-го разряда), техническій институтъ, ремесленныя школы и, наконецъ, такъ называемыя сепаратныя училища.

Начальныя школы имѣютъ четыре класса. Пятый, старшій, можетъ быть прибавленъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ нѣтъ высшей начальной школы. Въ первыхъ трехъ классахъ проходитъ чтеніе и письмо, англійскій языкъ, ариметика, географія, исторія, чистописаніе, рисованіе, ибнѣ и гимнастика. Въ IV-мъ классѣ добавляются для сельскихъ школъ первоначальныя свѣдѣнія по *сельскому хозяйству* (какъ растеніе возникаетъ, растетъ и питается, что дѣлается на фермѣ, значеніе деревьевъ, какія деревья слѣдуетъ сажать и какъ это дѣлать, отношеніе земледѣлія къ другимъ родамъ занятій и вліяніе климата на обычаи народа).

Въ V-мъ классѣ добавленъ особый отдѣлъ „поззи“, изучаемой на урокахъ англійскаго языка. Къ ариметикѣ присоединены геометрическія измѣренія (опредѣленіе площадей, прямолинейныхъ фигуръ и круга и объемовъ куба, призмы, пирамиды, цилиндра, конуса и шара).

Въ сельскихъ школахъ продолжается сельское хозяйство, а въ городскихъ вводится особый „коммерческій“ курсъ (книговодство, двойная система бухгалтеріи, коммерческое письмоводство и общія формы дѣловыхъ сношеній).

Кромѣ указанныхъ обязательныхъ предметовъ, есть необязательные: алгебра, геометрія, ботаника и физика.

Начиная со втораго класса, учителя должны знакомить учениковъ при посредствѣ простыхъ бесѣдъ съ природой и вліяніемъ алкоголя на человеческое тѣло, важнымъ значеніемъ трезвости и исполненія различныхъ гигиеническихъ требованій. Въ V-мъ классѣ на этотъ предметъ, называемый „воздержаніе и гигиена“, должно быть посвящено не менѣе часа въ недѣлю. Различныя движенія въ классѣ

тоже требуются во всѣхъ отдѣленіяхъ; помимо нихъ, въ школахъ мальчики должны быть обучаемы военнымъ упражненіямъ, а дѣвочки гимнастикѣ. Преподаваніе основъ нравственности и катехизиса въ видѣ отдѣльнаго курса не полагается, но учителя по утрамъ прочитываютъ какое либо мѣсто изъ Библіи или Евангелія, но безъ комментариевъ. По окончаніи уроковъ школа предоставляется по очереди въ распоряженіе священнослужителямъ различныхъ церквей, дающихъ уроки питомцамъ одного съ ними вѣроисповѣданія. Нравственное воспитаніе, согласно школьнымъ регулятивамъ, должно дѣлаться примѣромъ и указапіями, вызываемыми случаями, возникающими въ школьной жизни и въ окружающей средѣ.

Вопросъ о конфессіональныхъ школахъ разрѣшенъ въ провинціи очень удачно. Въ виду отсутствія государственной религіи здѣсь, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, было бы затруднительно и неудобно вводить въ школы догматическое преподаваніе закона Божія, и правительство весьма мудро остановилось на вышеуказанномъ порядкѣ. Въ тѣхъ, однако, случаяхъ, когда населеніе въ какой либо мѣстности однородно и исповѣдуетъ одну какую либо религію, главнымъ образомъ католическую, то жители выражаютъ иногда желаніе имѣть школу съ официальнымъ преподаваніемъ закона Божія. Въ этомъ стремленіи ихъ поддерживаетъ обыкновенно духовенство, среди котораго наиболѣе энергично дѣйствуютъ спеціальныя полумонашескіе ордена.

Государство, удовлетворяя желанію населенія, предоставило духовнымъ лицамъ какъ католическаго, такъ и лютеранскаго исповѣданія на основаніи такъ называемаго „акта сепаратныхъ школъ“, распространяющагося на всю Канаду, право устраивать конфессіональныя школы.

Если извѣстное число семейныхъ лицъ, не менѣе, однако, пяти, пожелаютъ имѣть конфессіональную школу, то они должны обратиться въ муниципалитетъ, который отмѣчаетъ этотъ фактъ и исключаетъ этихъ лицъ изъ списка плательщиковъ школьнаго налога въ пользу публичныхъ школъ.

Деньги же, которыя платились ими, обращаются на новую конфессіональную школу, пользующуюся поддержкой духовенства.

Въ дѣлѣ преподаванія религіи и нравственнаго руководства юношества духовенство дѣйствуетъ въ сепаратныхъ школахъ самостоятельно, выбирая и назначая тѣ или другіе учебники и книги, но въ

остальномъ школы эти находятся подъ контролемъ правительства и управляются на основаніи общихъ школьныхъ законоположеній. Онѣ, какъ и публичныя школы, находятся въ хозяйственномъ отношеніи подъ контролемъ мѣстныхъ попечительныхъ совѣтовъ. члены которыхъ избираютъ плательщика школьнаго налога. Учители, кромѣ тѣхъ, которые принадлежатъ къ известнымъ религіознымъ орденамъ, должны имѣть требуемое закономъ педагогическое образованіе, а курсъ, за малыми исключеніями, и учебники тѣ же, что и въ публичныхъ училищахъ. При поступленіи въ высшую школу ученики сепаратныхъ школъ тоже должны держать экзаменъ, какъ и остальные ученики. Два послѣднихъ класса этихъ школъ пользуются пособіемъ изъ государственнаго фонда (наравнѣ съ другими) сообразно съ числомъ учениковъ. Количество такихъ школъ въ Канадѣ незначительно. Населеніе, не смотря на усилія духовенства, предпочитаетъ неконфессіональныя школы. Въ провинціи Онтарио ихъ всего 289, публичныхъ же школъ 5.876. Впрочемъ, вліяніе духовенства заключается еще въ томъ, что представители его засѣдаютъ на правахъ членовъ въ совѣтѣ народнаго образованія.

На выставкѣ департаментъ народнаго образованія провинціи Онтарио представилъ около 1.800 номеровъ различныхъ изданій ученическихъ работъ, фотографій и проч., указывавшихъ на прекрасное состояніе и развитіе начальнаго образованія въ странѣ. Художественно-промышленная школа прислала хорошіе рисунки, картины и образцы рисованія на фарфорѣ.

Общее вниманіе обращала на себя коллекція аппаратовъ для преподаванія естественныхъ наукъ въ высшихъ начальныхъ школахъ (прекрасный микроскопъ).

Напротивъ была выставка Ордена братьевъ христіанскихъ школъ, устроившихъ въ Канадѣ, помимо начальныхъ школъ, нѣсколько пансіоновъ и академій.

Кромѣ этого, въ той же выставкѣ участвовало около десяти другихъ духовныхъ конгрегаціи (мужскихъ и женскихъ). Между прочимъ, въ отдѣлѣ провинцій Квебекъ—школы конгрегаціи „клерковъ св. Віатора“ (Clercs de St. Viateur). Въ секціи ордена христіанскихъ братьевъ отмѣтны тетради по французскому и англійскому языкамъ (до 300), около сотни тетрадей по каллиграфіи (круглое письмо, наклонное и готическое), десятокъ тетрадей по стенографіи, тетради по естественнымъ наукамъ, ариметикѣ, измѣреніямъ, алгебрѣ, геометріи,

тригонометріи, счетоводству, образцы фактуръ и коммерческой корреспонденціи, альбомы, рисунки, чертежи, планы школъ, фотографіи, наконецъ, образцы „почетныхъ наградъ“.

Другія конгрегаціи представили тоже тетради и фотографіи; женскія же конгрегаціи—руководѣлія, а также работы глухонѣмыхъ.

Въ общемъ витрины эти, какъ весь отдѣлъ католическихъ учебныхъ заведеній, отличаются крайней пестротой и неопредѣленностью.

Въ пансіонахъ и академіяхъ, устроенныхъ католическимъ духовенствомъ, повидимому, занимаются почти исключительно дѣти привилегированныхъ, состоятельныхъ родителей. За ученіе взимается плата. Большинство заведеній — интернаты. Особенность этихъ заведеній, такъ же какъ и начальныхъ,—многочисленные способы поощренія учениковъ при помощи только что упомянутыхъ почетныхъ наградъ.

Первую ступень составляютъ такъ называемыя „bons points“. кусочки картона съ напечатанными на нихъ изреченіями и одной изъ слѣдующихъ надписей: „поведеніе“, „точность“, „чистота“, „уроки“, „внѣклассныя работы“, „усердіе“. Карточки эти даются ученикамъ за проявленіе одного изъ указанныхъ качествъ и хорошее исполненіе работы, подходящей подъ означенныя рубрики. Извѣстное количество этихъ карточекъ даетъ право на высшую награду, которую раздаютъ разъ въ недѣлю. Это разноцвѣтные билеты; они даются пансіонерамъ и бываютъ трехъ родовъ: 1-го разряда—„прекрасно“ или „хорошо“ (считается наградой); 2-го—„посредственно“ и 3-го—„плохо“. Приходящіе получаютъ въ концѣ недѣли книжечки, въ которыхъ выставляются полученныя учениками отмѣтки; книжечки должны быть представлены родителямъ. Въ концѣ мѣсяца раздаются почетные отзывы, тоже бывающіе двухъ родовъ, а каждые три мѣсяца имена наиболѣе отличившихся учениковъ записываются на доску „чести“ и доску „превосходства“. Въ концѣ года устраиваются торжественные акты, на которыхъ тоже раздаются награды. Если къ этому присоединить еще почетные отпуска, то получится цѣлая лѣстница различныхъ повышеній и наградъ, производящая впечатлѣніе, будто дѣти въ этихъ пансіонахъ учатся не для знанія и развитія, а исключительно ради отличія и первенствованія среди своихъ товарищей. Дисциплина въ пансіонахъ отличается крайней педантичностью. Достаточно сопоставить три слѣдующихъ параграфа изъ пансіонскихъ правилъ ордена христіанскихъ школъ: § 1. „Внѣ рекреационнаго времени молчаніе должно быть соблюдаемо всегда и вездѣ“

(*toujours et en tout lieu*); § 14 (въ сокращ.): „Такъ какъ рекреациі устроены, чтобы ученики могли отдохнуть и запастись новыми силами къ предстоящимъ урокамъ, то они должны *считать своимъ долгомъ* хорошенько *повеселиться* (*se faire un devoir de bien s'amuser*)“; § 16: „*Частные разговоры запрещены* во время *рекреации*; ученики должны играть и заниматься гимнастикой“.

Когда же разговаривать, если и въ рекреациі надо вездѣ и всегда молчать, а во время ихъ нельзя говорить? Хорошо веселье, которое является принудительнымъ „долгомъ“ и можетъ сопровождаться лишь „официальными словами“!

Изъ частныхъ экспонентовъ слѣдуетъ указать на одну издательскую фирму подъ фамиліей, если не ошибаюсь, Мендонъ, пропагандирующей вырѣзываніе изъ бумаги. Представительница этой фирмы, показывая мнѣ отведенную ей фирмѣ комнату, стѣны которой сплошь были покрыты вырѣзываніями изъ бумаги, объяснила, что въ скоромъ времени будетъ изданъ систематическій курсъ рисунковъ для вырѣзыванія изъ цвѣтной бумаги.

По мнѣнію нѣкоторыхъ канадскихъ педагоговъ, вырѣзываніе изъ бумаги развиваетъ вкусъ учениковъ и ловкость пальцевъ и является весьма полезной подготовкой къ рисованію. Занятія по вырѣзыванію продолжаются параллельно съ изученіемъ рисованія. Предполагается, что ребенку легче справиться сначала съ ножницами, чѣмъ съ карандашомъ.

Въ Мексикѣ народное образованіе за послѣднее время значительно подвинулось впередъ, но до сихъ поръ еще процентное число учащихся на 100 душъ населенія равняется лишь—4,7% (543.977 учащихся при 11.632.924 населенія).

Въ принципѣ образованіе признано даровымъ и обязательнымъ, но на практикѣ, особенно въ штатахъ мало населенныхъ и тѣхъ, гдѣ преобладаютъ индѣйцы, законъ объ обязательности остается пока безъ примѣненія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда родители или опекуны могли дать образованіе своимъ дѣтямъ и не дали его, они подлежатъ извѣстной отвѣтственности: потерѣ права быть избираемыми на общественныя должности. Для поощренія же учениковъ къ аккуратному посѣщенію училищъ учреждены особыя преміи. Съ 1872 г. публичныя школы признаны свѣтскими. Сообученіе допускается только въ видѣ исключенія. Мирные индѣйцы учатся вмѣстѣ съ бѣлыми. Для просвѣщенія тѣхъ, которые еще не цивилизованы, устраиваются

особыя школы, при чемъ учителями въ нихъ назначаются юноши индѣйцы, взятые изъ тѣхъ же племенъ и обученные въ учительскихъ семинаріяхъ.

Программа начальныхъ школъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: чтеніе, письмо, грамматика, счисленіе, десятичная система, основы географіи и всеобщей исторіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на Мексику, и правила приличія и вѣжливости.

Въ школахъ для дѣвочекъ добавляются рукодѣлія. Государство субсидируетъ школы, а нѣкоторыя содержитъ вполне на свой счетъ, если на нихъ не имѣется мѣстныхъ средствъ.

Правительственныхъ школъ для мальчиковъ 2.878, для дѣвочекъ 1.079, смѣшанныхъ 327. Муниципальныхъ для мальчиковъ — 3.196, для дѣвочекъ 1.056, смѣшанныхъ 503. Всего 9.039.

Распредѣленіе этихъ школъ крайне неравномѣрно: въ штатахъ Мексико и Пуэбло имѣется болѣе чѣмъ по 1.000 школъ въ каждомъ, въ штатѣ же Тобаско 55, а въ территоріи Южной Калифорніи всего 28.

Расходы на образованіе (какъ федеральныя, такъ и муниципальныя) достигаютъ 4.622.886 долл.

Для подготовленія учителей и учительницъ устроено нѣсколько мужскихъ учительскихъ семинарій и одна женская въ гор. Мексико. Курсъ послѣдней показался намъ слишкомъ обширнымъ и разнообразнымъ. Повидимому, это учебное заведеніе имѣетъ цѣлью готовить женщинъ не только къ педагогической дѣятельности, но вообще къ практической жизни.

Кромѣ того, въ странѣ имѣются двѣ сельско-хозяйственныя школы одна коммерческая и три техническихъ училища (для лицъ обоюга пола). Среднее образованіе отличается профессиональнымъ характеромъ.

Рядомъ съ публичными школами процвѣтаютъ въ значительномъ количествѣ и частныя школы, находящіяся главнымъ образомъ въ вѣдѣніи католическаго духовенства.

Витрины Мексиканскихъ штатовъ не отличались ни богатствомъ, ни разнообразіемъ.

Довольно, впрочемъ, интересны были экспонаты изъ художественно-промышленныхъ училищъ, представившихъ образцы работъ изъ прозрачнаго желтовато-молочнаго камня, имени котораго мнѣ не пришлось узнать. Онъ очень красивъ, прекрасно полируется и поддается довольно легко обработкѣ.

Отдѣльныхъ официальныхъ изданій о народномъ образованіи

для раздачи мексиканцы не позаботились напечатать. Въ книгѣ же г. Автоніо Кубасъ „Mexico“, изданной департаментомъ сельскаго хозяйства, колонизаціи и промышленности, трактуется о Мексикѣ съ точки зрѣнія ея торговли, промышленности и естественныхъ богатствъ. Народному образованію посвящено всего нѣсколько страничекъ, откуда мы и заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія. Изъ другихъ Южно-Американскихъ государствъ остановимся мимоходомъ на маленькой республикѣ *Уризван*, показавшей хорошей примѣръ энергіи и настойчивости въ дѣлѣ развитія народнаго образованія.

До 1877 года, когда былъ изданъ тамъ законъ объ общемъ образованіи, дѣло это было на очень низкой ступени. На всю страну имѣлось всего 412 школъ, находившихся, по словамъ официального отчета, въ хаотическомъ состояніи. Въ 1891 г. (къ которому относятся послѣднія статистическія свѣдѣнія) число школъ болѣе чѣмъ удвоилось, ихъ было 858, а число учащихся почти утроилось 65.621, вмѣсто 23.641 (въ 1876 г.). Образование признано обязательнымъ и даровымъ. Для подготовленія учителей и учительницъ устроены двѣ семинаріи. Учители два раза были собраны на педагогическіе конгрессы. Для изученія всѣхъ новыхъ вопросовъ командируются въ Европу различные спеціалисты. Въ столицѣ учрежденъ педагогическій музей.

Преподаваніе въ школахъ ведется теперь согласно современнымъ педагогическимъ требованіямъ. Школьныя зданія улучшены и снабжены нужной мебелью и учебными пособиями; при многихъ изъ нихъ устроены библиотеки. На одного учителя въ среднемъ приходится только по 36 учащихся, что не очень обременительно. Система школъ слѣдующая: первоначальная (*primarias*), элементарная (*elementales*) и высшія (*superiores*). Преподаваніе состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: предметные уроки, чтеніе, письмо, сочиненія, грамматика и риторика; географія, космографія и исторія; книговодство, коммерческое счисленіе, законовѣдѣніе, арифметика и начальная алгебра и геометрія, фізіологія и гігіена, естественная исторія, сельское хозяйство, рисованіе, гимнастика и пѣніе. Въ женскихъ школахъ добавлены шитье, кройка и употребленіе швейной машины. При преподаваніи принята концентрическая система.

Въ странѣ имѣется одинъ дѣтскій садъ и художественно-промышленная школа.

Рядомъ съ публичными школами существуютъ и частныя.

Въ каждомъ департаментѣ (административное подраздѣленіе страны) организованъ комитетъ народнаго образованія, члены котораго исполняютъ свои обязанности бесплатно, и имѣется по одному инспектору. Государство затрачиваетъ на начальное образованіе ежегодно около 700.000 долларовъ, что составляетъ $\frac{1}{9}$ часть всего бюджета. Стоимость обученія равнялась въ 1891 году по 13,27 долларовъ на записаннаго ученика и 18,29 при расчетѣ средняго числа лицъ, посѣщавшихъ школу.

Въ результатѣ всѣхъ означенныхъ усилій преподаваніе въ начальныхъ школахъ, по словамъ отчета ¹⁾, значительно улучшилось, и теперь „el carácter de la enseñanza“—характеръ преподаванія въ Уругваѣ: „es educativo, racional, apropiado, rigurosamente gradual, y por lo tanto, progresivo, integro, armónico, vivo, agradable y, sobre todo, practico, à fin de que dicha enseñanza repose sobre bases solidas!“—то есть, образователенъ, рационаленъ, приуроченъ къ мѣстнымъ нуждамъ, строго систематиченъ и, слѣдовательно, постепененъ, полонъ, гармониченъ, живъ, приятенъ и, сверхъ того, практиченъ, такъ что можно сказать, что ученіе основано на солидныхъ началахъ!

Для сѣвернаго человѣка этотъ южный восторгъ и безмѣрное увлеченіе кажутся наивными, но когда они имѣютъ предметомъ просвѣщеніе народа, то они весьма почтенны.

Всякая страна могла бы и должна гордиться подобными успѣхами. Уругвайцы вспомнили, должно быть, слова покойнаго Гарфилда, что „хорошія школы обходятся дешевле, чѣмъ революція“,—и стали теперь на настоящій путь.

Учебный отдѣлъ уругвайцевъ былъ устроенъ въ ихъ національномъ зданіи. Онъ заключалъ около 800 номеровъ тетрадей, книгъ, учебныхъ пособій, фотографій и рукодѣлій, отличавшихся хорошими достоинствами.

Было бы долго останавливаться на остальныхъ американскихъ государствахъ, тѣмъ болѣе, что очень немногія изъ нихъ устроили школьные отдѣлы (Бразилія, Ямайка), поэтому мы ограничимся ниже слѣдующей статистической таблицей, указывающей на процентное отношеніе учащихся ко всему населенію. Тѣ страны, которыя были упомянуты ранѣе, для удобства при справкахъ не исключены.

¹⁾ La Instruccion publica del Uruguay. Montevideo, 1893 г.

СТРАНЪ.	Населеніе.	Учащіеся.	%.
Аргентинская республика. . .	4.086.492	276.983	6,8
Болвія	1.192.162	27.764	2,3
Бразилія.	14.002.335	306.193	2,2
Канада	4.829.411	998.823	20,8
Чили.	2.766.747	122.664	4,4
Колумбія	3.878.600	93.187	2,4
Коста-Рика.	238.782	17.500	7,3
Куба.	1.521.684	50.000	3,3
Эквадоръ	1.271.861	58.308	4,6
Гватемала	1.452.003	57.380	4,0
Гвіана (Британск.)	284.887	27.884	9,8
» (Французск.)	25.796	1.678	6,4
Ганги.	960.000	10.000	1,0
Гондурасъ	431.917	23.000	5,3
Гондурасъ Британск.	31.471	2.450	8,0
Ямайка	639.491	75.680	11,8
Мартиника	324.462	18.073	5,5
Мексика.	11.632.924	543.977	4,7
Никарагуа	400.000	11.914	3,0
Парагвай	329.645	25.594	8,0
Перу	2.700.945	71.435	2,0
Порто-Рико.	806.708		
Сальвадоръ.	777.895	28.473	3,7
Сандоминго.	610.000	10.000	1,6
Суринамъ	55.968	5.684	10,0
Тринидадъ	208.030	19.685	9,4
Соединенные Штаты.	62.622.250	14.377.536	23,3
Сѣверо-Атлантическій районъ. . .	17.410.545	3.694.067	21,2
Южно-Атлантическій районъ. . .	8.857.920	1.903.468	21,5
Сѣверо-Центральный районъ. . .	22.362.279	5.647.308	25,0
Южно-Центральный районъ. . .	10.972.893	2.558.378	23,0
Западный районъ.	3.027.613	574.315	19,0
Уругвай.	706.524	65.621	9,0
Венецуэла	2.235.054	104.840	5,0

Австралія. Изъ Австраліи въ отдѣлѣ искусствъ участіе приняла только одна провинція Новый Южный Валисъ.

Въ выставочномъ изданіи этой провинціи ¹⁾ торжественно заявлено, что родители, живущіе въ Новомъ Южномъ Валисѣ, могутъ быть увѣрены, что ихъ дѣти получаютъ въ публичныхъ начальныхъ школахъ такое образованіе, которое не можетъ быть превзойдено. Смѣлое завѣреніе, но, судя по упомянутому изданію, имѣющее пѣкото-рую долю правды.

Основаніемъ для организаціи высшаго, средняго и низшаго образованія послужилъ законъ 1880 г. (Public Instruction Act of 1880), согласно которому была учреждена должность министра народнаго просвѣщенія, равнаго, по присвоеннымъ ему правамъ и преимуществамъ, съ другими его коллегами и отвѣтственнымъ передъ парламентомъ. Министру принадлежитъ общее руководство народнымъ просвѣщеніемъ и контроль надъ расходами, употребляемыми на учрежденія, содержи-мыя государствомъ или субсидируемыя имъ. Всѣ учителя по этому закону считаются находящимися на государственной службѣ.

Начальное образованіе признано обязательнымъ для дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ.

Дѣла о нарушеніи закона объ обязательности обученія рѣшаются сокращеннымъ порядкомъ. За первое нарушеніе полагается 5 шиллинговъ штрафа и по 20 шилл. за каждый послѣдующій разъ, а въ случаѣ несостоятельности—заключенію въ тюрьму на срокъ, не превышающій семи дней.

Безплатность образованія проведена лишь отчасти. Отъ взносовъ освобождаются тѣ родители, которые представятъ свидѣтельство о бѣдности. Максимумъ платы за ученіе въ элементарной школѣ равняется тремъ пенсамъ въ недѣлю. На семью плата не должна превышать одного шиллинга въ недѣлю. Въ школахъ нѣтъ преподаванія религіи. Но въ актѣ 1890 года съ особенной настойчивостью проведена мысль, что „свѣтская школа“ не можетъ обойтись безъ общаго религіознаго образованія. Она должна лишь чуждаться сектаторскихъ стремленій.

Ученики обучаются у своихъ священниковъ, имѣющихъ въ опредѣленные часы доступъ въ школу.

На мѣста учителей принимаются только лица, получившія спе-

¹⁾ New South Wales, Statistics, history and resources. Sidney. 1893.

ціально педагогическое образованіе. Они получаютъ 60 фунтовъ или около 600 рублей въ годъ содержанія въ элементарныхъ школахъ, въ которыхъ число учениковъ не превышаетъ 15, въ высшихъ начальныхъ школахъ вознагражденіе достигаетъ для директора цифры 400 ф. Тѣмъ же актомъ положено начало институту инспекторовъ, которые обязаны посѣщать подвѣдомственные имъ школы, экзаменовать учениковъ, контролировать учителей и руководить ими.

Въ старшемъ классѣ средненачальныхъ школъ преподаются латинскій и французскій языки.

Въ городскихъ начальныхъ школахъ устроены мастерскія, гдѣ ученики обучаются владѣть наиболѣе употребительными инструментами и исполняютъ различныя работы по дереву и металлу. Въ сельскихъ начальныхъ школахъ введено преподаваніе основъ садоводства и сельскаго хозяйства.

Публичныхъ школъ (разныхъ наименованій) въ 1882 году было 1.658, съ 166.611 учениками записанными и 90.944 посѣщавшими; въ среднемъ школы расходовали тогда 618.800 фунтовъ. Въ 1891 году произошли слѣдующія измѣненія: школъ 2.457, учениковъ записанныхъ 205.673, посѣщавшихъ 122.528. Расходы 769.565 фунтовъ. Частныхъ школъ 704 съ 2.601 учителемъ и 45.018 учениками.

Для распространенія среди населенія техническихъ знаній въ значительныхъ городахъ провинціи организованы спеціальныя классы по различнымъ техническимъ отраслямъ, свойственнымъ данной мѣстности. Всѣхъ классовъ, включая и тѣ, которые устроены при городскихъ школахъ,—295 съ 8.466 учениками.

Техническій колледжъ въ Сиднеѣ имѣетъ характеръ политехникума. Въ немъ читаются различныя курсы по прикладнымъ знапіямъ и устроены практическія занятія въ мастерскихъ и лабораторіяхъ.

На выставку колледжъ представилъ хорошія работы по дереву и металлу. Чертежи и рисунки отличаются тщательностью исполненія. Среднее образованіе дается въ колледжахъ, откуда ученики могутъ поступать въ университеты.

Колледжей три. Изъ грамматической школы въ Сиднеѣ ученики тоже принимаются въ университетъ. Плата за ученіе въ колледжахъ довольно значительная—2 фунта 2 шиллинга за каждую четверть.

Университетъ состоитъ изъ пяти факультетовъ: искусствъ, наукъ, юридическаго, медико-хирургическаго и инженернаго. Професоровъ 33 студентовъ 532. При университетѣ бібліотека, музей и лабораторіи.

Всѣхъ учебныхъ заведеній въ Южномъ Валисѣ 3.175. Народонаселенія въ провинціи—1.132.234 (цензъ 1891 года).

Во всей Австраліи общее число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ—256.151, что составитъ 22% на каждыя 100 душъ. Всѣ расходы по образованію достигаютъ суммы 3.847.826 долларовъ; на жителя приходится 3 доллара, на ученика 18,65 долларовъ—сумма очень значительная. О другихъ провинціяхъ Австраліи мы имѣемъ только цифровыя данныя.

Вотъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ чиселъ.

Викторія, имѣющая 1.140.405 жителей, самая населенная провинція въ Австраліи. Въ ней находится г. Мельбурнъ. Она почти равносильна Новому Южному Валису, который, впрочемъ, считается богаче ея.

Въ Викторіи число учащихся—270.909, или 23%. Цифра эта очень велика и возбудила сомнѣніе въ докторѣ Гаррисѣ, который находитъ, что она требуетъ провѣрки. Еще бы!—тогда Соединенные Штаты могли бы отойти на 2-е мѣсто.

Въ ней расходуется 3.316.419 д. на начальное образованіе (92%), 49.867 на среднее (1,3%), 193,066 на высшее (4%) и 65.500 на спеціальныя школы (1,6%). На жителя выходитъ 3,53, а на ученика 14,42. Меньше, чѣмъ въ Южномъ Валисѣ, но тоже очень много.

Въ отношеніи дороговизны обученія отличается особенно Новая Зеландія. На этомъ островѣ, который многіе представляютъ себѣ населеннымъ исключительно туземцами изъ дикаго племени маори, носящихъ вмѣсто одежды циновки и украшающихъ ограды своихъ жилищъ головами сѣданныхъ военнопленныхъ,—устроено значительное число школъ, въ которыхъ обучается 75.585 учениковъ. При наличномъ населеніи въ 626.658 это составитъ 12% на сто (почти столько же, сколько въ Австро-Венгріи, и больше, чѣмъ въ Италіи и Испаніи). На все народное образованіе тратится 2.059.610 д., а спеціально на содержаніе начальныхъ школъ расходуется 1.829.451. Въ среднемъ на одного жителя приходится 3,28, а на одного ученика колоссальная цифра—27 долларовъ, или 54 рубля.

Намъ неизвѣстны въ точности причины такой дороговизны. По всей вѣроятности, вслѣдствіе рѣдкости населенія и сравнительной дикости края въ школахъ на cadaго учителя приходится небольшое количество учениковъ.

Въ Южной Австраліи

% отношеніе равняется	16	
Расходы въ среднемъ на жителя	1,45	д.
" " " на ученика	6,18	
Въ Западной Австраліи % отношеніе	12	
Расходы } на жителя	0,83	д.
" " " на ученика	7,72	"
Тасманія: % отношеніе	17,6	
Расходы } на жителя	1,32	д.
" " " " ученика	7,90	"
Квинсландъ: % отношеніе	17	
Расходы } на жителя	3,07	д.
" " " " ученика	17,66	"
Для всей Австраліи (съ островами) % от- ношеніе равняется	19,8	
Расходы } на жителя	3,08	д.
" " " " ученика	15,57	"

Такимъ образомъ, если цифры, которыми мы пользовались для нашихъ вычисленій, достовѣрны, то Австралію по % отношенію учащихся къ населенію можно поставить на 3-е мѣсто на всемірномъ выставкѣ народнаго образованія. Англо-саксы оказываются впереди германцевъ, хотя Германія и считалась всегда школьной страной по преимуществу.

Изъ азіатскихъ государствъ была интересна выставка *Японіи*. Японія обратила на себя всеобщее вниманіе и на предидущихъ выставкахъ. Уже въ 1878 году на Парижской выставкѣ она успѣла заявить себя; на послѣдней же выставкѣ въ Парижѣ въ 1889 году она выдвинулась въ ряды государствъ, высоко державшихъ знамя школьнаго прогресса.

Между тѣмъ главное движеніе началось сравнительно недавно—въ 1872 году. Законъ, на основаніи котораго организованы современныя школы, относится всего къ 1886 году.

Благодаря своей замѣчательной способности къ подражанію, японцы, выхвативъ цѣликомъ изъ Европы все, что выработано было въ ней въ теченіе долгихъ лѣтъ по отношенію къ народному образованію, примѣнили заимствованное съ большимъ успѣхомъ у себя дома и, претворивъ и измѣнивъ его нѣсколько, сообразно съ своими этнографиче-

ческими особенностями, показываютъ намъ уже свою школьную систему, какъ продуктъ японской цивилизаціи.

Образованіе обязательно (отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ); оно свѣтское и даровое (кромѣ, впрочемъ, дѣтей богатыхъ родителей, платящихъ извѣстный взносъ за своихъ дѣтей).

Число школъ весьма значительно.

Прежде чѣмъ представить цифровыя данныя, считаю нужнымъ оговориться. Къ числамъ, доставляемымъ японской статистикой, надо относиться съ нѣкоторою осторожностью.

Въ этомъ отдѣлѣ происходятъ какія-то недоразумѣнія. Между официальными данными, которые имѣлись на Парижской выставкѣ, и тѣми, которые я самъ списалъ съ таблицы (тоже официального происхожденія), представленной на выставкѣ въ Чикаго японскимъ департаментомъ народнаго образованія, существуетъ видимое противорѣчіе.

По первымъ даннымъ, относящимся къ 31-му декабря 1886 года, въ Японіи считалось 28.556 начальныхъ школъ, но по тѣмъ, которые были представлены въ Чикаго — 24.630 (1892 г.). Неужели за это время число школъ могло уменьшиться на 3.926?

Все, повидимому, указываетъ на дальнѣйшее движеніе и развитіе въ этой области, а не на деградацію, такъ что единственное вѣроятное объясненіе, что или теперь или тогда не сумѣли сосчитать, или въ первый разъ увлеклись и хватили черезъ край, или теперь упустили что нибудь изъ виду.

Число учениковъ по парижскимъ даннымъ = 2.802.639 (изъ нихъ 814.440 дѣвочекъ), по послѣднимъ свѣдѣніямъ 3.289.810 (изъ нихъ 965.829 дѣвочекъ), такъ что при уменьшеніи числа школъ получилось увеличеніе на 487.171 учащихся.

По даннымъ же департамента народнаго образованія Соединенныхъ Штатовъ, относящимся къ 1890 году, очевидно, невѣрнымъ, число учащихся въ начальныхъ школахъ достигаетъ всего ничтожной цифры 310.886.

Воспользуемся для вычисленія данными за 1892 г., которые кажутся намъ болѣе вѣроятными. При расчетѣ населенія въ 40.453.461 (цензъ 1891 г.) процентное отношеніе учащихся выразится цифрою 8,1% (по парижской 7,4). Величина значительная, но возможная.

Небольшое число дѣвочекъ по сравненію съ мальчиками (менѣе трети) указываетъ на то, что сознаніе въ необходимости для женщинъ образованія, находящееся въ противорѣчьи съ прочно укоренившимися возрѣвѣніями восточныхъ жителей, не успѣло здѣсь еще окончательно восторжествовать. Начальныя школы бываютъ двухъ родовъ:

дится по нашимъ даннымъ 42 ученика. Специальныхъ учебныхъ заведеній 28; средне-учебныхъ 45; высшихъ среднихъ школъ для мужчинъ 7, для женщинъ 8; университетъ одинъ—въ Токио.

Спеціальныя заведенія устроены также министерствами военнымъ, морскимъ, сельскаго хозяйства и торговли и путей сообщенія; частныхъ школъ 2.529.

Расходы по народному образованію достигаютъ 18 милліон. рублей, изъ нихъ 14 милліон., или около 80%, на начальное образованіе.

Комната, отведенная Японіи, была сравнительно небольшая, но выставка отличалась какъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, такъ и оригинальностью представленныхъ предметовъ.

Экспонаты были размѣщены вплотную на столахъ, по стѣнамъ и даже на потолокъ (женскія рукодѣлія), такъ что образовалось нѣчто въ родѣ палатки. Отдѣлка предметовъ была очень проста и, въ противоположность лондонской и католической выставкамъ, безъ всякихъ претензій на ненужную роскошь.

По незнанію японскаго языка, я не могъ ознакомиться съ содержаніемъ ученическихъ тетрадей, но съ внѣшней стороны письменныя работы (письмо японское очень трудно и сложно) отличались несомнѣнными достоинствами. То же можно сказать и про упражненія по арифметикѣ, алгебрѣ и геометріи, а также про тетради по англійскому языку.

Повидимому, японцы легко осваиваются съ этимъ языкомъ, такъ какъ пишутъ на немъ довольно хорошо. Весьма интересны были рисунки, въ которыхъ сохранены мѣстныя особенности, но сдѣланы они по-европейски съ соблюденіемъ перспективы. Комбинація и подборъ красокъ указывали на изящный и развитой вкусъ лицъ, рисовавшихъ ихъ.

По ручному труду была представлена коллекція работъ по французской системѣ и нѣсколько по шведской, переработанной на японскій манеръ. Матеріаломъ служитъ въ значительной мѣрѣ *бамбукъ*, легко поддающійся обработкѣ и дающій красивыя подѣлки.

Работы ученицъ изъ начальныхъ школъ отличались тоже прекрасными достоинствами. Было много вещей, представлявшихъ цѣльные предметы по части одѣяній.

Графическія стѣнные таблицы на англійскомъ языкѣ со статистическими свѣдѣніями, равно какъ фотографіи зданій и учащихся за работой и маленькія модели школъ были доступны посѣтителямъ и

служили для дальнѣйшаго ознакомленія со школьной жизнью въ Японской имперіи.

Очень интересна была витрина педагогическаго музея въ Токио, представившаго коллекцію зоологическихъ, минералогическихъ и ботаническихъ учебныхъ пособій, различные инструменты и аппараты и, между прочимъ, картины для волшебнаго фонаря, употребляемаго въ японскихъ школахъ для иллюстрацій преподаванія.

Изъ другихъ азіатскихъ странъ и колоній принялъ участіе островъ *Цейлонъ*, имѣвшій отдѣльное зданіе, гдѣ были представлены очень интересныя этнографическія коллекціи, но по народному образованію тамъ было очень мало экспонатовъ. Между тѣмъ образованіе въ этой англійской колоніи начинаетъ развиваться. При 3.008.466 жителей—учащихся уже 153.843, то-есть, 5%. Тратится, однако, ежегодно на народное просвѣщеніе немного—174.301 долл., или 0,05 долл. на жителя и 1,10 на ученика.

Такая дешевизна обученія на островѣ *Цейлонѣ* сравнительно съ островомъ *Новой Зеландіи* кажется намъ сомнительной.

Сѣвернѣе *Цейлонскаго* султанства расположена Великая *Индійская* имперія. Въ ней школьное дѣло еще слабѣе, хотя въ общемъ, если принять въ соображеніе мѣстныя условія, дѣло это идетъ довольно успѣшно и дѣлаетъ честь цивилизаторскимъ способностямъ англичанъ.

Народонаселеніе *Индіи* по даннымъ 1891 г. въ 2¹/₂ раза больше, чѣмъ въ *Россіи*—287 миллион. душъ.

Учащихся въ начальныхъ школахъ—3.138.996, въ среднеучебныхъ—483.926, въ высшихъ—5.213, въ профессиональныхъ и техническихъ—20.438, всего 3.698.360, что составляетъ 1,2¹/₂%. Расходы не извѣстны. Свѣдѣнія имѣются лишь о суммѣ въ 993.960, которая, однако, не исчерпываетъ всѣхъ тратъ на народное образованіе.

Если взять эту сумму для вычисленій, то окажется, что на жителя приходится расходовъ 0,03, или 6 коп., а содержаніе ученика—0,27, то-есть, немного болѣе полтинника въ годъ—сумма очень маленькая.

Изъ *Африки* на выставкѣ принялъ участіе *Египетъ*. Витрина его была не велика, но довольно интересна: рисунки, чертежи, образцы арабской каллиграфіи, рукописный коранъ, географическія карты, тетради и учебныя пособія. Оригинальны жестяныя доски, на которыхъ пишется чернилами. Онѣ имѣютъ то преимущество, что не бьются, какъ грифельныя.

Въ начальныхъ городскихъ школахъ преподается англійскій или

французскій языкъ; первый введенъ въ 2.237 школахъ а второй въ 2.840.

Народонаселеніе (по устарѣвшимъ уже даннымъ отъ 1882 г.)= 6.817.265. Число учениковъ въ начальныхъ школахъ—200.000, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ—2.431, въ высшихъ и спеціальныхъ—2.347, всего 204.778, или 3%.

Капская колонія и *Наталя* не приняли участія въ выставкѣ, о нихъ имѣются лишь статистическія свѣдѣнія о томъ, что въ Наталѣ при 361.587 жителейхъ 13.652 учащихся. Стоимость образованія 179.440 долл. Въ Капской землѣ при 956.485 жителейхъ—108.250 учащихся (включая 237 лицъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), а расходы достигаютъ 737.120 долл.

Отмѣтимъ въ заключеніе выставки нѣкоторыхъ обществъ, помѣщавшихся въ сѣверной части отдѣла свободныхъ искусствъ, которыя хотя не имѣли прямого отношенія къ народному образованію, но представляли культурный интересъ по своимъ гуманитарнымъ задачамъ. Сюда относятся витрины *Общества противъ жестокаго обращенія съ дѣтьми и животными*, представившаго нѣсколько изданій, брошюръ, текстъ штатныхъ законовъ противъ жестокаго обращенія съ животными (въ штатѣ Иллинойсѣ — штрафъ отъ 6 до 400 р.), различныхъ приспособленій для облегченія участи послѣднихъ, коллекціи орудій для битвы животныхъ, которыя употреблялись разными лицами (кнуты, металлическіе прутья, дубины и т. п.), и, наконецъ, по отдѣлу жестокаго обращенія съ дѣтьми, между прочимъ, фотографія мальчика, который не задолго до выставки умеръ отъ безчисленныхъ ранъ на спинѣ, нанесенныхъ его отцомъ, вздумавшимъ поучить его ременной плеткой.

Очень интересна витрина союза *Общества друзей мира*, насчитывающаго въ своей средѣ нѣсколько милліоновъ членовъ и пропагандирующаго идею мира, братства народовъ и установленія международнаго третейскаго суда, приобретающаго за послѣднее время столько сторонниковъ.

До настоящаго времени было уже 75 случаевъ третейскаго разбирательства между народами Европы, Азии и Америки, окончившихся примиреніемъ сторонъ. Въ 1890 году всѣ государства Америки рѣшили въ принципѣ разрѣшать свои споры путемъ третейскаго разбирательства.

Общества мира на послѣднемъ всемирномъ конгрессѣ выразили желаніе, чтобы въ учебникахъ исторіи, употребляемыхъ въ школахъ,

заклучался отдѣлъ мирнаго разрѣшенія недоразумѣній, возникающихъ между государствами, а культъ войны былъ ослабленъ.

Тамъ же помѣщались витрины общества распространенія международнаго языка, называемаго „волапюкъ“, и союза женскаго образованія, для собиранія подписей на адресъ, предназначенномъ къ внесенію въ бюро народнаго образованія, съ цѣлью добиться введенія въ школахъ г. Чикаго чтенія Библии.

Американское библейское общество занимало довольно большое помѣщеніе. Громадная и энергичная дѣятельность этого общества извѣстна цѣлому міру. Изданія его печатаются на 32 языкахъ, и Библию, издаваемую обществомъ, можно встрѣтить какъ въ дальнихъ уголкахъ Сибири, такъ на крайнемъ сѣверѣ Канады, въ глубинѣ Африки и знойныхъ степяхъ Азіи. Всюду неутомимые книгоноши общества распространяють свѣтъ христіанскаго ученія.

Наконецъ, витрина *Національнаго общества трезвости*, доказывающаго, что ежегодная стоимость спиртныхъ напитковъ, табака и возбуждающихъ веществъ, потребляемыхъ населеніемъ, превосходитъ расходы, дѣлаемые на хлѣбъ, мясо, одежду, образованіе и религіозныя нужды.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій и бѣглый обзоръ педагогическаго отдѣла всемірной выставки въ г. Чикаго и собранныхъ тамъ матеріаловъ.

Отдѣлъ этотъ былъ въ общемъ очень обширенъ, разнообразенъ и интересенъ и охватывалъ всевозможные виды и разряды учебныхъ заведеній. Группировка экспонатовъ, примѣненіе фонографовъ, активныя выставки, образцовыя школьныя зданія, широкое участіе духовенства и различныхъ обществъ и ассоціацій составляли характерныя черты его.

Отдѣлы иностранныхъ государствъ, особенно новыхъ, свидѣтельствовали, что организація и надлежащая постановка народнаго образованія составляютъ въ настоящее время одну изъ главныхъ заботъ правительствъ, и что основные принципы народнаго образованія: бесплатность, обязательность, педагогическая подготовка учащаго персонала и друг., становятся теперь общепризнанными истинами. Даже не спеціалисты, не пикавшіе въ техническія подробности, выносили изъ этого отдѣла выставки весьма сильное впечатлѣніе. Во всей совокупности экспонаты американскихъ учебныхъ заведеній предста-

вляли подавляющій матеріалъ. Послѣдній указывалъ, какъ широко и глубоко проникаетъ въ массы въ Соединенныхъ Штатахъ образованіе, какіе громадныя и плодотворныя результаты оно даетъ. Пусть американская школа не вполне еще установилась, пусть среди учащаго персонала встрѣчаются и малоопытные учителя и учительницы, а въ законодательствѣ многочисленныя пробѣлы, но общее направленіе таково, что заставляетъ забывать всѣ эти недостатки. Американцы поняли и прониклись всецѣло тѣмъ убѣжденіемъ, что невѣжество народа составляетъ позоръ для страны и его величайшее несчастіе. Они всѣми силами, всѣми доступными имъ средствами стараются разсѣять мракъ невѣжества, просвѣтить и развить населеніе и, не смотря на громадныя трудности и постоянный приливъ эмигрантовъ, достигаютъ своей цѣли.

Правда, что общая школьная система ихъ пестра и не стройна, но при современной лихорадочной американской жизни некогда ждать, приходится брать, что есть подъ руками, и пользоваться имъ. Въ результатѣ по странѣ раскинуты сотни тысячъ школъ, въ которыхъ учатся милліоны дѣтей, и знанія распространены среди населенія въ такой мѣрѣ, какъ нигдѣ.

Выставка можетъ служить тому лучшимъ доказательствомъ.

Какой громадной массой труда, знаній и свободныхъ капиталовъ должна обладать нація, чтобы быть въ состояніи построить на одно лѣто цѣлый городъ, занимавшій до 300 десятинъ и одно зданіе котораго—дворецъ мануфактуръ, является чудомъ архитектурнаго искусства и верхомъ смѣлости и предпріимчивости.

Только самостоятельный, зажиточный и грамотный народъ могъ создать такую выставку, и только просвѣщенное и мыслящее населеніе могло какъ слѣдуетъ оцѣнить ее.

Евграфъ Ковалевскій.

Итакъ вездѣ бассейнъ женскихъ банъ мельче бассейна мужскихъ, что конечно объясняется меньшимъ ростомъ женщинъ ¹⁾). Если дѣйствительно наши бани были женскими, то возникаетъ предположеніе, что онѣ и сосѣднія мужскія находились въ рукахъ одного и того же владѣльца. Время возникновенія обоихъ домовъ одно и то-же (императорская эпоха), а присоединеніе 4 комнатъ одного дома къ другому заставляеть думать, что и владѣлецъ обоихъ домовъ былъ одинъ. Не противорѣчитъ этому то, что между домами нѣтъ соединенія: владѣлецъ, очевидно, не хотѣлъ соединять промышленнаго заведенія съ своимъ частнымъ жилищемъ. Подтверждаютъ же наше предположеніе и слѣдующія мелкія наблюденія, конечно не имѣющія силы доказательствъ: бассейны обѣихъ банъ општукатурены и только лѣстницы выложены мраморомъ; оба бассейна имѣютъ четырехугольную форму; тубуловка обѣихъ банъ сдѣлана посредствомъ *tegulae marmatae*; и здѣсь, и тамъ калдарій соединенъ непосредственно съ топкой; въ декоровкѣ обѣихъ банъ преобладаютъ яркіе цвѣта и преимущественно голубой.

Мы рассмотрѣли наиболѣе типичныя и наиболѣе интересныя дома данной инсулы; остальныхъ домовъ мы описывать не будемъ: типъ всѣхъ домовъ, находящихся въ этой инсулѣ, одинаковъ, а какихъ нибудь интересныхъ особенностей въ исторіи зданія или въ его архитектурѣ они не представляютъ. Перейдемъ теперь къ другой инсулѣ того же квартала, раскопанной въ 1884 и слѣдующихъ годахъ ²⁾). Дома по большей части небольшихъ размѣровъ и не богаты; наиболѣе интересная часть этихъ раскопокъ—это восточная сторона инсулы, занятая промышленнымъ садомъ. Садъ этотъ ³⁾ не соединенъ ни съ однимъ изъ прилегающихъ домовъ и является самостоятельнымъ заведеніемъ ⁴⁾). Онъ распадается на двѣ части: меньшую

моромъ (Ov. M. Pomp. p. 236), и тогда глубина его была бы приблизительно 1,35 м. Любопытно, что эта цифра является въ трехъ изъ извѣстныхъ намъ бассейновъ и очень близко подходитъ къ четвертому (разн. 0,08). Вѣроятно, на этотъ счетъ существовали правила.

¹⁾ Вспомнимъ, что женское отдѣленіе въ стабійскихъ еермахъ определено какъ такоею частью на основаніи разницы въ разстояніяхъ нишъ для платья въ аподитеріяхъ отъ пола. Разница эта (1,72 [м. 6.] 1,50 [ж.]) 0,22, почти та-же, что разница глубины у насъ въ бассейнахъ. См. Nissen-Schoene Pomp. St. p. 144, Ov. M. Pomp. p. 228.

²⁾ Regio VIII ins. 7.

³⁾ См. планъ на т. I.

⁴⁾ Онъ описанъ May Mitth. за 1886 г. p. 141 sqq. Bull. archeol. 1884 г. p. 132 sqq.

(направо отъ входа), лежащую на болѣе высокомъ уровнѣ, и болѣеую Меньшая часть предназначена была, вѣроятно, для культуры овощей и цвѣтовъ, какъ это показывали наблюдавшіеся сейчасъ же послѣ раскопокъ слѣды посадки въ видѣ небольшихъ близкихъ другъ къ другу гребней земли. Эта часть сада имѣла и свой особый бассейнъ для поливки. Онъ находится въ сѣверо-западномъ углу сада и наполнялся дождевой водой. Эта послѣдняя получалась главнымъ образомъ съ улицы, для чего было сдѣлано любопытное приспособленіе: нѣсколько пониже бассейна на улицѣ находится извѣстный помпейскій уличный камень, служившій для перехода съ одного троттуара на другой въ дождливую погоду; этотъ камень владѣтель сада соединилъ съ троттуаромъ (улица, очевидно, была не пробѣжная) и, чтобы вода не уходила съ другой стороны, отъ середины камня параллельно троттуару провелъ другой барьеръ. Вода, собиравшаяся въ этомъ загражденіи черезъ трубу, шедшую подъ троттуаромъ, вливалась въ бассейнъ ¹⁾.

Вторая, болѣеая часть сада была занята, вѣроятно, виноградникомъ. Возвышенія, наблюдавшіеся здѣсь, были больше и отстояли другъ отъ друга на большее разстояніе; кромѣ того слѣды, оставленные растеніями (ямки), указываютъ на то, что растенія эти были довольно велики ²⁾.

Около сѣверной стѣны находятся двѣ ямы, соединенныя другъ съ другомъ неглубокимъ рвомъ (можетъ быть, онѣ служили мѣстомъ приготовленія удобренія и свалки нечистотъ). Наконецъ, въ юго-западномъ углу находится другой, болѣеый бассейнъ, содержавшій воду для поливки болѣеой части сада. Откуда получалъ воду этотъ бассейнъ, сказать трудно. Существуетъ, правда, небольшой каналъ, идущій изъ бассейна подъ троттуаромъ и мостовой, но этотъ каналъ служилъ, вѣроятно, не для наполненія бассейна, а для отведенія излишней воды въ одну изъ клоакъ ³⁾. Въ двухъ мѣстахъ вода

¹⁾ Ходъ трубы изъ бассейна можно прослѣдить на 1,05 м., то-есть, до середины троттуара, гдѣ труба должна была поворачивать; видно и мѣсто, гдѣ вода входила въ трубу.

²⁾ Теперь ни градъ, ни ямокъ, ни даже палочекъ, которыя были воткнуты тотчасъ же послѣ раскопокъ на мѣстахъ, гдѣ сидѣли виноградныя лозы, болѣе не существуетъ. То, что передано на планѣ, представляетъ видъ сада тотчасъ-же послѣ раскопокъ.

³⁾ Утверждать этого мы однако не беремъ. Для сада, какъ извѣстно, наиболѣе полезна вода дождевая—единственная, не имѣющая, абсолютно, примѣсей. Вода рѣкъ (а въ особенности Сарно), содержащая известняковыя соли, не можетъ

изъ бассейна вливалась въ небольшіе рвы, разносившіе ее по всему саду. На мѣстѣ этого сада первоначально находился цѣлый домъ; какъ на остатки его можно указать на красиво расписанную комнату у входа (очевидно, комната садовника) и на изящный ларарій въ юго-западномъ углу меньшей части сада. Кромѣ того на стѣнѣ, окружающей садъ, видны слѣды декоровокъ и стѣнъ первоначально существовавшихъ здѣсь комнатъ. Домъ этотъ, конечно, не былъ специально разрушенъ съ цѣлью устроить на его мѣстѣ садъ; вѣроятно, благодаря ли землетрясенію 63 г., или какой либо другой случайности, онъ разрушился, и владѣтель его предпочелъ, не строя новаго дома, удалить остатки стараго, а на очистившейся площади завести садъ.

Описанный садъ не есть единственное заведеніе такого рода въ Помпеяхъ. Мы знаемъ еще одинъ (впрочемъ, меньшихъ размѣровъ) въ сосѣднемъ (VII) кварталѣ (11 инсула) ¹⁾. Распредѣленіе грядъ, какъ и въ нашемъ саду, при раскопкахъ было еще прекрасно видно, да и теперь еще рядъ амфоръ съ отбитыми верхушками на краю первой грядки (предназначавшихся, вѣроятно, для разсады) живо свидѣтельствуетъ о назначеніи этого пустаго мѣста. Садъ, какъ можно судить по его небольшимъ размѣрамъ, по формѣ грядокъ и упомянутымъ вазонамъ, содержалъ главнымъ образомъ цвѣты ²⁾. Промышленный садъ находился, вѣроятно, также на большомъ, свободномъ отъ построекъ, пространствѣ въ VI-мъ кварталѣ (5 ins.). О слѣдахъ грядокъ здѣсь конечно не можетъ быть и рѣчи; данная инсула разрыта частью въ 1808, частью въ 43—44 годахъ, когда такими вещами не интересовались. Изъ авторовъ, писавшихъ о Помпеяхъ, объ этомъ незанятомъ пространствѣ упоминаетъ только Fiorelli, называя его неизвѣстнымъ промышленнымъ заведеніемъ. Но этому, кажется, противорѣчатъ величина свободнаго пространства; аналогической мастерской съ такимъ большимъ дворомъ и безъ всякихъ приспособленій для какого нибудь ремесла мы въ Помпеяхъ не находимъ. Противъ нашего предположенія не говоритъ и сравнительно большое число комнатъ, находящихся здѣсь: двѣ большія комнаты у входа могли

быть настолько же полезна. Этими, вѣроятно, объясняется стремленіе помпеянцевъ собирать дождевую воду при полной возможности пользоваться водопроводной.

¹⁾ Онъ описанъ у Ов. М. Р. р. 384 (84 на его планѣ).

²⁾ Извѣстно, что римляне чрезвычайно любили цвѣты и употребляли ихъ въ огромныхъ массахъ: Friedländer, Sittengeschichte т. III р. 110.

служить для жилья садовнику съ семьей, маленькія вдоль сѣверо-западной стѣны служили мѣстомъ хранения садовыхъ инструментовъ и продуктовъ сада.

Наконецъ, промышленнымъ садомъ могъ быть и садъ дома Пансы, что подтверждаетъ, кромѣ большой величины сада, и общій промышленный характеръ всего дома. Многіе другіе сады при частныхъ домахъ не даютъ возможности заключить о томъ, какимъ цѣлямъ они служили.

Оставовимся еще на нѣкоторое время на одной надписи и фрагментѣ одной мозаики, найденнымъ въ занимающемъ насъ кварталѣ; надпись звучитъ (въ транскрипціи):

A. A. P. R. D. D.

Gratus Caesar. L. Minist. iussu Q. Cotri d. v. i. d. C. Anni Marull D. Alfidii Nypsai d. v. v. a. s. p. p. M. Servillo L. Aello cos. (3 г. по Р. X.). Она относится къ числу многочисленныхъ надписей *ministorum Mercurii Malaе, postea Augusti* и интересна неразобранными еще сокращеніями первой строки. Момзенъ, говоря объ этой надписи, разбираетъ начальныя буквы какъ A(ппонае) A(ugustae) p(орулл) R(омани) d(онум) d(at), что конечно, какъ онъ и самъ это признаетъ, весьма сомнительно ¹⁾. Болѣе вѣроятнаго объясненія до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не предложено.

Въ томъ же домѣ (VIII, 2, 21) найденъ фрагментъ очень интересной мозаики. Она сохранилась настолько, что можно опредѣлить сюжетъ композиціи. На колесницу, запряженную двумя лошадьми, всходитъ мужчина, держа въ объятіяхъ женщину (отъ послѣдней сохранилась только часть платья). Сзади другой мужчина удаляется отъ центральной группы. Подъ ногами у лошадей лежитъ поверженный юноша. Фрагментъ по мнѣнію профессора Петерсена (Mitth. 92 г. р. 12 пр. 1) изображаетъ похищеніе Елены Тесеемъ или одной изъ Левкинидъ однимъ изъ Діоскуровъ (послѣднее, по его мнѣнію, вѣроятнѣе) ²⁾.

¹⁾ Mommsen *Ephemeris Epigraphica* v. VIII n. 316, издава Sogliano въ *Not. d. Sc.* 90 г. р. 331.

²⁾ Фрагментъ издавъ въ *Mitth.* 92 г. р. 13.

ГЛАВА II.

Кварталы по Ноланской ул. (Regio IX ins. 7 и reg. V ins. 2).

Часть города, къ которой мы теперь переходимъ, имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ та, которой мы занимались до сихъ поръ. Большинство домовъ здѣсь или виноторговли съ продажей распивочно, или другія какія либо промышленныя заведенія. Если это жилища частныхъ лицъ, то это были люди, по видимому, маленькіе, какъ на примѣръ писецъ программъ Эмилиѣ Целеръ, владѣвшій домомъ въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Ноланскую улицу. Несмотря на бѣдность и небольшую величину, многіе изъ домовъ представляютъ значительный интересъ. Начнемъ ихъ разсмотрѣніе съ перваго изъ домовъ по Ноланской улицѣ ¹⁾.

Первая дверь 7 инсулы ²⁾ принадлежитъ еермонолію. Кромѣ комнаты, содержащей прилавокъ съ замурованными сосудами и съ обыкновенной лѣсенкой для посуды, для посѣтителей былъ, вѣроятно, открытъ и садикъ, доступный съ переулка посредствомъ широкой двери. Рядомъ съ этимъ кабачкомъ находится довольно большой домъ, принадлежавшій хирургу. Профессія владѣльца дома опредѣляется цѣлой серіей хирургическихъ инструментовъ, найденныхъ въ немъ: тутъ есть и *speculum uteri*, и *forceps*, 4 пары пинцетовъ, нѣсколько футляровъ съ зондами и какими то маленькими желѣзными инструментами, заостренными съ одной стороны, а съ другой кончающимися крючкомъ, и многіе другіе инструменты ³⁾. Тутъ же найдены вѣсы съ разновѣсками отъ 3,50 гр. до 60 гр. Въ довольно большомъ саду этого дома находится замурованный триклиній со столомъ, крытымъ мраморной доской. Интересно здѣсь то, что правая сторона триклинія, противъ обыкновенія, длиннѣе лѣвой ⁴⁾. И здѣсь, какъ и въ другомъ домѣ этой же *insula* (см. ниже), кухня помѣщалась въ особомъ зданіицѣ, находящемся въ глубинѣ сада.

¹⁾ См. планъ на табл. III.

²⁾ Мы будемъ отиѣчать въ этихъ домахъ только наиболѣе интересное. Подробное ихъ описаніе дано Mau въ *Mitth.* за 1889 г. р. 13 sqq. и 101 sqq., а также Sogliano *N. d. sc.* 1889 г. pp. 123 sqq. и 1891 г. pp. 254 sqq.

³⁾ Теперь вещи въ Неапол. музеѣ, въ витринѣ рядомъ съ прежними инструментами изъ дома del *Chirurgo VI regio*. Подробное перечисленіе найденныхъ инструментовъ *N. d. sc.* 1887 г. р. 413.

⁴⁾ См. *Marquardt Privatleben* p. 304 (рисунокъ).

Сосѣдній домъ (№ 6 — 7) принадлежалъ виноторговцу; это видно изъ массы винныхъ амфоръ, найденныхъ въ домѣ; торговля производилась въ соединенной съ передней дома лавкѣ, гдѣ въ задней комнатѣ, вѣроятно, шла торговля и распивочно. Весьма вѣроятно, что еермополій № 8—9, составляющій часть описываемаго дома, принадлежалъ тому же виноторговцу; онъ или сдавалъ помѣщеніе въ наймы, или торговалъ въ немъ самъ черезъ посредство своихъ рабовъ. Наибольшую часть дома занимаетъ садъ, имѣющій особый входъ съ переулка. Въ глубинѣ его, у его задней стѣны, стоитъ чрезвычайно интересный ларарій. Это цѣлое небольшое зданіице со своей отдѣльной крышей, сохранившейся настолько хорошо, что ее можно было возстановить съ полной достовѣрностью. Крыша на два ската; одна большая балка (круглая), укрѣпленная въ стѣнѣ, къ которой прислоненъ ларарій, составляетъ ея конекъ; параллельно ей идутъ двѣ другія круглыя же балки, и на нихъ укрѣплена система поперечныхъ, также круглыхъ, перекладныхъ (числомъ 10 и 11), поддерживающихъ черепицы. Внутри зданіица, около сѣверной и части восточной стѣны, идетъ замурованная скамейка; въ южномъ углу стоитъ столъ съ мраморной доской. Въ стѣнахъ три ниши: двѣ въ сѣверной стѣнѣ съ полками и нарисованными надъ ними гирляндами, одна въ восточной, ближе къ ея юго-западному углу. Въ этой послѣдней найдена (и стоитъ до сихъ поръ) женская терракотовая статуетка въ полулежащей позѣ. Отсутствие атрибутовъ заставляеть предположить, что статуетка изображала Iuno хозяйки дома. Передъ этой главной нишей крытый ступомъ алтарь. Ниша украшалась, вѣроятно, гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ, для подвѣшиванія которыхъ служили нѣсколько правильно расположенныхъ гвоздей (о такой цѣли вбитыхъ здѣсь гвоздей позволяетъ заключить нарисованная надъ этой же нишей гирлянда, представленная висящей на нарисованныхъ же гвоздяхъ). Соответствующая жепской мужская статуетка съ грубыми чертами лица найдена была въ четвертой нишѣ, находящейся внѣ ларарія въ стѣнѣ, составляющей продолженіе восточной его стѣны. Въ описываемомъ домѣ ларарій представлялъ такимъ образомъ цѣлый отдѣльный храмикъ; другого, подобнаго этому нѣтъ въ Помпеяхъ.

Остальные дома этой нисулы выходятъ въ переулки, ограничивающіе ее съ запада и востока. Въ первомъ домѣ, выходящемъ въ западный переулокъ, верхній этажъ составляеть отдѣльную квартиру и, очевидно, отдавался въ наймы: онъ имѣеть свой отдѣльный входъ прямо съ улицы. Другой входъ, черезъ fauces, ведетъ прямо въ коринѣскій

атрій, первоначально служившій, вѣроятно, перистилемъ (часть садовъ хирурга и виноторговца принадлежала первоначально этому дому). У самаго входа находится и *cesso*, что объясняется прохожденіемъ одного изъ развѣтвленій клоаки именно въ этомъ мѣстѣ дома; съ клоакой *cesso* соединенъ terraкотовой трубой. Домъ весь изящно росписанъ въ 2-омъ и 3-емъ стиляхъ. Особенно хороши: кубигуль на лѣвой сторонѣ перистилля (l), съ картинами, изображающими Викторию, ставящую трофей, и на другой стѣнѣ мальчика-пастуха, окруженнаго собаками, и триклиній (e) съ изображеніями святилищъ и другихъ разнообразныхъ зданій. И здѣсь кухня находится въ глубинѣ атрія и представляетъ изъ себя отдѣльное зданіице съ крышей изъ круглыхъ балокъ (возстановлена), покатою къ югу. Судя по надписямъ на амфорахъ, найденныхъ въ этомъ домѣ и гласящихъ, что амфора или принадлежитъ Цезіи Гельпидѣ (CAESIAE HELPIDIS) или ей подарена (CAESIAE HELPIDI; C. H. (a)B VIBIA), можно предположить, что владѣлицей дома и была эта Caesia Helpis. Можетъ быть, въ одномъ изъ именъ на двухъ печатяхъ, найденныхъ тутъ-же, можно видѣть имя ея мужа (Q. SVLPICI. RVFI; Q. NOLANI PRIMI)¹⁾. Зданіе, находящееся черезъ домъ отъ описаннаго (№ 15), возникло изъ соединенія двухъ или трехъ домовъ. Оно имѣетъ три входа: два съ восточнаго переулка и одинъ съ западнаго. Со вторымъ соединено частное жилище владѣльца всего этого зданія; оно невелико и не богато, содержитъ только самыя необходимыя комнаты. Изъ него черезъ кухню мы попадаемъ въ большой некрытый дворъ, образовавшійся отъ разрушенія прежде бывшихъ здѣсь комнатъ. Этотъ дворъ соединенъ съ улицей широкою дверью съ лавовымъ порогомъ; дверь настолько широка, что черезъ нее могли вѣзжать и телѣги. Рядомъ съ дверью комната съ яслими: очевидно, стояло для лошадей и ословъ. Другой, менѣе широкий входъ изъ того же восточнаго переулка ведетъ въ домъ, соединенный съ предыдущими и состоящій изъ ряда комнатъ, выходящихъ частью въ перистиль дома, частью въ коридоръ между перистилемъ и улицей. По всей вѣроятности, оба дома, выходящіе въ восточный переулокъ, соединены были съ цѣлью составить изъ нихъ большой постоянный дворъ, первоначально помѣщавшійся

¹⁾ Впрочемъ, одна изъ печатей (или даже обѣ) могла попасть сюда изъ верхняго этажа, и тогда въ этихъ именахъ мы имѣемъ имена верхнихъ жильцовъ. Найдены обѣ печати въ комнатѣ f.

только во второмъ изъ соединенныхъ зданій ¹⁾). Въ то-же время присоединенъ былъ и третій домикъ, гдѣ хозяинъ поселился самъ. Назначеніе отдѣльныхъ помѣщеній постоялаго двора очевидно: большой дворъ h былъ мѣстомъ, гдѣ стояли повозки гостей, комнаты около входа—помѣщеніемъ привратника (i) и стойломъ для вьючныхъ и упряжныхъ животныхъ. Сами гости помѣщались въ номерахъ около коридора и перистилля, перистиль же былъ общей залой. Для ѣды гости собирались въ триклипійхъ g, s и l. Определеніе всего зданія какъ гостиницы и перестилля m какъ общей комнаты ея подтверждается множествомъ graffiti, найденныхъ въ перистиль и содержащихъ частью обценности, частью угрозы, частью площадную брань (Lenas ²⁾ sup-pulingus, tu mortus es, tu nugas es; Hermes ploras, ср. также №№ 16 (Mitth. 1890 г. р. 247) и 8).

Чрезвычайно интересенъ ларарій въ этомъ перистиль: онъ состоитъ изъ обыкновенной ниши, находящейся въ восточной стѣнѣ юго-восточнаго угла перистилля; направо отъ нея идетъ ларарная картина: хозяинъ со всей семьей и камилломъ стоитъ около треножника, на которомъ геній совершаетъ возліаніе изъ палеры; далѣе изображеніе переходитъ на южную стѣну, гдѣ другой геній совершаетъ возліаніе надъ цилиндрическимъ алтаремъ; надъ этимъ послѣднимъ большими буквами выпарано EX. SC. По весьма вѣроятному предположенію проф. Мау, надпись эта имѣетъ характеръ оффиціальныи и относится къ извѣстному сенатусконсульту, которымъ культъ Августа былъ соединенъ съ культомъ Ларовъ ³⁾; такимъ образомъ, геній около цилиндрическаго алтаря есть геній Августа, пририсованныи впоследствии.

Занимающій насъ домъ интересенъ также еще одною особенностью: въ немъ (какъ и въ сосѣднемъ по восточному переулку домѣ) крыша по яснымъ слѣдамъ можетъ быть возстановлена почти во всѣхъ частяхъ зданія. При этомъ возстановленіи получаютъ чрезвычайно интересные результаты. Дома, какъ оказывается, не

¹⁾ Пр. Sogliano сомнѣвается въ назначеніи этихъ домовъ для постоялаго двора и признаетъ таковое за сосѣднимъ домомъ (№ 18); но, не признавая такого назначенія за домомъ, невозможно объяснить себѣ ни назначенія большого двора, ни присутствія здѣсь стѣилы, ни ряда комнатъ около перистилля и коридора, ни множества надписей, ни ихъ характера. Ни одной изъ этихъ особенностей сосѣдній домъ не имѣетъ Cf. N. d. Sc. p. 260—1.

²⁾ Sogliano (N. d. Sc 91 p. 254) читаетъ Phonas.

³⁾ Діонъ Кассій 51, 19, 7.

имѣли одной, общей для всѣхъ комнатъ, крыши. Отдѣльныя комнаты и комплексы комнатъ имѣли свои отдѣльныя крыши съ уклономъ то къ улицѣ, то къ некрытымъ частямъ зданія. Благодаря этому дома должны были имѣть чрезвычайно неправильную форму: нѣкоторыя комнаты были выше, другія ниже, нѣкоторыя имѣли потолокъ, другія довольствовались одной крышей, нѣкоторыя части дома были двухэтажны, другія одноэтажны, тѣ съ двускатной, эти съ односкатной крышей. При этомъ часто приходится удивляться способности древнихъ приспособляться къ условіямъ часто весьма затруднительнымъ. Такъ, на примѣръ, во второмъ изъ упомянутыхъ домовъ (гдѣ ни одна комната не имѣла втораго этажа) атрій и комнаты около него (abcdef) имѣли крышу съ двумя скатами: на улицу и въ садъ; остальные двѣ комнаты (i и g) имѣли каждая отдѣльную крышу: комната i обыкновенную односкатную съ уклономъ въ садъ, комната g крышу совершенно особенной формы. Укрѣплена она была на балкѣ, шедшей отъ сѣвернаго угла комнаты къ южному и наклонной къ перистиллю; на этой балкѣ и на стѣнахъ комнаты и покоилась вся крыша, имѣвшая такимъ образомъ уклонъ къ срединѣ комнаты. Это было необходимо, такъ какъ комната граничитъ съ одной стороны со стѣной сосѣдняго дома, съ другихъ—съ крытыми помѣщеніями, и только одинъ ея уголъ выходитъ въ некрытый садикъ. Въ виду такой разницы устройства крышъ у насъ и у древнихъ было бы чрезвычайно интересно возстановить въ одномъ изъ домовъ всю крышу по тѣмъ слѣдамъ, которые при самихъ раскопкахъ должны быть еще ясны, чѣмъ теперь.

Остальные два дома нашей ивсулы, выходящіе въ западный переулокъ, невелики и мало интересны; въ одномъ изъ нихъ (№ 17) жилъ, какъ мы уже сказали, писецъ программъ и объявленій Aemilius Celer. Это видно, кромѣ прямаго указанія одной надписи на его домѣ, гласящей... CELER. NIC. HABITAT, изъ многочисленныхъ graffiti, упоминающихъ его имя въ разныхъ падежахъ, на этомъ и сосѣднихъ домахъ, и изъ его подписей на программахъ, украшающихъ этотъ переулокъ. Такъ, одна изъ нихъ гласитъ.

L· STATIVM· RECEPTVM

II· VIR· I· D OV·F· VICINI· DIG·

SCR I· AEMILIVS· CELER· VIC·

INVIDIOSE
QVI DELES
AECROTES

Изъ другихъ, писанныхъ вѣроятно тѣмъ же Эмилиемъ Целеромъ, наиболѣе интересна по содержанию слѣдующая:

PRO SALVTE NER

INTERR

Здѣсь, какъ совершенно справедливо предполагаетъ Sogliano, дѣло идетъ о землетрасеніи 64 г., которымъ былъ разрушенъ театръ въ Неаполѣ во время исполненія Нерономъ какого то музыкальнаго номера ¹⁾.

Другая, интересная въ бытовомъ отношеніи, надпись принадлежитъ рукѣ какой то влюбленной дамы. Трудно согласиться съ Sogliano, чтобы это стихотвореніе было *grazioso* ²⁾. Вотъ оно въ транскрипціи того же Sogliano:

O utinam liceat collo complexa tenere braciola et teneris
Oscula ferre labellis. I nunc ventis tua gaudia pupula crede,
Crede mihi levis est natura virorum.
Saepe ego cum (m)edia vigilarem perdita nocte
Haec mecum meditas: multos fortuna quos supstulit alte
Nos modo proiectos proecipitesque premit.
Sic Venus ut subito coniunxit corpora amantum
Dividit lux et se....
Paries(?)quid ama.....

Очевидно, поэтесса искала словъ, но вдохновеніе ее покинуло.

По другую сторону Ноланской улицы, къ западу отъ только что описанной инсулы, отрыта 2-я инсула 5-го квартала: часть въ 1884 г., часть въ 1891—1893 гг. ³⁾. Часть инсулы болѣе близкая къ Ноланской улицѣ содержитъ три небольшихъ дома, выходящихъ на нее, и винную лавку, выходящую въ переулокъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ (№№ 3—5 по Ноланской улицѣ) въ триклиніи найдены три въ высшей степени интересныя картины, изображающія пирушку. На первой изъ нихъ (центръ лѣвой стѣны) представлено 8 человѣкъ (6 мужчинъ и двѣ женщины), въ разнообразныхъ позахъ возлежащихъ вокругъ стола. Столъ уставленъ исключительно сосудами для питья: очевидно, сена кончена и мы застаемъ компанію за *comissatio*.

¹⁾ Suet. (Nero, 20) Tac. (Ann. XV, 34). Тацитъ впрочемъ о землетрасеніи не упоминаетъ. См. N. d. Sc. 1888 г. p. 517.

²⁾ Not. d. Sc. 91 г. p. 263; теперь надпись въ музеѣ.

³⁾ Первая часть описана въ *Bullet. archeol.* за 1885 г. и въ N. d. Sc. за 1884 г. Вторая въ *Mitth.* за 1893 г. стр. 3 и сл. Въ N. d. Sc. отчета еще не появилось, отчеты *dei soprastanti* о найденныхъ предметахъ и надписяхъ N. d. Sc. 1892 г. *passim*.

Около стола статуя, держащая въ протянутыхъ рукахъ большую вазу, наполненную разнообразными сосудами. Передъ гостями показывается свое искусство танцовщица подъ звуки флейтъ, на которыхъ играютъ двое юношей. Къ столу приближается слуга съ какимъ то предметомъ въ рукахъ. По всему столу разбросаны розы.

Слѣдующая картина (середина задней стѣны) изображаетъ 5 чело-вѣкъ ошатъ-таки за *comissatio*. На *lectus medius* возлежитъ мужчина, очевидно, собирающійся пѣть. Обращаясь къ своимъ лѣвымъ сосѣдямъ, онъ говоритъ имъ (надпись надъ его головой): *Facitis vobis suaviter. Ego canto. Сосѣди, возлежащіе на lectus summus* (лѣвый мужчина и женщина), прислушиваются къ его словамъ и мужчина, приподнавъ указательный палецъ, отвѣчаетъ *Est ita, valea(s)*. Двое направо (*lectus imus*) мало обращаютъ вниманія на своихъ сосѣдей: они, очевидно, заняты другъ другомъ. Мужчина (оголенный совершенно, съ гирляндой розъ на головѣ) положилъ правую руку на плечо женщины, въ лѣвой рукѣ патера. Женщина, также оголенная до пояса, пускаетъ изъ ритона въ ротъ струю вина; сзади этой группы одѣтая женщина съ ящичкомъ въ рукахъ. Къ столу приближается слуга съ двумя внохоями. По всей комнатѣ разсыпаны розы. Третья картина находится на правой сторонѣ лѣвой стѣны. Пиръ кончился, гости собрались уходить; одинъ изъ нихъ, сидящій на *lectus medius*, одѣваетъ плащъ, другой, уже одѣтый, ожидаетъ перваго; онъ стоитъ сзади *lectus*, опершись на плечо чернаго раба. На край *lectus infimus* присѣлъ только-что явившійся гость, оживленно разговаривающій съ хозяиномъ, возлежащимъ на обычномъ мѣстѣ¹⁾. Хозяинъ, вѣроятно, отвѣчаетъ сообщающему ему что-то вновь пришедшему гостю: *scio*. Одинъ рабъ снимаетъ обувь у новаго гостя, другой — подаетъ ему чашу. *Lectus summus* занятъ растянувшимся мужчиной; онъ лежитъ въ спокойной позѣ и уходить не собирается. Надъ нимъ соответствующая надпись: *bibo*. Наконецъ, передъ лѣвымъ *lectus* совершенно пьяный гость всѣмъ корпусомъ наклонился впередъ (кажется, его рветъ); его поддерживаетъ слуга въ короткой бѣлой туникѣ. Всѣ три картины, какъ и большинство жанровыхъ картинъ въ Помпеяхъ, скорѣе набросаны, чѣмъ выписаны. Главное здѣсь было очевидно не исполненіе, а сюжетъ²⁾.

¹⁾ О распредѣленіи мѣстъ см. Marquardt Privatl. p. 304.

²⁾ Последнія двѣ картины изданы въ краскахъ у Niccolini op. cit. т. III в Supplementa tav. XII.

Сѣверную часть инсулы занимаетъ большой комплексъ зданій, состоящій изъ 5-ти домовъ ¹⁾. Изъ нихъ 4, соединенные между собой, очевидно находились въ рукахъ одного хозяина; относительно пятого этого утверждать нельзя, такъ какъ сѣверная часть этого и главнаго (5-го) дома этого комплекса еще не разрыта, такъ что нельзя опредѣлить, соединены-ли дома между собой или нѣтъ ²⁾. Форма, въ которой дошелъ до насъ занимающій насъ комплексъ зданій, ни въ коемъ случаѣ не первоначальная. Прежде всего коридоръ, куда выходятъ *portica* трехъ домовъ, первоначально, несомнѣнно, былъ глубокимъ переулкомъ (*angiportus*). Стѣна, отдѣляющая этотъ коридоръ отъ улицы, есть продолженіе стѣны, составляющей фасадъ 1-го дома; а послѣдняя, несомнѣнно, принадлежитъ времени послѣ 63 года. Первоначально въ этой стѣнѣ была оставлена дверь, но впоследствии и она была замурована и жителямъ домовъ С и Е, желавшимъ пользоваться *porticis* этихъ домовъ, приходилось проходить черезъ атрій перваго дома. Первые три дома были первоначально соединены между собой не только при посредствѣ этого коридора, а и непосредственно: такъ, небольшая комнатка 2-го дома (g) соединена большимъ окномъ съ прилегающей комнатою третьяго дома; кухня этого послѣдняго и комната i втораго были первоначально соединены дверью; то же и атрій третьяго дома съ кубиколомъ (b) втораго. Наконецъ, нѣкоторыя окна 1-го и 2-го дома выходили въ третій. Перейдемъ, однако, къ описанію каждаго дома въ отдѣльности, къ ихъ отношенію между собою мы еще вернемся.

Первый домъ (А) въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь, возникъ, несомнѣнно, послѣ 63 года; только нѣкоторыя изъ его стѣны (стѣна коридора а, часть стѣны триклинія е) принадлежатъ болѣе древнему времени ³⁾. Напротивъ, всѣ внутреннія стѣны, равно какъ и пиластръ комнаты с, прислоненный къ стѣнѣ коридора а несомнѣнно поздняго происхожденія. Домикъ имѣетъ только самыя необходимыя помѣщенія: въ крытый атрій, соединенный *непосредственно* съ улицей и коридоромъ, выходятъ два триклинія (с и е). Изъ него же лѣстница вела въ комнаты надъ триклиніемъ е и кубиколомъ f. Свѣтъ какъ этотъ кубиколь, такъ и кухня (h) и триклиній

¹⁾ См. планъ табл. IV; дома обозначены буквами ABCDE. На таблицѣ V-й помѣщенъ видъ 5-го дома комплекса (e) изъ атрія.

²⁾ Эта часть домовъ не разрыта, благодаря возникшимъ затрудненіямъ по отчужденію участка земли, гдѣ она находится.

³⁾ Замѣтимъ, что первый домъ соединенъ былъ съ коридоромъ, вѣроятно, только послѣ замурованія двери, ведшей изъ него на улицу.

(е) получали изъ открытаго дворика g, не бывшаго виридаріемъ (онъ вымощенъ op. signinum). Сосѣдній домъ (В) въ теперешнемъ своемъ видѣ также, несомпѣнно, поздняго происхожденія; это доказываетъ кромѣ кладки его стѣнъ, его чрезвычайно неправильная форма и наконецъ то, что дверь, соединяющая его съ улицей, кромѣ того, что выходитъ прямо въ атрій, очевидно проломапа въ очень позднее время въ его стѣнѣ (ея косяки состоятъ изъ самаго разнообразнаго матеріала, не связаны со стѣной, кладка ихъ неправильная). Первоначально домъ не имѣлъ *cesso* ¹⁾. Впослѣдствіи онъ былъ выстроенъ въ самомъ атріи (мѣсто необычное для такого рода помѣщеній), что, по всей вѣроятности, объясняется ходомъ vloaki ²⁾. Домъ состоитъ только изъ самыхъ необходимыхъ помѣщеній. Атрій окружали съ сѣвера триклиній (h) и коридоръ, ведущій въ кладовую (i), съ востока кубикуть (b) и помѣщеніе для лѣстницы (c), ведущей въ верхній этажъ комнаты b (единственная комната этого дома, имѣвшая верхній этажъ). Атрій былъ крытый и получалъ свѣтъ частью изъ дворика f, частью же посредствомъ оконъ, выходившихъ на улицу. Наконецъ, изъ атрія же черезъ проходную комнату d съ двумя бассейнами и цистерной можно было попасть въ триклиній (e)—единственную комнату, имѣвшую декорровку (впрочемъ, очень грубую).

Третій домъ выходитъ въ улицу, ограничивающую нашу инсулу съ сѣвера и еще не разрытую: домъ гораздо больше и болѣе правильно расположенъ, чѣмъ два предыдущіе. Самыя древнія его декорровки относятся къ 3-му стилю, этому же стилю соответствуетъ и кладка наиболѣе древнихъ его стѣнъ ³⁾ (стѣнъ таблина и прилегающихъ комнатъ, а также комнатъ на сѣверной сторонѣ атрія). Остальные, какъ и въ прилегающихъ домахъ, происхожденія поздняго. Жилыя комнаты находятся на сѣверной сторонѣ атрія (противоположная сторона комнатъ *совсѣмъ не имѣетъ* за исключеніемъ двухъ (e и e') ⁴⁾, гораздо менѣе глубокихъ, чѣмъ соответствующая комната сѣверной стороны (f)). Изъ комнатъ около входа b — кубикуть, c и f еще не вполне разрыты. Изъ остальныхъ g и m кубикуть, h, c и, вѣроятно, таблинъ служили столовыми. Одна изъ нихъ (i), очевидно, только-что была окончена постройкой и еще не декорована; первоначально она

¹⁾ Онъ болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ стѣны, у которыхъ онъ стоитъ: стѣны его покрываютъ стукъ стѣнъ атрія.

²⁾ *Cesso* 1-го и 3-го дома лежатъ почти на одной съ нимъ линіи.

³⁾ Небольшія известняковыя плиты неправильной формы.

⁴⁾ Кухня съ *cesso* и помѣщеніе для раба.

была гораздо меньше: ея задняя стѣна была продолженіемъ задней стѣны таблица и кубикла ш ¹⁾). За таблицомъ идетъ довольно большой садъ, раздѣленный портикомъ на двѣ части. Видъ этого сада первоначально былъ совершенно иной: колонна, замурованная въ сѣверномъ углу садика 1-го дома, показываетъ: во-первыхъ, что портикъ шелъ первоначально на одной линіи съ задней новой стѣной триклинія i, а во-вторыхъ, что размѣры сада были гораздо больше, то-есть, что онъ занималъ, кромѣ части триклинія i, часть сосѣдняго дома, вѣроятно, до древнихъ его стѣнъ, то-есть, стѣнъ кухни и триклинія e ²⁾). Подтверждаетъ это указанное выше позднее (послѣ 63 года) происхожденіе всѣхъ внутреннихъ стѣнъ перваго дома. Изъ всѣхъ наблюденій, касающихся исторіи описанныхъ домовъ, можно заключить почти несомнѣнно, что всѣ три описанные дома первоначально составляли одно цѣлое. На это указываетъ и ихъ соединеніе между собой, и неправильная форма всѣхъ трехъ домовъ, и несоотвѣтствіе между сѣверовост. и противоположной стороною атрия 3-го дома, и позднее происхожденіе всѣхъ стѣнъ западной части нашего комплекса, и отсутствіе переднихъ у первыхъ двухъ домовъ, равно какъ и ихъ очевидно позднее соединеніе съ улицей и другія мелкія наблюденія, приведенныя выше. Относительно формы первоначальнаго дома можно установить только, что садъ его былъ гораздо больше и занималъ, кромѣ большей части перваго дома, комнаты g втораго и п третьяго дома. Продолжался онъ въ глубину, вѣроятно, до древней стѣны глухаго переулка a, куда выходилъ porticum дома. Такое раздѣленіе одного большого дома на три небольшихъ произошло, вѣроятно, благодаря приобрѣтенію его хозяиномъ б-го дома. Самъ онъ, живя въ роскошномъ своемъ домѣ, въ другомъ такомъ же не нуждался и поэтому, раздѣливъ его на три дома, сдавалъ въ наймы каждый отдѣльно, что было и выгоднѣе, и легче, чѣмъ отдавать одинъ большой домъ. Произошло это послѣ 63 года (къ этому времени относится большая часть стѣнъ нашихъ домовъ). Подтверждаетъ такую исторію дома и то, что изъ всѣхъ комнатъ описаннаго комплекса имѣютъ декорровку только древнія части 3-го дома. Эти послѣднія украшены картинами, изображающими пейзажи съ святилищами, ста-

¹⁾ Слѣды этой стѣны видны еще теперь.

²⁾ Къ сожалѣнію, садъ не вполне еще очищенъ; колонны на значительную глубину стоятъ въ garilli, откуда выглядываютъ верхнія части многихъ амфоръ.

туями боговъ и молящимися, сдѣланными довольно хорошо. Все это показываетъ, что домъ зналъ лучшія времена ¹⁾.

Слѣдующій домъ (D) выходитъ, какъ и предыдущій, въ сѣверный переулокъ: ни fauces, ни прилегающія къ нимъ комнаты еще не открыты. Неизвѣстно, соединяется-ли этотъ домъ съ сосѣднимъ (E), или дверь, находящаяся въ восточной стѣнѣ атрія, ведетъ въ комнату, принадлежащую нашему же дому ²⁾. Время постройки дома опредѣляется декорировкой первого стиля, находящейся въ двухъ кубикулахъ (g и i); со времени постройки онъ претерпѣлъ слѣдующія измѣненія: комнаты l и m первоначально составляли часть сада, садъ же въ то время отдѣлялся отъ жилыхъ комнатъ портикомъ, состоявшимъ изъ одной колонны и двухъ пилястровъ у стѣнъ. Теперь садъ отдѣляется отъ тѣхъ же комнатъ стѣнной, куда и замурована упомянутая колонна. Домъ весьма невеликъ: атрій его не имѣетъ боковыхъ комнатъ и сзади находится не три, какъ обыкновенно, комнаты, а, собственно говоря, одинъ табличъ. Входъ въ атрій съ внутренней стороны украшенъ пилястрами съ лѣпными въ стукѣ изображеніями на нихъ. Каждый изъ пилястровъ раздѣленъ на 5 полосъ; на правомъ въ первой полосѣ (сверху) изображены двѣ гирлянды, далѣе два амура, убѣгающіе другъ отъ друга, два дельфина, стоящіе на головахъ и опирающіеся другъ на друга хвостами, двѣ пантеры задомъ другъ къ другу и амуръ, держащій двухъ дельфиновъ за хвостъ. Почти тѣ же изображенія на лѣвомъ пилястрѣ. Со стороны атрія рельефы сохранились только на правомъ пилястрѣ: вверху двѣ летящія другъ къ другу навстрѣчу фигуры, далѣе пантера, два лебедя, обращенные головами въ разныя стороны, морское чудовище и два мальчика, удаляющіеся другъ отъ друга. Интересна въ этихъ рельефахъ строгая симметрия изображенія и трактовка животныхъ какъ архитектурныхъ орнаментовъ (такъ, напримѣръ, хвосты дельфиновъ и морскихъ чудовищъ представляютъ изъ себя обыкновенный орнаментъ витушки). Декорировка стѣнъ атрія бѣдна и мало интересна. Интересенъ этотъ атрій одной особенностью въ своемъ устройствѣ, не находящею, насколько намъ извѣстно, аналогіи въ какомъ-либо другомъ домѣ. Въ атрії найдены фрагменты колоннъ и двухъ полу-колоннъ, прислонен-

¹⁾ Огнѣтнмъ еще, что на стѣнахъ сада въ двухъ мѣстахъ вдѣланы кирпичи съ извѣстными шпороками въ видѣ фалл'овъ, выработанныхъ рельефомъ.

²⁾ Опредѣлить этого нельзя, такъ какъ комната, куда выходитъ дверь еще не открыта. Судя однако по теперешнему состоянію раскопокъ, она были соединены.

ныхъ къ пилястрамъ, а также нѣсколько кусковъ антаблемента. Сопоставляя эти фрагменты съ таковыми же въ садикѣ нашего дома и въ комнатѣ g 2-го дома, мы получаемъ полную колоннаду изъ 4-хъ колоннъ и двухъ полу-колоннъ, прислоненныхъ къ пилястрамъ. Мѣсто, гдѣ стояла эта колоннада, опредѣляется сохранившимся кускомъ антаблемента со слѣдами колонны; кусокъ и по величинѣ, и по формѣ одинаковъ съ лежащими въ атрии. Находится онъ въ юго-западномъ углу атрия надъ его задней стѣной. Такимъ образомъ мы должны признать существованіе колоннады по задней стѣнѣ атрия, то есть портика надъ таблиномъ и прилегающими комнатами. Довольно трудно разрѣшить теперь вопросъ: какъ была устроена крыша атрия въ связи съ этимъ портикомъ. Она не могла, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Мау (I. с. p. 17), быть укрѣплена въ трабеціи колоннъ, то-есть составлять продолженіе крыши портика, такъ какъ въ такомъ случаѣ портикъ, очевидно назначенный давать прохладу лѣтѣмъ (онъ обращенъ къ трамонтанѣ), былъ бы невыносимо жаркимъ отъ накалившейся крыши атрия. Но трудно согласиться и съ его реконструкціей, по которой крыша не опиралась на трабеацію колоннады, а будучи укрѣплена въ задней стѣнѣ таблина, спускалась къ имплювию, причѣмъ край ея находился на уровнѣ трабеаціи колоннады. Кромѣ техническихъ неудобствъ такой крыши, атрій при такой реконструкціи получаетъ невозможную высоту. Она должна была быть, считая колонны = 2 м., верхнюю трабеацію 0,30 и, наконецъ, возвышеніе задней стѣны надъ колоннадой не менѣе 1 м. и прибавляя высоту стѣны атрия до колоннады = 4 м., равной 7,30 м. — высота, равная ширинѣ атрия (7,55). Атріи такихъ размѣровъ болѣе походятъ на колодезь, чѣмъ на комнату. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что портикъ имѣлъ свою особую крышу, укрѣпленную на задней стѣнѣ таблина, крыша же атрия была укрѣплена непосредственно подъ колоннами. Этому, къ сожалѣнію, противорѣчитъ отсутствіе слѣдовъ укрѣпленія балокъ въ нижней трабеаціи и стѣнѣ подъ ней, а также несоотвѣтствіе получающейся при такой реконструкціи высоты атрия предписаніямъ Витрувія, см. *Vitr. de Architectura* VI, 4, 5. Въ этотъ портикъ вела лѣстница изъ *fauces* (e). Декорваны были комнаты этого дома частью въ первомъ (g, 1), частью въ четвертомъ стилѣ. Наиболѣе интересна декоровка таблина, гдѣ въ центрѣ стѣны были помѣщены ¹⁾ двѣ картины, изображающія бюсты

¹⁾ Теперь въ музей.

двухъ отроковъ, держащихъ въ рукахъ свитки ¹⁾). Въ свитки воткнуты лоскутки кожи съ надписями на одномъ Помегус, на другомъ Plato ²⁾). У обоихъ отроковъ на головахъ лавровые вѣнки, показывающіе можетъ быть, что отроки остались побѣдителями въ какомъ-нибудь школьномъ состязаніи, одинъ въ философіи, другой въ поэзіи. Головки нашихъ отроковъ Мау опредѣляетъ какъ портретныя изображенія, трактованныя, однако, идеально. Въ выраженіи лицъ юношей ясно видно различіе ихъ натуръ: одинъ болѣе поэтъ, его широко раскрытые глаза и полуоткрытый ротъ изобличаютъ вдохновеніе; другой болѣе мыслитель, выраженіе лица сосредоточенное: мальчикъ очевидно углубился въ свои мысли.

Садъ нашего дома раздѣленъ на двѣ части: меньшая, гдѣ находится ларарій, отдѣлена отъ большей двумя лавовыми камнями съ четырехъугольными отверстіями, назначенными вѣроятно для вставленія въ нихъ жердей, на которыя навѣшивалось *velum*. Такимъ образомъ эта часть сада могла быть совершенно отдѣлена отъ другой. Ларарій очень интересенъ; его ниша съ полукуполомъ представлена въ видѣ храма: по обѣимъ ея сторонамъ изображены въ стукѣ колонны, поддерживающія арку. Полъ ларарія нѣсколько выступаетъ впередъ. Все это выкрашено яркими цвѣтами: краснымъ, синимъ, желтымъ, зеленымъ и бѣлымъ. На стѣнѣ ниши нарисованъ Гераклъ въ львиной шкурѣ, съ булавою и *skyphos*'омъ въ рукахъ; стоитъ онъ около алтаря, на которомъ горитъ огонь; около алтаря растенія. Къ Гераклу приближается свинья, поднимая вверхъ свое рыло и смотрящая на Геракла. Въ этомъ лараріи найдено на мѣстѣ все его убранство: статуетки Меркурія (бронза вызолоченная) въ хламидѣ, съ кошелькомъ, Минервы (терракотта) въ хитонѣ, со шлемомъ на головѣ и приподнятымъ щитомъ; бронзовая фигурка, изображающая женщину на колѣняхъ съ поднятыми руками; голова вакханки съ вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ, маленькій алтарь съ остатками углей и пепломъ, терракоттовая лампа, бронзовый дельфинъ съ колечкомъ для подвѣ-

¹⁾ Наиболѣе близко подходят эти картины къ извѣстнымъ изображеніямъ юноши со свиткомъ и дѣвочки съ диптихомъ (Helbig 1420, 1422).

²⁾ Sogliano (N. d. Sc. 92 года p. 28) читаетъ вторую надпись Sapho и на этомъ основаніи считаетъ бюсты принадлежащими Вергилію и Горацію, подражателямъ Гомера и Сафо. Правильность чтенія Plato проверена нами на оригиналѣ, и можетъ быть проверена всякимъ по факсимиле въ отчетѣ Мау (I. c. p. 19). Тамъ же и снимки съ этихъ бюстовъ (p. 20, 21).

шивалия и двѣ бронзовыя монеты (ассъ Германика и сестерцій Нерона) ¹⁾.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ, богатыхъ и изящныхъ домовъ Помпей по справедливости долженъ считаться 5-й домъ (e) описываемаго комплекса. Благодаря большому количеству интересныхъ и ранѣе не встрѣчавшихся подробностей въ его архитектурѣ, благодаря прекрасной сохранности декорировки и самаго зданія, благодаря, наконецъ, правильности расположенія частей этотъ домъ по справедливости долженъ былъ бы занять мѣсто casa di Pansa, приводившейся до сихъ поръ постоянно какъ примѣръ нормальнаго римскаго дома. Хорошая сохранность его дѣлаетъ и его реконструкцію болѣе легкой и болѣе свободной отъ малодоказанныхъ предположеній ²⁾.

Домъ этотъ до сихъ поръ еще не вполне раскопанъ: его входъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нему комнатами (лавка?), а также комнаты на лѣвой сторонѣ перистилля (за исключеніемъ одной) лежатъ еще подъ пепломъ и гарилли. Исторія дома въ главныхъ ея чертахъ совершенно ясна ³⁾. Выстроенъ онъ, несомнѣнно, въ до римское время, но, по всей вѣроятности, незадолго до выведенія Сулланской колоніи. Это видно и изъ способа стройки въ немъ—углы изъ правильно обтесанныхъ небольшихъ известняковыхъ плитъ съ большимъ количествомъ цемента, остальное—известняковый insertum съ кусочками верхней лавовой коры (сгума)—и изъ остатковъ декорировки перваго стиля поздней его эпохи. Затѣмъ домъ дважды былъ перестроенъ: первый разъ во времена второго декоративнаго стиля (поздняя манера) ⁴⁾ и во второй разъ въ эпоху 4-го стиля. Последняя перестройка произошла до 63 г., что прямо указывается надписью

¹⁾ Снимокъ съ ларарія въ отчетѣ May (p. 26), перечисленіе найденнаго въ N. d. Sc. 91 года p. 376 (giorn. d. Scavi dei Soprastanti). Фигурка женщины вѣроятно должна была обозначать молящуюся хозяйку дома; позолота на статуэткѣ Меркурія заставляетъ думать, что хозяева занимались торговлей; статуетку Минервы можно сопоставить съ головками въ табличѣ.

²⁾ Между тѣмъ реконструкція с. di Pansa, помѣщенная у Овербека и часто повторяемая въ школьныхъ изданіяхъ, сильно нуждается въ исправленіи.

³⁾ Она совершенно правильно (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ пропусковъ) восстановлена May Mitth. 93 г. p. 28 sqq.

⁴⁾ Остатки сохранились въ трехъ крайнихъ комнатахъ (h, f и e) и принадлежатъ къ наиболѣе простымъ декорировкамъ этого стиля.

⁵⁾ Декорировка этого стиля сохранилась въ комнатахъ около перистилля и на стѣнѣ лѣвой ала около таблица. Къ тому же или, можетъ быть, нѣсколько болѣе позднему времени относятся декорировки канделябернаго стиля.

на одной изъ переднихъ колоннъ перистилля, покрытыхъ стукомъ 4-го стиля. Надпись, интересная кромѣ даты и по содержанію, гласитъ:

NIIRONII CAISARII AVGVSTO
 COSSO LIINTVLO COSSI FIL COS (60 p. Chr.)
 VIII IDVS FIBRARIAS
 DIIS SOLIS LVNA XIII^X NVN CVMIS V NVN POMPIIS

то-есть, въ воскресенье 6-го февраля въ 16 день мѣсяца должна была быть ярмарка въ Кумахъ, а 8-го въ Помпеяхъ. Интересно здѣсь названіе дня и числа луннаго мѣсяца, не встрѣчавшееся до сихъ поръ ранѣе III вѣка по Р. Хр. ¹⁾.

Возвращаясь къ исторіи нашего дома, замѣтимъ, что отъ землетрясенія 63 г. домъ пострадалъ не сильно: къ этому времени могутъ относиться только перестройки въ комнатахъ m. Итакъ первая перестройка дома относится къ эпохѣ второго декоративнаго стиля; къ этому времени относится раздѣленіе боковыхъ комнатъ атрія на два этажа (второй на высотѣ трехъ метровъ; слѣды раздѣленія особенно ясно видны въ комнатахъ f). Для входа въ этотъ второй этажъ были сдѣланы лѣстницы между h и f, i и l и въ m. Въ ту же эпоху замурованы двери изъ b и c въ атрій и изъ m туда же; остальные соответственно уменьшенію комнатъ были сужены и понижены. Одновременно съ этимъ замурована дверь ²⁾ въ ala sinistra, можетъ быть суженъ входъ въ таблинъ и выстроенъ cesso. Къ слѣдующей эпохѣ (до декорировки 4-го стиля) относится раздѣленіе комнаты палѣво отъ таблина на двѣ (p и q) и замурованіе двери, соединявшей ее съ кухней; въ то же время былъ расширенъ ³⁾ входъ въ комнату n со стороны перистилля и суженъ входъ въ правую ala. Наконецъ, въ эпоху 4-го стиля были сдѣланы нѣкоторые измѣненія въ перистиллѣ и окружающихъ комнатахъ. Установивши такимъ образомъ главныя эпохи въ исторіи дома, перейдемъ къ его описанію.

¹⁾ См. Mommsen Chron. p. 312; къ цитованнымъ тамъ надписямъ Mau прибавляетъ CIL III 5938. Чтеніе числа XIII^X какъ 16, конечно, сомнительно; по вѣчисленіямъ пр. Гейдельбергскаго унив. Вольфа 6-е февр. было не воскресеніе а среда и luna 15-я. См. Mau l. c. p. 31.

²⁾ Теперь совершенно ясно видно, что замурована дверь (Mau колеблется между дверью и окномъ). Высота ея отъ пола 2,70. Суженіе входа въ m мы бы скорѣе отнесли къ болѣе позднему времени.

³⁾ Одна изъ аявъ имѣетъ совершенно древній видъ и связана съ стѣной; только другая происхожденія поздняго; поэтому дверь не сдѣлана въ эту эпоху, какъ думаетъ Mau.

Атрія, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Помпеяхъ (16, 46 × 11, 92), принадлежитъ къ числу тетрастильныхъ. Четыре величественныхъ колонны коринтскаго стиля (7,80 м.) поддерживали его крышу ¹⁾. Большой туфовый имплювій кромѣ дождевой воды наполнялся и водопроводной, бывшей изъ мраморнаго пьедестала, стоящаго у южнаго его конца, и вѣроятно изъ статуи на немъ. Вода попадала первоначально въ мраморную пазу и оттуда уже въ имплювій. За пьедесталомъ изящный puteal изъ такъ называемаго травертина ²⁾. Водопроводная труба, доставлявшая воду въ имплювій, сохранилась вмѣстѣ со своими бронзовыми кранами. Высота стѣнъ атрія, судя по колоннамъ, должна была быть не менѣе 10 метровъ ³⁾. Трудно предположить такую же высоту для боковыхъ комнатъ; и дѣйствительно, судя по декоровкѣ, онѣ имѣли не болѣе 6 м. вышины. Это подтверждается и тѣмъ, что при раздѣленіи комнатъ на два этажа нижнимъ дали 3 м. вышины; врядъ ли верхнія могли быть выше. При такой высотѣ боковыхъ комнатъ не легко представить себѣ, какова была крыша атрія и боковыхъ комнатъ. Первая возможность, что крыша ихъ и атрія представляла одно цѣлое и спускалась къ имплювію, устраняется тѣмъ соображеніемъ, что при этомъ получился бы наверху ни къ чему непригодный чердакъ въ 4 м. вышиной: при его существованіи хозяину дома вмѣсто того, чтобы дѣлать мезонинъ, выгоднѣе было бы сдѣлать доступнымъ этотъ чердакъ. Второе предположеніе, что крыша атрія и прилегающихъ комнатъ была основана на стѣнѣ атрія, только крыша атрія спускалась къ имплювію, крыша боковыхъ комнатъ въ противоположную сторону, не такъ невѣроятно, какъ думаетъ пр. Мау. Ему кажется это невѣроятнымъ, такъ какъ опять таки получается чердакъ метра въ 2 вышиной; такой чердакъ однако не невозможенъ въ домѣ и совсѣмъ не бесполезенъ (онъ могъ служить тѣмъ же цѣлямъ, которымъ служатъ чердаки и у насъ); доступенъ могъ быть онъ при посредствѣ деревянной лѣстницы ⁴⁾ и для верхняго жилого этажа благодаря своей незначительной вышинѣ

¹⁾ Колонны найдены были повалившимися, но совершенно цѣлыми; теперь онѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ.

²⁾ Травертина въ собственномъ смыслѣ нѣтъ въ Помпеяхъ. То, что называется этимъ именемъ, есть родъ известняка Ov. Mau p. 499. Nissen p. 19—20.

³⁾ Такая вышина соответствуетъ и предписанію Витрувія, чтобы вышина атрія sub trabes равнялась $\frac{2}{3}$ его ширины. Vitruv. VI, 1-4, 5.

⁴⁾ Какъ, напримѣръ, мезонинъ въ одной изъ комнатъ описаннаго дома № 32—35, VIII veg.

вкусъ въ работавшемъ ихъ мастерѣ. Срединя большихъ полей занята картинами, изъ которыхъ отъ одной сохранилась только нижняя часть, другая, также не особенно хорошо сохранившаяся, имѣетъ рѣдко встрѣчающійся сюжетъ: Гесіона съ Пріамомъ у Геракла. Остальныя части фона заполнены изображениями летящихъ амуровъ и амуровъ съ психеями. Красный цоколь отдѣленъ отъ средней части фризомъ съ изображеніемъ сценъ изъ жизни пигмеевъ. Сохранились изображенія пигмеевъ, кормилицъ журавлей, и судъ царя пигмеевъ ¹⁾. Таблицъ, декорированныхъ въ 4 стилѣ, открывается въ атрій во всю свою ширину; на пилястрахъ, ограничивающихъ входъ, со стороны атрія были прикрѣплены бронзовые корабельные носы на круглой подножкѣ каждый; врядъ ли эти носы могли служить для прикрѣпленія раздвинутыхъ портьеръ, отдѣлившихъ таблицъ отъ атрія—они для этого слишкомъ малы ²⁾. Со стороны перистилля таблицъ отдѣлялся четырехъстворчатой дверью, съ части которыхъ сдѣланъ гипсовый слѣпокъ ³⁾. За таблицомъ находится большой перистиль съ портикомъ изъ 17 колоннъ и двухъ соединеній колоннъ съ пилястрами; часть портика, обращенная къ югу (около таблица), была значительно выше остальныхъ трехъ его частей. Такой родъ перистилля Витрувій называетъ *peristyllon Rhodiacum*, описывая его слѣдующимъ образомъ. Говоря о греческомъ домѣ ⁴⁾, онъ, опредѣливши, что такое *gynaeconitis*, продолжаетъ VI, X (VII), 3: *coniunguntur autem his domus ampliores habentes lautiora peristylla, in quibus pares sunt*

¹⁾ На двухъ картинахъ. Одна изъ нихъ почти совершенно исчезла: обвалилась часть ступа, на которомъ она написана. Несмотря на прелесть декоративной комнаты не сочтена дирекціей достойной защиты отъ дождя.

²⁾ Можетъ быть цѣль этихъ носовъ можно объяснить себѣ изъ слѣдующихъ словъ Петронія: *in postibus triclinii fasces erant cum securibus fixi, quorum unam partem quasi embolam aeneam finiebat...* Мѣсто этихъ носовъ у Петронія тѣ же *postes*, матеріалъ тотъ же. Правда на нашихъ плѣтъ надписи. Служить они могли подобной же цѣли, то-есть какъ заканчивающій орнаментъ (*Fasces* съ топорами имѣетъ въ Помпеяхъ одинъ *magister pagi*—*Monmsen Inscr. N. 2305*) ср. также *CIL V 5035 fasces infra acuminati* (цитовано у *Schmidt'a De seviris Augustalibus* p. 80); находились носы на разстояніи двухъ метровъ отъ пола (ниже середины *postis*); величина ихъ 0,13, ширина подставки 0,15.

³⁾ Или лучше гипсовый отливочекъ, если можно такъ выразиться. Объ нихъ см. *Оч. М. Помп.* p. 23. Таблицъ имѣлъ мозаичный полъ; въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мозаика нѣсколько попорчена, видно какъ ея рисунокъ первоначально былъ начерченъ въ массѣ, составляющей ея основаніе.

⁴⁾ Известно, что перистиль римлянами заимствованъ у грековъ. См. *Marquardt Privatleben* p. 220.

quattuor porticus altitudinibus, aut una, quae ad meridiem spectat, excelsioribus columnis constituitur, id autem peristylum, quod unam altiore[m] habet porticum, Rhodiacum dicitur. Другой примѣръ такого перистила мы имѣемъ въ зданіи Евмахіи, если только согласиться съ очень остроумной и точной его реконструкціей сдѣланной Мау¹⁾; тамъ однако портики двухъэтажны, и болѣе высокій обращенъ не къ югу, а къ востоку.

Колонны болѣе высокой части портика на 1,50 м. выкрашены въ желтую краску и не канеллованы²⁾, вверху стукъ бѣлый и колонны канеллованы; на остальныхъ трехъ сторонахъ части колоннъ на 1,28 м. отъ пола красны и круглы, остальные части осьмиугольны и бѣлы. Антаблементъ сохранился почти вполнѣ; только въ передней части стукъ его обвалился. Надъ каждой колонной на антаблементѣ нарисованъ или букраній, или медальонъ съ цвѣткомъ, надъ каждымъ интерколумніемъ карнизъ, подъ которымъ изображенія птицъ и животныхъ. Надъ карнизомъ выдается край крыши съ антефиссами въ видѣ масокъ. Перистиль декорированъ въ 4-мъ стилѣ, приче[m] его передняя часть выдѣлена болѣе яркими красками (красныя поля, въ боковыхъ—черныя). Кругомъ всего перистила идетъ жолобъ для дождевой воды; впрочемъ онъ наполнялся и водопроводной водой: труба водопровода у обѣихъ угольныхъ колоннъ подымается вверхъ, откуда вѣроятно и падала въ жолобъ. Посрединѣ открытой части перистила наблюдается круглое возвышеніе, на которомъ разставлены были фигуры изъ египетской массы (pasta egiziana): два крокодила, одна лягушка и одна жаба (фигуры теперь въ музеѣ).

Изъ комнаты, окружающихъ перистиль, п служила вѣроятно триклиніемъ. Съ другой стороны находились: екседра (у) и два кубикюла (х и з). Всѣ эти комнаты (за исключеніемъ п, которая не была еще декорирована) имѣютъ декоровку 2-го стила. Часть кубикюловъ, гдѣ стояло ложе, имѣла декоративный сводъ, остальная обыкновенный потолокъ. Кубикюль х имѣлъ двѣ двери: одну большую, другую меньшую; такое явленіе не единственное въ Помпеяхъ³⁾. Но до сихъ поръ

¹⁾ См. его статью Osservazioni sull'edificio di Eumachia in Pompei (Mitth. 1892 г. р. 113 sqq.).

²⁾ И гѣ, и другія колонны покрыты стукомъ.

³⁾ Ср. напр. Casa di Olconio Rufo (комната № 18 на планѣ у Ov. М. р. 290), di Epidio Rufo (№ 12 ibid. р. 299; комната, названная у Мау комнатой неизвѣстнаго назначенія, такимъ образомъ опредѣляется какъ кубикюль) и многія другія.

кубикулы бывали соединены съ другими комнатами, и цѣль двухъ дверей не была ясна; здѣсь же несомнѣнно меньшая дверь служила для того, чтобы ходить черезъ нее зимой, большая—чтобы прохладить комнату лѣтомъ ¹⁾. Большой триkliniй w имѣеть декорровку на черномъ фонѣ и мозаичный полъ; въ одномъ углу находится отверстіе для стока грязной воды при мытьѣ половъ. Двумя желтыми нарисованными пилястрами комната раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ внутренняя была назначена для трехъ ложъ и стола.

Остается сказать еще о коринескомъ oecus, находящемся на лѣвой сторонѣ перистилля и открывающемся въ него широкой дверью (кромѣ того онъ, кажется, соединенъ большимъ окномъ съ перистиллемъ сосѣдняго дома); комната эта была раскопана въ присутствіи Германскаго императора въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; впрочемъ раскопки еще не кончены: внутренняя часть ея, а также весь полъ на высоту постаментовъ колоннъ еще покрыты garilli. Комната эта, какъ мы уже сказали, коринескій oecus. Витрувій опредѣляетъ такого рода помѣщенія слѣдующимъ образомъ (VI, 5, 8—9): *oeci corinthii tetrastylisque.... latitudinis et longitudinis, uti supra tricliniorum symmetriae scriptae sunt (то-есть quanta latitudo, bis tanta longitudo), ita habeant rationem..... corinthii simplices habeant columnas aut in podio positas, aut in imo, supraque habeant epestyliam et coronas....., praeterea supra coronas curva lacunaria ad circum delumbata*. Исполнены ли здѣсь предписанія относительно отношенія длины къ ширинѣ ²⁾, сказать пока невозможно; устройство потолка за полнымъ разрушеніемъ верхней части комнаты также не можетъ быть опредѣлено; единственно, что соотвѣтствуетъ предписанію, это рядъ колоннъ, стоящихъ на подіяхъ, но и этого на нашъ взглядъ (кромѣ соединенія съ перистиллемъ) достаточно, чтобы опредѣлить эту комнату какъ oecus corinthius. Неполнота раскопокъ не позволяетъ судить, идутъ ли колонны и вдоль задней стѣны, что по сравненію съ другими такими помѣщеніями въ Помпеяхъ несомнѣнно, и начинаются ли колонны прямо отъ входа, что, судя по теперешнему состоянію раскопокъ, мало вѣроятно. Колонны здѣсь врядъ ли имѣли архитектурное значеніе,—значеніе ихъ повидимому чисто орнаментальное. За это

¹⁾ Ср. двойныя двери въ домѣ 32—35 (VIII reg.).

²⁾ Остальные oeci, которые мы знаемъ, почти квадратныe C. di Laber. 6,70×6,80, C. di M. приблизительно 6×6,50, что не противорѣчитъ Витрувію (VI, V, 8) *sin autem exedrae aut oeci quadrati fuerint...;* нашъ, кажется, ближе подходитъ къ прямо предписанной Витрувіемъ формѣ.

говорить и ихъ близкое разстояніе отъ стѣны (0,50 м.) и ихъ очевидная связь съ декоровкой стѣнъ. Именно декорровка (второго стиля) распадается на двѣ части: внѣшнюю и внутреннюю; раздѣляютъ обѣ части два пилястра, состоящіе изъ 4 желтыхъ и 4 раздѣланныхъ подъ мраморъ прямоугольниковъ; пилястры находятся на одной линіи съ первыми колоннами колоннады. Декорровка внутренней части комнаты представляетъ низкую стѣну изъ мраморныхъ плитъ, передъ которой повѣшены гирлянды изъ листьевъ и фруктовъ съ навѣшенными на нихъ лентами. Верхняя часть представляетъ уходящія въ глубь легкія архитектуры на фонѣ неба (колоннада съ вазами на антаблементѣ; передъ ней между двумя небольшими колоннадами, изъ двухъ колоннъ каждая, повѣшенъ запавѣсъ). Большія поля средней части декоровки были при раскопкахъ киноварно красными; черезъ нѣсколько времени этотъ прелестный цвѣтъ превратился въ грязно черный. Декорровка внѣшней части отличается цвѣтомъ большихъ полей (темно красный, переходящій въ фіолетовый). Цоколь всей декоровки выступаетъ впередъ, онъ раздѣленъ на двѣ части: верхнюю—черную и нижнюю—желтую. Вдоль цоколя развѣшены гирлянды изъ листьевъ. Въ углахъ комнаты пилястры, раздѣленные подъ мраморъ. Такое же орнаментальное значеніе колоннъ мы имѣемъ и въ двухъ другихъ коринскихъ залахъ Помпей (с. di Laberinto и с. di Meleagro ¹⁾); оculus въ первомъ изъ этихъ домовъ ближе подходитъ къ нашему: и тамъ, какъ и здѣсь, колонны не начинаются прямо отъ входа, и тамъ онѣ стоятъ въ тѣсной связи съ декоровкой стѣнъ (дѣлящіе члены декоровки соотвѣтствуютъ колоннамъ). Впрочемъ колонны тамъ стоятъ не на подіяхъ, какъ въ нашемъ домѣ, а прямо на землѣ (ср. Vitg. I. с.). Такіе же подіи, какъ въ нашемъ домѣ, имѣютъ колонны въ залѣ с. di Meleagro. Извѣстное соотвѣтствіе декоровкѣ наблюдается и въ этомъ домѣ: такъ на задней стѣнѣ средняя картина ограничена колоннами; полного соотвѣтствія однако нѣтъ. Въ обоихъ залахъ разстояніе колоннъ отъ стѣнъ слишкомъ невелико, чтобы онѣ могли играть роль портика (с. di Lab. — 0,67, с. di Mel. — 0,84) ²⁾.

¹⁾ Описаніе ихъ у Ов. М. р. 346 и р. 312.

²⁾ Существованіе галлерей, поддерживавшейся колоннами, въ с. di Mel., которое предполагаетъ Мау, сомнительно. Главное затрудненіе есть незначительное, не достигающее даже метра, разстояніе колоннъ отъ стѣны. О декоративномъ значеніи колоннъ ср. Seneca, Ep. 86, 7 quantum statuarum, quantum columnarum est nihil sustinentium, sed in ornamentum positarum impensae causa. Какъ и въ другихъ случаяхъ то, что въ Римѣ дѣлалось изъ драгоценныхъ мраморовъ, здѣсь

Говоря, что колонны имѣли декоративное значеніе, мы не хотимъ сказать, что онѣ совсѣмъ ничего не несли (это противорѣчило бы и Витрувію); мы хотимъ только указать, что архитектурной необходимости въ нихъ не было и что главное ихъ значеніе было декоративное. Кромѣ описанныхъ компанъ домъ нашъ содержитъ и небольшія бани, стоящія въ очень близкой связи съ кухней, гдѣ устроена топка (юго-восточный уголъ). Бани состоятъ изъ аподитерія *v*, выходящаго въ перистиль и въ большой дворъ или садъ, соединенный съ вышеописаннымъ коридоромъ *a*. Аподитерій двумя пилястрами раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ внутренняя и служила собственно аподитеріемъ, какъ то показываетъ рисунокъ мозаичнаго пола, указывающій мѣсто для ложа. Мозаика пола бѣлая съ чернымъ, отъ перистилия комната отдѣлена изображеніемъ въ мозаикѣ моста на 4 аркахъ съ парпетомъ. Изъ аподитерія можно было попасть и въ фригидарій (большой бассейнъ *sub divo*), и въ тепидарій. Бассейнъ, вѣроятно, какимъ либо образомъ былъ огражденъ отъ нескромныхъ взоровъ лицъ, гулявшихъ по двору; это могло быть дѣлаемо каждый разъ посредствомъ *vela*, или, какъ предполагаетъ Мау, разъ навсегда посредствомъ деревьевъ или кустарниковъ, насаженныхъ кругомъ. Тепидарій *u* и калъдарій *t* имѣли суспенсованные полы и тубулованная стѣны (въ тепидаріи только стѣна, граничащая съ калъдаріемъ). Врядъ ли суспенсовка и тубуловка изначальны въ баняхъ; новый видъ топки скорѣе указываетъ на позднее происхожденіе какъ ея, такъ и приспособленій для нагрѣванія. Горячій воздухъ изъ стѣнъ и пола уходилъ посредствомъ двухъ глиняныхъ трубокъ, соединявшихъ внутренность стѣнъ съ внѣшнимъ воздухомъ. Въ стѣнѣ тепидарія на 1,04 м. отъ пола находится оконечность трубы водопровода, аналогичная съ тѣми, которыя въ стабійскихъ и форумскихъ еермахъ служили для спуска излишней воды. Здѣсь эта труба служила очевидно для наполненія ванны, стоявшей у этой стѣны, что подтверждается аналогіей ея формы съ такой же оконечностью трубы въ импльвиі *casa del Diadument* (d. *Epidii Rufi*), гдѣ она служила фонтаномъ ¹⁾; крана не сохранилось ни здѣсь, ни тамъ. Калъдарій немногимъ больше тепидарія; нагрѣвался онъ, какъ сказано, топкой, находившейся въ кухнѣ. Ниша въ западной стѣнѣ очевидно *schola*

являлось въ видѣ подражанія въ стукѣ. Колонны и пьедесталы раздѣланы въ нашихъ залахъ подъ цвѣтъ иностранныхъ мраморовъ.

¹⁾ Ср. Ов. Мау Ромр. p. 298.

labri. Рядомъ съ банями, какъ мы уже сказали, находится кухня съ очагомъ и возвышеніемъ, гдѣ стоялъ котель съ горячей водой для бань (воду вѣроятно послали туда съ очага, топки подъ котломъ нѣтъ). Тутъ же чрезвычайно изящный cesso (s').

Изъ надписей, неизданныхъ у Мау, наиболѣе интересны graffiti на средней большой колоннѣ перистили: около № 5 Rustium (у Мау)

SPINDVSSA, тамъ же *DOMNA* (Domna) и *RVSI*

(м. б. Rusti ср. №№ 4 и 5 въ отчетъ Мау).

ГЛАВА III.

Раскопки внѣ города.

Внѣ города раскопки производились въ двухъ мѣстахъ: за Стабийскими воротами и по Нуцеринской дорогѣ; кромѣ того случайно открыта была одна гробница въ полѣ на югъ отъ Помпей. Разрытые памятники суть исключительно гробницы, причемъ наиболѣе интересны найденныя вдоль Нуцеринской дороги. Результаты раскопокъ въ этомъ мѣстѣ показываютъ, что при продолженіи ихъ мы будемъ имѣть еще одну *via dei seroleri*, подобную давно уже извѣстной за Грекуланскими воротами ¹⁾. Дорога, вдоль которой находятся вновь открытыя гробницы, идетъ съ запада на востокъ; ея отрытая часть находится на востокъ отъ амфитеатра. Очевидно мы имѣемъ дѣло съ дорогой, выходившей изъ Нуцеринскихъ воротъ и шедшей нѣкоторое время прямо на востокъ, затѣмъ круто поворачивавшей налѣво и переходившей Сарно нѣсколько восточнѣе, чѣмъ дорога, ведшая въ Стабин ²⁾. Врядъ ли обѣ дороги имѣли одинъ общій мостъ; это не соотвѣтствуетъ ни ходу дорогъ, ни разнымъ названіямъ, даннымъ мостамъ въ извѣстной осской надписи о терминаціи дорогъ (*pons stabianus*) и въ новой (см. ниже) (*pons Sarni*). Дорога въ эпоху катастрофы не была мощеной, что врядъ ли могло быть возможнымъ, если бы она сохраняла свое значеніе дороги, соединявшей Неаполь съ Нуцеріей. Вѣроятнымъ поэтому становится предположеніе Мау, что дорога благодаря какому нибудь намъ неизвѣстному причинамъ (мо-

¹⁾ Отчеты о раскопкахъ Нуцеринскихъ гробницъ см. въ *Mith.* за 1887 г. pp. 121 sqq. и въ *Not. d. Scavi.* 1886 г. pp. 334 sqq. и 1887 г. pp. 452 sqq; тамъ же *passim* отчеты dei soprastanti.

²⁾ На планѣ у Оу. Мау (*Pomp.* p. 5), ходъ дороги долженъ быть исправленъ и мостъ перенесенъ нѣсколько восточнѣе.

жеть быть вслѣдствіе землетрясенія 63 г. мостъ на Сарно былъ разрушенъ) была заброшена, и ѣхавшіе въ Нуцерію переѣзжали Сарно черезъ Стабійскій мостъ; далѣе дороги раздѣлялись и Нуцеринская шла налѣво вдоль берега Сарно ¹⁾. Впрочемъ мѣстное значеніе дорога вѣроятно сохранила, какъ это видно было изъ слѣдовъ колесъ на ея грунтѣ. Вдоль этой дороги открыто до сихъ поръ 6 гробницъ ²⁾: двѣ на правой сторонѣ дороги (считая отъ Помпей) и 4 на лѣвой; кромѣ того на правой сторонѣ (на востокъ отъ открытыхъ) видны слѣды еще одной сильно разрушенной гробницы. Относительно времени возникновенія гробницъ нѣкоторое указаніе даютъ найденныя въ нихъ монеты: ни одна изъ нихъ не младше Тиберія. Кромѣ того сравнительная простота гробницъ, отсутствіе въ нихъ мрамора и ихъ сродство съ нѣкоторыми гробницами по Геркуланской дорогѣ, относящимися повидимому ко временамъ первыхъ императоровъ ³⁾, не позволяетъ думать о послѣднихъ временахъ существованія Помпей. Первая изъ гробницъ на правой сторонѣ дороги (№ 1 на планѣ) представляетъ изъ себя арку, возвышающуюся на подіи; гробница почти квадратна (3,10×3,05) и увѣнчана обломаннымъ цилиндромъ почти одного діаметра съ шириной гробницы. Эти остатки цилиндра заставляютъ думать, что верхняя ея часть была устроена приблизительно такъ же, какъ въ извѣстной гробницѣ на Геркуланской дорогѣ (см. Оч. М. Р. р. 418). Разница между ними была вѣроятно та, что цилиндръ нашей гробницы былъ ниже и можетъ быть кончался конусомъ, на верху котораго могла быть прикрѣплена найденная въ этихъ мѣстахъ шишка пинніи. Декорованъ былъ этотъ цилиндръ орнаментами, выдѣланными рельефомъ въ стукѣ. Стукомъ же была покрыта и вся гробница, причемъ углы ея были украшены выдѣланными въ стукѣ пиластрами, канелованными на углахъ фасада, гладкими сзади. По обѣ стороны входа изображены рельефомъ два горящіе факела, украшенные гирляндами. Главная надпись этой гробницы не сохранилась. Вымощена ниша *opus signinum*; посрединѣ полъ былъ проломанъ какъ разъ въ

¹⁾ Впрочемъ весьма многія римскія дороги не были вымощены какъ та, а только убиты гравіемъ; и здѣсь мы можетъ быть имѣемъ дѣло съ такою рода дорогой ср. Friedländer Sitteng. II р. 8 (съ примѣчаніемъ 4). Теперь грунтъ дороги вновь засыпанъ, такъ что провѣрить показанія Mau и Sogliano относительно отсутствія мостовой невозможно.

²⁾ См. планъ на табл. V.

³⁾ Гробница Маміи, гробницы, находящіяся на перекресткѣ, гробница съ цилиндромъ. О времени ихъ см. Оч. Mau Romp. р. 400.

томъ мѣстѣ, гдѣ была найдена погребальная урна. Сзади этой и соседней гробницы идетъ стѣна (2,70 м. вып.), отдѣляющая ихъ отъ того, что находилось за ними. Гробница наша имѣетъ свою агеа *ша-segia cincta* ¹⁾ (3,60×4,60), ограниченную невысокими стѣнками отъ участковъ соседнихъ гробницъ

Вторая гробница (№ 2) также имѣетъ свой участокъ, большій чѣмъ первая (4,60×6). Стѣна, отдѣляющая участокъ съ фронта, сдѣлана въ видѣ небольшихъ арокъ; такой барьеръ, какъ мы указывали выше, имѣютъ и гробницы Маміи, и гробница на перекресткѣ, и балконы домовъ №№ 32—35 и 36—38 второй инсулы 8-ой *reg.* Гробница стоитъ не посрединѣ своей агеа, а рядомъ съ первой, благодаря чему около гробницы получалось большее свободное пространство. Единственнымъ входомъ въ участокъ служитъ узкое (0,19) отверстіе между парапетомъ и гробницей № 1 ²⁾.

Вдоль восточной и части южной стѣны гробницы находится выступъ, игравшій вѣроятно роль скамейки, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ сама гробница.

Форма гробницы большая четырехугольная ниша; потолокъ ея провалился. По угламъ находятся спереди $\frac{3}{4}$ колонны съ туфовыми капителями, сзади полуколонны. Вся гробница оштукатурена, причѣмъ на ея внутреннихъ стѣнахъ у входа изображены половинки открытой двери съ ея *antepagmenta*. Въ кишѣ найдены были два надгробныхъ *сирр'а* безъ надписей: подъ каждымъ изъ нихъ была зарыта урна, одну изъ которыхъ соединяла съ внѣшнимъ воздухомъ оловянная трубка. Внѣ цѣллы найдено было еще два циппа уже съ надписями ³⁾. Около одного изъ нихъ найдена была мраморная доска, прикрывавшая отверстіе terra-cotta трубки. Такія приспособленія повидимому имѣли цѣлью дать возможность возліаніямъ проникнуть къ самымъ останкамъ умершаго. Подобное же устройство наблюдается и въ гробницахъ на перекресткѣ Геркуланской дороги: Нигидія Веласія Грата и соседней анонимной ⁴⁾. На другой сторонѣ дороги первая гробница,

¹⁾ CIL. VI 14823.

²⁾ Такой же узкій входъ имѣетъ гробница на правой сторонѣ Геркуланской дороги № 25 на планѣ у *Оv. Mau P. p. 399; ср. Masois t. I pl. V.*

³⁾ FESTAЕ. APVLEI. F
VIX. ANN. XVII
и (C)ONVIVA
VEIAES
VIX. ANN. XX.

⁴⁾ См. *Mau Mitth. I. c. p. 126.*

считая отъ Помпей, (№ 3) есть массивное четырехугольное зданіе съ пилястрами на углахъ, возвышающееся надъ лавовымъ и туфовымъ фундаментомъ. Верхняя часть памятника разрушена. Декоративная стѣна сдѣлана въ формахъ перваго стила: надъ цоколемъ рядъ большихъ стоячихъ прямоугольниковъ, а надъ ними нѣсколько рядовъ маленькихъ лежащихъ. Внутри памятника находятся двѣ целлы: наверху недоступная и внизу, въ фундаментѣ доступная посредствомъ отверстія, сдѣланнаго въ стѣнѣ и закрытаго лавовой плитой. И та, и другая целла сводчаты. Погребальной целлой несомнѣнно служила нижняя. Надгробныя циппы находились въ трехъ нишахъ, сдѣланныхъ снаружи въ фронтальной стѣнѣ памятника; въ двухъ крайнихъ передъ циппами можно констатировать существованіе трубокъ, ведущихъ вертикально внизъ въ ниши, находящіяся въ стѣнахъ нижней целлы ¹⁾. Подобныя приспособленія для проведенія возлѣнія въ урны или на ихъ поверхность констатированы пр. Мау еще въ гробницахъ Цеза, Лабеоны, Аррин и третьей, находящейся съ ней рядомъ (Ov. M. P. p. 408—9).

Слѣдующій памятникъ (№ 4) и по способу стройки, и по формѣ ближе всего подходитъ ко второму изъ описанныхъ. Это тоже же четырехугольное зданіе, ограниченное тремя четвертями и полуколоннами, только ниша, доходящая въ № 2 только до середины памятника, здѣсь проходитъ его насквозь. Кромѣ того нашъ памятникъ несомнѣнно имѣлъ верхній этажъ ²⁾. Этому послѣднему принадлежатъ куски стѣнъ, колоннъ и архитрава, найденные на юго-востокъ отъ гробницы. Сопоставляя ихъ между собою, приходишь къ заключенію, что надъ памятникомъ находилась полукруглая ниша (остатки стѣнъ) съ портикомъ изъ четырехъ колоннъ передъ нею

¹⁾ Относительно числа нишъ нижней целлы утвержденія пр. Мау и пр. Sogliano расходятся. Первый говоритъ о трехъ, второй только о двухъ. Это интересно было бы проверить для опредѣленія того, была ли и средняя верхняя ниша соединена трубкой съ урной. Sogliano выражается очень неясно, что въ третьей нишѣ урна найдена была подъ циппомъ; къ сожалѣнію намъ (какъ впрочемъ и самому Мау) внутри гробницы понасть не удалось.

²⁾ Впрочемъ состояніе 2-го памятника не исключаетъ возможности существованія и тамъ верхняго этажа. Отсутствие остатковъ его не говоритъ противъ этого предположенія, такъ какъ памятники (какъ то доказываетъ мѣстопахожденіе остатковъ верхнихъ этажей 4-го и 6-го памятниковъ) обрушились на юго-востокъ, то-есть остатки верхняго этажа второй гробницы должны находиться за памятникомъ. Можетъ быть къ этому верхнему этажу относится кусокъ туфоваго архитрава, лежащій на поверхности земли за памятникомъ.

(остатки колоннъ и архитрава) ¹⁾. Найденныя вмѣстѣ съ остатками верхняго этажа четыре статуи стояли вѣроятно въ портикѣ передъ нишей. Надгробные ципсы находились (два еще и теперь на мѣстѣ) внутри ниши. Три изъ нихъ имѣютъ надписи и принадлежатъ вольноотпущенникамъ, два надписей не имѣютъ; имена лицъ, похороненныхъ подъ ними, вѣроятно были упомянуты въ несохранившейся главной надписи памятника. Около послѣднихъ ципсовъ находится лавовый камень съ отверстіями въ немъ. Къ сожалѣнію раскопки подъ нимъ, какъ кажется, сдѣланы не были и поэтому о назначеніи отверстій судить трудно.

Единственный памятникъ, надпись котораго сохранилась, есть сохранный только что описанному (№ 5); форма его низкая арка, покрытая бѣлымъ стукомъ, съ надписью надъ низкими (1.65 м.) сводчатымъ проходомъ. Памятникъ принадлежалъ Манцію Діогену, вольноотпущеннику Публія и былъ поставленъ ему по его завѣщанію Манціей Доринной, вольноотпущенницей того же Публія Манція ²⁾. Надъ памятникомъ находятся три продолговатныя четырехугольныя ниши, гдѣ вѣроятно стояли статуи. Изъ найденныхъ по величинѣ подходятъ двѣ травертиновыя женскія ³⁾. Въ средней нишѣ, выдѣленной и шириной, и росписью, стояла вѣроятно не найденная главная статуя Манція Діогена, боковыя ниши содержали упомянутыя женскія. Внутри памятника стоятъ 2, передъ нимъ 4 безформенныхъ лавовыхъ циппа. Покойникъ (или его пепель) вѣроятно былъ похороненъ подъ памятникомъ, какъ, напримѣръ, въ гробницѣ Либеллы и первой направо отъ Геркуланскихъ воротъ (Ov. M. P. p. 404 и 410); прахъ покойнаго здѣсь не былъ доступенъ и, какъ кажется, не было никакихъ приспособленій для его соединенія съ высшимъ миромъ.

Послѣдняя изъ описываемыхъ гробницъ (№ 6) есть и наиболѣе роскошная, и наибольшая изъ нихъ. По формѣ ближе всего стоитъ она къ № 4, хотя и не имѣетъ сквозной ниши, какъ эта послѣдняя. Это большой четырехугольный памятникъ съ тремя четвертями колоннъ на каждомъ углу и съ дверью на фронтальной сторонѣ. Дверь (изъ т. наз. травертина) одностворчатая, но на ней имитована рельефомъ дверь съ двумя половинками. Ведетъ она въ целлу, занятую лѣстницей, соединяющей

¹⁾ Такую реконструкцію сдѣлалъ пр. May l. c. p. 130.

²⁾ P. MANCIO P. L. DIOGENI
EX TESTAMENTO ARBITRATV
MANCIAE P. L. DORINIS.

³⁾ Одна, найденная до раскопокъ, украшаетъ садъ Albergo del Sole.

нижній этажъ съ верхнимъ, существованіе котораго здѣсь такимъ образомъ несомнѣнно. Трудно опредѣлить форму этого этажа; если отнести къ нему часть архитрава, принадлежавшую, судя по формѣ, круглому зданію, то видъ этажа опредѣлится какъ круглый храмикъ, состоявшій изъ колоннъ, въ которомъ и стояли, вѣроятно, относящіяся по мѣсту находенія къ нашей гробницѣ, три травертиновыя статуи ¹⁾ Памятникъ весь оштукатуренъ и декорованъ въ формахъ перваго стила: надъ цоколемъ рядъ большихъ, далѣе ряды малыхъ прямоугольниковъ. Если реконструкція памятника, принадлежащая тому же Мау, вѣрна, то аналогію себѣ гробница наша находитъ въ памятникѣ Юліевъ, открытомъ въ С. Реми ²⁾; изъ помпеянскихъ гробницъ по формѣ наиболѣе близко подходитъ къ нему такъ называемый памятникъ Маміи ³⁾: разница только та, что въ нашемъ памятникѣ прахъ умершаго находился вѣроятно въ субструкціяхъ, такъ какъ ни въ помѣщеніи для глѣстницы, ни въ верхнемъ этажѣ оныя не находятся. Подобное же явленіе (прахъ въ субструкціяхъ), наблюдается въ цѣломъ рядѣ памятниковъ Геркуланской дороги: М. Аррія Діомеда, Кальвенція Квіета ⁴⁾. Передъ памятникомъ стоитъ три (дальше въ гарнн находятъ вѣроятно и четвертый) лавовыхъ безформенныхъ циппа, одинаковыхъ по формѣ съ циппами предыдущей гробницы.

Мы уже сказали, что всѣ описанныя гробницы принадлежатъ времени первыхъ императоровъ. Постараемся опредѣлить наиболѣе древнія среди нихъ самихъ.

Наиболѣе древними кажутся намъ памятники № 3 и № 5. Прежде всего они несомнѣнно древнѣе сосѣдняго № 4. Это видно изъ того

¹⁾ Противъ такой реконструкціи можно возразить, что мѣсто находенія упомянутого куска архитрава находится слишкомъ далеко отъ памятника и не на юго-востокъ, а на юго-западъ отъ него.

Всѣ статуи находятся теперь въ домѣ собственности гробницъ.

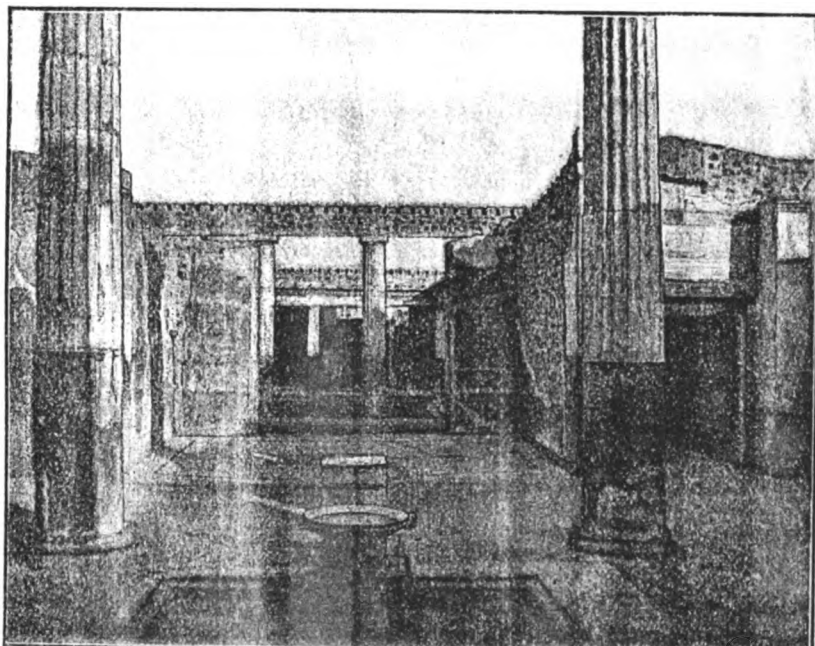
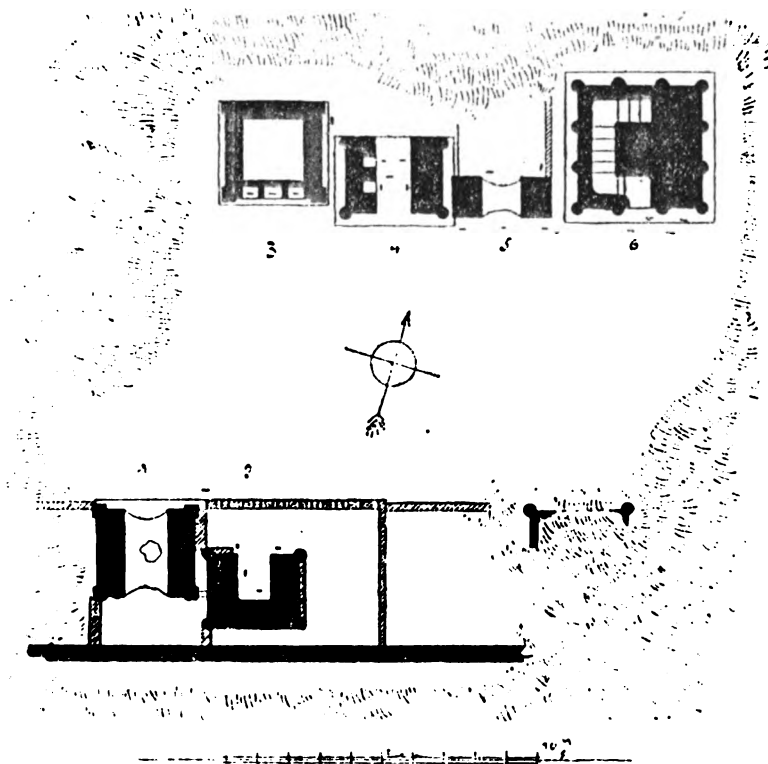
²⁾ Аналогія получается только въ верхнихъ частяхъ памятника, низъ нашего памятника совершенно иной. Такимъ образомъ реконструкція Мау, основанная именно на аналогіи памятниковъ вообще, оказывается мало вѣроятной см. предид. пр. Изображеніе гробницы Юліевъ можно найти хотя бы у Camille Julian Gallia p. 149.

³⁾ Собственно памятникъ принадлежитъ фамиліи Истацциевъ; Маміа, какъ доказываетъ аналогія памятниковъ по Стабійской дорогѣ, была погребена или подъ или за полукруглымъ сидѣньемъ съ ея надписью. Удерживаемъ названіе въ виду его общезвѣстности. См. ниже о Стабійскихъ гробницахъ. Ср. Ov. Mau P. p. 402.

⁴⁾ Ov. Mau Romp. p. 400, 416.

Къ статъѣ: „О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ“.

Таблица V.

вопервыхъ, что одна изъ программъ, написанныхъ на гробницѣ № 3, послѣ постройки четвертой сдѣлалась неудобочитаемой, воторыхъ изъ того, что стѣна № 4, обращенная къ № 5, оставлена нештукатуренной и кромѣ того угловая колонна перваго имѣетъ углубленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчается съ карнизомъ втораго. Далѣе способъ стройки 5-ой гробницы (чистый лавовый *incertum*), отсутствіе всякой декоровки, грубый, почти не профилированный карнизъ заставляютъ считать этотъ памятникъ даже болѣе древнимъ, чѣмъ № 3. Отнести его ко времени республики препятствуетъ палеографія надписи ¹⁾. Одновременепъ № 3 вѣроятно № 1; на это указываетъ одинаковость декоровки (тѣ же пиллястры по угламъ) и простота архитектуры. Болѣе позднему времени принадлежать болѣе затѣливые и роскошные памятники 2, 4 и 6. Способъ ихъ стройки одинаковъ (углы изъ кирпичей, чередующихся съ туфовыми кирпичами) ²⁾; въ двухъ изъ нихъ навѣрное, а въ третьемъ предположительно можно указать верхній этажъ. Среди нихъ послѣднее мѣсто занимаетъ № 6, стоящій по величинѣ и по роскоши выше № 2 и 4, послѣдніе же настолько одинаковы по формѣ, что безъ труда могутъ считаться или одновременными, или отдѣленными другъ отъ друга незначительнымъ промежуткомъ времени. Способъ погребенія не во всѣхъ гробницахъ одинаковъ. Господствующій способъ очевидно сожженіе, но въ части памятниковъ (1, 2, и 5) урны прямо зарыты въ землю, въ № 3 для нихъ устроена доступная, въ № 6 недоступная цѣлы. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ стараются дать доступъ возліаніямъ прямо въ урны (2 и 3), въ другихъ оставляютъ землю непокрытой надъ урной (№ 1 и м. б. № 4), въ третьихъ не дѣлаютъ, какъ кажется, и этого.

Въ епиграфическомъ отношеніи памятники нуцерипской дороги даютъ довольно богатый матеріалъ; особенно много *diplinti*. Кромѣ двухъ объявленій о гладиаторскихъ играхъ, изъ которыхъ однѣ можетъ быть должны были происходить въ Нолѣ (*NOIA* стоитъ въ надписи) ³⁾, другія въ Нуцеріи и нѣсколькихъ программъ (1—6 у *Mau*), относящихся къ выборамъ въ Нуцеріи же ⁴⁾, найденъ цѣлый рядъ *grafitti*—преимущественно воззванія къ знаменитымъ актерамъ (*Paris unio*

¹⁾ *Mau* I. с. р. 136.

²⁾ Только въ № 2, вѣроятно наиболѣе древнемъ изъ нихъ, углы состоятъ изъ однихъ кирпичей.

³⁾ См. отчетъ *Mau* р. 144 № 7.

⁴⁾ Это особенно важно въ виду весьма незначительнаго количества надписей, относящихся къ Нуцеріи. См. X т. *CIL*.

scaenae, Acti dominus scaenicorum и т. под.). Въ одной программѣ (№ 4 у Mau) и въ объявленіи о Ноланскихъ гладиаторскихъ играхъ Нуцерія названа Constantia—название, встрѣчавшееся до сихъ поръ только въ болѣе позднихъ свидѣтельствахъ ¹⁾. Наконецъ, въ топографическомъ отношеніи интересно слѣдующее объявление (№ 9 у Mau).

Equa si quei aberravit cum semuncis honerata
decembres
a. d. VII k(a)l..S.....embres
 Convenito Q. Deciu(m) Q. L. Hilarum..... um
 li.... hionem citra pontem
 Sarni
 fundo
 Mamiano

Мы уже раньше говорили, что едва ли возможно упомянутый здѣсь *pons Sarni* идентифицировать съ *pons stabianus* осской надписи (Fabretti 2785). Возможно конечно было бы предположить, что мостъ въ разные времена имѣлъ разные названія, что одно имя официальное, другое народное, но мѣстонахождение надписи прямо указываетъ, что *pons Sarni* надо искать на протяженіи Нуцеринской дороги; направление же ея препятствуетъ предположить, что она переходила Сарно въ томъ же мѣстѣ, что и Стабійская. Вообще вопросъ о направленіи дорогъ, выходившихъ изъ Помпей,—вопросъ еще мало изслѣдованный.

Изъ всего сказаннаго о Нуцеринскихъ гробницахъ видно, насколько было бы интересно продолженіе раскопокъ вдоль дороги. Къ сожалѣнію, этого, кажется, дѣлать не предполагается, а гробницы, находящіяся въ частномъ владѣніи, все болѣе и болѣе разрушаются и засыпаются обваливающейся съ боковъ землей и гариіи. Такъ теперь уже не видно многихъ изъ остатковъ верхнихъ этажей, которые видѣлъ Mau, не удалось намъ добраться и до грунта дороги.

Менѣе важны раскопки за Стабійскими воротами ²⁾. Гробницы, найденныя тамъ, имѣютъ давно извѣстную форму полукруглыхъ сидѣній, подобныхъ гробницамъ Маміи и Веи на Геркуланской дорогѣ.

¹⁾ Именно въ двухъ надписяхъ VI, 2379^b и 3884 (гдѣ сохранились только начальныя буквы *Cons.*), относящихся одна къ 143—4 г.; другая къ 197—8 гг. Упоминается Nuceria Constantia кромѣ того въ *Lib. Colon.* p. 235 и въ *Itinera-gia* p. 88.

²⁾ Описаны въ *Mitth.* p. 278 sqq. (Mau) и *Not. d. Sc.* 91 г. p. 273 (топографическое описаніе) и 90 г. p. 329 (эпиграфическія находки).

Благодаря новымъ раскопкамъ впрочемъ вполне выяснилось, что сидѣнья не суть добавленія къ гробницамъ, какъ это предполагалось раньше (Ov. M. P. p. 402), или почетный памятникъ, а что они то и есть самый надгробный памятникъ. Это доказывается надписями на второмъ сидѣньи и на циппахъ, находившихся передъ первымъ, имѣющими вполне надгробный характеръ¹⁾. И за второй гробницей въ ея агеа, окруженной стѣной (таковую же имѣла и первая), найдены надгробные циппы съ надписями Saturnina v. a. XX и Januaria v. a. II. Трудно однако опредѣлить, гдѣ именно были похоронены М. Туллій и М. Аллей. Мѣсто, гдѣ находятся циппы первого, незначительность площади за его гробницей и лишенная всякой декорации стѣны этой площади говорятъ за то, что покойникъ лежалъ подъ самыми сидѣньями, но раскопки, сдѣланныя тамъ, удовлетворительныхъ результатовъ не дали, что можетъ быть объясняется тѣмъ, что сдѣланы онѣ были недостаточно глубоко. Никакихъ результатовъ не дали и раскопки за гробницами.

Кромѣ описанныхъ надгробныхъ памятниковъ раскопки въ этомъ мѣстѣ дали еще нѣсколько интересныхъ предметовъ. Оказалась возможнымъ сдѣлать гипсовые слѣпки съ четырехъ человѣческихъ фигуръ и со ствола дерева, опредѣленнаго проф. Pasquale какъ стволъ *laurus nobilis*. Тутъ же найдено было множество плодовъ этого дерева въ состояннн полной зрѣлости по мнѣнiю г. Pasquale. Между тѣмъ плоды данной разновидности лавра посигвваютъ только глубокой осенью (октябрь—ноябрь) и такимъ образомъ время гибели Помпей приходится, какъ будто, отнести не къ августу, какъ сообщаетъ Плиній, а къ октябрю или ноябрю²⁾. Раскопки въ этой мѣстности не могли быть продолжены по направленiю къ югу, такъ какъ грозила опасность стоящему въ этой мѣстности частному дому; констатировано было третье такое же сидѣнье. Къ западу же и востоку раскопки были произведены на довольно значительномъ протяженiи. Отрыта городская стѣна и констатировано существованiе за нею рва.

¹⁾ Q. Alleio Q. f. Men. Minio II v. i. d. locus sepulturae publice datus ex d. d. и на циппахъ M. Tullio M. f. ex d. d.

²⁾ Вопросъ о времени изверженiя Везувiя спорный. Въ худшихъ рукописяхъ Плиния (r, s) вмѣсто поп. Kal. Sept. стоитъ november kal, kl'novembris и т. п.—очевидная интерполяция. Жаль, что выводы пр. Pasquale не были провѣрены какимъ нибудь другимъ ботаникомъ; самъ Pasquale признаетъ данный лавръ новой разновидностью и все-таки съ увѣренностью говоритъ о времени посигвванiя плодовъ. См. объ этихъ открытiяхъ Ruggiero въ Not. d. sc. 89 г. p. 407, тамъ же и статья Pasquale; о семъ вопросѣ Mau Bull. arch. 80 г. p. 92.

Въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Помпеяхъ къ югу отъ города въ частномъ владѣніи одного мелкаго помѣщика рабочіе, копавшіе *garilli*, случайно попали на гробницу. Подозрѣвая въ ней владѣль и желая пробраться внутрь, они проломили крышу и такимъ образомъ обезобразили все зданіе. Благодаря этому, а также небрежности, съ которою были ведены дальнѣйшія раскопки (производилъ ихъ владѣлецъ земли), а также отсутствію всякой охраны разрытаго, гробница уже теперь находится въ очень жалкомъ состояніи.

Стоитъ эта гробница, какъ и другія въ Помпеяхъ, вдоль дороги; дорогу однако нельзя считать одной изъ главныхъ, соединявшихъ Помпеи съ окрестными городами; положеніе гробницы (ея входъ обращенъ къ югу, то-есть параллельнъ стѣнѣ города) заставляетъ предположить, что дорога шла параллельно городу съ востока на западъ и была вѣроятно проселочной: можетъ быть соединяла Нуцеринскую дорогу съ Стабійской. Гробница представляетъ изъ себя низкую четырехугольную крытую полукуполомъ нишу. Глубина ея со стѣнами 3,15 м., ширина 1,95 (внутр. 1,79). Своей задней стѣной она прислонена къ стѣнѣ, отдѣляющей ея участокъ отъ сосѣднихъ; величину агеа опредѣлять пока невозможно. Открыта гробница не во всю ширину, но дверей, какъ кажется, не имѣла; надъ входомъ фронтонъ, а подъ нимъ надпись на мраморной доскѣ. Стѣны фасада голубыя съ изображеніями растеній, фризонтъ бѣлый, ограниченный красной полосой. Внутри гробница богато расписана. Внутреннія стѣны вверху немного выступаютъ впередъ; на ихъ верхнихъ частяхъ (нижнія еще засыпаны) изображена желтая, окаймленная пурпуровой и зеленой полосой завѣса, представленная висящей передъ бѣлой стѣной. На задней стѣнѣ изъ-за завѣсы выглядываетъ головка (съ частью бюста). Сводъ голубой и устѣянъ звѣздами ¹⁾. По формѣ гробница ближе всего подходитъ къ памятнику Нигидія Веласія Грата ²⁾ на перекресткѣ геркуланской дороги и къ сосѣдней маленькой гробницѣ. Въ гробницѣ и около нея найдено очень много мраморныхъ надгробныхъ ципповъ по большей части съ надписями. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ ³⁾ найдены были мраморныя плиты съ круглыми отверстіями посрединѣ (ср. трубки въ 2-й нуцеринской гробницѣ и отверстіе въ полу 1-ой). Главная надпись гласила:

¹⁾ Ср. куполь фригидарія стабійскихъ бань *Ov. Mau P. p. 225.*

²⁾ См. *Ov. M. Romp. p. 408*; изображеніе черной у *Maisis t. I pl. IV* и второй *ibid. pl. XVI.*

³⁾ По увѣренію владѣльца ихъ.

M. PETACIVS· M· L· DASIVS ¹⁾
 M. PETACIO· M· F· SEVERO· FIL·
 M. PETACIAE· M· L· VITALI· L.

На оборотной сторонѣ стоятъ только два изъ этихъ именъ: очевидно, когда прибавился новый покойникъ—Петация, на таблицѣ не хватило мѣста для ея имени и поэтому всѣ три имени написали на оборотной сторонѣ, попытавшись раньше стесать ее.

Оборотная сторона:

M. ≡ ELACIVS· M· L· DASIVS
 M P I E T ≡ CIO M· F· MEN· SEVERO· FIL.

Надписи на циппахъ ²⁾ по большей части принадлежать Петациямъ же. Нѣкоторыя впрочемъ содержатъ другія имена, какъ

- 1) L. GAVIVS· IVCVNDVS
- 2) CLAVDIAE· LAVDICAE AVG· L.
 VIX. ANN. LV
- 3) Q. CAECILIVS· CAPITOLINI· L· (циппъ изъ ravonazetto)
 EROS
- 4) FELICIO
- 5) FELICVLA· ³⁾ VIX· ANN· VIII
- 6) L. SPVRIVS· PILARGYRVS (красныя буквы).

Изъ надписей Петациевъ любопытна:

- 7) PETACIA· MONIAI ⁴⁾
 VIX. ANN. XIII ⁵⁾.

По надписи № 2 можно приблизительно опредѣлить и время нашей гробницы; въ надписи Клавдія Лавдика названа вольноотпущенницей Августа; такимъ образомъ гробница можетъ относиться ко временамъ Клавдія или послѣ него.

М. Ростовцевъ.

¹⁾ Имя Петациевъ, насколько намъ извѣстно, имя новое въ помпейской эпиграфикѣ.

²⁾ Надписи эти еще не изданы; мы издаемъ только наиболѣе любопытныя изъ нихъ. Всѣ надписи въ недалекомъ будущемъ будутъ изданы въ Not. d. Sc.

³⁾ Имена, частыя въ Помпеяхъ, напримѣръ: Felicio CIL IV 3163—3164, Felicula (въ формѣ Felicla). Ib. 2199, 2200.

⁴⁾ Чтеніе послѣдней буквы несомнѣнно.

⁵⁾ Можетъ быть, ошибочно написанное 93? (или 94?).

„РИТОРИКА“ АРИСТОТЕЛЯ¹⁾.

ГЛАВА XII.

Каждому роду рѣчи соотвѣтствуетъ особый стиль.—Стиль рѣчи письменной и рѣчи полемической.—Разница между стилемъ рѣчи письменной и рѣчи при устныхъ состязаніяхъ.—Для какой рѣчи пригодны сценическіе приемы?—Заключеніе разсужденія о стилѣ.

Не должно ускользать отъ [нашего] вниманія, что для cadaго рода рѣчи пригоденъ особый стиль, ибо не одинъ и тотъ же [стиль] въ рѣчи письменной и въ рѣчи полемической, въ рѣчи произносимой передъ народнымъ собраніемъ и въ рѣчи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается въ умѣнны говорить по-гречески, а, зная второй, не бываешь принужденъ молчать, если хочешь передать что-нибудь другимъ, какъ это бываетъ съ тѣми, кто не умѣетъ писать. Стиль рѣчи письменной—самый точный, а рѣчи полемической—самый актерскій. Есть два вида послѣдняго [стиля]: одинъ этический [затрогивающій нравы], другой патетическій [возбуждающій страсти]. Поэтому-то актеры гонятся за такого рода драматическими произведеніями, а поэты—за такого рода [актерами]. Поэты, пригодные для чтенія, представляются тяжело-вѣсными; таковъ, наприимѣръ, Херимонъ²⁾, потому что онъ точенъ, какъ логографъ, а изъ дионрамбическихъ поэтовъ—Ликимній³⁾.

¹⁾ *Окончаніе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Херимонъ—трагическій аеинскій поэтъ первой половины IV вѣка до Р. Хр. О немъ Аристотель говоритъ еще въ 23-й гл. II кн. Стиль его отличался продуманностью и живописностью и потому его пьесы были болѣе пригодны для чтенія, чѣмъ для сцены.

³⁾ Ликимній съ Хіоса, дионрамбическій поэтъ, неизвѣстно когда жившій.

Если сравнивать рѣчи между собой, то рѣчи написанныя при устныхъ состязаніяхъ кажутся сухими, а рѣчи ораторовъ, даже если онѣ имѣли успѣхъ, кажутся неискусными, [разъ онѣ у насъ] въ рукахъ, [то-есть, разъ мы ихъ читаемъ]; причина этого та, что онѣ пригодны [только] для устнаго состязанія; по той же причинѣ и сценическіе приемы въ сценѣ не производятъ свойственнаго имъ впечатлѣнія и кажутся неслѣпными: напримѣръ, фразы, не соединенныя союзами, и частое повтореніе одного и того же въ рѣчи письменной по справедливости отвергается, а въ устныхъ состязаніяхъ нѣтъ, и ораторы употребляютъ [эти обороты], потому что они свойственны актерамъ. При повтореніи одного и того же необходимо говорить иначе, что какъ бы даетъ мѣсто декламации, [напримѣръ]: вотъ тотъ, кто обокралъ васъ, вотъ тотъ, кто обманулъ васъ, вотъ тотъ, кто, наконецъ, рѣшилъ предать васъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ актеръ Филимонъ ¹⁾ въ „Безуміи стариковъ“ Анаксандрида ²⁾ всякій разъ, произнося „Радаманецъ и Паламидъ“, а въ прологѣ къ „Благочестивымъ“, [произнося слово] „Я“. А если кто произнеситъ такія фразы, не какъ актеръ, то онъ уподобляется человѣку, несущему бревно. Точно то же [можно сказать] о фразахъ, не соединенныхъ союзами, напримѣръ: я пришелъ, я встрѣтилъ, я попросилъ. Эти предложенія нужно произнести съ декламацией, а не говорить ихъ одинаково, одинаковымъ голосомъ, какъ бы говоря одну фразу. Рѣчь, не соединенная союзами, имѣетъ нѣкоторую особенность: въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени сказано, повидимому, многое, потому что соединеніе посредствомъ союзовъ дѣлаетъ многое чѣмъ-то единымъ, а съ уничтоженіемъ союзовъ, очевидно, единое, напротивъ, дѣлается многимъ. Слѣдовательно, [такая рѣчь] заключаетъ въ себѣ амплификацію: „я пришелъ, заговорилъ, попросилъ“ (это кажется многимъ) „онъ съ презрѣніемъ отнесся ко всему, что я сказалъ“. Того же хочетъ достигнуть и Гомеръ, говоря:

Нирей изъ Силы,
Нирей отъ Аглая рожденный,
Нирей прекраснѣйшій изъ всѣхъ ³⁾.

О комъ говорится многое, о томъ, конечно, говорится часто если [о комъ-нибудь говорится] часто, кажется, [что о немъ скажутъ] многое; такимъ образомъ [и поэтъ], разъ упомянувъ [о Нирей]

¹⁾ Филимонъ— знаменитый актеръ, современникъ Платона.

²⁾ См. выше.

³⁾ Писиды, II, 671 и сл.

помощью паралогизма увеличилъ число разъ и увѣковѣчилъ такимъ образомъ его имя, хотя нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не сказалъ о немъ ни слова.

Стиль рѣчи, произносимой въ народномъ собраніи, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на тѣнепись, ибо чѣмъ больше толпа: тѣмъ отдаленнѣе перспектива, поэтому-то и тамъ, и здѣсь, все точное кажется неумѣстнымъ и производитъ худшее впечатлѣніе; точнѣе стиль рѣчи судебной, а еще болѣе точна рѣчь, [произносимая] передъ однимъ судьей: [такая рѣчь] всего менѣе заключаетъ въ себѣ риторики, потому что здѣсь видишь то, что идетъ къ дѣлу и что ему чуждо; здѣсь не бываетъ препирательствъ, такъ что рѣшеніе [получается] чистое. Поэтому-то не одни и тѣ же ораторы имѣютъ успѣхъ во всѣхъ перечисленныхъ родахъ рѣчей, но гдѣ всего больше декламации, тамъ всего меньше точности; это бываетъ тамъ, гдѣ нуженъ голосъ, и особенно, гдѣ нуженъ большой голосъ.

Наиболѣе пригоденъ для письма стиль рѣчи эпидиктической, такъ какъ она предназначена для прочтенія; за ней слѣдуетъ [стиль рѣчи] судебной.

Излишне продолжать анализъ стиля [и доказывать], что онъ долженъ быть пріятенъ и величественъ, потому что почему [ему обладать этими свойствами] въ болѣе степени, чѣмъ умѣренностью, или благородствомъ, или какой-нибудь иной этической добродѣтелью? А что перечисленные [свойства стиля] помогутъ ему сдѣлаться пріятнымъ, это очевидно, если мы правильно опредѣлили достоинство стиля; потому что для чего другаго, [если не для того, чтобы быть пріятнымъ], стиль долженъ быть ясенъ, не низокъ, по приличію? И если стиль болтливъ или сжатъ, онъ не ясенъ; очевидно, что [въ этомъ отношеніи] пригодна середина. Перечисленные качества сдѣлаютъ стиль пріятнымъ, если будутъ въ немъ удачно перемѣшаны выраженія общеупотребительныя и малоупотребительныя, и ритмъ, и убѣдительныя [доводы] въ подобающей формѣ.

Итакъ мы сказали о стилѣ — о всѣхъ стиляхъ вообще и о всякомъ отдѣльномъ родѣ въ частности. Остается сказать о построеніи [рѣчи] ¹⁾.

¹⁾ Этимъ заканчивается вторая часть Риторики, касающаяся вопроса о стилѣ. Съ главы XIII начинается третья и послѣдняя часть риторики, касающаяся построенія рѣчи. (О трехъ главныхъ задачахъ риторики см. начало 1 гл. III кн.).

поповѣствованія и предповѣствованія и доказательство отъ подоказательства. Слѣдуетъ лишь, называя какой-нибудь особый видъ, устанавливать для него особый терминъ, въ противномъ случаѣ терминъ является пустымъ и вздорнымъ; такъ поступаетъ, напримѣръ, Ликимній ¹⁾ въ своей Риторикѣ, употребляя термины: вторженіе, отклоненіе, развѣтвленія.

ГЛАВА XIV.

Анализъ первой части рѣчи—предисловія. Сравненіе предисловія съ мелодіей.— Предисловія къ рѣчамъ эпидиктическимъ и судебнымъ, къ произведеніямъ диепрамбическимъ, эпическимъ, трагическимъ и комическимъ.—Другіе виды предисловія, общіе для всѣхъ родовъ произведеній, — изъ чего слагается ихъ содержаніе и какаѣ цѣль при этомъ преслѣдуется?

Итакъ предисловіе есть начало рѣчи, то же, что въ поэтическомъ произведеніи есть прологъ, а въ игрѣ на флейтѣ—прелюдія. Всѣ эти части—начало; онѣ какъ бы прокладываютъ путь для послѣдующаго. Прелюдія подобна предисловію въ рѣчахъ эпидиктическихъ, потому что флейтисты все хорошее, что они имѣютъ сыграть [во всей пьесѣ], играютъ въ началѣ и объединяютъ въ [такой] прелюдія; и въ рѣчахъ эпидиктическихъ слѣдуетъ писать такъ же: сразу изложить и связать все, что хочешь [доказывать], какъ это и дѣлаютъ всѣ. Примѣромъ этого можетъ служить предисловіе къ Еленѣ Исократу, потому что нѣтъ ничего общаго между Еленой и еристическими разсужденіями ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, если предисловіе отстываетъ [отъ общаго содержанія рѣчи], то получается та выгода, что не вся рѣчь имѣетъ одинаковый видъ. Предисловія рѣчей эпидиктическихъ слагаются изъ похвалы или хулы, напримѣръ, у Горгія въ олимпійской рѣчи ³⁾: „О мужи эллины, заслуживающіе уваженія со стороны многихъ“, ибо онъ восхваляетъ тѣхъ, кто установилъ общественныя собранія. Исократъ же порицаетъ ⁴⁾ ихъ за то, что они, почитая дарами физическія добродѣтели,

¹⁾ Ликимній—греческій риторъ, ученикъ Горгія, авторъ „Риторики“.

²⁾ Въ предисловіи къ этой рѣчи, посвященной восхваленію Елены (Ἐλένης εὐχόμενος), Исократъ съ осужденіемъ говоритъ о софистахъ.

³⁾ Олимпійская рѣчь (Ὀλυμπιακός), произнесенная Горгіемъ, вѣроятно, въ Олимпіи, во время Пелопоннесской войны, призываетъ грековъ къ совмѣстной и единой душой борьбѣ съ варварами.

⁴⁾ Въ началѣ своего знаменитаго панегирика, въ которомъ онъ излагаетъ

идти рѣчь, и чтобы умъ не былъ въ недоумѣннн, потому что неопредѣленное вводитъ въ заблужденіе. А кто какъ бы далъ въ руку слушателю начало рѣчи, тотъ [этимъ самымъ] дастъ возможность слѣдить за рѣчью. Поэтому-то [говорится]:

Гнѣвъ, о богиня, воспой

И:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ

И:

Скажи мнѣ о другомъ, о томъ, какъ великая война изъ Азіи перешла въ Европу ¹⁾.

И трагики даютъ понятіе о драмѣ [въ предисловіи], если не тотчасъ, какъ Еврипидъ, то гдѣ-нибудь, какъ это [дѣлаетъ] и Софокль:

Мой отецъ былъ Полибъ ²⁾.

Такъ же [поступаютъ] и комики, ибо необходимѣйшее назначеніе предисловія, свойственное ему, заключается въ томъ, чтобы показать, какова та цѣль, ради которой [произносится] рѣчь; поэтому то, если дѣло ясно и коротко, не слѣдуетъ пользоваться предисловіемъ.

Другіе виды [предисловія], которыми пользуются [ораторы], представляютъ собой способы исцѣленія; они общи [всѣмъ родамъ произведеній]; содержаніе ихъ слагается въ зависимости отъ личности самого оратора, отъ личности слушателя, отъ дѣла, отъ личности противника. Все, что способствуетъ установленію обвиненія или опроверженію его, все это касается самого оратора или его противника. Но тутъ слѣдуетъ [поступать] не одинаково: оправдываясь, [слѣдуетъ приводить] то, что касается обвиненія, въ началѣ, а обвиняя, [слѣдуетъ приводить это] въ заключеніе. Почему [слѣдуетъ поступать такъ], это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить всѣ препятствія, разъ считаешь поставить самого себя передъ судомъ, такъ что прежде всего слѣдуетъ опровергнуть обвиненіе. А когда самъ обвиняешь, слѣдуетъ помѣщать обвиненіе въ концѣ, чтобы оно больше осталось въ памяти.

Предисловія, имѣющія въ виду слушателя, [возникаютъ] изъ желанія сдѣлать слушателя благосклоннымъ или рассердить его, а иногда еще изъ желанія возбудить его вниманіе или наоборотъ, ибо

¹⁾ Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что эти два стиха принадлежатъ Хирилу.

²⁾ Царь Эдипъ, ст. 774.

Или:

Къ чему столько предисловія? ¹⁾.

[Къ этому приему прибѣгаютъ также] тѣ, дѣло которыхъ неправо или кажется неправо, потому что имъ выгоднѣе останавливаться на всемъ другомъ, кромѣ своего дѣла. Поэтому-то и рабы отвѣчаютъ не то, что у нихъ спрашиваютъ, а [ходятъ] вокругъ и около и дѣлаютъ длинныя вступленія.

Какимъ образомъ слѣдуетъ дѣлать [слушателей] благосклонными, объ этомъ мы сказали, ²⁾ такъ же какъ и о каждомъ подобномъ [приемѣ въ отдѣльности], ибо хорошо сказалъ [поэтъ]:

Дай мнѣ явиться для Феаковъ другомъ и предметомъ состраданія ³⁾, такъ какъ къ этимъ двумъ [вещамъ] ⁴⁾ слѣдуетъ стремиться. А въ рѣчахъ эпидиктическихъ нужно заставлять слушателей думать, что похвала относится также или къ нимъ самимъ, или къ ихъ роду, или къ ихъ образу жизни, или какимъ нибудь инымъ образомъ, потому что правду говорятъ Сократъ въ надгробной рѣчи: „нетрудно хвалить Аѳинянъ среди Аѳинянъ, [но трудно хвалить ихъ] среди Лакедемонянъ“ ⁵⁾.

Предисловія въ рѣчахъ, произносимыхъ передъ народомъ, берутся изъ предисловія къ рѣчамъ судебнымъ; но по самой своей природѣ [эти рѣчи] наименѣе въ нихъ нуждаются, потому что и [слушатели] знаютъ, о чемъ идетъ рѣчь, и самое дѣло нисколько не пугается въ предисловіи. [Предисловіе можетъ быть нужно лишь] или ради самого оратора, или ради его противниковъ, или если слушатели считаютъ дѣло не такимъ важнымъ, какимъ [ораторъ] желаетъ [его представить], но или болѣе, или менѣе важнымъ, почему и бываетъ необходимо установить обвиненіе, или опровергнуть его, увеличить или уменьшить [значеніе дѣла]; ради этого и бываетъ нужда въ предисловіи,—еще [предисловіе бываетъ нужно] для украшенія, такъ какъ рѣчь кажется наскоро составленной, если въ ней нѣтъ [предис-

¹⁾ Еврипидъ, Ифигенія въ Тавридѣ, ст. 1162.

²⁾ См. 1 гл. II кн.

³⁾ Одиссея, VI, 327.

⁴⁾ То-есть къ дружбѣ и состраданію, которыя нужно стараться вызвать въ слушателяхъ и судьяхъ, для того чтобы они высказались о дѣлѣ такъ, какъ хочется оратору.

⁵⁾ Эту же мысль, поясненную этимъ же примѣромъ, Аристотель приводитъ въ 9 гл. I кн.

чилось это. Еще одинъ [способъ заключается въ томъ], чтобы обратить обвиненіе на самого обвинителя, [утверждая], что прежде самъ онъ или кто нибудь изъ его близкихъ [сдѣлалъ это самое]. Еще одинъ [способъ заключается] въ упоминаніи проступка такихъ лицъ, которые, по общему признанію, не подлежатъ обвиненію. [говоря], на-примѣръ, такъ: если совершившій то прелюбодѣяніе не виновенъ, то и зтотъ также не виновенъ.

Еще одинъ [способъ заключается въ указаніи], что [противникъ раньше] обвинялъ другихъ, или что [кто нибудь] другой [обвинялъ] ихъ, или что они, не подвергаясь прямо обвиненію, были подозрѣваемы, какъ и обвиняемый теперь, а потомъ оказались невинными.

Еще одинъ [способъ заключается] въ возведеніи обвиненія на самого обвинителя, потому что было бы странно, если-бы заслуживали довѣрія слова человека, который самъ его не заслуживаетъ.

Еще одинъ [способъ возникаетъ въ томъ случаѣ], „Антидозисъ“, если судебный приговоръ уже произнесенъ, какъ [говорить] Еврипидъ Игіеонту ¹⁾, обвинявшему его въ безбожии, за то что онъ побуждалъ къ клятвопреступленію словами:

Мой языкъ произнесъ клятву, но мое сердце не произнесло ея ²⁾.

Еврипидъ утверждалъ, что самъ онъ не правъ, переноси въ судъ дѣла, по поводу которыхъ произнесетъ приговоръ на состязаніи въ честь Діонисія; что онъ, [Еврипидъ], тамъ уже отдалъ отчетъ въ своихъ словахъ или отдастъ его, если онъ [Игіеонтъ] пожелаетъ поддерживать обвиненіе.

Еще одинъ [способъ заключается] въ томъ, чтобы осудить клевету [показать], какое [она зло], [показать], что подъ влияніемъ ея возникаютъ иные приговоры, и что она не соотвѣтствуетъ дѣлу.

Способъ, общій для обѣихъ сторонъ, заключается въ пользованіи признаками какъ, на-примѣръ, въ Тевкрѣ ³⁾ Одиссей [говорить], что онъ, Тевкръ, родственникъ Пріама, потому что Исіона, [его мать],— сестра [Пріама]. Тевкръ же [отрицаетъ это, говоря], что Теламонъ, его отецъ, былъ врагъ Пріама, и что онъ самъ не донесъ на лазутчиковъ.

Еще одинъ [способъ, которымъ можно пользоваться] обвинителю, [заключается въ томъ], чтобы, пространно похваливъ что нибудь изъ

¹⁾ Лицо неизвѣстное.

²⁾ Еврипидъ, Иппол., 612.

³⁾ Неизвѣстно, кому принадлежала эта трагедія.

539. П. Смирновскій. Планъ учебника русскаго языка для перваго класса гимназій. — 1872. Ч. 162, августъ, отд. III, стр. 41—66.
540. В. Смирновъ. Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. — 1877. Ч. 189, янв., отд. IV, стр. 1—25.
541. В. Смирновъ. Возраженіе г. Радлову (по поводу его статьи о руководствахъ русскаго языка).—1878. Ч. 195, февр., отд. IV, стр. 147—156.
542. В. Смирновъ. Къ вопросу о школьномъ образованіи инородцевъ мусульманъ. — 1882. Ч. 222, июль, отд. III, стр. 1—24.
543. И. Смирновъ. О соблюденіи постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій въ переводахъ съ отечественнаго языка на древнѣе.—1879. Ч. 204, июль, отд. V, стр. 244—252.
544. И. А. Смирновъ. Къ вопросу объ экзаменахъ въ нашихъ гимназіяхъ.—1885. Ч. 237, февраль, отд. III, стр. 37—47.
545. А. Э. Сомоловъ. Къ вопросу о черченіи картъ въ классѣ.—1882. Ч. 221, июнь, отд. II, стр. 1—13.
546. А. Э. Сомоловъ. О составѣ учебнаго географическаго атласа и объ употребленіи его при преподаваніи.—1889. Ч. 265, октябрь, отд. III, стр. 17—43.
547. А. Э. Сомоловъ. Объ употребленіи репетиціонныхъ картъ при преподаваніи въ связи съ вопросомъ о черченіи картъ въ классѣ.—1890. Ч. 271, октябрь, отд. III, стр. 17—32. Поправка (опечатка). Ibid., ч. 272, ноябрь, отд. III, стр. 42.
548. А. Э. Сомоловъ. Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи.—1891. Ч. 278, ноябрь, отд. III, стр. 1—18.
549. Н. Соловцовъ. Замѣчанія на проектъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ.—1869. Ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 182—185.
550. Н. Соосфеновъ. Замѣчанія на проектъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ.—1869. Ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 186—191.
551. И. И. Срезневскій. О научныхъ упражненіяхъ студентовъ (по поводу „Записки“ пр. Дройзена).—1869. Ч. 146, дек., отд. III, стр. 247—265.
552. Г. Стражъ. Низшія училища и образованіе учителей въ Россіи.—1877. Ч. 194, ноябрь, отд. III, стр. 1—32; дек., стр. 33—62; 1878; ч. 195, январь, отд. III, стр. 1—27.
553. А. Страховъ. Замѣтка о преподаваніи русскаго языка въ приготовит. классахъ гимназій и прогимназій.—1879. Ч. 206, декабрь, отд. III, стр. 23—30.
554. А. Страховъ. Объ элементарномъ курсѣ роднаго языка.—1880. Ч. 207, февраль, отд. III, стр. 17—30; ч. 208, апрѣль, стр. 64—82.
555. А. Страховъ. Объ элементарномъ курсѣ грамматики.—1880. Ч. 212, декабрь, отд. III, стр. 17—32.
556. Г. Струве. О значеніи и образованіи юношескаго идеала.—1878. Ч. 197, июнь, отд. III, стр. 1—23.
557. Э. Э. Струве. Наши классическія гимназіи.—1870. Ч. 149, май, отд. III, стр. 1—17. (Изъ Циркуляра Одесскаго учебнаго округа, 1869, № 9).
558. Э. Э. Струве. Объ изданіи греческихъ и латинскихъ авторовъ съ русскими примѣчаніями.—1868. Ч. 137, янв., отд. II, стр. 259—268.
559. Д. П. С—ъ. О преподаваніи Закона Божія. (По поводу новаго расpredѣленія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ и прогимн. С.—Пет. уч. округа, введеннаго въ видѣ опыта въ 1866—1867 уч. году).—1868. Ч. 137, янв., отд. II, стр. 171—183.
560. Д. Турянскій. Нѣсколько словъ объ экзаменахъ въ австрійскихъ

Б. Рецензии.

579. О приготовительныхъ работахъ для письменныхъ упражненій, *Александрова*. (Въ статьѣ „Циркуляры по учебнымъ округамъ“. — 1869. Ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 91—93.
580. Пропедевтическій курсъ для преподаванія науки вообще и арметики въ частности, съ рисунками и чертежами въ текстѣ. Составленный *Д. Адамантовымъ*. Казань. 1885.—Рец. 1886, ч. 247, сентябрь., отд. III, стр. 24—28.
581. *Э. А. Андреевъ*. Заканіе и его глѣченіе. Практическое руководство для родителей, воспитателей и для самообученія. С.-Пб. 1887.—Рец. 1889. ч. 263, июнь, отд. III, стр. 69—70.
582. Encyclopadie und Methodologie der philologischen Wissenschaften von *August Voeck*. Leipzig. 1877.—См. ст. *В. Модестова*: Предметъ, цѣль, задача, область и преподаваніе классической филологіи.
583. Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьезно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Сочиненіе *Дж. Ст. Блекки*. Переводъ съ 18-го англійскаго изданія: *И. Паульсона*. С.-Пб. 1891.—Рец. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 281. (Кн. новости).
584. Объ экзаменахъ и ретенціяхъ. Статьи *Вейнберга*, *Шереметевскаго* и *Никольскаго*. (Въ статьѣ: Циркуляръ по учебнымъ округамъ).— 1869. Ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 101—107.
585. Заразные болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ *А. С. Виреніуса*. С.-Пб. 1888.—Рец. *А. Н. Н—ва*. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 140—144.
586. Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Составилъ *Вал. Висковатовъ*. Изд. 2-е, исправл. и дополненное статьей о собираніи минераловъ. С.-Пб. 1884.—Рец. 1885, ч. 239, июнь, отд. III, стр. 101—104.
587. *Фр. Ав. Вольтфа*. Очеркъ науки древности, перев. съ нѣмец. *И. Помяловскаго*. С.-Пб. 1877.—См. ст. *В. Модестова*: Предметъ, задача, цѣль, область и преподаваніе классической филологіи.
588. *И. Воскресенскій*. Словесность—наука, ея значеніе въ учебной литературѣ и въ дѣлѣ преподаванія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *В. Истоминъ*. Варшава. 1887.—Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. III, стр. 38—41.
589. Уроки грамматики, *Ив. Галарина*.—(Отзывъ въ ст.: Циркуляры по учебнымъ округамъ за 1868).— 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 135—137.
590. Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію. (Въ пополненіе школьнаго образованія). *А. Годнева*. Казань. 1889.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. III, стр. 30—32.
591. *Ив. Головинъ*. О преподаваніи латинскаго языка. (Отзывъ въ статьѣ: Циркуляры по учебнымъ округамъ за 1868 годъ).—1869. Ч. 142, апрѣль, отд. III, стр. 131—133.
592. Обзоръ классныхъ помѣщеній въ семьѣ и школѣ. Соч. *И. Б. Гольцамаера*. Съ прилож. 1877.—Рец. 1878. Ч. 195, янв., отд. II, стр. 186—188.
593. Задачи русской народной школы. *Н. Горбова*. М. 1887.—Рец. *Ж. Е. Сентъ-Ижерь*. 1890. Ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 457—465.
594. Grundriss zu Vorlesungen über

- Sprachen von. d-r. *Iul. Lattmann*. Геттингенъ. 1873. Реформа начальнаго обученія древнимъ яз. произведенная новымъ языкознаніемъ соч. д-ра Юл. Латмана. Геттингенъ. 1873). См. ст. Д. В.—въ: Новый методъ преподаванія древнихъ языковъ.
611. О религіозно-правственномъ воспитаніи дѣтей. соч. *Е. Леоновой*. С.-Пб. 1884.—Рец. 1885. Ч. 239, май, отд. III, стр. 33—37. Поправка: ч. 240, июль, отд. III, стр. 32.
612. Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. *П. Лесафта*. Ч. I. С.-Пб. 1888.—Рец. 1890. Ч. 269, май, отд. III, стр. 27—30.
613. *D-r. Friedrich Lübeker*. Gesammelte Schriften zur Philologie und Pädagogik. Halle. 1868.—Рец. (въ ст.: Нов. иностр. ученой литер.)—1869. Ч. 144, авг., отд. II, стр. 404—405.
614. Руководство къ обученію и воспитанію дѣтей. Сост. *Ладозъ*. С.-Пб. 1870.—Рец. С. И. Митропольскаго.—1871. Ч. 153, февр., отд. III, стр. 92—102.
615. О преподаваніи отечественнаго языка въ средно-учебныхъ заведеніяхъ. *В. Мартыновскаго*. Изд. 2-е. Тифлисъ. 1888.—Рец. 1889. Ч. 261, февраль, отд. III, стр. 53—54.
616. Методика ариметики для начальной школы и вообще для начальной обученія. *Д. Мартынова*. М. 1884.—Рец. 1884. Ч. 236, ноябрь, отд. III, стр. 28—32.
617. *П. Остаево*. О преподаваніи исторіи въ классической гимназій.—(Отзывъ въ ст.: Циркуляры по учебнымъ округамъ за 1868 годъ).—1869. Ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 144—148.
618. Матеріалы по методикѣ геометріи. Посobie для начинающихъ преподавателей. *А. Острогорскаго*. С.-Пб. 1884.—См. статью С. Н. Ву-
- даевского: Къ вопросу о методикѣ геометріи.
619. *Викторъ Острогорскій*. Бесѣды о преподаваніи словесности. Изданіе 2-е, просмотрѣнное. М. 1887.—Рец. 1887. Ч. 252, августъ, отд. III, стр. 77—84.
620. Методика преподаванія русской грамматики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Полевой*. С.-Пб. 1884.—Рец. 1885. Ч. 238, апрѣль, отд. III, стр. 39—41.
621. *Л. Поливановъ*. Уроки объяснительнаго чтенія и логическаго разбора въ связи съ изустнымъ и письменнымъ воспроизведеніемъ мыслей.—(Отзывъ въ ст. Циркуляры по округамъ за 1868 г.)—1869. Ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 139—141.
622. Отчетъ о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древн. языковъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1882.—См. статью К. Я. Любежскаго: О преподаваніи древнихъ языковъ.
623. „*Русская Школа*“. Общепедagogическій журналъ для школы и семьи, издаваемый подъ ред. *Я. Г. Гуревича*. С.-Пб. 1890, № 1—5 (полугодіе).—См. статью И. В.: Новый педагогическій журналъ.
624. Опытъ дидактическаго руководства къ преподаванію русскаго яз. 9—11 лѣт. дѣтямъ *Д. Семснова*.—Рец. 1868. Ч. 140, окт., отд. II, стр. 255—256.
625. Записки по методикѣ русскаго языка. Сост. для учительскаго семинаріи, институтовъ и учителей народ. школъ. *П. Н. Соловьино*. Отд. 3. Методика начальной грамматики. С.-Пб. 1877.—Рец. 1878. Ч. 198, авг., отд. III, стр. 37—38.
626. Стенографическій отчетъ о заведеніяхъ школьно-гигиенической

- скаго.—Рец. 1877. Ч. 192, авг., отд. III, стр. 32—36.
674. Чтенія по исторіи Западной Росіи *М. Коллотица*. См. восьмое при- сужденіе премій имп. Петра Вели- каго.
675. Дневникъ гимназиста. Тетрадь для записыванія уроковъ № 1. 1889— 1890 учебный годъ. Составилъ *Вл. Краусъ*. Изданіе Вишнякова. С.-Пб. 1889.—Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. III, стр. 31—32.
676. Мудрость народная въ послови- цахъ у нѣмцевъ, русскихъ, францу- зовъ и др. *Морица Массона*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144, авг., отд. III, стр. 92.
677. Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ, сост. *П. Надеждина*. С.-Пб. 1869.—Рец. 1871, ч. 153, янв., отд. III, стр. 52—53.
678. Не стыдись насмѣшекъ, книжка для школъ, перев. съ англійскаго съ политик. Москва.—Рец. 1875. Ч. 179, май, отд. III, стр. 12—13.
679. Разказы о Петрѣ Великомъ Сост. *В. Новаковский*. С.-Пб. 1870.— Рец. 1871. Ч. 153, январь, отд. III стр. 45—47.
680. Разказы о Суворовѣ, состав. *В. Новаковский*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144, авг., отд. III, стр. 72.
681. Дары Божіе, потребности и трудъ челоуѣка, сост. *В. Новаковский*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144, авг., отд. III, стр. 98.
682. Разказы о Ломоносовѣ, сост. *В. Новаковский*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144, авг., отд. III, стр. 72—74.
683. Путешествіе д-ра Дав. Ливинг- стона во внутренней Африкѣ. С.-Пб. 1862.—Рец. *Страхова* 1868. Ч. 138 апр., отд. II, стр. 250—251.
684. Пчелка. Чтеніе для старшаго воз- раста. М. 1880.—Рец. 1880, ч. 212, ноябрь, отд. III, стр. 8—9.
685. О распространеніи въ Японіи православной христіанской вѣры- русскими вѣроисповѣдниками. М. 1874.—Рец. 1875. Ч. 179, май, отд. III, стр. 9.
686. Даръ слова, кн. для чтенія, сост. *Д. Семеновъ*.—Рец. 1868. Ч. 140, окт., отд. II, стр. 255—256.
687. *В. Д. Омиоскій* Въ помощь уча- щимся. Родная старина. Отечествен- ная исторія въ разказахъ и кар- тинахъ. С.-Пб. 1879.—Рец. 1880, ч. 210, августъ, отд. III, стр. 41—43.
688. Самодѣтельность, сочин. *Сам. Смайльса*, изд. 3, пер. съ доп. *Н. Кутейникова*. С.-Пб. 1867. — Рец. 1869. Ч. 144, августъ, отд. III, стр. 74—75.
689. Францъ Эллисъ или сила совра- щенія. Съ нѣмецкаго перевода ан- глійской повѣсти *Іоанна Стрикландъ*. С.-Пб. 1866.—Рец. 1875. Ч. 179, май, отд. III, стр. 9—10.
690. Разказы о чудесахъ природы, заимствовав. изъ сочин. *Дюссера* и *Мариолл*. Изд. *Н. Серебренникова*.— С.-Пб. 1876. Рец.—1878, ч. 198, авг., отд. III, стр. 49—50.
691. Книжка для школъ № 80. Три цар- ства природы, соч. *В. И. Шаховскаго* М. 1874.—Рец. 1875. Ч. 179, июнь, отд. III, стр. 24—25.
692. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ, *В. Штолла*, перев. съ нѣм. подъ ред. *В. Васильевскаго*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1868. Ч. 140, дек., отд. II, стр. 965—966.

в) Законъ Божій.

693. Краткая библейская исторія текстъ еврейскій *П. Бера*, перев. *Бернардъ Сеталь*. Варшава 1870.— Рец. 1871. Ч. 153, янв., отд. III, стр. 50—52.
694. Исторія Израиля отъ сотворенія

доп., ч. 1, в. 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Спб. 1866. 11) Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Составилъ *Никол. Щербинъ*. Сиб. 1886. 12) Книга для чтенія въ народн. училищахъ Виленскаго учебн. округа. Вильна. 1863. 13) Опытъ разбора образцовъ русской словесности. Составленъ *Ив. Соснецкимъ*. М. 1867. 14) Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. Составилъ *Андрей Пономъ*. М. 1867. 15) Русская христоматія. Для высшихъ классовъ со-

ставилъ *А. Филоновъ*. Т. IV. Проза. Спб. 1867. 16) Историческая христоматія (1862—1850) съ теоретич. указателемъ. Составилъ *К. Петровъ*. (Спб. 1866). — 1867. Ч. 136, декабрь, стр. 1033—1053.

706. А. Шавровъ, Неустойчивость критики въ руководствахъ по теоріи словесности. 1879, ч. 203, май, отд. III, стр. 1—30; июнь, стр. 31—64. (По поводу книгъ 1) *А. Филонова*. Учебникъ по словесности. Спб. 1878 и 2) *В. Классовскаго*. Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній. Спб. 1876).

Б. Рецензін.

706. Уроки и задачи изъ русской грамматики. Практич. руководство для 1-го класса средне-учебн. заведеній и двухклассныхъ училищъ. Составилъ *В. Александровъ*. М. 1884. — Рец. 1884, ч. 233, май, отд. III, стр. 42—43.

707. Сборникъ примѣровъ и статей для систематическаго диктанта. Приложение къ книгѣ: Уроки и задачи изъ русской грамматики. Составилъ *В. Александровъ*. М. 1884. — Рец. 1884, ч. 233, май, отд. III, стр. 42—43.

708. Начальный курсъ русской грамматики для приготовит. и 1-го классовъ. Составилъ *А. Андреевъ*. М. 1884. — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. III, стр. 99.

709. Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы XVIII—XIX вѣка (1700—1825). Сост. *А. Л. Арсеньевъ*. Сиб. 1887. — Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. III, стр. 87—88.

710. Несторова лѣтопись. Изд. для учащ. съ примѣч. и словар. Состав. *И. Басистовымъ*. М. 1869. — Рец. 1869, ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 60—61.

711. Для чтенія и разсказа: Христо-

матія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка, *Басистова*. Изд. 5-е. — Рец. (въ статьѣ: Русскія христоматія) 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 292—296.

712—716. Забѣтки о практич. преподаваніи русск. яз. ч. *Басистова*. М. 1868. — Для чтенія и разсказа, христоматія. *Ею же*. Курсъ I. Изд. 7-е. М. 1868. — Для разборовъ и писем. упражн. христом. *Ею же*. Курсъ 2-й. М. 1868. — Рец. 1869, ч. 146, ноябрь, стр. 61—63.

716. Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ, сост. *Н. Баталикъ*. М. 1876. — Рец. 1877, ч. 192, июль, отд. III, стр. 12—14.

717. Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ, сост. *И. Литвинъ*. М. 1876. — Рец. 1877, ч. 192, июль, отд. III, стр. 12—14.

718. Учебная русская историко-литературная христоматія. Пособіе при изученіи образцовъ древней и новой русской литературы въ старшихъ классахъ гимназій, съ объясненіями

- Изд. 6. Спб. 1884; II. Изд. 6. Спб. 1884; III. Изд. 4. Спб. 1882; IV. Изд. 3. Спб. 1880. — Рец. 1884, ч. 236, декабрь, отд. III, стр. 95—97.
734. Уроки начальной грамматики русскаго языка, приспособленные къ программѣ приготовит. и перваго класса. Составилъ *С. Бураковский*. Новгородъ. 1884. — Рец. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. III, стр. 41—43.
735. Учебникъ русской грамматики. Сост. для средн. учебн. заведеній *Ф. Буславъ*. М. 1869. — Рец. 1870, ч. 162, декабрь, отд. III, стр. 206—207.
736. Русская христоматія. Памятники древне-русской литерат. и народн. словесности, съ объясненіями, словаремъ и указателемъ, сост. *Ф. Буславъ*. 1870. — Рец. 1870, ч. 152, дек., отд. III, стр. 217—220.
737. Русская христоматія. Памятники древне-русск. литературы и народн. словесности, съ примѣч., словаремъ и указателемъ, сост. *Ф. Буславъ*. М. 1870. — Рец. К. 1871, ч. 154, мартъ, отд. III, стр. 53—59.
738. *Ф. Буславъ*. Русская христоматія. Памятники древне-русск. литературы и народн. словесности съ объясненіями и словаремъ. Изд. 3. М. 1881. — Рец. 1882, ч. 220, мартъ, отд. III, стр. 17—19.
739. Русская христоматія. Памятники древне-русск. литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ф. Буславъ*. 4-е изд., исправленное и дополненное. М. 1888. — Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр. 11—14.
740. *Н. Вучинскій*. Начальная русская грамматика (въ связи съ практич. упражненіями) для пригото. класса. Спб. 1884. — Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. III, стр. 26—28.
741. Главнѣйшія правила русской этимологій съ упражненіями въ переводахъ съ русскаго яз. на нѣмецкій и обратно. Составилъ *А. Бюстрофъ*. Митава. 1886. — См. статью *И. Водуэжъ де-Куртень*: Учебникъ русскаго яз. для нѣмцевъ.
742. Опытъ образцовъ систематическаго диктанта, сост. комиссіей при 2-й москов. гимназій. М. 1873. — Рец. *Ш. Валиковского*. 1873, ч. 170, ноябрь, отд. III, стр. 17—23.
743. Сборникъ правилъ русскаго правописанія, сост. на основаніи розысканій акад. *Я. К. Грота*, *Ис. Валиковского*. Спб. 1875. — Рец. 1876, ч. 184, май, отд. III, стр. 1—4.
744. *М. Великановъ*. Русская грамматика. Синтаксисъ. Простое предложеніе. Вып. 1. Тверь. 1891. — Рец. 1891, ч. 274, мартъ, отд. III, стр. 28—31.
745. Ученье—свѣтъ. Книга для чтенія въ классѣ и дома. Средній и старшій возрастъ. Составилъ *П. Вейльберъ*. Спб. 1883. — Рец. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. III, стр. 35—38.
746. Русская исторія въ русской поэзій. Сборникъ стихотвореній. Составилъ *Петръ Вейльберъ*. Спб. 1888. — Рец. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. III, стр. 51—55.
747. Учебникъ русской грамматики. Курсъ этимологій для средн. учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Викторозъ*. М., 1884. — Рец. 1884, ч. 233, май, отд. III, стр. 37—41.
748. Русская христоматія для пригото. класса средн. учебн. заведеній съ приложен. церк.-славянскаго текста Евангелія и свода практическихъ свѣдѣній. Составили *И. Выноградозъ* и *А. Андреевъ*. М. 1884. — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. III, стр. 95—98.
749. Древняя русская литература отъ начала грамотности до Ломоносова,

- въ русской разговорной рѣчи (прим. въ южн. Россіи). Съ приложеніемъ „Замѣчанія о произношеніи въ южн. Россіи“. В. Долотчевъ. Одесса. 1886.— Рец. 1886. ч. 247, сентябрь, отд. III, стр. 20—21.
767. П. В. *Евстафьевъ*. Новая русская литература (отъ Петра Вел. до настоящаго времени). Изд. 6 (пересмотрѣно авторомъ). С.-Пб. 1881.— Рец. 1884, ч. 236, декабрь, отд. III, стр. 92.
768. Учебникъ теоріи словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. *Ельницкій*. С.-Пб. 1886.— Рец. 1887, ч. 250, мартъ, отд. III, стр. 25—27.
769. Курсовка русской грамматики. 4 курса: приготовит., I, II и III-го кл. Сост. А. И. *Ельсинъ*. Варшава. 1886.— Рец. 1887, ч. 254, декабрь, отд. III, стр. 71—74.
770. Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей (И. И. Хемницеръ, И. И. Дмитріевъ, И. А. Крыловъ). Соч. Е. Д. *Желобужскаю*. 2 изд. М. 1874.— Рец. 1875. Ч. 179, май, отд. III, стр. 1—3.
771. Теорія словесности. Курсъ первый (проза). Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, составленъ по новой методѣ Ѳ. А. *Зеленогорскимъ*. Харьковъ. 1887.— Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. III, стр. 28—33.
772. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка, составленное В. Г. *Зимницкимъ*. Пенза. 1885.— Рец. 1886, ч. 244, апрѣль, отд. IV, стр. 62—65.
773. Нѣмые диктанты (безъ диктующаго); полный систематич. сборникъ по русскому правописанію для самостоятельныхъ работъ учащихся въ классѣ и дома, съ приложеніемъ Нѣмой Хрестоматіи и руководящихъ вопросовъ къ курсу правописанія. Составилъ А. *Злобинъ*. Томскъ. 1886.— Рец. 1886, ч. 247, сентябрь, отд. III, стр. 18—20.
774. М. *Ильмовъ*. Опытъ словаря русскаго языка сравнительно съ языками индоевропейскими. С.-Пб. 1880.— Рец. А. С. 1880, ч. 208, мартъ, отд. III, стр. 6—9.
775. Учебная книга русскаго языка въ школѣ и дома. Составилъ С. *Ильменевъ*. С.-Пб. 1884.— Рец. 1885, ч. 239, май, отд. III, стр. 41—43.
776. Приложение къ „Учебной книгѣ русскаго языка въ школѣ и дома“ (для учащихся), составилъ С. *Ильменевъ*. С.-Пб. 1884.— Рец. 1885, ч. 239, май, отд. III, стр. 41—43.
777. Записки по элементарной этимологіи и фонетикѣ для младшихъ классовъ (I и II) среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Н. П. *Ильясевичъ*. С.-Пб. 1887.— Рец. 1887, ч. 254, декабрь, отд. III, стр. 74—75.
778. Общій курсъ словесности для VI классовъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ М. *Калмыковъ*. Изд. 3. Новочеркасскъ. 1884.— Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. III, стр. 95.
779. Избранныя сочиненія Н. М. *Карамзина*, съ биографич. очеркомъ, вводными замѣтками, примѣчаніями историко-литературными, критическими и библиографич. и алфавитн. указател. Льви *Поливанова*. Ч. I. М. 1884.— Рец. 1884, ч. 236, декабрь, отд. III, стр. 97—99.
780. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ съ примѣчаніями. Изданіе для учащихся. Составилъ Ѳ. *Кашинскій*. Новочеркасскъ. 1882.— Рец. 1887, ч. 252, августъ, отд. III, стр. 76.
781. Опытъ учебника русскаго синтаксиса, сост. В. *Кеневичъ*, 2 исправленное изд. С.-Пб. 1868.— Рец. 1870. Ч. 152, дек., отд. III, стр. 207—208.
782. Учебникъ русской грамматики

- В. Костецкій. Кіевъ. 1889.—Рец. 1890. Ч. 269, май, отд. III, стр. 11—12.*
799. Сборникъ литературныхъ статей для изученія русскаго языка съ приложеніемъ словаря. Сост. *А. Кочкинъ. Вятка. 1875.—Рец. 1877. Ч. 192, июль, отд. III, стр. 1—3.*
800. Русская грамматика. Двѣ части. Съ приложеніемъ фразъ для разбора и диктанта, примѣнит. къ „Правописанію“ академика *Я. Грота. Составилъ П. Коцвелескій. Тула. 1886.—Рец. 1887. Ч. 262, июль, отд. III, стр. 26—29.*
801. Учебный курсъ синтаксиса русскаго яз., съ необходимымъ матеріаломъ для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленіи знаковь препинанія. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. *Н. П. Красногорскій. С.-Пб. 1887.—Рец. 1887, ч. 254, дек., отд. III, стр. 77—80.*
802. Задачи по русскому правописанію, съ приложеніемъ орфографическаго словаря. Пособіе для класнаго и домашняго обученія правописанію по изыскательному методу, т. е. путемъ предложенія учащимся орфографич. задачъ для самостоятельнаго рѣшенія. Составилъ *П. Красногорскій. Изд. 2, переработан. и дополнен. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, апрѣль, отд. III, стр. 45—47.*
803. Краткая исторія русской словесности для гимназій и женск. учебн. завед. С.-Пб. 1865.—Рец. 1868. Ч. 140, дек., отд. II, стр. 962—965.
804. Къ спряженію глаголовъ. *С. Кратча. М. 1889.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. III, стр. 15.*
805. Курсъ русской грамматики (для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для уѣздныхъ и городскихъ училищъ). Составилъ *М. В. Кузминъ. Изданіе 2-е, (исправленное). Ч. I. Этимологія. Ч. II. Синтаксисъ. Харьковъ. 1889.—*
- Рец. 1890, ч. 268, май, отд. III, стр. 8—10.
806. Учебникъ элементарной грамматики русск. яз. Курсъ 1-й сост. *В. Лобачевъ.—Рец. 1873. Ч. 166, апр., отд. II, стр. 342—345.*
807. Собраніе сочиненій русскихъ писателей 1. Соч. *Ломоносова. С.-Пб. 1867.—Рец. 1869. Ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 65—66.*
808. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школь. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ. *Мартыновскаго. Тифлисъ. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. III, стр. 53—54.*
809. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школь. Книга для занятій по отечествен. языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. *В. Мартыновскаго. Изд. 2, съ измѣненіями и дополненіями. Тифлисъ. 1888.—Рец. 1889, ч. 261, февраль, отд. III, стр. 53—54.*
810. Учебное руководство. Литературные гости въ Россіи сост. *Дж. Вас. Мевель. Дерптъ 1867.—Рец. 1868. Ч. 140, окт., отд. II, стр. 257—259.*
811. Отечественное слово. Руков. къ первонач. чтенію и письму годъ первый, сост. *Мевель. Аренсбургъ. 1868—1870, ч. 152, декабрь, отд. III, стр. 211—214.*
- 812—813. Произношеніе, правописаніе и о буквѣ ъ. *Ею-же. Аренсб. 1869. Литературные гости въ Россіи. Ею-же. Дерптъ 1867. Рец.—1870. Ч. 152, дек., отд. III, стр. 211—214.*
814. Христоматія къ Опыту Историческаго обзоренія Русской Словесности, *Ореста Миллера. Изданіе 2-е, дополн. Ч. I, Вып. 1-й. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. С.-Пб. 1866.—Рец. (въ статьѣ: Рус-*

829. Выразительное чтение. Пособие для учителей и учащихся. *В. Остроорского*. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, ч. 239, май, отд. III, стр. 38—39.
830. Виктор *Остроорский*. Выразительное чтение. Пособие для учащихся и учащихся. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1886.—Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. III, стр. 41—42.
831. Русские писатели для школ. Подъ редакціею и съ предисловіемъ *В. Остроорского*. Пособіе для средн. учебн. заведеній. В. А. Жуковский, его жизнь и сочиненія. Составилъ *В. А. Иконниковъ*. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, ч. 239, май, отд. III, стр. 43—47.
832. Конспектъ по исторіи русской словесности древней и новой. Сост. *М. П.* 2 вып. С.-Пб. 1867.—Рец. 1868. Ч. 137, февраль, отд. II, стр. 631—634.
833. Самоучитель русскаго яз. Сост. *А. М. Паперна*. Варшава. 1869.—Рец. 1870. Ч. 151, сент., отд. III, стр. 124—125.
834. Книга для чтенія и практичeskихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособие для народныхъ училищъ *Паульсона*. 1866.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи) 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 300—306.
835. Книга для чтенія и упражненія въ классѣ, *Лемтискаго*. — Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи). 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 288—289.
836. Первые уроки русской грамоты. Вильно. 1866. Изд. Сырвина (для еврейск. юнош.)—Рец. 1868. Ч. 140, декабрь, отд. II, стр. 957—958.
837. *К. Ѡ. Петрова*. Русскій языкъ. Опытъ практич. учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ для младшаго возраста. С.-Пб. 1850.—Рец. 1880, ч. 210, августъ, отд. III, стр. 43—44.
838. *К. Ѡ. Петрова*. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Изд. 2. С.-Пб. 1881.—Рец. 1882, ч. 220, мартъ, отд. III, стр. 14—17.
839. Историческая хрестоматія (862—1850), съ теоретическимъ указателемъ. Составилъ *К. Петрова*. С.-Пб. 1866.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи). 1867, ч. 136, декабрь, отд. II, стр. 1050—1053.
840. Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности. Вып. 1 и 2. Составилъ *В. Покровский*. М. 1887.—Рец. 1887, ч. 251, июнь, отд. III, стр. 68—69.
841. Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей. Выпускъ III. Составилъ *В. Покровский*. М. 1888.—Рец. 1888, ч. 257, июнь, отд. III, стр. 26—27.
842. Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. V. Составилъ *В. Покровский*. М. 1889.—Рец. 1891, ч. 273, январь, отд. III, стр. 30—31.
843. Русская хрестоматія для приготовит. класса средне-учебн. заведеній, съ прилож. церковно-славянскаго текста и орфографическихъ упражненій. Составилъ *Н. Покровский*. Ч. I. М. 1885.—Рец. 1885, ч. 241, сентябрь, отд. III, стр. 7—8.
844. Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній съ приложіемъ церковно-славянскаго текста. Составилъ *И.*

- первыхъ классовъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній. Составилъ А. Пре-
ображенскій. М. 1891.—Рец. 1891.
ч. 277, октябрь, отд. III, стр.
18—20.
861. Учебникъ русскаго языка для
3-хъ низшихъ классовъ, приспособ-
ленный къ параллельному прохож-
денію его съ латинскимъ яз. по ру-
ководству К. Я. Бѣлицкаго, сост.
Г. Преображенскій. Одесса. 1875.
Рец. И. Киприяновича.—1877. Ч.
190, мартъ, отд. II, стр. 164—189.
862. Уроки русской грамматики для
первонач. обученія дѣтей соч. При-
марова. М. 1868.—Рец. 1868. Ч. 140,
дек., отд. II, стр. 958—959.
863. Сочиненія А. С. Пушкина. Изда-
ніе для школы въ 3-хъ томахъ.
(Подъ ред. Кузьмина). Изд. 2-е. М.
1884. — Рец. 1884, Ч. 232, апрѣль,
отд. III, стр. 145—146.
864. Сочиненія А. С. Пушкина съ
объясненіями ихъ и сводомъ отзы-
вовъ критики. Изданіе Льва Поли-
ванова для семьи и школы. 2 тома:
I. Лирич. стихотворенія. II. Поэмы,
сказки, баллады, эпическія пѣсни.
М. 1887.—Рец. 1887, ч. 251, июнь,
отд. III, стр. 69—70,
865. Сочиненія Пушкина съ объяс-
неніями ихъ и сводомъ отзывовъ
критики. Изданіе Льва Поливанова
для семьи и школы. Т. 5. Прозач-
ескія сочиненія. Письма. М. 1888.—
Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр.
20—22.
866. Сочиненіе А. С. Пушкина съ
объясненіями ихъ и сводомъ отзы-
вовъ критики. Изданіе Льва Поли-
ванова для семьи и школы. См. двѣ-
надцатое присужденіе преміи имп.
Петра Великаго.
867. Родина. Сборникъ для классаго
чтенія съ упражненіями въ разборѣ,
устномъ и письменномъ изложеніи.
3 ч. Сост. А. Радонежскій. С.-Пб.
1876.—Рец. 1877. Ч. 193, окт., отд-
III, стр. 27—29.
868. Родина. Сборникъ для классаго
чтенія, съ упражненіями въ разборѣ,
устномъ и письменномъ изложеніи.
Въ трехъ частяхъ. Составилъ А.
Радонежскій. Изд. 9-е. Съ рисунка-
ми. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, ч. 238,
апрѣль, отд. III, стр. 34—35.
869. Уроки теоріи словесности. Сост.
А. Радонежскій. С.-Пб. 1887. — Рец.
1887, ч. 252, августъ, отд. III, стр.
76—77.
870. Миръ Божій. Руководство по
русскому языку для приготовитель-
наго класса. Составилъ А. Разумъ.
2 изд. 1860.—Рец. (въ статьѣ: Рус-
скія христоматіи) 1867, ч. 136, ок-
тябрь, отд. II, стр. 289—292.
871. Справочный указатель русскаго
правописанія, съ приложеніемъ
всѣхъ орфографическихъ правилъ
и корнеслова, составленнаго по Рей-
фу, Шпанкевичу и др. Составилъ
Вас. Разумраевъ. С.-Пб. 1884.—Рец.
1885, ч. 238, апрѣль, отд. III, стр.
48—51.
872. Вас. Разумраевъ. Сборникъ задачъ
по русскому правописанію. Курсъ
I. Элементарныя свѣдѣнія о разста-
новкѣ знаковъ препинанія. С.-Пб.
1885. — Рец. 1886, ч. 244, мартъ,
отд. III, стр. 3—6.
873. Сборникъ примѣровъ и задачъ
по русскому правописанію съ при-
ложеніемъ подробнаго конспекта
Курсъ I. Составилъ В. Разумраевъ.
С.-Пб. 1885. — Рец. 1886, ч. 244,
мартъ, отд. III, стр. 1—3.
874. В. Разумраевъ. Сборникъ задачъ
по правописанію. Курсъ II. Систе-
матическія свѣдѣнія о правописаніи
словъ. С.-Пб. 1886. — Рец. 1886, ч.
244, мартъ, отд. III, стр. 6.
875. Теорія словесности Д. Росоа.
М. 1880.—Рец. 1886, ч. 244, мартъ,
отд. III, стр. 6—10.

891. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ. Составилъ *П. Смирновскій*. Ч. II (вып. 3). Новый періодъ. Отд. I (отъ Ломоносова до Карамзина). Изд. III, вновь обработанное. М. 1885.—Рец. 1885, ч. 238, мартъ, отд. III, стр. 27.
892. Теорія словесности. Составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній *П. Смирновскій*. С.-Пб. 1883.—Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. III, стр. 23—26.
893. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. Соколовъ*. М. 1888.—Рец. 1888, ч. 280, ноябрь, отд. III, стр. 49—51.
894. Историко-литературная хрестоматія. Составилъ, примѣнительно къ учебному плану гимназій мин. нар. просв. *В. Соколовъ* и *И. Борзакоскій*. Съ приложеніемъ образцовъ древне-русскаго письма. Одесса. 1886.—Рец. 1886, ч. 246, июль, отд. III, стр. 27—29.
895. Русская хрестоматія для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ *Арх. Соснецкій*. М. 1885.—Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. III, стр. 61—63.
896. Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Арх. Соснецкій*. М. 1884.—Рец. 1885, ч. 238, мартъ, отд. III, стр. 23—26.
897. Курсъ русскаго языка, примѣненной къ письменнымъ упражненіямъ для I и II кл. Сост. *И. Соснецкій*. М. 1875.—Рец. 1876. Ч. 188, декабрь, отд. III, стр. 40—43.
898. Сборникъ статей для чтенія и разсказа по предмету русскаго яз., сост. *Иванъ Соснецкій*. М. 1871. Рец. *К.*—1871. Ч. 156, августъ, отд. III, стр. 166—167.
899. Опытъ разбора образцовъ русской словесности, заключающихся въ программѣ для желающихъ поступить въ студенты Императорскаго Московскаго Университета. Составленъ *Ив. Соснецкимъ* М. 1867.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи). 1867, ч. 136, декабрь, отд. III, стр. 1040—1045.
900. Орфографическій словарь, съ присоединеніемъ повторит. курса русской орфографіи. Составленъ *А. Спицынымъ*. Вятка. 1884.—Рец. 1884, ч. 233, май, отд. III, стр. 43—46.
901. Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, сост. *Вл. Стоюнинъ*. С.-Пб. 1876.—Рец. 1877. Ч. 192, июль, отд. III, стр. 6—7.
902. Руководство для изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы (до повѣйшаго періода) *Владимира Стоюнина*. С.-Пб. 1869.—Рец. 1870, ч. 148, мартъ. Отд. III. Стр. 81—81.
903. Руководство для историческаго изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы (до повѣйшаго періода) *Влад. Стоюнина*. С.-Пб. 1869.—Рец. *К.* 1870. Ч. 150, августъ, отд. III, стр. 220—222.
904. Руководство для теоретическаго изученія литературы, по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ *Влад. Стоюнина* С.-Пб. 1869.—Рец. *К.* 1870. Ч. 150, августъ, отд. III, стр. 218—220.
905. *Стразовъ*. Иллюстрированная русская хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ. С.-Пб. 1885.—Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. III, стр. 59—61.
906. Пособіе при преподаваніи русской словесности, сост. *Ев. Судовщиковымъ*. Кіевъ. 1863.—Рец. 1867. Ч. 134, май, отд. II. Стр. 682—690.
907. Иллюстрированная хрестоматія,

- составленная из сочиненій лучших писателей, для низших классовъ гимназій.... Въ 3-хъ частяхъ. Съ портретами русскихъ писателей. Составилъ *А. Тарновскій*. С.-Пб. 1884. —Рец. 1885, ч. 238, мартъ, отд. III, стр. 31—32.
908. Учебникъ русскаго слуховаго письма (стенографія безъ значковъ), самостоятельно разработанаго *М. А. Терне*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1879.—Рец. 1884, ч. 232, апрѣль, отд. III, стр. 146—149.
909. Пособіе при изученіи исторіи русскої слов. *Конст. Тимофеева*. С.-Пб. 1869.—Рец. 1869, ч. 146, ноябрь, отд. III. Стр. 66—72.
910. Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности, соч. *П. Тимошенко*. Сиб. 1870.—Рец. К. 1871. Ч. 154, мартъ, отд. III. Стр. 51—53.
911. Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности, соч. *П. Тимошенко*. С.-Пб. 1870.—Рец. 1872. Ч. 160, апрѣль, отд. III. Стр. 273—285.
912. Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома. (Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ). Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ *Е. Н. Тихомировой*. М. 1888.—Рец. 1889, ч. 261, февраль, отд. III, стр. 49—53.
913. Слово о полку Игоревѣ, изд. *Н. Тихомировымъ*.—См. ст. Н. П. Некрасова: Замѣтка объ изданіи Слова о полку Игоревѣ.
914. Слово о полку Игоревѣ, изд. *Н. Тихомирова*. М. 1866.—Рец. В. В. Мазушева. 1867, ч. 133, февраль, отд. II, стр. 455—472. Поправка (опечатка). 1867, ч. 133, мартъ, отд. II, стр. 442.
915. Слово о полку Игоревѣ, издано для учащихся *Н. Тихомировымъ*. М. 1866.—Рец. *Э. И. Вуслаева*. 1867. Ч. 133, февр. Отд. II, стр. 441—455.
916. *Юлія Травеская*. Систематическій курсъ русской грамматики. Словообразование и синтаксисъ. Для среднихъ учебн. заведеній. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, ч. 240, июль, отд. III, стр. 22—25.
917. Дѣтскій міръ и хрестоматія *Ушинскаго*. Изд. 6-е; 2 части.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи). 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 314—320.
918. *А. Филоновъ*. Учебникъ по словесности. С.-Пб. 1878.—Отзывъ въ статьѣ Шаврова: Неустойчивость критики въ руководствахъ по теоріи словесности.
919. Учебникъ по словесности. I. Стихотворенія. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. *Андрея Филонова*. Изд. 5. С.-Пб. 1887.—Рец. 1887, ч. 251, июнь, отд. III, стр. 64—65.
920. Русская хрестоматія *А. Филонова*, съ примѣчаніями (для высшихъ классовъ). Три тома. Изд. 2-е.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи) 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 306—314.
921. Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Андрей Филоновъ*. Т. IV. Проза. С.-Пб. 1867.—Рец. (въ статьѣ: Русскія хрестоматіи). 1867, ч. 136, декабрь, отд. II, стр. 1045—1050.
922. Русская хрестоматія съ примѣчаніями, сост. *Андрей Филоновъ*. Т. II и III. Изд. 2. С.-Пб. 1865.—Рец. 1868. Ч. 137, февраль, отд. II, стр. 634—636.
923. Опытъ разбора трагедіи Пушкина: „Моцартъ и Сальери“. *К. Хомякова*. Псковъ. 1888.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр. 24—26.
924. Опытъ разбора повѣсти Гоголя:

- „Тарасъ Бульба“ *Л. Хоцянова*. С.-Пб. 1883.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр. 22—24.
925. Баллады Шиллера. Опыт объясненія. Первая группа балладъ. *Д. В. Цветкова*. Воронежъ. 1882.—Рец. *Н. Нежрасова*. 1882, ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 158—160.
926. *Цветковъ*. Сборникъ произведений русской народной словесности (для среднихъ учебныхъ заведеній вообще), съ примѣчаніями и словаремъ. С.-Пб. — Рец. 1885, ч. 238, мартъ, отд. III, стр. 27—31.
927. *Н. Цветковъ*. Практическій курсъ русскаго правописанія. Ч. I. Пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для городскихъ училищъ, для домашней подготовки и для самообученія. Тула. 1890.—Рец. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. III, стр. 39—47.
928. Справочная книжка по русскому правописанію. Орфографическій словарь и важнѣйшія этимологич. правила правописанія словъ. Составилъ, преимущественно по „Филологическимъ разысканіямъ“ и „Русскому правописанію“ *Я. К. Грота*, *К. Чернышевъ*. Тверь. 1885.—Рец. 1886, ч. 247, сентябрь, отд. III, стр. 16—17.
929. Опытъ учебника элемент. грамматики русскаго языка; сост. *А. Чудиновъ*, изд. 2. Ч. I. Кіевъ. 1867.—Рец. 1868, ч. 137, февраль, отд. II, стр. 636—637.
930. Опытъ учебника элементарной грамматики русскаго языка; сост. *А. Чудиновъ*. Ч. II. Синтаксисъ. Кіевъ. 1868.—Рец. 1869, ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 59—60.
931. Руководство къ первонач. изученію русскаго языка, составилъ *Чулковъ*. Изд. 3-е. С.-Пб. 1866.—Рец. 1867, ч. 133, январь, отд. II, стр. 252—255.
932. Русскія народныя пословицы и пѣсни. Къ курсу русскаго языка и словесности IV класса. Состав. *С. Шафрановъ*. Полтава. 1884.—Рец. 1884, ч. 235, октябрь, отд. III, стр. 15—18.
933. Подробный конспектъ исторіи русской словесности. Составилъ *И. К. Шахновскій*. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, октябрь, отд. III, стр. 18—22.
934. Краткій повторительный курсъ исторіи словесности. Составилъ *И. Шахновскій*. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, октябрь, отд. III, стр. 46—48 и 17—18 (нумерація перепутана).
935. Систематическій диктантъ для первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Н. Писченко*. Харьковъ. 1885.—Рец. 1885, ч. 241, октябрь, отд. III, стр. 1—3.
936. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Составилъ и издалъ *Николай Щербина*. 2-е, исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1866.—Рец. (въ статьѣ: Русскія христоматіи). 1864, ч. 136, декабрь, отд. II, стр. 1035—1038.
937. *Людвигъ Экартъ*, Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго разбора теоріи поэзи. Переводъ и приложенія *Н. Максимова* и *В. Острогорскаго*.—1875, ч. 181. Окт. Отд. II, стр. 243—244.
938. Учебный курсъ теоріи словесности. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. А. Яковлевъ*. С.-Пб. 1887.—Рец. 887, ч. 254, ноябрь, отд. III, стр. 33—37.
939. Русская христоматія, сост. *В. Я. Яковлевичъ*. С.-Пб. 1869.—Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. III, стр. 87.

д) Церковно-славянскій языкъ.

Б. Рецензи.

940. Краткая грамматика древне-церковно-славянскаго языка. Составилъ *Н. Далкритскій*. М. 1886.—Рец. 1887, ч. 252, августъ, отд. III, стр. 70—75.
941. Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго, *Е. Булле-скаю*. М. 1873.—Рец. *Я. К. Грота*. 1876. Ч. 183, январь, отд. II. Стр. 194—204.
942. Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *О. Булаевъ*. 7-е изданіе, исправленное и дополненное. М. 1889.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. III, стр. 12—14.
943. Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями, сост. *В. Водозомъ*. С.-Пб. 1868.—Рец. 1870. Ч. 152. Док. Отд. III. Стр. 208—209.
944. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. О. Карскій*. Вильно. 1888.—Рец. 1889. Ч. 263, май, отд. III, стр. 14—19.
945. Грамматика славяно-церковнаго яз. новаго періода. Сост. *В. Класовскій*. 2 изд. С.-Пб. 1867.—Рец. 1867. Ч. 135. Июль. Отд. II. Стр. 228—229.
946. Старо-славян. грамматика, учеб. для гимн. Сост. *М. Колосовъ*. Одесса. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144. Авг. Отд. III. Стр. 56—57.
947. Старо-славянская грамматика. Учебн. для гимназій. Сост. *М. Колосовъ*. Изд. 2. Одесса. 1869.—Рец. *А. Смирнова*. 1870. Ч. 148. Мартъ. Отд. III. Стр. 72—80.
948. Старо-славянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Сост. *М. Колосовъ*. Изд. 4. Варшава. 1875.—Рец. *А. Смирнова*. 1877. Ч. 189. Янв. Отд. II. Стр. 140—148.
949. Практическій учебникъ русской грамматики, сближенный съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Сост. *А. Кочкинъ*. Вятка. 1875.—Рец. 1877. Ч. 192. Июль. Отд. III. Стр. 4—6.
950. Полная практическая славянская грамматика, составленная *Кримолюмъ*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. III, стр. 51—53.
951. Учебникъ русской грамматики, состав. сравнительно со славянскою. *А. Ладинскій*. С.-Пб. 1870.—Рец. 1871. Ч. 156. Авг. Отд. III. Стр. 156—159.
952. Очерки грамматики старословенскаго языка съ приложеніемъ: 1) текстовъ изъ Остромирова Евангелія, Савинской книги, Зографскаго Евангелія, Маріинскаго Четвероевангелія, Супрасльской рукописи, Изборника Святослава 1073 г. и Минеи 1095—1097 гг. 2) руководящихъ статей о языкѣ и правописаніи названныхъ памятниковъ и 3) словаря малозвѣстныхъ словъ и наиболѣе затруднительныхъ формъ, встрѣчающихся въ текстѣ. Составилъ *Н. А. Муратовъ* для среднихъ

- учебныхъ заведеній. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. III, стр. 49—51.
953. Учебникъ русской и церковно-славян. этимологій для средн. учебн. заведеній, сост. *Л. Поливановъ*. М. 1864. Рец. Н. П. Некрасова.—1868. Ч. 137. Апр. Отд. II. Стр. 253—280.
954. Учебникъ русской и церковно-славянской этимологій для среднихъ учебн. заведеній, *Л. Поливанова*.—См. статья И. Гаврилова: Первые уроки древняго церковно-славянскаго яз. (Ж 435).
955. Русская и церковно-славянская
- этимологія. Сост. *Л. Поливановъ*. Изд. 5-е. М. 1877.—Рец. 1878. Ч. 198. Авг. Отд. III. Стр. 35—36.
956. Руководство къ изученію древняго церковно-славянскаго, языка (для IV кл. гимназій) Сост. *А. Преображенскій*. М. 1887.—Рец. 1887, ч. 254, декабрь, отд. III, стр. 80—86.
957. Учебная книга церковно-славянскаго и древне-русскаго языка въ грамматич. формахъ и разговорахъ съ толкованіями, поясненіями и образцами. С.-Пб. 1884.—Рец. 1884, ч. 236, декабрь, отд. III, стр. 85—91.

е) Польскій языкъ.

Б. Рецензіи.

958. Польская хрестоматія. Посobie для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Федоръ Вержбовскій*. Варшава. 2-е изд.—Рец. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 176—177. (Кн. новости).

ж) Логика и психологія.

Б. Рецензіи.

959. Логика. (Для гимназій). Составилъ *Е. Воскресенскій*. М. 1888.—Рец. 1890, ч. 267, январь, отд. III, стр. 20—21.
960. Посobie къ изученію психологій. Свящ. *А. Гиларевскаю*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М. 1888.—Рец. 1889, ч. 263, июнь, отд. III, стр. 65—68.
961. Очеркъ психологій. Для изучающихъ педагогику. *В. Потова*. М. 1886.—Рец. 1887, ч. 251, май, отд. III, стр. 45—48.
962. Элементарный учебникъ логики. Примѣнительно къ требованіямъ гимназич. курса, составилъ *Л. Рутковскій*. С.-Пб. 1884.—Рец. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. III, стр. 55—60.
963. Опытъ теорій мысли въ связи съ теоріей языка. Учебникъ начальной логики. Съ 9-ю чертежами. Составилъ *И. Соломоновскій*. Варшава 1886.—Рец. 1887, ч. 251, май, отд. III, стр. 41—45.
964. *И. Соломоновскій*. Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологій и логики съ педагогическими выводами, составленный примѣнительно къ миструкціямъ для учительской семинаріи. Варшава. 1880.—Рец. 1882, ч. 220, апрѣль, отд. III, стр. 96—98.
965. Учебникъ логики, съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. *М. Троицкаю*. Книга первая. (Объ очевид-

ности. Введеніе. Логика дедукціи).
Изд. 2-е. М. 1886.—Книга II. (Логика

началъ). М. 1886.—Рец. 1887, ч. 253,
сентябрь, отд. III, стр. 26—30.

я) Педагогика.

Б. Рецензиі.

966. Учебникъ педагогики. Основанія психологій и логики въ связи съ педагогическими прииѣненіями. Для средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Т. Докучаевъ. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 257, июнь, отд. III, стр. 36—40.
967. Основанія педагогики А. Мальцева. С.-Пб. 1885.—Рец. 1885, ч. 239, июнь, отд. III, стр. 108—112.

968. Курсъ педагогики. Руководство для женскихъ институтовъ, гимназій, для высшихъ курсовъ и для всѣхъ занимающихся воспитаніемъ дѣтей. Проф. М. Оленичкаю. Вып. I. Теорія воспитанія. Кіевъ. 1885.—Рец. 1886, ч. 244, мартъ, отд. III, стр. 27—32.

и) Классическіе языки.

а) Грамматики. Словари. Христоматіи. Пособія по изученію древностей.

А. Статьи.

969. В. В. Латинская орфографія. (По поводу сочин.: 1) Vorschläge zu einer einheitlichen lateinischen Orthographie auf den Gymnasien. Von Hölbe, Dresden. 1872. 2) Brambach. Hilfsbüchlein für lateinisch Rechtschreibung. Lpz. 1872).—1874. Ч. 171, янв., отд. V, стр. 15—30.
970. Ю. П. Кулаковскій. Учебныя пособія по классической филологіи. (Отзывъ о: 1) Handbuch der classischen Alterthums - Wissenschaft. Herausgegeben von Iw. Müller. 2) Dictionnaire étymologique latin. Par M. Bréal et A. Bailly. P. 1885. 3) Hilfsbüchlein für lateinische Rechtschreibung. Von W. Brambach. 3-е Aufl. Lpz. 1884. 4) Hilfsbüchlein für die Aussprache der lateinischen Vocale in positionslangen Silben. Von A. Marx. Berlin. 1883. 5) Studien zur lateinischen Synonymik. Ein Beitrag zur Methodik des Gymnasialunterrichts.

Von Tegge. Berlin. 1886). — 1886, ч. 247, сентябрь, отд. III, стр. 1—12.
971. Н. И. Куликовъ. Заиѣтки объ учебникахъ лат. грамматики. (1. Латинская грамматика Аманьева. М. 1865. 2. Латин. грамм. д-ра Мадвица, сокращен. для гимназій Тишеровъ, пер. съ нѣмец. В. Басовымъ. Изд. 2. М. — 1867). — 1868. Ч. 137, янв., отд. II, стр. 268—281.
972. Н. Е. Заиѣтки объ учебникахъ по грамматикѣ латинскаго и греческаго языковъ. (Разборъ пособій: 1) Элементарная грамматика д-ра Р. Комера, дополн. Изв. Коссовичемъ. 2-е изд. С.-Пб. 1866. 2) Элементарная грамматика греч. яз. Пер. Коссовича. 3-е изд. С.-Пб. 1866. 3) Начальныя основанія этимологій греч. яз. Составл. В. Басовымъ. М. 1866). — 1867. Ч. 103, мартъ, отд. II, стр. 733—751.
973. Е. Любегиль. О руководствѣ

- „Жизнеописанія Корнелія Непота по Фелькеру“. (Замѣтки о планѣ и употребленіи руководства: Различныя жизнеописанія Корнелія Непота, видоизмѣненныя, исправлен. и дополн. по лучшимъ источникамъ, по *Фелксеру*, съ словаремъ, сост. *К. Любимъ*. С.-Пб. 1874). — 1874. Ч. 174, сентябрь, отд. III, стр. 1—16.
974. **А. А. Радонежскій**. Приготовительный курсъ латин. яз. (Отзывъ объ изданіяхъ: 1) Латинск. грамматика *Лв. Аманъева*. М. 1864. 2) Латинская грамм. д-ра *Мадона*, сокр. Тишеромъ. Изд. В. Басовъ. М. 1865. 3) Латин. грамматика д-ра *Р. Кюнера*, дополн. *Им. Коссовичемъ*, изд. 2. С.-Пб. 1866. 4) Руководство къ изученію латинск. яз. для 3-хъ низш. классовъ. Составилъ *Як. Смирновъ*. М. 1866. 5) Латинская грамматика по *Р. Кюнеру* Составилъ и дополн. *Я. Кремеръ*. Перевелъ *О. Кейзеръ*. М. 1867). — 1867. Ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 679—699.
975. **А. Солищевъ**. Наши греческіе учебники.—1876. Ч. 186, авг., отд. V, стр. 70—106.
976. **Г. Туряинскій**. О греческихъ учебникахъ для русскаго юношества. (Учебники *Курциуса*, *Кюнера*, *Шенкеля*). — 1870. Ч. 148, мартъ, отд. III, стр. 30—43.

Б. Рецензії.

977. Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. **И. Цицеронъ**. Составилъ *Адриановъ*. Кіевъ.—Рец. 1889, ч. 261, июль, отд. II, стр. 203. (Кн. новости).
978. Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. **И. Цицеронъ**. Составилъ *Адриановъ*. Кіевъ. 1889.—Рец. 1890, ч. 267, январь, отд. III, стр. 18—20.
979. *Alex. Ad. F. Griechische Schulgrammatik*. Berlin. 1868.—Рец. 1869. Ч. 144, августъ, отд. II, стр. 401—404.
980. Латинская грамматика *Аманъева*. М. 1865.—См. ст. **Н. И. Куликова**: Замѣтки объ учебникахъ латинской грамматики.
981. Латинская грамм., *Лв. Аманъева*. М. 1864. См. ст. **А. Радонежскаго**: Приготовительный курсъ латин. яз.
982. Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *Владиміръ Аппельротъ*. М. 1891.—Рец. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. III, стр. 6—7.
983. Для моихъ учениковъ. Употребленіе временъ и наклоненій въ греческомъ языкѣ. (Важнѣйшія правила греческаго синтаксиса). Составилъ *Владиміръ Аппельротъ*. М. 1890.—Рец. 1890, ч. 269, июнь, отд. III, стр. 47—48.
984. Начальныя основанія этимологій греческаго языка, состав. *В. Басовъ*. Москва. 1866.—См. ст.: **Н. К.**: Замѣтки объ учебникахъ по грамматикѣ латинскаго и греческаго языковъ.
985. **Э. Бахофъ**. Сборникъ статей для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Счастливцева*. С.-Пб. 1888.—Рец. 1888, ч. 280, декабрь, отд. III, стр. 66—68.
986. Очеркъ исторіи римской литературы для гимназій. *Германи Вендерл.* Переводъ *В. Юшкова*. Тифлисъ. 1883.—Рец. 1885, ч. 237, февраль, отд. III, стр. 53—55.
987. **С. Блажеевскій**. Книга упражненій въ латин. грамматикѣ, съ этимоло-

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1894 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (25-го октября 1893 года). О назначеніи предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ въ женскихъ городскихъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа	3
2. (1-го ноября 1893 года). О производствѣ третнаго, по въ зачетъ, жалованья лицамъ, опредѣляемыхъ на учительскія должности въ учебныя заведенія содержимыя на счетъ земствъ, городовъ, обществъ и частныхъ лицъ	4
3. (25-го октября 1893 года). О производствѣ испытаній на ученныя медицинскія степени въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ	15
5. (12-го ноября 1893 года). Объ учрежденіи Новгородскаго общества любителей древности	17
6. (15-го ноября 1893 года). Объ открытіи при Выборгскомъ реальномъ училищѣ VII дополнительнаго класса	—
7. (22-го ноября 1893 года). О предоставленіи служащимъ въ Новочеркасскомъ Атаманскомъ техническомъ училищѣ правъ учебной службы и воспитанникамъ сего училища льготъ по отбыванію воинской повинности	—
8. (29-го ноября 1893 года). Объ учрежденіи должности лаборанта при Севастопольской биологической станціи	18

9. (29-го ноября 1893 года). О служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ директоровъ и письмоводителей дирекцій народныхъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ. 19
10. (8-го ноября 1893 года). О предоставленіи купцу Горбашеву званія почетнаго смотрителя Гороблагодатскаго окружнаго училища 20
11. (8-го декабря 1893 года). Объ учрежденіи при Астраханской мужской гимназій стипендіи въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года —

Высочайшія награды по министерству народнаго просвѣщенія. 21

Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія.

- 27-го ноября 1893 года. 5
- 27-го декабря 1893 года 45

Министерскія распоряженія.

1. (6-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи при Ревельской женской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года 6
2. (11-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи имени профессора Тимофея Николаевича Грановскаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго покойнымъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайнымъ совѣтникомъ Януаріемъ Михайловичемъ Невѣровымъ 46
3. (13-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи при Каргопольскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ въ память посѣщенія 21-го—22-го іюня 1892 года города Каргополя и названнаго училища Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ 47
4. (14-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. И. Козлова для студентовъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра 48
5. (14-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. И. Козлова для студентовъ медицинскаго факультета Юрьевскаго университета --
6. (17-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи при Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ, имени коллежскаго совѣтника Сергѣя Ефимовича Павлова 49
7. (25-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Алексѣя Васильевича Трофимова при Гатчинскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ 50

8. (29-го декабря 1893 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. А. Вышнеградскаго въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ	51
9. (16-го января 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго надворнаго совѣтника Викентія Петровича Савицкаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	52
10. (18-го января 1894 года). Положеніе о конкурсной медали имени коллежскаго совѣтника Степана Ивановича Креславскаго для фармацевтовъ, которые для полученія степени провизора состояли или состоятъ слушателями Императорскаго Юрьевскаго университета.	53

ПРИКАВЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го декабря 1893 года	55
-----------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	7 и 63
---	--------

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	11
--	----

Открытіе училищъ	12 и 65
----------------------------	---------

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.	66
---	----

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири.	1 и 243
А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности	287
Ө. И. Леоптовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	46 и 319
Д. В. Рутковскій. Общій характеръ англійской философіи	108
В. Андреевъ. Русскія полныя придаточныя предложенія.	129
Ив. П. Ждановъ. Василій Буславевичъ и Волкъ Всеславевичъ (продолженіе)	369

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Цвѣтаевъ. <i>В. Аппальротъ</i> . Великіе греческіе ваятели IV-го вѣка до Р. Хр. I. Пракситель. Москва. 1893.	150
Всев. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпуски XV, XVI и XVII. Тифлисъ. 1894.	185
Н. В. Волковъ. Къ исторіи русскаго языка.	208
Н. В. Ястребовъ. Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. С.-Петербургъ. 1898.	228

А. И. Соболевскій. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса. 1893	233
И. Безгнѣвъ. По поводу рецензіи о Наказѣ императрицы Екатерины II.	238
А. Н. Веселовскій. Слѣды народной Библии въ славянской и древне-русской письменности. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893.	413
С. Ф. Ольденбургъ. Смерть въ представленіи современныхъ бретонцевъ.	427
А. Л. Липовскій. К. <i>Jiráček</i> . Poselství republiky dubrovnické k svažovnímъ Kateřině II v l. 1774—1775. V Praze. 1893.	442
Книжныя новости	240 и 445

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ)	1 и 9
--	-------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. П. Филевичъ. Девятый археологическій съѣздъ въ г. Вильнѣ.	1
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (<i>окончаніе</i>)	39 и 110
Л. Н. Майковъ. Николай Сиввичъ Тихонравовъ (<i>некрологъ</i>)	79
Наши учебныя заведенія: Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 годъ	93

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Г. С. Дестунясъ. Замѣтки по исправленію текстовъ въ обѣихъ лѣтописяхъ Франдвіа	1
М. И. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ.	45 и 65
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (<i>продолженіе</i>)	12 и 102

Въ приложеніи.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	1
--	---

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЯ
Главной Физической Обсерваторіи
въ 1894 г.

I.

ЕЖЕДНЕВНЫЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.

Бюллетень заключаетъ въ себѣ данныя о погодѣ за 7 ч. утра даннаго дня, за 9 ч. вечера и за 1 ч. дня наканунѣ, и 2 синоптическія карты за 7 ч. утра и за 9 ч. вечера, составленныя почти для всей Европы, на основаніи 170 депешъ, получаемыхъ изъ Россіи и изъ-за границы, и обзоръ погоды для Россіи за 7 ч. утра даннаго дня; наконецъ, когда возможно, дается предсказаніе о вѣроятной погодѣ на слѣдующій день и сообщаются свѣдѣнія о посланныхъ Обсерваторіею штормовыхъ предостереженіяхъ на Балтійское, Черное, Азовское и Бѣлое моря и на Ладожское и Онежское озера.

Цѣна Бюллетеня съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ и высылкою по почтѣ въ годъ **двѣнадцать рублей (12 руб.)**, съ пересылкою же за границу **восемнадцать рублей 50 коп. (18 р. 50 к.)**.

С.-Петербургскимъ подписчикамъ Бюллетень доставляется по городской почтѣ вечеромъ въ самый день выхода.

II.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ,

Бюллетень издается за каждый мѣсяць по новому стилю и разсылается въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ цифровыхъ таблицъ, текста

и карты. Въ таблицахъ приведены для 312 станцій мѣсячныя среднія величины атмосферныхъ осадковъ и данныя о снѣжномъ покровѣ и о грозахъ, а для 73 наблюдательныхъ пунктовъ среднія мѣсячныя величины всѣхъ прочихъ метеорологическихъ элементовъ. Въ текстѣ содержится обзоръ погоды за истекшій мѣсяць. На картѣ изображены: линіями расиредѣленіе атмосфернаго давленія и температуры и красками, въ нѣсколько тоновъ, количество выпавшихъ осадковъ.

Подписная цѣна **3 рубля въ годъ** съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ.

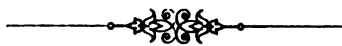
Желающіе могутъ обращаться по телеграфу въ Главную Физическую Обсерваторію (по адресу „Петербургъ, Обсерваторія“) съ запросомъ объ ожидаемой погодѣ на слѣдующій день, съ впередъ оплаченныхъ отвѣтомъ въ 20 словъ. Не допускаются запросы о погодѣ письменные или по телефону. За послѣдствія предсказаній Обсерваторіи не отвѣчаетъ.

Лица, которыя желали бы сами предугадывать погоду на основаніи мѣстныхъ наблюденій и пользуясь общимъ обзоромъ погоды, могутъ получать такіе обзоры по телеграфу, въ отвѣтъ на собственный запросъ съ уплаченнымъ отвѣтомъ въ 30 словъ.

Въ случаѣ желанія, Обсерваторія можетъ высылать предсказанія о рѣзкихъ перемѣнахъ погоды прямо отъ себя, безъ предварительныхъ запросовъ по телеграфу. Для этого слѣдуетъ внести авансомъ извѣстную сумму, напр. 30—50 руб. сер., на уплату за телеграммы съ предсказаніями погоды. За такую телеграмму, будетъ взиматься 50 коп. сер. въ пользу казны, сверхъ платы телеграфной конторѣ.

Главная Физическая Обсерваторія считаетъ своею обязанностью, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, заявить, что современное состояніе науки и средства, которыми метеорологія располагаетъ, не при всякомъ состояніи погоды позволяютъ предсказывать съ нѣкоторою степенью достовѣрности ожидаемую погоду на слѣдующій день; поэтому, въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ, Обсерваторія предпочитаетъ открыто заявить о своей несостоятельности, взаи́мнѣ слишкомъ надежныхъ предсказаній, которыя могли бы подорвать въ публикѣ довѣріе къ наукѣ, какъ то, къ сожалѣнію, неоднократно случалось въ другихъ странахъ.

Деньги адресуются въ Комитетъ Правленія Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ. Васил. Остр., у Дворцоваго моста.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ специальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И ПАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г. Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬ ИЩЕКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое, дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Вовъ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ВЫШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА
ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ ШКОЛА“

Содержаніе слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Педагогъ-идеалистъ сороковыхъ годовъ. (Изъ воспоминаній о Я. М. Невѣровѣ). Д. Д. Семенова; 3) Изъ прошлаго Второй Петербургской Гимназіи. Н. Маса; 4) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. (Окончаніе). П. Ф. Кантерева; 5) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 6) Богатѣйшія бібліотеки на земномъ шарѣ. (Продолженіе). А. Я. Острогорскаго; 7) Высшее сельскохозяйственное образованіе. (Окончаніе). В. В. Бирюковича; 8) Какъ достигнуть и образовательнаго минимума населенія. М. Л. Песковскаго; 9) Воскресныя школы и повторительные классы. В. П. Вахтерева; 10) Санитарный надзоръ въ петербургскихъ городскихъ школахъ. Г. Г. Герценштейна; 11) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики? Лекція вторая. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 12) Предметные уроки въ начальной школѣ. (Продолженіе). П. Р.; 13) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. (Окончаніе). Ч. В.; 14) Критика и бібліографія. а) De l'enseignement des langues vivantes. Conférences faites aux étudiants en lettres de la Sorbonne, par Michel Bréal. Paris. 1893. 2 fr. Ал. Остр—скаго; б) Труды педагогическаго отдѣла Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Выпускъ I. Харьковъ. 1893 г. А. А. Дмитревскаго; в) Памяти отца современной педагогин Яна Амоса Коменскаго. Изданіе Педагогическаго музея военно учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ 1893 г. Ц. 30 коп. (съ портретомъ Коменскаго). П. М.; д) К. Э. Шельцель. Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Одесса 1893 г. А. И.; е) Ислентьевъ. Русскій букварь и церковно-славянская азбука для народныхъ училищъ. 2-е изд. Казань. 1893 г. Ц. 15 коп. Опъ же. Курсъ русскаго правописанія для народныхъ училищъ и школъ. Изд. 3-е. Казань. 1893 г. Ц. 50 коп.; ф) Два разсказа, удостоенные преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества. О. М.; г) Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. № 10. Гансъ Эгgede. Нв. Феохтистова. 1893 г. Ц. 10 коп. h) Самойловичъ. Девять разсказовъ для дѣтскаго чтенія съ 10 рисунками барона

... га. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р. i) Женева Разсказъ для юношества. Х. Шмидтъ. Изданіе Битенажа. Ц. 1 р. 50 коп. Педагогическая хроника: 1) Расходы государства на нужды просвѣщенія на 1894 г. въ Россіи. Н. М.; 2) Хроника народнаго образованія Я. В. Абрамовъ; 3) Въ Московскомъ комитетѣ грамотности. Засѣданіе 22-го декабря 1893 г. Н. Т—ва; 4) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности. Экстренное общее собраніе 23-го ноября и очередное засѣданіе 14-го декабря 1893 года. В. Д.; 5) Двадцатипятилѣтіе дѣятельности Постоянной Коммисіи по техническому образованію; 6) Двадцатипятилѣтіе журнала „Дѣтское Чтеніе“ Н. М—его; 7) Пятидесятилѣтіе педагогической дѣятельности Павла Саоновича Юрьева. Н. Ф. Арельска; 8) Екатерина Алексѣевна Сысоева (некрологъ). Н. М—аго. Разныя извѣстія и сообщенія: 1) Женскіе врачебныя курсы; 2) Ходатайство V съѣзда врачей о необходимости распространенія свѣдѣній по гигиенѣ; 3) О респетиторахъ; 4) Педагогическое бюро; Школа для учениковъ—ремесленниковъ; 5) Юбилейное засѣданіе Московскаго математическаго общества; 6) Что читаютъ крестьяне; 7) Годовой актъ университета Св. Владиміра; 8) Изъ отчета Московскаго университета; 9) Рижское политехническое училище.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ выходитъ **ЕЖЕМЕСЯЧНО** книжками, не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**ШЕСТЬ** рублей въ годъ; съ доставкою **ШЕСТЬ** рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою **СЕМЬ** рублей; съ пересылкою за границу **ДЕВЯТЬ** рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также въ книжномъ складѣ Калмыковой.

Всѣ экземпляры за 1890 годъ израсходованы.

За 1891, 1892 и 1893 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкою въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

2008
2

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1995**

